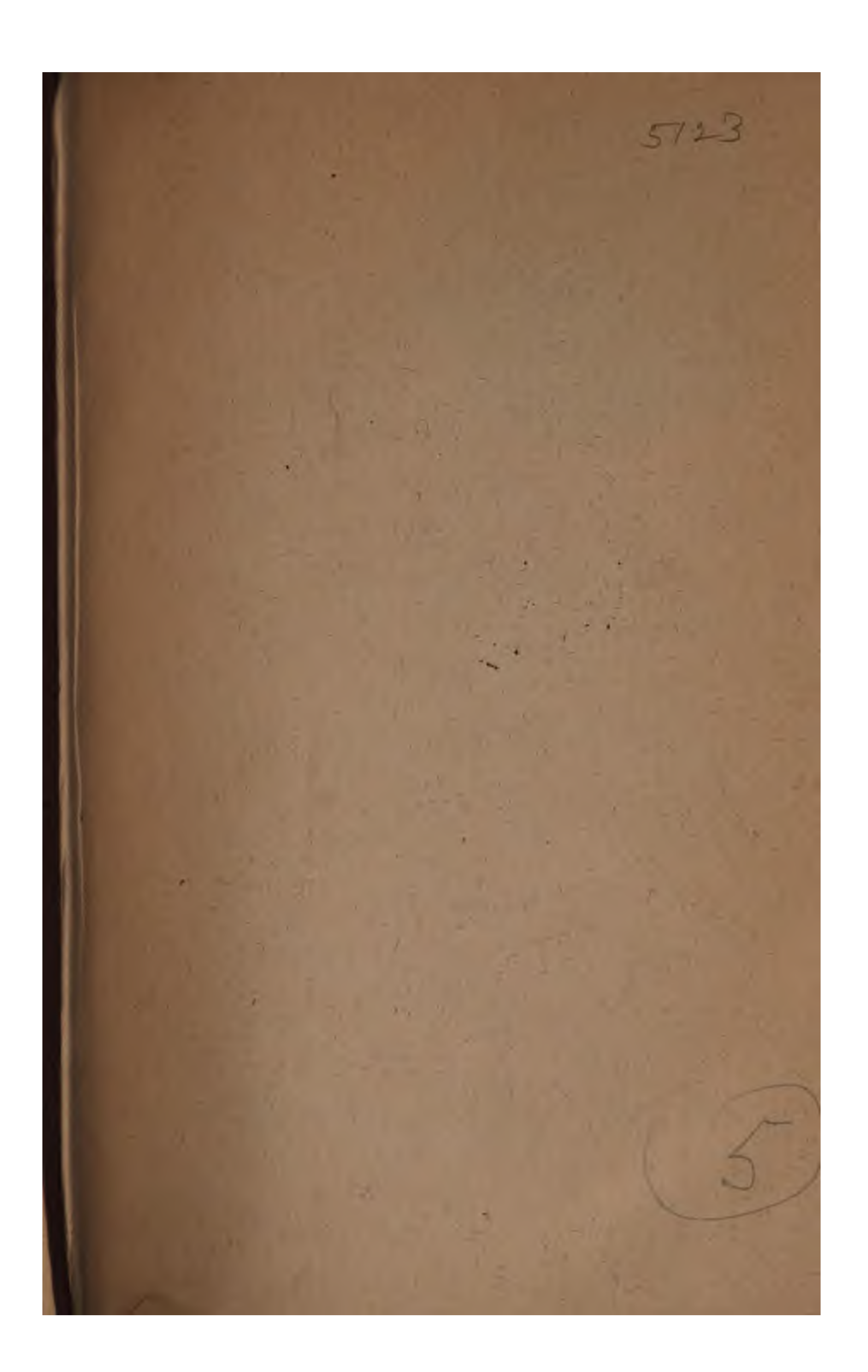

5723
5

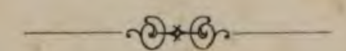
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.



МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1892.

РАННІЙ ИТАЛЬЯНСКІЙ ГУМАНИЗМЪ

И ЕГО

ИСТОРІОГРАФІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

МИХАИЛА КОРЕЛИНА.

ВЫПУСКЪ I.

По постановленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать разрѣшается.

Москва, 20 апрѣля 1892 года.

Деканъ Историко-Филологическаго факультета *М. Троицкій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изслѣдованіи итальянскаго гуманизма въ ранній періодъ его исторіи я поставилъ себѣ слѣдующія задачи: 1) выяснить отношеніе къ нему и воззрѣнія на его сущность и характеръ, господствующія во всѣхъ главныхъ отрасляхъ исторической науки, и дать критическій обзоръ какъ спеціальной литературы о гуманизмѣ вообще, такъ и монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ ранняго Возрожденія; 2) дать критическій анализъ тѣхъ произведеній раннихъ гуманистовъ, которыя имѣютъ значеніе для исторіи движенія, опредѣлить ихъ характеръ и выяснить ихъ цѣну и значеніе для исторіи Возрожденія; 3) изслѣдовать сравнительную силу и направленіе гуманистическаго движенія въ различныхъ центрахъ Италіи, и 4) опираясь исключительно на документальные источники, опредѣлить сущность гуманистическаго движенія, указать его результаты, насколько они обнаружились въ началѣ XV столѣтія, и отмѣтить его причины, поскольку онѣ проявляются въ гуманистической литературѣ и во внѣшней исторіи движенія.

Разсматривая отношеніе къ гуманизму исторической литературы общаго содержанія, я не стремился къ библіографической полнотѣ, которая казалась излишней для моей цѣли. Важно было опредѣлить главныя и господствующія воззрѣнія на Возрожденіе, и во Введеніи не пропущенъ ни одинъ крупный представитель какой-либо отрасли исторической науки. Иное дѣло обзоръ общей и монографической литературы, спеціально посвященной Возрожденію и его дѣятелямъ. Здѣсь исчерпывающая вопросъ полнота составляла одну изъ задачъ работы, такъ какъ отъ нея зависитъ основательность общей оцѣнки исторіографіи Возрожденія.

Поэтому я считалъ необходимымъ отмѣчать даже мелкія и незначительныя статьи и брошюры, которыми мнѣ не удалось воспользоваться, чтобы читатель могъ лучше видѣть основанія выводовъ, а занимающійся Возрожденіемъ могъ найти въ книгѣ возможно полный сводъ литературы, что казалось мнѣ не лишеннымъ значенія, такъ какъ подобнаго свода для исторіи гуманизма еще не сдѣлано. Исторіографія Возрожденія, поскольку она касается отдѣльныхъ его дѣятелей, разсмотрѣна послѣ обзора ихъ произведеній, а исторія ея общаго развитія въ послѣдней главѣ. Такая система изложенія обусловливалась желаніемъ автора лучше освѣтить значеніе каждаго гуманиста и дать читателю весь матеріалъ для самостоятельнаго отношенія къ отдѣльнымъ дѣятелямъ Возрожденія и къ его историкамъ. Нѣкоторая разбросанность изложенія, неизбѣжная при такомъ планѣ, устраняется до извѣстной степени указателемъ.

Вторая задача изслѣдованія обусловливалась, главнымъ образомъ, крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ источниковъ для исторіи гуманистическаго движенія. Латинскія произведенія Петрарки существуютъ только въ весьма неполныхъ изданіяхъ XVI вѣка; полнаго собранія латинскихъ сочиненій Боккаччіо совсѣмъ нѣтъ, и его отдѣльные трактаты изданы были въ послѣдній разъ точно также еще въ XVI столѣтіи. Произведенія другихъ крупныхъ гуманистовъ, какъ Салютати, Дж. да Равенна, Бруни и пр. или составляютъ библіографическую рѣдкость, или совсѣмъ не изданы, а иногда не извѣстны даже по заглавію. Пребываніе за границей дало мнѣ возможность воспользоваться рукописными источниками, хранящимися въ миланской Ambrosiana, въ флорентійской Laurentiana, въ Ватиканской библіотекѣ, а также въ Парижской Національной библіотекѣ и отчасти въ Британскомъ Музеѣ. Научно-литературная дѣятельность Салютати и Бруни изслѣдована главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго матеріала, а разсмотрѣнныя сочиненія Дж. да Равенны до сихъ поръ были извѣстны только

по заглавію. До желательной полноты и здѣсь еще безконечно далеко: чтобы изучить всѣ неизданныя произведенія раннихъ гуманистовъ нужно многолѣтнее пребываніе въ Италіи, потому что они разсѣяны во многихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ.

Состояніе источниковъ обусловливало характеръ выполненія третьей задачи. Давши краткое описаніе политическаго состоянія каждаго крупнаго центра въ Италіи, чтобы отмѣтить внѣшнія условія, вліявшія на характеръ и развитіе мѣстнаго гуманизма, я не ограничивался его крупными представителями, а старался найти какіе-нибудь слѣды той гуманистически настроенной массы, которая шла за вождями движенія, поддерживала ихъ или только своимъ сочувствіемъ, или также активной литературной работой. Я искалъ такихъ мало-замѣтныхъ и позабытыхъ работниковъ гуманизма какъ въ крупныхъ центрахъ, такъ и въ мелкихъ городахъ Италіи, чтобы выяснить такимъ путемъ интенсивность и распространенность движенія, его ширину и глубину. При современномъ состояніи источниковъ единственный способъ найти слѣды этихъ мелкихъ гуманистовъ — письма ихъ крупныхъ единомышленниковъ и случайныя указанія въ каталогахъ рукописей и въ старыхъ словаряхъ мѣстныхъ писателей, составленныхъ иногда по рукописнымъ источникамъ. Если какое-нибудь лицо названо авторомъ сочиненія XIV вѣка, посвященнаго классической древности, и если оно встрѣчается въ гуманистической перепискѣ, то его съ большой вѣроятностью можно отнести къ числу рядовыхъ гуманистической арміи. Иногда тотъ же выводъ сдѣланъ на основаніи одного изъ этихъ двухъ признаковъ, если сочиненіе, судя по заглавію, касается спеціально гуманистическаго сюжета, или если несомнѣнный гуманистъ даетъ намекъ на интересы своего адресата. Желаніемъ дать картину географическаго распространенія движенія и отмѣтить мѣстныя условія его развитія, опредѣляется изложеніе его исторіи по городамъ. Проистекающее отсюда то неудоб-

ство, что о младшихъ гуманистахъ, какъ Бруни, приходится говорить раньше, чѣмъ о старшихъ, какъ Салютати, устраняется до извѣстной степени при выполненіи четвертой задачи, гдѣ внутренняя исторія гуманизма изложена въ порядкѣ ея органическаго развитія.

Состояніемъ источниковъ обусловливается и способъ выполненія четвертой задачи. До сихъ поръ или излагалась главнымъ образомъ внѣшняя исторія гуманизма, или давалась общая характеристика движенія за нѣсколько столѣтій. Я сдѣлалъ попытку намѣтить его постепенное развитіе опираясь на анализъ произведеній крупныхъ гуманистовъ. Всесторонняя и детальная исторія внутренняго развитія гуманизма невозможна или во всякомъ случаѣ преждевременна. Но документально установить главные ея моменты до половины XV столѣтія мнѣ казалось возможнымъ и при тѣхъ источникахъ, которые находились въ моемъ распоряженіи.

Въ заключеніе считаю нравственнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность Императорскому Московскому Университету, въ стѣнахъ котораго я получилъ необходимую подготовку, чтобы написать эту книгу, и который далъ мнѣ матеріальныя средства, чтобы ее напечатать.

ВВЕДЕНІЕ.

Заслуги представителей различныхъ отраслей историческаго знанія въ изученіи итальянскаго Возрожденія.

Культурное движеніе, извѣстное подъ именемъ Ренесанса, широко и глубоко захватило духовную, а отчасти и матеріальную жизнь личности и общества. Степень широты и глубины его вліянія до сихъ поръ еще остается невыясненною съ такою полнотою и точностью, какія требуются отъ исторической науки въ наше время. Даже самая сущность движенія понимается не всегда одинаково, а изученіе его постепеннаго развитія почти совсѣмъ еще не начиналось. Тѣмъ не менѣе давно, почти съ самаго начала Ренесанса, его дѣятели выдѣляли себя изъ числа представителей всѣхъ тогдашнихъ профессій, и ихъ стремленія, studia humanitatis, заняли опредѣленное мѣсто среди современныхъ общественныхъ движеній. Тогда же началась и исторіографія гуманизма. Но историческое изученіе движенія, взятаго въ его цѣломъ, шло медленно, отчасти вслѣдствіе общаго положенія исторической науки въ первой половинѣ новой исторіи, отчасти благодаря необыкновенной разносторонности и сложности, свойственной всѣмъ крупнымъ культурнымъ движеніямъ. Тѣмъ не менѣе всемірно-историческое значеніе Ренесанса было признано, и гуманистическое движеніе стало привлекать вниманіе изслѣдователей во всѣхъ отдѣлахъ историческаго знанія. Но не имѣя въ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ ни спеціальной литературы по исторіи всего движенія, ни отдѣльныхъ монографій по этой эпохѣ, изслѣдователи, если они не обходятъ совершеннымъ молчаніемъ Ренесанса, или сами обращаются къ источникамъ, или, что встрѣчается гораздо чаще, пытаются a priori угадать и выяснить историческій смыслъ и значеніе Возрожденія. Вслѣдствіе этого общія сочиненія по всѣмъ отраслямъ исторической науки, касаясь гуманистическаго движенія, представляютъ двоякій интересъ для его исторіографіи: или въ нихъ выражается пониманіе этой эпохи въ извѣстное время въ данной области историческаго знанія, или они сообщаютъ результаты самостоятельнаго изученія источниковъ. Въ первомъ случаѣ они выставляютъ руководящія точки зрѣнія для фактическаго изученія Ренесанса и объясняютъ его ходъ,

во-вто́ромъ — двигаютъ впередъ самое изученіе. Поэтому мы считаемъ необходимымъ предпослать анализу источниковъ и литературы Возрожденія обзоръ отношенія къ этой эпохѣ представителей различныхъ отраслей исторической литературы, начиная съ тѣхъ изъ нихъ, которые пытались дать философское построеніе историческому процессу.

I.

Философы исторіи. Отношеніе къ Ренесансу „просвѣтителей“ XVIII вѣка. Гегель и Шлегель. Контъ.

Французскіе „просвѣтители“ XVIII вѣка, мало знакомые съ фактической исторіей Возрожденія, чувствовали тѣмъ не менѣе свое внутреннее родство съ итальянскими гуманистами. Поэтому тѣ изъ нихъ, которые составляли философскіе обзоры всемірной исторіи въ тогдашнемъ духѣ, касались Ренесанса иногда для того только, чтобы выразить свое сочувствіе гуманистическому движенію. Такъ, *Тюрго*, коснувшись этой эпохи въ своемъ коротенькомъ *„Разсужденіи о послѣдовательныхъ успѣхахъ ума человѣческаго“*, приходитъ отъ нея въ совершенный восторгъ. „Времена наступили“, — восклицаетъ онъ. „Выходи, Европа, изъ ночного мрака, который тебя покрывалъ! Будьте навсегда священны безсмертныя имена Медичи, Льва X, Франциска I! Пусть благодѣтели искусствъ раздѣляютъ славу тѣхъ, которые ихъ культивируютъ! Я привѣтствую тебя, о Италія, счастливая страна, вторично сдѣлавшаяся родиной литературы и изящнаго вкуса, источникомъ, изъ котораго истекли воды для оплодотворенія нашихъ полей“ [1]). Боссюэ, не дошедшій въ своемъ обзорѣ всемірной исторіи до эпохи Возрожденія, нашелъ въ половинѣ XVIII вѣка продолжателя, впрочемъ довольно неудачнаго, въ лицѣ кавалера *de Méhégan*. Въ своей *„Картинѣ новой исторіи“* Méhégan озаглавливаетъ Ренесансомъ цѣлую эпоху въ 219 лѣтъ, называетъ его „весьма драгоцѣннымъ для міра событіемъ“ и признаетъ Италію „счастливой страной“, потому что ей выпало на долю распространить Возрожденіе по Европѣ [2]). Но философской оцѣнки диженія нѣтъ

---

[1]) *Turgot, Second Discours sur les progrès successifs de l'esprit humain, prononce le 11 décembre 1750.* Во 2 томѣ Oeuvres Paris 1808, p. 87.

[2]) *De-Méhégan, Tableau de l'histoire moderne, depuis la chute de l'empire d'Occident, jusqu'à la paix de Westphalie; pour servir de suite à l'Histoire Universelle de M. Bossuet, et d'introduction à l'histoire moderne des Chinois, des Japonois etc. de M. l'Abbé de Marsy.* Первое изданіе вышло въ 1766. Я цитирую по Nouvelle édition. Paris MDCCLXXVIII. T. I, p. liv. lv.

въ его книгѣ, въ которой вообще нѣтъ ничего философскаго; вмѣсто этого, Méhégan даетъ фактическое изложеніе исторіи Ренесанса, весьма краткое и переполненное ошибками: виновниками Возрожденія являются у него византійскіе греки, которые преподавали въ Италіи не только греческій, но и латинскій языкъ; Божественная Комедія написана подъ вліяніемъ изученія античной литературы и т. д.[1]) Важность движенія чувствуется, но его исторія еще остается совершенно неизвѣстной. Особенно замѣтно это на *„Эскизѣ исторической картины успѣховъ ума человѣческаго“ Кондорсе*[2]). Отношеніе Кондорсе къ этой эпохѣ весьма характерно для французскихъ писателей конца прошлаго столѣтія. Его сочувствіе цѣликомъ на сторонѣ гуманистическаго движенія; но онъ только смутно чувствуетъ его внутренній смыслъ и совсѣмъ не знаетъ его внѣшней исторіи. Прежде всего онъ относитъ Возрожденіе къ двумъ различнымъ эпохамъ, на которыя раздѣленъ его трактатъ: къ седьмой, гдѣ идетъ рѣчь о разныхъ оппозиціонныхъ движеніяхъ во второй половинѣ Среднихъ вѣковъ, начиная со времени Фридриха II[3]); и къ осьмой, которая захватываетъ новую исторію до времени Декарта[4]). Кондорсе не ясно коренное различіе между гуманизмомъ и такими движеніями, какъ борьба городовъ съ тиранніей, свѣтской власти съ духовною, ересей съ церковью и т. п. Самая постановка вопроса — разсмотрѣть гуманистическое движеніе въ связи съ предшествующей и современной ему борьбой въ религіозной и политической сферѣ — весьма удачна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Но Кондорсе не только ставитъ, но и рѣшаетъ этотъ вопросъ, хотя для его рѣшенія нѣтъ достаточныхъ данныхъ и въ настоящее время. По его мнѣнію, освободительное движеніе въ умственной сферѣ выросло въ Италіи изъ политической борьбы. „Въ маленькихъ государствахъ“, говоритъ онъ объ Италіи, „нужно присоединять силу убѣжденія къ средствамъ физической силы, пускать въ ходъ переговоры такъ же часто, какъ оружіе, и подобно политической борьбѣ, тамъ существовала борьба мнѣній за принципъ. А такъ какъ Италія никогда не утрачивала

[1]) VI-e Epoque. Rodolphe de Habsbourg. Renaissance des Beaux Arts en Italie. An 1273—1492 de I. C. Она раздѣлена на двѣ части: въ первой изложены факты внѣшней исторіи, во 2-й, озаглавленной Réflexions, говорится о Возрожденіи на ряду съ другими фактами изъ исторіи культуры. См. II p. 248—253.

[2]) *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'ésprit humain.* Въ 6 томѣ *Oeuvres de Condorcet publiées par A. Condorcet O'Connor et M. F. Arago. Paris 1847.*

[3]) Septième époque. Depuis les premiers progrès des sciences, lors de leur restauration dans l'Occident, jusqu'à l'invention de l'imprimerie. Oeuvres VI p. 125.

[4]) Huitième époque. Depuis l'invention de l'imprimerie jusqu'au temps où les sciences et la philosophie secouèrent le joug de l'autorité. Ibid. p. 138.

вкуса къ научной работѣ (le goût de l'étude), она должна была быть для Европы очагомъ свѣта, еще слабаго, но обѣщавшаго возрастать съ быстротой" [1]). Изъ изложенія не ясно, кого имѣетъ здѣсь въ виду Кондорсе — гуманистовъ или такихъ писателей, какъ Марсилій Падуанскій и т. п. Заключеніе отрывка заставляетъ думать, что рѣчь идетъ о гуманистическомъ движеніи въ обширномъ смыслѣ слова. Выводя гуманизмъ исключительно изъ политическихъ условій, Кондорсе сводитъ вліяніе древности только къ усовершенствованію языка, литературы и искусства [2]) и съ крайне несправедливою рѣзкостью отвергаетъ его результаты въ сферѣ науки и вообще умственнаго развитія. „Повсюду человѣческій авторитетъ замѣнялъ авторитетъ разума. Книги изучали болѣе, чѣмъ природу, и мнѣнія древнихъ болѣе, чѣмъ міровыя явленія. Это рабство духа, въ которомъ не было еще даже и рессурса для просвѣщенной критики, было тогда болѣе вредно человѣческому роду порчею научнаго метода, чѣмъ непосредственными результатами. До древнихъ было такъ далеко, что не хватало еще времени стараться ихъ исправить и ихъ превзойти" [3]). Полное незнакомство съ произведеніями гуманистовъ и апріорные выводы изъ несправедливаго ихъ обвиненія помѣшали Кондорсе узнать въ дѣятеляхъ Ренесанса истинныхъ родоначальниковъ того раціоналистическаго движенія, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Въ VIII эпохѣ Кондорсе не обсуждаетъ гуманистическаго движенія, а только ставитъ его на ряду съ географическими открытіями и съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Плохое знаніе исторіи Возрожденія сказалось и здѣсь повтореніемъ ходячей ошибки: родоначальниками движенія являются византійскіе греки, а его исходнымъ пунктомъ — паденіе Константинополя [4]).

На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и нѣмецкіе современники и единомышленники французскихъ просвѣтителей. *Изелинъ* отводитъ Возрожденію двѣ главы въ своемъ обзорѣ исторіи человѣчества [5]). Онъ признаетъ, что „давно скрытыя сокровища остроумія, краснорѣчія и мудрости Рима и Аѳинъ и ожившій вкусъ учености, безконечно превышавшей непривлекательныя и неуклюжія ученія монашескихъ школъ" сдѣлали „лучшіе умы способными къ высшимъ чувствамъ" и произ-

[1]) Ibid. p. 129.

[2]) On essayait de transporter dans la langue nouvelle quelques-unes de leurs beautés; on tâchait de les imiter dans la leur. Ibid. p. 135. Эти слова могутъ служить хорошимъ возраженіемъ тѣмъ итальянскимъ историкамъ, которые не могутъ простить гуманистамъ ихъ латинской рѣчи.

[3]) Ibid. p. 136.

[4]) Ibid. p. 143—144.

[5]) *Isaak Iselin, Über die Geschichte der Menschheit. II. Theil. Carlsruhe. 1784.* 14. u. 15. Hauptstück.

вели „особое броженіе"[1]). Подобно Тюрго, Изелинъ приписываетъ огромную роль въ движеніи Медичи и въ особенности Льву X и считаетъ ихъ Периклами Италіи и благодѣтелями Европы[2]). Раздѣляя распространенное заблужденіе, заходящее далеко въ XIX столѣтіе, Изелинъ, какъ Кондорсе, ведетъ гуманизмъ отъ византійскихъ грековъ[3]) и обвиняетъ гуманистовъ въ формальномъ отношеніи къ древности. „Первые литераторы", говоритъ онъ, „болѣе старались отчистить, разукрасить, привести въ порядокъ найденныя ими сокровища, чѣмъ сдѣлать ихъ мудрымъ приложеніемъ благотворными для истиннаго счастія человѣческаго рода или увеличить ихъ собственными изобрѣтеніями"[4]). Въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ; но писатели XVIII вѣка, мало знакомые съ прошлымъ, не умѣли вполнѣ оцѣнить своихъ предковъ.

Эпоха Возрожденія заняла извѣстное мѣсто и въ тѣхъ апріорныхъ построеніяхъ всемірно-историческаго процесса, которыя были сдѣланы представителями идеалистической философіи. Такъ, Гегель въ своей философіи исторіи относитъ Ренесансъ къ Среднимъ вѣкамъ, но считаетъ его, на ряду съ открытіемъ Америки, первымъ проблескомъ новой исторіи, сравниваетъ „съ утренней зарей, которая впервые возвѣщаетъ послѣ долгихъ бурь снова ясный день"[5]). Во внѣшней исторіи Возрожденія Гегель впадаетъ въ общую ошибку, ставя его въ зависимость отъ паденія Византіи; но онъ не придаетъ значенія этой *чисто внѣшней* сторонѣ дѣла[6]) и весьма глубоко опредѣляетъ смыслъ и сущность Ренесанса. Изученіе древности, по его словамъ, справедливо называется humaniora, потому что въ ней искали чисто человѣческаго. „Сѣверъ ознакомился чрезъ нее", говоритъ онъ, „съ истиннымъ, вѣчнымъ въ человѣческой дѣятельности (Bethätigung)"[7]). Совершенно естественно, что результатомъ этого изученія былъ радикальный переворотъ во всемъ міросозерцаніи: „появились совершенно

---

1) Ibid. p. 347.

2) Ibid. p. 349 — 350.

3) Ibid. p. 346 — 347 и 349.

4) Ibid. p. 348.

5) *G. W. Fr. Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Herausgegeben von Dr. E. Gans. II. Auflage, besorgt von Dr. Carl Hegel. Berlin 1840, p. 496.* Возрожденіе искусства Гегель выдѣляетъ въ особый моментъ: diese drei Thatsachen der sogenannten Restauration der Wissenschaften, der Blüthe der schönen Künste und der Endeckung America's etc. Ibid.

6) *Aeusserlich* ist dieses Wiederaufleben der Wissenschaft durch den Untergang des byzantinischen Kaiserthums herbeigeführt worden. Впрочемъ это относится только къ греческой литературѣ. Mit der römischen Litteratur war es anders, es herrschen hier noch alte Traditionen. Ibid. p. 494, 495.

7) Ibid. p. 494.

иные образы, иная добродѣтель, чѣмъ знали до сихъ поръ; пріобрѣли совершенно иной масштабъ для того, что слѣдуетъ почитать, хвалить и чему подражать"[1]). Самый общій смыслъ Возрожденія былъ впервые тонко *угаданъ* и хорошо формулированъ.

Не обходитъ молчаніемъ гуманистическаго движенія и *Фридрихъ Шлегель* въ своей *„Философіи исторіи"*. Но онъ относится къ Ренесансу съ узко церковной точки зрѣнія, которая лишаетъ его оцѣнку всякой научной цѣны и значенія. Онъ противополагаетъ „языческо-антикварское одушевленіе", „схоластическо-романтическому", и если послѣднее было „неудовлетворительно для потребностей времени и будущаго", то первое грозило „похоронить старый христіанскій порядокъ вещей"[2]). Вмѣсто объясненія историческихъ причинъ появленія гуманизма Шлегель видитъ въ немъ наивысшее проявленіе грѣховности тогдашняго человѣчества и Божіе попущеніе за грѣхи, которое могло бы и миновать Европу, если бы тамъ было побольше такихъ людей, какъ Ѳома Кемпійскій[3]). Сущность Ренесанса, по Шлегелю, составляетъ полное возвращеніе къ язычеству, а его наилучшимъ представителемъ былъ Макіавелли. Политическое настроеніе Макіавелли — „древне-римское, языческо-античное" — представляетъ собою лишь „неумолимо-строгое послѣдстіе эгоистическаго благоразумія"; но это не личная его особенность: онъ только „съ величайшей рѣшительностью, ясно и опредѣленно высказалъ то, что было уже господствующимъ образомъ мыслей въ его время"[4]). Такая точка зрѣнія годится для проповѣди заядлаго католика и совсѣмъ безплодна въ приложеніи къ объясненію историческаго процесса.

Но несмотря на сознаніе важности Ренесанса, которое обнаруживается въ историко-философской литературѣ еще въ XVIII столѣтіи, большинство философовъ исторіи даже въ новѣйшее время обходятъ эту эпоху полнымъ молчаніемъ. Отчасти это объясняется совершенно отвлеченнымъ построеніемъ историческаго процесса, какъ у Гердера, Канта, Шопенгауэра и другихъ. Но Возрожденіе игнорируютъ и такіе философы, которые пытаются расположить сообразно съ своими абстрактными построеніями и конкретные факты исторіи. Такъ, *Ог. Контъ* въ 5 томѣ своего *„Курса позитивной философіи"* ставитъ XIV и XV столѣтія въ началѣ метафизическаго періода и признаетъ существованіе въ эту эпоху „критическаго движенія", ко-

---

1) Ibid. p. 495.

2) *Friedrich von Schlegel, Philosophie der Geschichte. In achtzehn Vorlesungen gehalten zu Wien im Jahre 1828. II. Band. Wien 1829*, p. 190.

3) Ibid. p. 190—191.

4) Ibid. p. 191—192.

торое однако въ противоположность тремъ послѣдующимъ столѣтіямъ еще „остается по существу непроизвольнымъ (spontané et involontaire), безъ правильнаго и рѣзкаго участія какой-нибудь систематической доктрины“ [1]). „Орудіями“ этого движенія являются „метафизики“ и легисты, а его виновниками короли и національныя церкви. Политика Филиппа Красиваго и Констанскій соборъ исчерпываютъ существенное содержаніе этихъ столѣтій [2]), и для Ренесанса не нашлось мѣста въ знаменитой конструкціи всемірной исторіи по тремъ періодамъ. Точно такъ же игнорируютъ Возрожденіе и нѣкоторые новѣйшіе философы исторіи, какъ напр. *Конрадъ Германнъ*, который начинаетъ новую исторію прямо съ Реформаціи [3]).

Такое отношеніе къ гуманистическому движенію историко-философской литературы объясняется его положеніемъ въ исторической наукѣ. Причины, сущность и послѣдствія гуманизма болѣе намѣчены, чѣмъ изучены, и движеніе, не получившее до сихъ поръ всесторонняго и совершенно научнаго выясненія, не успѣло занять опредѣленнаго, прочнаго и неизмѣннаго мѣста въ воззрѣніяхъ на общій ходъ историческаго процесса. Эпоху Ренесанса считаютъ возможнымъ игнорировать и чистые историки въ общихъ обзорахъ всемірной исторіи; совершенно естественно, что философы исторіи, стараясь приладить къ своимъ теоріямъ общепризнанные факты, оставляютъ въ сторонѣ такія эпохи, какъ Ренесансъ. У историковъ же заимствовали философы неправильное толкованіе византійскаго вліянія на гуманизмъ и такимъ образомъ содѣйствовали укорененію грубой исторической ошибки. Особенно повинны въ этомъ французскіе просвѣтители, сочиненія которыхъ пользовались огромной популярностью. Но если философы исторіи ничего не прибавили къ фактическому изученію Ренесанса, то въ ихъ средѣ была впервые выставлена правильная точка зрѣнія на его историческое значеніе. Къ сожалѣнію, взглядъ Гегеля весьма долго не находилъ историческаго обоснованія.

---

[1]) *Auguste Comte, Cours de philosophie positive. V. Paris 1841, p. 515.*

[2]) Ibid. p. 563 и слѣд.

[3]) *Conrad Hermann*, *Philosophie der Geschichte. Leipzig 1870*, p. 361. Изъ новѣйшихъ философовъ исторіи *Richard Mayr (Die philosophische Geschichtsauffassung der Neuzeit. I. Abtheilung bis 1700. Wien 1877)* пытается выяснить историческое значеніе Ренесанса. Самой существенной стороной гуманистическаго движенія онъ считаетъ «возникновеніе новаго сословія, носителя новыхъ идей, преобразовывавшихъ историческую жизнь». Опираясь на потребности свѣтской жизни, это сословіе вступило въ борьбу съ старымъ порядкомъ, чтобы «по требованіямъ разума установить всѣ жизненныя отношенія» (p. 28—29). Раціоналистическій элементъ Возрожденія подмѣченъ совершенно вѣрно; но дѣйствительная черта гуманистическаго движенія формулирована такъ обще и отвлеченно, что приведенныя слова можно приложить и къ XVIII столѣтію.

II.

Отношеніе къ гуманизму всемірно-историческихъ хроникъ первыхъ трехъ столѣтій новаго времени. Ошибки Карніона и Торселлини. Дѣленіе исторіи на періоды Келлера и его возможное вліяніе на исторіографію Ренесанса. Отношеніе къ Возрожденію всемірныхъ исторій XVIII вѣка. Вліяніе Тирабоски, Мейнерса и вообще спеціальныхъ работъ по гуманизму на отношеніе къ Ренесансу всемірныхъ исторій XIX вѣка. Краузе, Беккеръ и Роттекъ. Возрожденіе въ исторіяхъ Шлоссера, Канту и Вебера. Значеніе всемірно-историческихъ обзоровъ для изученія Ренесанса.

Гуманистическое движеніе въ Италіи заняло мѣсто во всемірно-историчессихъ хроникахъ и обзорахъ со второй половины XV столѣтія. Авторъ перваго такого сочиненія въ новое время *Маркантоніо Коччіо Сабелликусъ* (1436—1506) былъ самъ ученикъ гуманиста Помпоніо Лета[1]) и не могъ обойти молчаніемъ новаго движенія, которому онъ посвятилъ особый діалогъ[2]). Коччіо въ своихъ „*Историческихъ рапсодіяхъ*“ не выдѣляетъ исторіи гуманизма въ особую рубрику; его важнѣйшихъ представителей онъ перечисляетъ по группамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, вмѣстѣ съ знаменитыми богословами, медиками и юристами, современными движенію[3]). Гуманисты для него главнымъ образомъ реставраторы латинской рѣчи, поэтому онъ оцѣниваетъ ихъ преимущественно съ этой точки зрѣнія. Но Коччіо смутно чувствуетъ, что значеніе движенія глубже филологической реставраціи, хотя и не можетъ точно его формулировать и указать его причины. Ему представляется, что Хризолоръ создалъ движеніе; но его ученики неожиданно, какъ греческіе герои, „вышли изъ Троянскаго коня“ и произвели переворотъ, объемъ и смыслъ котораго не ясенъ автору, захваченному новымъ теченіемъ[4]).

---

1) *Marci Antonii Coccii Sabellici Rapsodiae historiarum ab orbe condito Enneadum XI.* Въ Opera omnia Basileae MDXL. Объ авторѣ см. Tiraboschi VI, p. 940—944.

2) *De lingua latina restauratione. Dialogus.* Ibid T. III, p. 322.

3) Ibid. Enneadis IX, liber VIII, p. 806—807; lib. IX, p. 825 и 839. Ennead. X, lib. I, p. 867—68, lib. II p. 879; lib. IV, p. 910—911; lib. VI, p. 950—951. Самыя перечисленія не имѣютъ фактическаго значенія, но указываютъ только на репутацію раннихъ гуманистовъ въ ближайшемъ потомствѣ.

4) Свой взглядъ на Возрожденіе Sabellicus формулируетъ по поводу дѣятельности Эм. Хризолора. Hinc viri graeca latinaque facundia mox illustres fuere, Guarinus Ueronensis, Victorinus, Philelphus, Ambrosius monachus, Leonardus et

Еще уже понимаетъ движеніе другой современный Коччіо авторъ всемірно-исторической хроники, *Джакопо Филиппо деи Форести да Бергамо* (1434—1520)[1]. Благочестивый монахъ, авторъ „Житія Богоматери", богословской „Summa" и другихъ аналогичныхъ произведеній, Форести отводитъ гораздо болѣе мѣста въ своей хроникѣ ученымъ людямъ, чѣмъ Коччіо, и сообщаетъ о нихъ болѣе подробныя, хотя часто весьма неточныя, свѣдѣнія[2]). Но гуманистическое движеніе онъ понимаетъ только съ чисто формальной стороны и сводитъ его къ созданію новаго краснорѣчія въ духѣ античныхъ ораторовъ[3]).

Въ тѣсной связи съ книгою Форести стоитъ всемірно-историческая хроника нѣмецкаго гуманиста *Гартмана Шеделя* (1440—1514)[4]). Въ той части своей хроники, которая относится къ итальянскому гуманизму и его представителямъ, Шедель идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ Форести. Нѣкоторыя біографіи онъ распространяетъ, а иногда просто переписываетъ свой оригиналъ[5]) и прямо повторяетъ въ нѣ-

Carolus Aretini, aliique litterarum principes *tanquam ex Trojano equo in lucem prodivere*, quorum aemulatione ingeniosa posteritas tantum profecit, ut *Rom. linguae cultus in antiquum statum propemodum restitutus*, nam si non ingenio vetus illa majorum elegantia singularisque virtus effingitur, fit certe, ut *voluntate et judicio proxime accedatur:* et haec clara virorum nomina ex uno Graeco homine postea extiterunt. Ibid. Ennead. IX lib. IX, p. 839.

[1]) *Suplementi chronicarum ab ipso mundi Exordio usque ad redemptionis Nostrae annum MCCCCCX editum. Et novissime recognitum. Et castigatum a Venerando Patre Jacobo Philippo Bergomate ordinis Heremitarum. Venetia 1513.* Свѣдѣнія объ авторѣ у Tiraboschi VI, p. 884 и слѣд.

[2]) Supplementi f. 250, 253, 260, 264, 268, 273, 278, 283, 294 и 300.

[3]) О Петраркѣ онъ говоритъ: a quo eloquentiae studia excitata sunt nec tamen eum attigisse eloquentiae ciceronianae fecit (sic.?) florem dicendum est, sicut nostris temporis multos ornatus videmus. Sub anno 1441, fol. 250.

[4]) Книга начинается оглавленіемъ, которому предпослано такое заглавіе: Tabula operis hujus de temporibus mundi, ut historiarum rerumque ceterarum ac urbium in se sparsim varieque conscriptarum. Въ концѣ сочиненіе называется *liber chronicarum*, и далѣе говорится: Adhibitis tamen viris mathematicis pingendique arte peritissimis Michaele Wolgemut et Wilgelmo Pleydenwurf, quarum (sic) solerti accuratissimaque adimadversione tum civitatum, tum illustrium virorum figure inserte sunt. Nurenberge 1493. Имени автора нѣтъ на книгѣ. Гравюры, въ исполненіи которыхъ принималъ участіе учитель Дюрера, превосходны; но портреты совершенно фантастичны, при чемъ, напр., Петрарка и Поджіо сдѣланы по одному клише. Хроникой Форести Шедель пользовался въ первой ея обработкѣ, напечатанной въ 1484 году (Tiraboschi) VI, p. 884 и слѣд.). О Шеделѣ см. Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig 1885, p. 48 и слѣд.

[5]) Можетъ быть, этимъ, а не „консервативной натурой" автора объясняется тотъ фактъ, что онъ пропустилъ въ біографіи Валлы его Даръ Константина. Wegele, ibid. 57—58.

сколько сокращенномъ видѣ его вглядъ на Возрожденіе[1]). Другой, современный Шеделю авторъ всемірно-исторической хроники, тоже гуманистъ *Іоаннъ Nauclerus (Joh. Verge* или *Vergenhaus)* (1425 или 30—1510)[2]) стоитъ на нѣсколько иной точкѣ зрѣнія. Науклерусъ занятъ болѣе политическими вопросами; онъ упоминаетъ мимоходомъ только о Петраркѣ по поводу его коронованія[3]) и обходитъ молчаніемъ другихъ гуманистовъ. Сущность движенія онъ видитъ въ возстановленіи античной литературы и считаетъ его виновникомъ Николая V[4]).

Итакъ авторы всемірныхъ исторій въ гуманистическую эпоху не успѣли выработать себѣ яснаго представленія о смыслѣ и значеніи того движенія, дѣятелями или современниками котораго были они сами. Возрожденіе представлялось имъ то какъ новая эра краснорѣчія, то какъ открытіе забытой литературы. Въ реформаціонную эпоху точка зрѣнія мѣняется. Новое чисто религіозное движеніе заслоняетъ отъ тогдашнихъ историковъ гуманистическую эпоху, и изъ трехъ авторовъ всемірно-историческаго обзора историческихъ фактовъ, *І. Слейданусъ* и *С. Франкъ* обходятъ гуманизмъ молчаніемъ, а *Каріонъ*, въ составленіи хроники котораго принималъ такое близкое участіе Меланхтонъ[5]), мелькомъ упоминая о движеніи, крайне односторонне объясняетъ его происхожденіе. По его словамъ, Возрожденіе создали византійскіе греки, которые переселились вслѣдствіе турецкихъ притѣсненій въ Италію и здѣсь „изъ греческихъ источниковъ возстановили науки"[6]). Каріонъ не упоминаетъ ни одного итальянскаго гуманиста, но подробно перечисляетъ грековъ, поселившихся въ Италіи[7]). Это была роковая ошибка въ исторіографіи

---

1) О Петраркѣ онъ говоритъ: vir omnibus seculis admirandus, a quo eloquentie studia excitata sunt. Chron. fol. CCXXVII.

2) *Chronicon D. Iohannis Naucleri praepositi Tubingensis succinctim comprehendentium res memorabiles saeculorum omnium ac gentium ab initio mundi usque ad annum Christi nati MCCCCC. Coloniae MDLXIIII.* 2 тома. О Науклерѣ см. Wegele, p. 61 и слѣд.

3) Chronicon T. II, p. 388.

4) Laudatur autem Nicolai liberalitas, qua in omnes usus est, maxime erga litteratos, quos et officiis et beneficiis mirifice, juvit, eos praemiis ad componendum et ad vertendos Graecos authores in latinum ita perpulit ut littaerae Graecae et Latinae, quae 600 jam annis in situ et tenebris jacuerant, demum splendorem aliquem adeptae sint. Ibid. p. 411.

5) *Chronicon Carionis, expositum et auctum a Phil. Melanchtone et Casparo Peucero Aurelia Allobrogum* 1590. О Каріонѣ см. Wegele, p. 190—195.

6) Quorum opera, cura, labore, studio, restitutae ex Graecis fontibus disciplinae revixerunt. Chron. p. 869.

7) Ibid. p. 869—870.

Ренесанса: она такъ крѣпко укоренилась въ исторической литературѣ, что продолжаетъ держаться до настоящаго времени, несмотря на явное, хронологическое несоотвѣтствіе этого показанія съ самыми извѣстными явленіями въ исторіи гуманизма.

Эпоха католической реакціи, весьма безплодная въ исторіографіи вообще и въ изученіи всемірной исторіи въ особенности, ничего не прибавила къ выясненію мѣста Возрожденія въ ряду другихъ событій всемірной исторіи. *Абелинъ*, авторъ единственной значительной по объему хроники, только упоминаетъ имена Петрарки, Боккачіо, какъ автора Декамерона, Поджіо и Бруни на ряду съ современными теологами, медиками и юристами, ни чѣмъ, не намекая на ихъ отличія отъ этой компаніи[1]). Знаменитый *Клюверъ (Klüwer)*, основатель исторической географіи въ Германіи, въ своемъ *„Totius mundi Epitome"* (Lugduni 1649) обходитъ гуманизмъ полнымъ молчаніемъ. Другое Epitome, относящееся къ этой эпохѣ, показываетъ, что ошибка Каріона въ его взлядѣ на Возрожденіе повлекла за собою совершенно искаженное пониманіе общаго хода гуманистическаго движенія. Его авторъ, итальянскій іезуитъ *Орацiо Торселлини,* утверждаетъ, что греческое Возрожденіе предшествовало латинскому[2]). Изъ всѣхъ хроникъ этой эпохи рѣзко выдѣляется своимъ отношеніемъ къ гуманизму *„Всеобщая Исторія" Боксгорна*[3]). Ея авторъ прежде всего поражаетъ своей начитанностью въ гуманистической литературѣ: латинскія произведенія Петрарки ему хорошо знакомы; изъ трактата М. Веджіо De educatione liberorum онъ дѣлаетъ обширное извлеченіе[4]); споръ Валлы съ юристами и теологами изъ-за апостольскаго символа онъ излагаетъ на нѣсколькихъ страницахъ[5]) (хотя обходитъ молчаніемъ даръ Константина). Этотъ весьма рѣдкій въ ту эпоху интересъ къ культурной сторонѣ исторіи далъ возможность Боксгорну понять Возрожденіе нѣсколько глубже, чѣмъ его современники и предшественники.

---

[1]) *J. Ludovici Gottfridi* (псевдонимъ Abelin'a) *Historische Chronica, oder Beschreibung der fürnemsten Geschichten so sich von Anfang der Welt biss auff das Jahr Christi 1619 zugetragen: nach Aussthеilung der vier Monarchien. Franckfurt am Mayn MDCLVII,* p. 618 и 662. Объ авторѣ Wegele, p. 353.

[2]) *Horatii Tursellini e societate Jesu. Epitome Historiarum ab orbe condito usque ad annum 1595. Coloniae MDCCXI.* Въ итальянскомъ переводѣ хроника напечатана въ Римѣ въ 1651 г. Eadem tempestate Paulus Venetus extitit et Chrysoloras Graecas litteras in Italiam revexit. Nec ita multo post Latina lingua cum sylvesceret, excoli coepta (p. 210).

[3]) *Marci Zuerii Boxhornii Historia Universalis sacra et profana, a Christo nato ad annum usque 1650. Lugduni Batavorum 1652.*

[4]) Ibid. p. 882—84.

[5]) Ibid. p. 953—957.

Не выдѣляя еще гуманистовъ въ рѣзко обособленную группу, онъ видитъ въ ихъ трудахъ не только возстановленіе старины, но и новое творческое движеніе[1]) и ставитъ его въ связь съ Реформаціей[2]).

Въ XVII столѣтіи впервые появляются попытки замѣнить старое библейское дѣленіе всемірной исторіи по четыремъ монархіямъ новой классификаціей фактовъ. Такъ, *Юстусъ Лепсіусъ* дѣлитъ исторію на восточный, греческій, римскій и варварскій періоды, іезуитъ *Петавіусъ* держится синхронистическаго метода, *Георгъ Горнъ* разсматриваетъ каждый народъ въ отдѣльности[3]). Но въ пониманіе историческаго мѣста Возрожденія эти попытки не внесли ничего новаго. Горнъ въ своемъ учебникѣ обходитъ гуманизмъ молчаніемъ, Петавіусъ перечисляетъ имена[4]), какъ это дѣлали въ XV вѣкѣ Коччіо и Форести, а самое движеніе понимаетъ такъ же превратно, какъ его сотоварищъ по ордену, Торселлини. По его мнѣнію, гуманистическое движеніе произошло при Фридрихѣ III изъ соревнованія съ византійскими греками[5]).

Во второй половинѣ XVII вѣка *Христофъ Келлеръ (Cellarius)* впервые установилъ то дѣленіе всемірной исторіи на періоды, которое въ общемъ сохранилось до настоящаго времени[6]). Для пониманія эпохи Возрожденія представляло существенный интересъ, къ какому отдѣлу всеобщей исторіи она будетъ отнесена, поставятъ ли ее во главѣ новаго времени въ связи съ реформаціей, или ее будутъ разсматривать въ связи съ средневѣковыми явленіями. Келлеръ, опиравшійся въ своемъ дѣленіи главнымъ образомъ на филологическія соображенія, начинаетъ Средніе вѣка съ Константина Великаго и заканчиваетъ ихъ паденіемъ Константинополя, вообще XV вѣкомъ. Такимъ образомъ гуманизмъ попалъ въ Средніе вѣка, и въ этомъ, можетъ быть, заключалось одна изъ причинъ неясности въ пониманіи основного характера этого движенія. Самъ Келлеръ по отношенію

---

1) Quorum industria, cura scriptisque aut nova inventa, aut quasi multorum jam saeculorum exilio bonae omnes litterae et studia sapientiae, feliciter revocata sunt. Ibid. p. 881.

2) Ibid. p. 884.

3) См. Wegele, p. 482 и слѣд.

4) *Dionysii Petavii Aurelianensis e societate Iesu Rationarium temporum in partes duas, libros tredecim tributum. Editio novissima Amstelodami et Lipsiae MDCCXLV.* См. p. 474, 491 и 497.

5) Literae, Friderico regnante, per Italiam in splendori magno fuerunt, Graecorum doctissimis, qui capta Graecia ad eam accurebant, aemulatione sui Latinorum acuentibus studia. Ibid. p. 496.

6) О Келлерѣ см. Wegele, p. 484 и слѣд. Постепенное установленіе термина media aetas. Ibid. p. 485.

къ Возрожденію стоитъ на точкѣ зрѣнія Торселлини и Патавія: движеніе вызвано греками, переселившимися въ Италію послѣ паденія Константинополя, а изъ соревнованія съ ними началось при Лоренцо Великолѣпномъ аналогичное движеніе среди итальянскихъ ученыхъ[1]). Онъ не обходитъ молчаніемъ Петрарки, но ставитъ его на ряду съ Данте и видитъ въ ихъ дѣятельности исключительно возстановленіе поэзіи, въ которомъ признаетъ только „нѣкія начала" (initia quaedam) общаго движенія[2]). О гуманистахъ первой половины XV вѣка онъ совсѣмъ не упоминаетъ за исключеніемъ Валлы, котораго онъ ставитъ рядомъ съ Фичино, Мирандола, Коччіо и другими позднѣйшими гуманистами и всѣхъ ихъ относитъ ко времени L. Magnifico, когда Валла давно уже покоился въ могилѣ[3]).

Въ XVIII столѣтіи общая исторіографія всѣхъ народовъ культурнаго человѣчества получила болѣе широкое и систематическое развитіе. Дѣленіе всемірной исторіи Келлера вошло во всеобщее употребленіе. Появившійся въ Англіи обширный компендіумъ историческихъ событій далъ небывалое до сихъ поръ фактическое богатство для сочиненій по всемірной исторіи и вызвалъ цѣлый рядъ обработокъ и на родинѣ, и за ея предѣлами, особенно въ Германіи[4]). Попытки философіи исторіи особенно во Франціи создали стремленіе систематичнѣе классифицировать и глубже изучать факты всемірной исторіи. Такое положеніе дѣла должно было, повидимому, оказать существенное вліяніе на вопросъ о мѣстѣ Возрожденія во всемірной исторіи. Это ожиданіе подкрѣпляется и еще двумя обстоятельствами. Въ Италіи въ эту эпоху появляется, какъ мы увидимъ, цѣлый рядъ работъ, которыя даютъ возможность болѣе близкаго ознакомленія съ гуманистическимъ движеніемъ; а Вольтеръ своимъ знаменитымъ „Опытомъ о нравахъ" создаетъ культурную исторію и находитъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей въ Германіи[5]). Тѣмъ не менѣе эпоху Возрожденія выпускаютъ изъ болѣе крупныхъ обзоровъ всемірной исторіи. Такъ, *Пуффендорфъ*, *Женъ*, *Эйхгорнъ* совершенно ее игнорируютъ[6])-

---

1) *Christophori Cellarii, Historia Universalis breviter ac percipue exposita, in antiquam, et medii aevi ac novam divisa. Editio VIII. Ienae 1730*, p. 214—215.

2) Ibid. p. 179.

3) Ibid. p. 215—216.

4) *An universal history from the earlist Account of time to the present. London 1730*. Объ ея обработкахъ см. Wegele, p. 788 и слѣд.

5) См. объ этомъ Wegele, p. 848 и слѣд. Вегеле приписываетъ Вольтеру *Abregé de l'histoire universelle depuis Charlemagne jusqu'à Charles V (1753)*, какъ отдѣльное отъ Essay (p. 780). Въ сочиненіяхъ Вольтера такого Abregé нѣтъ.

6) *Baron de Puffendorff. Introduction à l'histoire générale et politique de l'univers. Amsterdam 1721, 6 vols. Gin. Discours sur l'histoire universelle. Paris 1802,*

То же самое дѣлаетъ *Гаттерeръ*, авторъ многочисленныхъ обработокъ такого содержанія, хотя ему хорошо извѣстны итальянскіе гуманисты и ихъ сочиненія[1]). Знаменитый *Шлёцеръ* въ своей „*Универсальной исторіи*“ долго разсуждаетъ о дѣленіи ея на періоды, но совсѣмъ не упоминаетъ о Возрожденіи въ ряду другихъ всемірно-историческихъ событій[2]). Единственное исключеніе представляетъ *Іоганнъ фонъ-Мюллеръ*. Въ III томѣ своихъ „*24 книгъ всемірной исторіи въ особенности европейскаго человѣчества*“ Мюллеръ прежде всего выдѣляетъ время отъ начала династіи Габсбурговъ до Карла V въ особый періодъ „перехода отъ Среднихъ вѣковъ къ новому времени“. 17-я книга, первая въ этомъ періодѣ, озаглавлена у него такъ: „какъ мало-помалу подготовлялся переходъ Среднихъ вѣковъ къ новому строю (Gestaltung) вещей“. Въ этой книгѣ на ряду съ политическими перемѣнами въ различныхъ государствахъ Европы Мюллеръ отводитъ одну главу (С. 22 Literatur) главнымъ образомъ Данте, Петраркѣ, Боккаччіо[3]). Обзоръ ихъ дѣятельности носитъ еще чисто внѣшній характеръ. Мюллеру еще не ясно, въ чемъ заключается отличіе отъ Данте двухъ послѣднихъ писателей и въ чемъ состоятъ особенности и значеніе всего движенія. Въ 18-й книгѣ, озаглавленной: „О тѣхъ революціяхъ, которыя въ особенности вызвали новый порядокъ вещей“, Возрожденіе отсутствуетъ, и все дѣло сводится къ политическимъ событіямъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія отношеніе къ гуманистической эпохѣ мѣняется: она начинаетъ входить въ многотомные обзоры всемірно-историческихъ событій. Главную причину такой перемѣны слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать въ появленіи такихъ историко-литературныхъ компендіумовъ, какъ книга Тирабоски, а также въ трудахъ Мейнерса, одного изъ плодовитѣйшихъ писателей конца XVIII вѣка

---

2 vols. Joh. Gottfried Eichhorn. Weltgeschichte. 4 vols. Göttingen 1804. Въ 1-й части второго тома Эйхгорнъ дѣлаетъ обширный обзоръ «allgemeiner Merkwürdigkeiten des Zeitalters der Regeneration von Europa» (p. 287—315) и выпускаетъ Возрожденіе.

1) *Joh. Christoph Gatterers Handbuch der Universalhistorie nach ihrem gesamten Umfange bis auf unsere Zeit. Göttingen. 1764. 4. Bd.* Въ первомъ томѣ второй части Gatterer перечисляетъ между историками XIV—XVI столѣтій почти всѣхъ гуманистовъ. Это сочиненіе, впрочемъ, какъ и большинство другихъ его обзоровъ, не доведено до XV вѣка. Но Versuch einer allgemeinen Weltgeschichte bis zur Entdeckung Amerikens, Göttingen 1792, захватываетъ эту эпоху и не упоминаетъ о Возрожденіи.

2) *Aug. Ludw. Schlözers Vorstellung seiner Universal-Historie. Göttingen und Gotha 1772,* p. 73 и слѣд.

3) *Johannes von Müller. Vierundzwanzig Bücher Allgemeiner Geschichten, besonders der europäischen Menschheit. B. III. Stuttgart und Tübingen 1845* (посмертное изданіе), p. 46—51.

по исторіи культуры. Въ двухъ своихъ работахъ, о которыхъ мы скажемъ подробнѣе ниже, Мейнерсъ обстоятельно говоритъ о Возрожденіи, и одну изъ нихъ спеціально посвящаетъ біографіямъ нѣкоторыхъ гуманистовъ. Подъ вліяніемъ этихъ писателей, а также Roscoe, *Краузе* въ своей 11-томной „*Исторіи нынѣшней Европы*"[1]) отводитъ уже видное мѣсто гуманистическому движенію. Краузе отмѣчаетъ вѣрные и существенные признаки Возрожденія, въ которомъ онъ видитъ прежде всего „развитіе вкуса въ искусствѣ", „облагороженіе умственныхъ занятій и истинную ученость". Ранѣе „такъ называемыя главныя науки были лишены содѣйствія языкознанія и чужды истинной учености", говоритъ онъ. Возрожденіе не только дало то и другое, но измѣнило самое направленіе философіи и науки. Прежней „философіи (Weltweisheit) недоставало приложимости къ человѣческой жизни"; новыя изслѣдованія направлены „на дѣйствительный міръ и природу, какъ въ настоящія, такъ и въ прошлыя времена"[2]). Но причина движенія и его общая основа, которая объединяла отдѣльныя направленія, ему остаются неясными. Отмѣчая одновременность возрожденія искусства и науки, Краузе признаетъ, что „все это не могло быть совершенно случайнымъ совпаденіемъ", но не можетъ еще указать ихъ общей основы. Самое значеніе дѣятельности Данте и Петрарки ему не ясно. „Данте и Петрарка, говоритъ онъ, еще такія явленія, существованіе и дѣятельность которыхъ несомнѣнны, но ихъ истинныя причины все еще остаются покрытыми нѣкоторымъ туманомъ"[3]). Краузе даетъ также интересный во многихъ отношеніяхъ общій историческій очеркъ самаго хода движенія, отмѣчаетъ его отличительные признаки и пытается выяснить культурное значеніе. По общимъ задачамъ сочиненія, по тогдашнему состоянію свѣдѣній объ эпохѣ, этотъ очеркъ не можетъ претендовать ни на глубину, ни на обстоятельность. Но Краузе вѣрно отмѣчаетъ главные моменты движенія и обращаетъ вниманіе на всѣ его стороны, такъ что его коротенькая глава о гуманизмѣ можетъ служить программою вопросовъ для изученія этой эпохи[4]). Еще болѣе мѣста отведено Возрожденію въ обширномъ сочиненіи на ту же тему *Шёлля*, которое появилось въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Шёлль

---

1) *Johann Christoph Krause. Geschichte der wichtigsten Begebenheiten des heutigen Europa. Ein Handbuch für Schulmänner, Erzieher, Studierende und andre Liebhaber der Geschichte aus allen Ständen. 11 Bände. Halle 1797—1803.* Свои источники указываетъ Краузе въ VI томѣ, p. 341, и въ V, p. 383 и слѣд.

2) Krause. IV, p. 335, 336.

3) Ibid. p. 341—342.

4) Ibid. V, p. 382—395.

считаетъ „возрожденіе литературы“ вмѣстѣ съ открытіемъ Америки и религіозной реформой основными событіями, отдѣляющими новую исторію отъ средневѣковой[1]), но понимаетъ движеніе узко и менѣе глубоко, чѣмъ Краузе. „Возрожденіе (régénération) классической литературы“, говоритъ онъ въ главѣ, посвященной этой эпохѣ, „исправило и очистило вкусъ націй, которыя ее культивировали, но оно собственно не произвело въ наукахъ и литературѣ той реформы, которая сдѣлала ее столь благотворной, потому что древнихъ читали только для образованія стиля, не занимаясь блестящими идеями и благородными мыслями, которыя въ нихъ заключались“[2]). По мнѣнію Шёлля, содержаніе и направленіе наукъ не было затронуто Возрожденіемъ. Даже „исторія раздѣляла эту участь, потому что критика спала, а безъ критики исторія только ткань изъ басней“[3]). Движеніе осталось совершенно непонятно Шёллю, потому что оно было ему неизвѣстно.

Немногимъ лучше поставлена эпоха Возрожденія въ такихъ обзорахъ всемірной исторіи начала нынѣшняго столѣтія, которые носили характеръ обширныхъ руководствъ и оказали вліяніе на учебную литературу. Такъ въ многотомномъ учебникѣ К. Ф. Беккера гуманизмъ отнесенъ къ Среднимъ вѣкамъ, хотя и признается уже переходомъ къ новому времени. Самый очеркъ движенія очень кратокъ и не представляетъ интереса; но Беккеръ вѣрно оцѣнилъ результатъ изученія древней литературы. Онъ возражаетъ противъ мысли, что древняя литература въ Средніе вѣка была совершенно неизвѣстна; но только въ эту эпоху реальное и всестороннее изученіе древняго міра возбудило новыя идеи, вызвало новыя представленія и воззрѣнія и такимъ путемъ наука вышла на свѣтъ Божій изъ монашеской кельи[4]). Менѣе удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи другой знаменитый въ свое время многотомный учебникъ — *„Всеобщая Исторія Карла Роттека*[5])“. Творцами гуманистическаго движенія

---

[1]) *Max. Samson-Fréd. Schoell, Cours d'histoire des états Européens depuis le bouleversement de l'empire Romain d'Occident jusqu' en 1789. Tome XIII. Paris 1831,* p. 7. Cp. T. X, p. 258.

[2]) Schoell. XIII, p. 62.

[3]) Ibid. p. 63.

[4]) *Karl Friedrich Becker's Weltgeschichte.* Первое изданіе вышло въ 1777—1806 году. Я цитирую: siebente, verbesserte und vermehrte Ausgabe. Herausgegeben von J. W. Loebell mit Fortsetzungen von Woltmann und Menzel. VI. Band. Berlin 1837, p. 305—306.

[5]) Первое изданіе вышло въ 1812 году. Я цитирую пятое: *Allgemeine Geschichte von Anfang der historischen Kentniss bis auf unsere Zeit für denkende Geschichtsfreunde bearbeitet von Carl von Rotteck. VI. Band. Freiburg 1824.*

у него являются греки, его результаты не выяснены, а фактическій очеркъ сводится къ довольно подробному перечисленію гуманистовъ и ихъ меценатовъ[1]). Какъ бы-то ни было, Возрожденіе въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія почти всегда входитъ въ обзоры всемірной исторіи и занимаетъ мѣсто даже въ сравнительно краткихъ учебникахъ[2]).

Тѣмъ не менѣе и наиболѣе обширныя сочиненія такого содержанія очень мало даютъ и для фактическаго знакомства съ исторіей гуманизма и для уясненія его историческаго смысла и значенія. Такъ, *Ф. Шлоссеръ*, авторъ первой обширной *„Всемірной Исторіи“* въ нашемъ столѣтіи, отводитъ цѣлую главу „образованію и литературѣ послѣдней половины XIV и первой XV столѣтія“[3]) и довольно подробно говоритъ о гуманистическомъ движеніи въ Италіи. Но его очеркъ неудовлетворителенъ ни въ какомъ отношеніи. Прежде всего, Шлоссеръ понимаетъ происхожденіе гуманизма[4]) чисто внѣшнимъ образомъ: пришли византійскіе греки въ Италію и вызвали тамъ гуманистическое движеніе. Онъ повторяетъ за Hody, Гереномъ, что „изъ образованія Среднихъ вѣковъ сложилось подъ вліяніемъ греческой литературы образованіе новаго времени“, что „грекамъ мы обязаны нашимъ знаніемъ древняго міра“. „Они содѣйствовали, говоритъ онъ, замѣнѣ школьной философіи практической и греческой простотой умѣрили плоскость и декламацію римлянъ“[5]). Но укоренившаяся ошибка Каріона сбила съ толку Шлоссера и, подъ вліяніемъ невѣрнаго представленія о роли византійскихъ грековъ въ движеніи, онъ ставитъ Петрарку и Боккаччіо на ряду съ Дино Кампаньи и Джіов. Виллани какъ бы внѣ движенія и исторію усвоенія новымъ міромъ античныхъ идей начинаетъ только со второй половины XV-го вѣка[6]). Это крупное недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что Шлоссеру весьма мало извѣстна и потому совершенно непонятна дѣятельность основателей Ренесанса и ихъ продолжателей до Виссаріона и Флорентійской Академіи. Мѣстныя причины гуманистическаго движенія и роль въ немъ римской литературы представляются ему неясно. Онъ отмѣчаетъ античные остатки въ языкѣ и монументальныхъ памятни-

---

1) Allg. Gesch. VI, p. 391—395.

2) См., напр., *W. Wachsmuth, Grundriss der allgemeinen Geschichte der Völker und Staaten. II. Ausgabe. Leipzig 1839*, p. 228—229.

3) *F. C. Schlosser's Weltgeschichte für das deutsche Volk. IX, Band. Frankfurt am Main 1849*, p. 399. и слѣд. въ особенности p. 455.

4) Термины Renaissance и Humanismus не встрѣчаются у Шлоссера.

5) Ibid. p. 408.

6) Ibid. p. 437 и слѣд.

кахъ, какъ одну изъ причинъ „стремленія возстановить въ новой формѣ весь древній міръ“, но почему-то думаетъ, что это могло сдѣлать только „одно возрожденіе древней литературы римлянъ“. Далѣе оказывается однако, что это стремленіе пробудилось только въ XV вѣкѣ, когда въ Италіи исчезло чужеземное владычество, когда возникли различныя политическія учрежденія, когда повсюду боролись демократія и аристократія, свобода и рабство, смѣлое отрицаніе всего божественнаго и мрачное суевѣріе“ [1]). Какая связь между этими различными явленіями и гуманизмомъ — этотъ вопросъ остается совершенно открытымъ. Аналогичныя ошибки, окутанныя такимъ же туманомъ, и въ оцѣнкѣ дѣятельности Петрарки, котораго Шлоссеръ ставитъ въ одну линію съ Данте. „Данте и Петрарка, говоритъ онъ, возбудили въ своихъ соотечественникахъ энтузіазмъ къ древнему греческому языку, наукѣ и литературѣ, совершенно оригинальнымъ образомъ связали средневѣковую поэзію, философію и искусство христіанства съ древнимъ міромъ, слили германскую, кельтическую, сѣверную, восточную и греческую литературы“ [2]).

Фактическое изложеніе Шлоссеромъ внѣшней исторіи гуманистовъ сводится къ краткому перечню ихъ произведеній, переполненному обильными промахами. Такъ, онъ утверждаетъ, что Петрарка родился въ Авиньонѣ, что тамъ онъ „учился и изучилъ греческій языкъ“ [3]), а нѣсколько страницъ ниже говоритъ, что „по незнанію языка онъ не могъ прочитать Гомера“ [4]). Боккаччіо, по его словамъ, будто бы перевелъ всю Иліаду, бо́льшую часть Одиссеи и 16 діалоговъ Платона. О его латинскихъ сочиненіяхъ Шлоссеръ повторяетъ безъ всякой критики ходячія басни, что „Генеалогія боговъ“ написана Паоло да Перуджія, а De montibus Вибіемъ Секвестромъ и что Боккаччіо только дополнилъ и исправилъ ихъ [5]). До какой степени неосновательны и поверхностны свѣдѣнія Шлоссера о гуманистической литературѣ показываетъ тотъ фактъ, что онъ комически слилъ въ одну книгу три сочиненія Поджіо, не имѣющія между собою ничего общаго [6]). Даже немного лучшее знакомство Шлоссера хотя бы съ корифеями ранняго гуманизма избавило бы его отъ крупныхъ ошибокъ

[1]) Ibid. p. 462.
[2]) Ibid. p. 400.
[3]) Ibid. p. 438.
[4]) Ibid. p. 445.
[5]) Ibid. p. 445—446.
[6]) Poggio als siebenzigjähriger Mann in einem literarhistorich sehr merkwürdigen Buche (Facetiae de infelicitate principum, de miseria conditionis humanae) über das Unglück und Elend der Gelehrten klagt. Ibid. p. 472.

въ пониманіи общаго хода движенія. Если бы ему извѣстенъ былъ хотя бы коротенькій діалогъ Петрарки De vera sapientia, не говоря уже о перепискѣ, онъ не утверждалъ бы, что греки внесли практическое направленіе въ философію Ренесанса. Если бы онъ зналъ простой перечень произведеній Бруни, котораго онъ совершенно напрасно обвиняетъ въ плагіатѣ[1]), то не приписалъ бы I. Аргиропуло исключительной заслуги ознакомленія итальянцевъ съ настоящимъ Аристотелемъ и т. д. Но всѣ эти промахи и недоразумѣнія нельзя ставить въ большую вину знаменитому историку. Правда, значительная часть печатныхъ источниковъ ранняго гуманизма была уже издана въ его время; но ихъ научной обработки почти совершенно не существовало, а отъ автора первой обширной Всемірной Исторіи нельзя требовать непосредственнаго знакомства съ источниками по всѣмъ ея отдѣламъ.

Съ большею подробностью и безъ крупныхъ фактическихъ промаховъ даетъ свѣдѣнія объ итальянскомъ гуманизмѣ *Чезаре Канту* въ своей „*Всемірной исторіи*"; но относящіяся сюда главы въ его книгѣ не представляютъ интереса въ фактическомъ отношеніи и даютъ совсѣмъ неправильное освѣщеніе гуманистическому движенію. Біографическіе очерки Петрарки, Боккаччіо и другихъ гуманистовъ слишкомъ кратки, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе. Кромѣ того, онъ опускаетъ въ гуманистическихъ біографіяхъ именно тѣ стороны, которыя имѣютъ наибольшій историческій интересъ. Такъ, онъ подробно перечисляетъ, что̀ нравилось Петраркѣ въ Лаурѣ[2]), но не выясняетъ, что̀ находилъ онъ привлекательнаго въ античной литературѣ; перечисляетъ его сочиненія, но опускаетъ направленныя противъ папства „Письма безъ адреса"; подробно сравниваетъ Данте съ Петраркой[3]), но сравненіе носитъ личный и чисто внѣшній характеръ, и характерныя черты родоначальника гуманизма остаются не отмѣченными и т. д. Это невниманіе къ самому интересному въ дѣятеляхъ Ренесанса обусловливается воззрѣніемъ Канту на общій характеръ и значеніе гуманистическаго движенія, въ которомъ онъ видитъ исключительно филологическую ученость и къ которому онъ относится отрицательно. „Энтузіазмъ къ учености, говоритъ Канту, остановилъ полетъ генія новаго времени"[4]), и гуманисты представляются ему буквоѣдами-педантами, которые были лишены всякихъ по-

---

1) Ibid. p. 471.

2) *Cantu, Histoire universelle, soigneusement remaniée par l'auteur et traduite sous ses yeux par Eugène Aroux et Piersilversto Leopardi. T. XII. Paris 1854*, p. 603.

3) Ibid. p. 611 и слѣд.

4) Ibid. p. 629.

литическихъ способностей и вообще способны были только къ фразѣ[1]). Ниже мы остановимся на этихъ воззрѣніяхъ Канту, такъ какъ онъ болѣе обстоятельно формулировалъ ихъ въ своей „*Исторіи итальянцевъ*". Но изъ простого ихъ изложенія видно, что его „Всемірная исторія" не могла оказать никакого содѣйствія изученію и пониманію Ренесанса.

Въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели Шлоссеръ, находился авторъ новѣйшей и самой обстоятельной *Всемірной Исторіи Г. Веберъ*[2]). Предшествующая литература дала вѣрное пониманіе, по крайней мѣрѣ, педагогической и научной стороны движенія, и Веберъ стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія. „Стремленіе къ гуманизму въ образованіи и воспитаніи", говоритъ онъ, „имѣло глубокое основаніе въ направленіи времени. Принципъ свободнаго изслѣдованія, неуклоннаго стремленія къ знанію и истинѣ былъ цѣлью и плодомъ новаго гуманистическаго направленія. Но еще нуждались въ учителѣ и руководителѣ, и гдѣ же былъ лучшій и болѣе опытный наставникъ, чѣмъ классическая древность?"[3]) Таково дѣйствительно общее впечатлѣніе отъ болѣе близкаго ознакомленія съ гуманистическою литературой: древность не источникъ движенія, а только его знамя и опора. Но съ этой точки зрѣнія эпоха, какъ мы увидимъ, совершенно не разработана ни въ общихъ сочиненіяхъ, ни въ монографіяхъ, и общее положеніе Вебера не возвышается до степени прочно обоснованнаго научнаго вывода. Его общій очеркъ Возрожденія несравненно выше, чѣмъ у Шлоссера, потому что онъ составленъ по Фогту. Благодаря краткости изложенія, Веберъ счастливо избѣгаетъ фактическихъ промаховъ[4]); но въ общемъ очеркѣ движенія онъ забываетъ иногда свою основную точку зрѣнія о значеніи древности и впадаетъ поэтому въ противорѣчіе и ошибки. Такъ, прежде всего онъ сильно преувеличиваетъ вліяніе античной литературы. По его мнѣнію, въ началѣ эпохи господствовало „рабское подражаніе" древности, и изъ него онъ выводитъ и моральное паденіе гуманистовъ, и политическія мечтанія Кола ди Ріенцо и Поркари, и религіозный индифферентизмъ[5]). Прежде всего, рабское подражаніе древности вообще было невозможно, потому что во всѣхъ сферахъ античной жизни были различныя и даже противоположныя теченія: въ религіи — реальная вѣра и

---

1) Ibid. p. 639, 641 и слѣд.

2) *Georg Weber, Allgemeine Weltgeschichte. Zweite Auflage. IX. Band. Leipzig 1885.*

3) Ibid. p. 861.

4) Только Веберъ повторяетъ неосновательное обвиненіе въ плагіатѣ Л. Бруни, p. 874.

5) Ibid. p. 863, 871, 872.

скрытое или ясное отрицаніе политеизма; въ философіи — идеализмъ и матеріализмъ, въ морали — эпикурейство и стоицизмъ; въ политикѣ — республики, тираннія, имперія. Подражать всему этому одновременно было невозможно, и дѣйствительно въ гуманистической литературѣ всегда присутствуетъ извѣстный критицизмъ. Каждый гуманистъ соотвѣтственно своему настроенію и стремленіямъ выбиралъ подходящій авторитетъ въ классическомъ мірѣ и пытался примирить его съ католицизмомъ и дѣйствительностью. Трагизмъ положенія дѣятелей итальянскаго Ренесанса и ихъ моральный, религіозный и политическій индифферентизмъ вытекалъ изъ того, что *средневѣковой* католицизмъ и политическую дѣйствительность XV столѣтія нельзя было примирить съ *новыми* потребностями. Виновато въ этомъ не чрезмѣрное увлеченіе классическимъ міромъ.

Уклоненіе отъ основной точки зрѣнія привело Вебера къ неправильному объясненію чрезвычайно интереснаго явленія въ гуманизмѣ второй половины XV в. — увлеченія Платономъ. По его мнѣнію, впервые литературная связь съ Византіей привела къ болѣе близкому знакомству съ ученіемъ Платона[1]), и византійскіе греки являются такимъ образомъ виновниками движенія. Дѣйствительно, споръ о сравнительныхъ достоинствамъ Платона и Аристотеля начали на итальянской почвѣ греки Виссаріонъ и Гемистосъ Плетонъ съ одной стороны, а Ѳеодоръ Газа и Георгій Трапезунтскій съ другой, и мѣстные гуманисты вмѣшались въ него только позже. Но переводы Платона были извѣстны еще въ концѣ XIV столѣтія, и если споръ за него начался только на 50 лѣтъ позже, то для этого были мѣстныя причины, которыхъ нужно искать въ томъ любопытномъ фактѣ, что ранніе гуманисты не чувствовали ни малѣйшаго интереса къ метафизическимъ вопросамъ[2]).

1) Ibid. p. 875.

2) Изъ всемірно-историческихъ обзоровъ на русскомъ языкѣ эпохи Возрожденія касаются лекціи профф. *Петрова и Бауера*. Коротенькій очеркъ, посвященный проф. Петровымъ итальянскому гуманизму, въ общемъ вѣрно передаетъ нѣкоторыя стороны Ренесанса. *(Лекціи по Всемірной Исторіи, изданныя подъ редакціей проф. В. К. Надлера. Томъ III. Исторія новыхъ вѣковъ въ обработкѣ прив.-доц. В. П. Бузескула. Харьковъ 1888,* p. 14—23). Но въ общей оцѣнкѣ Возрожденія и въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ авторъ не всегда стоитъ на уровнѣ даже той литературы, которая приведена въ заголовкѣ. Такъ индивидуалистическій элементъ въ Ренесансѣ совсѣмъ не отмѣченъ; характеристика ранняго гуманизма совершенно невѣрна (p. 17); отношеніе Петрарки къ католицизму опредѣлено не точно и проч. Страницы, отведенныя Ренесансу проф. Бауеромъ *(Лекціи по новой исторіи, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Изданіе графа А. А. Мусина-Пушкина. С.-Петербургъ 1886,* p. 100 и слѣд.) совершенно незначительны и переполнены непонятными опечатками, какъ *Vessarion, Haledondyllas* etc.

Подводя итоги заслугамъ, оказаннымъ всемірно-историческими обзорами изученію Ренесанса, можно подумать съ перваго взгляда, что этотъ отдѣлъ историческихъ знаній внесъ болѣе ошибокъ, чѣмъ разъясненій въ исторіографію Возрожденія. На самомъ дѣлѣ неопредѣленность воззрѣній на гуманизмъ Коччіо превратилась въ грубую ошибку у Карніона и Торселлини, и совершенно невѣрное представленіе роли византійскихъ грековъ въ гуманистическомъ движеніи сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе странныхъ и наиболѣе упорныхъ заблужденій въ исторической наукѣ. Съ другой стороны дѣленіе всемірной исторіи Келлера, представлявшее значительный шагъ впередъ сравнительно съ прежними и довольно удачное хронологически, не имѣло однако своимъ основаніемъ существенныхъ признаковъ историческихъ эпохъ и поставило Ренесансъ не въ надлежащее для него мѣсто. Относя гуманизмъ къ Среднимъ вѣкамъ и отдѣляя его отъ Реформаціи, Келлеръ давалъ ему неправильное освѣщеніе, и, можетъ быть, въ этомъ отчасти заключается объясненіе того страннаго факта, что всемірная исторія XVIII вѣка такъ часто обходитъ Возрожденіе гробовымъ молчаніемъ. Тѣмъ не менѣе всемірно-историческіе обзоры съ теченіемъ времени, опираясь на національно-итальянскую исторіографію и на спеціальную литературу, поставили гуманизмъ на надлежащее мѣсто и отмѣтили его связь съ другими движеніями новаго времени. Эпоха Ренесанса въ цѣломъ и общемъ занимаетъ теперь опредѣленное мѣсто среди другихъ событій всемірной исторіи, и если новѣйшій историкъ О. Егеръ обходитъ въ своей книгѣ молчаніемъ Возрожденіе, то эта странность объясняется тѣмъ, что авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на политическія событія.

III.

Отношеніе къ Ренесансу протестантскихъ и католическихъ историковъ церкви. Шрёккъ и Пасторъ. Крейтонъ. Причины слабаго интереса церковныхъ историковъ къ итальянскому гуманизму.

Сочиненія по исторіи западной церкви, какъ католической, такъ и протестантской даютъ весьма мало матеріала для фактическаго изученія Ренесанса.

Сборники біо- и библіографическихъ свѣдѣній о церковныхъ писателяхъ, составлявшіеся въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, какъ книги *Беллармина* и *Лаббé, Quétif'а* и *Echard'а*, *Cav'а* и

Warton'a[1]), даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ гуманистахъ, которые принадлежали къ монашескому или вообще къ духовному званію. Но позднѣйшіе историки церкви въ большинствѣ случаевъ обходятъ молчаніемъ гуманистическое движеніе. Такъ поступаютъ съ Ренесансомъ и Флери, и Неандеръ, и Бауръ. До настоящаго времени только весьма немногіе представители церковной исторіи выдѣляютъ гуманизмъ, какъ самостоятельный факторъ, оказавшій извѣстное вліяніе на церковную жизнь; но нельзя сказать, чтобы ихъ работы оказали значительное содѣйствіе научному разрѣшенію вопроса о значеніи итальянскаго Возрожденія для папства и Реформаціи. Изъ протестантскихъ историковъ церкви на итальянскомъ гуманизмѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается *Шрёккъ* въ 30 томѣ своей обширной „*Христіанской церковной исторіи*". Шрёккъ широко понимаетъ значеніе гуманизма. По его мнѣнію, онъ внесъ „въ высшей степени благотворное измѣненіе", которое отразилось „въ ученомъ методѣ, въ понятіяхъ и знаніяхъ въ духѣ изслѣдованія, въ соединеніи многихъ наукъ и искусствъ для общей пользы"[2]). Сознавая важность движенія, Шрёккъ даетъ сравнительно обстоятельные біографическіе очерки его представителей, составленныя по лучшимъ сочиненіямъ его времени; при чемъ онъ непосредственно знакомъ съ произведеніями наиболѣе важныхъ гуманистовъ, какъ Петрарка и Валла[3]). Правда, онъ раздѣляетъ почти общій предразсудокъ о громадномъ вліяніи на гуманизмъ византійскихъ грековъ[4]), но думаетъ только, что движеніе, начатое Петраркой и Боккаччіо, заглохло бы безъ ихъ поддержки[5]). Родоначальникомъ Ренесанса является, слѣдовательно, Петрарка, и Шрёккъ придаетъ его гуманистической дѣятельности гораздо большее значеніе, чѣмъ его итальянской поэзіи[6]). Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сочиненіи вопросъ о значеніи Ренесанса

---

[1]) *Robertus Bellarminus, De Scriptoribus Ecclesiasticis liber I. Accessit Dissertatio Philologica et Historica Philippi Labbé super eisdem Scriptoribus et Supplementum de Scriptoribus vel Scriptis Ecclesiasticis a Bellarmino omissis. Venetiis 1728* (1-е изданіе вышло въ 1684 году). *Guilielmus Cave. Scriptorum Ecclesiasticorum Historia Literaria a Christo nato usque ad Saeculum XIV. Acledit appendif Henrici Warton et Roberti Gerii. Genevae 1720. Scriptores Ordinis Praedicatorum recensiti notisque historicis et criticis illustrati a Jacobo Quetif inchoati et a Jacobo Echard absoluti. Tomi II. Lutetiae Parisiorum 1719.*

[2]) *Joh. Matthias Schröckh, Christliche Kirchengeschichte. 30-ter Theil. Leipzig 1800*, p. 144.

[3]) Ibid. 145—153 и p. 199.

[4]) Ibid. p. 144.

[5]) Ibid. p. 157.

[6]) Ibid. p. 150.

въ исторіи церкви не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ. Нѣкоторые протестантскіе историки пытались пополнить этотъ пробѣлъ, но рѣшали вопросъ или слишкомъ обще, или съ такой точки зрѣнія, которая стоитъ внѣ научной компетенціи. Такъ, *Нидперъ*, исходя изъ стараго взгляда на гуманистовъ, какъ „на свидѣтелей истины“ до Лютера, пытается опредѣлить мѣсто Ренесанса въ „Vor-Geschichte“ Реформаціи. По его мнѣнію, выраженному сжато до неясности, Ренесансъ далъ „только общія культурныя средства, которыя лежали въ совокупной греко-римской древности“; проще говоря, обогатилъ современную ему науку и просвѣщеніе прежде малоизвѣстными фактами и позабытыми идеями. Тѣмъ не менѣе Ниднеръ называетъ Ренесансъ „итальянскимъ предшественникомъ Реформаціи“ (Vor-Reformation), который стоялъ къ протестантской реформѣ „въ двоякомъ, но только посредственномъ отношеніи“: во-первыхъ, онъ стоялъ въ оппозиціи съ схоластикой, составлявшей препятствіе для церковной реформы, но боролся съ ней не ради этой цѣли; во-вторыхъ, филологическими и вообще научными успѣхами онъ создалъ средства для реформы церкви и богословія, но воспользовались этими средствами только за предѣлами Италіи[1]). Въ общемъ эти замѣчанія совершенно вѣрны; но они не исчерпываютъ вопроса и сдѣланы притомъ на основаніи крайне поверхностнаго знакомства съ движеніемъ. Ниднеръ считаетъ Возрожденіе простымъ продолженіемъ того интереса къ древности, который начался въ IX вѣкѣ и проявлялся въ XII и XIII столѣтіяхъ. Въ XV столѣтіи этотъ интересъ только усилился подъ вліяніемъ греческихъ эмигрантовъ; но въ сущности Скоттъ Эригена и Данте точно такъ же, какъ Петрарка и Боккаччіо одинаково сознавали необходимость заимствованныхъ изъ древности основъ образованія[2]). Исходя изъ той мысли, что гуманисты не были сознательными реформаторами, Ниднеръ утверждаетъ, что гуманизмъ „въ цѣломъ былъ болѣе продолженіемъ Среднихъ вѣковъ въ иной формѣ, чѣмъ проявленіемъ ихъ противоположности, ибо мѣсто во времени опредѣляется только дѣйствительными или, по крайней мѣрѣ, имѣвшимися въ виду результатами, а не тѣмъ, что̀ могло получиться или было выведено другими“[3]). Единственное исключеніе, по мнѣнію Ниднера, составлялъ Валла. Такія воззрѣнія обусловливаются не только узостью точки зрѣнія автора, который исключительно въ религіозной сторонѣ Реформаціи видитъ проявленіе новаго времени, но и малымъ

---

1) *Chr. Wilh. Niedner, Geschichte der christlichen Kirche. Lehrbuch. Leipzig 1846,* p. 559.

2) Ibid.

3) Ibid. p. 560.

знакомствомъ съ гуманистической литературой. Ставить на одну доску Данте съ Боккаччіо и выдѣлять Валлу изъ среды гуманистовъ, какъ единственное исключеніе — значитъ не понять духа Возрожденія. Такое же непониманіе обнаруживается и въ другой нѣсколько неожиданной характеристикѣ Нидперомъ Ренесанса. Гуманизмъ, который былъ, по его мнѣнію, „*дѣйствіемъ* Ренесанса въ Италіи", — это „односторонній культъ древности, и притомъ болѣе языческой или даже іудейской, нежели христіанской... въ немъ гораздо болѣе подражанія, чѣмъ новаго творчества"[1]). Крайнее выраженіе исключительно религіозной точки зрѣнія на отношеніе Ренесанса къ церкви мы находимъ, напр., въ книгѣ *Эбрарда*. Признавая Возрожденіе подготовленіемъ Реформаціи, онъ въ главѣ о гуманизмѣ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. „Какъ Христосъ Самъ, есть Богъ, явившійся во плоти, и какъ свщ. Писаніе есть вѣчная истина въ формѣ человѣческой рѣчи и письменности, то Духъ Божій не могъ дѣйствовать in abstracto, не сдѣлавши снова доступной людскому пониманію человѣчески-историческую сторону свщ. Писанія. Поэтому Провидѣнію Божію угодно было, чтобы для правящей дѣятельности св. Духа не было недостатка въ человѣческихъ орудіяхъ и средствахъ. Такимъ орудіемъ и средствомъ было вновь пробудившееся ученое знаніе древности и ея языковъ, и оно было пріобрѣтено посредствомъ умственнаго движенія, которое обыкновенно называется гуманизмомъ". Кромѣ такого вліянія на Реформацію, это „орудіе св. Духа" усвоило „матеріальное античное міросозерцаніе", съ помощію котораго оно наносило удары „псевдохристіанству"[2]). Болѣе широкаго пониманія роли итальянскаго гуманизма въ исторіи протестантскаго движенія и болѣе детальнаго изслѣдованія его культурной связи съ Реформаціей мы не находимъ у протестантскихъ церковныхъ историковъ.

Съ такою же опредѣленностью относятся къ Ренесансу тѣ изъ историковъ католической церкви, которые касаются этого движенія. Для нихъ гуманизмъ простое продолженіе средневѣковой схоластики, и если интересъ къ древности усилился въ XV вѣкѣ, то это заслуга церкви. При этомъ антикатолическія тенденціи гуманистовъ или совершенно замалчиваются, или объясняются крайнимъ увлеченіемъ языческою стариной. Такъ, Альцогъ, озаглавивши отдѣлъ, посвященный Возрожденію „мнимый Ренесансъ", утверждаетъ, что въ эту эпоху не произошло ничего особеннаго, что Скоттъ Эригена и Данте непо-

---

1) Ibid. p. 560.

2) *Joh. Ebrard, Handbuch der christlichen Kirchen- und Dogmen-Geschichte für Prediger und Studirende. II. Band. Erlangen 1865,* p. 501—502.

средственные предшественники Петрарки и Боккаччіо, что въ XV вѣкѣ соборъ во Флоренціи усилилъ интересъ къ древности, но „весь этотъ пылъ обязанъ своимъ существованіемъ церкви, вліяніе которой даетъ себя чувствовать ранѣе прибытія Константинопольскихъ изгнанниковъ, которые по большей части были то же монахи или духовныя лица“ [1]). Что касается до Валлы, то его „языческая мораль“ была слѣдствіемъ „рабскаго подражанія древности“ [2]). Болѣе высоко, повидимому, ставитъ Ренесансъ *Рорбахеръ* въ 22 томѣ своей обширной „*Всемірной исторіи католической церкви*“. По крайней мѣрѣ, онъ горячо возстаетъ противъ того мнѣнія, что виновниками Ренесанса были византійскіе греки или нѣмецкіе протестанты [3]), и считаетъ гуманистическую дѣятельность Николая V колоссальной заслугой культурѣ [4]). Вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что Возрожденіе было, по его мнѣнію, заслугой церкви, объясняется и отношеніе Рорбахера къ отдѣльнымъ гуманистамъ. Приведя по „Biographie Universelle“ біографическіе очерки наиболѣе важныхъ изъ нихъ, онъ не упоминаетъ ихъ оппозиціонныхъ сочиненій, какъ, напр., „О Дарѣ Константина“ Валлы [5]), и такимъ образомъ просто замалчиваетъ антикатолическую тенденцію всего движенія.

Но изъ всѣхъ клерикальныхъ историковъ церкви съ наибóльшимъ вниманіемъ останавливается на Ренесансѣ *Л. Пасторъ* въ 1-мъ томѣ своей еще неоконченной „*Исторіи папъ съ исхода среднихъ вѣковъ*“. Признавая, какъ несомнѣнный фактъ, что Ренесансъ начинаетъ новую эпоху, Пасторъ посвящаетъ ему обширное введеніе. Съ точки зрѣнія формальной учености книга не оставляетъ желать ничего бóльшаго: одинъ списокъ архивовъ и собраній манускриптовъ, которыми пользовался авторъ, занимаетъ три убористыхъ страницы въ большую восьмушку. Правда, изъ этихъ рукописныхъ богатствъ на долю введенія выпало очень немного; тѣмъ менѣе авторъ несомнѣнно хорошо знаетъ спеціальную литературу по Возрожденію и не чуждъ знакомства съ его источниками. Но, не смотря на это, съ введеніемъ Пастора нельзя согласиться главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что учености его книги не соотвѣтствуетъ научность пріе-

---

1) *J. Alzog, Histoire universelle de l'Èglise, traduite par Goschler et Audley. III édition. Tome II. Paris 1855*, p. 562—564.

2) Ibid. p. 565.

3) *Rohrbacher, Histoire universelle de l'Eglise Catholique. 3-e édition. Tome XXII. Paris 1858*, p. 222—223. Кто утверждалъ, что Лютеръ былъ виновникомъ гуманистическаго движенія въ Италіи, мнѣ неизвѣстно.

4) Ibid. p. 214—215.

5) Ibid. p. 221—222.

мовъ автора. Сущность взглядовъ Пастора на гуманистическое движеніе сводится къ слѣдующему: Ренесансъ — всемірно-историческое движеніе, но съ самаго начала онъ распался на два теченія: одно истинное, христіанское Возрожденіе, другое — ложное, языческое. Первое церковь поддерживала, противъ второго боролась. Посмотримъ теперь, на чемъ основанъ такой выводъ. Прежде всего, признавая всю важность гуманизма, Пасторъ понимаетъ его довольно узко. Ренесансъ, по его словамъ, — „величественное углубленіе и расширеніе изученія древности“ [1]), т.-е., одно изъ проявленій гуманистическаго движенія, одинъ изъ его признаковъ, объявленъ безъ всякихъ доказательствъ его сущностью. Простое увлеченіе древностью, одно только измѣненіе, да и то чисто внѣшнее ученаго интереса считаетъ Пасторъ могучимъ факторомъ перехода человѣчества въ новую эпоху историческаго существованія! Признаніе всемірно-исторической важности Ренесанса со стороны клерикальнаго историка является уступкою общепринятымъ научнымъ взглядомъ, которая стоитъ въ противорѣчіи съ его основными принципами, желаніемъ поставить подъ эгиду папства крупное движеніе, хотя оно по существу носило анти-католическій характеръ. Пасторъ самъ чувствуетъ неудобство положенія и въ дальнѣйшемъ изложеніи почти совершенно отказывается отъ ранѣе выраженнаго мнѣнія, что Ренесансъ былъ „могущественнымъ факторомъ“ перехода въ новое время. Ренесансъ, говоритъ онъ, представляетъ только „*въ извѣстномъ смыслѣ* разрывъ съ позднѣйшимъ средневѣковьемъ, которое болѣе, чѣмъ было справедливо, оттѣсняло античный міръ и вслѣдствіе этого пришло къ высшей степени печальному, абсолютному пренебреженію формы, *но никоимъ образомъ не разрывъ со всѣми средними вѣками*“ [2]). Такого разрыва, по его мнѣнію, и не могло существовать, такъ какъ церковь никогда не относилась враждебно къ изученію классиковъ [3]). Не отнеслась она съ враждою къ Ренесансу. „Исходя изъ того принципа, что наука сама по себѣ высокое благо, говоритъ Пасторъ, что никакое злоупотребленіе ею не оправдываетъ ея угнетенія, церковь съ самаго начала боролась только противъ языческой безнравственности и языческихъ суевѣрій, а не про-

---

[1]) *Ludwig Pastor, Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. I. Band. Freiburg 1886*, p. 1.

[2]) Ibid. p. 11.

[3]) Пасторъ старается исторически доказать это положеніе, ссылаясь на Климента Александрійскаго, Василія Великаго и другихъ раннихъ отцовъ церкви (p. 7—10); причемъ отношеніе къ классической наукѣ Григорія I и его преемниковъ обходится молчаніемъ.

тивъ греко-римской духовной культуры" [1]), т.-е. только противъ ложнаго Ренесанса, а не противъ истиннаго.

Существованіе въ гуманистическомъ движеніи различныхъ теченій подтверждается источниками, хотя при ихъ современномъ состояніи едвали возможно, какъ мы увидимъ ниже, итти далѣе простого констатированья этого факта и нѣкоторыхъ предположеній. Но то основаніе, по которому дѣлитъ направленія Ренесанса Пасторъ, рѣшительно не подтверждается источниками. „На одной сторонѣ, говоритъ онъ, въ преувеличенныхъ болѣзненныхъ мечтаніяхъ о классическихъ идеалахъ поднимали знамя исключительнаго язычества; приверженцы этого направленія хотѣли радикально жить по античному (radical antikisiren), доставить языческому духу господство въ жизни и въ мысли, устранивши, какъ извращенное, все существующее. На другой сторонѣ стремились къ тому, чтобы привести въ согласіе вновь притекающіе элементы образованія съ идейнымъ содержаніемъ христіанства и съ наличными политическими и соціальными формами. Одно направленіе представляло фальшивый языческій Ренесансъ, другое — истинный христіанскій" [2]). Гуманизмъ до половины XV столѣтія (а изъ этого времени беретъ свои примѣры Пасторъ) рѣшительно не поддается такому дѣленію. То, что Пасторъ считаетъ признакомъ „истиннаго" Ренесанса, принадлежало всѣмъ гуманистамъ; а „знамя исключительнаго паганизма" не имѣетъ никакой опоры въ источникахъ. Что касается „до языческаго духа", то, если понимать его, какъ оппозицію средневѣковому папству и монашеству, онъ встрѣчается въ произведеніяхъ гуманистовъ обѣихъ категорій.

Несостоятельность дѣленія Пастора обнаруживается на его же собственныхъ примѣрахъ. Такъ, проявленіемъ фальшиваго гуманизма въ Петраркѣ онъ считаетъ его безсиліе передъ чувственными порывами, презрѣніе къ схоластикѣ, стремленіе къ славѣ и даже погоню за доходными мѣстами, въ Боккаччіо его Декамеронъ съ нападеніями на духовныхъ лицъ [3]), какъ будто это свойственно было только „фальшивымъ" гуманистамъ. Но оба знаменитые писателя не были „врагами церкви" и отнесены къ истиннымъ гуманистамъ. Существеннымъ признакомъ фальшиваго гуманизма Пасторъ считаетъ абсолютный паганизмъ; но его попытка фактически доказать существо-

[1] Ibid. p. 7. Это положеніе едва ли можно доказать фактами. Напр. Epistolae sine titulo Петрарки чужды всякаго паганизма; но онѣ были подвергнуты церковному осужденію. То же самое можно сказать о Дарѣ Константина Валлы.

[2]) Ibid. p. 11—12. Ср. p. 10, 35 и 42 для «истиннаго» гуманизма и p. 25—26 для «ложнаго».

[3]) Ibid. p. 3 и 4.

ваніе настоящихъ язычниковъ между гуманистами не можетъ быть признана удачной. Прежде всего онъ ссылается на извѣстную инвективу Чино да Риннучини[1]), который отрицаетъ въ порицателяхъ Петрарки и Боккаччіо всякое семейное чувство, всякое желаніе работать на пользу государству, говоритъ, что они отвергаютъ чудеса и считаютъ болѣе вѣроятнымъ существованіе ложныхъ языческихъ боговъ, чѣмъ истиннаго христіанскаго. Нужно замѣтить, что инвектива написана въ самомъ началѣ XV столѣтія во Флоренціи, когда во главѣ гуманистическаго движенія стоялъ благочестивый Салютати. Ниже мы подробно разсмотримъ гуманистовъ этого періода, между которыми нѣтъ ни одного, подходящаго подъ характеристику Риннучини. Другимъ аргументомъ Пастора являются слова Петрарки, что нѣкоторые философы презираютъ христіанство; но онъ умалчиваетъ, что эти слова относятся къ Аверроистамъ, а не къ гуманистамъ. Далѣе онъ думаетъ доказать эту мысль во-первыхъ тѣмъ, что Ринальдо Альбицци считалъ несовмѣстимой съ христіанской вѣрой языческую науку, но такого же мнѣнія держался папа Григорій I и противники гуманизма въ XV вѣкѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что Марсуппини умеръ безъ покаянія, хотя и неизвѣстно, по какой причинѣ. Наконецъ, для этой же цѣли Пасторъ дѣлаетъ весьма неудачную ссылку на Геттнера, по словамъ котораго „Л. Марсильи и К. Салютати жили исключительно въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Цицерона, Виргилія и Сенеки. Болѣе, чѣмъ о Богѣ, говорили объ античныхъ понятіяхъ Фатума и Фортуны“[2]). О воззрѣніяхъ Марсильи мы почти ничего не знаемъ; что касается до Салютати, то его неизданные трактаты, анализъ которыхъ впервые сдѣланъ въ нашей книгѣ, ясно показываютъ, что этотъ гуманистъ стоялъ къ среднимъ вѣкамъ гораздо ближе, чѣмъ Петрарка.

Самые примѣры представителей обоихъ направленій, выбранные Пасторомъ совершенно произвольно, не подтверждаютъ его дѣленія. Наилучшимъ выразителемъ тенденцій „фальшиваго“ Ренесанса онъ считаетъ Валлу. Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ, насколько вѣрна общая характеристика этого гуманиста, сдѣланная Пасторомъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что тѣ его произведенія, въ которыхъ Пасторъ видитъ паганизмъ, — De Voluptate, De Professione religiosorum и

---

[1]) См. о ней ниже въ главѣ о флорентійскихъ гуманистахъ.

[2]) Доказательства существованія крайняго паганизма см. p. 23—24. Приведя цитату изъ Геттнера, Пасторъ выражаетъ желаніе, чтобы «*Lehrgedicht*» Салютати de Fato et Fortuna было напечатано. Ibid. p. 24. Читатель найдетъ ниже изложеніе и оцѣнку этого обширнаго *прозаическаго* трактата, который совсѣмъ не подтверждаетъ словъ Геттнера.

тивъ греко-римской духовной культуры" [1]), т.-е. только противъ ложнаго Ренесанса, а не противъ истиннаго.

Существованіе въ гуманистическомъ движеніи различныхъ теченій подтверждается источниками, хотя при ихъ современномъ состояніи едвали возможно, какъ мы увидимъ ниже, итти далѣе простого констатированья этого факта и нѣкоторыхъ предположеній. Но то основаніе, по которому дѣлитъ направленія Ренесанса Пасторъ, рѣшительно не подтверждается источниками. „На одной сторонѣ, говоритъ онъ, въ преувеличенныхъ болѣзненныхъ мечтаніяхъ о классическихъ идеалахъ поднимали знамя исключительнаго язычества; приверженцы этого направленія хотѣли радикально жить по античному (radical antikisiren), доставить языческому духу господство въ жизни и въ мысли, устранивши, какъ извращенное, все существующее. На другой сторонѣ стремились къ тому, чтобы привести въ согласіе вновь притекающіе элементы образованія съ идейнымъ содержаніемъ христіанства и съ наличными политическими и соціальными формами. Одно направленіе представляло фальшивый языческій Ренесансъ, другое — истинный христіанскій" [2]). Гуманизмъ до половины XV столѣтія (а изъ этого времени беретъ свои примѣры Пасторъ) рѣшительно не поддается такому дѣленію. То, что Пасторъ считаетъ признакомъ „истиннаго" Ренесанса, принадлежало всѣмъ гуманистамъ; а „знамя исключительнаго паганизма" не имѣетъ никакой опоры въ источникахъ. Что касается „до языческаго духа", то, если понимать его, какъ оппозицію средневѣковому папству и монашеству, онъ встрѣчается въ произведеніяхъ гуманистовъ обѣихъ категорій.

Несостоятельность дѣленія Пастора обнаруживается на его же собственныхъ примѣрахъ. Такъ, проявленіемъ фальшиваго гуманизма въ Петраркѣ онъ считаетъ его безсиліе передъ чувственными порывами, презрѣніе къ схоластикѣ, стремленіе къ славѣ и даже погоню за доходными мѣстами, въ Боккаччіо его Декамеронъ съ нападеніями на духовныхъ лицъ [3]), какъ будто это свойственно было только „фальшивымъ" гуманистамъ. Но оба знаменитые писателя не были „врагами церкви" и отнесены къ истиннымъ гуманистамъ. Существеннымъ признакомъ фальшиваго гуманизма Пасторъ считаетъ абсолютный паганизмъ; но его попытка фактически доказать существо-

---

[1]) Ibid. p. 7. Это положеніе едва ли можно доказать фактами. Напр. Epistolae sine titulo Петрарки чужды всякаго паганизма; но они были подвергнуты церковному осужденію. То же самое можно сказать о Дарѣ Константина Валлы.

[2]) Ibid. p. 11—12. Ср. p. 10, 35 и 42 для «истиннаго» гуманизма и p. 25—26 для «ложнаго».

[3]) Ibid. p. 3 и 4.

ваніе настоящихъ язычниковъ между гуманистами не можетъ быть признана удачной. Прежде всего онъ ссылается на извѣстную инвективу Чино да Риннучини[1]), который отрицаетъ въ порицателяхъ Петрарки и Боккаччіо всякое семейное чувство, всякое желаніе работать на пользу государству, говоритъ, что они отвергаютъ чудеса и считаютъ болѣе вѣроятнымъ существованіе ложныхъ языческихъ боговъ, чѣмъ истиннаго христіанскаго. Нужно замѣтить, что инвектива написана въ самомъ началѣ XV столѣтія во Флоренціи, когда во главѣ гуманистическаго движенія стоялъ благочестивый Салютати. Ниже мы подробно разсмотримъ гуманистовъ этого періода, между которыми нѣтъ ни одного, подходящаго подъ характеристику Риннучини. Другимъ аргументомъ Пастора являются слова Петрарки, что нѣкоторые философы презираютъ христіанство; но онъ умалчиваетъ, что эти слова относятся къ Аверроистамъ, а не къ гуманистамъ. Далѣе онъ думаетъ доказать эту мысль во-первыхъ тѣмъ, что Ринальдо Альбицци считалъ несовмѣстимой съ христіанской вѣрой языческую науку, но такого же мнѣнія держался папа Григорій I и противники гуманизма въ XV вѣкѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что Марсуппини умеръ безъ покаянія, хотя и неизвѣстно, по какой причинѣ. Наконецъ, для этой же цѣли Пасторъ дѣлаетъ весьма неудачную ссылку на Геттнера, по словамъ котораго „Л. Марсильи и К. Салютати жили исключительно въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Цицерона, Виргилія и Сенеки. Болѣе, чѣмъ о Богѣ, говорили объ античныхъ понятіяхъ Фатума и Фортуны“[2]). О воззрѣніяхъ Марсильи мы почти ничего не знаемъ; что касается до Салютати, то его неизданные трактаты, анализъ которыхъ впервые сдѣланъ въ нашей книгѣ, ясно показываютъ, что этотъ гуманистъ стоялъ къ среднимъ вѣкамъ гораздо ближе, чѣмъ Петрарка.

Самые примѣры представителей обоихъ направленій, выбранные Пасторомъ совершенно произвольно, не подтверждаютъ его дѣленія. Наилучшимъ выразителемъ тенденцій „фальшиваго“ Ренесанса онъ считаетъ Валлу. Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ, насколько вѣрна общая характеристика этого гуманиста, сдѣланная Пасторомъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что тѣ его произведенія, въ которыхъ Пасторъ видитъ паганизмъ, — De Voluptate, De Professione religiosorum и

---

[1]) См. о ней ниже въ главѣ о флорентійскихъ гуманистахъ.

[2]) Доказательства существованія крайняго паганизма см. p. 23—24. Приведя цитату изъ Геттнера, Пасторъ выражаетъ желаніе, чтобы «*Lehrgedicht*» Салютати de Fato et Fortuna было напечатано. Ibid. p. 24. Читатель найдетъ ниже изложеніе и оцѣнку этого обширнаго *прозаическаго* трактата, который совсѣмъ не подтверждаетъ словъ Геттнера.

религіозными вопросами и написалъ въ защиту христіанства противъ евреевъ рядъ сочиненій, оставшихся по большей части неизданными. Но въ то же время онъ усвоилъ и гуманистическія воззрѣнія, и его книга: „О достоинствѣ человѣка“ очень понравилась Альфонсу Неаполитанскому, но была осуждена Тридентскимъ соборомъ (объ этомъ Пасторъ тоже умалчиваетъ). Манетти пытался было примирить католическія воззрѣнія съ гуманистическими, но его неизданный діалогъ Symposium, анализъ котораго читатель найдетъ въ нашей книгѣ, показываетъ, что эта попытка окончилась неудачей. Тоже самое было и съ Веджіо, котораго Пасторъ также считаетъ представителемъ „христіанскаго“ гуманизма, съ тою разницею, что Веджіо въ молодости былъ гуманистомъ, а подъ старость вернулся въ нѣдра средневѣковой церкви Остальные представители „истиннаго“ направленія въ Ренесансѣ — Траверсари, Николай V, и венеціанскіе гуманисты: Фр. Барбаро и Корраро — не подходятъ подъ собственное опредѣленіе Пастора, потому что они и не пытались примирять античныхъ воззрѣній съ христіанствомъ. Это были филологи, антиквары и библіофилы, которыхъ гуманистическое настроеніе или совсѣмъ не захватило, какъ Траверсари, или коснулось сравнительно слабо.

Самая цѣнная для исторіи Ренесанса сторона книги Пастора — *фактическое* изложеніе отношеній папъ къ гуманизму. Ученый авторъ сообщаетъ здѣсь много новаго матеріала, заимствованнаго по большей части изъ Тайнаго архива въ Ватиканѣ[1]). Но общая характеристика этихъ отношеній и здѣсь вызываетъ возраженія. „Не чрезмѣрная переоцѣнка или даже обоготвореніе языческихъ писателей, говоритъ Пасторъ, а мудрое пользованіе ими въ христіанскомъ духѣ; не одностороннее увлеченіе формальнымъ, но оцѣнка содержанія въ нравственно-религіозномъ интересѣ, связь учености съ христіанскимъ образомъ жизни — вотъ къ чему стремилась церковь“[2]). Но почему же представитель „ложнаго“ гуманизма Поджіо, по его собственному выраженію, „посѣдѣлъ на службѣ въ куріи“, а „язычникъ“ Валла былъ обласканъ папою? Не идеи, а покладистое перо гуманистовъ нужно было куріи; а къ ихъ воззрѣніямъ она относилась равнодушно. Фацеціи Поджіо показываютъ, какое настроеніе царило въ апостольской канцеляріи; папы не могли не знать объ этомъ, но это не мѣшало имъ пользоваться услугами гуманистовъ точно такъ же, какъ они пользовались кондотьерами.

Но не смотря на всѣ усилія Пастора пропѣть по поводу Ренесанса новую хвалу средневѣковому папству, въ концѣ введенія онъ

1) См. p. 45—49 и passim въ самомъ текстѣ и приложеніяхъ.
2) Ibid. p. 10.

отказывается разрѣшить тотъ вопросъ, который былъ поставленъ имъ въ началѣ, т.-е. „выяснить отношеніе Возрожденія къ церкви и папству“ [1]). „Двойной характеръ Ренесанса, говоритъ онъ, дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ правильно взвѣсить пользу и вредъ отъ него для церкви и религіи. Вообще приговоръ о такихъ предметахъ, не взирая на случайность дошедшихъ до насъ извѣстій объ отдѣльныхъ личностяхъ — сомнительное дѣло. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, человѣческое пониманіе слишкомъ слабо, чтобы вывести абсолютную сумму цѣлаго“ [2]). Какъ ни свободно отношеніе клерикальнаго историка къ источникамъ, онъ не рѣшается утверждать, что первое движеніе новаго періода въ жизни человѣчества совершилось ad majorem gloriam средневѣковаго института [3]).

Съ меньшимъ вниманіемъ относится къ Ренесансу англійскій историкъ новаго папства *Крейтонъ*. Онъ посвящаетъ гуманистическому движенію небольшую главу при обзорѣ дѣятельности Николая V, и по фактическимъ даннымъ, а также по основной точкѣ зрѣнія на сущность Возрожденія и на его историческое значеніе этотъ очеркъ не представляетъ ничего новаго, повторяя въ общемъ воззрѣнія Буркгардта. Но выводя изъ индивидуализма все движеніе и объясняя имъ ходъ развитія гуманизма и его отношеніе къ папству и реформѣ, авторъ высказываетъ нѣсколько вполнѣ оригинальныхъ положеній. Какъ истый англичанинъ, Крейтонъ считаетъ индиви-

---

1) Ibid. p. 1.

2) Ibid. p. 42.

3) Протестантскій историкъ новаго папства Л. Ранке не захватываетъ въ своей книгѣ занимающей насъ эпохи и только мимоходомъ даетъ общую характеристику итальянскаго гуманизма до Льва X. «Говорить о развитіи въ эту эпоху самостоятельнаго научнаго духа, объ открытіи новыхъ истинъ, о созданіи новыхъ идей значило бы сказать слишкомъ много, говоритъ Ранке. Старались только понять древнихъ и дальше нихъ не шли. Ихъ вліяніе заключалось болѣе въ подражаніи, которое они вызвали, чѣмъ въ томъ, что они дали поводъ къ продуктивной научной дѣятельности. Въ этомъ подражаніи заключается одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія той эпохи». (*L. von Ranke, Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten. I. Leipzig 1878*. Въ Sämmtliche Werke 3. Gesammtausgabe. Band 37, p. 41—42). Эпоха Возрожденія осталась внѣ спеціальныхъ занятій знаменитаго историка, и это отразилось въ его воззрѣніяхъ на гуманизмъ. Уже міросозерцаніе Петрарки заключаетъ въ себѣ массу новыхъ идей для того времени; раціоналистическіе пріемы въ критикѣ основаній общественной и индивидуальной жизни въ сочиненіяхъ Поджіо, Валлы, Альберти и другихъ также явленіе по существу совершенно новое. Нельзя отрицать точно также «самостоятельнаго научнаго духа» въ работахъ гуманистовъ, а въ особенности въ ихъ опытахъ филологической и исторической критики. Суть движенія заключалась не въ подражаніи классикамъ, а въ томъ настроеніи, которымъ оно было вызвано и которое опредѣляло его объемъ.

дуализмъ естественнымъ состояніемъ общества, и если въ средніе вѣка „индивидуумъ не имѣлъ мѣста", то только потому, что общество тогда только-что организовывалось на новыхъ началахъ и вело борьбу противъ анархіи. Съ окончаніемъ этого процесса индивидуумъ немедленно вступилъ вь свои права[1]). Такимъ образомъ гуманистическое движеніе не имѣло какихъ-нибудь специфическихъ причинъ, и остается только непонятнымъ, почему оно не началось раньше, потому что средневѣковая общественная организація закончилась гораздо раньше XIV столѣтія.

Классическая литература съ этой точки зрѣнія играла двоякую роль: она сдѣлалась „драгоцѣннымъ образцомъ" и для индивидуальнаго чувства и для его выраженія; а такъ какъ она была для Италіи національной литературой прошлаго, то это послужило причиной болѣе ранняго появленія гуманизма въ этой странѣ, потому что другіе народы не находили подобныхъ образцовъ въ своемъ прошломъ[2]). Сравнительно большей культурности Италіи Крейтонъ не придаетъ значенія въ этомъ движеніи, потому что не считаетъ, повидимому, индивидуализмъ результатомъ культурнаго роста личности.

Развитіе гуманизма, по Крейтону, состоитъ въ эволюціи индивидуализма. Онъ замѣчаетъ его уже въ Данте; но авторъ Божественной Комедіи пытался переработать на новыхъ началахъ идеалъ Григорія VII; а такая попытка не могла быть удачной, потому что обѣ основы этого идеала — папство и имперія — находились въ то время въ состояніи окончательнаго упадка. Вслѣдствіе этого индивидуализмъ направляется все болѣе и болѣе на изученіе человѣка и произведеній его творчества „Петрарка, говоритъ Крейтонъ, не идетъ далѣе выраженія фазисовъ чувства; но ихъ изученіе привело къ болѣе широкому представленію о разнообразіи индивидуальной жизни, къ представленію, которое оживило реальностью страницы Боккаччіо. Эта несомнѣнно гуманная и индивидуальная литература принесла съ собою живое чувство красоты, высокую оцѣнку формы и стремленіе къ болѣе совершенному стилю". Отсюда увлеченіе классическими писателями, отсюда равнодушіе къ церковной реформѣ. „Вмѣсто того, чтобы стремиться возстановить падающій идеалъ единаго христіанства, Италія посвятила себя развитію индивидуальной жизни; вмѣсто работы для реформы церкви, Италія была занята выработкою литературнаго и художественнаго стиля"[3]). Разсмотрѣть Ренесансъ, какъ

---

1) *Creighton. A History of the Papacy during the period of the Reformation. Vol. II. London 1882,* p. 331.

2) Ibid. 331—332.

3) Ibid. 332—333.

эволюцію индивидуализма — задача, совершенно правильно поставленная для историка этого движенія; но съ тѣми намеками на ея рѣшеніе, которые даетъ Крейтонъ, нельзя вполнѣ согласиться. Прежде всего изученіе личности едва ли было результатомъ *только* паденія средневѣковыхъ устоевъ, хотя это обстоятельство и могло усилить такое направленіе. Кромѣ того, Крейтонъ слишкомъ узко понимаетъ индивидуализмъ ранняго Возрожденія. Не только чувства представляли интересъ для гуманистовъ, и они увлекались не только стилемъ. Происходила работа болѣе глубокая и болѣе разносторонняя, потому что Возрожденіе перестраивало на новыхъ началахъ все міросозерцаніе. Но несомнѣнной заслугой Крейтона остается тотъ фактъ, что онъ выставилъ на первый планъ роль индивидуализма въ гуманистическомъ движеніи и съ этой точки зрѣнія освѣтилъ нѣкоторыя его стороны. Особенно хорошо формулировано у него отношеніе гуманизма къ Реформаціи. „Итальянцы, говоритъ онъ, стремились упрочить индивидуальную эмансипацію отъ внѣшнихъ системъ культурными средствами; Тевтоны желали приладить христіанскую систему къ требованіямъ пробудившагося индивидуума. Ренесансъ и Реформація начали принимать различныя направленія“[1]).

Въ новѣйшемъ обзорѣ церковной исторіи въ средніе вѣка *Карлъ Шмидтъ*, совершенно свободный отъ клерикальныхъ тенденцій, даетъ однако въ очеркѣ, посвященномъ итальянскому гуманизму, весьма неточное объясненіе этому движенію. Внутреннія, психологическія основы Возрожденія остаются незамѣченными Шмидтомъ и все сводится къ малопонятному вліянію древности и византійскихъ грековъ. Петрарка и Боккаччіо подражали древнимъ; но въ XIV вѣкѣ „не шли далѣе литературнаго подражанія“. Затѣмъ пришли греки изъ Константинополя и создали гуманистическое движеніе, которое Шмидтъ характеризуетъ безъ различія стадій его развитія; при чемъ паганизмъ и антихристіанское направленіе подчеркиваются, какъ характерный признакъ Ренесанса[2]). Картина получается смутная, и невѣрная исходная точка зрѣнія на Возрожденіе приводитъ къ односторонней и слишкомъ узкой оцѣнкѣ его результатовъ. „Нельзя отрицать, говоритъ Шмидтъ, результатовъ итальянскаго Ренесанса для красоты литературной и артистической формы, для классическаго воспитанія юношества, для пробужденія научныхъ занятій другихъ народовъ; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ средствомъ возродить

---

[1]) Ibid. p. 333.

[2]) *Charles Schmidt. Precis de l'histoire de l'église d'Occident pendant le moyen age. Paris 1885,* p. 425 и слѣд.

христіанство" [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что итальянскіе гуманисты были лишены свойствъ, необходимыхъ религіознымъ реформаторамъ; но изъ этого не слѣдуетъ, что значеніе движенія исчерпывалось столь ограниченными результатами.

Могучее реформаціонное движеніе XVI столѣтія, совершившее столь глубокій переворотъ на всемъ Западѣ, можетъ нѣсколько затемнять Ренесансъ въ глазахъ изслѣдователей начала новой исторіи. Совершенно естественно, что церковнымъ историкамъ особенно трудно освободиться отъ подавляющаго впечатлѣнія, которое производитъ колоссальное движеніе въ религіозной жизни XVI вѣка, позднѣйшія послѣдствія котораго во многихъ отношеніяхъ сливаются съ результатами гуманизма. Можетъ быть въ этомъ нужно искать объясненія того факта, что крупные протестантскіе историки церкви игнорируютъ Ренесансъ. Что касается до католическихъ изслѣдователей въ этой сферѣ исторической науки, то для нихъ гуманистическое движеніе точно также не представляетъ особеннаго интереса. Всемірно-историческое значеніе гуманизма стоитъ въ рѣзкой оппозиціи къ средневѣковому папству и покровительство этому движенію со стороны св. Престола является несомнѣннымъ противорѣчіемъ основнымъ тенденціямъ непогрѣшимыхъ преемниковъ св. Петра. Тѣмъ не менѣе католическіе писатели пытались обработать Ренесансъ въ интересахъ церкви; но эти попытки гораздо важнѣе для характеристики клерикальной исторіографіи, чѣмъ для выясненія историческаго значенія гуманизма.

IV.

Заслуги въ изученіи Ренесанса историковъ культуры. — Вліяніе Мейнерса на исторіографію Возрожденія. — Matter и Гизо. — Взглядъ Рюккерта на значеніе въ гуманистическомъ движеніи итальянскаго народнаго характера и его дѣленіе Ренесанса на періоды. — Отношеніе къ Возрожденію Лорана, Генне-амРина и Гелльвальда.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ исторіографіи появилось новое направленіе. „*Essai sur les moeurs*" Вольтера положило начало культурной исторіи и оказало сильное вліяніе на нѣмецкую исторіографію. Для исторіографіи Ренесанса это направленіе должно было имѣть большое значеніе. Если историки, обращавшіе главное вниманіе на внѣшнія событія народной жизни и на политическій строй,

---

[1]) Ibid. p. 429—430.

могли обходить молчаніемъ переворотъ, который непосредственно не создалъ крупныхъ внѣшнихъ событій и не отразился замѣтными перемѣнами въ учрежденіяхъ, то для изслѣдователя культуры Ренесансъ является крупнѣйшимъ фактомъ начала новой исторіи. Измѣненія, произведенныя гуманистическимъ движеніемъ въ этой сферѣ, бросались въ глаза, и если историкъ культуры ограничивался даже внѣшнимъ изученіемъ нравовъ и не углублялся въ изученіе идей и вѣрованій, искусства и науки, то и въ такомъ случаѣ его вниманіе должны были привлечь такія явленія, какъ почти поголовное меценатство государей, какъ поиски за рукописями и основаніе публичныхъ библіотекъ. И въ дѣйствительности историки культуры относятся къ Ренесансу съ несравненно бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ изслѣдователи другихъ сторонъ исторической жизни, и въ лицѣ Мейнерса на первыхъ же шагахъ оказали значительныя услуги его изученію.

Но одно нѣмецкое сочиненіе ранѣе Фогта и Бургардта не имѣло такого вліянія на исторіографію Возрожденія, какъ „*Историческое сравненіе Среднихъ вѣковъ съ нашимъ столѣтіемъ*“ *Мейнерса*[1]). Поставивъ своей задачей выяснить сущность истиннаго просвѣщенія, Мейнерсъ сравниваетъ средневѣковую культуру съ современной ему цивилизаціей и посвящаетъ цѣлую главу ея родоначальникамъ — дѣятелямъ Возрожденія[2]). Въ гуманизмѣ онъ видитъ „первыя начала истиннаго просвѣщенія“, въ Петраркѣ — одного изъ величайшихъ людей XIV и XV столѣтій[3]). Основная цѣль главы — выяснить характеръ тогдашней науки и ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на все движеніе. Анализировавъ дѣятельность Петрарки и его преемниковъ, Мейнерсъ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, не лишеннымъ мѣткости и глубины. Прежде всего онъ вѣрно подмѣтилъ, что античная литература не составляла цѣли научныхъ занятій Петрарки, а являлась только средствомъ для умственнаго и нравственнаго улучшенія. „Онъ читалъ древнихъ писателей, говоритъ Мейнерсъ, главнымъ образомъ съ цѣлью просвѣтить свой умъ и улучшить сердце, не пренебрегая для этого языкомъ“[4]). Суть движенія заключалась не въ формальномъ и даже не въ реальномъ только изученіи

---

[1]) *C. Meiners, Historische Vergleichung der Sitten, und Verfassungen, der Gesetze, und Gewerbe, des Handels, und der Religion, der Wissenschaften, und Lehranstalten des Mittelalters mit denen unsers Jahrhunderts in Rücksicht auf die Vortheile und Nachtheile der Aufklärung. 3 Bände. Hannover 1793—1794.*

[2]) B. III, p. 94—181.

[3]) Ibid. p. 95.

[4]) Ibid. p. 123.

древняго міра; оно сводится къ выработкѣ истиннаго просвѣщенія, какъ понимали его въ XVIII вѣкѣ, т.-е. къ раціоналистической борьбѣ противъ предразсудковъ и къ культурному воспитанію общества. Такая точка зрѣнія помогла Мейнерсу правильнѣе понять происхожденіе движенія. Онъ рѣзко возстаетъ противъ укоренившейся ошибки, что византійскіе греки создали Возрожденіе. Оно вызвано мѣстными, западно-европейскими причинами, и „если бы никакой Хризолоръ не пришелъ въ Италію, то греческій языкъ поэтому не остался бы долѣе неизвѣстнымъ“[1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Мейнерсъ не далъ полной и обстоятельной характеристики гуманистическаго движенія и что его выводы окрашены нѣсколько современнымъ ему настроеніемъ; но онъ стоялъ на правильномъ пути къ истинному пониманію эпохи и держался вѣрнаго метода. Въ его книгѣ видно непосредственное знакомство съ источниками, особенно по отношенію къ Петраркѣ. Мейнерсъ читалъ его латинскія произведенія и приводитъ въ переводѣ длинные отрывки изъ его переписки. Для его преемниковъ онъ пользуется также иногда непосредственными источниками и въ особенности данными, собранными въ различныхъ изданіяхъ Мегуса[2]), который лежитъ въ основаніи и большинства новѣйшихъ работъ по Возрожденію. Благодаря этому, Мейнерсу принадлежитъ столь крупная заслуга въ изученіи гуманистической эпохи, что можно значительно возвысить ту оцѣнку, которую даетъ ему новѣйшій историкъ нѣмецкой исторіографіи[3]).

Но правильная постановка вопроса о византійскомъ вліяніи Мейнерсомъ не могла вполнѣ искоренить старой ошибки. Іенскій профессоръ философіи *К. Л. Вольтманъ*, въ своей *„Исторіи новаго человѣчества“*, вышедшей два года спустя, не признавая особаго значенія за Ренесансомъ, считаетъ его дѣломъ грековъ и съ философскимъ глубокомысліемъ говоритъ о заслугахъ турокъ въ ниспроверженіи схоластики[4]). Совершенно на той же точкѣ зрѣнія стоитъ *Эйхгорнъ* въ своей *„Всеобщей исторіи культуры и литературы*

---

1) Ibid. p. 163.

2) О Mehus'ѣ см. ниже passim.

3) См. Wegele, p. 850.

4) *K. L. Woltmann, Grundriss der neueren Menschengeschichte.* I. Theil. Jena 1796. Aufmerksamkeit muss es dabei erregen, говоритъ авторъ, dass dieselben Barbarn, welche die politische Macht der Arabern stürzten, auch entfernte Ursache vom Sturz der scholastischen Philosophie und Teologie wurden, durch welche der Arabische Aristoteles ohne sein Verschulden die occidentalische gelehrte Welt tyrannisirte, p. 134.

новой Европы". XIV столѣтіе представляется ему эпохой полнаго застоя, Данте и Петрарка были загадочными явленіями, которыя были непонятны современникамъ; также мало понимали и классиковъ. Только греки воскресили греческихъ музъ, которыя „пробудили къ новой жизни своихъ римскихъ сестеръ"[1]). Эту же ошибку повторилъ почти полстолѣтіемъ позже *Э. Арндтъ* въ своемъ „*Опытѣ сравнительной исторіи народовъ*"[2]). Зато *Мейзель* въ „*Исторіи учености*" уже цитируетъ Мейнерса, но еще колеблется во взглядахъ на причины Возрожденія и считаетъ его виновникомъ то византійскихъ грековъ, то Петрарку[3]), и рѣшительно относитъ самую эпоху къ средневѣковому періоду[4]). Но его книга въ свое время могла имѣть то значеніе, что въ ней находится списокъ главнѣйшихъ гуманистовъ съ указаніемъ ихъ наиболѣе важныхъ сочиненій, а иногда и литературы предмета[5]). Гораздо замѣтнѣе вліяніе Мейнерса въ „*Исторіи европейскихъ нравовъ*" *В. Ваксмута*. Ваксмутъ уже выдѣляетъ Возрожденіе, какъ особое историческое явленіе и отводитъ ему довольно много мѣста въ своей книгѣ[6]). По существу Ренесансъ представляется ему какъ эпоха въ изученіи классической древности и въ этомъ смыслѣ составленъ имъ внѣшній очеркъ гуманистическаго движенія; но онъ думаетъ, что это время „съ правомъ называется возстановленіемъ наукъ" вообще. „Изученіемъ классическихъ языковъ и литературы, говоритъ онъ, былъ возбужденъ духъ научности, и ни одна наука, взятая въ отдѣльности, не осталась незатронутой его вліяніями"[7]). Вліяніе изученія древности, по его мнѣнію, было особенно благотворно потому, что занятія были направлены на духовное развитіе вообще[8]). Но тогдашнее состояніе спеціальной литературы не дало возможности Ваксмуту фактами доказать свое общее положеніе. Самостоятельнаго знакомства съ источниками у него

---

1) *Joh. Gottfr. Eichhorn, Allgemeine Geschichte der Litteratur und Cultur des neueren Europa. I. Band. Göttingen 1796*, p. XXIX — XXX, XXXII, XXXIX — XL и XLI.

2) *E. M. Arndt, Versuch in vergleichender Völkergeschichte. Leipzig 1844*, p. 113.

3) *Joh. Georg Meusel, Leitfaden zur Geschichte der Gelehrsamkeit. Zweite Abtheilung. Leipzig 1799*, p. 673 и 797.

4) Fünfter Zeitraum. Von der Zeit der Kreuzzüge bis zum Ende des Mittelalters. Von 1100—1500 nach Chr. Geb.

5) Ibid. p. 696—700, 712—716 и 797—801.

6) *Wilhelm Wachsmuth, Europäische Sittengeschichte vom Ursprunge volksthümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit. IV. Theil. Das Zeitalter des Verfalls mittelalterlicher Zustände. Leipzig 1837*, p. 230—256.

7) Ibid. p. 230.

8) Ibid. p. 250.

нѣтъ[1]), вслѣдствіе этого при изображеніи политическаго и культурнаго строя онъ совсѣмъ не упоминаетъ о вліяніи Ренесанса, а въ доказательство его вліянія на науку просто перечисляются появившіяся въ эту эпоху сочиненія по исторіи философіи и математикѣ. Въ сферѣ богословія, права, естественныхъ наукъ и медицины Ваксмуту не удалось указать такихъ произведеній, что̀ вынудило его ограничить свое положеніе о всесторонности научнаго вліянія Ренесанса[2]).

Въ „*Исторіи моральныхъ и политическихъ доктринъ за три послѣднія столѣтія*“ Matter'a, вышедшей годомъ раньше книги Ваксмута, эпоха Возрожденія понята еще глубже̇. Изученіе классической древности было, по его мнѣнію, началомъ новаго прогресса, потому что привело къ „эмансипаціи“ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній[3]). Но онъ усвоилъ ошибочную точку зрѣнія предшествующихъ изслѣдователей, что Ренесансъ создали византійскіе греки, и эта ошибка повлекла за собою невѣрное хронологическое опредѣленіе эпохи[4]) и искаженное изложеніе внѣшняго хода ея исторіи. Освобожденіе философіи, по его мнѣнію, было заслугою Помпонацци; политику освободилъ Макіавелли, но оба они были только „ученики“ грековъ[5]). До 1453 года „религія направляла мораль и политику“, царила средневѣковая „теократія“, и „весь этотъ порядокъ вещей, всѣ эти доктрины и учрежденія византійскіе бѣглецы поколебали въ самыхъ ихъ основаніяхъ; они разорвали договоръ между религіей и философіей, отдѣлили мораль отъ политики и произвели двоякую эмансипацію, повсюду замѣняя авторитетъ обсужденіемъ и неподвижность прогрессомъ“[6]). Этотъ колоссальный переворотъ произведенъ былъ незамѣтно для самихъ реформаторовъ. „Они, какъ бы противъ воли (comme malgré eux) совершили колоссальную революцію сначала своимъ появленіемъ, потомъ принесенными съ собой книгами и наконецъ своими учениками“[7]). Принесенныя книги „внушили вкусъ къ критикѣ, любовь къ свободѣ, ненависть къ деспотизму,

[1]) Die folgende anspruchlose Übersicht zumeist nach Meiners Lebensbeschreibungen, Heeren und Wachler, говоритъ онъ самъ о своемъ внѣшнемъ очеркѣ гуманизма. Ibid. p. 231.

[2]) Die übrigen Wissenschaften wurden nur wenig von dem Geiste der humanistischen Studien bewegt. Ibid. p. 254.

[3]) *Matter, Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. T. I. Paris 1836,* p. 29 и 30.

[4]) Première période. De la Renaissance et la Réforme (1453—1517). Période de 64 ans. Ibid. p. 29.

[5]) Ibid. p. 30.

[6]) Ibid. p. 38. Cp. p. 35.

[7]) Ibid. p. 46.

презрѣніе къ варварству. А развѣ это не значило нападать на все существующее"[1])? Исторія Ренесанса при такой точкѣ зрѣнія получаетъ странный, какой-то наносный характеръ; глубокое движеніе, потрясшее самыя основанія средневѣкового строя, оказывается занесено извнѣ, иноземными выходцами, которые почему-то были безсильны на родной почвѣ. Matter самъ чувствовалъ невозможность такого объясненія движенія и вноситъ въ него существенную поправку, которая стоитъ въ противорѣчіи со взглядомъ автора на роль въ Возрожденіи византійскихъ грековъ: греческіе бѣглецы появились въ Италіи въ тотъ моментъ, когда мѣстное населеніе, „благодаря трудамъ Петрарки и Боккаччіо, возродило въ себѣ эстетическій вкусъ, разумъ и чувство человѣческаго достоинства"[2]). Авторъ подробно перечисляетъ проявленія начинающагося упадка средневѣкового міросозерцанія и соотвѣтствовавшихъ ему культурныхъ формъ на Западѣ до появленія грековъ и заключаетъ этотъ обзоръ слѣдующимъ образомъ: „когда византійскіе бѣглецы пристали къ берегамъ Италіи, народы Запада уже имѣли на устахъ аргументы сомнѣнія и сарказмъ презрѣнія къ цѣлой массѣ доктринъ"[3]). А если это такъ, то Ренесансъ возникъ на западной почвѣ помимо византійскаго вліянія. Самъ Matter несомнѣнно пришелъ бы къ этому выводу, если бы ему извѣстна была исторія гуманистическаго движенія до 1453 года, потому что онъ увидалъ бы тогда, что сомнѣніе и сарказмъ давно уже сошли съ устъ итальянскихъ представителей Ренесанса, что роковая классическая литература была имъ уже давно извѣстна. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы византійскіе греки не имѣли вліянія на ходъ итальянскаго Возрожденія; но это вліяніе появилось позже, имѣло сравнительно узкій характеръ, и его направленіе обусловливалось предшествующимъ развитіемъ гуманизма на мѣстной почвѣ.

Гизо въ своемъ общемъ обзорѣ европейской цивилизаціи отводитъ видное мѣсто Ренесансу. Въ духовной исторіи XV вѣка онъ находитъ три главнѣйшихъ факта: попытку церковной реформы, реформу религіозную и „умственный переворотъ, образующій школу свободныхъ мыслителей"[4]). Этотъ переворотъ созданъ преклоненіемъ передъ античнымъ міромъ, который „въ политическомъ, философскомъ и литературномъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше Европы XIV-го и XV-го

[1]) Ibid. p. 47.
[2]) Ibid. p. 30.
[3]) Ibid. p. 38—42.
[4]) *Guizot, Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française. Bruxelles 1838,* p. 326.

нѣтъ[1]), вслѣдствіе этого при изображеніи политическаго и культурнаго строя онъ совсѣмъ не упоминаетъ о вліяніи Ренесанса, а въ доказательство его вліянія на науку просто перечисляются появившіяся въ эту эпоху сочиненія по исторіи философіи и математикѣ. Въ сферѣ богословія, права, естественныхъ наукъ и медицины Ваксмуту не удалось указать такихъ произведеній, что̀ вынудило его ограничить свое положеніе о всесторонности научнаго вліянія Ренесанса[2]).

Въ „*Исторіи моральныхъ и политическихъ доктринъ за три послѣднія столѣтія*“ Matter'а, вышедшей годомъ раньше книги Ваксмута, эпоха Возрожденія понята еще глубжѐ. Изученіе классической древности было, по его мнѣнію, началомъ новаго прогресса, потому что привело къ „эмансипаціи“ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній[3]). Но онъ усвоилъ ошибочную точку зрѣнія предшествующихъ изслѣдователей, что Ренесансъ создали византійскіе греки, и эта ошибка повлекла за собою невѣрное хронологическое опредѣленіе эпохи[4]) и искаженное изложеніе внѣшняго хода ея исторіи. Освобожденіе философіи, по его мнѣнію, было заслугою Помпонацци; политику освободилъ Макіавелли, но оба они были только „ученики“ грековъ[5]). До 1453 года „религія направляла мораль и политику“, царила средневѣковая „теократія“, и „весь этотъ порядокъ вещей, всѣ эти доктрины и учрежденія византійскіе бѣглецы поколебали въ самыхъ ихъ основаніяхъ; они разорвали договоръ между религіей и философіей, отдѣлили мораль отъ политики и произвели двоякую эмансипацію, повсюду замѣняя авторитетъ обсужденіемъ и неподвижность прогрессомъ“[6]). Этотъ колоссальный переворотъ произведенъ былъ незамѣтно для самихъ реформаторовъ. „Они, какъ бы противъ воли (comme malgré eux) совершили колоссальную революцію сначала своимъ появленіемъ, потомъ принесенными съ собой книгами и наконецъ своими учениками“[7]). Принесенныя книги „внушили вкусъ къ критикѣ, любовь къ свободѣ, ненависть къ деспотизму,

---

1) Die folgende anspruchlose Übersicht zumeist nach Meiners Lebensbeschreibungen, Heeren und Wachler, говоритъ онъ самъ о своемъ внѣшнемъ очеркѣ гуманизма. Ibid. p. 231.

2) Die übrigen Wissenschaften wurden nur wenig von dem Geiste der humanistischen Studien bewegt. Ibid. p. 254.

3) *Matter, Histoire des doctrines morales et politiques des trois derniers siècles. T. I. Paris 1836,* p. 29 и 30.

4) Première période. De la Renaissance et la Réforme (1453—1517). Période de 64 ans. Ibid. p. 29.

5) Ibid. p. 30.

6) Ibid. p. 38. Ср. p. 35.

7) Ibid. p. 46.

презрѣніе къ варварству. А развѣ это не значило нападать на все существующее“ [1])? Исторія Ренесанса при такой точкѣ зрѣнія получаетъ странный, какой-то наносный характеръ; глубокое движеніе, потрясшее самыя основанія средневѣкового строя, оказывается занесено извнѣ, иноземными выходцами, которые почему-то были безсильны на родной почвѣ. Matter самъ чувствовалъ невозможность такого объясненія движенія и вноситъ въ него существенную поправку, которая стоитъ въ противорѣчіи со взглядомъ автора на роль въ Возрожденіи византійскихъ грековъ: греческіе бѣглецы появились въ Италіи въ тотъ моментъ, когда мѣстное населеніе, „благодаря трудамъ Петрарки и Боккаччіо, возродило въ себѣ эстетическій вкусъ, разумъ и чувство человѣческаго достоинства“ [2]). Авторъ подробно перечисляетъ проявленія начинающагося упадка средневѣкового міросозерцанія и соотвѣтствовавшихъ ему культурныхъ формъ на Западѣ до появленія грековъ и заключаетъ этотъ обзоръ слѣдующимъ образомъ: „когда византійскіе бѣглецы пристали къ берегамъ Италіи, народы Запада уже имѣли на устахъ аргументы сомнѣнія и сарказмъ презрѣнія къ цѣлой массѣ доктринъ“ [3]). А если это такъ, то Ренесансъ возникъ на западной почвѣ помимо византійскаго вліянія. Самъ Matter несомнѣнно пришелъ бы къ этому выводу, если бы ему извѣстна была исторія гуманистическаго движенія до 1453 года, потому что онъ увидалъ бы тогда, что сомнѣніе и сарказмъ давно уже сошли съ устъ итальянскихъ представителей Ренесанса, что роковая классическая литература была имъ уже давно извѣстна. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы византійскіе греки не имѣли вліянія на ходъ итальянскаго Возрожденія; но это вліяніе появилось позже, имѣло сравнительно узкій характеръ, и его направленіе обусловливалось предшествующимъ развитіемъ гуманизма на мѣстной почвѣ.

Гизо въ своемъ общемъ обзорѣ европейской цивилизаціи отводитъ видное мѣсто Ренесансу. Въ духовной исторіи XV вѣка онъ находитъ три главнѣйшихъ факта: попытку церковной реформы, реформу религіозную и „умственный переворотъ, образующій школу свободныхъ мыслителей“ [4]). Этотъ переворотъ созданъ преклоненіемъ передъ античнымъ міромъ, который „въ политическомъ, философскомъ и литературномъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше Европы XIV-го и XV-го

---

1) Ibid. p. 47.
2) Ibid. p. 30.
3) Ibid. p. 38—42.
4) *Guizot, Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française. Bruxelles 1838,* p. 326.

столѣтій“[1]). Гизо отмѣчаетъ также и другіе признаки гуманистовъ: „изнѣженность и распущенность нравовъ, недостатокъ политической энергіи и нравственныхъ убѣжденій“ и мѣтко сравниваетъ ихъ съ французскими „просвѣтителями“ XVIII-го вѣка[2]). Эта характеристика, при крайней сжатости изложенія книги, отмѣчаетъ однако существенную сторону движенія, но въ силу своей краткости возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Прежде всего остается открытымъ вопросъ, почему превосходство античнаго міра замѣтили не ранѣе XV столѣтія и какимъ образомъ результатомъ *преклоненія* передъ древностью получилась *свобода* мысли? Также непонятна и связь недостатковъ гуманизма, въ особенности моральныхъ и политическихъ, съ увлеченіемъ древнимъ міромъ, гдѣ политическія доблести доведены были до высокаго развитія. Въ общемъ Гизо вѣрно формулируетъ *результатъ* движенія; но изъ книги не видно, чтобы ему были вполнѣ ясны его причины и исторія его развитія.

Ру-Ферранъ, котораго „*Исторія прогресса цивилизаціи въ Европѣ*“ вышла одновременно съ книгой Гизо, считаетъ возможнымъ совершенно умолчать о Возрожденіи, упомянувъ только о Петраркѣ и Боккаччіо, какъ объ итальянскихъ поэтахъ[3]). Проходитъ Ренесансъ совершеннымъ молчаніемъ и *Кольбъ* въ своей первой культурно-исторической работѣ. Желая подчеркнуть особенную важность техническихъ открытій и усовершенствованій, онъ ихъ, и только ихъ, считаетъ событіями, начинающими новую эпоху[4]). Совершенно такъ же поступаетъ *Эренфейхтеръ*, хотя отъ него можно было бы ожидать большаго вниманія къ этой эпохѣ, такъ какъ его книга носитъ заглавіе „*Исторія развитія человѣчества особенно въ этическомъ отношеніи*“. Онъ только повторяетъ старую ошибку, что паденіе Константинополя создало Возрожденіе, замѣтивъ мимоходомъ, что возбужденное этимъ фактомъ изученіе классической литературы стало „новымъ оплодотворяющимъ элементомъ въ развитіи“, потому что „при ясности греческихъ образовъ совершенно поблекли туманныя фигуры средневѣковья“[5]). Въ вышедшей на 2 года раньше „*Исторіи религіозныхъ и философскихъ идей*“ *Т.* и *I. Шерровъ* Возро-

---

1) Ibid. p. 324.

2) Ibid. p. 325.

3) *H. Roux-Ferrand, Histoire des progrès de la civilisation en Europe depuis l'ère chrétienne jusqu'au XIX siècle. T. VI. Paris 1838*, p. 350 и слѣд.

4) *G. F. Kolb, Supplement zu allen Werken über Weltgeschichte. Geschichte der Menschheit und der Kultur. Pforzheim 1843*, p. 272—273.

5) *Fr. Ehrenfeuchter, Entwicklungsgeschichte der Menschheit besonders in ethischer Beziehung. In Umrissen dargestellt.* Heidelberg 1845, p. 189.

жденію отводится особый отдѣлъ[1]). Но въ этомъ небольшомъ очеркѣ авторы сообщаютъ краткія біографическія замѣчанія о важнѣйшихъ представителяхъ научной и философской мысли во всей Европѣ съ половины XV до конца XVI столѣтія. Нѣкоторый интересъ представляетъ только брошенное вскользь замѣчаніе, что ранніе гуманисты „усердно искали источниковъ, посредствомъ которыхъ можно было бы освѣжить высохшую науку и очистить ее отъ всякаго хлама (Wust), накопившагося около нея въ теченіе столѣтій“, и въ классической литературѣ нашли „этотъ оживляющій и очищающій источникъ“. Но авторы не только не обосновали этой мысли, но въ противорѣчіе съ ней ведутъ этотъ источникъ изъ Византіи, чрезъ Хризолора, Виссаріона и другихъ, при чемъ ихъ учениками дѣлаютъ и Боккаччіо, и Петрарку, и даже Данте[2]).

Въ появившейся позже „*Исторіи культуры*“ Кольбъ пополнилъ пробѣлъ своего перваго сочиненія. Эпоха Возрожденія и здѣсь отнесена къ Среднимъ вѣкамъ; но Кольбъ даетъ коротенькій очеркъ движенія, не лишенный впрочемъ значительныхъ промаховъ. Такъ, Петрарка и Боккаччіо разсматриваются какъ итальянскіе поэты и поставлены внѣ гуманистическаго движенія, виновниками котораго являются византійскіе греки. Кольбъ, подобно Matter'у, признаетъ впрочемъ, что ими вызванъ былъ энтузіазмъ къ новому антимонашескому образованію, что пробудился вообще философскій духъ[3]). При опредѣленіи практическаго вліянія античной литературы онъ становится вообще на правильную точку зрѣнія, и если выводы получаются не совсѣмъ точные, то это происходитъ отъ недостаточнаго знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ Италіи. „Практическія отношенія итальянскихъ городовъ, говоритъ Кольбъ, съ внутренней необходимостью заставляли примѣнять политическія ученія древнихъ къ положенію современнаго собствен-

---

1) *Thomas Scherr und Johannes Scherr, Gemeinfassliche Geschichte der religiösen und philosophischen Ideen, mit besonderer Rücksicht auf das Leben und Wirken der Weisen aller Völker und Zeiten. Für diejenige Klasse der Gebildeten, die eigentlich gelehrter Studien ermangelt. II. Band. Staffhausen 1843.* Авторы колеблются, куда отнести гуманистическое движеніе, къ Среднимъ вѣкамъ или къ новой исторіи и дѣлаютъ особый Anhang zum fünften Buche, въ которой идетъ рѣчь о схоластикѣ. Приложенію дается особое заглавіе: Wiederaufleben der klassischen Litteratur. Sturm und Drang. Phantasterei und eigenthümliche Erscheinungen (p. 269), при чемъ текстъ не оправдываетъ заголовка.

2) Ibid. p. 270.

3) *G. Friedr. Kolb, Culturgeschichte der Menschheit, mit besonderer Berücksichtigung von Regierungsform, Politik, Religion, Freiheits- und Wohlstandsentwicklung der Völker. Eine allgemeine Weltgeschichte nach den Bedürfnissen der Jetztzeit. IX. Lieferung. Leipzig 1869,* p. 224 и слѣд.

наго государства. Такимъ образомъ республиканское чувство получало обильную пищу"[1]). Кольбъ забываетъ, что въ это время гибла республиканская свобода въ Италіи, а гуманисты служили ея врагамъ.

Въ связи съ средневѣковой исторіей разсматриваетъ гуманизмъ и *Рюккертъ* въ своей „*Всемірной исторіи*", которая представляетъ собою обстоятельное философское толкованіе важнѣйшихъ фактовъ культурной исторіи. Рюккертъ не выдѣляетъ Возрожденія въ самостоятельную эпоху, а видитъ въ немъ только заключеніе предшествующаго періода, хотя и признаетъ, что гуманистическое движеніе не только ниспровергло средневѣковыя культурныя формы, но и положило начало новой цивилизаціи. Онъ въ общемъ вѣрно указываетъ результаты Возрожденія въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, хотя съ нѣкоторыми взглядами его на причины движенія и на значеніе отдѣльныхъ его сторонъ и нельзя согласиться. Такъ, прежде всего Рюккертъ преувеличиваетъ вліяніе на гуманизмъ итальянскаго національнаго характера и этимъ стушевываетъ нѣсколько его всемірно-историческое значеніе. Анализируя идею любви, какъ она выразилась въ поэзіи Петрарки, Рюккертъ вѣрно подмѣчаетъ, что эта идея отличается „по существу" (nicht bloss graduell, sondern speciphisch) отъ той, которая лежитъ въ основаніи поэзіи его предшественниковъ. „Понятіе любви, говоритъ онъ, утратило у него условное ограниченіе культурнымъ сознаніемъ, замкнутымъ въ предѣлахъ сословія (conventionelle Beschränkung auf ein standesmässig abgeschlossenes Bildungsbewusstsein). Это — всеобщая міровая сила, которая проявляетъ свое могущество повсюду, гдѣ встрѣчаетъ условія настоящей человѣчности". „Сущность любви у Петрарки, говоритъ Рюккертъ въ другомъ мѣстѣ, какъ бы спиритуалистически она ни понималась, все-таки вполнѣ освобождена отъ той церковной трансцендентальности, которая обнаруживается еще у Данте. Любовь — снова покоящаяся на самой себѣ міровая сила, достояніе и содержаніе духовной жизни человѣка и болѣе не нуждается въ заимствованномъ извнѣ освященіи и оправданіи. Ей болѣе нѣтъ надобности опираться на тѣ церковные образы, безъ которыхъ любовная лирика рыцарства все-таки не чувствовала подъ собой достаточно прочнаго основанія"[2]). Проще говоря, Петрарка видитъ въ любви законную потребность личной жизни, и этотъ новый взглядъ, первое проявленіе народившагося индивидуализма, Рюккертъ объясняетъ итальянскимъ народнымъ характеромъ и культурной обста-

---

1) Ibid. p. 225.

2) *H. Rückert, Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. 2 Bände. Leipsig 1859,* p. 417 и 420.

новкой поэта[1]). Весьма мѣтко характеризуетъ Рюккертъ и основной характеръ поэзіи Боккаччіо. Въ его произведеніяхъ „вся полнота человѣчности или естественности пріобрѣтаетъ свои права“, говоритъ онъ, и видитъ въ Боккаччіо „настоящій типъ народнаго духа“ и не только Италіи вообще, но Флоренціи въ частности[2]). Преувеличеніе національныхъ вліяній нѣсколько затемнило въ глазахъ Рюккерта истинную причину необычнаго интереса гуманистовъ къ античной культурѣ. Въ первой половинѣ XV вѣка, говоритъ онъ, „казалось, что древность во всѣхъ своихъ великихъ произведеніяхъ формально возстала изъ могилы въ Италіи, *потому что народный духъ съ этихъ поръ сдѣлался достаточно зрѣлымъ, чтобы видѣть то, мимо чего ранѣе онъ проходилъ, какъ слѣпой*“[3]). Этимъ неопредѣленнымъ „прозрѣніемъ“ объясняется главнымъ образомъ вкусъ къ памятникамъ античнаго искусства и ихъ пониманіе. Совершенно особенную и тоже довольно туманную причину приводитъ Рюккертъ въ объясненіе увлеченія древностью. По его словамъ, „само по себѣ оно только знакъ, что духъ времени вообще и именно итальянскій хотѣлъ пріобрѣсти для своего занятія иной матеріалъ, нежели тотъ, которымъ были заняты схоластика и современныя положительныя науки. Та же самая черта пресыщенія существующимъ и непреодолимой потребности въ новой духовной пищѣ столь могущественно выступила и во всѣхъ другихъ современныхъ явленіяхъ, что не удивительно встрѣтить ея проявленіе и въ этой особенной формѣ“[4]). Такимъ образомъ Рюккерту не удалось подсмотрѣть общей почвы, которая возрастила всѣ отдѣльныя вѣтви Ренесанса.

Терминъ „національный итальянскій духъ“, не заключающій въ себѣ никакого строго опредѣленнаго понятія, освободилъ Рюккерта отъ анализа тѣхъ измѣненій, которыя переживалъ индивидуумъ въ гуманистическую эпоху. Вслѣдствіе этого Ренесансъ является у него возрожденіемъ не личности, а искусства и науки. Такое суженіе общаго смысла движенія повлекло за собою неправильное изображеніе самаго хода Ренесанса. Въ научномъ движеніи, которое воникало изъ „пресыщенія“ средневѣковой наукой и съ самаго начала подверглось могущественному вліянію древности, Рюккертъ различаетъ три момента или эпохи. Во-первыхъ, отыскиваніе памятниковъ античной литературы; во-вторыхъ, „основаніе особенной дисциплины, которая занималась ихъ усвоеніемъ и объясненіемъ ради нихъ самихъ“, и въ-треть-

[1]) Ibid. p. 417 и 418.
[2]) Ibid. p. 420.
[3]) Ibid. p. 430.
[4]) Ibid. p 472.

ихъ — „различныя попытки разсматривать и изображать современные интересы въ духѣ и въ формахъ древности“[1]), или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, „преобразовывать чисто теоретическое знаніе въ практическій принципъ“[2]). Прежде всего, источники рѣшительно не даютъ никакого права *хронологически* различать эти стороны движенія; онѣ являются одновременно съ самаго начала Возрожденія. Кромѣ того, и самая дальнѣйшая ихъ характеристика у Рюккерта едва ли выдерживаетъ критику. Такъ, по его словамъ, „филологія“ — второй моментъ научнаго возрожденія, смотрѣла на себя, „какъ на высшую науку an sich, и третировала всѣ другія знанія, какъ карикатуры науки.... Она видѣла въ своемъ матеріалѣ, въ сокровищѣ античнаго образованія, абсолютную форму и абсолютное содержаніе дѣятельности духа вообще и заключала изъ этого, что простое воспріятіе, простое пониманіе этой абсолютной духовной культуры есть вообще высшая задача, поставленная нашему духу“[3]). Совершенно вѣрно, что гуманистическая наука, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ ея важнѣйшихъ представителей, относилась отрицательно къ схоластикѣ, но никоимъ образомъ не въ силу слѣпого преклоненія передъ античной литературой. Достаточно просмотрѣть списокъ гуманистическихъ сочиненій, чтобы видѣть, какъ далеки были дѣятели Возрожденія отъ такой исключительности и какъ широки были ихъ научные интересы.

Такъ же мало можно согласиться съ характеристикой Рюккерта и „третьей эпохи“ научнаго движенія. Исходя изъ совершенно невѣрнаго предположенія, что гуманисты „хотѣли сдѣлать древность совершенно и непосредственно (vollständig und unmittelbar) практическимъ принципомъ современной жизни“[4]), Рюккертъ видитъ въ движеніи благопріятные результаты только въ освобожденіи разума отъ лежавшихъ на немъ оковъ и совершенно отрицаетъ его положительное, творческое значеніе. По его мнѣнію, гуманисты должны были утратить „свою естественную почву и связь съ народнымъ духомъ и извратиться въ замкнутую котерію“, что и случилось впослѣдствіи. Дѣйствительно, если видѣть въ гуманизмѣ только мѣстное, національное движеніе, то его положительные результаты весьма мало ощутительны въ Италіи; но дѣло здѣсь не въ замкнутости и не въ латинскомъ языкѣ, а въ политическихъ и культурныхъ условіяхъ Италіи XVI вѣка, ближайшее изученіе которыхъ не входитъ въ нашу задачу. Но такая точка зрѣнія

[1]) Ibid. p. 474.
[2]) Ibip. p. 473—474.
[3]) Ibid. p. 475.
[4]) Ibid.

на Ренесансъ слишкомъ узка, и самъ Рюккертъ чувствуетъ это. Онъ признаетъ, что культурные результаты Возрожденія имѣютъ широкое всемірно-историческое значеніе; но итальянцы воспользовались ими только въ сферѣ искусства. Признавая, что „итальянскій духъ“ чувствовалъ „внутреннее сродство“ съ античной культурой, потому что въ ней проявилась „естественность и непосредственность чисто человѣческаго существованія“ [1]), Рюккертъ довольно близко подходитъ къ истинной причинѣ гуманистическаго движенія. Но это оказало благія послѣдствія только для искусства, потому что оно „побоялось совсѣмъ порвать съ собственнымъ прошлымъ“. Наука, по его мнѣнію, была безсильна сдѣлать то же самое. „Для нея существовалъ единственный путь ко спасенію, говоритъ Рюккертъ, если бы она оставила лакомство прелестями античной культуры и вмѣсто дилетантизма принялась за серьезную, методическую работу. Но итальянскій народный духъ не былъ расположенъ для этого особенно благопріятно“ [2]). Этотъ выводъ точно такъ же не оправдывается фактами. Научные пріемы, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ исторической науки выработались въ Италіи уже въ разгарѣ самаго движенія; а въ XVIII столѣтіи, когда Западъ перешелъ къ сравнительно спокойному историческому существованію, въ Италіи появились такіе ученые работники, какъ Zeno, Mehus, Muratori, Mazzuchelli, Tiraboschi и др., которые совершенно уничтожаютъ незаслуженное обвиненіе Рюккерта.

Хронологическое расположеніе одновременно существовавшихъ различныхъ сторонъ Ренесанса обнаруживаетъ еще одинъ недостатокъ Рюккерта: апріорное и чисто догматическое настроеніе гуманистическаго движенія. Онъ мало интересуется источниками и никогда не подтверждаетъ фактами своихъ апріорныхъ догадокъ, а выдаетъ ихъ за научный выводъ. Такъ, исходя изъ противоположности Ренесанса средневѣковому міросозерцанію, онъ утверждаетъ, что итальянскіе гуманисты предпочитали греческую литературу латинской. „Это предпочтеніе греческаго, говоритъ онъ, основывалось не на открытіи въ греческомъ духѣ элемента, родственнаго (wahlverwandt) стремленіямъ времени, а на оппозиціи противъ средневѣковаго духа an sich“ [3]). Изъ вѣрнаго наблюденія сдѣланъ совершенно произвольный выводъ, который совсѣмъ не оправдывается источниками. Но эта же апріорная конструкція Возрожденія въ связи съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ роли національнаго характера въ движеніи — съ другой стороны, избавила Рюккерта отъ одного изъ наиболѣе распространен-

---

1) Ibid.
2) Ibid. p. 476.
3) Ibid. 472—473.

ныхъ и упорныхъ заблужденій въ исторіографіи Возрожденія. Онъ совершенно правильно опредѣляетъ значеніе въ движеніи византійскихъ грековъ, сводя ихъ роль къ чисто формальному обученію языку, потому что „они сами болѣе не имѣли никакого понятія (Ahnung) о духѣ того, что они понимали и передавали буквально[1])“. Но Рюккерту не удалось отдѣлаться отъ другой ошибки, менѣе очевидной, но такъ же существенной; онъ утверждаетъ, что гуманистическое движеніе было по существу анти-христіанскимъ, „потому что христіанство было не порожденіемъ абсолютной естественности и правды (Wahrheit) античнаго духа, а ихъ отрицаніемъ[2])“. Въ этомъ не совсѣмъ ясномъ положеніи скрывается, повидимому, тотъ смыслъ, что гуманизмъ былъ враждебенъ аскетизму. Но такое же отношеніе къ аскетизму характеризуетъ и реформаціонное движеніе, которое однакоже Рюккертъ не выводитъ за предѣлы христіанства. Какъ бы то ни было, гуманистическая культура, развившаяся въ христіанскомъ обществѣ, за рѣдкими исключеніями не стремилась порвать съ христіанствомъ и не порвала съ нимъ въ дѣйствительности, если только не отождествлять съ Евангеліемъ ученія средневѣкового католицизма.

То, что говоритъ о гуманизмѣ *Дрэперъ* въ своей *„Исторіи умственнаго развитія Европы“*, не представляетъ никакого интереса. Американскій изслѣдователь, который такъ много говоритъ о вліяніи на приближеніе вѣка разума арабскихъ ученыхъ и еврейскихъ врачей, мало знаетъ Ренесансъ и совсѣмъ его не понимаетъ. По его мнѣнію, это было какое-то сознательно антиклерикальное теченіе, на которое съ ужасомъ смотрѣла церковь. Римъ будто бы съ ненавистью относился къ реставраціи греческаго языка[3]); изъ духовныхъ лицъ не было ни одного ученаго, кромѣ Петрарки[4]); папа Николай V будто бы понималъ несовмѣстимость науки съ римской системой и потому покровительствовалъ искусствамъ[5]). Къ этимъ фактическимъ ошибкамъ присоединяетъ Дрэперъ и крайне одностороннюю оцѣнку движенія. Онъ сводитъ его суть къ ознакомленію съ греческимъ языкомъ, который будто бы подрывалъ папство, устраняя безраздѣльное господство латыни, и который давалъ возможность критически отнестись къ Вульгатѣ[6]). Послѣднее положеніе вѣрно, но оно характерно только для нѣмецкаго гуманизма.

---

1) Ibid. p. 473. Ср. p. 485—486.
2) Ibid. p. 478.
3) *Дж. В. Дрэперъ, Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Томъ II. С.-Петербургъ 1866 г.*, p. 167.
4) Ibid. p. 170.
5) Ibid. p. 98.
5) Ibid. p. 170—171.

Цѣлую книгу посвящаетъ Возрожденію *Лоранъ* въ 8 томѣ своей „*Исторіи человѣчества*“ [1]). Блестящій талантъ автора, его широкое историческое и философское образованіе, его обширная начитанность и внимательное изученіе общаго хода историческаго процесса въ предшествующія эпохи — все это даетъ право ожидать отъ его очерка точнаго и глубокаго выясненія гуманистическаго движенія. Но современное состояніе историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ въ значительной степени парализовало всѣ достоинства автора. Лоранъ ставитъ своей задачей указать существенные признаки Возрожденія, опредѣлить его отношеніе къ Среднимъ вѣкамъ, къ Реформаціи и къ древнему міру и выяснить его общее историческое значеніе. Но его рѣшенія по всѣмъ этимъ вопросамъ вызываютъ много возраженій. Прежде всего, онъ пытается характеризовать все движеніе во всѣ его періоды и у всѣхъ народовъ, какъ нѣчто цѣлое и однородное. Въ общемъ противъ такого пріема нельзя ничего возразить: гуманизмъ повсюду имѣлъ общіе признаки; но, чтобы ихъ уловить, нужно знать его характеръ въ различные моменты его историческаго существованія. Наука не дала этого Лорану, и онъ дѣлаетъ ошибку на первой же страницѣ общей характеристики. Онъ относитъ Ренесансъ „къ благословеннымъ эпохамъ“ безконечныхъ надеждъ, когда люди, „полные радости стремятся къ будущему“ и вѣруютъ въ близкое наступленіе золотого вѣка[2]). Такого настроенія не было у итальянскихъ гуманистовъ до половины XV вѣка, да и позже оно встрѣчалось спорадически, и по понятной причинѣ. Меланхолическій тонъ основателя Ренесанса обусловливался его безсиліемъ примирить античные идеалы съ традиціоннымъ христіанствомъ. Задача была вообще неисполнима для католицизма, и это чувствовалось преемниками Петрарки. Достаточно перечитать трактаты не только Салютати, но даже Поджіо, наименѣе оригинальнаго между настоящими гуманистами, чтобы убѣдиться, что грусть Петрарки не исчезла въ XV столѣтіи.

Другіе признаки гуманизма указаны вѣрно, но они уже слишкомъ общи. Лоранъ справедливо замѣчаетъ, что гуманизмъ „не былъ ожившей древностью, а новой жизнью, которая проявляется во всѣхъ сферахъ мысли“ [3]), но не слѣдитъ за этимъ проявленіемъ и не опредѣляетъ его точнѣе. Точно такъ же справедливо, что „Ренесансъ былъ

1) *F. Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. VIII. La Réforme. Bruxelles 1861.* Livre III. La Renaissance.

2) Ibid. p. 385.

3) Ibid. p. 386.

возвращеніемъ къ природѣ", чѣмъ обусловливается его вражда къ католицизму и симпатія къ античному міру, но попытки Лорана ближе и на основаніи историческихъ данныхъ выяснить эти стороны гуманистическаго движенія приводятъ его къ преувеличеніямъ и прямымъ ошибкамъ.

Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что Возрожденіе было враждебно главнымъ основамъ средневѣковаго католицизма — абсолютному авторитету церкви и аскетическому идеалу. Но иной вопросъ, съ какой ясностью сознавалась эта непримиримость самими гуманистами и ихъ противниками. По мнѣнію Лорана, монахи и гуманисты вели сознательную борьбу съ открытыми забралами, съ опредѣленнымъ девизомъ. „Усовершенствовать искусство писать и говорить по-латыни, говоритъ онъ, воскрешать въ монастыряхъ неизвѣстные языки — греческій и еврейскій — было въ глазахъ монаховъ нововведеніемъ, компрометировавшимъ вѣру". Съ другой стороны, „не было ни одного гуманиста, который не насмѣхался бы надъ монашеской святостью"[1]). Такъ было въ Германіи; но исторія итальянскаго Возрожденія рѣшительно не подходитъ подъ эту характеристику. Столкновенія бывали и тамъ, но они рѣдко носили принципіальный характеръ: по большей части, монаховъ побивали ихъ-же оружіемъ во имя ихъ же идеала. То же самое можно сказать и о представителяхъ церкви: на ряду съ врагами гуманисты имѣли и друзей среди монаховъ, которые сами увлекались формальной стороной движенія, какъ это было съ благочестивымъ Траверсари и его послѣдователями. Причина этого различія между гуманизмомъ въ Италіи и Германіи чрезвычайно важна и интересна; а преувеличенное обобщеніе Лорана совершенно ее затушевываетъ.

Гораздо ближе къ истинѣ стоитъ Лоранъ въ вопросѣ объ отношеніи Возрожденія къ Реформаціи. Самый вопросъ гораздо проще и болѣе доступенъ апріорному рѣшенію: гуманисты содѣйствовали свободѣ мысли и нападали на враговъ религіозной реформы[2]), что не могло не содѣйствовать ея торжеству. Кромѣ того, Лоранъ отличаетъ здѣсь нѣмецкихъ и итальянскихъ гуманистовъ и совершенно вѣрно ставитъ первыхъ въ болѣе близкую связь съ Реформаціей и выясняетъ ихъ вліяніе на дѣло Лютера преимущественно на дѣятельности Эразма. Настроеніе дѣятелей итальянскаго Возрожденія онъ указываетъ въ общемъ тоже вѣрно. „Если они не покидали открыто церкви, — го-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. p. 396.

ворить онъ, — то не въ силу привязанности къ ортодоксальности, а скорѣе по религіозному индифферентизму. Для формы они оставались католиками, но ихъ манера мыслить и чувствовать болѣе не была христіанской. Они предшественники новой философіи; вотъ почему они не соединились съ протестантизмомъ"[1]). Въ этой характеристикѣ нельзя согласиться только съ отрицаніемъ христіанскаго характера гуманистическаго міросозерцанія. Въ общемъ, за немногими исключеніями, ихъ раціонализмъ былъ еще далекъ до деизма.

Самая слабая сторона въ очеркѣ Лорана — это вопросъ о паганизмѣ. Прежде всего авторъ сильно преувеличиваетъ это явленіе. Употребленіе языческихъ терминовъ для выраженія религіозныхъ понятій христіанства еще не доказываетъ язычества. До второй половины XV вѣка мы не имѣемъ рѣшительно никакого права говорить не только о паганизмѣ, но и о сознательномъ атеизмѣ. Двѣ цитаты Лорана изъ этой эпохи, которыя онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія, нисколько его не подтверждаютъ. Слова Петрарки, что возродился Юліанъ Отступникъ, относятся къ Авиньонской куріи, которая была мало повинна въ гуманизмѣ и не имѣла никакого систематическаго міросозерцанія[2]). Угрозы Валлы выступить противъ Христа взяты изъ инвективы Поджіо и могутъ быть отнесены въ область клеветы[3]). Лоранъ думаетъ вывести паганизмъ во-первыхъ изъ того, что увлеченіе языческимъ міромъ въ Италіи находило подходящую почву въ языческихъ примѣсяхъ мѣстнаго христіанства, и во-вторыхъ изъ патріотизма, потому что къ языческой эпохѣ относится прошлое величіе Италіи[4]). Толкованіе крайне искусственное и дающее совершенно невѣрную окраску роли античной литературы въ гуманистическомъ движеніи. Гуманисты только потому увлекались классиками, что находили въ нихъ подходящее своему настроенію содержаніе; а міръ олимпійскихъ боговъ былъ совершенно чуждъ христіанской Италіи. Слѣды настоящаго паганизма замѣчаются со второй половины XV вѣка у платониковъ; но это было мѣстное и временное явленіе, какъ и астрологическіе предразсудки, которымъ Лоранъ придаетъ также слишкомъ общее значеніе[5]).

Но, преувеличивая паганизмъ, Лоранъ даетъ ему своеобразное объясненіе. „Было бы ошибкою, говоритъ онъ, принимать въ серіозъ

[1]) Ibid. p. 387.

[2]) Ibid. p. 386.

[3]) Laurent цитируетъ ихъ у Bayl'я (p. 402), который собственно говоря и повиненъ въ неправильномъ пользованіи ненадежнымъ источникомъ.

[4]) Ibid. p. 399—400.

[5]) Ibid. p. 402—403.

возрожденіе паганизма... Расширялась идея религіи... это было движеніе космополитическое, которое обнимало всѣ проявленія религіознаго чувства. Паганизмъ казался людямъ Возрожденія столь же легитимной религіозной формой, какъ и католицизмъ[1]). Сознательной пропаганды въ этомъ духѣ нѣтъ въ раннемъ гуманизмѣ"; но несомнѣнно, что таковъ былъ общій духъ движенія, и Лоранъ совершенно правъ въ окончательной оцѣнкѣ религіозной стороны Возрожденія. „Ренесансъ былъ протестомъ противъ тиранническаго господства вѣры и суевѣрнаго элемента въ христіанствѣ", говоритъ онъ[2]). Дѣйствительно, свобода мысли и ея раціоналистическое направленіе были общимъ результатомъ гуманистическаго движенія, и несомнѣнную заслугу Лорана составляетъ тотъ фактъ, что онъ вѣрно и рѣшительно выставилъ на видъ индивидуалистическую основу всего движенія.

Во *„Всеобщей исторіи культуры"* *О. Генне-ам-Рина* эпоха Возрожденія поставлена во главѣ новой исторіи, что составляетъ несомнѣнную заслугу автора, который склоненъ даже переоцѣнивать гуманистическое движеніе. Родоначальники гуманизма, по его словамъ, „впервые возмутили средневѣковой культурный застой, нанесли первый ударъ схоластикѣ, іерархіи, положили основаніе новому научному изслѣдованію, національному искусству, поэзіи, освобожденію отъ поглощенія церковной жизни; но еще не Реформаціи". Эпоха Возрожденія, по мнѣнію автора, „изъ рога изобилія высыпала на человѣчество столько прекраснаго, добраго, истиннаго, что оно не могло вмѣстить всего съ разу. Необходимо было предоставить одному изъ этихъ обильныхъ цвѣтовъ принести плодъ въ другое время: всѣ вмѣстѣ они заглушили бы другъ друга"[3]). Чтобы лучше изобразить столь богатую послѣдствіями эпоху, авторъ дѣлитъ посвященную ей главу на 2 части: въ одной онъ описываетъ возрожденіе классической древности, въ другой его научные результаты[4]), но нельзя сказать, чтобы та и другая была свободна отъ недостатковъ и представляла крупныя достоинства. Генне-ам-Ринъ не повторяетъ старой ошибки, что Возрожденіе создали греки; но зато онъ считаетъ родоначальникомъ Возрожденія вмѣстѣ съ Петраркой и Данте, который будто бы тоже „возстановилъ изученіе древнихъ классиковъ и подкопалъ безусловный авторитетъ

---

1) Ibid. p. 387—388.

2) Ibid. p. 416.

3) *Otto Henne-Am-Rhyn, Allgemeine Kurlturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenwart. Vierter Band. Das Zeitalter der Reformation. II. umgearbeitete Auflage. Leipzig 1878,* p. 56.

4) Она озаглавлена: Die Pflege der Wissenschaften nach dem Muster der Alten (p. 61), но имѣются въ виду результаты въ болѣе широкомъ смыслѣ, напр. мораль.

папства"[1]). Вопросъ о причинахъ увлеченія древней литературой рѣшается очень просто: она была гораздо содержательнѣе средневѣковой[2]). Самый очеркъ возрожденія античной литературы отличается слишкомъ большой бѣглостью, чтобы имѣть какое-нибудь значеніе, а его заключеніе прямо невѣрно. „Съ большимъ усердіемъ бросились гуманисты, говоритъ авторъ, на статьи (Abhandlung), въ которыхъ они брали за образецъ Цицерона, и на исторіографію, гдѣ они подражали Ливію и Цезарю. Но это была незаконнорожденная (bastard-artige) литература, поскольку она бросалась въ подражаніе древнимъ, потому что она стояла не на своихъ ногахъ, но украшалась чужими перьями и поэтому создавала только блѣдныя и безжизненныя фразы. Напротивъ, если гуманистическіе историки выбирали себѣ самостоятельные сюжеты, монографіи и біографіи изъ своего времени, вмѣсто длинныхъ утомительныхъ исторій, то они издавали сочиненія, которыя были достойны лучшихъ классическихъ образцовъ"[3]). Вторая половина тирады несомнѣнное преувеличеніе. Гуманисты положили начало новой исторіографіи; но между ними не было ни Ѳукидида, ни Ливія, ни Тацита. Что касается до первой, то подъ такую характеристику нельзя подвести ни одно гуманистическое произведеніе. Это просто фраза, пущенная въ ходъ нѣкоторыми историками Италіи. Сильно преувеличено, наконецъ, и увлеченіе латинскимъ языкомъ. Важность одиноко стоящаго извѣстія, что „во Флоренціи отцы запрещали читать итальянскія книги своимъ сыновьямъ, а учителя ученикамъ"[4]), подрываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ гуманистическую эпоху возникли многочисленныя комментаріи къ поэзіи Данте и Петрарки.

Вторая часть главы о гуманизмѣ не оправдываетъ заглавія. Результаты изученія древности хорошо показаны только въ области философіи, а въ другихъ сферахъ перечислены нѣкоторыя сочиненія гуманистовъ и повторены ходячія противъ нихъ обвиненія.

Гелльвальдъ въ своей *„Культурной исторіи въ ея естественномъ развитіи"*[5]) отводитъ замѣтное мѣсто Возрожденію; но этотъ очеркъ не даетъ достаточно яснаго представленія о сущности гуманистическаго движенія и почти совсѣмъ не касается исторіи. Прежде

---

1) Ibid. p. 56.
2) Ibid.
3) Ibid. p. 60.
4) Ibid. p. 61.
5) Первое изданіе этой книги вышло въ 1875. Я цитирую по третьему двухтомному. *Friedrich von Hellwald, Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwicklung bis zur Gegenwart. Augsburg 1884.*

всего Геллывальдъ повторяетъ давно уже опровергнутую фактическую ошибку, что творцами Ренесанса были византійскіе греки[1]) и не даетъ, какъ и всѣ его предшественники, историческаго очерка. Но въ противорѣчіи съ этимъ утвержденіемъ онъ очень вѣрно и оригинально отмѣчаетъ мѣстную психологическую основу движенія — стремленіе къ свободѣ мысли[2]). Дѣйствительная связь гуманизма съ тѣмъ философскимъ направленіемъ, которое отдѣляло истины богословскія отъ философскихъ и въ изслѣдованіи этихъ послѣднихъ требовало себѣ полной свободы, весьма проблематична и едва ли можетъ быть доказана. Связь Пампонаццо съ аверроизмомъ то же еще открытый вопросъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что оба движенія имѣли общій источникъ, хотя Возрожденіе обусловливалось и другими стремленіями западно-европейскаго человѣчества и потому было шире и глубже аверроизма. Геллывальдъ самъ указываетъ на эти особенности. „Ученія, пришедшія изъ Византіи, говоритъ онъ, по наружности (angeblich) обезсиленной поповствомъ, развивали энтузіазмъ къ изслѣдованію истины, вызвали устраненіе средневѣковыхъ монашескихъ воззрѣній, стремленіе къ изученію классическаго міра, которое съ своей стороны въ столь высокой степени содѣйствовало освободительнымъ (freiheitliche) движеніямъ, что можно отмѣтить изъ той эпохи случаи тиранно-убійства“[3]). Начало этой тирады противорѣчитъ дѣйствительности; ея конецъ подлежитъ весьма значительному ограниченію. Въ древнемъ Римѣ на ряду съ Брутами и Кассіями существовали Цезари и Августы, и послѣдніе вызывали гуманистическіе панегирики несравненно чаще, чѣмъ первые. Вообще вопросъ о связи гуманистическаго движенія съ какими-либо опредѣленными политическими идеалами еще не получилъ научнаго рѣшенія и, судя по наличнымъ источникамъ, можно предположить, что онъ будетъ рѣшенъ не въ пользу республики. Но Геллывальдъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что гуманизмъ стремился не только къ свободѣ мысли, но и къ ниспроверженію аскетическаго идеала, другими словами, преслѣдовалъ болѣе широкую цѣль — полное освобожденіе личности. Это стремленіе въ моральной сферѣ привело, по мнѣнію Геллывальда, къ крайне неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. „Необузданный либерализмъ (Freigeisterei) и усердное стремленіе къ свободѣ мысли (Denkfreiheit), говоритъ онъ, имѣло слѣдствіемъ освобожденіе страстей, которое измѣнило „нравственность“ вѣчнаго города и высшихъ сословій (der besseren Stände) въ Италіи въ безнравственность

1) Ibid. II, p. 413.
2) Ibid. p. 415.
3) Ibid. p. 413.

по германскимъ понятіямъ" [1]). Впрочемъ, Гелльвальдъ не придаетъ значенія этому вопросу, потому что „на самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, нравственность теперь не выше, чѣмъ въ эпоху Ренесанса, чѣмъ при Карлѣ Великомъ и при Августѣ, даже чѣмъ во время Перикла или Гомера" [2]). Въ нашу задачу не входитъ рѣшеніе этого вопроса; но ходячее мнѣніе о паденіи морали подъ вліяніемъ гуманизма, которое только повторяетъ Гелльвальдъ, еще требуетъ научной провѣрки. Нравственный уровень папства и Италіи до наступленія Ренесанса стоялъ чрезвычайно низко, и ранніе гуманисты, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, усердно старались помочь этой бѣдѣ своими произведеніями. Гуманистическое лѣченіе не удалось; но не оно было причиною болѣзни. Не совсѣмъ обыкновенно рѣшаетъ Гелльвальдъ и вопросъ о томъ, почему гуманистическое движеніе не повлекло за собою религіозной реформы. Обычно приводимымъ причинамъ религіозному индиферентизму гуманистовъ, ихъ связи съ церковью и т. п. онъ придаетъ второстепенное значеніе; главная — заключалась въ особенностяхъ, свойственныхъ всѣмъ романскимъ народамъ. „Въ Италіи не было Реформаціи, говоритъ онъ, потому что сумма знанія стояла тамъ уже слишкомъ высоко, мышленіе романскихъ народовъ было слишкомъ просвѣщено, слишкомъ близко подошло къ высшимъ истинамъ... [3]) Религіозное равнодушіе итальянскихъ мыслителей и въ извѣстномъ смыслѣ также и церкви менѣе препятствовало появленію истины и науки, чѣмъ религіозное чувство германскихъ народовъ" [4]). Оставляя въ сторонѣ принципіальный анализъ такой точки зрѣнія, слѣдуетъ признать однакожъ, что итальянскій платонизмъ XV и XVI вѣка, возрожденіе тогда же астрологическихъ суевѣрій и вся исторія католической реакціи, съ одной стороны, и позднѣйшее развитіе раціонализма на протестантской почвѣ, съ другой, ясно показываютъ, что критерій Гелльвальда неприложимъ, по меньшей мѣрѣ, къ тогдашней эпохѣ.

Итакъ интересъ къ Ренесансу у историковъ культуры чувствуется живѣе, чѣмъ гдѣ-либо и по понятной причинѣ: гуманистическое движеніе относится къ ихъ спеціальности. Правда, гуманизмъ и здѣсь обходятъ иногда молчаніемъ, какъ это дѣлаетъ Ру-Ферранъ, Клеммъ

---

1) Ibid. p. 414.

2) Ibid. p. 415.

3) Эти высшія истины заключались въ слѣдующемъ: Im XIV. Jahrhunderte lehrte man in Paris, dass es in den Naturvorgängen nichts gebe, als die Bewegung der Verbindung und Trennung der Atome, und der spanische Psychologe Ludwig Vives verlangte direkte Untersuchung auf dem Wege des Experiments. Ibid. p. 417—418.

4) Ibid.

въ своей объемистой книгѣ и нѣкоторые другіе; но это встрѣчается сравнительно рѣдко. Наоборотъ, появляются изслѣдователи, которые склонны преувеличивать значеніе движенія, какъ Генне-ам-Ринъ. Большее вниманіе къ движенію влечетъ за собою углубленіе и расширеніе его пониманія, вслѣдствіе чего постепенно устраняются старыя ошибки. Такъ, мнѣніе Карніона о томъ, что византійскіе греки создали гуманизмъ, несмотря на книгу Мейнерса, продолжаютъ раздѣлять и Matter, и Кольбъ, и Гелльвальдъ, но два первые изслѣдователя правильно оцѣниваютъ роль гуманизма въ секуляризаціи новой культуры, а послѣдній отмѣчаетъ психологическую основу въ стремленіяхъ гуманистовъ къ свободѣ мысли. При такихъ возврѣніяхъ закоренѣлая ошибка давала себя рѣзко чувствовать: у Matter'а, напр., она повлекла за собою не только хронологическую путаницу, но и самопротиворѣчіе автора. Точно такъ же подрываются постепенно и ошибочные взгляды на сущность движенія. Ваксмутъ и Рюккертъ продолжаютъ ее видѣть въ филологіи, но ихъ собственное изложеніе показываетъ, что смыслъ движенія гораздо глубже и шире и что преувеличеніе филологическаго элемента — отживающая традиція. Невѣрныя характеристики отдѣльныхъ сторонъ Возрожденія все еще держатся: такъ Рюккертъ, Лоранъ и друг. все еще считаютъ паганизмъ красною нитью, которая проходитъ черезъ все гуманистическое движеніе. Но на ряду съ этимъ ставятъ новые вопросы для исторіографіи Ренесанса и новыя точки зрѣнія для его изученія. Такъ, Рюккертъ пытается выяснить роль національнаго характера въ итальянскомъ гуманизмѣ и отмѣтить историческіе моменты движенія; огромная заслуга Лорана заключается въ томъ, что онъ возстановилъ точку зрѣнія на Ренесансъ Гегеля и попытался разсмотрѣть гуманистическое движеніе, какъ *индивидуалистическую оппозицію противъ средневѣковою аскетизма*. Если эти попытки и не вполнѣ удачны, то вина лежитъ отчасти на изслѣдователяхъ отдѣльныхъ сторонъ культуры, а главнымъ образомъ на спеціальной литературѣ по Возрожденію.

V.

Отношеніе къ Ренесансу историковъ философіи. Значеніе для исторіографіи гуманизма произведеній Як. Бруккера и Буле. Заслуги въ изученіи гуманизма Теннемана, Гегеля и Риттера. Отношеніе къ Возрожденію Штёкля и новѣйшихъ обзоровъ по исторіи философіи. Виндельбандъ. Французскіе историки философіи. Отношеніе къ гуманизму историковъ отдѣльныхъ эпохъ, школъ и различныхъ отдѣловъ философіи. Общій характеръ философской исторіографіи гуманизма.

Эпоха Возрожденія рано начала привлекать вниманіе историковъ философіи, и по понятной причинѣ. Паденіе схоластики подъ ударами гуманизма принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзкихъ фактовъ Ренесанса, и начало новаго періода въ исторіи философіи само собою опредѣляется этимъ обстоятельствомъ. Поэтому историки философіи, поставивъ Ренесансъ во главѣ новой исторіи, опредѣлили его настоящее мѣсто гораздо раньше, чѣмъ изслѣдователи другихъ сторонъ исторической жизни. Уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія *Як. Бруккеръ* въ своей обширной *„Критической исторіи философіи“*, а затѣмъ въ *„Институціяхъ“*, начинаетъ новый періодъ очеркомъ Ренесанса[1]). Собственно историческое изложеніе онъ ведетъ съ возстановленія философіи Платона и Аристотеля и послѣдовавшей за этимъ во второй половинѣ XV вѣка борьбы между послѣдователями обоихъ философовъ. Но этому предпосланъ краткій очеркъ Ренесанса[2]). Самый очеркъ далеко, конечно, не удовлетворяетъ и скромнымъ требованіямъ. Бруккеру не вполнѣ ясна роль византійскихъ грековъ въ гуманистическомъ движеніи, хотя онъ и не считаетъ его заноснымъ съ Востока; у него не изображены философскія воззрѣнія Петрарки и его ранних послѣдователей; не выяснены тѣ стороны Ренесанса, которыя вызвали новое философское движеніе, не говоря уже о томъ, что вопросъ о причинахъ увлеченія древней философіей только съ половины XV вѣка даже и не поставленъ. Но подобныхъ требованій и нельзя предъявить къ писателю XVIII столѣтія, такъ какъ они не выполнены и въ настоящее время. Несомнѣнную заслугу Бруккера составляетъ самый планъ изложенія: его очеркъ представляетъ

---

1) *Jacobi Bruckeri Historia critica philosophiae a tempore resuscitarum litterarum ad nostra tempora. Tomi IV, pars 1. Lipsiae MDCCXXXIII.* Его *Institutiones Historiae Philosophiae usui academicae juventutis, Lipsiae 1756*, представляетъ собою простое сокращеніе предыдущаго сочиненія.

2) Cap. 1. De viris doctis, qui de externo philosophiae habitu emendando restituendoque solliciti fuerunt. Hist. crit, p. 8. Cp. Institutiones, p. 441.

собою программу, которую предстоитъ исполнить будущему историку новой философіи.

Съ большимъ вниманіемъ относится къ Возрожденію и французскій историкъ философіи XVIII вѣка, *Деландъ*. Подобно своимъ современнымъ соотечественникамъ, Деландъ съ восторгомъ говоритъ о Ренесансѣ. „Послѣ мрачной ночи, которая окутывала всю Европу, говоритъ онъ, мы дошли, наконецъ, до этихъ свѣтлыхъ и ясныхъ временъ, которыя дѣлаютъ столь великую честь человѣчеству. Казалось, міръ второй разъ выходитъ изъ хаоса“ [1]). Въ силу этого Деландъ подробно останавливается на Возрожденіи: пытается объяснить его причины, опредѣлить общій ходъ движенія и дать біографіи его дѣятелей. Но для этого автору недоставало ни фактическаго знакомства съ эпохой, ни достаточной глубины ея пониманія. Такъ, причины Ренесанса онъ сводитъ къ чисто внѣшнимъ явленіямъ: онъ созданъ, во-первыхъ, подражаніемъ Данте, Петраркѣ и Боккаччіо; во-вторыхъ, меценатами и, въ-третьихъ, и главнымъ образомъ, византійскими греками, такъ что началомъ движенія Деландъ считаетъ 1453 годъ [2]). Біографическіе очерки дѣятелей Ренесанса, крайне неполны и поверхностны, выбраны къ тому же совершенно случайно: такъ, изъ гуманистовъ первой половины XV вѣка названъ почему-то только Филельеро, а Валла совершенно выдѣленъ изъ движенія [3]). Особеннаго вниманія заслуживаетъ столь рѣдкая въ исторіографіи Ренесанса попытка Деланда опредѣлить послѣдовательную смѣну гуманистическихъ теченій. Первымъ фазисомъ Возрожденія онъ считаетъ изученіе древнихъ языковъ, критику текста и пріобрѣтеніе всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы комментаторамъ. Затѣмъ гуманисты начали писать по-латыни, при чемъ заботились болѣе о формѣ, чѣмъ о содержаніи, болѣе о риторикѣ, чѣмъ объ истинѣ [4]). Это обвиненіе, ничѣмъ не доказанное и совершенно несправедливое, Деландъ пытается извинить необходимостью выработать стиль и видитъ главнѣйшую заслугу XV и XVI столѣтія въ подражаніи древнимъ. Только въ XVII столѣтіи, когда „разумъ занялъ мѣсто слѣпого удивленія“, впервые появилась, по его мнѣнію самостоятельная философ-

---

[1]) *Deslandes. Histoire critique de la philosophie où l'on traite de son origine, de ses progrès, et des diverses Révolutions qui lui sont arrivées jusqu'à notre temps.* Tome IV. Amsterdam 1756, p. 69.

[2]) Ibid. p. 70 и 72.

[3]) Ibid. p. 89 и 116.

[4]) On se piqua plus alors de bien écrire en latin que d'écrire judicieusement, de prodiguer les fleurs de Rhétorique que d'étudier la Nature, et d'arranger un Discours, de le peigner avec soin que de découvrir une vérité importante. Ibid. p. 86.

ская мысль[1]). Первая попытка философской исторіи Ренесанса рѣшительно разошлась съ истиной.

Въ Германіи по слѣдамъ Бруккера пошли прежде всего составители краткихъ комендіумовъ по исторіи философіи, какъ *Мейнерсъ* и *Гурлиттъ*. Лучшій знатокъ Возрожденія въ XVIII столѣтіи, Мейнерсъ, еще находится въ своемъ раннемъ трудѣ подъ вліяніемъ традиціонныхъ взглядовъ о роли византійскихъ грековъ. Такъ, онъ дѣлитъ новую философію на два крупныхъ періода и первый изъ нихъ ведетъ отъ половины XV до половины XVI столѣтія. Правда, при дальнѣйшемъ подраздѣленіи перваго періода онъ составляетъ особый отдѣлъ изъ гуманистическаго движенія до паденія Константинополя; но его философскіе признаки ему неясны и борьба противъ схоластики отнесена почему-то только ко второму отдѣлу перваго періода[2]). Очевидно, что неясность изложенія обусловливалась не только краткостью компендіума. Что касается до Гурлитта, то онъ ограничивается простымъ констатированьемъ факта вліянія Ренесанса на новую философію[3]).

Программу Бруккера попытался выполнить *Булэ*. Въ своей обширной „*Исторіи философіи*" онъ говоритъ о Возрожденіи съ такою обстоятельностью, какъ никто раньше его и какъ весьма немногіе изъ позднѣйшихъ историковъ философіи. Булэ вѣрно опредѣляетъ общій характеръ Ренесанса, въ которомъ онъ видитъ „стремленіе всѣхъ лучшихъ людей устранить границы духовной дѣятельности и познанія, поставленныя схоластикой и суевѣріемъ" [4]). Увлеченіе древностью Булэ легко объясняетъ изъ этого основного характера движенія: гуманисты нашли въ античной литературѣ энциклопедію свѣтскихъ наукъ и, что особенно важно, массу идей и знаній, вполнѣ приложимыхъ къ жизни и практически интересныхъ, представлявшихъ рѣзкій контрастъ съ ненужными отвлеченностями и тонкостями схоластики. Съ этой точки зрѣнія ему кажется вполнѣ естественной старая ошибка „о слѣпой привязанности" гуманистовъ къ древности, и онъ не только не подвергаетъ ее критикѣ, но еще усиливаетъ это заблужденіе, утверждая, что только по прошествіи двухъ столѣтій впервые замѣтили, что возрожденіе древнихъ наукъ не исключаетъ ихъ улучшенія и творчества въ этой сферѣ[5]).

---

1) Ibid. p. 85—87.

2) *C. Meiners, Grundriss der Geschichte der Weltweisheit. Lemgo 1786*, p. 216—217.

3) *J. Gurlitt, Abriss der Geschichte der Philosophie. Leipzig 1786*; p. 206.

4) *Joh. Gottlieb Buhle, Geschichte der Philosophie. Band II. Göttingen 1800*, p. 3—4.

5) Ibid. p. 4—6.

Первую главу исторіи новой философіи Булэ посвящаетъ выясненію причинъ Ренесанса и дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: причины отдаленныя и непосредственныя. Въ первой категоріи главную роль онъ приписываетъ усиленію буржуазіи. Документально установить фактическую связь между соціальнымъ и культурнымъ движеніемъ Булэ не удалось; но онъ тщательно и полно отмѣчаетъ возможные культурные результаты развитія городовъ: потребность въ просвѣщеніи, стремленіе къ практическимъ знаніямъ, что создало классъ свѣтскихъ ученыхъ ранѣе всего въ области права и медицины. Къ этой же категоріи причинъ относитъ онъ Крестовые походы, борьбу монархіи съ феодализмомъ и въ особенности свѣтской власти съ духовенствомъ, что породило скептическое отношеніе къ основамъ іерархическаго господства. Кромѣ этихъ отдаленныхъ причинъ, гуманистическое движеніе обусловлено было нѣсколькими непосредственными, первое мѣсто между которыми занимаетъ ослабленіе и утомленіе (Erschöpfung und Erschlaffung) человѣческаго ума безсодержательными и безполезными схоластическими тонкостями. Булэ весьма близко къ истинѣ ищетъ *психологическаго* объясненія Ренесанса; но онъ старается найти его не въ историческомъ ростѣ личности, а въ законахъ индивидуальной психологіи. Новое направленіе, по его мнѣнію, смѣнило старое въ силу закона, требующаго смѣны умственныхъ интересовъ. „Человѣческій духъ требуетъ перемѣнъ (Abwechselung), если его занятія должны его занимать и въ то же время удовлетворять. Этотъ естественный законъ духа обнаруживается у человѣка въ его повседневныхъ занятіяхъ и у цѣлыхъ поколѣній въ тѣхъ предметахъ, на которые преимущественно направлено ихъ вниманіе и ихъ прилежаніе“[1]). При такомъ объясненіи остается безъ отвѣта самый существенный вопросъ; почему же Возрожденіе было таково, каково оно было? Второй непосредственной причиной Ренесанса было, по мнѣнію Булэ, развитіе національной поэзіи. Авторъ оригинально и весьма правдоподобно объясняетъ психологическое вліяніе этой причины. Поэзія, по его словамъ, „возбуждала фантазію, оживляла благотворныя побужденія и склонности человѣческой природы, направляла вниманіе на прекрасное и возвышенное... и показывала схоластику въ такомъ контрастѣ, при которомъ она должна была терять безконечно“[2]). Къ сожалѣнію, Булэ не идетъ дальше этихъ краткихъ и чисто апріорныхъ соображеній, и зародыши гуманистическаго настроенія въ національной поэзіи продолжаютъ составлять интересную задачу исторіи культуры.

---

1) Ibid. p. 17.
2) Ibid. p. 18.

Въ истолкованіи Булэ трехъ послѣднихъ причинъ Ренесанса — появленія грековъ, меценатства и книгопечатанія — нѣтъ ничего новаго, и своеобразный характеръ гуманистическаго движенія въ сущности остался неразъясненнымъ. Булэ самъ чувствуетъ этотъ пробѣлъ и признаетъ на ряду съ указанными причинами цѣлый рядъ другихъ, которыя заключались въ свойствахъ тогдашней общественной среды и, по его мнѣнію, не подлежатъ вѣдѣнію историка философіи[1]).

Изложивъ причины, вызвавшія гуманистическое движеніе, Булэ имѣлъ въ виду изложить и развитіе философской мысли за эту эпоху. Но отсутствіе фактическихъ свѣдѣній по исторіи ранняго гуманизма поставило ему непреодолимое затрудненіе при исполненіи этой задачи и дало невѣрную окраску всего тогдашняго философскаго движенія. „Все, что есть своеобразнаго въ исторіи философіи XIV и XV столѣтія, говоритъ онъ, главнымъ образомъ состоитъ отчасти въ способѣ пониманія, приложенія и измѣненія Аристотелевой и Платоновой системъ, отчасти въ спорахъ объ этомъ между приверженцами обоихъ философовъ“[2]). Булэ игнорируетъ тотъ фактъ, что должны были существовать мѣстныя, внутреннія побужденія, заставившія сначала обратиться къ античной философіи и потомъ внести въ нее соотвѣтствующія измѣненія. Онъ сводитъ причину новаго философскаго движенія къ чисто внѣшнему вліянію грековъ и въ главѣ, посвященной дѣятелямъ гуманизма, сообщаетъ біографіи главнымъ образомъ грековъ и ихъ ближайшихъ учениковъ[3]). Исключеніе составляетъ одинъ только Петрарка. Ознакомившись съ его латинскими произведеніями, Булэ пришелъ къ убѣжденію, что его философія не навѣяна греками. „Петрарка, говоритъ онъ, единственный человѣкъ въ эпоху Возрожденія наукъ, котораго способъ философствованія не опредѣлялся Аристотелевой или Платоновой системой. Онъ слѣдовалъ своему генію, хотя его философія была направлена болѣе на житейскую мудрость, чѣмъ на спекулятивную систему“[4]). Этотъ фактъ не заставилъ Булэ поискать непосредственной связи Петрарки съ его предшественниками и преемниками, и онъ игнорируетъ не только философствованія Поджіо и Фаціо, но даже и трактатъ Валлы. Изложивъ въ особой главѣ философію Петрарки, онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ ней заключалась причина высокаго уваженія современниковъ къ родоначальнику

---

[1]) Ibid. p. 22.

[2]) Ibid. Vorrede, p. VI.

[3]) Ibid. p. 23 и слѣд. Въ примѣчаніи къ р. 58 Buhle самъ объясняетъ критерій, которымъ онъ руководился въ данномъ случаѣ.

[4]) Ibid. Vorrede, p. VIII.

гуманизма и его обширнаго вліянія[1]), и тѣмъ не менѣе категорически заявляетъ, что Петрарка, какъ философъ, по отношенію къ своимъ предшественникамъ и преемникамъ стоитъ совершенно уединенно"[2]). Закоренѣлая ошибка о византійскомъ происхожденіи гуманизма отразилась и въ исторіи философіи. Несомнѣнной заслугой Булэ остается первая и въ общемъ вѣрная оцѣнка философскихъ воззрѣній Петрарки[3]).

Книга Булэ и работы его предшественниковъ не устранили изъ исторіи философіи совершенно фантастическихъ воззрѣній на Ренесансъ. Такъ *Астъ* въ своей книгѣ не только начинаетъ исторію философіи этой эпохи съ Г. Плетона, но видитъ въ платонизмѣ, занесенномъ, по его мнѣнію, греками продолженіе „мистическаго и фантастическаго духа среднихъ вѣковъ, который въ расцвѣтающей поэзіи нашелъ себѣ новую пищу"[4]). На ряду съ такой поэзіей Астъ отмѣчаетъ появленіе „того внѣшняго образованія, которое необходимо для развитія самостоятельной жизни искусствъ и наукъ" и которое было результатомъ „расцвѣта политической свободы въ концѣ XIV столѣтія"[5]). Кромѣ того, Астъ вполнѣ раздѣляетъ старое заблужденіе, что интересъ къ древности занесли греческіе бѣглецы, такъ что его книга повторяетъ всѣ ошибки предшественниковъ и дополняетъ ихъ новыми несообразностями.

Теннеманъ въ своей краткой исторіи философіи отступаетъ отъ плана Бруккера и хотя отмѣчаетъ нѣкоторыя новыя и важныя черты гуманизма, но не выдѣляетъ Возрожденія и невѣрно представляетъ общій ходъ философскаго движенія въ эту эпоху. Событія, создавшія новую философію, у него представлены въ такомъ порядкѣ: Крестовые походы, изобрѣтеніе книгопечатанія, завоеваніе Константинополя, открытіе Америки, Реформація; а ихъ слѣдствія: образованіе средняго сословія, *возникновеніе общественнаго мнѣнія*, усиленіе свѣтской и ослабленіе духовной власти, образованіе твердой политики, расширеніе знаній путемъ опыта, пріобрѣтеніе новыхъ пособій и образцовъ въ классической литературѣ и развитіе новыхъ языковъ[6]). Можно было бы извинить такой схематизмъ конспективнымъ характеромъ книги;

---

[1]) Ibid. p. 118.

[2]) Ibid. p. 86.

[3]) Разборъ главы «Über die Philosophie des Petrarcha» см. ниже, въ главѣ о Петраркѣ.

[4]) *Fr. Ast, Grundriss einer Geschichte der Philosophie. Landshut 1807*, p. 298.

[5]) Ibid. p. 297.

[6]) *Wilh. Gottlieb Tennemann, Grundriss der Geschichte der Philosophie. Für den akademischen Unterricht. 2-te Auflage. Leipzig 1816*, p. 231.

но Теннеманъ не выдѣлилъ гуманистическаго движенія, какъ самостоятельнаго и для исторіи философіи чрезвычайно важнаго культурнаго фактора, хотя онъ впервые отмѣтилъ одинъ изъ важнѣйшихъ его результатовъ — общественное мнѣніе. Кромѣ того, малое знакомство съ раннимъ гуманизмомъ послужило причиною невѣрной схемы, которую даетъ Теннеманъ философскому движенію въ началѣ новой исторіи. Онъ тоньше, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, угадалъ причину увлеченія древней философіей въ гуманистическую эпоху и его слѣдствія. „Въ человѣческомъ духѣ, говоритъ онъ, пробудилась настоятельная и живая потребность къ человѣческой всесторонне удовлетворяющей философіи и высшему научному образованію; но при своей безпомощности (Unbehülflichkeit) онъ нуждался еще для этого въ чужомъ руководствѣ и нашелъ его въ произведеніяхъ грековъ и римлянъ. Обновленное знакомство съ классической литературой снова возбудило прежде всего человѣческій разумъ, уваженіе къ духу свободнаго изслѣдованія, стыдъ передъ рабской зависимостью мысли (wegen der sklavischen Denkart), недовольство несовершеннымъ состояніемъ научнаго образованія и стремленіе къ улучшенію“[1]). Это превосходная характеристика гуманистическаго движенія, но Теннеманъ дѣлаетъ изъ нея выводъ, совершенно невѣрный въ историко-философскомъ смыслѣ. Онъ пропустилъ Петрарку и созданное имъ философское направленіе, не замѣтилъ, что увлеченію Платономъ и Аристотелемъ предшествовала вѣковая попытка обойтись безъ метафизики, предоставивъ ее теологіи, и создать практическую философію эклектическаго характера, въ которой древность и христіанство одинаково приспособлялись къ новымъ потребностямъ. Поэтому, первый періодъ новой философіи, по Теннеману, „заключаетъ въ себѣ борьбу съ схоластикой посредствомъ воспроизведенія и комбинаціи древнихъ системъ“[2]), при чемъ эта послѣдняя предшествуетъ борьбѣ съ старымъ міросозерцаніемъ и служитъ для нея основаніемъ. Гемистосъ Плетонъ является у него раньше Валлы; борьбу противъ схоластики открываетъ Hermolaus Barbarus и A. Politianus, а Валла является ихъ послѣдователемъ[3]), что не вѣрно ни фактически, ни даже хронологически[4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. p. 233.

[3]) Ibid. p. 234—236.

[4]) Авторъ другого извѣстнаго компендіума по исторіи философіи *Рикснеръ* по отношенію къ Ренесансу просто конспектируетъ книгу Буле. (*Thaddä Anselm Rixner, Handbuch der Geschichte der Philosophie. II. Band. Sulzbach 1829*). Напримѣръ, причины появленія новой философіи въ видѣ заголовка формулированы

Гегель въ своихъ *„Лекціяхъ по исторіи философіи“* далъ своеобразную терминологію тому глубокому пониманію Ренесанса, которое обнаруживается, какъ мы видѣли, въ его философіи исторіи. Возрожденіе для него — стремленіе къ самосознанію, какъ въ природѣ, такъ и въ сверхчувственномъ мірѣ[1]), проще говоря — критически научное отношеніе къ окружающему. „Это пробужденіе самосознанія (Selbstheit) духа привело за собою возрожденіе древнихъ искусствъ и древнихъ наукъ. Отсюда вышли всѣ стремленія и изобрѣтенія, открытіе Америки и отысканіе пути въ Остъ-Индію, отсюда же въ особенности снова пробудилась любовь къ древнимъ, такъ называемымъ языческимъ наукамъ“[2]). Если перевести эту терминологію на историческій языкъ, то „пробужденіе духа“ будетъ обозначать развитіе индивидуальнаго самосознанія, и слова Гегеля съ этой точки зрѣнія получаютъ характеръ точнаго опредѣленія подлиннаго смысла гуманистическаго движенія и даютъ вѣрное объясненіе его различныхъ сторонъ. Такъ, исходя изъ своего пониманія основного характера эпохи, Гегель объясняетъ увлеченіе гуманистовъ древней литературой тѣмъ, что въ ней признаны интересы и дѣйствія человѣка въ противоположность божественнымъ, и что развившееся самосознаніе возбудило особенный интересъ къ человѣку)[3]. Изъ этого же самосознанія „произошелъ контрастъ между разумомъ и церковнымъ ученіемъ или вѣрой, сдѣлался всеобщимъ взглядъ, что разумъ можетъ признать фальшивымъ нѣчто такое, что утверждаетъ церковь“[4]). Противъ этихъ положеній ничего нельзя возразить съ исторической точки зрѣнія.

Но тонкая дивинація сущности гуманистическаго движенія, которая значительно была облегчена для Гегеля исходнымъ пунктомъ

слѣдующими положеніями безъ всякихъ доказательствъ: Sinken der Scholastik und Entstehen einer neuern Zeit durch die Ausbildung eines dritten Standes in den freien Städten, durch Cultivirung der lebendigen Volks-Sprachen und durch Wiederaufleben des Studiums der alten Classiker, p. 192, и далѣе слѣдуютъ краткія біографіи нѣкоторыхъ гуманистовъ.

[1]) *Hegel's Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Herausgegeben von K. L. Michelet.* B. 3. Въ Hegel's Werke. 15. Band. Berlin 1836. Erfasste sich der Geist nun in sich selbst, und erhob sich zu der Forderung, sich als wirkliches Selbstbewusstsein sowohl in der übersinnlichen Welt, als in der unmittelbaren Natur zu finden und zu wissen, p. 212.

[2]) Ibid. p. 212—213.

[3]) Diese wurden als studia humaniora, wo der Mensch in seinem Interesse, in seinem Wirken anerkannt ist, dem Göttlichen gegenübergestellt... Dass die Menschen selbst etwas sind, hat ihnen ein Interesse gegeben für die Menschen, die als solche etwas sind. Ibid. p. 213.

[4]) Ibid. p. 213.

его философскаго міросозерцанія, такъ какъ Ренесансъ былъ по существу духовнымъ движеніемъ, не избавила знаменитаго философа отъ фактической ошибки. „Пробужденіе наукъ и искусствъ, говоритъ онъ, въ особенности изученія древней литературы было по отношенію къ философіи прежде всего частію только пробужденіемъ древней философіи въ ея раннемъ, первоначальномъ видѣ; новаго еще не появилось“ [1]). Гегель не замѣтилъ всѣхъ эклектическихъ попытокъ, вызванныхъ стремленіемъ примирить средневѣковую философію съ новымъ міросозерцаніемъ [2]), просмотрѣлъ движеніе философской мысли за цѣлое столѣтіе, отъ Петрарки до второй половины XV вѣка. Эта ошибка — результатъ плохого знакомства съ историческимъ матеріаломъ; но лучшее съ нимъ ознакомленіе только подтверждаетъ основной взглядъ Гегеля на сущность Возрожденія.

Рейнгольдъ въ своемъ „*Учебникѣ исторіи философіи*“ только скользитъ по эпохѣ Возрожденія, что до извѣстной степени стушевываетъ пробѣлы въ его изложеніи. Онъ считаетъ это время переходныхъ періодомъ и, констатировавши важность Ренесанса, не касается его причинъ и въ философскомъ движеніи отмѣчаетъ только возрожденіе и различныя комбинаціи античныхъ системъ [3]). Въ его книгѣ нѣтъ ошибокъ, но она не даетъ и вѣрнаго представленія объ эпохѣ. Подробнѣе останавливается на Возрожденіи *Фризъ* въ своей „*Исторіи философіи*“; но и онъ не освободился отъ прежнихъ ошибокъ и не оказалъ ни малѣйшаго содѣйствія къ болѣе правильному пониманію гуманистическаго движенія. Признавая исходнымъ пунктомъ новой философіи изученіе законовъ природы по методу Бэкона, Фризъ видитъ въ предшествующихъ движеніяхъ только факторы подготовительныхъ ступеней истинной философіи: они создали „образованіе вкуса, свободу духа отъ авторитета вѣры, отъ іерархическаго авторитета и прочное и ясное направленіе вновь появившейся самостоятельной мысли (eine sichere und klare Führung des neu aufstrebenden Selbstdenkens)“, да и то не вполнѣ [4]). Среди этихъ факторовъ отведено мѣсто и Возрожденію. Его сущность Фризъ видитъ „въ эстетическомъ развитіи духа“, которое создали Данте, Петрарка и Боккачіо, и въ „пробужденіи любви къ классической

1) Ibid. p. 213.

2) Гегель выдѣляетъ въ особый параграфъ Popularphilosophie (Ibid. p. 217), но имѣетъ въ немъ въ виду Эразма, Меланхтона, Монтеня и Шаррона.

3) *Ernst Reinhold, Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. II. Auflage. Jena 1839*, p. 308—310.

4) *Jakob Fried. Fries, Die Geschichte der Philosophie, dargestellt nach den Fortschritten ihrer wissenschaftlichen Entwickelung. II. Band. Halle 1840*, p. 236.

литературѣ", которое вызвали греки[1]). Такимъ образомъ Возрожденіе, по Фризу, не внесло ничего самостоятельнаго въ философію: не говоря уже объ эстетическомъ развитіи, даже изученіе древнихъ собственно не было „вступленіемъ въ новую философію"; оно „пробудило только жизнь, вкусъ и мысль" и содѣйствовало разрушенію схоластики, да и эту заслугу дѣлятъ съ гуманистами реформаторы, которые, по мнѣнію Фриза, создали и свободу мысли[2]).

Еще уже и совсѣмъ поверхностно понялъ Возрожденіе *Зигвартъ* въ своей трехтомной *„Исторіи философіи"*. Сущность Ренесанса сводится у него къ „реставраціи филологическихъ занятій", которая была дѣломъ византійскихъ бѣглецовъ[3]). Эту мысль Зигвартъ проводитъ съ особой настойчивостью. Изъ итальянскихъ гуманистовъ онъ называетъ только Петрарку, Боккаччіо и Валлу, при чемъ не забываетъ упомянуть. что и здѣсь греки имѣли вліяніе, и что учителемъ Петрарки былъ Леонтій Пилатъ[4]). „Преобразованіе духовной жизни", которое признаетъ и Зигвартъ, произошло, по его мнѣнію, въ силу контраста античной литературы съ схоластикой[5]). Въ чемъ оно заключалось, авторъ не говоритъ; не указываетъ также и тѣхъ причинъ, которыя вызвали увлеченіе древностью, и гуманистическое движеніе объясняется чисто внѣшними вліяніями. Такого нефилософскаго пониманія Ренесанса не встрѣчается ни у одного историка философіи.

Изъ всѣхъ новыхъ историковъ философіи съ наибольшимъ вниманіемъ останавливаются на Возрожденіи *Риттеръ и Штёкль*. Риттеръ не даетъ исторіи философскихъ идей Ренесанса, начиная съ Петрарки. Представителями гуманистической философіи въ новое время является у него Валла, который въ дѣйствительности стоитъ въ концѣ философскаго процесса, начавшагося съ Петрарки, и греки, съ Виссаріономъ во главѣ, которые въ дѣйствительности начинаютъ новое движеніе въ философіи. Эпоху Возрожденія Риттеръ разсматриваетъ въ введеніи къ новой философіи, какъ одинъ изъ факторовъ, вліявшихъ на ходъ ея дальнѣйшаго развитія, при чемъ онъ характеризуетъ весь гуманизмъ, какъ нѣчто цѣлое и единое, не различая отдѣльныхъ періодовъ въ его исторіи. Кромѣ того, его занимаютъ только тѣ стороны Ренесанса, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе

---

1) Ibid. p. 235.

2) Ibid. p. 238—239.

3) *H. C. W. Sigwart, Geschichte der Philosophie vom allgemeinen wissenschaftlichen und geschichtlichen Standpunkt. I. Band. Stuttgart und Tübingen 1844,* p. 350.

4) Ibid. p. 364.

5) Ibid. 351.

къ дальнѣйшему развитію философіи: его отношеніе къ старой церкви и Реформаціи и значеніе ревностнаго изученія античной литературы.

Риттеръ называетъ обыкновенно Ренесансъ „возрожденіемъ наукъ и искусствъ", но понимаетъ его гораздо шире и глубже этого термина, какъ „полное преобразованіе философскаго міросозерцанія (eine völlige Umwandlung der geistigen Anschauung)", и эта перемѣна произошла подъ вліяніемъ не только наукъ, но также искусства и формъ общественной жизни[1]). Характернымъ признакомъ движенія былъ глубокій интересъ къ античной литературѣ; но Риттеръ рѣшительно опровергаетъ то мнѣніе, что его возбужденіе было заслугою византійскихъ грековъ: движеніе было вызвано мѣстными причинами[2]), и потому оно стоитъ въ неразрывной связи съ другой крупной перемѣной, которая произошла въ это время въ религіозной сферѣ. Положеніе, занятое Ренесансомъ по отношенію къ средневѣковому папству, формулировано Риттеромъ весьма кратко и очень мѣтко. Прежде всего тогда возродились наука и искусство, и въ силу одного этого столкновеніе съ средневѣковою церковью было неизбѣжно. „Такъ какъ искусство и наука принадлежатъ къ духовной области и служатъ образованію души, говоритъ онъ, то они оспариваютъ іерархическій взглядъ, что только церковь и религіозная жизнь думаютъ о нашемъ вѣчномъ благѣ"[3]). Совершенно естественно, что воззрѣнія гуманистовъ были враждебны старой церкви и должны были ее разрушить. Риттеръ прямо утверждаетъ, что Возрожденіе разрушило іерархическую систему, и по понятной причинѣ: „она была основана на воззрѣніяхъ и только измѣненіемъ воззрѣній могла быть разрушена"[4]).

Это положеніе вѣрно въ томъ смыслѣ, что гуманистическіе идеалы были несовмѣстимы съ воззрѣніями и стремленіями средневѣкового католицизма, и ихъ побѣда была его пораженіемъ. Но побѣда Ренесанса была только теоретическая и притомъ далеко не полная: онъ освободилъ только мысль отъ заржавѣвшихъ оковъ, но онъ не далъ свободы совѣсти, не создалъ самостоятельной морали. Гуманисты только вышли изъ-подъ церковной опеки, только прорвались сквозь обветшавшую ограду средневѣковой церкви, а не разрушили ея, потому что были безсильны для этого. Между тѣмъ Риттеръ имъ приписываетъ главную заслугу въ этомъ разрушеніи. „Реформація церкви, одна, сама по себѣ, не могла этого сдѣлать, говоритъ онъ. Нельзя оставлять безъ вниманія, что сама она совершилась подъ вліяніемъ воз-

[1]) *Heinrich Rister, Geschichte der Philosophie. Band IX. Hamburg 1850,* p. 21.
[2]) Ibid. p. 5.
[3]) Ibid. p. 24.
[4]) Ibid. p. 20 и 21.

становленной науки. Преимущественно новый свѣтъ филологическаго изслѣдованія позволилъ открыть много старыхъ заблужденій въ историческомъ преданіи религіозныхъ положеній, въ юридическихъ претязаніяхъ церкви; новый вкусъ къ изящной литературѣ, къ выборнымъ, красивымъ выраженіямъ отвратилъ отъ схоластики столь многіе болѣе тонко образованные умы. Подъ покровительствомъ этихъ духовныхъ силъ выступила церковная реформація" [1]). Въ такомъ истолкованіи религіознаго движенія сказался профессіональный недостатокъ историка философіи, привыкшаго сводить къ разуму, какъ къ единственному источнику, всѣ духовныя движенія. Одной критикой не создаются новыя культурныя формы, особенно въ религіозной сферѣ, и гуманисты были только полезными союзниками Реформаціи, а не ея вождями, служили застрѣльщиками въ великой борьбѣ, которую вынесли на своихъ плечахъ люди вѣры. Чтобы одержать полную побѣду надъ религіозной формой, нужно противопоставить ей религіозное чувство, а его-то именно и недоставало дѣятелямъ Ренесанса, особенно въ Италіи.

Преувеличивая роль гуманизма въ Реформаціи, Риттеръ не вполнѣ точно опредѣляетъ различіе обоихъ движеній въ отношеніи къ древней литературѣ и наукѣ вообще. Гуманисты „погружаются въ глубины языка, искусства, мышленія древности, чтобы извлечь оттуда источникъ для своего назиданія, чтобы изслѣдовать человѣческую природу и ея отношеніе къ міру и Богу". Для церковныхъ реформаторовъ это только средство для изученія Библіи, которая является для нихъ „источникомъ жизни". Возстановители наукъ и искусствъ считаютъ ихъ цѣлью, церковные реформаторы — средствомъ [2]). Эти положенія совершенно справедливы, если имѣть въ виду дѣятелей XVI столѣтія; но въ общемъ такая точка зрѣнія примѣнима только къ узкой ортодоксальности, а не къ протестантизму вообще.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Риттеръ на значеніи въ Ренесансѣ древней культуры, изученіе которой составляетъ столь характерное свойство движенія; но нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ его книгѣ вполнѣ ясно и точно. Прежде всего Риттеръ не выясняетъ причины увлеченія древностью именно въ эту эпоху, вслѣдствіе чего онъ преувеличиваетъ ея вліяніе. Такъ, вліянію древности главнымъ образомъ онъ приписываетъ разрушеніе іерархической системы: познакомившись съ стилемъ древнихъ, гуманисты стали нападать на варварскую латынь схоластики, а потомъ

1) Ibid. p. 25.
2) Ibid. p. 25 и 26.

на ея ученія, которыя замѣнялись древней философіей по мѣрѣ того, какъ усвоивали содержаніе этой послѣдней[1]). Изъ источниковъ видно, что въ дѣйствительности дѣло шло иначе, что не отъ стиля пошла оппозиція средневѣковому міросозерцанію, что древняя литература была *оружіемъ* въ борьбѣ, а не ея *источникомъ*, и что теологія начинаетъ вытѣсняться философіей гораздо позже ознакомленія гуманистовъ съ этой послѣдней. Впрочемъ, на ряду съ этой фиктивной конструкціей процесса Риттеръ указываетъ одинъ дѣйствительный результатъ изученія античной литературы, который нанесъ чувствительный ударъ средневѣковому католицизму и помогъ гуманистамъ секуляризировать культуру. „Настоящая опасность для іерархическихъ воззрѣній заключалась въ томъ, говоритъ онъ, что ознакомились съ духовными благами, которыя давали предчувствіе вѣчнаго и не могли быть ни отвергнуты церковью, ни подчинены ей“[2]).

Вліяніе древности на развитіе этихъ благъ, т.-е. на новую литературу, искусство и науку, Риттеръ считаетъ двойственнымъ: оно возбуждало къ творческой дѣятельности по примѣру древнихъ и вредило оригинальности творчества, вызывая подражательность, иногда рабскую, античной культурѣ[3]). Съ такимъ положеніемъ въ общей формѣ нельзя не согласиться; но трудность вопроса заключается въ томъ, чтобы выяснить сравнительную силу обоихъ вліяній, т.-е. прослѣдить степень критицизма гуманистовъ въ ихъ отношеніи къ древней литературѣ. Такое изслѣдованіе, существенное для исторіи Возрожденія, потому что оно опредѣлитъ, что̀ внесла эта эпоха новаго и оригинальнаго въ исторію, невозможно при современномъ состояніи источниковъ. Тѣмъ не менѣе и при наличныхъ данныхъ можно утверждать, что съ самаго начала движенія отношеніе гуманистовъ къ древности было сочувственное, но критическое. Риттеръ другого мнѣнія. Признавая за гуманизмомъ ту заслугу, что онъ соединилъ нашу культуру съ античной[4]), Риттеръ утверждаетъ, что съ самаго начала исчезаетъ критическое отношеніе къ древности, что началось полное, слѣпое увлеченіе античной стариной. „Что казалось старымъ, то считалось за классическое, говоритъ Риттеръ; басня древней исторіи слыла истиной, и, что еще хуже, блага новыхъ народовъ непризнавались, потому что они не были древними“[5]). Относясь съ полнымъ презрѣніемъ къ среднимъ вѣкамъ, гуманисты хотѣли замѣнить, по мнѣнію Риттера, христіанское бого-

---

1) Ibid. p. 48 и 49.
2) Ibid. p. 50.
3) Ibid. p. 46, 47, 55, 56, 57, 65, 66.
4) Ibid. p. 47.
5) Ibid. p. 56.

словіе греческой философіей и создать изъ языческой миѳологіи доступную для народа религіозную пищу[1]). Такое рабское преклоненіе передъ древностью уничтожало въ гуманистахъ всякое критическое чутье, всякую умственную самостоятельность. Всѣ древніе писатели, къ какой бы эпохѣ они не принадлежали, имѣли въ ихъ глазахъ одинаковую цѣну и одинаковый авторитетъ, потому что „они не довѣряли ни своему вкусу, ни своему приговору"[2]). Вообще критика отсутствовала. „Эти люди возстановленія наукъ, говоритъ Риттеръ, думаютъ скромно, даже боязливо; они далеки отъ свободы полагающейся на себя науки; они похожи болѣе на учениковъ, чѣмъ на учителей; у нихъ еще нѣтъ увѣренности, которая покоится на сознаніи, что проложенъ новый путь въ познаніи истины"[3]). Таковы были, по мнѣнію Риттера, дѣятели эпохи, которая подорвала старые авторитеты и заложила широкое основаніе новой культуры. Всѣ черты этой характеристики заимствованы изъ сочиненій гуманистовъ или могутъ найти въ нихъ подтвержденіе, и, тѣмъ не менѣе, она совершенно невѣрна. Риттеръ ссылается для подтвержденія своихъ взглядовъ на итальянцевъ, на нѣмцевъ, на французовъ и на испанцевъ, и представляетъ такимъ образомъ движеніе, какъ нѣчто разъ данное и неизмѣнное. Получается картина, которая не имѣетъ никакого сходства съ дѣйствительностью. Итальянскія увлеченія второй половины XV вѣка приняты за характерные признаки всего движенія, и у Валлы отрицается смѣлость сужденія, у Альберти оригинальность, у Аккольти уваженіе къ среднимъ вѣкамъ и т. п. Научная неразработанность эпохи отразилась на мнѣніяхъ глубокомысленнаго и основательнаго ученаго самымъ неподходящимъ для него образомъ.

Изучая вліянія, которыя оказало на культуру Возрожденіе, Риттеръ отмѣчаетъ вызванный имъ соціальный переворотъ, оставшійся незамѣченнымъ большинствомъ профессіональныхъ историковъ. „Филологія" и книгопечатаніе, по его словамъ, образовали новый общественный классъ ученыхъ, которые вытѣснили духовенство изъ исключительнаго господства въ сферѣ науки и могли отказываться отъ церковныхъ и государственныхъ должностей". Въ началѣ новой исторіи они представляли собою еще довольно замкнутый классъ, который былъ изолированъ отъ массы употребленіемъ латинскаго языка; но въ соціальномъ отношеніи „эти типографы и эти ученые проложили мостъ между высшими и низшими слоями народа"[4]). Нельзя ска-

1) Ibid. p. 62.
2) Ibid. p. 64.
3) Ibid. p. 68, 69.
4) Ibid. p. 51—57.

зать, чтобы этотъ весьма важный вопросъ былъ разсмотрѣнъ Ритте ромъ съ достаточной полнотой и ясностью. Но уже одна его поста новка представляетъ важную заслугу не только для культурной исторіи вообще, но и въ частности для исторіи философіи, потому что эти свѣтскіе „литераторы“ подготовили появленіе новой философіи.

Штёкль стоитъ на строго католической точкѣ зрѣнія: средневѣковая церковь для него вмѣстилище истины; схоластика — образецъ христіанской науки. Ренесансъ, по его мнѣнію, былъ сплошнымъ заблужденіемъ, потому что онъ враждебно относился къ той и другой. Штёкль признаетъ за гуманистическимъ движеніемъ существенную роль въ той катастрофѣ, которой подвергся католицизмъ въ началѣ новой исторіи. Прежде всего оно разрушило средневѣковое „единство“ науки и создало массу новыхъ направленій: изъ философскихъ системъ античнаго міра каждый гуманистъ усвоивалъ ту, которая казалась ему наиболѣе подходящей; иные составляли себѣ эклектическое міросозерцаніе, иные „старались сохранить за собою извѣстную самостоятельность по отношенію къ древнимъ и пролагали свои пути“[1]). Это былъ тотъ же разрушительный сепаратизмъ въ области науки, который въ политической сферѣ разрушилъ средневѣковую имперію и папство. Но распаденіе „единства“ средневѣкового міросозерцанія обусловливалось, по мнѣнію Штёкля, не лучшимъ знакомствомъ гуманистовъ съ древностью, потому что схоластики и по арабскимъ переводамъ знали все существенное въ античной философіи. Разница заключалась въ томъ, что въ средніе вѣка извлекали изъ нея только истину, руководясь церковными авторитетами; а гуманисты утратили этотъ критерій, объясняли философовъ ими самими и такимъ образомъ создали „ново-языческую философію и ново-языческую науку“[2]). Штёкль не отрицаетъ, что и среди гуманистовъ было направленіе, которое пыталось примирять языческое съ христіанскимъ, въ особенности въ началѣ движенія; но критеріемъ въ этомъ случаѣ служила языческая философія, къ которой подгоняли христіанскія ученія, вслѣдствіе чего получались только ереси[3]). Съ фактической стороны эти разсужденія совершенно вѣрны: гуманизмъ уничтожилъ деспотическое „единство“ Среднихъ вѣковъ, освободилъ философію и науку отъ „критеріевъ истины“, навязанныхъ ей извнѣ, и внесъ существенное измѣненіе въ религіозное міросозерцаніе, которое въ Средніе вѣка считалось исключительно христіанскимъ. Иное дѣло — оцѣнка, которую даетъ этимъ явленіямъ Штёкль,

---

[1]) *Albert Stöckl, Geschichte der Philosophie des Mittelalters. III. Band. Periode der Bekämpfung der Scholastik. Mainz 1866,* p. 10, 11, 12, 13.

[2]) Ibid. p. 13—14.

[3]) Ibid. p. 15—16.

для котораго какъ для истаго католика, все, что расходится съ его церковью, — языческое или, по меньшей мѣрѣ, еретическое; но анализъ такой точки зрѣнія лежитъ за предѣлами нашей задачи.

Штёкль рѣшаетъ вопросъ и о причинахъ гуманизма. Почему же въ XIV и XV столѣтіяхъ вдругъ появились люди, которыхъ перестала удовлетворять схоластика съ ея благочестивымъ единствомъ? Причина этого заключалась, по мнѣнію Штёкля, въ легкомысленномъ отношеніи къ второстепеннымъ недостаткамъ тогдашней философіи, точно такъ же, какъ подобные недостатки церкви вызвали аналогичное протестантское движеніе. Схоластика, заботясь о содержаніи, игнорировала форму, излагала свои ученія крайне варварскимъ языкомъ и съ чрезвычайно запутанными діалектическими тонкостями. Античные писатели соблазнили гуманистовъ блестящими достоинствами, прямо противоположными этимъ недостаткамъ, — изяществомъ языка и ясностью изложенія. Гуманисты увлеклись формой, а потомъ ихъ фантазіей овладѣло и содержаніе античной литературы[1]). Штёклю слѣдовало бы подтвердить фактами столь соблазнительно-простое истолкованіе такого сложнаго явленія, какъ гуманизмъ. Но фактовъ у него нѣтъ, вслѣдствіе чего самая конструкція, сомнительная и съ перваго взгляда, окончательно падаетъ при первомъ ознакомленіи съ источниками, потому что въ каждомъ гуманистическомъ произведеніи звучитъ основная нота движенія — стремленіе жить полною индивидуальною жизнью. Классикамъ вѣрили, потому что имъ хотѣлось вѣрить, и если ихъ защищали съ такою страстностью, то потому, что боролись за право на существованіе аналогичнаго имъ настроенія.

Ближайшимъ послѣдствіемъ Возрожденія было, по мнѣнію Штёкля, отвращеніе къ схоластикѣ, которое „перешло потомъ на ея представителей и, наконецъ, на самую церковь". Штёкль рисуетъ психологическую картину постепеннаго усиленія этого отвращенія, которое перешло потомъ въ ожесточенную, непримиримую ненависть, составлявшую единственную связь между представителями Ренесанса. Схоластика заключала въ себѣ истину и защищала ее — это и вызывало злобу гуманистовъ и борьбу на жизнь и на смерть за ихъ ложныя теоріи[2]). Все движеніе представляется такимъ образомъ какимъ-то злобнымъ ослѣпленіемъ, поистинѣ адской интригой исконнаго врага рода человѣческаго. Въ дѣйствительности средневѣковая наука находила себѣ иногда защитниковъ между гуманистами; иные изъ нихъ, какъ Салютати, были готовы даже защищать монашество; но они

---

[1]) Ibid. p. 16—18.
[2]) Ibid. p. 18—20.

относились съ безпощадной враждой къ тѣмъ оковамъ, которыя налагалъ на человѣческій духъ средневѣковой католицизмъ. Борьба усиливалась и расширялась не потому, что оппозиція возбуждала злобу у гуманистовъ, а потому что все яснѣе и яснѣе сознавалась невозможность влить новое вино въ старые мѣхи. Впрочемъ Штёкль совершенно послѣдовательно не придаетъ всемірно-историческаго значенія ни Ренесансу, ни Реформаціи. Духъ злобы не восторжествовалъ: протестантство только оживило церковь, освободивъ ее отъ негодныхъ членовъ; гуманизмъ помогъ реформѣ схоластики, которая сбросила съ себя устарѣлыя формы, какъ „грубую шелуху“, и возродилась, подобно фениксу, въ орденѣ Іисуса[1]). Фактъ, что папство уцѣлѣло, и сохранились еще руины средневѣковаго міросозерцанія; но теперешнее состояніе архаическихъ культурныхъ формъ давно пережитого прошлаго едва ли можно назвать побѣдой. Достаточно сравнить дѣйствіе Силлабуса Пія IX съ буллами Иннокентія III или скромную рекомендацію Львомъ XIII Өомы Аквината, какъ идеала христіанской науки, съ средневѣковыми кострами, чтобы убѣдиться, на чьей сторонѣ побѣда въ новой исторіи.

Введенія Риттера и Штёкля — самое крупное и обстоятельное, что сказано о Ренесансѣ историками философіи. Позднѣйшія произведенія по исторіи новой философіи датируютъ обыкновенно ея начало съ позднѣйшихъ эпохъ или ограничиваются незначительными вводными замѣчаніями. То же самое встрѣчаемъ мы и въ общихъ обзорахъ по исторіи философіи. Нѣкоторые авторы, какъ *Тило, Кнауэръ*[2]) и др., считаютъ возможнымъ обходить гуманистическое движеніе абсолютнымъ молчаніемъ. Иные, какъ *Рабусъ и Фалькенбергъ*[3]) ограничиваются совершенно ничтожными общими замѣчаніями, при чемъ встрѣчаются такія грубыя ошибки и такое поверхностное отношеніе къ столь важному явленію, что приходится изумляться, какое слабое вліяніе оказалъ Риттеръ съ своими предшественниками на своихъ преемниковъ. Такъ, *Швеглеръ* продолжаетъ выводить интересъ къ древнимъ изъ Византіи[4]); *Дюрингъ* считаетъ Возрожденіе

---

1) Ibid. p. 21.

2) *Chr. A. Thilo, Kurze pragmatische Geschichte der Philosophie. II. Theil. II. Auflage. Göthen. 1881. Knauer, Geschichte der Philosophie mit besonderer Berücksichtigung der Neuzeit. Wien 1876.*

3) *L. Rabus. Grundriss der Geschichte der Philosophie. Erlangen 1887,* p. 78. *Richard Falckenberg, Geschichte der neueren Philosophie von Nicolaus von Kues bis zur Gegenvart. Im Grundriss dargestellt. Leipzig 1886,* p. 20.

4) *Alb. Schwegler, Geschichte der Philosophie im Umriss. I V. Auflage. Stuttgart 1860,* p. 104.

ничѣмъ инымъ, какъ „болѣе истиннымъ знакомствомъ съ остатками греческой литературы“[1]); *Ибервегъ*, несомнѣнную заслугу котораго составляетъ довольно обстоятельная библіографія эпохи, игнорируетъ индивидуализмъ въ Ренесансѣ и объясняетъ интересъ къ древнимъ, кромѣ сухости схоластики и античныхъ остатковъ въ Италіи, только возрастаніемъ благосостоянія[2]). Наконецъ, *Кирхнеръ* въ сочиненіи, предназначенномъ для самаго широкаго распространенія, повторяетъ почти всѣ старыя ошибки о гуманизмѣ и присоединяетъ къ нимъ двѣ новыя, относя эту эпоху къ среднимъ вѣкамъ и смѣшивая въ одну кучу съ гуманистами Виклефа, Гусса и Саванароллу[3]).

Въ общихъ обзорахъ и въ исторіяхъ отдѣльныхъ философскихъ системъ встрѣчаются иногда вѣрныя, иногда оригинальныя замѣчанія о гуманистическомъ движеніи. Но они обыкновенно брошены вскользь и всегда лишены фактическаго или теоретическаго обоснованія. Такъ совершенно афористическій характеръ носитъ мѣткое замѣчаніе *Конрада Германа*, что философскій эклектизмъ гуманистовъ объясняется ихъ стремленіемъ къ примиренію языческаго и христіанскаго началъ[4]). Весьма интересное замѣчаніе дѣлаетъ объ этой эпохѣ *Эрдманъ* въ своемъ *„Очеркѣ исторіи философіи“*. Ренесансъ, по его мнѣнію, несмотря на свои особенности, въ сущности носитъ средневѣковой характеръ въ той же мѣрѣ, въ какой эпоха римской имперіи принадлежитъ къ античному міру. Это положеніе, весьма спорное само по себѣ, подтверждается тѣмъ, что отличительной чертой Ренесанса является индивидуализмъ, не извѣстный древности. Поэтому, думаетъ Эрдманъ, не происхожденіе отъ римлянъ и не паденіе Константинополя играли самую важную роль въ движеніи, а политическое раз-

---

1) *E. Dühring, Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart*. Berlin 1869, p. 205.

2) *Fr. Überweg, Grundriss der Geschichte der Philosophie. III. Theil. V. Auflage. Berlin 1880*, p. 4 и 7.

3) Wir rechnen diese Zeit deshalb zum Mittelalter, weil die Gesinnung derselben noch ganz befangen und auctoritativ bestimmt ist. Wohl suchten diese Männer, angeregt durch die 1453 aus Constantinopel flüchtenden Griechen die Urtexte der alten Philosophen hervor; aber sie machten sich doch wieder von ihnen ebenso abhängig, wie die Scholastiker von den früheren verdorbenen Texten, und wie diese, so waren auch die Männer der Renaissance meist gute Christen; es fiel ihnen nicht ein, die Consequenzen ihrer antiken Lehren zu ziehen. Wohl wurde in diesen Jahrhunderten von einzelnen Männern, wie Wiclyffe, Husz, Savanarolla, gegen die Kirche opponirt; aber sie selbst standen doch dabei auf dem Grunde der Bibel, deren Auctorität in Zweifel zu ziehen ihnen fernlag. *Kirchner, Katechismus der Geschichte der Philosophie bis zur Gegenwart. Leipzig 1877*, p. 210.

4) *Conrad Hermann, Geschichte der Philosophie in pragmatischer Behandlung. Leipzig 1867*, p. 257—259.

дробленіе Италіи[1]). Такой точкѣ зрѣнія нельзя отказать въ оригинальности; но она не выдерживаетъ и снисходительной критики. Индивидуализмъ дѣйствительно составляетъ характерную особенность Ренесанса; но эта черта еще больше отличаетъ гуманизмъ отъ Среднихъ вѣковъ, чѣмъ отъ древняго міра. Если въ древности личность „исчезала въ націи или въ государствѣ", то въ Средніе вѣка ее еще больше поглощало сословіе и корпорація. Индивидуализмъ, по крайней мѣрѣ въ духовной сферѣ, началъ развиваться у античныхъ народовъ весьма рано, и гуманисты встрѣтились съ нимъ у древнихъ писателей и за то преимущественно такъ и привязались къ ихъ произведеніямъ. Между тѣмъ индивидуалистическій элементъ совершенно отсутствуетъ въ средневѣковой литературѣ. Что касается до причинъ Ренесанса, то едва ли политическая раздробленность Италіи занимала между ними значительное мѣсто. Во всякомъ случаѣ это положеніе еще требуетъ доказательствъ. Повидимому, Эрдманъ самъ чувствовалъ, что его основная мысль аргументирована не достаточно, и въ новомъ изданіи своей книги прибавилъ новыя доказательства. Гуманисты, по его словамъ, „по большей части не только принадлежатъ къ духовному сословію, но и по своему настроенію люди благочестивые въ церковномъ смыслѣ — язычники головой и римскіе католики сердцемъ"[2]). Аргументъ совсѣмъ неудачный, потому что стоитъ въ противорѣчіи съ фактами: почти всѣ вліятельные гуманисты, какъ мы увидимъ, не католики, хотя большинство изъ нихъ и не желаетъ порывать съ христіанствомъ.

Весьма глубокое пониманіе Ренесанса и совершенно правильный взглядъ на сущность гуманистическаго движенія высказалъ *Виндельбандъ* въ своей *„Исторіи новой философіи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками"*. Виндельбандъ не изучалъ документально Возрожденія, иначе онъ не поставилъ бы Данте на ряду съ Петраркой, остановился бы на міровоззрѣніи послѣдняго и изложилъ бы развитіе философской мысли въ гуманизмѣ до начала знаменитаго спора о Платонѣ и Аристотелѣ во второй половинѣ XV вѣка. Пропущенный обзоръ составляетъ особенно существенный пробѣлъ его книги въ виду культурно-исторической цѣли автора. Но Виндельбандъ хорошо знакомъ съ спеціальными сочиненіями по Ренесансу и сумѣлъ извлечь изъ нихъ, въ особенности же изъ блестящихъ дивинацій Буркгардта, тѣ воззрѣнія, которыя не противорѣ-

---

1) *Joh. Ed. Erdmann, Grundriss der Geschichte der Philosophie. I. Band. Berlin 1866,* p. 502, 503.

2) Ibid. Berlin 1869, p. 494.

чатъ источникамъ, поскольку эти послѣдніе извѣстны въ настоящее время. Виндельбандъ вѣрно опредѣляетъ историческое значеніе гуманизма. „Мы называемъ, говоритъ онъ, это время перехода Ренесансомъ — именемъ, которое, образовавшись сначала въ приложеніи къ новому оживленію классическихъ занятій, имѣетъ тотъ болѣе глубокій и болѣе цѣнный смыслъ, что оно обозначаетъ время полнаго возрожденія европейской жизни. Въ пламени страстнаго движенія этихъ временъ вмѣстѣ сплавились результаты всей предшествующей культуры, идеи античной и христіанской эпохъ, и изъ горнила вышелъ новый культурный человѣкъ, какъ фениксъ, въ свѣжемъ обновленіи“[1]). Сущность гуманистическаго движенія Виндельбандъ видитъ совершенно правильно въ индивидуализмѣ. „Высокое развитіе индивидуума, говоритъ онъ, сдѣлалось основаніемъ духовной свободы. Индивидуумъ, сознавши свою цѣну и свое право и прежде всего пріученный политикой къ составленію собственнаго мнѣнія, началъ мыслить самостоятельно (von sich aus) и въ себѣ самомъ искать критерія для познанія и для оцѣнки вещей“[2]). Вполнѣ основательно указываетъ далѣе Виндельбандъ на причины наиболѣе ранняго появленія движенія именно въ Италіи. „Тамъ наиболѣе сильны были оба элемента, изъ которыхъ вышла новая цивилизація: культуры античная и христіанская. Тамъ политическая децентрализація заставляла глубже вдумываться въ мѣстныя особенности, а борьба партій вынуждала индивидуума составлять себѣ ясное представленіе объ общемъ ходѣ политическихъ дѣлъ на родинѣ и вырабатывать самостоятельныя политическія убѣжденія“[3]). Къ этому присоединились болѣе широкія вліянія, дѣйствовавшія не на одну только Италію. Виндельбандъ сводитъ всѣ эти вліянія, несмотря на различіе ихъ цѣлей, къ борьбѣ противъ исходнаго пункта схоластики — положенія „о тождественности философіи и церковнаго ученія“[4]). Авторъ отклоняетъ отъ себя задачу изслѣдованія причинъ этой тенденціи и только мимоходомъ отмѣчаетъ нѣкоторыя изъ нихъ: Крестовые походы, индивидуализмъ и развитіе національнаго самосознанія у новыхъ народовъ[5]). Недостатокъ этихъ соображеній заключается въ ихъ черезчуръ общемъ характерѣ, что зависитъ впрочемъ отъ глубины и сложности самого вопроса. Намъ кажется только,

---

[1]) *W. Windelband, Die Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeinen Cultur und den besonderen Wissenschaften. I. Band. Leipzig 1878,* p. 2.

[2]) Ibid. p. 8.

[3]) Ibid. p. 7.

[4]) Ibid. p. 3.

[5]) Ibid. p. 6.

что Виндельбандъ дѣлаетъ крупный промахъ, не отмѣтивъ въ раду факторовъ, дѣйствовавшихъ противъ схоластики, практическое крушеніе аскетическаго идеала во вторую половину Среднихъ вѣковъ.

Провозгласивъ индивидуализмъ существеннымъ содержаніемъ Ренесанса, Виндельбандъ энергически возстаетъ противъ застарѣлаго заблужденія относительно роли въ немъ византійскихъ грековъ. Считать разрушеніе Константинополя и появленіе въ Италіи бѣглыхъ грековъ „началомъ или даже причиною“ гуманистическихъ занятій,—это, по его мнѣнію, „внѣшнее и извращенное пониманіе“ Ренесанса[1]). Дѣло совсѣмъ не въ нихъ и даже не въ увлеченіи древностью: „изъ возрожденія индивидуума и политико-соціальной жизни, говоритъ онъ, вышелъ художественный и научный Ренесансъ. Такимъ образомъ на ряду съ духовной культурой, которая господствовала надъ Средними вѣками, постепенно усиливалась глубоко отъ нея различная свѣтскаая культура“[2]). Виндельбандъ сводитъ къ этому и развитіе искусства, и расширеніе горизонта въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и демократическій духъ гуманистовъ, которые отрицали сословныя отличія и признавали просвѣщеніе единственнымъ основаніемъ для дѣленія общественныхъ классовъ, и даже развитіе новыхъ языковъ, какъ протестъ противъ все нивеллирующей латыни[3]). Въ книгѣ Виндельбанда нѣтъ цитатъ; но и въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, которыя послужили для него источникомъ, эти положенія не составляютъ строго научнаго вывода изъ фактическаго матеріала. Это только весьма правдоподобная руководящая точка зрѣнія для будущихъ изслѣдователей Ренесанса.

Наиболѣе слабая сторона Виндельбанда — его взглядъ на причины увлеченія древностью въ эпоху Возрожденія. Онъ совершенно справедливо отказывается видѣть въ немъ сущность Ренесанса и называетъ такую точку зрѣнія „поверхностной“[4]). По его мнѣнію, это увлеченіе вышло изъ внутренняго родства (aus congenialer Auffassung und aus innerstem Bedürfnisse), которое онъ сводитъ къ эстетикѣ. „Занятіе древностью, говоритъ онъ, по существу основывалось въ дѣйствительности на эстетической потребности“[5]). Противъ этого положенія рѣшительно говорятъ источники. Любой трактатъ истаго гуманиста, начиная съ Петрарки, ясно показываетъ, что въ древности искали не образовъ, не формы только, а главнымъ образомъ идей

1) Ibid. p. 8.
2) Ibid. p. 9.
3) Ibid. p. 9, 10.
4) Ibid. p. 8.
5) Ibid. p. 8, 9.

и фактовъ, которыми можно было бы воспользоваться для борьбы съ схоластикой и для выработки новаго міросозерцанія.

Общіе обзоры по исторіи философіи за предѣлами Германіи ничего не прибавляютъ къ пониманію Ренесанса. Большая часть изслѣдователей во Франціи, Англіи и Италіи совершенно обходятъ эту эпоху въ исторіи новой философіи[1]). Другіе, какъ *Кузэнъ и Фулье,* хотя и останавливаются на ней, но не оказываютъ никакого содѣйдѣйствія ея изученію. *Кузэнъ* посвящаетъ въ своемъ курсѣ цѣлую лекцію философіи Возрожденія до XVII столѣтія[2]), но только повторяетъ въ ней старыя ошибки. По его словамъ, „взятіе Константинополя перенесло въ Европу искусство, литературу и философію древней Греціи и этимъ измѣнило всѣ, существовавшія до сихъ поръ направленія“[3]). Слѣдствія этого мнимаго факта представляются Кузэну не вполнѣ ясно. Заѣзжіе греки „не создали нашихъ искусствъ, нашей литературы, потому что они уже существовали, говоритъ онъ; но изъ этого источника вошло въ европейское воображеніе чувство красоты формы, свойственное древности“[4]). По его мнѣнію, въ основѣ европейской культуры лежатъ результаты предшествующаго средневѣкового развитія; заносное движеніе не произвело глубокаго переворота, и Шекспиръ, напр., совсѣмъ не подвергся его вліянію[5]). А въ то же время онъ говоритъ: „Греція не только вдохновила Европу; она какъ бы очаровала, околдовала и опьянила ее, и характеръ философіи этой эпохи — лишенное всякой критики подражаніе древней философіи“[6]). Французскаго историка философіи совсѣмъ не затронули результаты размышленія надъ Ренесансомъ его

---

1) Такъ дѣлаетъ, напр., *Papillon* (Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec le développement des sciences de la nature. Paris 1876). *Bowen* (Modern philosophy from Descartes to Schopenhauer and Hartmann. London 1877). *Natale* (Storia della filosofia moderna da Cartesio a Kant. Roma 1872). Изъ англійскихъ историковъ философіи мимоходомъ касается Ренесанса *Льюисъ* въ своей «*Исторіи философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени (С.-Петербургъ 1889)*», столь извѣстной у насъ, благодаря многочисленнымъ переводамъ. Посвящая коротенькій параграфъ «Возрожденію наукъ», Льюисъ замѣчаетъ только, что послѣ паденія Константинополя на смѣну церковнаго авторитета появился авторитетъ греческой философіи, который имѣлъ то преимущество передъ прежнимъ, что оставался «безъ глубокихъ корней въ жизни націи, безъ внѣшней установившейся власти»; вслѣдствіе чего его легко было разрушить (p. 362).

2) *Victor Cousin, Histoire générale de la Philosophie depuis les temps les plus anciens jusqu'à la fin du XVIII-e siècle. Paris 1863*, p. 248 и слѣд.

3) Ibid. p. 249.

4) Ibid. p. 250.

5) Ibid.

6) Ibid. p. 251.

нѣмецкихъ сотоварищей[1]). Философіи Ренесанса посвящаетъ особую главу въ своей *„Исторіи философіи“* *Альфредъ Фулье*, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ писателей-философовъ современной Франціи. Но онъ, подобно Кузэну, разумѣетъ подъ этой эпохой не только Возрожденіе въ обычномъ смыслѣ слова, но также Реформацію и періодъ скептицизма и научныхъ открытій. Причиною Ренесанса въ Италіи и онъ считаетъ паденіе Константинополя, и онъ говоритъ о повальномъ увлеченіи античной философіей. Только вліяніе древности толкуется у Фулье болѣе остроумно и оригинально, чѣмъ у Кузэна. „Схоластика, говоритъ онъ, освятила уваженіе къ древности, и это уваженіе обратилось противъ нея: одному авторитету противопоставили другой, и въ этой борьбѣ погибъ самый принципъ авторитета въ философіи“[2]). Въ этой тирадѣ вѣрно то, что античная литература служила опорой въ борьбѣ съ схоластикой. Но ея авторитетъ основывался не на уваженіи къ ней въ Средніе вѣка; наоборотъ, гуманисты особенно и порицали схоластиковъ за отсутствіе этого уваженія да и сами относились къ этому авторитету сочувственно, но критически. Поэтому принципъ авторитета въ философіи едва ли погибъ тѣмъ путемъ, какъ думаетъ Фулье. Его естественно устранилъ тотъ критицизмъ, который обнаружился у гуманистовъ при самомъ началѣ движенія, за цѣлое столѣтіе до паденія Константинополя. Разсужденіе Фулье было бы справедливо, если бы Гемистосъ Плетонъ и Фичино непосредственно столкнулись съ Ѳомой Аквинатомъ; но имъ предшествовало разложеніе схоластики въ концѣ среднихъ вѣковъ и цѣлое столѣтіе гуманистическаго движенія.

Кромѣ историковъ, ставившихъ своей задачей изложеніе судебъ философіи древней и новой, эпохи Возрожденія касаются изслѣдователи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ эпохъ или философскихъ школъ. Сюда относятся *Морицъ Карреръ*, авторъ сочиненія: *„Философское міросозерцаніе реформаціоннаго времени въ его отношеніяхъ къ современности“* и *Э. Ренанъ*, написавшій книгу объ Аверроэсѣ и его послѣдователяхъ. Карреръ въ введеніи къ своей книгѣ совершенно вѣрно считаетъ индивидуализмъ исходнымъ пунктомъ обоихъ дви-

---

[1]) До какой степени твердо держится закоренѣлая ошибка о причинахъ Ренесанса во французской литературѣ, весьма характерно свидѣтельствуетъ опредѣленіе этой эпохи въ словарѣ Литтрэ. Знаменитый ученый и апостолъ философской школы говоритъ, что это «époque où les lettres grecques font leur entrée en Occident; ce qui excita la plus vive ardeur pour l'étude des monuments littéraires de l'antiquité; cette époque commence à la prise de Constantinople en 1453, qui causa l'émigraion de Grecs instruits en Italie». Littré. Dictionnaire IV, p. 1605.

[2]) *Alfred Fouillée, Histoire de la philosophie. Paris 1887*, p. 216.

женій, открывающихъ новое время. „Духъ личной свободы проснулся, говоритъ онъ, и выступилъ на борьбу во всѣхъ областяхъ. Онъ чувствовалъ себя совершеннолѣтнимъ и хотѣлъ слѣдовать не чужому авторитету, а только собственному голосу, хотѣлъ самъ видѣть, самъ установлять свою жизнь и пріобрѣтать спасеніе“ [1]). Признавая эту черту общей въ Ренесансѣ и Реформаціи, Каррьеръ указываетъ, хотя нѣсколько туманно и неопредѣленно, и разницу между обоими движеніями. „Въ Италіи, говоритъ онъ, имѣло перевѣсъ изученіе древности и природы, въ Германіи — углубленіе ума въ себя самого и въ Бога съ стремленіемъ изъ природы и изъ ея силъ понять сущность божества... въ то, время, какъ итальянцы часто противопоставляли свой натурализмъ схоластической теологіи и прятались за фразой, что можетъ быть одна истина въ наукѣ, другая въ религіи. Италія искала и нашла Бога въ природѣ, Германія въ душѣ“ [2]). Ожидаешь, что эта параллель нѣсколько выяснится въ изложеніи и что въ книгѣ будутъ намѣчены по крайней мѣрѣ главные фазисы развитія индивидуализма. Но Каррьеръ не держится хронологической точки зрѣнія и характеризуетъ все гуманистическое движеніе во всѣхъ странахъ и не только не отмѣчаетъ его историческаго развитія и мѣстныхъ особенностей, но по большей части совершенно игнорируетъ занимающую насъ эпоху. Только въ главѣ *„Возобновленіе греческой философіи“* даетъ онъ краткій очеркъ изученія греческаго языка въ Италіи, а главу о воззрѣніяхъ на природу начинаетъ съ Пико-делла-Мирандола, главу о соціальныхъ тенденціяхъ и теоріяхъ съ Макіавелли. Во 2-мъ томѣ, посвященномъ религіи и фирософіи въ Италіи, разсматриваются итальянскіе мыслители, начиная лолько съ Кордано, такъ что для исторіи ранняго гуманизма книга Каррьера имѣетъ мало значенія [3]). *Ланге* въ своей *„Исторіи матеріализма“* весьма мѣтко характеризуетъ Возрожденіе. „Эта эпоха, говоритъ онъ, съ одушевленіемъ примыкаетъ къ стремленіямъ и преданіямъ древности; но въ то же время повсюду обнаруживаетъ зародыши новаго великаго и самостоятельнаго культурнаго періода“ [4]).

---

1) *Moritz Carriere, Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihren Beziehungen zur Gegenwart. II. Auflage. I. Theil. Leipzig 1887,* p. 1.

2) Ibid. p. 3.

3) Въ 3 томѣ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur (Berlin 1890, p. 286) Каррьеръ еще разъ возвращается къ философіи Возрожденія *(Zur Philosophie der Renaissance)*, но разсматриваетъ только новыя сочиненія о Дж. Бруно.

4) *Fr. Alb. Lauge, Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. II. Auflage, I. Band. Iserlohn 1873,* p. 180.

Мысль совершенно вѣрная, но, высказанная мимоходомъ, она носитъ афористическій характеръ[1]).

Ренанъ въ книгѣ объ Аверроесѣ касается двухъ вопросовъ, имѣющихъ интересъ для исторіи гуманистическаго движенія: о философскомъ значеніи Ренесанса и объ отношеніи гуманистовъ къ аверроизму. Первый вопросъ рѣшается Ренаномъ мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Отмѣтивъ, что аверроистъ Кремонини умеръ въ 1631 году, Ренанъ задаетъ себѣ вопросъ: „какимъ образомъ эта нелѣпая философія могла быть столь живучей?“ и отвѣчаетъ на него такъ: „мнѣ кажется, что гуманистическое движеніе было движеніемъ литературнымъ, а не философскимъ“[2]). Поэтому философія осталась въ рукахъ средневѣковыхъ діалектиковъ. „Варварская Европа въ своей груди нашла порывъ къ ученой любознательности, но не чувство красоты формы. Теперь она въ школѣ древнихъ изучала реторику. Представители гуманистическаго движенія никогда рѣшительно не овладѣли философіей“[3]). Съ такимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Философскій интересъ составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ гуманизма съ самаго начала движенія, начиная съ Петрарки. Правда, главное, почти исключительное вниманіе обращалось на практическую мораль; но для ея философскаго обоснованія необходимо было касаться и такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, какъ, напр., о свободѣ воли, о судьбѣ и т. п. Если гуманисты не выработали самостоятельной философской системы, то причину этого слѣдуетъ искать въ ихъ безсиліи съ разу противопоставить законченное міросозерцаніе такой цѣльной и всесторонне разработанной системѣ, какъ вырабатывавшійся цѣлыми столѣтіями средневѣковой аскетизмъ. Эта чрезвычайно трудная задача затруднялась еще тѣмъ, что психологическія основы новаго міросозерцанія, которое не должно было и не могло выйти за предѣлы христіанства, было невозможно примирить съ средневѣковымъ католицизмомъ, единственной извѣстной тогда формой христіанскаго ученія. Этимъ же объясняется, что только послѣ безплодныхъ попытокъ найти свой путь въ философіи, гуманисты только со второй половины XV столѣтія безусловно подчинились авторитету — одни Платона, другіе

---

1) *Vacherot* въ 3-мъ томѣ своей *Histoire critique de l'École d'Alexandrie. Paris 1851,* говоритъ о вліяніи неоплатонизма на Возрожденіе, но онъ имѣетъ въ виду только вторую половину XV вѣка (p. 177 и слѣд.).

2) *Ernest Renan, Averroès et l'averroïsme. Essai historique. 3-me edition. Paris 1866,* p. 322.

3) Ibid. p. 323.

Аристотеля. Въ этомъ же заключается, по всей вѣроятности, и причина живучести аверроизма.

Въ итальянскомъ аверроизмѣ было нѣчто общее съ гуманизмомъ, хотя онъ заимствовалъ изъ схоластики форму и рабское преклоненіе передъ Аристотелемъ, какъ его понималъ и толковалъ Аверроесъ. Въ эту эпоху, говоритъ Ренанъ, „обнаруживается положительный духъ и наклонность къ матеріализму, которая господствуетъ въ сѣверной Италіи; количество сильныхъ умовъ возрастаетъ, и здѣсь, какъ повсюду, они стараются прикрыться именемъ Аверроеса. Но нѣсколько жесткія формы перипатетизма и варварство арабской школы заставили аверроистовъ впасть въ мертвое педантство, которое не могло нравиться болѣе культивированнымъ ушамъ Флоренціи“ [1]). Въ сущности, слѣдовательно, Аверроесъ въ Италіи служилъ такою же опорою для новыхъ духовныхъ потребностей, какъ и древность, и аверроизмъ и гуманизмъ являются параллельными и аналогичными теченіями. Тѣмъ не менѣе между ними шла борьба. Ренанъ отмѣчаетъ оппозицію аверроистамъ со стороны Петрарки, гуманистическихъ перипатетиковъ, платониковъ и просто гуманистовъ [2]). Эта борьба только у Петрарки и у платониковъ носила и могла носить принципіальный характеръ: первый, какъ мы увидимъ ниже, возставалъ противъ рѣзко-антихристіанскаго направленія аверроистовъ, вторые ратовали во имя превосходства ученія Платона. Гуманистическіе поклонники Аристотеля возражали только противъ неправильнаго чтенія и толкованія его текста, а остальные гуманисты — противъ схоластической формы. Эта послѣдняя борьба носила чисто филологическій характеръ и не была особенно сильной. Замѣчательно, что послѣдователи Петрарки до половины XV вѣка [3]) не приняли его пламеннаго воззванія выступить на защиту Христа противъ арабскаго магометанина. Было ли это горделивое презрѣніе къ этой схоластикѣ sui generis, или живѣе почувствовалось нѣкоторое родство съ гуманизмомъ основныхъ стремленій аверроистовъ, — на этотъ вопросъ книга Ренана не даетъ отвѣта, котораго и ожидать нельзя при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о гуманистической литературѣ.

Историческіе обзоры отдѣльныхъ частей философіи не даютъ почти ничего для исторіи Ренесанса. Новый историкъ психологіи *Гармсъ* обходитъ эту эпоху полнымъ молчаніемъ [4]); тотъ же авторъ въ своей

---

1) Ibid. p. 328.

2) Ibid. p. 328, 383, 388, 391.

3) Всѣ приведенные у Ренана примѣры относятся къ позднѣйшему времени. См. p. 391 и слѣд.

4) *Harms, Geschichte der Psychologie. Berlin 1879.*

исторіи логики мимоходомъ упоминаетъ о Валлѣ только для того, чтобы выразить порицаніе его логическимъ построеніямъ[1]). Съ бо́льшимъ вниманіемъ относится къ этой эпохѣ *Прантль* въ своей обстоятельной *„Исторіи логики на сѣверѣ“*. Онъ непосредственно знакомъ съ тѣми произведеніями Петрарки, Бруни и Валлы, въ которыхъ первые особенно рѣзко нападаютъ на схоластику, а послѣдній дѣлаетъ попытку произвести реформу въ логикѣ[2]). Но онъ стоитъ на узко спеціальной точкѣ зрѣнія и оцѣниваетъ Ренесансъ исключительно по тѣмъ результатамъ, какіе имѣло это движеніе для логики. Поэтому Прантль весьма не высоко ставитъ гуманистическое движеніе. Прежде всего оно не убило схоластики, которая продолжала сохранять свое мѣсто, особенно въ университетахъ, на ряду съ гуманизмомъ, совершенно игнорируя нападки его представителей[3]). Кромѣ того, его заслуги въ философіи исчерпываются „только ознакомленіемъ съ Платоновой поэзіей и съ болтливымъ дилетантизмомъ Цицерона, т. е., съ двумя направленіями, которыя по отношенію къ трезвому и разумному пониманію (Auffassung) далеко не могутъ быть поставлены на ряду съ аристотелизмомъ“, который былъ хорошо извѣстенъ, хотя и въ нѣсколько искаженномъ видѣ, уже съ XIII столѣтія[4]). Наконецъ, самая борьба велась неудачными средствами: или посредствомъ возстановленія настоящаго Аристотеля, или замѣною логики реторикой. Это послѣднее направленіе было такъ сильно, что испортило первое, такъ какъ „аристотелизмъ вступилъ въ неудачный (verfehlt) союзъ съ реторикою“. „Само собой разумѣется, говоритъ Прантль, что вмѣстѣ съ цицеронизмомъ появились поверхностность, ненаучность (Unwissenschaftlichkeit) и тщеславіе, и естественно поэтому, что намъ нечего сообщить объ улучшеніи логики; но утѣшительное заключается въ томъ, что вообще появился какой-нибудь противникъ монотонной абсурдности схоластической логики“[5]). Намъ кажется, что этотъ суровый приговоръ долженъ быть значительно видоизмѣненъ, если взглянуть на Ренесансъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ та, на которой стоитъ Прантль. Что схоластика продолжала существовать на ряду съ гуманизмомъ — это фактъ, не подлежащій сомнѣнію; но не слѣдуетъ забывать, что Ренесансъ подкопалъ ея основы и заложилъ фундаментъ новой философіи. Совершенно

1) *Harms, Geschichte der Logik. Berlin 1881,* p. 130.

2) *Carl Prantl, Geschichte der Logik im Abendlande. 4-ter Band. Leipzig 1870,* p. 152 и слѣд., 159, 161.

3) Ibid. p. 151.

4) Ibid. p. 152.

5) Ibid. p. 159.

вѣрно такъ же, что до Валлы пытались замѣнить логику реторикой; но на ряду съ этимъ гуманизмъ впервые потребовалъ изученія души человѣческой и этимъ самымъ создалъ новое направленіе для всѣхъ отдѣловъ философіи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ философіи съ наибольшимъ интересомъ относились итальянскіе гуманисты къ морали, которой посвящена масса произведеній ранняго Ренесанса. Тѣмъ не менѣе этика Возрожденія еще ждетъ своего историка, потому что въ общихъ обзорахъ этическихъ воззрѣній ей отводится крайне ничтожное мѣсто. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія *Маргейнеке* чувствовалъ важность переворота, произведеннаго въ этой области Ренесансомъ. „Съ тѣхъ поръ какъ Петрарка, говоритъ онъ, высказалъ положеніе, что его философія направлена не на знаніе, а на улучшеніе, ходячая философія получила свой приговоръ, и чистое христіанство впервые свободно вдохнуло свѣжій воздухъ“ [1]). Тѣмъ не менѣе Маргейнеке ничего не прибавилъ къ изученію Возрожденія; то же самое можно сказать и о *Гассѣ*[2]). *Циглеръ* въ своей „*Исторіи христіанской этики*“ посвящаетъ гуманизму нѣсколько страницъ, скомпилированныхъ по общимъ сочиненіямъ и преимущественно по Буркгардту[3]). Самостоятельное наблюденіе автора надъ гуманистической этикой заключается въ томъ, что она носитъ антихристіанскій характеръ, потому что въ ней отсутствуетъ аскетическій взглядъ на человѣка. „Для христіанства, говоритъ Циглеръ, человѣкъ становится достойнымъ и интереснымъ только какъ объектъ и сосудъ благодати“ [4]). Гуманисты такъ не ставили вопроса; но свое ученіе о человѣческой природѣ они всегда старались, какъ мы увидимъ, примирить съ свящ. Писаніемъ. Циглеръ обѣщаетъ подробнѣе изложить гуманистическую этику въ дальнѣйшихъ томахъ своего сочиненія; для этого ему придется ознакомиться непосредственно съ гуманистическими произведеніями, чтобы придать научную цѣну своимъ выводамъ.

Огромныя перемѣны, внесенныя Ренесансомъ въ пріемы философскаго мышленія, въ направленіе философской мысли и въ общее міросозерцаніе, привлекли вниманіе къ гуманистическому движенію историковъ философіи, и они оказали важныя услуги, если не фактическому изученію Возрожденія, то выясненію его сущности и исто-

---

1) *Marheinecke, Geschichte der christlichen Moral in den der Reformation vorhergehenden Jahrhunderten. I. Theil. Nürnberg und Sulzbach 1806*, p. 145.

2) *W. Gass, Geschichte der christlichen Ethik. Berlin 1881.*

3) *Theob. Ziegler, Geschichte der christlichen Ethik. Strassburg 1886*, p. 418 и слѣд.

4) Ibid. p. 419.

рическаго значенія. Уже въ первой половинѣ прошлаго вѣка Бруккеръ выставилъ правильную программу для изученія Ренесанса и еще до половины нынѣшняго столѣтія эта программа во многихъ частяхъ была значительно освѣщена новыми и совершенно правильными точками зрѣнія. Въ борьбѣ, часто безсильной, съ традиціонными заблужденіями, безпрестанно впадая въ фактическія ошибки, историки философіи *угадали* однако почти всѣ существенные моменты въ исторіи гуманизма. Уже Булэ, обративъ вниманіе на психологическую сторону въ гуманистическомъ движеніи, довольно близко подошелъ къ весьма важной истинѣ; Теннеманъ среди массы ошибокъ правильно опредѣлилъ отношеніе гуманистовъ къ древности и подмѣтилъ весьма важную черту въ гуманизмѣ — появленіе общественнаго мнѣнія; Гегель развилъ совершенно вѣрную точку зрѣнія на сущность Ренесанса и вывелъ изъ нея почти всѣ послѣдствія; Риттеръ тонко подмѣтилъ и хорошо формулировалъ неизбѣжность столкновенія гуманистовъ съ католицизмомъ и впервые указалъ на соціальную важность Возрожденія, а Виндельбандъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Ренесансъ стоитъ почти совершенно на уровнѣ современной науки. Но всѣ эти воззрѣнія носятъ совершенно апріорный характеръ и выведены не на основаніи самостоятельнаго и научнаго изученія эпохи. Дивинація — характерная черта взглядовъ на Ренесансъ всѣхъ историковъ философіи съ тою разницею, что до половины нынѣшняго столѣтія они дѣлаютъ самостоятельныя догадки, а послѣ идутъ по слѣдамъ Буркгардта. Самостоятельнаго изученія источниковъ почти совершенно незамѣтно, что чувствуется на фактическихъ ошибкахъ и чѣмъ объясняется одинъ крупный и до сихъ поръ не пополненный пробѣлъ въ исторіи новой философіи. Отъ схоластики прямо переходятъ къ борьбѣ платониковъ съ аристотеликами, т.-е., ко второй половинѣ XV вѣка. Между тѣмъ исторія философской мысли за столѣтіе до этой эпохи представляетъ собою органическую связь Среднихъ вѣковъ съ началомъ новаго времени и психологическое объясненіе, какъ паденія схоластики, такъ и увлеченія античными философами. Этотъ важный и интересный періодъ, въ началѣ котораго стоитъ Петрарка, а въ концѣ Валла, еще ждетъ своего историка.

VI.

Отношеніе къ Ренесансу всеобщихъ историковъ искусства. Замѣчанія Каррьера, Тэна и Шнаазе. Взглядъ на Возрожденіе Мюнтца.

Въ сферѣ искусства гуманистическое движеніе произвело если не самый глубокій, то по крайней мѣрѣ, самый безспорный переворотъ. Терминъ „Ренесансъ“ въ этой области имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе и точные хронологическіе предѣлы. Художественное движеніе описано точно, раздѣлено на періоды по важнѣйшимъ моментамъ своего развитія, распредѣлено по школамъ сообразно особенностямъ современныхъ памятниковъ. Въ историческомъ отношеніи оно является самостоятельною частью гуманистическаго движенія и въ общемъ изслѣдовано гораздо лучше, чѣмъ другія стороны Возрожденія. Но, являясь объектомъ самостоятельной науки, искусство Ренесанса лежитъ за предѣлами нашего изслѣдованія. Въ нашу задачу входитъ только выясненіе тѣхъ заслугъ, какія оказали историки искусства изученію другихъ сторонъ Возрожденія и выясненію его историческаго значенія. При тѣсной связи художественнаго Ренесанса со всею совокупностью движенія можно предположить, что для изслѣдователей искусства выясненіе его культурной среды и въ особенности общественнаго настроенія составляетъ вопросъ громадной важности. Тѣмъ не менѣе сравнительно незначительная разработка исторіи гуманизма и сложность вопроса обыкновенно заставляетъ составителей даже обширныхъ обзоровъ всемірной исторіи искусства или совершенно обходить молчаніемъ гуманистическое движеніе, какъ это дѣлаетъ *Куглеръ* во 2 томѣ своего *Руководства къ исторіи искусства* и въ *Исторіи живописи со временъ Константина Великаго*[1]), или ограничиваться самыми общими замѣчаніями, какія мы находимъ, напр., въ *„Исторіи пластики“ Любке* или въ *„Письмахъ“ Шпрингера*[2]). Только немногіе писатели по всеобщей исторіи искусства представляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи, какъ *Морицъ Каррьеръ*, *Тэнъ* и *Шнаазе*.

---

1) *Францъ Куглеръ, Руководство къ исторіи искусства. 4-е изданіе, обработанное Вильгельмомъ Любке. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Ѳ. Корша. Часть вторая. Москва 1870.* См. p. 253 и слѣд. *Фр. Куглеръ, Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. 3-е изданіе. Переводъ съ нѣмецкаго И. К. Васильева. Москва 1872.* См. стр. 251 и слѣд.

2) *Любке, Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Переводъ В. Чаева. Москва 1870.* См. p. 403—404. *Ant. Springer, Kunsthistorische Briefe. Die bildenden Künste in ihrer weltgeschichtlichen Entwicklung.* Prag 1857. p. 571 и слѣд.

Каррьеръ въ своемъ обширномъ сочиненіи ставитъ задачей изложить исторію искусства въ связи съ культурой; поэтому онъ не могъ игнорировать гуманистическаго движенія при изложеніи исторіи искусства Ренесанса. Но огромный томъ его книги, посвященный Возрожденію и Реформаціи, ничего не прибавляетъ къ фактическимъ свѣдѣніямъ о занимающей насъ эпохѣ, отчасти благодаря обширности содержанія, потому что онъ заключаетъ въ себѣ исторію литературы, искусства и философіи съ XV вѣка до Мильтона и Декарта включительно[1]). Кромѣ того, Каррьеръ, какъ и въ упомянутомъ выше философскомъ сочиненіи, совершенно игнорируетъ ранній гуманизмъ, а во введеніи только нѣсколько болѣе развиваетъ тѣ же самыя идеи объ индивидуалистическомъ характерѣ начала новой исторіи[2]). Заслуживаетъ впрочемъ вниманія выраженный въ этой книгѣ взглядъ Каррьера на значеніе древности въ гуманистическомъ движеніи. „Выступивъ изъ-подъ средневѣкового авторитета, говоритъ онъ, человѣчество нуждалось въ руководствѣ и нашло его въ классической древности; оно взяло выработавшійся тамъ природный идеалъ въ образецъ для устроенія себѣ свободной, свѣтлой и прекрасной жизни, для того чтобъ развернуть и завершить идеалъ своихъ собственныхъ задушевныхъ чувствъ въ такой же отчетливой и ясной формѣ; оно нашло готовые образцы политическаго величія и національной независимости, государства, не управляемаго и не стѣсняемаго жреческой кастой, уряжавшаго напротивъ мірскія дѣла здравомысленно и правомѣрно, — нашло образецъ философіи, не думавшей на основаніи догматическихъ нормъ излагать вполнѣ готовую и прямо только унаслѣдованную истину, а напротивъ самостоятельно искавшей истины съ тѣмъ, чтобы утвердить ее на прочныхъ основахъ. *Тутъ было на что опереть свою мысль и волю человѣчеству*“[3]). Такая ясная и совершенно справедливая формулировка вліянія древности на гуманистическое движеніе чрезвычайно рѣдкое явленіе въ исторіографіи Возрожденія. Этотъ взглядъ, а также пониманіе значенія индивидуализма заставляютъ особенно сожалѣть, что идеи Каррьера, выраженныя имъ во введеніи, отличаются афористическимъ характеромъ и не являются точнымъ выводомъ изъ фактическаго содержанія его книги.

Курсъ Тэна, посвященный искусству Возрожденія, носитъ заглавіе *„Философія искусства въ Италіи“* и представляетъ собою характе-

---

[1]) *Морицъ Каррьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Переводъ Е. Корша. Томъ IV. Возрожденіе и Реформація въ образованіи, искусствѣ и литературѣ. Москва 1874.*

[2]) Ibid. p. 1—4.

[3]) Ibid. p. 6—7.

ристику среды, изъ которой вышли великіе художники конца XV и начала XVI столѣтія. Опираясь на такія произведенія, какъ Cortegiano Кастильоне, Principe Макіавелли и мемуары Бенвенуто Челлини, и подыскивая подходящіе факты изъ содержательныхъ біографій ихъ современниковъ, Тэнъ рисуетъ живую и яркую картину психологическаго состоянія общества около 1500 года. Провѣрять сходство этой картины съ дѣйствительностью не входитъ въ нашу задачу, потому что изображаемая ею эпоха стоитъ за хронологическими предѣлами нашего изслѣдованія. Но Тэнъ мимоходомъ говоритъ о причинахъ наиболѣе ранняго появленія гуманизма въ Италіи и о нѣкоторыхъ его представителяхъ первой половины XV столѣтія. Онъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса о причинахъ Ренесанса вообще и объясняетъ его раннее появленіе въ Италіи національными особенностями и слабой степенью германизаціи этой страны. Итальянцы отличаются, по его словамъ, „крайней тонкостью и большой легкостью пониманія. Цивилизація какъ будто имъ врождена“, говоритъ Тэнъ и удивляется необыкновенному развитію итальянскаго гарсона, мужика и носильщика и ихъ необычайной эстетической чуткости[1]). Этотъ панегирикъ итальянской интеллектуальности, не убѣдительный по тону, остается совершенно бездоказательнымъ и голословнымъ. Но если даже признать справедливою эту характеристику, тѣмъ не менѣе изъ національныхъ особенностей нельзя вывести гуманизма, потому что это движеніе было интернаціональное. Можетъ быть, свойствами итальянскаго характера можно объяснить нѣкоторыя особенности итальянскаго Ренесанса, преимущественно его эстетическую сторону. Но и здѣсь они играли не исключительную роль, во-первыхъ, потому что золотой вѣкъ итальянскаго искусства продолжался очень недолго, и во-вторыхъ, потому что художественную славу Италіи раздѣляли другія націи, напр., Голландія. Что касается до второй причины — сравнительной слабости германскаго элемента въ Италіи, то оно лучше формулировано другими изслѣдователями, которые отмѣчаютъ живость и силу въ этой странѣ античныхъ традицій и воспоминаній. Къ этому сводится въ сущности и объясненіе Тэна[2]), только онъ центръ тяжести переноситъ на національный факторъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ находился въ культурныхъ условіяхъ. Наконецъ, коротенькая характеристика раннихъ гуманистовъ не даетъ ничего новаго, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ страдаетъ преувеличеніемъ[3]). Въ цѣломъ и

---

[1]) *H. Taine, Philosophie de l'art en Italie. Paris 1867*, p. 24—25.

[2]) Ibid. p. 26—27.

[3]) Напр. Quand des pénibles hexamètres et des épîtres lourdement prétentieuses de Pétrarque, on passe aux élégants distiques de Politicien (?) ou à la prose élo-

общемъ курсъ Тэна составляетъ живую иллюстрацію одного періода Ренесанса, сдѣланную по хорошо подобраннымъ источникамъ; но въ исторіографіи всего гуманистическаго движенія онъ не имѣетъ большого значенія.

Шнаазе въ 8 томѣ своей „*Исторіи образовательныхъ искусствъ*" дѣлаетъ довольно обширную характеристику гуманистическаго движенія въ Италіи. Въ противоположность Тэну, который по первоисточникамъ рисуетъ картину состоянія общества, не объясняя причинъ разнообразныхъ явленій эпохи и не пытаясь свести ихъ къ одному источнику, Шнаазе полагаетъ въ основаніе своей характеристики спеціальныя сочиненія и преимущественно книгу Фогта и только дополняетъ ее своими соображеніями съ цѣлью придать единство различнымъ сторонамъ Ренесанса. Съ этими соображеніями не всегда можно согласиться. Такъ, прежде всего Шнаазе не вѣрно рисуетъ общій характеръ гуманистическаго движенія. „Переходъ отъ Среднихъ вѣковъ, говоритъ онъ, связанный у сѣверныхъ народовъ съ суровой борьбой, здѣсь, въ Италіи, совершился легко, почти шутя. Церковная система, съ которой тамъ срослась вся духовная жизнь, здѣсь коснулась только поверхности; силы и свойства, въ которыхъ нуждалось новое время и которыя тамъ развивались постепенно — именно индивидуальность и натурализмъ — здѣсь были въ ходу уже давно. Тѣмъ народамъ при паденіи старой системы предстояли неизвѣстныя, новыя формы; одна только Италія имѣла великое прошлое, къ которому она могла обратиться"[1]). Это совершенно оригинальное и, повидимому, весьма остроумное наблюденіе въ сущности представляетъ собою настоящій парадоксъ. Мнимая легкость перехода обусловливается первымъ впечатлѣніемъ, которое производятъ веселые гуманисты сравнительно съ суровыми пуританами и ранними борцами протестантизма, мягкость церкви къ представителямъ Ренесанса сравнительно съ ея неутомимой враждой къ вождямъ и послѣдователямъ Реформаціи и отсутствіе въ Италіи религіозныхъ войнъ. Не слѣдуетъ забывать однако, что первые гуманисты страдали отъ внутренняго разлада вслѣдствіе непримиримости новыхъ идеаловъ съ средневѣковыми воззрѣніями. Такимъ страданіемъ проникнуты многія произведенія Петрарки, которому Шнаазе даетъ суровую и не всегда справедливую характеристику[2]).

quente de Valla, on se sent pénétré d'un plaisir presque physique. Les doigts et l'oreille scandent involontairement la marche aisée des dactyles poétiques et l'ample déroulement des periodes oratoires. Ibid. p. 32.

[1]) *Carl Schnaase, Geschichte der bildenden Künste. 8. Band. Stuttgart 1879.* p. 521.

[2]) Въ общемъ характеристика составлена по Фогту; но Schnaase не говоритъ объ *acedia* Петрарки, зато даетъ превосходное изображеніе его отношенія въ древней литературѣ. Ibid. p. 523—526.

Такое же настроеніе чувствуется въ перепискѣ веселаго Боккаччіо и у его преемниковъ. Не говоря уже о Салютати, сочиненіе котораго De saeculo et religione проникнуто настоящимъ отчаяніемъ, Поджіо написалъ меланхолическую книгу De miseria condilionis humanae, и многіе изъ его современниковъ подъ старость вырывали изъ сердца стремленія юности. Правда, въ XV столѣтіи эта нота звучитъ все рѣже и рѣже въ гуманистическихъ произведеніяхъ; но это не было то успокоеніе совѣсти, которое вознаграждало внутреннюю борьбу Лютера и ему подобныхъ. Гуманисты забывались въ увлеченіяхъ, и какъ дорого приходилось имъ расплачиваться за это, показываютъ судьбы гуманизма въ эпоху католической реакціи. Если сравнить жалкаго, доведеннаго до психической болѣзни внутренними и внѣшними противорѣчіями „послѣдняго гуманиста“ Торквато Тассо съ пережившимъ религіозныя бури Лютеромъ или съ величественнымъ старикомъ Мильтономъ, то будетъ ясно, что въ Италіи переходъ къ новому времени совершился „не шутя“. Если реформаціонное движеніе вызывало болѣе глубокую и болѣе интенсивную борьбу, чѣмъ гуманистическое, то это зависѣло оттого, что первое было переворотомъ религіознымъ, второе — культурнымъ. Не слѣдуетъ забывать также, что въ политическомъ отношеніи переходъ Италіи въ новую исторію сопровождался чужеземнымъ завоеваніемъ. Что касается до аргументовъ Шнаазе, которыми онъ пытается доказать свое положеніе, то они едва ли выдерживаютъ критику. Средневѣковой католицизмъ и въ Италіи сросся съ духовной жизнью, и если церковь не отнеслась съ систематической враждой къ гуманизму, то отчасти потому, что она за почтительными пріемами гуманистовъ не замѣчала оппозиціонныхъ тенденцій Ренесанса, отчасти потому, что сама жила въ это время въ рѣзкомъ противорѣчіи съ своими собственными идеалами. Что касается до „индивидуальности и натурализма“, то хотя ихъ слѣды въ жизни замѣчаются раньше эпохи Возрожденія, но самая борьба гуманизма и заключалась въ томъ, чтобы найти для индивидуализма нравственное основаніе и теоретическое оправданіе для новаго отношенія къ природѣ. Не вѣрно, наконецъ, что только южные народы имѣли опредѣленный идеалъ въ античномъ прошломъ, а сѣверные стояли передъ неизвѣстностью. Наоборотъ, передъ глазами реформаторовъ на сѣверѣ стоялъ образъ *христіанскаго* прошлаго, и опорою въ борьбѣ служила для нихъ Библія, высшій авторитетъ въ христіанскомъ обществѣ. Нравственное обновленіе человѣчества облегчалось тѣмъ, что его принципы имѣли общепризнанную абсолютную моральную цѣну. Работа гуманистовъ была труднѣе: имъ приходилось выбирать изъ языческой литературы то, что могло оправдать

новыя потребности въ христіанскомъ обществѣ и что въ то же время можно было примирить съ существующимъ строемъ.

Мнѣніе Шнаазе, что гуманисты имѣли въ виду полную реставрацію античнаго міра рѣшительно противорѣчитъ источникамъ. Между тѣмъ изъ этой тенденціи пытается онъ вывести гуманистическое движеніе. По его мнѣнію, неудача Кола-ди-Ріенцо привела къ мысли о необходимости „лучшаго знанія и болѣе основательнаго усвоенія античнаго образованія" [1]). Писатели античнаго міра были для гуманистовъ „наши", а „схоластическая мудрость представлялась имъ въ свѣтѣ чужеземнаго ига"; борьба шла противъ иноземной науки, а нравственный переворотъ имѣлъ уже вторичное значеніе, былъ только результатомъ паденія схоластики [2]). Такое построеніе гуманистическаго движенія также совершенно оригинально; но Шнаазе не приводитъ фактическихъ доказательствъ своего положенія, которое такимъ путемъ и не можетъ быть доказано. Наконецъ нельзя согласиться и съ той суровой оцѣнкой, которую даетъ Шнаазе преемникамъ Петрарки. По его мнѣнію, борьба съ схоластикой родоначальника гуманистовъ у его послѣдователей превратилась въ схоластику: „ихъ споры были не менѣе пусты; ихъ знаніе точно такъ же хламъ цитатъ (Citatenkram)". Передъ глазами Петрарки всегда нравственный идеалъ; „у его преемниковъ онъ совершенно отступилъ на заднiй планъ". „У нихъ все сводится только къ тому, что они говорятъ, а не что они есть на самомъ дѣлѣ... Ихъ индивидуализмъ едва ли что-нибудь иное, какъ не эгоизмъ и не пустая форма, чтобы по произволу принимать то или другое содержаніе" [3]). Къ счастію, у основателей новой культуры не все было такъ плохо; иначе Ренесансъ не стоялъ бы во главѣ новаго періода исторіи человѣчества.

Тѣ историки европейскаго искусства, которые ограничиваютъ свои изслѣдованія болѣе узкими хронологическими предѣлами, по большей части только слегка касаются гуманистическаго движенія. Такъ *Ріо* въ своемъ „*Христіанскомъ искусствѣ*" [4]) не даетъ самостоятельнаго очерка Возрожденія и только при описаніи отдѣльныхъ школъ даетъ незначительныя указанія на ихъ культурную среду. *Чиконьяра* въ обширной „*Исторіи скульптуры*" посвящаетъ эпохѣ два отдѣльныхъ очерка, но оба они носятъ чисто внѣшній характеръ и не представляютъ никакого интереса для исторіи гуманизма [5]). Нѣсколько болѣе даетъ

1) Ibid. p. 522.
2) Ibid. p. 523.
3) Ibid. p. 537—538.
4) *Rio, De l'art chrétien. 4 vols. Paris 1874.*
5) *Leop. Cicognara, Storia della scultura dal suo Risorgimento in Italia sino*

недавно начавшая появляться „*Исторія искусства во время Ренесанса*“ *Мюнтца*, которая, вѣроятно, займетъ такое же мѣсто въ исторіи искусства Возрожденія, какое занимаютъ Перро и Шипье въ исторіи восточнаго искусства. Подготовившись спеціальными изслѣдованіями по этой эпохѣ[1]), Мюнтцъ хорошо знакомъ съ главнѣйшей литературой по гуманизму, какъ это видно изъ его введенія. Поэтому описанію культурной среды[2]), въ которой развивались отдѣльныя школы, онъ предпосылаетъ въ введеніи общую характеристику гуманистическаго движенія. Если это описаніе, стоящее на уровнѣ современныхъ знаній о Ренесансѣ, не представляетъ интереса, такъ какъ тамъ сообщены *факты*, извѣстные изъ спеціальныхъ изслѣдованій; то введеніе, гдѣ истолковывается смыслъ и значеніе этихъ фактовъ, заслуживаетъ вниманія по оригинальности нѣкоторыхъ взглядовъ автора. Мюнтцъ примыкаетъ къ тому широкому пониманію Ренесанса[3]), какое мы находимъ у Буркгардта; но крайне идеализируетъ движеніе. Такъ, при перечисленіи признаковъ Возрожденія онъ не только игнорируетъ темныя его стороны, но приписываетъ ему такія черты, которыя были тогда большой рѣдкостью, если не исключеніемъ, какъ напр.: „иногда утонченный, но всегда столь благородный спиритуализмъ Платона *въ брачномъ союзѣ съ христіанскимъ милосердіемъ*“[4]). Возражая противъ взгляда Сисмонди на Возрожденіе, дѣйствительно слишкомъ пессимистическаго, какъ мы увидимъ ниже, онъ впадаетъ въ противоположную крайность. „Мы должны представить себѣ эпоху одновременно и весьма дѣятельную и весьма спокойную, говоритъ онъ о Ренесансѣ, безъ грубыхъ страстей Среднихъ вѣковъ и безъ глубокой развращенности XVI столѣтія“; политическая свобода была утрачена, но „какъ мудрость управленія и общее благо утѣшаютъ въ потерѣ periculosae libertatis! Впервые послѣ античнаго міра мы находимъ общество, организованное сообразно со всѣми требованіями чистаго разума. Если бы не чума, которая свирѣпствовала столь часто въ теченіе

---

al secolo di Napoleone. Per servire di continuasione alle opere di Winckelmann e di d'Agincourt. Volume I. Venezia 1813, p. 268 и слѣд. Vol. II. 1816, p. 5 и слѣд.

[1]) *E. Müntz, La Renaissance en Italie et en France au temps de Charles VIII. Paris 1885.* Его же *Le Précurseurs de la Renaissance. Paris 1876.* Его же *Les Arts à la cour des Papes. Paris 1878—1882.*

[2]) *Eugène Müntz, Histoire de l'art pendant la Renaissance. I. Italie. Les primitifs. Paris 1889.* Livre I, p. 45 и слѣд.

[3]) Но терминъ *humanisme* онъ понимаетъ довольно узко, не какъ общее направленіе культуры, а только, какъ renaissance des lettres. Ibid. p. 1.

[4]) Ibid.

этого столѣтія, это былъ бы золотой вѣкъ" [1]). Не говоря уже объ источникахъ, любое историческое сочиненіе значительно омрачитъ этотъ блестящій ореолъ эпохи, когда рушилось старое и не успѣло еще окрѣпнуть новое, когда почти все непродажное было или развратно, или жестоко. Въ такомъ же тонѣ характеризуетъ Мюнтцъ различные слои итальянскаго общества и переходитъ къ литературѣ. Здѣсь авторъ гораздо ближе къ истинѣ и если грѣшитъ противъ нея, то скорѣе въ противоположную сторону. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Мюнтцъ, что итальянская литература по поэтическому замыслу и по совершенству формы стояла весьма невысоко въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Ея сила состояла „въ истолкованіи и пропагандѣ философскихъ, моральныхъ и научныхъ идей"; „нельзя переоцѣнить, говоритъ онъ, заслугъ, оказанныхъ гуманистами, поскольку они были популяризаторами (vulgarisateurs): они совершили воспитаніе новаго общества" [2]). Терминъ „vulgarisateur" въ приложеніи къ гуманистамъ не вполнѣ ясенъ: не видно, допускаетъ ли Мюнтцъ *творчество* въ философской работѣ гуманистовъ, или сводитъ ее къ простой передачѣ античныхъ идей. Указывая источникъ содержательности гуманистическихъ произведеній, Мюнтцъ не устраняетъ этого недоразумѣнія. Тогдашняя литература, по его словамъ, „находя въ искренности своего энтузіазма (къ древности) необходимую силу для слиянія въ одно гармоническое цѣлое элементовъ языческихъ и христіанскихъ, вызвала столь же богатый, какъ и строго классифицированный міръ могучихъ и поэтическихъ идей" [3]). Рѣчь идетъ, повидимому, не о механическомъ синкретизмѣ, а о настоящемъ творчествѣ, хотя въ дѣйствительности примирительная работа не была такъ удачна, потому что гуманисты примиряли античный міръ не съ христіанствомъ, а съ папствомъ. Но изъ дальнѣйшаго изложенія Мюнтца видно, что онъ сводитъ заслуги гуманистовъ къ передачѣ древности. Прежде всего, онъ преувеличиваетъ увлеченіе древней литературой, хотя мѣтко и оригинально замѣчаетъ, что оно особенно усилилось во вторую половину XV вѣка [4]). Затѣмъ среди гуманистовъ на первый планъ выставлена „армія грамматиковъ, филологовъ,

---

1) Ibid. p. 2 и 3.

2) Ibid. p. 20.

3) Ibid. p. 21.

4) S'il restait encore des trésors de sève et d'initiave chez des esprits de la trempe du Pogge, de Valla, d'Aeneas Sylvius, chez leurs successeurs l'érudition tient lieu de toute indépendance et de toute vigueur. Уже это сказано слишкомъ сильно; но преувеличеніе идетъ далѣе: S'exprimer autrement qu'en latin, mais c'eût été un déshoneur pour n'importe quel humaniste. Ibid. p. 21.

риториковъ и риторовъ — народъ, который, какъ извѣстно, появляется только въ такія эпохи, когда слабѣетъ сила духа"[1]), неожиданно заявляетъ пламенный поклонникъ эпохи Возрожденія. Упомянувъ далѣе съ похвалою объ историкахъ первой половины XV вѣка, Мюнтцъ замѣчаетъ: „но тріумфъ XV вѣка — это литература назиданія, какъ нравственнаго, такъ и религіознаго"[2]) и на первый планъ ставитъ Витторино-да-Фельтре, который не писалъ ничего, и Гуарино-да-Верона, который писалъ очень мало. Но и это не главное. „Какое лучезарное зрѣлище, когда, оставивъ педагогію, достигаешь высокой философской спекуляціи!"[3]) восклицаетъ Мюнтцъ, приходя въ восторгъ передъ византійскими греками и ихъ итальянскими учениками. Эти пришлецы „придали Ренесансу тотъ характеръ высокаго спиритуализма, который въ сущности составляетъ самый чистый элементъ его славы", и созданный ими неоплатонизмъ превратилъ итальянскихъ художниковъ изъ реалистовъ въ идеалистовъ и „проложилъ путь Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэлю"[4]). Въ нашу задачу не входитъ оцѣнка мнѣній о томъ, какіе факторы гуманизма оказали вліяніе на развитіе искусства въ эпоху Возрожденія, потому что это вопросъ спеціальной науки. Тѣмъ не менѣе взглядъ Мюнтца намъ представляется одностороннимъ, и эта односторонность отразилась на его отношеніи къ гуманистическому движенію. Шпрингеръ, приписывая важное значеніе „самостоятельности индивидуальной фантазіи" въ эту эпоху и выдвигая психологическую правду въ искусствѣ Ренесанса, замѣчаетъ совершенно справедливо, что „никто не будетъ съ глубокимъ интересомъ слѣдить за тонкостью психологической характеристики, за величественнымъ изображеніемъ возбужденныхъ страстей, кто не заключаетъ въ себѣ самомъ богато-развитой духовной жизни"[5]). Мюнтцъ оставилъ безъ вниманія этотъ бурный индивидуализмъ Ренесанса и не слѣдитъ ни за его развитіемъ, ни за его проявленіями. При иной постановкѣ вопроса гуманистическая литература получила бы въ его глазахъ болѣе вѣрное освѣщеніе, и византійскіе греки заняли бы дѣйствительно имъ принадлежавшее маленькое мѣсто, хотя неоплатонизмъ сохранилъ бы все свое значеніе. Въ концѣ концовъ историки искусства въ дѣлѣ изученія гуманизма должны занять гораздо болѣе скромное мѣсто, чѣмъ историки философіи.

---

1) Ibid. p. 22.
2) Ibid. p. 26.
3) Ibid.
4) Ibid. p. 27.
5) Springer. L. c. p. 574.

VII.

Отношеніе къ Ренесансу историковъ всеобщей литературы. Значеніе біо- и библіографическихъ компендіумовъ. Андресъ, Бутервекъ и Шлегель. Новые нѣмецкіе обзоры исторіи всеобщей литературы. Сисмонди и Галламъ. Схема „литературной эволюціи“ проф. Карѣева.

Исторія всеобщей литературы въ теченіе XVII и XVIII столѣтій разрабатывалась чаще всего въ формѣ біо- и библіографическихъ компендіумовъ. Гуманистическое движеніе, къ которому принадлежали среди массы писателей и такія имена, какъ Петрарка и Боккаччіо, не могло быть обойдено молчаніемъ, и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ книги *Гилини*, *Гадди* — во XVII вѣкѣ, работы *Фабриціуса, Нисерона, Blount'a и Бужине* въ XVIII, имѣли въ свое время значеніе справочныхъ книгъ при изученіи гуманизма[1]). Но представляемый ими фактическій матеріалъ давно уже исчерпанъ, такъ что эти компендіумы утратили всякую цѣну для исторіографіи Возрожденія. Появившіяся нѣсколько позже систематическія изложенія исторіи всеобщей литературы[2]) рѣдко давали результаты самостоятельныхъ изслѣдованій

[1]) Одно изъ самыхъ раннихъ произведеній этой категоріи — *Teatro d'uomini etterati. Aperto dall'abbate Girolamo Ghilini, Academico incognito. In Venetia MDCXLVII.* Напечатаны 2 тома, гдѣ сообщены краткіе біографическіе очерки преимущественно итальянскихъ писателей; при чемъ дѣятели первой половины XV вѣка отсутствуютъ. 3-й и 4-й томы этого сочиненія остались ненапечатанными; но ими пользовался Mazzuchelli (Scrittori d'Italia I, p. XIII). *Gaddi, De Scriptoribus non ecclesiasticis Graecis, Latinis, Italicis etc. T. I. Florentiae 1648, t. II. Lugduni 1649.* Изъ произведеній *Fabricius'a* къ занимающей насъ эпохѣ относится *Bibliotheca Latina mediae et infimae aetatis. Hamburgi 1734, tomi V* (существуетъ новое изданіе), которая носитъ преимущественно библіографическій характеръ. Книга варнавита *Niceron'a Mémoires pour servir a l'histoire des hommes illustres dans la republique des lettres. Vol. 43. Paris 1829—45* въ свое время пользовалась широкой извѣстностью. Вышедшая въ началѣ XVIII столѣтія книга *Pope-Blount'a (Censura celebriorum Authorum sive Tractatus in quo varia Virorum Doctorum de Clarissimis cujusque Saeculi Scriptoribus judicia traduntur. Genevae 1710)* представляетъ интересъ для исторіи критики. Такое же значеніе имѣетъ книга *Baillet (Jugement des savans sur les principaux ouvrages des Auteurs. Nouvel edition. Amsterdam 1728. Vols 16).* Въ концѣ прошлаго вѣка вышелъ огромный библіографическій компендій *C. Joseph Bouginé — Handbuch der allgemeinen Litteraturgeschichte nach Heymann's Grundriss. Zürich 1789—1800 (6 vols)* (О Возрожденіи I p. 534 и слѣд.). Въ томъ же духѣ еще болѣе обширное сочиненіе (11 томовъ) *Grässe, Lehrbuch einer allgemeinen Literärgeschichte aller bekannten Völker der Welt. Leipzig 1789—1842.*

[2]) Сюда относится знаменитое произведеніе *Danielis Morhofii Polyhistor, litterarius, philosophicus et practicus. Editio Quarta. Lubecae 1747* (1-е изданіе вышло въ 1688). Это сборникъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе

въ этой области; чаще всего при изложеніи фактовъ они опираются на мѣстныхъ изслѣдователей и преимущественно на Тирабоски, а при ихъ истолкованіи повторяютъ традиціонныя ошибки. Такъ, *Л. Вахлеръ* въ своемъ *„Опытѣ всеобщей исторіи литературы"*, повторивши старую ошибку о греческомъ вліяніи на гуманизмъ[1]), даетъ рядъ біографій по Тирабоски[2]), а его позднѣйшее сочиненіе на ту же тему представляетъ простой конспектъ съ библіографическими указаніями, но безъ всякихъ объясненій[3]). Такимъ же характеромъ отличается *„Исторія литературы" Эйхгорна*. Повторивъ почти буквально то, что онъ раньше сказалъ о причинахъ Ренесанса въ своей исторіи культуры[4]), Эйхгорнъ даетъ коротенькія біографическія замѣтки о нѣкоторыхъ гуманистахъ, снабдивъ ихъ далеко не обстоятельной библіографіей, которая и въ свое время не имѣла значенія[5]). Болѣе интереса представляютъ тѣ изслѣдователи XVIII вѣка, которые постарались дать всеобщей литературѣ историко-философское освѣщеніе. Сюда принадлежитъ прежде всего аббатъ *Андресъ*, который съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Возрожденіи въ своей книгѣ: *„О происхожденіи, успѣхахъ и современномъ состояніи всей литературы"*. Несомнѣнной заслугой этого писателя слѣдуетъ признать его рѣзкую оппозицію противъ установившагося мнѣнія, что византійскіе греки — виновники новой культуры[6]). „Отцомъ новой культуры и виновникомъ возрожденія похороненныхъ наукъ былъ никто иной, какъ великій Петрарка, говоритъ онъ, и я не могу понять, какъ новые писатели довольствуются удивленіемъ передъ этимъ великимъ человѣкомъ, какъ передъ авторомъ канцонъ и сонетовъ, не видятъ въ немъ своего отца, истиннаго виновника (institutore) новой литературы, не ставятъ его на заслуженное мѣсто

къ литературѣ — о библіотекахъ и о способахъ ихъ веденія, о палеографіи, о разныхъ видахъ литературы, о преподаваніи словесности и т. п. Нѣкоторыя замѣтки о Петраркѣ, Бруни и др. (въ главѣ De Epistolarum Scriptoribus I, p. 277 и слѣд.) не имѣютъ цѣны. Вышедшее нѣсколько раньше (1659) сочиненіе *Lambecii Prodromus Historiae Litterariae* представляетъ собою одну изъ самыхъ раннихъ попытокъ хронологическаго изложенія исторіи литературы.

1) *L. Wachler, Versuch einer allgemeinen Geschichte der Litteratur. Für studierende Jünglinge und Freunde der Gelehrsamkeit. II. Band. Lemgo 1794*, p. 225 и 242.

2) Ibid. p. 315. и слѣд.

3) *L. Wachler, Handbuch der allgemeinen Geschichte der literärischen Cultur. II. Band. Marburg 1805*, p. 576—605.

4) *Joh. Gottfr. Eichhorn. Geschichte der Litteratur von ihrem Anfang bis auf die neuesten Zeiten. II. Band. Göttingen 1805*, p. 10.

5) Ibid. p. 121—123, 124—128, 206—211, 278—281.

6) *Abbate D. Giovanni Andres. Dell'origine, progressi e stato attuale d'ogni letteratura. Parma 1782*, p. 331 и слѣд.

во главѣ Галилеевъ, Декартовъ, Ньютоновъ, Боссюэтовъ, Корнелей и всѣхъ новыхъ писателей"[1]). Андресъ указываетъ далѣе заслуги въ этомъ дѣлѣ также Боккаччіо, ихъ учениковъ и послѣдователей до паденія Константинополя, и этотъ бѣглый очеркъ, не имѣющій значенія по фактическому содержанію, не лишенъ цѣны, какъ наглядное доказательство несостоятельности ошибочнаго возврѣнія, пустившаго чрезвычайно глубокіе корни. Но этимъ и исчерпываются заслуги Андреса. Смыслъ гуманистическаго движенія ему неясенъ, потому что онъ, какъ позже Сисмонди, ставитъ на ряду съ гуманистами и современныхъ имъ средневѣковыхъ знаменитостей въ области права и медицины[2]). Болѣе того, отрицая византійское вліяніе на новую культуру, Андресъ сильно преувеличиваетъ заслуги въ этомъ дѣлѣ арабовъ[3]) и такимъ образомъ впадаетъ въ не менѣе грубую ошибку. Другой философъ, соотечественникъ Андреса, *Денина* въ своемъ „Разсужденіи о судьбахъ литературы" возвращается къ прежней точкѣ зрѣнія на причины Ренесанса[4]), и его изложеніе гуманистической эпохи не имѣетъ никакого значенія.

Изъ нѣмецкихъ писателей XVIII вѣка съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Ренесансѣ *Бутервекъ* въ первомъ томѣ своей обширной „*Исторіи поэзіи и краснорѣчія*". Бутервекъ суживаетъ свою задачу, во-первыхъ, устраненіемъ изъ обзора всей латинской литературы этого періода, и во-вторыхъ, чисто эстетической точкой зрѣнія. Онъ называетъ иногда себя „историкомъ вкуса" (Gechichtschreiber des Geschmacks), разсматриваетъ только беллетристическія произведенія на итальянскомъ языкѣ; поэтому изъ сочиненій Петрарки онъ останавливается исключительно на его итальянской поэзіи, которую разбираетъ съ чисто эстетической точки зрѣнія[5]), предпославъ разбору коротенькій біографическій очеркъ поэта, составленный по де-Саду. Точно такъ же поступаетъ онъ и съ Боккаччіо, совершенно не касаясь его значенія въ Ренесансѣ. Тѣмъ не менѣе Бутервекъ не можетъ обойти молчаніемъ гуманистическаго движенія, какъ только ему приходится прервать повѣствовательное изложеніе философскимъ анали-

---

[1]) Ibid. p. 345.

[2]) Ibid. p. 348.

[3]) См. Capitolo IX. Dell'influenza dell'arabica letteratura nel risorgimento dell'europea; capitolo XI: Dell'influenza degli arabi nella moderna coltura delle belle lettere. Въ особенности p. 330—331.

[4]) *Carlo Denina, Discorso sopra le vicende della letteratura. Volume I. Berlino 1784*, p. 178.

[5]) Болѣе важныя съ нашей точки зрѣнія замѣчанія Бутервека о произведеніяхъ Петрарки и Боккаччіо будутъ разсмотрѣны ниже въ глав. I и II.

зомъ причинъ извѣстнаго литературнаго явленія или общимъ обзоромъ эпохи. Такъ, констатировавши поэтическое затишье послѣ смерти Петрарки и Боккаччіо до Лоренцо Великолѣпнаго, Бутервекъ съ недоумѣніемъ останавливается передъ этимъ фактомъ. Повидимому, всѣ обстоятельства благопріятствовали развитію поэзіи: „новая культура замѣтно развивалась; сочиненія древнихъ авторовъ становились все извѣстнѣе“; произведенія Петрарки и Боккаччіо облагородили національный языкъ и вызвали всеобщій энтузіазмъ; таланты щедро вознаграждались, и все-таки поэтовъ не было[1]). Бутервекъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, что виною этого застоя было изученіе древности, отвлекавшее будто бы лучшіе умы отъ національной поэзіи. „Этотъ упрекъ, говоритъ онъ, если это только упрекъ, чтобы быть справедливымъ долженъ касаться древней литературы въ тѣ времена, когда энтузіазмъ къ античнымъ авторамъ достигъ крайней высоты. Но это случилось въ эпоху Лоренцо Медичи, и именно съ этого времени вновь начинаетъ процвѣтать національная литература съ новой силой“[2]). Бутервекъ не можетъ найти другого объясненія для этого факта, кромѣ непонятнаго „плана судьбы“, и замѣчаетъ только, что эстетическое чувство не только не пало въ итальянскомъ обществѣ послѣ Петрарки, но развивалось все болѣе и болѣе[3]). Въ общей характеристикѣ эпохи Бутервекъ говоритъ, что „эстетическая культура и вмѣстѣ съ нею болѣе свободный и болѣе гуманный образъ мыслей улучшили отношенія общественной жизни, содѣйствовали успѣхамъ независимой философіи и, вѣроятно, привели бы Италію къ религіозной реформѣ“, если бы не помѣшала католическая реакція[4]). Эти мѣткія замѣчанія заставляютъ особенно жалѣть, что авторъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ общаго характера эпохи такъ сузилъ свою задачу въ изложеніи.

Гораздо менѣе интереса представляютъ взгляды на гуманистическое движеніе *Фр. Шлегеля* въ его *„Исторіи древней и новой литературы“*. Въ главѣ, посвященной этой эпохѣ, очень много разсужденій, похожихъ на церковную проповѣдь, гораздо больше, чѣмъ фактовъ. Онъ подробно излагаетъ свои мнѣнія о вліяніи Библіи и христіанства на поэзію, о необходимости религіознаго основанія въ международной политикѣ Европы и т. п. По отношенію къ гуманизму онъ повторяетъ уже извѣстный намъ рѣзкій взглядъ, вы-

---

1) *Friedrich Bouterwek, Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des dreizehnten Jahrhunderts. I. Band. Göttingen 1801,* p. 216.

2) Ibid. p. 217.

3) Ibid.

4) Ibid. p. 346.

раженный имъ въ „Философіи исторіи“. Само по себѣ расширеніе научныхъ средствъ въ эту эпоху было, и по его мнѣнію, „великимъ, безцѣннымъ благомъ“; но на этой нивѣ выросли „плевелы“, которые повредили христіанству[1]). Въ качествѣ доказательства и здѣсь фигурируетъ безбожный Макіавелли[2]). Спеціально по отношенію къ исторіи литературы Шлегель усматриваетъ въ гуманизмѣ тотъ вредъ, что увлеченіе древностью повлекло за собою пренебреженіе къ національному языку[3]). Петрарку и Боккаччіо онъ, повидимому, ставитъ внѣ движенія, потому что въ первомъ онъ видитъ только продолжателя средневѣковой лирики, во второмъ — творца итальянской прозы[4]).

Отъ краткихъ обзоровъ исторіи всеобщей литературы можно требовать только популяризаціи общихъ выводовъ и изложенія существенныхъ фактовъ, установленныхъ обширными изслѣдованіями. И въ дѣйствительности сочиненія, предназначенныя для большой публики, хорошо отражаютъ положеніе вопроса о Ренесансѣ въ болѣе обширныхъ изслѣдованіяхъ по всеобщей литературѣ. Они или отдѣлываются незначительными замѣчаніями о Петраркѣ и Боккаччіо, какъ *Розенкранцъ*[5]), или повторяютъ безъ критики общепринятые историко-литературные взгляды на Возрожденіе, какъ *Шерръ*. Руководясь эстетическою точкой зрѣнія, Шерръ ставитъ Данте, Петрарку и Боккаччіо въ одну группу, какъ національныхъ поэтовъ, не замѣчая, что съ всемірно-исторической точки зрѣнія авторъ Божественной Комедіи — человѣкъ иного періода, хотя и той же націи, къ которой принадлежатъ два другихъ поэта. Увлеченіе латинской рѣчью и Шерръ считаетъ виною упадка итальянской литературы и со стороны формы, и со стороны содержанія. Впрочемъ въ объясненіи этого факта онъ обнаруживаетъ нѣкоторую оригинальность. Подражательный характеръ итальянской литературы, по его мнѣнію, „былъ созданъ провансальской лирикой“[6]), и слѣдовательно не увлеченіе античными писателями, а старая привычка къ подражанію причинила вредъ итальянской поэзіи. Такую же оригинальность обнаруживаетъ Шерръ и въ оцѣнкѣ поэзіи Петрарки. Въ его поэтическихъ стремленіяхъ Шерръ видитъ „не-

---

1) *Friedrich von Schlegel, Geschichte der alten und neuen Litteratur. Vorlesungen, gehalten zu Wien im Jahre 1812. Athenaeum in Berlin 1841*, p. 248.

2) Ibid. p. 250.

3) Ibid. p. 247 и слѣд.

4) Ibid. p. 242, 243.

5) *Karl Rosenkranz, Handbuch einer allgemeinen Geschichte der Poesie. II. Theil. Halle 1832*, p. 230 и слѣд.

6) *Johannes Scherr, Allgemeine Geschichte der Litteratur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Ein Handbuch für alle Gebildeten. Stuttgart. 1851*, p. 187.

устойчивость и неясность"; его Rime — простая „игра", вѣчное подражаніе то французской лирикѣ, то Данте (въ Trionfi). Вообще „все существо Петрарки, говоритъ онъ, показываетъ и въ жизни, и въ поэзіи нѣчто пустое, безмозглое и безхарактерное (Holes, Mark- und Charakterloses); истинной творческой силы ему недостаетъ" и т. д. Къ этому присоединяется еще невѣроятное тщеславіе, въ силу котораго Петрарка, по мнѣнію Шерра, предпочиталъ свои латинскія произведенія итальянскимъ, такъ какъ послѣднія не могли быть извѣстны за предѣлами его родины[1]). Подобный тонъ неосновательныхъ сужденій обезвреживаетъ взгляды Шерра на Ренесансъ и для большой публики.

Гораздо значительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ *„Исторія новой литературы" Адольфа Штерна*, который отводитъ гуманистическому движенію видное мѣсто въ своей книгѣ. Кромѣ главъ о Петраркѣ и Боккаччіо, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, Штернъ даетъ сравнительно полный очеркъ Ренесанса XV вѣка. Новыхъ фактовъ и самостоятельнаго изученія источниковъ въ книгѣ нѣтъ; но авторъ, опираясь на лучшія спеціальныя сочиненія по эпохѣ и преимущественно на Буркгардта, правильно опредѣляетъ важность Возрожденія и вѣрно освѣщаетъ важнѣйшія его стороны. „Все, что обнаруживаетъ хорошаго и дурного въ выдающихся итальянцахъ XV столѣтіе, было по большей части результатомъ новаго образованія"[2]), говоритъ Штернъ и въ вводной главѣ *(Italien im 15. Jahrhundert)* разсматриваетъ проявленіе индивидуализма въ политикѣ и въ отношеніи къ аскетическому идеалу. Гораздо слабѣе глава, спеціально посвященная гуманизму *(Der Humanismus und die Humanisten)*. Эскизъ внѣшней и внутренней исторіи Ренесанса крайне поверхностный; Штернъ не приводитъ даже именъ выдающихся гуманистовъ, не говоря уже объ особенностяхъ ихъ воззрѣній[3]). Обстоятельнѣе главы, посвященныя національной поэзіи; но онѣ не представляютъ существеннаго интереса для исторіографіи Ренесанса. Заслуживаетъ вниманія только взглядъ Штерна относительно вліянія Ренесанса на національную поэзію. Онъ дѣлаетъ весьма мѣткое замѣчаніе, что гуманистическое настроеніе было „лучшимъ даромъ, который могъ выпасть на долю итальянской литературѣ XV вѣка"[4]). Но не такъ удачно справился Штернъ съ дру-

[1]) Ibid. p. 185—186.

[2]) *Adolf Stern, Geschichte der neuern Litteratur. I. Band. Leipzig 1882*, p. 152.

[3]) Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Штернъ счелъ необходимымъ отмѣтить взглядъ Грегоровіуса о заслугахъ гуманизма въ дѣлѣ національнаго объединенія Италіи. Ibid. p. 152 и 159.

[4]) Ibid. p. 163.

гимъ вопросомъ о вліяніи увлеченія латинизмомъ. Онъ убѣжденъ, что итальянская литература переживала тяжелый кризисъ, и только колеблется, къ какому моменту слѣдуетъ его отнести: наиболѣе опасными кажутся ему то первыя десятилѣтія XV вѣка, то послѣдняя его треть[1]). Для объясненія успѣшнаго избавленія Италіи отъ этой мнимой бѣды Штернъ приводитъ ранѣе его высказанное мнѣніе, что національную литературу спасъ флорентійскій патріотизмъ[2]).

Изъ французскихъ историковъ всеобщей литературы съ наибольшею обстоятельностью останавливается на Возрожденіи *Сисмонди* въ своемъ сочиненіи „*О литературѣ Европейскаго юга*". Говоря объ итальянской литературѣ, Сисмонди совершенно естественно главнымъ образомъ имѣетъ въ виду тѣ произведенія Петрарки и Боккаччіо, которыя написаны на національномъ языкѣ. Но при ихъ разборѣ онъ оставляетъ въ сторонѣ историческую точку зрѣнія. Даже латинскія произведенія первыхъ гуманистовъ разсматриваются съ чисто литературной стороны. Такимъ же индивидуальнымъ характеромъ отличаются и характеристики авторовъ. Въ Петраркѣ, напр., онъ отмѣчаетъ его тщеславіе, его любовь къ наукѣ, энтузіазмъ ко всему великому и благородному и т. п.[3]), но все это безъ всякаго отношенія къ его времени. Сисмонди не находитъ нужнымъ игнорировать гуманистическое движеніе, хотя и считаетъ это возможнымъ, потому что его представители „собственно не принадлежатъ къ итальянской литературѣ". Онъ упоминаетъ о нихъ только „изъ признательности къ выдающимся заслугамъ, которыя они оказали Европѣ"[4]). Къ самому гуманистическому движенію онъ относится здѣсь гораздо мягче, чѣмъ въ своемъ историческомъ сочиненіи, о которомъ будетъ рѣчь ниже. „Если знаменитость принадлежитъ только итальянской поэзіи Петрарки и новелламъ Боккаччіо, говоритъ онъ, то наша признательность къ этимъ великимъ людямъ основывается на совершенно другихъ мотивахъ: они болѣе живо, чѣмъ кто-либо, чувствовали энтузіазмъ къ прекрасной древности, безъ котораго невозможно хорошо изучить ее; они посвятили долгую и трудолюбивую жизнь изученію и разысканію рукописей"[5]). Эта оцѣнка гуманистическаго значенія Петрарки и Боккачіо была бы еще болѣе возвышена, если бы Сисмонди не понималъ движенія чисто внѣшнимъ образомъ, не сводилъ бы его исключительно

---

[1]) Ibid. p. 164.
[2]) Ibid. p. 171.
[3]) *Simonde de Sismondi, De la litterature du Midi de l'Europe. III édition. Tome I. Paris 1829*, p. 428.
[4]) Ibid. II, p. 28—29.
[5]) Ibid. p. 17.

къ изученію древности. Онъ признаетъ заслуги гуманистовъ огромными, но сводитъ ихъ только къ ознакомленію Европы съ античнымъ міромъ[1]). Причины увлеченія древностью ему непонятны; его слѣдствія представлены въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ. По его мнѣнію, „постоянное изученіе древнихъ лишало писателей всякой оригинальности“; они презирали родной языкъ, рабски подражали древнимъ вмѣсто того, чтобы „приводить ихъ въ связь съ современными нравами и новыми идеями“[2]). „Этимъ произведеніямъ, стоившимъ стольких изысканій и такого труда, недоставало жизни“; поэтому они лишены и краснорѣчія и поэзіи[3]). Такіе приговоры при непосредственномъ знакомствѣ съ источниками были бы невозможны[4]).

Изъ всѣхъ писателей по исторіи всеобщей литературы *Галламъ* въ своемъ „*Введеніи въ литературу XV—XVII столѣтій*“ обнаруживаетъ наибольшее знакомство съ источниками интересующаго насъ періода и съ его спеціальной литературой. Онъ читалъ произведенія, по крайней мѣрѣ, выдающихся гуманистовъ и можетъ отнестись критически къ ихъ біографамъ[5]), въ силу этого онъ выдѣляетъ гуманистическое движеніе, какъ самостоятельное и важное явленіе въ исторіи литературы. Но эти достоинства въ значительной степени парализуются основной точкой зрѣнія Галлама на гуманизмъ. Подобно Сисмонди, онъ видитъ сущность этого движенія, по крайней мѣрѣ, до половины XV вѣка въ изученіи древности. Поэтому онъ разсматриваетъ произведенія гуманистовъ главнымъ образомъ со стороны языка и излагаетъ исключительно эту сторону движенія. На видное мѣсто между гуманистами онъ ставитъ такого формалиста, какъ Гаспарино-да-Барцицца, изъ сочиненій Валлы разсматриваетъ только Элеганціи, для оцѣнки ихъ литературныхъ произведеній ссылается чаще всего

---

1) Ibid. p. 17 и 28.

2) Ibid. p. 23.

3) Ibid. p. 37.

4) Слабое знакомство Сисмонди съ гуманистическою литературою замѣтно и въ тѣхъ краткихъ характеристикахъ, которыя онъ привелъ «изъ благодарности» гуманистамъ. Такъ, о Поджіо онъ говоритъ, что это былъ un de ceux qui réunissent le plus de profondeur d'esprit, de philosophie, de chaleur d'âme, souvent d'eloquence, aux connaissance les plus vastes. (Ibid. p. 38). Ниже мы увидимъ, какъ мало заслуживаетъ этихъ комплиментовъ авторъ Фацецій. Съ другой стороны самыми знаменитыми произведеніями Валлы Сисмонди признаетъ исторію Фердинанда Аррагонскаго и Элеганціи, проходя молчаніемъ и De Voluptate и даже De Donatione Constantini (Ibid. p. 36).

5) *Hallam, Introduction to the literature etc.* я цитирую по переводу *Borghers'a Histoire de la littérature de l'Europe pendant les quinzième, seizième et dix-septième siècles. Tome I. Paris 1839*, p. 84, 85.

на Кортезе, который стоитъ приблизительно на той же точкѣ зрѣнія[1]). Исторія гуманизма исчерпывается у него усвоеніемъ языка и матеріальной культуры древности. Эта односторонность обнаруживается особенно замѣтно, когда Галламъ пытается объяснить причины увлеченія древностью. Онъ перечисляетъ ихъ цѣлую массу. Сюда относятся: убѣжденіе, что новые итальянцы наслѣдники древнихъ римлянъ; паденіе Гогенштауфеновъ, освободившее Италію отъ чужеземнаго ига и возвысившее тамъ національное самосознаніе; изученіе гражданскаго права, возбуждавшее „таинственное уваженіе къ древности“; монументальные остатки стараго Рима, поддерживавшіе интересъ къ античному міру; появленіе свѣтскихъ ученыхъ и ослабленіе религіозныхъ запрещеній читать языческихъ авторовъ; возвышеніе экономическаго благосостоянія горожанъ, у которыхъ появляется вкусъ къ умственному труду и, наконецъ, интересъ къ Виргилію, вызванный рисунками Джіотто и Божественной Комедіей[2]). Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, какъ различныя вопоминанія объ античномъ прошломъ, относятся спеціально къ Италіи, а гуманистическое движеніе съ большей или меньшей силой охватило всю Европу; слѣдовательно ихъ вліяніемъ можно объяснять только тотъ фактъ, что Возрожденіе началось въ Италіи и пріобрѣло здѣсь наибольшую интенсивность. Другія причины, какъ уменьшеніе церковной опеки и богатство городовъ, только могли благопріятствовать движенію, но не опредѣляли его направленія. Такія явленія, какъ секуляризація ученаго сословія, пріобрѣтаютъ важность не какъ причина, а какъ результатъ гуманизма. Наконецъ, интересъ къ Виргилію былъ всегда довольно значителенъ, но имъ нельзя объяснить Ренесанса. Галламъ просмотрѣлъ существенную причину Возрожденія — появленіе новыхъ потребностей выросшей личности и стремленіе сбросить наложенныя на нее католицизмомъ оковы. Въ силу этого онъ не замѣтилъ въ гуманистическихъ произведеніяхъ самой интересной стороны ихъ содержанія. По его мнѣнію, страсть къ древнимъ языкамъ „изглаживала въ ученыхъ всякую другую идею о наукѣ“; „ихъ родной языкъ былъ почти нѣмъ“; интересъ къ точнымъ наукамъ былъ настолько рѣдкимъ явленіемъ, что любовь Витторино-да-Фельтре къ геометріи казалась чѣмъ-то особенно замѣчательнымъ; „даже по-латыни гуманисты писали чрезвычайно мало такого, что стоило бы воспоминанія или даже заслуживало бы цитаты“. Кромѣ De Re uxoria Фр. Барбаро и De Nobilitate Поджіо, въ гуманистической литературѣ, по словамъ Галлама, нѣтъ

[1]) Ibid. p. 86, 88, 147.
[2]) Ibid. p. 104—105.

ничего, кромѣ инвективъ и панегириковъ. „Ихъ знанія не были еще достаточно точны, чтобы имъ можно было пускаться въ область критической философіи“, хотя Траверсари и Никколи и исправляли латинскія рукописи. „Мы можемъ разсматривать Италію, какъ ученицу, полную пылкости, дѣятельности, умную и съ будущимъ“, заключаетъ Галламъ свою характеристику гуманистической литературы, „но только, какъ ученицу, которая не обладаетъ еще истиннымъ знаніемъ и можетъ только возбуждать соревнованіе у другихъ народовъ“ [1]). Достаточно просмотрѣть списокъ гуманистическихъ произведеній только до половины XV вѣка, приложенный въ концѣ нашей книги, чтобы убѣдиться, до какой степени далека отъ истины эта характеристика. Всѣ отрасли науки о человѣкѣ затронуты гуманистами, при чемъ раціоналистическому анализу подвергнуты всѣ основы морали и общежитія. Правда, тотъ фактъ, что значительная часть гуманистической литературы все еще остается въ рукописяхъ, препятствуетъ правильному о ней представленію. Но и напечатаннаго достаточно, чтобы не впасть въ такую крайнюю односторонность, въ какую увлекла Галлама его узкая точка зрѣнія. Его интересуютъ только тѣ произведенія гуманистовъ, въ которыхъ обнаруживаются успѣхи въ латинской рѣчи и въ знаніи древности. Онъ останавливается на Барцицци и игнорируетъ Альберти, разбираетъ письмовникъ перваго и Элеганціи Валлы и знаетъ только по заглавію De Re uxoria, а De Voluptate обходитъ полнымъ молчаніемъ.

Не обходятъ молчаніемъ гуманистическаго движенія и русскіе обзоры исторіи всеобщей литературы. Такъ, *Вл. Зотовъ,* опуская латинскую литературу XV вѣка, останавливается на Петраркѣ и Боккаччіо и хорошо подобранными переводами русскихъ поэтовъ изъ Canzoniere даетъ представленіе объ итальянской поэзіи родоначальника гуманистовъ [2]). Только на этихъ двоихъ корифеяхъ гуманизма останавливается и *проф. Карѣевъ* въ своей „*Литературной эволюціи на Западѣ*“; но его книга захватываетъ вопросъ гораздо шире и глубже, и Петрарка вмѣстѣ съ Боккаччіо являются у него только иллюстраціей общаго положенія. Отмѣтивши индивидуализмъ съ свойственнымъ ему живымъ и субъективнымъ интересомъ къ окружающей средѣ, какъ существенную черту гуманистической эпохи [3]), авторъ слѣ-

[1]) Ibid. p. 105—106.

[2]) *Вл. Зотовъ, Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ II. С.-Петербургъ 1878,* р. 385 и слѣд. Сборники по исторіи всеобщей литературы Милюкова и Корша монографическаго характера; поэтому мы разсмотримъ ниже относящіеся къ Ренесансу отдѣлы.

[3]) *Н. Карѣевъ, Литературная эволюція на Западѣ. Изданіе журнала «Филологическія Записки». Воронежъ 1886,* р. 185 и слѣд.

дить за тѣми видоизмѣненіями, которыя внесло новое настроеніе въ литературныя традиціи. „Средневѣковая соціальная, культурная и литературная эволюція, говоритъ онъ, привела постепенно къ усиленію личнаго творчества, къ большему отраженію жизни въ поэзіи и къ сознанію общественной роли литературы“[1]). Дѣйствительно, эта характеристика отмѣчаетъ всѣ черты, отличающія гуманистическую литературу отъ средневѣковой. Но новое настроеніе воспользовалось для своего выраженія унаслѣдованными литературными традиціями, подвергши ихъ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ. Гуманисты пользуются или литературными формами, завѣщанными античнымъ міромъ и только сохраненными средневѣковымъ христіанствомъ, или тѣми, которыя сложились въ предшествующую эпоху. Но они передѣлываютъ ихъ соотвѣтственно съ потребностями своего времени. Въ эпоху Возрожденія обѣ традиціи оказываютъ вліяніе другъ на друга, и позже это взаимодѣйствіе, усиливаясь съ теченіемъ времени, привело къ тому, что античная литература въ своихъ жизненныхъ элементахъ сдѣлалась національнымъ достояніемъ новой Европы, хотя оба направленія еще долго держались, какъ самостоятельныя литературныя теченія[2]). Такимъ образомъ получается слѣдующая схема „литературной эволюціи“ въ эпоху Ренесанса: классическая и національная традиціи, видоизмѣненныя подъ вліяніемъ индивидуализма, приходятъ во взаимодѣйствіе и производятъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ явленій. Проф. Карѣевъ иллюстрируетъ свое положеніе на литературной дѣятельности Данте и Петрарки. Авторъ „Божественной Комедіи“ стоитъ внѣ нашихъ интересовъ; что касается до Петрарки, то его отношеніе къ обѣимъ традиціямъ формулировано совершенно вѣрно. „Древняя литература тѣмъ и привлекала Петрарку, говоритъ г. Карѣевъ, что онъ въ ней находилъ выраженіе мыслей и настроеній, которыя соотвѣтствовали совершенно новому его душевному складу“. Съ другой стороны — „продолжая въ своихъ пѣсняхъ традицію трубадуровъ, воспѣвая любовь въ найденныхъ ими формахъ, онъ воспроизводитъ уже не ту любовь, которую воспѣвали провансальцы и его итальянскіе предшественники... Вся оригинальность Canzoniere Петрарки въ томъ, что здѣсь въ первый разъ поэзія дѣлается откровеніемъ человѣческой души со всей ея борьбой, со всѣми ея скорбями и противорѣчіями“[3]). Это видоизмѣненіе традицій подъ вліяніемъ новаго настроенія составляетъ существенное содержаніе не только ли-

[1]) Ibid. p. 188.
[2]) Ibid. p. 225 и слѣд.
[3]) Ibid. p. 221 и 222.

тературной, но и культурной исторіи Ренесанса. Къ сожалѣнію, г. Карѣевъ, вынужденный общей цѣлью своей книги „намѣчать, а не описывать и не разсказывать“[1]), обходитъ молчаніемъ гуманистическую литературу XV вѣка, и его формула по отношенію къ ней остается апріорнымъ построеніемъ[2]).

Несмотря на цѣлый рядъ не точностей и неясностей въ общемъ взглядѣ на Ренесансъ, историки всеобщей литературы оказали важную услугу изученію гуманистическаго движенія. Еще въ XVIII столѣтіи Андресъ и Бутервекъ боролись противъ неправильнаго отношенія къ существеннымъ вопросамъ въ исторіи Возрожденія, и замѣчанія послѣдняго о несправедливости обвиненій античныхъ писателей за литературное затишье первой половины XV вѣка принадлежатъ къ числу самыхъ тонкихъ наблюденій въ исторіографіи Ренесанса. Въ XIX столѣтіи историкамъ литературы, несмотря на частныя ошибки, удалось тѣмъ не менѣе опредѣлить отличительныя черты гуманистической литературы, и они совершенно справедливо поставили ее во главѣ литературнаго процесса новаго времени.

VIII.

Отношеніе къ Ренесансу историковъ классической филологіи, исторіографіи, права и педагогическихъ идей. Геренъ и Бурсіанъ; Вахлеръ и Вегеле; Вейтцель и Савиньи; Раумеръ и Карлъ Шмидтъ. Общіе результаты изученія Возрожденія съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Индивидуалистическое настроеніе, характеризующее эпоху Ренесанса, отразилось въ интересѣ гуманистовъ къ научной и педагогической дѣятельности. Кромѣ философіи и поэзіи, ихъ наиболѣе любимымъ занятіемъ было филологическое и историческое изученіе древняго міра, при чемъ выработанные на этихъ занятіяхъ научные пріемы, они прилагали къ изученію современности и недавняго прошлаго. Вслѣдствіе этого историки классической филологіи и исторіографіи не могутъ обходить молчаніемъ гуманистическаго движенія. Такъ, самый ранній изъ изслѣдователей первой категоріи *Геренъ* отводитъ видное мѣсто гуманизму въ своей двухтомной „*Исторіи*

---

[1]) Ibid. p. 190.

[2]) Проф. Карѣевъ мимоходомъ говоритъ и объ относительной силѣ обѣихъ литературныхъ традицій послѣ Петрарки и Боккаччіо; но здѣсь онъ повторяетъ обычное преувеличеніе вліянія латинскаго языка и литературы въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія (Ibid. p. 226—228).

изученія классической литературы“[1]). Въ первомъ ея томѣ Геренъ поставилъ себѣ задачей сдѣлать обзоръ событій, имѣвшихъ вліяніе на развитіе классическихъ знаній, и дать краткую характеристику лицъ, содѣйствовавшихъ этому развитію въ Средніе вѣка, отъ V до XIV вѣка включительно. При такой широкой задачѣ обозрѣніе по необходимости отличается краткостью и крайне общимъ характеромъ. Нѣсколько подробнѣе останавливается Геренъ на Петраркѣ и, опираясь на книгу де-Сада, сочиненіе котораго онъ называетъ классическимъ для всей литературы этого періода, излагаетъ его біографію въ панегирическомъ тонѣ. О другихъ гуманистахъ XIV вѣка онъ говоритъ кратко и отмѣчаетъ только ихъ труды по изученію древности. Второй томъ, обнимающій XV вѣкъ, распадается на три отдѣла: въ первомъ Геренъ описываетъ развитіе классическихъ знаній главнымъ образомъ въ различныхъ городахъ Италіи, а также и по сю сторону Альпъ, во второмъ излагаетъ біографіи грековъ, переселившихся въ Италію, и итальянскихъ гуманистовъ, въ третьемъ— развитіе самаго изученія классическихъ знаній и его вліяніе на другія науки. Для фактической исторіи эпохи Геренъ даетъ очень немного; опираясь преимущественно на Тирабоски, онъ приводитъ иногда отрывки изъ переписки того или другого гуманиста; но эти краткія выдержки не представляютъ значительнаго интереса. Кромѣ того, фактическія свѣдѣнія, приведенныя въ книгѣ, не подвергались критической провѣркѣ и поэтому весьма часто ошибочны[2]). Но заслуга Герена заключается, во-первыхъ, въ новомъ пріемѣ изслѣдованія эпохи: онъ не только описываетъ явленіе, но старается найти его причины. Отмѣчая быстрое развитіе въ XV вѣкѣ классическихъ знаній, Геренъ тщательно перечисляетъ всѣ обстоятельства, крупныя и мелкія, которыя могли оказать на это вліяніе. „Духъ націи могъ свободнѣе развиваться“, по его мнѣнію, во-первыхъ потому, что Италія въ это время пользовалась политическою независимостью извнѣ и спокойствіемъ внутри; во-вторыхъ, этому содѣйствовало многообразіе поли-

---

[1]) *A. H. L. Heeren, Geschichte des Studiums der classischen Litteratur seit dem Wiederaufleben der Wissenschaften. Mit einer Einleitung, welche die Geschichte der Werke der Classiker im Mittelalter enthält. I. Band. Göttingen 1797.* Второй томъ, появившійся нѣсколько позже, озаглавленъ иначе. *Geschichte der Künste und Wissenschaften seit der Wiederherstellung derselben bis an das Ende des XVIII. Jahrhunderts. Von einer Gesellschaft gelehrter Männer ausgearbeitet. IV. Abtheilung. Philologie. I. Geschichte des Studiums der griechischen und römischen Litteratur von Heeren. II. Band. Göttingen 1801.*

[2]) Напр., по словамъ Герена, Л. Бруни служилъ папамъ Мартину V и Евгенію IV, II, p. 68 и 69, тогда какъ послѣ Констанскаго собора онъ не возвращался въ Римъ. Или онъ называетъ учителемъ Валлы Марсуппини, p. 216 и т. д.

тическихъ формъ и сложныя дипломатическія отношенія, требовавшія тонкости и гибкости ума. Извѣстную роль играло при этомъ тогдашнее положеніе Византіи, которое влекло ее къ Италіи и содѣйствовало литературной связи между Востокомъ и Западомъ. Но Геренъ чувствуетъ, что всего этого не достаточно для полнаго объясненія движенія, и останавливается передъ нимъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. „Изслѣдователь исторіи всякаго искусства и науки, говоритъ онъ, какъ бы глубоко ни проникалъ его взоръ, всегда увидитъ себя вынужденнымъ признаться, что въ извѣстные періоды быстрый расцвѣтъ многихъ отраслей литературы не можетъ быть вполнѣ объясненъ изъ существующихъ внѣшнихъ условій; но что это есть слѣдствіе другихъ болѣе глубоко лежащихъ причинъ, или, если можно такъ выразиться, дѣло случая. Къ этому замѣчанію можно отнести и возобновившееся тогда изученіе классиковъ въ Италіи" [1]). Естественно, что при тогдашнемъ состояніи историческаго знанія, Геренъ не могъ найти разгадки этого случая, которая заключалась въ настроеніи тогдашняго общества. Но онъ пытался заглянуть въ душу изображаемыхъ имъ дѣятелей и тамъ найти нѣкоторое объясненіе занимавшаго его явленія. Гуманизмъ сдѣлался политической силой, и Геренъ показываетъ, какъ интересы демагоговъ, тиранновъ и князей, стремившихся прежде всего къ блеску, должны были дѣйствовать на развитіе изученія древности. Классическая наука вошла въ составъ свѣтскаго образованія и сдѣлалась общественной модой; но авторъ не довольствуется такимъ объясненіемъ и желаетъ найти психическую подкладку этого явленія. Онъ отмѣчаетъ вліяніе страсти собирать какіе-либо предметы, которая отъ препятствій возгарается и переходитъ въ настоящій энтузіазмъ. „Можно съ увѣренностію сказать, говоритъ онъ, что если бы пріобрѣтеніе рукописей классиковъ было связано тогда съ меньшимъ расходомъ, съ меньшими издержками, то ихъ изученіе не сдѣлало бы такихъ успѣховъ" [2]). Еще менѣе удовлетворительны объясненія Герена, когда ему приходится говорить о настроеніи самихъ гуманистовъ. Онъ очень мѣтко указываетъ внѣшнія причины, усиливавшія ихъ дѣятельность. Ихъ положеніе было непрочно и зависѣло отчасти отъ каприза мецената, а главнымъ образомъ отъ собственной славы, пропорціонально которой платилось жалованье. Въ связи съ этимъ стоятъ съ одной стороны обширныя связи гуманистовъ и ихъ огромная переписка, съ другой — обильная литературная дѣятельность, а также и жаркая полемика. Но Геренъ

---

[1]) B. II, p. 4.
[2]) Ibid. p. 8.

пытается указать и другія причины интереса къ античной литературѣ. „Хотя геній и въ этой наукѣ всегда сохраняетъ свои права, однако существуетъ не много спеціальностей, въ которыхъ и посредственная голова, если только нѣтъ недостатка въ прилежаніи, можетъ славою своей учености достигнуть извѣстной степени отличія и даже пріобрѣсть большую извѣстность. Подобными примѣрами далеко не бѣденъ и этотъ періодъ“[1]). Подъ это ядовитое объясненіе не подходятъ весьма многія и самыя интересныя личности среди гуманистовъ. Другая заслуга Герена заключается въ попыткѣ намѣтить внутреннюю исторію изученія древности, показать разницу въ отношеніи къ ней изслѣдователей. Вопросъ о роли античной литературы и культуры въ міровоззрѣніи итальянскихъ гуманистовъ имѣетъ огромную важность для исторіи эпохи. Но его рѣшеніе стоитъ въ неразрывной связи съ изученіемъ тогдашняго настроенія общества, именно съ той причиной движенія, которая осталась непонятной для Герена; тѣмъ не менѣе его замѣчанія очень интересны и въ общемъ вѣрны. „Въ средніе вѣка изучали древнюю литературу ради языка, а не содержанія“[2]), говоритъ онъ; въ эпоху Возрожденія цѣлью этого изученія было „образованіе духа“ (Bildung des Geistes): „учились латыни не для того, чтобы понимать пандекты, и греческому языку, — чтобы разумѣть новый Завѣтъ; классическая литература была тогда гораздо менѣе вспомогательной наукой, чѣмъ она сдѣлалась потомъ. Ее изучали прежде всего ради нея самой. Древнихъ писателей и поэтовъ разсматривали, какъ совершеннѣйшіе образцы и логики и вкуса. У нихъ хотѣли научиться и правильно мыслить, и изящно выражаться“[3]). Эго послѣднее замѣчаніе, совершенно вѣрное для извѣстнаго періода, неприложимо однако не только ко всей эпохѣ Возрожденія, но и къ XV столѣтію. Оно показываетъ только, что сочиненія гуманистовъ не вполнѣ поняты и недостаточно оцѣнены авторомъ. То же самое проявляется и въ послѣднихъ параграфахъ 2-го тома, гдѣ говорится о вліяніи изученія древности на другія науки. Геренъ отвергаетъ его существованіе тамъ, гдѣ оно не бросается въ глаза съ разу, какъ въ богословіи и правѣ, и не указываетъ его сущности въ исторіографіи и философіи. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, книга Герена въ свое время сослужила важную службу, потому что возбуждала интересъ къ Ренесансу и давала достаточный фактическій матеріалъ для первоначальнаго

---

1) Ibid. p. 7.
2) B. I, p. 258.
3) B. II, p. 278, 279.

съ нимъ ознакомленія. Въ XIX столѣтіи итальянскіе гуманисты не нашли такого изслѣдователя, какъ Геренъ, потому что новый историкъ классической филологіи К. Бурсіанъ ограничивается въ своей книгѣ одной Германіей и посвящаетъ нѣсколько неважныхъ страницъ только тѣмъ представителямъ итальянскаго Ренесанса, которые были проводниками новаго движенія въ Германію[1]). Въ нашу задачу не входитъ обзоръ спеціально-филологической литературы о заслугахъ отдѣльныхъ гуманистовъ въ исторіи изученія классическихъ языковъ и грамматики. Что же касается до выясненія общаго характера Возрожденія и его отношенія къ древности, то Геренъ не нашелъ себѣ преемниковъ среди позднѣйшихъ филологовъ.

Немногимъ болѣе сдѣлали для гуманизма историки нашей науки. Съ наибольшей обстоятельностью говоритъ объ историкахъ-гуманистахъ *Вахлеръ* въ своей *„Исторіи историческаго изслѣдованія и искусства“*. Вахлеръ даетъ общую характеристику тогдашней исторіографіи, объясняетъ ея особенности современнымъ политическимъ строемъ и общественными теченіями и перечисляетъ историковъ этой эпохи съ краткою оцѣнкой ихъ произведеній. Ниже мы разсмотримъ его приговоры объ отдѣльныхъ гуманистахъ и остановимся теперь только на его общихъ замѣчаніяхъ. Вахлеръ распредѣляетъ гуманистическую исторіографію по двумъ періодамъ: первый съ конца XIII до первой четверти XV столѣтія, и второй до конца XV вѣка. Исторіографія перваго періода слагалась подъ вліяніемъ главнымъ образомъ политической и моральной дѣйствительности, которая своими темными сторонами только возбуждала одушевленіе и придавала силу современнымъ историкамъ. Политическій и моральный упадокъ вызывали по его словамъ, „серьезное стремленіе наказать и улучшить настоящее живымъ воспроизведеніемъ прошлаго“; политическое разъединеніе и борьба партій возбуждали „надежду соединить раздѣленные народы и государства, противорѣчивые политическіе интересы въ общемъ патріотическомъ чувствѣ“. „Исторія перестаетъ быть посредственной передатчицей случившихся событій, сознаетъ свои высшія цѣли и почти непосредственное вліяніе на общественную мысль и волю. Многіе предразсудки отпали, иные искоренены развивающимся ростомъ знаній; взгляды стали болѣе свободными и болѣе широкими“[2]). Дальнѣйшее изложеніе Вахлера при своей краткости не даетъ фактическаго подтвержденія этой характеристики; но ея общій тонъ

[1]) *Conrad Bursian, Geschichte der classischen Philologie in Deutschland von den Anfängen bis zur Gegenwart. München und Leipzig 1883*, p. 91 и слѣд.

[2]) *L. Wachler, Geschichte der historischen Forschung und Kunst seit der Wiederherstellung der litterärischen Cultur in Europa. I. Band. Göttingen 1813*, p. 42.

вѣренъ. Иное дѣло причины переворота въ историографіи. Тѣ отрицательныя явленія въ современной дѣйствительности, въ которыхъ Вахлеръ видитъ исключительную причину прогресса исторической науки, не могли одни и сами по себѣ оказать на нее столь благотворнаго вліянія. Основы переворота, очевидно, лежали глубже, чѣмъ думаетъ Вахлеръ. Гораздо научнѣе характеристика Вахлера пріемовъ изслѣдованія и изложенія у историковъ этого періода. Совершенно вѣрно отмѣчаетъ онъ у нихъ лучшее знаніе человѣка и жизни, а въ то же время нѣкоторую изысканность и декламацію въ изложеніи и такую подражательность античнымъ писателямъ, что указать образецъ для даннаго произведенія не представляетъ никакого затрудненія. Они стремятся къ живости и занимательности изложенія, впадаютъ иногда въ тонъ новеллистовъ, но это не мѣшаетъ имъ заботиться о точности и добросовѣстности изслѣдованія[1]). Эта характеристика можетъ быть подтверждена источниками и вполнѣ соотвѣтствуетъ основному характеру Ренесанса.

Слабѣе оцѣнка историографіи второго періода. Вахлеръ обращаетъ вниманіе только на усилившееся подражаніе древнимъ образцамъ[2]), совсѣмъ не отмѣчая, что за этотъ періодъ увеличивается количество біографической литературы и что замѣтно падаетъ безпристрастіе въ историческихъ сочиненіяхъ о недавнемъ прошломъ. Но характеристика пріемовъ изслѣдованія и изложенія и здѣсь сохраняетъ прежнія достоинства. Такъ, Вахлеръ вѣрно считаетъ отсутствіе всемірно-историческихъ обзоровъ „хорошимъ признакомъ лучшаго историческаго вкуса“ [3]) и отмѣчаетъ въ исторіяхъ современныхъ событій политическую опытность и знаніе дѣла, при чемъ подражаніе классикамъ ограничивалось языкомъ и расположеніемъ матеріала, а цѣлью авторовъ служитъ беспристрастное „поученіе объ истинномъ интересѣ властителей и государствъ, предостереженіе противъ ложныхъ мѣръ и побужденіе къ патріотизму и храбрости“ [4]). У историковъ отдѣльныхъ городовъ Вахлеръ находитъ и другія цѣли: благодарность меценату, признательность извѣстной фамиліи или одному ея члену и т. п.; но это не мѣшаетъ ему находить у историковъ Милана и Венеціи „заботливое пользованіе документами и актами“, у флорентійцевъ — „точное знаніе народнаго настроенія и политическихъ партій“; у неаполитанцевъ и римлянъ „вѣрную характеристику правителей и двора“ [5]).

---

1) Ibid. p. 46.
2) Ibid. p. 91 и 106.
3) Ibid. p. 106.
4) Ibid. p. 116—118.
5) Ibid. p. 124—125.

Эту картину гуманистической историографіи нельзя назвать фальшивой, потому что всѣ указанныя черты встрѣчаются у тогдашнихъ историковъ; но Вахлеръ затушевалъ недостатки, поэтому освѣщеніе получается не вполнѣ точное. Одни писанія какого-нибудь Порчелло способны наложить тѣнь на гуманистическую историографію, а онъ не былъ, какъ мы увидимъ, единственнымъ историкомъ въ этомъ родѣ. Впрочемъ самъ Вахлеръ нѣсколько исправляетъ свой очеркъ замѣчаніями относительно тогдашняго состоянія вспомогательныхъ для исторіи дисциплинъ. Такъ, хронологія обыкновенно или совершенно игнорируется, или сильно страдаетъ въ историческихъ сочиненіяхъ этого періода[1]; собираніе надписей, монетъ и вообще монументальныхъ памятниковъ уже началось и производилось съ большимъ усердіемъ; но оно едва вышло изъ состоянія простого коллекціонерства и не оказывало еще вліянія на историографію[2]); историческая критика едва зародилась и не нашла еще систематическаго приложенія въ историческихъ произведеніяхъ[3]). Съ этими замѣчаніями за исключеніемъ послѣдняго нельзя не согласиться. Что касается до исторической критики въ эту эпоху, то Вахлеръ цѣнитъ ее слишкомъ низко больше по апріорнымъ соображеніямъ. „Для исторической критики, говоритъ онъ, Италія не имѣла еще достаточной литературной зрѣлости и свободы. Философія прибѣгала къ вѣрѣ и старалась иногда обойтись только фантазіей. Благородный духъ сомнѣнія не имѣлъ еще надъ ней никакой силы. Предразсудки религіи, глубоко и непосредственно вошедшіе въ духовную жизнь, господствовали надъ нею и теперь, какъ прежде, и энтузіазмъ къ классической древности робко устранялъ хладнокровное изслѣдованіе объ истинномъ и ложномъ, о подлинномъ и неподлинномъ, какъ святотатственный грѣхъ противъ священнаго остатка безсмертной эпохи, и за удивленіемъ передъ внѣшней формой и за подражаніемъ ей часто забывалъ критику содержанія“[4]). Правда, что такихъ критиковъ, какъ Валла, было не много среди итальянскихъ гуманистовъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они были лишены аналогичнаго настроенія. Разсужденія Вахлера построены отчасти на шаткихъ, отчасти на невѣрныхъ основаніяхъ. Прежде всего, гуманисты пользовались сравнительно широкой свободой, и многія ихъ произведенія, осужденныя позже на Тридентскомъ соборѣ, ранѣе читались безпрепятственно. Гуманистическая философія (точнѣе говоря, мораль, потому что другими ея сторонами до второй половины XV

¹) Ibid. p. 92.
²) Ibid. p. 97 и 101—102.
³) Ibid. p. 102—103 и 105.
⁴) Ibid. p. 102—103.

вѣка мало интересовались) требовала ранѣе всего критики, потому что приходилось примирять отжившее и традиціонное съ новыми потребностями, наилучшее выраженіе которыхъ можно было найти только у языческихъ авторовъ. Наконецъ, средневѣковое міросозерцаніе, конечно, было плохой школой для критическаго воспитанія; но увлеченіе древней литературой началось *критикою* рукописей, и почти цѣлое столѣтіе критическое отношеніе къ содержанію античныхъ авторовъ красной нитью проходитъ черезъ гуманистическія произведенія и по понятной причинѣ: и въ античной литературѣ были различныя теченія, а кромѣ того, ихъ приходилось примирять съ католицизмомъ. Если гуманистическая критика не устранила господствовавшихъ въ исторіографіи ошибокъ и подлоговъ, то это обусловливалось трудностью дѣла, а не отсутствіемъ у гуманистовъ критическихъ тенденцій.

Но не смотря на нѣкоторую невѣрность окраски, сдѣланная Вахлеромъ характеристика гуманистической исторіографіи имѣетъ научную цѣну. Къ сожалѣнію, его выводы недостаточно подтверждены фактическими данными, такъ какъ самый разборъ гуманистическихъ произведеній слишкомъ кратокъ. Вслѣдствіе этого характеристики Вахлера представляютъ собою скорѣе программу для изслѣдованія гуманистической исторіографіи, чѣмъ его научные результаты. Тѣмъ не менѣе Вахлеръ говоритъ о гуманизмѣ обстоятельнѣе своихъ преемниковъ[1]). Можно было бы ожидать, что итальянскій изслѣдователь исторіографіи *Габріэль Роза* съ особеннымъ вниманіемъ остановится на своихъ соотечественникахъ-гуманистахъ. Онъ признаетъ, что они „проложили путь глубокому знанію исторіи и достоинству, силѣ и независимости мысли,“[2]); но посвящаетъ имъ очень немного и совершенно незначительныхъ страницъ, выдвигая почему-то на первый планъ на ряду съ Марсиліо Фичино и Анжело Полиціано одного только Поджіо[3]).

Несравненно болѣе цѣны имѣютъ замѣчанія о гуманизмѣ историка нѣмецкой исторіографіи *Вегеле,* хотя фактическихъ подробностей у него еще меньше, чѣмъ у Вахлера. Несмотря на то, что Вегеле имѣетъ въ виду исключительно свою національную исторіографію, онъ

---

[1]) Впрочемъ, книга *Lambert'a (Histoire des histoires)* мнѣ извѣстна только по заглавію. Сочиненіе Гервинуса о флорентійской исторіографіи будетъ разсмотрѣно ниже.

[2]) *Gabriele Rosa, Storia generale delle storie. Seconda edizione riveduta e coretta. Milano-Napoli 1873,* p. 254.

[3]) Ibid. 255. Для образца его приговоровъ можно привести слѣдующій: Se Dante ghibellino pendeva per l'impero romano, Petrarca guelfo preferiva la repubblica di Livio, di Sallustio etc. p. 254.

не считаетъ возможнымъ обойти молчаніемъ Возрожденіе. Гуманизмъ, по его словамъ, „вызываетъ къ жизни ученую, отчасти уже критическую исторіографію, закаляетъ ее на образцахъ вновь пробужденной древности и въ то же время направляетъ ее на служеніе національнымъ мотивамъ и интересамъ, другими словами, реформируетъ ее“. Средневѣковая исторіографія, по мнѣнію Вегеле, далека отъ насъ, потому что она продуктъ давно пережитой культуры и чуждаго намъ теперь міросозерцанія; только съ эпохи Возрожденія историческія произведенія становятся „близкими намъ духовно и по-человѣчески“[1]). Эта заслуга прежде всего оказана итальянскимъ гуманизмомъ, „который ранѣе всего преобразовалъ міръ и положилъ основаніе новому міросозерцанію“[2]). Отмѣтивши, что итальянская исторіографія и ранѣе Ренесанса освободилась въ лицѣ Дж. Виллани отъ многихъ недостатковъ предшествовавшей эпохи, Вегеле тѣмъ не менѣе вполнѣ признаетъ важное вліяніе въ этой сферѣ гуманизма. Благодаря ему, античная исторіографія получила впервые научную обработку по первоначальнымъ источникамъ, и выработанные ею методы нашли приложеніе въ изслѣдованіяхъ по другимъ эпохамъ. Кромѣ того, гуманистическое движеніе расширило формы историческихъ произведеній, введя въ нихъ біографію, автобіографію и мемуары, и создало болѣе широкіе горизонты для общихъ воззрѣній историковъ, открывъ въ античномъ мірѣ новый и обширный объектъ для историческаго изученія[3]). Наконецъ, Вегеле примыкаетъ къ мнѣнію Буркгардта, что изученіе античнаго міра пріучало гуманистовъ „къ объективному историческому интересу“ и помогало имъ научнѣе относиться къ ближайшимъ эпохамъ, какъ въ наше время изученіе средневѣковой исторіи помогаетъ предохраниться отъ односторонности при изученіи новаго періода[4]). Ниже мы обстоятельно разсмотримъ этотъ взглядъ Буркгардта; теперь достаточно замѣтить, что аналогія Вегеле не вполнѣ вѣрна, такъ какъ гуманисты относились къ древнему міру иначе чѣмъ большинство новыхъ историковъ относится къ Среднимъ вѣкамъ.

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, Вегеле приводитъ нѣсколько коротенькихъ характеристикъ гуманистическихъ историковъ, начиная съ Петрарки и кончая Коччіо; но это только примѣры, иллюстрирующіе мысль автора, а не фактическая основа его общихъ положеній. Выводы Вегеле сохраняютъ апріорный характеръ, и научная

---

[1]) *Franz X. von Wegele, Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München und Leipzig 1885,* p. 5.

[2]) Ibid. p. 30.

[3]) Ibid. p. 31 и 32.

[4]) Ibid. p. 35.

исторія гуманистической исторіографіи еще ждетъ своего изслѣдователя. То же самое можно сказать и о философіи исторіи этой эпохи. Большая часть историковъ этой отрасли историческаго знанія или обходятъ Ренесансъ совершеннымъ молчаніемъ[1]), или, держась біографическаго метода, останавливаются только на нѣкоторыхъ гуманистахъ, преимущественно на Макіавелли, и совершенно игнорируютъ представителей Возрожденія до половины XV вѣка. Тѣ изъ нихъ, которые, останавливаются на этой эпохѣ, ограничиваются немногими замѣчаніями. Такъ, Рохолль говоритъ: „причины возрожденія наукъ и искусствъ древнихъ извѣстны. Это возрожденіе древности создало новаго человѣка. Образъ человѣка въ его достоинствѣ выступаетъ на первый планъ въ воззрѣніяхъ". Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько строкъ о Пико-делла-Мирандола и Валлѣ[2]).

Отношеніе итальянскихъ гуманистовъ къ государственнымъ наукамъ, къ праву и въ частности къ изученію римскаго права — также одинъ изъ наименѣе затронутыхъ вопросовъ и общею литературой, и спеціальной исторіографіей этой эпохи. Немногочисленные историки политическихъ ученій обходятъ абсолютнымъ молчаніемъ гуманистовъ, за исключеніемъ Макіавелли. *Вейтцель*, въ первомъ томѣ своей „*Исторіи государственныхъ наукъ*" посвящаетъ гуманизму двѣ страницы, преисполненныхъ самыми превратными сужденіями. Усвоивъ ошибочный взглядъ Сисмонди на Возрожденіе, Вейтцель доводитъ его до крайнихъ нелѣпостей. По его мнѣнію, изученіе древности было занесено въ Италію греческими бѣглецами и только „задержало ходъ истиннаго образованія". Гуманисты представляются ему „кастою, какъ въ Египтѣ"; ихъ „наука стала сухимъ буквоѣдствомъ, пустою болтовней (Zungendreschen), труднымъ изслѣдованіемъ ненужныхъ вопросовъ" и т. д. Свои разсужденія Вейтцель заканчиваетъ самымъ рѣзкимъ приговоромъ о гуманизмѣ, какой только существуетъ въ литературѣ: онъ называетъ гуманистическую науку „мудростью, въ которую переодѣлась глупость и которая сдѣлалась достояніемъ дураковъ и педантовъ"[3]).

Совершенно иначе относится къ Ренесансу *Савиньи* въ своей классической „*Исторіи римскаго права въ Средніе вѣка*". По его

---

[1]) Итальянскіе историки философіи исторіи не составляютъ исключенія. Такъ *Fontana* начинаетъ свою книгу „*La filosofia della storia nei pensatori italiani Imola 1873*" съ Vico.

[2]) *Rocholl, Die Philosophie der Geschichte. Darstellung und Kritik der Versuche zu einem Aufbau derselben. Göttingen 1878*, p. 40.

[3]) *Weitzel, Geschichte der Staatswissenschaft. I. Theil. Stuttgart und Tübingen 1832* p. 131—132.

мнѣнію, посредствомъ гуманизма юридическая наука была „вновь оживлена, облагорожена и многосторонне обогащена, не будучи вынужденной при этомъ отказаться отъ духовнаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго въ теченіе четырехъ столѣтій“ [1]). Заслуга Возрожденія въ этой реформѣ юриспруденціи заключалась, по словамъ Савиньи, въ освобожденіи отъ „традиціонныхъ оковъ“, которое совершено было какъ посредствомъ историческаго изученія права, такъ и путемъ философской его критики и послужило въ сущности основаніемъ для новой науки [2]). Савиньи не преувеличиваетъ непосредственнаго вліянія гуманизма на изученіе права; онъ видитъ его замѣтные результаты только черезъ два столѣтія послѣ начала движенія и объясняетъ такую медленность тою организаціей, которую получило изученіе и преподаваніе права въ Средніе вѣка. Замкнутостью сословія юристовъ и оцѣпенѣлостью ихъ научныхъ пріемовъ объясняется, по его мнѣнію, и тотъ интересный фактъ, что сами гуманисты, если они были юристами по спеціальности, какъ напримѣръ Франческо Аретино, не вносили новаго духа въ изученіе права [3]). Но отсутствіе замѣтнаго непосредственнаго вліянія Ренесанса на право не мѣшаетъ Савиньи называть нѣкоторыхъ гуманистовъ „предшественниками новой школы“ въ юриспруденціи. Характеристика заслугъ этихъ „предшественниковъ“ [4]) слишкомъ кратка; вообще можно сказать, что наличная гуманистическая литература даетъ гораздо больше матеріала для этого вопроса, чѣмъ было извѣстно, повидимому, Савиньи. Ниже мы увидимъ, что весьма многіе изъ наиболѣе крупныхъ гуманистовъ касались вопросовъ права не только по историческимъ и философскимъ побужденіямъ, но и въ силу практическихъ соображеній. Тѣмъ не менѣе несомнѣнную заслугу Савиньи составляетъ правильная постановка вопроса объ отношеніи гуманизма къ праву и его общее рѣшеніе, которое можетъ послужить программою для другихъ изслѣдователей [5]).

Точно такъ же оцѣниваетъ вліяніе Ренесанса на юриспруденцію *Штинтцингъ,* касаясь итальянскаго гуманизма въ своей *„Исторіи*

---

[1]) *F. C. Savigny, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Sechster Band. 2. Ausgabe. Heidelberg 1850*, p. 1—2.

[2]) Ibid. p. 419.

[3]) Ibid. p. 10—12.

[4]) Изъ занимающей насъ эпохи Савиньи относитъ къ числу предшественниковъ новой школы слѣдующихъ гуманистовъ: Траверсари, Никколи, Веджіо и Валлу.

[5]) Сколько намъ извѣстно, Савиньи еще ждетъ себѣ преемника для исторіи права въ гуманистическую эпоху. Работы Fiting'а не доходятъ въ настоящее время еще и до половины Среднихъ вѣковъ.

нѣмецкой юриспруденціи". Опредѣливъ существенный характеръ гуманистическаго движенія, какъ „освобожденіе индивидуума отъ традиціонныхъ оковъ въ мышленіи и знаніи, въ религіи и въ нравственныхъ воззрѣніяхъ", какъ „разрывъ съ авторитетомъ традицій" и какъ „возвращеніе знанія къ его первоначальному чистому источнику", Штинтцингъ приходитъ къ убѣжденію, что „гуманизмъ, Реформація и возрожденіе юриспруденціи — родственныя явленія"[1]). Отрицая, подобно Савиньи, непосредственное вліяніе гуманизма на право въ XIV и XV ст., онъ подчеркиваетъ главнымъ образомъ не недостатки тогдашней юриспруденціи, а враждебное отношеніе къ ней представителей Ренесанса. По его словамъ, гуманисты относились къ праву съ бóльшей враждой, чѣмъ къ какой-либо другой схоластической дисциплинѣ[2]), и въ этомъ, повидимому, онъ видитъ главную причину медленности вліянія. Но съ такимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Изъ гуманистическихъ рѣчей и переписки видно, что вражда къ праву не была признакомъ всѣхъ представителей Ренесанса, и что Франческо Аретино не былъ единственнымъ гуманистически образованнымъ юристомъ. Медленность реформы вѣрнѣе всего обусловливалась ея трудностью и сложностью, такъ какъ она должна была захватить не только науку права, но и юридическую практику.

Съ несравненно бóльшимъ интересомъ, чѣмъ къ праву, относились гуманисты къ педагогіи: большая часть изъ нихъ сами преподавали новую науку или ex officio, за опредѣленное вознагражденіе, или изъ любви къ дѣлу, а нѣкоторые, кромѣ того, писали теоретическіе трактаты о воспитаніи. Поэтому историки педагогическихъ теорій и практической педагогіи не могутъ игнорировать гуманистическаго движенія, и въ виду тѣсной связи задачъ воспитанія съ основными воззрѣніями на человѣческую природу и жизнь, педагогическія теоріи Ренесанса представляютъ большой интересъ для пониманія сущности гуманистическаго движенія. Но съ этой стороны эпоха Возрожденія изслѣдована еще весьма недостаточно. Въ нѣкоторыхъ историческихъ обзорахъ педагогики о гуманизмѣ упоминается вскользь и при обзорѣ средневѣковыхъ школъ[3]); въ болѣе обширныхъ трудахъ гуманизму отводится подобающее мѣсто. Такъ, *Раумеръ* въ своей „*Исторіи педагогики*" отводитъ итальянскому Ренесансу четыре главы, которыя

---

[1]) *R. Stintzing, Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. 1 Abtheilung. München und Leipzig 1880,* p. 89—90.

[2]) Ibid. p. 89—90.

[3]) *Fr. Körner, Geschichte der Pädagogik von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Leipzig 1857,* p. 99.

представляютъ однако весьма мало интереса. Въ нихъ авторъ даетъ коротенькія біографическія замѣтки о нѣкоторыхъ гуманистахъ, составленныя по большей части безъ непосредственнаго знакомства съ источниками[1]). Систематическаго изложенія педагогическихъ воззрѣній гуманистовъ въ книгѣ нѣтъ; не упомянуты даже спеціальные трактаты по воспитанію. Нѣкоторый интересъ представляетъ попытка Раумера намѣтить фазисы развитія гуманистическаго движенія въ Италіи и указать характерные его признаки. Сущность Ренесанса ему не ясна: онъ склоненъ видѣть ее въ увлеченіи древностью. Поэтому Данте фигурируетъ у него среди гуманистовъ, и его воззрѣнія качественно не отличаются отъ взглядовъ Петрарки[2]). Изъ увлеченія древностью выводятся и остальныя явленія Ренесанса: Платонъ возбудилъ „энтузіазмъ къ красотѣ“ и „отвращеніе къ схоластикѣ“, которое возрасло еще болѣе, когда ознакомились съ подлиннымъ Аристотелемъ[3]). Къ этой хронологической путаницѣ присоединяется фантастическое представленіе о религіозномъ настроеніи гуманистовъ. Идя по слѣдамъ католическихъ писателей, Раумеръ, съ одной стороны, забываетъ, что средневѣковой католицизмъ не исчерпываетъ христіанства, а съ другой — не видитъ психологической причины увлеченія древностью. „Живая любовь къ древности, говоритъ онъ, рано или поздно должна была привести къ конфликту съ христіанской вѣрой“[4]). Любовь къ древней литературѣ представляется Раумеру, какъ неизбѣжный паганизмъ, и міровоззрѣніе гуманистовъ является какимъ-то психологическимъ абсурдомъ. „Языческое настроеніе, говоритъ онъ, языческая жизнь, языческія сочиненія характеризуютъ многихъ итальянскихъ ученыхъ; но весьма часто все это страннымъ образомъ соединено съ церковной вѣрой и благочестивымъ энтузіазмомъ“[5]). Нельзя указать ни одного гуманиста, который подходилъ бы подъ эту характеристику. Раумеръ не замѣчаетъ въ Ренесансѣ индивидуалистическаго движенія, которое и представляетъ главный интересъ въ теоріяхъ и практикѣ тогдашнихъ педагоговъ.

---

[1]) Въ біографіи Петрарки, а также въ замѣчаніяхъ о Поджіо и Валлѣ, авторъ пользуется нѣкоторыми ихъ произведеніями. См. *K. von Raumer. Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit. I Theil. 2-te Auflage. Stuttgart 1846,* p. 17—27 и 39—43. Но страннымъ образомъ біографіи педагоговъ по преимуществу, какъ Гуарино и Витторино, заимствованы изъ вторыхъ, даже изъ третьихъ рукъ. Ibid. p. 32—35.

[2]) Ibid. p. 28—63.

[3]) Ibid. p. 63.

[4]) Ibid. p. 28.

[5]) Ibid. p. 63.

Лучше составленъ очеркъ Возрожденія въ „*Исторіи педагогики*“ *Карла Шмидта,* потому что авторъ пользуется лучшими пособіями. Исторіи педагогическихъ идей въ эту эпоху нѣтъ въ его книгѣ; вмѣсто этого Шмидтъ даетъ краткія біографіи гуманистовъ, составленныя главнымъ образомъ по Фогту, а отчасти даже по Мейзелю. Только многочисленныя выдержки изъ сочиненій Петрарки указываютъ на самостоятельное знакомство съ источниками[1]), да обстоятельное изложеніе педагогическихъ трактатовъ этой эпохи[2]) составляетъ несомнѣнное преимущество Шмидта передъ Раумеромъ. Что касается до общей оцѣнки движенія, то она заимствована у Рюккерта[3]).

Подводя итоги результатамъ изученія различныхъ сторонъ Ренесанса съ всемірно-исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить двѣ ихъ характерныя черты: во-первыхъ, отсутствіе такихъ выводовъ, которые получили бы полное и безпорное всеобщее признаніе въ наукѣ, и во-вторыхъ, болѣе или менѣе апріорный характеръ общихъ положеній о сущности и историческомъ значеніи движенія. Въ цѣломъ и общемъ нѣкоторые философы исторіи и авторы всемірно-историческихъ обзоровъ, начиная съ Гегеля и кончая Г. Веберомъ, вѣрно подмѣтили характерные признаки Возрожденія и отвели ему надлежащее мѣсто въ общемъ ходѣ историческаго процесса. Но это не устранило возможности до настоящаго времени игнорировать Ренесансъ при обзорѣ всемірно-историческихъ событій и повторять застарѣлыя ошибки о его причинахъ и объ общемъ ходѣ его развитія. То же самое можно сказать и объ отдѣльныхъ сторонахъ гуманистическаго движенія: далеко не всѣ историки церкви признаютъ его важность въ этой сферѣ; даже историки культуры считаютъ возможнымъ обходить его молчаніемъ, а тѣ изъ нихъ, которые останавливаются на Ренесансѣ, часто расходятся въ пониманіи

---

1) *Карлъ Шмидтъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Изданіе 3-е, дополненное и исправленное Ланге. Переводъ Циммермана. Томъ II. Москва 1879,* p. 356 и слѣд.

2) Ibid. p. 379 и 383.

3) Ibid. p. 393. Мимоходомъ касается итальянскаго гуманизма и *Paulsen* въ *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten von Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Leipzig 1885.* Онъ видитъ въ гуманизмѣ „великое и универсальное движеніе, которое охватило всѣ народы и всѣ сферы жизни“ и которое было направлено противъ „супранатуралистически-аскетическаго взгляда на міръ и на жизнь“ и положило начало „новому раціоналистически-культурному развитію жизни“ (p. 5 и 7). Исторія педагогическихъ воззрѣній гуманистовъ нѣтъ и въ этой книгѣ; а въ характеристикѣ отдѣльныхъ дѣятелей Ренесанса, напр., Петрарки, Паульсенъ повторяетъ Фогта (p. 29).

его культурнаго значенія. Не всѣмъ историкамъ искусства ясно, какія стороны гуманизма оказали вліяніе на могучее развитіе предмета ихъ изученія въ XV и въ XVI столѣтіяхъ; не всѣ историки всеобщей литературы признаютъ всемірно-историческую важность Ренесанса въ подлежащей ихъ вѣдѣнію области. Согласнѣе другихъ историки философіи; но и въ ихъ средѣ встрѣчаются изслѣдователи, которые продолжаютъ стоять на точкѣ зрѣнія іезуита Торселлини.

Эта шаткость выводовъ обусловливается отчасти сложностью вопроса, отчасти религіозными симпатіями и антипатіями, а главнымъ образомъ тѣмъ, что общія заключенія сдѣланы на основаніи весьма ограниченнаго знакомства съ непосредственными источниками или даже представляютъ собою догадки совершенно апріорнаго характера. Отъ этого же зависитъ незначительность фактическихъ данныхъ для изученія Ренесанса во всѣхъ изслѣдованіяхъ этой категоріи. Не говоря уже о тѣхъ изслѣдователяхъ, которымъ гуманистическая литература должна служить только основаніемъ для общихъ выводовъ объ эпохѣ, весьма малое знакомство съ ней обнаруживаютъ и тѣ писатели, для которыхъ произведенія гуманистовъ составляютъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія. Изъ историковъ культуры одинъ Мейнерсъ знакомъ съ латинскими произведеніями, хотя только Петрарки; философы, кромѣ Прантля, въ лучшемъ случаѣ знаютъ Петрарку и Валлу. Изъ другихъ изслѣдователей только Галламъ, Савиньи и историки педагогіи обнаруживаютъ нѣкоторое знакомство съ непосредственными источниками. При такомъ отношеніи къ Ренесансу всемірно-исторической литературы, ея заслуги въ дѣлѣ изученія гуманизма исчерпывается выясненіемъ его самаго общаго значенія въ ряду другихъ явленій всемірной исторіи.

IX.

Отношеніе къ Ренесансу историковъ отдѣльныхъ итальянскихъ центровъ. Флорентійскіе историки. Реймонтъ и Грегоровіусъ. Колленуччіо и Джіанноне. Историки Милана и Венеціи. Отношеніе къ Возрожденію историковъ всей Италіи. Сисмонди, Канту и Чиполла. Общій характеръ воззрѣній на гуманизмъ національныхъ историковъ.

Итальянскій Ренесансъ, занимая видное мѣсто во всемірной исторіи, стоялъ въ то же время въ тѣсной связи съ мѣстной жизнью и оказалъ вліяніе на національное развитіе своей родины. Поэтому если для изслѣдователей различныхъ сторонъ всемірно-историческаго процесса эпоха Возрожденія представляется однимъ изъ важ-

нѣйшихъ моментовъ общечеловѣческаго развитія, то можно думать, что историки итальянскаго прошлаго должны останавливаться на ней съ двойнымъ вниманіемъ: они должны изучать ея національное значеніе съ тѣмъ бо́льшею обстоятельностью, что это была пора наибольшаго вліянія Италіи на остальную Европу, по крайней мѣрѣ, въ новое время. Можно ожидать, что національные историки Италіи выяснятъ вліяніе Ренесанса, какъ на политическій и соціальный строй его родины, такъ и на всѣ стороны національной культуры. Такое ожиданіе тѣмъ основательнѣе, что Италія обладаетъ чрезвычайно развитою мѣстной исторіографіей, такъ какъ главнѣйшіе ея центры долгое время жили самостоятельною политическою жизнью. Между тѣмъ національная исторіографія и въ особенности политическая далеко не оправдываетъ этихъ ожиданій.

Между мѣстными историками Италіи начала новаго времени первое мѣсто и по количеству и по качеству безспорно занимаютъ флорентійцы. Уже между представителями Ренесанса въ занимающую насъ эпоху Флоренція имѣла нѣсколькихъ историковъ, между прочимъ такихъ выдающихся гуманистовъ, какъ Бруни и Поджіо; но всѣ они, какъ мы увидимъ ниже, ничего не даютъ для исторіи движенія въ родномъ городѣ. Одни изъ нихъ излагаютъ главнымъ образомъ внѣшнюю исторію Флоренціи, другіе обращаютъ вниманіе на внутренній строй, но только на политическій. То же самое можно сказать и объ ихъ ближайшихъ преемникахъ до Макіавелли включительно: *Нери Каппони* имѣетъ въ виду исключительно внѣшнія событія и выставляетъ на первый планъ свою фамилію[1]); *Дж. Кавалькანти* излагаетъ только исторію К. Медичи, но совершенно оставляетъ въ сторонѣ гуманистическое движеніе[2]). Самъ *Макіавелли*, занятый внутренней политикой Флоренціи, не обращаетъ вниманія въ своей знаменитой книгѣ на культурную исторію родины. Другіе флорентійскіе историки XVI столѣтія или описываютъ современныя событія, какъ *Nardi*, *Varchi* и *Segni*, или захватывая болѣе обширныя эпохи, какъ *Nerli*, *Bruto* и *Ammirato*, обходятъ молчаніемъ гуманистическое движеніе[3]). Въ XVII столѣтіи Флоренція не имѣла выдающагося историка; но научное движеніе, развившееся въ Италіи во второй половинѣ прошлаго вѣка, а также спеціальныя

---

[1]) *Commentarj di Neri di Gino Capponi dall 1419—1456* (Muratori, Scriptores, XVIII).

[2]) *G. Cavalcanti, Istorie Fiorentine Firenze 1838—39.*

[3]) Болѣе ранніе обзоры флорентійскихъ событій имѣютъ иногда цѣну для исторіографіи Ренесанса фактическими указаніями. Таковы, напр., *Bartholomaei Fontii, Annales suorum temporum ab anno 1448 ad an. 1483* (У Galletti, p. 151 и слѣд.).

работы по Возрожденію, которыя появились въ нынѣшнемъ столѣтіи, настолько выдвинули впередъ гуманистическое движеніе, что оно должно было занять мѣсто въ флорентійской исторіи. Дѣйствительно, наиболѣе крупные изъ новѣйшихъ историковъ Флоренціи *Джино Каппони* и *Perrens* посвящаютъ въ своихъ книгахъ отдѣльныя главы гуманистическому движенію. Но оба эти очерка не представляютъ значительнаго интереса для исторіографіи Возрожденія. Каппони весьма кратко и совершенно внѣшнимъ образомъ излагаетъ распространеніе изученія древности, совершенно не касаясь вопроса ни о причинахъ движенія, ни о его слѣдствіяхъ и воздерживаясь отъ всякой оцѣнки его культурно-историческаго значенія[1]). Нѣсколько подробнѣе останавливается на Ренесансѣ Perrens; но и его очеркъ носитъ чисто внѣшній характеръ, при чемъ авторъ почти никогда не пользуется непосредственно источниками и по весьма существеннымъ вопросамъ ссылается иногда на такіе сомнительные авторитеты, какъ Женгинэ[2]). Это отсутствіе самостоятельнаго изученія источниковъ особенно чувствуется на общихъ замѣчаніяхъ о движеніи, которыя носятъ на себѣ замѣтное вліяніе крайнихъ взглядовъ Сисмонди[3]).

Не обходятъ молчаніемъ Ренесанса и историки „вѣчнаго города", который былъ также однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ гуманистическаго движенія. Но до нынѣшняго столѣтія и у нихъ мы не находимъ цѣннаго матеріала для исторіи Возрожденія. Ранніе историки новаго Рима являются обыкновенно въ то же время и біографами папъ, вслѣдствіе чего къ политическимъ интересамъ присоединяются у нихъ церковные и совершенно отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ гуманистическаго движенія. Такъ, *Б. Платина*, папскій историкъ XV вѣка, ученикъ гуманистовъ и самъ гуманистъ, не даетъ почти никакихъ свѣдѣній о хорошо извѣстномъ ему движеніи. Говоря о Николаѣ V, о первомъ настоящемъ меценатѣ на папскомъ престолѣ,

---

1) *Gino Capponi, Storia della republica di Firenze. Tomo I. Firenze 1875,* p. 528 и слѣд. Аналогичный очеркъ во второмъ томѣ заходитъ за хронологическіе предѣлы нашего изслѣдованія.

2) *F. T. Perrens, Histoire de Florence depuis la domination des Médicis jusqu'à la chute de la république. Tome I. Paris 1888,* p. 245.

3) Ibid. p. 227 и passim. О взглядахъ Сисмонди см. ниже. Вышедшее въ 1887 г. сочиненіе *Wiss'a* (*Aus der Kulturgeschichte von Florenz. Berlin*) ничего не даетъ для исторіи Возрожденія, кромѣ ничтожныхъ замѣчаній о Боккаччіо (p. 32), Альберти (p. 73) и Никколи (p. 75). *Pöhlmann* въ введеніи къ своей книгѣ — *Die Wirthschaftspolitik der Florentiner Renaissance und das Princip der Verkehrsfreiheit* (въ Abhandl. der Jablonowskyschen Gesellschaft der Wissenschaften. Hist. Sect. XIII) повторяетъ взгляды Буркгардта.

онъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ упоминаетъ о его „щедрости къ ученымъ людямъ“, хотя и считаетъ папу виновникомъ Возрожденія[1]). Въ теченіе трехъ послѣдующихъ столѣтій „священный городъ“ не имѣлъ выдающихся историковъ; они появляются только съ половины XIX вѣка, и Ренесансъ тотчасъ же начинаетъ занимать видное мѣсто въ исторіи Рима. Мы видѣли, какъ относятся къ этому движенію новѣйшіе историки папъ; не обходятъ его молчаніемъ и тѣ изслѣдователи, которые имѣютъ въ виду преимущественно политическія судьбы Рима. Такъ, *Папенкордтъ*, поставившій себѣ задачей „представить политическую исторію города въ Средніе вѣка“, считаетъ необходимымъ тѣмъ не менѣе остановиться на состояніи культуры при началѣ новой исторіи, потому что это время принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ эпохъ развитія человѣческаго духа“[2]). Для этой цѣли онъ разсматриваетъ отношеніе папъ къ гуманистамъ, и его небольшой очеркъ, составленный отчасти на основаніи непосредственнаго знакомства съ источниками[3]), по фактическимъ указаніямъ не лишенъ цѣны и въ настоящее время. Еще съ бо́льшимъ вниманіемъ останавливается на гуманизмѣ *Реймонтъ* въ своей „*Исторіи города Рима*“. Его очеркъ, посвященный этому движенію, представляетъ первый подробный сводъ фактовъ, характеризующихъ отношеніе папъ къ Возрожденію[4]), и въ этомъ заключается его главное значеніе. Но Реймонтъ не ограничивается фактической исторіей Ренесанса въ Римѣ и пытается выяснить его причины, основной характеръ и историческое значеніе. Нельзя сказать однако, чтобы его сужденія вполнѣ оправдывались источниками. Въ общемъ Реймонтъ держится той точки зрѣнія на Ренесансъ, на которой стоятъ клерикальные историки. Сущность гуманизма, по его мнѣнію, составляетъ возстановленіе изученія античной литературы, а его причины заключаются въ той роли, которую игралъ латинскій языкъ

---

1) Laudatur quidem ejus liberalitas, qua in omnes usus est: maxime erga litteratos, quos et pecunia, et officiis curialibus, et beneficiis mirifice juvit. Eos enim praemiis nunc ad lectiones publicas, nunc ad componendum de integro aliquid, nunc ad vertendos Graecos autores in Latinum ita perpulit, ut litterae graecae et latinae, quae sexcentis jam antea annis in situ et tenebris jacuerant, tum demum splendorem aliquem adeptae sint. (*Historia B. Platinae de vitis Pontificum Romanorum. Coloniae Agrippinae. MDCX*, p. 314.

2) *Fel. Papencordt, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Herausgegeben und mit Anmerkungen, Urkunden, Vorwort und Einleitung versehen von D-r C. Höfler. Paderborn 1857*, p. 469.

3) Ibid. p. 492 и слѣд.

4) *Alfred von Reumont. Geschichte der Stadt Rom. III. Band. Berlin 1868.* p. 291—294, 305—314, 321—328.

въ средневѣковой церкви и наукѣ. Въ XV вѣкѣ измѣнилось только отношеніе къ древней литературѣ: вѣра въ авторитетъ была подорвана, папство казалось отжившимъ, церковная наука находилась въ упадкѣ; въ то же время появилось стремленіе къ знанію и научному изслѣдованію и исчезъ „послѣдній остатокъ средневѣковаго страха передъ тѣмъ направленіемъ мыслей и чувства, съ которымъ христіанство боролось и которое оно побѣдило“[1]). Остается неяснымъ вопросъ, было ли это новое „направленіе мыслей и чувства“ неизбѣжнымъ результатомъ культурнаго роста личности или случайнымъ проявленіемъ тогдашняго „временнаго упадка церкви“, какъ выражаются обыкновенно клерикальные писатели. Реймонтъ склоняется, повидимому, ко второму рѣшенію. По крайней мѣрѣ, историческое значеніе гуманизма онъ видитъ не въ этомъ новомъ направленіи, которое представляется ему чистымъ язычествомъ. „Эти тенденціи“, говоритъ онъ, „имѣли двѣ стороны: они могли положить основаніе живому развитію и могли дѣйствовать разрушительно. Они сдѣлали то и другое. Культура XV столѣтія безконечно расширила кругъ идей во всѣхъ сферахъ (Ideenkreis auf allen Feldern) тѣмъ, что схватилась за полузабытое наслѣдство античнаго міра и овладѣло имъ. Но вслѣдствіе безграничной преданности прославляемымъ авторитетамъ, стремясь подчинить новое закону классическаго и очевидно смѣшивая средства съ цѣлями, она создала новое язычество, отъ котораго новое время... только съ трудомъ и не вполнѣ освободилось“[2]). Мы уже не разъ встрѣчались съ этими обвиненіями; аргументація Реймонта точно также не нова: у него фигурируетъ здѣсь и Гермафродитъ Беккаделли, и инвективы Ринуччини, и Фацеціи Поджіо, и презрѣніе къ родному языку и т. д.[3]) — словомъ, все то, что мы видѣли у Пастора; съ тою разницею, что у Реймонта аргументы не приведены въ систему, такъ что обвиненія кажутся совершенно голословными.

Тщательно собирая всѣ обвиненія противъ гуманистовъ, какъ основательныя, такъ и фиктивныя, Реймонтъ суживаетъ ихъ заслуги даже сравнительно съ собственнымъ опредѣленіемъ полезной стороны движенія. „Расширенія круга идей“ онъ совершенно не отмѣчаетъ въ произведеніяхъ гуманистовъ. Такъ, говоря о меценатствѣ Николая V, Реймонтъ замѣчаетъ, что отъ дѣятельности его гуманистовъ „выгода была болѣе матеріальная въ извѣстномъ смыслѣ, нежели собственно и непосредственно духовная“[4]), и сводитъ ее къ кри-

[1]) Ibid. p. 287—288.
[2]) Ibid. p. 289.
[3]) Ibid. p. 314, 335 и passim.
[4]) Ibid. p. 328.

тикѣ текста и къ переводамъ съ греческаго языка. Помимо этого, вся ихъ литературная производительность стояла гораздо ниже папскаго покровительства[1]): ихъ проза не имѣетъ никакой цѣны; ихъ историческія произведенія не выдерживаютъ сравненія съ современными хрониками; ихъ стихи лишены всякой поэзіи[2]). Если прибавить къ этому произведенную гуманистами порчу національнаго языка[3]), то становится совершенно непонятнымъ, почему за гуманизмомъ самъ же авторъ признаетъ важное историческое значеніе. Суживая вмѣстѣ съ клерикалами историческое значеніе гуманизма, Реймонтъ тѣмъ не менѣе вполнѣ правильно понимаетъ его отношеніе къ папству, По его мнѣнію, сближеніе папъ съ гуманизмомъ имѣло роковое для нихъ значеніе. Антагонизмъ между ними былъ неизбѣженъ, потому что въ эпоху Возрожденія „дѣло шло не только о замѣнѣ одного авторитета другимъ, но все болѣе и болѣе стремились замѣнить уваженіе къ традиціи и силу авторитетовъ неограниченной свободой мысли и приложеніемъ этическихъ принциповъ культурной эпохи, основаніе которыхъ было отлично отъ христіанскихъ". Гуманисты не только возставали противъ монашества, но „ихъ принципы начали проникать даже въ духовную науку и тамъ обнаруживать свое разрушительное дѣйствіе"[4]). Проявленіе этой антихристіанской дѣятельности Реймонтъ видитъ не только въ Гермафродитѣ и Фацеціяхъ, но также и въ сочиненіи Валлы о Дарѣ Константина, и порицаетъ папство, хотя въ очень скромныхъ выраженіяхъ, за его связь съ гуманизмомъ[5]). Въ этомъ отношеніи Реймонтъ нѣсколько расходится съ Пасторомъ и стоитъ ближе къ Штёклю.

Совершенно иначе относится къ Ренесансу лучшій изъ историковъ средневѣкового Рима *Ф. Грегоровіусъ*. Въ послѣднемъ томѣ своей замѣчательной книги онъ отводитъ гуманистическому движенію обширную главу и дѣлитъ ее на шесть частей. Въ двухъ первыхъ онъ разсматриваетъ отношеніе церкви къ Ренесансу и историческое значеніе движенія, въ остальныхъ даетъ обстоятельный очеркъ заслугъ римскихъ гуманистовъ въ изученіи монументальныхъ памятниковъ Рима, въ эпиграфикѣ, въ исторіографіи и въ поэзіи. Фактическое

[1]) So stand die literarische Production der Zeit ihrem innern Werthe nach in keinem Verhältniss zu den aufgewandten Mitteln. Ibid. p. 329.

[2]) Ibid. p. 330.

[3]) Ibid. p. 355—357. Только отношеніе гуманистовъ къ праву представлено Реймонтомъ вѣрно (p. 364 и слѣд.), потому что онъ повторяетъ въ этомъ случаѣ взгляды Савиньи.

[4]) Ibid. p. 319—320.

[5]) Ibid. p. 314, 323, 328, 329.

содержаніе этой главы не заключаетъ въ себѣ новаго матеріала, но извѣстные факты превосходно расположены и правильно оцѣнены[1]). Такъ говоря о подражательномъ характерѣ гуманистической исторіографіи, Грегоровіусъ въ немногихъ словахъ даетъ ему вѣрную оцѣнку. „Этотъ проходъ черезъ классицизмъ, говоритъ онъ, былъ необходимъ, чтобы разрушить устарѣлыя формы монастырскихъ и городскихъ хроникъ, чтобы пріобрѣсти политическую точку зрѣнія для оцѣнки событій и поднять исторіографію на высоту художественнаго произведенія"[2]).

Гораздо важнѣе тѣ части очерка Грегоровіуса, гдѣ онъ говоритъ объ общемъ характерѣ гуманизма и о его исторической важности. Грегоровіусу принадлежитъ одно изъ самыхъ лучшихъ въ наукѣ опредѣленій историческаго значенія Возрожденія. „Ренесансъ, говоритъ онъ, былъ Реформаціей итальянцевъ. Они освободили науку отъ догматическихъ оковъ; они впервые создали ее, какъ европейскую силу. Они возвратили человѣчеству и всей культурѣ человѣка, и они выработали то космическое образованіе, въ процессѣ котораго мы стоимъ еще теперь и котораго дальнѣйшее развитіе и цѣль мы и теперь еще не можемъ предчувствовать. Возрожденіе науки было первымъ великимъ актомъ той неизмѣримой нравственной революціи, въ которой еще находится Европа; ея эпохи, до сихъ поръ обнаружившіяся, составляютъ: итальянскій Ренесансъ, нѣмецкая Реформація и французская Революція. И первая эпоха съ правомъ называется гуманизмомъ, потому что съ нея начинается новое человѣчество"[3]). Общее впечатлѣніе отъ гуманистической литературы оправдываетъ такую характеристику; но при современномъ состояніи исторіографіи Ренесанса она является только правдоподобной гипотезой, удачной дивинаціей, а не строгимъ научнымъ выводомъ изъ критически провѣренныхъ фактовъ. Поэтому взглядъ Грегоровіуса на Возрожденіе далеко не нашелъ еще всеобщаго признанія.

Грегоровіусъ не даетъ очерка историческаго развитія гуманизма; но онъ мѣтко формулируетъ его сущность и вѣрно опредѣляетъ различныя вліянія. Существенную черту Ренесанса составляетъ по его мнѣнію, индивидуализмъ. „Универсальность естественно была основною

---

[1]) *Ferdinand Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Vom V. bis zum XVI. Jahrhundert. Zweite durchgearbeitete Auflage. VII. Band. Stuttgart 1873.* Особенно хорошо составленъ систематическій обзоръ трудовъ гуманистовъ по изученію монументальныхъ древностей Рима (p. 565 и слѣд.), эпиграфики (p. 575) и исторіографіи (p. 596); слабѣе очеркъ ихъ поэтическихъ произведеній.

[2]) Ibid. p. 597.

[3]) Ibid. p. 513. Ср. p. 540, 541.

чертою гуманизма", говоритъ онъ[1]) и отсюда выводитъ его отношеніе и къ средневѣковому католицизму, и къ античной литературѣ. „Идеалъ христіанина, говоритъ Грегоровіусъ, котораго церковь считала по существу грѣшникомъ и страдальцемъ, страстно стремящимся къ небесамъ отрицателемъ этого прекраснаго міра, болѣе не удовлетворялъ новаго времени", и гуманисты не могли признать „этого погруженнаго въ матеріализмъ христіанства съ его фальшивымъ идеаломъ". Они обратились къ античной литературѣ и тамъ нашли болѣе подходящее удовлетвореніе новыхъ потребностей[2]). Но самое увлеченіе древней литературой Грегоровіусъ значительно преувеличиваетъ. Онъ говоритъ „о ново-латинскомъ язычествѣ", утверждаетъ, что „все христіанское" казалось гуманистамъ „варварскимъ и устарѣлымъ, что языкъ Данте считался у нихъ неправоспособнымъ (illegitim)"[3]), — словомъ, повторяетъ обычныя обвиненія, не приводя для нихъ никакихъ основаній и съ этой точки зрѣнія обсуждаетъ отношеніе церкви къ гуманистамъ. Рѣзкая противоположность средневѣковаго католицизма съ стремленіями Ренесанса не подлежитъ никакому сомнѣнію, и Грегоровіусъ превосходно ее характеризуетъ[4]). Но дальнѣйшіе выводы автора отличаются крайне проблематичнымъ характеромъ. Ихъ исходнымъ пунктомъ служитъ несомнѣнное, по Грегоровіусу, „язычество" гуманистовъ. Покровительство церкви Ренесансу онъ готовъ считать примиреніемъ христіанства съ язычествомъ и признаніемъ со стороны церкви недостаточности исключительно религіознаго образованія[5]). Благодаря язычеству гуманистовъ, церковь получила новые тріумфы и извлекла только выгоды изъ противоестественнаго, повидимому, союза. Съ одной стороны, „папство обязано было новымъ культурно-историческимъ величіемъ именно своей способности войти въ древность"; съ другой — „итальянскій народный духъ удовлетворялъ свои реформаціонныя потребности литературой и искусствомъ именно потому, что односторонне погрузился въ язычество"[6]). Въ концѣ концовъ св. Престолъ, благодаря Ренесансу, одержалъ побѣду надъ Реформаціей, по крайней мѣрѣ, въ Италіи. „Папство было въ состояніи, говоритъ Грегоровіусъ, сбросить съ себя и съ Италіи еретическій покровъ язычества, послѣ того какъ классическій Ренесансъ послужилъ ему для того, чтобы занять итальян-

1) Ibid. p. 539.
2) Ibid. p. 511—512. Ср. p. 539—540.
3) Ibid. p. 513.
4) Ibid. p. 515—516.
5) Ibid. p. 515.
6) Ibid. p. 515 и 516.

скую націю въ опаснѣйшія времена реформаціонныхъ стремленій и чтобы усвоеніемъ античной науки снабдить себя современнымъ оружіемъ и придать себѣ монументальный блескъ въ Римѣ" [1]). Правда, эта побѣда была мѣстная: за Альпами культурныя стремленія гуманистовъ получили полное осуществленіе; но Италія не воспользовалась благами Возрожденія. Наоборотъ — „тупое равнодушіе народа къ религіи, говоритъ Грегоровіусъ, — *порожденіе какъ свѣтскаго характера (Verweltlichung) церкви, такъ и Ренесанса* — до настоящаго дня еще составляетъ величайшее препятствіе къ нравственному обновленію (Verjüngung) итальянскаго національнаго духа" [2]). Изъ ложной посылки получился цѣлый рядъ бездоказательныхъ и совершенно невѣроятныхъ выводовъ.

Но до крайности ограничивая непосредственное *культурное значеніе* Ренесанса для Италіи, Грегоровіусъ въ 6 томѣ своей книги приписываетъ ему въ высшей степени благотворное *политическое значеніе*. Если гуманисты помѣшали нравственному обновленію итальянцевъ посредствомъ религіозной реформы, то они спасли Италію не только отъ терзавшихъ ее партій. „Этой странѣ, говоритъ Грегоровіусъ, въ XIV столѣтіи грозила очевидная опасность вымереть (abzusterben), какъ Эллада и Византія... Во вновь ожившемъ классическомъ образованіи распустились партіи гвельфовъ и гиббелиновъ, церкви и имперіи, какъ совершенно индифферентныя для націи. Возобновленіе античной культуры было величайшимъ національнымъ дѣломъ итальянцевъ: оно спасло ихъ отъ судьбы Греціи, оно дало имъ третье, духовное господство надъ Европой" [3]). Было бы въ высшей степени важно и интересно изучить гуманистическое движеніе съ этой точки зрѣнія; фактическій матеріалъ для этого, какъ мы увидимъ ниже, есть, но его разработка еще не начата ни въ спеціальной литературѣ по Ренесансу, ни въ общихъ сочиненіяхъ по итальянской исторіи. Самая идея о спасительности гуманизма для Италіи вполнѣ оригинальна, и національные историки чаще всего стоятъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія.

Историки остальныхъ крупныхъ центровъ Италіи — Неаполя, Милана и Венеціи — въ лучшемъ случаѣ сообщаютъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о гуманистическомъ движеніи въ данной мѣстности, а чаще всего обходятъ его абсолютнымъ молчаніемъ. Такъ, *Колленуччіо-да-Пезаро*, составившій во второй половинѣ XV вѣка исторію

---

1) Ibid. p. 516, 517.
2) Ibid. p. 517.
3) Ibid. VI, p. 5, 6.

Неаполя, ограничивается изложеніемъ чисто внѣшнихъ фактовъ, хотя самъ принадлежалъ къ гуманистическому движенію[1]); его преемники сообщаютъ нѣкоторыя данныя о гуманистахъ, окружавшихъ неаполитанскихъ государей. Самый обстоятельный изъ новыхъ историковъ Неаполя *Пьетро Джіанноне* нѣсколько подробнѣе останавливается на гуманистическомъ движеніи. Тѣ главы его книги, гдѣ говорится о мѣстныхъ ученыхъ, имѣютъ значеніе для фактической исторіи гуманизма[2]); Джіанноне пытается даже выяснить причины Ренесанса и описать ходъ его развитія; но эти попытки никоимъ образомъ нельзя признать удачными. Авторъ считаетъ виновниками Возрожденія въ Италіи византійскихъ бѣглецовъ, а въ частности въ Неаполѣ Фердинанда I[3]). Сообразно съ такимъ пониманіемъ движенія располагается и фактическое изложеніе: придворнымъ ученымъ Роберта и его ближайшихъ преемниковъ, людямъ, по большей части, стараго закала, отводятся отдѣльныя главы, а нѣкоторыя лица изъ гуманистической свиты Альфонса упомянуты мимоходомъ, только какъ воспитатели Фердинанда, гуманистамъ котораго также посвящена особая глава[4]). Что касается до изложенія хода развитія Ренесанса, то Джіанноне перечисляетъ занятія гуманистовъ и повторяетъ обычныя обвиненія, что они презирали родной языкъ, слѣпо вѣрили древнимъ и были убѣждены, что „природа такова, какъ описалъ ее Плиній и что она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ сообразно съ принципами Аристотеля“[5]).

Историки Милана и Венеціи имѣютъ еще менѣе значенія для исторіографіи Ренесанса. Миланскій историкъ второй половины XV вѣка *Бернардино Коріо* даетъ кое-какія фактическія указанія, а *Пьетро Верри* въ XVIII вѣкѣ и самый обстоятельный изъ новыхъ историковъ Милана графъ Джулини обходятъ гуманистическое движеніе полнымъ молчаніемъ[6]). Венеція, подобно Флоренціи, слави-

---

[1]) *Collenutii, jurisconsulti Pisaurensis, Historiae Neapolitanae ad Herculem I, Ferrariae Ducem, libri VI. Basileae MDLXXII.* О Fazio см. ниже въ главѣ о неаполитанскихъ гуманистахъ.

[2]) *Pietro Giannone, Storia civile del regno di Napoli. Vol. IV. Milano 1846*, p. 42, 216, 218, 227.

[3]) Глава *Rinnovellamento delle buone lettere in Napoli* (p. 354 и слѣд.) отнесена къ правленію Фердинанда и начинается слѣдующимъ образомъ: L'origine di tal rinnovellamento non solo al favore di questo principe, ma deve principalmente attribuirsi alla caduta di Constantinopoli. Ср. что говорится о Фердинандѣ выше на той же страницѣ и p. 55.

[4]) Ibid. p. 42, 216, 218, 227, 358, 359 и слѣд.

[5]) Ibid. p. 357.

[6]) *Bernardino Corio, L'historia di Milano volgarmente scritta. Venegia 1554.*

лась своими историками; но для исторіи гуманистическаго движенія они не представляютъ интереса. Начиная съ гуманиста *Коччіо*, самаго ранняго историка Венеціи въ занимающую насъ эпоху, кончая *Дарю*, самымъ обстоятельнымъ изъ новыхъ ея историковъ[1]), всѣ они не даютъ никакихъ свѣдѣній о венеціанскомъ гуманизмѣ. Что касается до историковъ второстепенныхъ итальянскихъ городовъ, то въ лучшемъ случаѣ они сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ ученыхъ[2]).

Итакъ вопросъ о вліяніи Возрожденія на историческую жизнь отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ не только не рѣшенъ, но даже и не поставленъ мѣстными историками, за исключеніемъ римскихъ. При современномъ положеніи нашихъ свѣдѣній о Ренесансѣ другого отношенія къ нему трудно и ожидать. Трудно говорить о мѣстномъ вліяніи гуманистовъ, когда не приведенъ еще въ извѣстность ихъ численный составъ, когда недостаточно извѣстны ихъ взаимныя отношенія и политическія стремленія. Болѣе матеріала для общей характеристики національнаго значенія Ренесанса; но и онъ остается мало разработаннымъ общими историками Италіи. Самый древній изъ нихъ знаменитый *Гвиччардини* не захватываетъ занимающей насъ эпохи[3]); въ XVII столѣтіи Италія имѣла одного только *Бріани*, который составилъ короткій компендіумъ общей исторіи[4]). Самый обстоятельный изъ историковъ Италіи въ XVIII вѣкѣ—*Лебретъ* ограничивается изложеніемъ политическихъ событій[5]). Только въ нашемъ

Pietro Verri, Storia di Milano continuata fino al MDCCXCII da Pietro Custodi. Firenze 1851 (2 vols). *Giorgio Giulini, Memorie spettanti alla storia, al governo ed alla descrizione della città e campagna di Milano nei secoli bassi. Milano 1856* (7 vols; къ интересующей насъ эпохѣ относятся тома пятый и шестой). *Istoria di Milano Rosmini (Milano 1820)* и *Cusani, Storia di Milano. Milano 1862—77* мнѣ не удалось воспользоваться.

1) *M. Antoni Coccii Sabellici Rerum Venetarum ab urbe condita ad Marcum Barbadicum, Serenissimum Venetiarum Principem, et Senatum Decades IV*. Въ opera v. II, p. 1085 и слѣд. *Daru, Histoire de la République de Venise. Vol. II. Paris 1819. Romanin* въ 3-мъ и 4-мъ томахъ своей *Storia documentata di Venezia, Venezia 1853—61,* даетъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о мѣстныхъ гуманистахъ, иногда даже по рукописнымъ источникамъ (см. III, p. 366 и слѣд. и IV, p. 499 и слѣд.).

2a) Фактическія данныя для исторіи Ренесанса мѣстныхъ историковъ будутъ разсмотрѣны ниже въ соотвѣтствующихъ главахъ.

3) *Guicciardini, La historia d'Italia, dove si descrivono tutte le cose seguite dal 1484 per fino al 1532. Vinegia 1569.*

4) *Briani, Istoria d'Italia dalla venuta di Annibale sino al anno di Cristo 1527. Venezia 1623* (2 vols).

5) *Le Bret, Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Deutschland und England. 44. Band. Italien. Halle 1778—87* (9 Vols).

столѣтіи измѣнилось отношеніе историковъ къ гуманистическому движенію.

Фактическое изученіе исторіи Ренесанса въ XVIII столѣтіи въ трудахъ Mehus'a, Маццукелли, Тирабоски и друг. и сравнительно глубокое пониманіе его общаго характера, какъ оно выразилось у нѣкоторыхъ историковъ философіи и культуры, сдѣлало необходимымъ отводить гуманистическому движенію болѣе видное мѣсто въ исторіи Италіи. И дѣйствительно, самый ранній историкъ Италіи въ XIX вѣкѣ — *Сисмонди* уже разсматриваетъ гуманистическое движеніе въ своей обширной *„Исторіи итальянскихъ республикъ въ Средніе вѣка“*, которую онъ доводитъ до XVII столѣтія[1]). Не ограничиваясь повѣствовательнымъ прагматизмомъ и часто прерывая изложеніе философскимъ объясненіемъ и анализомъ событій, Сисмонди пытается выяснить историческій смыслъ гуманистическаго движенія и его значеніе для Италіи. Но эти попытки нельзя признать удачными, потому что автору неясна, во-первыхъ, сущность Ренесанса, а во-вторыхъ, онъ стоитъ исключительно на національно-политической точкѣ зрѣнія, которая оказывается слишкомъ узкой для правильной оцѣнки гуманизма.

Сисмонди не знакомъ съ произведеніями гуманистовъ, кромѣ историческихъ, которыми онъ пользуется иногда для фактическаго изложенія политической исторіи. Еще біографію Петрарки онъ излагаетъ по обширной работѣ де-Сада, вслѣдствіе чего тамъ нѣтъ фактическихъ промаховъ, но осмыслить политическую дѣятельность родоначальника гуманистовъ Сисмонди не въ состояніи[2]). Для Боккаччіо у него не было такого пособія, поэтому его оцѣнка автора Декамерона, котораго онъ считаетъ „однимъ изъ самыхъ глубокихъ ученыхъ и наилучшихъ критиковъ“[3]), совершенно голословна. Съ остальными гуманистами Сисмонди совсѣмъ незнакомъ. Вынужденный, такимъ образомъ, повторять чужія слова въ изложеніи столь важнаго и столь сложнаго движенія, Сисмонди впадаетъ въ противорѣчіе. „XIV столѣтіе — блестящая эпоха для Италіи“, говоритъ онъ въ IV

---

[1]) *I. C. L. Simonde de Sismondi. Histoire des Républiques Italiennes du moyen age. T. I*—X. Первое изданіе вышло въ 1809—18 годахъ. Я цитирую по Nouvelle édition. Paris 1840.

[2]) Quelques-uns (tyrans) l'engagèrent dans des actions contraires à ses principes, à ses devoires comme citoyen de Florence et comme Guelfe. Ibid. III, p. 480. Какъ бы не смотрѣть на политическую дѣятельность Петрарки, средневѣковая терминологія гвельфа или гибеллина къ нему не подходитъ. О книгѣ De-Sade см. ниже.

[3]) Ibid. IV, p. 185. Біографію Варлаама и Боккаччіо Сисмонди пересказываетъ по Tiraboschi. Ibid. p. 183 и слѣд.

томѣ своего сочиненія и въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ констатируетъ блестящее положеніе ученыхъ, распространеніе просвѣщенія, обиліе творчества, возстановленіе греческой и латинской литературы, созданіе итальянскаго языка и новой поэзіи, усовершенствованіе исторіографіи, педагогіи и юриспруденціи и быстрый успѣхъ искусствъ[1]). Сисмонди нѣсколько преувеличиваетъ заслуги XIV столѣтія и забываетъ, что, кромѣ Данте и нѣкоторыхъ историковъ, виновниками этихъ успѣховъ были гуманисты, и что результаты ихъ работы стояли въ неразрывной связи съ интересомъ къ древности. Между тѣмъ этотъ интересъ представляется ему „педантствомъ, которое отняло у столѣтія его силу"[2]). „Изученіе мертвыхъ языковъ, говоритъ онъ, вдругъ пріостановило жизнь у этой націи, столь склонной принимать новыя формы"[3]). По отношенію къ XV столѣтію это противорѣчіе еще рѣзче. Сисмонди говоритъ объ этой эпохѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ еще бо́льшимъ сочувствіемъ[4]). Тогда, по его словамъ, „духовная культура Италіи въ короткое время сдѣлала быстрые успѣхи. Привычка къ наблюденію, съ одной стороны, изученіе древнихъ, съ другой, развили многія науки, которыя ставятъ своей цѣлью счастіе людей"[5]). Сисмонди констатируетъ далѣе успѣхи наукъ общественныхъ и политическихъ; при чемъ ихъ виновниками онъ прямо называетъ Гуарино, Валлу, Филельфо, Поджіо, Фичино и друг., а ихъ покровителей Альфонса Аррагонскаго, Козимо Медичи и Николая V превозноситъ до небесъ[6]). Между тѣмъ нѣсколько раньше мы находимъ настоящій обвинительный актъ противъ гуманистовъ. „Разныхъ Гуарино, Валлъ Филельфо, Поджіо и Фичино породили не итальянская умственная работа, не итальянское воображеніе, а упорное изученіе древности, безъ отношенія къ современности, усвоеніе мыслей, логическихъ формулъ, поэтическихъ образовъ и законовъ, которые выработаны для другихъ народовъ, для другихъ языковъ, для другихъ нравовъ. Ихъ создало абсолютное преимущество, предоставлявшееся памяти надъ другими способностями и рабское подчиненіе индивидуальнаго вкуса образцамъ и литературнымъ авторитетамъ. Можетъ быть это полное уклоненіе отъ естественныхъ и истинныхъ впечатлѣній, отъ оригинальной мысли, отъ вкуса, свойственнаго каждой новой націи, болѣе повредило литературѣ въ Италіи

---

1) Ibid. IV, p. 82.
2) Ibid. p. 198.
3) Ibid. V, p. 169.
4) Ibid. VII, p. 316—317.
5) Ibid. p. 315, 316.
6) Ibid. p. 316, 317, 314 и 312.

и во всей Европѣ, чѣмъ принесли ей пользы образцы Греціи и Рима, не смотря на ихъ возвышенную красоту. Но особенно въ политикѣ этого столѣтія мы должны отмѣтить рабскій характеръ, который наложила на мысль эрудиція"[1]).

Въ приведенной тирадѣ на лицо всѣ причины, вызвавшія столь противорѣчивое и недружелюбное отношеніе Сисмонди къ гуманистическому движенію. Прежде всего онъ не понимаетъ смысла увлеченія древностью. Оно представляется ему мертвымъ и рабскимъ подражаніемъ античнымъ писателямъ. Гуманисты „научались думать, чувствовать и говорить, какъ Цицеронъ, Титъ Ливій или Виргилій"; но древній міръ, создавшій этихъ писателей, уже умеръ и гуманизмъ подражалъ смерти (la tristesse glacée de la mort)[2]). Сисмонди отрицаетъ всякое содержаніе въ произведеніяхъ гуманистовъ: они представляются ему голыми фразами, возрожденіемъ античныхъ софизмовъ. „Задачей гуманистовъ, говоритъ онъ, не было анализировать и судить, но сбивать съ толку цицероновскими фразами... Они даже въ глазахъ свѣта не чувствовали себя отвѣтственными за свои мысли или за свои сужденія, а только за свой стиль...; говорить послѣдовательно въ двухъ противоположныхъ смыслахъ они считали двойной славой"[3]). Сисмонди и въ голову не приходитъ искать въ движеніи умственнаго и нравственнаго содержанія, объяснять его духовными потребностями эпохи. Правда, эта сторона исторической жизни занимаетъ второстепенное мѣсто въ его книгѣ; но нельзя сказать, чтобы Сисмонди совершенно ее игнорировалъ: наоборотъ, весьма мѣтко, хотя мимоходомъ и безъ всякой связи, изображаетъ онъ паденіе католицизма въ эту эпоху[4]) и нравственный упадокъ тогдашняго общества[5]), отмѣчаетъ даже индивидуалистическое настроеніе, характеризующее XV столѣтіе[6]). Онъ не приводитъ въ связь съ этими явленіями гуманистическаго движенія главнымъ образомъ потому, что ему незнакомы его проявленія. По этой же причинѣ, желая указать хотя какіе-нибудь благотворные результаты увлеченія древностью, онъ ищетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было или гдѣ они до сихъ поръ почти не отмѣчены спеціальной литературой — въ богословіи и въ правѣ. Джіованни д'Андреа, Бальдо и Бартоло, которыхъ онъ называетъ, стоятъ совершенно внѣ гуманизма; а изъ массы другихъ именъ, приведенныхъ въ подсрочномъ

---

1) Ibid. VI, p. 262.
2) Ibid. V, p. 169—170.
3) Ibid. VI, p. 264.
4) Ibid. IV, p. 367—368.
5) Ibid. p. 82—85.
6) Ibid. V, p. 167—168.

примѣчаніи, только Луиджи Марсильи и Лапо да Кастильонкіо принадлежатъ къ гуманистамъ[1]). Но первый былъ незамѣчательный богословъ, а значеніе второго въ исторіи права остается до сихъ поръ невыясненнымъ.

Оторвавши Ренесансъ отъ его естественной почвы, Сисмонди ставитъ его въ непосредственную связь съ политической исторіей Возрожденіе, по его мнѣнію, стояло въ связи съ политическими страстями[2]); самое увлеченіе поэзіей и наукой зависѣло отъ раздробленности Италіи, такъ какъ слава поэта и ученаго далеко заходила за предѣлы его родины, а извѣстность политика ограничивалась узкими предѣлами его государства[3]). Результатомъ такой постановки вопроса было, во-первыхъ, крайнее расширеніе понятія Возрожденія. Чтобы придать наглядность этой связи, Сисмонди ведетъ новое движеніе съ XIII столѣтія и ставитъ въ одну категорію и гуманистическое движеніе, и нѣкоторое оживленіе того времени въ средневѣковой юриспруденціи и медицинѣ. На одной линіи съ Петраркой стоитъ у него не только Данте, но Джіованни д'Андреа, и Ренесансъ утрачиваетъ свои специфическіе признаки. Благодаря этому, Сисмонди избавляется отъ старой и грубой ошибки относительно творческаго вліянія византійскихъ грековъ на Ренесансъ[4]); но отъ этого же зависитъ отчасти крайне односторонняя и совершенно несправедливая оцѣнка гуманистическаго движенія въ XV вѣкѣ. Исходя изъ того въ общемъ справедливаго положенія, что политическая свобода необходима для культурнаго развитія, Сисмонди преувеличиваетъ вліяніе на гуманистовъ ея упадка въ XV столѣтіи. Вслѣдствіе вліянія на ихъ умы „соціальнаго безпорядка", говоритъ онъ, „нельзя ожидать отъ ихъ трудовъ ничего достойнаго тѣхъ временъ, которымъ они подражали... Въ писателяхъ XV вѣка мы не находимъ ни возвышенности, ни благородства, ни любви къ родинѣ, ни политическихъ чувствъ"[5]). Въ доказательство этого обвиненія онъ приводитъ, во-первыхъ, тотъ фактъ, что Бруни, Поджіо и Марсуппини, будучи секретарями Флорентійской республики, не оказали на нее такого вліянія, какого ожидалъ отъ ихъ учености авторъ, и, во-вторыхъ, что послѣдній не нашелся сразу отвѣтить на рѣчь секретаря Фридриха III и, „чтобы извлечь изъ затрудненія педанта", дол-

---

1) Ibid. V, p. 170—171.
2) Ibid. IV, p. 114.
3) Ibid. p. 478—479.
4) Ихъ роль въ общемъ вѣрно, хотя нѣсколько неопредѣленно, указываетъ Сисмонди въ IV томѣ своей книги (p. 182—188).
5) Ibid. VI, 261, 262.

женъ былъ говорить Джіаноццо Манетти. Болѣе того, тогдашніе ученые, у которыхъ „было болѣе тщеславія, чѣмъ любви къ славѣ, болѣе жадности, чѣмъ честолюбія", у которыхъ „краснорѣчіе было отдѣлено отъ политики, а стиль — отъ мысли", предпочитали тиранію республикѣ и развращали общество[1]).

Сисмонди совершенно неправъ, утверждая, что политическіе и соціальные недуги подрывали нравственную цѣну гуманистическихъ трактатовъ: причину ихъ слабости слѣдуетъ искать въ несовмѣстимости новыхъ идеаловъ съ средневѣковымъ католицизмомъ и въ безсиліи гуманистовъ произвести соотвѣтствующую реформу послѣдняго. Совершенно невѣрно также, что сочиненія гуманистовъ лишены возвышенности и благородства: наоборотъ, они проникнуты этими свойствами повсюду, гдѣ идетъ рѣчь о человѣческой природѣ и о разумѣ. Фактическія основанія обвиненій Сисмонди также не выдерживаютъ критики и даже отличаются наивностью: обвинять гуманистическихъ статсъ-секретарей Флоренціи за то, что они не перевоспитали своихъ гражданъ, какъ Саванаролла, и не сдѣлали того, что̀ было невозможно, также неосновательно, какъ изъ замѣшательства Марсуппини дѣлать выводъ о его политической неспособности. Но Сисмонди правъ въ томъ отношеніи, что политическій индефферентизмъ нѣкоторыхъ гуманистовъ доходилъ до цинизма, что вообще опредѣленныя и твердыя политическія убѣжденія были между ними большою рѣдкостью. Изъ этого не слѣдуетъ, что гуманистическое движеніе осталось безъ благотворнаго вліянія на тогдашнія политическія отношенія; но для его выясненія нужно несравненно болѣе глубокое пониманіе Ренесанса, чѣмъ то, которое обнаруживаетъ Сисмонди.

Кромѣ политической точки зрѣнія, Сисмонди при оцѣнкѣ Возрожденія становится еще на національную. „Прогрессъ просвѣщенія XV вѣка, говоритъ онъ, не былъ національнымъ развитіемъ", и въ этомъ заключалась вторая главная причина неудачи гуманистическаго движенія[2]). Сисмонди въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ говоритъ объ окончательномъ литературномъ застоѣ въ эту эпоху, потому что „цѣпи учености задушили воображеніе", потому что писатели пользовались мертвымъ языкомъ, на которомъ „сынъ не понималъ своей матери, влюбленный — своей возлюбленной"[3]). Вредное

---

[1]) Ibid. p. 262—264. Замѣтимъ кстати, что свѣдѣніе о замѣшательствѣ Марсуппини, которое сообщаетъ Naldo Naldi въ біографіи Манетти, Сисмонди заимствуетъ изъ вторыхъ рукъ, изъ книги Roscoe; иначе ему пришлось бы сказать, что педанта выручилъ другой еще большій педантъ.

[2]) Ibid. VI, p. 261—262.

[3]) Ibid. V, p. 169.

вліяніе этого факта отразилось, по мнѣнію Сисмонди, и на позднѣйшей итальянской литературѣ. „Недостатки, за которые до сихъ поръ ее упрекаютъ, говоритъ онъ, могутъ быть всѣ объяснены первой ошибкой литераторовъ, что они оставили національный языкъ въ то столѣтіе, которое должно было самымъ выдающимся образомъ соединить вкусъ съ геніемъ. То столѣтіе, которое послѣдовало за Данте и Петраркой, потеряно для литературы: педантство отняло у нея всю силу и всѣ ея памятники остаются погребенными въ иностранномъ языкѣ“ [1]). Дѣйствительно, весьма длинный промежутокъ времени отъ Петрарки до Аріосто былъ сравнительно безплоденъ для итальянской поэзіи и исторія литературы когда-нибудь выяснитъ истинныя причины этого пробѣла. Во всякомъ случаѣ, онѣ не тамъ, гдѣ думаетъ ихъ найти Сисмонди. Прежде всего латинскій языкъ не господствовалъ такъ безраздѣльно, какъ обыкновенно утверждаютъ, и весьма многіе гуманисты пользовались обоими языками, при чемъ иные, какъ Бруни и Салютати, писали на ряду съ латинской прозой итальянскіе стихи, какъ то дѣлалъ Петрарка. Если въ этой національной литературѣ не было талантовъ, то въ этомъ не виновато „латинское педантство“, которое не убивало художественнаго творчества въ сферѣ пластическихъ искусствъ. Самый терминъ — педантство — не подходитъ къ гуманистической наукѣ: всѣ ея трактаты, за исключеніемъ развѣ чисто филологическихъ, скорѣе напоминаютъ салонную ученость просвѣтителей XVIII вѣка.

Итакъ, въ первой крупной исторіи Италіи мы не находимъ не только выясненія мѣстнаго историческаго значенія Ренесанса, но и правильной постановки этого вопроса. Ближайшій преемникъ Сисмонди — *Лео,* занятый исключительно политической исторіей Италіи, почти его не касается. Правда, въ исторіи Флоренціи XIV и XV столѣтій онъ отводитъ два отдѣла научно-художественному движенію этой эпохи [2]), но оба они не представляютъ интереса ни по взглядамъ автора на Ренесансъ, ни по фактическому изложенію. Лео видитъ въ гуманизмѣ филологическое движеніе, въ изложеніи котораго сообщаетъ нѣкоторыя данныя объ итальянскихъ представителяхъ Ренесанса, заимствованныя отчасти изъ Мегуса, отчасти изъ другихъ историковъ итальянской литературы.

Итальянскіе историки относятся къ Ренесансу, въ большинствѣ

1) Ibid. IV, 193.

2) *H. Leo, Geschichte der italienischen Staaten. 4. Theil. Hamburg 1830.* Übersicht der Kunst- und Literatur-Geschichte Toscanas vom Ende des 13-ten Jahrhunderts bis 1430, p. 284 и слѣд. Von Cosimo's de Medici Wirken für Kunst und Wissenschaft, p. 348 и слѣд.

случаевъ, отрицательно; иные, какъ *Джудичи*[1]), обходятъ его совершеннымъ молчаніемъ. *Босси* въ 17-мъ томѣ своей обширной „*Исторіи древней и новой Италіи*“ даетъ обѣщаніе показать „средства, благодаря которымъ такъ двинулись впередъ научныя занятія въ Италіи, вліяніе, которое имѣла литература на цивилизацію (incivilmento) народовъ, на соціальныя отношенія, на политику и законодательство и, наконецъ, причины, которыя вызвали ея паденіе“[2]). Но эти обѣщанія остаются неисполненными. Босси утверждаетъ только, что XV вѣкъ былъ подготовительной эпохой, констатируетъ благія послѣдствія просвѣщенія[3]) и по Тирабоски излагаетъ, съ незначительными дополненіями[4]), важнѣйшіе факты по исторіи литературы, науки и искусства въ XV вѣкѣ. Но воззрѣнія Босси весьма рѣдко встрѣчаются въ итальянской исторической литературѣ. *Чезаре Бальбо,* суммируя обычные взгляды итальянцевъ на Ренесансъ, пытается нѣсколько смягчить ходячій приговоръ о гуманистическомъ движеніи. По его словамъ, „упадокъ или, вѣрнѣе, замедленіе прогресса началось не съ XV вѣка, какъ обыкновенно говорятъ, но со смерти Петрарки и Боккаччіо, около 1375 года, и продолжалось не все столѣтіе, а только приблизительно до 1450 года. Послѣ этого прогрессъ быстро и самымъ блестящимъ образомъ вновь ускорился, благодаря четыремъ импульсамъ, которые дѣйствовали въ эту эпоху: міру, религіозному и политическому, прибытію грековъ и, наконецъ, великому изобрѣтенію книгопечатанія. Такимъ образомъ движеніе этого періода дѣлится на два аллюра (andamenti): одинъ медленный, другой быстрый, одинъ посредственный, другой великій, и эта посредственность XV вѣка въ культурѣ, какъ въ политикѣ, сводится только къ первой его половинѣ“[5]). Еще суровѣе относится къ Возрожденію самый знаменитый изъ современныхъ историковъ Италіи — Канту.

Чезаре Канту не придаетъ особаго значенія гуманистическому движенію. Во второмъ томѣ своей „*Исторіи итальянцевъ*“ онъ посвящаетъ нѣсколько главъ культурному состоянію Италіи въ эту

[1]) *Emiliani-Giudici, Storia dei communi italiani. Firenze 1864—66 3 vols.* Книга *Carlo Morbio, Storie dei municipii italiani illustrate con documenti inediti. Milano MDCCCXL* представляетъ собою описаніе древностей, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ документовъ, не имѣющихъ отношенія къ интересующей насъ эпохѣ.

[2]) *Luigi Bossi, Della istoria d'Italia antica e moderna. Volume XVII. Milano 1822,* p. 275.

[3]) Ibid. p. 343—344.

[4]) Ibid. p. 334.

[5]) *Cesare Balbo, Della storia d'Italia dalle origini fino all' anno 1814. Sommario. Edizione terza. Parigi 1847, p. 231.*

эпоху, но нигдѣ не употребляетъ термина Возрожденіе вслѣдствіе того, что не признаетъ такого значенія за гуманизмомъ. Главѣ, спеціально посвященной гуманистамъ, онъ даетъ названіе *Gli eruditi*, изъ которыхъ выдѣляетъ весьма немногихъ въ особую главу подъ заглавіемъ *Scienziati*[1]). Уже съ первыхъ словъ первой главы видно отношеніе автора къ гуманистическому движенію. „Отъ имени Медичи, говоритъ онъ, мы можемъ лучше всего перейти къ разсмотрѣнію ученыхъ того времени. Одни прославляютъ ихъ, какъ просвѣтителей Италіи и Европы; другіе обвиняютъ, что они сбили съ пути оригинальную культуру и были предшественниками тѣхъ педантовъ, которые всегда съ тѣхъ поръ вредили нашей странѣ, замѣняя изученіе вещей изученіемъ словъ. Кто признаетъ прогрессомъ только возвращеніе назадъ и красотою только подражаніе античному, долженъ признать, что какъ въ древности греки были просвѣтителями античнаго міра, такъ и Италія имъ обязана новымъ возрожденіемъ. А развѣ наши читатели рѣшатся повѣрить, что родина Данте обязана своей культурой загрязненнымъ, бѣглымъ грамматикамъ изъ Константинополя?"[2]) Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Канту не согласенъ ни съ обвинителями, ни съ панегиристами гуманистовъ. Онъ отрицаетъ за ними всякую важность, потому что они были учениками грековъ, хотя въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ думали крайніе сторонники византійскаго вліянія. Движеніе представляется ему вызваннымъ античной литературой и лишеннымъ національной почвы, какъ думалъ и Сисмонди. Канту не задаетъ себѣ вопроса о причинахъ увлеченія древностью, а просто разсказываетъ, какъ распространялось знаніе греческаго языка въ Италіи, какъ отыскивали рукописи, какъ развивалось меценатство и популярность писателей, о которыхъ сообщаетъ нѣкоторыя біографическія подробности, — словомъ все то, что было извѣстно о гуманизмѣ уже въ XVIII вѣкѣ, благодаря трудамъ Мегуса, Тирабоски и друг. Самостоятельнаго знакомства съ гуманистической литературой у него такъ же мало, какъ у Сисмонди. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ главѣ Scienziati Канту не сказалъ почти ничего о научныхъ заслугахъ гуманистовъ[3]), а главное, изъ такихъ фактическихъ промаховъ, какіе рѣдко встрѣчаются и въ литературѣ XVIII вѣка. Такъ, одно изъ самыхъ популярныхъ сочиненій эпохи, которое выдержало болѣе сотни изданій, трактатъ Валлы „De Linguae

[1]) *Cesare Cantù. Storia degli Italiani. Tomo II. Seconda edizione. Torino 1858*, p. 990 и 1008.
[2]) Ibid. p. 990.
[3]) Ibid. p. 1008—1009.

latinae elegantia“ онъ приписываетъ Поджіо[1]), а сочиненія послѣдняго De Avaritia и Contra Hipocritas — Валлѣ. Валлу же вмѣсто Поджіо заставляетъ онъ вступить въ полемику съ Гуарино изъ-за Юлія Цезаря[2]).

Такъ же, какъ Сисмонди, преувеличиваетъ Канту увлеченіе гуманистовъ древностью и формой. По его мнѣнію, „каждый выбиралъ себѣ автора, передъ которымъ идолопоклонствовалъ и котораго проповѣдовалъ съ апостольскимъ жаромъ“. При этомъ въ собственныхъ произведеніяхъ гуманисты обращали будто-бы почти исключительное вниманіе на форму. „Оскорбленіе элегантности стиля, по его словамъ, причиняло болѣе стыда, чѣмъ оскорбленіе истины и приличія, и эти раздоры педантовъ возбуждали страсти и разъединяли города и провинціи“ [3]). Это значитъ смотрѣть на увлеченіе древностью и на гуманистическія инвективы даже не въ лупу, а въ микроскопъ. Въ дальнѣйшей характеристикѣ гуманистическаго движенія Канту повторяетъ Сисмонди: тѣ же самые упреки въ отсутствіи оригинальности, въ разладѣ слова съ дѣломъ, въ политической неспособности и сервилизмѣ[4]). Уклоненія весьма незначительны и дополненія только фактическія. Такъ, напр., Канту къ извѣстному разсказу о Марсуппини прибавляетъ, что и Петрарка, находясь при дворѣ Дж. Висконти, отказался безъ приготовленія отвѣчать генуэзскимъ посламъ. Какъ будто способность къ импровизаціи составляетъ существенный признакъ истиннаго государственнаго человѣка. Наконецъ, вмѣстѣ съ Сисмонди, обвиняетъ Канту гуманистовъ въ презрѣніи къ родному языку. Но, повторивши извѣстный разсказъ Варки, что въ его время дѣтямъ запрещали читать итальянскія книги, чтобы усовершенствовать ихъ въ латинской рѣчи, и приведя нѣсколько образчиковъ испорченнаго итальянскаго языка (въ концѣ XV вѣка), Канту самъ же указываетъ на Маттео Пальміери и Л. Альберти, какъ на авторовъ, превосходно владѣвшихъ роднымъ языкомъ[5]), и количество такихъ примѣровъ можно увеличить

---

[1]) Ibid. p. 995.

[2]) Ibid. p. 996.

[3]) Ibid. p. 999.

[4]) Характеристика гуманистовъ на страницѣ 1001 представляетъ простой пересказъ соотвѣтствующаго мѣста изъ Сисмонди (VI, p. 261—265); при чемъ главныя мысли переданы почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Для примѣра приведемъ одно сравненіе. Сисмонди говоритъ: C'est pour avoir aìnsi séparé la science d'avec action, l'eloquence d'avec la politique, et le style d'avec la pense que les érudits du XV siècle ne contribuèrent poind etc. VI, p. 264. У Канта: Sconcio peggior che litterario, s'insegnò a separare il sentimento dalla parola, la letteratura dall azione, la forma dal pensiero etc. p. 1001.

[5]) Ibid. p. 1006—1008.

до какихъ угодно размѣровъ, такъ что то, что Канту считаетъ общимъ правиломъ, вѣрнѣе назвать исключеніемъ.

Болѣе сдержанно и менѣе опредѣленно относится къ Ренесансу *Карло Чиполла* въ своей „*Исторіи итальянскихъ сеньорій*". Онъ не считаетъ возможнымъ обходить молчаніемъ гуманистическаго движенія и отмѣчаетъ его, хотя весьма кратко, при изложеніи исторіи Венеціи, Флоренціи, Рима и Неаполя[1]). Но его взгляды на общее значеніе Возрожденія страдаютъ нѣкоторою неопредѣленностью. По видимому, онъ раздѣляетъ мнѣніе Герцони, что прилагать къ итальянской исторіи французское слово Renaissance — абсурдъ. „Если, вслѣдствіе распространившагося обычая, говоритъ Чиполла въ подстрочномъ примѣчаніи, у меня часто срывается съ пера слово Rinascimento, то я никогда не думалъ, что въ немъ заключается такое сужденіе объ эпохѣ, которое оно выражаетъ, а желалъ только указать имъ время, которое характеризуется классицизмомъ, возстановленнымъ трудами гуманистовъ". Онъ согласенъ также съ Герцони, что „эпоха св. Ѳомы, Данте и Петрарки — нѣчто совершенное иное, нежели періодъ невѣжества и слабости", что, наоборотъ, „XV и XVI столѣтія во многихъ отношеніяхъ были ниже тѣхъ, которыя имъ предшествовали". Тѣмъ не менѣе Чиполла признаетъ, что только въ XV вѣкѣ „возродилась древность, какъ элементъ интеллектуальной жизни". Тогда, говоритъ онъ, „образовалась научная атмосфера, не скажу теперь, насколько лучшая и насколько худшая, чѣмъ была въ предшествующее столѣтіе, но несомнѣнно отъ нея отличная"[2]). Въ самомъ изложеніи Чиполла оставляетъ эту сдержанность и склоненъ признать за Ренесансомъ то значеніе, которое заключается въ его этимологіи. „Греко-латинская древность, говоритъ онъ, съ XIV столѣтія постепенно проникала въ итальянскую жизнь, какъ источникъ культуры и высшая цѣль существованія, потому что она обозначала искусство, науку и гражданскую жизнь". Сообразно съ этимъ, за Возрожденіемъ признается „огромная политическая важность" и могучее соціальное вліяніе. „Древность, говоритъ Чиполла, была соединительнымъ кольцомъ между средневѣковой и новой культурой; посредствомъ нея произошли и соціальныя перемѣны (trasformazione sociale)". Отказываясь употреблять слово Renascimento въ его буквальномъ смыслѣ, Чиполла замѣняетъ его весьма близкимъ по значенію — rinnovamento della coltura и въ политической исторіи не

---

[1]) *Carlo Cipolla, Storia delle signiorie italiane dal 1313 al 1530. Parte I. Milano 1881*, p. 257, 285, 286, 407, 408, 484—486.

[2]) Ibid. p. 285—286. О книгѣ *Guerzoni, Il primo rinascimento. Verona 1878*, см. ниже.

считаетъ возможнымъ умолчать объ этомъ обновленіи „въ силу его соціальныхъ и политическихъ послѣдствій"[1]. Къ сожалѣнію, въ его книгѣ мы не находимъ даже и попытокъ прослѣдить категорически признанныя вліянія Возрожденія.

Итакъ историки Италіи не отвергаютъ политическаго и соціальнаго значенія Ренесанса; но въ ихъ произведеніяхъ мы не находимъ не только рѣшенія этого вопроса, но даже правильной его постановки. Причину такого отношенія къ гуманистическому движенію слѣдуетъ искать отчасти въ современномъ состояніи спеціальной литературы по Возрожденію, отчасти въ патріотическихъ увлеченіяхъ. Ниже мы увидимъ, что политическія стремленія такихъ корифеевъ гуманизма, какъ Петрарка и Боккаччіо, до сихъ поръ не выяснены, а объ ихъ преемникахъ еще и рѣчи не заходило. Вопросъ о патріотизмѣ гуманистовъ точно также остается открытымъ, потому что на ряду съ ихъ изрѣченіями въ космополитическомъ духѣ можно указать несомнѣнные слѣды ихъ патріотизма, какъ мѣстнаго, такъ и общеитальянскаго. Нѣсколько яснѣе ихъ соціальныя стремленія, но практическіе результаты демократизма гуманистовъ, по самой сложности дѣла, еще долго останутся открытымъ вопросомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя стороны гуманистическаго движенія, при поверхностномъ къ нимъ отношеніи, легко могли показаться итальянцамъ оскорбительными для ихъ патріотическаго чувства. Несомнѣнное увлеченіе античной литературой и латинскимъ языкомъ придавало движенію антинаціональный характеръ, а старый предразсудокъ о византійскомъ происхожденіи гуманизма дѣлалъ оскорбительнымъ предположеніе, что за національное „возрожденіе" итальянцы были обязаны бѣглымъ ренегатамъ. Къ этому присоединился еще тотъ фактъ, что гуманисты оставались равнодушными къ церковной реформѣ и служили мѣстнымъ тиранамъ, которые не только уничтожили политическую свободу въ Италіи, но и навлекли на нее бѣдствія чужеземнаго нашествія. Итальнскія войны и католическая реакція такъ же случайно ассоціировались съ представленіемъ о гуманистическомъ движеніи, какъ ужасы Террора съ великими идеями 89 года. Въ силу этого, если отсутствіе монографическихъ изслѣдованій помѣшало выяснить національное значеніе Ренесанса, то ложныя ассоціаціи воспрепятствовали даже правильной постановкѣ этого вопроса.

---

1) Ibid. p. 407, 408, 285.

X.

Значеніе для исторіографіи Ренесанса историковъ мѣстной литературы отдѣльныхъ итальянскихъ городовъ. Заслуги Маццукелли, Дзено и Тирабоски. Женгенэ и Маффеи. Рутъ, Эбертъ и Джудичи. Отношеніе къ гуманизму Канту, Сеттембрини и Де-Санктиса. Адольфъ Гаспари. Общій характеръ заслугъ историковъ итальянской литературы въ исторіографіи Возрожденія.

История итальянской литературы занимаетъ въ исторіографіи гуманизма гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ политическая исторія Италіи. Правда, патріотизмъ и здѣсь мѣшалъ правильной оцѣнкѣ движенія, и вопросъ о вліяніи Ренесанса на національную литературу поставленъ на вполнѣ научную почву только въ самое послѣднее время. Но подъ вліяніемъ того же чувства итальянцы весьма рано начали изучать родную старину и біографіи знаменитостей прошлаго, такъ что патріотизмъ, препятствовавшій выясненію національнаго значенія Возрожденія, оказалъ важное содѣйствіе его фактическому изученію. Еще въ XV вѣкѣ начали появляться сочиненія о знаменитыхъ писателяхъ или въ формѣ коротенькихъ біографій, какъ у Бистичи, или въ формѣ похвальныхъ словъ (Elogia), какъ у Джовіо, или въ видѣ краткой оцѣнки ихъ литературной дѣятельности, какъ у Кортезе, и такія произведенія продолжали появляться до конца прошлаго столѣтія[1]). Почти каждый городъ въ Италіи имѣлъ такого историка литературы, а въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ Флоренція или Венеція, ихъ было по нѣскольку. Конечно, далеко не всѣ писатели этой категоріи имѣютъ значеніе для исторіографіи Возрожденія[2]), но нѣкоторые изъ нихъ, какъ, *Негри* для Флоренціи, *Агостини* для Венеціи, *Аргеллати* и *Сасси* для Милана, *Монжиторе* для Сициліи, *Топпи* для Неаполя, *Маффеи* для Вероны и проч. не утратили своей цѣны въ настоящее время.

На почвѣ этихъ мѣстныхъ изслѣдованій развилась исторія общеитальянской литературы, которая воспринимала въ себя результаты мѣстныхъ изысканій, иногда дополняя ихъ новыми изслѣдованіями, иногда только систематизируя и обобщая чужую работу. До нынѣш-

---

[1]) Бистичи, Джовіо и Кортезе будутъ разсмотрѣны въ главѣ, посвященной источникамъ и спеціальной литературѣ по Возрожденію, мѣстные историки литературы въ соотвѣтствующихъ главахъ.

[2]) Таково, напр., произведеніе *Franc. Tinto, La nobiltà di Verona. Verona MDXCII.* Книга заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ разсужденія о происхожденія философія и тому подобныхъ матеріяхъ. Факты приведены только изъ жизни Веронскихъ святыхъ, а прочія знаменитости только перечислены (р. 498 и слѣд.).

няго столѣтія чаще всего такія произведенія излагались въ біо- и библіографической формѣ; но иногда встрѣчались попытки и философскаго изложенія развитія итальянской литературы. Самая ранняя исторія литературы въ Италіи принадлежитъ *Джиммѣ*[1]). Это двухтомный фоліантъ, въ которомъ изложеніе ведется отъ Адама, итальянская исторія начинается съ Ноя, основавшаго колоніи въ Италіи и насадившаго тамъ науки и искусства. Содержаніе книги не исчерпывается литературой: тамъ изложена политическая и церковная исторія, трактуется вопросъ о янсенизмѣ, рѣшается проблема о томъ, есть ли теперь на землѣ кровь Христова, и т. д. Спеціально для Возрожденія книга не даетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ. Гораздо важнѣе трудъ *Крешимбени;* но предметомъ его изслѣдованія служила исключительно народная поэзія[2]), вслѣдствіе чего его книга почти не имѣетъ значенія для исторіи Ренесанса. „*Конспектъ литературнаго сокровища Италіи*“ извѣстнаго *Фабриціуса* представляетъ собою простой списокъ печатныхъ сочиненій объ Италіи[3]). Только съ половины XVIII столѣтія появляются такія произведенія по исторіи итальянской литературы, которыя до сихъ поръ еще не утратили своей цѣны. Сюда относятся, во-первыхъ, „*Фоссіевы Диссертацій*“ *Апостоло Дзено*. Въ половинѣ XVII вѣка вышло сочиненіе *Фоссіуса* „*О латинскихъ историкахъ*“, въ третьей части котораго содержатся краткія біографіи гуманистовъ, оставившихъ латинскія сочиненія историческаго содержанія[4]). Къ этому перечню, совершенно незначительному ни по содержанію, ни по объему, Дзено написалъ двухтомный комментарій[5]), безъ котораго нельзя обойтись и теперь при спеціальномъ изученіи Возрожденія. Въ его книгѣ нѣтъ систематическихъ біографій, но отдѣльныя біографическія данныя и даты весьма тщательно собраны и критически провѣрены по первоначальнымъ источникамъ, иногда руко-

---

[1]) *Giacinto Gimma, Idea della Storia dell'Italia Letterata. Napoli 1723, 2 vols.* Рецензія книги съ обширными выдержками, которой я пользуюсь, въ журналѣ *Bibliotheque Italique. 1728. Tome II. Geneve 1728,* p. 1 и слѣд.

[2]) *G. M. Crescimbeni, Storia della Volgar Poesia. 6 vols. Venezia 1730.*

[3]) *Albertus Fabricius, Conspectus Thesauri Litterarii Italiae, praemissam habens, praeter alia, notitiam Diariorum Italiae litterariorum thesaurorumque ac corporum Historicorum et Academiarum subjuncto Peplo Italiae Jo. Matthaei Toscani. Hamburgi 1730.* Этотъ Peplus Italiae, вышедшій впервые въ Парижѣ въ 1578 г., представляетъ собою стихотворныя Elogia итальянскимъ писателямъ, съ краткими ихъ біографическими очерками.

[4]) *Ger. Joan. Vossius, De Historicis latinis libri III. Lugduni Batavorum 1651.*

[5]) *Apostolo Zeno, Dissertazioni Vossiane cioè giunte e osservazioni intorno agli storici italiani che hanno scritto latinamente, rammentati dal Vossio nel III libro de Historicis Latinis. Tomo I. Venezia 1752. Tomo II, 1753.*

писнымъ. Кромѣ основательной критики, которая во второй половинѣ XVIII вѣка встрѣчается довольно часто въ итальянскихъ ученыхъ работахъ, книга Zeno имѣетъ огромную цѣну по библіографическимъ даннымъ. При современномъ состояніи исторіографіи Ренесанса, составленіе даже простыхъ списковъ сочиненій отдѣльныхъ гуманистовъ сопряжено съ большими затрудненіями; каталоги Дзено имѣютъ поэтому весьма важное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ указаны обыкновенно почти всѣ изданія и отмѣчено, гдѣ находятся рукописи неизданныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, каталоги не всѣ полны, составлены не для всѣхъ писателей, и далеко не всѣ гуманисты занесены были въ перечень Фоссіуса.

Одновременно съ вторымъ томомъ книги Дзено появился замѣчательный трудъ графа *Маццукелли* — „*Писатели Италіи*[1]), біографическій словарь, задуманный въ колоссальныхъ размѣрахъ. Маццукелли внесъ въ свою работу результаты всей предшествующей литературы, дополнивъ ея пробѣлы самостоятельными изслѣдованіями. Біографіи писателей коротки и носятъ чисто внѣшній характеръ; но онѣ составлены съ тщательной критикой и съ чрезвычайно обширной эрудиціей. То же самое можно сказать и о его библіографическихъ указаніяхъ. Если бы работа Маццукелли была закончена, мы имѣли бы необходимую настольную книгу для исторіи Возрожденія, которая на половину облегчала бы трудъ его изученія, давая возможность своими указаніями сразу оріентироваться въ біографическомъ и въ библіографическомъ матеріалѣ, хотя онъ, какъ у Дзено, исчерпывается только заглавіями сочиненій и ихъ изданіями. Но Маццукелли умеръ, не окончивши работы, и шесть толстыхъ фоліантовъ его словаря доходятъ только до буквы С.

Первыя попытки систематическаго изложенія исторіи всѣхъ отдѣловъ литературы, науки и искусства относятся къ послѣдней четверти прошлаго вѣка: въ 1779 г. вышла „*Исторія свободныхъ искусствъ и наукъ въ Италіи*“ *Ягеманна*[2]), въ 1782 году — „*Исторія итальянской литературы*“ *Тирабоски*[3]). Оба сочиненія имѣютъ много общаго: они написаны по одному плану, имѣютъ въ виду преимущественно систематизацію отдѣльныхъ работъ для образованнаго

1) *Conte Giammaria Mazzuchelli, Gli Scrittori d'Italia cioé notizie storiche, e critiche intorno alle vite, e agli scritti dei Letterati Italiani. Volume I. Parte 1 e 2; Vol. II. Part. I IV. Brescia 1753.*

2) *Chr. Jos. Jagemann, Die Geschichte der freyen Künste und Wissenschaften in Italien. Dritten Bandes zweiter und dritter Theil. Leipzig 1779.*

3) *Abate Girolamo Tiraboschi, Storia della letteratura Italiana Nuova edizione. Tomo V, Parti III e Tomo VI, Parti V. Venezia 1823.*

читателя, а не самостоятельныя изслѣдованія. Оба автора держатся строго хронологическаго порядка, предпосылають изложенію каждаго столѣтія современное политическое состояніе и въ особенности развитіе меценатства, а затѣмъ излагають по рубрикамъ всѣ виды литературы, включая сюда и ученую, и богословскую, и философскую, а также исторію изящныхъ искусствъ и ученыхъ учрежденій. И недостатки въ обоихъ сочиненіяхъ по существу тѣ же самыя: эпоха Ренесанса не выдѣлена, какъ самостоятельное движеніе, и въ каждой рубрикѣ, послѣ короткой общей характеристики, излагаются біографіи соотвѣтствующихъ дѣятелей съ указаніями на ихъ произведенія, при чемъ коротенькія біографіи носятъ чисто внѣшній характеръ, а библіографіи крайне не полны. Въ общемъ обѣ „Исторіи" представляють собою справочныя книги; но сочиненіе Ягеманна теперь совершенно устарѣло, а книга Тирабоски легла въ основаніе почти всѣхъ позднѣйшихъ работъ аналогичнаго содержанія и до настоящаго времени составляетъ необходимое пособіе при изученіи Ренесанса. Причина этого заключается прежде всего въ бóльшемъ обиліи матеріала у Тирабоски: Ягеманнъ посвятилъ XIV и XV столѣтію по одному томику въ 16-ю долю листа; у Тирабóски, въ новомъ изданіи, XIV вѣкъ занимаетъ три тома in 8°, а XV — 5 такихъ же томовъ. Кромѣ того, Ягеманнъ рѣдко обращается къ первоначальнымъ источникамъ и никогда къ рукописямъ; Тирабоски дѣлаетъ это весьма часто, вслѣдствіе чего его книга представляетъ иногда интересъ самостоятельнаго изслѣдованія.

Обширной извѣстностію пользовалась въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія книга *Женгенэ*[1]); но для исторіографіи Возрожденія она не имѣетъ существеннаго значенія. Женгенэ съ особенымъ вниманіемъ останавливается на національной литературѣ, и здѣсь онъ совершенно самостоятеленъ; но въ изложеніи гуманистическихъ произведеній онъ опирается главнымъ образомъ на Тирабоски и не даетъ ничего новаго[2]). Главная его заслуга заключается въ томъ, что онъ останавливается на латинскихъ произведеніяхъ Петрарки и Боккаччіо и этимъ самымъ подчеркиваетъ западно-европейское происхожденіе гуманизма, хотя о его причинахъ Женгенэ говоритъ такъ же мало, какъ и его итальянскій предшественникъ. Въ томъ же самомъ отношеніи къ Женгенэ, въ какомъ онъ находился къ Тирабоски, стоитъ аббатъ *Маффеи*[3]). Его *„Исторія итальянской литературы"*

1) *P. L. Ginguené, Histoire litteraire d'Italie. II edition. T. II et III. Paris 1824.*

2) См. мѣткій отзывъ у Hallam'a Hist. de la litt. I, p. VII.

3) *Abate Giuseppe Maffei. Storia della leterratura italiana dall origine della lingua sino a' nostri giorni. 3 edizione. Parte I. Italia 1834.*

имѣетъ цѣлью дать хорошее руководство учащейся молодежи и тѣмъ образованнымъ людямъ, для которыхъ трудъ Тирабоски слишкомъ обширенъ. Предшествовавшія компиляціи этой книги, сдѣланныя *Landi* (въ пяти томахъ) и *Zanini* кажутся ему или слишкомъ обширными или имѣютъ тотъ же пробѣлъ, что и у Тирабоски, т.-е., пропускаютъ XVIII вѣкъ. Чтобы пополнить эти недостатки, Маффеи написалъ свой компендіумъ, въ которомъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за Женгенэ, подвергая его впрочемъ значительнымъ сокращеніямъ. Въ исторіи XV вѣка этимъ сокращеніямъ подверглась почти вся латинская литература, что лишаетъ книгу Маффеи всякой цѣны для исторіи Ренесанса. Самостоятельнѣе и справедливѣе относится къ гуманистическому движенію нѣмецкій историкъ итальянской литературы *Рутъ*. Занятый исключительно поэтическими произведеніями, написанными на народномъ языкѣ, Рутъ не даетъ въ своей книги обзора латинской литературы, но пытается опредѣлить общее значеніе гуманизма и въ частности изученія древнихъ для національной поэзіи. Въ общемъ Рутъ считаетъ гуманистическое движеніе весьма благотворнымъ въ этомъ отношеніи. „Итальянской поэзіи для достиженія наивысшаго процвѣтанія были необходимы, говоритъ онъ, двѣ существенныхъ вещи: проявленіе національности въ поэзіи и возвышеніе ея посредствомъ древнихъ образцовъ“ [1]). По его мнѣнію, XV столѣтіе дало то и другое: историческія событія дали возможность проявится національному самосознанію у итальянцевъ [2]), гуманизмъ познакомилъ съ античными образцами; поэтому XV вѣкъ не былъ временемъ „застоя и реакціи“, а наоборотъ — „эпохою внутренняго броженія развитія и просвѣщенія итальянскаго характера“ [3]).

Развивая далѣе свою идею, Рутъ выясняетъ подробнѣе, въ чемъ заключалась полезная и вредная сторона Ренесенса. Обычныя преувеличенія относительно увлеченія латинскимъ языкомъ оказали вліяніе и на воззрѣнія Рута. По его мнѣнію, преемники Петрарки образовали два рѣзко противоположныхъ направленія: одни развивали его интересъ къ древней литературѣ, другіе подражали его итальянскимъ произведеніямъ. Первые образовали ученую аристократію, примкнули къ аристократіи политической и глубоко презирали національный языкъ [4]). Не подлежитъ сомнѣнію, что поэзія Петрарки,

1) *E. Ruth. Geschichte der italienischen Poesie. II. Theil. Leipzig 1847*, p. 1, 2.

2) Въ объясненіи историческихъ событій этой эпохи Рутъ не обнаруживаетъ большаго глубокомыслія. Bei der historischen Entwicklung der Nationalität, говоритъ онъ, war ein mächtiger Hebel in einem Grundzug des Charakters thätig, in dem Neid und der Eifersucht. Ibid. p. 2.

3) Ibid.

4) Ibid. p. 10 и слѣд.

какъ и его латинская проза, вызывали подраженія; но нельзя утверждать, чтобы между ними была рѣзкая противоположность: Л. Марсильи комментировалъ стихотворенія Петрарки; Салютати, Бруни, Л. Б. Альберти и другіе сами писали сонеты. Далѣе упреки гуманистамъ въ крайнемъ формализмѣ — также ходячее преувеличеніе. Рутъ заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что объясняетъ поэтическую безплодность эпохи исключительнымъ интересомъ гуманистовъ къ формѣ[1]), забывая, что и въ противномъ лагерѣ за это время не было создано ничего крупнаго. Гораздо ближе къ истинѣ стоитъ Рутъ тамъ, гдѣ онъ выясняетъ заслуги Ренесанса, благодаря которому, по его мнѣнію, потерпѣла полное пораженіе схоластика и создалась новая философія, а въ литературѣ произошла реакція противъ средневѣковой поэзіи трубадуровъ, а главнымъ образомъ появились „свободный взглядъ на природу", а также психологическая правда и болѣе изящный вкусъ[2]).

Соотечественникъ Рута, *Эбертъ*, въ своей *„Исторіи итальянской національной литературы"*, приблизительно такъ же оцѣниваетъ заслуги Ренесанса, не упоминая или не признавая его вреднаго вліянія на національную поэзію. Въ коротенькомъ очеркѣ, посвященномъ этой эпохѣ, Эбертъ утверждаетъ, что гуманизмъ положилъ начало тому объединенію языческихъ и христіанскихъ элементовъ культуры, которое лежитъ въ основаніи новой цивилизаціи, и что спеціально въ сферѣ поэзіи ему обязано человѣчество первыми началами эстетическаго воспитанія[3]). *Джудичи,* подобно Руту, считаетъ гуманистическое движеніе внѣ сферы изученія историка національной литературы. Признавая въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ важность этой эпохи[4]), онъ видитъ въ ней „появленіе элементовъ въ нѣкоторомъ родѣ

---

1) Ibid. p. 13.

2) Ibid. p. 13 и 14. Страннымъ образомъ Рутъ исключаетъ изъ сферы этого вліянія искусства, die ganz aus christlichen Elementen erzeugt waren und in schneidendem Gegensatz mit der aristokratischen Poesie und Gelehrsamkeit standen. Ibid. p. 14.

3) *Adolf Ebert, Handbuch der italienischen National-Litteratur. Historisch geordnete Anthologie der Poesie und Prosa von der ältesten bis auf die neueste Zeit, nebst einem Abriss der Literatur-Geschichte. II. Ausgabe. Frankfurt a/M. 1864,* p. 26.

4) *P. Emiliani-Giudici, Storia della letteratura italiana. Volume I, IV impessione. Firenze 1865* (1-е изданіе вышло въ 1855 году). Эпоху гуманизма онъ называетъ: grande periodo di scoprimento, di ricostruzione, d'impulso, di operosità straordinaria, di entusiasmo senza pari; periodo che medita lo ardito concetto e coraggiosa mente lo manda ad esecuzione, di riparare a' guasti recati da parecchi secoli di devastazioni feroci, di rovesciamenti inauditi, di portentose trasformazioni, p. 338.

чужеземныхъ" и поэтому считаетъ себя въ правѣ ограничиться краткимъ и чисто внѣшнимъ изложеніемъ фактической исторіи движенія[1]), отказавшись даже отъ его общей характеристики. „Существованіе этой эпохи, говоритъ онъ, которая правильно можетъ быть названа эпохою реконструкціи (di recostruzione), было неизбѣжнымъ кризисомъ человѣческой мысли, который сопровождался соединеніемъ хорошихъ и дурныхъ сторонъ, столь перепутанныхъ другъ съ другомъ, что едва ли можно сказать, первыя или вторыя имѣютъ большее значеніе. Это вопросъ, который всегда представляетъ изучающему цивилизацію новыхъ народовъ дѣвственное поле (campo vergine) для самыхъ важныхъ разсужденій"[2]). Самъ Джудичи воздерживается отъ всякой попытки въ этомъ родѣ.

Чезаре Канту въ своей *„Исторіи итальянской литературы"* отводитъ особую главу гуманистическому движенію, но повторяетъ въ ней въ тѣхъ же выраженіяхъ тѣ же самые взгляды, съ которыми мы познакомились при разборѣ его историческаго сочиненія[3]). Даже фактическія ошибки о Валлѣ и Поджіо остались неисправленными и въ этой книгѣ[4]). Несравненно болѣе интереса для исторіи Ренесанса представляютъ лекціи по исторіи итальянской литературы неаполитанскаго профессора *Сеттембрини*. Сеттембрини принадлежитъ къ числу немногихъ итальянскихъ историковъ, которые придаютъ важное значеніе гуманизму и считаютъ его крупнымъ и благотворнымъ явленіемъ національной исторіи. Онъ жалуется, что латинская литература XV вѣка плохо извѣстна, и совѣтуетъ своимъ слушателямъ изучать гуманистическихъ писателей, „которыхъ мы несправедливо позабыли, презираемъ, какъ педантовъ и, слѣдуя мнѣнію чужеземцевъ или неразумныхъ, или завистливыхъ, говоримъ, что они не принадлежатъ къ нашей литературѣ"[5]). Сеттембрини совершенно правильно думаетъ, что гуманизмъ былъ результатомъ національныхъ условій тогдашней итальянской жизни, хотя это и не мѣшаетъ Ренесансу имѣть всемірно-историческое значеніе. „Петрарка и Боккаччіо, говоритъ онъ, не были причиною реставраціи изученія античнаго міра, какъ это легко думать, но они старались вмѣстѣ съ другими и несомнѣнно болѣе другихъ реставрировать его. Въ этомъ отношеніи

---

1) Ibid. p. 343 и слѣд.

2) Ibid. p. 348—349.

3) *Cesare Cantù, Storia della letteratura italiana. Firenze 1865,* p. 96 и 97.

4) Ibid. p. 127—128. Эти ошибки исправлены только во французскомъ переводѣ всемірной исторіи Канту. L. c. p. 635.

5) *Luigi Settembrini, Lezioni di litteratura Italiana dettate nell' universita di Napoli. Seconda edizione. Vol. I. Napoli 1869,* p. 251.

они выражаютъ общую тенденцію, потребность и стремленіе своего вѣка. Писатель не создаетъ эпохи, но влечетъ ее за собою; онъ не причина только, но слѣдствіе и причина“ [1]). Гуманизмъ, по мнѣнію Сеттембрини, движеніе народное. „Итальянскій народъ, говоритъ онъ, по окончаніи великой борьбы между имперіей и церковью, не видя болѣе ни императоровъ, ни папъ, которыхъ онъ пересталъ уважать и въ которыхъ не вѣрилъ, обратился къ самому себѣ, въ самомъ себѣ искалъ своего будущаго и нашелъ воспоминаніе о великомъ и славномъ прошломъ... Не вѣрьте вмѣстѣ съ добрымъ Кинэ, что онъ вернулся назадъ, что онъ искалъ жизни въ могилѣ, что поэтому онъ не нашелъ ея, и Италія осталась страною мертвыхъ. Вспомните о Колумбѣ, который искалъ Индію и земной рай, и открылъ Америку; точно такъ же хотя казалось, что итальянцы ищутъ міръ мертвыхъ, они нашли новый міръ въ религіи, въ наукѣ, въ искусствѣ; казалось, что они заняты пустымъ дѣломъ, потому что работали подъ землею; но они закладывали фундаментъ новаго зданія и это зданіе — новая цивилизація“ [2]).

Положеніе Сеттембрини, что гуманизмъ былъ движеніемъ народнымъ, можетъ быть принято только въ самомъ общемъ значеніи этого слова, а не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему авторъ. Въ высшихъ, наиболѣе культурныхъ слояхъ итальянскаго народа отжили старые идеалы, явились новыя индивидуальныя потребности, и античная литература послужила опорою и для борьбы съ отжившими идеями, и для выработки новаго міросозерцанія. Это — дѣйствительно „фундаментъ“ новой культуры; но въ XV столѣтіи надъ нимъ работалъ не весь народъ, а лишь весьма немногіе его представители, и значеніе античныхъ воспоминаній, которыя были доступны массѣ, сильно преувеличено Сеттембрини: въ возможности реставрировать прошлое разочаровался уже Петрарка, и позднѣйшіе гуманисты были далеки отъ мечтаній Кола-ди-Ріенцо и Поркари. Сравненіе ихъ съ Колумбомъ не вполнѣ удачно: они яснѣе и сознательнѣе понимали свои задачи и не думали возстановить земной рай античнаго величія. Смыслъ ученаго движенія Сеттембрини понимаетъ глубоко и вѣрно: его результатовъ слѣдуетъ искать не въ наукѣ только, говоритъ онъ, „а въ религіи, въ философіи, въ искусствѣ“ [3]); но самый его характеръ опредѣленъ весьма неточно. „Ученость была реакціей противъ христіанства, говоритъ Сеттембрини, потому что, воскрешая языческія произведенія,

---

[1]) Ibid. p. 185 и 186.
[2]) Ibid. p. 250.
[3]) Ibid. p. 252.

она воскрешала настоящій паганизмъ, поклоненіе природѣ не въ идолахъ, но въ произведеніяхъ искусства; старалась представить прекраснымъ, желаннымъ и достойнымъ поклоненія все созданіе, уже отвергнутое христіанствомъ, которое есть преклоненіе передъ чистымъ духомъ"[1]). Такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи, которымъ страдаютъ обыкновенно католическіе церковные писатели. Если отождествлять христіанство съ средневѣковымъ аскетизмомъ, какъ дѣлаетъ Сеттембрини, гуманистическое движеніе дѣйствительно отличалось антихристіанскимъ характеромъ; но тогда придется признать возвращеніемъ къ паганизму и протестантизмъ, и всю современную цивилизацію. Нельзя признать также вполнѣ удачной и попытку Сеттембрини намѣтить отдѣльные моменты развитія гуманизма въ XV вѣкѣ. „Грамматикъ Ауриспа, говоритъ онъ, грамматикъ и философъ Валла, моральный философъ и поэтъ Понтано обозначаютъ три фазиса, чрезъ которые прошелъ латинизмъ въ XV столѣтіи"[2]). Такое построеніе рѣшительно не оправдывается гуманистическою литературой. Примѣръ Ауриспы выбранъ неудачно, потому что, какъ мы увидимъ, этотъ гуманистъ далеко не былъ только грамматикомъ. Чистые филологи-формалисты, какъ Траверсари или Барцицца, встрѣчаются на протяженіи всего столѣтія; но это не мѣшаетъ признать движеніе, во главѣ котораго стоитъ Петрарка, съ начала до конца философскимъ въ томъ смыслѣ, что оно захватило всѣ стороны человѣческаго духа. Наконецъ, остается недостаточно обоснованнымъ и вполнѣ оригинальное и совершенно справедливое мнѣніе Сеттембрини, что „въ XV столѣтіи Римъ сдѣлался главнымъ центромъ латинизма". „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что возвращеніе папъ въ Италію, которые вернулись туда главами христіанства и сеньерами сеньеріи, должно было усилить фуроръ къ латинскому языку"[3]). Сеттембрини только намекаетъ здѣсь на дѣйствительную причину, повидимому, противоестественнаго союза папства съ гуманизмомъ. Для папъ важенъ былъ не латинскій языкъ, а чуткость общественнаго мнѣнія къ произведеніямъ гуманистовъ, которые казались способными за соотвѣтствующее вознагражденіе защищать главу церкви отъ вселенскаго собора и владѣтеля церковной области отъ его свѣтскихъ враговъ.

Несмотря на нѣкоторые взгляды Сеттембрини на Ренесансъ, съ которыми нельзя согласиться, несмотря на отсутствіе въ его книгѣ новыхъ фактическихъ данныхъ для исторіи гуманистическаго движенія,

---

1) Ibid.
2) Ibid. p. 254.
3) Ibid. p. 256.

его лекціи представляютъ значительный интересъ по глубинѣ и мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній о Возрожденіи и главнымъ образомъ по общему взгляду на значеніе гуманизма въ исторіи Италіи и всей Европы. Между тѣмъ противъ этого взгляда возсталъ другой итальянскій ученый *Бонавентура Дзумбини*. Въ обширной и весьма рѣзкой статьѣ противъ всей книги Сеттембрини, онъ нападаетъ между прочимъ на автора за его совѣтъ молодежи изучать гуманистическое движеніе. Признавая, что латинская литература этого періода почти совершенно неизвѣстна, Дзумбини тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ не только оспаривать мнѣніе Сеттембрини, что въ этихъ произведеніяхъ отразилась дѣйствительная жизнь эпохи, но даже высказать слѣдующее необычное въ ученой критикѣ замѣчаніе: „мнѣ кажется, что въ ней нѣтъ ничего лучшаго, чѣмъ педантство“ [1]). Гуманистическія произведенія о которыхъ авторъ знаетъ очень мало, низведены такимъ образомъ на печальное извращеніе ученой литературы.

Точку зрѣнія Сеттембрини въ общемъ раздѣляетъ *Фр. Де-Санктисъ* въ своей „*Исторіи итальянской литературы*“. Не излагая, подобно большинству своихъ предшественниковъ, латинской литературы гуманистовъ, Де-Санктисъ даетъ общую характеристику движенія и выясняетъ его культурное значеніе. Называя гуманизмъ „эпохою обновленія (Rinovamento)“, онъ считаетъ его началомъ новаго времени для Италіи не только въ культурномъ отношеніи, но и въ политическомъ: вмѣстѣ съ паденіемъ схоластики и средневѣкового міросозерцанія „гвельфы и гибеллины сдѣлались устарѣлыми именами“ [2]). Но признавая Ренесансъ явленіемъ *національнымъ* [3]), Де-Санктисъ въ занимающую насъ эпоху отрицаетъ за нимъ *народный* характеръ: „все движеніе, говоритъ онъ, оставалось на поверхности, не выходило изъ народа и не проходило въ народъ“ [4]). Съ этими наблюденіями надъ общимъ характеромъ Ренесанса нельзя не согласиться и они подтверждаются источниками. Иное дѣло частныя характеристики. Такъ, прежде всего, нравственный обликъ гуманистовъ Де-Санктисъ рисуетъ въ слишкомъ уже мрачныхъ краскахъ. „Литераторъ, говоритъ онъ, не обязанъ имѣть мнѣній и тѣмъ менѣе сообразовать съ ними жизнь. Мысль, какая бы она ни была, для него нѣчто данное, пришедшее извнѣ — его дѣло только дать ей одѣяніе. Его

---

1) *Bonaventura Zumbini, Saggi critici. Napoli 1876,* p. 272—274.

2) *Franc. De Sanctis, Storia della letteratura italiana. Seconda edizione. Volume primo. Napoli 1873,* p. 264.

3) Agli' italiani pareva avere raquistato la conoscenza e il possesso di se stessi, essere rinati alla civiltà. E la nuova era fu chiamata il *rinascimento*. Ibid. p. 366.

4) Ibid. p. 367.

мозгъ — богатый складъ фразъ, сентенцій, изящныхъ выраженій (di eleganze); его ухо полно тактовъ и гармоній — и все это пустыя формы, лишенныя всякаго содержанія"[1]). Правда, геройская вѣрность своимъ принципамъ не была достояніемъ гуманистовъ, которые были не чужды лицемѣрія ради выгоды и въ практическихъ вопросахъ иногда торговали своимъ перомъ. Но отъ этого еще далеко до безсодержательности, и о писаніяхъ Валлы, Поджіо и другихъ нельзя сказать, чтобы это были только „пустыя формы, лишенныя всякаго содержанія". Это преувеличеніе тѣмъ болѣе несправедливо, что Де-Санктисъ выводитъ нравственные недостатки гуманистовъ исключительно изъ ихъ придворной службы, совершенно игнорируя ихъ болѣе глубокое основаніе — отсутствіе твердо-установленнаго этическаго идеала. Такъ же преувеличиваетъ Де-Санктисъ и грамматическую сторону движенія. По его словамъ, „изъ всѣхъ произведеній гуманистовъ выдѣляются Элеганціи Лоренцо Валлы, и уже ихъ заглавіе опредѣляетъ физіономію вѣка"[2]). Если бы это было такъ, то къ Ренесансу нельзя было бы примѣнить той совершенно вѣрной общей характеристики, какую даетъ ему самъ Де-Санктисъ. Гораздо ближе къ истинѣ было бы выбрать для характеристики столѣтія не Элеганціи Валлы, а его же Даръ Константина или De Voluptate ac vero bono.

При выясненія вліянія гуманистическаго движенія на національную литературу Де-Санктисъ пытается примирить два противоположныхъ взгляда: увлеченіе античной литературой повредило оригинальности творчества; но вина за это падаетъ не на античныхъ писателей, потому что безплодіе объясняется отсутствіемъ талантовъ. „Слѣдствіями этой придворной и литературной культуры съ ея разнообразными центрами по всей Италіи, говоритъ онъ, были нѣкоторая вялость (stanchezza) творчества, инертность мысли, подражаніе античнымъ формамъ, какъ абсолютнымъ образцамъ, и взглядъ на человѣка и природу сквозь эти формы. Писатель не говоритъ того, что думаетъ или представляетъ себѣ, или чувствуетъ, потому что передъ нимъ не образъ, а фразы Горація или Виргилія"[3]). Съ этими положеніями никоимъ образомъ нельзя согласиться. Обиліе и смѣлость идей поражаютъ не только въ произведеніяхъ такого писателя, какъ Валла, но даже у Поджіо, который вовсе не былъ глубокимъ мыслителемъ. Античныя формы въ данномъ случаѣ не могли стѣснять, потому что онѣ давали полную возможность выразить любую идею. Это — несомнѣнное

---

1) Ibid. p. 368.
2) Ibid.
3) Ibid. p. 368—369.

преувеличеніе, которое въ сущности и не нужно для дальнѣйшаго хода мыслей Де-Санктиса. Эти слѣдствія оказываются только „шелухой (guscio)“, разбить которую не составляетъ никакого труда для крупнаго писателя и „классики въ этомъ совершенно невиноваты (sono innocentissimi)“ [1]). Вина падаетъ слѣдовательно на эпоху, которая не произвела крупнаго художественнаго таланта. Объясняя далѣе отсутствіе драмы, Де-Санктисъ полемизируетъ противъ того мнѣнія, что латинизмъ убилъ этотъ видъ поэзіи, и отмѣчаетъ тѣ черты въ гуманистической культурѣ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, зависѣло это явленіе. „Бѣдная латынь, говоритъ онъ, не могла убить ничего, потому что ничего не было, никакой серьезности въ чувствѣ религіозномъ, политическомъ, нравственномъ, общественномъ или частномъ, изъ котораго могла бы выйти драма. Этотъ міръ, лишенный серьезной мысли (spensierato) и чувственный, могъ создавать только идиллическое и комическое“ [2]). Въ такомъ вопросѣ возможны пока только гипотезы; но объясненіе, которое видитъ сплошное легкомысліе въ одномъ изъ величайшихъ переворотовъ всемірной исторіи, едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Гораздо удачнѣе другое, тоже недостаточно обоснованное мнѣніе Де Санктиса. Онъ отвергаетъ слѣпое увлеченіе латинскимъ языкомъ и попытку замѣнить родную рѣчь латынью у всѣхъ гуманистовъ; такіе гуманисты были, и къ ихъ числу онъ относитъ Валлу; но эти тенденціи, по его словамъ, встрѣтили сильную оппозицію со стороны флорентійскихъ гуманистовъ, и попытка сдѣлать изъ латыни народный языкъ для Италіи, какимъ былъ греческій для Византіи, окончилась неудачей [3]). Ниже мы увидимъ, что подобное теченіе, повидимому, дѣйствительно существовало, хотя было настолько слабо, что ограничивалось, вѣроятно, разговорами и не нашло литературнаго выраженія. Валла не высказываетъ такой мысли въ своихъ сочиненіяхъ, и относить его къ этой группѣ гуманистовъ, какъ дѣлаетъ Де Санктисъ, нѣтъ никакого основанія. Было бы чрезвычайно интересно выяснить связь этого теченія съ какими-нибудь опредѣленными кружками или мѣстными центрами; но наличные источники не даютъ для этого никакихъ основаній, и утвержденіе Де Санктиса, что оппозиція противъ крайняго латинизма шла исключительно изъ Флоренціи, какъ мы увидимъ ниже, не оправдывается источниками.

Самое значительное и по объему и по содержанію, что написано

---

1) Ibid. p. 369.
2) Ibid. p. 375.
3) Ibid. p. 371, 372.

о гуманизмѣ новѣйшими историками итальянской литературы[1]), принадлежитъ *Адольфу Гаспари*. Кромѣ двухъ обширныхъ главъ, посвященныхъ родоначальникамъ гуманизма, Петраркѣ и Боккачіо, Гаспари отводитъ цѣлую главу итальянскимъ гуманистамъ XV вѣка и даетъ весьма важные очерки начатковъ гуманизма въ XIV столѣтіи, его слѣдовъ у „эпигоновъ“ великихъ флорентійскихъ поэтовъ и его проявленія въ національной литературѣ XV вѣка[2]). Отличительная черта Гаспари обстоятельное знакомство съ главнѣйшими изданными произведеніями гуманистовъ, съ новѣйшей литературой объ этой эпохѣ и чрезвычайная осторожность въ общихъ выводахъ. Онъ старательно воздерживается отъ такихъ положеній, для которыхъ трудно найти твердую фактическую почву при современномъ состояніи исторіографіи Ренесанса безъ предварительныхъ монографическихъ изслѣдованій. Въ этомъ заключается главное и существенное достоинство книги Гаспари. Сообщенные тамъ факты критически провѣрены, и съ фактической стороны книга оставляетъ желать только большей полноты и большей глубины, но этотъ пробѣлъ зависитъ главнымъ образомъ отъ современнаго состоянія спеціальной литературы. Такъ, Гаспари упрекаетъ Фогта за его стремленіе къ рѣзкимъ (въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ) характеристикамъ[3]); но это можно признать недостаткомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что эти характеристики рѣдко основаны на достаточномъ изученіи источниковъ. Самъ Гаспари впадаетъ въ противоположную крайность: его біографическіе очерки носятъ чаще всего чисто внѣшній характеръ и почти совсѣмъ не знакомятъ съ міросозерцаніемъ гуманистовъ[4]), т.-е., съ самой существенной стороной въ исторіи гуманистическаго движенія. То же

---

[1]) Изъ новѣйшихъ исторій итальянской литературы книга *Sauer'a (Geschichte der italienischen Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig 1883)* мнѣ извѣстна только по рецензіямъ, изъ которыхъ видно однако, что въ исторію Ренесанса она вноситъ только ошибки. Такъ, напр., Sauer на стр. 108 утверждаетъ, что Николай V и Пій II съ тою цѣлію поддерживали гуманизмъ, чтобы отвлечь вниманіе писателей отъ скандаловъ куріи, называетъ сочиненіе Боккачіо De claris mulieribus физіологіей женщинъ, а его Corbaccio — подражаніемъ Ювеналу (p. 78 и 75). См. рецензію *Renier* въ *Giornale storico della letteratura italiana*, vol. II, p. 206. Срв. рецензію *Gaspary, Deutsche Litteraturzeitung 1883, № 34*. Лекціи *Finzi (Lezioni di storia della leteratura italiana dettate aduso delle scuole e delle colte persone*. Vol. II. Seconde edizione Torino 1887) простой учебникъ. Сочиненіе *Invernizzi*, какъ спеціальное по Возрожденію, будетъ разсмотрѣно въ послѣдней главѣ.

[2]) *Adolf Gaspary, Geschichte der italienischen Litteratur. I. Band. Berlin 1885*, p. 344—480 и 528—547. *II. Band. Berlin 1888*, p. 1—217 и 636—666.

[3]) Ibid. II, p. 650.

[4]) Изъ біографическихъ замѣтокъ Гаспари о гуманистахъ XV вѣка только характеристики Филельфо, Валлы и Панормиты даютъ нѣкоторое понятіе объ ихъ лич-

самое можно сказать о характеристикѣ литературной дѣятельности гуманистовъ. Гаспари отмѣтилъ всѣ ея направленія и описалъ относящіяся къ каждому изъ нихъ произведенія гуманистовъ; но это описаніе, весьма точное и обстоятельное, носитъ чисто внѣшній, фактическій характеръ: перечисляются книги и излагается ихъ содержаніе, при чемъ ихъ анализъ, съ цѣлью показать ихъ взаимную связь и выяснить ихъ историческое значеніе, отсутствуетъ. Но это не уничтожаетъ важнаго значенія книги Гаспари, какъ систематическаго изложенія критически-провѣренныхъ результатовъ спеціальныхъ работъ по Возрожденію[1]).

При всей осторожности по отношенію къ широкимъ обобщеніямъ Гаспари не избѣгаетъ общихъ выводовъ по частнымъ вопросамъ исторіи Возрожденія, если находитъ достаточное для нихъ фактическое основаніе. Такъ, вопросъ объ отношеніи гуманистовъ къ старой церкви рѣшенъ имъ совершенно правильно, и ихъ попытки примирить новые взгляды съ католицизмомъ убѣдительно доказаны обильными фактами[2]). Точно такъ же старая ошибка о поголовномъ увлеченіи гуманистовъ древностью и въ особенности латинскимъ языкомъ навсегда опровергнута цѣлымъ рядомъ вѣскихъ фактовъ[3]). Въ борьбѣ противъ этого распространеннаго заблужденія Гаспари оставляетъ на минуту свою обычную осторожность. Разобравъ итальянскія произведенія Леонардо Джустиніани, написанныя въ народномъ духѣ, онъ говоритъ, что эта поэзія — „замѣчательное явленіе въ ученый вѣкъ у ученаго человѣка; но въ XV столѣтіи мы находимъ *вообще совмѣстное существованіе и связь народнаго и классически ученаго* (das Nebeneinander und die Verbindung des Volksthümlichen und classisch Gelehrten finden wir im 15. Jahrhundert überhaupt); *это характеристично для эпохи* (sie sind der Epoche charakteristisch), которую обвиняли въ томъ, что она обратилась къ исключительной учености и этимъ порвала національную традицію“[4]). Обвиненіе, конечно, не справедливо: связь съ національной традиціей держалась; но нельзя сказать, чтобы связь съ такой народной поэзіей, которую оставилъ по себѣ Венеціанскій гуманистъ, была *общею* и даже *ха-*

ныхъ свойствахъ; кромѣ того, авторъ излагаетъ воззрѣнія Альберти. Ниже мы разсмотримъ отношеніе Гаспари къ Петраркѣ, Боккаччіо и къ другимъ гуманистамъ.

[1]) Обширныя примѣчанія, въ которыхъ иногда обсуждаются спеціальные вопросы (напр. о Malpaghini II, p. 651), а чаще всего приводится литература предмета, также имѣютъ цѣну по обильному библіографическому матеріалу.

[2]) Ibid. II, p. 198.

[3]) Ibid. p. 135—136 и 177—179.

[4]) Ibid. p. 182.

рактеристическою чертою для всѣхъ представителей Ренесанса въ XV вѣкѣ. Этотъ выводъ основанъ на произведеніяхъ одного Л. Джустиніани, и если его канцонетты являются продолженіемъ балладъ Саккетти, Сальдоньери и Алессо Донати, то эти послѣдніе не были гуманистами, а между гуманистами не было такихъ поэтовъ.

Осторожность Гаспари при общихъ выводахъ переходитъ иногда въ чрезмѣрное довѣріе къ авторитету не только источниковъ, но и спеціальной литературы. Такъ, въ томъ же вопросѣ о крайнемъ увлеченіи латинскимъ языкомъ онъ придаетъ уже слишкомъ большую цѣну показаніямъ упомянутой нами инвективы Чино Ринуччини и нѣкоторыхъ посвященій Джіованни-да-Прато. Не найдя фактическаго подтвержденія ихъ обвиненій въ гуманистической литературѣ, приведя даже примѣры, опровергающіе эти обвиненія, Гаспари тѣмъ не менѣе соглашается, что многіе гуманисты презирали родной языкъ, и готовъ видѣть въ этомъ даже общее явленіе среди гуманистовъ „первыхъ десятилѣтій XV вѣка“, которое исчезло только съ сороковыхъ годовъ этого столѣтія[1]). На оцѣнкѣ моральныхъ произведеній гуманистовъ обнаруживаются результаты чрезмѣрнаго довѣрія Гаспари къ авторитету спеціальной литературы, результаты, на этотъ разъ болѣе печальные, потому что они привели къ невѣрному освѣщенію одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ гуманистическаго движенія. Гаспари вѣрно подмѣтилъ, что вся философія гуманистовъ сводится въ сущности къ морали; но онъ считаетъ ихъ этическія произведенія простыми стилистическими упражненіями[2]). Этотъ взглядъ, отрицающій всякое историческое значеніе за бо́льшей частью гуманистической литературы, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ источниками и держится до сихъ поръ только благодаря отсутствію ихъ научнаго анализа съ этой точки зрѣнія. Гаспари его почти не аргументируетъ. Опираясь на выраженіе Филельфо, который часто сопоставляетъ eloquium moresque, какъ неразрывныя понятія, онъ думаетъ, что гуманисты потому только интересовались моралью, что Цицеронъ считаетъ знаніе философіи необходимымъ условіемъ для хорошаго оратора. Но это положеніе остается совершенно голословнымъ. Гаспари только перечисляетъ гуманистическіе трактаты моральнаго содержанія и констатируетъ наличность этого элемента въ гуманистической перепискѣ. Только о трактатѣ *De Re Uxoria* Фр. Барбаро мимоходомъ дѣлаетъ онъ замѣчаніе, что авторъ имѣлъ въ виду „написать хорошей латынью ученую книгу“, содержаніе для которой

---

1) Ibid. p. 177—179.
2) Ibid. II, p. 121 и 157.

дали ему древніе[1]). Ниже при анализѣ этого произведенія мы увидимъ, какое важное культурное значеніе имѣетъ этотъ памятникъ, содержаніе котораго весьма характерно для особенностей венеціанскаго гуманизма. Другое доказательство, что это была „абстрактная безплодная мораль" Гаспари видитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи у гуманистовъ между словомъ и дѣломъ[2]). Но это уже совсѣмъ другое дѣло. Нравственные недостатки гуманистовъ могли отчасти обусловливаться свойствами ихъ теоретической морали; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы гуманисты не стремились выработать себѣ твердыхъ этическихъ воззрѣній[3]).

Изъ всѣхъ изслѣдователей по различнымъ отраслямъ историческаго знанія историки итальянской литературы оказали наибольшую заслугу изученію гуманизма. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго

---

1) Ibid. II, p. 121.

2) Ibid. II, p. 122—123.

3) На русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, существуютъ два общихъ обзора исторіи итальянской литературы — В. Костомарова и М. Пинто, и оба они не представляютъ интереса для исторіографіи Возрожденія. *Костомаровъ (Исторія литературы древняго и новаго міра, составленная по І. Шерру и многимъ другимъ источникамъ подъ редакціей А. Милюкова. III. С.-Петербургъ 1863. Книга 2. Италія)* мимоходомъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ гуманистахъ, ученой дѣятельности которыхъ будто бы „далъ направленіе" Хрисолорасъ, „обновивъ любовь къ изученію классицизма" (p. 235); хотя въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „за Петраркой остается великая заслуга — постановки той истинной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на творенія древнихъ, если желаешь, чтобъ ихъ изученіе принесло истинную пользу". (Ibid. p. 179). Гуманистическое движеніе сводится исключительно къ изученію филологіи; при чемъ однако упоминаются латинскія произведенія только Петрарки и Боккаччіо, „Генеалогія боговъ" котораго составляетъ, будто бы, 15 томовъ (p. 205). Оцѣнка итальянской поэзіи Петрарки также не представляетъ интереса. Костомаровъ или цитируетъ для этой цѣли Бутервека и Шлегеля (p. 181 и 183), или дѣлаетъ собственныя замѣчанія, съ которыми весьма трудно согласиться. Такъ, напр., въ Canzoniere, по его словамъ, „любовь не является исполненною жизни; она не ликуетъ и не сѣтуетъ, а только представляется рефлексіей любви" (p. 184), а политическія стремленія Петрарки сводятся къ безхарактерности (p. 185). Книга *Пинто (Исторія итальянской національной литературы. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Т. І. С.-Петербургъ 1869)* совершенно игнорируетъ Возрожденіе. Только по поводу Петрарки, гуманистическая дѣятельность котораго оставлена въ сторонѣ, авторъ замѣчаетъ, что „въ половинѣ XIV столѣтія поклоненіе древности достигло крайнихъ предѣловъ". Тогда будто бы „всѣ проявленія новѣйшей жизни подводились подъ одну и ту же мѣрку древняго образованія; писатели, всѣ безъ исключенія, тамъ же искали себѣ образцовъ, и словомъ, и примѣромъ развивали въ народѣ вкусъ, котораго сами были рабами" (p. 266). И все это въ половинѣ XIV столѣтія, когда Петрарка и Боккаччіо едва-едва начали стряхать прахъ со старыхъ манускриптовъ и когда наряду съ ними нельзя найти ни одного крупнаго гуманиста!

столѣтія главнымъ образомъ ихъ произведенія собрали фактическій матеріалъ для исторіи Ренесанса; позже въ трудахъ Сеттембрини и Де-Санктиса, а также Рута и отчасти Эберта мы находимъ правильную постановку основныхъ общихъ вопросовъ по гуманизму. Адольфъ Гаспари соединяетъ оба направленія: обильный фактическій матеріалъ соединенъ у него съ научнымъ рѣшеніемъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторіографіи Возрожденія: объ отношеніи гуманистовъ къ церкви и къ національной литературѣ. Самые недостатки книги Гаспари весьма поучительны, потому что они бросаютъ яркій свѣтъ на современное состояніе спеціальной литературы по Возрожденію.

XI.

Отношеніе къ Ренесансу историковъ религіозныхъ и культурныхъ движеній въ Италіи. Комба и Кине. Историки итальянскаго искусства, политической мысли и національной исторіографіи. Феррари и Раналли. Вастъ, Рудельбахъ и Виллари.

Кромѣ политическихъ и литературныхъ историковъ Италіи, гуманистическаго движенія касаются изслѣдователи другихъ сторонъ національной жизни. Такъ, мѣстные церковные историки XVIII столѣтія, *Рокко Пирро* и *Угелли*[1]), сообщаютъ нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія о гуманистахъ духовнаго званія. Въ новое время *Эмиліо Комба* отводитъ Возрожденію цѣлую главу въ своей *„Исторіи реформы въ Италіи“*[2]). Первой части этой главы онъ даетъ заглавіе: *„сомнѣніе* (il dubio“), второй — *„невѣріе* (l'incredulità)“. Представителями религіознаго сомнѣнія Комба считаетъ на ряду съ Данте Петрарку и Боккаччіо; къ числу невѣрующихъ отнесены гуманисты XV вѣка. Впрочемъ Петрарка представленъ скорѣе маловѣрнымъ, чѣмъ сомнѣвающимся[3]), потому что въ его нападкахъ нѣтъ никакого новаго принципа[4]). Сомнѣніе „гнѣздилось“ въ Боккаччіо; но и его

---

[1]) *Rocchus Pirrus, Sicilia sacra, disquisitionibus et notitiis illustrata. Editio III. Panormi 1733* (2 vols). *Ferdinandus Ughellus, Italia sacra sive de Episcopis Italiae et Insularum adjacentium, rebusque ab iis praeclare gestis, deducta serie ad nostram usque aetatem. Editio II. Venetiis. MDCCXVII* (10 vols.).

[2]) *Emilio Comba, Storia della riforma in Italia narrata col sussidio di nuovi documenti. Volume I Introduzione. Firenze 1881.* Capitolo IV. Rinascimento, p. 412 и слѣд.

[3]) Ma è chiaro intanto che la fede è decaduta a'suoi di, e che se il Petrarca la rappresenta in qualche proporzione, è come fuggiasco non come torre ferma nè come difensore. Ibid. p. 417.

[4]) Ma non vi è mosso da alcun principio nuovo. Ibid. p. 416.

„сомнѣніе, веселое, живое, легкомысленное и уже безнравственное, не удаляется отъ церкви далѣе, чѣмъ птенецъ отъ матери. Оно звучитъ, какъ щебетанье скворцовъ около колокольни“[1]). Въ доказательство нѣкотораго уклоненія отъ церкви корифеевъ гуманизма, Комба приводитъ выдержки изъ „Писемъ безъ адреса“ Петрарки и изъ Декамерона, гдѣ находятся нападки на курію и духовенство. Въ общемъ мысль автора подтверждается источниками особенно относительно Боккаччіо. Что касается до Петрарки, то его еще съ большимъ правомъ можно отнести къ сомнѣвающимся; только его сомнѣніе касается не догматовъ и не іерархической системы, а аскетической морали, на что можно найти многочисленныя указанія въ его автобіографіи и перепискѣ. Но Комба совсѣмъ не касается этого пункта.

Вопросъ о невѣріи гуманистовъ XV вѣка поставленъ авторомъ слишкомъ широко въ хронологическомъ отношеніи. Комба признаетъ источникомъ невѣрія „языческое сомнѣніе“ и ищетъ его проявленія въ литературѣ, въ искусствѣ, въ философіи, въ политикѣ и въ самой церкви[2]), при чемъ Поджіо и Валла поставлены въ одну линію съ платониками, Макіавелли и Львомъ X. При такой постановкѣ вопроса оказывается, что люди, подобные „Салютати, Манетти, Гуарино и Біондо“ были исключеніемъ, а невѣріе характерною чертою эпохи[3]). Несомнѣнно, что Бекаделли, Поджіо и нѣкоторыхъ другихъ гуманистовъ первой половины XV вѣка нельзя назвать религіозными людьми; но между ихъ индифферентизмомъ и невѣріемъ академиковъ — существенная разница, такъ что считать атеизмъ характерной чертой Ренесанса нѣтъ рѣшительно никакого основанія.

Весьма интересную попытку культурно-философской исторіи Италіи представляетъ собою книга *Эдгара Кине* объ итальянскихъ революціяхъ. Разсматривая исторію Италіи, какъ рядъ послѣдовательныхъ революцій, Кине ставитъ Петрарку во главѣ моральнаго переворота, считаетъ Боккаччіо основателемъ направленія „искусство для искусства“ и приписываетъ Возрожденію развитіе космополитизма, который привелъ Италію къ политическимъ бѣдствіямъ, и уничтоженіе сознанія права, что породило Макіавелли[4]). По общему взгляду на движеніе

---

[1]) Ibid. p. 417.

[2]) Ibid. p. 425 и слѣд.

[3]) Ibid. p. 428.

[4]) *Edgar Quinet, Les Révolutions d'Italie.* (Въ Oeuvres complètes Vol. IV. Paris 1857.) Первое изданіе вышло въ 1848 г. Livre I, chap. VIII: Une révolution morale. Pértrarque; chap. IX: L'art pour l'art. Boccace. Livre II, chap. I: Le cosmopolitisme; chap. III: Comment a péri la conscience du droit.

и по характеристикѣ его главнѣйшихъ дѣятелей[1]) книга Кине принадлежитъ къ числу наиболѣе оригинальныхъ сочиненій о гуманистической эпохѣ. Признавая, что дѣятельность Петрарки произвела моральный переворотъ, Кине видитъ его источникъ въ отношеніи родоначальника гуманистовъ къ любви, а его орудіе въ итальянской поэзіи пѣвца Лауры. Онъ отрицаетъ у Петрарки серьезный интересъ къ политикѣ и къ церкви. „Воспитанный вдали отъ страстей гражданскихъ войнъ, онъ не зналъ ихъ языка", говоритъ Кине и изъ равнодушія Петрарки къ мѣстнымъ партіямъ выводитъ заключеніе, что онъ былъ космополитъ[2]). Такъ же индифферентно въ сущности относился онъ, по мнѣнію Кине, и къ папству. Правда, онъ называлъ авиньонскую курію „вавилонской блудницей"; но „онъ не возьметъ ея сюжетомъ для своихъ поэмъ: для этого онъ недостаточно ее любитъ и недостаточно ненавидитъ; его презрѣніе къ тому, что онъ называетъ домомъ лицемѣрія и клоакою всѣхъ преступленій, уже граничитъ съ равнодушіемъ"[3]). Единственнымъ сюжетомъ Петрарки, по мнѣнію Кине, была любовь. „Удалите изъ Божественной Комедіи политику и религію, говоритъ онъ, какой источникъ вдохновенія сохранитъ Италія? Любовь. Точно такъ же и въ геніи Петрарки вполнѣ живетъ (subsiste) только любовь"[4]). Въ этомъ и является родоначальникъ гуманистовъ великимъ новаторомъ. Сущность переворота характеризуется здѣсь двумя чертами: во-первыхъ: „великій человѣкъ впервые съ блескомъ заключилъ свою мысль въ объектъ, который не былъ Богомъ", и во-вторыхъ: „онъ не скрываетъ болѣе любви подъ идеаломъ теологіи, философіи или родины. Онъ наполняетъ ею пустоту, которую оставилъ въ сердцѣ исчезающій соціальный міръ. Лаура занимаетъ мѣсто ослабѣвающей и загрязненной церкви"[5]). Эта поэзія любви является объединяющей силой новаго времени. „Голосъ Петрарки, говоритъ Кине, какъ воскъ, начинаетъ соединять суровыя антипатіи происхожденій и расъ; его страсть такъ заразительна, какъ будто бы душа Лауры была раздѣлена между Сѣверомъ и Югомъ. Шекспиръ, Камоэнсъ, Ронсаръ заключаютъ союзъ въ поэзіи Петрарки. Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь проявляетъ въ любви единство генія новыхъ народовъ"[6]).

---

1) Кине подробно говоритъ только о Петраркѣ и Боккачіо.
2) Les Révolutions, p. 128.
3) Ibid.
4) Ibid. p. 129.
5) Ibid. p. 131.
6) Ibid. p. 129.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что Кине сильно преувеличиваетъ историческое значеніе чувства Петрарки. Любовь къ Лаурѣ важный факторъ въ его личной біографіи, и въ его Rime много характерныхъ чертъ Ренесанса. Но нельзя сказать, чтобы нераздѣленное чувство исключительно владѣло душой перваго гуманиста. Уже его итальянская поэзія свидѣтельствуетъ, что политическія судьбы Италіи составляли предметъ его живого интереса, а переписка и латинскіе трактаты, подтверждая эту истину, показываютъ, что церковные идеалы въ этической сферѣ затрогивали его живѣе и глубже, чѣмъ холодность Лауры. Самъ Кине считаетъ необходимымъ дополнить характеристику Петрарки еще одной чертой, которой онъ придаетъ весьма существенное значеніе. „Петрарка, говоритъ онъ, даетъ первый примѣръ того внутренняго безпокойства, которое съ этого момента постоянно усиливается. Онъ не можетъ ни на чемъ остановиться и сосредоточиться: онъ безпрерывно мечется, какъ больной"[1]). Кине вѣрно и тонко подмѣтилъ этотъ внутренній разладъ, который красной нитью проходитъ черезъ всю біографію Петрарки; но онъ не даетъ полнаго объясненія такому настроенію. „Въ религіи, говоритъ онъ, Петрарка не принадлежитъ ни къ какому ордену, въ политикѣ ни къ какой партіи. Онъ находится внѣ всѣхъ обычныхъ путей; благодаря внезапной революціи, человѣкъ оказывается уединеннымъ въ человѣчествѣ"[2]). Съ такимъ объясненіемъ едва ли можно согласиться. Источникъ acedia Петрарки не въ его изолированности, потому что, какъ мы увидимъ ниже, у него не было недостатка въ друзьяхъ и единомышленникахъ, а въ отношеніи къ отживающимъ культурнымъ формамъ. Въ его глазахъ продолжали сохранять авторитетъ тѣ старые идеалы, противъ которыхъ возставали назрѣвшія въ немъ потребности человѣка новой эпохи.

Такъ же односторонне смотритъ Кине на психологическія основы литературной дѣятельности Боккаччіо. „Послѣ того, какъ почувствовали ничтожество той всемірной имперіи, которую папство обѣщало Италіи, говоритъ онъ, что оставалось дѣлать, чтобы ее разрушить? Насмѣхаться. Человѣкъ, который въ виду этого разрушеннаго міра и павшихъ надеждъ довольствуется усмѣшкою вмѣсто того, чтобы кощунствовать, ознаменуетъ новую эпоху. Такимъ разрушителемъ основъ и былъ Боккачіо"[3]). Кине приписываетъ этой насмѣшкѣ идейное происхожденіе, раціоналистическую сознательность и сравни-

1) Ibid. p. 133.
2) Ibid.
3) Ibid. p. 141.

ваетъ автора Декамерона съ Вольтеромъ. Мы увидимъ ниже, что идеи Боккаччіо далеко не обладали той ясностью и опредѣленностью, которая необходима для такой сатиры, и что не въ *міросозерцаніи*, а въ *настроеніи* слѣдуетъ искать ключъ къ объясненію его оппозиціоннаго тона. Нельзя согласиться также и съ общей оцѣнкой Кине литературной дѣятельности Боккаччіо. Сущность произведенной имъ „революціи" заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что „доктрина — искусство для искусства, *независимо отъ всякой мысли о родинѣ и морали*, сдѣлалась достояніемъ итальянскихъ писателей", что они, занятые „красотою въ словѣ", вмѣстѣ съ художниками „не видѣли реальныхъ опасностей, которыя угрожали родинѣ", и что „собственный геній ослѣпилъ и заковалъ въ цѣпи Италію"[1]). Истинно художественная поэзія и настоящее искусство всегда преслѣдовали свои собственныя цѣли. Въ эпоху Возрожденія это направленіе было формулировано теоретически, вошло во всеобщее сознаніе и создало колоссальный переворотъ въ искусствѣ и поэзіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы писатели XV вѣка были злымъ геніемъ своей родины. Что моральные вопросы составляли для нихъ предметъ глубокаго интереса, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія простой списокъ сочиненій гуманистовъ; но мы увидимъ ниже, что гуманисты далеко не были чужды и политическихъ интересовъ, такъ что сваливать на нихъ вину за итальянскія войны нѣтъ никакого основанія[2]).

Этотъ космополитзмъ и холодное равнодушіе къ судьбамъ родины, которые Кине находитъ уже у Петрарки и Боккаччіо, въ XV столѣтіи достигли, по его мнѣнію, полнаго развитія. Всѣ „филологи", какъ Поджіо, Валла и пр. принимаютъ латинскія имена; „они болѣе ни венеціанцы, ни ломбардцы — они граждане человѣчества"[3]). Къ этому присоединилось еще всеобщее презрѣніе къ военному дѣлу,

---

1) Ibid. p. 150.

2) Только обобщеніе одной стороны въ итальянскихъ произведеніяхъ Боккаччіо сдѣланное Кине, отличается рѣдкой въ исторіографіи гуманизма мѣткостью. Кине предостерегаетъ отъ того мнѣнія, что нападки Декамерона на духовенство могли ускорить религіозную реформу въ Италіи. Наоборотъ. „До Боккаччіо поднимался крикъ гнѣва противъ папства, говоритъ Кине. Но вотъ явился человѣкъ, который вдругъ измѣнилъ этотъ гнѣвъ, эту страсть къ нововведенію въ улыбку безъ злобы, въ граціозную забаву". Этотъ смѣхъ „безо всякаго яда, но и безъ глубины" обезоружилъ Италію. „Съ этого момента устанавливается какъ бы договоръ между итальянскимъ искусствомъ и духовенствомъ. *Первое получитъ свободу все говорить, второе все дѣлать*" (p. 146—147). Эта фраза превосходно характеризуетъ отношеніе между церковью и гуманизмомъ въ XV вѣкѣ.

3) Ibid. p. 233.

такъ что „итальянцы, довольствуясь направленіемъ умовъ, заботу о побѣдѣ, какъ занятіе низшее и грубое, предоставили наемникамъ" [1]). И эти обвиненія точно такъ же совершенно голословны и сильно преувеличены. Изъ латинизаціи собственныхъ именъ нельзя вывести никакого заключенія, и если дѣйствительно у гуманистовъ XV столѣтія мы не находимъ такого патріотическаго одушевленія, какъ у Петрарки, то отъ этого еще далеко до космополитизма. Что же касается до презрѣнія къ военному дѣлу, то оно рѣшительно противорѣчитъ источникамъ: мы увидимъ ниже, что, кромѣ описанія военныхъ подвиговъ, такіе завзятые гуманисты, какъ напр. Бруни, посвящали особые трактаты этой спеціальности.

Весьма остроумную главу посвящаетъ Кине вопросу объ отношеніи гуманистовъ къ праву. Приведя фактъ, отмѣченный уже Савиньи, что Ренесансъ оказалъ мало непосредственнаго вліянія на юриспруденцію, Кине объясняетъ его психологическими соображеніями. Для средневѣковыхъ юристовъ римское право было не отвлеченной наукой, а живой силой, воплощеніемъ „вѣчной, абсолютной справедливости", потому что они вѣрили въ вѣчность имперіи: а его пониманіе было для нихъ не столько результатомъ научнаго изученія, сколько „интуиціей", „непосредственнымъ плодомъ научнаго вдохновенія". Кромѣ того, юриспруденція была единственною областью, гдѣ разумъ чувствовалъ себя „сувереномъ", и „римское право въ Средніе вѣка сдѣлалось Библіей разума". Въ эпоху Возрожденія предѣлы господства разума расширились, всѣ прежнія вѣрованія были подорваны, и вслѣдствіе этого юриспруденція утратила „всякую санкцію — и историческую, и моральную, и религіозную", что и подготовило путь ученіямъ Макіавелли [2]). Всѣ выводы Кине основаны на отвлеченныхъ разсужденіяхъ безо всякой попытки найти имъ фактическое подтвержденіе. Но его мысль, что въ гуманистическомъ настроеніи слѣдуетъ искать основанія отношенія Макіавелли къ праву заслуживаетъ полнаго вниманія, и разсужденія о правѣ представителей ранняго Возрожденія представляютъ много интересныхъ указаній по этому вопросу.

Отмѣчая различныя стороны гуманистическаго движенія, Кине объясняетъ ихъ преимущественно паденіемъ средневѣковыхъ культурныхъ формъ и видитъ въ Ренесансѣ явленіе не творческое, а только разрушительное по отношенію къ отжившей старинѣ. Новыхъ началъ, за исключеніемъ любви Петрарки, онъ не видитъ въ гума-

---

1) Ibid. p. 285.
2) Ibid. p. 252—256.

низмѣ; самый космополитизмъ представляется ему не какъ положительная доктрина, а скорѣе, какъ простое проявленіе упадка патріотическаго чувства. Вслѣдствіе этого отношеніе Ренесанса къ древности ему совершенно непонятно. Увлеченіе гуманистовъ античной литературой представляется ему настоящимъ донкихотствомъ, и если Боккаччіо не осмѣялъ этой слабости, то только потому, что самъ былъ ею зараженъ[1]). Латинскимъ произведеніямъ гуманистовъ Кине не придаетъ рѣшительно никакой цѣны. „Древность подавляетъ (accable) геній Петрарки, говоритъ онъ. Среди хаоса его латинскихъ сочиненій, одна только Лаура производитъ живое впечатлѣніе дѣйствительности; только она — живое лицо на грудѣ римскихъ развалинъ“[2]). Въ половинѣ XV вѣка онъ не находитъ ни одного крупнаго имени, ни одного оригинальнаго произведенія. „Я ищу національныхъ писателей, говоритъ онъ, и нахожу только подражателей латинскимъ авторамъ“[3]). Та самая литература, которая не только пробила первую брешь въ законченной системѣ средневѣкового міросозерцанія, но и заложила фундаментъ новой культуры, представляется Кине только смѣшнымъ и нелѣпымъ подражаніемъ классикамъ[4])!

Историковъ итальянскаго искусства по ихъ отношенію къ гуманистическому движенію можно раздѣлить на три категоріи. Одни считаютъ необходимымъ посвящать ему особыя сочиненія; другіе, не выдѣляя движенія, даютъ его фактическій очеркъ передъ изложеніемъ исторіи отдѣльныхъ школъ; третьи или ограничиваются незначитель-

1) Описаніе Петраркою своей встрѣчи съ римскими поселянками онъ прямо называетъ сценой изъ Дон-Кихота. При этомъ Кине почему-то ведетъ это увлеченіе съ XIII вѣка. Ibid. 141—142.

2) Ibid. p. 187.

3) Ibid. p. 281.

4) Сочиненіе *Карло Денина,* озаглавленное такъ же, какъ и книга Кине, излагаетъ преимущественно политическія событія. Но въ 4-мъ томѣ авторъ даетъ отдѣльный очеркъ Ренесанса подъ заглавіемъ „*Progressi delle lettere e delle belle arti*“, совершенно незначительный по объему и содержанію. Заслуживаетъ вниманія только его защита гуманистовъ противъ обвиненія въ чрезмѣрномъ увлеченіи древностью, которое задержало развитіе народнаго языка. Признавая этотъ фактъ, Денина возражаетъ обвинителямъ, что безъ этихъ „латинистовъ“, имъ не видать бы ни наукъ, ни искусствъ. (*Carlo Denina, Delle Rivolusioni d'Italia libri ventiquattro. Edisione quinta. Tomo IV. Venezia 1803,* p. 97). Гуманистическую эпоху захватываютъ культурно-историческіе очерки *Tullio Dandolo (J secoli dei due sommi italiani Dante e Colombo. Framento d'una storia del pensiero ne' tempi moderni. Vol. I—II. Milano 1852).* Но представителямъ Ренесанса, кромѣ Петрарки и Боккаччіо, авторъ отводитъ незначительный очеркъ (*Eruditi e letterati italiani del secolo* XV. II. 99 и слѣд.), въ которомъ приведено нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о весьма немногихъ гуманистахъ.

ными замѣчаніями о гуманистахъ, какъ *Раналли*[1]), или совершенно ихъ игнорируютъ, какъ старый *Вазари*[2]) и какъ новые авторы краткихъ обзоровъ въ родѣ *Coindet*[3]). Къ первой категоріи принадлежатъ *Буркгардтъ* и *Сэймондсъ*[4]), сочиненія которыхъ, посвященныя гуманистическому движенію, мы разсмотримъ ниже. Ко второй относятся самые обстоятельные историки живописи, какъ *Lanzi* и въ новое время *Crowe* и *Cavalcasselle*[5]); но ихъ замѣчанія не представляютъ интереса для исторіографіи Возрожденія.

Изъ историковъ политической мысли въ Италіи на эпохѣ Ренессанса останавливается въ своемъ *„Курсѣ"* *Джузеппе Феррари*. Цѣлыхъ двѣ лекціи посвящаетъ онъ Петраркѣ, а его послѣдователямъ въ XV вѣкѣ только одинъ коротенькій очеркъ[6]), значительную часть котораго занимаетъ изображеніе тогдашней политической дѣйствительности. Такое неравномѣрное распредѣленіе матеріала зависитъ отъ общихъ воззрѣній автора на эту эпоху. Пораженный печальной картиной политическаго неустройства тогдашней Италіи, Феррари переноситъ темныя краски и на ея культуру. „Съ 1378 до 1450 года, говоритъ онъ, на протяженіи около 70 лѣтъ, т.-е. двухъ поколѣній, литература безмолствуетъ, поэзія нѣма, философія прервалась, политика безсознательная; никто не наслѣдуетъ Данте, св. Ѳомѣ, Толомео-да-Лукка"[7]). Такъ характеризуетъ Феррари эпоху, когда жилъ Бруни и Біондо, Альберти и Валла, когда падала ас-

---

1) *Ferdinando Ranalli, Storia delle belle arti in Italia. Terza edizione. Volume I Firenze 1869*, p. 104—106.

2) *Giorgio Vasari, Le vite de' piu eccelenti pittori, scultori e architetti. Firenze 1846.* Вазари предпосылаетъ своему обширному сочиненію два введенія, одно теоретическаго, другое историческаго содержанія (I, p. 189 и слѣд.); но о гуманистическомъ движеніи не упоминаетъ даже и послѣднее.

3) *Coindet, Histoire de la peinture en Italie. Paris 1861.*

4) *Jacob Burckhardt, Geschichte der Renaissance in Italien. Stuttgart. 1868.* (Въ Geschichte der neueren Baukunst von J. Burckhardt und W. Lübke). Нѣкоторыя культурно-историческія замѣчанія автора въ этой книгѣ не представляютъ интереса, такъ какъ онъ гораздо обстоятельнѣе высказался въ своемъ знаменитомъ сочиненіи по общей исторіи эпохи. *Symonds, Renaissance in Italy. The fine arts. London 1877.*

5) *Lanzi, Storia pittorica della Italia del Risorgimento delle belle arti fin presso al fine del XVIII secolo. 6 edizione. Milano. 1823. Crowe et Cavalcasselle, Geschichte der Italienischen Malerei. Deutsch Original-Ausgabe besorgt von Max Jordan. Leipzig 1869.*

6) *Giuseppe Ferrari, Corso sugli scrittori politici italiani. Milano 1863.* О Петраркѣ (p. 103—145) см. ниже. Лекція, посвященная гуманистамъ XV вѣка, озаглавлена *„Scuola classica"* (p. 149—170).

7) Ibid. p. 153.

кетическая мораль и схоластическая наука, когда философія изъ „служанки“ становилась госпожею. И такой взглядъ не единственный предразсудокъ, унаслѣдованный авторомъ у своихъ предшественниковъ. „Нѣтъ болѣе ни флорентинцевъ, говоритъ онъ, ни миланцевъ, ни жителей Форли, ни неаполитанцевъ; мы видимъ только классическихъ сенаторовъ, античныхъ патриціевъ, людей изъ сословія всадниковъ, жрецовъ Зевса“[1]). Намъ уже не разъ приходилось говорить, насколько основательны всѣ эти обвиненія, а Феррари не приводитъ ни одного новаго аргумента. При такомъ отношеніи къ эпохѣ нельзя ожидать отъ автора внимательнаго изученія политическихъ воззрѣній гуманистовъ, и Феррари, называя ихъ „петраркистами“[2]), приводитъ наудачу нѣсколько авторовъ, защищавшихъ монархію. Изъ первой половины столѣтія онъ оставливается почему-то только на Бекаделли, который не писалъ собственно политическихъ трактатовъ[3]), и обходитъ молчаніемъ и республиканскія тенденціи Поджіо, и даже сочиненіе Валлы о Дарѣ Константина, вслѣдствіе чего его книга не даетъ вѣрнаго представленія о политическихъ воззрѣніяхъ гуманистовъ.

На совершенно иной точкѣ зрѣнія по отношенію къ Ренеансу стоитъ *Раналли* въ своихъ „*Лекціяхъ по исторіи*“. Двѣ изъ нихъ, посвященныя гуманистамъ[4]), не представляютъ интереса по своему содержанію. Пообѣщавъ выяснить въ одной заслуги гуманистовъ въ исторической критикѣ, а въ другой „истинныя свойства (indole vera)“ ученыхъ первой половины XV вѣка, Раналли приводитъ въ первой общеизвѣстные факты о Петраркѣ, а во второй перечисляетъ по Тирабоски главнѣйшихъ гуманистовъ и ихъ важнѣйшія произведенія. Но особенность Раналли заключается въ томъ, что онъ постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что ученость гуманистовъ не была сухою отвлеченною эрудиціей, а стояла въ тѣсной связи съ жизнью и вызывалась ея потребностями[5]). Эта мысль, по существу вѣрная и очень важная, къ сожалѣнію только *настоятельно высказана*, а *не доказана* авторомъ, что весьма ограничиваетъ значеніе его книги[6]).

---

1) Ibid. p. 159.

2) Ibid. p. 162—163.

3) Ibid. p. 163—164.

4) *Ferdinando Ranalli, Lezioni di Storia. Volume I. Firenze 1867*. p. 72—99.

5) См., напр., р. 92.

6) Сочувственное отношеніе Раналли къ отечественнымъ гуманистамъ доводитъ его до нѣсколько пристрастнаго отношенія къ византійскимъ грекамъ. По его словамъ, они piu che la sapienza di nobile patria... portarono in Italia il sofisma; con insieme la superbia faziosa e battagliera dei sofisti etc. p. 85. Всѣ эти свойства у итальянскихъ гуманистовъ не заноснаго, а мѣстнаго происхожденія; какъ и само Возрожденіе. *Gervinus* въ своей *Geschichte der Florentinischen Historiographie bis*

Намъ остается разсмотрѣть отношеніе къ Возрожденію авторовъ монографическихъ изслѣдованій о дѣятеляхъ второй половины XV и XVI столѣтій[1]), которые положительно или отрицательно примыкали къ гуманистическому движенію, какъ, напр., кардиналъ Виссаріонъ и Пій II[2]), Саванаролла и Макіавелли, Франческо Сфорца и Лоренцо Великолѣпный. Далеко не всѣ біографы этихъ дѣятелей считаютъ необходимымъ дать предварительную характеристику Ренесанса, этого не дѣлаютъ, напр., важнѣйшіе біографы Л. Медичи — Roscoe и Реймонтъ. Но у другихъ мы находимъ вводные очерки, имѣющіе болѣе или менѣе важное значеніе для исторіографіи ранняго гуманизма.

Новѣйшій біографъ Виссаріона *Анри Вастъ* не обходитъ молчаніемъ гуманистическаго движенія; но его замѣчанія о Ренесансѣ не отличаются глубокимъ пониманіемъ ни сущности Возрожденія, ни его причинъ. „Намъ нѣтъ надобности настаивать (insister) здѣсь на великихъ причинахъ, которыя произвели итальянскій Ренесансъ“, говоритъ Вастъ и соглашается признать, что античныя традиціи въ языкѣ, въ правѣ, въ архитектурѣ подготовляли движеніе, что въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ „великій голосъ Дантовъ и Петраркъ, которые въ XIII и XIV столѣтіяхъ проповѣдовали vita nuova и пытались направлять къ изученію древнихъ и науку, и умы“, и что, наконецъ, „могучее вліяніе“ на Возрожденіе оказало „божественное искусство“ книгопечатанія[3]). Но въ сущности эти „великія причины“ имѣли, по мнѣнію Васта, весьма отдаленное вліяніе на развитіе гуманизма. „Слѣдуетъ припомнить однако, говоритъ онъ, что въ концѣ XIV столѣтія за блестящей эпохой Петрарки, Боккаччіо и Ріенци послѣдовало глубокое затменіе, и что книгопечатаніе было введено въ Италіи только въ 1465 году“. За этотъ промежутокъ времени пришли греки и, обу-

---

zum sechzehnten Jahrhundert mit Erläuterungen über den sittlichen, bürgerlichen und schriftstellerischen Charakter des Machiavell (Historische Schriften. I. Frankfurt a. M. 1833. p. 1 и слѣд.), признавая важное значеніе Ренесанса вообще, отрицаетъ за нимъ всякія заслуги въ исторіографіи (p. 50).

[1]) Многочисленныя работы по исторіи итальянскихъ университетовъ, какъ *Davari, Corradini, Renazzi, Gherardi* и друг., даютъ фактическій матеріалъ для исторіи гуманистовъ. Мы разсмотримъ его въ соотвѣтствующихъ главахъ.

[2]) Хотя Виссаріонъ и Пій II хронологически захватываютъ занимающую насъ эпоху, но дѣятельность перваго оказала важное вліяніе на развитіе гуманизма только во второй половинѣ XV вѣка, а Эней Сильвій почти всю первую половину этого столѣтія провелъ за предѣлами Италіи.

[3]) *Henri Vast, Le cardinal Bessarion (1403—1472). Étude sur la chrétienté et la Renaissance vers le milieu du XV-e siècle. Paris 1878.* p. 162.

чивши итальянцевъ, создали Ренесансъ[1]). Вастъ настаиваетъ, что итальянскій гуманизмъ „приготовленъ“ въ Византіи[2]) и старательно перечисляетъ грековъ, которые учили въ Италіи, и итальянцевъ, которые ходили за языкомъ и рукописями въ Константинополь[3]). Этому усвоенію новыхъ учебныхъ пособій Вастъ придаетъ огромное значеніе, такъ какъ сущность Возрожденія онъ видитъ въ соединеніи двухъ цивилизацій — византійской и католической. Въ домѣ Виссаріона, поселившагося въ Италіи, находили себѣ пріютъ греческіе бѣглецы, и „тогда, говоритъ Вастъ, былъ совершонъ тотъ плодовитый бракъ двухъ литературъ и двухъ цивилизацій, который породилъ Ренесансъ: сговоръ имѣлъ мѣсто въ флорентійскомъ соборѣ, подъ ауспиціями верховнаго первосвященника. Религіозная унія приготовила унію литературы и искусства, и церковь оказала могущественное содѣйствіе Ренесансу, какъ и всякому прогрессу въ Средніе вѣка“[4]). Итакъ итальянскій гуманизмъ вышелъ изъ квартиры византійскаго выходца, и идеи іезуита Торселлини еще разъ повторены во второй половинѣ XIX столѣтія.

Русскій біографъ Виссаріона *г. Садовъ* не повторяетъ ошибокъ своего предшественника. Причину Возрожденія въ Италіи онъ видитъ „въ свободѣ тамъ индивидуальной и общественной мысли“, а роль Византіи сводитъ только къ содѣйствію итальянцамъ въ ознакомленіи ихъ съ греческимъ языкомъ и литературой[5]). Что касается до сущности гуманистическаго движенія, то г. Садовъ склоненъ, кажется, видѣть ее въ изученіи древности. „Дѣятельность гуманистовъ, говоритъ онъ, главнѣйшимъ образомъ обращена была на слѣдующіе предметы: отыскиваніе считавшихся утраченными произведеній классическихъ авторовъ, распространеніе вновь открытыхъ и прежде извѣстныхъ классическихъ сочиненій, изученіе древности въ языкѣ и бытѣ и распространеніе въ общее свѣдѣніе тѣми или другими способами результатовъ этого изученія“[6]). Съ такой характеристикой Ренесанса никоимъ образомъ нельзя согласиться. Указанныя г. Садовымъ стремленія несомнѣнно существовали въ гуманизмѣ; но это

1) Ibid. p. 162—163.

2) Ibid. p. 16—17. Содержаніе этого отрывка такъ формулировано въ оглавленіи: La Renaissance grecque prépare la Renaissance italienne. Ibid. p. 463.

3) Ibid. p. 163—165.

4) Ibid. p. 111.

5) *Садовъ, Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на Ферраро-Флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. С.-Петербургъ 1883. Стр.* p. 183—185.

6) Ibid. p. 188.

только внѣшняя сторона движенія, которой оно далеко не исчерпывалось. Признавая Элеганціи Валлы и археологическія произведенія Біондо за проявленіе существенной стороны движенія, г. Садовъ только возвращается къ старому и крайне узкому взгляду на гуманизмъ, какъ на страницу изъ исторіи классической филологіи[1]).

Изъ біографовъ Савонароллы болѣе другихъ останавливается на Возрожденіи *Рудельбахъ*. Его краткій фактическій очеркъ движенія не имѣетъ значенія; но нѣкоторый интересъ представляетъ его общая оцѣнка Ренесанса. Во второй четверти нынѣшняго столѣтія уже довольно прочно установился взглядъ, что гуманистическое движеніе — событіе всемірно-историческое и что оно составляетъ самостоятельную эпоху; но въ то же время сущность Возрожденія продолжали видѣть въ филологическихъ успѣхахъ этой эпохи. Поэтому Рудельбахъ съ недоумѣніемъ останавливается на такой оцѣнкѣ историческаго значенія гуманизма: ему кажется, что „смѣшали рычагъ съ разумомъ, который имъ управляетъ, могущественное средство и аппаратъ съ тѣмъ, что должно было вдохнуть въ нихъ жизнь“[2]). Не будучи въ состояніи въ самомъ гуманизмѣ подъ увлеченіемъ древностью усмотрѣть тотъ духъ, который приводилъ въ движеніе этотъ рычагъ и сообщалъ жизнь ученому аппарату, Рудельбахъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ рѣшается примкнуть къ обычному пониманію Ренесанса: это движеніе филологическое, но оно „исторически важно“ въ двухъ отношеніяхъ, во-первыхъ, „потому что всѣ Средніе вѣка, поскольку тогда существовали научныя стремленія, склонялись къ древности и напряженно стремились къ завоеванію ея тогда скрытыхъ сокровищъ“[3]); и во-вторыхъ, потому что эта филологія устраняла внѣшнія препятствія противъ „свидѣтельства истины“, т.-е. содѣйствовала критикѣ католическаго церковнаго ученія[4]). Со взглядомъ на гуманизмъ, какъ

---

[1]) Самый обстоятельный изъ біографовъ Пія II *Georg Voigt (Enea Silvio de'Piccolomini, als Papst Pius der Zweite und sein Zeitalter. B. 1—III Berlin 1856—1863.)* посвятилъ особую книгу гуманистической эпохѣ. *Ambr. Firmin-Didot* въ біографіи Альдо Мануцци *(Alde-Manuce e l'hellénisme à Venice. Paris 1875)* даетъ важный обзоръ распространенія знаній по греческому языку въ Италіи. (Introd. p. XXVIII и слѣд. и въ текстѣ p. 18 и слѣд.). Нѣкоторый интересъ съ этой же точки зрѣнія представляетъ біографія младшаго Филельфо, написанная *Гильомомъ Фавромъ (Guillaume Favre, Vie de Jean-Marius Philelfe. 1810)* и изданная въ 1 томѣ его *Mélanges d'histoire litteraire. Genève 1856,* гдѣ авторъ перечисляетъ ученыхъ эллинистовъ въ Италіи и слѣдитъ за постепенными успѣхами тамъ греческаго языка (p. 147 и 9 и слѣд.).

[2]) *Rudelbach, Hieronymus Savonarola und seine Zeit. Hamburg 1835.* p. 39.

[3]) Ibid. p. 40.

[4]) Ibid. p. 45.

на простое продолженіе научнаго движенія въ Средніе вѣка, мы уже не разъ встрѣчались у церковныхъ историковъ, и если сводить Ренесансъ на филологію, то все отличіе гуманистовъ отъ схоластиковъ можно свести къ стилю, какъ это и дѣлаютъ писатели въ родѣ Штёкля. Что касается до отношенія Возрожденія къ Реформаціи, то здѣсь взглядъ Рудельбаха, крайне суживающій вліяніе гуманизма, представляетъ собою отраженіе обычныхъ воззрѣній протестантскихъ церковныхъ историковъ[1]).

Изъ огромной литературы о Макіавелли наибольшій интересъ для исторіографіи Ренесанса представляетъ извѣстное изслѣдованіе *Пасквале Виллари*. Его обширное введеніе, посвященное Возрожденію, по богатству содержанія представляетъ собою цѣлое спеціальное изслѣдованіе. Выяснивши существенныя стороны Ренесанса, Виллари даетъ очеркъ его исторіи въ важнѣйшихъ итальянскихъ центрахъ параллельно съ ихъ политическимъ положеніемъ. Мы остановимся здѣсь только на первой главѣ его введенія и разсмотримъ остальныя въ соотвѣтствующихъ главахъ нашей книги.

Виллари начинаетъ свою книгу признаніемъ колоссальной важности гуманистической эпохи. „Трудно найти въ исторіи новой Европы періодъ, равняющійся по значенію тому, который обыкновенно называется въ итальянской исторіи Ренесансомъ", говоритъ онъ и перечисляетъ всѣ стороны общественной жизни, которыя подверглись тогда существеннымъ перемѣнамъ. Въ эту эпоху происходитъ „быстрое преобразованіе общества", развивается „чрезвычайная дѣятельность всѣхъ духовныхъ силъ"; „старыя традиціи, формы и учрежденія распадаются: схоластика отступаетъ передъ философіей, вѣра въ авторитетъ исчезаетъ передъ успѣхами свободнаго разума и свободнаго изслѣдованія". Тогда же начинаютъ развиваться естественныя науки, „расцвѣтаютъ торговля и промышленность", предпринимаются далекія путешествія и открываются новыя страны, создаются государственная наука и военное искусство. Тогда хроника уступаетъ мѣсто исторіи; на ряду съ возродившейся античной культурой рыцарская поэзія, тоже переродившись, создаетъ цѣлый рядъ новыхъ формъ литературныхъ произведеній, а въ то же время пластическія искусства достигаютъ небывалой высоты развитія. Благодаря тому,

[1]) *Perrens* въ введеніи къ своему сочиненію *Jérome Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits. Tome I. Paris (1853)*, признавая за начало новаго времени половину XV столѣтія, отказывается считать эрой паденіе Константинополя. Въ это время произошли болѣе глубокія перемѣны: la révolution est partout: dans les faits, dans les hommes, dans les idées (p. XXI и слѣд.); но роль гуманизма въ этихъ перемѣнахъ не только не выяснена, но даже не намѣчена.

что латинская рѣчь продолжала оставаться языкомъ образованнаго общества, результаты итальянскихъ переворотовъ быстро сдѣлались достояніемъ всего европейскаго Запада. „Кажется, что міръ, освѣщенный солнцемъ итальянской культуры, опять становится новымъ и юнымъ“[1]), говоритъ Виллари.

Набрасывая эту широкую картину эпохи, Виллари не скрываетъ и ея темныхъ красокъ. Блестящая Италія оказывается крайне слабой и политически, и морально: „свобода исчезаетъ, повсюду появляются тираны, семейныя узы, повидимому, ослабли“, и все это заканчивается позорнымъ завоеваніемъ. Виллари съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ останавливается передъ этими „необъяснимыми противорѣчіями“ между блескомъ и позоромъ; но вмѣсто того, чтобы „стараться объ установленіи общихъ приговоровъ и сужденій“, онъ предпочитаетъ „наблюдать и излагать факты“[2]). Однако изъ этихъ наблюденій вытекаютъ иногда сами собою общіе выводы.

Въ небольшомъ, но чрезвычайно содержательномъ и блестящемъ очеркѣ Виллари показываетъ, что политическія права въ городскихъ республикахъ Италіи были исключительнымъ достояніемъ сравнительно немногихъ гражданъ и то одного только главнаго города и что вслѣдствіе этого большая часть мѣстныхъ гражданъ и всѣ подчиненные города не только предпочитали монархію, но и не чувствовали ужаса передъ чужеземнымъ нашествіемъ. Такое отношеніе главныхъ городовъ къ подчиненнымъ, а такъ же существованіе церковной области дѣлали невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, крайне затрудняли объединеніе Италіи[3]). Изъ этого ясно, что гуманистическое движеніе совершенно неповинно въ тѣхъ политическихъ невзгодахъ, которыя постигали Италію съ конца XV столѣтія, и что гуманисты, защищая античными примѣрами то республику, то монархію, и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, искали въ древности оружія для борьбы за новыя потребности.

Одновременно съ паденіемъ городскихъ республикъ Виллари отмѣчаетъ и разрушеніе средневѣковыхъ соціальныхъ формъ. Раздѣленіе средневѣкового общества на агломератъ корпорацій, въ которыхъ терялась личность, быстро исчезаетъ въ Италіи въ XIV столѣтіи, и главную роль въ этомъ Виллари приписываетъ индивидуализму. Отсюда выводитъ онъ и важность дипломатіи, и свойства тирановъ, и ихъ отношеніе къ наукѣ, искусству и литературѣ

---

[1]) Я цитирую по нѣмецкому переводу: *Pasquale Villari, Niccolo Machiavelli und seine Zeit. Band I. Rudolstadt 1882.* p. 1—2.

[2]) Ibid. p. 2—3.

[3]) Ibid. p. 3—7.

и даже моральныя перемѣны, при чемъ роль гуманистовъ въ этомъ индивидуалистическомъ процессѣ совершенно не отмѣчена. Такое игнорированье весьма важнаго фактора составляетъ самый существенный пробѣлъ въ очеркѣ Виллари и влечетъ за собою нѣсколько частныхъ положеній, съ которыми едва ли можно согласиться. Такъ, прежде всего нравственный упадокъ эпохи Виллари объясняетъ исключительно паденіемъ корпоративнаго строя. „Нравственное чувство Среднихъ вѣковъ, говоритъ онъ, было основано преимущественно на тѣсной связи семьи и касты"; паденіе касты увлекло за собою и семью, такъ что „индивидуумъ, предоставленный самому себѣ руководился только личнымъ интересомъ, только эгоизмомъ, и нравственный упадокъ былъ неизбѣженъ" [1]). Односторонность такого объясненія вполнѣ очевидна. Что въ основѣ средневѣковой морали лежалъ аскетическій принципъ — это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и если общественные порядки оказывали огромное вліяніе на житейскія отношенія, то индивидуальная нравственность цѣликомъ опредѣлялась церковной доктриной. Когда съ культурнымъ ростомъ личности пало старое міросозерцаніе, утратила основаніе и старая мораль. Виллари самъ чувствуетъ недостаточность своихъ объясненій и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что нравственный упадокъ этой эпохи „неразрѣшимая загадка" [2]). „Это — переходное время, говоритъ онъ, когда страсти и характеры двухъ различныхъ эпохъ такъ смѣшались между собою, что являются передъ нашими глазами таинственнымъ сфинксомъ, который внушаетъ намъ изумленіе и даже ужасъ" [3]). Время дѣйствительно переходное; но его загадочность нѣсколько уменьшится, если принять во вниманіе, что новыя *индивидуальныя* потребности, разрушивши основы старой морали, не успѣли еще создать прочныхъ основаній новой этики.

Игнорированье Виллари при объясненіи соціальныхъ перемѣнъ *индивидуалистическаго* процесса, который совершался въ самой личности, вынуждаетъ его иногда оставлять безъ объясненія наиболѣе характерныя явленія этой эпохи. Онъ только приводитъ замѣчательные примѣры могучаго вліянія рѣчи и литературы, а меценатство тирановъ объясняетъ слѣдующими вопросами: „чему другому обязанъ итальянскій тиранъ за господство, какъ не своему генію? Какъ же могъ онъ быть равнодушенъ къ тому, что воспитываетъ и усиливаетъ геній" [4]). Меценатство и у тиранновъ должно было имѣть и

---

1) Ibid. p. 8.
2) Ibid. p. 13.
3) Ibid. p. 14.
4) Ibid. p. 13.

имѣло въ дѣйствительности также и многія другія побужденія, которыя заставляли покровительствовать гуманизму и венеціанскихъ аристократовъ, и римскихъ епископовъ. Но оставляя въ сторонѣ гуманистическое движеніе, какъ факторъ общественной жизни, Виллари совершенно правильно оцѣниваетъ его культурно-историческое значеніе. Онъ отмѣчаетъ, что гуманисты разрушили схоластику и положили основаніе новой философіи, наукѣ и литературѣ[1]), и весьма мѣтко выясняетъ ихъ отношеніе къ древности. Признавая и даже нѣсколько преувеличивая увлеченіе гуманистовъ античной литературой, Виллари считаетъ его необходимымъ и благотворнымъ. У классиковъ находили гуманисты и родственное настроеніе, и готовыя формы для его выраженія, тогда какъ родной языкъ, богатый для эпоса и лирики, не имѣлъ еще выработаннаго стиля для философскихъ произведеній, рѣчей и исторіографіи, а отечественная литература была проникнута средневѣковымъ духомъ. Если принять во вниманіе, что классическій міръ гуманисты считали своимъ собственнымъ славнымъ прошлымъ, то ихъ увлеченіе древностью окажется совершенно естественнымъ. Виллари считаетъ его и прогрессивнымъ. Обвинителямъ гуманистовъ онъ предлагаетъ сравнить De Monarchia Данте съ политическими произведеніями Макіавелли и хронику Виллани съ исторіей Гвиччардини, чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ культурномъ переворотѣ, который произвело это движеніе[2]).

Сопоставляя результаты изученія гуманистическаго движенія въ всемірно-исторической и національной исторіографіи можно замѣтить весьма характерную разницу между ними. Въ цѣломъ и общемъ національная исторіографія даетъ гораздо болѣе фактическаго матеріала для изученія Возрожденія, всемірно-историческая — правильнѣе опредѣляетъ его историческое значеніе. Но вліяніе апріорнаго характера общихъ сужденій о Ренесансѣ въ національной исторіографіи, особенно въ политической, чувствуется еще сильнѣе. Повидимому, выясненіе національнаго значенія гуманизма гораздо проще и легче, чѣмъ истолкованіе его всемірно-исторической роли. Между тѣмъ всеобщіе историки, по крайней мѣрѣ въ новое время, гораздо однообразнѣе смотрятъ на гуманизмъ, чѣмъ мѣстные итальянскіе, и въ произведеніяхъ этихъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствуется чрезмѣрная субъективность въ крайне рѣзкой оцѣнкѣ Ренесанса. При-

---

1) Ibid. p. 20—21.
2) Ibid. p. 18—24.

чину этого слѣдуетъ искать въ отсутствіи непосредственнаго знакомства съ гуманистической литературой и въ сравнительной бѣдности спеціальныхъ сочиненій по исторіи движенія. Дивинація общаго характера Возрожденія на основаніи немногихъ фактовъ всегда будетъ тѣмъ удачнѣе, чѣмъ шире историческія воззрѣнія писателя и чѣмъ свободнѣе онъ отъ патріотическихъ или религіозныхъ увлеченій. Всемірно-историческая исторіографія въ этомъ отношеніи поставлена выгоднѣе національной, и невыгодное положеніе этой послѣдней можетъ быть парализовано только тщательнымъ изученіемъ гуманистическихъ произведеній, какъ это доказываетъ примѣръ историковъ итальянской литературы. Выйдя за узкіе предѣлы изученія исключительно изящной литературы на итальянскомъ языкѣ и ознакомившись съ латинскими сочиненіями гуманистовъ, они внесли существенныя поправки въ историческую оцѣнку Возрожденія. Мы постараемся показать, что при ближайшемъ ознакомленіи съ источниками количество такихъ поправокъ можно еще значительно увеличить.

ГЛАВА I.

Франческо Петрарка. Его критики и біографы.

Гуманистическое движеніе, коренным образом измѣнившее всѣ стороны духовной жизни, выразилось преимущественно въ произведеніяхъ философскаго, научнаго и литературнаго содержанія. Поэтому сочиненія представителей Ренесанса являются историческимъ источникомъ первостепенной важности. Кромѣ того, служа выраженіемъ могучаго культурнаго движенія, проявляя на себѣ крутой переломъ *общаго міросозерцанія*, гуманистическая литература имѣетъ еще и другую цѣну: нѣкоторыя ея произведенія имѣютъ *спеціальное* значеніе въ исторіи той области знанія, изъ которой заимствовано ихъ содержаніе; наконецъ, иныя изъ нихъ не лишены абсолютной цѣны, философской или научной, смотря по тому, о чемъ они трактуютъ. Съ этихъ точекъ зрѣнія мы и будемъ разсматривать сочиненія итальянскихъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки.

Хотя идеи и настроеніе, получившія господство въ эпоху Возрожденія, спорадически встрѣчаются въ теченіе всего средневѣкового періода, постепенно усиливаясь къ XIV вѣку, но первое вполнѣ рельефное выраженіе получили онѣ у Франческо Петрарки. Такимъ образомъ въ главѣ гуманизма стоитъ одинъ изъ величайшихъ національныхъ поэтовъ Италіи, занимающій видное мѣсто и въ исторіи всемірной литературы, что не могло не отразиться на исторіографіи гуманистическаго движенія. Выдающаяся личность знаменитаго поэта привлекала особое вниманіе изслѣдователей, и почти въ каждомъ столѣтіи, начиная съ XIV, можно найти по нѣскольку біографовъ Петрарки. Но соединеніе въ одномъ лицѣ родоначальника культурнаго движенія съ крупнымъ художникомъ имѣетъ и невыгодныя стороны для изученія эпохи: въ Петраркѣ поэтъ затмевалъ мыслителя и новаго человѣка, и это отразилось прежде всего на изданіи его сочиненій. Въ то время, какъ его поэтическія произведенія были изданы нѣсколько разъ уже въ XV столѣтіи[1]), и тогда же выдер-

---

[1]) Библіографіи Петраркѣ посвящены *Ferrazzi, Bibliografia Petrarchesca. Bassano 1877.* (Enciclopedia Dautesca, v. V.) и *A. Hortis, Catalogo delle opere di*

жали нѣсколько изданій комментаріи къ нимъ, написанныя Филельфо[1]; его латинскія сочиненія до сихъ поръ еще ждутъ полнаго критическаго изданія, хотя впервые они были напечатаны тоже въ концѣ XV вѣка[2]).

F. Petrarca nella Petrarchesca Rosettiana. Triest 1874. Опираясь на эти работы американецъ *W. Fiske* издалъ *Catalogue of Petrarch books. Ithaca 1883*. Сочиненіе раздѣлено на три части: въ первой перечислены въ алфавитномъ порядкѣ имена писателей и ученыхъ, посвятившихъ какой-нибудь трудъ Петраркѣ; во-второй — списокъ изданій его сочиненій на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, а также и переводовъ на иностранные языки; въ третьей — указатель именъ писателей, которые говорятъ о Петраркѣ, а также этюдъ о его портретахъ. Книга вышла въ количествѣ 160 экземпляровъ и мнѣ извѣстна только по рецензіямъ, не всегда благопріятнымъ. (См. *Giornale storico della litt. ital. III, p. 467*. Ср. отзывъ *Cippolla* въ *Herman's und Jastrow's Jahresberichte*. IV, p. 281). Тому же автору принадлежитъ *Hand-list of Petrarch editions in the Florentine Public Libraries Florence 1886*. Рукописи сочиненій Петрарки, хранящіяся въ Италіи, перечислены, кромѣ общихъ каталоговъ, въ слѣдующихъ юбилейныхъ изданіяхъ: *Narducci, I codici Petrarcheschi delle Biblioteche governative del Regno, indicati per cura del Ministero dell'Istruzione Publica. Roma 1874*. Его же, *I codici Petrarcheschi delle Biblioteche Barberina, Chigiana, Corsiniana, Vallicelliana, Vaticana. Roma 1874*. Кромѣ того, по поводу пятисотлѣтняго юбилея Петрарки графъ *Ettore Macola* издалъ извлеченіе изъ пяти толстыхъ книгъ, въ которыя записывали свои имена, мысли и стихотворенія лица, посѣщавшія домъ Петрарки въ Арква въ періодъ 1788—1873. *(I codici di Arquà, dal maggio 1788 all'ottobre 1873. Padova 1874)*. Указанія объ отдѣльныхъ кодексахъ и библіографію изданныхъ сочиненій см. Ferrazzi p. 755 и слѣд.

[1]) *Philelphus, Interpretatio sopra gli soneti e canzone di Fr. Petrarca*. Въ Миланской Ambrosiana есть 2 Болонскихъ изданія 1475 и 1476 годовъ и одно Венеціанское 1478 года.

[2]) Впервые *Opera omnia F. Petrarchae* появились въ 1494 г. въ Девентерѣ; я пользуюсь двумя собраніями сочиненій Петрарки: 1) *Basileae per Magistrum Joannem de Amerbach 1496* безъ заглавія, которое замѣнено *Librorum Francisci Petrarchae Basileae Impressorum Annotatio*. Въ это изданіе не вошли: *De Otio religiosorum, De sua ipsius et aliorum ignorantia, Africa. Epistolae variae et seniles*, a *familiares* вошли только въ количествѣ VIII книгъ. Къ книгѣ приложены: *Epitomatis ill. vir. post obitum Francisci Petrarchae Lombardi de Siricho supplementum* и *Benvenuti de Rombaldis libellus qui Augustalis dicitur*. 2) *Opera omnia Basileae per Henricum Petrum 1554*. Сочиненіямъ Петрарки предпослано письмо Joannis Herold Höstettensis Joanni Baderio о важности наукъ съ приложеніемъ Hieronimi Cardani judicium и Testimonia J. Boccatii, Erasmii Rotterodami, Ludovici Vivis, Francisci Feoridi Sabini, Pauli Jovii Novocomensis, а также біографія Петрарки, написанная Squarzafichi. Въ исправленіи текста принимали участіе, кромѣ Гротштоттона, Conradus Lycosthenes и Bonifacius Amerbachius. Въ основу итальянскаго текста положены изданія Gesualdo и Allunni, въ исправленіи которыхъ принималъ участіе Coelius Secundus Curio. Это изданіе повторено безъ перемѣнъ тѣмъ-же издателемъ въ 1568 и 1581 годахъ.

I.

Философскія произведенія Петрарки. De Remediis utriusque fortunae и отношеніе къ этому трактату новыхъ изслѣдователей. De Vita solitaria, De Otio religioso и ихъ историческое значеніе. Діалоги „Объ истинной мудрости" и вопросъ объ ихъ подлинности. Общій характеръ и значеніе философскихъ произведеній Петрарки.

Значеніе Петрарки въ исторіи гуманизма опредѣляется, во-первыхъ, совокупностью его воззрѣній, его общимъ міросозерцаніемъ и, во-вторыхъ, его индивидуальными стремленіями, внутренней борьбой и вообще личнымъ настроеніемъ. Вслѣдствіе этого тѣ его произведенія имѣютъ наибольшую важность для изученія Ренесанса, въ которыхъ Петрарка болѣе или менѣе систематически излагаетъ свои воззрѣнія. Таковы его религіозные и философско-этическіе трактаты, первое мѣсто между которыми и по объему, и по значенію занимаютъ двѣ книги *„О средствахъ противъ всякой фортуны" (De Remediis utriusque fortunae libri duo)*[1]).

Этотъ трактатъ представляетъ практическое наставленіе, чѣмъ утѣшаться въ несчастіяхъ и какъ сохранить спокойствіе духа въ счастьѣ. Въ посвященіи Аццо-ди-Корреджіо, которое составляетъ предисловіе къ первой книгѣ, Петрарка излагаетъ цѣль своего сочиненія и причины, его вызвавшія. Въ жизни человѣку приходится бороться не только съ неудачами, какъ думаетъ „чернь", но также и съ внѣшними благами; та и другая борьба одинаково можетъ вести къ погибели, при чемъ счастье даже опаснѣе невзгодъ[2]). Самое вѣрное сред-

---

1) Время составленія этого трактата съ точностью опредѣлить нельзя. Несомнѣнно, что онъ конченъ въ 1366; но былъ почти готовъ уже въ 1360. Fracassetti предполагаетъ, что онъ былъ начатъ въ 1358 (См. Voigt I, 185 пр. 2; Körting, p. 542 пр. Fracassetti, Lettere delle cose familiari I, 582). Объ изданіяхъ см. Ferrazzi, p. 782 и слѣд. Лучшая рукопись въ Венеціанской библіотекѣ св. Марка, представляющая собой копію съ автографа. Новое изданіе трактата *(Fiske, Bibliographical notices. Francis Petrarch's treatise „De remediis utriusque fortunae", text and versions. Florence 1888)*, въ которомъ перечислены его переводы, мнѣ извѣстно только по рецензіи (См. *Koch und Geiger, Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur. I. B. Berlin 1887—88, p. 479—480)*.

2) Duplex nobis est duellum cum fortuna et utrobique quodammodo par discrimen. Философы, какъ Аристотель и Сенека, считаютъ несчастіе опаснѣе; но самъ Петрарка другого мнѣнія: nam qui damna, qui pauperiem, qui exilium, qui carcerem, qui supplicium, qui mortem et pejores morte graves morbos aequo animo tulerint, multos vidi; qui divitias, qui honores, qui potentiam — nullum.

ство противъ этого — чтеніе, преимущественно древнихъ писателей, но Аццо, занятый важными дѣлами, не имѣетъ времени; поэтому Петрарка и написалъ для него обзоръ всѣхъ случаевъ, какіе возможны въ жизни, и составилъ указаніе, какъ къ нимъ относиться. Сочиненіе изложено въ діалогической формѣ; въ первой части собесѣдниками являются съ одной стороны Разумъ (Ratio), съ другой — Радость (Gaudium) и Надежда или Страсть (Spes seu Cupiditas); во второй тотъ же Разумъ утѣшаетъ Скорбь (Dolor) и успокоиваетъ Страхъ (Metus). Первая книга распадается на 122 діалога, въ которыхъ указываются темныя стороны во всевозможныхъ благахъ, какихъ только можетъ достигнуть человѣкъ; вторая на 132 діалога, которые утѣшаютъ во всевозможныхъ бѣдствіяхъ, какія могутъ случиться въ жизни. Нельзя сказать, чтобы основная мысль трактата отличалась глубиною или новизною: ученіе о томъ, что не слѣдуетъ обольщаться счастьемъ и падать духомъ при неудачахъ, было частою темою средневѣковыхъ назиданій [1]). Такъ же мало оригинальности и въ самыхъ разсужденіяхъ. Предостереженія въ большинствѣ случаевъ шаблонны, иногда противорѣчивы, часто крайне вульгарны и почти всегда неубѣдительны. Обыкновенно авторъ исходитъ изъ религіозно-аскетической точки зрѣнія и удерживаетъ отъ наслажденія земными благами, потому что это составляетъ препятствіе для достиженія небесныхъ. Таковы, напр., всѣ тѣ діалоги первой книги, гдѣ идетъ рѣчь объ удовольствіяхъ [2]). Иногда онъ стои́тъ на чисто практической точкѣ зрѣнія: къ благамъ жизни не сто́итъ привязываться, потому что прежде всего на землѣ все измѣнчиво и непостоянно. Не слѣдуетъ, напримѣръ, радоваться популярности, потому что народъ часто мѣняетъ любимцевъ [3]), не слѣдуетъ наслаждаться властью, потому что она непрочна [4]) и т. д. Отсюда такія малоубѣдительныя разсужденія, что не слѣдуетъ слишкомъ любить отца или мать, потому что они могутъ умереть [5]). Человѣкъ окруженъ опасностями, поэтому всѣ блага отравлены безпокойствомъ и боязнью. Такъ, напримѣръ, имѣть хорошихъ родственниковъ не составляетъ блага, потому что они подвержены опасностямъ [6]). Точно такъ же съ точки зрѣнія личнаго спокойствія и

---

1) Родство De Remediis съ средневѣковымъ сборникомъ *Excerpta ex libris Senecae* и книгою *De Contemptu mundi* Иннокентія III отмѣтилъ Körting (Petrarca's Leben, p. 543 и 557).

2) Lib. I, dial. 18—33.

3) Ibid. Dial. 94.

4) Ibid. Dial. 91.

5) Ibid. Dial. 82, 83.

6) Ibid. Dial 73—75; 77—79.

практическихъ удобствъ старается Петрарка подорвать цѣну различныхъ моральныхъ и политичеслихъ благъ: не стоитъ особенно радоваться обилію друзей, потому что истинные друзья рѣдки[1]); удовольствіе имѣть хорошаго ученика отравляется отвѣтственностью за него[2]); не слѣдуетъ стремиться къ королевскому или папскому трону, потому что съ этимъ положеніемъ связана масса трудностей[3]) и т. д. Иногда Петрарка выставляетъ нравственный критерій для оцѣнки благъ: такъ, наслажденіе удачной местью безнравственно[4]); радоваться смерти врага непозволительно[5]); побѣда опасна, потому что въ ней легко проявляется жестокость[6]). Наконецъ, иногда онъ просто указываетъ на темную сторону, которая есть въ каждомъ явленіи: напр., долговременный миръ развращаетъ нравы[7]); оказанныя благодѣянія влекутъ за собою неблагодарность[8]) и т. д. Такое смѣшеніе непримиримыхъ точекъ зрѣній тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что онѣ весьма часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же діалогѣ.

Вторая книга касается почти тѣхъ же самыхъ вопросовъ, что и первая только съ другой стороны[9]); подобно тому какъ въ каждомъ благѣ есть темныя стороны, а нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ только кажущуюся цѣну, точно такъ же иныя бѣдствія вовсе не бѣдствія, а въ другихъ легко утѣшиться. Съ теоретической стороны эта вторая половина въ большей своей части совсѣмъ ненужна, потому что предостереженіе въ пользованіи благами составляетъ въ то же время утѣшеніе въ ихъ лишеніи. Если здоровье не благо, то, естественно, и болѣзнь не зло; если не слѣдуетъ радоваться обилію друзей, то нечего огорчаться ихъ отсутствіемъ и т. д. Дѣйствительно здѣсь Петрарка почти не приводитъ новыхъ аргументовъ, а только развиваетъ и дополняетъ старые. Но трактатъ имѣетъ практическій ха-

---

1) Ibid. Dial. 50.

2) Ibid. Dial. 81.

3) Ibid. Dial. 96 и 107. Иногда эти разсужденія довольно низменны. Такъ въ діалогѣ 33 *De Numeroso Famulatu* Петрарка говоритъ: ubi servi multi, multi strepitus, pauca servitia et secretum nullum; quot servorum linguae, tot praeconum tubae; quot servorum aures atque oculi, tot domorum rimulae, quibus illa etiam, quae in fundo sunt, facile dilabuntur etc.

4) Ibid. Dial. 101.

5) Ibid. Dial. 104.

6) Ibid. Dial. 103.

7) Ibid. Dial. 106.

8) Ibid. Dial. 93.

9) Körting ставитъ 2-ю книгу выше первой, хотя допускаетъ, что она можетъ показаться hochkomisch и заключаетъ въ себѣ массу абсурдовъ; p. 551, 552. Несомнѣнно только, что предисловіе ко 2-й книгѣ лучше посвященія.

рактеръ; авторъ стремится дать не теоретическую систему, а руководство, по возможности, обстоятельное, какъ поступать въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ этой обстоятельности заключается и важность трактата, какъ біографическаго источника, и его вопіющіе недостатки, какъ философскаго произведенія.

Заботясь о подробности, Петрарка придумываетъ самые исключительные случаи, предусматриваетъ самыя маловажныя событія. Такъ, въ особенныхъ діалогахъ онъ убѣждаетъ не радоваться хорошей погодѣ, освобожденію изъ тюрьмы, открытію золотоносной руды, находкѣ или выигрышу денегъ[1]); утѣшаетъ въ такихъ бѣдствіяхъ, какъ потеря времени, плохая прислуга, безпокойные сосѣди, замедленіе въ полученіи подарка, дурныя дороги, глупый и сумасбродный товарищъ и т. п.[2]). Иногда эта обстоятельность переходитъ въ совершенно вульгарную старческую болтливость. Такъ, напр., убѣждая не увлекаться обладаніемъ драгоцѣнностей, Петрарка въ отдѣльныхъ діалогахъ разсматриваетъ различные ихъ виды[3]); точно такъ же онъ считаетъ самостоятельнымъ благомъ обладаніе слонами и верблюдами, обезьянами, павлинами[4]) и т. п. То же и во 2-ой книгѣ: успокоивши по случаю болѣзни вообще, онъ даетъ утѣшеніе въ подагрѣ, зубной боли, ревматизмѣ[5]) и т. д. Самыя разсужденія вполнѣ соотвѣтствуютъ заглавіямъ; чтобы судить объ ихъ глубинѣ, приведемъ одинъ далеко не исключительный примѣръ. Во время зубной боли слѣдуетъ, по совѣту Петрарки, утѣшаться мыслями о слабости человѣческой природы[6]). Если зубы выпадаютъ, то нужно припоминать всѣ блага, какія Богъ далъ человѣку, и тогда огорченіе по поводу такой ничтожной потери будетъ казаться неблагодарностью къ Творцу. Если зубовъ болѣе нѣтъ, то легче бороться съ удовольствіями: меньше ѣшь, рѣже смѣешься и злословишь. Если это случилось въ старости, то радуйся, потому что многіе теряютъ зубы молодыми. Кромѣ того, зубы не спасаютъ отъ смерти. Дочь Митридата имѣла двойной рядъ зубовъ, сынъ Виѳинскаго царя сплошные зубы на верхней челюсти, у царицы Зиновіи были такіе красивые зубы, что

---

1) Ibid. Dial. 86, 89, 54, 55.

2) Lib. II, dial. 15, 29, 31, 37, 57, 71.

3) Lib. I, dial. 37. *De Gemmis et Margaritis*. 39. *De Gemmarum Signis*. 38. *De Gemmarum Poculis*.

4) Ibid. Dial. 59. *De Gregibus et Armentis*. 60. *De Elephantibus et Camelis*. 61. *De Simiis et Ludicribus Animalibus*. 62. *De Pavonibus, Pullis, Gallinis, Apibus et Columbis etc.*

5) Lib. II, dial. 84, 94, 95.

6) *Dolor*. Dentibus aeger sum. *Ratio*. Invalidum et caducum animal est homo; cui etiam, quae praevalida videbantur, caduca sunt. II. Dial. 94.

во время смѣха ея ротъ казался наполненнымъ бѣлыми жемчужинами, и всѣ они умерли. Наконецъ, если выпадутъ всѣ зубы, то тѣмъ лучше, потому что болѣть нечему[1]).

Недостатки содержанія трактата нисколько не изглаживаются изложеніемъ. Діалогическая форма съ аллегорическими дѣйствующими лицами въ высшей степени несовершенна: нѣтъ ни малѣйшаго слѣда ни драматизма, ни той живости и систематичности изложенія, которая встрѣчается у позднѣйшихъ гуманистовъ, умѣвшихъ придать діалогу видъ реальнаго спора. У Петрарки говоритъ только Разумъ, а его собесѣдники не умѣютъ даже односложно перервать разсужденія и обыкновенно повторяютъ одну и ту же фразу[2]). Но, несмотря на всѣ недостатки, трактатъ имѣетъ большую важность.

Самую раннюю оцѣнку De Remediis мы находимъ въ „Исторіи философіи“ Булэ[3]). Признавая за книгой нѣкоторые недостатки, преимущественно формальные, Булэ въ общемъ относится къ ней съ сочувствіемъ, находитъ въ ней „богатство идей“ и большую обстоятельность въ содержаніи. Въ частности, первая половина діалога обнаруживаетъ, по его мнѣнію, „самое интимное знакомство съ человѣческой природой и съ обычнымъ ходомъ вещей“ и даетъ „много превосходныхъ совѣтовъ“. Но Булэ осуждаетъ крайній пессимизмъ автора, дѣлающій невозможнымъ всякое наслажденіе жизнью. Ключъ къ объясненію этого пессимизма Булэ думаетъ найти въ личной жизни Петрарки и главнымъ образомъ въ его неудачной любви къ Лаурѣ[4]). Вліяніемъ этой же причины объясняется и главный недостатокъ второй части — отношеніе Петрарки къ женщинѣ и любви[5]). Но въ общемъ вторую половину діалога онъ считаетъ лучше первой, потому что здѣсь Петрарка, слѣдуя Сенекѣ, „своему предшественнику и образцу“, былъ вполнѣ въ своей сферѣ, хотя его совѣты разсчитаны иногда на героевъ, а не на обыкновенныхъ людей[6]). Эта оцѣнка, въ общемъ слишкомъ снисходительная и не достаточно опредѣленная, имѣетъ одну несомнѣнно вѣрную сторону. Булэ правильно ищетъ объясненія трактата въ біографіи его автора; но едва ли можно согла-

---

[1]) Ibid.

[2]) Всѣ діалоги въ родѣ слѣдующаго. *Gaudium.* Serenus est aër ac jucundus. *Ratio.* Jam quis arguat coelestem humi animum haerere? In aëre illum appenditis et amorem vestrum in eo ponitis elemento quo nullum instabilius. *G.* Aër serenus atque tranquillus est. *R.* Expecta: dicto citius nubilosus erit ac turbidus; alio te sub coelo positum credas. G. Serenus ac tranquillus est aër etc. I. Dial. 86.

[3]) Geschichte der Philos. II, p. 90—105.

[4]) Ibid. p. 97, 98.

[5]) Ibid. p. 101.

[6]) Ibid. p. 100, 101.

ситься, что Лаура играла столь важную роль въ философіи Петрарки. Основное настроеніе діалога обусловливалось другими болѣе глубокими причинами — положеніемъ автора среди двухъ міровъ[1]).

Современные изслѣдователи не вполнѣ сходятся въ оцѣнкѣ этого произведенія. Фогтъ видитъ въ немъ попытку изъ разсмотрѣнія наслажденій и страданій привести читателя, на манеръ Сенеки, къ „Aequam memento"; но среди самоувѣренности и объективности автора усматриваетъ его огорченіе и недоумѣніе передъ мыслью, что человѣкъ, вѣря въ спасительность добродѣтели, тѣмъ не менѣе сознательно и произвольно отъ нея уклоняется[2]). Дѣйствительно, эта послѣдняя нотка часто слышится въ отдѣльныхъ монологахъ и въ особенности рѣзко выступаетъ въ предисловіи ко 2-й книгѣ, такъ что трактатъ даетъ цѣнныя указанія для характеристики настроенія автора. Гораздо дальше идетъ Кёртингъ. По его мнѣнію, трактатъ носитъ двойственный характеръ: по общему духу онъ въ тѣсномъ родствѣ съ средневѣковой аскетической литературой, но по цитатамъ изъ древнихъ авторовъ и въ особенности по основной мысли онъ принадлежитъ новому времени. Этотъ послѣдній признакъ есть пессимизмъ, „который доходитъ даже до нигилизма", такъ какъ Петрарка отрицаетъ добро и зло въ мірѣ[3]). Съ двойственнымъ характеромъ трактата нельзя не согласиться, хотя нигилизма автора доказать нельзя[4]), а цитаты изъ древнихъ писателей сами по себѣ еще ничего не доказываютъ. Двойственность Петрарки, поскольку она существовала въ его міровоззрѣніи, проявляется во всемъ содержаніи трактата, потому что въ немъ изложено большинство взглядовъ автора. Въ этой двойственности заключается и историческая цѣна сочиненія. Оно вызвано интересомъ къ жизни и обнаруживаетъ большую наблюдательность къ ея внѣшнимъ

---

[1]) Изъ историковъ литературы только Ginguené (II, p. 445 и слѣд.) и Gaspary (II, p. 439 и слѣд.) даютъ краткое изложеніе содержанія этого трактата. Большинство обходитъ его полнымъ молчаніемъ, и только у немногихъ, какъ Сисмонди и Кирпичникова, мы находимъ краткіе отзывы объ этомъ произведеніи. Обстоятельнаго анализа De Remediis съ исторической точки зрѣнія до сихъ поръ еще не сдѣлано. Женгевэ даетъ чисто формальную оцѣнку (la forme est moins heureuse que le fond... Les dialogues sont secs et dépourvus d'art. l. c. p. 446); Сисмонди отрицаетъ всякую искренность въ трактатѣ и считаетъ его схоластическимъ упражненіемъ (I, p. 427); Гаспари видитъ въ немъ аскетическую основу, отмѣчаетъ только фактическія противорѣчія и признаетъ вліяніе иного настроенія только въ примѣрахъ изъ античнаго міра и цитатахъ изъ древнихъ авторовъ (l. c. p. 439—440).

[2]) Voigt, *Die Wiederbelebung*. I, p. 147.

[3]) Körting, p. 557—561.

[4]) Кёртингъ приводитъ только доказательства противнаго, которыя, по его мнѣнію, служатъ лишь „благочестивой оболочкой" (p. 559).

и внутреннимъ проявленіямъ. Обсуждая вопросы житейской морали съ традиціонной аскетической точки зрѣнія, Петрарка постоянно сбивается на противоположный принципъ, и проявленія новыхъ индивидуальныхъ потребностей такъ же противорѣчиво переплетаются здѣсь съ шаблонными взглядами, какъ классики съ Библіей. Кромѣ того, трактатъ представляетъ интересъ и съ другой стороны. Стремленіе къ полнотѣ заставляло обсуждать всѣ явленія жизни, и Петрарка говоритъ о нихъ съ большею или меньшею обстоятельностью. Въ трактатѣ подробно оцѣнена физическая и психическая природа человѣка: выяснено значеніе здоровья, красоты и другихъ тѣлесныхъ свойствъ[1]), а также таланта, памяти, краснорѣчія, мудрости[2]). По нѣкоторымъ діалогамъ можно судить объ отношеніи Петрарки къ искусству[3]), къ богатству и бѣдности[4]), къ комфорту и роскоши[5]); въ другихъ онъ выражаетъ свой взглядъ на мораль[6]), на дружбу[7]), на любовь, женщину и семью[8]). Кромѣ того, трактатъ даетъ достаточно матеріала для выясненія патріотизма[9]) Петрарки, его политическихъ и соціальныхъ воззрѣній[10]) и наконецъ взгляда на жизнь вообще[11]). Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти данныя требуютъ весьма внимательной критики въ виду дидактической цѣли трактата; но въ общемъ Петрарка искрененъ, и если въ его воззрѣніяхъ и встрѣчаются противорѣчія, то это происходитъ въ большинствѣ случаевъ не ради цѣлей

---

1) Lib. I, dial. 1—6; II, dial. 1—3. Здѣсь эти свойства обсуждаются вообще. Кромѣ того, около 16 діалоговъ 2-й книги (77, 83—87, 92, 94—97, 99, 109 и 112—114), трактующіе объ отдѣльныхъ болѣзняхъ, при всей мелочности содержанія даютъ иногда дополнительныя указанія.

2) Lib. I, dial. 7—9 и 12; II, 100—103. Кромѣ того, 2 діалога 2-й книги: De Discordia animi fluctuantis (dial. 75) и De Taedio vitae (dial. 98) имѣютъ автобіографическое значеніе.

3) Въ этомъ отношеніи особую важность имѣетъ 1-я книга. Діалогъ 23 трактуетъ De cantu et dulcedine a musica, 24 — De choreis et tripudiis, 28—30 о театрѣ и разныхъ зрѣлищахъ, 40 — De tabulis pictis, 41 — De statuis, 42 — De vasis corinthiis.

4) I, dial. 53 — De divitiarum copia и слѣдующіе 10 о различныхъ видахъ богатствъ. О бѣдности см. II, dial. 8—11.

5) I, dial. 18—22 и 33—39. Ср. II, dial. 63 и 100.

6) De virtute lib. I. dial. 10, а также II, dial. 104—108, 110—111.

7) Дружба вообще и разные виды друзей разсматриваются въ 1-й книгѣ, діал. 49—52, ср. II, dial. 52—53.

8) Этому вопросу посвящены 15 главъ діалоговъ 1-й книги (65—79) и 11 второй (17—23, 44 и 48—50).

9) Lib. I, dial. 15 и II, dial. 68 и 69.

10) Lib. I, dial. 14, 85, 95, 96; lib. II, 34, 39, 74, 78. См. также I, 16 и II, 5—7.

11) I, 117. II, 107. Кромѣ того, въ трактатѣ встрѣчаются, правда, рѣдко, нѣкоторыя указанія и на современную дѣйствительность. См. II, dial. 71.

трактата, а потому что ими кишѣлъ умъ автора. Чтобы иллюстрировать важность сочиненія, какъ біографическаго источника, разсмотримъ политическіе взгляды Петрарки, поскольку они тамъ выражены.

Въ діалогѣ „*О свободѣ*“ [1]) Петрарка не отвергаетъ, что это благо, но указываетъ на существенный его недостатокъ, на непрочность. „Свободенъ не тотъ, кто родится таковымъ, а кто умираетъ свободнымъ“, говоритъ онъ и потому предпочитаетъ свободу внутреннюю, неотъемлемую. Ту же мысль, только гораздо подробнѣе, развиваетъ онъ въ утѣшеніе рабу во второй книгѣ [2]). Самой лучшей политической формой онъ считаетъ монархію, хотя и не скрываетъ ея темныхъ сторонъ. Въ главѣ „О хорошемъ господинѣ“ [3]) встрѣчаются такіе діалоги.

„*Радость*. Мы имѣемъ превосходнѣйшаго господина.

„*Разумъ*. Можетъ быть, правителя и защитника государства (reipublicae), что, какъ говорятъ, самое угодное Богу изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ“. Но это не „господинъ“: bonus rex servus est publicus, говоритъ нѣсколько ниже Петрарка. Если же государь превращается въ „господина“, то „кто не назоветъ самымъ дурнымъ того, который отнимаетъ у своихъ гражданъ самое лучшее, что у нихъ есть, свободу, высшее и преимущественнѣйшее благо жизни и ради наполненія пропасти, которую нельзя наполнить, можетъ смотрѣть спокойными глазами на многія тысячи бѣдствій. Это видъ тиранновъ, которыхъ чернь называетъ господами и которые въ дѣйствительности палачи (carnifices experitur)“, и нѣсколько выше въ той же главѣ:

„*Радость*. Я имѣю хорошаго господина.

„*Разумъ*. И потеряла свободу: въ одно время никто не имѣетъ того и другого. Теперь находятся въ опасности и сестры, и дочери, и невѣстка, и даже жена, а также имущество и жизнь...

„*Радость*. Судьба дала добраго господина мнѣ и родинѣ.

„*Разумъ*. Это несовмѣстимо и даже противоположно одно другому, потому что, если онъ добръ, то не господинъ, а если господинъ, то не добръ, въ особенности же если онъ желаетъ называться господиномъ. Добры родители, добрыми могутъ быть братья и сыновья; друзья всегда добры — иначе они не друзья, но называть добрымъ господина — это пріятная ложь и завѣдомая лесть“. Въ діалогахъ, спеціально посвященныхъ тиранніи [4]), Петрарка прибавляетъ еще нѣ-

[1]) I, 14.

[2]) II, 7.

[3]) I, 85.

[4]) De occupata tyrannide I, 95; De injusto domino II, 39; De amissa tyrannide II, 81.

сколько подобныхъ чертъ къ этой характеристикѣ. Но если монархія способна къ искаженію, то демократическая республика совершенно неспособна къ власти. „Меня ненавидитъ народъ" жалуется Скорбь. „Это животное склонно къ несправедливости", отвѣчаетъ Разумъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ Петрарка выражается еще категоричнѣе. „Я сказалъ и повторяю, говоритъ Разумъ, что все, что толпа думаетъ, ничтожно (vanum), что говоритъ — ложно, что одобряетъ — дурно, что проповѣдуетъ — безчестно, что дѣлаетъ — глупо"[2]). Въ другихъ мѣстахъ сочиненій Петрарки встрѣчается подъ вліяніемъ событій иное отношеніе и къ монархіи, и къ демократіи; но философскій трактатъ былъ написанъ не подъ вліяніемъ текущей политической жизни. Эту точку зрѣнія родоначальника гуманизма мы не разъ встрѣтимъ у его непосредственныхъ учениковъ и позднѣйшихъ послѣдователей.

Гораздо менѣе широкій объемъ имѣютъ остальные философскіе трактаты. Два изъ нихъ: *De Vita solitaria* и *De Otio religioso* написаны на одну тему. Надъ первымъ Петрарка работалъ около 20 лѣтъ, да и потомъ, по желанію друзей, дѣлалъ къ нему добавленія, такъ что въ окончательной редакціи онъ появился только передъ самой смертью автора[3]). Сочиненіе состоитъ изъ 2 книгъ, изъ которыхъ каждая раздѣлена на „трактаты", распадающіеся на главы. Первой части предпослано совсѣмъ незначительное посвященіе епископу Кавальона Филиппу де Кабассоль (Philippus Cavallionesis episcopus); въ первомъ трактатѣ Петрарка излагаетъ общія воззрѣнія на тему, во второмъ проводитъ параллель между днемъ занятаго горожанина (occupatus) и живущаго въ уединеніи (solitarius); третій представляетъ еще нѣсколько чертъ для сравнительной характеристики; четвертый излагаетъ прелести уединенія и условія, при которыхъ оно можетъ доставлять наслажденія; въ пятомъ трактатѣ онъ опровергаетъ возраженія противъ уединенія и въ шестомъ изъ разсмотрѣнія тягостей городской жизни еще разъ выводитъ превосходство отшельничества. 9 трактатовъ 2-й книги представляютъ фактическое доказательство изложенной теоріи. Здѣсь являются въ качествѣ любителей уединенной жизни Христосъ, святые, начиная съ Адама, брамины и гипербореи, многіе изъ древнихъ героевъ, начиная съ Прометея, античные поэты, ораторы, философы, цари и императоры. Въ деся-

---

1) Lib. II, dial. 34.

2) Lib. I, dial. 11 Ср. также dial. 94.

3) Время составленія трактата (1346—1366) опредѣляется перепиской Voigt. I, III, пр. 2. 135 пр. и Körting, p. 564—565. Gaspary I, p. 437. Напечатанъ въ собраніи сочиненій, а также отдѣльно Cremona 1498.

томъ трактатѣ снова опровергаются возраженія противъ уединенія и прославляются его достоинства.

Сочиненіе „*Объ уединенной жизни*" не имѣетъ самостоятельной философской цѣны. Уже Кёртингъ отмѣтилъ, что „Занятой" Петрарки — „стереотипная карикатура римскихъ сатириковъ" и что аргументы въ защиту пустыни въ родѣ того, что пастухъ не подвергается опасности заразиться, какъ врачъ или могильщикъ въ городѣ, совсѣмъ неубѣдительны[1]). Къ этому можно прибавить еще, что вся вторая книга доказываетъ словоохотливость Петрарки и его желаніе блеснуть обширностью и всесторонностью своихъ свѣдѣній. Но также несомнѣнно важное историческое значеніе этого сочиненія. Въ немъ впервые подъ видомъ похвалы уединенію выставленъ съ полной опредѣленностью тотъ идеалъ „обезпеченнаго досуга", къ которому въ концѣ концовъ стремились всѣ гуманисты[2]). Уединеніе Петрарки — бѣгство не отъ жизни, а только отъ ея безпокойствъ. „Меня услаждаютъ", говоритъ онъ, „не столько уединенный просторъ (vacui recessus) и не тишина, сколько обитающіе тамъ покой и свобода, и я не до того безчеловѣченъ, чтобы ненавидѣть людей, любить которыхъ предписываетъ намъ божественное повелѣніе; но я ненавижу грѣхи людскіе и преимущественно свои, а также заботы и печальныя тревоги, которыя живутъ среди людей". „Уединеніе безъ наукъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, изгнаніе, тюрьма, жало; присоедини науки — родина, свобода, наслажденіе"[3]). Изъ дальнѣйшаго опредѣленія уединенія оказывается что необходимое условіе наслажденія имъ красота пейзажа — требованіе, весьма характерное для гуманизма[4]). Кромѣ того, въ книгѣ есть указанія на этическія воззрѣнія автора[5]), на его отношенія къ женщинѣ[6]), къ наукѣ[7]). Особенно характерно выразилось здѣсь отношеніе къ человѣческому духу Петрарки, котораго біографы склонны обвинять въ нигилистическомъ пессимизмѣ. „Я вѣрю, говоритъ онъ, что благородный духъ человѣка не на чемъ не успокоится, кромѣ какъ на Богѣ, цѣли нашего существованія, кромѣ какъ на себѣ самомъ и на своихъ внутреннихъ стремленіяхъ (arcanas curas suas), кромѣ какъ на другой душѣ, близкой ему въ силу большого сходства, ибо хотя

---

1) Körting, p. 569—70.
2) См. въ особенности lib. I, tractat. IV, cap. 1 и вся первая книга.
3) De vita solitaria. Opera Basilae 1554, p. 227 и 234. Ср. Körting, p. 578—80.
4) Lib. I; V, 2. См. также Körting, p. 581—83. Voigt I, p. 111
5) I; IV, 5. А также Opera, p. 233 и 235.
6) Opera, p. 257.
7) Ibid. p. 248.

удовольствіе намазано самымъ липкимъ клеемъ и преисполнено мягкими и пріятными силками, однако оно не можетъ слишкомъ долго привязывать къ землѣ его могучія крылья" [1]). Это отношеніе Петрарки къ разуму легло въ основаніе гуманистическаго міросозерцанія, хотя его взгляды на силки и клейкость удовольствія были сильно измѣнены его послѣдователями. — Если, наконецъ, принять во вниманіе, что во второй книгѣ „De vita solitaria" есть данныя для характеристики современной автору дѣйствительности, что тамъ проявляются первые, правда, еще весьма робкіе шаги научной и раціоналистической критики [2]), то нельзя отрицать и за второй половиной трактата значенія историческаго источника.

Изъ новыхъ изслѣдователей только Женгенэ, Кёртингъ и Гаспари останавливаются на этомъ произведеніи Петрарки. Отзывъ Женгенэ совершенно произволенъ. „Книга содержитъ", говоритъ онъ, „доктрину мизантропической философіи, которая была не въ характерѣ Петрарки, но которую заставили его усвоить дурно понятыя религіозныя идеи и чрезмѣрная любовь къ наукѣ [3]). Женгенэ не замѣтилъ основного тона трактата, и эта ошибка была исправлена только Кёртингомъ [4]). По его мнѣнію, ни въ одномъ произведеніи Петрарки не выступаетъ съ такою рѣзкостью его гуманистическое настроеніе, какъ въ De Vita solitaria. Основную мысль трактата составляетъ „ученіе, что человѣкъ, чтобы быть счастливымъ, не долженъ принадлежать ни къ какому замкнутому сословію, не долженъ занимать никакой должности, ограничивающей его собственное я, но ему слѣдуетъ отдѣлиться отъ толпы въ полномъ сознаніи своей индивидуальности" [5]). Кёртингъ преувеличиваетъ нѣсколько „утонченный эгоизмъ", которымъ проникнуто это сочиненіе, но его индивидуалистическая окраска отмѣчена совершенно вѣрно. Къ этому взгляду примыкаетъ и Гаспари; но онъ дѣлаетъ къ нему два весьма существенныхъ дополненія; Петрарка, по его словамъ, „не желаетъ дѣлать никакихъ предписаній другимъ, а говоритъ только по отношенію къ своимъ взгля-

---

[1]) Ibid. p. 226.

[2]) О современности II, IV, 2—8; въ особенности Op. p. 269—272; для историческихъ пріемовъ ib. III, 17; толкованіе миѳа о Прометеѣ II, VII, 1.

[3]) l. c. p. 448—449.

[4]) *Maggiolo*, въ своемъ *Essai sur la philosophie morale de Petrarque. St. Nicolas. 1843*, высказываетъ противоположное мнѣніе. «Le premier livre, говоритъ онъ о трактатѣ, est plein de poésie et d' éloquence, le deuxième est rempli d'érudition» (p. 81). Но краткое изложеніе содержанія книги не подтверждаетъ этого приговора. Такъ же незначительна глава его книги, посвященная De Remediis (p. 75 и слѣд.).

[5]) Körting, p. 578.

дамъ и наклонностямъ: натуры людей различны". На ряду съ этимъ индивидуализмомъ Гаспари отмѣчаетъ и остатки средневѣковыхъ воззрѣній. „Несомнѣнно", говоритъ онъ, „теплое и искреннее чувство лежало въ основаніи книги; но въ проявленіи его подавляетъ съ одной стороны чрезмѣрная ученость, съ другой—*аскетическое преувеличеніе*"[1]). Соединеніе индивидуализма съ аскетизмомъ и въ этомъ трактатѣ, который Кёртингъ считаетъ самымъ гуманистическимъ, подмѣчено Гаспари совершенно вѣрно.

Трактатъ *De Otio religioso* представляетъ поученіе картезіанскимъ монахамъ, написанное въ благодарность за ихъ гостепріимство, оказанное автору, когда онъ посѣтилъ спасавшагося въ ихъ монастырѣ своего брата[2]). Задача сочиненія заключается въ выясненіи сущности и цѣлей монашескаго уединенія, которое Петрарка характеризуетъ словами псалма „vacate et videte". Указавши на трудность созерцательной жизни, авторъ видитъ ея цѣль въ борьбѣ съ тѣлесными страстями и съ религіозными сомнѣніями. Вся первая книга представляетъ собою проповѣдь различныхъ добродѣтелей съ соотвѣтствующими цитатами и полемику съ еретиками и въ особенности съ евреями, которымъ Петрарка доказываетъ, что Христосъ есть истинный Мессія, и выясняетъ важность Божественнаго воплощенія. Вторая книга въ сущности повтореніе первой: одну ея половину составляетъ поученіе о суетности міра, въ другой эвгемеристически доказывается ложность языческой религіи. По своему содержанію этотъ трактатъ имѣетъ такъ же мало внутренней цѣны, какъ предшествующіе: та же болтливая растянутость изложенія, то же отсутствіе систематичности и единства въ содержаніи. Полемика съ язычествомъ и еврействомъ не оправдывается ни темой, ни практическими потребностями монаховъ, въ назиданіе которымъ написана книга, а длинная выписка изъ Лактанція въ концѣ книги сдѣлана только потому, что его Institutiones не было въ монастырѣ, гдѣ гостилъ Петрарка. Но въ качествѣ историческаго источника и этотъ трактатъ имѣетъ несомнѣнное значеніе.

Тѣсное родство Петрарки съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ нигдѣ не выступаетъ съ такою рельефностью, какъ въ этой книгѣ. Монашество признается самымъ положительнымъ образомъ; трудность и важность этого званія констатированы съ большимъ сочувствіемъ и

---

[1]) Gaspary I, p. 438, 439.

[2]) *De Otio religioso libri II* написанъ между 1347—1356 годами, какъ это опредѣляется отчасти изъ переписки, отчасти изъ самаго содержанія. См. Körting, p. 588. Сочиненіе не было издано отдѣльно и встрѣчается не во всѣхъ изданіяхъ. Лучшая рукопись въ Laurentiana Cod. 9 Plut. 26.

похвалой [1]). Наконецъ, общій тонъ проникнутъ крайнимъ благочестіемъ. Кёртингъ, признавая это сочиненіе „менѣе всего затронутымъ вліяніями новаго мышленія", объясняетъ это особеннымъ происхожденіемъ трактата и единственное проявленіе новаго времени видитъ въ томъ вниманіи, съ которымъ Петрарка говоритъ о религіозныхъ сомнѣніяхъ [2]). Но въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія сомнѣваться въ искренности автора, тѣмъ болѣе что новыхъ вѣяній въ трактатѣ гораздо больше, чѣмъ думаетъ обстоятельный біографъ [3]). Прежде всего, суть монашества Петрарка видитъ въ *созерцаніи*, въ свободѣ отъ развлекающаго труда, а не въ благочестивыхъ подвигахъ монастырской жизни [4]); если онъ и клянетъ страсти [5]), то это дѣлаютъ и древніе философы. Жизнь характеризуется здѣсь менѣе аскетически, чѣмъ въ другихъ трактатахъ и письмахъ [6]). Характерно далѣе, что монашескій санъ, сохранивши въ глазахъ Петрарки привлекательность уединенной жизни, утратилъ средневѣковое величіе: авторъ не будучи монахомъ, смѣло поучаетъ „земныхъ ангеловъ", и ему въ голову не приходитъ несоотвѣтствіе такого поведенія съ аскетической точки

---

1) Veni ego in paradisum, vidi angelos Dei in terra et in terrenis corporibus habitantes, suo tempore habitaturos in coelis et ad Christum, cui militant, exacto praesentis exilii labore venturis. Монашество — это rectum et compendiosum iter et mundi devio simitissimum. De otio religioso. Op. 298. Buhle не безъ основанія видитъ здѣсь eine mystische Schwärmerei (l. c. p. 108).

2) Körting, p. 584 и 587.

3) Другіе изслѣдователи даютъ только краткіе отзывы объ этомъ трактатѣ и считаютъ его чисто монашескимъ произведеніемъ. «Это совершенно монашеское сочиненіе, говоритъ Жевгенэ, «превосходное для тѣхъ, кому оно адресовано, вообще хорошее для монастырской жизни, но изъ него ничего нельзя извлечь для этой жизни» (l. c. p. 450). Gaspary называлъ трактатъ «аскетическою проповѣдью» (l. c. p. 437). Отзывы Maggiolo (p. 85 и слѣд) и Bonifas'а (p. 32) совершенно незначительны.

4) Quiescendo equidem fieri animam prudentem, quae maxime virtus in videndo consistit, — illi etiam affirmant, quibus et vera quies et perfecta visio et utriusque verus auctor incognitus. Opera, p. 295.

5) Ibid. Opera, p. 297.

6) О жизни онъ говоритъ въ этомъ трактатѣ: in hac autem vita tam ardua, tam angusta, tam vepricosa, tam lubrica, tot obicibus interrupta, tot obsessa latrunculis, tota cautio est suspecta securitas et quae non spirituales tantum profecto impediat, sed etiam temporales. Opera, p. 301. Болѣе рѣзко см. De vera sapientia. Opera, p. 326. Также De remediis. Op., 156, 160 и passim. Особенно характерно одно довольно длинное письмо Петрарки (Epistol. de rebus familiaribus ed. Fracassetti lib. VIII, ep. 8), которое начинается такъ: videtur mihi vita dura quaedam arca laborum, palaestra discriminum, scaena fallaciarum, labyrintus errorum, circulatorum ludus, desertum horribile, limosa palus и т. д. цѣлыхъ двѣ страницы подобныхъ сравненій

ибо въ достиженіи своего спасенія, нѣтъ никого родственнѣе и ближе самого себя... Кромѣ того, есть люди, до того глупые или гордые, что, не зная самихъ себя, думаютъ достигнуть знанія божественныхъ предметовъ; но какимъ образомъ можетъ познать Бога тотъ, который уличается въ незнаніи самого себя. Не знающему себя самого нельзя познать Бога, а изъ самопознанія происходитъ смиреніе и страхъ Божій" [1]). Такимъ образомъ философія сводится къ морали, и ея истинность познается изъ нравственности философа. Петрарка не признаетъ мудрецомъ даже Соломона, потому что онъ имѣлъ много женъ и допускалъ языческій культъ [2]), и рѣзко и зло смѣется надъ современными ему философами. „Наше время счастливѣе древности", говоритъ онъ, „такъ какъ теперь насчитываютъ не одного, не двухъ, не семь мудрецовъ, но въ каждомъ городѣ ихъ, какъ скотовъ, цѣлые стада. И не удивительно, что ихъ много, потому что ихъ дѣлаютъ такъ легко. Въ храмъ доктора приходитъ глупый юноша, чтобы получить знаки мудрости (insignia); его учителя по любви или по заблужденію прославляютъ его; самъ онъ чванится (tumet), толпа безмолствуетъ (stupet), друзья и знакомые апплодируютъ. Затѣмъ по приказанію, онъ входитъ на каѳедру и, смотря на всѣхъ съ высоты, бормочетъ что-то непонятное. Тогда старшіе на перерывъ превозносятъ его похвалами, какъ будто онъ сказалъ что-то божественное; между тѣмъ звонятъ колокола, звучатъ трубы, летаютъ кольца (volant annuli), раздаются поцѣлуи и на макушку возлагается круглый магистерскій беретъ (biretus) [3]). По совершеніи этого, съ каѳедры сходитъ мудрецомъ тотъ, кто взошелъ на нее дуракомъ—удивительное превращеніе, неизвѣстное даже Овидію" [4]).

Историки литературы, включая сюда и Гаспари, обходятъ молчаніемъ этотъ трактатъ Петрарки; то же самое дѣлаетъ и Фогтъ въ своей книгѣ о Возрожденіи. Совершенно иначе относятся къ нему философы. Маджоло, мимоходомъ останавливаясь на другихъ философскихъ трактатахъ Петрарки, даетъ подробный анализъ этого діалога) [5]. Бонифасъ считаетъ De Vera Sapientia компендіумомъ всѣхъ фило-

1) Ibid. p. 325. Что истинная мудрость есть смиреніе см. p. 323. Тамъ же о превосходствѣ природной мудрости надъ книжной и объ отношеніи къ авторитету. Опредѣленіе мудрости, какъ практической добродѣтели, см. слова idiotae p. 325.

2) Ibid. p. 324.

3) Въ изданіи 1496 года bonnetus.

4) Op. p. 324 Это мѣсто заимствовано изъ De Remediis.

5) Essai p. 25—65. Анализъ этотъ представляетъ собою въ сущности простой пересказъ діалога съ нѣкоторыми философскими комментаріями.

софскихъ воззрѣній перваго гуманиста[1]). Біографы Петрарки не оцѣнили важности этого произведенія: всѣ они обходятъ его молчаніемъ; исключеніе составляетъ одинъ Кёртингъ, который, упоминая о трактатѣ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ и совершенно голословно отрицаетъ за нимъ всякое значеніе[2]). Наконецъ, въ недавнее время *І. Ибингеръ* сдѣлалъ попытку доказать, что это произведеніе не принадлежитъ Петраркѣ[3]). Уже Булэ замѣтилъ, что сочиненіе извѣстнаго кардинала Николая фонъ-Куесъ (Nicolaus Cusanus) *De Sapientia* представляетъ много сходства съ De Vera Sapientia Петрарки, и видѣлъ въ трактатѣ нѣмецкаго кардинала подражаніе итальянскому гуманисту[4]). Ибингеръ, не упомянувъ о своемъ предшественникѣ, повторилъ сравненіе и пришелъ къ противоположному выводу. „Петрарка не былъ авторомъ обоихъ діалоговъ „Объ истинной мудрости“, которые ему приписываются уже нѣсколько столѣтій“, говоритъ онъ; „ему принадлежитъ только маленькій отрывокъ, взятый изъ подлиннаго сочиненія этого гуманиста, изъ „Средствъ противъ счастья и несчастья“; напротивъ, несравненно большая часть обоихъ діалоговъ составляетъ духовное достояніе нѣмца Николая Кузануса“[5]). Чрезвычайно близкое сходство между обоими трактатами и наличность подложныхъ произведеній Петрарки даетъ возможность заподозрить подлинность и этого діалога; тѣмъ не менѣе выводъ Ибингера не имѣетъ подъ собою твердыхъ основаній.

Аргументы Ибингера распадаются на двѣ категоріи: одни заимствованы изъ литературной исторіи памятника, другіе изъ его содержанія. Первые изъ нихъ сводятся къ тому, что существуетъ одно только отдѣльное изданіе діалоговъ „Объ истинной мудрости“, которое появилось въ 1604 году, а рукописи этого трактата совершенно неизвѣстны, что діалоги впервые напечатаны только въ первомъ собраніи сочиненій Петрарки, которое появилось въ 1496 году[6]), тогда какъ діалоги Кузануса написаны въ 1450 году и изданы въ

[1]) In his praeterea propriam Petrarchae doctrinam rite explicatum atque unum in corpus coalitam deprehendere licet. De Petrarca philosopho p. 85.

[2]) По его словамъ, первая часть представляетъ собою «das an sich herzlich unbedeutende Gespräch», a «der zweite Dialog ist inhaltlich und formal noch weit unbedeutender, als der erste» (l. c. p. 588).

[3]) *Johannes Uebinger, Die angeblichen Dialoge Petrarcas über die wahre Weisheit* (въ Geiger's Vierteljahrschrift für Kultur und Litteratur der Renaissance. II. B. p. 57).

[4]) Buhle, l. c. p. 851.

[5]) Uebinger, p. 70.

[6]) Ibid. p. 57. Годъ перваго изданія Opera omnia показанъ невѣрно. Они появились въ 1494. См. Ferrazzi, p. 763.

1478 году[1]). Отсутствіе отдѣльныхъ изданій ничего не доказываетъ, и самое важное значеніе изъ всѣхъ аргументовъ Ибингера могло бы имѣть отсутствіе рукописи трактата. Но еще въ 1879 году *A. Stickney* напечаталъ въ журналѣ *Romania* нѣсколько французскихъ пѣсенъ по кодексу библіотеки Strozzi-Magliabecchiana, въ которомъ, по его словамъ, находятся также и діалоги Петрарки „Объ истинной мудрости" и который онъ относитъ къ началу XV вѣка. Этотъ фактъ окончательно рѣшалъ бы вопросъ, если бы Stickney сообщилъ содержаніе этой части флорентійской рукописи; но онъ передаетъ только заглавіе, изъ котораго видно, что въ кодексѣ находится не оригиналъ діалоговъ, а ихъ итальянскій переводъ[2]).

Ибингеръ не ищетъ подтвержденія своего положенія въ перепискѣ Петрарки и у его раннихъ біографовъ, хотя съ перваго взгляда тамъ можно найти аргументы въ защиту его гипотезы. Петрарка не упоминаетъ объ этомъ трактатѣ, и его біографы, перечисляя его произведенія, точно такъ же обходятъ молчаніемъ De Vera Sapientia. Но и изъ этого факта нельзя вывести заключенія о подложности діалоговъ. Сочиненіе производитъ впечатлѣніе не вполнѣ оконченной работы[3]) и, судя по тону, относится къ послѣднимъ годамъ жизни автора. Съ другой стороны, ни одинъ изъ раннихъ біографовъ Петрарки не даетъ полнаго перечня его сочиненій, а нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что, кромѣ названныхъ произведеній, Петрарка написалъ много другихъ[4]). Такимъ образомъ изъ литературной исторіи памятника съ большею вѣроятностью можно сдѣлать заключеніе о его подлинности, нежели признать его подложнымъ.

Еще слабѣе аргументація Ибингера, заимствованная изъ содержанія памятника. Авторъ совершенно игнорируетъ сходство въ діалогическихъ пріемахъ этого трактата съ De Remediis, тождественность выраженныхъ здѣсь взглядовъ Петрарки съ тѣми, которые встрѣчаются въ другихъ его сочиненіяхъ. Его аргументы исчерпываются однимъ замѣчаніемъ. Уже Кёртингъ отмѣтилъ близкое сходство, иногда даже буквальное тождество довольно значительнаго отрывка изъ перваго діалога съ однимъ мѣстомъ изъ De Remediis[5]). Ибингеръ, исходя изъ того предположенія, что это единственная вставка изъ

---

[1]) Ibid. p. 63.

[2]) Romania VIII, p. 73. Рукопись обозначена въ каталогѣ Cl. VII, № 1040. Діалоги озаглавлены *Della vera sapientia*.

[3]) Ср. Körting, p. 589.

[4]) Напр., Ф. Виллани у Galletti, p. 14; Манетти ib. p. 88; Бандини у Mehus Vita Ambr. Traversarii, p. CXCVI.

[5]) См. Körting, p. 587, пр. 2.

Петрарки въ трактатъ Кузануса, утверждаетъ. что она стоитъ въ противорѣчіи съ остальнымъ текстомъ. Въ текстѣ идетъ рѣчь о правильномъ пути къ достиженію истиннаго знанія: вставка доказываетъ его недостижимость[1]); въ вставкѣ говорится „о мудрости въ смыслѣ совершеннаго знанія", въ текстѣ — „о житейской мудрости" [2]). Если бы діалоги дѣйствительно заключали въ себѣ такое противорѣчіе, то и это было бы не рѣдкость въ произведеніяхъ Петрарки. Но на этотъ разъ никакого противорѣчія и нѣтъ въ трактатѣ. Въ началѣ того мѣста, которое Ибингеръ считаетъ вставкой, находится слѣдующій разговоръ.

„*Ораторъ*. Все-таки я достигъ мудрости научными занятіями и чтеніемъ книгъ.

„*Простецъ*. Великое дѣло, *если бы мудрость была истинная и нераздѣльная съ добродѣтелью*. Повѣрь мнѣ, если бы ты былъ истиннымъ мудрецомъ, то никогда не сказалъ бы этого. Мудрецъ тотъ, кто понимаетъ, сколь многого ему недостаетъ и поэтому не хвастается, а вздыхаетъ". — Эта мысль, что истинная мудрость заключается въ самопознаніи и добродѣтели, красной нитью проходитъ не только черезъ весь трактатъ, но и черезъ другія произведенія Петрарки, что можетъ служить только доказательствомъ подлинности заподозрѣнныхъ діалоговъ[3]).

Какъ философскія произведенія, трактаты Петрарки не выдержатъ и самой снисходительной критики: въ нихъ нѣтъ не только цѣльной системы, но и логической послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе они имѣютъ огромную историческую важность и прежде всего въ исторіи новой философіи. Въ нихъ впервые философская мысль отрывается отъ богословской почвы и въ самопознаніи и вообще въ изученіи человѣка старается найти себѣ новую опору. Но разрывъ со старымъ происходитъ не во имя классической философіи, какъ обыкновенно утверждаютъ. Петрарка идетъ гораздо дальше: онъ отрицаетъ всякую метафизику и сводитъ философію на мораль. Эта точка зрѣнія сдѣлалась, какъ мы увидимъ ниже господствующею у итальянскихъ гуманистовъ до половины XV вѣка. Но секуляризація философіи происходитъ на религіозной почвѣ: Петрарка отрицаетъ схоластику и

[1]) Kaum einer oder sozusagen keiner kann die Weisheit erlangen. Uebinger, p. 60.

[2]) Ibid. p. 62.

[3]) Сравненіе трактата Петрарки съ сочиненіемъ Nicolai Cusani съ цѣлью указать ихъ разницу, сдѣлалъ *Di Giovanni* въ своей статьѣ *Le prose morali e filosofiche di Fr. Petrarca*, которая мнѣ извѣстна только по выдержкамъ у Ferrazzi, p. 781—782.

проповѣдуетъ изученіе человѣка во имя религіозной морали, ради спасенія души. Въ нападкахъ на средневѣковое богословіе онъ ближе къ мистикамъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ послѣдователямъ XV вѣка, хотя въ то же время онъ выдвигаетъ древнихъ, которые ближе къ его идеалу. Петрарка является такимъ образомъ связующимъ звеномъ философскаго процесса двухъ историческихъ эпохъ. Еще болѣе важное значеніе имѣютъ эти трактаты въ исторіи гуманистическаго движенія вообще. Выше мы отмѣтили отдѣльные взгляды Петрарки, которые составляютъ характерные признаки Возрожденія; но особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ черты его трактатовъ, составляющія, по нашему мнѣнію, ключъ къ пониманію всего движенія: это *индивидуализмъ* и *отношеніе къ древности*. Индивидуализмъ вызвалъ появленіе всѣхъ философскихъ трактатовъ Петрарки и проявляется въ нихъ весьма разнообразно. Въ De Remediis имъ объясняется необычайная внимательность ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ сторонамъ жизни; De Vita Solitaria настоящая проповѣдь индивидуализма; то же настроеніе обнаруживается въ оппозиціи средневѣковой теологіи во имя самопознанія въ двухъ остальныхъ трактатахъ. Индивидуализмъ опредѣляетъ и отношеніе трактатовъ къ древности. Петрарка любитъ классическихъ авторовъ, охотно цитируетъ ихъ мнѣнія, согласныя съ его собственными взглядами, но онъ далекъ отъ безусловнаго преклоненія передъ ихъ авторитетомъ. Приведенное нами выше обращеніе къ классикамъ въ трактатѣ De Olio Religioso показываетъ, что критическое отношеніе Петрарки распространялось на всю доступную ему литературу обоихъ предшествующихъ періодовъ.

II.

Инвективы Петрарки. De Ignorantia и отношеніе къ этому сочиненію новыхъ изслѣдователей. Значеніе инвективъ противъ врача и противъ французскаго прелата. Полемика Петрарки съ „высокопоставленнымъ“ французомъ.

Философскіе трактаты Петрарки, взятые въ цѣломъ, даютъ въ общихъ чертахъ все его міросозерцаніе; но трудность заключается въ томъ, чтобы его найти. Трактаты или написаны на шаблонную тему, или, за исключеніемъ послѣдняго, затрогиваютъ сравнительно второстепенные вопросы; поэтому, чтобы получить отвѣтъ на самые существенные пункты приходится отыскивать среди массы ненужностей отдѣльныя тирады, даже отдѣльныя фразы, сопоставлять выдержки изъ разныхъ

трактатовъ, прислушиваться къ случайнымъ выраженіямъ, потому что Петрарка мимоходомъ высказываетъ иногда свои основныя положенія, не придавая имъ особеннаго значенія. Вслѣдствіе этого другія сочиненія Петрарки, являясь комментаріемъ къ его философскимъ трактатамъ или дальнѣйшимъ развитіемъ находящихся тамъ общихъ положеній, получаютъ особую важность. Такимъ дополненіемъ могутъ служить его полемическія произведенія и прежде всего *De sui ipsius et multorum ignorantia*[1]). Сочиненіе „о своемъ и чужомъ невѣжествѣ" направлено противъ аверроистовъ, которые отрицали право Петрарки на славу на томъ основаніи, что онъ обладаетъ только краснорѣчіемъ, которое само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны. Въ своемъ отвѣтѣ Петрарка проводитъ ту же самую мысль, что и въ трактатѣ „Объ истинной мудрости", но здѣсь она аргументируется полнѣе, обстоятельнѣе и вообще нѣсколько иначе. Прежде всего Петрарка доказываетъ, что краснорѣчіе пользовалось уваженіемъ и со стороны древнихъ и со стороны христіанскихъ философовъ[2]) и что знаніе, которымъ такъ кичатся его противники, не ведетъ къ спасенію и поэтому оно есть въ сущности невѣжество[3]). Затѣмъ онъ обрушивается на своихъ противниковъ за ихъ невѣріе и съ лирическимъ паѳосомъ исповѣдуетъ свои религіозныя чувства. Древности абсолютной цѣны онъ не придаетъ: „гораздо счастливѣе одинъ изъ малыхъ сихъ, которые въ Тебя вѣруютъ", говоритъ онъ, „чѣмъ Платонъ, чѣмъ Аристотель, чѣмъ Варронъ, чѣмъ Цицеронъ, которые со всѣми своими науками Тебя не знали"[4]). Античная литература и философія имѣютъ цѣну въ глазахъ Петрарки только потому, что она ведетъ къ истинному богопознанію. „Не въ обиду будь сказано древнимъ и прежде всего

---

[1]) О времени составленія этого трактата (1367—68 года) см. Körting, p. 418 и Voigt I, p. 93. О его изданіяхъ Кёртингъ говоритъ: abgedruckt ist die Schrift natürlich in allen Gesammtausgaben (ib.); но въ базельскомъ 1496 года его нѣтъ. Итальянскій переводъ Fracassetti вышелъ въ 1858 г. Автографъ Cod. Vaticanus № 3359. Baldelli, p. 224—25. Ср. замѣтку Renier въ Giorn. Stor. VII, p. 464 и de Nolhac'a въ Revue critique T. XXI (1886), p. 469.

[2]) Opera, p. 1037, 1046 и passim.

[3]) Они знаютъ multa de belluis, deque avibus ac piscibus etc. ut adversi coeunt elephantes bienniumque uterum tument, о фениксѣ, объ Аримаспѣ и грифахъ и т. п. quae quidem vel magna ex parte falsa sunt, quod in multis horum similibus, ubi in nostrum orbem dilata sunt, patuit, vel certe ipsis auctoribus incomperta, sed propter absentiam vel credita promptius vel ficta licentius. Quae denique quamvis vera essent nihil penitus ad beatam vitam; nam quid oro naturas belluarum et volucrum et piscium et serpentum noscere profuerit et naturam hominum ad quid sumus, unde et quo pergimus vel nescire vel spernere. Ibid. p. 1038.

[4]) Ibid. p. 1039, 1044 et passim.

Цицерону", говоритъ онъ, „я полагалъ бы, что не должно было писать все то, что этотъ великій мужъ писалъ съ такимъ стараніемъ, кромѣ какъ для того, чтобы прочитанные и познанные пустяки о богахъ возбуждали въ душѣ читающихъ любовь къ истинной божественности и къ единому Богу, презрѣніе къ чужимъ предразсудкамъ и уваженіе къ нашей религіи" [1]). Петрарка съ усердіемъ христіанскаго апологета первыхъ вѣковъ собираетъ все, что можно сказать дурного объ языческихъ философахъ [2]), и отчасти выдѣляетъ изъ нихъ Платона и Цицерона, потому что они ближе прочихъ стоятъ къ христіанству; поэтому же предпочитаетъ онъ Платона Аристотелю, какъ это дѣлали многіе языческіе и христіанскіе писатели [3]). Останавливаясь на Аристотелѣ, онъ обращаетъ особенное вниманіе на его этику, упрекаетъ ее за отсутствіе поучительности и предъявляетъ такое требованіе настоящей философіи: „тѣ суть истинные нравственные философы и наилучшіе учителя добродѣтели, первое и послѣднее стремленіе которыхъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать слушателя и читателя хорошимъ человѣкомъ, и которые не только учатъ тому, что есть добродѣтель или порокъ, но и внушаютъ любовь и стремленіе къ добрымъ дѣламъ и ненависть и отвращеніе къ дурнымъ" [4]). Если съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ упрека Аристотель, то его средневѣковые послѣдователи, „болтливые идіоты", могутъ внушать только презрѣніе или ненависть [5]). Итакъ, въ сочиненіи „О невѣжествѣ" изложено болѣе обстоятельно, чѣмъ въ философскихъ трактатахъ, отношенія Петрарки къ древней и средневѣковой наукѣ и философіи, а также его этическія и отчасти религіозныя воззрѣнія. Но эта инвектива имѣетъ, кромѣ того, и автобіографическое значеніе.

Фогтъ придаетъ этому полемическому трактату огромную автобіографическую важность: въ немъ видитъ онъ главное проявленіе неискренности и самомнѣнія Петрарки; по его мнѣнію, смиреніе, которое выставляетъ на первый планъ авторъ, совсѣмъ напускное [6]); презрѣніе аверроистовъ къ религіи и неуваженіе къ нему самому „почти" одинаковыя преступленія въ его глазахъ; Петрарка самое происхожденіе

---

[1]) Ibid. p. 1047—48.

[2]) Ibid. 1048 и въ особенности см. p. 1058—59.

[3]) Ibid. p. 1046, 1048 и 1053.

[4]) Ibid. p. 1052.

[5]) Hos garrulos idiotas, qui falso litterarum nomine turgidi dici amant, quod non sunt, aut miserebor, aut odero, aut ridebo denique inanibus atque incognitis altercantes, neque illis jactantia, nec tumorem pestiferum neque omnino aliquid non ipsos certe divitias invidebo, nunquam ad se redeuntibus saepe foras effusis, seque extra quaerentibus. Ibid. p. 1058.

[6]) Это повторяетъ и Кёртингъ, p. 418.

этой секты „почти“ приписываетъ зависти къ своей славѣ; наконецъ, самая его религіозность возбуждена антагонизмомъ противъ аверроистовъ, для изображенія которыхъ онъ потому не жалѣетъ темныхъ красокъ, что желаетъ выставить свою удивительную смѣлость и оригинальность“ [1]). Въ этомъ сочиненіи онъ видитъ даже поворотъ, заставившій Петрарку позже противополагать себя языческимъ философамъ [2]). Всѣ эти выводы носятъ субъективный характеръ, основаны не на подлинныхъ словахъ Петрарки, а выведены изъ общаго тона сочиненія, какимъ онъ показался изслѣдователю. Противъ всѣхъ ихъ можно сдѣлать одно общее возраженіе: всѣ идеи, выраженныя въ этомъ сочиненіи повторяются въ письмахъ и другихъ трактатахъ, поэтому и безъ постороннихъ, чисто личныхъ мотивовъ Петрарка сказалъ бы то же самое. Кромѣ того, набожность и религіозное чувство не представляли ничего новаго и оригинальнаго для той эпохи точно такъ же, какъ и обвиненія аверроистовъ, которыхъ за безбожіе не разъ сожигала средневѣковая церковь. Наконецъ, религіозное чувство этого трактата не представляетъ никакого поворота въ литературной дѣятельности Петрарки, потому что оно встрѣчается во всѣхъ его сочиненіяхъ, не исключая и Canzoniere. Но изъ точнаго смысла его подлинныхъ словъ можно вывести нѣсколько важныхъ біографическихъ данныхъ и, прежде всего, его страстную любовь къ краснорѣчію и *преимущественно* ради этого къ Цицерону [3]), а также большой интересъ къ мнѣнію потомства, на окончательный судъ котораго онъ предоставляетъ свое дѣло въ концѣ инвективы.

Изъ новыхъ изслѣдователей оцѣнку этой инвективы даютъ Маджоло и Ренанъ [4]). „Въ этомъ трактатѣ, говоритъ Маджоло, можетъ быть, *самомъ важномъ историческомъ памятникѣ*, Петрарка ясно опредѣляетъ философское положеніе Италіи въ XIV вѣкѣ; онъ высказывается относительно великаго вопроса о превосходствѣ между Аристотелемъ и Платономъ“ [5]). Съ такой характеристикой инвективы едва ли можно согласиться. Маджоло считаетъ Петрарку родоначальникомъ того философскаго спора, который возникъ столѣтіемъ позже, не обращая вниманія на огромную разницу въ настроеніи между первымъ гуманистомъ и академиками второй половины XV вѣка.

---

[1]) Voigt I, p. 94—96.

[2]) Ibid. p. 95.

[3]) Opera, p. 1037, 1046, 1054 и passim.

[4]) Кромѣ Фогта и Кёртинга, на инвективѣ останавливаются Ginguené и Bonifas; но первый даетъ только обстоятельное изложеніе ея содержанія (l. c. p. 464 и слѣд.); замѣчанія второго (l. c. p. 82—84) не представляютъ никакого интереса.

[5]) Maggiolo, Essai p. 93.

Ставя Платона выше Аристотеля, Петрарка и не думаетъ отрицать значеніе послѣдняго, совсѣмъ не преклоняется передъ первымъ и видитъ его преимущество только въ томъ, что его философія кажется ему болѣе согласной съ христіанской. Первый гуманистъ является въ этомъ трактатѣ человѣкомъ искренно вѣрующимъ и вполнѣ религіознымъ и съ этой точки зрѣнія преимущественно нападаетъ на аверроистовъ. Иначе думаетъ Ренанъ. Исходя изъ того факта, что Петрарка нападалъ на папство, Ренанъ утверждаетъ, что не „узкая ортодоксальность“ вызвала его оппозицію противъ безбожія послѣдователей Аверроэса. „Этотъ тосканецъ, полный такта и тонкости, не могъ переносить грубаго и педантичнаго тона венеціанскаго матеріализма. Многіе тонкіе умы предпочитаютъ быть вѣрующими, чѣмъ атеистами (incrédules) дурного тона“[1]). Можетъ быть, такое настроеніе и не было чуждо Петраркѣ; но нѣтъ рѣшительно никакого основанія заподозрить искренность его религіознаго чувства, которое обнаруживается на каждой страницѣ его инвективы.

Гораздо болѣе подтверждаетъ суетность и раздражительность Петрарки та его инвектива, которая направлена противъ врача *(Contra Medicum quendam invectivarum libri IV)*[2]). Всѣ четыре книги наполнены бранью противъ какого-то медика, который осмѣлился поставить свою науку выше реторики и поэзіи; но среди личныхъ выходокъ можно найти два-три мѣста, бросающихъ нѣкоторый свѣтъ на отношеніе Петрарки къ средневѣковой наукѣ и къ различнымъ ея видамъ. Такъ Петрарка не отрицаетъ медицины не только древней, но и средневѣковой: онъ возстаетъ только противъ дурныхъ врачей. „Я вѣрю, говоритъ онъ, что Гиппократъ былъ человѣкъ ученѣйшій, думаю, что Галенъ много прибавилъ къ первымъ изобрѣтеніямъ, не унижаю знаменитыхъ людей... Ты не услышишь, чтобы я говорилъ что-нибудь вообще противъ медицины и противъ настоящихъ медиковъ, я только противъ рѣзаковъ (discerptores) и противниковъ Гиппократа“[3]). Но признавая средневѣковыя науки, онъ даетъ имъ классификацію въ совершенно гуманистическомъ духѣ. Предпочтеніе, которое дѣлаетъ его противникъ медицинѣ передъ реторикой, приводитъ его въ крайнее негодованіе. „На что я не буду считать тебя способнымъ“, восклицаетъ онъ, „если ты съ неслыханнымъ кощунствомъ (sacrilegio inaudito) подчиняешь реторику медицинѣ, госпожу

---

[1]) Renan, Averroès, p. 337—338.

[2]) Она напечатана въ общихъ собраніяхъ его сочиненій. Объ ея хронологіи (1452 или 1453, или 1455) см. Rosetti, p. 38 и Baldelli, p. 313. Лучшая рукопись Cod. Vaticanus № 3355, а также Laurentiana Cod. 8. Plut. XXVI.

[3]) Opera p. 1090, 91.

служанкѣ, свободное искусство механическому"[1]). Точно такъ же несравненно выше медицины стоитъ поэзія, потому что она „заботится о душѣ и добродѣтеляхъ"[2]); если первая практически и полезнѣе послѣдней, то это ничего не доказываетъ: „оселъ необходимѣе льва, курица—орлицы; значитъ, они благороднѣе?" спрашиваетъ Петрарка[3]). Наконецъ, въ отвѣтъ на обвиненія медика, онъ еще разъ объясняетъ смыслъ своей уединенной жизни, защищаетъ ее съ точки зрѣнія правъ личности и даже государственной жизни[4]), и изъ этихъ объясненій видно, какая огромная разница между отшельничествомъ Петрарки и аскетовъ.

Еще болѣе значенія имѣетъ третья инвектива Петрарки, направленная противъ одного французскаго прелата. Полемика возникла по поводу поздравительнаго письма Петрарки къ Урбану V по поводу его возвращенія въ Римъ въ 1367 году[5]). Одинъ французскій прелатъ, недовольный этимъ переселеніемъ, выразилъ свое негодованіе инвективой противъ Петрарки, какъ защитника переселенія[6]). Инвектива написана въ формѣ гомиліи на евангельскій текстъ „человѣкъ нѣкій иде изъ Іерусалима въ Іерихонъ и впаде въ руки разбойниковъ" (Лук. 10, 30), при чемъ авторъ сравниваетъ Іерусалимъ съ Авиньономъ, Іерихонъ съ Римомъ и въ переселеніи видитъ подчиненіе разбойникамъ. Для доказательства этой мысли онъ ссылается на естественныя богатства Галліи, на ея славное прошлое, на заслуги парижскаго университета, гальскихъ и французскихъ ученыхъ, на отзывы о Франціи древнихъ и новыхъ писателей, что доказываетъ невозможность считать Галлію страною варваровъ. Съ другой стороны, онъ собралъ все, что говоритъ противъ Италіи, начиная съ Катилины и Брута и кончая

---

1) Ibid. p. 1087.

2) De omni enim materia loqui vultis, vestrae professionis oblitii, quae est, si nescis, urinas, et quae nominare pudor prohibet, contemplari, nec pudet insultare his (poetis), quibus virtutum atque animi cura est. Opera, p. 1091.

3) Ibid. p. 1101.

4) Ibid. p. 1110, 1111, 1115.

5) Epist. senil. IX, 1.

6) *Galli cujusdam anonymi in Franciscum Petrarcham invectiva*. Opera 1581, p. 1060—68. Время составленія этой инвективы Петрарка въ своемъ отвѣтѣ опредѣляетъ такъ: Epistola mea... ante hoc, nisi fallor, quadriennium, missa erat (p. 1068). Körting объявляетъ это «sicherlich nur eine Fiction Petrarca's» на томъ основаніи, что въ 1371 или 72 году инвектива не имѣла бы смысла, такъ какъ Урбанъ V уже въ 1370 г. вернулся въ Авиньонъ, а намѣреніе Григорія XI вернуться въ Римъ относится только къ 1374 году; кромѣ того, инвектива macht ganz den Eindruck, noch unter Urban's V Pontificate geschrieben worden zu sein. На столь шаткомъ основаніи Körting отвергаетъ дату Петрарки и относитъ инвективу къ 1368. Petrarca's Leben, p. 388.

современнымъ политическимъ положеніемъ. Лично Петрарку анонимъ упрекаетъ главнымъ образомъ за то, что тотъ осмѣливается давать папѣ дурные совѣты и нападать на пороки кардиналовъ, и не только воздерживается отъ рѣзкихъ личныхъ нападокъ, но и говоритъ о немъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ[1]). Содержаніемъ этой инвективы опредѣляется и отвѣтъ Петрарки, написанный въ 1372[2]). Въ своей „Апологіи" онъ не только защищаетъ то, на что нападаетъ его противникъ, но и дѣлаетъ рѣзкія нападенія на Авиньонъ, Францію и на личность ихъ защитника. Тонъ Петрарки несравненно болѣе рѣзокъ, нежели его противника, и личное раздраженіе чувствуется въ каждой строчкѣ, что производитъ непріятное впечатлѣніе. Но историческое значеніе обѣихъ инвективъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ нихъ, во-первыхъ, мы имѣемъ первый полный образецъ литературной полемики, которая весьма быстро сдѣлалась обычнымъ явленіемъ. Въ этомъ отношеніи Петрарка является истымъ гуманистомъ: его пріемы и тонъ сохранены позднѣйшими гуманистами. Онъ не ограничивается споромъ о фактахъ и идеяхъ, а стремится подорвать умственный и нравственный кредитъ своего противника, называетъ его глупцомъ[3]), „превосходнымъ пьяницей" (potator egregius)[4]) и невѣждой[5]), выставляя въ то же время на первый планъ свои знанія и нравственное достоинство[6]). Кромѣ того, самый фактъ появленія первой инвективы весьма характеренъ. Она была написана въ то время, когда, послѣ неудачной попытки Урбана V переселиться въ Римъ, папы, повидимому, твердо усѣлись въ Авиньонѣ[7]); тѣмъ не менѣе заинтересо-

---

1) Онъ такъ объясняетъ причину появленія своей инвективы, опредѣляя въ то же время ея существенное содержаніе. Meum calamum ab hujusmodi verbis avertissem, nisi me illius viri literati et periti, male tamen, ut credo, advertentis, verborum injuria deduxisset, qui de exitu Ecclessiae de partibus Galliae locuturus, vocis concordantiam turpiter mutando et verbis imperitis involutus, sententiam turpius inchoavit per haec verba: in exitu Israel de Aegypto, domus Jacob de populo barbaro. Opera, p. 1061.

2) *Contra cujusdam Galli anonymi calumnias ad Ugotionem de Thienis Apoogia. Opera 1581*, p. 1068—1085. Подробное изложеніе содержанія у Körting'a p. 383—402. Хронологія (1371—73) см. Zardo, p. 160—161. О рукописяхъ см. Baldelli p. 225.

3) Gallus noster, ut video, nollet esse non barbarus et libenter in coeno, ubi educatus est, residet. Parcendum imbecilitati animi, consuetudine obruti atque assurgere non valenti. Nam et lutum suibus et palus ratiis et tenebrae vespertilionibus gratae sunt p. 1070.

4) Ibid. p. 1074.

5) Ibid. p. 1082.

6) Ibid. p. 1071.

7) См. выше р. 201, пр. 6.

ванныя лица сочли необходимымъ парализовать впечатлѣніе, произведенное письмами Петрарки къ папамъ о возвращеніи въ Римъ, тѣмъ же самымъ средствомъ, т.-е. обращеніемъ къ публикѣ. Потребность въ опорѣ общественнаго мнѣнія народилась, и ея удовлетвореніе захватили въ свои руки гуманисты.

Что касается до содержанія „Апологіи" Петрарки, то нѣкоторые его пункты имѣютъ значеніе историческаго источника. Сюда относятся воззрѣнія на Римъ[1]), хорошая характеристика современныхъ французовъ[2]), пламенный патріотизмъ Петрарки[3]), его сравненіе греческой и римской литературъ[4]) и, наконецъ, нѣкоторыя біографическія данныя[5]).

Въ 1873 году Германъ Мюллеръ издалъ неизвѣстную до тѣхъ поръ инвективу Петрарки противъ одного французскаго кардинала[6]). Новые изслѣдователи, за исключеніемъ Фогта, не обращали на нее вниманія[7]), между тѣмъ она представляетъ значительный интересъ для характеристики міровоззрѣнія перваго гуманиста. Какой-то кардиналъ, прежній другъ Петрарки, теперь упрекалъ его за невѣжество, утверждалъ, что всѣ его произведенія — плагіатъ изъ древнихъ и обвинялъ за домогательство церковныхъ мѣстъ и въ особенности за то, что онъ вращается при дворахъ тиранновъ, которые живутъ пôтомъ и кровью вдовъ и сиротъ[8]). Петрарка отвѣтилъ на эти обвиненія рѣзкими личными нападками на противника и весьма характернымъ оправданіемъ своего поведенія. Нападки представляютъ мало интереса; заслуживаетъ вниманія только отношеніе автора къ сану своего противника. Онъ рѣзко порицаетъ его сословіе, но не отрицаетъ его

---

1) Opera, p. 1069.

2) Ibid. и p. 1070.

3) Превосходную оцѣнку инвективы съ этой точки зрѣнія можно найти у Zumbini, p. 212 и слѣд.

4) Opera, p. 1082.

5) Тамъ, напр., сообщаетъ онъ о предложеніи ему епископскаго сана. Mihi qui episcopatum nolo quique eum gradum, saepe olim mihi non oblatum modo, sed ingestum semper recusavi. Ibid. p. 1071.

6) *F. Petrarca's invectiva contra quendam Gallum innominatum, sed in dignitate positum.* (Въ Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik 1873, p. 569—583.) О ней упоминаетъ *Tomasini, Petrarca redivivus. Patavii 1650* p. 30.

7) Voigt (I p. 122—123) удачно дополняетъ инвективу изъ переписки Петрарки, но отказывается опредѣлить противника. Самому обстоятельному біографу Петрарки Кертингу это произведеніе страннымъ образомъ осталось неизвѣстнымъ.

8) Jactas quidem et saepe iteras, nihil est enim stultitia loquacius, saepe repetis tyrannos, quorum, ut ais, sub ditione vitam dego, de laboribus inopum viduarumque vivere, quod si tandem concessero commune tamen omnium regnantium crimen erit. Herm. Müller, p. 578.

апостольскаго достоинства[1]). Гораздо важнѣе оправданія Петрарки. Такъ онъ благодаритъ противника за то, что тотъ порицалъ его въ то время, когда другіе его хвалили: онъ болѣе правъ, чѣмъ почитатели[2]), и болѣе, чѣмъ они, принесъ пользы автору своей бранью, которая побуждаетъ къ смиренію[3]). Петрарка готовъ примириться даже съ этимъ обвиненіемъ, потому что не въ знаніи, а въ добродѣтели цѣна человѣка[4]). Въ отвѣтъ на второе обвиненіе онъ излагаетъ свои политическія воззрѣнія. Петрарка начинаетъ гордымъ заявленіемъ, что только слабой душѣ опасна обстановка[5]), а Платонъ могъ жить съ Діонисіемъ, Сенека съ Нерономъ, Сократъ съ 30 тираннами. Затѣмъ онъ излагаетъ свои отношенія къ сильнымъ міра сего и съ гордостью говоритъ о своей духовной свободѣ[6]). Что касается до тиранніи, то, по мнѣнію Петрарки, она господствуетъ повсюду[7]), а тѣ юные правители, при дворѣ которыхъ онъ живетъ, пока еще чужды тиранни-

---

1) Перечисливъ недостатки своего противника, Петрарка замѣчаетъ: neve his monstris immunem ipse tuum hunc ordinem blandiaris, qui abs te multo facilius inquinandus fuerit, quam tu ab illo honestandus atque ornandus. Ibid. p. 572. Cp. p. 578.

2) При этомъ Петрарка ловко ввертываетъ брань на противника saepe casu aliquo vidit stultus unus quod multi non viderant sapientes. Ibid. p. 573.

3) Illi enim amore ad superbiam ac segnitiem, tu odio ad humilitatem ac diligentiam me impellis. Ibid.

4) Ibid. p. 577. По этому поводу Петрарка высказываетъ мысль, которая лежитъ въ основаніи его трактата De Vera Sapientia. Ita enim sentio, ut litteras male viventibus nihil prodesse... sic bene viventibus litterarum ignorantiam nil obesse. Ibid.

5) Etsi teneros animos saepe leves causae quatiant, solitas mentes morum contagia non attingunt. Ibid. p. 580.

6) Animo quidem sub nullo sum nisi sub illo qui mihi animam dedit, aut sub aliquo quem valde illi amicum ipse mihi persuaserim, rarum genus... Ita, ut vides, melior pars mei vel est libera vel jucundis atque honestis ex causis libertate carens... pars autem mei altera haec terrestris, terrarum dominis quorum loca incolit subdita sit opportet. Ibid.

7) Hi pauci, quibus humanum genus vivere dicitur, non formidolosiores populis quam populi illis sunt. Ita fere nullus est liber, undique servitus est, carcer et laquei nisi fortasse ratio aliquos rerum nodos adjuta coelitus cum virtute discusserit. Verte te quocunque terrarum libet, nullus tyrannide locus vacat, ubi enim tyranni desunt tyrannis aut populi atque ita ubi unum evasisse videare in multos incideris, nisi forte miti justoque rege regnatum locum aliquem mihi ostenderis. Quod quum feceris, eo larem illico transferam cumque omnibus sarcinulis commigrabo non me amor patriae, non decor ac nobilitas Italiae retinebit, ibo ad Indos ac Seres et ultimos hominum Paramantes ut hunc locum inveniam et hunc regem sed frustra quaeritur quod nusquam est gratias aetati nostrae, quae cuncta paene paria fecerit, hunc nobis eripuit laborem. Ibid. p. 580—581.

ческихъ свойствъ[1]). Кромѣ этого послѣдняго отрывка, представляющаго біографическій интересъ, инвектива имѣетъ чрезвычайно важное значеніе по глубокому политическому пессимизму, которымъ она проникнута, и по чувству сильно развитаго личнаго достоинства.

III.

Автобіографическія произведенія Петрарки. Его переписка и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. Рѣчи Петрарки и ихъ біографическое значеніе.

Автобіографическія сочиненія Петрарки, „*О презрѣніи міра*“ и „*Письмо къ потомкамъ*“ доставляютъ главный матеріалъ для выясненія его индивидуальныхъ особенностей, какъ родоначальника гуманизма, при чемъ первое произведеніе особенно важно для его характеристики, второе — для фактической біографіи.

De contemptu mundi colloquiorum liber, quem secretum suum inscripsit[2]) раздѣлено на три части и написано въ формѣ діалога. Въ введеніи Петрарка разсказываетъ, что ему явилась однажды Истина въ видѣ женщины въ сопровожденіи бл. Августина, которому она поручила побесѣдовать съ авторомъ и успокоить его взволнованную душу. Эти бесѣды продолжаются 3 дня, вслѣдствіе чего и діалогъ распадается на 3 отдѣла. Въ первомъ устанавливаются основныя моральныя правила: счастье заключается въ добродѣтели, для достиженія которой необходимо участіе воли; самымъ лучшимъ побужденіемъ къ достиженію добродѣтели признаются мысль о смерти и стремленіе къ совершенствованію (studium surgendi)[3]). Съ этой точки зрѣнія Петрарка разсматриваетъ самого себя, при чемъ оказывается, что его воля слаба и что мысль о смерти, несмотря на всѣ его

---

[1]) Rectores patriae non tyranni tamque omnis tyrannici spiritus quam tu aequitatis ac justitiae sunt expertes ita sunt hactenus, quid futuri sunt nescio etc. Ibid. p. 581—582.

[2]) Такъ озаглавлено сочиненіе въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка; но встрѣчаются и другія заглавія — *De secreto conflictu curarum suarum* и просто *Secretum* (см. базельское изданіе 1496). О времени ея составленія см. Körting, p. 649 и Vorgt, I, 134. Рукопись въ Laurentiana Cod. 9 Plut. 26. Для библіографія см. Ferrazzi, p. 773.

[3]) Id agere tecum instituеram, ut ostenderem ad evadendum hujus vitae mortalitatis angustias, attolendoque se altius, primum veluti gradum obtinere meditationem mortis humanaeque miseriae; secundum vero desiderium vehemens studiumque surgendi, quibus exactis, ad id, quo nostra suspirat intentio, ascensum facilem pollicebar. Opera, p. 833.

старанія, не приводитъ къ благотворнымъ результатамъ. Основная мысль второго діалога — всѣ земныя блага не имѣютъ никакой цѣны; но главный его интересъ заключается въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводитъ на автора его собесѣдникъ, и самое видное мѣсто между которыми занимаетъ знаменитая acedia Петрарки. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ третій діалогъ, въ которомъ бл. Августинъ дѣлаетъ анализъ любви и славы, двухъ самыхъ сильныхъ привязанностей Петрарки.

Фогтъ называетъ это сочиненіе „памятникомъ перваго ранга въ исторіи человѣческаго духа“[1]) и въ общемъ съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи[2]). Дѣйствительно, независимо отъ исторической цѣны, автобіографія Петрарки имѣетъ интересъ, какъ литературное произведеніе, по наглядному изображенію внутренней борьбы человѣческаго духа. Чтобы составить представленіе о томъ, съ какою живостью описываетъ Петрарка свои чувства, приведемъ одну изъ многочисленныхъ его тирадъ о любви. „Ты подумай только, какъ развратила твою мысль эта чума“, говоритъ бл. Августинъ, „какъ всего тебя повергла она въ вопли истраданія (in gemitum miseriarum). Ты дошелъ до того, что съ печальнымъ наслажденіемъ питаешься слезами и вздохами. Ты проводишь безсонныя ночи, все время повторяя имя возлюбленной; ты презираешь все на свѣтѣ, ненавидишь жизнь, желаешь печальной смерти, любишь уединеніе и избѣгаешь людей. Къ тебѣ не менѣе, чѣмъ къ Беллерофонту, подходятъ слова Гомера:

Онъ по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ человѣка[3]).

Отсюда происходитъ блѣдность и худоба и прежде времени увядшій цвѣтъ юности, отсюда отяжелѣвшіе и вѣчно влажные глаза, отсюда смута въ головѣ, нарушенный сновидѣніями покой и горькія жалобы во снѣ; отсюда слабый, хриплый отъ плача голосъ и разбитая, прерывающаяся рѣчь. Что можно представить себѣ безпокойнѣе и бѣдственнѣе этого, и ужели это кажется тебѣ признакомъ здоровья? Развѣ

---

1) Voigt I, p. 335. Buhle не совсѣмъ точно опредѣляетъ характеръ сочиненія, говоря, что онъ заслуживаетъ «den besten neuern *ascetischen* Schriften an die Seite gesetzt zu werden» (l. c. p. 1110).

2) См. Körting p. 648. Gaspary p. 443.

3) Iliad. VI, 202, 203. Петрарка самъ передѣлалъ прозаическій переводъ стиховъ Гомера

(Ἤτοι ὁ κὰπ πέδιον τὸ Ἀλήιον οἶος ἀλᾶτο
Ὃν θυμὸν κατέδων, πάτον ἀνθρώπων ἀλεείνων)

въ латинскій гекзаметръ

...qui miser in campis errabat Aleis
Ipse suum cor edens, hominum vestigia vetans

не возлюбленная положила конецъ твоимъ праздничнымъ днямъ и начало скорбнымъ? Приходитъ она — и засіяло солнце; она ушла — и наступаетъ ночь; перемѣна въ ея лицѣ измѣняетъ твое настроеніе духа, и сообразно съ этимъ ты становишься веселымъ или печальнымъ. Наконецъ, ты весь зависишь отъ ея произвола... и что̀ безумнѣе тебя, когда ты недоволенъ выраженіемъ ея лица“ [1]). Но важность этого сочиненія не исчерпывается его значеніемъ для характеристики настроенія Петрарки; во многихъ отношеніяхъ оно служитъ дополненіемъ къ его философскимъ трактатамъ. Такъ, здѣсь формулированы въ общемъ видѣ его нравственныя воззрѣнія [2]), всесторонне и обстоятельно разсмотрѣно значеніе любви [3]) и славы [4]). Въ этомъ же сочиненіи Петрарка кратко, но вполнѣ опредѣленно, высказывается относительно стоицизма [5]) и еще разъ выясняетъ причины своего отрицательнаго отношенія къ средневѣковой философіи и наукѣ [6]). Наконецъ, въ третьемъ діалогѣ встрѣчается восторженное описаніе красотъ Италіи [7]), характерное выраженіе и патріотизма Петрарки и его пониманія красоты въ природѣ.

Epistola ad posteros, оставшаяся неоконченной, представляетъ попытку настоящей автобіографіи. Подъ старость [8]) Петрарка задумалъ самъ разсказать потомству свою жизнь и дать собственную характеристику, и въ результатѣ получился не только конспектъ для будущей біографіи, но и цѣнный источникъ для характеристики автора. Несмотря на сжатость, Петрарка весьма обстоятеленъ: онъ излагаетъ свои теоретическіе взгляды, научныя занятія, чувства и даже вдается въ мелочи, сообщая, когда началъ носить очки, какимъ образомъ

---

1) Opera, p. 357.

2) См. въ особенности Opera, p. 344.

3) См. Opera, p. 355, 363, 364 и всю первую половину 3-го діалога.

4) Opera, p. 363, 367 и вторая половина 3-го діалога.

5) Ad Stoicorum praecepta me revocas, populorum opinionibus adversa et veritati propinquiora, quam usui... Stoicorum sententias publicis erroribus praeferendas esse non dubito. Ibid. p. 333.

6) Ibid. p. 336 и 340.

7) Ibid. p. 360.

8) Письмо написано послѣ 1370 г., потому что въ немъ упоминается о смерти Урбана V. Обзоръ своей жизни Петрарка доводитъ въ немъ до 1351. Оно напечатано въ собраніяхъ сочиненій и у Фракассетти (Epist. famil. I, p. 1—11), имъ же переведено по-итальянски (Lettere famil. I, p. 201—212). Гейгеръ далъ нѣмецкій переводъ и предпослалъ его своей книгѣ о Петраркѣ (Leipzig, 1874. p. 3—14). Другіе переводы у Ferrazzi p. 808—809.

любилъ обѣдать и тому подобное. Хотя сообщаемые здѣсь факты внѣшней и внутренней жизни можно найти почти всѣ въ перепискѣ и другихъ сочиненіяхъ, тѣмъ не менѣе это письмо не лишено интереса. Прежде всего, по его тону и содержанію видно, какъ сильно развито было въ Петраркѣ самосознаніе: онъ ясно понимаетъ значеніе и интересъ своей личности и говоритъ объ этомъ съ откровенностію древняго грека или римлянина[1]). Кромѣ того, нѣкоторыя воззрѣнія Петрарки, которыя на основаніи философскихъ трактатовъ можно толковать различно, въ этомъ письмѣ получаютъ должное освѣщеніе. Такъ, напр., своему отношенію къ внѣшнимъ благамъ, о которыхъ въ другихъ сочиненіяхъ онъ много трактуетъ въ аскетическомъ духѣ, здѣсь онъ даетъ такое объясненіе: „я отъявленный врагъ (contemptor eximius) богатствъ, не потому чтобы я ихъ не желалъ, но потому что ненавижу труды и заботы, ихъ неразлучныхъ спутниковъ“[2]).

Самымъ лучшимъ дополненіемъ къ философскимъ трактатамъ Петрарки и самымъ важнымъ источникомъ для характеристики его настроенія и для его біографіи могутъ служить четыре сборника его писемъ: *Дружеская переписка* или, правильнѣе, *Письма о домашнихъ дѣлахъ (Epistolae de rebus familiaribus), Разныя письма (Epistolae variae), Старческія письма (Epistolae seniles* или *de rebus senilibus)* и *Письма безъ адреса (Epistolae sine titulo)*[3]). „Письма о домашнихъ дѣлахъ“, начинаясь съ 1326 г., идутъ до 1361, а нѣкоторыя даже до 1365[4]) и захватываютъ такимъ образомъ почти 40 лѣтъ самой цвѣтущей жизни Петрарки. Ихъ содержаніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ заглавію: исключительно о домашнихъ, личныхъ дѣлахъ говорится далеко не во всѣхъ; но зато они даютъ довольно полную картину внутренней жизни Петрарки, въ нихъ изложены всѣ

---

[1]) Кертингъ видитъ даже на каждой страницѣ проявленіе надменности и суетности Петрарки (p. 35).

[2]) Epist. Fracassetti p. 2.

[3]) Кромѣ собранія сочиненій письма были изданы отдѣльно нѣсколько разъ. Опираясь на предшествующихъ изслѣдователей, преимущественно Baldelli и Rossetti, Фракассетти указываетъ слѣдующія: въ XV вѣкѣ — 2, въ 1484 безъ указанія мѣста и въ 1494—Venetiis; въ XVI вѣкѣ — 1, въ 1558 Basileae; въ XVII — 3 и всѣ въ 1601—безъ обозначенія мѣста, Lugduni и Coloniae Allobrogum. Кромѣ того, имъ не указано изданіе въ 1808 (Patavii) и италіанскій переводъ Ranaldi (1836). Самое лучшее изданіе «Домашнихъ писемъ» въ подлинникѣ и переводѣ и старческихъ только въ переводѣ сдѣланы Фракассетти. Списокъ рукописей данъ Fracassetti (ib. p. 34). Въ дополненіе см. Voigt I, p. 21 прим. Для предшествовавшаго состоянія текста писемъ весьма интересно одно дополненіе въ книгѣ Baldelli, p. 209 и слѣд. См. также Ferrazzi, p. 794 и слѣд.

[4]) Fracassetti. Lettere I, Prafacione p. 41.

впечатлѣнія отъ современныхъ фактовъ, всѣ тѣ чувства и размышленія, которыя были навѣяны на него чтеніемъ и окружающей дѣйствительностью и которыя онъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ публики.

Въ посвященіи своему другу Петрарка самъ объясняетъ смыслъ своей переписки: читатель долженъ понять изъ нея ходъ развитія автора и „теченіе его жизни“[1]), и этой цѣли письма несомнѣнно достигаютъ. Предпринимая въ 1361 году собраніе своихъ писемъ[2]), онъ самъ старался расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ[3]), и его собственныя ошибки въ этомъ отношеніи были старательно исправлены позднѣйшимъ издателемъ[4]), такъ что въ настоящемъ своемъ видѣ письма дѣйствительно представляютъ картину внутренняго развитія автора. Самое большое количество писемъ Петрарки все-таки касается его частныхъ дѣлъ, описываетъ событія изъ его жизни, отношенія къ друзьямъ и вызванныя всѣмъ этимъ отдѣльныя впечатлѣнія и настроенія[5]). Петрарка разсказываетъ о себѣ много и охотно: свое коронованіе онъ излагаетъ въ 5 письмахъ[6]), описываетъ друзьямъ пребываніе въ Авиньёнѣ[7]) и особенно охотно въ Воклюзѣ[8]), разсказываетъ мелкія огорченія въ родѣ того, что, придя въ Парму изъ Франціи, не нашелъ тамъ своего друга[9]), или противъ воли простилъ своего сына[10]), неудавшіяся путешествія[11]), аудіенцію у императора въ Мантуѣ[12]), любовь къ Энрико Капрѣ[13]), визитъ Аччайуоли[14]), сооб-

1) Et progressus mei seriem (si ea forte cura fuerit) vitaeque cursum lector intelliget (Epist. rer. famil. XXIV, 13).

2) О времени составленія изданія Петраркою см. Körting p. 22—23 и цитированныя имъ мѣста у Фракассетти.

3) Pene omnia quo inciderant scripta sunt ordine. Epist. rer. famil. XXIV, 13.

4) Фракассетти внесъ не мало поправокъ. См. Lettere delle cose famil. Prefaz. p. 14, прим. 2.

5) По Фракассетти, poechissime sono le lettere delle quali formino principale subbietto i negozi suoi o degli amici. Ibid. p. 68. За нимъ Körting — es sollten eben seine Briefe keine banalen Privatbriefe, sondern Schriftstücke von literarischem Werthe und allgemein interessantem Inhalte sein p. 14. Не слѣдуетъ однако преувеличивать этого характера переписки: изъ 348 писемъ de reb. famil. 182 имѣютъ преимущественно узко-біографическій интересъ.

6) Lib. IV, 4—8.

7) XII, 10.

8) XIII, 8; XV, 3; XX, 10.

9) VIII, 2.

10) XXII, 7. См. примѣчаніе къ этому письму Фракассетти.

11) XV, 2; XXIII, 14.

12) XIX, 3.

13) XXI, 11.

14) XXII, 6.

щаетъ имъ свои намѣренія, преимущественно относительно путешествій и мѣстопребыванія[1]), объясняетъ свои поступки[2]) и т. п.[3]). Иногда письмо вызвано очень мелкими личными дѣлами: въ одномъ Петрарка проситъ адресата найти ему прислугу, въ другомъ жалуется на хлопоты, которыя она ему причиняетъ[4]); два вызваны потерею письма[5]); въ одномъ описывается ужинъ, въ другомъ — пріобрѣтеніе и вѣрность собаки, въ третьемъ — встрѣча съ римскими дамами, и новости, которыя онъ отъ нихъ услыхалъ[6]); наконецъ, въ двухъ разсказывается объ ушибѣ ноги[7]). Но среди сообщеній объ отдѣльныхъ фактахъ и мелкихъ подробностей, Петрарка даетъ въ перепискѣ время отъ времени общую характеристику своей жизни[8]).

Видное мѣсто среди этой категоріи домашнихъ писемъ занимаютъ жалобы Петрарки на друзей, его оправданія противъ различныхъ обвиненій и нападки на самихъ обвинителей. Жалобы, вызванныя чаще всего молчаніемъ адресата, не представляютъ большого интереса[9]); гораздо важнѣе два другихъ отдѣла. Такъ въ одномъ письмѣ ранняго періода онъ оправдывается между прочимъ отъ обвиненія въ томъ, что онъ притворяется влюбленнымъ[10]); въ двухъ другихъ бранитъ критика своихъ произведеній[11]); въ одномъ защищаетъ свой литературный пріемъ — подтверждать теоретическія положенія примѣрами[12]); въ другомъ нападаетъ на медика, противъ котораго написана его инвектива[13]); въ третьемъ оправдывается отъ обвиненія въ зависти къ Данте[14]). Всѣ эти письма имѣютъ важное значеніе, какъ

---

1) IX, 3; XI, 12; XIV, 7 и 8; XV, 8, 9, 11; XVI, 1, 10; XVII, 6; XIX, 18; XXIII, 10.

2) XI, 6. См. въ особенности XV, 4 и о пребываніи въ Миланѣ XVI, 12 и XVII, 10.

3) Такого же содержанія: VII, 10; VIII, 3; IX, 6, 12, 16; XIII, 7; XVI, 11; XIX, 10 и 14; XXI, 14 и XXIII, 16.

4) IV, 14 и V 14. Сопоставленіе этихъ писемъ съ соотвѣтствующими главами De remediis utriusque fortunae можетъ дать хорошую иллюстрацію субъективности философскихъ трактатовъ Петрарки.

5) V, 16 и 17.

6) IX, 10; XII, 17; XVI, 8.

7) XI, 1 и XXI, 10.

8) Такихъ писемъ три: отъ 1351 или 52 (V, 18), 1358 (XIX, 16) и 1359 или 60 годовъ (XXI, 13).

9) I, 5; III, 20; XII, 6; XV, 1; XX, 8.

10) II, 9 письмо отъ 1336.

11) V, 11 и 12.

12) VI, 4.

13) XV, 6. См. также XV, 5.

14) XXI, 15.

прототипъ позднѣйшей литературной полемики, начало которой положилъ самъ Петрарка въ своихъ настоящихъ инвективахъ. Здѣсь мы находимъ въ зародышѣ всѣ тѣ пріемы, которые позже достигли полнаго развитія. Чисто біографическій интересъ имѣютъ тѣ письма Петрарки, въ которыхъ онъ оправдываетъ свое поведеніе при Авиньенскомъ дворѣ[1]). Письма, въ которыхъ говорится объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Петрарки, также довольно многочисленны. Кромѣ данныхъ о хронологіи произведеній[2]), въ нихъ сообщаются литературные планы и стремленія автора. Такъ, въ одномъ Петрарка говоритъ о своемъ намѣреніи написать письмо въ похвалу Италіи[3]), въ другомъ сообщаетъ, что уничтожилъ написанное имъ стихотвореніе, „собранное изъ лоскутковъ“[4]), въ третьемъ настаиваетъ на необходимости простоты въ частныхъ письмахъ[5]). Весьма важное біографическое значеніе имѣетъ то письмо, въ которомъ говорится о желаніи нѣкоего Гвидо быть упомянутымъ въ перепискѣ Петрарки[6]).

Новое лицо, съ которымъ приходится сталкиваться Петраркѣ, служитъ поводомъ къ перепискѣ. Такъ онъ разсказываетъ въ письмахъ о влюбленномъ юношѣ, о распутномъ старикѣ, о какомъ-то голодномъ человѣкѣ, о Джіованни-да-Равенна, который поселился у него въ домѣ[7]). Эти письма Петрарки точно также, какъ и дѣловыя, въ которыхъ онъ сообщаетъ что-нибудь о друзьяхъ[8]) или еще чаще, о себѣ[9]) и различныя рекомендаціи и т. п.[10]), имѣютъ прежде всего біографическое значеніе. Особенно характерны тѣ изъ нихъ, которые адресованы къ Карлу IV[11]) и его приближеннымъ: Эрнесту, архіепископу Пражскому[12]) и Іоганну, епископу Ольмютца[13]), потому что они опредѣляютъ сферу знакомствъ и вліянія Петрарки. Но кромѣ того, въ нихъ масса характерныхъ культурно-историческихъ подроб-

---

[1]) IX, 5 и 7 и XIV, 4. Другія оправданія и извиненія см. XI, 13; XII, 16; XX, 6; XXI, 3 и 4.

[2]) XV, 12; XIII, 11; XX, 7; XXII, 3; XXIII, 6.

[3]) XIX, 15.

[4]) III, 4. Ср. XXII, 2.

[5]) XVIII, 8.

[6]) XIX, 8.

[7]) V, 8 и 9; I, 10; XXIII. 10.

[8]) VII, 11.

[9]) XI, 10; XII, 13.

[10]) III, 21; XIII, 2 и 3; XVI, 19; XVII, 7; XIX, 6, 11; XXII, 11. См. также XII, 18; XIV, 2; XV, 13; XXI, 1.

[11]) XIX, 4; XXI, 7; XXIII, 3 и 9.

[12]) XXI, 6.

[13]) XXI, 5 и XXIII, 7.

ностей, а иногда встрѣчаются факты, важные для церковной и политической исторіи[1]). Менѣе важное значеніе имѣютъ многочисленныя письма, въ которыхъ Петрарка приглашаетъ къ себѣ друзей или отвѣчаетъ на ихъ приглашенія[2]), радуется и сочувствуютъ ихъ радостямъ или оплакиваютъ ихъ горе и утѣшаетъ въ несчастіяхъ[3]), подаетъ имъ совѣты, или порицаетъ ихъ дурное поведеніе[4]), предлагаетъ дружбу, или благодаритъ за дружескія услуги[5]), проситъ прислать книгу, или отправляетъ собственный экземпляръ[6]). Отчасти, это простыя дѣловыя записки[7]); но въ огромномъ большинствѣ случаевъ они представляютъ собою реторическія упражненія. Петрарка страстно любилъ писать письма. „Я пишу", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „изъ великаго удовольствія побесѣдовать... Если не пишу, то я мучусь и тоскую"[8]). Поэтому обиліе друзей давало ему случай пускаться въ реторику или по поводу своихъ нѣжныхъ чувствъ къ нимъ[9]), или въ особенности по поводу чьей-нибудь смерти[10]). Иногда истинная причина письма, обнаруживается съ особенной наивностью. Такъ, у одного письма находится такой заголовокъ (argumentum): авторъ „жалуется, что епископъ Аччайуоли не выполнилъ даннаго ему обѣщанія прійти ужинать въ его виллу; потомъ, прежде окончанія письма, ему возвѣстили о его прибытіи"[11]). Несмотря на устраненіе причины, вызвавшей письмо, оно было написано и послано по адресу. Но и среди этой реторики встрѣчаются письма, которыя имѣютъ біографическую важность, какъ благодарственныя посланія Карлу IV и кардиналу Колоннѣ[12]), отвѣтъ флорентійскимъ пріорамъ и народу[13]), письмо

---

1) См., напр., XII, 4.

2) VIII, 4 и 5; IX, 2; XIX, 5; VI, 9.

3) VII, 8; IX, 8; X, 2; XI, 14 и 15; XVI, 6; XVIII, 9; XX, 9, 15; XXII, 5; XXIII, 4; VIII, 7; XV, 14; VIII, 1; XIII, 1; XX, 12.

4) VII, 3; XIII, 10; XX, 14. Порицанія въ перепискѣ сравнительно рѣдки IX, 8; XVII, 2 и XXII, 7, причемъ два послѣднія письма адресованы сыну.

5) Петрарка очень неохотно навязывался на дружбу, и такихъ писемъ только 2 (IX, 11 и XXIII, 20). За то благодарность онъ разсыпаетъ очень щедро. См. V, 2; X, 6; XI, 11; XV, 10; XVIII, 2, 3, 14 и 14; XIX, 7; XX, 5; XXIII, 8 и 18.

6) IX, 15; XVIII, 13, а также 11 и 12.

7) См. напр. II, 11.

8) IX, 12 и XIII, 7. См. также VIII, 5 и XXIV, 13.

9) См. напр. XII, 5 и въ особенности XVI, 7.

10) VII, 12; XIV, 3; XV, 14. Иногда по поводу одной смерти цѣлый рядъ писемъ къ различнымъ лицамъ. См. IV, 10—13.

11) XII, 12.

12) XXIII, 8 и V, 2.

13) XI, 5.

по поводу смерти Роберта Сицилійскаго[1]), — или которыя заключають въ себѣ цѣнныя культурно-историческія указанія[2]).

Но эта категорія писемъ, имѣющихъ преимущественно біографическое значеніе, заключаетъ въ себѣ весьма много матеріала для характеристики міросозерцанія Петрарки, въ формѣ отступленій или отдѣльныхъ сентенцій. Въ перепискѣ Петрарка всегда имѣетъ въ виду посторонняго читателя[3]), который долженъ не только наслаждаться ея краснорѣчіемъ, но и поучаться изъ нея. Поэтому всѣ письма проникнуты дидактизмомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою настоящіе трактаты на разныя темы въ епистолярной формѣ. Чаще всего Петрарка философствуетъ. Спеціально разъясненію своего взгляда на жизнь онъ посвятилъ 10 писемъ[4]), и кромѣ того, охотно возвращается къ этому вопросу при всякомъ удобномъ случаѣ[5]). Это настоящіе трактаты иногда въ аскетическомъ, чаще въ пессимистическомъ тонѣ. Въ одномъ онъ доказываетъ, что міръ постоянно ухудшается, въ другомъ, что жизнь есть непрерывная смерть, истинный конецъ которой полагаетъ смерть физическая и т. д.[6]) Этотъ вопросъ и самъ по себѣ занималъ Петрарку; а кромѣ того, онъ давалъ очень удобный исходный пунктъ для переписки съ высокопоставленными лицами: несовершенство жизни и ничтожность почестей сравнивали его до нѣкоторой степени съ адресатомъ, а спеціальныя тагости высокаго поста служили хорошимъ средствомъ наговорить любезностей[7]). Наконецъ, эта тема представляла обширное поле для краснорѣчія[8]).

Для характеристики философскихъ воззрѣній Петрарки домашнія письма имѣютъ весьма важное значеніе. Его письмо къ брату-монаху настоящій философскій символъ вѣры, въ которомъ съ полною опре-

---

1) V, 1.

2) XII, 15 и XXIII, 11.

3) См. напр. IX, 2; XIV, 2.

4) I, 2; II, 10; IV, 3; V, 15; VIII, 8; XIV, 1; XV, 7; XVI, 5; XXIII, 5; XXIV, 1.

5) См. II, 1; XXI, 9.

6) См. II, 10; XVI, 5. Письмо 2, lib. I озаглавлено Hominum vitam aeque ac flosculum momento temporis et virere et arescere, V, 15 — Vitam hominis esse militiam. Ср. выше прим. 4.

7) См. письмо къ королю Роберту (IV, 3) и къ кардиналу Талейрану (XIV, 1). Послѣднее озаглавлено такъ: Cuique mortalium praesertim vero dynastis et in sublimem fortunam evectis aerumnis laboribusque vitam esse refertam.

8) Образцомъ эпистолярной реторики Петрарки можетъ служить длинное письмо къ Ломбардо да Серико (VIII, 8), которое все состоитъ изъ сравненій жизни съ различными предметами.

дѣленностью выражены его взгляды на задачи философіи и его отношеніе къ средневѣковой и античной философской мысли[1]). Въ перепискѣ мы находимъ почти всѣ выводы изъ его основныхъ философскихъ положеній. Въ письмѣ къ кардиналу Колоннѣ Петрарка рѣзко формулируетъ свой взглядъ на отношеніе науки къ религіи — „наука, которая противорѣчитъ католической вѣрѣ, должна, по его мнѣнію, возбуждать къ себѣ ненависть и не заслуживаетъ имени науки“[2]).

Страстная любовь Петрарки къ наукѣ, литературѣ и поэзіи также находитъ свое выраженіе въ перепискѣ. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, что желалъ бы продлить свою жизнь только ради научныхъ занятій, въ другомъ краснорѣчиво убѣждаетъ друга посвятить имъ свою жизнь[3]). Цѣлый рядъ писемъ даетъ понятіе объ объемѣ его научныхъ интересовъ и объ ихъ направленіи: онъ говоритъ о своихъ занятіяхъ древностью[4]), христіанскими писателями[5]), отмѣчаетъ темныя стороны литературныхъ занятій[6]), обсуждаютъ библіоманство[7]) и съ особенной подробностью останавливается на общемъ характерѣ средневѣковыхъ знаній и на отдѣльныхъ его доктринахъ. Въ одномъ письмѣ онъ проклинаетъ пустую и сварливую заносчивость діалектиковъ[8]) и въ цѣломъ рядѣ другихъ полемизируетъ противъ медиковъ, юристовъ, грамматиковъ и съ особенной рѣзкостью противъ астрологовъ, занятія которыхъ онъ называетъ „глупымъ“ дѣломъ[9]). Краснорѣчіе, которое такъ высоко цѣнилъ Петрарка, обсуждается имъ въ перепискѣ. Въ одномъ письмѣ онъ доказываетъ, что его вмѣстѣ съ душевнымъ равновѣсіемъ слѣдуетъ предпочитать всѣмъ другимъ благамъ, и въ другихъ выясняетъ его силу и отличіе отъ

---

1) XVII, 1. Cp. XII, 3. In primis philosophiam amo, non illam loquacem, scholasticam etc. О психологіи Платона см. XII, 14; ученіе о счастьѣ XXII, 13. Для отношенія къ древней философіи см. также X, 5: Illud vero non praetereo in his ipsis tantis ingeniis virisque tam gravibus tantam esse discordiam etc. и passim.

2) VI, 2. Сравн. X, 5 — veram sapientiam unam esse non sit dubium: Deum noscere et colere. О религіозныхъ воззрѣніяхъ Петрарки см. XVI, 4.

3) XXII, 10; XII, 3. Cp. XVIII, 5.

4) XII, 8. Cp. VII, 4 и 16.

5) XXII, 10. Cp. VIII, 6.

6) IV, 15 и 16; III, 18.

7) III, 18.

8) I, 6. Cp. ibid. 9, 11.

9) V, 9; XX, 4; XII, 3. III, 8. Характерны разсужденія Петрарки о сновидѣніяхъ, которымъ онъ посвящаетъ два письма V, 7 и VII, 3. Для отношенія Петрарки къ праву и юристамъ см. также XVII, I. Вообще переписка является главнымъ источникомъ по этому вопросу.

болтливости[1]). Относительно поэзіи въ письмѣ къ брату-монаху онъ выражаетъ ту мысль, что чтеніе поэтическихъ произведеній не только не вредно, но даже весьма плодотворно для теолога и монаха, и выясняетъ значеніе поэта въ другомъ чрезвычайно интересномъ письмѣ къ Боккаччіо[2]).

Переписка Петрарки отражаетъ далѣе все его міросозерцаніе, начиная отъ воззрѣній на природу и кончая моралью. Въ письмѣ къ кардиналу Колоннѣ онъ защищаетъ природу отъ взводимыхъ на нее обвиненій и доказываетъ ея благодѣянія человѣку[3]), и большое количество писемъ, въ которыхъ онъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія, красоты пейзажа и грандіозныя физическія явленія, показываетъ, какой глубокій интересъ чувствовалъ онъ къ природѣ[4]). Въ перепискѣ мы находимъ разсужденіе о дружбѣ и любви, о семьѣ и воспитаніи, объ уединеніи, женщинѣ и монашествѣ. Петрарка излагаетъ цѣлую теорію дружбы, описываетъ ея истинныя свойства и изображаетъ даже тѣ наслажденія, которыя можно получить отъ дружескихъ упрековъ[5]). То же самое и о любви. Въ двухъ письмахъ доказываетъ онъ, что на приговоръ любящаго человѣка нельзя полагаться и признаетъ безсиліе побѣдить чувство какими-нибудь аргументами[6]). О семьѣ и женщинѣ онъ говоритъ мимоходомъ: считая холостую жизнь большимъ благомъ, онъ не отрицаетъ однако важности воспитанія[7]); но подобные вопросы не заслуживаютъ съ его точки зрѣнія большого интереса со стороны читателя. Гораздо съ большей охотой говоритъ онъ на свою любимую тему о прелестяхъ уединенія[8]) и даже прославляетъ монашество, хотя и не съ точки зрѣнія средневѣкового аскетизма[9]). Но чаще всего и съ особенной любовью говоритъ Петрарка въ своихъ письмахъ о морали. Онъ сообщаетъ адресатамъ свои наблюденія надъ надъ человѣческой природой[10]), разсматриваетъ отношенія тѣла къ духу и оцѣниваетъ срав-

---

[1]) I, 8; III, 22; VI, 7.

[2]) X, 4 и XVIII, 15.

[3]) II, 8.

[4]) I, 3, 4; II, 12; III, 1; IV, 1, 9; V, 3, 4, 5, 6; XVII, 3, 5. Два письма посвящены описанію погоды XIX, 2 и XX, 14.

[5]) III, 15; IX, 9; XX, 11; II, 6; III, 11 и XVIII, 6.

[6]) VII, 14 и XVII, 9; VII, 18.

[7]) XXII, 1 ср. XXI, 9; VII, 17.

[8]) Всѣ три письма на эту тему (III, 5; IX, 14; XIII, 4) почти одинаковы по своему содержанію. Ср. также XI, 4.

[9]) См. его письма къ брату X, 3 и 5, сравни особенно характерное: III, 12.

[10]) О людской неблагодарности III, 17; объ устойчивости надеждъ ib. 19; о развращающемъ вліяніи подарковъ VI, 8 etc.

нительное значеніе различныхъ сторонъ послѣдняго[1]), выясняетъ сущность морали[2]), опредѣляетъ свое отношеніе къ стоицизму[3]), доказываетъ, что истинное счастье заключается въ довольствѣ немногимъ и что слабости и болѣзни не есть истинное бѣдствіе[4]) и даетъ практическія наставленія почти противъ всѣхъ пороковъ[5]).

Въ письмахъ Петрарки встрѣчается много данныхъ для культурной и политической исторіи его времени. Онъ съ живостью описываетъ многія событія, которыхъ былъ очевидцемъ или ходомъ которыхъ былъ особенно заинтересованъ, какъ напр. войною Генуи и Венеціи, неаполитанскими событіями и въ особенности Кола-ди-Ріенцо и вообще состояніемъ Рима въ эту эпоху[6]): въ двухъ письмахъ онъ излагаетъ цѣлую политическую программу четыремъ кардиналамъ, которымъ въ 1451 году поручено было реформировать управленіе священнымъ городомъ[7]). Кромѣ того, Петрарка имѣлъ симпатіи и антипатіи къ современнымъ ему государствамъ и правительствамъ, что также побуждало его высказываться относительно современныхъ событій; поэтому онъ совѣтуетъ одному адресату вмѣшаться въ столѣтнюю войну въ интересахъ Франціи, убѣждаетъ другого отказаться отъ тиранніи въ Павіи и ободряетъ генуэзцевъ продолжать войну съ королемъ аррагонскимъ[8]). Интересъ къ событіямъ заставляетъ Петрарку вдумываться въ общее состояніе Италіи и отыскивать самыя существенныя ея бѣдствія. Прежде всего онъ останавливается на бандахъ

---

1) II, 5 и I, 7.

2) Въ длинномъ письмѣ къ Марку Генуэзскому по поводу юриспруденціи (XX, 4) Humanorum sane actuum primas partes tenet agentis intentio etc. Fracass. III, p. 20.

3) III, 6 — summum bonum in honestum situm. Ср. III, 12. Frac. I, 166—167. V, 13 (ibid. 288—289). См. также III, 16; V, 13; IX, 1.

4) Aurea mediocritas est in omni fortuna. III, 7 Fracass. I, 150. Ср. XVI, 3. Senectutem, paupertatem, podagram inter mala hnmanae vitae haud esse recensenda vel forti saltem animo ferenda.

5) Противъ заботъ о будущемъ II, 7; о суетности III, 2; о пьянствѣ ib. 9, противъ богатствъ и роскоши III, 13; VII, 6; XVII, 8 и IV, 17; о развращающемъ вліяніи дурныхъ нравовъ IV, 18 и 19; противъ скупости VI, 1; противъ злословія XVI, 13 etc. См. XXIII, 12 и 13 и XVI, 14.

6) См. V, 10 объ осадѣ Пармы, о Каррарахъ XI, 2, 3. О борьбѣ Генуи съ Венеціей и вообще о предпріятіяхъ и судьбахъ Генуи XI, 8; XIV, 5; XVII, 4; XVIII, 6; XIX, 9; XX, 3. О пріемѣ Карла IV въ Италіи XX, 2. О неаполитанскихъ событіяхъ VI, 5; VII, 1; XII, 7; XXIII, 17. О пораженіи Орсини III, 8; объ избіеніи Колоннъ VII, 13. О Кола-ди-Ріенцо VII, 5, 7; XIII, 6. Вообще объ отношеніи къ Риму ср. II, 14.

7) XI, 16 и 17.

8) III, 10; XIX, 18. О войнѣ генуэзцевъ говоритъ: hoc pium, hoc justum, hoc sanctum, hoc minime italicum bellum est... Insistite, oro, et nolite desistere. XIV, 6 (Fracass. II, 301).

и посвящаетъ два длинныхъ письма[1]) этому общественному злу тогдашней Италіи; кромѣ того, онъ старается отмѣтить главные пороки въ общественныхъ нравахъ[2]) и даетъ характеристику грустной современности сравнительно съ блестящимъ прошлымъ[3]).

Бѣдственное положеніе родины и страданіе друзей направляли также мысли патріотически настроеннаго Петрарки[4]) на политическіе вопросы. Онъ сравниваетъ въ одномъ письмѣ положеніе церкви съ государствомъ[5]) и въ цѣломъ рядѣ посланій къ Карлу IV обстоятельно развиваетъ свой взглядъ на значеніе императорской власти въ средніе вѣка[6]). Петрарка не особенно твердъ въ симпатіяхъ къ различнымъ политическимъ формамъ, потому что не признавалъ за ними абсолютнаго значенія. „Хотя я хорошо знаю", говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, „насколько болѣе возрасло римское государство подъ управленіемъ многихъ, тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстно также, что многіе великіе люди считали счастливѣйшимъ состояніемъ государства, когда оно находится подъ властью одного справедливаго главы"[7]). Но въ другомъ письмѣ онъ склоняется къ противоположному мнѣнію. „Малъ былъ Римъ, когда имѣлъ царя", пишетъ онъ къ генуэзцамъ, побуждая ихъ къ войнѣ противъ короля Аррагоніи: „и быстро сдѣлался безграничнымъ, когда его лишился. При царѣ онъ находился въ рабствѣ, безъ царей повелѣвалъ. Итакъ нападайте на царя: скиптры не даютъ и не отнимаютъ добродѣтели"[8]). Но для современной Италіи онъ былъ рѣшительнымъ манархистомъ. „При современномъ положеніи вещей, при столь непримиримыхъ несогласіяхъ въ умахъ, конечно, не остается никакого сомнѣнія, что монархія самая лучшая форма для собранія и возстановленія силъ итальянскихъ, которыя разсѣяло долговременное неистовство междоусобныхъ войнъ... Я вполнѣ признаю, что царская рука необходима для нашихъ болѣзней"[9]). Поэтому

---

1) XXII, 14; XXIII, 1.

2) IX, 4; XX, 1.

3) XI, 9. Ср. ibid. 7 и XIX, 9 — omissis rumoribus, qui assidue aures tuas fama vociferante circumsonant, quos nullis annalibus comprehendi posse crediderim, qui Pisis et qui Senis populorum metus etc. Fracass. II, 536.

4) Спеціальное письмо Петрарки въ похвалу Италіи осталось ненаписаннымъ; но патріотическое настроеніе однако выражено въ перепискѣ. См., напр., XI, 16. Meae communis patriae et parentis publicae salus in ambiguo vertitur. Non est filius, quem piae matris non tangit injuria. (Fracass. II, 145). Ср. II, 3 и 4.

5) VII, 2.

6) X, 1; XII, 1; XVIII, 1; XIX, 1 и 12; XXIII, 2, 15, 21.

7) III, 7. Fracass. I, p. 150.

8) IV, 6. Fracass. II, 801.

9) III, 7. Fracass. I, p. 150—151.

Петрарка весьма часто обсуждаетъ свойства истиннаго государя и подаетъ совѣты государямъ, ихъ совѣтникамъ и излагаетъ правила для ихъ воспитанія, руководясь принципомъ, что „только справедливость отличаетъ царя отъ тиранна" [1]).

Десять послѣднихъ писемъ 24-й книги по изданію Фракассетти адресованы къ древнимъ философамъ и писателямъ [2]). Петрарка опредѣляетъ въ нихъ свое отношеніе къ каждому изъ адресатовъ, при чемъ упрекаетъ Цицерона, Сенеку и А. Полліона за ихъ нравственные недостатки. Въ письмахъ къ Виргилію и Гомеру касается современности: первому онъ разсказываетъ новости о Мантуѣ и Неаполѣ, второму о своихъ занятіяхъ по греческому языку.

„*Книга разныхъ писемъ*" носитъ такой же характеръ, какъ и предшествующая переписка, изъ которой она выдѣлена только потому, что составляющія ее письма были собраны не самимъ Петраркой [3]). Большинство писемъ имѣетъ біографическое значеніе, изъ нихъ представляютъ наиболѣе интереса тѣ, въ которыхъ Петрарка выпрашиваетъ церковныхъ синекуръ [4]), и тѣ еще, въ которыхъ онъ объясняетъ свои отношенія къ Милану [5]). Гораздо важнѣе тѣ мѣста этой книги, въ которыхъ выражено отношеніе Петрарки къ современной политической дѣйствительности, его глубокій интересъ къ попыткѣ Кола-ди Ріенцо [6]), симпатіи къ Франціи во время ея борьбы съ Англіей [7]) и краснорѣчивое убѣжденіе Урбана V установить свою резиденцію въ Римѣ [8]). Морализующихъ писемъ не мало и въ этой части пере-

---

[1]) См. выше, p. 217 прим. 6, а также VII, 15; III, 7; IV, 2; XII, 2.

[2]) XXIV, 3—12. Два къ Цицерону и по одному къ Сенекѣ, къ Варрону, къ Квинтиліану, къ Титу Ливію, къ Азинію Полліону, къ Горацію Флакку, къ Виргилію и къ Гомеру. Въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка письма были выдѣлены въ особую категорію съ такимъ заглавіемъ: Epistolae ad quosdam ex veteribus illustriores. Opera, 705 и слѣд.

[3]) *Epistolarum variarum liber unicus* заключаетъ въ себѣ 65 писемъ. Объ изданіяхъ см. выше p. 208 прим. 3. Они написаны между 1335—1373. (Fracass. Lett. famil., p. 41). Объ ихъ происхожденіи см. Voigt. *Die Briefsammlungen Petrarca's und der Venetianische Staatskanzler Benintendi. München 1882*, p. 18 и слѣд.

[4]) Epist. 15 и 55.

[5]) Ep. 7 и 25; о смерти сына 35, о намѣреніи поселиться въ Мантуѣ 24 и много другихъ.

[6]) Ep. 38, 40, 42, 48. Послѣднее письмо въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка напечатано отдѣльно подъ такими заглавіями. Ad veteres Romanae Reipublicae defensores oratio. Ad Nic. Laurentium tribunum P. Q. R. de capessenda libertate hortatoria. Opera, p. 585 и слѣд.

[7]) Ep. 6, 26, 63.

[8]) Ep. 3. См. также письма къ Azzo di Correggio (19 и 28) и къ гонфалоньеру и пріорамъ Флоренціи объ отмщеніи за убійство Аккурсіо (53).

писки Петрарки. И здѣсь онъ возстаетъ противъ жадности, проповѣдуетъ добродѣтель, даетъ нравственныя наставленія на разные случаи жизни, характеризуетъ любовь и восхваляетъ уединеніе[1]). Особенно характерно для нравственныхъ воззрѣній то его письмо, въ которомъ онъ порицаетъ малодушіе Паоло Аннибальди, умершаго отъ скорби на трупѣ своего сына[2]).

Старческія письма Петрарки носятъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ предшествующія[3]). Мелкихъ писемъ немного; по большей части это настоящіе трактаты, занимающіе иногда половину, иногда цѣлую книгу[4]). Чисто біографическихъ писемъ сравнительно меньше, и они касаются болѣе важныхъ или болѣе почетныхъ событій изъ его жизни. Съ особенной охотой и обстоятельностью онъ разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ сильнымъ міра сего: къ папамъ, къ императору, къ королямъ. Объ отношеніи къ Пандольфо Малатестѣ говорятъ три письма[5]). Цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ Петрарка то отказывается отъ должности секретаря при Иннокентіи VI, то рекомендуетъ Урбану V дѣло генерала миноритовъ, то благодаритъ за полученныя отъ него похвалы, то разсказываетъ о лестномъ пріемѣ при папскомъ дворѣ, то выражаетъ надежду на блестящія бенефиціи, то, наконецъ, извиняется, что не можетъ посѣтить курію ни въ Римѣ, ни въ Авиньонѣ— всѣ эти письма довольно живо показываютъ отношеніе папъ къ Петраркѣ и его желаніе разсказать объ этомъ читателю[6]). Отношенія къ Урбану V, поскольку они выражаются въ этой перепискѣ, имѣютъ не только біографическое значеніе: письма Петрарки заключаютъ въ себѣ всѣ требованія и аргументы въ пользу возвращенія куріи въ Италію и въ то же время исторію неудачной попытки Урбана послѣдовать этимъ совѣтамъ. Въ длинномъ письмѣ, занимающимъ цѣлую книгу, Петрарка убѣждаетъ его вернуться въ Римъ; въ дру-

---

1) Ep. 20, 50, 17, 29, 13 и 52.

2) Ep. 32. Въ видѣ приложенія Фракассетти напечаталъ еще 4 письма, найденныя послѣ выхода въ свѣтъ 2-го тома латинскихъ писемъ Петрарки. Три послѣднія не имѣютъ значенія; о первомъ, которое не принадлежитъ Петраркѣ, см. ниже.

3) Латинскій текстъ: Epistolae de rebus senilibus libri XVII не былъ изданъ Фракассетти, но онъ перевелъ ихъ на итальянскій языкъ и снабдилъ комментаріями. *Lettere senili di Francesco Petrarca volgarizzate e dichiarate con note da Giuseppe Fracassetti. Vol. I e II. Firenze 1869—1870.* Нумерацію писемъ я цитирую по этому изданію, такъ какъ здѣсь она критически провѣрена; выдержки — по-латинскому тексту въ Opera. — Всѣхъ писемъ 124. Хронологически они опредѣляются 1361—74 годами (Fracassetti, Lettere familiari, Prefaz., p. 41).

4) Такъ, lib. XII состоитъ изъ 2 писемъ, lib. VII — изъ одного.

5) I, 2 отношеніе къ папѣ, императору и королю французскому. Для Малатесты I, 6; XIII, 9 и 10.

6) I, 4; XI, 12, 1 и 2; XIII, 12; XI, 15, 16 и 17; XV, 2.

гомъ — навсегда остаться въ священномъ городѣ, куда онъ наконецъ переселился; въ третьемъ — осыпаетъ похвалами папу за устойчивость, въ четвертомъ — заявляетъ, что не боится той знати, которая недовольна подобными письмами, и въ пятомъ, наконецъ, порицаетъ папу, хотя и мягко, за возвращеніе въ Авиньонъ[1]). Біографическія подробности о себѣ и о своихъ ученикахъ и современникахъ Петрарка даетъ и въ другихъ письмахъ[2]); но болѣе важное значеніе имѣютъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ и объ отношеніи къ нимъ современниковъ[3]). Фракассетти основательно относитъ къ старческимъ письмамъ одно произведеніе — „О супружескомъ послушаніи и вѣрности", переводъ 10-й новеллы послѣдняго дня изъ Декамерона Боккаччіо[4]). Выборъ Петрарки, его предисловіе, вставки, выпуски и послѣсловіе, очень характерны: они показываютъ тотъ идеалъ женщины, который удовлетворилъ бы Петрарку и который онъ считалъ хотя труднымъ, но осуществимымъ[5]).

Вообще центръ тяжести старческой переписки Петрарки составляютъ его теоретическія разсужденія на различныя темы. Отчасти онъ возвращается къ прежнимъ вопросамъ: разсуждаетъ о дружбѣ, восхваляетъ уединеніе, убѣждаетъ монаховъ оставаться вѣрными своему обѣту, нападаетъ на астрологію и превозноситъ науку и поэзію[6]) при чемъ чувствуется уже вліяніе наступившей старости: о медикахъ говорится очень много; мысль о смерти появляется все чаще и чаще,

[1]) VII, 1; IX, 1 и 2; XI, 3; XIII, 13.

[2]) О Леонціи Пилатѣ III, 6 и V, 1; о Джіов.-да-Равенна V, 5 и 6 и XV, 2. Въ письмѣ XVII, 2 Петрарка говоритъ о своихъ занятіяхъ — въ XIII, 3 о своемъ происхожденіи и мѣстѣ рожденія; въ X, 2 разсказываетъ различные эпизоды своей жизни. Ср. также XV, 5.

[3]) О своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ въ V, 1; VI, 5 и XVI, 3; въ II, 4 о тѣхъ, которыя ложно ему приписываются. О критикахъ Петрарки и объ отношеніи флорентійской публики къ его поэзіи говорится въ II, 1 и 3.

[4]) Въ базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка она озаглавлена такъ. De obedientia ac fide uxoria. Mythologia. Фракассетти въ своемъ переводѣ старческихъ писемъ передалъ эту „миѳологію" словами Боккаччіо. Lettere senili II, p. 544 и слѣд. Но въ Венеціи въ 1860 Giovanni Paoletti изящно издалъ ея переводъ въ видѣ свадебнаго подарка Giuriatti-Bigaglia. Переводы у Ferrazzi, p. 805 и слѣд.

[5]) Quae usquam mulier vel Romana, vel cujuslibet gentis hanc Griseldim aequatura sit? ubi, quaeso, tantus amor conjugalis? Ubi par fides? Ubi tam insignis patientia atque constantia?... Esse nonnulos, qui, quaecunque difficilia eis sint, impossibilia omnia arbitrentur, sic mensura sua omnia metientes, ut se omnium primos locent, eum tamen multa fuerint forte et sint, quibus essent facilia, quae vulgo impossibilia viderentur. Opera 1554, p. 546.

[6]) XVI, 4; VIII, 7 и XV, 3; X, 1; I, 7 и III, 1. О поэзіи XV, 1. О наукѣ VI, 6, гдѣ онъ упрекаетъ Zanobi da Strada за то, что онъ предпочелъ наукѣ секретарское мѣсто при куріи. Ср. XVI, 6 и 7.

и Петрарка въ двухъ письмахъ ратуетъ противъ предразсудка объ особенной важности 73 года въ жизни человѣка; наконецъ, обостряется религіозность, такъ что онъ чувствуетъ особенную ненависть къ безбожному Аверроэсу[1]). Отчасти подъ вліяніемъ возраста измѣняются самыя темы, а главнымъ образомъ тонъ ихъ обработки. Петрарка восхваляетъ старость и съ особеннымъ усердіемъ ратуетъ противъ ея главнаго порока — скупости, при чемъ одно письмо объ этомъ предметѣ представляетъ собою настоящій трактатъ[2]). Богатство не представляется уже вреднымъ для добродѣтели, какъ и бѣдность; важно только отношеніе къ нимъ человѣка[3]). Кромѣ того, онъ авторитетнымъ тономъ разсуждаетъ въ обширныхъ письмахъ-трактатахъ „о свойствахъ хорошаго полководца" и „о наилучшемъ управленіи государствомъ"[4]). Здѣсь же въ письмѣ къ Карлу IV о подложности писемъ Ю. Цезаря и Нерона мы встрѣчаемъ первый историко-критическій трактатъ Петрарки, а въ толкованіи Виргилія — образецъ его критико-экзегетическихъ работъ[5]).

Для характеристики состоянія современной Петраркѣ науки, философіи и литературы важны тѣ письма, въ которыхъ онъ выражаетъ свой взглядъ на науку и поэзію и разсказываетъ о своихъ научныхъ занятіяхъ[6]). Кромѣ того, особенный интересъ представляетъ его разсказъ о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ и потомъ утратилъ нѣкоторыя сочиненія Цицерона, общая характеристика современныхъ философовъ и поэтовъ и весьма характерная для гуманистической литературы защита похвалъ живымъ современникамъ[7]). Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ Петрарка разсказываетъ объ итальянскихъ войскахъ и въ осо-

---

[1]) XV, 6 письмо объ Аверроэсѣ къ Луиджи Марсильи. О медикахъ III, 8, очень длинное письмо V, 3, а также 4; вся книга XII и XVI, 3. О смерти I, 5 и 7. О 73-мъ годѣ VIII, 1 и 8. Ср. consolatoriae X. 4 и 5.

[2]) Похвала старости VIII, 2. О жадности VI, 7 и 8. Въ базельскихъ изданіяхъ оба письма соединены вмѣстѣ и выдѣлены въ особое сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ: *De avaritia vitanda ejusque magistris atque instrumentis oratio*. Opera, 1554, p. 540 и слѣд.

[3]) II, 2.

[4]) Оба письма въ базельскихъ изданіяхъ также отнесены къ числу отдѣльныхъ произведеній: *De officio et virtutibus imperatoriis liber. Ad magnanimum bellicaeque rei peritissimum virum Luchinum Vermium Veronensem, exercitus Veneti imperatorem*. Opera, 1554, p. 387 и слѣд. Второе озаглавлено: *De republica optime administranda liber. Ad imaginibus virtutibusque ornatissimum virum Franciscum Carrariensem, principem Patavinum*. Opera 1554, p. 372 и слѣд. Переводы у Ferrazzi, p. 804—805.

[5]) XVI, 5; IV, 5.

[6]) См. выше, стр. 220, прим. 3 и 6. Ср. VI, 2.

[7]) XVI, 1; V, 2 и XVI, 9.

бенности о борьбѣ венеціанцевъ въ Кандіи и въ другомъ — о празднествахъ въ Венеціи по поводу одержанной тамъ побѣды[1]).

Совершенно особенный характеръ носятъ *„Письма безъ адреса“*. Фракассетти, столь заботливо собиравшій переписку Петрарки и издавшій значительную ея часть, рѣшительно отказывается сдѣлать то же самое по отношенію къ этимъ письмамъ. „Письма безъ адреса, — говоритъ онъ, — почти всѣ уже опубликованы, и я былъ тѣмъ болѣе далекъ отъ мысли издать въ свѣтъ какое-нибудь изъ нихъ, скрывающееся, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, что, по моему мнѣнію, и тотъ, кто издалъ находящіяся въ старыхъ изданіяхъ, опозорилъ (aver fatto onta) имя Петрарки и доставилъ матеріалъ для клеветы на его славу“[2]). Эта странная для историка точка зрѣнія объясняется однако заботою не столько о Петраркѣ, сколько о папствѣ. Письма безъ адреса представляютъ собою ожесточенное нападеніе на авиньонскую курію съ точки зрѣнія итальянскаго патріота[3]) и благочестиваго христіанина. Въ предисловіи Петрарка объясняетъ отсутствіе адреса на этихъ письмахъ нежеланіемъ подвергать опасности или непріятностямъ адресата. Принявъ эту предосторожность, онъ не стѣсняется болѣе въ выраженіяхъ. Авиньёнъ онъ постоянно называетъ Вавилономъ[4]) и не жалѣетъ самыхъ черныхъ красокъ для изображенія царящихъ тамъ нравовъ. Старый Вавилонъ, по его мнѣнію, лучше Авиньёна. „Хотя Вавилонъ былъ самое дурное изъ всѣхъ государствъ и самое порочное въ то время, а это даже не государство, а жилище тѣней и духовъ и, сказать коротко, клоака всяческихъ преступленій и пороковъ, настоящій адъ на землѣ“[5]). „Я по опыту узналъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что тамъ нѣтъ ни благочестія, ни любви, ни вѣры, ни благоговѣнія передъ Богомъ, ни страха; тамъ нѣтъ ничего святого, истиннаго, справедливаго, ничего серьезнаго, ничего, наконецъ, даже человѣческаго. Любовь, стыдъ, приличіе, чистота

---

1) III, 9 и IV, 3.

2) Lettere delle cose familiari, I, prefaz., p. 29. Въ латинскомъ предисловіи Фракассетти выражается еще рѣшительнѣе. Quod ad me attinet, id nec catholico nec cordato viro dignum putans, omnem de illarum litterarum editione curanda vel integritate restituenda cogitationem rejeci. Proleg., p. V. Текстъ этихъ писемъ находится во всѣхъ изданіяхъ. Въ базельск. изданіяхъ ихъ 20; но 5 Фракассетти относитъ къ другимъ категоріямъ (2, 3, 4 и приложеніе къ familiar., 20—Senil. (XV, 6). Въ изданіи 1496—22, при чемъ 4, 5 и 6 составляютъ одно письмо — по Frac. App. I.

3) Письмо X, напр., озаглавлено такъ: Afflictionem patriae et calamitatem deplorat. Opera 1581, p. 721.

4) Письмо VII озаглавлено: De inamoeno occiduae Babylonis statu VIII — De tertia Babylonia et quinto Labyrintho in Gallia.

5) Opera 1581, p. 718.

изгнаны оттуда"[1]). Съ такою же смѣлостью говоритъ Петрарка и о самомъ папѣ. Онъ называетъ его въ одномъ мѣстѣ „церковнымъ Діонисіемъ", который „мучитъ и грабитъ наши Сиракузы". „Вижу", говоритъ онъ, „какъ обманувшая мужа Семирамида тіарой покрываетъ чело, искусно отводитъ глаза (aculos praestringit) присутствующимъ и загрязненная нечистыми объятіями издѣвается надъ мужами" и т. д.[2]) Петрарка не ограничивается общими обвиненіями, но останавливается на отдѣльныхъ фактахъ. Такъ, войну папы съ Миланомъ онъ называетъ „разбойническимъ дѣломъ"[3]), разсказываетъ скандальную исторію съ однимъ кардиналомъ и т. п.[4]).

Итакъ, переписка Петрарки представляетъ собою настоящую лѣтопись внѣшней, а главное внутренней его жизни, и въ этомъ прежде всего заключается ея важное историческое значеніе. И по своему общественному положенію, и по своему настроенію Петрарка былъ родоначальникомъ новой интеллигенціи, вслѣдствіе чего его борьба съ средой и съ самимъ собой имѣетъ глубокій интересъ, какъ первые шаги новаго сословія, доступъ въ которое открываютъ личные качества, и значеніе котораго основывается на могуществѣ просвѣщенной мысли. Біографія Петрарки является введеніемъ въ исторію этого сословія, а письма важнѣйшимъ его источникомъ. Но переписка имѣетъ и другое значеніе. Петрарка былъ родоначальникомъ новой философіи и новой науки, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ. Его прозаическія произведенія представляютъ собою трудную попытку создать новое міросозерцаніе не отрываясь отъ христіанства, но отрицая сложившуюся на этой почвѣ философію и науку. Они являются въ силу этого введеніемъ въ исторію новой культуры, а

---

[1]) Ibid. p. 723. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ въ томъ же духѣ: quicquid uspiam perfidiae et doli, quicquid inclementiae, superbiaeque quicquid impudicitiae effrenataeque libidinis audivisti, aut legisti quicquid denique impietatis et morum pessimorum sparsim habet aut habuit orbis terrae, totum istic cumulatim videas acervatimque reperias. Nam de avaritia deque ambitione supervacuum est loqui, quarum alteram ibi regni sui solium posuisse, unde orbem totum populetur ac spoliet, alteram vero alibi nusquam habitare compertum est. Ibid. p. 726.

[2]) Ibid. p. 722.

[3]) Ille Pontifex Maximus, qui sibi provinciam Italiam atque imprimis urbem hanc Mediolanensium evertendam sacerdotalis militiae senili expeditione delegerat et in utramque Christianam Christianorum pater perfecto odio saeviebat, quasi non Italia haec, sed Syria, vel Aegiptus, non Mediolanum, sed Damascus esset aut Memphis. Cum ad hoc sanctum piumque opus unum e sacro patrum collegio, — filium, ut multi dixerunt suum, et secundum famam similitudo ingens morumque ferocitas adjuvabat — non Apostolicum, sed praedonis in morem... destinasset etc. Ibid. p. 727. Это письмо важно также, какъ комментарій къ планамъ разныхъ партій въ куріи.

[4]) Fuit seniculus quidam etc. Ibid. p. 730—731.

письма служатъ наилучшимъ къ нимъ дополненіемъ и комментаріемъ[1]). Но при всей важности своего значенія переписка имѣетъ два крупныхъ недостатка: реторичность и неискренность. Петрарка слишкомъ любитъ краснорѣчіе и для достиженія ораторскаго эффекта кладетъ иногда слишкомъ рѣзкія тѣни и на свои чувства и на окружающую его дѣйствительность[2]). На ряду съ этимъ письма Петрарки лишены задушевности и безыскуственности, свойственныхъ частной перепискѣ. Онъ всегда имѣетъ передъ глазами публику, читателя, поэтому старается держаться на подобающей высотѣ и писать только о томъ, что занимательно и поучительно Индивидуализмъ Петрарки и его высокое мнѣніе о своемъ краснорѣчіи оказали въ этомъ случаѣ важную услугу: благодаря имъ онъ сохранилъ для потомства и дѣловыя записки, имѣющія иногда большую біографическую цѣну.

Историческая важность переписки Петрарки уже давно признана новыми изслѣдователями, хотя нельзя сказать, чтобы ея значеніе было вполнѣ выяснено и чтобы происхожденіе и содержаніе писемъ было критически и всесторонне изслѣдовано. До шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія не существовало полнаго изданія писемъ о домашнихъ дѣлахъ; а старческая переписка и письма безъ адреса до сихъ поръ находятся только въ старинныхъ изданіяхъ, такъ какъ Фракассетти далъ только итальянскій переводъ первой и совершенно исключилъ изъ своего собранія вторыя[3]). Поэтому прежніе историки литературы или обходятъ молчаніемъ переписку Петрарки, какъ Женгенэ, или ограничиваются общимъ о ней сужденіемъ, какъ Сисмонди, по словамъ котораго она выше всѣхъ латинскихъ произведеній Петрарки[4]). Изслѣдователи философскихъ воззрѣній перваго гуманиста единодушно признаютъ огромную важность его писемъ. Маджоло ставитъ ихъ выше Canzoniere[5]). Бонифасъ считаетъ первостепеннымъ источникомъ для той эпохи[6]). Общее сознаніе важности писемъ Петрарки уже давно вызвало мысль издать полное ихъ собраніе[7]), и когда эта мысль была только отчасти осуществлена Фракассетти, его

1) Ср. Körting, p. 17 и 18. Voigt. II, p. 424, 25. О значеніи переписки для характеристики среды Петрарки см. ниже.

2) См. Körting (p 17), который въ свою очередь нѣсколько преувеличиваетъ эту черту

3) Фракассетти издалъ Epist. famil. въ томъ видѣ, въ которомъ они были собраны самимъ Петраркой съ весьма незначительными измѣненіями. См. Voigt, Die Briefsammlungen Petrarca's, p. 18. Нѣкоторыя поправки у Voigt'a Die Wiederbelebung I, p. 21 и у Мезьера въ приложеніи къ его книгѣ о Петраркѣ.

4) Sismondi, p. 427.

5) Essai, p. 94—95 и 96—97.

6) De Petrarcha philosopho, p. 36.

7) Исторія этой мысли изложена у Ferrazzi, p. 799—802.

изданіе чрезвычайно оживило біографическія изслѣдованія о первомъ гуманистѣ и вызвало болѣе обстоятельную оцѣнку его переписки. Такъ Гейгеръ, книга котораго, по его собственному признанію, написана на основаніи изданій Фракассетти[1]), даетъ характеристику писемъ Петрарки. Уже Бонифасъ высказалъ мнѣніе, что Петрарка подражалъ въ своихъ письмахъ Цицерону[2]); Гейгеръ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, но ограничиваетъ подражаніе только внѣшней формой. По его словамъ, содержаніе писемъ Петрарки „даетъ ясное представленіе объ объемѣ его ученой работы, о глубинѣ его умственной жизни“ и изображаетъ его „своеобразное самостоятельное духовное развитіе“[3]). Несравненно обстоятельнѣе обсуждаетъ переписку Петрарки Кёртингъ отмѣтившій почти всѣ исторически-важныя стороны писемъ перваго гуманиста[4]). Онъ весьма тонко и мѣтко указалъ проявленіе новаго времени въ самомъ фактѣ существованія столь обширной корреспонденціи: ея потребность обнаруживаетъ въ авторѣ индивидуалистическое сознаніе важности своихъ мыслей, стремленіе сообщить ихъ другому, и это стремленіе всегда съ особенной силой появляется въ такія эпохи, когда пережитое начинаетъ умирать и чувствуется приближеніе чего-то новаго, еще неяснаго и неопредѣленнаго. Тѣмъ же индивидуализмомъ объясняетъ Кёртингъ весьма характерную черту переписки, именно, что она не даетъ почти никакого представленія объ адресатахъ, такъ какъ Петрарка, занятый своими мыслями и чувствами, одинаково излагаетъ ихъ всѣмъ и каждому. „Мы всегда видимъ на сценѣ“, говоритъ онъ, „только героя, а не хоръ, который никогда не выступаетъ изъ тусклаго полумрака на заднемъ планѣ“[5]). Но вслѣдствіе этого переписка не утрачиваетъ исторической важности и интереса, потому что Петрарка, интересуясь всѣмъ окружающимъ, рисуетъ полную культурно-историческую картину своей эпохи. Что касается до вопроса о подражаніи Цицерону, то Кёртингъ отвѣчаетъ на него отрицательно. Если искать образца для писемъ Петрарки, то его можно найти въ перепискѣ не Цицерона, а Сенеки, но и здѣсь подражаніе было чисто внѣшнее и касалось не формы, а содержанія: подобно Сенекѣ Петрарка любилъ разсуждать въ письмахъ на отвлеченные и преимущественно этическія темы. Наоборотъ,

---

1) См. его *Neue Schriften zur Geschichte des Humanismus* (въ 38 томѣ Hist. Zeit. 1875), гдѣ онъ даетъ очень сочувственный отзывъ объ изданіяхъ Фракассетти (p. 50—52).

2) L. c. p. 35.

3) *Geiger, Petrarca. Leipzig, 1874,* p. 96—97.

4) Körting, Petrarca's Leben, p. 11—32.

5) Ibid. p. 16—17.

форма у Петрарки совершенно оригинальна. „Петрарка впервые разорвалъ оковы натянутой условности“, говоритъ Кёртингъ, „и осмѣлился наложить печать своей индивидуальности также и на внѣшнюю (sprachlich) форму. Поэтому онъ, хотя и писалъ только на языкѣ древности, пріобрѣлъ важное значеніе для развитія новой прозы: онъ указалъ путь, посредствомъ котораго прозаическая рѣчь могла освободиться отъ оковъ мертвой формальности, получить жизнь и приспособиться къ индивидуальнымъ формамъ и потребностямъ. Можетъ быть даже вліяніе Петрарки на развитіе прозы было больше или, по крайней мѣрѣ, благотворнѣе, чѣмъ то, которое онъ оказалъ на развитіе поэзіи“[1]). Это замѣчаніе, въ общемъ вѣрное и весьма цѣнное для общей характеристики Ренесанса, подлежитъ однако нѣкоторымъ ограниченіямъ. Индивидуализмъ Петрарки въ языкѣ обнаруживался безсознательно и, можетъ быть, даже противъ его воли. Самъ Кёртингъ отмѣчаетъ, что Петрарка замѣнилъ обычное vos классическимъ tu и Фогтъ показалъ, какъ мы увидимъ ниже, что это и нѣкоторыя другія измѣненія были сдѣланы Петраркою позже и съ несомнѣнною цѣлью болѣе приблизиться къ античнымъ образцамъ. Съ другой стороны вліяніе Петрарки на новую прозу остается простымъ предположеніемъ Кёртинга, которое едва ли можно подтвердить фактами или убѣдительными соображеніями: новую прозу въ этомъ смыслѣ создалъ индивидуализмъ, творцомъ котораго не былъ Петрарка. Наконецъ, Кёртингъ вѣрно подмѣтилъ и фактически доказалъ, что „Петрарка самъ предназначалъ свои письма для публики (für die Oeffentlichkeit) или, чтобы избѣжать этого нѣсколько неопредѣленнаго выраженія, для болѣе обширнаго круга читателей, а не только для одного адресата“[2]). Мы думаемъ, что этому наблюденію, наоборотъ, слѣдуетъ придать болѣе широкое значеніе: значительная часть переписки Петрарки, именно всѣ его письма политическаго и этическаго содержанія, включая сюда и письма безъ адреса, имѣли публицистическій характеръ и понимались въ такомъ смыслѣ современниками. Этотъ выводъ, помимо фактическихъ доказательствъ, приведенныхъ у Кёртинга, подтверждается самымъ несомнѣннымъ образомъ такими письмами, какъ, напр., адресованныя Кола-ди-Ріенцо, или римскому народу. Съ этой точки зрѣнія Петрарку можно назвать родоначальникомъ новой журналистики.

Но если характеристика Кёртинга дружеской переписки Петрарки въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то его отношеніе къ „Пись-

---

1) Ibid. p. 19.
2) Ibid. p. 20—21.

намъ безъ адреса“ отличается противоположнымъ характеромъ. Совершенно голословно отрицая біографическую важность этихъ писемъ, Кёртингъ обрушивается на Петрарку цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ обвиненій. Прежде всего, переписка доказываетъ, по его словамъ, „какой большой недостатокъ былъ у Петрарки въ силѣ убѣжденія и въ истинномъ нравственномъ величіи. Если бы онъ открыто, хотя бы и въ умѣренныхъ выраженіяхъ, высказалъ тѣ тяжелыя и навѣрное хорошо обоснованныя обвиненія, которыя онъ выставилъ противъ куріи и клира въ этихъ письмахъ, то это было бы мужественнымъ дѣломъ и большою заслугой и едва ли навлекло бы на него большую опасность“. „Петрарка“, говоритъ далѣе Кёртингъ, „не имѣлъ мужества поставить свое имя подъ этими боевыми произведеніями, и такой образъ дѣйствія безусловно долженъ быть признанъ трусливымъ и безхарактернымъ“[1]). Можно подумать, что Петрарка тщательно скрывалъ эти письма и что современники не знали ихъ автора. Между тѣмъ изъ предисловія видно, что Петрарка, хотя и принималъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы письма не попали въ руки заинтересованныхъ лицъ при его жизни, но не былъ увѣренъ въ ихъ дѣйствительности и изъявлялъ готовность перенести негодованіе сильныхъ міра сего[2]). Поэтому онъ старался оградить себя только тѣмъ, что опустилъ собственныя имена и бичуемыхъ прелатовъ, и сочувствующихъ этому бичеванію адресатовъ, не скрывая своего авторства[3]). Петрарка предвидѣлъ, что эта переписка не можетъ остаться тайной для современниковъ, и дѣйствительно, о ней упоминаетъ уже Ф. Виллани[4]).

Фогтъ въ новомъ изданіи своей книги примыкаетъ къ характеристикѣ Кёртинга[5]) и дѣлаетъ только нѣсколько весьма важныхъ дополненій. Уже Сисмонди замѣтилъ, „что переписка Петрарки сдѣлалась магическою связью, которая впервые соединила всю европейскую литературную республику“[6]). Фогтъ примыкаетъ къ этому взгляду и видитъ въ гуманистической перепискѣ суррогатъ „позднѣйшихъ газетъ и разнообразныхъ литературныхъ листковъ“[7]). Кромѣ того,

1) Ibid. p. 27.

2) Providebo, si potero, ne vivo me cujusquam talium in manus veniat. Si fefellerit, ego tamen veri studio quaesitum odium non verebor et meritis partam invidiam inter titulos numerabo.

3) Et sicut in pastorio de quo loquebar opusculo, sic in isto: illic obscuritate quadam hic scriptorum latebris ac silentio tutus sum. Nec solus ego, sed hi quoque, quibus haec scripseram, quorum nomina sciens volensque subticui.

4) У Galletti, p. 15.

5) Die Wiederbelebung II, p. 426, пр. 3.

6) L. c. p. 401.

7) Die Wiederbelebung II, p. 423.

Фогтъ рѣшительнѣе отрицаетъ подражательный характеръ писемъ Петрарки: съ письмами Цицерона онъ познакомился позже, и въ его письмахъ несравненно болѣе жизненной конкретности и фактическаго содержанія, чѣмъ у Сенеки. „Какъ ни высоко уважалъ онъ обоихъ древнихъ писателей", говоритъ Фогтъ, „въ дѣйствительности, какъ эпистолографъ, онъ не былъ ученикомъ ни того, ни другаго. И здѣсь онъ слѣдовалъ за звѣздою своего генія"[1]). Исходя изъ этого положенія, Фогтъ намѣчаетъ по перепискѣ внутреннюю исторію Петрарки, указывая отмѣченную выше разницу между его ранними и старческими письмами[2]).

Гаспари въ противоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ относится къ перепискѣ Петрарки чрезвычайно сурово. Признавая ея важность для *фактической* біографіи самого автора и его друзей, Гаспари отрицаетъ ея „эстетическую цѣну". Письма Петрарки лишены „интимности"; по нимъ нельзя „видѣть великаго человѣка въ его частныхъ отношеніяхъ прослѣдить день за день его чувства и дѣйствія, наблюдать, какъ отражаются въ немъ обыкновенныя житейскія событія... Его письма — подражаніе древности, письмамъ Цицерона и еще болѣе Сенеки"[3]). Такой отзывъ могъ бы имѣть цѣну, если бы Гаспари рядомъ выдержекъ изъ переписки опровергъ документальныя характеристики Кёртинга и Фогта; но научная доказательность, въ общемъ составляющая главное достоинство книги Гаспари, измѣнила автору въ этомъ случаѣ.

Въ основѣ изученія писемъ Петрарки, на которомъ держатся всѣ эти характеристики, до послѣдняго времени лежитъ тотъ текстъ переписки, который отчасти издалъ Фракассетти, отчасти находится въ собраніяхъ сочиненій, напечатанныхъ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Между тѣмъ письма Петрарки дошли до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ позднѣйшей редакціи, сдѣланной отчасти самимъ авторомъ, отчасти его учениками и друзьями. Время и способъ этой редакціонной обработки, отношеніе напечатаннаго текста къ тѣмъ первоначальнымъ автографамъ, которые получали адресаты — все это вопросы, существенно важные для историческаго изученія памятника. Поэтому наиболѣе обстоятельные изъ біографовъ Петрарки должны были обратить вниманіе на эту сторону его переписки. Уже Фракассетти, а потомъ

---

1) Ibid. p. 425.

2) Ibid. p. 425—426. *Bartoli, Storia della letteratura italiana. Tomo VII. Firenze 1884,* p. 176—184) отмѣчаетъ въ письмахъ только реторичность и ученую суетность Петрарки, которая сказалась въ массѣ цитатъ, что не мѣшаетъ ему признать историческую важность переписки.

3) Gaspary, Geschichte der italienischen Litteratur I, p. 444.

Кёртингъ опредѣлили время составленія сборниковъ писемъ, показали, что Петрарка желалъ расположить письма въ хронологическомъ порядкѣ, который однако при отсутствіи датъ на письмахъ установить было трудно, и что редакція принадлежала не самому Петраркѣ, а его друзьямъ[1]). Фогтъ въ своемъ общемъ сочиненіи опредѣлилъ имена этихъ послѣднихъ (Gasparo da Verona и Giovanni da Ravenna) и указалъ, что на ряду съ редакціей самого автора существовали частные сборники писемъ Петрарки; такой сборникъ находился между прочимъ у венеціанскаго канцлера Бенинтенди[2]). Годъ спустя послѣ появленія второго изданія своей книги Фогтъ обратился къ болѣе спеціальному изученію этого сборника, результаты котораго онъ изложилъ въ особомъ трудѣ — „*Собраніе писемъ Петрарки и венеціанскій канцлеръ Бенинтенди*“.

Главная задача книги Фогта показать, что Epistolae Variae не редактированы Петраркою, а вошли въ печатныя изданія изъ частнаго сборника. Фракассетти, а за нимъ Кёртингъ относили къ этому сборнику слова Петрарки изъ заключительнаго письма дружеской переписки, что нѣкоторыя письма онъ изъялъ изъ общаго порядка и собралъ въ особый томъ[3]). Фогтъ утверждаетъ, что эти слова относятся къ письмамъ безъ адреса и приводитъ въ доказательство цѣлый рядъ весьма вѣскихъ фактовъ. Прежде всего Фракассетти не нашелъ рукописи, въ которой „Разныя письма“ составляли бы отдѣльную группу, и напечаталъ ихъ по тексту старыхъ изданій съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, оказалось, что подъ этой рубрикой въ старыхъ изданіяхъ помѣщено 23 письма, относящихся или къ дружескимъ, или къ старческимъ. Фракассетти вернулъ ихъ на свое мѣсто и замѣнилъ 35 ненапечатанными. Фогтъ думаетъ, что эти письма вошли въ печатное изданіе изъ сборника Бенинтенди. Его аргументація сводится къ слѣдующему. 1) Впервые Epistolae Variae появились въ *венеціанскомъ* изданіи 1501 года, какъ дополненіе къ перепискѣ безъ особаго заглавія, которое безъ всякаго основанія дано только въ первый разъ въ базельскихъ изданіяхъ 1554 и 1581 годовъ. Венеціанскій текстъ легъ въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ изданій[4]). 2) Между тѣмъ какъ въ Италіи до сихъ поръ не найдено рукописи, положенной въ основаніе венеціанскаго текста, два манускрипта

---

[1]) Körting, p. 22 и слѣд.

[2]) Die Wiederbelebung II, p. 427—429.

[3]) Quae hujus quidem generis scripta jam supererant, his avulsa extra ordinem alio quodam digessi volumine. Epist. famil. XXIV, 13.

[4]) Die Briefsammlungen, p. 21—22.

въ Германіи[1]) представляютъ собою копію съ того кодекса, которымъ пользовался венеціанскій издатель[2]). 3) Фогтъ подробно анализируетъ содержаніе кодекса, въ составъ котораго вошли, кромѣ писемъ Петрарки, нѣкоторыя сочиненія Бенинтенди и другихъ лицъ, и показываетъ, какъ и почему попали къ венеціанскому канцлеру всѣ части его сборника. Для этой цѣли онъ даетъ обстоятельный біографическій очеркъ Бенинтенди[3]). 4. Но въ обѣихъ рукописяхъ есть произведенія Петрарки, написанныя уже послѣ смерти Бенинтенди. Фогтъ такимъ же пріемомъ доказываетъ, что эти дополненія сдѣланы анонимомъ изъ Тревизо[4]).

Несмотря на строгую научность метода и на тонкую и точную аргументацію, книга Фогта въ главной своей части, а также ея весьма цѣнныя приложенія, имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе для изученія среды Петрарки, чѣмъ для самого родоначальника гуманизма. Ея окончательный результатъ сводится только къ хронологической ректификаціи нѣкоторыхъ писемъ Петрарки. Гораздо важнѣе для характеристики его переписки двѣ вводныя главы книги Фогта.

Въ первой изъ нихъ Фогтъ излагаетъ результаты своихъ наблюденій надъ десятью автографами писемъ Петрарки, которые сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ они были получены адресатами[5]). Изъ ихъ сравненія съ печатнымъ текстомъ, въ основѣ котораго лежитъ позднѣйшая редакція переписки, оказывается весьма характерная разница. Заимствованное у Цицерона стереотипное обращеніе къ адресату (напр., Fr. Petrarca Barbato Sulmonensi s. p. d.)[6]) въ оригиналѣ не встрѣчается; вмѣсто него болѣе простой адресъ, составленный въ разныхъ выраженіяхъ: или Modio meo exoptissimo, или Modio meo amantissimo atque optimo или Insigni viro magistro Modio Parmensi amico optimo, при чемъ самое письмо или начинается словами: Amatissime, amice и т. п., или прямо, безъ всякаго обращенія. Точно также измѣнена и подпись. Въ позднѣйшей редакціи она обыкновенно отбрасывается на классическій манеръ; въ оригиналѣ Петрарка подписывался или просто F., или Franscicsus tuus или F. vester. Другая весьма характерная разница заключается

---

1) Мюнхенскій № 5350 и университетской библіотеки въ Лейпцигѣ № 1269.

2) Die Briefsammlungen, p. 21—28.

3) Ibid. p. 28—66.

4) Ibid. p. 66 и слѣд.

5) Въ Laurentiana. Plut. LIII. Cod. XXXV.

6) Фогтъ показалъ, что эти обращенія введены въ печатный текстъ не изъ рукописи Петрарки; первый ихъ ввелъ издатель переписки Sebastianus Manilius. Die Briefsammlungen, p. 14.

въ томъ, что классическое tu въ обращеніи, исключительно господствующее въ редакціи, въ оригиналѣ весьма часто замѣняется vos, противъ котораго позже такъ ратовалъ самъ Петрарка[1]).

Фогтъ еще въ своемъ общемъ сочиненіи предугадалъ главный выводъ изъ этихъ наблюденій, который теперь получилъ окончательное научное доказательство, именно, что переписка Петрарки вытекала не изъ подражанія древнимъ, а изъ его индивидуальныхъ потребностей. Но результаты наблюденій Фогта служатъ хорошей иллюстраціей и другого весьма важнаго явленія въ эпоху Возрожденія. Открытыя позже письма Цицерона оказали несомнѣнное вліяніе на окончательную редакцію переписки: Петрарка постарался придать произведеніямъ новаго времени античную форму, освятить примѣромъ древнихъ потребность, возникшую при современныхъ условіяхъ. Классическая литература является здѣсь не причиною новой литературной формы, а ея опорой и санкціей. Будущему изслѣдователю не трудно будетъ показать изъ сравненія сочиненій Петрарки съ соотвѣтствующими произведеніями античной литературы, что такую же роль играло и содержаніе древнихъ авторовъ.

Вторая глава книги Фогта, гдѣ идетъ рѣчь о редакціи переписки, имѣетъ болѣе техническій интересъ. Время составленія сборниковъ и лица, которымъ было поручено это дѣло, извѣстны были и раньше отчасти изъ общаго сочиненія самого Фогта. Здѣсь онъ весьма остроумно и убѣдительно доказываетъ, что Петрарка самъ писалъ свои письма и поручалъ переписчикамъ только дѣлать съ нихъ копіи, что сожженіе многочисленныхъ писемъ и другихъ произведеній, о которомъ онъ говоритъ въ предисловіи къ дружеской перепискѣ, надобно понимать въ смыслѣ уничтоженія разной макулатуры[2]). Но эти вопросы не имѣютъ существеннаго значенія для біографіи перваго гуманиста.

Что касается до итальянской переписки Петрарки, то она исчезла почти безъ слѣда. Тѣ немногія письма, которыя теперь извѣстны, весьма основательно считаются подложными[3]) и по своему содержанію не представляютъ значительнаго интереса. Гораздо важнѣе для біографіи Петрарки его рѣчи. Изъ пяти, извѣстныхъ до сихъ поръ его рѣчей, наибольшій интересъ представляетъ первая, которую онъ

---

[1]) Ibid. p. 4—6.

[2]) Ibid. p. 8—13.

[3]) Они напечатаны у Fracassetti. Lett. fam. I, p. 7—13. Voigt доказываетъ, что одно изъ нихъ, адрессованное Becchamugi, подлинно. Die Briefsammlungen, p. 6—7. См. также *Prost, Observations sur trois lettres attribuées à Pétrarque. Nogent. 1876.*

произнесъ въ 1341 году во время своего вѣнчанія въ поэты[1]). Она построена весьма систематично. Петрарка выбралъ мотто слѣдующій стихъ изъ третьей книги Георгикъ:

Sed me Parnasi deserta per ardua dulcis
Raptat amor...

Но, произнеся въ началѣ рѣчи стихъ изъ языческаго поэта, Петрарка считаетъ нужнымъ оговориться: на поэтическомъ торжествѣ не должно быть мѣста обычнымъ богословскимъ разсужденіямъ. Тѣмъ не менѣе послѣ стиха Виргилія онъ прочиталъ Ave, Maria. Содержаніе рѣчи заключается въ томъ, что Петрарка примѣняетъ къ себѣ процитированный стихъ: его первая часть (deserta per ardua) указываетъ на трудности въ поэтической дѣятельности оратора, вторая (dulcis raptat amor) — его любовь къ своему дѣлу. Эти трудности трояваго рода: онѣ заключаются въ природѣ дѣла, для котораго мало одного труда[2]), въ тяжелой личной судьбѣ оратора, о которой онъ однако не желаетъ распространяться[3]), и въ неблагопріятныхъ временахъ для поэзіи, которыя рѣзко измѣнились послѣ Августа. Эти трудности побѣдила любовь къ поэзіи; „она же заставила его стремиться къ почетному коронованію, при чемъ онъ руководствовался трояками мотивами: желаніемъ почести отъ государства, жаждою славы и стремленіемъ возбудить другихъ къ подражанію“[4]). Петрарка объясняетъ далѣе, почему предпочелъ онъ получить эту почесть въ Римѣ, а не въ Парижѣ: кромѣ значенія города, его побуждало желаніе возстановить

---

[1]) *Collatio edita per clarissimum poëtam franciscum petrarcam florentinum rome in capitolio tempore laureationis sue.* По кодексу флорентійской Magliabechiana Classe IX. № 183) издана Гортисомъ. (*Attilio Hortis, Scritti inediti di Francesco Petrarca. Trieste 1874,* p. 311 и слѣд.

[2]) Quanta inquam sit naturaliter difficultas propositi mei ex hoc apparet quod cum in ceteris artibus studiis et labore possit ad terminum perveniri in arte poëtica secus est, in qua nil agitur sine interna quadam et divinitus in animum vatis infusa vi. Ibid. p. 312.

[3]) Secundum videlicet quam mihi fortuna fuerit semper inexorabilis et dura quantis me laboribus exercuerit ab adolescentia mea quot ejus pertulerim insultus novit altissimus noverunt hii qui me cum familiater versati sunt. Ego autem eloqui supersedeo ne diem festum lugubri sermone detineam. Ibid. p. 313. Далѣе онъ съ нѣкоторой таинственностью входитъ въ подробности о своихъ невзгодахъ. Sentio tamen anxietate carens animus facit omnis acerbi impatiens cupidus silvarum aptusque bibendis fontibus aonidum nec enim cantare sub antro pyeridum tirsumve potest contingere seva paupertas atque eris inops quo nocte dieque corpus eget. Ibid. p. 314.

[4]) Affectus iste animi victor difficultatis illius ex tribus quoque radicibus exoritur, quarum prima est honor reipublice secunda decor proprie glorie tertia calcar aliene industrie. Ibid. p. 316.

старинный вышедшій изъ употребленія обычай. Что касается до второго стимула, то Петрарка открыто заявляетъ, что стремленіе къ славѣ свойство всѣхъ людей и въ особенности выдающихся[1]). Далѣе Петрарка считаетъ необходимымъ ближе опредѣлить сущность поэзіи и сказать нѣсколько словъ о безсмертіи имени, которое составляетъ главную награду поэта. По отношенію къ поэзіи Петрарка стоитъ на средневѣковой точкѣ зрѣнія и считаетъ ея сущностью аллегорію[2]). Зато въ другомъ пунктѣ онъ является настоящимъ родоначальникомъ гуманистовъ. Опираясь на многочисленныя цитаты изъ классическихъ авторовъ, Петрарка настаиваетъ на той мысли, что писатели создаютъ безсмертіе не только для себя самихъ, но и для героевъ въ другихъ сферахъ общественной жизни. Рѣчь заканчивается длиннымъ изъясненіемъ аллегорическаго значенія лавра при коронованіи поэтовъ и полководцевъ.

Изъ новыхъ изслѣдователей только Кёртингъ обстоятельно говоритъ объ этой рѣчи и излагаетъ ея содержаніе[3]). По его мнѣнію, она представляетъ собою „замѣчательный литературный памятникъ, который, нося на себѣ печать наполовину среднихъ вѣковъ, наполовину Ренесанса, стоитъ, какъ пограничный столбъ, на рубежѣ двухъ культурныхъ эпохъ“. Съ этой оцѣнкой нельзя не согласиться, но Кёртингъ слишкомъ низко цѣнитъ внѣшнюю сторону рѣчи. „Въ формальномъ отношеніи“, говоритъ онъ, „рѣчь доставляетъ мало удовольствія (wenig erquicklich), вслѣдствіе средневѣкового педантичнаго схематизма искусственныхъ и утонченныхъ дѣленій и подраздѣленій“. Дѣйствительно, въ построеніи этой рѣчи чувствуется вліяніе схоластическихъ пріемовъ; но это относится, во-первыхъ, только къ первой ея части и, во-вторыхъ, Петрарка и здѣсь не злоупотребляетъ традиціонными пріемами, вслѣдствіе чего и внѣшняя сторона его рѣчи представляетъ собою переходъ отъ средневѣкового переутонченнаго схематизма къ новой систематичности.

Остальныя рѣчи произнесены Петраркой во время службы у Висконти и представляютъ интересъ не только для выясненія его отношенія къ миланскимъ тираннамъ, но и вообще для характеристики

---

1) Glorie appetitum non solum communibus hominibus sed maxime sapientibus et excellentibus viris insitum. Ibid. p. 318.

2) Poëtas sub velamine figmentorum nunc fisica nunc moralia nunc hystorias comprehendisse ut verum fiat quod saepe dicere soleo. Inter poëtae et ystorici et philosophi seu moralis seu naturalis officium hoc interesse quod inter nubilosum et serenum coelum interest cum utrobique eadem sit claritas in subjecto sed pro captu spectantium diversa. Ibid. p. 320—321.

3) L. c. p. 178—183.

его политическихъ воззрѣній. Первая изъ нихъ, произненная имъ въ качествѣ миланскаго посла въ венеціанскомъ сенатѣ[1]), не имѣетъ важнаго значенія. Съ помощію многочисленныхъ цитатъ изъ свящ. Писанія и изъ древнихъ авторовъ Петрарка убѣждаетъ сенатъ заключить миръ съ Генуей, которая подчинилась Милану. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Петрарка, обращаясь къ дожу, напоминаетъ ему свое прежнее письмо на ту же тему, а также безцеремонное восхваленіе добродѣтелей и миролюбія Дж. Висконти[2]), которое показываетъ, что ораторъ и въ качествѣ придворнаго ученаго и поэта былъ родоначальникомъ позднѣйшихъ гуманистовъ.

Вторая рѣчь произнесена Петраркой при погребеніи Дж. Висконти[3]). Ораторъ говорилъ на этотъ разъ на текстъ изъ псалма; но коротенькая рѣчь пересыпана многочисленными цитатами изъ древнихъ авторовъ. Панегирическій характеръ рѣчи обусловливался самымъ ея поводомъ; тѣмъ не менѣе тонъ ея чрезвычайно характеренъ. Петрарка не только надѣляетъ покойника всевозможными христіанскими добродѣтелями[4]). но и считаетъ его кончину большей потерей, чѣмъ смерть Платона[5]). Такія гиперболы не часто встрѣчаются и у позднѣйшихъ гуманистовъ.

---

1) *Arengna facta venecijs 1353, octavo die Novembris super pace tractanda Inter commune Ianue et dominum Archiepiscopum Mediolanensem ex una parte, et commune veneciarum ex altera per dominum franciscum petrarcam poetam et ambasiatorem supradictum*. Издана по кодексу. № 4498 вѣнской придворной библіотеки Гортисомъ (l. c. p. 329 и слѣд.). Изложеніе ея содержанія у Körting'a (p. 303—305).

2) Hortis, p. 330 и 331.

3) *Arrigna facta Mediolani in Millesimo 1354 Die VII octobris de morte Domini Archiepiscopi Mediolanensis: qui fuit Dominus quasi totius Lombardiae, qui obijt die quinta dicti mensis. Per Dominum Franciscum Petrarcam Poetam Laureatum.* Hortis издалъ по кодексу Magliabech. № 123 clas. XXIV итальянскій текстъ рѣчи (l. c. p. 335 и слѣд.). Рукопись относится къ XVI вѣку, и Гортисъ думаетъ, что это переводъ съ латинскаго оригинала. (Ibid. p. 138—139). Сомнѣнія, возбужденныя противъ подлинности этой рѣчи, не имѣютъ никакихъ фактическихъ основаній (См. Körting, p. 311—313).

4) Для тона рѣчи характерно слѣдующее мѣсто: Se si quarda il cammino di Dio, chi vide mai tanta divozione! chi vide mai tanto fervor d'animo! chi vide mai ne Signore, ne altri stare a Messa, et à gli uffizij divini con tanta riverenza, con tanta suggezzione? Se si quarda il Cammino del Mondo, chi vide mai tanta pietà verso i poveri! tanta lealtà verso ogni maniera di gente. Ibid. p. 336.

5) Non nego che Plato fu sommo, et nobilissimo Filosofo, et resse la scuola sua con fama grandissima, et con gloria, et credo bene che à gli suoi scolari, et alla sua setta paresse che morendo lui il Sol cadesse del Cielo. Ma che non sia com-, parazione da cento, ò dugento scolari, à tanti potentissimi Cittadini, tante Terre, Tanti Popoli, e tutti viveano in pace e giustizia sotto il nostro Signore, ai quali tutti non dubito, pare, che il sol sia caduto dal Cielo per la morte sua. Ibid. p. 337.

Третья политическая рѣчь Петрарки была произнесена имъ по порученію Галеаццо Висконти къ жителямъ Новары, въ 1358 году, послѣ того, какъ они вновь были подчинены Милану[1]). Петрарка и здѣсь говорилъ на текстъ псалма Convertetur populus meus hic. Послѣ благочестиваго вступленія[2]) ораторъ дѣлитъ текстъ на двѣ части convertetur и populus meus hic и истолковываетъ каждое слово примѣнительно къ обстоятельствамъ, влагая весь текстъ въ уста побѣдителя. Первое требуетъ покаянія, три послѣднихъ свидѣтельствуютъ о любви и уваженіи Висконти къ новарцамъ: слово „народъ" — почетное названіе, потому что оно не обозначаетъ всякаго сброда людей: пираты, напр., или современныя наемныя шайки не народъ[3]). Слово „мой" Галеаццо въ правѣ употребить, такъ какъ Новара давно принадлежала Висконти, а въ то же время оно обозначаетъ и любовь къ народу[4]). То же самое значеніе имѣетъ слово „этотъ", такъ какъ оно указываетъ на преимущество передъ другими. Эти положенія, какъ и все дальнѣйшее изложеніе, подкрѣплено массой цитатъ, какъ изъ Библіи, такъ и изъ классическихъ авторовъ. Вторая часть рѣчи истолковываетъ общій смыслъ текста. Она начинается длиннымъ разсужденіемъ о грѣховности человѣка, изъ которой выводится необходимость снисходительнаго отношенія къ чужой слабости[5]). Такъ относится къ гражданамъ и Галеаццо, и это болѣе, чѣмъ прощеніе, потому что новарцы не только провинились, но и нанесли ему глубокое оскорбленіе. (По этому поводу Петрарка приводитъ различные взгляды древнихъ на состраданіе). Галеаццо еще великодушнѣе: онъ не только прощаетъ гражданъ, но даже оправдываетъ и защищаетъ ихъ. Сначала[6]) они возстали, какъ онъ говоритъ, по винѣ

---

1) *Arengna facta per dominum franciscum petrarcham poëtam laureatum in Ciuitate Nouarie coram populo ejusdem ciuitatis et presente Magnifico domino galeaz de vicecomitibus de mediolano dum dicta civitas fuisset rebellis ipse domino reducta ad obedienciam dicti domini Galeaz MCCCLVI⁰ XVIIII Junii.* Напечатана по кодексу вѣнской придворной библіотеки № 4498 Гортисомъ (l. c. p. 341 и слѣд.). О хронологической ошибкѣ въ заглавіи ibid. p. 166. Изложеніе содержанія у Körting'a p. 339—345.

2) Invocato Spiritu sancto... dicam pauca brevissime ad gloriam et laudem eterni domini nostri ihesu christi. Hortis, p. 341.

3) Populus non est nisi quem juris et justicie nodus tenet. Ibid. p. 343.

4) Est autem amicabilis approrpriacio quia ait *meus*. Ibid. p. 345.

5) Характерно, что для доказательства мысли, quod cum hominum de hominibus sermo sit nec extra humanam naturam querenda sit bonitas (ibid. p. 348), Петрарка ссылается на Цицерона.

6) Ораторъ заставляетъ и Висконти разсуждать по средневѣковымъ пріемамъ. Онъ totum hoc tempus quo hec civitas novarum rerum fluctibus agitata est in tres

начальниковъ, обольщенные обманщиками; затѣмъ ихъ удерживалъ страхъ передъ новымъ господиномъ и боязнь наказанія отъ стараго; наконецъ, теперь изъ ихъ настроенія видно, что они никогда ничего не замышляли противъ него и что все случившееся произошло благодаря насилію враговъ. Поэтому новарцы должны быть спокойны[1]), потому что Галеаццо любитъ ихъ попрежнему.

Кёртингъ отмѣтилъ „высокій интересъ" этой рѣчи съ ея „страннымъ смѣшеніемъ средневѣковыхъ и гуманистическихъ элементовъ", потому что она показываетъ, „какъ трудно и даже невозможно было для Петрарки освободиться отъ оковъ схоластически-теологическихъ воззрѣній среднихъ вѣковъ", и потому еще, что она обнаруживаетъ необыкновенную начитанность оратора не только въ классической, но и въ церковной литературѣ[2]), Еще бо́льшій интересъ представляетъ эта рѣчь по замыслу. Гортисъ называетъ ее „политическимъ шедёвромъ"[3]), и дѣйствительно она построена съ большимъ искусствомъ. Основная мысль Петрарки — показать виновность народа и великодушіе побѣдителя — сразу достигала двухъ цѣлей: оправдывала поведеніе Висконти и успокоивала новарцевъ.

Послѣдняя изъ извѣстныхъ рѣчей Петрарки произнесена была имъ въ Парижѣ въ 1361 году передъ французскимъ королемъ Іоанномъ Добрымъ. Галеаццо Висконти, сынъ котораго былъ женатъ на дочери Іоанна, отправилъ Петрарку поздравить своего родственника съ возвращеніемъ свободы. Произнесенная по этому случаю рѣчь не представляетъ интереса[4]). Петрарка и здѣсь говорилъ на библейскій текстъ, уснащая рѣчь цитатами изъ классическихъ авторовъ. Извинившись за незнаніе французскаго языка, ораторъ долго говорилъ объ измѣнчивости счастья и закончилъ рѣчь исполненіемъ

---

partes dividit que tripartita divisio omnium temporum ac rerum prope communis est, partes autem sunt principium medium et finis. Ibid. p. 353.

1) Окончательный выводъ изъ рѣчи формулированъ слѣдующимъ образомъ: Et vos ergo ciues nouarienses si ex rebellione non uoluntaria sed coacta metus aliquis domini cordibus uestris annexus erat, si que cure in animos adiuissent soluite metum secludite curas et securitatem pristinam fiduciamque recipite. Ibid. p. 357.

2) L. c. p. 344—345.

3) L. c. p. 166.

4) Рѣчь напечатана *Barbeu du Rocher* въ третьемъ томѣ *Mémoires presentés par divers savants à l'academie des Incriptions et belles lettres de l'Institut de France 1854*, p. 214—225. Рукописи у Hortis'а p. 208. Гортисъ подробно изложилъ ея содержаніе съ многочисленными цитатами изъ рукописей (l. c. p. 208 и слѣд.). Кёртингъ (p. 351—352) излагаетъ ее по Гортису. О рѣчи Петрарки передъ венеціанскимъ сенатомъ въ интересахъ Франческо-да-Каррара, которая считается утраченною, см. *Zardo*, p. 166—170.

двухъ спеціальныхъ порученій своего господина: отъ его имени передалъ королю, что его дочь пользуется необычайнымъ почетомъ въ Миланѣ, и вручилъ ему перстень, который Іоаннъ утратилъ въ битвѣ при Мопертюи и который удалось пріобрѣсти Галеаццо.

Историческое значеніе рѣчей Петрарки обусловливается какъ ихъ формою, такъ и содержаніемъ. Тѣсная связь перваго гуманиста съ средневѣковыми культурными формами обнаруживается здѣсь съ полной наглядностью. Рѣчь Петрарки нѣчто среднее между церковною проповѣдью и ораторскимъ произведеніемъ классической древности и ближе стоитъ къ первой, чѣмъ ко второму. Петрарка начинаетъ съ библейскаго текста, толкуетъ его по старымъ пріемамъ и снабжаетъ комментарій массой библейскихъ цитатъ. Только въ рѣчи на Капитоліи текстъ изъ Библіи замѣненъ выдержкой изъ Виргилія, но и классическій стихъ толкуется на схоластическій манеръ. Въ самомъ содержаніи замѣтны иногда средневѣковыя вліянія. Такъ, въ рѣчи по поводу коронованія въ поэты, поэзія толкуется на средневѣковой ладъ. Но на ряду съ этими отживающими формами въ рѣчахъ обнаруживается духъ новаго времени. Самый фактъ ихъ существованія нѣчто новое, необычное, и ихъ содержаніе проникнуто небывалыми прежде вѣяніями. Особенный интересъ съ этой точки зрѣнія имѣютъ двѣ рѣчи: на Капитоліи и къ новарцамъ. Въ первой значеніе поэзіи опредѣляется въ духѣ новаго времени, во второй обнаруживаются слѣды политическаго раціонализма и притомъ съ задатками той специфической окраски, которую пріобрѣтаетъ это направленіе позже и которая достигаетъ наибольшей напряженности въ произведеніяхъ Макіавелли. Остальныя рѣчи представляютъ интересъ, какъ первое проявленіе того обычая, который вскорѣ сдѣлался господствующимъ.

Для характеристики Петрарки наибольшій интересъ имѣютъ его политическія рѣчи. Онѣ характеризуютъ его отношенія къ Висконти и представляютъ неопровержимое возраженіе тѣмъ біографамъ, которые объясняютъ отношенія Петрарки къ князьямъ увлеченіемъ и непониманіемъ дѣйствительности, свойственными поэтамъ. Кромѣ того, рѣчь къ новарцамъ показываетъ, что вообще въ политикѣ Петрарка не былъ далекимъ отъ всякихъ разсчетовъ поэтомъ, какъ думаютъ нѣкоторые біографы.

IV.

Произведенія Петрарки научнаго содержанія. Историческая критика въ его письмахъ. Книга „О знаменитыхъ людяхъ". Ея литературная исторія и отношеніе къ ней новыхъ изслѣдователей. „Res memorandae". Цѣль и значеніе этого произведенія. „Сирійскій путеводитель". Значеніе Петрарки, какъ историка по воззрѣніямъ новыхъ изслѣдователей.

Разсмотрѣнныя нами категоріи произведеній Петрарки представляютъ достаточно матеріала для выясненія его отношенія къ знанію вообще и ко всей совокупности наукъ, унаслѣдованныхъ его временемъ отъ предшествующихъ эпохъ. Но и въ этой сферѣ онъ является не только критикомъ и истолкователемъ современнаго настроенія, но и творцомъ. Главнымъ объектомъ его изученія является, конечно, древность и главное слѣдствіе знакомства съ нею лучшее пониманіе античнаго міра и совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ завѣщанной имъ цивилизаціи. Результаты изученія римской литературы отразились однако не только на общемъ міросозерцаніи и настроеніи Петрарки, но также послужили для него стимуломъ къ самостоятельной научной работѣ прежде всего въ области истолкованія и критики древнихъ писателей, а потомъ и въ сферѣ исторіографіи. Одно изъ старческихъ писемъ представляетъ обширный комментарій на Виргиліеву Энеиду[1]). Въ этомъ толкованіи Петрарка стоитъ на чисто-средневѣковой точкѣ зрѣнія: вся поэма кажется ему сплошной аллегоріей[2]), и онъ старается истолковать ея содержаніе въ троякомъ смыслѣ: физическомъ, историческомъ и моральномъ. Такъ, вѣтры

---

[1]) По Фракассетти IV, 5; по базельскому изданію 1581.—IV, 4, p. 785 и слѣд. Voigt, опираясь на базельскую рукопись, упоминаемую W. Vischer'омъ въ Исторіи Базельск. университ., приписываетъ Петраркѣ *Ars punctuandi ad Salutatum oratorem insignem* (II, 378). Въ мюнхенской библіотекѣ сочиненіе Петрарки *De arte punctandi* занимаетъ два листа въ кодексѣ № 663 (см. *Halm et Laubmann, Catalogus codicum latinorum bibliothecae Regiae Monacensis. Monachii MDCCCLXVIII;* p. 130). Кромѣ толкованія на Виргилія, Петрарка написалъ схоліи къ Гомеру. (*Pierre de Nolhac, Les scholies inédites de Pétrarque sur Homère.* По кодексу Парижской Національной Библіотеки № 7880 напечатаны въ Revue de philologie 1887: мнѣ извѣстна эта статья только по рецензіи Гейгера (*Neue Schriften zur Litteratur der italienischen Renaissance.* Въ Zeitschrift für vergl. Literaturgesch. und Renaissance — Litter. I, B. 1887—88, p. 482). Въ библіотекѣ Краковскаго университета въ кодексѣ № 416 (XV вѣка) fol. 171 читается Incipit *Abbreviatio quaedam de Tito Livio,* quam inveni in codice vetustissime litere, manibus olim Petrarce lectam et postillatam. (См. *Wislocki, Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae universitatis Jagellonicae Cracovensis. Fasciculus II. Cracoviae 1878,* p. 137).

[2]) Fere nullus apud hunc poëtam versus sine tegmine est. Opera, p. 785.

братья, потому что они происходятъ отъ одного воздуха — это значеніе физическое; Эолъ былъ нѣкогда царемъ сосѣднихъ съ Сициліей островоеъ, гдѣ господствуютъ бури[1]) — объясненіе историческое; что вѣтры буйны и дуютъ въ разныя стороны—это имѣетъ смыслъ философскій: „всякій стремится къ своей цѣли и на нее преимущественно направляетъ свой разумъ". Кромѣ того, весь этотъ эпизодъ въ цѣломъ имѣетъ моральное значеніе: вѣтры — „не иное что, какъ порывы гнѣва, страсти и душевныхъ движеній, которые, обитая, въ душѣ человѣка (in pectore subterque praecordia habitantes), смущаютъ покой человѣческой жизни, какъ бури спокойное море; а Эолъ — это самъ правящій разумъ" и т. д. въ томъ же родѣ[2]).

Гораздо характернѣе критическія экскурсіи Петрарки. При своихъ работахъ онъ чувствуетъ потребность критически провѣрить свои источники. Такъ, чтобы разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ о Петрѣ Даміани онъ отправляетъ пословъ въ монастырь, гдѣ тотъ одно время жилъ, съ порученіемъ собрать на мѣстѣ нужныя свѣдѣнія[3]). Въ трактатахъ и письмахъ критическія замѣчанія встрѣчаются довольно часто[4]), а одно изъ старческихъ писемъ представляетъ настоящій критическій этюдъ о подложномъ документѣ. Императоръ Карлъ IV обратился къ Петраркѣ съ вопросомъ относительно двухъ писемъ Ю. Цезаря и Нерона, которыми Австрія освобождалась отъ подчиненія Римской имперіи, и Петрарка доказываетъ въ отвѣтѣ ихъ подложность. Письма имѣли цѣлью создать прочную юридическую привилегію для Австріи; поэтому ихъ авторъ нарочно заставилъ дать ее лучшаго изъ Цезарей и подтвердить худшаго, чтобы никто ее не отмѣнилъ[5]). Хитрость не подлежитъ сомнѣнію, а кромѣ того, если бы привилегія и существовала въ дѣйствительности, то ничто по мнѣнію Петрарки, не можетъ помѣшать

---

1) Aeolus vero ventosissimarum novem circa Siciliam insularum rex, quae de nomine ejus Aeoliae dictae sunt, tantum sive usu, sive arte aliqua ventorum notitiam habuisse fertur, ut ex colore motuque aëris montiumque verticibus erupturos aut desituros ventos certa fide praediceret. Ibid.

2) Ibid. p. 786. Далѣе — silva — жизнь; ferae — ея опасности; лѣтняя прелесть лѣса — житейскіе соблазны. Интересно объясненіе троянской войны. Cum sint tres vitae a poëtis ac philosophis intellectae ac descriptae et sit prima sapientiae et studiorum, quae Palladi tribuitur, secunda potentiae atque opum, quae Junoni datur, tertia voluptatis et libidinum, quae Veneri assignatur, Trojani ultimam praetulerunt. Ibid.

3) De vita Solitaria lib. I, tract. 3, cap. 17.

4) Большинство такихъ мѣстъ отмѣчено у Körting'a, p. 504—6.

5) Duos illos finxit auctores calliditate ridicula, quasi quod optimus fecisset et pessimus confirmasset, rescindi possit a nemini. Epist. Senil. XV, 5 Opera, p. 955

Карлу отмѣнить ее, потому что его власть равносильна власти его предшественниковъ[1]). Но вопросъ о правѣ Петрарка предоставляетъ самому императору и его юристамъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на текстѣ документовъ и прежде всего разбираетъ письмо Ю. Цезаря. Въ письмѣ Цезарь говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ, и Петрарка цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ его подлинныхъ писемъ и другихъ авторовъ доказываетъ, что такое словоупотребленіе ему несвойственно[2]). Далѣе, Цезарь называетъ себя Augustus, тогда какъ по словамъ Люція Флора, Светонія, Орозія и Эвтропія, это имя впервые употреблено Октавіаномъ, что извѣстно всякому мальчику, если онъ коснулся школьнаго порога. Затѣмъ письмо упоминаетъ о какомъ-то дядѣ Цезаря, тогда какъ источники не только не знаютъ его дяди, но ни чего не говорятъ и о его отцѣ. Кромѣ того, самое имя Австрія невозможно въ письмѣ, датированномъ изъ Рима: такъ называли ее народы, жившіе на западѣ отъ нея; а отъ Рима она лежала къ сѣверу. Наконецъ, хронологическая дата письма (datum Romae die Veneris regni nostri anno primo) обнаруживаетъ полное невѣжество его автора[3]). Вопреки обычаю не названы консулы, и что особенно нелѣпо, указанъ годъ и день письма и пропущенъ мѣсяцъ. Наконецъ, Цезарь не могъ упоминать о своемъ царствованіи, потому что онъ хотѣлъ называться императоромъ, понтифексомъ и диктаторомъ, но никогда царемъ; онъ не могъ даже принять царскаго титула, не подвергаясь большой опасности, потому что въ республиканскій періодъ это имя было ненавистно.

Гораздо короче и слабѣе разборъ письма Нерона. Петрарка объявляетъ, что и къ этому дакументу относится бо́льшая часть сказаннаго имъ по поводу „басни“ о Цезарѣ и дѣлаетъ только одно новое критическое замѣчаніе, не имѣющее особенно важнаго значенія. Именно Неронъ называетъ себя въ началѣ письма „другомъ боговъ“, что, по мнѣнію Петрарки, несомнѣнный подлогъ, потому что Светоній говоритъ, что онъ презиралъ ихъ. Характерно заключеніе критическаго разбора. Петрарка отмѣчаетъ еще одно средство доказать подложность писемъ — ихъ языкъ; но онъ не желаетъ еще пользоваться этимъ могущественнымъ орудіемъ критики, къ которому по-

---

1) Par in parem non habet imperium neque aliud Julius Caesar statuit aut Nero, cujus tu contrarium statuere tuo jure non valeas. Ibid.

2) Петрарка заключаетъ цитаты выдержкой изъ грамоты Цезаря, которою онъ даетъ привилегіи жителямъ Сидона. Для тона критики характерно заключеніе: hoc ille bos ignorabat, quod si scisset, cautius mugisset. Ibid. Въ другихъ мѣстахъ Петрарка называетъ его trifurcifer, asellus и т. п.

3) Quis pastor, quis arator ita scriberet? восклицаетъ Петрарка. Ibid. p. 956.

степенно пришли его послѣдователи. „Я умалчиваю о стилѣ говорить Петрарка, который съ начала до конца въ обоихъ письмахъ такъ грубъ и такъ непохожъ на стиль древнихъ, что эти письма съ несомнѣнностью кажутся продиктованными какимъ-нибудь невѣжественнымъ писателемъ, который, дѣтски желая подражать каждому слову языка древнихъ, впадаетъ въ постоянные промахи и ошибки, что даже слѣпому дѣлаетъ ясной абсолютную подложность этихъ чудовищныхъ писаній“ [1]). Какъ ни грубъ и не наивенъ подлогъ, какъ ни элементарны критическія пріемы Петрарки, тѣмъ не менѣе это письмо оправдываетъ гордое заявленіе современнаго итальянскаго историка, что новая историческая критика зародилась на его родинѣ [2]). Кромѣ того, оно служитъ доказательствомъ критическаго *настроенія* Петрарки не только по отношенію къ настоящему. „Я наслаждался историками“, говоритъ онъ о древнихъ въ письмѣ къ потомству, „тѣмъ не менѣе натолкнувшись на ихъ разногласія, я руководствовался въ сомнительныхъ случаяхъ или вѣроятностью фактовъ, или авторитетомъ писателей“ [3]). Такимъ образомъ въ историческихъ работахъ онъ, по крайней мѣрѣ, *желалъ* критически относиться къ своимъ источникамъ и вмѣнялъ себѣ это тѣмъ въ большую заслугу передъ потомствомъ, что въ значительной степени на нихъ онъ основывалъ свое ученое безсмертіе [4]).

Петрарка написалъ два сочиненія историческаго содержанія: *Vitae virorum illustrium* или *De viris illustribus* и *De rebus memorandis libri IV*. На первое изъ этихъ произведеній авторъ возлагалъ особенно большія надежды: Африка должна была обезсмертить его, какъ поэта, Vitae — какъ историка. Въ своей поэмѣ онъ торжественно го-

---

1) Ibid.

2) Cesare Cantù въ статьѣ Di alcune falsificazione storiche (Archivio storico di Firenze T. XII. P. I, 1860) говоритъ L'arte de verificare i documenti nacque in Italia fin da quel primo tentativo che ne fece il Petrarca nel 1355, allorchè repudiava quello con cui casa d'Austria faceva rimontare i suoi titoli fino a Cesare e a Nerone, poi francamente applicossi a discutere la donazione di Constantino e le decretali. Фракассетти, приведя эту цитату, замѣчаетъ (Lettere-senili II, p. 497) lo non so d'onde il Cantù abbia tratto la strana notizia che il Petrarca applicossi a discutere la donazione di Constantino e le decretali. О декреталіяхъ дѣйствительно не упоминается въ сочиненіяхъ Петрарки; но выходки противъ дара Константина встрѣчаются не разъ. См. Epistolae senil. Opera, p. 751. De remediis ibid. p. 216 и въ *Rime sopra argomenti storici, morali e diversi Sonet. XXIV* по изданію Carducci (p. 143). Для хронологическихъ понятій Петрарки см. Epist. famil. VII, 2.

3) Epist. ad poster. Opera in initio.

4) Критицизмъ Петрарки заставилъ Вегеле съ почетомъ упомянуть о немъ въ „Исторіи нѣмецкой историографіи“ (p. 31—32).

ворить объ этомъ историческомъ сочиненіи[1]), въ письмахъ называетъ его „произведеніемъ великимъ и достопамятнымъ“ (opus magnum et memorandum)[2]) и въ исповѣди выставляетъ его, какъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ своей жизни[3]). Отношеніе современниковъ оправдывало до извѣстной степени эту надежду[4]); но дальнѣйшая судьба книги даетъ одну изъ интереснѣйшихъ иллюстрацій къ извѣстному изреченію habent sua fata libelli. Петрарка сначала задумалъ написать біографіи знаменитыхъ римлянъ отъ Ромула до Тита, затѣмъ расширилъ свою задачу и хотѣлъ составить жизнеописанія великихъ людей всѣхъ временъ и народовъ[5]); но сочиненіе осталось неоконченнымъ и въ ранѣе задуманныхъ предѣлахъ. По другимъ его произведеніямъ можно прослѣдить, что Vitae не были окончены еще въ 1355 году[6]); позже Петрарка о нихъ не гово-

---

1) Africa lib. IX, vers. 222 и слѣд.

Agnosco juvenem sera de gente nepotum
Quem regio Italiae quemve ultima proferet aetas...
Ille diu profugas revocabit carmine Musas
Tempus in extremum veteresque Helicone sorores
Restituet, vario quamvis agitanti tumultu
Francisco cui nomen erit...
Hic quoque magnorum laudes studiosus avorum
Degeret extrema relegens ab origine fortes
Romulidas vestrumque genus, sermone soluto,
Historicus titulosque viris·et nomina reddet. etc.

2) См. также Invenctiva in medicum. Opera, p. 1095.

3) De contemptu mundi. Dialog. III, in fine бл. Августинъ, упрекая Петрарку за славолюбіе, говоритъ: cogitationes tuas in longinqua transmittens, famam inter posteros concepisti ideoque manum ad majora jam porrigens, *librum Historiarum a rege Romulo in Titum Caesarem, opus immensum, temporisque et laboris capacissimum aggressus es* eoque nondum ad exitum producto, tantis gloriae stimulis urgebaris, ad Africam poëtico quidam navigio transmisisti et nunc in praefatae Africae libros sic diligenter incumbis, ut alios non relinquens, *ita totam vitam his duabus curis* (ut incurrentes alias innumeras sileam) prodigus praetiosissimae irreparabilisque rei tribuis etc.

4) Карлъ IV просилъ Петрарку посвятить ему это сочиненіе. Epist. fam. XIX, 3. На это же указываютъ многочисленные рукописи (Rossetti, p. 102—135) и современный переводъ (см. ниже).

5) Ex omnibus terris ac seculis viros in unum contrahendi illa mihi solitudo dedit animum. Epist. fam. VIII, 3. Körting (p. 593) представляетъ дѣло въ обратномъ порядкѣ, но этому противорѣчитъ цитированное мѣсто изъ Африки. Первоначальный планъ сочиненія былъ составленъ ранѣе 1339 года. См. *Kirner, Sulle opere storiche di Francesco Petrarca. Pisa 1889*, p. 8.

6) При опредѣленіи этого пункта встрѣчается препятствіе, которое привело въ затрудненіе добросовѣстнаго Россетти, впервые доказавшаго принадлежность этого сочиненія Петраркѣ *(Rossetti, Petrarca, Giulio Celso e Boccaccio. Trieste*

ритъ, а его ранніе біографы единогласно свидѣтельствуютъ, что продолжателемъ его неоконченнаго труда былъ Ломбардо-да-Серико причемъ только Filippo Villani упоминаетъ, что Петрарка „обстоятельно и изящно разсуждалъ объ Ю. Цезарѣ и Сципіонѣ Африканскомъ старшемъ“ [1]). Отсюда возникаетъ первый вопросъ, какія изъ 35 біо-

---

1828, p. 54 и 55). Именно въ Epist. 3 libri XIX fam. Петрарка, описывая свою аудіенцію у Карла IV, говоритъ: dum enim ad id forte mecum sermo Caesareus descendisset, ut aliqua sibi de opusculis meis exposceret atque in primis librum, cui De viris illustribus nomen dedi, illud *impletum esse* respondi *et temporis atque otii egentem*. Получается очевидное противорѣчіе, но прибавить non или nondum передъ impletum или замѣнить et передъ temporis sed или attamen не позволяетъ авторитетъ рукописей и изданій. Россетти думаетъ выйти изъ затрудненія такимъ соображеніемъ: Quella dubbiezza infatti non è che apparente; e quando posatamente rileggasi il testo, nulla vi si trova di discordanza, e bene s'intende ciò che il Petrarca volle dirvi. Egli vi afferma positivamente due fatti: *l'uno*, che il suo libro sia finito; *l'altro,* che questo libro medesimo abbisogni ancora del tempo e della quiete di lui. Questo bisogno era dunque quello che può avere uno libro *già finito* e non già all'uopo *di finirlo* appena. Il che è quanto dire: «ci volea del tempo e della quiete per dare l'ultima mano, ossia la lima, al libro già finito». Написавши эту тираду, онъ упрекаетъ de Sade за то, что онъ перевелъ impletum — il n'etoit pas achevé. Но, не говоря уже о крайней искусственности толкованія, прямо противорѣчащаго авторитету древнѣйшихъ біографовъ-современниковъ, Россетти впадаетъ въ два крупныхъ само-противорѣчія. Во-первыхъ, на стр. 71 онъ самъ приводитъ цитированное выше, p. 242 пр. 8 мѣсто изъ Исповѣди, гдѣ говорится, что Петрарка хотѣлъ написать біографіи до Тита, а на стр. 66—67 и 74 признаетъ, что 4 послѣднія біографіи и въ томъ числѣ Октавіана и Тита написаны Ломбардо и что слѣдовательно сочиненіе осталось неоконченнымъ. Во-вторыхъ, онъ относитъ приведенное письмо Петрарки къ 1354 (по Фракассетти, оно написано 25 февр. 1355 года Lettere famil., p. 123) и утверждаетъ, что тогда же написаны и Vitae (p. 55), а на стр. 38 самъ приводитъ слова Петрарки: «scribo de viris illustribus» — изъ сочиненія, которое онъ вслѣдъ за Baldelli относитъ къ 1355 году. Гораздо вѣрнѣе предположить, что Петрарка или пропустилъ non или принялъ приставку въ глаголѣ impleo за in privativum. Позднѣйшій авторитетный переводчикъ его писемъ такъ передаетъ это мѣсто: venuto Cesare a ragionare delle opere mie, e chiesto di averne alcuna e spezialmente quella Degli nomini illustri, risposi essere ancora incompiuta e bisognarmi ozio et tempo a finirla (Fracassetti, Lettere famil. Vol. IV p. 161. (Теперь вмѣсто impletum читаютъ inexpletum. Kirner, p. 23). Въ концѣ концовъ Росетти приходитъ къ тому выводу, che l'opera maggiore fosse, *secundo la mente dell'autore,* gia finita nel 1354, ed anco limata prima della morte di lui (что совсѣмъ не доказано); ma che ciò non di meno, morto l'autore, *vi si avesse per qualsivoglia altro motivo fare una quacche aggiunta per compimento da altri desiderato* (p. 55). Другими словами, что Ломбардо не былъ исполнителемъ плана Петрарки, а только его продолжателемъ, съ чѣмъ нельзя согласиться въ виду цитаты въ пр. 8 на стр. 242 Cp. Körting, p. 598—99.

1) См. Rossetti, p. 50—53.

графій[1]) написаны самимъ Петраркой и какія его продолжателемъ. На основаніи авторитета Виллани, можно съ увѣренностью сказать, что Петраркою написаны біографіи Сципіона Африканскаго (старшаго) и Цезаря; кромѣ того, ему же принадлежатъ первыя 14 біографій[2]), потому что онъ самъ позже изложилъ ихъ въ сокращенномъ видѣ[3]). Съ такою же несомнѣнностью можно отнести 4 біографіи императоровъ къ продолжателю Петрарки[4]); но относительно прочихъ вопросъ не рѣшается съ такою же безспорностью. Нельзя доказать, что Петрарка держался въ своей работѣ строго хронологической системы и что слѣдовательно ему принадлежатъ всѣ біографіи отъ Ромула до Цезаря включительно. Наоборотъ въ единственной рукописи, дающей полный латинскій текстъ, между Цезаремъ и Августомъ вставлены 8 дѣятелей республиканской эпохи[5]), а въ одной, содержащей въ томъ же порядкѣ итальянскій переводъ біографій, послѣ жизни Цезаря сдѣлано замѣчаніе, что остальныя принадлежатъ его продолжателю[6]). Единственнымъ доказательствомъ, что всѣ біографіи, кромѣ четырехъ послѣднихъ, принадлежатъ Петраркѣ, служитъ ихъ стиль и языкъ[7]).

---

1) Вотъ біографіи въ хронологическомъ порядкѣ: 1) Romulus. 2) Numa Pompilius. 3) Tullus Hostilius. 4) Ancus Marcius. 5) Junius Brutus. 6) Horatius Cocles. 7) L. Q. Cincinnatus. 8) M. F. Camillus. 9) P. Decius Mus. 10) T. Manlius Torquatus. 11) M. Valerius Corvinus. 12) L. Papirius Cursor. 13) Alexander Magnus. 14) L. Fabricius. 15) M. Curius Dentatus. 16) Pyrrhus. 17) Q. Fabius Maximus. 18) Claudius Nero et Livius Salinator. 19) M. Claudius Marcellus. 20) T. Q. Flamininus. 21) L. Scipio Asiaticus. 22) Hannibal. 23) Scipio Africanus. 24) Paulus Aemilius. 25) Cornelius Scipio Nasica. 26) M. Porcius Cato. 27) C. Scipio Aemilianus. 28) C. Marius. 29) Q. Cecilius Metellus. 30) Cn. Pompejus Magnus. 31) C. Julius Caesar. 32) Octavianus Augustus. 33) Fl. Vespasianus. 34) Titus. 35) Trajanus. Въ рукописяхъ встрѣчается еще Антіохъ (Rossetti p. 63), но его біографія опущена въ печатныхъ изданіяхъ.

2) Съ замѣною № 13-го № 15-мъ, такъ какъ въ этомъ порядкѣ біографіи слѣдуютъ во всѣхъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. См. Prospetto comparativo у Rossetti p. 206—207.

3) Epitoma illustrium virorum во всѣхъ изданіяхъ.

4) Rossetti, p. 56—57 и 67—68.

5) №№ 20, 21, 25, 24, 29, 27, 28 и 30. См. Prospetto у Rossetti, p. 206.

6) Рукопись туринской библіотеки. Rossetti, p. 70.

7) Россетти, приводя этотъ аргументъ (p. 74—75), предпосылаетъ ему доказательства, что Петрарка держался хронологической системы (p. 60 и слѣд.). Но самые убѣдительные его аргументы, извлеченные изъ текста біографій (p. 64 и 65), доказываютъ только, что Петрарка *хотѣлъ* провести эту систему. Körting предполагаетъ даже, что Петрарка издалъ свое сочиненіе тремя выпусками: первый — съ предисловіемъ до Цезаря, второй — жизнь Цезаря и третій — остальныя біографіи, какъ ихъ даетъ наиболѣе полная Ватиканская рукопись (p. 599—600). Эта гипотеза

Но существованіе біографій, и несомнѣнно принадлежавшихъ Петраркѣ, весьма долгое время или совершенно отрицалось или на ихъ мѣсто подставляли итальянскій переводъ и даже одно апокрифическое сочиненіе. Франческо-да-Каррара желалъ украсить одну изъ залъ своего дворца изображеніями тѣхъ великихъ людей, біографіи которыхъ написалъ Петрарка, и поручилъ этому послѣднему составить коротенькое извлеченіе изъ своей книги, чтобы помѣстить его подъ портретами въ качествѣ объяснительныхъ надписей. Патрарка успѣлъ сдѣлать это только для 14 первыхъ дѣятелей[1]), а остальное было

не лишена остроумія: она объясняетъ не только расположеніе біографій въ Ватиканскомъ кодексѣ и отсутствіе двухъ послѣднихъ выпусковъ въ другихъ, какъ это замѣтилъ самъ Кёртингъ, но другой, болѣе важный фактъ — дальнѣйшую судьбу біографіи Цезаря: безъ предисловія и посвященія, она распространялась отдѣльно и не вошла въ составъ даже тѣхъ кодексовъ, которые заключали въ себѣ всѣ прочія біографіи вмѣстѣ съ дополнительными (см. Cod. Monacensis и Breslaviensis у Rossetti, p. 206, 207), что много облегчало возможность приписать ее другому лицу. Gaspary въ рецензіи на книгу Körting'a (Zeitschrift für romanische Philologie. III. Band, 1879, p. 586—588) доказываетъ, что 8 вставныхъ біографій (см. выше 244 пр. 5) принадлежатъ Ломбардо. Его аргументація сводится къ тому, что 1) въ рукописяхъ предисловіе Lombardo начинается передъ Vita Flaminini (№ 20), а въ кодексѣ Ambrosian. послѣ біографіи Цезаря и передъ жизнью Фламинина стоитъ: explicit tractatus pulcerrimus de viris illustribus aeditus per dom Fr. Petr. 2) Жизнь Августа Lombardo начинается словами verum cum ex praecepto sequi ad propositum cogar, quoniam quidem ardua suspense progrediar, что предполагаетъ, что эта біографія уже продолженіе работы. Наконецъ, въ концѣ предисловія Петрарки (у Rossetti, p. 231), онъ говоритъ, что уже кончилъ plus partem aperis dimidiam: «das wäre doch zu lächerlich, wenn von Petrarca 31, von Lombardo nur 4 Vitae herrührten». Но эта аргументація, дѣлая вѣроятной гипотезу Гаспари, не рѣшаетъ окончательно вопроса. Возвращаясь къ ней въ своей «Исторіи итальянской литературы» (I, p. 542), авторъ говоритъ: «was ich da mit einiger Ungewiszheit äuszerte, scheint mir heute ganz sicher; doch halte ich es überflüszig zu den dort gegebenen Gründen andere hinzuzufügen. Кирнеръ примыкаетъ къ взгляду Гаспари, хотя не прибавляетъ ни одного новаго аргумента, за исключеніемъ ничего не доказывающаго мѣста изъ Виллани (p. 21). Но анализомъ текста ему удалось доказать, что Петрарка, вопреки мнѣнію Россетти, не держался хронологическаго порядка (Ibid. p. 15—16), что, впрочемъ, мало измѣняетъ споръ и вопросъ о подлинности этихъ четырехъ біографій остается открытымъ. Эти строки уже были напечатаны, когда появилось извѣстіе, что De-Nolhac открылъ въ Парижской Національной библіотекѣ новую редакцію De Viris illustribus, которая заключаетъ въ себѣ 18 новыхъ біографій и весьма интересное предисловіе автора. (Nuov. Antol. 1890 16 Novembre p. 385—386 и Revue historique 1891 Janvier — Fevrier, p. 178). Изданіе этого манускрипта устранитъ, вѣроятно, много спорныхъ вопросовъ относительно самого важнаго историческаго произведенія Петрарки.

[1]) О порядкѣ біографій въ этомъ извлеченіи см. выше p. 244 пр. 2. Кирнеръ утверждаетъ, не приводя никакихъ доказательствъ, что всѣ біографіи Петрарки, кромѣ Цезаря, прямо написаны для портретной галлереи Фр. да Каррара, и что жизнеописаніе

исполнено послѣ его смерти Ломбардо-да-Серико. Это *Epitome* или *Epitoma virorum illustrium* вмѣстѣ съ дополненіемъ вошло во всѣ изданія его сочиненій, и позднѣйшіе писатели отождествили его съ большимъ сочиненіемъ. Въ эту ошибку впали такіе изслѣдователи, какъ Ап. Дзено, де-Садъ, первый обстоятельный біографъ Петрарки, и ее раздѣляли ранніе историки итальянской литературы — Женгенэ и Корніани. Источникомъ второго заблужденія послужилъ итальянскій переводъ книги Петрарки. Donato degli Albanzani da Pratovecchio, другъ Петрарки, котораго въ письмахъ онъ называетъ Apenninigena, перевелъ въ 1397 году для Николло д'Эсте всѣ біографіи вмѣстѣ съ дополненіемъ Ломбардо[1]). Переводъ пользовался довольно широкой извѣстностью, потому что, кромѣ двухъ печатныхъ изданій, весьма часто встрѣчается въ рукописяхъ[2]), и вслѣдствіе этого мало-по-малу его стали считать подлинникомъ и приписали Петраркѣ, тѣмъ болѣе, что на печатныхъ изданіяхъ не обозначено имя переводчика. Это заблужденіе поддержалъ всею основательностью своего авторитета знаменитый Тирабоски. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій онъ, вѣрно опредѣливши отношеніе Epitome къ большому сборнику біографій, утверждаетъ, что послѣдній въ подлинникѣ былъ написанъ по-итальянски[3]), а въ исторіи литературы, уже узнавши о переводѣ Донато, объяснилъ его существованіе тѣмъ, что переводчикъ, увидавши латинскій текстъ книги Петрарки, не подозрѣвалъ, что она была первоначально составлена авторомъ на родномъ языкѣ[4]). Наконецъ, въ послѣдней четверти XV вѣка въ самый разгаръ гуманистической критики появилось на итальянскомъ языкѣ подложное сочиненіе, приписанное Петраркѣ — „Біографіи императоровъ и римскихъ первосвященниковъ"[5]). Подложность этого сочи-

---

Цезаря — единственный отрывокъ изъ особеннаго большого сочиненія (p. 22—28 cp. p. 64).

1) Rossetti p. 98—99.

2) Въ Римѣ 1476 и Венеціи 1527. О рукописяхъ см. Rossetti, p. 115 и слѣд.

3) Ibid. p. 77—81.

4) Tiraboschi V. p. 525—526.

5) Относительно этой книги до самаго послѣдняго времени не было никакихъ опредѣленныхъ указаній въ литературѣ. Rossetti коротко упоминаетъ о ней въ 2-хъ мѣстахъ своей книги. На стр. 28 онъ говоритъ, что она nulla ha di comune nè coll'opera maggiore nè coll'epitome delle vite degli uomine illustri, e sarà da me forse in altro tempo illustrato. Обѣщаніе, сколько мнѣ извѣстно, осталось невыполненнымъ. На стр. 98 онъ говоритъ: Se pubblicossi coll'attribuirla francamente al Petrarca dall'anno 1478 in poi più volte la «Cronica delle vite degl'imperatori e pontefici» scritta in volgare; abbiamo un libro apocrifo ed un'erronea opinione di più. Въ библіотекѣ Московскаго университета есть изданіе этой книги 1625 sine loco подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ. Le vite degl'imperadori et pontifici romani da Messer Francesco Petrarcha, insino a'suoi tempi composte. Dipoi con diligenza et

нѣнія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, тѣмъ не менѣе историкъ литературы Негри и извѣстный библіографъ Гаймъ отождествляютъ его съ біографіями Петрарки[1]), хотя по содержанію эти книги не имѣютъ между собою почти ничего общаго. Но почти одновременно съ тѣмъ, какъ Петрарку сдѣлали авторомъ чужой книги, одно изъ его собственныхъ сочиненій приписали другому писателю, никогда притомъ не существовавшему. Въ рукописяхъ Комментарій Цезаря весьма часто встрѣчается въ качествѣ исправителя текста Юлій Цельзъ, который называется иногда еще Константиномъ[2]). Въ средніе вѣка этого Цельза сдѣлали авторомъ сочиненія о войнѣ Цезаря и Vincencius Bellovacensis (XIII в.), Бурлей (XIV) и другіе упоминаютъ и даже приводятъ его афоризмы, взятые изъ сочиненій самого Цезаря[3]).

---

brevità seguitate insino nell'anno MCCCCLXXVIII. Secondo la copia stampata à Fiorenza apud S. Jacobum de Ripoli, Anno Domini MCCCCLXXVIII. Книгѣ предпослано предисловіе, въ которомъ Петрарка объясняетъ ея цѣль и задачи. Онъ имѣетъ въ виду дать занятымъ людямъ коротенькій компендіумъ, въ которомъ, кромѣ біографическихъ данныхъ о папахъ и императорахъ, разсказано che degni e santi huomini in quali tempi fiorirono. Non ho anchora lasciate varie ceremonie dagli Ecclesiastici trovate, ne miracoli avvenuti, ne molte consuetudini dalla sedia Apostolica ordinate. Alla fine, nessuna cosa, che degna di memoria mi sia paruta et che brevemente se sia potuta toccare, ho pretermesso. Послѣ предисловія, въ которомъ, вмѣсто посвященія другу или меценату, выступаетъ на первый планъ столь несвойственная Петраркѣ забота о занятыхъ людяхъ, идетъ біографія Цезаря, «по имени котораго всѣ императоры назывались цезарями», за нимъ слѣдуютъ Августъ и другіе императоры до Фридриха III включительно. Сравнительно подробно изложена жизнь самого Цезаря и первыхъ 5 императоровъ, въ особенности Нерона; затѣмъ біографіи становятся короче. О византійскихъ императорахъ разсказывается вмѣстѣ съ римскими или они являются единственными наслѣдниками цезарей, если Римъ находился въ рукахъ варваровъ. Затѣмъ, со времени Карла Великаго, біографія котораго обширнѣе другихъ, ихъ мѣсто занимаютъ его преемники. Съ половины XIII вѣка біографіи становятся сравнительно обстоятельнѣе. Послѣ Григорія XI сдѣлана замѣтка qui finiscono le vite de'pontefici et imperadori Romani, da messer Francesco Petrarcha composte. Изъ дальнѣйшихъ папъ болѣе всего мѣста занимаютъ Пій II и Павелъ II и сочиненіе останавливается на Сикстѣ IV. Вся книга проникнута строго благочестивымъ духомъ. *Hartwig (Quellen und Forschungen II. Theil, Halle 1880*, p. 256*)* показалъ, что въ основѣ этого сочиненія лежитъ извѣстная хроника Мартина Поляка, которая дополнена изъ другихъ источниковъ. Къ этому же выводу пришелъ Кирнеръ, указавшій еще нѣсколько уклоненій отъ основного источника (p. 86). Кѣмъ и когда это сочиненіе было приписано Петраркѣ — неизвѣстно.

[1]) См. Rossetti, p. 28—29

[2]) Помѣтки Цельза встрѣчаются въ такой формѣ: Julius Celsus vir clarissimus et comes recensuit. Julius Celsus V. C. legi C. Julii Caesaris per Julium Celsum Commentarii. Julius Celsus Constantinus V. C. emendavit. См. Rossetti, p. 166.

[3]) Vincencius въ своемъ Speculum historiale приводитъ Antiqua dicta Moralia Julii Celsi и говоритъ: «alia multa de bello Caesaris narravit Cerosius et Julius

Мало-по-малу сложилось мнѣніе, что самые комментаріи Цезаря De bello gallico и De bello civili окончательно обработаны по замѣткамъ автора Юліемъ Цельзомъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Петрарка въ біографіи Цезаря, и она держалась послѣ до XVII вѣка[1]). Цельзу и приписали написанную Петраркой біографію Ю. Цезаря. Эта часть историческаго сочиненія Петрарки въ XIV и XV вѣкѣ ходила въ рукописяхъ отдѣльно и безъ имени автора; поэтому позже, вѣроятно во второй половинѣ XV вѣка, на ней было написано имя Цельза[2]) и въ такомъ видѣ она была напечатана впервые въ 1473 году и потомъ издана еще нѣсколько разъ[3]). Но итерполяція на этомъ не остановилась. Во всѣхъ рукописяхъ сочиненій Цезаря послѣдняя глава De bello Hispaniensi осталась неоконченной; поэтому кто-то прибавилъ для дополненія отрывокъ изъ соотвѣтствующаго мѣста біографіи Петрарки, и въ такомъ видѣ сочиненія Цезаря были изданы 13 разъ[4]). Только въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, благодаря трудамъ Шнейдера и Россетти, было вполнѣ установлено, что Петрарка, а не Цельзъ былъ авторомъ біографіи Цезаря, окончательно доказано различіе Epitome и большого историческаго сочиненія[5]), хотя и те-

---

Celsus». Gualterus Burleus въ книгѣ «De vita et moribus philosophorum et poëtarum» говоритъ: Julius Celsus, Historiographus, scripsit diligenter de Bello Caesaris, quem in V libros distinxit, in quibus multa doctrinalia mirabilia continentur, ex quibus pauca hic posita sunt. Rossetti, p. 182 см. также 164 и 165.

[1]) Vita Caesaris, p. 660—662. Авторство Цезаря защищалъ еще Justus Lipsius († 1606). См. Rossetti, p. 174 и слѣд.

[2]) Россетти приводитъ двѣ рукописи: одна — въ Friuli (cod. LVIII), безъ имени автора; другая, относящаяся къ XIV—XV вѣкамъ, — въ Гамбургѣ. Послѣдняя *позже* была присоединена къ рукописи комментарій Цезаря, и имя Цельза приписано въ началѣ и концѣ ея *другимъ и болѣе новымъ почеркомъ* (Rossetti, p. 153).

[3]) Первое изданіе, очень рѣдкое, въ Вѣнской библіотекѣ. Затѣмъ біографія, вмѣстѣ съ сочиненіями Цезаря, издана была въ 1697 въ Амстердамѣ и отдѣльно по этому изданію въ Лондонѣ въ 1697 году. Второе изданіе перепечатано въ Лейденѣ въ 1713; кромѣ того, біографія вмѣстѣ съ Цезаремъ издана въ Лондонѣ въ 1819—20 году и въ III томѣ Bibliotheca classica, par Achaintre и Lemaire. Paris 1820.

[4]) Въ новыхъ изданіяхъ XLII глава De bello Hispaniensi кончается словами: quarum laudibus et virtute. Сюда прибавленъ отрывокъ изъ Петрарки со словъ nam diuturnitas belli pacem до hic ergo bellorum civilium finis, хотя онъ и не подходитъ по смыслу. Впервые съ этимъ добавленіемъ сочиненія Цезаря были изданы во Франкфуртѣ въ 1606 году и въ послѣдній разъ въ Миланѣ въ 1820 г. въ III томѣ Bettoni, Classicorum latinorum nova editio cum notis et commentariis. См. Rossetti p. 159 и слѣд.

[5]) Отдѣльные голоса за авторство Петрарки раздавались и раньше, еще въ XVII в. Такого мнѣнія былъ уже Fabricius и Bernardus Monetta. Rossetti p. 183. Но окончательное рѣшеніе и главная заслуга принадлежитъ одной изъ лучшихъ книгъ, написанныхъ о Петраркѣ. *Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Illustrazione bibliologica*

перь еще окончательно не выяснено, какія дополненія были сдѣланы къ обѣимъ работамъ Ломбардо да Серико. Только къ 500-лѣтнему юбилею Петрарки Рацолини впервые издалъ то его сочиненіе, отъ котораго авторъ ожидалъ безсмертія[1]).

„Біографіи знаменитыхъ мужей“ представляютъ собою компиляцію. „То, что я имѣю въ виду написать“, говоритъ Петрарка въ предисловіи, „находится у другихъ авторовъ, но у нихъ это расположено въ иномъ порядкѣ: иное, чего недостаетъ у одного, я бралъ у другого, иное излагалъ короче, иное яснѣе, иное, что краткость затемняла, обстоятельнѣе, иное, что находилъ въ отрывочномъ видѣ, соединялъ вмѣстѣ“. Но эта компиляція представляетъ значительный интересъ прежде всего потому, что въ ней впервые проявляется историческая критика. Петрарка ясно понимаетъ недостатки въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ. „Въ этомъ дѣлѣ я считалъ необходимымъ избѣгать сумасбродной и безполезной старательности тѣхъ, которые собираютъ слова всѣхъ историковъ, чтобы казалось, что нѣтъ никакихъ пропусковъ, и такъ какъ ихъ извѣстія противорѣчатъ другъ другу, то вся исторія переполняется непроницаемой темнотой и неразъяснимой путаницей (omne historiae suae testum nubilosis ambagibus et inenodabilibus laqueis involuerunt)“. Критика Петрарки еще очень элементарна: онъ не имѣетъ въ виду критически разрабатывать свои источники, сопоставлять и обсуждать ихъ показанія, объяснять ихъ противорѣчія, но просто беретъ изъ нихъ то, что ему кажется достовѣрнѣе, и вовсе не доказываетъ основаній своего выбора. „Я не примиряю историковъ“, пишетъ онъ, „и сопоставляю ихъ, а слѣдую тѣмъ, вѣроятность которыхъ больше и авторитетъ выше“. Для начала исторіографіи и это успѣхъ, а кромѣ того сочиненія Петрарки интересны и по воззрѣніямъ автора на исторію, которыя характеризуютъ наступленіе новаго времени и стоятъ въ тѣсной связи съ философскимъ міросозерцаніемъ автора. Какъ для настоящаго индивидуалиста, исторія представляется для него аггрегатомъ біо-

---

delle vite degli nomini illustri del D-re Domenico Rossetti di Scander, avvocato Triestino. Trieste 1828.

[1]) Годомъ раньше Россетти C. F. Chr. Schneider издалъ *Fr. Petrarchae historiae Julii Caesaris.* Leipzig 1827, затѣмъ въ программахъ Бреславльскаго университета 1829, 31, 33 и 34 первыя 26 біографій. (Körting p. 606). Россетти въ не разъ цитированной книгѣ издалъ три предисловія по Ватиканской рукописи № 4523. (p. 225—240). Всѣ біографіи въ 2 томахъ издалъ *Razzolini. De viris illustribus vitae. Bologna 1874.* О рукописяхъ у Razzolini p. XIV и слѣд.; изданія и переводы Ibid. p. XIII. См. также Ferrazzi p. 788—794.

графій: „я намѣренъ разсказать исторію“, говоритъ онъ въ предисловіи къ собранію своихъ жизнеописаній. Сообразно съ этимъ взглядомъ, содержаніе исторіи составляетъ изложеніе людскихъ пороковъ и добродѣтелей, ея цѣль — нравственное назиданіе. „У меня находится только то“, говоритъ онъ, „что имѣетъ отношеніе къ добродѣтелямъ или имъ противоположно, потому что, если я не ошибаюсь, плодотворная цѣль историковъ — излагать то, чему читатели должны слѣдовать и чего должны избѣгать“. Петрарка допускаетъ и просто интересный разсказъ „для развлеченія читателя“, но смотритъ на это только какъ на отступленіе, хотя и извинительное. Наконецъ, сочиненіе характерно и по тѣмъ ожиданіямъ, которыя связываетъ съ нимъ авторъ. Время смиренной скромности анонимныхъ писателей прошло. Петрарка требуетъ одной награды, чтобы читатель любилъ его „хотя и незнакомаго, хотя и погребеннаго въ могилѣ, хотя и превратившагося въ прахъ“, точно такъ же, какъ онъ самъ любилъ тѣхъ писателей, которые жили за тысячу лѣтъ до него“ [1]).

Тѣ изслѣдователи, которые касались этой книги Петрарки, склонны преувеличивать ея цѣну. „Благородство чувствъ“, говоритъ Россетти, „твердость и нравственность принциповъ, постоянное стремленіе къ славѣ и свободѣ родины, составляютъ самое вѣрное украшеніе историческихъ разсказовъ“. Онъ находитъ въ книгѣ „здоровую критику“, и „благородную и твердую точку зрѣнія въ сужденіяхъ на великія военныя и политическія событія“ [2]). Еще дальше идетъ Кёртингъ. По его мнѣнію, это „литературный подвигъ (Grossthat) въ полнѣйшемъ смыслѣ слова“. „Выдающееся значеніе“ книги прежде всего заключается въ томъ, что „со временъ древности это первое пластическое историческое сочиненіе“, которое положило основаніе „искусству новой исторіографіи“ и оказало огромное вліяніе на развитіе прозы. Кромѣ того, „едва ли исторіографія и философія исторіи“, говоритъ онъ, „достигли бы въ Италіи въ эпоху Ренесанса столь пышнаго расцвѣта, если бы Петрарка не далъ къ этому толчка“. Франція, Германія, Португалія и Англія не имѣли своего Макіавелли, потому что у нихъ не было Петрарки: „тамъ недоставало такой книги, какъ сочиненіе Петрарки, которая, дѣйствуя подготовляющимъ образомъ, могла бы возбудить пониманіе высокаго значенія и искусства исторіографіи“. Далѣе, безъ біографій Петрарки самый гуманизмъ „висѣлъ бы на воздухѣ“, по мнѣнію Кёртинга, потому что это сочиненіе сдѣлало „знаніе историческихъ отношеній древности

[1]) Я цитирую предисловіе по изданію Россетти p. 282 и слѣд.
[2]) Ibid. p. 145.

общественнымъ достояніемъ всей интеллигенціи, даже до извѣстной степени всей націи". „Такимъ образомъ", говоритъ онъ нѣсколько далѣе, „книга Петрарки сдѣлалась настоящимъ основаніемъ итальянскаго гуманизма и по ней преимущественно развился итальянскій народъ для культуры Ренесанса". Наконецъ, сравнивая Петрарку по содержанію съ Корнеліемъ Непотомъ, Кёртингъ отдаетъ предпочтеніе первому и рекомендуетъ „практическимъ педагогамъ" подумать о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить классика гуманистомъ, подвергнувъ его „соотвѣтствующей стилистической переработкѣ" [1]). Нельзя, конечно, отрицать, что гуманистическія тенденціи оказали вліяніе на историческое изложеніе и вообще на прозу, но онѣ порождены не книгою Петрарки, которая далеко не была ихъ единственнымъ выраженіемъ. Что касается до того факта, что только Италія имѣла Макіавелли, то его причины, вѣроятно, лежатъ глубже предшествующаго состоянія исторіографіи; да и на родинѣ Маккіавелли былъ созданъ не біографіями Петрарки. Не слѣдуетъ забывать, что самая крупная изъ нихъ — жизнь Цезаря — была приписана другому лицу уже въ XV вѣкѣ и что обоихъ историковъ отдѣляетъ періодъ времени, когда появилась цѣлая масса историческихъ работъ и когда пріемы историческаго изслѣдованія и изложенія подвергались самому тщательному обсужденію не только въ публичной перепискѣ, но, что особенно важно, въ шумныхъ инвективахъ [2]). Не слѣдуетъ преувеличивать далѣе значенія фактическихъ знаній древности для гуманизма и книги Петрарки для знакомства съ античнымъ міромъ: не историческія свѣдѣнія составляли почву гуманизма, какъ это признаетъ самъ Кёртингъ въ другомъ мѣстѣ, а съ другой стороны, письма и торжественныя рѣчи гуманистовъ доставляли гораздо болѣе свѣдѣній о древности, чѣмъ жизнеописанія, въ большинствѣ случаевъ весьма краткія, Петрарки. Эти гиперболы кажутся тѣмъ болѣе смѣлыми, что для оцѣнки книги тогда не было сдѣлано еще необходимыхъ предварительныхъ работъ: чтобы вполнѣ и въ подробностяхъ выяснить исторіографическіе пріемы Петрарки, необходимо было опредѣлить его отношеніе къ источникамъ. Эту работу произвелъ Кирнеръ въ своей книгѣ *„Объ историческихъ сочиненіяхъ Петрарки"*. Прежде всего Кирнеръ опредѣлилъ, какими авторами пользовался Петрарка, чтобы показать, какъ онъ относится къ своимъ источникамъ [3]). Изъ этого

---

1) Körting p. 603, 604, 605 и 607. Даже Voigt, весьма строгій къ Петраркѣ, почти не дѣлаетъ критическихъ замѣтокъ объ этомъ сочиненіи.

2) См. напр. полемику Валлы съ Фаціо.

3) L. c. p. 49 и слѣд. Non pretendendo fare opera compiuta, оговаривается авторъ, ma solo in quanto possa valere a stabilirne il merito storico.

анализа оказывается, что названіе „компиляція“ лучше всего характеризуетъ историческій трудъ Петрарки, хотя авторъ всѣми силами старается сохранить свою оригинальность. Онъ тщательно заботится передавать древнихъ писателей своими словами, перифразируетъ даже знаменитыя изреченія[1]). Механическое дополненіе одного писателя другимъ онъ отмѣчаетъ въ предисловіи какъ важную и самостоятельную сторону своей работы[2]). Простымъ пересказомъ источника онъ никогда не ограничивается, а или комментируетъ его какимъ-нибудь дополненіемъ, или сокращаетъ, что не избавляетъ его отъ фактическихъ промаховъ[3]). Но, сокращая источникъ, Петрарка не всегда умѣетъ отличить важное отъ неважнаго и выпускаетъ существенное. Напр., въ біографіи Валерія Корвина онъ не говоритъ, что Валерій былъ interrex'омъ, не упоминаетъ lex de provocatione и т. д.[4]). Вслѣдствіе этого Кирнеръ весьма ограничиваетъ оцѣнку Кёртинга, хотя придаетъ стремленію автора къ самостоятельности значеніе очень важной наклонности[5]). Гораздо выше цѣнитъ Кирнеръ это сочиненіе за критическіе пріемы автора. Та глава, въ которой излагается война Цезаря съ Помпеемъ, кажется ему „удивительной по замѣчаніямъ и системѣ и представляетъ блестящій для времени Петрарки примѣръ исторической критики“[6]). Тѣмъ не менѣе въ общемъ въ книгѣ только „зародыши“ критики, такъ какъ оба ея принципа — авторитетъ и вѣроятность опредѣляются Петраркою совершенно субъективно[7]).

Менѣе важное значеніе въ развитіи исторіографіи представляетъ второе историческое сочиненіе Петрарки. *„О достопримѣчательностяхъ“* (De rebus memorandis libri IV)[8]). Эта книга представляетъ

---

1) Напр., слова Цезаря alea jacta est переданы: coepta res est. Kirner p. 67.

2) Ibid. p. 68.

3) Примѣры у Кирнера p. 71—73.

4) Ibid. p. 68. См. также пропуски въ біографіи Цезаря. Ibid. p. 69.

5) Ibid. p. 73. То же самое только въ болѣе рѣзкой формѣ говоритъ Gaspary (l. c. p. 434).

6) Ibid. 80.

7) Ibid. p. 73 и слѣд. Встрѣчаются рукописи біографій Сенеки и Теренція съ именемъ Петрарки. Такъ, Томазини приводитъ *Vita Senecae autore Franc. Petrarcha. (Tomasinus, Bibliothecae Patavinae manuscriptae publicae et privatae. Utini. MDCXXXIX).* Въ Краковской библіотекѣ, по Вислоцкому (l. c. p. 156), кодексъ № 496 содержитъ между прочимъ *Sentencia Francisci Petrarce de Terentii vita.* Это-же сочиненіе названо въ описаніи библіотеки д'Эсте въ первой половинѣ XV вѣка. Libro uno chiamado la sententia de messer Francescho Petrarcha de la vita de Terencio. *(Capelli, La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV.* Giorn. stor. d. lett. ital. XIV 21).

8) Оно напечатано во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Петрарки. Лучшая рукопись, копія съ автографа, сдѣланная Теобальдомъ, въ Laurentiana Cod. 9. Plut 26. Tras-

собою собраніе анекдотическихъ выписокъ изъ латинскихъ авторовъ, а также анекдотовъ и изреченій изъ современной Петраркѣ жизни. Его собственная литературная работа заключалась въ пересказѣ заимствованнаго изъ книгъ и слышаннаго и въ распредѣленіи матеріала по рубрикамъ, при чемъ самый планъ взятъ изъ главнаго источника, изъ Валерія Максима. Единственной добавкой къ этому образцу служатъ новые анекдоты, собранные впрочемъ въ небольшомъ количествѣ. Сочиненіе осталось неоконченнымъ[1]); но по замыслу оно должно было служить собаго рода исторической энциклопедіей, чѣмъ-то въ родѣ справочной книги назидательныхъ примѣровъ для утвержденія въ различныхъ добродѣтеляхъ и историческихъ иллюстрацій духовныхъ свойствъ человѣка. Первая книга посвящена самому интересному для Петрарки вопросу — объ уединеніи и досугѣ и связанныхъ съ ними научныхъ занятіяхъ. Ея первый „трактатъ“ „О досугѣ и уединеніи нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей“ — начинается опредѣленіемъ и похвалами этому состоянію; затѣмъ Петрарка приводитъ примѣры, подтверждающіе его мнѣніе, изъ жизни сначала римлянъ, потомъ грековъ и наконецъ Роберта Неаполитанскаго. Второй и послѣдній трактатъ „О занятіяхъ и учености нѣкоторыхъ знаменитыхъ мужей“ стоитъ въ тѣсной связи съ первымъ, расположенъ въ томъ же порядкѣ и только немного его обширнѣй. Его первая глава дополняетъ понятіе о досугѣ, объявляя существеннымъ его признакомъ научныя занятія. По содержанію второй трактатъ интереснѣй предшествующаго, который въ сущности представляетъ собою сокращеніе De ocio religioso: главы о Пиѳагорѣ, Аристотелѣ и въ особенности о Платонѣ[2]) опредѣляютъ до нѣкоторой степени отношеніе автора къ этимъ философамъ. Но наиболѣе интереса представляютъ тѣ главы, гдѣ идетъ рѣчь о недавно умершемъ Ро-

---

татъ заканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ переписчика. De Chaldaeis, Matematicis et Magis sequebatur titulus, sed ultra nihil plus, nam istud incompletum dimisit Dominus Franciscus Petrarcha, quia ego tantum scripsi Paduae ab exemplari de manu dicti domini Francisci. Текстъ Базельскихъ изданій крайне плохъ: спутанъ порядокъ изложенія, пропущены большіе отрывки. Kirner напечаталъ нѣкоторыя поправки и дополненія (l. c. 27—28 и 36).

1) Время ея составленія съ точностью нельзя опредѣлить по существующимъ источникамъ. Начало окончательной редакціи относится ко времени послѣ смерти Роберта Неаполитанскаго. См. De rebus memorand. Lib. I, tract. I, cap. 2. Новые изслѣдователи, пытавшіеся дать болѣе точное опредѣленіе, расходятся во мнѣніяхъ. См. Kirner, p. 29 и слѣд.

2) Lib. I, tr. II, cap. 13 De studi[redacted]ythagorae; c. 14 De doctrina Platonis; c. 15 De studio Aristotelis.

бертѣ Неаполитанскомъ[1]). Петрарка лично зналъ короля, и его разсказъ, въ которомъ онъ приводитъ свои разговоры съ Робертомъ, носитъ характеръ личныхъ воспоминаній хорошо освѣдомленнаго очевидца.

Вторая книга представляетъ собраніе примѣровъ, характеризующихъ ту сторону добродѣтели, которая называлась *мудростью* (prudentia). Въ первой главѣ перваго трактата Петрарка опредѣляетъ по Цицерону мудрость, какъ „знаніе добра и зла" и дѣлитъ ее на знаніе прошлаго или память, на пониманіе настоящаго (praesentium intelligentia) и предвѣдѣніе будущаго. Сообразно съ этимъ въ первомъ трактатѣ приведены въ обычномъ порядкѣ примѣры выдающейся памяти. Въ большинствѣ случаевъ это коротенькіе анекдоты, по самому содержанію не представляющіе интереса даже тогда, когда рѣчь идетъ о современникахъ автора[2]). Въ первой главѣ второго трактата Петрарка выясняетъ планъ дальнѣйшаго изложенія. Пониманіе (intelligentia), составляющее второй элементъ мудрости, заключается въ знаніи настоящаго и дѣлится на талантъ къ наукамъ (ingenium) и практическую способность (sollertia). Главную часть перваго составляетъ краснорѣчіе, „наиболѣе сладкій плодъ" котораго — остроумныя изреченія; а со второй Петрарка соединяетъ мудрость въ тѣсномъ смыслѣ слова (sapientia). Затѣмъ онъ думаетъ перейти къ предвѣдѣнію (providentia), которое онъ понимаетъ какъ предусмотрительность, потому что посредствомъ этого свойства „познается будущее изъ сравненія (ex collatione) съ настоящимъ или прошедшимъ"; поэтому прежде всего онъ приведетъ примѣры „догадокъ" (de conjecturis), а также гаданій (de oraculis), сновидѣній и разнаго рода знаменій (de ominibus и de partentis) и въ заключеніе находчивости въ войнѣ и мирѣ (de stratagematibus), которая относится отчасти ко второй, отчасти къ третьей сторонѣ мудрости[3]). Сообразно съ этимъ во второмъ трактатѣ въ обычномъ порядкѣ приведены примѣры таланта въ соединеніи съ краснорѣчіемъ или одного только краснорѣчія, при чемъ въ современной жизни авторъ не нашелъ ни одного факта для этой рубрики. Послѣдній трактатъ второй книги одинъ изъ самыхъ обширныхъ[4]), гдѣ идетъ рѣчь о различныхъ шуткахъ, насмѣшкахъ и остротахъ, обработанъ Петраркой съ особенной тща-

---

[1]) I, I, 9 De ocio Roberti, regis Siciliae и I, II, 26 De studio Roberti regis Siciliae.

[2]) De memoria cujusdam amici sui innominati c. XIII и c. XIV De memoria Clementis (VI) papae.

[3]) De reb. memor. II, II, 1.

[4]) Въ немъ 54 главы.

тельностью. Въ первой главѣ онъ выясняетъ разныя оттѣнки этого понятія, доказывая, что въ латинскомъ языкѣ нѣтъ для него точнаго выраженія, и затѣмъ въ принятомъ порядкѣ приводитъ сначала примѣры безобидныхъ шутокъ (с. 2—25), потомъ язвительныхъ (de mordacibus jocis с. 26—47), и, наконецъ, послѣднія 6 главъ трактуютъ „о шуткахъ бѣдныхъ и вообще объ остроумныхъ средствахъ, придуманныхъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ". Самыя важныя по фактическому содержанію главы и въ этомъ трактатѣ относятся къ современности. Анекдоты о Бонифаціи VIII и Іоаннѣ XXII даютъ подробности, небезынтересныя для характеристики обоихъ папъ[1]), а разсказъ о Данте характеренъ и для самого поэта и для отношенія къ нему Петрарки[2]). Первый трактатъ третьей книги, гдѣ идетъ рѣчь о ловкости и хитрости (De sollertia: astutia sive calliditate, operationes aut verba hominum concernens) не имѣетъ интереса, но слѣдующій за нимъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ во всей книгѣ. Главное его значеніе заключается въ томъ, что въ немъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, проявляется личность автора. Уже въ первой главѣ онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „пусть знаетъ читатель, что въ этомъ мѣстѣ я разсматриваю людскую мудрость вообще (de communi hominum sapientia) и не забываю ни о себѣ самомъ, ни о своемъ планѣ". Самое содержаніе трактата вызываетъ на разсужденія, требуетъ иногда доказательствъ и комментарій, и Петрарка очень часто дѣлаетъ подобныя отступленія: то разражается филиппикой противъ семейной жизни[3]), то порицаетъ Эпикурово ученіе[4]), то комментируетъ изреченія древнихъ и современныя пословицы[5]), то, наконецъ, выражаетъ свое отношеніе къ какому-нибудь учрежденію или факту[6]). Вслѣдствіе этого въ трактатѣ можно найти не мало дополненій къ философскимъ сочиненіямъ Петрарки. Кромѣ того, онъ высказывается здѣсь относительно современности[7]), сообщаетъ нѣкоторыя факти-

1) С. 20 и 54 ср. также с. 22. De facitate Santii regis Castellae contra papam

2) С. 46 De dicacitate Dantis contra Canem Veronensem.

3) Въ главѣ 41.

4) Cap. 47.

5) De proverbiis vulgaribus et ipsorum commendatione in generali et in speciali c. 67. Комментаріи см. 31, 50 и passim.

6) Отношеніе къ древне-римскому сенату с. 8, отношеніе къ законодательству Ликурга с. 39, къ пиѳагорейской реформѣ въ Кротонѣ с. 40 etc.

7) О папствѣ с. 64. Отношеніе къ монашеству с. 67. Но особенно интересна выходка въ 17 главѣ противъ современной учености. Глава озаглавлена такъ: Quod sapientes nunquam debeant intendere in verborum auctoritate secundum Domitium и въ концѣ ея Петрарка восклицаетъ. Quid nunc diceres, Domiti, quando philosophia posthabita et neglecta, garrulitatem pro virtute sectantes omnes se certatim

ческія данныя о своемъ времени[1]) и даетъ иногда важныя свѣдѣнія о себѣ[2]), вслѣдствіе чего трактатъ является интереснымъ источникомъ для біографіи Петрарки и отчасти для его времени.

Четвертая и послѣдняя книга посвящена третьей составной части мудрости — предвѣдѣнію. Ея первый трактатъ, гдѣ идетъ рѣчь о предсказаніи будущаго относительно лицъ и событій на основаніи вѣрнаго расчета, основаннаго на наблюденіяхъ (de conjecturis), содержитъ примѣры исключительно изъ древняго міра и не представляетъ интереса. Во второмъ трактатѣ идетъ рѣчь объ оракулахъ. Наиболѣе интереса имѣетъ 1-я глава, гдѣ Петрарка устанавливаетъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ. Изъ опредѣленія Сенеки „оракулъ есть божественная воля, возвѣщенная устами человѣка" онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что христіанскій оракулъ не подлежитъ его обсужденію[3]). Петрарка не отвергаетъ возможности вѣрнаго предсказанія будущаго и языческими оракулами, отвѣты которыхъ внушаютъ боги-демоны; но здѣсь изреченія даются, чтобы смутить человѣка, посмѣяться надъ нимъ (оракулъ illusor potius quam consultor), и отъ вопрошающаго требуется сообразительность, чтобы правильно понять отвѣтъ; поэтому относящіеся сюда примѣры иллюстрируютъ благоразуміе (prudentia)[4]). Весьма характеренъ также третій трактатъ „О естественномъ гаданіи, которое преимущественно состоитъ въ сновидѣніяхъ". Въ первой главѣ Петрарка довольно неопредѣленно говоритъ о Сивиллахъ: „я могъ бы и здѣсь, какъ въ изреченіяхъ Аполлона", говоритъ онъ, „заподозрѣть нѣкій обманъ негоднѣйшихъ духовъ, если бы не видѣлъ, что Сивилламъ вѣрятъ наши доктора, вдохновленные божественнымъ духомъ". Вопросъ такъ и остается открытымъ, зато, опираясь на авторитетъ Цицерона, Петрарка тѣмъ рѣшительнѣе высказывается въ слѣдующей главѣ противъ вѣры въ сновидѣнія. „Не прилично философу

---

ad dialecticam transtulerunt, nec pudet in puerilibus senescere sapientiae studium professos. Но въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія онъ называетъ центръ средневѣковой учености studiorum nutrix alma mater Pariseos (II, I, 13).

[1]) О Робертѣ Неаполитанскомъ с. 65 и с. 66 de sapientia Maphei vicecomitis Mediolani.

[2]) Для автобіографическихъ свѣдѣній важна послѣдняя глава (68), гдѣ Петрарка сообщаетъ о своихъ юридическихъ занятіяхъ въ молодости. Ср. Körting, p. 611 и 612.

[3]) Эта мысль выражена въ очень благочестивой формѣ: quis ego sum, qui sacros Dei nuntios prophetas veteres attingam stilo? Non ea vis animo neque id meae facultatis est opus.

[4]) Такова, повидимому, не совсѣмъ ясно выраженная общая мысль первой главы. По крайней мѣрѣ, по поводу изреченія Аполлона Тарквинію Гордому, Петрарка замѣчаетъ: quod si apertum et evidens fuisset, nequaquam tantam laudem acumen interpretis meruisset.

или разумному человѣку“, говоритъ онъ, „склонять ухо къ нелѣпымъ старушичьимъ суевѣріямъ, и смѣшно думать, что во снѣ даже будущее могутъ предсказывать тѣ, которыя наяву не понимаютъ настоящаго и не помнятъ прошедшаго“. Это мнѣніе не опровергается тѣмъ фактомъ, что священное писаніе признаетъ вѣщіе сны. „Я хорошо знаю“, говоритъ Петрарка, „сколько славы пріобрѣлъ еврейскій мальчикъ толкованіемъ сновъ; но тамъ было не человѣческое искусство, а божественное откровеніе“. Если сны и сбываются, то, по его мнѣнію, это дѣло простой случайности; тѣмъ не менѣе, изъ страсти къ анекдоту, онъ приводитъ 32 примѣра знаменательныхъ сновъ[1]) и только въ концѣ рѣшается позабавиться надъ глупымъ суевѣріемъ. Трактатъ заканчивается четырьмя примѣрами, приведенными „частью для возбужденія смѣха, частію для разоблаченія обмана снотолкованій“[2]). Слѣдующій коротенькій трактатъ „О пророчествахъ сумасшедшихъ (furentum), а также о предсказаніяхъ и гаданіяхъ умирающихъ“ представляетъ интересъ отношеніемъ къ этимъ вопросамъ автора. О первомъ способѣ узнавать будущее Петрарка выражается такъ: „тѣ, которые довѣряютъ пророчествамъ сумасшедшихъ, сами, какъ кажется, не менѣе сумасбродствуютъ, потому что какой здоровый человѣкъ можетъ думать, что люди, утратившіе знаніе настоящаго и память о прошломъ, пріобрѣли предвѣдѣніе будущаго“[3]). Поэтому примѣры удачныхъ предсказаній, которые находятся въ несомнѣнныхъ источникахъ, онъ старается объяснить естественнымъ путемъ, а аналогичные случаи въ поэтическихъ произведеніяхъ сопровождаетъ такимъ замѣчаніемъ: „я по доброй волѣ и сознательно обхожу молчаніемъ все, что басня или отзывается баснею“[4]). Ко второму способу узнавать будущее Петрарка обнаруживаетъ болѣе довѣрія на томъ основаніи, что въ моментъ перехода отъ земной жизни къ безсмертію человѣкъ освобождается отъ отягчающихъ его тѣлесныхъ узъ и предвкушаетъ свѣтъ загробнаго вѣдѣнія[5]); поэтому, вѣроятно, оставляетъ безъ коммен-

1) Cap. 3—34.

2) Cap. 35, см. также 36—38.

3) Cap. 1.

4) C. 2 и 3.

5) C. 4. Изъ этой главы видно также, что сочиненіе не получило окончательной обработки и что самое распредѣленіе матеріала предполагалось какъ будто сдѣлать иначе. Приведя весьма логичныя съ извѣстной точки соображенія относительно вѣроятности предсказаній умирающихъ, Петрарка продолжаетъ: quin hoc ipsum et ad furorem trahere nituntur et ad somnia. Unde enim furentes vaticinari solitos ajunt, nisi quia in eis animus solutus ac liber stimulis suis impulsus, nullo cohobente et habenas corporeas spernit et membrorum vincula transgreditur? Unde quoque mul-

тарій относящіеся сюда примѣры[1]). Въ пятомъ трактатѣ идетъ рѣчь о гаруспиціяхъ и авгуріяхъ, къ которымъ Петрарка относится отрицательно и относящіеся сюда примѣры объясняетъ или случайностью или естественнымъ путемъ. Самыя интересныя главы 1-я и 2-я, которыя представляютъ любопытный образецъ исторической критики автора[2]). Шестой трактатъ посвященъ разнаго рода предзнаменованіямъ (De ominibus et portentis). Его первая глава характерна уже по самому заглавію „противъ природы ничего не совершается, хотя иное и кажется противоестественнымъ“[3]). „Я не сомнѣваюсь“, говоритъ тамъ Петрарка, „что все случившееся могло случиться; а разъ что-нибудь могло случиться, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если только рѣдкость не бываетъ матерью удивленія“. Но несмотря на столь категорическое заявленіе, что все случающееся естественно, Петрарка приводитъ цѣлую массу чудесъ и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на современныхъ событіяхъ такого рода[4]). Послѣдній трактатъ „О тактикѣ“ (De stratagematibus) остался ненаписаннымъ, потому что его первая глава составляетъ извиненіе, что авторъ начинаетъ съ Тиверія, „самаго надменнаго человѣка“, а вторая и послѣдняя передаетъ анекдоты объ этомъ императорѣ, не имѣющіе ничего общаго съ военнымъ искусствомъ[5]).

---

tis compositis apparere; quae vigilantes lateant, nisi quia tum maxime videatur animus a corpore relaxari seque velut incustodito carcere licentius educere ad praevidendas res? Ut non immerito inter somnum et mortem quaedam videatur esse cognatio. Hinc et a philosophis et a poëtis somnus imago mortis dicitur et a Virgilio consanguineus loeti sopor. Nos autem et de furore modo diximus et de somniis mox *dicemus*. Приведенные Петраркою выводы должны имѣть значеніе въ его главахъ, потому что онъ вполнѣ согласенъ съ ихъ посылкою, между тѣмъ въ соотвѣтствующихъ трактатахъ онъ о нихъ совсѣмъ не упоминаетъ. Что касается до формы dicemus, то она непонятна въ IV трактатѣ, такъ какъ о снахъ уже сказано въ предшествующемъ.

[1]) Анекдотическій интересъ имѣетъ c. 9 De vaticinio morientis Adelectae de filio suo Aternio.

[2]) De inventione Haruspicinae c. 1 и De augurio et qui praecipui fuerint augures, unde etiam initium habuerit. C. II.

[3]) C. 1. Quod nihil contra naturam fiat, licet aliqua fieri videantur.

[4]) C. 18—23.

[5]) Stratagemata Петрарка опредѣляетъ такъ: ubi scilicet in republica pro qualitate negocii praesentis subito capitur consilium (II, II, I). Въ такомъ случаѣ не совсѣмъ понятно его извиненіе: *de modestia* locuturus, ab homine petulantissimo sumerem exordium. При чемъ modestia въ главѣ De stratagematibus? Въ изданіи 1496 года, въ концѣ сочиненія, какъ добавленіе къ 21 главѣ, помѣщено стихотворное описаніе двухъ сросшихся флорентійскихъ близнецовъ Петра и Павла съ такимъ заглавіемъ: De monstro quod natum est in Comitatu Florentinorum cujus effigies sculpta est in hospitali ad Scalas.

Кёртингъ ставитъ весьма высоко и это сочиненіе. „Если бы эта книга была написана теперь“, говоритъ онъ, „то, хотя ее во всякомъ случаѣ слѣдовало бы назвать достойной вниманія и вполнѣ годной научной работой, но ей нельзя было бы приписать особеннаго историко-литературнаго значенія“. Другое дѣло XIV вѣкъ: по мнѣнію Кёртинга, она еще болѣе создала почву для гуманизма, чѣмъ біографіи[1]) и въ этомъ заключается ея значеніе. То и другое подлежитъ однако большому сомнѣнію. По содержанію книгу Петрарки можно раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ одна заимствована изъ римскихъ источниковъ, другая — запись личныхъ воспоминаній и современныхъ разсказовъ. Едва ли можно допустить, чтобы въ концѣ XIX вѣка признали научность за механической выборкой анекдотическаго матеріала изъ римскихъ писателей и преимущественно Валерія Максима, а такіе анекдоты изъ современности, какіе собралъ Петрарка, печатаются теперь въ газетахъ въ отдѣлѣ смѣси. Что касается до второго мнѣнія Кёртинга, то мы имѣли уже случай говорить о немъ выше. Заслуга книги для распространенія историческихъ знаній въ обществѣ могла заключаться только въ томъ, что она пріохочивала къ чтенію латинскихъ писателей, если только гуманисты въ этомъ нуждались. Тѣмъ не менѣе книга имѣетъ важность, какъ историческій источникъ, и не осталась безъ вліянія на гуманистическую литературу. Прежде всего, въ ней масса автобіографическаго матеріала, весьма цѣннаго не только для характеристики воззрѣній Петрарки, но и для фактической стороны его жизни. Кромѣ указанныхъ отдѣльныхъ главъ, въ самомъ построеніи книги рѣзко проявляется личность Петрарки. Онъ располагаетъ свое сочиненіе по этическимъ рубрикамъ, такъ что большая часть его анекдотовъ, являясь иллюстраціей лучшихъ и высшихъ проявленій нашего духа, представляютъ собою импозантное фактическое доказательство высокаго достоинства человѣческой природы. Правда, Петрарка слѣдовалъ Валерію Максиму; но его книга представляетъ собою не слѣпое подражаніе. При выборѣ матеріала Петрарка взвѣшиваетъ различныя свойства человѣка и умѣетъ оцѣнить не только способности къ теоретической дѣятельности, но и практическую ловкость. „Иные“, говоритъ онъ, „весьма способные къ практической дѣятельности (ad res gerendas acutissimi), считаются неспособными къ воспріятію наукъ; ихъ каждый назоветъ проницательными, осмотрительными или ловкими (vel sagaces, vel cautos, vel solertes) и этимъ, по моему мнѣнію, не уклонится ни отъ истины, ни отъ

[1]) Körting p. 613—14. Gaspary (l. c. 485—86) видитъ единственное значеніе въ примѣрахъ и анекдотахъ изъ современности.

обычнаго способа выраженія"[1]). Въ огромномъ большинствѣ случаевъ для Петрарки на первомъ планѣ не анекдотъ, а характеризуемый имъ человѣкъ, какъ это доказываетъ его отношеніе къ оракуламъ[2]) и цитированное выше извиненіе. Но иногда на первый планъ выступаетъ анекдотъ и выступаетъ очень характерно. Такъ, въ введеніи къ главѣ о сновидѣніяхъ Петрарка упрекаетъ писателей, что они, разсказывая о вѣщихъ снахъ, „увеличиваютъ человѣческіе предразсудки"[3]), а между тѣмъ самъ приводитъ цѣлую массу подобныхъ случаевъ, оговорившись только, что ихъ исполненіе простая случайность. Это противорѣчіе и также многочисленные примѣры различныхъ гаданій, къ которымъ Петрарка относится отрицательно, находятъ свое объясненіе въ настоящей страсти къ анекдоту. Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ иллюстрируетъ интересный для него вопросъ о свойствахъ человѣческой природы такими средствами, которыя и сами по себѣ доставляютъ ему большое удовольствіе, и въ этомъ сказалась потребность новаго времени. Говоря объ остротахъ и шуткахъ, Петрарка видитъ ихъ значеніе между прочимъ въ томъ, что они „ласкаютъ утомленное ухо и развеселяютъ печальный духъ"[4]); онъ посвятилъ имъ цѣлый трактатъ и сдѣлался родоначальникомъ новаго отдѣла литературы. До какой степени чутко выражена имъ назрѣвшая потребность, показываютъ съ одной стороны многочисленные новеллисты, а съ другой коллосальный успѣхъ Фацецій Поджіо. Кромѣ того, это родство не ограничивается литературной формой, но простирается и на содержаніе анекдотовъ. Печальный пѣвецъ несчастной любви къ Лаурѣ и пессимистически настроенный страдалецъ совершенно неожиданно является разсказчикомъ фривольныхъ анекдотовъ. Въ трактатѣ о шуткахъ онъ не только усердно отыскиваетъ такіе сюжеты въ древней литературѣ, но сообщаетъ подобные разсказы изъ современности[5]). Другая категорія анекдотовъ, весьма любимыхъ позднѣйшими гуманистами, имѣла своимъ содержаніемъ разныя уродства и необычныя явленія физическаго міра, и Петрарка, несмотря на раціоналистическое отношеніе къ самымъ фактамъ, приводитъ разсказы и такого содержанія[6]). Вслѣдствіе этого книга Петрарки является

---

1) De reb. mem. II, II, 1.
2) См. выше р. 256 пр. 4.
3) De reb. mem. IV, III, 2.
4) Ibid. II, II, 1.
5) II, III cap. 4, 12, 16, 17, 27, 29, 31, 39. Изъ современности 19, 20, 45 ср. IV, III c. 38.
6) Ibid. IV, VI c. 18—23.

если не источникомъ, то настоящимъ прототипомъ Фацецій Поджіо[1]). Что касается до значенія книги въ развитіи исторіографіи, то оно исчерпывается, кромѣ формы изложенія, критическими пріемами автора, которые особенно интересны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у классическихъ авторовъ заимствуются невѣроятные по содержанію разсказы.

Но полная и всесторонняя оцѣнка этого сочиненія Петрарки едва ли возможна при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній. Анализъ текста книги едва начался. Только въ 1882 году Bäumker началъ опредѣлять источники, которыми пользовался Петрарка въ этомъ сочиненіи, но работа, сколько мнѣ извѣстно, осталась неоконченной[2]). Кирнеръ повелъ дѣло нѣсколько иначе: ограничившись сравненіемъ книги только съ произведеніемъ Валерія Максима, онъ отмѣтилъ весьма существенную разницу между обоими авторами, какъ въ пониманіи нѣкоторыхъ пунктовъ сюжета[3]), такъ въ особенности въ построеніи. „У Валерія“, говоритъ Кирнеръ, „недостаетъ того строгаго единства, которое мы встрѣтили у Петрарки. Первый съ величайшей легкостью переходитъ отъ одного пункта къ другому, отъ пороковъ къ добродѣтелямъ; между тѣмъ какъ второй тщательно слѣдуетъ установленной схемѣ“[4]). Это то же самое измѣненіе схоластическаго

---

1) De rebus memorandis не пользовались извѣстностью у послѣдующихъ гуманистовъ. По крайней мѣрѣ, Поджіо и его собесѣдники, повидимому, не знали этой книги, иначе часть ея анекдотовъ вошла-бы въ его сборникъ, потому что онъ собиралъ матеріалъ съ особенной старательностью. Единственный разсказъ Петрарки, (II, III, 46), съ измѣненіемъ вошедшій въ эту книгу (56), содержитъ остроумную выходку Данте, о которомъ знали и изъ другихъ источниковъ.

2) *Cl. Bäumker, Quibus antiquis auctoribus Petrarca in conscribendis Rerum memorabilium libris usus sit. Pars prior. Monasterii Guestfalorum 1882.* (Гимназическая программа). Работа мнѣ извѣстна только по отзывамъ. По словамъ Кирнера, è poco più che un mero elenco dei passi degli autori antichi, usati dal Petrarca nel primo libro. (l. c. p. 29). Ср. рецензію Гейгера въ I томѣ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur. Berlin 1887/88 p. 487.

3) Особенно характерно различіе въ пониманіи otium обоими писателями. Kirner p. 33.

4) Ibid p. 39. Сравнивши текстъ съ цитированною выше рукописью, Кирнеръ слѣдующимъ образомъ воспроизводитъ схему этого сочиненія.

Первый шагъ къ добродѣтелямъ.

(vestibolo delle virtù)

Otium (I, 1) — Studium et doctrina (I, 2)

Prudentia. { Praeteritorum memoria. — Memoria {фактовъ / словъ} (II, 1)

схематизма въ систематичность, которую мы отмѣтили въ рѣчахъ Петрарки.

Къ числу историческихъ произведеній Петрарки можно отнести и его „*Сирійскій путеводитель*“ (*Itinerarium Syriacum*)[1]. Это заглавіе придѣлано позднѣйшими издателями: въ рукописяхъ сочиненіе имѣетъ форму длиннаго письма. Изъ предисловія къ „Путеводителю“ видно, что одинъ изъ миланскихъ друзей Петрарки[2]) пригласилъ его отправиться вмѣстѣ на богомолье къ св. Гробу. Отклоняя это приглашеніе, Петрарка взамѣнъ себя составилъ путеводитель, въ которомъ отмѣтилъ всѣ достопримѣчательности на пути отъ Генуи до Палестины и обратно черезъ Египетъ до Италіи. Онъ дѣлитъ ихъ на три категоріи: однѣ относятся „къ спасенію души“., другія — „къ пріобрѣтенію знанія и къ украшенію ума“, третьи — напоминаютъ о важныхъ событіяхъ и этимъ возбуждаютъ духъ (quae ad memoriam exemplorum excitandumque animum pertinent). Сообразно съ этимъ Петрарка описываетъ достопримѣчательности религіозныя, важныя въ историческомъ отношеніи, разсказываетъ миѳологическія преданія и историческія событія, связанныя съ извѣстнымъ мѣстомъ. Независимо от

Prudentia.

- **Praesentium intelligentia.**
  - болѣе способная къ словамъ — ingenium — eloquentia — facetiae
    - менѣе острыя (II, 3)
    - болѣе острыя (II, 4)
  - болѣе способная къ дѣламъ — solertia (III, 1 и 2) [sapientia (II, 3)]
- **Futurorum providentia**
  - въ обыкновенной жизни
    - conjecturae (IV, 1)
    - divinatio
      - Dei — oracula (IV, 3)
      - люди, которыхъ считаютъ вдохновленными (IV
      - естественное
        - furentes — vaticinia (IV. 5)
        - dormientes — somnia (IV, 4
      - по явленіямъ природы.
        - auruspicina (IV, 6)
        - auguria (IV, 7)
        - omina (IV, 8)
        - portenta (IV, 9)
  - въ военныхъ предпріятіяхъ.

[1]) Онъ напечатанъ въ базельскихъ изданіяхъ. Въ 1888 году *Giacomo Lumbro*[so] вновь издалъ текстъ этого произведенія съ обширнымъ введеніемъ (*L'itinerari*[o] *del Petrarca* въ Atti della Reale Accademia dei Lincei Vol. IV. p. 390). Мнѣ из-вѣстна эта работа только по изложеніямъ: въ Giornale stor. d. lett. ital. XII p. 318 и болѣе обстоятельному у Kirner'a (Sulle opere istoriche del P. p. 43 и слѣд.). Время составленія книги Lumbroso относитъ между 1348—1368 годами. Kirner p. 45. Дополненіемъ къ этому сочиненію можетъ служить III, 1. Familiaris.

[2]) Адрессатъ не названъ въ печатномъ текстѣ; но въ нѣкоторыхъ рукописяхъ приведено и его имя — Giovanni di Mandello.

этого плана авторъ отмѣчаетъ еще красоту природы тѣхъ мѣстъ, которыя самъ видѣлъ.

Съ исторической точки зрѣнія „Путеводитель" представляетъ интересъ, какъ первый опытъ древней географіи. Гораздо важнѣе его культурно-историческое значеніе, которое превосходно выяснилъ Кёртингъ. Сравнивая эту книгу съ средневѣковыми путеводителями ко святымъ мѣстамъ, Кёртингъ отмѣчаетъ черты новаго времени въ томъ, что здѣсь религіозный интересъ занимаетъ второстепенное мѣсто, а на первый планъ выступаетъ любознательность просвѣщеннаго путешественника, который ищетъ исторической назидательности и эстетическаго наслажденія. Средневѣковой богомолецъ уступаетъ мѣсто новому туристу[1]), и новѣйшій ученый издатель „Сирійскаго путеводителя" Лумброзо называетъ его первымъ Бедекеромъ[2]).

Какъ ни мало удовлетворяютъ историческія сочиненія Петрарки современнымъ требованіямъ науки, они обладаютъ уже зачатками главныхъ пріемовъ, которые отличаютъ новую исторіографію отъ средневѣковой и въ силу этого должны занять замѣтное мѣсто въ исторіи развитія исторической науки. Тѣмъ не менѣе значеніе Петрарки, какъ историка, далеко еще не выяснено, хотя уже Вахлеръ счелъ необходимымъ упомянуть его въ своей „*Исторіи историческаго изслѣдованія и искусства*". Но зная только Res memorandae Петрарки, Вахлеръ, призналъ его „историческимъ писателемъ съ малымъ значеніемъ"[3]). Лучше освѣдомленный Вегеле не могъ долго остановиться на Петраркѣ въ трудѣ, посвященномъ нѣмецкой исторіографіи. Спеціальная работа Кирнера — „*Объ историческихъ сочиненіяхъ Петрарки*" появилась только въ 1889. Несмотря на незначительный объемъ, книга Кирнера имѣетъ важное значеніе въ литературѣ о Петраркѣ. Главная заслуга автора—уже разсмотрѣнный нами анализъ отдѣльныхъ историческихъ сочиненій перваго гуманиста; но Кирнеръ дѣлаетъ также попытку дать общую оцѣнку заслугъ въ исторіографіи перваго гуманиста. Онъ видитъ въ Петраркѣ „истиннаго историка, а не простого компилятора и хрониста". „Въ пріемѣ, съ которымъ Петрарка пользуется древними авторами", говоритъ Кирнеръ, „можно замѣтить зародыши (germi) критики, и поэтому онъ заслуживаетъ весьма почетнаго мѣста (un posto molto ragguardevole) въ исторіи исторіографіи"[4]). Историческія сочиненія Петрарки, по словамъ Кир-

---

1) Körting l. c. p. 614—617.

2) Giorn stor l. c. О составленной Петраркой картѣ Италіи см. Voigt. Die Wiederbelebung I p. 158 и Körting p. 508.

3) Wachler, Geschichte der historischen Forschung I p. 44.

4) Kirner l. c. p. 76.

нера, „не имѣютъ для насъ никакой цѣны; но они драгоцѣннѣйшій документъ для исторіи исторіографіи: будучи основателемъ классическаго Возрожденія, Петрарка, благодаря имъ, можетъ называться съ полнымъ правомъ также основателемъ исторической критики. Можетъ быть, безъ Петрарки мы не имѣли бы Валлы“ [1]). Съ такимъ выводомъ нельзя однако согласиться вполнѣ: оцѣнка Кирнера не достаточно обоснована и далеко не полна. Критику Петрарки онъ изучалъ только на одномъ его сочиненіи, притомъ ограничился простою суммировкой своихъ наблюденій. Вслѣдствіе этого у Кирнера отмѣчены не всѣ критическіе пріемы Петрарки и отмѣченные не приведены въ систему. Кромѣ того, заслуги перваго гуманиста въ исторіографіи не ограничиваются только критическимъ отношеніемъ къ источникамъ. Кирнеръ противопоставляетъ Петрарку, какъ „настоящаго историка“, его предшественникамъ — „хронистамъ и компиляторамъ“, но не выясняетъ съ должной обстоятельностью, въ чемъ заключалась эта разница. Все, что онъ отмѣчаетъ въ исторіографіи Петрарки, кромѣ критики, или сближаетъ его съ средневѣковыми писателями, или не составляетъ выгодной для него разницы. Такъ, Кирнеръ отмѣчаетъ его грубыя хронологическія представленія и полное невниманіе къ хронологіи при изложеніи [2]) и формулируетъ его наивный взглядъ на исторію. Петрарка не имѣетъ въ виду реконструировать историческій процессъ; „исторія для него существуетъ, уже написана; остается только одна работа — выбирать изъ нея существенныя части и передавать ихъ: въ сущности компилировать и составлять компендіумы. Кромѣ того, мы должны прилагать къ практической жизни примѣры, которые дали намъ древніе: исторія должна давать намъ образцы добродѣтели для подражанія и пороковъ, которыхъ мы должны избѣгать“. По мнѣнію Кирнера, все отличіе Петрарки отъ составителей жизнеописаній святыхъ заключается въ томъ, что онъ, заимствуя сюжеты изъ древняго міра, обучалъ не христіанскимъ, а гражданскимъ добродѣтелямъ [3]). Послѣднее замѣчаніе, впрочемъ, не оправдывается источниками: въ Res memorandae, напр., главное мѣсто занимаютъ не гражданскія, а чисто индивидуальныя достоинства, такъ что отличіе Петрарки отъ монаховъ сводится къ разницѣ въ содержаніи той морали, которую они проповѣдовали. Что касается вообще до дидактическаго характера историческихъ произведеній Петрарки, то онъ не исчерпываетъ причинъ его интереса къ прошлому, какъ

---

1) Ibid p. 81.
2) Ibid p. 60, 62.
3) Ibid p. 65—66.

думаетъ Кирнеръ. Первый гуманистъ былъ моралистомъ по преимуществу; но изъ его произведеній видно, что исторія его занимаетъ просто какъ знаніе, какъ наука, независимо отъ ея морализующаго вліянія. Такъ, въ „Сирійскомъ путеводителѣ“ онъ сообщаетъ на ряду съ назидательными свѣдѣніями и такія, quae ad notitiam rerum et ingenii memoriam pertinent. Если онъ изучаетъ прошлое главнымъ образомъ съ біографической стороны, то здѣсь дѣйствуетъ не только дидактизмъ, но также индивидуализмъ. Дѣятель античнаго міра интересуетъ Петрарку не только, какъ моральный образецъ для настоящаго, но также какъ *человѣкъ* прошлаго. Вообще для оцѣнки историческихъ произведеній Петрарки необходимо поставить ихъ въ связь со всей его гуманистической дѣятельностью. Кирнеръ этого не сдѣлалъ, и историческіе труды перваго гуманиста еще ждутъ своего изслѣдователя.

V.

Историческое значеніе поэтическихъ произведеній Петрарки. Письма и эклоги. Историческій интересъ Африки. Виды итальянской поэзіи Петрарки. Историческое значеніе его любовныхъ стихотвореній и вопросъ объ ихъ хронологіи. Де-Нолакъ и Пакшеръ. Патріотическія и политическія стихотворенія Петрарки. Общій выводъ объ историческомъ значеніи всѣхъ произведеній Петрарки.

Поэзія Петрарки, несмотря на ея высокую эстетическую цѣну, съ исторической точки зрѣнія занимаетъ второстепенное мѣсто сравнительно съ его прозаическими произведеніями. Тѣ его идеи и стремленія, которыя имѣютъ всемірно-историческое значеніе, выражены главнымъ образомъ въ его прозѣ: поэзія является простымъ къ ней дополненіемъ. Только одна сторона личности Петрарки, имѣющая историческую важность, отразилась главнымъ образомъ въ его Canzoniere. Это — его любовь къ Лаурѣ и отношеніе поэта къ своему чувству. Здѣсь Петрарка является новымъ человѣкомъ въ двухъ отношеніяхъ: по взгляду на любовь и по точному описанію чувства, которое свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ перваго гуманиста къ своему внутреннему міру. Кромѣ того, Canzoniere — важный источникъ для личной исторіи самого Петрарки и можетъ служить комментаріемъ къ его латинскимъ произведеніямъ. Только съ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать поэтическія произведенія Петрарки, вслѣдствіе чего колоссальная литература его комментаторовъ и эстетическихъ критиковъ главной своей массой останется за предѣлами нашей задачи.

Среди латинской поэзіи первое мѣсто занимаютъ метрическія письма Петрарки[1]). Новѣйшіе изслѣдователи единогласно признаютъ высокое художественное достоинство этихъ посланій[2]), а Кёртингъ ставитъ ихъ даже выше Canzoniere[3]). Съ исторической точки зрѣнія они точно такъ же не лишены интереса, какъ дополненіе къ дружеской и старческой перепискѣ Петрарки. Въ нихъ заноситъ онъ, часто съ поэтическою живостью и непосредственностью, наиболѣе сильныя впечатлѣнія отъ окружающей дѣйствительности. Поэтому нѣкоторыя изъ писемъ имѣютъ автобіографическое значеніе, какъ, напр., исторія любви къ Лаурѣ, разсказъ о короновании и т. п.[4]); въ другихъ онъ защищаетъ поэзію противъ Зоила[5]), изображаетъ одушевлявшія его поэтическія чувства[6]), зоветъ папъ въ Римъ изъ Авиньона и описываетъ бѣдствія Италіи[7]). Дополненіемъ къ письмамъ могутъ служить *Эклоги*[8]).

Въ предисловіи къ „Письмамъ безъ адреса" Петрарка проводитъ параллель между ними и эклогами и даетъ происхожденію послѣднихъ такое объясненіе. „Хотя истина всегда была ненавистна, но теперь она смертельно опасна (capitalis). Съ возрастаніемъ людскихъ пороковъ естественно возрасла ненависть къ истинѣ и предоставлено господство лести и лжи. Помню, что я часто говорилъ это, иногда даже писалъ, но слѣдуетъ говорить и писать объ этомъ чаще: не прекратится плачъ раньше скорби. Это соображеніе прежде заставило меня написать буколическое стихотвореніе, родъ поэмы съ двоякимъ смысломъ (poëmatis ambigui), чтобы оно, будучи понятно немногимъ, тѣмъ бо̀льшему количеству могло бы доставить наслажденіе, потому что у нѣкоторыхъ вкусъ до того испорченъ, что извѣстный вкусъ (notus sapor), хотя бы и весьма пріятный, ихъ оскорбляетъ и доставляетъ наслажденіе все неизвѣстное, хотя бы оно было и очень жесткимъ (asperiora)". Такимъ образомъ цѣль эклогъ съ одной стороны замаскировать опасную истину, съ другой — доставить удовольствіе аллегоріей. Къ первой категоріи изъ 12 эклогъ принадле-

---

1) *Epistolarum poëticarum libri III.* (Въ Базельскихъ изданіяхъ Opera omnia. Кромѣ того, вмѣстѣ съ *Bucolica* изданы *Rossetti*, *Poëmata minora, quae extant, omnia. Milano 1819—24.* Всѣхъ писемъ 67 (I—14; II—19; III—34).

2) См. *Ginguené,* l. c. p. 481 и слѣд. *Feuerlein,* l. c. p. 220. *Voigt*, l. c. I p. 30.

3) Körting, l. c. p. 679 и слѣд.

4) I, 7; II, 1. Ср. II, 17 и 19; III, 8 и 27 etc.

5) II, 11 и 18.

6) II, 12; III, 24.

7) Воззваніе къ Бенедикту XII, I, 2 и 5. Ср. I, 14.

8) *Bucolicum carmen in XII aeglogas distinctum.* Въ Базельскихъ изданіяхъ Opera omnia. О другихъ изданіяхъ и переводахъ см. Ferrazzi, p. 772—773.

жать только самое большее — 4. Остальныя же или касаются уже совсѣмъ безобидныхъ сторонъ современной дѣйствительности или излагаютъ нисколько не опасныя теоретичесскія воззрѣнія Петрарки и факты изъ его внутренней жизни.

Историческій интересъ этихъ стихотвореній весьма ограниченъ. Хотя Петрарка самъ издалъ объясненіе ихъ содержанія[1]), тѣмъ не менѣе ихъ частности, которыя могли бы имѣть значеніе, остаются непонятными; а общій смыслъ, истолкованный самимъ авторомъ, полнѣе и яснѣе выраженъ въ другихъ его сочиненіяхъ. Такъ, въ первой эклогѣ — Parthenias Петрарка выводитъ на сцену двухъ пастуховъ — Моника и Сильвія: послѣдній изображаетъ самого поэта[2]), первый его брата — монаха; рѣчь идетъ о поэзіи и богословіи, о жизни дѣятельной и созерцательной. Основная мысль эклоги заключается, повидимому, въ томъ, что поэзія не вредитъ религіи. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что представителемъ поэтовъ является пророкъ Давидъ[3]), а въ то же время Богоматерь изображена подъ видомъ богини Pales, а Христосъ подъ видомъ Аполлона[4]).

Сюжетъ второй эклоги — *Argus* заимствованъ изъ современности. Собесѣдники (Сильвій — авторъ, Ideus — Дж. Барили и Phytius — Barbato Sulmonese) ведутъ рѣчь о смерти Андрея Неаполитанскаго. По мнѣнію Гортиса, эклога написана вслѣдствіе того, что Петрарка не хотѣлъ открыто нападать на дочь своего благодѣтеля[5]). Дѣйствительно, авторъ простираетъ здѣсь свою осторожность на собственное объясненіе эклоги, въ которомъ, открывая имена собесѣдниковъ, умалчиваетъ о содержаніи ихъ разговора. — Въ третьей эклогѣ — *Amor pastorius* — идетъ рѣчь о любви автора (Stupeus) къ поэзіи (Damne) и о его короновании на Капитоліи. По объясненію самого Петрарки, въ эклогѣ имѣется въ виду только поэзія[6]); но одинъ изъ совре-

---

1) *Epytomata domini francisci petrarce super suis bucolicis.* Впервые изданы Гортисомъ по кодексу CCXXXII Моденской Biblioteca Estense (l. c. p. 359). Гортисъ предпослалъ изданію превосходный очеркъ (Delle egloghe del Petrarca. Ibid. p. 221 и слѣд.), въ которомъ сопоставляетъ историко-литературныя свѣдѣнія объ эклогахъ и приводитъ ихъ толкованія.

2) Per Siluium ipse poëta huius operis autor intelligi debet. eo quod diu siluam et solitudinem pro suo ocio incoluit. uel siluius a silua. i. a civitate. Nam silua pro cuitate per totum opus intelligi potest. Epytomata, p. 359. Объясненію этой эклоги Петрарка посвятилъ еще одно письмо къ брату. Epist. famil. IV, 10.

3) Per totam inscripti collocutores disputant de theologia poesi, in qua poeta precipuus intraducitur david. Epyt. Ibid.

4) Hortis l. c. p. 236.

5) Ibid. p. 241.

6) Naturali enim inclinatione ipse poeta hic dictus stupeus ad poeticam artem

менныхъ автору комментаторовъ, а за нимъ и Гортисъ утверждаютъ, что подъ именемъ Damne скрываются не только поэтическія лавры, но и Лаура[1]), вслѣдствіе чегó подъ чувствомъ Stupeus'а Петрарка изображаетъ не только свой интересъ къ поэзіи, честолюбивое стремленіе къ лаврамъ, но также и любовь къ Лаурѣ. Съ этой точки зрѣнія эклога имѣла бы важный біографическій интересъ, если бы можно было выяснить ея содержаніе. Четвертая эклога, *Daedalus,* трактуетъ о поэзіи. По объясненію Петрарки, собесѣдники „разсуждаютъ, почему у итальянцевъ поэзія процвѣтала болѣе, чѣмъ у галловъ, и приходятъ къ заключенію, что мы итальянцы въ этомъ счастливѣе“ [2]). Три слѣдующія эклоги политическаго содержанія. Пятая — *Pietas pastoralis* — была посвящена Кола-ди-Ріенцо и представляетъ интересъ для политическихъ воззрѣній автора, являясь дополненіемъ къ его перепискѣ[3]). По объясненію Петрарки, въ ней „выводятся три пастуха Марцій, Аппицій и Фестинъ. Двое первыхъ разсуждаютъ, возможно ли возстановить Римъ, который они называютъ матерью. Марцій — фамилія Колонна, названная такъ отъ Марса, потому что Колонны — люди воинственные. Аппицій — домъ Орсини (domus Ursina) отъ Аппиція, великаго мастера въ искусствѣ пировать, такъ какъ и сами Орсини весьма прилежатъ къ пирамъ и банкетамъ. Римскій народъ названъ Фестинусъ отъ необдуманности и непостоянства (a festinantia et mobilitate); но и онъ наконецъ признаетъ, что двое первыхъ не настоящіе римляне“ [4]). Эклоги шестая *(Pastorum pathos)* и седьмая *(Grex infectus)* служатъ дополненіемъ къ „Письмамъ безъ адреса“. Въ обѣихъ идетъ рѣчь о куріи; къ сожалѣнію объясненія Петрарки ограничиваются только истолкованіемъ дѣйствующихъ лицъ. Въ шестой эклогѣ: Pamphilus — ап. Петръ, Mitio — Климентъ VI, потому что авторъ нашелъ въ немъ сходство съ героемъ одной комедіи Теренція; въ седьмой дѣйствуетъ тотъ же Mitio и женщина Эпи, относительно которой Петрарка не даетъ никакихъ

---

dispositus fuit, cujus affectio quanta fuerit per discursum ipsius egloge patebit. damne ipsa poesis est. Ibid. p. 360.

1) Ibid. p. 242—244.

2) Epytoma, p. 361. Собесѣдники — Gallus fuit quidam proprio nomine philippus in musica summus artifex (Филиппъ де Витри, епископъ Мо) и Tyrenus — ipse poeta. Подъ Дедаломъ quisque legens hristum intelligat. homo enim super naturam ipse fuit sapientie eloquentie atque virtutum et artium omnium dator. Ibid.

3) Петрарка далъ объясненіе этой эклогѣ въ письмѣ къ римскому трибуну (Variae XLII).

4) Epytoma, p. 361—362. Гаспари считаетъ Festinus'а за Кола ди Ріенцо. L. c. I, 415.

объясненій[1]). Обѣ эти эклоги, непонятныя въ подробностяхъ, не лишены интереса для характеристики отношенія автора къ церкви.

Восьмая эклога *(Divortium)* автобіографическаго содержанія, такъ какъ Петрарка изображаетъ въ ней свой разрывъ съ Колоннами[2]). Девятая эклога *(Querulus),* въ которой оплакиваются бѣдствія чумы 1348 года, не представляетъ историческаго интереса. Автобіографическое значеніе имѣетъ десятая эклога — *Laurea occidens*. Рѣчь идетъ въ ней объ упадкѣ поэзіи; Но Петрарка, по собственному признанію, дѣлаетъ въ ней намеки „на благородную женщину, которую любилъ" и о которой онъ такъ рѣдко говоритъ въ своей латинской прозѣ[3]). Одиннадцатая эклога *(Galathea)* дополняетъ предшествующую. По объясненію Петрарки, Галатея изображаетъ уже умершую Лауру, а три собесѣдницы эклоги — Ніоба, Фуска и Фульгида аллегорія различныхъ состояній самого автора[4]). Заключительная эклога *(Conflictatio)* изображаетъ борьбу Англіи съ Франціей въ 1346 г. и не лишена интереса, какъ отголосокъ современныхъ мнѣній объ этомъ дѣлѣ[5]).

---

[1]) Epy vero grece latine supra significat. Ibid. p. 363. Современные Петраркѣ толкователи расходились въ пониманія этой фигуры: одни видѣли въ ней олицетвореніе Авиньёна, другіе — церкви. См. Hortis, p. 250. Быть можетъ, правильнѣе видѣть въ Epy — курію. Въ Epitoma Петрарка говоритъ: In hac septima Egloga titulus est grex infectus per quem poeta intelligit et innuit non solum ipsum summum pastorem lascivia et voluptatibus infectum sed etiam lasciviam cardinalium. Ibid. p. 362—363.

[2]) Дж.-Колонна Ganimes ipse cardinalis dicitur a Ganimede trojano ad concilium deorum rapto per Jouem in formam aquile transformatum sic et iste ad collegium cardinalium tractus est. Ibid. p. 363. Hortis пытается дать болѣе детальное объясненіе этой эклогѣ въ связи съ однимъ письмомъ безъ адреса. Ibid. p. 253 и слѣд.

[3]) Posses etiam dicere quod equiuoce faciat mentionem de morte illius lauree muliebris nobilis quam adamavit et quam celebrem materna eloquentia reddidit. Mortua est enim eo absente ut in fine egloge patebit. Важно также, что говоритъ Петрарка о своемъ собесѣдникѣ, который часто встрѣчается въ его перепискѣ. Socrates a magno Socrate dictus quidam germanus nomine louisius in musica peritissimus eius poete consocius atque amicissimus. Epytom. p. 364.

[4]) Inde galathea. i. candida dea per quam intelligitur illa cara domina de qua in egloga proxime precedenti mentionem fecit. Introducuntur autem tres collocutrices. Niobe. Fusca. et Fulgida, eo ipso quod homo est animal concupissibile, irascibile et rationale est. Cupit enim ipse poeta illam vivere et videre. Irascitur eam mortuam et queritur. castigat ratio appetitum et Iracundiam. Ibid. p. 364—365. Дальнѣйшее объясненіе представляетъ интересъ для психологическихъ воззрѣній Петрарки. In pectore prime due sunt. nam ex felle Irascibilitas et ex epate concupiscentia trahit originem. Ratio in arce capitis supereminet. dicitur... Fusca a materia circa quam versatur sepe concupiscentia de turpibus est. Fulgida quia nil ratione clarius. Ibid.

[5]) Эклога съ толкованіемъ обстоятельно изложена у Hortis'a, p. 191 и слѣд. Изъ Epytoma автора характерно названіе одного изъ собесѣдниковъ Multivolus. i. populus

Самое обширное изъ поэтическихъ произведеній Петрарки, его эпическая поэма *Африка*[1]), не лишено цѣны, какъ историческій источникъ. Автобіографическій интересъ представляетъ только лучшая часть поэмы и въ художественномъ отношеніи, именно, ея лирическія мѣста. Предсмертная рѣчь Магона въ VI книгѣ является въ извѣстномъ смыслѣ исповѣдью самого поэта. Мастерское изображеніе красоты Софонизбы и внутренней борьбы Массиниссы, который сначала предпочитаетъ любовь опасности, а потомъ отравляетъ любимую женщину, чтобы спасти себя отъ мести римлянъ[2]), показываетъ, какъ умѣлъ Петрарка цѣнить женскую красоту и понимать внутреннюю борьбу. Въ поэмѣ встрѣчаются и болѣе прямыя автобіографическія указанія. Такъ, Сципіонъ предсказываетъ своему сыну, что современемъ въ Тосканѣ родится поэтъ, второй Энній, который воспоетъ его подвиги и разрушеніе Карѳагена[3]). Въ другомъ мѣстѣ это пророчество повторяетъ самъ Энній, который разсказываетъ также о короновании Петрарки и о его историческихъ произведеніяхъ[4]). Лиризмъ эпической поэмы выражается между прочимъ въ томъ, что Петрарка по временамъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственныя воззрѣнія. Такъ, выводя на сцену языческихъ боговъ, онъ не рѣшается оставить христіанской точки зрѣнія. Ночью, наканунѣ рѣшительной битвы между Ганнибаломъ и Сципіономъ, богини Рима и Карѳагена умоляютъ Юпитера каждая за свой городъ, при чемъ первая приводитъ между прочимъ въ свою пользу тотъ аргументъ, что обитатели ея города современемъ будутъ поклоняться истинному Богу. Въ свою очередь Юпитеръ объявляетъ имъ, что

---

quia multa vult. Ibid. p. 365. Указаніе важнѣйшихъ разборовъ Эклогъ въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи литературы у Ferrazzi l. c. p. 773. Эти разборы носятъ по большей части эстетическій характеръ и не представляютъ интереса въ историческомъ отношеніи. Послѣ выхода книги Ferrazzi появилась въ журналѣ Propugnatore новая работа *Ruberto, Le Ecloghe del Petrarca*. Мнѣ извѣстно только Discorso preliminare (Propugnatore XI, 1878, p. 245 и слѣд.), въ которомъ авторъ дѣлаетъ эскизный обзоръ предшествующей критики и выясняетъ свою задачу. A me preme d'intendere, говоритъ онъ, le ecloghe del nostro Petrarca, e a questo fine tenterò ogni via, studiandomi di comentare poeta col poëta o con la storia (Ibid. p. 288). Изъ позднѣйшей литературы о Петраркѣ не видно, чтобы труды Ruberto увѣнчались успѣхомъ.

1) Текстъ Африки напечатанъ въ базельскихъ изданіяхъ. Лучшее изданіе *Africa nunc primum emendata, curante Francisco Corradini. Padova 1874.* (Padova a Fr. Petrarca il XVIII luglio MDCCCLXXIV). Другія изданія и переводы. Ferrazzi, p. 763—769.

2) Lib. V.

3) Lib. II. Vers. 441 и слѣд.

4) Lib. IX. Vers. 23—64 и 304.

онъ намѣренъ въ скоромъ времени вочеловѣчиться и претерпѣть смерть для спасенія людей[1]). Въ одномъ мѣстѣ поэмы встрѣчается рѣзкая выходка противъ дѣленія власти между консулами и восхваленіе преимуществъ единовластія[2]); въ другомъ выражено твердое убѣжденіе, что Римъ, несмотря на временный упадокъ, навсегда останется столицею міра[3]). Наконецъ, Африка служитъ дополненіемъ къ историческимъ произведеніямъ Петрарки. Въ пророчествѣ Сципіона[4]) не безъ основанія видятъ списокъ тѣхъ знаменитыхъ мужей, которые должны были войти въ его книгу De viris illustribus. Далѣе, и въ поэмѣ Петрарка пользуется тѣми же источниками, которые лежатъ въ основаніи его историческихъ произведеній. Въ ея построеніи онъ подражаетъ Энеидѣ, а содержаніе заимствуетъ изъ римскихъ писателей, преимущественно изъ Ливія и Флора, при чемъ иногда нѣсколько украшаетъ источникъ, а изрѣдка неправильно его понимаетъ[5]).

Къ числу поэтическихъ произведеній Петрарки слѣдуетъ отнести его *„Покаянные псалмы“*[6]) и молитвы, хотя тѣ и другія и напи-

---

[1]) Lib. VI. Vers. 500—728.

[2]) Lib. VIII. Vers. 547—611.

[3]) II. Vers. 1—383.

[4]) Ibid.

[5]) См. Körting, p. 657 и слѣд. Примѣръ недоразумѣнія у Петрарки ibid. p. 668. Отзывы объ Африкѣ въ общихъ сочиненіяхъ не представляютъ интереса (до 1878 года они перечислены у Ferrazzi, p. 768); исключеніе составляетъ книга Кёртинга, который, кромѣ эстетической оцѣнки, указываетъ источники Петрарки и отношеніе къ нимъ поэта. Заслуживаетъ вниманія только вопросъ объ отношеніи Петрарки къ Силію Италику. Въ XVI вѣкѣ Н. Франко упрекалъ Петрарку, что онъ не зналъ своего предшественника, а *Lefebure de Villebrune* въ изданіи Силія Италика 1781 года наоборотъ обвинилъ его въ плагіатѣ. Это обвиненіе встрѣтило цѣлый рядъ рѣзкихъ опроверженій, наиболѣе обстоятельныя изъ которыхъ принадлежатъ Baldelli (l. c. p. 199 и слѣд.) и *Occioni (Cajo Silio Italico e il suo poëma. Studi. Firenze 1871)*. Обвиненіе падало само собою, такъ какъ до послѣдняго времени держалось мнѣніе, что Петрарка не зналъ Силія, который былъ открытъ Поджіо только въ 1417. (Это мнѣніе повторено между прочимъ Кёртингомъ l. c. p. 656). Между тѣмъ Арригони нашелъ въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Петраркѣ, и De secundo bello Punico Силія, экземпляръ этого сочиненія, оказывается, былъ подаренъ поэту кардиналомъ Колонною. *(Arrigoni, Souvenirs de Pétrarque. Milan 1883)*. См. Giornale stor. d. lett. ital. III, p. 467). Этотъ фактъ вызвалъ новую защиту противъ стараго обвиненія. Хотя Оччіони доказалъ невозможность плагіата сравненіемъ Африки съ ея мнимымъ оригиналомъ, тѣмъ не менѣе *Develay (Pétrarque et Silius Italicus*. Въ Bulletin du Bibliophile. 1883. Decembre) вновь защищаетъ Петрарку отъ обвиненія и пытается доказать, что манускриптъ Арригони не принадлежалъ поэту. (Послѣдняя работа мнѣ извѣстна только по рецензіи.)

[6]) *Psalmi poenitentiales* напечатаны въ Базельскихъ изданіяхъ XVI вѣка. Ихъ семь, и каждый изъ нихъ оканчивается обычнымъ Gloria patri etc.

саны прозой. Самая мысль написать такіе псалмы характерна для его настроенія. Подражаніе Давиду само собою приходило ему въ голову, потому что онъ переживалъ внутреннюю борьбу, и всѣ семь псалмовъ изображаютъ душевное страданіе, какъ ея результатъ[1]). Такимъ же характеромъ отличаются и молитвы[2]).

Итальянская поэзія Петрарки, которой онъ обязанъ за свою давнишнюю популярность, съ исторической точки зрѣнія имѣетъ сравнительно узкое значеніе. Canzoniere дѣлятъ обыкновенно на 4 части: въ первой Петрарка воспѣваетъ свою любовь при жизни Лауры *(Sonetti e canzoni in vita di madonna Laura)*, во второй — послѣ ея смерти *(Sonetti e canzoni in morte di madonna Laura)*; третью часть составляютъ лирическія стихотворенія различнаго содержанія *(Sonetti e canzoni sopra varj argomenti)*; четвертая заключаетъ въ себѣ аллегорическіе *Тріумфы (Trionfi in vita e in morte di madonna*

---

1) Для примѣра приведемъ третій. Miserere Domine dolorum meorum satisque superque volutatus sum et in coeno peccatorum meorum marcui miser. Et quid restat amplius afflicto. Tempus inutiliter abiit, vitam in consiliis expendi. Mors ante oculos meos adest et domus novissima sepulcrum et stridor ac gemitus gehennae. Quamdiu me deludit hodiernus dies sub expectatione crastini, quando incipiam ad te reverti? Siste jam fluctus, ac procellas animi, illumina consilium cordis mei et metam laboribus impone. Qui intellectum dederas, ut bene agere, tribuere voluntatem et in actum dirige, ne exprobratione tui muneris confundar. Eripe me a servitio tui et ne insultet in opus manuum tuarum prohibe, quoniam aliter, qui prohibeat non est. Libera me de suppliciis aeternis, sit mihi pars purgationis labor meus, quo hic per singulos dies exerceor. Reliquum mihi hac vita et in his membris exige, priusquam veniat tempus egestatis. Reduc me in vias tuas, aute solis occasum, advesperascit enim et nox est amica praedonibus. Coge ire si vocare parum est denique ut libet, modo ne peream. Respice, Domine, miserere quoniam tu solus omnes miserias nosti. Gloria. Opera. 1554, p. 370.

2) Молитвы Петрарки впервые издалъ Гортисъ (Scritti inediti, p. 367—72). Онѣ распадаются на три категоріи: 1) *Orationes contra tempestates aëreas* числомъ три: первая къ св. Лаврентію, вторая къ блаж. Агатѣ и третья къ самому Христу. 2) *Oratio quotidiana* и 3) *Oratio contra tempestates* (на морѣ). Всѣ онѣ не имѣютъ важнаго біографическаго значенія. Сюда-же относится стихотвореніе св. Магдалины. См. Fracass. Lett. Sen. XV, 15. О приписываемыхъ Петраркѣ молитвахъ, см. Ibid. p. 298—301. Комедія Петрарки *Philologia* считается утраченною. См. о ней Voigt. I, 155. Körting, p. 531—532. Mehus (Vita Traversarii, p. CCXXXIX) упоминаетъ приписываемое Петраркѣ сочиненіе *De casu Medeae miserrimae, postquam a pravo proditore Jasone fuit in deshabitata insula derelicta, opus nobilissimum.* Сначала изложенъ самый миѳъ; потомъ Медея произноситъ рѣчи къ Сатурну, Юпитеру, Аполлону, Венерѣ, Меркурію, Діанѣ, Плутону и прочимъ богамъ. Сочиненіе остается неизданнымъ. Рукописи у Voigt'а II, p. 411. Другое неизданное произведеніе, которое также считается подложнымъ, носитъ названіе: *Comoedia edita a laureato viro domino Francisco Petrarca super dextructione Caesenae* (Mehus. Ibid.).

Laura)[1]). Историческій интересъ двухъ первыхъ отдѣловъ исчерпывается вопросомъ объ отношеніи Петрарки къ любви. Что это было чувство вполнѣ реальное, что поэтъ не только переживалъ любовь, но и наблюдалъ за своей внутренней жизнью, передавая тончайшіе оттѣнки чувства — это признаютъ всѣ наиболѣе крупные критики Петрарки. Точно такъ же никто болѣе не сомнѣвается, что трубадуры оказали только формальное вліяніе на лирическую поэзію перваго гуманиста, а ея содержаніе почерпнуто поэтомъ изъ реальной исторіи собственнаго сердца. Поэтому обзоръ критики Canzoniere, представляющей любопытный эпизодъ въ исторіи эстетическихъ воззрѣній новаго времени, не имѣетъ интереса съ нашей точки зрѣнія[2]). То же самое можно сказать и о комментаторахъ. Заслуживаетъ вниманія только тотъ фактъ, что изъ 400 изданій Canzoniere къ періоду до начала XVII вѣка относится болѣе 200, а 68 изъ нихъ появились до 1525 года и что между его комментаторами встрѣчаются такія имена, какъ Л. Марсильи, Кандидо Дечембріо и Филельфо[3]).

---

[1]) Хотя это дѣленіе не основано на автографѣ Петрарки, гдѣ отдѣлъ, названный у насъ третьимъ, не былъ выдѣленъ изъ двухъ первыхъ (см. *Pakscher, Die Chronologie der Gedichte Petrarcas. Berlin 1887*, р. 5 и слѣд.), тѣмъ не менѣе я удерживаю его въ виду удобства для исторической оцѣнки Canzoniere. Изданій Rime около 400. Кардуччи, который составилъ исторію текста Canzoniere, насчитываетъ до конца 1875 года 367 изданій. Онъ дѣлитъ ихъ по характеру текста на 4 періода — 1-й отъ 1470 до 1525 содержитъ 68 изданій.

2-й	» 1525	» конца XVI вѣка	135	»
3-й	» 1722	» 1819	—	72	»
4-й	» 1819	» 1875	—	75	»

Кромѣ того, отъ 1600 до 1722 было сдѣлано 17 изданій *(Rime di Francesco Petrarca sorpra argamenti storici, morali e diversi. Saggio di un testo e commento nuovo a cura di Grosuè Carducci. Livorno 1876. Prefaz. p. XVIII—XXIX.*

[2]) Литература о Canzoniere приведена у Ferrazzi (р. 645—667); тѣ ея произведенія, которыя имѣютъ историческій интересъ, будутъ разсмотрѣны ниже.

[3]) Къ XV вѣку относятся комментаріи тріумфовъ *Bernardino Ilicino* и ко всей поэзіи *Antonio da Tempo*. *Филельфо* публично объяснялъ Canzoniere въ Миланѣ. Его краткія замѣтки продолжены *Скварчіафико*. Въ XVI вѣкѣ Rime комментировали: *Fausto da Longiano* и *Silvano da Venafro,* которые сопоставляли сонеты съ латинскими сочиненіями и пытались опредѣлить ихъ хронологію. *Marco Mantova Benavides,* Падуанскій юристъ, вноситъ ragion civile, по выраженію Кардуччи, и сравниваетъ сонеты съ античными и церковными писателями. Всѣ эти комментаріи изданы только 1 разъ. *Alessandro Velutello* въ Авиньонѣ собиралъ свѣдѣнія о Петраркѣ и Лаурѣ (его комментаріи напечатаны 27 разъ) *Bernardino Daniello* (въ 2 изданіяхъ) сравнивалъ Петрарку съ Данте и латинскими поэтами. *Giovan Andrea Gesualdo da Traietto* составилъ обширный комментарій (9 изданій), въ которомъ разбираетъ своихъ предшественниковъ. Лучшимъ Кардуччи считаетъ *Castelvetro* (одно изданіе). *Anastagio Gregorio Giraldi* не изданъ (кодексъ № 2451 университетской библіотеки Болоньи); замѣчанія реторическія и параллельныя мѣста изъ разныхъ

Это обстоятельство можетъ служить однимъ изъ аргументовъ противъ обычнаго обвиненія гуманистовъ въ слѣпомъ увлеченіи древностью и въ презрѣніи ко всему національному.

Но любовная поэзія Петрарки имѣетъ важное историческое значеніе еще въ другомъ отношеніи. Его стихотворенія захватываютъ обширный періодъ его жизни (около 30 лѣтъ), и ихъ хронологія можетъ оказать существенное подспорье для *внутренней исторіи* перваго гуманиста, которая имѣетъ несомнѣнно важное значеніе для пониманія всего движенія. Но установленіе хронологическихъ датъ для отдѣльныхъ стихотвореній не удалось до настоящаго времени, хотя имѣетъ уже весьма продолжительную исторію. Уже въ XVI вѣкѣ *Велютелло, Джезуальдо* и *Даніелло*[1]) пытались разрѣшить эту задачу, но ихъ попытки при тогдашнемъ состояніи свѣдѣній о Петраркѣ не могли быть удачными. Точно также не удалось это дѣло и Де-Саду, не смотря на всѣ его старанія[2]). Въ XIX столѣтіи попробовали подойти къ этому вопросу съ другой стороны. „Дѣло психолога, говоритъ Бутервекъ, съ точностію опредѣлить хронологію сонетъ и канцонъ, содержаніе которыхъ составляетъ Лаура и любовь"[3]). На основаніи психическихъ признаковъ Кине раздѣлилъ стихотворенія Петрарки на періоды[4]), а *Менегелли* и *Спади* пытались опре-

---

стихотвореній. Комментаторамъ этой эпохи Кардуччи даетъ такую общую характеристику: differenti molto in valore, pur conferiscano tutti alla intelligenza o erudita o poetica o grammatica o storica del Canzoniere (Prefaz. p. XXXIV). Кромѣ того въ XVI вѣкѣ былъ цѣлый рядъ комментаторовъ отдѣльныхъ мѣстъ Canzoniere (*Giovanbattista da Castiglione, Antonio Brucioli, Ludovico Dolce, Giulio Camillo, Ludovico Beccadelli, Girolamo Muzio* и нѣсколько анонимовъ; съ чисто грамматической точки зрѣнія комментировали: *Francesco Alunno, Bembo* и одинъ анонимъ). Въ XVII вѣкѣ одинъ комментаторъ *Tassoni*. Въ XVIII вѣкѣ знаменитый *Muratori*, составившій эстетическій комментарій, *Sebastiano Pagello* и *Ternow* (отдѣльныя замѣчанія сдѣланы *Salvini* и *Vittorio Alfieri*). Въ XIX вѣкѣ *Antonio Meneghelli Luigi Spad* сдѣлали попытку хронологически расположить отдѣльныя. Наиболѣе важны комментаріи *Biagioli*, страстнаго поклонника Петрарки, сравнивавшаго его съ Данте и знаменитаго *Леопарди*, который хотѣлъ подражать схоліастамъ и сдѣлать Canzoniere доступными «женщинамъ, дѣтямъ и иностранцамъ». Кромѣ того, сводъ предшествующихъ комментарій съ нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями былъ сдѣланъ: *Carlo Albertini, Luigi Carrer* и *Francesco Ambrosoli*. Точно также съ примѣчаніями изданы нѣмецкіе переводы Förster'а и Kekule. Carducci. Prefazione, p. XXXI—XLVIII. Ср. Ferrazzi, p. 683—728. о комментаріи Дечембріо см. ниже.

1) *Vellutello, Le volgari opere del Petrarcha con l'espositione. Venezia 1525; Gesualdo, Il Petrarcha colla Espositione Venezia 1533; Daniello, Sonetti, Canzoni e Triumphi di messer Francesco Petrarcha con la spositione. Venezia 1541.*

2) О Де-Садѣ, см. ниже.

3) Bouterweck, l. c. p. 157.

4) Quinet, l. c. p. 135—136.

дѣлить хронологическія даты отдѣльныхъ стихотвореній[1]). Но всѣ эти хронологическія построенія, сдѣланныя на чрезвычайно субъективныхъ основаніяхъ, не только не дали прочныхъ результатовъ, но вызвали возраженія противъ самой задачи. Правда, нѣкоторые изслѣдователи, какъ напр., знаменитый *Леопарди*, продолжали настаивать на желательности и необходимости такой хронологіи[2]), но Кёртингъ считаетъ ее невозможной[3]), а нѣкоторые и весьма авторитетные писатели даже и ненужной. Такъ, по мнѣнію Де-Санктиса, если бы и удалось установить хронологію, то *исторія* любви Петрарки, написанная на этомъ основаніи, представляла бы собой романъ, совершенно непохожій на дѣйствительность, потому что Canzoniere — дневникъ влюбленнаго, а не изложеніе развитія его чувства[4]). Еще рѣшительнѣй выражается новѣйшій историкъ итальянской литературы *Гаспари*. „Любовь Петрарки, говоритъ онъ, не имѣетъ внѣшняго развитія; съ того мгновенія, когда онъ въ первый разъ увидалъ свою Лауру въ церкви св. Клары, его любовь оставалась на томъ же самомъ пунктѣ 21 годъ, до самой ея смерти"[5]). Не смотря на всю невѣроятность съ психологической точки зрѣнія утвержденій Де-Санктиса и Гаспари, фактическое ихъ опроверженіе возможно только при документальной хронологіи отдѣльныхъ стихотвореній и недавно открытый автографъ Петрарки даетъ надежду на ея научное установленіе.

29 мая 1886 года въ *Journal officiel* и въ *Gazzetta Piemontese* было объявлено, что *Пьеръ Де-Нолакъ* открылъ автографъ Canzoniere Петрарки и двухъ другихъ его сочиненій. Вслѣдъ за тѣмъ Де-Нолакъ сдѣлалъ сообщеніе объ этомъ открытіи, изъ котораго видно, что автографы находятся въ Ватиканской библіотекѣ, гдѣ Cod. Vat. № 3196 заключаетъ въ себѣ разрозненные листки Canzoniere, Cod. Vat. 3195 — все сочиненіе, Cod. Vat. 3358 Opus Bucolicum и Cod. Vat. 3359 *De sui ipsius et multorum ignorantia*[6]). 3 іюня 1886 года *Пакшеръ* заявилъ въ Rassegna, что

---

1) *Meneghelli, Le rime di F. Petrarca. Padua 1819; Spadi, Il Canzoniere di F. Petrarca riordinato Firenze 1858.*

2) См. Carducci, l. c. p. XLIII—XLIV и Pakscher, p. 2.

3) Körting, l. c. p. 701.

4) *De Sanctis, Saggio critico sul Petrarca. Napoli 1883.* p. 97.

5) *Gaspary*, l. c. I, p. 462.

6) *Pierre De Nolhac, Le canzoniere autographe de Pétrarque. Communication faite à l'académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris 1886. Idem, Note sur deux autographes de Pétrarque* (въ Revue critique d'histoire et de litterature. Paris, 1886, p. 469). Автографъ Canzoniere былъ извѣстенъ уже Томазини, о которомъ см. ниже.

это открытіе сдѣлалъ также и онъ независило отъ Де-Нолака. Послѣ продолжительнаго спора между обоими учеными[1]), изъ котораго оказалось, что честь открытія принадлежитъ имъ обоимъ, а первенство Де-Нолаку[2]); послѣ полемики по поводу подлинности автографовъ, изъ которой выяснилась предшествующая исторія рукописей и ихъ палеографическія особенности[3]), Пакшеръ сдѣлалъ въ особомъ сочиненіи[4]) новую и весьма важную попытку установить хронологію стихотвореній Петрарки. На основаніи тщательнаго наблюденія надъ автографами Пакшеръ пытается опредѣлить, какъ составлялъ Петрарка Canzoniere[5]), и приходитъ къ убѣжденію, что при окончательной редакціи онъ держался хронологическаго порядка[6]). Такъ какъ нѣкоторыя стихотворенія въ черновыхъ наброскахъ имѣютъ даты, въ другихъ точная хронологія дана самымъ содержаніемъ, то такія стихотворенія опредѣляютъ время составленія промежуточныхъ[7]). Вопросъ этимъ, конечно, далеко не рѣшенъ: самъ Петрарка уклонялся отъ хронологическаго принципа[8]), да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принципъ этотъ проведенъ послѣдовательно, хронологія большинства стихотвореній опредѣляется приблизительно, въ предѣлахъ двухъ или трехъ лѣтъ. Тѣмъ не менѣе первые шаги на весьма трудномъ пути сдѣланы, и то, что уже сдѣлано, имѣетъ важное значеніе для внутренней исторіи перваго гуманиста.

Значительный историческій интересъ представляютъ стихотворенія Петрарки политическаго содержанія[9]). Первое мѣсто между ними

---

1) *Pakscher, Il canzoniere Petrarchesco.* (Въ Fanfulla della domenica VIII, № 28) *De-Nolhac, Un'ultima parola sul Canzoniere Petrarchesco*). Кромѣ того, полемика велась въ *Deutsche Litteratur Zeitung* (B. VII). См. *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft* IX, p. 261.

2) См. *Renier, L'autografo Canzoniere petrarchesco.* Въ Giornale storico della litteratura italiana VII, p. 463 и слѣд.). *Geiger, Neue Schriften zur Litteratur der italienischen Renaissance.* (Въ Zeitschrift für Vergleichende Litteratur-Geschichte und Rennaissance Litteratur. 1887—88, p. 480).

3) *De Nolhac, La bibliothèque de Fulvio Orsini. Paris 1887. Idem, Facsimilés de l'écriture de Pétrarque et appendices au „canzoniere autographe" avec des notes sur la bibliothèque Pétrarque. Rome 1887*; *Pakscher, Di un probabile autographo Boccacescho.* (Въ Giorn. stor. della litter. ital. VIII p. 364); *Idem, Aus einem Katalog des Fulvius Ursinus.* (Въ Zeitschrift für romanische Philologie. X. B. 1887, p. 205 и слѣд.). *Appel, Die Berliner Handschriften der Rime Petrarca's Berlin 1886.*

4) *Pakscher, Die Chronologie der Gedichte Petrarcas. Berlin 1887.*

5) Ibid. p. 20, 21 и слѣд.

6) Ibid. p. 28 и слѣд.

7) Ibid. Chronologische Tabelle p. 130.

8) Ibid. p. 31—32; 96, 97, 104, 134.

9) Превосходное изданіе съ обширными комментаріями этой части стихотвореній Петрарки сдѣлано Carducci (Livorno 1876). Въ весьма полезномъ предисловіи, гдѣ

занимаетъ неподражаемая по искренности патріотическаго чувства канцона *Italia mia*, одно изъ самыхъ лучшихъ стихотвореній Петрарки. Поэтъ изображаетъ въ ней бѣдствія, которыя причиняютъ Италіи наемныя войска, преимущественно нѣмецкія, обвиняетъ за это сеньёровъ и требуетъ прекращенія этого зла установленіемъ прочнаго мира[1]). Идеи, выраженныя въ этой канцонѣ, не разъ встрѣчаются въ другихъ произведеніяхъ Петрарки и въ особенности въ его перепискѣ[2]); тѣмъ не менѣе стихотвореніе имѣетъ важность, какъ превосходная иллюстрація чувствъ перваго гуманиста. Кромѣ того, въ канцонѣ есть два мѣста, въ которыхъ думаютъ найти указаніе на отношеніе Петрарки къ имперіи: въ одномъ изъ нихъ поэтъ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на „баварскій обманъ", въ другомъ убѣждаетъ ихъ „не дѣлать идоломъ пустое имя безъ содержанія"[3]). Большинство комментаторовъ, начиная съ Филельфо, относили канцону къ 1328 году, когда Людовикъ Баварскій совершилъ походъ въ Италію, и въ приведенныхъ мѣстахъ видѣли намеки или на этого императора или на имперію вообще[4]). Впервые Де-Садъ, а за нимъ Кардуччи, Дзумбини и Пакшеръ отнесли стихотвореніе къ 1344—45 годамъ, когда происходила Пармская война, и истолковали „баварскій обманъ", какъ намекъ на знаменитаго герцога Вернера, который былъ родомъ изъ Баваріи, или какъ синекдоху вмѣсто нѣмецкій обманъ, а „пустое имя", какъ старую репутацію нѣмецкой воинственности[5]). Но это воззрѣніе не нашло себѣ общаго

изложена исторія текста canzoniere и названы его комментаторы. Кардуччи сводитъ задачи своей работы къ 6 пунктамъ: 1) опредѣлить „время, поводъ и содержаніе каждаго стихотворенія;" 2) объяснять встрѣчающіеся тамъ намеки на событія личной жизни и на современность; 3) выяснить смыслъ; 4) отмѣтить знаніе древности. 5) указать заимствованія идей и выраженій изъ латинскихъ прозаиковъ и церковныхъ писателей; 6) сравнить особенности языка съ языкомъ Данте и Баккачіо; (Prefaz. p. XLVIII). Онъ приводитъ въ началѣ мнѣнія предшественниковъ, соглашаясь, или дополняя, или оспаривая ихъ.

[1]) По изданію Carducci XX.

[2]) Мѣста приведены у Carducci p. 128.

[3]) Nè v'accorgete ancor, per tante prove,
De'l bavarico inganno
Ch'alzando'l dito con le morte scherza?

и другое:

Non far idolo un nome
Vano, senza soggeto.

[4]) См. Carducci, p. 120 и слѣд.

[5]) Carducci, p. 122. Pakscher l. c. p. 75 и слѣд. Изъ раннихъ комментаторовъ аналогичное толкованіе даетъ только Марсильи (Carducci, p. 109 и 111). О Zumbini см. ниже.

признанія: Де-Санктисъ продолжаетъ раздѣлять старое мнѣніе о хронологіи канцоны, а Д'Анкона, относя „пустое имя" къ имперіи, датируетъ стихотвореніе 1356 или даже 1370 годомъ, когда Петрарка разочаровался въ Карлѣ IV[1]). Послѣднее мнѣніе намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, хотя по существу дѣла вопросъ останется спорнымъ, если даже удастся точно установить хронологію стихотворенія, потому что Петрарка никогда не былъ послѣдовательнымъ гибеллиномъ.

Цѣлую библіотеку составляютъ комментаріи къ другой знаменитой канцонѣ Петрарки Spirto gentil. Принадлежа къ числу наилучшихъ произведеній поэта по художественнымъ свойствамъ, канцона иллюстрируетъ тѣ же его чувства и идеи, которыя выражены главнымъ образомъ въ его письмахъ къ Кола ди Ріенцо, — любовь къ Риму и Италіи, вѣра въ возможность возстановить ихъ утраченное величіе или, по крайней мѣрѣ, объединить Италію, и глубокая ненависть къ хищнымъ баронамъ. Съ исторической точки зрѣнія канцона не даетъ ничего новаго, и ея многочисленныя комментаріи не представляютъ значительнаго интереса. Весь споръ сводится къ вопросу о томъ, къ кому обращено это стихотвореніе. До конца семидесятыхъ годовъ большинство комментаторовъ считало адрессатомъ канцоны Кола ди Ріенцо; но Кардуччи удалось сильно поколебать это мнѣніе, хотя его продолжаютъ раздѣлять такія авторитетныя имена, какъ Д'Анкона, Торрака, Гаспари и друг. Кандидатъ самого Кардуччи, Джіованни Колонна не встрѣтилъ сочувствія въ ученой средѣ: вмѣсто него выставлены: Джакопо Габріелли и Бузоне да Губбіо[2]). За послѣдніе три года споръ затихъ, и Бузоне да Губбіо, на основаніи документальныхъ данныхъ, имѣетъ наиболѣе шансовъ на побѣду[3]), хотя борьба можетъ снова возгорѣться. Если канцона дѣйствительно обращена къ Бузоне, о дѣятельности котораго почти ничего неизвѣстно и котораго Петрарка самъ зналъ только по наслышкѣ, то стихотвореніе представляетъ новое подтвержденіе вѣры перваго гуманиста въ могущество личности въ дѣлѣ установленія общественныхъ порядковъ.

Два стихотворенія — сонетъ *Il succesor di Carlo* и канцона *O aspettata in ciel* — выражаютъ сочувствіе Петрарки къ новому

---

[1]) De-Sanctis, Saggio, p. 194, 197, *D'Ancona, Studi di critica e storia letteraria. Bologna 1880,* p. 32. См. также *Bartoli,* Storia di letterat. ital. VII, 146.

[2]) Литература этой канцоны до 1878 года приведена у Ferrazzi, 714 и слѣд. Carducci въ 1876 далъ ея критическій обзоръ (l. c. p. 42 и слѣд.). Новѣйшіе комментаріи со всей ихъ аргументаціей разсмотрѣны у Pakscher'a (l. c. p. 40 и слѣд.).

[3]) См. въ особенности *Bartoli, Da un codice Ashburnhamiano* (Domenica del Fracassa 1885, № 2) и Pakscher, l. c.

Крестовому походу, который предполагалъ предпринять Филиппъ IV Красивый. Первый гуманистъ восторженно привѣтствуетъ средневѣковое предпріятіе, при чемъ краснорѣчиво выражаетъ въ канцонѣ свое благочестіе[1]), а въ сонетѣ — твердый католицизмъ, признавая папу намѣстникомъ Христа со всѣми правами этого сана. Но въ то же время Крестовый походъ вызываетъ въ поэтѣ массу воспоминаній изъ античной миѳологіи и исторіи[2]), и онъ пользуется случаемъ въ поэтической формѣ еще разъ формулировать свою обычную проповѣдь о возвращеніи папы въ Римъ[3]). Соединеніе стараго съ новымъ и отчасти переработка старыхъ стремленій въ духѣ новыхъ потребностей, характерная черта литературной дѣятельности Петрарки, обнаруживается и въ его поэзіи. — Три сонета (по нумераціи Кардуччи №№ XXII, XXIII и XXIV), направленные противъ куріи, составляютъ дополненіе къ „Письмамъ безъ адреса". Ихъ историческій интересъ заключается точно также въ иллюстраціи выраженнаго въ прозѣ настроенія и тѣсной связи латинскихъ и итальянскихъ произведеній перваго гуманиста. И судьба этихъ сонетовъ была одинакова съ „*Письмами безъ адреса*": они были внесены на Тридентскомъ соборѣ въ списокъ запрещенныхъ книгъ[4]).

Остальныя стихотворенія этой категоріи не имѣютъ значительнаго интереса съ нашей точки зрѣнія. Въ нихъ обнаруживаются тѣ же стремленія и симпатіи Петрарки, которыя выражены съ бóльшей рельефностью или въ латинскихъ сочиненіяхъ[5]) или въ первой части Canzoniere[6]). Заслуживаетъ особеннаго вниманія только сонетъ *Cara la vita*, потому что въ немъ выраженъ иной взглядъ на женщину,

---

1) Forse i devoti e gli amorosi preghi
E le lagrime sante de'mortali
Son qiunte inanzi a la pietà superna etc. Carducci, p. 22.

2) См. канцону vers. 61 и слѣд.

3) E'l vicario di Cristo con la soma
De le chiavi e de'l manto a'l nido torna,
Si che, s'altro accidente no'l distorna,
Vedrà Bologna e poi la nobil Roma. Carducci, p. 19.

О комментаріяхъ и хронологіи обоихъ стихотвореній см. Carducci p. 29 и слѣд. и Pakscher, p. 33 и слѣд.

4) Исторія толкованій этихъ сонетовъ у Carducci, p. 145; хронологія у Pakschera, p. 82. Ср. также сонетъ XIV. Два сонета по поводу побѣды Колоннъ надъ Орсини (Carducci, №№ VI и VII) не имѣютъ историческаго интереса.

5) Такова, напр., канцона къ св. Дѣвѣ Маріи (*Vergine bella*) или сонетъ La gola e'l sonno (у Carducci, № 1).

6) См., напр., у Carducci, №№ IV, V, XII.

[illegible] также можно сказать и [illegible]
[illegible] Петрарки [illegible] что человѣкъ [illegible]
[illegible] въ свою [illegible]
[illegible] славы [illegible]
[illegible] — не характерна [illegible]
[illegible] заключается только въ [illegible]
[illegible] вѣяніе [illegible]
[illegible] нее Петрарка [illegible]
[illegible] будить [illegible]
[illegible] носится остатокъ [illegible]
[illegible] съ вѣчностью[1].

[illegible] произведеніями Петр[арки] [illegible] разницы въ осно[вѣ] [illegible] характерную [illegible] нитью проходитъ [illegible] изъ нихъ [illegible] отразился необык[новенный] [illegible] земной жизни. въ [illegible] De vita solitaria [illegible] уединенія и одушевленія [illegible] De otio religioso и De vera [illegible] схоластической богословіи. [illegible] произведенія Петрарки съ их [illegible] жизни и съ тщательны[мъ] [illegible]. Развитое чувство личн[ости] [illegible] эпистолографіи, кот[орая] [illegible] произведеніями Петрарки свидѣтельствует [illegible] и дѣйствительности: присутствіе [illegible] рѣчахъ Петрарки и даже въ тѣхъ, которы[я] [illegible], потому что всѣ онѣ одушевлен[ы] [illegible] человѣческаго слова. Та же самая черта обн[аруживается] [illegible] первато гуманиста: лирическія отступленія — [illegible] сторона его эпоса, а эстетическая цѣль [illegible] въ художественномъ изображеніи

[1] [illegible] имѣеть переводъ Петрарки новеллы [illegible]

[illegible] стихотворенія собраны *Ferrato* (*Rime* [illegible] *Carbone* (*Rime di Fr. Petrarca colla vita* [illegible] *Geiger*, *Italienische Schriften zur Petrarca* [illegible] Allgemeine Zeitung 1874, № 38). Ранняя лите[ратура] [illegible]

Крестовому походу, который предполагалъ предпринять Филиппъ IV Красивый. Первый гуманистъ восторженно привѣтствуетъ средневѣковое предпріятіе, при чемъ краснорѣчиво выражаетъ въ канцонѣ свое благочестіе[1]), а въ сонетѣ — твердый католицизмъ, признавая папу намѣстникомъ Христа со всѣми правами этого сана. Но въ то же время Крестовый походъ вызываетъ въ поэтѣ массу воспоминаній изъ античной миѳологіи и исторіи[2]), и онъ пользуется случаемъ въ поэтической формѣ еще разъ формулировать свою обычную проповѣдь о возвращеніи папы въ Римъ[3]). Соединеніе стараго съ новымъ и отчасти переработка старыхъ стремленій въ духѣ новыхъ потребностей, характерная черта литературной дѣятельности Петрарки, обнаруживается и въ его поэзіи. — Три сонета (по нумераціи Кардуччи №№ XXII, XXIII и XXIV), направленные противъ куріи, составляютъ дополненіе къ „Письмамъ безъ адреса". Ихъ историческій интересъ заключается точно также въ иллюстраціи выраженнаго въ прозѣ настроенія и тѣсной связи латинскихъ и итальянскихъ произведеній перваго гуманиста. И судьба этихъ сонетовъ была одинакова съ *„Письмами безъ адреса"*: они были внесены на Тридентскомъ соборѣ въ списокъ запрещенныхъ книгъ[4]).

Остальныя стихотворенія этой категоріи не имѣютъ значительнаго интереса съ нашей точки зрѣнія. Въ нихъ обнаруживаются тѣ же стремленія и симпатіи Петрарки, которыя выражены съ бо́льшей рельефностью или въ латинскихъ сочиненіяхъ[5]) или въ первой части Canzoniere[6]). Заслуживаетъ особеннаго вниманія только сонетъ *Cara la vita*, потому что въ немъ выраженъ иной взглядъ на женщину,

---

1) Forse i devoti e gli amorosi preghi
E le lagrime sante de'mortali
Son qiunte inanzi a la pietà superna etc. Carducci, p. 22.

2) См. канцону vers. 61 и слѣд.

3) E'l vicario di Cristo con la soma
De le chiavi e de'l manto a'l nido torna,
Si che, s'altro accidente no'l distorna,
Vedrà Bologna e poi la nobil Roma. Carducci, p. 19.

О комментаріяхъ и хронологіи обоихъ стихотвореній см. Carducci p. 29 и слѣд. и Pakscher, p. 33 и слѣд.

4) Исторія толкованій этихъ сонетовъ у Carducci, p. 145; хронологія у Pakschera, p. 82. Ср. также сонетъ XIV. Два сонета по поводу побѣды Колоннъ надъ Орсини (Carducci, №№ VI и VII) не имѣютъ историческаго интереса.

5) Такова, напр., канцона къ св. Дѣвѣ Маріи (*Vergine bella*) или сонетъ La gola e'l sonno (у Carducci, № 1).

6) См., напр., у Carducci, №№ IV, V, XII.

нежели въ латинской прозѣ[1]). То же самое можно сказать и о *Тріумфахъ* Петрарки. Ихъ основная мысль, что человѣка побѣждаетъ любовь, надъ которой торжествуетъ цѣломудріе, въ свою очередь побѣждаемое смертью; что смерть побѣждаетъ слава, славу — время, а время — божество или, точнѣе, вѣчность — не характерна для времени. Историческій интересъ этой аллегоріи заключается только въ томъ, что и въ ней, какъ повсюду, чувствуется вѣяніе индивидуализма въ автобіографическихъ указаніяхъ; и въ ней Петрарка стремится сообщить побольше свѣдѣній о древнемъ мірѣ и будить античныя воспоминанія. Но надъ всѣмъ этимъ еще носится остатокъ средневѣковаго настроенія: все — суета сравнительно съ вѣчностью[2]).

Въ цѣломъ и общемъ между латинскими произведеніями Петрарки и его итальянской прозой нѣтъ существенной разницы въ основномъ тонѣ и господствующемъ настроеніи. Ихъ общую характерную черту составляетъ *индивидуализмъ*, который красной нитью проходитъ черезъ всѣ сочиненія перваго гуманиста и въ каждомъ изъ нихъ находитъ своеобразное выраженіе. Въ De remediis онъ отразился необыкновеннымъ интересомъ къ индивидуальной земной жизни, въ чрезвычайной заботливости о земномъ счастьѣ; въ De vita solitaria онъ выразился эгоистическимъ пониманіемъ уединенія и одушевленнымъ панегирикомъ человѣческому духу; въ De otio religioso и De vera sapientia — страстной враждою къ схоластической богословіи. Индивидуализмъ создалъ автобіографическія произведенія Петрарки съ ихъ необычайнымъ интересомъ къ внутренней жизни и съ тщательнымъ анализомъ ея важнѣйшихъ стимуловъ. Развитое чувство личнаго достоинства объясняетъ появленіе инвективъ и эпистолографіи, которая вмѣстѣ съ другими произведеніями Петрарки свидѣтельствуетъ о его интересѣ къ природѣ и дѣйствительности; присутствіе индивидуализма чувствуется въ рѣчахъ Петрарки и даже въ тѣхъ, которыя произнесены не по его инціативѣ, потому что всѣ онѣ одушевлены вѣрою въ могущество человѣческаго слова. Та же самая черта обнаруживается въ поэзіи перваго гуманиста: лирическія отступленія — единственная художественная сторона его эпоса, а эстетическая цѣна его итальянской лирики заключается въ художественномъ изображеніи

---

[1]) У Carduci, № XXVIII. Такое же значеніе имѣетъ переводъ Петрарки новелли Боккаччіо о Гризельдѣ.

[2]) Приписываемые Петраркѣ спорныя стихотворенія собраны *Ferrato (Rime attribuite a F. Petrarca. Padova 1874)* и у *Carboni (Rime di Fr. Petrarca colla vita del medesimo. Torino 1874)*. См. о нихъ *Geiger, Italienische Schriften zur Petrarca-Feier*. (Въ Beilage zur Augsburger Allgemeine Zeitung 1874, № 38). Ранняя литература у Ferrazzi, p. 815.

тончайшихъ оттѣнковъ личнаго чувства. Петрарка — поэтъ внутренней жизни, которой онъ чрезвычайно интересуется и которую онъ тщательно наблюдаетъ. Индивидуализмомъ проникнуты и всѣ его воззрѣнія, начиная съ общаго философскаго міросозерцанія. Вслѣдствіе интереса къ человѣку Петрарка относится отрицательно къ метафизикѣ и сводитъ къ морали не только философію, но даже и науку. Индивидуализмомъ объясняется нѣсколько мистическій оттѣнокъ его религіозныхъ воззрѣній съ пренебрежіемъ къ теологіи и съ благочестивымъ лиризмомъ въ поэзіи и отчасти въ философскихъ трактатахъ. Интересъ къ личности лежитъ въ основѣ его отношенія къ наукѣ: онъ ставитъ реторику выше медицины, потому что первая имѣетъ объектомъ высшую сторону человѣческой природы; онъ чувствуетъ особый интересъ къ исторіи, потому что видитъ въ ней моральную назидательность и проявленіе могущества индивидуальной дѣятельности. Результатомъ индивидуализма было появленіе новаго метода въ историческихъ произведеніяхъ: критическое отношеніе къ источникамъ. Наконецъ, вѣрованіе въ силу человѣческаго слова и въ могущество отдѣльной личности въ дѣлѣ созиданія общественныхъ порядковъ лежитъ въ основѣ политическихъ воззрѣній и стремленій Петрарки. *Индивидуализмъ составляетъ первую и самую характерную черту литературной дѣятельности Петрарки и служитъ ключемъ къ пониманію его личности и историческаго значенія.*

Другая характерная черта произведеній Петрарки — новое отношеніе къ древности. Всѣ его сочиненія проникнуты глубокой симпатіей къ античной литературѣ: ее вмѣстѣ съ древней исторіей онъ дѣлаетъ исключительнымъ предметомъ своихъ научныхъ изслѣдованій; ея изученіе онъ проповѣдуетъ въ огромномъ большинствѣ своихъ произведеній; цитаты изъ древнихъ авторовъ приводятся въ огромной массѣ не только въ латинской прозѣ, но и въ итальянской поэзіи. Античный міръ имѣетъ огромную цѣну въ глазахъ перваго гуманиста, но онъ не преклоняется слѣпо передъ его авторитетомъ. Подъ вліяніемъ индивидуализма появляется критическое отношеніе къ классическимъ писателямъ. Въ историческихъ работахъ Петрарка не просто переписываетъ свои источники; въ перепискѣ и философскихъ трактатахъ онъ подвергаетъ классиковъ рѣзкой критикѣ и даже суровому осужденію[1]). *Античная литература имѣетъ въ глазахъ Петрарки безусловный авторитетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда подтверждаетъ его воззрѣнія или даетъ формулу для его настроенія.*

---

[1] См. De otio. Op. p. 307, De ignor. p. 1039, 1044 и Epist. var.

Третью характерную черту произведеній Петрарки составляетъ стремленіе примирить новыя потребности съ средневѣковымъ христіанствомъ, и это стремленіе также красной нитью проходитъ черезъ всѣ его произведенія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти попытки оканчиваются полной неудачей. Петрарка или не замѣчаетъ противорѣчія, какъ, напр., между своими „Письмами безъ адреса“ и строгимъ благочестіемъ въ философскихъ трактатахъ, или даже между различными точками зрѣнія въ одномъ и томъ-же произведеніи, какъ это не разъ отмѣчено было нами выше. Или онъ довольствуется чисто внѣшнимъ примиреніемъ непримиримаго, оправдывая, напр., интересъ къ древнему міру моральной назидательностью античной литературы и не замѣчая коренного отличія этой морали отъ средневѣковаго аскетизма. Или, наконецъ, Петрарка болѣзненно учвствуетъ это противорѣчіе, какъ показываетъ его Secretum, и, не будучи въ состояніи его примирить, впадаетъ въ acedia. *Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что первый гуманистъ не желалъ порывать съ предшествующей эпохой, замѣнивъ ее античной культурой, и стремился, наоборотъ, примирить съ ней новыя стремленія.*

Эти три главныя черты произведеній Петрарки имѣютъ огромную историческую важность. Мы найдемъ ихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, у всѣхъ позднѣйшихъ гуманистовъ занимающей насъ эпохи; слѣдовательно, благодаря имъ, Петрарка можетъ быть названъ родоначальникомъ Ренесанса и первымъ гуманистомъ. Въ силу этого мы теперь уже, опираясь на документальныя данныя, въ правѣ констатировать тотъ фактъ, что *исходнымъ пунктомъ гуманистическаго движенія было появленіе у личности сознанія важности и интереса своей внутренней жизни и стремленія найти теоретическое оправданіе для индивидуальныхъ потребностей осужденныхъ аскетизмомъ*. Классическій міръ служилъ при этомъ только родною почвою, изъ которой первый борецъ думалъ извлечь поддержку для борьбы съ отживавшей культурой; но замѣнить имъ христіанскую цивилизацію никогда и въ голову не приходило первому гуманисту.

VI.

Значеніе біографіи Петрарки. — Періоды его біографической литературы. — Боккаччіо и другіе біографы XIV вѣка. — Біографы-гуманисты XV столѣтія.— Начало новаго теченія въ біографіяхъ Петрарки. — Отношеніе къ нему историковъ литературы и всемірно-историческихъ хроникъ этого времени. — Значеніе біографій перваго періода.

Если произведенія Петрарки имѣютъ важное историческое значеніе, какъ выраженіе воззрѣній и стремленій ранняго гуманизма, то его біографія можетъ служить ключемъ для пониманія начальной исторіи самого движенія. Сущность Ренесанса въ занимающую насъ эпоху составляетъ переворотъ въ общественныхъ идеалахъ и стремленіяхъ, который начался въ отдѣльныхъ личностяхъ и только мало-по-малу охватилъ все общество и измѣнилъ его міросозерцаніе. Прослѣдить и изучить начало и ходъ этого измѣненія можно только на индивидуальныхъ біографіяхъ; при этомъ огромное значеніе имѣетъ жизнеописаніе тѣхъ людей, которые были побѣдоносными вождями новаго движенія. Ихъ популярность служитъ признакомъ близкаго родства ихъ стремленій съ общественнымъ настроеніемъ; ихъ высокій авторитетъ доказываетъ, что они дали ясную формулу назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ; ихъ побѣда знаменуетъ, что ихъ личныя стремленія были результатомъ общественнаго прогресса и выражали могучія общественныя стремленія. Можно утверждать съ огромной вѣроятностью, что ихъ внутреннюю исторію въ цѣломъ и общемъ переживали всѣ ихъ соратники, потому что ихъ личная жизнь, которую наполняли общественныя стремленія, опредѣлялась не столько случайностями индивидуальнаго существованія, сколько новыми потребностями эпохи, которымъ предстояло завоевать міръ. Къ числу такихъ вождей принадлежалъ Петрарка, безусловно самый популярный и вліятельный человѣкъ своего времени, и его біографія, столь богатая источниками, имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что о его средѣ, какъ мы увидимъ ниже, извѣстно очень немногое. Совершенно естественно, что изученію жизни Петрарки посвящено много трудовъ, результаты которыхъ могутъ составить довольно обширную библіотеку. Эта богатая біографическая литература, многосторонне освѣтившая жизнь и дѣятельность перваго гуманиста, чрезвычайно поучительна съ исторіографической точки зрѣнія. Она съ несомнѣнной ясностью и рельефностью показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ общій взглядъ на эпоху при изу-

ченіи ея отдѣльныхъ дѣятелей. Историческое значеніе Петрарки, вполнѣ ясное тѣмъ изслѣдователямъ, которые сами принадлежали къ гуманистическому движенію, совершенно затемнилось когда гуманизмъ отошелъ въ область исторіи, но не былъ еще выясненъ исторической наукой. Образъ и заслуги перваго гуманиста вновь стали получать правильное освѣщеніе только тогда, когда наука стала выяснять историческій смыслъ и значеніе того движенія, въ главѣ котораго стоялъ Петрарка. Эту точку зрѣнія мы и положили въ основаніе дѣленія біографической литературы о Петраркѣ на періоды[1]).

Самымъ раннимъ біографомъ Петрарки былъ *Джіованни Боккаччіо*[2]). Его коротенькое хвалебное жизнеописаніе перваго гуманиста было составлено задолго до смерти Петрарки[3]), гораздо ранѣе его знакомства съ біографомъ[4]). Боккаччіо только видѣлъ Петрарку, а свѣдѣнія о немъ имѣлъ по слухамъ да по сочиненіямъ, которыя сдѣлались извѣстны къ тому времени. Поэтому приводимыя имъ фактическія данныя скудны и частію невѣрны[5]), только живое описаніе наружности Петрарки обнаруживаетъ въ авторѣ очевидца[6]). Тѣмъ

---

1) Единственное изслѣдованіе, посвященное біографамъ Петрарки (*Re Zefirino, I biografi del Petrarca. Ragionamento. Fermo 1859)*, къ сожалѣнію, мнѣ извѣстно только по заглавію.

2) *De vita et de moribus Domini Francisci Petrarchae de Florentia secundum Johannem Bochacii de Certaldo.* Россетти напечаталъ ее въ цитированной уже книгѣ. Petrarca, Giul. Celso e Boccaccio. Trieste 1828, по рукописи Морелли въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи, снабдивъ ее примѣчаніями и переводомъ. Онъ предполагаетъ, что этотъ панегирикъ написанъ для того, чтобы побудить флорентійское правительство къ возвращенію Петрарки (p. 352). О другихъ изданіяхъ см. Hortis p. 314 и Ferrazzi, p. 555.

3) Сочиненіе не могло быть написано позже 1345 года, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста. Habita igitur laureatione praedictus (Петрарка) cum Azone de Corigio Parmam ivit ibique secum integra amicitia junctus per aliquale tempus commoratus est et *moratur usque hodiernum.* De vita, p. 321.

4) Личное знакомство Петрарки съ Боккаччіо къ 1350 году. Epist. famil. XXI, 15. Cp. Rossetti, p. 368 и 389.

5) Напр. годъ рожденія, воспитаніе во Флоренціи и проч. De vita, p. 316, 317. Такая же неточность и относительно сочиненій Петрарки. Scripsit pulcherrimam comoediam, cui nomen imposuit *Philostratus;* et, si dicerem illum Terentii vestigia persecutum, timeo ne dum omnibus palam erit quae, adhuc modicis visa, latent, ductori ductum legentes extiment et merito praeporendum. Ibid. p. 324.

6) Statura quidem procerus, forma venustus, facie rotunda atque decorus, quamvis colore etsi non candidus, non tamen fuit obscurus, sed quadam decenti viro fuscositate permixtus. Oculorum motus gravis; intuitus laetus et acuta perspicacitate subtilis, aspectu mitis, gestibus verecundus; quam plurimum risu laetissimus, sed nunquam cachino inepto concuti visus; incessu moderatus; prolatione placidus et jocosus, sed rara locutione utitur, nisi interrogatus etc. De vita, p. 321—322.

не менѣе біографія имѣетъ живой интересъ, какъ историческій источникъ. Она представляетъ отголосокъ современныхъ мнѣній и даетъ нѣкоторыя указанія для рѣшенія весьма важнаго въ исторіи Возрожденія вопроса о причинахъ популярности Петрарки. Въ глазахъ Боккаччіо онъ прежде всего латинскій героическій поэтъ и возстановитель древности. Африку Боккаччіо знаетъ только по слухамъ, тѣмъ не менѣе называетъ „произведеніемъ великимъ, удивительнымъ", которое написано „съ талантомъ скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ"[1]). На отношеніяхъ Петрарки къ Роберту Неаполитанскому онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и, кромѣ извѣстнаго экзамена, передаетъ за достовѣрное любопытный слухъ. Подъ вліяніемъ Петрарки король, „жадный къ знанію всего похвальнаго, оставивши всѣ занятія теологіей и богословіей, принялся за изученіе поэтовъ, чѣмъ раньше пренебрегалъ и приглашалъ къ себѣ въ наставники самого Франциска"[2]). Объ итальянскихъ стихотвореніяхъ Петрарки Боккаччіо говоритъ вскользь, самую Лауру считаетъ аллегоріей лавроваго вѣнца[3]), но на личности поэта, на его наружности, привычкахъ, индивидуальныхъ особенностяхъ останавливается съ большой обстоятельностью, посвящаетъ этому половину своей коротенькой біографіи. По мнѣнію перваго біографа, знаніе и распространеніе древности — главная заслуга Петрарки.

Августинецъ-эремитъ *Піетро-да-Кастеллетто,* называвшій себя близкимъ человѣкомъ Петрарки, взялся исправить и дополнить біографію Боккаччіо и написалъ къ ней широковѣщательное заглавіе и предисловіе[4]). Но его исправленіе не улучшило труда Боккаччіо, а добавленія почти ничѣмъ его не пополнили. Результатовъ личнаго знакомства съ Петраркой совсѣмъ не видно; Кастеллетто перечислилъ его сочиненія, вышедшія послѣ біографіи Боккаччіо, да и то не

---

1) Opus suum illud magnum et mirabile, cui Africa nomen imposuit ingenio divino potius quam humano *creditur* compilasse. Ibid. p. 312.

2) Ibid. p. 319—20.

3) Laurettam illam allegorice pro laurea corona, quam postmodum est adeptus, accipiendam existimo. Ibid. p. 323. Характерно, какъ объясняетъ Боккаччіо удаленіе Петрарки изъ Воклюза, ne hominum notitia solitudine nimia privaretur. Ibid. p. 319.

4) *Francisci Petrarchae de Florentia laureati incipit vita ab excellenti ejus discipulo Johanne Boccaccio de Certaldo inchoata ac post ejus obitum perfecta et correcta a magistro Petro de Castelletto ordinis heremitarum sancti Augustini, qui dicti oratoris atque poëtae mores atque gesta et longa ejus familiaritate cognovit.* Напечатано по той же рукописи и въ той же книгѣ Россетти. Тексту предпослано brevis praefatio.

точно[1]), сообщилъ годъ смерти и вставилъ значительную выдержку изъ надгробной рѣчи Бонавентуры-да-Перага, не указавши однако источника[2]). Исправленій еще меньше: всѣ ошибки Боккаччіо сохранены, прибавлено только что Діониджи-ди-Борго былъ августинецъ[3]) да измѣнены въ монашескомъ духѣ нѣкоторыя выраженія не только біографа-гуманиста, но и монаха-оратора[4]).

Кромѣ этихъ біографій, остававшихся неизданными до нашего столѣтія, въ XIV вѣкѣ было написано еще 4. Одна изъ нихъ, очень коротенькая принадлежитъ *Доменико-ди-Бандино Аретино*, который лично зналъ Петрарку[5]). Доменико передаетъ въ весьма сжатомъ видѣ внѣшніе факты изъ жизни Петрарки, перечисляетъ его сочиненія, описываетъ наружность и, приведя въ заключеніе эпитафію Салютати, заканчиваетъ очеркъ нравоученіемъ о непрочности и суетности нашей жизни. Интересная особенность этой біографіи заключается въ томъ, что авторъ старается объяснить поведеніе Петрарки: духовнымъ онъ сдѣлался для большаго спокойствія и обезпеченнаго досуга въ виду занятій[6]), и отказался жить при куріи вслѣдствіе ея грѣховности[7]).

Другая біографія была написана *Коллюччіо Салютати*, который былъ младшимъ современникомъ Петрарки; но его сочиненіе, кото-

---

1) О Trionfi онъ говоритъ: cum IV facere disposuisset, unum solum dimisit, p. 350.

2) Самая рѣчь не вполнѣ напечатана у *Marsand, Biblioteca petrarchesca. Milano 1826. Sermo, habitus in exequiis domini Francisci Petrarcae, poëtae laureati a revendissimo magistro Bonaventura de Padua, ordinis fratrum eremitarum sancti Augustini, anno Domini MCCCLXXIII, qui postea factus est patriarcha Aquilejensis*, p. XXXIII. Рѣчь представляетъ собою напыщенный наборъ словъ, перемѣшанный съ текстами изъ Библіи, такъ что біографія Боккаччіо гораздо менѣе выиграла отъ этихъ добавленій, чѣмъ отъ одного выпуска очень интереснаго мѣста Cibo et potu etc., кончая словами scribenda relinquo p. 323.

3) Castell. p. 343.

4) Напр. Боккаччіо говоритъ: Sic jubentibus fatis, quibus de facili non obstatur, Castelletto исправляетъ: nolente Deo, cui nequidquam obstatur, p. 341. Въ выраженіи Бонавентуры Christum, non Jovem, invoco testem онъ замѣняетъ Jovem — rationem p. 347.

5) Она напечатана у Mehus'а. Vita Ambrosii, p. CXCVII—VIII.

6) Ne igitur uxoris voces quaerulae, vel rei familiares inopia hunc sacris Musis deditum lacerarent, factus clericus. Mehus, p. CXCVII.

7) Visis tunc Clericorum ineptiis, absterritus horribilitate peccantium, spreta benevolentia Cardinalium et Pontifecis... in Valle clausa... sedit. Ibid.

рое знали біографы XV вѣка[1]), въ настоящее время считается утраченнымъ[2]).

Къ концу XIV вѣка или къ началу XV относится біографія Петрарки *Филиппо Виллани,* находящаяся во 2-й книгѣ его сочиненія „*О происхожденіи Флорентійскаго государства и его знаменитыхъ гражданахъ*“[3]). Повидимому, Виллани лично не былъ знакомъ съ Петраркой и получилъ свои свѣдѣнія о немъ изъ его сочиненій и отъ его ученика Ломбардо-да-Серико[4]). Фактическихъ данныхъ почти нѣтъ въ біографіи, тѣмъ не менѣе и она имѣетъ интересъ историческаго источника. Виллани представляетъ Петрарку прежде всего, какъ любителя и знатока древности, произведенія котораго могутъ быть поставлены наравнѣ съ античными[5]). Изъ всей біографіи онъ обстоятельно разсказываетъ только столкновеніе его съ отцомъ изъ-за древнихъ авторовъ и приводитъ аналогичный случай изъ жизни Овидія[6]). Кромѣ того, у Виллани впервые слышится полемическая нотка противъ враговъ Петрарки, которые обвиняли его въ безнравственности[7]) и малой заботѣ о спасеніи. „Весьма многіе думали, говоритъ Виллани, что Петрарка, питаясь церковными бенефиціями и не воздерживаясь отъ пѣсенъ о легкомысленной страсти (lascivientis cupidinis), мало заботился о святой жизни; но они весьма далеки отъ истины, потому что, созрѣвши съ годами, онъ при непрерывномъ изученіи богословіи, при посѣщеніи церковной службы, съ молитвами и постами жилъ просто и благочестиво, какъ это дока-

---

1) Салютати описывалъ главнымъ образомъ смерть Петрарки. Манетти говоритъ о его книгѣ. De hac praecipua ejus morte Colluccius non ignobilis notri temporis Poëta libellum quemdam composuit. У Galletti, p. 89.

2) Rossetti, p. 288. Coluccii libellum nondum editum aliasque in oras emigrantem septem abhinc annis versvavi deploravique. Mehus, p. CCXXVIII. При современномъ состояніи катологовъ рукописей даже въ наиболѣе богатыхъ итальянскихъ библіотекахъ нельзя утверждать, чтобы это сочиненіе было потеряно.

3) *Philippi Villani „De origine civitatis Florentiae et ejusdem famosis civibus“* Объ изданіяхъ см. Rossetti, p. 289—91. Я пользуюсь изданіемъ *Galletti. Philippi Villani liber de civitatis Florentiae famosis civibus ex codice Mediceo-Laurentiano nunc primum editus et De Florentinorum litteratura, Principes fere synchroni scriptores. Florentiae 1847.*

4) Referente siquidem Lombardo, veritatis amico, praesens audivi Gal., p. 15.

5) Перечисливши почти всѣ сочиненія Петрарки, Виллани говоритъ, что онъ оставилъ et alios complures, inquibus a veteribus morum scriptoribus se non patitur superari. Gull., p. 15.

6) Ibid., p. 14.

7) Упомянувши о многочисленныхъ друзьяхъ Петрарки, Виллании считаетъ нужнымъ замѣтить: Amicitias conflavit multas, sed bonas et graves, quas coluit, et ab omni turpitudine conservavit illaesas. Ibid., p. 15.

залъ его исходъ“. И Виллани передаетъ со словъ очевидцевъ, какъ при кончинѣ Петрарки душа его поднялась къ верху „въ видѣ бѣлоснѣжнаго облака“, „на подобіе дыма отъ ладона,“ и это чудо доказываетъ, что его „божественный духъ будетъ весьма угоденъ Богу[1])“.

Послѣднимъ біографомъ Петрарки XIV вѣка или однимъ изъ первыхъ слѣдующаго былъ *Пьетро Паоло Вержеріо старшій* (1351—1431)[2]). Въ сжатой формѣ Вержеріо передаетъ важнѣйшіе біографическіе факты и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его сочиненіяхъ. Петрарка внушаетъ ему глубокое уваженіе своей личностью главнымъ образомъ потому, что онъ жилъ въ тяжелое для науки и добродѣтели время. „Кто могъ, восклицаетъ Вержеріо, выйти на ясный свѣтъ добродѣтели и знанія среди стольких грязныхъ пороковъ, среди такого мрака невѣжества“ [3]). Съ этой точки зрѣнія онъ восхваляетъ добродѣтели Петрарки и его ученыя заслуги, причемъ даетъ двоякій перечень его сочиненій (неполный и неточный), одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ и съ особенной обстоятельностью останавливается на Африкѣ. Коротенькій очеркъ Вержеріо не имѣетъ значенія для біографіи Петрарки, потому что всѣ свои свѣдѣнія авторъ почерпнулъ, по собственному признанію, изъ извѣстнаго письма къ потомству[4]); но его работа сама по себѣ имѣетъ интересъ историческаго источника. Вержеріо даетъ коротенькій разборъ Африки, весьма характерный для критическихъ пріемовъ и воззрѣній эпохи[5]).

---

[1]) Ibid., p. 15 и 16. Ferrazzi упоминаетъ еще *Ricordi sulla vita di messer Francesco Petrarca e di madonna Laura scritta da Luigi Peruzzi loro contempora neo* (p. 557).

[2]) *Petrarcae vita Paulo Vergerio autore. Ex bibliotheca S. Johannis in Viridario Patavii.* Издана дважды у *Томмазини* (Petrarca redivirsus, p. 175 и слѣд., и у *De-Sade* (III p. 13). Я пользуюсь послѣднимъ.

[3]) Vita p. 16.

[4]) Ex qua haec pene omnia ad litteram transtuli. Ibid. 19.

[5]) Вержеріо въ общемъ высоко ставитъ Африку. Est enim (ut res ipsa indicat) refertus historia, documentis abundans et plenus poëticae fictionis. Magna est in eo volumine et velustatis et naturae cognitio; magna eloquentiae vis; magna praecipiendi facultas, sed nescio quam ob causam male de eo auctor suus senserit, indigneque damnaverit. p. 18. Но далѣе онъ указываетъ недостатки и въ формѣ, и въ содержаніи. Constat autem esse versus aliquos dimidiatos et imperfectos, ut est creberrime apud Maronem, aliquando et sententiam imperfectam... sunt et malae (sic) mensuratae syllabae, quae tamen non praeterierunt auctorem. Insuper si secundi belli Punici summa spectetur et gestarum rerum ordo, ad finem quarti libri plurimum ex historia omissum est. Taceo enim Scipionis ex Hispania transitum ad Siphacem, qui praeterea quod a plerisque inter temeraria numeretur, fortassis de industria praetermissus est a poeta. Sed praeter hoc nec trajectionem exercitus in Africam,

Въ 1433 году *Сикко Полентоне* составилъ неизданное до сихъ поръ сочиненіе „*О знаменитыхъ писателяхъ на латинскомъ языкѣ*" и далъ въ немъ краткую біографію Петрарки[1]). Этотъ очеркъ написанъ по обычному тогда плану (сначала нѣсколько біографическихъ данныхъ, затѣмъ коротенькое elogium[2]), эпитафія и перечень сочиненій) и не представляетъ никакого интереса.

Въ началѣ XV вѣка было составлено жизнеописаніе Петрарки однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей третьяго поколѣнія итальянскихъ гуманистовъ — *Леонардо Бруни Аретино*[3]). Эта коротенькая біографія представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Послѣдователь перваго гуманиста имѣетъ въ виду познакомить большую публику съ жизнью своего родоначальника; поэтому онъ вопреки своему обычаю написалъ очеркъ не на латинскомъ, а на итальянскомъ языкѣ. По плану и изложенію эта біографія далеко превосходитъ всѣ предшествующія. Ея главное содержаніе составляютъ фактическія данныя, собранныя въ такой полнотѣ, какъ никогда прежде[4]), и обнимающія всю жизнь Петрарки, вслѣдствіе чего сжа-

---

nec castrorum Siphacis nocturnam exustionem tractat aut, ut postea Siphax atque Hasdrubal aperta acie victi sunt. Neque ut invidus rex tandem in suo regno a Massinissa et Laelio et superatus et captus fit. Sed haec ratio cum inducere potuit, cum supremam pugnam, quae inter summos duces, Scipionem Hannibalemque habita est, descriptus esset, quae bello finem posuit, ne similitudine rerum lectorem offenderet, sciens volensque haec omnia praetermisit. In ultimo quoque libro, in quo plurimum sibimet loci fecit, somnium omisit, ut annotata suscriptio demonstrat. Sed hi si defectus dicendi sunt, caeterarum rerum splendore teguntur et reliqui corporis pulchritudinem illustriorem reddunt. Dividitur autem in 9 libros; duorum primorum materiam ex 6 de Republica Ciceronis artificiose ad se transtulit, et quidquid de inferiore ibi doctum est, hic ad superiorem mira novitate traduxit. Vita p. 19.

1) Томазини ошибочно напечаталъ ее подъ такимъ заглавіемъ: *F. P.*, *poëtae clariss, vita feliciter incipit. Auctoris incerti anno 1463. Ex Ms. V. C. Iacobi Gaffarelli.* Petrarca redivivus 1650 p. 185—194. (См. De Sade p. XIII) и въ исправленномъ видѣ у Mehus'а p. CXCVIII—CC.

2) Multa quidem legit, multa cognovit, omnia investigavit p. 193.

3) Оно было написано вмѣстѣ съ біографіей Данте въ 1436 году. Въ концѣ сочиненія сказано: finita la vita di Dante Aldighieri e di M. Francesco Petrarca fatta per. M. Lionardo Aretino l'anno 1436 nella Città di Firenze nel mese di Maggio. Объ ея изданіяхъ см. Rossetti, p. 293—94 и De-Sade, p. XVI. Я пользуюсь перепечатаннымъ у Галлетти изданіемъ: *Le vite di Dante e del Petrarca scritte da Lionardo Bruni cavate da un manoscritto antico della libreria di Giovanni Cinelli e confrontate con altri testi a penna. Perugia 1671.* О другихъ изданіяхъ см. Ferrazzi, p. 556—557.

4) Бруни первый сообщаетъ между прочимъ о сестрѣ Петрарки, существованіе которой отвергаетъ Körting. Dal padre o poco o niente d'eredità gli rimasse ed in maritare una sua sorella etc. Galletti, p. 58.

тый очеркъ получаетъ цѣльный характеръ. Латинскихъ сочиненій Петрарки Бруни не перечисляетъ и не разбираетъ, потому что они всѣмъ извѣстны[1]), хотя въ нихъ видитъ главную его заслугу. Петрарка „обладалъ такою тонкостью (grazia) ума, что первый возвратилъ къ свѣту познанія тѣ возвышенныя (sublimi) занятія, которыя долгое время находились въ упадкѣ, были неизвѣстны и, возрастая потомъ, достигли ихъ теперешней высоты[2])". Чтобы рельефнѣе выставить на видъ заслуги Петрарки, Бруни излагаетъ въ краткомъ отступленіи судьбы латинскаго языка, который послѣ цвѣтущаго состоянія въ эпоху республики пришелъ въ упадокъ вмѣстѣ съ политической свободой при имперіи, и находился въ самомъ жалкомъ состояніи во времена средневѣковаго варварства[3]). Эта эффектная тирада, ловко вставленная въ біографію, представляетъ большой интересъ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ гуманиста опредѣлить сущность гуманизма. Заключительныя слова очерка, гдѣ Бруни выгодно сравниваетъ Петрарку съ Цицерономъ и Виргиліемъ, такъ какъ онъ обладалъ талантомъ одинаково писать хорошо прозой и стихами, точно также весьма характерны[4]).

Въ 1459 году новую біографію Петрарки написалъ *Джанноццо Манетти*, одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и наименѣе талантливыхъ гуманистовъ третьяго поколѣнія[5]). Онъ выдаетъ свою работу за отдыхъ среди болѣе трудныхъ ученыхъ занятій[6]), тѣмъ не менѣе его біографія самая обширная изъ всѣхъ предшествующихъ. Манетти сдѣлалъ компиляцію изъ Боккаччіо, Виллани и Бруни[7]) и добросовѣстно дополнилъ ее данными, заимствованными изъ переписки Петрарки, на которую весьма часто ссылается[8]); но у него не хватило умѣнья систематически изложить матеріалъ[9]) и придать ему

[1]) Opere molte compose in prosa ed in versi, le quali non fa bisogno raccontare, perche sono note. Ibid. p. 54.

[2]) Ibid. p. 52.

[3]) Ibid. p. 52—53.

[4]) Ibid. p. 54.

[5]) Я пользуюсь перепечатанными у Галлетти вмѣстѣ съ Виллани *Dantis, Petrarchae ac Boccaccii vitae ab Iannotio Manetto scriptae. Quae primum recenset Laurentio Mehus una cum Dantis ac Boccaccii vitis a Siccone Polentono scriptis ac nonnullis excerptis ex I. M. Philelphi libello ad Dantis studia, scripta etc. spectantibus. Florentiae 1747.*

[6]) Galletti, p. 69.

[7]) Онъ упоминаетъ, кромѣ того, біографію Салютати Ibid. p. 89.

[8]) Ibid. 83, 84, 85, 86. Фактическія ошибки Манетти указаны Де-Садомъ, p. XVII и XVIII.

[9]) Такъ, заслуги Петрарки по отношенію къ возстановленію къ древности изложены въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Ibid. p. 84 и 87.

внутреннее единство. Онъ заимствовалъ у своихъ предшественниковъ не только факты, но и истолкованіе ихъ. Слова Бруни о состояніи латинскаго языка и его сравненіе Петрарки съ Цицерономъ и Виргиліемъ Манетти перенесъ въ свою біографію, прибавивъ къ нему совсѣмъ ненужныя объясненія[1]). То же самое сдѣлалъ онъ съ извѣстіемъ Виллани о смерти Петрарки и отъ своего имени передаетъ его соображеніе, что любовь къ Лаурѣ нужно понимать символически[2]). Особенность Манетти составляетъ желаніе объяснять поступки Петрарки. Иногда это ему удается: въ стремленіи къ уединенію онъ видитъ только желаніе спокойно предаваться любимымъ занятіямъ[3]), но по большей части эти попытки нельзя признать удачными. Желаніе Петрарки научиться греческому языку онъ объясняетъ подражаніемъ Катону Старшему[4]) и, распространяясь о необычайномъ его благочестіи, утверждаетъ, что Петрарка сдѣлался духовнымъ лицомъ по недостатку средствъ[5]). Единственно важное дополненіе, внесенное Манетти въ біографію Петрарки составляютъ подобранные имъ факты для характеристики популярности перваго гуманиста[6]), если только онъ не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи неизвѣстному до сихъ поръ сочиненію К. Салютати.

Ко второй половинѣ XV вѣка относится одна изъ интереснѣйшихъ біографій Петрарки, написанная Скварчафико или Скварцафико[7]). Авторъ по своимъ связямъ и образованію принадлежалъ къ гуманистамъ и особенно близко стоялъ къ Кандиду Дечембріо[8]).

---

1) Ibid. p. 84—85.

2) Ibid. p. 86—87.

3) Vitam solitariam utpote hujusmodi humanarum et Divinarum rerum studiis accomodatiorem adamavit. Ibid. p. 86.

4) Ibid. p. 87.

5) Ut facilius juxta vota sua in tenuitate patrimonii cogente in otio viveret p. 85 Cf. p. 88.

6) Ibid. p. 85. Saxius (Hystoria typographico-literarca col. CCXCIV) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ письма *Federici Galli* къ *П. К. Дечембріо:* memini te significasse, talem vitam (Petrarchae) copiosissime collegisse commentumque super cantilenas edidisse. Эта біографія вмѣстѣ съ комментаріемъ остаются до сихъ поръ неизвѣстными и въ позднѣйшей литературѣ о Петраркѣ обходятся полнымъ молчаніемъ.

7) Она напечатана въ Базельскихъ изданіяхъ сочиненій Петрарки. Я пользуюсь отдѣльнымъ изданіемъ. *Francisci Petrarchae Vita ac Testamentum illa ab ipso poëta et Hieronimi Squarzafico profecta hoc vero a Paulo Manutio et Io. Georgio Graevio conservatum. Emendavit multis locis, notis ac singularibus quibusdam auxit Io. Henr. Acker.*

8) Orator clarissimus ac historicus facundissimus Candidus December mihi narravit, cum semel Ferrariae loqueremur (magna consuetudo cum viro illo mihi fuit p. 55.

Свою работу, посвященную имъ венеціанскому патрицію Петру Кантарено, онъ предпринялъ, повидимому, главнымъ образомъ по матеріальнымъ соображеніямъ: его ограбили: „дважды сдѣлался онъ добычею жестокаго (effera) племени галловъ". Работа была для него не особенно затруднительна, хотя онъ и жалуется на трудности. Воспользовавшись біографіями своихъ предшественниковъ-гуманистовъ[1]) и положивъ въ основаніе очеркъ Вержеріо, котораго онъ часто цитируетъ, а иногда и прямо списываетъ[2]), Скварчафико постарался *украсить* свою работу, сдѣлать ее болѣе интересною для читателя. Его біографія является, такимъ образомъ, первою попыткою художественнаго жизнеописанія Петрарки. Нельзя сказать, однако, чтобы авторъ достигъ своей цѣли; но въ погонѣ за содержательностью разсказа онъ внесъ въ свой очеркъ цѣлую массу преданій, иногда съ указаніемъ источника, а гораздо чаще безъ этого. Такъ, онъ приводитъ восторженный отзывъ о Петраркѣ его учителей, который они передали его отцу[3]), передаетъ разсказъ о томъ, что папа Бенедиктъ хотѣлъ отдать Лауру замужъ за Петрарку, но тотъ отказался, боясь вмѣстѣ съ женитьбой утратить любовь[4]), сообщаетъ, что инквизиторъ Marius Picenus обвинялъ въ магіи Петрарку[5]). Откуда заимствованы эти свѣдѣнія, было ли это сочиненіе самого Скварчафико или онъ повторялъ только ходячіе разсказы, сказать трудно. Кромѣ этихъ анонимныхъ извѣстій, онъ передаетъ безъ малѣйшей критики всякіе разсказы, какіе только доходили до него. Такъ со словъ Филельфо онъ разсказываетъ, какъ братъ Петрарки продалъ свою сестру влюбленному папѣ, вслѣдствіе чего разгнѣванный Петрарка оставилъ Авиньёнъ[6]), и тому подобныя басни [7]).

Въ изданіи стихотвореній Петрарки 1471 года впервые напечатана была его біографія, которая должна была служить введеніемъ главнымъ образомъ къ его итальянской поэзіи. Родоначальникомъ весьма многочисленныхъ біографовъ этой категоріи былъ *Антоніо*

---

1) Consecutus enim sum Paulum Vergerium, Cichum Polentonem, Leonardum Aretinum et Philelphum. Ibid. p. 68.

2) См. p. 36, 38 и въ особенности 60.

3) Ibid. p. 28.

4) Ibid. p. 30.

5) Ibid. p. 49.

6) Ibid. p. 45. См. Baldelli p. 190, 191 и 196.

7) Ibid. p. 51, 52, 55. Къ 1477 году относится *Vita Petrarchae per Rodulphum Agricolum Frisium* (рукопись въ Мюнхенской королевской библіотекѣ. Тамъ-же находится анонимное *De Vita et moribus F. Petrarchae*. См. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. IX, 1884).

да Темпо[1]). Особенность его очерка заключается во-первыхъ въ томъ, что онъ не касается чисто гуманистической стороны дѣятельности Петрарки и не упоминаетъ о его латинской прозѣ. Для его читателей важно знать нѣкоторыя событія изъ жизни поэта, его характеръ, наружность и въ особенности отношенія его къ Лаурѣ; поэтому да Темпо сообщаетъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія, и это составляетъ вторую особенность его біографіи. Эти свѣдѣнія, весьма неточны, но очень характерны. Къ концу XV вѣка, самое позднее, ходили уже легенды о Петраркѣ, и одну изъ нихъ, которую раньше сообщилъ Скварчафико, совсѣмъ въ другомъ тонѣ передаетъ да Темпо. По его словамъ, Урбанъ V предложилъ Петраркѣ жениться на Лаурѣ, которая не была замужемъ, обѣщая сохранить ему всѣ его пребенды и бенефиціи; но Петрарка отказался, боясь съ пріобрѣтеніемъ Лауры потерять источникъ своей поэзіи[2]). Легендарность этого разсказа видна уже изъ того, что онъ слишкомъ поэтиченъ для дѣйствительности; а кромѣ того можно считать доказаннымъ; что Лаура была замужней женщиной, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она умерла раньше, чѣмъ сдѣлался папой Урбанъ V[3]).

Въ венеціанскомъ изданіи Trionfi 1475 г. напечатана коротенькая біографія Петрарки, написанная „медикомъ и философомъ“ *Бернардо Личини или Лапини*[4]), котораго Де Садъ считаетъ первымъ

---

[1]) Она напечатана во многихъ изданіяхъ XV и XVI вѣка, каторыя перечислены у Rossetti и у Ferrazzi p. 558. Я пользуюсь перепечаткою у Marsand'a подъ такимъ заглавіемъ. *Vita di Francesco Petrarca scritta da antico autore forse in sul finire del secolo XIV e publicata la prima volta nella edizione che del canzoniere di esso poeta fu posta in luce in Roma l'anno MCCCCLXXI.*

[2]) E quantuque gli volse essere data per donna ad instanza di Papa Urbano Quinto, il quale lui singolarmente amava, concedendogli di tener colla donna i beneficii insieme, nol volse mai consentire; dicendo, che il frutto che prendea dell'amore a scrivere, di poi che la cosa amata consegnito avesse tutto se perderia. Vita p. XXVI.

[3]) *Grion* доказываетъ, что Antonio da Tempo (1275—1336) не могъ быть авторомъ этой біографіи и что ее написалъ нѣкто Domenico Saliprandi, написавшій также подъ именемъ Squarciafico латинскую біографію Петрарки. Оба имени были псевдонимомъ Saliprande. (Ieronino Squarciafico, Alessandrino — анаграмма Domenico Saliprandi, fiolo Gasparis). *Grion, Delle Rime Volgari, Trattato di Antonio da Tempo Bologna 1869.* (Книга извѣстна мнѣ только по изложенію у Ferrazzi p. 558). Въ недавнее время этотъ вопросъ вновь былъ подвергнутъ пересмотру *Patroni, Antonio da Tempo, commentatore del Petrarca e la critica di Grion.* (Propugnatore 1889 № 4).

[4]) Rossetti знаетъ 9 изданій этой перепечатки; см. также Ferrazzi p. 559. Я пользуюсь изданіемъ Triomfi безъ заглавнаго листа и пагинаціи; въ концѣ говорится Finisse il comento deli triumphi del Petrarcha composto per il praestantissimo philosopho chiamato messer Bernardo da Sena; impresso nilla inclita citta da Venexia

по времени біографомъ-комментаторомъ[1]). По содержанію она несравненно ниже предыдущей: авторъ не только не далъ себѣ труда справиться съ предшествующими работами и надѣлалъ массу крупныхъ ошибокъ[2]), но разсказываетъ ничѣмъ не оправдываемые абсурды въ родѣ слѣдующаго: „Петрарка, достигши восьмого года своей жизни и сознавая, что его фамилія, не особенно высокая и знатная, но старая и честная, не могъ видѣть отца изгнанникомъ и убѣждалъ его, что слѣдуетъ удалиться изъ Италіи. Тогда отецъ, блуждавшій два года въ Пизѣ, переселился, вслѣдствіе убѣжденія сына, въ Галлію Транзальпійскую“.

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія критико-біографическія замѣчанія о Петраркѣ въ нѣкоторыхъ общихъ сочиненіяхъ конца XV и самаго начала XVI столѣтій. Сюда относятся біографическія произведенія *Кортезе* и *П. Джовіо*, а также всемірно-историческія хроники *Коччіо* и *Форести*. Нѣсколько строкъ, которыя посвящаетъ Петраркѣ Кортезе, чрезвычайно характерны для отношенія гуманистовъ къ своему родоначальнику. Кортезе вполнѣ признаетъ его заслуги въ этомъ отношеніи[3]) и высоко цѣнитъ его произведенія: несмотря на крайнее несовершенство формы, они могутъ доставлять не только пользу, но и удовольствіе[4]). На иной точкѣ зрѣнія стоитъ *Джовіо* въ своихъ „Elogia“. Въ его глазахъ Петрарка только поэтъ; притомъ его надежды на вѣчную славу за Африку не оправдались, такъ что единственнымъ источникомъ его безсмертія является Canzoniere; но въ этой сферѣ поэзіи онъ достигъ неподражаемаго совершенства[5]).

---

per Theodorum de Reynsburch et Reynaldum de Novimagio compagni nelli anni de signore MCCCCLXXVIII. Біографія вставлена въ предисловіе.

[1]) Свѣдѣнія о немъ даетъ De-Sade p. XX — XXI.

[2]) Джакомо Колонну, напр., онъ называетъ Vescovo Bomberiensi o vero Bombergiense. Il n'y a pas une ligne qui ne contienne une erreur, говоритъ De-Sade p. XXIII.

[3]) Fuit in illo ingenii atque memoriae tanta magnitudo, ut primus ausus sit eloquentiae studia in lucem revocare; nam hujus ingenii affluentia primum Italia exhilarata, et tanquam ad studia impulsa atque incensa est. (*Pauli Cortesii, De hominibus doctis dialogus* y Galletti p. 224).

[4]) Hujus sermo, nec est latinus, et aliquanto horridior, sententiae autem multae sunt, sed concisae; verba abjecta, res compositae diligentius, quam elegantius... ab eo non est delectatio petenda, sed transferenda utilitas; quamquam omnia ejus, nescio quo pacto, sic inornata delectant. Ibid.

[5]) In eo poesis genere, amatorioque praesertim... nobilium poëtarum et primus et ultimus... existimetur. *Pauli Iovii, Elogia doctorum virorum ab avorum memoria publicatis ingenii monumentis illustrium. Basileae 1556* p 21.

Коччіо въ своихъ „Рапсодіяхъ" только упоминаетъ о вѣнчаніи Петрарки на Капитоліи[1]); гораздо обстоятельнѣе говоритъ о немъ Форести. По его словамъ, Петрарка былъ родоначальникъ новаго направленія и самый знаменитый человѣкъ своего времени[2]). Своей славой онъ обязанъ „сверхчеловѣческому генію"[3]) и выдающимся нравственнымъ свойствамъ. Онъ знаменитый поэтъ, блестящій ораторъ и всесторонній философъ[4]). Отношеніе Петрарки къ папской куріи и къ свѣтскимъ князьямъ представляется Форести высокимъ нравственнымъ подвигомъ и онъ сравниваетъ пѣвца Лауры съ Іоанномъ Крестителемъ[5]). Апоѳеозъ Петрарки изъ отдѣльныхъ біографическихъ очерковъ его друзей и послѣдователей перешелъ въ началѣ XVI столѣтія и въ систематическое изложеніе всемірной исторіи.

Значеніе біографій перваго періода для фактической исторіи жизни Петрарки весьма и весьма ограничено; но онѣ, въ качествѣ документальныхъ данныхъ гуманистической эпохи, представляютъ большой интересъ для исторической оцѣнки дѣятельности пѣвца Лауры. Біографы этого періода за весьма немногими и болѣе поздними исключеніями видятъ главную заслугу Петрарки въ его латинскихъ произведеніяхъ и ставятъ на второй планъ Canzoniere; въ ихъ глазахъ Петрарка прежде всего гуманистъ; для нѣкоторыхъ сама Лаура представляется простою гуманистическою аллегоріей. Такая точка зрѣнія, не смотря на ея крайности, въ общемъ совершенно правильна; но на ряду съ ней въ концѣ періода выступаетъ другая: въ Петраркѣ видятъ преимущественно національнаго поэта, въ его біографіи ищутъ преимущественно романическихъ эпизодовъ, и таинственная Лаура получаетъ особенный интересъ въ глазахъ біографовъ. На такой точкѣ зрѣнія стоятъ преимущественно тѣ біографіи, которыя предпосылаются обыкновенно изданію Canzoniere. Такимъ образомъ въ біографической литературѣ о Петраркѣ опредѣляются два направленія: одно, болѣе раннее, видитъ въ немъ преимущественно гуманиста; другое — національнаго поэта. Первое стоитъ въ связи съ изученіемъ латинскихъ произведеній Петрарки, обусловливается пониманіемъ

---

1) L. c. p. 806—807. О Коччіо и Форести см. выше р. 8 и 9.

2) L. c. подъ 1841 годомъ fol. 250. In tota Italia imo fere Europa maximo in precio est habitus. См. также выше р. 9, пр. 3.

3) Huic autem ingenium praeter humanum... datum Ibid.

4) Propter ingenii magnitudinem insignis poëta atque orator facundissimus evasit atque ei omnis philosophiae sinus apertus est. Ibid.

5) Cum in eis atque divinis scripturis se totum coutulisset, captus amore vitae solitariae: ad execranda omnia vicia summi pautificis et aliorum patrum ac principum mundanorum benevolentiam tanquam alter Ioan. Baptista sprevit. Ibid.

важности гуманистическаго движенія и можетъ быть названо *историческимъ*. Второе обусловлено увлеченіемъ Canzoniere, имѣетъ въ виду главнымъ образомъ національную поэзію и можетъ быть названо *литературно-эстетическимъ*. Борьба между этими обоими направленіями не окончилась и въ настояще время, хотя побѣда замѣтно склоняется на сторону перваго.

VII.

Характеръ біографической литературы 2-го періода. — Біографы XVI вѣка. — Велютелло, Джезуальдо и Беккаделли. — Значеніе книги Томазини. — Новое теченіе въ біографіяхъ Петрарки XVIII вѣка. — Мураторн, Бандини и Басти. — Мемуары Де-Сада и ихъ отношеніе къ предшествующей литературѣ. — Ягеманнъ и Тирабоски. — Общее значеніе біографій Петрарки этого періода.

Второй періодъ біографической литературы о Петраркѣ захватываетъ три столѣтія. Ея характернымъ признакомъ служитъ полная побѣда литературно-эстетическаго направленія, которое въ XVI столѣтіи достигаетъ своего апогея. Біографіи встрѣчаются только въ качествѣ приложеній къ безчисленнымъ изданіямъ Canzoniere. Дополненіемъ къ нимъ являются монографическія работы, которыя точно также изслѣдуютъ только отношеніе Петрарки къ Лаурѣ, но этотъ вопросъ разрабатывается съ необычайной детальностью: издаются „лекціи" о томъ, почему Петрарка нигдѣ не воспѣлъ носа своей возлюбленной. Съ XVII вѣка появляются отдѣльныя біографіи Петрарки, независимо отъ Canzoniere; но и онѣ носятъ ту же окраску. Только въ XVIII столѣтіи начинаетъ обнаруживаться ослабленіе крайняго увлеченія, но реакція выражена еще весьма слабо: главное сочиненіе, „Мемуары" Де-Сада написаны съ прежней точки зрѣнія. Поэтому для выясненія историческаго значенія Петрарки не сдѣлано ничего, разработка его внутренней исторіи еще не началась, и значеніе всей литературы исчерпывается собираніемъ и критической провѣркой фактическаго матеріала.

Первымъ біографомъ Петрарки въ XVI вѣкѣ былъ *Алессандро Веллютелло,* комментаторъ его Canzoniere. Написанная имъ біографія, появившаяся въ 1525 году въ Венеціанскомъ изданіи Canzoniere[1]), представляетъ интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ,

---

[1]) См. Rossetti p. 299—300. Тамъ-же перечислены изданія Canzoniere, гдѣ она была перепечатана. Я пользуюсь слѣдующимъ. *Il Petrarca con l'espositione d'Alessan-*

авторъ старается критически отнестись къ своимъ предшественникамъ и опровергаетъ уже сложившіяся легенды. Такъ, онъ считаетъ вымысломъ извѣстіе Филельфо о сестрѣ Петрарки, какъ клевету, доказываетъ сопоставленіемъ датъ невозможность диспенсаціи, которая будто бы дана была Петраркѣ Урбаномъ V для вступленія въ бракъ съ Лаурой[1]), и опровергаетъ мнѣніе, что маленькій Франческо, которому Петрарка написалъ эпитафію, былъ не внукъ, а сынъ поэта. Другая характерная черта этой біографіи заключается въ стремленіи къ фактической полнотѣ и обстоятельности. Веллютелло, опираясь на собственныя свѣдѣнія, ради которыхъ онъ предпринималъ путешествіе въ Авиньёнъ, а также на переписку Петрарки, на предшествующихъ біографовъ и комментаторовъ, ссылаясь на историковъ, какъ Коріо, старается собрать всѣ факты и установить хронологическія даты. Его біографія богаче всѣхъ предшествующихъ по фактическому матеріалу, хотя его показанія далеко не всегда точны[2]); но она носитъ чисто внѣшній характеръ, потому что Веллютелло совсѣмъ не касается значенія Петрарки и не перечисляетъ даже его латинскихъ сочиненій[3]). Какъ всѣ біографы, предпосылавшіе свои очерки комментарію къ Canzoniere, Веллютелло не только не отрицаетъ реальности Лауры, но посвящаетъ ей особый очеркъ[4]). И здѣсь, какъ въ біографіи Петрарки, онъ сопоставляетъ различныя преданія о Лаурѣ, критически ихъ разбираетъ и пытается извлечь изъ самыхъ стихотвореній данныя о ея жизни. Вслѣдствіе скудости и ненадежности источниковъ, въ этой біографіи чрезвычайно много ошибокъ и неточностей[5]).

Около 1530 года, по мнѣнію Фракассетти[6]), жилъ *Lelio de' Leli*, неизданная біографія котораго хранится въ миланской Ambrosiana и въ флорентійской Riccardiana. Показанія Леліо относительно Петрарки не отличаются особой точностью[7]), но въ его біографіи заклю-

---

dro Vellutello e con più utili cose in diversi luoghi di quella novissimamente da lui aggiunte. In Vinegia per Comin de Trino di Monferrato. L'anno 1547. Біографія безъ пагинаціи.

1) Hanno detto che papa Urbano V volse dispensare, ch'egli potesse tor per donna M. L. et ancor goder i benefici, e non hanno considerato che p. Ur. V fu creato l'anno 1362 e M. L. era morta l'anno 1348.

2) Онъ говоритъ, напр., что Петрарка поселился въ Миланѣ при Гал. Висконти.

3) Ne la latina in verso et in prosa molte utili e degne opere, le quali perche sono a tutti gli studiosi notissime, non accade in questo luogo recitarle.

4) Origine di Madonna Laura.

5) Онъ думаетъ, напр., что ея родина Тоскана, что она не была замужемъ — per cosa certa abbiamo da tenere, ch'ella non fosse mai maritata.

6) Letter. famil. I p. 479.

7) См. Hortis Studj. p. 346.

чаются интересныя свѣдѣнія объ одномъ изъ друзей Петрарки Леліо, которыя однако также нуждаются въ критической провѣркѣ[1]).

Однимъ изъ популярнѣйшихъ преемниковъ Велютелло былъ *Дж. Андреа Джезуальдо*[2]); его біографія Петрарки появилась въ 1533 году и была перепечатана потомъ 4 раза въ XVI вѣкѣ[3]). Позднѣйшіе біографы считали Джезуальдо лучшимъ комментаторомъ Петрарки[4]), а Басти находитъ въ его очеркѣ только тотъ недостатокъ, что авторъ не дѣлаетъ экскурсіи въ современную исторію и не изображаетъ обстановки Петрарки[5]); самъ Де-Садъ, чрезвычайно строгій къ своимъ предшественникамъ, считаетъ его біографію лучше всѣхъ предыдущихъ[6]). Дѣйствительно Джезуальдо первый приложилъ научный методъ къ своей работѣ: онъ изображаетъ жизнь Петрарки по его письмамъ, вслѣдствіе чего онъ говоритъ объ отношеніи перваго гуманиста и къ Кола-ди-Ріенцо[7]), и къ папамъ и вообще исчерпываетъ весь находившійся въ его рукахъ матеріалъ. Но самые источники Джезуальдо были скудны и хронологія писемъ не опредѣлена, поэтому онъ пропускаетъ одни событія и ошибается въ датахъ другихъ, хотя для избѣжанія ошибокъ онъ и принимаетъ по временамъ хронологическія изысканія[8]). Другой и болѣе существенный недостатокъ Джезуальдо раздѣляетъ со всѣми предшественниками и съ большинствомъ послѣдователей: его біографія чисто внѣшняго, фактическаго характера; въ ней не говорится не только о внутренней жизни Петрарки, но и о его литературной дѣятельности.

Въ 1549 году появилась еще одна біографія Петрарки, напи-

---

1) См. Baldelli p. 258 и Fracassetti l. c.

2) Ранѣе Gesualdo Петрарка имѣлъ въ XVI вѣкѣ еще двухъ біографовъ: *Fausto da Longiano*, очеркъ котораго былъ напечатанъ однажды въ Венеціанскомъ изданіи Canzoniere 1532 (*Il Petrarca col commento di Sebastiano Fausto da Longiano*. См. Marsand. p. 41) и *Silvano da Venafro;* его очеркъ въ *Il Petrarca col commento di Sylvano da Venafro. Napoli 1533* Marsand p. 42. Я не имѣлъ подъ руками этихъ біографій; но они не пользовались извѣстностью, какъ это видно изъ отсутствія перепечатокъ, и не представляли интереса по содержанію, такъ что de Sade не упоминаетъ о нихъ въ обзорѣ своихъ предшественниковъ. Послѣдняго не упоминаетъ и Ferrazzi.

3) Объ изданіяхъ См. Ferrazzi p. 559. Я пользуюсь: *Il Petrarca con la spositione di M. Giovanni Andrea Gesualdo* и въ концѣ книги *In Venetia per Domenico Giglio MDLIII*. Біографія безъ пагинаціи озаглавлена *La vita del Petrarca.*

4) См. De Sade p. XXXVIII.

5) Mémoires de l'Academ. T. 15 p. 749 (у de Sade p. 39).

6) De-Sade, p. XXXIX.

7) Онъ называетъ его Nicolo di Renzo, p. 7 біографіи.

8) Напр., о времени коронованія (p. 5) или пребыванія въ Неаполѣ (p. 6).

санная *Бернардино Даніелло*[1]). Это коротенькій, безсодержательный очеркъ, въ которомъ авторъ ставитъ Петрарку на ряду съ Пиндаромъ и Гораціемъ[2]) и прибавляетъ новыя ошибки къ его біографіи[3]).

Самымъ лучшимъ біографомъ Петрарки въ XVI вѣкѣ былъ Рагузскій архіепископъ *Людовико Беккаделли*[4]). Его очеркъ, остававшійся не изданнымъ до половины XVII вѣка, перепечатывался весьма часто въ теченіе всего прошлаго столѣтія, даже послѣ выхода монументальныхъ мемуаровъ Де-Сада[5]). Главное достоинство этой біографіи заключается въ томъ, что авторъ слѣдуетъ сочиненіямъ и перепискѣ Петрарки, почти исключительно оттуда черпаетъ свой матеріалъ и подтверждаетъ каждое сообщеніе ссылкой. Предшествующая литература ему извѣстна, но онъ систематически воздерживается отъ непровѣренныхъ извѣстій и не впадаетъ поэтому въ грубыя ошибки[6]). Біографія раздѣлена на двѣ части: въ одной сообщаются фактическія данныя, въ другой Беккаделли желаетъ показать въ жизни Петрарки, „какъ въ ясномъ зеркалѣ образъ многихъ и высокихъ добродѣтелей, которыя въ немъ блестѣли"[7]). Первая представляетъ собой сжатое, почти конспективное изложеніе внѣшнихъ событій, но безъ крупныхъ пропусковъ; во второй указаны хорошія свойства Петрарки, которыя обнаруживаются въ его произведеніяхъ, и перечислены его друзья покровители. Самый разсказъ довольно живой, не смотря на сухость содержанія, и біографическій очеркъ производитъ благопріятное впечатлѣніе.

Значительный шагъ назадъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ

---

1) *Sonnetti, canzoni e triomphi di Francesco Petrarca con la spositione di Bernardino Daniello da Lucca. In Vinegia MDXLIX.* Біографія безъ пагинаціи озаглавлена *Vita e costumi del Poeta.*

2) Io non so vedere in che si sia inferiore il Petrarca uostro al Thebano Pindaro o al Venusino Horatio, p. 3 біографіи.

3) Persuaso dal Cardinale (Колонной) si diede à servigi del Pontefice, da cui fu molto adoperato e mandato hora a Roma, hora in Francia, secondo le occorentie. p. 1

4) Свѣдѣнія о немъ даетъ De-Sade, I p. XL—XLII.

5) Впервые напечаталъ ее Tomasini въ приложеніи къ второму изданію своей книги подъ такимъ заглавіемъ: *Vita del Petrarcha scritta da Ludovico Beccadello, Arcivescovo di Ragusa Dal Signor Antonio Gigante, Da Fossombrone.* (*Petrarcha redivivus 1650*, p. 213—241; я цитирую по этому изданію). Rossetti насчитываетъ 8 перепечатокъ этой біографіи при изданіяхъ Rime, изъ которыхъ послѣдняя относится къ 1787 году. См. также Ferrazzi, p. 560.

6) Такъ о Лаурѣ онъ говоритъ Chi fosse Madonna Laura et in che luoco et come di lei s'innamorasse molte cose da altri sono state dette. Io non ne dirò, se non quello medesimo, che'l Petrarca n'hà lasciato scritto. Vita, p. 216—217.

7) Ibid. p. 227.

біографія Петрарки, написанная *Ровилліо*[1]). Не смотря на нѣкоторую популярность въ XVI вѣкѣ[2]), этотъ очеркъ не имѣетъ значенія даже какъ простой перечень внѣшнихъ фактовъ, потому что онъ преисполненъ ошибками и неточностями. Такъ, авторъ утверждаетъ, что Петрарка удалился въ Воклюзъ вслѣдствіе чумы въ Авиньёнѣ, что тамъ около Воклюза онъ познакомился съ Лаурой, что онъ возлагалъ особыя надежды на Людовика Баварскаго, чрезъ котораго разсчитывалъ вернуться во Флоренцію и ради „этого, по совѣту друзей“, сблизился съ миланскими Висконти и т. д.[3]) Эта небрежность Ровилліо прямо указываетъ на то, что типографъ издатель Canzoniere не придавалъ значенія біографическому введенію, потому что въ его время не трудно было избѣжать такихъ ошибокъ[4]).

Во второй половинѣ XVI вѣка не было болѣе написано ни одной біографіи Петрарки. Не смотря на рѣзкій отзывъ одного изъ позднѣйшихъ біографовъ[5]), легко замѣтить, что литература о Петраркѣ совершила въ фактическомъ отношеніи нѣкоторый прогрессъ[6]).

---

1) *Vita e costumi del poëta*. Въ изданіи *Il Petrarca con nuove et brevi dechiarationi. In Lyone appresso Gulielmo Rovillio 1550*.

2) Біографія была перепечатана въ 14 изданіяхъ. Maldeghen перевелъ ее на французскій языкъ (Bruxelles 1600). Феррацци (p. 559) считаетъ ее передѣлкой Velutello и знаетъ 18 перепечатокъ.

3) Vita, p. 7 и 8.

4) Въ томъ же году вышла біографія Петрарки, написанная *Jeann de Tournes* въ изданіи *Il Petrarca. In Lione peo Gioanni di Tournes 1550*. См. Marsand, p. 60. Она была напечатана только разъ и не пользовалась никакой извѣстностью.

5) De-Sade называетъ авторовъ этой эпохи pédans obscures dont les noms écorchent les oreilles: Bernardo Glicini, Antonio da Tempo, Silvano da Venafra, Girolamo Squarzafichi Mémoires I, p. XX. Изъ общихъ сочиненій этой эпохи заключавшихъ также біографію Петрарки, Ferrazzi упоминаетъ *Fichard, Vitae virorum eruditorum et doctrina illustrium. Francfort 1536*. Эта біографія мнѣ осталась неизвѣстной.

6) Увлеченіе итальянской поэзіей Петрарки и детальными отношеніями его къ Лаурѣ вызвало въ первой половинѣ XVI вѣка извѣстную сатиру *Nicolo Franco*. Въ 1539 году онъ написалъ діалогъ Il Petrarchista, гдѣ осмѣиваетъ біографовъ Петрарки и его самого. Одинъ изъ двухъ собесѣдниковъ, Sannio, глуповатый поклонникъ поэта, разсказываетъ о своемъ путешествіи въ Авиньёнъ и передаетъ свѣдѣнія о Лаурѣ и ея пѣвцѣ, собранныя имъ на мѣстѣ. О происхожденіи Лауры онъ не узналъ ничего опредѣленнаго (di maniera che udendo tante varietà, con tanti pareri e tutti l'uno a l'altro contrari, m'hebbi a dare al diabolo più di tre volte, e poco ci mancò che io non mandassi il cancaro a Laura et al Petrarca, p. 6); но онъ поправилъ ошибки біографовъ, которые утверждали, что Воклюзъ отстоитъ отъ Авиньона на 15, 12 или 10 миль: онъ самъ вымѣрилъ и нашелъ 13 миль 55 шаговъ и due palmi (p. 7). Тамъ онъ нашелъ массу неизвѣстныхъ прежде сонетъ и писемъ, изъ которыхъ онъ извлекъ много новыхъ данныхъ, напр. forse per commouere a compasione Laura, mostrandole, che per non potere sfogar seco le fiamme sue, era

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ біографической литературѣ о Петраркѣ XVII вѣка была книга *Томазини „Оживленный Петрарка.“* [1]) До сихъ поръ біографіи имѣли видъ статей, болѣе или менѣе популярнаго характера; Томазини первый написалъ ученую книгу о Петраркѣ, хотя она и не имѣла большой цѣны для послѣдующихъ работъ. Его отношеніе къ предмету не соотвѣтствуетъ нашимъ представленіямъ о научной біографіи: его книга, вызванная желаніемъ угодить Урбану VIII, который считалъ себя родственникомъ Петрарки [2]) представляетъ собою диѳирамбъ, хотя обставленный богатыми для того времени фактическими подробностями. Томазини такъ начинаетъ свое изложеніе: „Франческо Петрарка, нектаръ Феба, любимецъ (corculum) музъ, украшеніе прежней учености, утѣшеніе литературы, достоинъ памяти всѣхъ вѣковъ“ [3]). Ту главу, гдѣ перечисляются произведенія Петрарки, онъ озаглавливаетъ „Превосходные памятники таланта“ [4]) и т. д. Мы не находимъ далѣе въ біографіи никакихъ попытокъ выяснить связь между событіями личной жизни Петрарки, его отношеніе къ своему времени, вліяніе на потомство и т. п.; вся сила Томазини заключается въ обиліи собраннаго имъ матеріала, который онъ распредѣляетъ по отдѣльнымъ рубрикамъ-главамъ. Онъ тщательно выписываетъ отзывы разныхъ писателей о Петраркѣ, за-

constretto di rimediarsi per li bordelli, non senza pregiudicio del decoro poetico ne senza pericolo d'infranciosare per quella Francia (p. 41) etc. и совсѣмъ новый взглядъ на его отношеніе къ Лаурѣ (p. 46). Франко подвергъ осмѣянію главнымъ образомъ петраркистовъ; по отношенію къ Петраркѣ онъ издѣвается преимущественно надъ его любовью. Но Ercole Giovannini, слѣдуя его примѣру (p. 21), продѣлалъ то же самое надъ всѣми фактами изъ жизни Петрарки. Для этого онъ приводитъ цѣлую массу не существующихъ писемъ Лауры, Петрарки и его друзей. Діалоги выдержали массу изданій см. Fraccassetti Letere p. 7. Я цитирую по *Li due Petrarchisti. Dialoghi di Nicolo Franco e di Ercole Giovannini. Ne quali con vaga dispositione si scuoprono bellissime Fantasie, nuovi et ingegnosi secreti sopra il Petrarca. Venetia 1623.* Ferrazzi называетъ двѣ апологіи Петрарки этой же эпохи. *Zoppio Hieronimo, Ragionamento in difesa di Dante et del Petrarca. Bologna 1585* и *Massini Filippo, Estatico, Insensato, Lesioni recitate da lui pubblicamente nell' Academia degl' Insensati di Perugia. Perugia 1585* (p. 753). Оба сочиненія мнѣ извѣстны только по заглавіямъ.

1) Въ первый разъ она вышла въ 1635 году. Я пользуюсь вторымъ изданіемъ. *Iacobi Philippi Tomasini Patavini, episcopi Aemoniensis, Petrarca redivivus, integram poetae celeberrimi vitam iconibus aere caelatis exhibens. Accessit nobilissimae feminae Laurae brevis historia. Editio altera correcta et aucta. Cui addita Poëtae Vita Paulo Vergerio, Anonymo, Ianozzo Manetto, Leonardo Aretino et Ludovico Beccadello auctoribus. Patavii 1650* стр. 270.

2) De-Sade I, XLV—XLVI.

3) Petrarca redivivus p. 3.

4) Ibid p. 22.

щищаетъ его отъ нападокъ и упрековъ[1]), приводитъ цѣлые документы[2]), перепечатываетъ портреты Лауры, самого поэта, виды мѣстностей и домовъ, гдѣ онъ жилъ. Въ книгѣ нѣтъ критики, а потому масса ошибокъ[3]), но, благодаря полнотѣ фактическаго матеріала, она и до сихъ поръ еще не вполнѣ утратила свое значеніе[4]).

Еще раньше Томазини біографію Петрарки написалъ *Андрей Шредернъ* или *Шодеренъ*. Характеръ его книги уже виденъ изъ ея заглавія, гдѣ Петрарка названъ „фениксомъ и родителемъ литературы“ [5]). Шредернъ знаетъ по имени нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, но читалъ только Скварчафико, котораго и положилъ въ основаніе своей книги, сдѣлавши незначительныя дополненія изъ сочиненій Петрарки. Его книга не имѣла распространенія и уже въ XVIII вѣкѣ считалась библіографической рѣдкостью[6]).

Три года спустя послѣ появленія перваго изданія книги Томазини, появилась новая біографія Петрарки[7]), написанная французскимъ юристомъ *Жаномъ Массономъ*[8]). Біографія задумана довольно оригинально: авторъ выписалъ изъ сочиненій Петрарки мѣста, имѣющія автобіографическій характеръ, и напечаталъ ихъ подъ рубриками, безъ особенно строгой системы. Рубрикъ этихъ огромное количество

---

1) C. IX. Vindiciae tutelares p. 39. О добросовѣстномъ отношеніи его къ предшественникамъ можетъ свидѣтельствовать Cap. VIII Census eorum, qui Vatis vitam conscripserunt quive ejusdem opera commentariis illustrarunt p. 35, первый опытъ библіографіи сочиненій о Петраркѣ, а также перепечатанныя имъ біографіи.

2) Напр. Privilegium laurae receptae p. 48.

3) Важнѣйшія изъ нихъ указаны у Де-Сада I p. XLVII.

4) Нѣкоторое значеніе можетъ имѣть седьмая глава, гдѣ перечислены Ватиканскія рукописи сочиненій Петрарки p. 29 и несомнѣнное значеніе имѣютъ приложенія.

5) *Schoderenus, Vita Francisci Petrarchae, litterarum phoenicis ac parentis. 1622.*

6) Ея не видѣлъ Rossetti и не упоминаетъ въ своей «Библіотекѣ» Marsand. De-Sade говоритъ Cette vie est fort rare; je ne l'ai trouvée que dans la bibliotheque du Roi. Je ne conseillerois pourtant pas à un libraire de faire les frais d'une seconde édition. I, XLIX. Я не имѣлъ въ рукахъ этой книги и пользуюсь ея изложеніемъ у Де-Сада. По словамъ Ferrazzi *Schroedern* sequì lo Squaciafico, ed aggiunse poco del suo (p. 565).

7) Де-Садъ даетъ въ «компаньоны» Томазини Maldeghen'a, автора біографіи о Петраркѣ и даетъ отзывъ объ этой біографіи, не подозрѣвая, что она переводъ очерка Ровилльо, написаннаго въ половинѣ XVI вѣка. De-Sade I, XLVIII, XLIX.

8) *Vita Francisci Petrarchae* во второмъ томѣ *Io Papirii Massonis, Foresii in Senatu Paris.*, *Elogia varia. Parisiis 1638* p. 31—184. Ferrazzi, если только онъ не впадаетъ въ ошибку, называетъ еще одно сочиненіе, повидимому, соименнаго автора, жившаго въ XVI столѣтіи: *Massonii Papirii, Vitae trimph. Hetruriae procerum, Dantis, Petrarcae et Boccaccii. Parisiis 1587*. Мнѣ сочиненіе это осталось не извѣстнымъ.

подъ самыми разнообразными заглавіями: тамъ есть „Предки Петрарки“, „Занятіе Петрарки рыболовствомъ“ или „Петрарка любилъ городъ Падую“ [1]) и т. д. Только въ одномъ случаѣ авторъ вставляетъ критическій параграфъ [2]), гдѣ онъ дѣлаетъ замѣчаніе объ именахъ родителей Петрарки; во всѣхъ остальныхъ онъ совершенно стушевывается, такъ что біографія имѣетъ видъ хрестоматіи, которой неудобно пользоваться вслѣдствіе ея безсистемности и неполноты [3]).

Литературу о Петраркѣ XVII вѣка заключаетъ весьма жалкій очеркъ Плачидо Катанузи, предпосланный имъ французскому прозаическому переводу итальянскихъ стихотвореній Петрарки [4]). Заимствовавши изъ Томазини нѣсколько хвалебныхъ отзывовъ о Петраркѣ разныхъ знаменитостей, Катанузи романически изображаетъ небывалую встрѣчу его съ Лаурой „подъ тѣнью дерева, на берегу ручья“, близъ Воклюза [5]), повторяетъ басню о папѣ, который хотѣлъ сосватать влюбленныхъ [6]), и даетъ совершенно фантастическое описаніе коронованія Петрарки, заключая его совсѣмъ нелѣпымъ анекдотомъ [7]). Эти нелѣпости и ошибки, къ которымъ можно прибавить и еще нѣсколько [8]), дѣлаютъ послѣднюю біографію Петрарки XVII вѣка одною изъ самыхъ послѣднихъ и по качеству.

Изъ общихъ сочиненій XVII вѣка, въ которыхъ упоминается Петрарка, заслуживаютъ вниманія *Elogia Bocchii*. Хотя авторъ написалъ свою книгу по-латыни, тѣмъ не менѣе во взглядѣ на Петрарку онъ совершенно сходится съ біографами-комментаторами Canzoniere. Итальянская поэзія Петрарки — предметъ его исключительнаго интереса, и все „похвальное слово“ сводится къ панегирику Canzoniere [9]).

---

1) Vita p. 31, 101 и 172.

2) Incerta, quae vulgo de Petrarca circumferuntur. Vita p. 181.

3) Такъ, напр., тамъ нѣтъ ни слова объ отношеніи Петрарки къ Кола ди Ріенцо.— Къ XVII вѣку относятся еще два біографа: *Ottavio Ferrari* (Elogia doctorum virorum) (около 1634) и *Ziliolo* (*Francesco Petrarca*). Ихъ произведенія напечатаны у *Valentinelli, Petrarca e Venezia*. (См. Ferrazzi p. 560—561).

4) *Les oeuvres amoureuses de Petrarque traduites en français avec l'italien à costé. Par le Sieur Placide Catanusi, Docteur et Professeur en Droict en Parlement. Paris 1669.* Біографія безъ пагинаціи.

5) P. 7 біографіи.

6) Ibid p. 9.

7) Il arriva malheureusement qu'une femme s'estant méprise, luy versa sur la teste une bouteille d'eau forte qui le rendi chauve tout le reste de sa vie p. 13.

8) Напр., il se retira à Vaucluse pour estre plus prés de sa maistresse. p. 9 и passim.

9) Non desunt, qui commendent varias lucubrationes, quas scripsit, multisque laudibus afficiant. Nos unum tantum opus, ceteris omnibus omissis, intuebimur, et cur sit tam magno in precio apud omnes contemplabimur. *Bocchii, Elogiorum, quibis vir*

Первымъ біографомъ Петрарки въ XVIII вѣкѣ былъ знаменитый *Муратори*. Его очеркъ, впервые напечатанный въ моденскомъ изданіи Canzoniere 1711, былъ переизданъ нѣсколько разъ[1]) и послужилъ источникомъ для многихъ передѣлокъ и переводовъ[2]). Но въ его біографіи нѣтъ внутренней исторіи Петрарки и полнотою фактическаго матеріала она не отличается отъ предшествующихъ[3]). Наконецъ, въ ней не видно вліянія ни большой начитанности извѣстнаго историка, ни критическаго отношенія къ матеріалу[4]). Муратори, сохраняя традицію, даетъ описаніе наружности Петрарки, а изъ внутренней его жизни отмѣчаетъ только любовь къ Лаурѣ, чтобы защитить ея платоническій характеръ[5]). Отъ своихъ предшественниковъ онъ отличается нѣсколько большей критической осторожностью[6]) и главнымъ образомъ *попыткою установить историческую перспективу въ оцѣнкѣ значенія Петрарки*. Муратори ставитъ на первый планъ его итальянскую поэзію. Петраркѣ „принадлежитъ титулъ главы итальянской лирики“ (principe della lirica italiana), говоритъ онъ, „и его слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ образцовъ, однимъ изъ наиболѣе достойныхъ уваженія отцовъ какъ этой поэзіи, такъ и нашей рѣчи вообще“[7]). Латинскія сочиненія, хотя

---

doctissimi nati Florentiae decorantur edilio altera emendatior. Florentiae MDCCCXLIV p. 42. (Первое изданіе вышло въ 1609 г.). Изъ другихъ общихъ сочиненій XVII вѣка, нѣкоторый интересъ представляетъ только *Censura celebriorum authorum Thomas Pope-Blount'a* (Londini MDCXC), гдѣ собраны отзывы о Петраркѣ нѣкоторыхъ раннихъ писателей преимущественно гуманическаго направленія (p. 304—307) (Vossius, De historicis latinis не имѣетъ значенія).

1) Rossetti, p. 307—308. Я цитирую *Vita di Francesco Petrarca compilata da L. A. Muratori,* напечатанную въ *Le rime Francesco Petrarca, riscantrale co i testi a penna della lebreria Estense e co i fragmenti dell'Originale d'esso Poeta. S'aggiungano le consiperazioni rivedute e ampliate d'Alcssandro Tassoni, le annotazioni di Girolamo Muzio e le osservazioni di Ludovico Antonio Muratori. Seconda edizione. In Venezia. 1741.*

2) Эту біографію слово въ слово передаетъ Niceron въ 28 томѣ своихъ извѣстныхъ мемуаровъ. Ross. p. 308. Da Sade I, LIII.

3) Муратори не упоминаетъ, напр., объ отношеніяхъ Петрарки къ Кола ди Ріенцо.

4) De-Sade ставитъ ее ниже Джезуальдо и Беккаделли и перечисляетъ допущенныя Муратори ошибки Mémoires I, LI—LII и LIV—LVII.

5) Muratori, Vita, p. XVIII.

6) О замужествѣ Лауры, напр., онъ говоритъ. Lascerò ad altri l'investigare, se Laura fosse maritata, o zitella, e molt' altre simili o notizie, o minuzie, non avendo io per rintracciarle assai ozio ne assai genio per registrarle. Ibid. Но это не избавило Муратори отъ массы ошибокъ и неточностей, такъ что Baldelli говоритъ, что его біографію breve, confusa, plena d'ancronismi, vien con raggione reputata l'opera la pui infelice di quel valentissimo letterato (Del Petrarca, p. XI).

7) Ibid., p. XXII.

„въ нихъ и чувствуется генiй“, „теперь читаются немногими и навѣрное ни въ комъ не возбуждаютъ удивленiя“; тѣмъ не менѣе они имѣютъ историческое значенiе. „Чтобы вполнѣ понять заслугу Петрарки, говоритъ Муратори, нужно хорошо познакомиться съ характеромъ (il sistema) того вѣка, когда онъ процвѣталъ, вѣка варварскаго, когда не было никакого вкуса ни къ изящной, ни къ серьезной (sode) литературѣ; поэтому кромѣ школьной теологiи и юриспруденцiи, которыя имѣли тогда большой кредитъ, но не могли пользоваться лучшими прiемами, остальныя искусства и науки находились въ пренебреженiи и презрѣнiи у всей Европы“[1]). Это было возвращенiе къ точкѣ зрѣнiя гуманистовъ съ тою разницею, что смыслъ движенiя, во главѣ, котораго стоялъ Петрарка, понимался нѣсколько шире. Но до полнаго пониманiя значенiя перваго гуманиста было еще далеко, и Муратори, описывая его популярность, объясняетъ ее генiальностью Петрарки. Слѣдовъ XVIII вѣка въ бiографiи Муратори не видно, кромѣ развѣ по-гуманистически подчеркнутаго средневѣкового варварства и папской·цензуры[2]).

Вскорѣ послѣ появленiя очерка Муратори, въ VIII томѣ Giornale de'Litterati d'Italia появилась новая бiографiя Петрарки, нѣсколько разъ потомъ перепечатанная въ разныхъ изданiяхъ Canzoniere[3]). „Итальянскiе журналисты“, какъ называетъ ея неизвѣстнаго автора Россетти, только пересказали Муратори, по ихъ собственному признанiю[4]). Единственное сдѣланное ими дополненiе къ сокращенному пересказу составляетъ извѣстiе о послѣдней дипломатической миссiи Петрарки въ Венецiю, изложенное ими по 3 современнымъ хроникамъ[5]). Эти вставки исчерпываютъ весь интересъ передѣлки Муратори.

---

1) Ibid.

2) Ibid. p. XIX.

3) Rossetti p. 308 — 309. Я пользуюсь *Vita di Francesco Petrarca*, напечатанною въ не названномъ у Россетти изданiи *Le Rime di Francesco Petrarca. In Orleans. 1786. Tomo primo.*

4) Vita p. 1.

5) Одна изъ этихъ хроникъ, принадлежащая *Andrea de' Redusi* передаетъ за фактъ несомнѣнный анекдотъ, болѣе характерный для тогдашней исторiографiи, чѣмъ для Петрарки. Apud quos (Venetos.) dum poeta et orator eximius pervenisset, in sua oratione defecit more alani (? sic), nam viso Senatu Venatorum obstupuit non minus, quam Cinna (sic) ad Romanorum senatum a Pyrrho destinatus, et ob hoc in alteram diem Poëtae atque oratoris eximii oratio ad integrum suffecta, vi cujus est pax ipsa formata, tantam in se continuit venustatem quod visu et auditu astantium ab extra omnes praesentes rancores (sic) sustulit et amovit intrinseca tamen utrinque manente perfidia. Ibid. p. XIII.

Въ 1748 году вышла біографія Петрарки, написанная *Бандини*[1]), очеркъ котораго представляетъ собою дальнѣйшее развитіе біографіи Муратори, хотя онъ и сохранилъ его ошибки[2]). Бандини удержалъ планъ своего предшественника, передалъ существенное содержаніе его работы въ очень близкихъ, иногда даже тождественныхъ выраженіяхъ[3]), но внесъ въ нее такія дополненія, которыя сохранили за біографіей значеніе даже для настоящаго времени. Онъ взялся за работу, потому что ему „казалось, что старые писатели, мало говорили о Петраркѣ“ и что „многое можно прибавить къ сочиненіямъ о немъ новыхъ“[4]). При тогдашнемъ состояніи источниковъ Бандини не могъ дать, конечно, исчерпывающей вопросъ фактической полноты и точности[5]), но нѣкоторыя части жизни Петрарки и въ особенности свѣдѣнія о его отцѣ и предкахъ изложены съ такою обстоятельностью, какой нѣтъ и у позднѣйшихъ біографовъ[6]). Кромѣ того, онъ впервые

---

1) Rossetti p. 310. Тамъ же перечислены изданія Canzoniere, гдѣ она перепе- [illegible] чатана. Я пользуюсь Vita di Francesco Petrarca въ неизвѣстномъ Россетти изданіи [illegible] *Rime di Mess. Francesco Petrarca. Lugano 1791.*

2) Онѣ указаны у De-Sade I, p. LXV—LXVI.

3) Напр., мѣсто, цитированное въ пр. 6 на стр. 304, Бандини передаетъ такъ La[illegible] questione se vivesse nel celibato o nò... lasciero volentieri all'esame de' più curios[illegible] indagatori. p. XVI. Ср. также слова обоихъ біографовъ о Bonaventura da Peraga[illegible]. Bandini p. XXXII и Muratori p. XXI.

4) Vita p. III.

5) Объ отношеніяхъ Петрарки къ Кола ди Ріенцо, напр., Bandini не знаетъ ни[illegible] время пребыванія его въ Миланѣ опредѣляетъ въ 10 лѣтъ (p. XXV).

6) Кромѣ мелкихъ извѣстій второстепеннаго значенія, можно привести дв[illegible] крупныхъ факта, которыми до сихъ поръ не воспользовались біографы. Одинъ отно[illegible] сится къ отцу Петрарки. Petracco ebbe a soffrire la calunnia d'aver falsificato un[illegible] strumento in pregiudizio di M. Albizo di M. Guido de' Franzesi dalla Foresta[illegible]. Laonde a' 20 d'ottobre di quell'anno fu condannato a pagare lire 1000 di moneta [illegible] a perdere la mano destra, qualunque volta venisse in forza del Comune. Il Signo[illegible] Barone della Bastie (Vie du Pétrarque) va screditando questa notizia, come favol[illegible] spacciata dal Gamurrini. Ma quanto egli su tal fatto s'inganni, potrà chiechesia osse[illegible] varlo in appresso. (p. VIII). Другой фактъ, болѣе сомнительный, но и болѣе ва[illegible] ный, касается пребыванія Петрарки въ Миланѣ. Опираясь на Corio и Sassi (Istor[illegible] Tipograf. di Milano), который пользовался Placido Puccinelli (Chronica Glaxiatensis[illegible]), Бандини говоритъ, что въ Миланѣ Петрарка avea instituito un'Accademia compost[illegible] di trenta grovani del più raro talento, i quali con litterarj colloquj e studio[illegible] componimenti utilmente fra loro si devertissero. E questo virtuoso congresso seguit[illegible] ancora dopo la sua partenza. Въ 1368 на свадьбѣ Віоланты, дочери Галеацно Ви[illegible] конти вмѣстѣ съ Петраркой furono ancora invitati i soccii di questa Accademi[illegible], i quali con varie e belle Poesie Toscane diedero saggio del loro ingegno e co[illegible] festosi componimenti applaudirono ai regj Sposi. Tra questi si trova esservi allor[illegible] intervenuto un tale Antoniolo Resta.... Tentò eziandio il Petrarca d'erigere in Milan[illegible] una biblioteca e di farvi un Palladio o Museo; ma qualunque se ne fosse la caus[illegible],

послѣдовательно проводитъ научные пріемы изслѣдованія, систематически приводя основанія для своихъ утвержденій, и эти доказательства имѣютъ тѣмъ бо́льшую цѣну, что часто они заимствованы изъ источниковъ, оставшихся неизданными до настоящаго времени[1]). Наконецъ, Бандини сдѣлалъ шагъ впередъ, хотя и не большой, и въ другомъ отношеніи. Въ оцѣнкѣ значенія Петрарки онъ держится точки зрѣнія Муратори, но старается точнѣе опредѣлить интересы перваго гуманиста[2]) и дѣлаетъ скромную попытку отыскать внутренніе мотивы для его поступковъ[3]).

Весьма большую цѣну для біографіи Петрарки имѣютъ 70 страницъ in folio, которыя отвелъ ему Mehus въ своей замѣчательной книгѣ о Траверсари[4]). Mehus не даетъ связной біографіи; его задача пополнить біографію Петрарки данными, извлеченными изъ рукописей[5]). Съ этой точки зрѣнія онъ перепечатываетъ неизданныя тогда наиболѣе важныя по древности біографіи перваго гуманиста — Вилани, Бандини, Сикко Полентоне, сообщаетъ свѣдѣнія о его отцѣ, учителѣ, разсматриваетъ состояніе древней литературы въ его время[6]), приводитъ массу отзывовъ о немъ младшихъ современниковъ, указы-

non ebbe effetto il suo desiderio (p. XXV—XXVI). Правда, Петрарка не говоритъ объ этомъ въ своей перепискѣ, но изъ молчанія писемъ, весьма многія изъ которыхъ были уничтожены авторомъ, нельзя вывести твердаго заключенія. Кромѣ того, Bandini упоминаетъ еще одного ученика Петрарки, неизвѣстнаго біографамъ — Zelone o Zenone da Pistoja, который въ 1374 году написалъ въ честь Петрарки итальянскую поэму Pietosa fonte, напечатанную у Lami (Delic. Erud. t. 4) (XXXII—XXXIII). Строгій Бальделли признаетъ заслуги Бандини по отношенію къ вопросу о предкахъ Петрарки, ma quasi lo abbandonasse poscia quell'amore di ricerca, apparisce nelle gesta e nei pregi del lodato, quanto gli antecedent, magro, trascurato e confuso scrittore (Del Petrarca p. XI).

1) Кромѣ архивныхъ документовъ онъ цитируетъ, напр., Epist. Petri Candidi Decembrii (p. XIV).

2) L'animo suo era tutto volto alla filosofia morale, all'istoria ed alla poesia, a cui si consceva specialmente formato p. XXXVIII.

3) Такъ, онъ страстью къ Лаурѣ объясняетъ путешествія Петрарки, p. XVII.

4) *Vita Ambrosii Traversarii* p. CXCV—CCLXVI.

5) Habes jam documenta nondum edita, говоритъ онъ, quae ad Petrarcham pertinent, quorum non alienum videtur, quo magis expicentur, pauca interserere. Ibid. p. CCVI.

6) Mehus лучше, чѣмъ многіе изъ его современниковъ понималъ значеніе Петрарки. Ad bonas autem litteras delendas illud etiam adcesserat insaniae, quod ejusdem aetatis homines, et in his illi praecipue, qui sacra procurarent, abhorrebant ab ethnicis scriptoribus, quippe qui a Christi Fide alieni fuissent atque remoti. Hac itaque opinione, neque bona, neque pia, quam Petrarcha, aliique extinguere sunt conati, quum uterentur per ea tempore scriptores, vix de Ciceronis, bonorumque auctorum exemplaribus exemplum sumere ausi sunt. Ibid. p. CCXI—CCXII.

ваетъ сохранившіяся рукописи его сочиненій съ современными глоссами, приводитъ письма къ нему его друзей и т. п. Несмотря на нѣкоторыя фактическія ошибки[1]), книга Mehus'а въ свое время имѣла огромное значеніе, которое отчасти она сохранила и до настоящаго времени. Значительная часть рукописныхъ отрывковъ, приводимыхъ Мегусомъ, теперь уже издана вполнѣ, включая сюда и письма Петрарки, но біографія Бандини, письма къ Петраркѣ Battifole[2]), посвященное ему стихотвореніе Zamori и вообще данныя объ адресатахъ Петрарки до сихъ поръ еще не утратили цѣны.

За нѣсколько лѣтъ до Бандини біографомъ Петрарки явился другъ Муратори, французъ *Жозефъ де Бимаръ баронъ де ла Басти*[3]), котораго можно назвать настоящимъ предшественникомъ научныхъ изслѣдователей XIX вѣка. Басти широко задумалъ свою работу; сочиненіе распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ біографію Петрарки до его коронованія, вторая — до смерти. По первоначальному плану, дополненіемъ къ біографіи должна была служить „Библіотека Петрарки", въ которой предполагалось изложить „съ большой обстоятельностью заботы, которыя имѣлъ этотъ ученый о собираніи сочиненій древнихъ". „Я приложу", продолжаетъ Басти, „каталогъ авторовъ, которыхъ онъ имѣлъ счастіе найти, и тогда мы узнаемъ какія сочиненія по беллетристикѣ и философіи были извѣстны въ XIV вѣкѣ". Кромѣ того, авторъ обѣщалъ каталогъ сочиненій самого Петрарки, „какъ тѣхъ, которыя были уничтожены или потеряны, такъ и тѣхъ, которыя сохранились въ рукописяхъ или напечатаны"[4]). Смерть не позволила Басти привести въ исполненіе этотъ планъ: онъ прочиталъ въ Академіи надписей только первую часть біографіи, а вторая была уже прочитана послѣ его смерти[5]). Эта біографія представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Басти

---

1) Такъ, напр., Сократомъ Петрарка называлъ, по его мнѣнію, своего брата Жерардо. Ibid. CCXLVII.

2) Ibid. CCXXVI, CCXLIX и CCII.

3) Свѣдѣнія о его жизни у De-Sade I, p. LVIII и слѣд. *Vie de Pétrarque tirée de ses écrits et de ceux des auteurs contemporains. Par M. le Baron de la Bastie.* Она напечатана въ *Mémoires de litterature, tirés de registres de l'Academie royale des inscriptions et belles lettres.* Первая въ 15 томѣ, *Paris 1743.* p. 746—794; вторая въ 17 томѣ. *Paris 1751* p. 390—490.

4) Memoires T. XV p. 750.

5) Первая часть была прочитана въ академіи 5 іюля 1740 (XV p. 746) начало второй 22 декабря 1741 (XVII p. 390), продолженіе 3 августа 1742 (Ibid. p. 431) и конецъ 3 сент. 1742 г. (Ibid. 460). Басти умеръ въ августѣ 1742 года. De-Sade LXI. Судьба остальныхъ частей его біографіи. Ibid.

усвоилъ себѣ методъ Беккаделли и Джезуальдо, но значительно расширилъ задачу — онъ подробнѣе останавливается на современныхъ событіяхъ, часто пробуетъ точнѣе установить хронологію[1]) и, что особенно важно, дѣлаетъ попытки дать внутренюю исторію Петрарки, постоянно отмѣчаетъ, какъ реагировалъ онъ на окружавшія его явленія, и эти попытки иногда очень удачны[2]). Наконецъ, онъ первый изъ біографовъ указываетъ на то, что Петрарка, какъ гуманистъ, имѣетъ болѣе широкое значеніе, нежели, какъ итальянскій поэтъ[3]). Эта точка зрѣнія, на которой стояли біографы-гуманисты XIV и XV вѣковъ, была оставлена позднѣйшими итальянцами. Ранѣе всѣхъ вернулся къ ней французъ.

Нельзя сказать однако, чтобы содержаніе біографіи Басти соотвѣтствовало по достоинству его плану. У него не мало и фактическихъ ошибокъ[4]) и совсѣмъ не видно, чтобы характеръ Петрарки и его значеніе для гуманизма были ему понятны. Въ характерѣ Петрарки онъ видитъ отдѣльныя черты — благочестіе, славолюбіе и любовь къ Лаурѣ[5]); но не изображаетъ ихъ проявленія и взаимнаго отношенія и вообще не умѣетъ представить цѣльной картины внутренней жизни Петрарки. Съ другой стороны, значеніе латинскихъ произведеній перваго гуманиста также ему неясно. Объясняя и оправдывая ихъ полное забвеніе въ его время, Басти указываетъ на ихъ несовершенный языкъ и внѣшнюю ученость, въ которой видитъ главную причину ихъ прежняго успѣха[6]). Историческій ихъ смыслъ остается еще непонятнымъ въ XVIII вѣкѣ.

Достойнымъ продолжателемъ Басти[7]) явился Де-Садъ[8]). Книга Де-Сада естественно выросла изъ предшествовавшей литературы, была

---

1) Mémoires XV. 793.

2) См., напр., его очень мѣткое замѣчаніе о письмѣ къ Колоннѣ. Mémoires XVII p. 414.

3) Ibid. XV p. 747.

4) См., напр., описаніе встрѣчи съ Лаурой. Ibid. 770. Всѣ его ошибки отмѣчены у De-Sade passim.

5) Ibid. XVII p. 483.

6) Ibid. p. 488—89.

7) Въ *Le rime di M. Francesco Petrarca coi migliori esemplari diligentemente riscontrate corrette. In Bergamo 1746*, помѣщена его біографія, написанная *Serassi*. Въ 1752 она была перепечатана вмѣстѣ съ изданіемъ. См. Marsand p. 101 и 108. Я не имѣлъ ея подъ руками; ея вліянія на литературу о Петраркѣ совершенно незамѣтно.

8) *Mémoires pour la vie de François Pétrarque tirés de ses oeuvres et de auteurs contemporains. Avec des notes ou dissertations et les pièces justificatives. Tome I, Amsterdam 1744 CXIX + 447 + 79. Tome II* (появившійся 8 мѣсяцевъ спустя послѣ перваго. См. Memoires II p. IV) *XXIV + 495 + 82. Tome III Ibid. 1747. 812 + 88.*

необходимымъ результатомъ ея органическаго развитія. Де-Садъ ясно понимаетъ свою связь съ предшественниками, разсматриваетъ каждаго изъ нихъ отдѣльно въ обширномъ введеніи и примыкаетъ къ тому направленію, которое держалось въ изложеніи сочиненій Петрарки, дополняя ихъ современной литературой и свѣдѣніями о тогдашнихъ событіяхъ. По этой методѣ онъ задумалъ огромный трудъ. „Мемуары раздѣлены на 6 книгъ, „говоритъ онъ", потому что я нахожу 6 главныхъ эпохъ въ жизни Петрарки, на которыхъ я считаю долгомъ остановиться. Вы найдете въ первой книгѣ его рожденіе, воспитаніе, научныя занятія до перваго свиданія съ Лаурой. Вторая простирается съ его любви къ Лаурѣ до коронованія; третья — съ коронованія до смерти Лауры; четвертая со смерти Лауры до переселенія въ Миланъ; пятая — до рѣшенія поселиться въ Венеціи и Падуѣ, шестая — до смерти. Эти шесть книгъ составятъ четыре значительныхъ тома" [1]). Послѣ появленія перваго тома Де-Садъ измѣнилъ свой первоначальный планъ и рѣшилъ сократить книгу на одинъ томъ. „Я выпущу тѣ примѣчанія, которыя не для всякаго интересны, а также оправдательные документы, которые я могу всегда дать, если этого пожелаетъ публика" [2]. Но и въ настоящемъ видѣ книга состоитъ изъ трехъ томовъ in 4° и заключаетъ въ общей сложности болѣе 2000 страницъ. Самъ авторъ признаетъ чрезмѣрность объема своего труда. „Я чувствую, что это слишкомъ много для біографіи частнаго человѣка и ученаго; но несчастное положеніе, въ которомъ я нахожусь, думать иначе, чѣмъ другіе, почти во всѣхъ пунктахъ біографіи Петрарки, требуетъ, какъ мнѣ казалось, извѣстныхъ разсужденій для оправданія моихъ мнѣній" [3]). Благодаря этимъ разногласіямъ Де-Садъ вмѣстилъ въ себя все фактическое содержаніе своихъ предшественниковъ и *сдѣлалъ ихъ совершенно ненужными для исторіи внѣшнихъ событій жизни перваго гуманиста.* Но обширный объемъ его книги зависитъ и отъ ея содержанія. Де-Садъ написалъ не біографію Петрарки, а только мемуары къ ней. „Есть огромная разница между біографіей и мемуарами, говоритъ онъ. Біографія — это исторія; мемуары слѣдуетъ разсматривать какъ матеріалы для исторіи. Гораздо болѣе требуется отъ историка чѣмъ отъ компилятора мемуаровъ, болѣе выбора въ фактахъ, болѣе строгой критики, болѣе порядка и точности въ разсказѣ, болѣе вниманія къ тому, чтобы сосредоточиться на своемъ предметѣ, а сверхъ всего — болѣе благородства, точности и пріятности въ стилѣ.

1) Mémoires I p. LXXXV—LXXXVI.
2) Ibid. II p. XVIII—XIX.
3) Ibid. I p. LXXXVI.

Біографія подчиненная законамъ исторіи, должна имѣть правильный ходъ, и тому, кто ее пишетъ, не позволительно дѣлать слишкомъ большія отступленія. Когда пишутъ мемуары, поступаютъ болѣе свободно; тогда можно дѣлать маленькія экскурсіи, останавливаться на нѣкоторыхъ деталяхъ, захватывать нѣкоторые предметы, которые кажутся посторонними и которые не войдутъ въ тщательно написанную біографію... Всякій знаетъ, что нужно болѣе ума и таланта, чтобы писать біографію, чѣмъ чтобы компилировать мемуары. Компиляція — трудъ почти механическій, который доставляетъ болѣе работы и дѣлаетъ менѣе чести" [1]. Дѣйствительно, книга Де-Сада представляетъ собою обширный біографическій и реальный комментарій къ перепискѣ и стихотвореніямъ Петрарки. Авторъ добросовѣстно собираетъ все, что можетъ послужить къ ихъ объясненію, разсказываетъ и генеалогію князей, съ которыми онъ приходитъ въ сношенія, и исторію Авиньена, и борьбу папъ съ императорами и т. д., при чемъ самыя его письма и стихотворенія приводятся на французскомъ языкѣ въ большомъ количествѣ. Онъ перевелъ и вставилъ въ текстъ огромное количество писемъ; стихотворенія онъ передаетъ обыкновенно стихами же[2]), а иногда и въ стихахъ, и въ прозѣ, если требуется особенная точность[3]); кромѣ того, въ текстѣ же помѣщена почти цѣликомъ переведенная автобіографія Петрарки[4]).

Какъ справочная энциклопедія для исторіи внѣшнихъ событій въ жизни перваго гуманиста, книга Де-Сада не утратила своего значенія до настоящаго времени; но нѣтъ никакого основанія жалѣть, что авторъ ограничился мемуарами и не написалъ біографіи. Онъ не понимаетъ внутренней жизни Петрарки, и ему совсѣмъ не ясно его историческое значеніе. Де-Садъ считаетъ любовь къ Лаурѣ самымъ существеннымъ пунктомъ въ біографіи ея пѣвца. „Кто повѣритъ,

---

1) Ibid. p. XXXVI.

2) Переводъ этотъ отличается неточностью, совершенно искажающею смыслъ подлинника. Для примѣра достаточно слѣдующихъ строкъ. У Петрарки:

Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono
Di quei sospiri ond'io nudriva il core
In sul mio primo giovenile errore
Quand'era in parte altr'uom da chel ch'io sono.

De-Sade переводитъ:

Lecteurs! Voici le fruit honteux de ma jeunesse.
En lisant ces vers langoureux,
Qu' à l'amant le plus malheureux
Dictoit une amoureuse ivresse. Mémoires I, 116

3) Ibid. p. 384—396

4) Ibid. II p. 102.

что онъ прочиталъ біографію Петрарки, если не найдетъ тамъ подробностей о его любви къ Лаурѣ?“ спрашиваетъ онъ. „Я боюсь, что это будетъ самой интересной стороной въ его исторіи для большинства тѣхъ, которые пожелаютъ прочесть эти мемуары; можетъ быть, только одна она будетъ возбуждать любопытство въ тотъ вѣкъ, когда всюду желаютъ любви“ [1]). Оставаясь разсказсчикомъ только внѣшнихъ событій во всей біографіи, Де-Садъ для любви дѣлаетъ исключеніе. Онъ не даетъ очерка состоянія тогдашней науки, поэзіи и философіи, но характеризуетъ отношеніе къ любви и посвящаетъ ей обширное примѣчаніе [2]). Знакомство съ біографической литературой гуманистическаго періода не могло не навесть Де-Сада на мысль о значеніи Петрарки, какъ гуманиста. „Петрарка извлекъ литературу (lettres) изъ варварства, въ которомъ она была погребена“, говоритъ онъ въ введеніи; „онъ установилъ правильныя научныя занятія (bones etudes) въ Европѣ; ему мы обязаны сохраненіемъ древнихъ авторовъ, которые были бы потеряны, если бы онъ не приложилъ такихъ стараній къ ихъ розысканію и къ снятію съ нихъ хорошихъ копій. Онъ очистилъ вкусъ и уничтожилъ часть предразсудковъ, которые препятствовали прогрессу въ наукахъ. Наконецъ, онъ показалъ литераторамъ путь, котораго они должны держаться для достиженія совершенства“ [3]). Эта сторона дѣятельности должна заслуживать вниманія не только въ біографіи, но и въ подготовительныхъ для нея работахъ; между

---

1) Ibid I p. 22.

2) Note XXI. Sur la nature et de l'amour de Pétrarque. II. Notes p. 76—82. О тогдашнихъ воззрѣніяхъ на любовь. I p. 117—120. Въ этомъ вопросѣ De-Sade стоитъ на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія. Среди біографовъ и коментаторовъ Петрарки, признающихъ реальность его чувства, есть два направленія. Les uns soutiennent qu'il étoit pur et honnête, dégagé de ces désirs grossiers, qu'on voit ordinairement à la suite de l'amour; les autres sont persuadés que celui de Pétrarque n'etoit pas d'une nature differente des autres et qu'il desiroit de Laure ce que dans tous les temps les amans ont desiré de leurs maîtresses. Notes p. 77. De-Sade склоняется къ послѣднему мнѣнію и объясняетъ его состояніемъ времени. Въ началѣ его любовь была чистая, возвышенная, платоническая; тогда это часто бывало. L'amour n'etoit pas alors ce qu'il est à present, un arrangement de convenance, ou un commerce de libertinage. (I p. 117). Агнесса Наварская, какъ Лаура, любила Гильома де Машо, оставаясь добродѣтельной женой и матерью. Но Петрарку увлекалъ темпераментъ и обстановка куріи. Pétrarque qui voyoi tous ces prélats de la cour Romaine plongés dans la debauche ne devoit-il pas dire ce que dit Chereas, ce jeune homme de Terence, en voyant un tableau qui représentoit Iupiter das les bras de Danaé. Pourquoi ne ferois je pas ce'que font les Dieux même. Ibid. p. 120. У Лауры былъ иной темпераментъ и иная обстановка, и Петрарка былъ несчастливъ.

3) Mémoires I, p. LXX.

тѣмъ Де-Садъ ее почти совершенно игнорируетъ. Для характеристики воззрѣній Петрарки онъ ограничивается коротенькими и немногочисленными цитатами изъ его писемъ[1]); изъ латинскихъ сочиненій онъ перевелъ только De contemptu mundi въ виду автобіографическаго значенія трактата, а на остальныя не обращаетъ почти никакого вниманія. Вотъ для примѣра разборъ одного изъ важнѣйшихъ трактатовъ Петрарки De remediis: „Этотъ трактатъ полонъ ума, эрудиціи, философіи, вѣрныхъ сентенцій (maximes), почерпнутыхъ изъ нѣдръ опыта и изъ сочиненій лучшихъ философовъ. Содержаніе углублено и украшено (égayée) массой чертъ изъ исторіи древней и новой“[2]). Это весь разборъ въ трехтомныхъ мемуарахъ. Де Садъ не любитъ такихъ изслѣдованій; онъ главнымъ образомъ повѣствователь, который старается дать своему разсказу критически провѣренное содержаніе.

Несмотря на то, что Де Садъ внесъ только одинъ существенно новый фактъ въ біографію Петрарки, именно доказалъ, что Лаура была замужняя женщина[3]), его книга составляетъ эпоху въ литературѣ о первомъ гуманистѣ. Мемуары довершили фактическую біографію, написанную по старому методу. Далѣе въ смыслѣ обстоятельности и внѣшнихъ подробностей итти было нельзя, и позднѣйшіе біографы начинаютъ сокращать Де-Сада въ этомъ отношеніи и дополнять его изслѣдованіями взглядовъ и стремленій перваго гуманиста. Но это случилось не вдругъ. Въ первое время появленіе книги Де-Сада сдѣлало какъ бы ненужной самостоятельную работу по этому вопросу. Мемуары начинаютъ переводить и компилировать на всѣхъ языкахъ, и эти компиляціи образуютъ цѣлую литературу. Въ 1776 году *Сусанна Добсонъ* выпустила вторымъ изданіемъ на англійскомъ языкѣ двухтомное извлеченіе изъ мемуаровъ, и книга выдержала, по крайней мѣрѣ, 6 изданій[4]). Около этого времени, въ 1774, появился шеститомный переводъ мемуаровъ на нѣмецкій языкъ[5]), а затѣмъ въ 1794 г. анонимный авторъ сдѣлалъ новую компиляцію[6]). На французскомъ языкѣ были сдѣланы двѣ компиляціи —

---

[1]) Для всего этого см. единственную 95-ю страницу 1-го тома.

[2]) Mémoires III, p. 484.

[3]) Впрочемъ многіе оспариваютъ и этотъ фактъ. См. ниже.

[4]) *Dobson Susanna. The life of Petrarch. Collected from Mémoires pour la vie de Pétrarque. In two volumes. The second edition. London 1776.* О числѣ изданій Marsand. p. 153.

[5]) *Nachrichten zu dem Leben des Franz Petrarca. Lemigo 1774, 6 Bände.*

[6]) *Franz Petrarca. Biographie. Prag und Leipzig 1794.*

Арно и Левекомъ, напечатанныя вмѣстѣ съ сочиненіями Петрарки[1]).

Литература о Петраркѣ второй половины XVIII вѣка за однимъ исключеніемъ не представляетъ интереса. Фактическихъ свѣдѣній было собрано достаточно; для внутренней исторіи нужно было новое изученіе источниковъ, которые оставались неизданными. Поэтому біографами Петрарки являлись ex officio издатели или переводчики его стихотвореній, которые помѣщали коротенькіе очерки въ предисловіяхъ; таковы были *Соаве и Германнъ*[2]). Въ XVIII вѣкѣ появляются впервые двѣ поэмы, сюжетомъ для которыхъ служитъ жизнь Петрарки и его отношеніе къ Лаурѣ; авторомъ одной была *m-me Дезульеръ*, другая написана *Делономъ*[3]). Въ это же время *Дзаборра* положилъ начало монографической литературѣ о Петраркѣ[4]), а извѣстный аббатъ

---

[1]) *Arnaud, Le génie de Pétrarque, ou imitation en vers françois de ses plus belles poësies; précédée de la vie de cet homme célèbre, dont les actions et les écrits font une des plus singulières époques de l'histoire et de la litterature modernes. A Parme 1778. Levesque. Choix des poésies de Pétrarque, traduites de l'italien. Venise 1787.*

[2]) *Francesco Soave, Poesie scelte di Francesco Petrarca colla vita dell'autore e un discorso intorno alle medesine. Milano 1790. Friedrich Hermann, Petrarca's sämmtliche italienische Gedichte. Leipzig 1796.*

[3]) *Delon. Les vies de Pétrarque et de Laure et description de la Fontaine de Vaucluse, et Laure, et Pétrarque. Poëme. Nismes 1788.*

[4]) *Zaborra, Petrarca in Arquà. Dissertasione storico-scientifica, scritta nell'anno 1797. Padova.* Впрочемъ монографическая литература началась еще въ XVI столѣтіи, но она ограничивалась только одной стороною біографіи Петрарки, именно его любовью къ Лаурѣ. Сюда относятся въ XVI столѣтіи:

1) *Ridolfi, Artefila. Dialogo. Lione 1560.*

2) *Vieri, Discorso della grandezza et felice fortuna d'una gentilissima e grasiosissima dama qual fu M. Laura. Firenze 1581.*

3) *Gandino, Lezioni sopra un dubio come il Petrarca non lodasse Laura espressamente dal naso. Venezia 1581.*

4) *Cambi Importuni, Ridolfi e Giuntini, Lettere sul vero giorno e l'ora dell'innamoramento di Fr. Petrarca. Lyone 1574.*

5) *Cresci, Sopra la qualità dell'amore del Petrarca.* (Впервые въ изданіи Canzoniere. Venezia 1585 и потомъ во многихъ другихъ. См. Ferrazzi p. 652).

Въ XVII столѣтіи.

1) *Zuccolo, Dialogo dell'amor Platonico e del Petrarca. Perugia 1615.*

2) *Tommasi, Gli affetti ed effetti di amore. Virtuosi discorsi d'amore sopra il Petrarca. Milano 1622.*

Въ XVIII вѣкѣ.

1) *Schiavo, Pietra del paragone amoroso, ovvero dell'amore platonico del poëta Fr. Petrarca. Venezia 1737.*

2) *Gravina, Dell'amore razionale ovvero Platonico* (въ Венеціанскомъ изданіи Canzoniere 1756 (Zatta). Тамъ же *Gagliardi, Lettera* на ту же тему. См. Ferrazzi p. 653.

Бетинелли написалъ ему похвальное слово[1]). Самостоятельныя біографіи Петрарки, написанныя во второй половинѣ XVIII вѣка (одна нѣмецкая и три французскихъ), или разбавленный сантиментальными изліяніями перечень общеизвѣстныхъ фактовъ, или находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Де-Сада. *Бутеншёнъ* передалъ въ обширномъ извлеченіи содержаніе писемъ Петрарки[2]), и его книга не представляетъ рѣшительно никакого интереса. Анонимный авторъ обширной французской біографіи[3]) живо и обстоятельно разсказываетъ внѣшнія событія жизни Петрарки, сокращая для этого мемуары Де-Сада. Но онъ дѣлаетъ попытку познакомить читателя съ внутреннимъ міромъ перваго гуманиста, при чемъ главное вниманіе обращаетъ на его любовь къ Лаурѣ. Опираясь на сонеты, онъ описываетъ всѣ перепетіи чувства, дѣлитъ его на эпохи[4]) и вообще посвящаетъ ему значительную часть своей книги. Нельзя сказать, чтобы эта сторона жизни Петрарки была изображена безукоризненно[5]); но все-таки здѣсь получается довольно живая картина. Гораздо неудачнѣе другая попытка — указать

---

[3]) *Menard, sur l'origine de Laure, célébrée par Pétrarque* (въ Mémoires de l'Académie Royal. t. XXX. Paris 1764. См. Ferrazzi p. 645). Особенный интересъ къ Лаурѣ в. XVI столѣтіи объясняется тѣмъ, что Velutello въ 1525 году впервые поднялъ вопросъ о ея личности, а *Maurice de Sève* въ 1533 нашелъ ея могилу, можетъ быть, мнимую въ фамильной капеллѣ де-Садъ; на надгробнымъ камнѣ не было надписи, но въ гробу нашли свинцовое яблоко, внутри котораго находился сонетъ и медаль съ изображеніемъ женщины на одной сторонѣ и съ буквами M. L. M. J. Эти буквы де Sève истолковалъ такъ: Madonna Laura mortua jacet. (Gaspary I p. 405 и слѣд.) Позже Де-Садъ нашелъ въ фамильномъ архивѣ брачный договоръ Лауры, дочери Audibert de Noves съ Hugo de Sade 1325 года. Эти открытія вызвали горячую полемику въ началѣ нынѣшняго столѣтія, которая не прекратилась о настоящаго времени.

[1]) *Betinelli, Delle lodi del Petrarca. Mantova 1788.*

[2]) *Butenschön, Pétrarca. Ein Denkmal edler Liebe und Humanität. Leipzig 1796.* Marsand. p. 151.

[3]) *Vie de François Pétrarque, célèbre poïte italien, dont les actions et les écrits font une de plus singulières époques de l'histoir et de la litterature moderne, suivie d'une imitation en vers françois de ses plus belles poësies. Paris 1786.* Другая французская біографія въ первомъ томѣ *Vies des hommes et des femmes illustres d'Italie 1768*, а также *Meynart, F. Petrarca's Biographie 1794*, мнѣ извѣстны только изъ вторыхъ рукъ. Послѣдняя книга не вошла въ библіографію Marsand'a.

[4]) Vie p. 99 и passim.

[5]) Такъ, отношенія Петрарки къ матери его дѣтей изображены совершенно невѣрно. Il eut une intrigue galante. Sa nouvelle maitresse ne fut pas cruel; elle portait les marques de sa complaisance: elle alloit devenir mère. Ibid. p. 59. Собственныя признанія Петрарки указываютъ, что въ его отношеніяхъ всего менѣе было галантности.

его политическія стремленія. „Два великіе проекта, — говоритъ авторъ, — привлекали вниманіе Петрарки и по временамъ отвлекали его отъ любви. Первый — возстановленіе св. престола въ Римѣ, второй — новый крестовый походъ для завоеванія святыхъ мѣстъ... Видно, что онъ видѣлъ въ крестовомъ походѣ предпріятіе самое справедливое и самое славное. Этотъ предразсудокъ царствовалъ еще въ тотъ малофилософскій вѣкъ“[1]). Но авторъ не только даетъ ложное освѣщеніе политическимъ симпатіямъ Петрарки, выдвигая на первый планъ такую мимолетную мечту его, какъ возвращеніе Іерусалима; болѣе того, онъ прямо извращаетъ политическія надежды Петрарки. „Онъ потерялъ надежду видѣть городъ Римъ возстановленнымъ въ его прежнемъ блескѣ, когда узналъ, что императоръ вступилъ въ Италію“, говорится въ біографіи[2]). Въ дѣйствительности было какъ разъ наоборотъ.

Изъ общихъ сочиненій XVIII вѣка, касающихся Петрарки, первое мѣсто принадлежитъ исторіи литературы. Произведенія такого содержанія представляютъ тотъ интересъ, что они не ограничиваются біографическими свѣдѣніями, но сообщаютъ и библіографическія данныя, чего не дѣлаютъ обычныя біографіи. Первый обстоятельный каталогъ сочиненій Петрарки далъ въ XVIII вѣкѣ іезуитъ *Джуліо Негри* въ своей *„Исторіи флорентійскихъ писателей“*[3]). Его біографическій очеркъ Петрарки совершенно незначителенъ; самый каталогъ не полонъ и составленъ безъ критики и системы. Но Негри впервые собралъ свѣдѣнія объ изданіяхъ и рукописяхъ произведеній Петрарки, о его комментаторахъ, критикахъ, біографахъ, и книга Негри, утратившая теперь всякую цѣну для біографіи Петрарки, долгое время служила единственнымъ источникомъ библіографическихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ перваго гуманиста. Инымъ характеромъ отличается изложеніе въ исторіи итальянской литературы *Ягеманна*. Тамъ нѣтъ каталога сочиненій Петрарки, но они разсмотрѣны и оцѣнены, причемъ совершенно правильно выяснены его заслуги въ исторіографіи и отмѣчены его географическіе интересы[4]). Весьма обстоятельный біографическій очеркъ составленъ по Де-Саду, но съ нѣкоторыми

---

[1]) Ibid. p. 45—46.

[2]) Ibid. p. 214. Книга *Fabroni (Fr. Petrarcae vita. Parmae 1790)* мнѣ извѣстна только по заглавію.

[3]) *Giulio Negri Ferrarese, della Compagnia di Gesù, Istoria degli scrittori fiorentini. In Ferrara MDCCXXII p. 208 и слѣд.*

[4]) *Jagemann, Die Geschichte der freyen Künste und Wissenschaften in Italien. Leipzig. 1779*, p. 74—76; 235—239.

поправками и дополненiями, сдѣланными на основанiи переписки Петрарки и другихъ его сочиненiй[1]). Что особенно важно, Ягеманнъ возстаетъ уже противъ обычнаго взгляда на перваго гуманиста. „Обыкновенно ему удивляются,—говоритъ онъ,—какъ поэту, который своими произведенiями довелъ до совершенства итальянское поэтическое искусство. Конечно, одной этой заслуги достаточно для того, чтобы сдѣлать его безсмертнымъ. Но я утверждаю, что онъ и безъ этого преимущества возбуждалъ вѣчное удивленiе въ потомствѣ за свое великое влiянiе на возстановленiе учености вообще“[2]). Почти то же самое говоритъ о Петраркѣ и *Тирабоски* въ своемъ классическомъ трудѣ по исторiи итальянской литературы, только его изложенiе отличается большею обстоятельностью и большими подробностями. Тирабоски предпослалъ V тому своей исторiи, гдѣ излагается XIV вѣкъ, обширный критическiй разборъ книги Де-Сада; но, исправивъ его ошибки и пополнивъ его пробѣлы, онъ положилъ знаменитые „Мемуары“ въ основу своего очерка бiографiи Петрарки[3]). Подобно Ягеманну, Тирабоски останавливается на всѣхъ произведенiяхъ Петрарки въ соотвѣтствующихъ рубрикахъ V тома, только онъ разсматриваетъ ихъ съ болѣе внѣшней, библiографической точки зрѣнiя. Но что особенно характерно, оба историка опредѣляютъ историческое значенiе Петрарки въ почти буквально тождественныхъ выраженiяхъ. „То совершенство, — говоритъ Тирабоски, — до котораго возвысилась благодаря Петраркѣ итальянская литература, обыкновенно составляетъ главное содержанiе похвалъ, которыя воздаютъ ему писатели. Въ прославленiи этой заслуги я не уступлю ни одному изъ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не побоюсь сказать, что если бы онъ никогда не обратился къ поэтической дѣятельности на итальянскомъ языкѣ, Италiя все-таки должна была бы съ уваженiемъ признать его однимъ изъ величайшихъ людей, которыми она можетъ гордиться. Она можетъ указать многихъ людей, которые были ученѣе его—одни въ одной наукѣ, другiе въ другой, но не будетъ въ состоянiи указать ни одного человѣка, которому съ большимъ правомъ подходилъ-бы титулъ реставратора и отца итальянской литературы“[4]). Это любопытное совпаденiе взглядовъ двухъ историковъ различныхъ нацiональностей показываетъ, что къ концу XVIII столѣтiя односторонняя точка зрѣнiя на Петрарку уже отживала свой вѣкъ[5]).

---

1) Ibid. p. 352 и слѣд.

2) Ibid. p. 353.

3) *Tiraboschi storia della letteratura italiana. V. Venezia 1823* p. 684 и слѣд.

4) Ibid. p. 683—684.

5) Кромѣ названныхъ сочиненiй, нѣкоторый интересъ представляютъ уже упоми

Значеніе біографической литературы о Петраркѣ второго періода сводится главнымъ образомъ къ установленію и критической провѣркѣ внѣшнихъ фактовъ его жизни. Настоящей біографіи еще нѣтъ, но тщательно собираются матеріалы для нея. Съ этой стороны нѣкоторые біографы, какъ Де-Садъ, не вполнѣ утратили свое значеніе и въ настоящее время. Но успѣшность работы и въ этой области замедлялась плохимъ состояніемъ источниковъ и преимущественно переписки Петрарки. Кромѣ того, другія его латинскія сочиненія почти совершенно игнорировались, такъ какъ интересъ къ его внутренней жизни ограничивался его отношеніемъ къ Лаурѣ. Эта односторонность начинаетъ исчезать только съ половины XVIII столѣтія. Но и тѣ писатели, которые настаиваютъ на важности латинской прозы Петрарки, еще не выяснили себѣ значеніе пѣвца Лауры, какъ гуманиста, потому что имъ не ясно было самое движеніе, въ главѣ котораго онъ стоялъ. Потребовалось еще болѣе полувѣка, чтобы личность Петрарки получила новое и исторически вѣрное освѣщеніе.

VIII.

Характеръ біографій Петрарки 3-го періода — Бальделли и первые біографы XIX столѣтія. — Уго Фосколо, Маколей и Бланъ — Отношеніе къ Петраркѣ историковъ литературы и значеніе для его біографіи общихъ обзоровъ исторіи Возрожденія. — Георгъ Фогтъ. — Общее значеніе біографій этого періода.

Характерную черту біографической литературы этого періода составляетъ побѣда исторической точки зрѣнія на Петрарку надъ литературно эстетической. Этотъ поворотъ стоитъ въ тѣсной связи съ появленіемъ большаго интереса къ гуманистическому движенію и съ болѣе правильнымъ его пониманіемъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія появилась упомянутая выше книга Мейнерса[1]), въ которой вмѣстѣ

нутыя нами (р. 143) *Dissertazioni Vossiane di Apostolo Zeno,* вслѣдствіе находящихся тамъ библіографическихъ замѣчаній (I р. 1 и слѣд.). Кромѣ того, Ferrazzi указываетъ (р. 565 и 613) слѣдующія, оставшіяся мнѣ неизвѣстными, общія сочиненія, въ которыхъ идетъ рѣчь о Петраркѣ:

1) *Meutschen, Vitae eruditorum virorum. Coburg 1741, t. IV.*

2) *Merian, Origines de la poésie italienne.* Въ *Nouveaux Mémoires de l'Académie de Berlin 1784 et 1786.*

3) *Pelli, Elogi degl'illustri scrittori toscani v. I Lucca 1771*

4) *Rubbi, Elogio di Fr. Petrarca.* Въ *Opere v. XI Venezia. 1782.*

1) См. о немъ выше р. 37.

съ новымъ взглядомъ на Возрожденіе формулирована и новая точка зрѣнія на Петрарку. Съ этихъ поръ интересъ къ гуманистической сторонѣ дѣятельности пѣвца Лауры проходитъ черезъ всѣ его біографіи и, поддерживаемый общими сочиненіями по Ренесансу, которыя начинаютъ появляться съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, проникаетъ въ обзоры исторіи литературы. Но, сдѣлавши предметомъ изученія Петрарку, какъ гуманиста, его біографы за этотъ періодъ не успѣли еще выяснить его историческаго значенія. Благотворное вліяніе новой точки зрѣнія обнаружилось главнымъ образомъ на изданіи неизвѣстныхъ прежде его сочиненій и, на появленіи монографій о его воззрѣніяхъ вообще на подготовленіи матеріала для его внутренней исторіи. Только въ самомъ концѣ періода Георгъ Фогтъ сдѣлалъ попытку дать всестороннее освѣщеніе личности Петрарки, какъ родоначальника гуманистическаго движенія.

Одной изъ послѣднихъ біографій Петрарки въ XVIII вѣкѣ была книга *Бальделли „О Петраркѣ и его произведеніяхъ“* [1]). Бальделли смотритъ на Петрарку не только, какъ на пѣвца Лауры: «онъ былъ руководителемъ для умовъ неувѣренныхъ и блуждающихъ на крутой стезѣ знанія, онъ пріобрѣлъ наукамъ и ихъ дѣятелямъ плодотворное и могучее покровительство государей, онъ направилъ науку на самоулучшеніе, словами, сочиненіями и примѣромъ онъ просвѣщалъ народы, непрестанно внушая имъ любовь къ миру, къ гармоніи и добродѣтели» [2]). Точно также гораздо шире и глубже своихъ предшественниковъ понимаетъ Бальделли и задачу біографа перваго гуманиста. „Для выясненія его особенной заслуги слѣдуетъ, по моему мнѣнію, не только изложить эпохи и обстоятельства его жизни, но и дать обзоръ политическаго и литературнаго состоянія Италіи въ его время и подвергнуть изслѣдованію его латинскія сочиненія, конечно, великія и удивительныя для той эпохи, но слывшія у потомства за ничтожныя и скучныя“ [3]). Къ выполненію этой задачи Бальделли подготовился чрезвычайно тщательно: онъ изучилъ всю предшествующую литературу, приложилъ къ своей книгѣ списокъ болѣе раннихъ біографовъ, и въ предисловіи сдѣлалъ вкратцѣ ихъ критическую оцѣнку. Въ основу своего сочиненія онъ положилъ обширный трудъ своего непосредственнаго предшественника аббата Де-Сада, но внесъ въ него много новыхъ данныхъ, для собиранія которыхъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ жилъ Петрарка, и работалъ въ библіотекахъ Падуи,

---

1) *Baldelli Del Petrarca e delle sue opere. Libri quattro. Firenze 1797.*
2) Del Petrarca p. III—IV. Ср. p. 146 и слѣд.
3) Ibid p. IV.

Венеціи, Флоренціи, Рима, Милана, Турина и Парижа, откуда извлекъ массу неизданныхъ писемъ[1]). Но несмотря на все это, задача осталась невыполненной въ особенности въ той своей части, въ которой имѣлось въ виду выяснить связь Петрарки съ современностью. Посвященное этому вопросу введеніе слишкомъ обще и кратко даже и для того, чтобы служить фономъ для историческаго портрета Петрарки. Тѣмъ не менѣе біографія Бальделли имѣетъ два весьма существенныя достоинства: во-первыхъ, фактическія данныя, собранныя въ достаточной полнотѣ, провѣрены и установлены критически и во-вторыхъ, описаны и проявленія внутренней жизни Петрарки, его воззрѣнія и настроенія. Интересъ Бальделли къ перепискѣ и латинскимъ сочиненіямъ перваго гуманиста сдѣлали свое дѣло, хотя въ изложеніи фактовъ его внутренней исторіи еще нѣтъ даже и хронологической послѣдовательности. Бальделли умѣетъ иногда уловить сущность воззрѣній Петрарки, но не указываетъ ихъ роли въ его жизни и ихъ взаимной связи. „Первымъ объектомъ его моральныхъ размышленій, говоритъ онъ, былъ человѣкъ“ и этимъ объясняетъ появленіе его сочиненія De remediis[2]), но въ біографіи мы не находимъ дальнѣйшаго развитія этой точки зрѣнія. Бальделли отмѣчаетъ точно также благотворное вліяніе изученія древности на науку[3]), но не выясняетъ значенія этихъ занятій во внутренней жизни Петрарки. Политическая роль Петрарки опредѣлена очень мѣтко: его вліяніе основывалось, по словамъ Бальделли, на „публичномъ словѣ“; онъ правильно объясняетъ послѣдовательность его политическихъ стремленій въ отношеніяхъ къ Кола ди Ріенцо, къ императору и папѣ[4]), но сильно преувеличиваетъ его вліяніе. Бальделли дѣлаетъ попытки объяснить нѣкоторыя стороны внутренней жизни Петрарки и поставить ихъ въ связь съ его поступками, но

---

1) Свое отношеніе къ Де-Саду онъ опредѣляетъ такъ: Mi furono di massimo giovamento le memorie del dotto e benemerito abate di Sade, l'abbreviamento delle medesime avendomi data la traccia del mio lavoro. Su questo aggiunsi le notizie ignorate o trascurate da lui, che io reputava importanti, da me raccolte nella lettura di tutte le opere del Petrarca. Ebbe cura di riscontrare le citazioni, le autorità dell'opera del Sade, la coressine mutai l'ordine cronologico, quando credealo sbagliato, l'ampliai talvolta. l'abbreviai in ciò che credeva inutile per lo meno esteso piano che mi era prefisso. P. XVI—XVII.

2) Ibid. p. 62.

3) Dovendo allo studio dei Classici la gloria d'esserci slanciato fuori ristretto confine del saperi etc. p. 133.

4) Arrecava miraviglia inoltre la somma influenza, che egli aquisto, non per la via dell'armi, o del ministero, ma col senno, coll'esperienza, colla virtù, ed il viderlo giunto a tanta altezza mercé la publica voce in un secolo incolto nel quale erano intenti i popoli più a distruggersi, ch'a giavarsi p. 122—123.

эти объясненія или неопредѣленны, или прямо невѣрны. Такъ, его acedia онъ выводитъ изъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ: изъ „общественныхъ и частныхъ бѣдствій", изъ „чумы" и „огромной смертности" и т. п.[1]. Его борьбѣ съ алхиміей, астрологіей и схоластикой онъ придаетъ уже слишкомъ раціоналистическую окраску, такъ что первый гуманистъ является почти „просвѣтителемъ" XVIII вѣка[2]). Знаменитое восхожденіе на Mont Ventoux онъ объясняетъ несчастною любовью и угрызеніями совѣсти за измѣну Лаурѣ[3]).

Но не смотря на всѣ промахи, эти попытки имѣютъ важное значеніе намѣченнаго вопроса для дальнѣйшихъ біографовъ. Гораздо болѣе вредитъ книгѣ Бальделли проникающій ее панигирическій тонъ. Петрарка представляется ему вмѣстилищемъ всевозможныхъ добродѣтелей и талантовъ[4]); говоря о его путешествіяхъ, онъ превозноситъ его необычайную мудрость[5]); его любовь — образецъ самаго чистаго и самаго возвышеннаго платонизма[6]) и т. д. Подъ вліяніемъ восторга передъ такимъ совершенствомъ Бальделли дѣлаетъ массу лирическихъ обращеній то къ Флоренціи, то къ нему самому[7]). Вредное вліяніе такого тона чувствуется особенно сильно на оцѣнкѣ произведеній Петрарки. Бельделли, первый изъ его біографовъ, сдѣлалъ попытку разсмотрѣть не только жизнь, но и сочиненія перваго гуманиста, и эту попытку въ общемъ нельзя назвать удачной. Въ его книгѣ нѣтъ систематическаго изложенія трактатовъ, а ихъ оцѣнка носитъ дифирамбическій характеръ. De rebus memorandis онъ считаетъ весьма полезнымъ моральнымъ трактатомъ[8]). О полемическомъ трактатѣ De ignorantia онъ говоритъ: „этого сочиненія было достаточно для освобожденія итальянскихъ школъ отъ господствующей схоластической философіи; между тѣмъ предпочтеніе и справедливыя похвалы, рас-

[1]) Ibid. p. 94.

[2]) Ibid. 127—128.

[3]) Dall'amore e dai rimorsi agitate etc. p. 48.

[4]) Ibid. 127.

[5]) Ibid. 39.

[6]) Ibid. p. 27 и passim.

[7]) O Firenze, o concittadini del Cantore di Laura! Non siate lenti nella riconoscenza... Pensa, o Firenze, che la memoria dei tuoi georiosi magiori è il più saldo appoggio della moderna tua rinomanza etc p. 145. Біографія заключается настоящимъ акафистомъ. Se a voi, Laura e Francesco, se a voi celesti spiriti, giunge la voce mia mal sicura nel celebrarvi, esaudite i miei vuoti; traete la mente nostra dai meschini esempi del secolo e la inalzate a contemplare le virtù vostre. E tu, o Petrarca, trasfondi, riaccendi in noi quel pure amore di patria, che t'animava, onde torni la Italia all'altezza da cui decadde. p. 160. Ср. р. 87—88 и passim.

[8]) Trattato morale, tanto più utile, quanto l'ardua e streile teoria non espone soltanto, ma la pratica persuasiva, possibile e grandiosa. p. 58—59.

точаемыя имъ божественному Платону вполнѣ могли дать силу платонизму въ Италіи, но итальянцы не были достаточно подготовлены къ тому, чтобы найти вкусъ (assaporare) въ высшей степени поэтическихъ (imaginosissimi), очаровательныхъ и геніальныхъ гипотезахъ" [1]). Epistolae ad veteres кажутся Бальделли „первымъ философскимъ этюдомъ", „первымъ образцомъ критики и литературной исторіи древности" [2]), а переписка вообще — „самымъ важнымъ произведеніемъ этой эпохи" [3]). То же самое можно сказать и о его взглядѣ на Canzoniere: расходясь съ истиной, Бальделли утверждаетъ, что Петрарка „воспѣвалъ на своей лирѣ только любовь чистую и небесную" [4]). Такого же тона держится онъ по отношенію къ друзьямъ Петрарки и въ особенности по отношенію къ Лаурѣ. Знаменитаго своими пороками и въ особенности вѣроломствомъ Аццо ди Корреджіо онъ называетъ человѣкомъ „съ царской душой" [5]), а Лауру считаетъ идеаломъ женщины [6]) и поетъ ей настоящій дифирамбъ [7]).

Бальделли приложилъ къ своей книгѣ семь дополненій, которыя составляютъ почти половину ея [8]). Въ первомъ изъ нихъ онъ разсматриваетъ всѣ свѣдѣнія о Лаурѣ, дошедшія до насъ, и самъ примыкаетъ въ этомъ вопросѣ къ Де-Саду. Во второмъ доказываетъ подлинность собственноручныхъ замѣтокъ Петрарки о Лаурѣ и друзьяхъ въ бывшемъ Миланскомъ кодексѣ Виргилія. Третій очеркъ составляетъ дополненіе къ даннымъ о предкахъ Петрарки, собраннымъ Бандини, а также тамъ собраны свѣдѣнія о его родственникахъ. Въ четвертомъ опровергается „клевета" Лефебюра де Виллебрюнъ относительно заимствованій Петрарки для Африки изъ Силія Италика; въ пятомъ, до сихъ поръ не утратившемъ своего значенія, перечисляются важнѣйшія рукописи сочиненій Петрарки и ему приписываемыхъ. Шестое дополненіе составляетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ весьма полезный сборникъ свѣдѣній о тѣхъ лицахъ, которыя упоминаются въ біографіи Петрарки, и, наконецъ, седьмое — хронологи-

---

1) Ibid. p. 130.
2) Ibid. p. 136.
3) Ibid. p. 142.
4) Ibid. p. 27.
5) Ibid. p. 63.
6) Ibid. p. 159.
7) Non cessi mai l'Italia d'onorarti, d'encomiarti, o Laura, se pari agli obbligh deve essere la gratitudine etc. p. 27.
8) Illustrazioni dell'opera. Articoli sette. p. 163—321.

ческая таблица событій изъ его жизни съ указаніемъ ихъ источниковъ. Въ общемъ эти дополненія теперь устарѣли; но для своего времени они имѣли значительную научную цѣнность.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія *Булэ* въ своей *„Исторіи философіи“* далъ біографическій очеркъ Петрарки и анализъ его философскихъ воззрѣній. Очеркъ составленъ по Де-Саду и не имѣетъ самостоятельной цѣны; но глава, посвященная философіи Петрарки, имѣетъ важное значеніе, какъ первый опытъ выясненія философскаго міросозерцанія родоначальника гуманистовъ. Булэ не пытается привести въ систему взгляды Петрарки и просто излагаетъ содержаніе его латинскихъ сочиненій. Но въ цѣломъ онъ вѣрно опредѣляетъ общій характеръ его философіи и ея источники. „Петрарка, говоритъ онъ, представилъ *философію жизни*, за которую онъ хотя обязанъ былъ изученію римскихъ мудрецовъ, но которая тѣмъ не менѣе была оригинальнымъ прекраснымъ плодомъ его духа, его собственнаго опыта и размышленія надъ міромъ и людьми“ [1]). Булэ вѣрно опредѣляетъ далѣе, что древняя философія дѣйствовала на него чрезъ Цицерона, Сенеку и бл. Августина, а первоначальный толчокъ къ философскимъ размышленіямъ дала собственная жизнь, при чемъ онъ придаетъ особое значеніе любви къ Лаурѣ и вызванное ею стремленіе къ уединенію [2]). Значеніе этого послѣдняго фактора, можетъ быть, нѣсколько преувеличено; но весьма вѣроятно, что романическая неудача впервые открыла глаза Петраркѣ на глубокое противорѣчіе его внутренняго міра. Его отношеніе къ Аристотелю и Платону Булэ опредѣляетъ въ общемъ тоже совершенно вѣрно: Петрарка не могъ быть послѣдователемъ ни того, ни другого, потому что не былъ знакомъ съ ихъ произведеніями [3]). Къ сожалѣнію онъ не выясняетъ причинъ, почему онъ предпочиталъ Платона Аристотелю и безо всякихъ основаній утверждаетъ, что этимъ предпочтеніемъ обусловливалось позднѣйшее преклоненіе передъ этимъ философомъ во Флоренціи [4]).

Біографическая литература о Петраркѣ въ первой половинѣ XIX вѣка представляетъ мало самостоятельнаго интереса. Біографами перваго гуманиста являются или авторы сборниковъ, какъ *Ломонако*, который, говоря о знаменитыхъ итальянцахъ, поневолѣ долженъ былъ упомянуть о Петраркѣ [5]), и его очеркъ, довольно обширный, предста-

1) Buhle. Geschichte der Philosophie II p. 87.
2) Ibid. p. 89—90.
3) Ibid. p. 89.
4) Ibid.
5) *Francesco Lomanaco, Vite degli eccellenti Italiani. Italia 1802.* Первый томъ

вляетъ собою простую компиляцію. Или его жизни касаются мимоходомъ тѣ писатели, которые заинтересованы почему-нибудь Авиньономъ, какъ напр., натуралистъ *Герэнъ*[1]). Сюда же относятся по большей части анонимные біографическіе очерки, написанные для любознательныхъ туристовъ, посѣщающихъ родину Лауры[2]). Далѣе продолжаетъ сохраняться прежній обычай — писать похвальныя слова знаменитымъ людямъ, и на долю Петрарки выпало нѣсколько такихъ произведеній[3]). Самостоятельныя біографіи, какъ аббата *Романа* и маркиза *Форціа д'Урбана*[4]), носятъ чисто компилятивный характеръ и преимущественно составлены по Де-Саду[5]). Передъ изданіемъ стихотвореній по прежнему время отъ времени даютъ въ формѣ введенія біографическій очеркъ пѣвца Лауры. Первымъ изъ такихъ біографовъ былъ *Розини*[6]). Его очеркъ выгодно отличается отъ предшествующихъ не только формою изложенія, умѣньемъ коснуться всего въ немногихъ словахъ, но и болѣе широкою точкой зрѣнія. Розини касается и латинскихъ сочиненій Петрарки, и его историческаго значенія. Правда, хвалебный тонъ нѣсколько портитъ впечатлѣніе и главное вниманіе автора направлено на итальянскую поэзію, тѣмъ не менѣе эта всесторонность и интересъ къ внутренней жизни поэта — характерный признакъ литературы о Петраркѣ XIX вѣка, которая постепенно подготовляетъ Фогта и его послѣдователей. Очеркъ Розини заканчивается оцѣнкою исторической заслуги Петрарки. „Кромѣ того, что онъ создалъ новый родъ поэзіи и новый стиль, говоритъ Розини, и призвалъ людей, занимающихся наукой, къ подражанію великимъ образцамъ древности, онъ сумѣлъ сдѣлать столь хорошее употре-

---

посвященъ Петраркѣ. *Wismayr, Pantheon Italiens, enthaltend Biographien der ausgezeichnetsten Italiener nebst deren Bildnissen. München 1815.*

[1]) *Guerin J., Description de la Fontaine de Vaucluze, suivie d'un essai sur l'histoire naturelle de cette source, au quel on a joint une notice sur la vie et les écrits de Pétrarque. Avignon 1804.* Къ этой же категоріи относится *Pétrarque à Vaucluse et histoire de cette fontaine. Par un ancien habitant de Vaucluse. Paris. 1804.*

[2]) Таковы *Vie de Pétrarque, publiée par l'Athénée de Vaucluse. Avignon 1804. Précis historique ou abrégé de la vie et des amours de Pétrarque et de Laure, par un amateur. Avignon. 1811.*

[3]) *Pezzoli Luigi, Elogio al Petrarca, letto nel solenne riaprimento dell'Accademia Veneta di belle lettere. 1808.* Такимъ же характеромъ отличается *Piombiolo, Discorso e poesie sulle opere di Fr. Petrarca. Brescia 1807.*

[4]) *Roman l'abbé. Vie de Petrarque. Avignon 1804*, впервые вышла въ 1778. *Fortia d'Urban, Vie de Pétrarque. Paris 1804.* Такимъ же характеромъ отличается *Gironi, Vita del Petrarca. Milano 1808.*

[5]) Объ отношеніи Романа къ Де-Саду см. Du Laurens p. VI.

[6]) *Rosini. Vita de Francesco Petrarca* въ роскошномъ изданіи *Rime de Francesco Petrarca. Tomo 1. Pisa 1805.* p. I—XXII.

бленіе изъ соперничества, что государи, осыпая его почестями и лаской, показывали, что они сами сдѣлаются блестящими меценатами наукъ. Поэтому собирались библіотеки, болѣе цвѣтущія становились университетами, основывались новыя каѳедры и повсюду распространялся пылъ къ наукѣ, отыскиванье кодексовъ, культура и хорошій вкусъ. Такимъ образомъ только одинъ оригинальный человѣкъ съ немногими одушевленными сотрудниками, въ нѣкоторомъ смыслѣ имъ воспитанными, въ короткій срокъ немногихъ лѣтъ могъ измѣнить лицо всей Италіи, которая изъ бездны невѣжества, гдѣ она томилась, высоко подняла голову и сдѣлалась единственной и свѣтозарной учительницей всѣхъ націй" [1]). За пышными фразами слишкомъ повышеннаго тона замѣтно уже и въ этой сферѣ зарожденіе новой точки зрѣнія на пѣвца Лауры. Такой же интересъ, только менѣе самостоятельности обнаруживаетъ Ферновъ. Ферновъ стоитъ въ тѣсной связи съ Бальделли [2]). Его очеркъ представляетъ собою сводъ результатовъ предшествующихъ работъ, разсказанный для большой публики. Ферновъ не сообщаетъ новыхъ фактовъ и не подвергаетъ критической провѣркѣ старыхъ, но біографія Петрарки въ его обработкѣ утратила, благодаря главнымъ образомъ вліянію Бальделли, исключительно внѣшній характеръ. Онъ сообщаетъ факты, имѣющіе значеніе только для внутренней жизни перваго гуманиста, какъ знаменитое восхожденіе на Mont Ventoux [3]), объясняетъ психическіе мотивы его поступковъ [4]) и даетъ даже цѣлую схему его внутренней исторіи, которая выясняетъ въ то же время историческое значеніе его дѣятельности. Въ біографіи отмѣчены всѣ стремленія Петрарки, хотя ихъ послѣдовательность и относительная сила изображены не точно, а иногда и прямо не вѣрно. Ферновъ останавливается прежде всего на любви и даетъ вѣроподобное освященіе отношенія къ Петраркѣ Лауры, которая умѣла искусственно удержать около себя симпатичную

---

1) Vita p. XXII.

2) *Fernow, Vita del Petrarca*, напечатанная въ его изданіи Le *Rime di Francesco Petrarca. Tomo 1. Iena 1806.* (Въ *Raccolta di autori classici Italiani. Poeti. Tomo quarto*). Marsand (p. 154) называетъ нѣмецкое изданіе этой біографіи. Leipzig 1818. По словамъ Blanc'а, это буквальный переводъ упомянутой выше работы Merian'а (Petrarca въ Encyclop. von Ersch. p. 207).

3) Vita p. XVII.

4) Напр. по поводу его переселенія въ Италію онъ говоритъ. A tale partenza fu vivamente sospinto dall'amore della patria e dalle istanze de'principi italiani che lo bramavano e lo pregavano a ripassare le Alpi, come pure da un canonicato di Parma ottenuto da Clemente VI, di cui volle prender possesso, p. XXIV—XXV.

знаменитость, не жертвуя своей добродѣтелью[1]); но онъ преувеличиваетъ вліяніе этого чувства на Петрарку, утверждая за Бальделли, что восхожденіе на Mont Ventoux вызвано стремленіемъ укрыться отъ любви и отъ угрызеній совѣсти за измѣну Лаурѣ[2]). Такую-же невѣрную окраску придаетъ Ферновъ и другимъ его стремленіямъ. Онъ повторяетъ почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ мнѣніе Бальделли, что Петрарка, прежде всего патріотъ-политикъ, достигшій огромнаго вліянія „публичнымъ словомъ[3])“, и отмѣчаетъ политическій элементъ въ его отношеніяхъ къ папѣ, на котораго онъ возлагалъ особыя надежды, извѣрившись въ императора[4]). Но онъ сильно преувеличиваетъ его политическіе интересы, утверждая, что Петрарка обратился къ наукамъ только вслѣдствіе разочарованія въ политикѣ[5]). Самая научная дѣятельность перваго гуманиста представляется Фернову, какъ и Бальделли, въ видѣ такой же борьбы съ мракомъ, какую вели „просвѣтители“ XVIII вѣка, при чемъ его интересъ къ древности, отодвинутый на второй планъ, совершенно остается въ тѣни[6]). При всемъ томъ Ферновъ ставитъ на первый планъ итальянскую поэзію, въ ней видитъ источникъ его безсмертія[7]) и не упоминаетъ о его латинскихъ трактатахъ. Но несмотря на это, біографія Фернова не лишена нѣкотораго значенія, какъ популяризація Бальделли[8]).

Четыре года спустя въ 1810 году появилась новая біографія Петрарки, написанная лордомъ *Woodhouselee*[9]). Книга озаглавлена

1) Ibid. p. XV. Совершенно также смотритъ Ugo Foscolo Saggi p. 62.

2) Dall'amore, dai rimorsi e dalla vergogna agitato p. XVII. Ср. выше пр. 11.

3) Arreca meraviglia inoltre la somma influenza ch'egli acquistò non per via delle armi o del ministero, ma col senno, coll'esperienza e colla virtù, ed il viderlo giunto a tanta altezza *mercè la publica voce* in un secolo così incolto. Ibid. p. XXXII.

4) Ibid. p. XXXIII.

5) Non avendo potuto rendere pace, energia e libertà all' Italia, rivolse tutto il vigore dell'animo a far risorgere le lettere etc. p. XXXIII.

6) Ibid. p. XXXIV.

7) Ibid. XL.

8) Въ теченіе перваго 25-лѣтія XIX вѣка вышли еще три біографіи Петрарки такого же характера: одна предпослана англійскому переводу его Rime — *Sonnets and Odes, translated from the italian of Petrarch. London 1808*. Вторая написана *Mathias*'омъ и приложена къ его книгѣ. *Aggiunta ai componimenti lirici de più illustri poeti d'Italia. Londra 1808*. Третья принадлежитъ *Saint-Geniès* и напечатана въ его *Poësie de Pétrarque, traduites en vers français. Paris 1816*.

9) *Woodhouselee, An historical and critical essay on the life and character of Petrarch. Edinburg. 1810.*

„Критическій этюдъ“, и главные удары автора направлены на Де-Сада и клонятся къ тому, чтобы доказать, что Лаура никогда не была замужемъ. Аргументы не убѣдительные, и самая полемика не имѣетъ большой цѣны для исторіографіи Ренесанса. Вмѣстѣ съ указанными выше произведеніями, литература о Петраркѣ за второе десятилѣтіе не представляетъ значительнаго интереса ни въ какомъ отношеніи[1]). Наиболѣе выдающейся книгой были появившіеся въ 1823 году на англійскомъ языкѣ „Опыты о Петраркѣ“ *Уго Фосколо*[2]). Изъ четырехъ его этюдовъ два, наиболѣе талантливые и интересные, не имѣютъ значенія для исторіографіи Возрожденія, потому что первый посвященъ изображенію любви Петрарки къ Лаурѣ, а второй представляетъ собою литературно-эстетическую критику его поэзіи[3]). Третій этюдъ „о характерѣ Петрарки“ утратилъ все то значеніе, которое имѣлъ при появленіи книги. Характеристика У. Фосколо безсистемна и часто безсвязна; онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя воззрѣнія, симпатіи и антипатіи Петрарки обыкновенно обширными цитатами изъ его переписки, тогда еще не вполнѣ изданной и мало извѣстной, и въ этихъ цитатахъ заключалось нѣкогда главное достоинство книги. Наиболѣе интереса представляетъ послѣдній этюдъ — „Параллель между Данте и Петраркой“; но бо́льшую часть его занимаетъ сравненіе ихъ поэзіи, а попытку объяснить особенности ихъ, какъ поэтовъ, характеромъ эпохи и характеризовать для этой же

---

1) За это время, кромѣ указанныхъ, вышли: *Paccard, Pétrarque solitaire ou les épanchements du coeur, lettres familières et secréts de Pétrarque, précédées d'un discours apologetique sur la vie de cet homme célèbre. Paris 1816. Capelli, Petrarch uwazani jako poeta, filolog i moralista. Wiena 1817.* (Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ). *Pietropoli, Il Petrarca impugnato dal Petrarca. Venezia 1818. M-me Genlis, Pétrarque et Laure. Paris 1819* (романъ) *Ginguené, Notice sur la vie et coup d'oeil generale sur ses differents auvrages. Milan 1820; Dionisi, Dei vicendevoli amori di mess. Fr. Petrarca e della celebratissima donna Laura. Verona 1822. Brachet, Mon dernier voyage à Vaucluse, suivi d'une notice historique sur Pétrarque et la belle Laure. Avignon 1823. Cibrario, Dell'ingegno e del cuore di Fr. Petrarca. 1825.* Наибольшій интересъ представляетъ *Marsand, Memorie della vita di Francesco Petrarca, raccolte dalle opere latine del Poeta. Padova 1819.* По словамъ Ferrazzi, книга эта выдержала 17 изданій (p. 562).

2) *Ugo Foscolo. Essays on Petrarch. London 1823.* Не имѣя подъ руками этой книги, я цитирую по итальянскому переводу *Угони* (напечатанному въ *Le Rime di Francesco Petrarca secondo l'editione e col proemio di Antonio Marsand. Parigi 1847*): *Saggi sopra il Petrarca pubblicati in inglese da Ugo Foscolo e tradotti in italiano dal Barone Ugoni.*

3) Во второмъ этюдѣ встрѣчается очень интересное замѣчаніе объ отношеніи поэзіи Петрарки къ библіи. Фосколо рядомъ цитатъ доказываетъ, что въ Canzoniere

цѣли философское міросозерцаніе Петрарки[1]) нельзя признать удачной. „Изученіе классической литературы, говоритъ У. Фосколо, усилило вкусъ къ универсальному и увеличило ученость, но ослабило въ то же время смѣлость и оригинальность природнаго ума. Тѣ самые, которые могли бы сдѣлаться подражаемыми писателями на родномъ языкѣ, довольствовались тратою своихъ силъ на простое подражаніе латинскимъ. Писатели перестали принимать участіе въ текущихъ событіяхъ и оставались зрителями издалека. Нѣкоторые разсказывали своимъ согражданамъ объ ихъ прошлой славѣ и обращали ихъ вниманіе на грозившее разрушеніе родины, другіе вознаграждали лестью покровителей, потому что именно въ XIV вѣкѣ тиранническія правительства начали обучать преемниковъ политикѣ держать на жалованьѣ ученыхъ, чтобы обманывать міръ. Такова вкратцѣ исторія Италіи въ теченіе 53 лѣтъ отъ смерти Данте до смерти Петрарки[2]“). Прежде всего, если исключить Петрарку, то мы не найдемъ у его современниковъ ни одной черты изъ этой характеристики; интересъ къ латинской литературѣ только что зарождался, а слѣдовательно не могли обнаружиться и вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго увлеченія ею. У. Фосколо взялъ матеріалъ для своей картины, отчасти изъ позднѣйшей эпохи, отчасти изъ біографіи самого Петрарки; но обвиненія несправедливы и въ этомъ случаѣ. Не говоря уже о полной неосновательности утвержденія о вредномъ вліяніи античной литературы, совершенно невѣрно, что латинскія произведенія гуманистовъ были только подражаніемъ и что писатели этого направленія игнорировали современность. Всѣ труды Петрарки, а также историческіе и критическіе трактаты Бруни, Поджіо и Валлы достаточно опровергаютъ это мнѣніе.

Нѣкоторый интересъ представляетъ появившійся въ 1824 году очеркъ *Маколея*, посвященный Петраркѣ[3]). Блестящій, хотя довольно поверхностный этюдъ, распадается на двѣ части. Въ первой авторъ объясняетъ причины необыкновенной и, по его мнѣнію, незаслуженной славы Петрарки въ позднѣйшемъ потомствѣ; во второй разсматриваетъ его сочиненія. Чрезвычайная популярность Петрарки обусловливается, по мнѣнію Маколея, прежде всего тѣмъ, что онъ былъ эгоистъ и

Петрарка гораздо чаще заимствуетъ выраженія и образы изъ священнаго Писанія чѣмъ изъ классическихъ поэтовъ. Saggi, p. 83—85.

[1]) Фосколо совершенно бездоказательно объявляетъ Петрарку платоникомъ и считаетъ «скуднымъ» содержаніе трактата De ignorantia, написаннаго будтобы въ защиту Платона противъ Аристотеля. Ibid. p. 176.

[2]) Ibid. p. 157.

[3]) *Маколей, Петрарка.* Въ III томѣ, *Полнаго собранія сочиненій. Изданіе Тиблена. С.-Петербургъ 1862,* p. 172 и слѣд.

постоянно говоритъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ. Эта черта, столь непріятная въ личныхъ сношеніяхъ, по особой склонности ума человѣческаго представляется необыкновенно привлекательной въ сочиненіяхъ. Вторая причина славы Петрарки заключалась въ томъ, что онъ былъ первый поэтъ любви въ новое время и что долгое время не имѣлъ себѣ соперника въ этой сферѣ. Наконецъ, третья причина — его необыкновенная преданность наукѣ и литературѣ. Вопросъ, поставленный Маколеемъ, цѣликомъ относится къ литературѣ, потому что онъ имѣетъ цѣлью выяснить причины литературной извѣстности Петрарки въ новое время. Съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ авторъ итальянскія и нѣкоторыя латинскія произведенія перваго гуманиста, такъ что его очеркъ нисколько не подвинулъ впередъ выясненіе историческаго значенія Петрарки[1]).

Тридцатые годы не дали ничего крупнаго для біографіи Петрарки. Нѣкоторой популярностью пользовалась книга *Растуля де-Монжо*, выдержавшая два изданія[2]), да въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ вышелъ пересказъ біографическихъ мѣстъ изъ писемъ Петрарки *Делеклюза*[3]) и *„Опытъ біографіи Петрарки“ Дю-Лоранса*[4]). Авторъ написалъ книгу для своихъ соотечественниковъ, для которыхъ трудъ Де-Сада былъ слишкомъ великъ, а итальянскіе біографы недоступны по языку. Въ предисловіи онъ указываетъ, кромѣ комментатора Тассони, біографовъ Джезуальдо, Велютелло, Муратори и Бальделли[5]), какъ свои источники и въ книгѣ приводитъ изъ нихъ обширныя выписки. Кромѣ того, онъ хорошо знаетъ Де-Сада и стихотворенія самого Петрарки. „Опытъ“ написанный на основаніи этихъ источниковъ, представляетъ собою живой и популярный разсказъ жизни Петрарки и коротенькую „диссертацію“ о родинѣ и семьѣ Лауры. Въ началѣ и концѣ дано описаніе окрестностей Авиньёна и Воклюза[6]), приведены въ подлинникѣ и про-

---

1) Къ двадцатымъ годамъ относятся еще слѣдующія біографіи: *Campbell, The life and times of Petrarch. London 1882.* (Популярный разсказъ общеизвѣстныхъ фактовъ). *Wagner, Saggio sopra il Petrarca* (Въ *Parnaso italiano, Vol. I Lipsia 1826) Martini, Orazione d'inaugurazione dei busti del Petrarca e del Poggio detta nell'Accademia Valdarnese di Montevarchi il 7 sett. Firenze 1829.*

2) *Rastoul de Mongeot, Pétrarque et son siècle Avignon 1836* и второе изданіе въ 2 томахъ Bruxelles 1846. Разсказъ въ полубеллетристической формѣ съ разговорами.

3) *Delécluze, Vie de Pétrarque, écrite par lui même. Paris 1839.*

4) *Essai sur la vie de Pétrarque, par M. Achille Du Laurens. Avignon 1839.*

5) Essai p. VII.

6) Изложенію предпосланъ Voyage d'Avignon à Vaucluse, p. 1—5. См. также p. 223 и 224.

занческомъ французскомъ переводѣ многочисленные образцы сонетовъ, такъ что пріѣзжій читатель могъ получить довольно опредѣленное представленіе о жизни и поэзіи главной знаменитости въ Авиньёнѣ. Дѣйствительно, „Опытъ“ вполнѣ заслуживаетъ занять видное мѣсто среди біографій-путеводителей, къ числу которыхъ онъ принадлежитъ. Но вообще въ литературѣ о Петраркѣ Дю-Лорансъ стоитъ гораздо ниже Бальделли. Внутреннею жизнью пѣвца Лауры онъ интересуется гораздо меньше своего предшественника, латинскихъ его сочиненій совсѣмъ не знаетъ и видитъ въ немъ только поэта. Для характеристики его историческаго значенія онъ приводитъ тираду изъ мѣстной газеты *Messager de Vaucluse*, принадлежащую *Виктору Курте*, который проводилъ ту мысль, что внѣ поэтической славы Петрарка безвѣстная личность[1]). Поэтъ совсѣмъ затемнилъ гуманиста въ Петраркѣ; но для тогдашняго туриста послѣдній былъ бы и непонятенъ и мало интересенъ.

Къ сороковымъ годамъ относятся двѣ характерныя біографіи Петрарки. Одна изъ нихъ написанная *Ламерсомъ*, представляетъ тотъ интересъ, что составлена съ чисто исторической точки зрѣнія. Ламерсъ предпосылаетъ изложенію обзоръ состоянія науки и литературы въ средніе вѣка и заканчиваетъ очеркъ выясненіемъ заслугъ Петрарки въ этой области[2]). Другая біографія принадлежитъ *Blanc'у* и напечатана въ *Энциклопедіи Эрша и Грубера*[3]). По словамъ Феррацци, „это лучшій трудъ о Петраркѣ, какой когда-либо былъ

---

[1]) A quel titre connaisons nous Pétrarque? n'est-ce pas comme poëte? etc. p. 223. Тому же автору принадлежитъ еще одно сочиненіе о Петраркѣ. *Courtet, Notice sur Pétrarque avec une pièce inedite de Mirabeau sur la Fontaine de Vaucluse. Paris 1835.* Къ концу тридцатыхъ годовъ относятся еще три, упомянутыя Ferrazzi (p. 562) біографіи: *Sacchi, Petrarca. Novelle e Racconti. Milano 1838. Barozzi, Petrarca* (въ *Cosmorama pittorico. Lugano 1839*) и *Reina Gorini Petronilla* въ *Ricordi di trenta illustri Italiani. Brescia 1839.* Кромѣ того, нѣсколько очерковъ въ путевыхъ замѣткахъ о прежнемъ жилищѣ Петрарки (*Bocchi, Alcuni giorni nei colli Euganei Venezia. 1831* и *Chevalier, Una visita ad Arquà. Padova 1831.* (Ibid. p. 538).

[2]) *Lamers, Disputatio historica litteraria de Fr. Petrarcae vita, moribus et in bonas litteras meritis. Trajecti ad Rhenum 1842.* Я не имѣлъ книги подъ руками, но ея планъ виденъ изъ заглавій отдѣльныхъ частей I. De universa litterarum medii aevi conditione II. Francisci Petrarcae vita. III. Petrarcae characterismus. IV. De Petrarcae in bonas litteras meritis.

[3]) *Blanc, Petrarca* (въ *Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopedie der Wissenchaften und Künste in alphabeticher Folge von gennanten Schriftstellern bearbeitet. Dritte Section. Leipzig 1844. p. 204 и слѣд.).* Очерки въ другихъ энциклопедіяхъ я выпускаю изъ обзора въ виду ихъ чисто фактическаго и обыкновенно компилятивнаго содержанія.

напечатанъ въ Германіи"[1]), и этотъ приговоръ, съ хронологическимъ ограниченіемъ, можно еще расширить. Очеркъ Блана представляетъ собою самую обстоятельную и критическую біографію изъ всѣхъ, написанныхъ до половины нынѣшняго столѣтія. Особенность Блана заключается въ полномъ знакомствѣ не только съ произведеніями Петрарки, но и съ его біографами. Онъ предпосылаетъ своей біографіи критическій обзоръ важнѣйшихъ предшествующихъ работъ и въ самомъ изложеніи подробно разсматриваетъ важнѣйшія контроверсы[2]). Съ фактической стороны біографія исчерпываетъ весь матеріалъ, который заключался въ извѣстныхъ тогда источникахъ, при чемъ авторъ не оставляетъ безъ провѣрки ни одного мало-мальски сомнительнаго факта и старается выяснить внутренніе мотивы поступковъ Петрарки[3]). Кромѣ того, Бланъ съ особеннымъ вниманіемъ относится къ сочиненіямъ Петрарки: излагаетъ ихъ содержаніе, пытается опредѣлить ихъ хронологію, даетъ много біографическихъ указаній. Съ этой стороны до появленія въ 1878 году книги Кёртинга очеркъ Блана былъ самымъ обстоятельнымъ сочиненіемъ. Тѣмъ не менѣе его біографія страдаетъ однимъ недостаткомъ, который лишаетъ ее всякой цѣны въ настоящее время: у Блана нѣтъ опредѣленной точки зрѣнія на историческое значеніе Петрарки. Онъ не видитъ въ первомъ гуманистѣ исключительно пѣвца Лауры, но ему не ясно, какія черты его дѣятельности и характера имѣютъ историческую важность, какъ проявленіе новаго времени, и какія составляютъ его личную особенность. Поэтому характеристика Петрарки, сдѣланная Бланомъ въ концѣ біографіи совершенно лишена исторической цѣны: онъ описываетъ его наружность, добродѣтели въ родѣ умѣренности въ пищѣ и недостатки въ родѣ вспыльчивости, вообще личный характеръ, и не приводитъ въ систему его стремленій и воззрѣній. „Сопоставивши вкратцѣ впечатлѣнія, которыя производятъ на насъ его жизнь и сочиненія, — говоритъ Бланъ, — мы должны сказать: онъ былъ вполнѣ благомыслящій, справедливый и любезный человѣкъ, но съ большой слабостью въ характерѣ, такъ что его жизнь нерѣдко стояла въ противорѣчіи съ прекрасными чувствами и принципами, которые онъ повсюду выражаетъ"[4]). Съ этой точки зрѣнія объясняетъ Бланъ противорѣчія въ поведеніи Петрарки, а его увлеченіе древностью остается безо всякаго объясненія, какъ простая

---

[1]) Ferrazzi l. c. p. 566.

[2]) Напр., споръ о Лаурѣ p .228 и слѣд.

[3]) Напр., причины его путешествій (p. 212), усиленныхъ занятій въ уединеніи (p. 214) и пр.

[4]) Ibid. p. 249.

индивидуальная склонность. Бланъ освободился отъ недостатковъ біографовъ предшествующаго періода, но еще не усвоилъ себѣ научнаго взгляда на личность и дѣятельность перваго гуманиста[1]).

Біографія Блана заканчиваетъ біографическую литературу о Петраркѣ за этотъ періодъ[2]); но въ концѣ пятидесятыхъ годовъ появился въ общемъ сочиненіи по Ренесансу біографическій очеркъ перваго гуманиста, который впервые установилъ новую точку зрѣнія на его историческую роль. Этотъ очеркъ принадлежитъ *Георгу Фогту*. Но новый взглядъ на Петрарку былъ подготовленъ не только общими его біографіями, а также спеціальными монографіями и общими сочиненіями, въ которыхъ разсматривалась та или другая сторона дѣятельности перваго гуманиста.

Монографическая литература этого періода очень возросла въ количествѣ и значительно измѣнилась по содержанію. Вопросъ о Лаурѣ и объ отношеніи къ ней Петрарки утратилъ прежній интересъ[3]); зато гораздо многочисленнѣе становятся монографіи, изслѣдующія отдѣльные факты изъ біографіи Петрарки[4]). Въ это же время появляются, какъ мы видѣли, изданія неизвѣстныхъ прежде истори-

---

1) Книга *Leoni, Vita del Petrarca. Padova 1843* мнѣ осталась неизвѣстной. Очерки: *Bozzoli, Petrarca; Ferrara 1845* и *Planche, Pétrarque.* (Въ Revue des deux mondes XVIII, p. 997. 1847. 15 juin.) совершенно незначительны, при чемъ послѣдній имѣетъ въ виду исключительно итальянскую поэзію Петрарки. Къ сороковымъ годамъ еще относятся: *Cittadella Andr., Arquà. Padova 1842* и *Tommaseo, Arquà. Padova 1846.*

2) Въ пятидесятыхъ годахъ біографіи Петрарки посвящены: *Agrati, Petrarca. Milano 1854;* незначительная брошюра. *Ugolini, Brevi cenni sulla vita di Fr. Petrarca, Firenze 1857* и три журнальныя статьи: *Viennet, Pétrarque et son siècle* (въ Revue cont. Avril et Mai 1852) *Henschel, Francesco Petrarca* въ *Allegem. Monatschrift für Wissenschaft und Litteratur 1853 fasc. VII.* и *Drestel, Fr. Petrarca. Ein Lebensbild* въ *Teutsches Museum 1858* №№ 31 и 32.

3) Всѣхъ монографій три, и двѣ изъ нихъ на французскомъ языкѣ. *Costaing de Pussignan, La Muse de Pétrarque ou Laure de Beaux, sa solitude et son tombe dans les vallons de Galas. Paris 1819, D'Olivier-Vitalis, L'illustre chatelaine des environs de Vaucluse, la Laure de Pétrarque. Dissertation et examen critique des diverses opinions. Paris 1842* и *Levati, Laura* въ *Biografia delle donne illustri. Milano 1228.*

4) Самая обширная изъ нихъ принадлежитъ *Levati (Viaggi di Francesco Petrarca in Francia, in Germania, in Italia descritti. 5 vol. Milano 1820).* Мнѣ осталось неизвѣстнымъ это изслѣдованіе; Blanc называетъ его mehr rhetorische, als historische Darstellung, doch mit sehr fleisziger Berücksichtigung der Chronologie (l. c. p. 207). Сюда же относятся: *Affò, Sulla dimora del Petrarca in Parma* (въ предисловіи ко второму тому *Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani); Belani, Del vero sito della villa del Petrarca presso Milano* (въ *Rivista Europea Nov. et Dec. 1845); Málvica, Lettre sur Avignon. Bologne 1824; Meneghelli, Del canonicato di mess. Fr. Petrarca. Padova 1818; Ala Stefanucci, La morte di Fr. Petrarca. Roma 1839.*

ческихъ трудовъ Петрарки и упомянутая монографія о нихъ Россетти. Какъ характерный признакъ времени, весьма важно появленіе такихъ монографій, которыя изслѣдуютъ Петрарку какъ писателя, при чемъ на ряду съ его поэтическимъ творчествомъ[1]), подвергаются изслѣдованію и его гуманистическія заслуги[2]). Наконецъ, появляются спеціальныя работы по выясненію религіозныхъ воззрѣній Петрарки[3]) и трактатъ *Маджоло* о его философіи. Небольшое сочиненіе[4]) Маджоло не даетъ систематическаго изложенія всего міросозерцанія Петрарки; его содержаніе заключается главнымъ образомъ въ подробномъ изложеніи трактата De vera sapientia и въ нѣсколькихъ замѣчаніяхъ относительно другихъ философскихъ сочиненій перваго гуманиста. Но заслугу автора составляетъ, во-первыхъ, вѣрное опредѣленіе общаго характера философіи Петрарки. Маджоло неопровержимо доказалъ, что Петрарка не принадлежалъ ни къ одной философской школѣ древности, что онъ былъ „эклектикъ во всемъ томъ, что не дано человѣку откровеніемъ“, что, наконецъ, онъ былъ исключительно моральный философъ, искренно и безъ разсужденія вѣровавшій въ догматы католической церкви[5]. Существенный пробѣлъ этой общей характеристики заключается въ томъ, что она игнорируетъ индивидуалистическую основу философіи Петрарки, изъ которой вытекаютъ всѣ ея свойства. Другую заслугу Маджоло составляетъ вѣрный, хотя и блѣдный абрисъ историческаго значенія перваго гуманиста. Маджоло рѣзко возстаетъ противъ прежняго къ нему отношенія. „Этотъ могучій умъ долгое время оставался непризнаннымъ,— говоритъ онъ. — Окруженный славою, которую снискала

---

[1]) *Gidel, Pétrarque et les troubadours. Thése presentée à Faculté des Lettres à Paris. Angers. 1857.*

[2]) *Van Walree, Over den invloed van Petrarca op de klassicke Letterkunde. 1826* и *Van Goudoever, Oratio de Franciseo Petrarca, litterarum humaniarum saeculo XIV instauratore praecipuo.* Въ *Annal. Acad. Rheno-Trajectanae 1827—28.* Обѣ работы мнѣ извѣстны только по указанію Ferrazzi, p. 829.

[3]) *Rossetti, Dello spirito antipapale che produsse la Riforma, sulla segreta influensa, ch'esercito sulla letteratura di Europa, e specialmente d'Italia, come risulta da molti suoi classici, massime da Dante, Petrarca e Boccaccio Londra 1832. Parolari, Della religiosità di Fr. Petrarca. Bassano. 1847. Schlegel W, Dante, Pétrarque et Boccace justifiés de l'imputation de l'érésie. Leipzig 1846.* Къ сожалѣнію, всѣ эти произведенія извѣстны мнѣ только изъ того же источника.

[4]) *Maggiolo, Essai sur la philosophie morale de Pétrarque. Thèse présentée à la Faculté des Lettres de Strasbourg. St.-Nicolas. 1843.* Ferrazzi вмѣсто этого сочиненія, которое осталось ему неизвѣстнымъ, цитируетъ другое того же автора: *Essai sur la philosophie morale de Pétrarque, et particuliérement sur son traité intitulé De Contemptu Mundi.* Въ *Mémoires de l'Acad. de Stanislas. Nancy 1863.*

[5]) Essai p. 99—108.

ему репутація гармоничныхъ пѣсенъ, Петрарка только поэтомъ переходилъ изъ эпохи въ эпоху. Но пришло время, когда можно встряхнуть пыль, затемнявшую часть его славы[1])". Маджоло вѣрно подмѣчаетъ въ Петраркѣ новаго человѣка и этимъ объясняетъ доступность его страданій нашему сочувствію[2]); ближайшая причина этихъ страданій указана также совершенно вѣрно. „Древность, несмотря на свои превосходныя моральныя доктрины, безсильна вполнѣ удовлетворить его душу, говоритъ Маджоло, она оставляетъ пустоту въ его сердцѣ, потому что онъ съ полною вѣрою христіанина отвергаетъ большую часть рѣшеній, которыя она даетъ вопросу о назначеніи человѣка. Что же дѣлать, чтобы успокоить возбужденный умъ, обезпокоенный въ виду столькихъ системъ, суетность которыхъ онъ призналъ? Страдать, углубиться въ себя и въ особенности погрузить въ надежды на лучшій міръ свою бѣдную душу, преисполненную горечью здѣшней жизни. Среди нашихъ сомнѣній, среди неопредѣленности и тревогъ насъ поддерживаетъ глубокая вѣра въ будущее, мы утѣшаемся въ настоящихъ бѣдствіяхъ счастливой надеждой, что настоящія усилія принесутъ пользу человѣчеству и приготовятъ ему болѣе свѣтлые дни. Но въ XIV вѣкѣ, когда мнѣніе о непрерывномъ упадкѣ, какъ казалось, лучше всего соотвѣтствовало опыту, кто осмѣлился бы обращать взоры къ будущему? Тогда можно и должно было взирать только на небо и все назначеніе человѣка заканчивалось адомъ, чистилищемъ и раемъ"[3]). Таково было въ дѣйствительности настроеніе Петрарки; но Маджоло не даетъ ключа къ его объясненію[4]).

Общія сочиненія этого времени по гуманистической эпохѣ представляетъ нѣкоторый интересъ вслѣдствіе проявленія въ нихъ новаго взгляда на Петрарку. Съ этой точки зрѣнія особенно характерны обзоры исторіи литературы. Повидимому, въ этой области прежняя оцѣнка Петрарки должна была бы сохраняться дольше, чѣмъ гдѣлибо. Между тѣмъ уже *Бутервекъ*, книга котораго вышла въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, утверждаетъ, что итальянская поэзія „только малая часть заслуги Петрарки", потому что „науки въ цѣломъ немногимъ людямъ столько обязаны, сколько Петраркѣ,

---

1) Ibid. p. 2.

2) Ibid. p. 4—5.

3) Ibid. p. 6—7.

4) Появленіе книги Маджоло не помѣшало Dandolo утверждать, что Петрарка былъ убѣжденный платоникъ и что онъ былъ виновникомъ общаго увлеченія этимъ философомъ во второй половинѣ XV вѣка. I Secoli di Dante e Colombo I p. 90 и слѣд.).

котораго обыкновенно знаютъ только, какъ поэта"[1]). У *Женгенэ* мы не находимъ такого опредѣленнаго приговора; но и онъ обращаетъ особое вниманіе на ученыя заслуги Петрарки и посвящаетъ отдѣльную главу его латинскимъ сочиненіямъ[2]). Зато *Сисмонди* рѣшительно заявляетъ, что истиннымъ источникомъ его славы должны быть его латинскія произведенія, какъ и смотрѣлъ на нихъ онъ самъ и его современники, и что „его лирическія стихотворенія гораздо менѣе важны, чѣмъ духъ учености, которымъ запечатлѣлъ онъ свое столѣтіе"[3]). Съ этимъ взглядомъ согласенъ и *Рутъ*, несмотря на крайне своеобразное и чрезвычайно враждебное отношеніе къ Петраркѣ. Отличительной чертой характера перваго гуманиста Рутъ считаетъ неискренность и притворство. „Онъ обладалъ въ высокой степени искусствомъ притворяться (Schein zu machen), говоритъ Рутъ, и еще болѣе труднымъ искусствомъ одновременно жить въ добромъ согласіи съ самыми противоположными и самыми враждебными партіями. Такимъ образомъ онъ извлекалъ для себя выгоду изъ всякаго несчастія своей родины". Его письма „льстивая и пресмыкающаяся софистика" ради эгоистическихъ цѣлей; его патріотическія сочиненія „игра въ политику"; его прославленіе величія древняго Рима — простая декламація и лесть римскому населенію. Даже его лирика, воспѣвающая безотвѣтное чувство, сплошное лицемѣріе, потому что при Авиньёнской куріи немыслима „двадцатилѣтняя духовная любовь" и „Петрарка былъ не такой человѣкъ, чтобы дѣлать что-нибудь безъ награды". Это притворство было источникомъ и причиною его славы, потому что каждый видѣлъ въ немъ своего человѣка и смотрѣлъ на него его собственными глазами[4]). Написанный съ этой точки зрѣнія біографическій очеркъ представляетъ собою настоящій памфлетъ; тѣмъ не менѣе Рутъ вполнѣ признаетъ гуманистическія заслуги Петрарки, только считаетъ ихъ выясненіе внѣ своей задачи)[5].

Въ обзорахъ итальянской исторіи этой эпохи мы не находимъ пока попытокъ выяснить характеръ и значеніе политической дѣя-

---

1) *Bouterweck, Geschichte der Poesie und Beredsamkeit. I. Göttingen, 1801, p. 155.* Его біографическій очеркъ Петрарки, составленный по Де-Саду не представляетъ интереса.

2) Ginguené II p. 431 и слѣд., 443 и слѣд. Обширный біографическій очеркъ Петрарки составленъ имъ De-Саду, Тирабоски и Бальделли.

3) *Sismondi, De la littérature du Midi de l'Europe I,* p. 402 и 447.

4) Ruth. l. c. I p. 529, 560, 568.

5) Petrarca's grösstes Verdienst, das um die Wiederbelebung der alten Litteratur, gehört nicht in unsern Plan; wir würden uns sonst gerne weitläufig auslassen, schon um den Verdacht eines vorgefassten Urtheils zu entfernen. Ibid. 569.

тельности Петрарки. Историки, какъ Сисмонди и Папенкордтъ ограничиваются изложеніемъ его фактическихъ отношеній къ куріи и къ Кола-ди-Ріенцо[1]) и только Канту даетъ его біографическій очеркъ и мало поучительную, чисто внѣшнюю параллель между нимъ и Данте[2]).

Гораздо болѣе важное значеніе для біографической литературы о Петраркѣ имѣютъ посвященные ему очерки въ общихъ обзорахъ исторіи Ренесанса, которые впервые появляются въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Сами по себѣ эти очерки не имѣютъ цѣны и изобилуютъ ошибками; но огромную важность представляетъ проявляющаяся въ нихъ точка зрѣнія. Такъ, первый историкъ гуманизма, *Бетинелли,* даетъ въ своей книгѣ крайне поверхностную біографію Петрарки, объявляетъ его великимъ астрономомъ и физикомъ, считаетъ основателемъ въ Италіи Платоновой философіи и т. п., но онъ высказываетъ мысль, что его изученіе Цицерона принесло обильные плоды въ послѣдующія столѣтія[3]). Преемникъ Бетинелли, *Эргардъ* не дѣлаетъ ошибокъ; но его очеркъ біографіи Петрарки совершенно незначителенъ[4]) и представляетъ историческій интересъ только потому, что авторъ даетъ недурную характеристику философіи перваго гуманиста и выдвигаетъ на первый планъ его прозаическія сочиненія[5]. *Шарпантье* посвящаетъ Петраркѣ три главы своей „*Исторіи Возрожденія*" и не только даетъ очеркъ его фактической біографіи, но и пытается объяснить его стремленія[6]). Въ цѣломъ и общемъ обѣ задачи выполнены неудовлетворительно: очеркъ страдаетъ крайнею поверхностностью, объясненія фантастичностью. Такъ, увлеченіе Петрарки древностью представляется автору какой-то „высшей дивинаціей"[7]), въ его работахъ историко-географическаго содержанія онъ

---

1) Sismondi, Histoire des Républiques italienes. IV. passim; Papencordt, l. c. p. 399 и passim.

2) Cantu, Storia degli italiani II, p. 788 и слѣд. Только *Флёри,* видя въ сочувствіи Петрарки къ Кола ди-Ріенцо проявленіе его крайняго легкомыслія, пытается на основаніи этого подорвать цѣну его нападокъ на курію. (*Fleury, Histoire ecclesiastique. T. VI. Paris 1840, p. 220).*

3) *Saverio Betinelli, Risorgimento d'Italia negli studi, nelle arti e nei costumi dopo il mile. Milano 1819—20* p. 16 и слѣд. и p. 64. Его раннее сочиненіе *Delle lodi del Petrarca. Bassano 1786* мнѣ извѣстно только по заглавію.

4) *Erhard, Gechichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung, vornehmlich in Deutschland bis zum Anfange der Reformation. I. Band. Magdeburg. 1827.* p. 204 и слѣд.

5) Ibid. p. 212 и слѣд.

6) *Charpentier, Histoire de la Renaissance des lettres en Europe au quinzième siècle. I. Paris 1843.* p. 95 и слѣд.

7) Ibid. p. 111.

видитъ сознательный планъ возстановленія древняго міра и т. п.[1]) Кромѣ того, вся характеристика проникнута панегиристическимъ духомъ[2]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Шарпантье удается вѣрно характеризовать какое-нибудь стремленье Петрарки, онъ не умѣетъ опредѣлить его относительной силы. Такъ, онъ вѣрно, хотя слишкомъ обще, формулируетъ политическіе идеалы Петрарки, но ставитъ ихъ на одну линію со всею его гуманистической дѣятельностью[3]). Тѣмъ не менѣе и для Шарпантье Петрарка прежде всего гуманистъ и особенно назидательными онъ считаетъ его моральные трактаты[4]).

Несмотря на всѣ недостатки біографій Петрарки въ связныхъ изложеніяхъ исторіи Возрожденія, на этой почвѣ впервые выросла его первая научная характеристика. Только въ связи съ общимъ характеромъ гуманистическаго движенія можно понять его личность и найти ключъ къ правильному истолкованію его сочиненій. Эта заслуга почти всецѣло принадлежитъ Фогту, несмотря на всѣ пробѣлы его труда.

Въ 1859 году появилось общее сочиненіе о Ренесансѣ *Георга Фогта,* посвятившаго значительную часть своей книги характеристикѣ Петрарки[5]). Несмотря на то, что въ это время весьма важная часть сочиненій перваго гуманиста еще не была издана, что еще не появился драгоцѣнный сборникъ Фракассетти и что авторъ не могъ воспользоваться книгой Бальделли, его взглядъ на Петрарку составилъ эпоху въ исторіографіи начальнаго гумманизма. Для правильнаго пониманія значенія Петрарки Фогтъ считаетъ необходимымъ „освободиться отъ обычнаго, считающагося въ Италіи и во Франціи почти каноническимъ, взгляда на него и снова приблизиться къ тому мнѣнію, которое было общимъ среди его современниковъ[6])“. Какъ поэта, онъ ставитъ его не особенно высоко: онъ не новаторъ въ этой сферѣ, которая, кромѣ того, имѣетъ мѣстный характеръ и сама по себѣ не имѣетъ особаго значенія[7]). Тѣмъ не менѣе онъ называетъ

---

[1]) Ibid. p. 115—116.

[2]) Ibid. p. 140.

[3]) Ibid. p. 120 и 138.

[4]) Ibid. p. 129.

[5]) *Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Von Dr. Georg Voigt, Prof. honor. an der Universität zu München. Berlin 1859.*

[6]) Ibid. p. 12.

[7]) Wenngleich Schöpfungen von sirenenhaftem Zauber, zeigen sie (Rime) ihn doch nur als den Meister einer melodischen Sprache, *die er ausgebildet vorfand,* als gewandten jener Welt von Liebesvorstellungen, *die unter einem andern Himmel entstanden war und dort ihre Blüthe bereits ausgehaucht hatte.* (Въ новомъ изданіи —

Петрарку „звѣздой первой величины“ въ „литературной исторіи не только Италіи, но и всего цивилизованнаго міра и не только въ литературной исторіи, но и вообще въ исторіи человѣческаго духа (Geistesgeschichte der Menschheit)“, при чемъ его значеніе нисколько не уменьшилось бы, „если бы онъ не сочинилъ ни одного стиха на языкѣ Si“ [1]). Это значеніе заключается въ томъ, что Петрарка „открылъ новый міръ гуманизма“, указалъ новые пути и сдѣлалъ первые твердые шаги по всѣмъ направленіямъ Ренесанса. Въ этомъ смыслѣ Петрарка былъ геній, и его геніальность сдѣлалась могущественнымъ факторомъ гуманистическаго движенія [2]). Сообразно съ такимъ пониманіемъ значенія Петрарки, Фогтъ ставитъ своей главной задачей „изложить тѣ моменты изъ его жизни и стремленій, которыми онъ задалъ тонъ слѣдующимъ за нимъ ученикамъ и школамъ гуманизма“ [3]).

Эта задача мастерски выполнена авторомъ. Онъ дѣйствительно отмѣтилъ *всѣ* исторически-важные моменты въ жизни и стремленіяхъ Петрарки и въ большинствѣ случаевъ вѣрно ихъ *описалъ*. Такъ, Фогтъ впервые и совершенно вѣрно показалъ, что Петрарка смотрѣлъ на поэзію въ сущности съ средневѣковой точки зрѣнія, считая ея характернымъ признакомъ аллегорію и ея цѣлью мораль [4]). Защищая его отъ обвиненія въ плохой латыни и болтливости, Фогтъ доказываетъ, что онъ былъ чуждъ слѣпой подражательности, стремился передать свои впечатлѣнія съ живостью ребенка, только что научившагося говорить, и требовалъ, чтобы стиль писателя носилъ такія же черты индивидуальности, какъ его лицо, походка и голосъ [5]). Констатировавъ далѣе фактъ несомнѣннаго увлеченія Петрарки древностью, Фогтъ вѣрно замѣчаетъ, что его заслуга для изученія античнаго міра заключается не въ открытіи новыхъ памятниковъ, а въ распространеніи ихъ и въ возбужденіи интереса къ ихъ изученію.

Berlin 1880 — это мнѣніе нѣсколько смягчено: вмѣсто послѣдняго предложенія, читается der er durch den sentimentalen Hauch seiner Lieder ganz neuen Reiz zu geben wuszte (p. 22) и выпущенъ слѣдующій періодъ: Und dieses Gebiet, *dessen Beschränktheit an sich einleuchtet,* beutete er so unersättlich aus, dasz er den unzähligen Nachfolgern zwar die Wege plattgetreten, aber die Früchte vorweggenommen hatte (p. 12).

1) In der Sprache von Si (въ нов. изд. Tusciens). Ibid. p. 13 и 14.

2) Фогтъ такъ озаглавилъ первую книгу своего сочиненія: *Francesco Petrarca, die Genialität und ihre zündende Kraft.*

3) Ibid p. 14.

4) Ibid. p. 17.

5) Ibid. p. 19—22. Объ индивидуальности стиля только въ новомъ изданіи I p. 85.

Съ этой точки зрѣнія имѣетъ важное значеніе и его библіотека, и его попытки научиться греческому языку, и археологическій интересъ къ Риму. Въ связи съ увлеченіемъ древностью пытается Фогтъ объяснить отношеніе Петрарки къ Кола-ди-Ріенцо и вообще его политическія воззрѣнія и затѣмъ переходитъ къ его чисто-гуманистической дѣятельности въ борьбѣ схоластикой. Этотъ послѣдній вопросъ одна изъ самыхъ лучшихъ частей всей біографіи. Фогтъ вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что Петрарка сводилъ всю философію къ морали и въ нравственномъ воспитаніи человѣка видѣлъ единственную задачу всѣхъ наукъ. Съ этой точки зрѣнія съ большимъ искусствомъ онъ собираетъ главнѣйшіе аргументы Петрарки противъ всѣхъ областей средневѣкового знанія, такъ что въ цѣломъ получается очень рельефный эскизъ первой гуманистической полемики.

Изложивши дѣятельность Петрарки, Фогтъ даетъ характеристику его личности. Сначала онъ изображаетъ тѣ стороны его характера, которыми опредѣлялась его общественная дѣятельность (Petrarca als Weltweiser), потомъ тѣ, которыми обусловливалась его индивидуальная жизнь (Petrarca als Individualmensch). Первая часть оставляетъ желать весьма многаго, но вторая — настоящій chef d'oeuvre всей книги. Съ неподражаемымъ мастерствомъ изображаетъ Фогтъ, какъ изъ развалинъ средневѣковыхъ сословныхъ перегородокъ вышелъ первый микрокосмъ, первая личность, которая „осмѣлилась возвысить свое я до отраженія вселенной (zum Spiegel der Welt)". „Мы не колеблемся, — говоритъ авторъ, — назвать Петрарку въ этомъ смыслѣ пророкомъ новаго времени, родоначальникомъ новаго міра". Фогтъ намекаетъ на значеніе индивидуализма и въ личной жизни Петрарки, и въ его вліяніи на современниковъ, и въ цѣломъ движеніи. „Петрарка ищетъ въ книгахъ Цицерона и Августина, — говоритъ онъ, — только такихъ чувствъ, которыя похожи на его собственныя: въ книгахъ онъ ищетъ человѣка". Это исканіе человѣка и „было, по его мнѣнію, тѣмъ самымъ глубокимъ и самымъ могучимъ очарованіемъ, которое приковывало уваженіе современниковъ къ этому человѣку, какъ таинственному пророку". Въ почестяхъ Петрарки проявилась слѣдовательно та тенденція, которая и легла въ основаніе всего движенія; ея выясненіе и составляетъ, по мнѣнію Фогта, главную заслугу перваго гуманиста. „Петрарка много сдѣлалъ для классическихъ наукъ, — говоритъ онъ, — онъ далъ могущественный толчокъ къ ниспроверженію схоластики, но величайшимъ, труднѣйшимъ и важнѣйшимъ (verdienstlichste) результатомъ его дѣятельности была его собственная индивидуальность (sein Selbst)[1])". Къ крайнему сожа-

[1]) Ibid. p. 81—82.

лѣнію, эти мысли брошены вскользь, не оцѣнены для исторіи движенія ни самимъ Фогтомъ, ни другими изслѣдователями. Фогтъ даетъ превосходную иллюстрацію индивидуализма Петрарки въ изложеніи знаменитаго восхожденія на Мон-Венту, принимаетъ его въ расчетъ при выясненіи его acedia и при разборѣ автобіографіи, но почти совершенно игнорируетъ въ остальныхъ частяхъ книги. — Біографія заканчивается рельефной, хотя и не полной[1]), картиной почестей, которая со всѣхъ сторонъ сыпались на Петрарку.

Недостаточная оцѣнка индивидуалистическихъ стремленій въ жизни Петрарки и составляетъ главный недостатокъ біографіи Фогта. Его основная мысль заключается въ томъ, что вся дѣятельность Петрарки и весь его внутренній міръ созданы крайнимъ увлеченіемъ древней литературой. Отсюда проистекаетъ цѣлый рядъ преувеличеній, натяжекъ и даже противорѣчій. Прежде всего, самая причина увлеченія античной литературой является у Фогта случайной. Игнорируя свое собственное мнѣніе, что Петрарка искалъ въ книгахъ своихъ чувствъ, онъ думаетъ, что поэта увлекла „красота ритмическихъ формъ и мелодическое богатство классической латыни“ и потомъ уже это увлеченіе перешло и на содержаніе[2]). Далѣе, самое увлеченіе древностью въ значительной степени преувеличено. Въ противоположность съ приведенной выше цитатой, Фогтъ утверждаетъ, что вычитанное Петраркою у древнихъ имѣло для него такую же, если не высшую цѣну, какъ и созданіе собственнаго духа[3]). Для характери-

---

[1]) Онъ опускаетъ отношенія къ Петраркѣ Роберта Неаполитанскаго, папъ и Карла IV.

[2]) Ibid. p. 22.

[3]) На стр. 81 онъ говоритъ: Er spürt in Cicero's und Augustinus' Büchern solchen Empfindungen nach, die denen des eigenen Busens gleichen; er sucht in den Büchern den Menchen. На стр. 22: Was er *von den Alten* gelernt, war ihm mindestens von gleichem Werthe mit dem, was sein Geist selbstständig schaffen mochte, ja er würde den ihm eigentümlichen Gedanken gern dem classischen unterordnen. Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія Фогтъ приводитъ слѣдующую цитату изъ «дружеской переписки» Петрарки: Testatus sum tamen, me nihil novum, nihil meum dicere, immo vero nihil alienum; omnia enim, *undecunque* didicimus, nostra sunt, nisi forsan abstulerit ea nobis oblivio. Epist. fam. VI, 2. Въ новомъ изданіи (p. 37) къ этому прибавлено: ähnlich XXII, 2. Но первая изъ цитатъ, сама по себѣ взятая, какъ разъ подтверждаетъ первое мнѣніе. По связи же мѣста она имѣетъ самый общій смыслъ. Петрарка въ этомъ письмѣ напоминаетъ Колоннѣ: flagitasti, ut dicerem explicite, unde putarem liberales et unde mechanicas initium habuisse: quod carptim ex me audieras. Эти то свѣдѣнія Петрарка и называетъ своимъ собственнымъ достояніемъ и далѣе объясняетъ undecunque: Quaeris nunc, ut, quod illo die dixi, repetam ac litteris mandem... Parebo tamen, ut potero. *Possem te ad antiquos et ad modernos mittere, a quibus, quod poscis, accipies.* Кстати замѣтить, что письмо, которое Фогтъ приводитъ въ дока-

стики этого увлеченія Фогтъ приводитъ его страстные поиски рукописей, любовь къ книгамъ, археологическіе интересы въ Римѣ, желаніе изучить греческій языкъ и восторженные отзывы о древнихъ писателяхъ. Все это факты, не подлежащіе сомнѣнію; но есть и другіе, показывающіе, что Петрарка любилъ древность не до слѣпого увлеченія. Кромѣ индивидуализма, позволявшаго почерпать изъ античной литературы только то, что соотвѣтствовало собственнымъ вкусамъ и стремленіямъ[1]), этому препятствовала еще религіозно-этическая точка зрѣнія, съ которой относился Петрарка къ древности. Въ старыхъ изданіяхъ его сочиненій отдѣльно печатались его Epistolae ad veteres[2]), въ которыхъ древнимъ писателямъ предъявлялись иногда очень рѣзкія обвиненія. Самъ Цицеронъ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія[3]).

Изъ увлеченія древностью объясняетъ Фогтъ и ту черту характера Петрарки, которую онъ считаетъ основной, именно — славолюбіе[4]). Славолюбіе, переходящее въ крайнюю суетность, по мнѣнію Фогта, составляетъ ключъ къ пониманію всего поведенія перваго гуманиста, потому что оно проникало все его существо — это была „суетность безграничная, неизгладимая, какъ бы сросшаяся со всѣми фибрами (mit allen Fasern) его духа“[5]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Петрарка любилъ славу и стремился къ ней, но такое преуве-

---

вательство крайняго увлеченія Петрарки древностью, озаглавлено имъ такъ: Scientiam quae catholicae fidei adversetur, in odio habendam esse nec scientiae nomen mereri, Что касается до XXII, 2, то это весьма важное письмо обнаруживаетъ даже чисто индивидуалистическія побужденія, которыя заставляли Петрарку критически относиться къ древнимъ: Sum, quem priorum semitam, sed non semper aliena vestigia sequi iuvet. Sum qui aliarum scriptis non furtim, sed precario uti velim in tempore, sed dum liceat, meis malim. Sum quem similitudo delectet, non identitas, et similitudo ipsa quoque non nimia, in qua sequacis lux ingenii emineat, non coecitas, non paupertas. Sum qui satius rear duce caruisse, quam cogi per omnia ducem sequi. Nolo ducem, qui me vinciat, sed praecedat etc. Осторожность Петрарки доходила до того, что онъ не хотѣлъ подражать древнимъ даже въ стилѣ. Multo malim meus mihi stilus sit, incultus licet atque horridus... quam alienus cultior ambitio ornatu etc. Fracassetti III p. 125 и 124.

1) См. предшествующее примѣчаніе.

2) Фракассетти отнесъ ихъ въ послѣднюю книгу familiares.

3) См., напр., De republica optime administranda. Op. p. 372.

4) И въ этомъ случаѣ Фогтъ впадаетъ въ противорѣчіе, на стр. 73 говорится: dieser verzehrenden Krankheit, die wir immerhin als *eine Infection des Hirdenthums* betrachten dürfen etc. На стр. 81, говоря объ индивидуализмѣ Петрарки, онъ замѣчаетъ: selbst seine ungemessene Ruhmsucht und seine kleinlichen Eitelkeiten gehören dazu.

5) Ibid. p. 71 Ср. 73, 74, 81, 83—84.

личеніе этой стороны его характера повлекло за собою неправильную оцѣнку другихъ его стремленій и положила невѣрную окраску на его личность. Такъ, это сказалось въ изображеніи отношенія Петрарки къ церкви. Фогтъ не отрицаетъ какъ-будто его благочестія, отмѣчаетъ его духовное родство съ бл. Августиномъ[1], но въ его нападкахъ на церковь не признаетъ искренности. Нападки Петрарки на пороки духовенства Фогтъ объясняетъ тѣмъ, что тогда требовалъ этого духъ времени и что онъ чувствовалъ потребность выступить пѣвцомъ, проповѣдникомъ (vates) въ духѣ „ветхозавѣтныхъ пророковъ"; но въ этихъ проповѣдяхъ онъ остается „фразеромъ (Redekünstler), строгимъ цензоромъ, который старается по должности, а не ради дѣла". Въ доказательство Фогтъ ссылается на его сожительницу и побочныхъ дѣтей, на то, что онъ „напоказъ выставлялъ свои посты и молитвы", что онъ не могъ отказаться отъ языческихъ философовъ. Кромѣ того, теологію онъ отрицалъ, „потому что она была чужда древней мудрости", а монашество, „потому что оно противорѣчило римской философіи"[2]. Фогтъ и не пытается примирить эту точку зрѣнія съ благочестіемъ Петрарки, съ его внутренней близостью съ бл. Августиномъ и приводитъ въ доказательство грѣхи юности, сдѣланные въ тотъ періодъ, когда Петрарка былъ просто веселымъ каноникомъ, какъ многіе изъ его тогдашихъ сотоварищей. Правда, онъ отрицательно относился къ средневѣковому богословію, но скорѣе съ точки зрѣнія мистиковъ, чѣмъ языческихъ философовъ[3] и никогда не отвергалъ монашества, какъ это показываютъ его многочисленныя письма къ брату-монаху или трактатъ De otio religioso. Петрарка видѣлъ въ монашествѣ только тѣ его стороны, которыя гармонировали съ его собственнымъ стремленіемъ къ уединенію и мало думалъ о глубокомъ противорѣчіи аскетизма съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Также несправедлива ссылка и на любовь его къ языческой философіи.

Фогтъ не выясняетъ опредѣленно философскихъ воззрѣній Петрарки: онъ отмѣчаетъ только его враждебное отношеніе къ Аристотелю и благоговѣніе передъ Платономъ. Трактатъ De ignorantia, въ которомъ онъ рѣзко противополагаетъ свое христіанское чувство языче-

---

1) Въ первомъ изданіи встрѣчается даже такое выраженіе in ihr (seiner Stellung zur Kirche, zur Theologie und zum Glauben) liegt der Angelpunkt seines Geisteslebens, sie führt uns am Tiefsten in das Verständnisz seiner Persönlichkeit. (p. 49). Эта точка зрѣнія однако настолько противорѣчитъ изложенію, что въ новомъ изданіи приведенная фраза выпущена.

2) Ibid. p. 49, 50, 51, 52.

3) См., напр., его трактатъ De vera sapientia.

ской мудрости, онъ считаетъ продуктомъ задѣтаго самолюбія и выраженное тамъ благочестіе объясняетъ духомъ противорѣчія. „Гдѣ Петрарка усерднѣе всего высказывается христіаниномъ и защитникомъ христіанской вѣры, тамъ возбуждаетъ его по большей части антагонизмъ противъ аввероистовъ... Хотя мы допускаемъ, что онъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ съ почтеніемъ говорилъ о христіанскомъ ученіи, но лишь въ позднѣйшіе годы и со времени этого конфликта онъ любилъ противопоставлять себя старательно и опредѣленно языческимъ философамъ“ [1]). На самомъ дѣлѣ христіанское ученіе, нѣсколько приложенное къ индивидуалистическимъ наклонностямъ, и нравственный уровень философовъ составляетъ критерій, который постоянно прилагаетъ Петрарка къ философскимъ школамъ. Гдѣ идетъ дѣло о метафизикѣ, онъ одинаково отрицаетъ и схаластиковъ, и древнихъ, потому что эти вопросы вполнѣ разрѣшены въ свящ. Писаніи[2]. Съ нравственной точки зрѣнія онъ осуждаетъ всѣхъ древнихъ философовъ, включая сюда и Сенеку, и Платона, и Сократа[3]). Если онъ предпочитаетъ Платона Аристотелю, то главнымъ образомъ потому, что перваго считали болѣе подходящимъ къ христіанству[4]).

Еще рѣзче проявляются результаты односторонности и преувеличеній въ оцѣнкѣ политическихъ стремленій Петрарки. Фогтъ полагаетъ въ основу ихъ суетное желаніе сказать вѣское слово и считаетъ ихъ содержаніе простымъ пересказомъ цитатъ изъ римскихъ писателей. По поводу писемъ Петрарки къ кардиналамъ, на которыхъ была возложена реформа городского управленія въ Римѣ, онъ говоритъ: „ничто лучше этого не обнаруживаетъ передъ нами высокомѣрія (Dünkel) Петрарки и въ то же время его неспособности отдѣлить реальный міръ отъ міра своихъ занятій“ [5]). Собственное изложеніе Фогта не оправдываетъ, да и не можетъ оправдать такого вывода. Можно привести цѣлый рядъ мѣстъ изъ сочиненій Петрарки, которыя съ несомнѣнностью доказываютъ, что Петрарка хорошо понималъ глубокую разницу между блестящимъ прошлымъ и печальнымъ настоящимъ. Въ частности въ тѣхъ самыхъ письмахъ, въ которыхъ

---

[1]) Voigt, p. 56 и 57.

[2]) См., напр., De remediis. Op. p. 45.

[3]) Для Сенеки Epist. ad veteres. Op. p. 707; для Платона De remediis. Or. p. 63 и 64; для Сократа Epist. de reb. famil. X, 5.

[4]) Ep. famil. XVII, 1. Фогтъ въ первомъ изданіи не объясняетъ причинъ предилекціи Петрарки къ Платону и только во второмъ мимоходомъ отмѣчаетъ истинное основаніе этой симпатіи. I p. 83 и 84. (Всѣ цитаты въ трехъ послѣднихъ примѣчаніяхъ взяты изъ сочиненій предшествовавшихъ трактату De ignorantia).

[5]) Voigt, p. 35.

Фогтъ усмотрѣлъ полную политическую неспособность Петрарки, авторитетный историкъ Рима Грегоровіусъ видитъ проявленіе господствующей тогда тенденціи и считаетъ его совѣтъ не чуждымъ не только практичности, но и глубины[1]). Фогтъ заподозрѣваетъ даже искренность стремленій Петрарки, упрекаетъ его за то, что, приглашая папу въ Римъ, самъ онъ не переселяется въ священный городъ[2]). Какъ будто переселеніе туда Петрарки и возвращеніе папы достигали одинаковой цѣли! Самый патріотизмъ перваго гуманиста Фогтъ совершенно игнорируетъ въ первомъ изданіи своего сочиненія и рѣзко отрицаетъ во второмъ[3]). При такой точкѣ зрѣнія вся политическая дѣятельность Петрарки получила невѣрное, а по временамъ и несправедливое освѣщеніе. Такъ, при оцѣнкѣ его отношенія къ Кола-ди-Ріенцо, Фогтъ не принимаетъ во вниманіе его глубокой вѣры во всемогущество отдѣльной личности въ устройствѣ общественныхъ порядковъ и упрекъ за поддержку фантаста утрачиваетъ всякую силу въ виду всеобщаго вниманія къ предпріятію трибуна. Сношенія Петрарки съ Карломъ IV Фогтъ излагаетъ только въ новомъ изданіи своей книги и пытается извлечь изъ нихъ новое доказательство, что политическія „мечтанія были болѣе продуктомъ его пера, нежели его сердца“[4]). Главнымъ основаніемъ обвиненія служитъ письмо, въ которомъ Петрарка разсказываетъ о своемъ свиданіи съ императоромъ въ Мантуѣ[5]). Въ немъ онъ не передаетъ политическихъ бесѣдъ съ Карломъ IV; слѣдовательно, заключаетъ Фогтъ, ихъ и не было; слѣдовательно Карлъ презиралъ философа уединенія, который жилъ въ шумномъ Миланѣ, а Петрарка забылъ о своихъ политическихъ мечтахъ[6]). Но выводы изъ умолчанія и сами по себѣ не убѣдительны; а кромѣ того, извѣстно изъ другихъ источниковъ, что Петрарка

---

1) Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Band VI, 2. Aufl. Stuttgart 1871 p. 226—227.

2) Voigt, p. 37.

3) Irgend ein persönliches Opfer hat er weder Italien noch Rom dargebracht. Niemals hat er sein Ansehen bei den Höfen und bei den Republiken, seine Gunst bei den Fürsten ernstlich dazu verwendet, sie für seine politischen Ideale zu erwärmen. Immer trachtete er als eitler Schöngeist nur nach dem eigenen Ruhm. I, p. 65. Но ради чего разошелся онъ съ Колоннами и съ Орсини? Ради чего, отказавшись отъ выгоднаго секретаріата при куріи и почетнаго мѣста во Флоренціи, онъ занялъ непопулярный постъ совѣтника ненавистнаго тиранна? Что касается до его равнодушія къ своимъ политическимъ идеаламъ, то это голословное обвиненіе опровергается каждой строкой его писемъ политическаго содержанія.

4) Voigt, I, p. 69.

5) Epist. famil. XIX, 3.

6) Voigt, I, p. 68—69.

въ это именно время принималъ непосредственное участіе въ переговорахъ Карла IV съ Висконти, о чемъ онъ тоже не упоминаетъ въ этомъ письмѣ.

Еще несправедливѣе отношеніе къ Петраркѣ Фогта тамъ, гдѣ онъ изображаетъ его „какъ республиканца и слугу князей". Петрарка отрицалъ родовую аристократію, „сообразно съ этимъ онъ гордый республиканецъ, гдѣ даетъ ходъ своимъ теоріямъ"[1]). Но быть демократомъ еще не значитъ быть республиканцемъ, и Петрарка никогда и не проповѣдывалъ республиканскихъ теорій. Упрекая далѣе Петрарку за то, что онъ льстилъ Колоннамъ въ то время, когда въ качествѣ сторонника Кола громилъ римскую знать[2]), Фогтъ не приводитъ цитатъ въ доказательство этого положенія и не упоминаетъ, что изъ-за трибуна именно Петрарка навсегда порвалъ съ этой фамиліей и порвалъ съ глубокой болью въ сердцѣ, какъ это показываетъ его эклога Divortium. Въ позднѣйшемъ письмѣ онъ прямо объясняетъ этотъ разрывъ любовью къ родинѣ, и мы не можемъ указать другого, болѣе правдоподобнаго объясненія. Что касается до службы князьямъ, то Фогтъ не отмѣчаетъ хронологіи и совершенно несправедливо утверждаетъ будто бы она вовсе не имѣла политическаго характера[3]); вслѣдствіе этого связь Петрарки съ тираннами и въ особенности съ Висконти оказывается совсѣмъ непонятнымъ проявленіемъ какой-то личной испорченности.

Преувеличеніе вліянія на Петрарку древности и созданнаго этимъ вліяніемъ славолюбія отразилось и на его личной характеристикѣ. Фогтъ не щадитъ при ея изображеніи темныхъ красокъ и по временамъ налагаетъ ихъ слишкомъ густо. Такъ, въ аллегорическомъ характерѣ его латинской поэзіи онъ находитъ „привкусъ шарлатанства" (Beigeschmack der Charlatanerie[4]) и слишкомъ подчеркиваетъ его погоню за доходными мѣстами и желаніе играть роль мудреца. Фогтъ противополагаетъ стремленіе къ уединенію Петрарки съ его заботою о синекурахъ, какъ сознательное и непримиримое противорѣчіе (Petrarca als Anachoret und Pfründenjäger[5]), но въ дѣйствительности оба эти стремленія тѣсно связаны: для досуга и независимости была необходима экономическая обезпеченность, и Петрарка искалъ синекуръ, какъ всѣ другіе, и дѣлалъ это съ спокойной со-

---

1) Voigt, p. 60.
2) Ibid. p. 61.
3) Ibid. p. 61. Сравни дополненіе въ новомъ изданіи I p. 99—102.
4) Voigt, p. 19. Въ новомъ изданіи это мѣсто выпущено.
5) Ibid. p. 62—64.

вѣстью. Эта погоня за доходами вовсе не имѣла, кромѣ того, такого алчнаго характера[1]), какъ представляетъ Фогтъ: Петрарка не шелъ дальше комфорта и умѣлъ въ случаѣ надобности отказываться отъ синекуръ въ пользу друзей[2]). Также преувеличеннымъ и еще болѣе произвольнымъ представляется утвержденіе Фогта, что Петрарка не довольствовался репутаціей знаменитаго писателя, что „онъ хотѣлъ, какъ мудрецъ (als Weltweiser), высоко царить надъ своей эпохой, возбуждая удивленіе и почтеніе, какъ солнце, о лучахъ котораго неизвѣстно, что̀ они такое и откуда они приходятъ“. Вслѣдствіе этого тщеславнаго стремленія Фогтъ находитъ во всѣхъ идеяхъ Петрарки примѣсь „непреодолимой лжи на сердцѣ“[3]). Исключительно вліяніемъ древности и славолюбія объясняетъ онъ и культъ дружбы. Въ дружбѣ Петрарки онъ не находитъ никакихъ слѣдовъ личнаго чувства: это созданный подъ вліяніемъ книги Цицерона „аппаратъ для возведенія философскаго трона, который долженъ быть окруженъ друзьями, какъ княжеской благородной свитой придворныхъ[4])“. Гораздо проще и естественнѣй объясняется это чувство развившимся индивидуализмомъ; у Петрарки оно было тѣмъ интенсивнѣе, что онъ, обладая привязчивой натурой, зналъ только несчастную любовь. Достаточно перелистовать его переписку, чтобы среди дружеской реторики отыскать слѣды неподдѣльнаго чувства. Кромѣ того, въ тотъ самый кодексъ Вергилія, гдѣ онъ написалъ знаменитыя строки о Лаурѣ, потому что, — какъ онъ говоритъ, — манускриптъ „часто бываетъ у меня подъ глазами“, онъ вносилъ только для себя горестныя замѣтки о смерти своихъ друзей[5]). Самая любовь представляется Фогту такой же искусственной, какъ и дружба, и Лаура, по его мнѣнію, такой же „статистъ любви, какъ Лелій, Симонидъ и друг. — дружбы“[6]

---

[1]) Эта алчность особенно подчеркнута въ новомъ изданіи. Тамъ мы встрѣчаем[ъ] между прочимъ такія выраженія. Petrarca unter den Pfründenschnappern, dere[n] Treiben den Hof von Avignon so verrufen gemacht, einer der schlimmsten wa[r] (I, 108). Или: gewisz hat er sich zum Sophisten und Heuchler erniedrigen müssen, um den Widerspruch zwischen diesem Verhältnisz und seiner stoischen Hoheit vo[r] der Welt zu rechtfertigen. (Ibid. 109). Самую борьбу съ пороками куріи Фогтъ пы-тается объяснить съ этой точки зрѣнія: Seine Verbitterung gegen Avignon und die Curi[e] läszt auf manche miszlungene Bewerbung schlieszen. (Ibid. p. 104).

[2]) См. Körting, Petrarca's Leben und Werke. Leipzig 1878, p. 200—201 405—406 и въ особенности цитаты на стр. 297 и 298.

[3]) Voigt, p. 58 и 59.

[4]) Ibid. p. 67.

[5]) Подлинность этихъ замѣтокъ доказалъ еще Baldelli (Del Petrarca, p. 177 и сл). Тамъ же напечатаны и замѣтки, p. 180—185.

[6]) Въ первомъ изданіи Фогтъ совершенно игнорируетъ любовь Петрарки и только во второмъ посвящаетъ ей двѣ страницы I, p. 115—117.

Для такого мнѣнія нельзя, конечно, искать доказательствъ ни въ Canzoniere, ни въ трактатѣ De contemptu mundi, гдѣ мы находимъ настоящую лѣтопись сердца, хорошо знакомаго съ мукой неудовлетворенной любви.

Мы не въ правѣ, конечно, требовать въ общемъ сочиненіи *историческаго* изложенія біографіи Петрарки (да въ 1859 году оно было еще и невозможно по состоянію источниковъ[1]); но отъ смѣшенія различныхъ періодовъ его жизни произошли многія неясности въ его характеристикѣ, какъ, напр., отношеніе къ князьямъ. Гораздо существеннѣе другой пробѣлъ. У Фогта превосходно изложенъ культъ Петрарки и популярность его сочиненій; но изъ самыхъ сочиненій разобрана одна автобіографія, а остальныя только упоминаются[2]). Можно думать, что хронологическое изложеніе латинскихъ трактатовъ въ связи съ перепиской сгладило бы излишнія рѣзкости въ блестящей характеристикѣ перваго гуманиста и лучше освѣтило бы его внутреннюю исторію[3]).

Значеніе біографій Петрарки третьяго періода заключается въ томъ, что онѣ изъ простого комментарія къ его лирикѣ сдѣлались важными монографіями по Ренесансу, первою главою въ исторіи культурнаго движенія, открывающаго новый періодъ всемірной исторіи. Изученіе личности Петрарки съ этихъ поръ пріобрѣтаетъ историческую важность, какъ ключъ къ пониманію Возрожденія и какъ исторія первыхъ шаговъ его развитія. Нельзя сказать, чтобы отдѣльныя стремленія перваго гуманиста были выяснены съ научной безспорностью; но слѣдуетъ признать весьма важнымъ результатомъ, что новая постановка вопроса обоснована за этотъ періодъ съ солидной ученостью,

---

1) Въ первомъ изданіи Фогтъ сдѣлалъ попытку отмѣтить крупные періоды въ біографіи Петрарки. Die erste wird durch eine Reihe von philosophischen Tractaten bezeichnet: vom Mittel gegen Leiden und Freuden etc, p. 84. Но неудачное дѣленіе оставлено самимъ авторомъ во второмъ изданіи; тамъ онъ указываетъ 1348 годъ, какъ поворотный въ настроеніи Петрарки. I, p. 145.

2) Въ прежнемъ изданіи имъ посвящена всего одна страница (100); въ новомъ ихъ библіографическая исторія значительно расширена (I, 153—159).

3) Второе изданіе, въ значительной степени дополненное, не измѣняетъ основной точки зрѣнія на Петрарку и только вноситъ новыя данныя, добытыя появившимися работами и новыми источниками. Наиболѣе важныя дополненія слѣдующія: отношенія Петрарки къ учителямъ (p. 14, 24, 25, 26), къ Виргилію (27—28), къ Лаурѣ (115—117), о службѣ Петрарки князьямъ (99—102), о его доходахъ (103—107), о его поклонникахъ (150—151) и сочиненіяхъ (153—159). Фактическія ошибки въ старомъ изданіи старательно исправлены (Ср. р. 70 стр. изд. и 122 нов.), внесены новыя работы по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ дѣятельности Петрарки. Напр. объ аввероистахъ р. 89—90.

а у иныхъ писателей и съ большимъ талантомъ. Главная заслуга въ этомъ важномъ успѣхѣ исторіографіи гуманизма безспорно принадлежитъ Георгу Фогту.

IX.

Важнѣйшія явленія біографической литературы четвертаго періода. — Изданія Фракассетти. — Мезьеръ и Де-Санктисъ. — Юбилейная литература. — Гейгеръ, Фейерлейнъ и Дзумбини. — Біографія Кёртинга.

Существенное вліяніе на біографію Петрарки четвертаго періода оказали три фактора: характеристика перваго гуманиста, сдѣланная Фогтомъ; его переписка, изданная Фракассетти, и его пятисотлѣтняя годовщина, отпразднованная въ 1874 году. Нельзя сказать, чтобы идеи Фогта были приняты сразу, безъ борьбы. Его черезъ чуръ рѣзкое отношеніе къ личности Петрарки вызвало оппозицію, наилучшимъ представителемъ которой можетъ служить Мезьеръ, а противъ его слишкомъ презрительнаго отношенія къ Canzoniere возсталъ Де-Санктисъ, который почти совершенно вернулся къ воззрѣніямъ біографовъ второго періода. Тѣмъ не менѣе идеи Фогта несомнѣнно одержали верхъ и не въ одной только Германіи. Гораздо прямѣе обнаружилось вліяніе новаго и вполнѣ научнаго изданія самаго важнаго источника для біографіи Петрарки. Въ томъ-же самомъ году, когда появилось сочиненіе Фогта, вышелъ первый томъ сборника писемъ *Фракассетти*, а за нимъ вскорѣ послѣдовали и два остальные[1]). Это изданіе впервые сдѣлало возможнымъ настоящую біографію Петрарки. Кромѣ предисловія, весьма обстоятельнаго въ библіографическомъ отношеніи, Фракассетти приложилъ цѣлый рядъ указателей, которые не только облегчаютъ пользованіе его сборникомъ, но и даютъ возможность провѣрить текстъ каждаго письма съ другими изданіями. Наконецъ, онъ составилъ синхронистическую таблицу, въ которой съ фактами изъ біографіи Петрарки сопоставлены современныя имъ историческія событія. Кромѣ писемъ, названныхъ въ заглавіи, въ сборникъ вошли: epistola ad posteros, appendix litterarum VIII (4 между ними изъ epistolae sine titulis, которыя не оскорбляли религіозное чувство издателя) и Testamentum. Обстоятельности сбор-

---

[1]) *Francisci Petrarcae, Epistolae de rebus familiaribus et variae tum quae adhuc tum quae nondum editae; familiarium scilicet libri XXIIII, variarum liber unicus, nunc primum integri et ad fidem codicum optimorum vulgati studio et cura Josephi Fracassetti. Volumen I Florentiae MDCCCLIX, II—MDCCCLXII, III—MDCCCLXIII.*

ника соотвѣтствуетъ и критическая старательность издателя[1]). Самымъ крупнымъ недостаткомъ изданія Фракассети слѣдуетъ признать его планъ: примѣчанія и опредѣленіе хронологическихъ датъ каждаго письма въ отдѣльности не приложены къ латинскому тексту. Но и этотъ пробѣлъ былъ пополненъ изданіемъ въ 5 томахъ итальянскаго перевода „Домашнихъ писемъ", первый томъ котораго появился въ 1863 г.[2]).

Фракассетти снабдилъ свой переводъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ, кромѣ біографическихъ данныхъ, онъ даетъ краткую характеристику личности Петрарки по его письмамъ. Главный недостатокъ этого очерка слишкомъ панегирическій тонъ. Фракассетти превозноситъ до небесъ благочестіе Петрарки[3]) и старательно оправдываетъ его отъ всѣхъ обвиненій. Онъ пытается доказать, что Петрарка въ денежныхъ дѣлахъ былъ умѣренъ до бѣдности, въ сношеніяхъ съ князьями безкорыстенъ и искреннъ до ригоризма. Въ отвѣтъ на обвиненія Уго Фосколо, упрекавшаго Петрарку въ гордости, нетерпимости и заносчивости, Фракассетти старается доказать, что во всемъ этомъ виноваты враги Петрарки[4]), и далѣе въ томъ же родѣ. Но кромѣ предисловія Фракассетти присоединилъ къ переводу примѣчанія, имѣющія огромную цѣну. Въ нихъ помѣстилъ онъ хронологическія изслѣдованія о каждомъ отдѣльномъ письмѣ, мелкія и крупныя данныя для біографіи Петрарки и библіографіи его сочиненій и, что особенно важно, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его друзьяхъ и адресатахъ. Въ примѣчаніяхъ Фракассетти собрано почти все, что извѣстно въ настоящее время по этому послѣднему вопросу, имѣющему огромную важность для исторіи начальнаго гуманизма. Два года спустя послѣ появленія послѣдняго тома этого сборника Фракассети издалъ переводъ „старческихъ" писемъ Петрарки, снабдивъ ихъ столь же цѣнными замѣчаніями[5]).

---

[1]) Отдѣльныя неособенно значительныя поправки къ тексту были сдѣланы Voigt'омъ по нѣмецкимъ рукописямъ (Wiederbelebung I, p. 21 и passim) и Мезьеромъ въ приложеніи къ его книгѣ о Петраркѣ — по французскимъ. Самой крупной ошибкой Фракассетти слѣдуетъ признать то, что онъ приписалъ Петраркѣ одинъ діалогъ Ломбардо да Серико (App. III). Объ этомъ см. ниже.

[2]) *Lettere di Francesco Petrarca delle cose familiari libri ventiquattro, lettere varie libro unico ora la prima volta raccolte, volgarizzate e dichiarate con note de Giuseppe Fracassetti Volume I — Firenze 1863; II — 1864; III — 1865; IV — 1866; V — 1867.*

[3]) Prefazione p. 53. Cf. note къ V, 18, VI, I и XVI, 4.

[4]) Ibid. p. 53—63.

[5]) *Lettere senili di Francesco Petrarca volgarizzate e dichiarate con note da Giuseppe Fracassetti. Volume I, Firenze 1869. II—1870.*

Одновременно съ книгой Фракассетти отчасти вскорѣ послѣ ея выхода и подъ ея вліяніемъ появилось нѣсколько коротенькихъ біографій Петрарки, не имѣющихъ важнаго значенія. Это или журнальныя статьи, или обычныя Elogia[1]). Нѣкоторый интересъ по основной мысли представляетъ статья Паоли *„Петрарка — предшественникъ Возрожденія“*. Паоли сводитъ гуманистическія стремленія къ двумъ пунктамъ: „разрушить школьную мудрость, которая, не соотвѣтствуя болѣе чувствамъ и настроеніямъ, оставалась пустымъ формализмомъ, и реставрировать мудрость зрѣлой цивилизаціи, чтобы ассимилировать съ новой мыслью уже выработанныя воззрѣнія, которыя удовлетворяли потребностямъ возрождающагося разума“[2]). Таковы же были и стремленія Петрарки; но онъ еще не былъ чистымъ гуманистомъ, потому что его душа, по выраженію автора, представляла собою „зеркало“, въ которомъ на ряду съ новыми тенденціями отражались еще „убѣжденія предшествующей эпохи“[3]). Съ этой точки зрѣнія и разсматриваетъ Паоли дѣятельность Петрарки. Въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшой журнальной статьи авторъ могъ только слегка иллюстрировать свою мысль и не имѣлъ возможности дать ей твердое научное обоснованіе[4]). Тѣмъ не менѣе статья ясно показываетъ значительный прогрессъ во взглядѣ на перваго гуманиста сравнительно съ предшествующими біографіями.

Изъ многочисленныхъ монографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ, появившихся передъ пятисотлѣтіемъ его смерти[5]), заслуживаетъ вни-

---

1) Сюда относятся: 1. *Gazzino, Biografia di Fr. Petrarca* (въ La Scuola e la famiglia di Genova 1865 №№ 8—11). 2) *B., Petrarca* (въ Rivista Contemporanea di Torino. Marzo 1866). 3) *La Vista Luigi, Petrarca* (въ Memorie e scritti 1863). 4) *Muzzi, Vita di Fr. Petrarca* (въ Vita d'Italiani illustri in ogni ramo dello scibile da Pifagora al Rossini. Bologna 1863). 5) *Bullart, Pétrarque* (въ Eloges hist. des hommes illustres. Paris 1862). 6) *Rezza, Nella commemorazione di Fr. Petrarca. Discorso. Genova 1869.* 7) *Malmignati, Parole sulla tomba di Fr. Petrarca. Padova 1870.* Всѣ эти произведенія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

2) *Paoli, Il Petrarca precursore della Rinascenza.* Въ Nuova Antologia Vol. XIX (1872) p. 514.

3) Ibid. 520.

4) Лучше всего показаны черты переходнаго времени въ политическихъ воззрѣніяхъ Петрарки сравнительно съ Данте, p. 516, 517, 518 и 520.

5) Большая часть изъ нихъ трактуетъ о Лаурѣ и о любви Петрарки. Сюда относятся: *Bondelon, Vaucluse, Pétrarque et Laure. 1864; Verrati, Della Laura del Petrarca.* (Въ Opere vol. VI, 1865); *Betti, La Laura del Petrarca. Modena 1866; Grion, Madonna Laura chi fosse.* (Въ Atti del R. Inst. Ven. t. III) *De Nardi, Petrarca e Laura. Milano 1873.* Петраркѣ, какъ гуманисту, посвящена одна только лекція: *Doorenbos, De profeet van het Humanisme. 1860.* Всѣ эти сочиненія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

манія небольшая по объему диссертація *Bonifas*'а *„Петрака, какъ философъ“*. Три первыя главы, въ которыхъ разсматриваются гуманистическія заслуги Петрарки, его латинскія и итальянскія произведенія, не представляютъ интереса. Центръ тяжести книги заключается въ послѣдней главѣ, гдѣ характеризуется вся философія Петрарки въ ея совокупности. Бонифасъ не вполнѣ вѣрно опредѣляетъ мѣсто перваго гуманиста въ исторіи философіи: по его словамъ, у него не было ни предшественниковъ, ни преемниковъ, потому что раньше него господствовала схоластика, позже, въ однѣхъ школахъ Платонъ, въ другихъ — Аристотель[1]). Авторъ совершенно игнорируетъ развитіе философской мысли до второй половины XV вѣка, когда она шла въ томъ направленіи, какое далъ ей Петрарка. Мы не находимъ далѣе въ книгѣ изображенія полной системы философскаго міросозерцанія Петрарки, но его характерныя черты выяснены на твердомъ основаніи подлинныхъ сочиненій. Бонифасъ констатируетъ прежде всего двѣ самыхъ характерныхъ черты философіи Петрарки: эклектизмъ и исключительный интересъ къ этикѣ[2]). Петрарка предпочиталъ Платона Аристотелю; въ его стихотвореніяхъ и въ трактатѣ De vera sapientia авторъ находитъ слѣды Платонова ученія[3]); но онъ не принадлежалъ къ академикамъ. „Если уже необходимо искать между древними философами патрона и учителя Петрарки, то онъ былъ, какъ кажется, преимущественно ученикомъ Цицерона“, говоритъ Бонифасъ и перечисляетъ черты ихъ сходства[4]). Но выбирая подходящія ученія изъ древнихъ авторовъ, Петрарка всѣ ихъ примиряетъ съ христіанскимъ ученіемъ, которое является для него высшимъ критеріемъ истины[5]).

Также выставляетъ Бонифасъ на видъ и другую черту философіи Петрарки. Онъ называетъ перваго гуманиста „новымъ Сократомъ“, потому что „онъ, легко перенося незнаніе природы вещей и ихъ причинъ, считаетъ непозволительнымъ не знать того, что относится къ упорядоченію жизни (ad vitae normam[6])“. „Истинная философія“, по понятію Петрарки, заключалась въ томъ, чтобы „почитать добродѣтель, любить Бога и знать только то, что имѣетъ отношеніе

1) *Bonifas, De Petrarcha philosopho. Parisiis MDCCCLXIII.* p. 43.

2) Ibid. p. 44.

3) Ibid. p. 45, 59, 64.

4) Ibid. p. 46 и слѣд.

5) Ut omnia ad christianam confirmandam fidem trahat. Ibid. p. 65.

6) Ibid. p. 47. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: Novus, utita dicam, Socrates factus est, et philosophiam a physicorum somniis dialecticorumque argutiis ad ipsius hominis notitiam morumque regendorum artes revocare est molitus. Ibid. p. 66. См. также p. 48.

къ доброй жизни"[1]). Бонифасъ отмѣчаетъ также весьма важную черту въ воззрѣніяхъ Петрарки, именно что онъ и на науку смотритъ съ этической точки зрѣнія. „Петрарка думаетъ, — говоритъ авторъ, — что и древнюю литературу слѣдуетъ изучать такъ, чтобы можно было сдѣлаться не болѣе краснорѣчивымъ и ученымъ, а болѣе нравственнымъ и счастливымъ"[2]). Мысль перваго гуманиста формулирована не вполнѣ точно: въ краснорѣчіи и учености онъ видитъ условіе совершенствованія. Но этическая точка зрѣнія на смыслъ всего гуманистическаго движенія не разъ была формулирована Петраркой и сдѣлалась достояніемъ его послѣдователей. Наконецъ, Бонифасъ отмѣчаетъ, хотя безъ достаточной рельефности, связь Петрарки съ предшествовавшей философіей: его родство съ мистиками[3]) и даже со схоластиками, съ послѣдними только со стороны формы[4]).

Общія сочиненія за это время представляютъ сравнительно мало интереса. Наиболѣе крупные обзоры по исторіи литературы, появившіяся въ 60-хъ годахъ, принадлежатъ итальянскимъ авторамъ, которые имѣютъ въ виду преимущественно національную поэзію Петрарки. Канту, Джудичи и Сеттембрини даютъ біографическіе очерки съ чисто-литературной точки зрѣнія, останавливаются главнымъ образомъ на Rime и только мимоходомъ, иногда въ подстрочномъ примѣчаніи, какъ Джудичи, упоминаютъ о его латинскихъ произведеніяхъ[5]). Де-Санктисъ ограничивается однимъ Canzoniere[6]), и только Пинто, написавшій исторію итальянской литературы на русскомъ языкѣ, отводитъ значительное мѣсто политическимъ воззрѣніямъ Петрарки[7]). Но эта наиболѣе интересная часть его книги представляетъ собою изложеніе одной лекціи изъ курса Феррари[8]), который имѣетъ зна-

---

1) Ibid. p. 51.

2) Ibid. p. 48.

3) Ibid. p. 60, 66.

4) Ibid. p. 50.

5) *Emiliani-Guidici,* L. c. p. 250 и слѣд. *Cantù, Storia della letteratura italiana Firenze 1865* p. 59 и слѣд. *Settembrini,* l. c. p. 193 и слѣд.

6) *De-Sanctis.* L. c. p. 261.

7) *Пинто.* L. c. p. 248. Главы о Петраркѣ предварительно были напечатаны въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1867. Іюнь. p. 794 и слѣд. подъ такимъ заглавіемъ: *Петрарка и его политическое значеніе.*

8) Для опредѣленія характера пользованія Пинто книгою Феррари достаточно сравнить страницы Пинто: 290, 292, 293 и слѣд. съ 103, 108, 109 и слѣд. у Ferrari. Обыкновенно Пинто сокращаетъ свой оригиналъ, но иногда дѣлаетъ дополненія и весьма неудачныя. Такъ, Ferrari, перечисляя античныхъ адресатовъ Петрарки, называетъ между ними по ошибкѣ Цезаря, Брута и Перикла (p. 116), а Пинто прибавляетъ къ нимъ еще Демосѳена (p. 297), которому Петрарка тоже никогда не адресовалъ писемъ.

ченіе въ біографической литературѣ о первомъ гуманистѣ. Феррари отводитъ Петраркѣ видное мѣсто среди политическихъ писателей Италіи и посвящаетъ ему въ своемъ курсѣ двѣ лекціи, сколько и Данте. Главное достоинство этихъ лекцій заключается въ томъ, что онѣ далеки отъ обычнаго представленія о политикѣ Петрарки, какъ о безпорядочномъ поэтическомъ хаосѣ противорѣчивыхъ мечтаній. Феррари находитъ въ его сочиненіяхъ цѣлую и опредѣленную политическую систему. Идеалъ Петрарки, по его словамъ, миръ[1]) и единство Италіи. Первая часть этой программы достигается побѣдою сеньёріи надъ республиканской формой[2], вторая соединеніемъ сеньёровъ „въ папскую и императорскую конфедерацію въ старомъ смыслѣ союза Карла Великаго съ церковью“[3]). Съ такимъ построеніемъ системы Петрарки едва ли можно согласиться. Феррари безъ труда доказываетъ подлинными цитатами и симпатіи перваго гуманиста къ монархіи, и нерасположеніе его къ республиканской формѣ, и его связи съ папствомъ и имперіей. Но, во-первыхъ, онъ забываетъ *разновременность* этихъ стремленій, во-вторыхъ, упускаетъ изъ вниманія, что Петрарка не былъ *безусловнымъ* противникомъ республики и *безусловнымъ* сторонникомъ монархіи[4]); въ-третьихъ, что о такомъ союзѣ церкви съ имперіей, какой приписываетъ ему Феррари, онъ никогда не мечталъ; по крайней мѣрѣ, его сочиненія доказываютъ совершенно обратное[5]).

Для правильной постановки вопроса о политическомъ значеніи Петрарки имѣетъ большую цѣну 6-й томъ исторіи Рима Грегоровіуса. Знаменитый историкъ не даетъ реконструкціи политическихъ идеаловъ перваго гуманиста; но онъ настаиваетъ на серьезности и по временамъ практической цѣлесообразности его стремленій и совѣтовъ[6]).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ работахъ еще не чувствуется непосредственнаго вліянія новаго изданія переписки Петрарки. Оно впервые обнаруживается на книгѣ *Мезьера*, которая занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ о первомъ гуманистѣ.

Книга Мезьера[7]) можетъ служить превосходнымъ дополненіемъ,

---

1) *Ferrari, Corso sugli scrittori politici italiani. Milano 1862.* p. 111.

2) Ibid. p. 117, 121—22 и passim.

3) Ibid. p. 127.

4) См. напр., Epist. famil. III, 7. Variae XLVIII. De Vita solitaria. Op. p. 271. De Remediis II. 78 и passim.

5) Въ Epist. famil. XX, 2 онъ прямо говоритъ, что «двухголовое животное— чудовищно».

6) *Gregorovius*, L. c. VI. p. 189, 196, 203—216 и passim.

7) *Pétrarque, Etude d'après de 5 nouveaux documents par A. Mézières*, *professeur*

а весьма нерѣдко и поправкой къ сочиненію Фогта. Въ обстоятельномъ введеніи, гдѣ изложенъ планъ труда и предварительная общая характеристика Петрарки, Мезьеръ говоритъ, что его главная задача — „психологическій этюдъ", а не внѣшняя біографія. Онъ имѣетъ въ виду изобразить внутреннюю жизнь Петрарки, „его любимыя мысли, мотивы его дѣйствій и чувства или страсти, которыя ихъ внушаютъ[1]". Для Мезьера на первомъ планѣ личность Петрарки независимо отъ его значенія для прошлаго и будущаго, Петрарка, какъ человѣкъ, а не какъ гуманистъ. Но и для этой цѣли онъ, подобно Фогту, считаетъ необходимымъ изученіе латинскихъ сочиненій Петрарки: по его мнѣнію, „тѣ, которые судятъ о немъ лишь по его любовнымъ стихотвореніямъ, знаютъ только его лучшіе стихи, а не его самого"[2]). Тѣмъ не менѣе Мезьеръ отводитъ въ своей книгѣ видное мѣсто итальянской поэзіи Петрарки[3], потому что признаетъ важное значеніе въ его жизни любви къ Лаурѣ: изъ его четырехъ страстей (любовь, дружба, культъ наукъ и патріотизмъ) „самая сильная, хотя и не самая продолжительная, была любовь[4]". Любовь, по мнѣнію Мезьера, была первымъ по времени стимуломъ дѣйствій Петрарки и исходнымъ пунктомъ его внутренней жизни: ради нея онъ щеголялъ въ Авиньёнѣ, изъ-за нея онъ удалился въ Воклюзъ[5]); поэтому и свой этюдъ Мезьеръ начинаетъ съ анализа этой любви[6]). Двѣ обширныя главы, посвященныя этому вопросу, весьма интересны для спеціальной задачи автора, но не представляютъ особой важности для исторіи Возрожденія. Мезьеръ не только доказываетъ дѣйствительное существованіе Лауры и реальность чувства къ ней Петрарки, но обстоятельно изображаетъ самыя проявленія любви, излагаетъ всѣ ея перепетіи, разсказываетъ, какъ добродѣтельная Лаура оттолкнула поэта, но не вполнѣ, потому что сама его любила и только боялась подозрѣній ревниваго мужа, какъ вслѣдствіе этого любовь Петрарки стала утрачивать чувственный характеръ и послѣ смерти Лауры окончательно преврати-

---

de littérature étrangère à la faculté des lettres de Paris. Paris 1868. Я цитирую по 2 изданію. Paris 1868 XXXIX+435.

1) p. VII.

2) p. III.

3) Вопросъ о вліяніи на поэзію Петрарки его пребыванія въ Авиньёнѣ и его отношеніе къ предшественникамъ Мезьеръ обстоятельно разсматриваетъ въ первой главѣ своей книгѣ (p. 21—39).

4) p. XII.

5) p. 18—21 и XIII.

6) Дѣтство и молодость Петрарки изложены Мезьеромъ коротко, при чемъ вопросъ о вліяніи на него семьи и школы совсѣмъ не затронутъ. p. 1—20.

лась въ платоническое чувство[1]). Исторія неудачной любви изложена наглядно, и основная мысль относительно ея вліянія на внутреннюю жизнь Петрарки не возбуждаетъ сомнѣнія. Страданіе отъ неудовлетвореннаго чувства могло заставить Петрарку глубже вдуматься въ свой внутренній міръ, искать тамъ опоры и облегченія, и тогда впервые онъ могъ замѣтить глубокій разладъ между индивидуализмомъ, который тянулъ его къ античнымъ идеаламъ, и средневѣковымъ христіанствомъ, поглощавшимъ личность. Мезьеръ приписываетъ любви бóльшее значеніе: по его мнѣнію, она не только вызвала борьбу, но и составляла ея главную причину и давала главное содержаніе. „Любовь первая овладѣла имъ; затѣмъ его охватила вѣра съ ея укорами совѣсти. Эти двѣ силы, попеременно то побѣдоносныя, то побѣжденныя, вели борьбу за его сердце въ продолженіе 14 лѣтъ, до смерти Лауры“[2]). Представляется непонятнымъ однако, почему угрызенія совѣсти не вызывались въ Петраркѣ отношеніемъ къ матери его дѣтей? Съ церковной точки зрѣнія это былъ еще бóльшій грѣхъ, чѣмъ непроизвольное и фактически-чистое чувство къ замужней женщинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Петрарка страдалъ отъ неудовлетвореннаго чувства; но его вражда къ любви, семьѣ и женщинѣ вообще обусловливается, какъ мы видѣли, далеко не однимъ аскетизмомъ. Причины внутренней борьбы лежали гораздо глубже, чѣмъ полагаетъ Мезьеръ, и приводимыя имъ доказательства не говорятъ въ его пользу. Монахъ Діонисій ди Борго Сан-Сеполькро, которому Петрарка говорилъ о своихъ страданіяхъ, далъ ему въ утѣшеніе „Исповѣдь“ бл. Августина, которая могла служить средствомъ противъ другой болѣзни. Знаменитое письмо о восхожденіи на Mont Ventoux, въ которомъ Мезьеръ видитъ проявленіе этой борьбы, ни единымъ словомъ не говоритъ о любви[3]). Весьма возможно, что желаніе уйти отъ несчастной любви, побуждало, между прочимъ, Петрарку переселиться въ Воклюзъ, но его спокойствіе и довольство въ уединеніи доказываютъ, что страданіе не было особенно сильно[4]). То же самое

---

[1]) См. главы 2 и 3 Pétrarque et Laure и въ особенности pp. 71, 110—11, 119—122, 108.

[2]) P. 73.

[3]) Pétrarque, p. 66—67, 68 и 69.

[4]) Изображая спокойную жизнь Петрарки въ уединеніи, куда привели его любовныя страданія, Мезьеръ самъ замѣчаетъ противорѣчіе и старается объяснить его сложностью чувствъ. Ces resultats, qui semblent contradictoires, ne le sont qu'en apparence ou plutôt n'est-il pas naturel de démêler dans des sentiments très-complexes, comme ceux qui agitaient alors Pétrarque, des éléments qui se contredisent? p. 87.

можно сказать и о его путешествіяхъ. Эта борьба окончилась побѣдою вѣры, по мнѣнію Мезьера, только когда 54-лѣтній Петрарка написалъ свои послѣдніе стихи[1]).

Это преувеличеніе вліянія любви Петрарки на его внутреннюю жизнь только отчасти помѣшало Мезьеру разглядѣть дѣйствительную причину его внутренняго разлада. Возвращаясь къ этому вопросу еще разъ въ концѣ книги, онъ обобщаетъ источникъ страданій Петрарки несоотвѣтствіемъ между дѣйствительностью и его идеалами, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни. Авиньёнская курія была далека отъ его представленія о церкви; безсильная, разъединенная, терзаемая безпорядками родина не соотвѣтствовала его идеалу сильной единствомъ и порядкомъ Италіи. Для себя самого — онъ желалъ достигнуть высшаго нравственнаго совершенства и чувствовалъ себя безсильнымъ избавиться отъ недостатковъ. Отсюда его скитанія, отсюда acedia и любовь къ уединенію[2]). Такимъ образомъ все объясняется личными причинами, потому что подобное состояніе каждый человѣкъ можетъ пережить въ любую эпоху. Вообще въ книгѣ Мезьера не видно вліянія на внутреннюю жизнь Петрарки его времени, потому что самъ авторъ не признаетъ, повидимому, коренной, непримиримой разницы между средневѣковымъ католицизмомъ и наступающимъ Возрожденіемъ.

„Человѣкъ, который любитъ женщину въ продолженіе 21 года, не добившись отъ нея никакой благосклонности, и который оплакиваетъ ее въ теченіе 10 лѣтъ послѣ ея смерти, этимъ самымъ доказываетъ свою естественную склонность къ мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ“[3]). Мезьеръ пытается доказать это на отношеніи Петрарки къ семьѣ и друзьямъ. Не говоря уже о родственникахъ, Петрарка, по его мнѣнію, „влагалъ въ дружбу, какъ въ любовь, теплоту поэтической души и, болѣе чѣмъ въ любовь, постоянство, за которое не могли упрекнуть его ни совѣсть, ни сѣдые волосы“[4]). Его дружба болѣе чѣмъ безкорыстна: ея исторія „не что иное, какъ исторія добра, которое онъ дѣлалъ своимъ друзьямъ[5]“). Это восторженное изображеніе нѣжности и благородства души Петрарки подлежитъ однако значительнымъ ограниченіямъ. Петрарка дѣйствительно любилъ свою дочь и ея дѣтей, чувствовалъ глубокую привязанность къ брату-

1) Ibid. p. 141.
2) Ibid. p. 403—404, 406.
3) Ibid. p. 147.
4) Ibid. p. XVIII.
5) Ibid. p. XXII и 199.

монаху; но о матери онъ говоритъ мало, объ отцѣ — ничего, а его отношеніе къ матери своихъ дѣтей поражаетъ сухостью и суровостью[1]). То же самое можно сказать и о друзьяхъ. Петрарка чувствовалъ склонность къ дружбѣ; но изъ-за политическихъ стремленій онъ порвалъ съ Колоннами и, что еще хуже, въ интересахъ Висконти прямо оклеветалъ Джакопо Буссолари[2]). Тѣмъ не менѣе, несмотря на преувеличенія, Мезьеръ ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ, считавшій основаніемъ дружескихъ сношеній Петрарки славолюбіе, матеріальные расчеты и слѣпое подраженіе Цицерону: Петрарка легко сходился съ людьми и искренно любилъ тѣхъ, кто ему нравился и кто платилъ ему за это дружбой и уваженіемъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ мотивовъ въ дѣятельности Петрарки Мезьеръ совершенно справедливо называетъ патріотизмъ и также вѣрно именно этимъ чувствомъ объясняетъ его политическія стремленія. Изъ-за патріотизма порвалъ Петрарка связи съ своими друзьями и покровителями Колоннами, изъ-за патріотизма сдѣлался онъ горячимъ сторонникомъ Кола-ди-Ріенцо. Петрарка самъ говоритъ это, и Мезьеръ вполнѣ основательно полагается на его слова[3]). Но онъ не точно излагаетъ самое содержаніе этихъ стремленій и даетъ имъ произвольную оцѣнку. Въ политикѣ, по словамъ Мезьера, Петрарка „гораздо менѣе повинуется абстрактнымъ принципамъ, чѣмъ благороднымъ инстинктамъ. Для него неособенно важны какія-нибудь измѣненія въ его системѣ, лишь бы только родина была могущественна и счастлива“. Онъ усердно зоветъ въ Италію Карла IV, но „если, пока императоръ колеблется, его замѣнитъ другой, если другія руки, а не его, возьмутся за императорское дѣло, Петрарка ихъ не отвергнетъ“[4]). Эти слова очень мѣтко характеризуютъ политическія стремленія перваго гуманиста; также вѣрно указываетъ Мезьеръ единство и умиротвореніе Италіи, какъ ихъ главное содержаніе. Но постоянные упреки въ химеричности стремленій Петрарки и въ его безпочвенномъ идеализмѣ подлежатъ значительному ограниченію. „Петрарка, — говоритъ Мезьеръ, — слишкомъ часто воображалъ, что его мечты или желанія переходятъ изъ его души въ дѣйствительность. Его оптимизмъ мѣшалъ ему видѣть препятствія, которыя почти всегда полагаютъ человѣческія страсти проектамъ соціальной реформы и филантропическимъ теоріямъ. Онъ вѣрилъ, что достаточно

[1]) Epist. famil. IX. 3.

[2]) Мезьеръ извиняетъ его первый поступокъ патріотизмомъ и совершенно умалчиваетъ о второмъ.

[3]) Epist. fam. XI, 16. Mézières Pétrarque p. 221 и 242. Мы не видимъ разницы по тону, какъ это утверждаетъ Мезьеръ (p. 254) между Ep. famil. VII, 13 и VIII, 1.

[4]) Ibid. p. XXVII и XXVIII. Cf. 259—60.

одному римскому гражданину пожелать счастья родинѣ, чтобы найти въ себѣ силу и талантъ это реализировать, точно такъ же, какъ онъ долженъ былъ воображать позже, что одно присутствіе императора обезоружитъ всѣ враждебные интересы и возвратитъ съ всеобщимъ миромъ золотой вѣкъ[1]"). На самомъ дѣлѣ Петрарка не былъ такъ наивенъ, очень хорошо понималъ разницу между идеальнымъ прошлымъ и реальнымъ настоящимъ и именно въ страстяхъ и порокахъ отдѣльныхъ личностей видѣлъ препятствіе къ осуществленію своихъ надеждъ. Главная его ошибка заключалась дѣйствительно въ преувеличеніи силъ человѣка въ дѣлѣ устройства общественныхъ порядковъ, но этотъ недостатокъ еще не даетъ права объявить Петрарку химерическимъ мечтателемъ. Впрочемъ самъ Мезьеръ ограничиваетъ нѣсколько свои обвиненія: химеричнымъ онъ признаетъ только идеалъ всемірнаго господства Рима, а не единство Италіи[2]). Но первое стремленіе представляетъ собою только мечту, для осуществленія которой необходимо было предварительное осуществленіе послѣдняго: такъ смотрѣлъ на него и Петрарка. Что же касается до итальянскаго единства, то „его первый апостолъ, по словамъ Мезьера, назывался Данте, второй—Петрарка, третій—Макіавелли[3]"). Точно также ограничиваетъ Мезьеръ свои упреки и относительно средствъ, которыми думалъ Петрарка осуществить свои идеалы. Мезьеръ допускаетъ, что его надежды на римскую революцію могли исполниться, если бы Кола былъ дѣйствительно великій человѣкъ и римскій народъ дѣйствительно былъ достоенъ своего прошлаго[4]), и рѣзко упрекаетъ Петрарку, что онъ не понялъ дѣйствительности[5]). Не слѣдуетъ забывать однако, что въ Кола вѣрили всѣ современники и что для объясненія его успѣха даже составили легенду о пребываніи Генриха VII за 9 мѣсяцевъ до его рожденія въ кабачкѣ его отца. Познакомившись поближе съ дѣйствительностью, Петрарка разочаровался и въ трибунѣ, и въ его народѣ, хотя не отказался отъ своихъ стремленій. Также неосновательно упрекать Петрарку за его вмѣшательство въ борьбу Генуи съ Венеціей: думая примирить республики, Петрарка былъ настолько же мечтатель, какъ любой публицистъ нашего времени, вмѣшивающійся перомъ въ политическія отношенія.

---

1) Ibid. p. XXXI.

2) Ibid. p. 266—68.

3) Ibid. p. 268.

4) Ibid. p. 261 и 263.

5) C'est par là (эпизодъ съ Кола) surtout, que nous apprenons de quelles chimères il se nourissait, quelle admiration lui inspirait l'histoire romaine et quel vague espoir il conservait encore de voir revenu les beaux temps de l'antiquité. (p. 258) Cp. p. 229.

Такую же несбыточную иллюзію видитъ Мезьеръ и въ отношеніяхъ Петрарки къ Карлу IV, которыя онъ представляетъ не совсѣмъ точно. „Какъ Данте, Петрарка ожидаетъ отъ имперіи спасенія и умиротворенія родины,—говоритъ онъ, и за свой счетъ набрасываетъ теорію, которую Алигьери развиваетъ въ трактатѣ „О монархіи“[1]). На самомъ дѣлѣ между Данте и Петраркой глубокая разница: самое учрежденіе въ глазахъ послѣдняго не имѣетъ цѣны; средневѣковую имперію онъ игнорируетъ, если даже и не называетъ прямо „пустымъ словомъ безъ содержанія“. Въ Карлѣ, какъ въ Кола, онъ видитъ только подходящую личность и ждетъ въ Италію *вооруженнаго* императора.

Мезьеру извѣстно, что Петрарка надѣялся на объединеніе Италіи подъ властью національнаго государя[2]), но онъ не признаетъ никакой связи между этимъ стремленіемъ и службою Петрарки при дворѣ Висконти. Этотъ эпизодъ изъ его жизни стоитъ, по мнѣнію Мезьера, вообще внѣ всякой связи съ его политикой: Петрарка искалъ только безопасности, столь рѣдкой при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Италіи, матеріальной обезпеченности и блестящей сцены, на которой могъ появляться отъ времени до времени[3]). Но Петрарка, не рискуя нравственной репутаціей, могъ взять должность не менѣе безопасную, и болѣе выгодную и блестящую, какъ секретарство при куріи или каѳедра во Флоренціи; съ другой стороны, его посильное содѣйствіе политикѣ Висконти не можетъ подлежать сомнѣнію[4]). Поэтому если отвергнуть политическіе мотивы въ его связи съ миланскими тираннами, то самая связь останется необъясненною.

Вопросу объ отношеніи Петрарки къ папству Мезьеръ посвящаетъ цѣлую главу, въ которой пытается выяснить всѣ мотивы этого отношенія. Папство, по его мнѣнію, занимаетъ такое же мѣсто въ политической системѣ Петрарки, какъ и у Данте. „Въ его глазахъ, какъ въ глазахъ Данте, обѣ великія силы, которыя господствуютъ надъ міромъ матеріальнымъ и надъ міромъ моральнымъ, имперія и папство, абсолютно независимы одна отъ другой, и въ силу одинаковаго права, по особенному божественному полномочію (par une délégation spéciale de Dieu), обѣ должны имѣть пребываніе въ Римѣ, одна какъ пріемница цезарей, другая какъ наслѣдница св. Петра[5]“).

---

1) Ibid. p. 274. Cp. p. 282.

2) Ibid. p. XXVIII.

3) Ibid. p. 389—395. Мезьеръ разсматриваетъ этотъ эпизодъ не 5-й главѣ, посвященной политикѣ, а въ 8-й (Le caractère de Pétrarque).

4) См. его рѣчь при взятіи города Навары и письмо къ Буссолари.

5) Pétrarque p. 281 cp. p. XXVI—XXVII.

Въ сочиненіяхъ Петрарки нѣтъ такой теоріи; мы находимъ тамъ или болѣе рѣшительное гиббелинство, когда Петрарка, замѣчая, что „власть не терпитъ товарища", сурово упрекаетъ папу, что онъ позволилъ Карлу IV оставаться въ Римѣ только одинъ день; или полное гвельфство, когда онъ прямо писалъ Урбану V, что ему принадлежитъ свѣтская и духовная власть. Что касается до нападокъ на Авиньёнскую курію, то Мезьеръ обстоятельно излагаетъ ихъ и совершенно вѣрно указываетъ ихъ главную причину въ чисто моральныхъ побужденіяхъ и въ патріотизмѣ, но оставляетъ сочувственную Петраркѣ точку зрѣнія и въ качествѣ католика и француза беретъ подъ свою защиту папство и Авиньёнъ. Онъ упрекаетъ Петрарку въ неблагодарности къ куріи и въ преувеличеніяхъ недостатковъ папъ и утверждаетъ, что его патріотизмъ „исключительный и нетерпимый", что онъ боится Франціи, потому что считаетъ ее „угрозой для Италіи[1]"). Эти обвиненія остаются бездоказательными, а по отношенію къ Франціи и прямо невѣрными, потому что въ перепискѣ Петрарки не разъ засвидѣтельствовано обратное чувство къ этой странѣ.

Патріотизмъ и главнымъ образомъ отрицаніе рѣзкой противоположности средневѣкового католицизма тенденціямъ новаго времени помѣшали Мезьеру вполнѣ оцѣнить точку зрѣнія Фогта на значеніе древности въ біографіи Петрарки и въ исторіи Возрожденія[2]). Онъ совершенно не касается вопроса о причинахъ увлеченія Петрарки древностью и изображаетъ его слѣдствія чисто внѣшнимъ образомъ и довольно поверхностно. Чтеніе древнихъ внушило ему безконечное почтеніе къ античному Риму: „онъ проникся ихъ чувствами, онъ усвоилъ себѣ нѣсколько ихъ энергіи, ихъ суровыхъ добродѣтелей, ихъ энтузіазма къ свободѣ и патріотической гордости". Отъ древнихъ происходитъ горькое для автора презрѣніе Петрарки къ Парижу и неблагодарность къ Сорбоннѣ[3]). Кромѣ того, Мезьеръ приписываетъ древности развитіе въ немъ раціонализма и духа критики и видитъ главную заслугу его занятій въ распространеніи любви къ древнимъ авторамъ[4]). „Одного этого, по мнѣнію Мезьера, было бы достаточно для его славы", говоритъ онъ, потому что въ связи

---

[1]) Pétrarque p. 286, 288, 306.

[2]) Мезьеръ ссылается на книгу Фогта, къ которой онъ отсылаетъ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ узнать заслуги, оказанныя Петраркой и Боккаччіо изученію классиковъ. (Pétrar. p. 370 прим.), и по Фогту говоритъ объ ученикахъ Петрарки. Но дальше этого вліяніе нѣмецкаго автора не простирается.

[3]) Pétrarque p. XXIII, XXIV.

[4]) Ibid. 354 и 351.

съ возрожденіемъ интереса къ древности стоитъ развитіе итальянской литературы[1]), и не прибавляетъ болѣе ни одного факта для выясненія всемірно-историческаго значенія дѣятельности перваго гуманиста. Послѣдняя глава сочиненія, посвященная характеристикѣ Петрарки, имѣетъ цѣлью выяснить его нравственный образъ и разсматриваетъ его отношеніе къ людямъ и къ религіи. Въ этомъ вопросѣ Мезьеръ стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, нежели Фогтъ, хотя и преувеличиваетъ нѣсколько прямолинейную, неподкупную искренность Петрарки и его благочестіе. Огромную популярность поэта-гуманиста онъ объясняетъ привлекательностью его натуры и большимъ тактомъ. „Между тѣми, которые его знали, — говоритъ Мезьеръ, — только немногіе его не любили, и между тѣми, которые его любили, не было почти никого, кто бы его оставилъ". Съ другой стороны, „его сношенія съ могущественными людьми своего времени были chef-d'oeuvr'омъ дипломатіи[2]"), благодаря которой онъ извлекалъ всѣ выгоды своего положенія, не жертвуя своей независимостью и своими убѣжденіями. Но это объясненіе, въ общемъ весьма вѣроятное, можетъ относится только къ людямъ, лично знавшимъ Петрарку, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ всю массу, среди которой онъ пользовался популярностью. Что касается до религіозности Петрарки, то Мезьеръ очень мѣтко и вполнѣ вѣрно опредѣлилъ ея вліяніе въ его отношеніи къ древности и къ философіи: опираясь на религію, отрицалъ онъ метафизику и старался примирить античныхъ писателей съ христіанской истиной, которая служила для него критеріемъ пріемлемости изъ воззрѣній[3]). Въ защиту вѣры выступилъ онъ противъ аверроистовъ, и эта точка зрѣнія не составляла принадлежности только его старческаго возраста, какъ думаютъ „его поверхностные" критики[4]).

Книга Мезьера въ общемъ представляетъ собою попытку дать характеристику Петрарки, независимо отъ его среды, независимо отъ тѣхъ тенденцій, которыя нашли въ немъ первое яркое выраженіе. Біографіи въ смыслѣ исторіи личности, постепеннаго развитія ея настроенія и міросозерцанія въ ней нѣтъ; указаны только перемѣны въ отношеніи Петрарки къ Лаурѣ, а самъ онъ разсматривается внѣ времени, какъ разъ навсегда сложившійся образъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя его стремленія, напр., политическія, изображены не вѣрно,

1) Ibid. p. 365 и 366. Послѣдняя мысль брошена вскользь, въ формѣ вопросительнаго предложенія.

2) Ibid. p. 381 и 382.

3) Ibid. p. 415—418

4) Ibid. p. 409.

потому что въ разное время они имѣли различную форму. Не менѣе замѣтные результаты имѣетъ и другой методологическій недостатокъ. Чѣмъ крупнѣе личность, чѣмъ сильнѣе ея вліяніе, тѣмъ необходимѣе разсматривать ее въ связи съ эпохой, чего не дѣлаетъ Мезьеръ. Отрывая Петрарку отъ его среды, онъ не только не опредѣлилъ его исторической роли, но не могъ выяснить и его личности: его увлеченіе древностью является какимъ-то капризомъ, его внутренняя борьба, столь характерная для эпохи, сводится только къ любви, его непонятная популярность остается въ сущности необъясненной. Тѣмъ не менѣе книга Мезьера, написанная весьма талантливо и живо, произвела впечатлѣніе[1]) и вызвала новое сочиненіе о Петраркѣ, написанное *Де-Санктисомъ*[2]).

Де-Санктисъ признаетъ нѣкоторыя достоинства за книгой Мезьера, называетъ ее „психологическимъ романомъ", въ которомъ угаданы нѣкоторыя „душевныя тайны" и объяснены нѣкоторые факты. Это „великолѣпная" книга, „которая читается съ удовольствіемъ и съ которой можно справляться не безъ пользы". Но въ сущности онъ отрицаетъ за ней всякое значеніе. Во-первыхъ, подобная біографія ненужна: „послѣ Де-Сада и Бальделли можно написать болѣе изящную, но не болѣе интересную жизнь Петрарки". Во-вторыхъ, Мезьеръ, по его мнѣнію, стоитъ на ложной точкѣ зрѣнія, утверждая „что Петрарка Canzoniere — Петрарка толпы, что истинный Петрарка есть нѣчто бо́льшее — ученый, латинистъ, патріотъ, востановитель научныхъ занятій, великій геній и великій характеръ". Въ-третьихъ, наконецъ, вмѣсто біографіи Мезьеръ написалъ панегирикъ; въ его книгѣ Петрарка является „изуродованнымъ его идолопоклонствомъ", а исторія любви къ Лаурѣ изображена совершенно произвольно, безъ серьезной критики[3]). Самъ Де-Санктисъ держится другой точки зрѣнія. „Устраните Canzoniere, говоритъ онъ, и Петрарка былъ бы личностью, извѣстной ученымъ и спеціалистамъ (a dotti e agli eriditi), никогда не сдѣлался бы популярнымъ у всѣхъ образованныхъ народовъ, никогда не возвысился бы до всемірной славы".

---

[1]) Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ ея появленіе Фракассетти. Въ предисловіи къ переводу «Старческихъ писемъ» онъ защищаетъ Мезьера отъ упрековъ въ идеализація Петрарки (противъ Am. de Margerie. Contemporain, 1868, février) и осыпаетъ похвалами его книгу. Онъ находитъ въ ней и тонкую критику, и «философское изслѣдованіе», и глубокую вѣрность изображенія. Мезьеръ dipinse il carattere e la natura con sì veri colori che a chiunque lesse quel libro pare di aver conosciuto di persona del Petrarca, di aver conversato con lui e di essere entrato a parte de'suoi più riposti pensieri. Lett. sen. p. 2.

[2]) *Saggio critico sul Petrarca di Francesco de Sanctis. Napoli 1869. XXXX+309.*

[3]) Saggio p. V, VIII, X, XIII, XIV, XXII—XXIII.

Эти всѣмъ извѣстныя, повсюду популярныя черты Петрарки и составляютъ его истинный образъ. „Человѣчество на своемъ пути далеко отбрасываетъ отъ себя все то, что безполезно, случайно, повтореніе, общее мѣсто, наростъ (scoria), преувеличеніе, безсодержательность (il troppo, il vano). Въ его быстромъ движеніи тысячи томовъ остаются въ пыли библіотекъ, тысячи писателей забываются на пути и сами великіе люди утрачиваютъ часть самихъ себя. Это не искаженіе, а очищеніе[1]"). Итакъ, истинный Петрарка тотъ, который сохранился въ Canzoniere, и единственное средство познать его личность — критическій анализъ его стихотвореній. Но критика имѣетъ различные пріемы, большинство которыхъ ведетъ, по мнѣнію Де-Санктиса къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, критика формальная привела къ изысканности, къ петраркизму, который составляетъ искаженіе Петрарки. Критика психологическая создала „романтическаго" Петрарку, „смѣсь Августина и Абеляра, съ его мистицизмомъ, съ его безсонницами, съ его внутренней борьбой, съ его уединеніемъ. Изъ критики исторической вышла символическая и романтическая Лаура, чистый Петрарка, христіанско-платоническій идеалъ женщины и любви, совершенно новая поэзія, гдѣ самымъ чистымъ вуалемъ прикрыта нагота Греціи и Рима"[2]). Собственный критическій пріемъ Де-Санктиса такъ же неясенъ, какъ произвольны его обвиненія чужихъ пріемовъ. Онъ желаетъ проникнуть „въ то непосредственное и органическое единство содержанія, въ которомъ заключается секретъ жизни. Тамъ критикъ можетъ чувствовать себя объединеннымъ (uno) съ художникомъ и съ его трудомъ, можетъ возсоздать его, дать ему вторую жизнь, можетъ сказать съ гордостью Фихте: я создаю Бога![3]") Ясно только одно, что эта „философская" критика предоставляетъ безконечный просторъ для всяческаго произвола. Съ помощію такого пріема Де-Санктисъ не только думаетъ возсоздать истиннаго Петрарку, но и нанести ударъ идеализму, который онъ считаетъ большимъ бѣдствіемъ Италіи. Ставя въ образецъ своимъ соотечественникамъ древнихъ римлянъ и современныхъ американцевъ, совѣтуя имъ взять девизомъ „время — деньги", онъ хочетъ показать, что „въ Петраркѣ мертво реторическое и платоническое", а живетъ „творческая способность", „сила реализаціи" и что все „то, что идеалисты относятъ къ его славѣ, было именно его слабостью"[4]).

---

1) Ibid. p. XI и XII.
2) Ibid. p. XX.
3) Ibid. p. XV.
4) Ibid. p. XXV и XXXX.

Точка зрѣнія Де Санктиса имѣетъ такъ же мало общаго съ исторіей Ренессанса, какъ его методологическіе пріемы съ исторической наукой вообще. Изображеніе личности Петрарки, какъ она представляется современному почитателю его стиховъ, при всей своей субъективности, можетъ еще быть интереснымъ для историка литературной критики въ XIXвѣкѣ; но для выясненія реальнаго Петрарки оно не можетъ имѣть никакой цѣны. Тѣмъ не менѣе мы остановимся на характеристикѣ, данной Де Санктисомъ Петраркѣ, какъ на образцѣ произвольныхъ утвержденій.

„Франческо Петрарка говоритъ онъ, имѣлъ большія способности, тонкую (squisita) чувствительность, богатое воображеніе и мало ловкости въ практической жизни[1]“). Но онъ обладалъ только способностями низшаго порядка, „элементарными и подражательными“, памятью, ясностью и проницательностью мысли: у него не было „ни творческихъ способностей, ни оригинальности, ни глубины“. Кромѣ того, Петрарка обладалъ достоинствами и недостатками слабой натуры. Умѣренный, впечатлительный, деликатный, склонный къ нѣжности и меланхоліи, „Петрарка былъ суетенъ, жаденъ, завистливъ“. Его увлеченію древностью Де Санктисъ придаетъ мало значенія и не признаетъ гуманистомъ, а только „подготовителемъ и предшественникомъ Возрожденія“. „Занятія и любовь къ древности породили въ немъ нѣкоторыя мнѣнія, говоритъ онъ, которыя казались бы своеобразными, если бы не были общи всѣмъ современникамъ“, и утверждаетъ, что Петрарка отождествлялъ античный міръ съ современностью и подбираетъ въ такомъ духѣ сколько-нибудь подходящіе факты, игнорируя остальные[2]). Впрочемъ и эта коротенькая характеристика не стоитъ въ неразрывной связи съ книгой Де Санктиса, которая представляетъ собою чисто литературный, эстетическій разборъ Canzoniere, по временамъ очень тонкій и остроумный[3]). Личность Петрарки занимаетъ его мало, и отдѣльныя замѣчанія о его характерѣ отличаются обыкновенно крайней произвольностью. Такъ напр., о латинскихъ трактатахъ Петрарки онъ говоритъ: „Любовь создала въ немъ новое направленіе. Писалъ по-латыни, чтобы пріобрѣ-

---

1) Ibid. p. 1.

2) Ibid. p. 1—14.

3) Во 2-й главѣ (il Petrarchismo) Де-Санктисъ разсматриваетъ недостатки Canzoniere, происшедшіе отъ вліянія школы (p. 25) и внесенные самимъ Петраркой (p. 35); въ 3-й (il mondo del Petrarca)—характеризуетъ его любовь; въ 4-й (Laura e Petrarca)—Лауру; въ 5-й (Forma Petrarchesca) выясняетъ достоинства его формы, главы 6, 7 и 8-я (Situazioni Petrarchesche) описываетъ различныя настроенія, выразившіяся въ его стихотвореніяхъ. Слѣдующія три (Morte di Laura, Fransfigurazione di Laura и Dissoluzione di Laura) изображаютъ измѣненія чувства Петрарки послѣ смерти Лауры и ихъ выраженіе въ его стихотвореніяхъ.

сти славу, писалъ итальянскіе стихи, чтобы найти облегченіе и утѣшеніе[1]"). Или онъ мѣтко и краснорѣчиво изображаетъ индивидуализмъ Петрарки: „Петрарка былъ зеркаломъ самого себя — себѣ удивлялся, себя анализировалъ, себѣ сочувствовалъ, себя подкрѣплялъ, себя мучилъ... Міръ для него — аксессуаръ; онъ существуетъ не для себя, а для него, окрашенный и видоизмѣненный его впечатлѣніями; сама Лаура, какъ реальность, стоящая внѣ его, едва обрисована, но она живетъ, сдѣлавшись послѣ смерти его созданіемъ[2]"). Тѣмъ не менѣе Де Санктисъ считаетъ Петрарку средневѣковымъ человѣкомъ, который отразилъ въ своихъ произведеніяхъ существенныя черты средневѣковой жизни[3]). Такъ же произвольно освѣщена и внутренняя исторія личной жизни Петрарки. За скорбью, по большей части воображаемой, чередовавшейся съ короткими надеждами, съ порывами радости и энтузіазма, послѣдовала скорбь истинная и хроническая, въ которой открывается разочарованіе и пустота жизни на склонѣ дней[4]), и это говорится не о любви только, а о всемъ „душевномъ состояніи. Въ результатѣ книга Де Санктиса ни на шагъ не подвинула впередъ нашихъ свѣдѣній о Петраркѣ и не разрушила ни одного изъ установившихся раньше заблужденій.

Весьма важное значеніе въ исторіографіи Ренесанса и въ изученіи біографіи Петрарки имѣетъ 1874-й годъ, пятисотлѣтняя годовщина смерти перваго гуманиста. Въ это время впервые были изданы нѣкоторыя его сочиненія, которыя еще не видали печатнаго станка. *Аттиліо Гортисъ* издалъ рѣчи Петрарки и его молитвы[5]) *Рацолини* — его историческое произведеніе о римскихъ государственныхъ дѣятеляхъ[6]). Тогда же въ Падуѣ изданъ хорошій текстъ „Африки"[7]), *Пинго* издалъ эту поэму съ обстоятельнымъ введеніемъ и примѣчаніями[8]), а *Гандо* въ Парижѣ[9]) и *Палеза* въ Падуѣ[10]) перевели ее на итальянскій языкъ. Въ это же время появилось нѣсколько новыхъ изданій стихотвореній Петрарки или приписываемыхъ ему[11]). Кромѣ того, тогда

1) Saggio p. 15.
2) Ibid. p. 296.
3) Ibid. p. 299.
4) Ibid. p. 296—97.
5) *Attilio Hortis, Scritti inediti di Fr. Petr. Trieste 1874.*
6) *Francisci Petrarcae De viris illustribus. Vitae ed. A. Razzolini Bologna 1874.*
7) *Padova a Francesco Petrarca. 1874.*
8) *Francisci Petrarcae Africa quam recensuis, praefatione illustravit L. Pingaud. Parisiis 1874.*
9) *Gando. L'Africa, poema epico. Versione con note. Oneglia 1874.*
10) *Agostino Palesa. L'Africa recata in versi italiani. Padova. 1874.*
11) *Rime complete. Este 1874.* Еще изданіе Carducci. *I Trionfi. Venezia 1874.*

же появилось нѣсколько библіографическихъ работъ о Петраркѣ: итальянское правительство издало каталогъ рукописей сочиненій самого Петрарки и имѣющихъ къ нему отношеніе[1]), Валентинелли сдѣлалъ подобный указатель для Венеціи[2]), Нардуччи — для папскихъ и частныхъ библіотекъ въ Римѣ[3]). Кромѣ этихъ уже упомянутыхъ нами изданій, появилось нѣсколько новыхъ біографій, посвященныхъ различнымъ сторонамъ и моментамъ его жизни. Проф. *Гивиццани* имѣлъ въ виду издать монументальное сочиненіе подъ заглавіемъ *„Франческо Петрарка и его вѣкъ“*, въ которое должно было войти 55 монографій о Петраркѣ различныхъ ученыхъ. Изданіе не состоялось[4]); но нѣкоторые изъ сотрудниковъ отдѣльно напечатали свои работы, значительно увеличившія количество появившихся тогда монографій. Подъ вліяніемъ юбилейныхъ воспоминаній мѣстные ученые съ особеннымъ интересомъ изслѣдовали отношеніе Петрарки къ своимъ городамъ. Такъ, пребыванію Патрарки въ Пармѣ посвящены двѣ работы, между авторами которыхъ возникла даже полемика, имѣющая болѣе археологическій интересъ[5]). *Рамусси* изслѣдовалъ жизнь Петрарки въ Миланѣ и его отношеніе къ Висконти[6]). Обильныя фактическія данныя для этого вопроса собралъ Гортисъ въ очеркахъ, предпосланныхъ неизданнымъ сочиненіямъ Петрарки[7]). Много работъ посвящено пребыванію Петрарки въ Венеціи и Падуѣ. Наиболѣе важныя изъ нихъ принадлежатъ *Мальминьяти*[8]) и сборникъ статей подъ общимъ заглавіемъ *„Петрарка и Венеція“*[9]). Три статьи посвящены коронованію Петрарки на Капи-

---

Domenico Carboni. Rime di Fr. P. colla vita del medesimo. Torino 1874. (сюда внесены уже новые сонеты) *Ferrato. Rime attribuite a F. P. Padova 1874.*

1) *I codici petrarcheschi velle biblioteche governative del Reyno. Roma 1874.*

2) *Valentinelli. Petrarca e Venezia. Venezia 1874.*

3) *Narducci. Catalago dei codici Petrarcheschi delle biblioteche Barberina, Chigiana, Corsiniana, Valliceliana e Vaticana. Roma 1874.*

4) *Ghivizzani, Francesco Petrarca e il suo secolo* напечатанъ былъ только подробный конспектъ, приведенный у Ferrazzi p. 818—820

5) *Ronchini, La dimora del Petrarca in Parma. Modena 1874.; Róndani, Selvapiana. Milano 1874.* Затѣмъ Ròndani возражалъ Ронкини въ Nuova Antol. V. XXVII. 1874 p. 854 статьей *Francesco Petrarca, sua casa in Selvapiana ed accusa fattagli di magia.* Въ полемикѣ участвовалъ также Ferrari въ газетѣ *Corriere di Reggio d'Emilia.* Она изложена у Ferrazzi p. 573—574.

6) *Romussi. Petrarca a Milano. Studj storici Milano 1874.*

7) Hortis. L. c. p. 43 и слѣд. Сюда-же относится *Dall' Aquà, Il palazzo ducale Visconti in Pavia e Fr. Petrarca. Cenni storici. Pavia 1874.*

8) *Malmignati. Petrarca a Padova, a Venezia e ad Arqua. Padua 1874.* Сюда-же относится *Cittadella, Petrarca a Padova e ad Arqua.* Въ изданіи Padova a Petrarca.

9) *Petrarca e Venezia. 1874.* Отношенію Петрарки къ Венеціи посвящены статьи:

толіи, и двѣ изъ нихъ, принадлежащія *Монти* и Гортису имѣютъ цѣну по фактическому матеріалу[1]). Наконецъ, отдѣльныя монографіи посвящены пребыванію Петрарки въ Феррарѣ, въ Лигуріи и Воклюзѣ[2]).

Кромѣ этихъ произведеній, имѣющихъ цѣну, главнымъ образомъ для фактической біографіи Петрарки, въ юбилейный годъ появилось много монографій, посвященныхъ всестороннему изученію личности перваго гуманиста[3]). Такъ, *Джани* и *Конти* дали обзоръ его гуманистической дѣятельности[4]). Но праздничный характеръ этихъ коротенькихъ разсужденій дѣлаетъ ихъ болѣе интересными по постановкѣ вопроса, чѣмъ по его рѣшенію. Болѣе значенія имѣютъ спеціальныя изслѣдованія по отдѣльнымъ сторонамъ гуманистической дѣятельности Петрарки, какъ напр., о его изученіи древности[5]), о его отношеніи къ философіи и политикѣ. Сюда относятся прежде всего два важныхъ изслѣдованія о философскихъ воззрѣніяхъ Петрарки: *Di Giovanni* и *Fiorentino*. „Поэтъ и философъ, говоритъ Ди Джіовани, онъ соединяетъ въ абсолютно-прекрасномъ и въ абсолютно-истинномъ науку и искусство. Реальная красота была для него выраженіемъ красоты идеальной и въ прекрасномъ самомъ по себѣ онъ видѣлъ ни что иное, какъ блескъ истины“. Авторъ различаетъ въ философскихъ произведеніяхъ Петрарки двѣ категоріи: въ однихъ проявляется внутренній контрастъ и драма, которая заканчивается примиреніемъ и діалектическимъ рѣшеніемъ противорѣчивыхъ вопросовъ; другія уже предполагаютъ рѣшеніе и дышатъ спокойствіемъ духа и ясностью разсужденій. „Петрарка не имѣлъ или, можетъ быть, не желалъ имѣть спекулятивной мысли, какой мы обыкновенно теперь требуемъ отъ философовъ, говоритъ Фіорентино; но онъ обладалъ мыслью, способной къ тонкому изслѣдованію контра-

---

Barozzi, Petrarca a Venezia и *Fulin, Il Petrarca dinanzi alla Signoria di Vinezia. Dubbii e Ricerche,* гдѣ подвергается сомнѣнію изданная Гортисомъ Arengua Петрарки передъ сенатомъ.

1) *Monti, Il Petrarca visita Roma* (въ Propugnatore 1876. Vol. IV p. 128 и слѣд.). *Hortis,* L. c. p. 48. Сюда-же относится *Labruzzi di Nexima, Il Petrarca in Campidoglio.* (Въ Il Buanorotti 1875. Vol. X).

2) *Citadella Luigi, Il Petrarca in Ferrara. Studio.* (Въ Archivio Veneto 1875. Vol. X.); *Celesia, Petrarca in Liguria. Genova 1874.*; *Fuzet, Pétrarque au Vaucluse* (въ *Revue de Marseille. 1874).*

3) *Canestrini* произвелъ даже измѣреніе черепа Петрарки. *Le ossa di Fr. Petrarca. Studio antropologico. Padova 1874.*

4) *Giani, Petrarca precursore e iniziatore del Rinascimento. Discorso. Perugia 1874.; Conti, Prove storiche del Discorso del Centenario* (Въ Cose di storia e d'Arte p. 470 и слѣд.).

5) Сюда относятся: *Giuliani, Fr. Petrarca e la sua scoperta delle Epistole.* (Въ Archivio Storico ital. V. XXIII. 1876 p. 848 и слѣд.). *Pellegrino, Fr. Petrarca e lo studio del greco in Italia. Roma 1875.*

стовъ жизни, болѣе способной слѣдовательно открыть эти контрасты, чѣмъ примирить ихъ въ гармоніи. У Петрарки нѣтъ философіи, но есть философское содержаніе, если можно такъ выразиться; есть еще и нѣчто бóльшее: контрастъ, сомнѣніе, отсутствіе довѣрія къ авторитету — слѣдовательно всѣ условія для философской работы[1а]).

Литературная дѣятельность Петрарки точно такъ же вызвала цѣлый рядъ новыхъ изслѣдованій по поводу пятисотлѣтія его смерти, при чемъ, конечно, на первомъ планѣ было изученіе Canzoniere и связанныя съ нимъ воззрѣнія поэта и факты изъ его біографіи. Лаурѣ посвящена была цѣлая масса новыхъ работъ, при чемъ повторились всѣ прежніе взгляды, что очень расширило, но не приблизило къ рѣшенію старый „вопросъ" (Laurafrage), чрезвычайно запутанный и имѣющій очень скудную научную цѣну[2]). Кромѣ того, нѣсколько монографіи было посвящено вопросу о характерѣ любви Петрарки и вообще о его отношеніи къ женщинѣ[3]). Гораздо менѣе интереса возбуждали на юбилеѣ латинскія сочиненія Петрарки и, что особенно печально — его отношенія къ друзьямъ[4]). Нельзя сказать, что мало было написано въ это время общихъ біографій перваго гуманиста; но онѣ имѣютъ въ большинствѣ случаевъ весьма ограниченное значеніе въ его біографической литературѣ. На юбилейномъ торжествѣ, хотя и пятисотлѣтнемъ, трудно ожидать спокойнаго критическаго изложенія; иное дѣло монографіи. Праздничное увлеченіе усиливало

---

1) *Di Giovanni, Le prose morali e filosofiche di Fr. Petrarca.* (Въ *Scuola, Scienza e Critica. Palermo. 1874). Fiorentino, La filosofia di Fr. Petrarca. Studio. Napoli 1875.* Къ сожалѣнію, оба сочиненія мнѣ извѣстны только по выдержкамъ у Ferrazzi p. 826 — 827. Политикѣ Петрарки посвящена только газетная статья. *Contini, Pétrarque homme politique.* (Въ Italie 1874. 26 juillet.).

2) Сюда относятся *Blaze de Burruy, Laure de Noves.* (Rev. des deux Mondes 1874. 15 juillet); *Duclaux, Pétrarque et Laure. Avignon 1874. Perrin, Humour à Vaucluse, précédé et suivi d'un mot sur la Laure de Pétrarque. Avignon. 1874.*; *Zendrini, Petrarca e Laura, Studio. Milano. 1875*; *Costero, Laura* (Prefazione къ изданію Rime. Milano 1875); *Berluc-Perussis, Un document inedit sur Laure de Sade. Aix 1876. Minich, Annunzio di nuovi studi intorno al Canzoniere ed alla vita della celebre Laura. Venezia 1875.*

3) *Minich, Sur les amours de Pétrarque expliqués par rapprochement de sa vie avec ses écrits. Paris. 1874; Bonzi, Comparazione dell amore di Fr. Petrarca e di G. Leopardi. Belluno 1874. Puccianti, La donna nella Vita Nuova di Dante e nel Canzoniere del Petrarca. Pisa. 1874.* Всѣ эти сочиненія извѣстны мнѣ только по указаніямъ Ferrazzi.

4) Сюда относятся: *Giampetri, Pétrarque écrivain satirique. Constantinople 1874; Lizio, Il Petrarca e Tomaso da Messina.* (Propugnatore IX. 1876) *Bernardi, Certosa di Monterivo e Gerardo Petrarca.* (Revista universale 1874. Vol. VIII); *D'Ancona, Il maestro del Petrarca* (Rivista italiana 1874).

усердіе къ отыскиванію новыхъ библіографическихъ фактовъ, которые и сослужили потомъ важную службу. Итальянскія юбилейныя общія біографіи представляютъ собою по большей части или Elogia въ новомъ духѣ, или предисловія къ изданіямъ Rime, или журнальныя статьи[1]). Важнѣе написанныя иностранцами[2]), и первое мѣсто между ними принадлежитъ работѣ *Гейгера*[3]).

Книга Гейгера представляетъ собою обстоятельное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ внутренней и внѣшней жизни Петрарки, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ его сочиненіями и главнѣйшей литературой. Гейгеръ добросовѣстно изучилъ его итальянскія и латинскія сочиненія и неуклонно держится ихъ въ своемъ изложеніи; кромѣ того, онъ обильно, хотя и критически, пользуется Де-Садомъ и въ особенности примѣчаніями Фраккасетти, отдаетъ должное Фогту, хотя и исправляетъ его крайности[4]), слѣдуетъ, гдѣ нужно, авторитету Грегоровіуса[5]) и справляется иногда съ Мезьеромъ[6]). Далѣе, несмотря на небольшой объемъ, книга почти не оставляетъ желать большей обстоятельности. Пере-

---

[1]) *Lombardi, Francesco Petrarca. Orazione. Bergamo 1874; De Campello, Pel V Centenario di Fr. Petrarca. Discorso. Napoli 1875; Carducci, Presso la tomba di Fr. Petrarca in Arquà. Livorno 1874. Aleardi, Discorso su Fr. Petrarca. Padova 1874; Rizzini, In occasione del V Centen. del Petrarca. Suoi onori e trionfi, suo amore per Laura, suo soggiorno a Valchiusa ed Arquà, sue opere latini e italiane, coll'aggiunta del suo ritratto fisico e morale. Trieste 1874; Mugna, Ricordo del V Centenario dalla morte del Petrarca. Padova 1874; N. N., Brevi ricordi sopra Fr. Petrarca. Padova 1874; Da Ponte, Vita di Fr. Petrarca. Padova 1874; Giannini, Vita di Fr. Petrarca* (preposta all'edizione dei Trionfi. Ferrara 1874). *Costero, Vita di Fr. Petrarca* (Въ предисловіи къ изданію Rime. Milano 1875); *Battani, La giovinezza di Fr. Petrarca. Milano 1874.* Большинство этихъ произведеній мнѣ извѣстно только по указаніямъ Ferrazzi.

[2]) *Fuget, Pétrarque, ses voyages, ses amis, son repentir. Cannes 1874; Simpson, Petrarch* (Contemp. Review. 1874) этихъ сочиненій я также не имѣлъ подъ руками. *Treverret, Pétrarque* (Въ Revue politique et littéraire 1874, p. 80 и слѣд.). Это вступительная лекція къ курсу, которую авторъ читалъ въ Бордо. Она представляетъ интересъ по общей оцѣнкѣ значенія перваго гуманиста. Pousser l'Italie vers le but, encore lointain, de l'independance et de l'unité, creer chez les modernes cette poësie intime que nos contemporains en France ont cultivée avec tant d'éclat, faire renaître enfin l'antiquité, lui assurer une seconde vie et mettre ainsi la raison humaine en état de s'accorder avec la theologie sans être reduite à demeurer sa servante: telle fut l'oeuvre multiple de ce grand homme. Ibid. p. 84. Очеркъ *Frenzel's Zu Petrarca's Gedächtniss. 18. Juli 1874. (Renaissance und Rococo. Berlin, 1876)* незначителенъ.

[3]) *Petrarka von Ludwig Geiger. Leipzig 1874. X+277.*

[4]) См. напр., p. 54, 170 и 94, 267 пр. 12, 264.

[5]) См. p. 193 и 271 пр. 2.

[6]) См. напр., стр. 274 пр. 6 и 275 пр. 7.

ведя, вмѣсто первой главы, „письмо къ потомству", Гейгеръ разсматриваетъ Петрарку въ трехъ остальныхъ, какъ гуманиста, какъ политика и какъ пѣвца Лауры, и съ этихъ точекъ зрѣнія, выбранныхъ весьма удачно, сжато излагаетъ обильно собранный матеріалъ. Наконецъ, самый методъ изложенія представляетъ собою удачное соединеніе многихъ достоинствъ: популярный разсказъ и описаніе настроенія или переданы словами источника, или подкрѣплены достаточными ссылками, такъ что въ результатѣ получается ученая книга, написанная для образованнаго читателя. Но на ряду съ этими достоинствами встрѣчаются въ книгѣ и недостатки, и самый существенный изъ нихъ заключается въ томъ, что изложеніе носитъ слишкомъ внѣшній характеръ, что повѣствованіе и внѣшнее описаніе вытѣсняютъ изслѣдованіе, вслѣдствіе чего поступки и воззрѣнія Петрарки остаются невыясненными и весь его образъ неопредѣленнымъ. Особенно замѣтно это во 2-й и въ 3-й главахъ книги. Въ началѣ первой изъ нихъ Гейгеръ имѣетъ въ виду изложить общій ходъ развитія Петрарки[1]) и только излагаетъ внѣшніе факты, не выясняя вліянія ни семьи, ни школы, ни друзей. Въ этой связи излагаетъ онъ важнѣйшія стороны міросозерцанія перваго гуманиста, его отношеніе къ древности, къ теологіи, къ праву, отмѣчаетъ его любовь къ путешествіямъ, но причины его стремленій и антипатій опредѣлены или неполно, или неясно, или совсѣмъ не указаны. Почему онъ увлекается древностью, вопросъ, основной для Петрарки и для всего движенія, оставленъ безъ отвѣта; предпочтеніе грековъ римлянамъ объясняется дурнымъ характеромъ жалкихъ учителей изъ Византіи и ея плохимъ политическимъ положеніемъ[2]). Отношеніе къ праву не выяснено и при объясненіи вражды къ юристамъ не отмѣчена моральная точка зрѣнія[3]). Также не ясно отношеніе къ богословію[4]). Наконецъ, ученость Петрарки преувеличена: „онъ былъ знатокомъ, даже полнымъ господиномъ во всѣхъ областяхъ знанія", и этимъ объясняется его чрезвычайная популярность[5]). Совершенно такимъ же

---

[1]) II. Petrarka und der Humanismus. I. Ort und Zeit der Bildung.

[2]) Гейгеръ говоритъ объ итальянцахъ, dass die bei einem Vergleich zwischen dem zerrütteten, vor der Wuth anrückenden Feinde ohnmächtig zitternden Griechenreiche und den jugendlich aufstrebenden, blühenden italienischen Städten und Republiken sich den Vorzug gaben. (Petr. p. 37). Достаточно припомнить отношеніе Петрарки къ современности, чтобы видѣть, какъ онъ далекъ былъ отъ самообольщенія на этотъ счетъ. О своихъ учителяхъ греческаго языка Петрарка говорилъ съ уваженіемъ и благодарностью.

[3]) Petrarka p. 28—29; 30.

[4]) Ibid. p. 38.

[5]) Ibid. p. 39.

характеромъ отличается 2-й отдѣлъ этой главы, гдѣ Гейгеръ характеризуетъ внутренній міръ Петрарки и его отношеніе къ внѣшнему міру, а также ея продолженіе, гдѣ изложены его научныя стремленія [1]). Онъ приводитъ мѣста изъ источниковъ, гдѣ говорится о его внутренней борьбѣ, объ уединеніи, описываетъ его дружбу и перечисляетъ друзей. Выборка сдѣлана тщательно, но мозаика не даетъ картины. Гейгеръ видитъ существенное отличіе новаго времени отъ предшествующаго періода въ развитіи индивидуализма и въ этомъ смыслѣ называетъ Петрарку „первымъ новымъ человѣкомъ" [2]), но при изображеніи его стремленій и вообще внутренняго развитія не принимаетъ во вниманіе индивидуалистическихъ тенденцій. Съ другой стороны онъ только мелькомъ говоритъ о религіозности Петрарки [3]) и совсѣмъ не указываетъ ея вліянія на его внутреннюю жизнь и міросозерцаніе. Систематическаго изложенія міросозерцанія Петрарки мы вообще не находимъ въ книгѣ Гейгера, вслѣдствіе чего, кромѣ отсутствія внутренней связи между его отдѣльными воззрѣніями, многія изъ нихъ недостаточно объяснены. Такъ о его отношеніи къ юриспруденціи и медицинѣ Гейгеръ говоритъ: „оппозиція противъ нихъ Петрарки имѣетъ общій корень: именно эстетическо-научное недовольство (Unbehagen), которое возбуждалось въ немъ варварской формой юристовъ и суевѣрными представленіями медиковъ" [4]). Моралистъ въ философіи, Петрарка не оставлялъ этой точки зрѣнія по отношенію и къ наукѣ. Философское ученіе, какъ и научная доктрина теряли въ его глазахъ половину цѣны, если ихъ представители не стояли на надлежащей нравственной высотѣ, и эту точку зрѣнія Петрарка постоянно выдвигалъ на первый планъ въ борьбѣ съ медиками и юристами [5]). Такъ же неполно объяснена и любовь его къ природѣ. Петрарка относился къ природѣ не только съ эстетической точки зрѣнія, какъ полагаетъ Гейгеръ [6]), но и съ философской; онъ не только любитъ ее, но и считаетъ ее нормой для жизни, воспитательницей и руководительницей человѣка [7]).

Послѣдніе два отдѣла этой главы, посвященные изображенію

---

1) 2. Einblick ins Innere, Beziehungen zur Auszenwelt и 3. wissenschaftliche Bestrebungen und Kämpfe.

2) Ibid. 71.

3) Ibid. 92.

4) Ibid. 81.

5) Epist. famil. XX, 4. Epist. senil. Op. p. 774, 796, 801.

6) Petrarka p. 72 и слѣд.

7) De reb. famil. II, 8. De remediis p. Oper. p. 194, 203.

Петрарки, какъ гуманиста, и характиристикѣ его латинской поэзіи[1]), отличаются обычными достоинствами. Гейгеръ обстоятельно описываетъ его отношеніе къ древности вообще и къ отдѣльнымъ писателямъ, излагаетъ его взглядъ на поэзію и содержаніе нѣкоторыхъ стихотвореній и дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что при изученіи античной литературы форма не составляла для него главнаго интереса[2]). Но значеніе этихъ занятій для внутренней исторіи Петрарки и ихъ вліяніе на его міросозерцаніе остаются не выясненными.

Неудобства чисто описательнаго метода Гейгера и его уклоненія отъ изслѣдованія причинъ такъ же живо чувствуются и въ третьей главѣ, гдѣ характеризуются политическія стремленія Петрарки. Въ первомъ ея отдѣлѣ[3]) весьма наглядно констатированъ обще итальянскій патріотизмъ перваго гуманиста; но его холодность къ родной Флоренціи не объяснена. „Она происходила,—говоритъ Гейгеръ, „можетъ быть, потому что онъ никогда не могъ забыть обиды, причиненной его родителямъ; можетъ быть также, потому что не любилъ республиканскаго режима въ этомъ городѣ“[4]). Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи Петрарки къ республиканской формѣ правленія имѣетъ существенную важность для объясненія не только его политическихъ идеаловъ, но и его поведенія; поэтому доказательство вліянія второй предполагаемой Гейгеромъ причины необходимо и по состоянію источниковъ вполнѣ возможно. То же самое можно сказать и объ отношеніи къ князьямъ. Гейгеръ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что Петрарка служилъ только государямъ Италіи и отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній французскихъ королей и германскаго императора. „Такая связь не должна насъ удивлять, — говоритъ онъ: „могущество князей и сила духа (Geistesgrösze) получаютъ въ XIV вѣкѣ новый подъемъ, познаютъ себѣ цѣну и пользуются другъ другомъ, чтобы подняться до еще болѣе значительной высоты“[5]). Но тамъ, гдѣ говорится о Петраркѣ[6]), эта точка зрѣнія, вопреки ожиданію, почти совершенно оставлена въ сторонѣ. Гейгеръ относитъ къ одной категоріи отношенія Петрарки и къ Аццо ди Корреджіо, и къ Роберту неаполитанскому, просто разсказываетъ его вмѣшательство въ борьбу Генуи съ Венеціей и только указы-

---

1) 4. Der Humanist и 5. Der Dichter.
2) Ibid. p. 108.
3) III. Petrarka und Italien. 1. Florenz und Italien.
4) Petrarka p. 135.
5) Ibid. p. 143.
6) 2. Im Dienste der Fürsten.

ваетъ на возможность политическихъ побужденій къ его связи съ Висконти. Ея основаній „можетъ быть, должно искать въ суетности Петрарки, можетъ быть въ политическихъ ожиданіяхъ, такъ какъ Дж. Висконти былъ главою гибеллинской партіи..., имѣлъ высокіе политическіе планы и дѣлалъ много попытокъ для ихъ исполненія: идея сдѣлаться королемъ Италіи не казалась недостижимой его честолюбію"[1]). Но Гейгеръ не придаетъ цѣны вскользь брошенной гипотезѣ, вслѣдствіе чего невѣрно объясняетъ отношенія Петрарки къ Буссолари[2]) и не даетъ опредѣленнаго вывода относительно его политическихъ стремленій. „Петрарка не былъ ни государственнымъ человѣкомъ, ни слугою князей; но если шло дѣло о томъ, чтобы охранять въ чистотѣ и содѣйствовать сознанію великихъ благъ свободы и патріотизма, — тогда онъ былъ готовъ на дѣло"[3]). Такова заключительная характеристика Петрарки, какъ политика. Три послѣдніе отдѣла этой главы посвящены отношенію Петрарки къ папамъ, къ Кола ди Ріенцо и къ императору[4]) — къ тѣмъ силамъ, посредствомъ которыхъ онъ думалъ возстановить упавшее величіе Рима. Гейгеръ и здѣсь старательно приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ переписки Петрарки, но не совсѣмъ точно передаетъ общій характеръ его стремленій. Тогда Римъ былъ оставленъ папами и императорами и утратилъ „республиканскій духъ гражданъ": — возвратить любимому городу эти три погерянныя блага было стремленіемъ Петрарки", — говоритъ онъ[5]) и упускаетъ изъ виду *разновременность* этихъ стремленій, что весьма важно для правильной оцѣнки и полнаго пониманія политическаго идеала Петрарки[6]). Послѣдняя глава книги —

---

1) Petrarka p. 158—59.

2) По изображенію Гейгера (p. 161) выходитъ, что Буссолари былъ обыкновенный тиранъ, отчего письмо Петрарки много выигрываетъ, а его политическая физіономія теряетъ въ опредѣленности.

3) Petrarka p. 163. Кромѣ того, Гейгеръ, какъ и большинство историковъ литературы, преувеличиваетъ практическую неспособность Петрарки къ политикѣ. Неловко сравнивая его неудачную верховую ѣзду съ таковой-же дипломатической миссіей, онъ говоритъ: Wurde dieser Miszerfolg durch seine Ungeschicklichkeit verschuldet, so wurde durch seine Ungeübtheit in den Geschäften das ungenügende Resultat seiner Gesandschaft nach Venedig hervorgerufen. Die fein verschlungenen Wege der damaligen Staatskunst waren dem Redner, Philosophen und Dichter nicht bekannt (p. 159—160). Можно съ увѣренностью сказать, что, при тогдашнихъ отношеніяхъ между Миланомъ и Венеціей, старанія самаго искуснаго дипломата не привели бы къ желанному исходу. Притомъ рѣчь Петрарки по этому поводу, тогда еще неизвѣстная Гейгеру, не обнаруживаетъ политической неопытности.

4) 3. Rom und Avignon. 4. Petrarka und Cola di Rienzi. 5. Petrarka und Karl IV.

5) Petrarka p. 164.

6) Къ числу рѣдкихъ случаевъ, когда Гейгеръ ищетъ внутреннихъ побужденій

„Петрарка и Лаура“ не имѣетъ большаго значенія для исторіографіи Возрожденія. Гейгеръ признаетъ реальность любви Петрарки, пытается характеризовать ее изложеніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній изъ Canzoniere, переводитъ для этой же цѣли соотвѣтствующее мѣсто изъ „Исповѣди“ и сообщаетъ свѣдѣнія о его семьѣ. И эта глава, какъ и предшествующія, даетъ интересныя подробности, не объясняя цѣлаго[1]).

Интересъ къ личности Петрарки, вызванный его юбилеемъ, выразился появленіемъ крупныхъ работъ о первомъ гуманистѣ во вторую половину семидесятыхъ годовъ. Такъ, среди монографическихъ произведеній, появившихся въ это время[2]), весьма важное значеніе имѣетъ уже упомянутая и не разъ цитированная нами *Bibliografia Petrarchesca* Феррацци[3]) Его книга даетъ библіографическія указанія изданій и переводовъ произведеній Петрарки и списокъ сочиненій о немъ самомъ и о его произведеніяхъ, при чемъ иногда приводятся и выдержки изъ нихъ. Эта библіографія, доведенная до 1876 года, необходимое пособіе при изученіи гуманизма, не-

---

для поступковъ Петрарки, относится объясненіе, почему онъ не переселился въ Римъ. Препятствіе лежало, по его словамъ, «въ душѣ поэта» — онъ боялся при знакомствѣ съ дѣйствительностью утратить свои мечты. Petrarka mochte sich scheuen, lebend das zu kosten, dessen Genusz ihm das Ziel alles Ringens, die Krone alles irdischen Strebens war, und mochte fürchten, von der ehernen Wirklichkeit aus seinen goldenen Träumen gerissen zu werden (p. 165). Но Петрарка бывалъ въ Римѣ и не разъ изображалъ его печальную дѣйствительность.

1) Гейгеръ является здѣсь ревностнымъ защитникомъ того мнѣнія, что Лаура была дѣвушкой, признавая однако, что любовь Петрарки была несчастна; поэтому вопросъ не имѣетъ существенной важности даже для личной біографіи Петрарки, тѣмъ болѣе, что аргументы Гейгера гораздо менѣе убѣдительны, чѣмъ его противниковъ см. p. 215 и слѣд. Кромѣ этого произведенія, Гейгеру принадлежатъ еще слѣдующія работы о Петраркѣ. 1) *Petrarca uud Deutschland* (въ Zeitschrift für deutsche Culturgeschichte. 1874. 2) *Italienische Schriften zur Petrarka-Feier* (въ Augsburger Allgemeine Zeitung. 1875. № 38. Beilage). 3) *Neue Schriften zur Geschichte des Humanismus* (Historische Zeitschrift. B. XXXIII, 1875, p. 49 и слѣд.). О его работахъ, вышедшихъ въ 80 годахъ см. ниже.

2) Сюда относятся: *Duclaux, Pétrarque et Laure. Avignon 1875; Maurin, Les amours de Pétrarque et Laure. Paris 1875; Gloria, Documenti inediti intorno al Petrarca con alcuni cenni della casa di lui in Arquà e della reggia dei da Carrara in Padova. Padova 1878; Traversi, Gli amori del Petrarca. Napoli 1878.* и двѣ работы *Hortis'a: M. T. Cicerone nelle opere del Petrarca e del Boccaccio. Trieste 1878.* и *Le additiones al De Remediis fortuitorum di Seneca dimostrate cosa del Petrarca, e delle attinenze del Petrarca con Seneca. Trieste 1879.*

3) *Ferrazzi, Bibliografia Petrarchesca.* (Въ V томѣ Enciclopedia Dantesca. Bassano 1877).

смотря на нѣкоторую неполноту и недостатки въ системѣ[1]). Кромѣ того, Феррацци внесъ въ свою книгу свѣдѣнія и документы о домѣ Петрарки, исторію его могилы, далъ списокъ портретовъ Петрарки и произведеній живописи и скульптуры, имѣющихъ отношеніе къ нему самому или къ его произведеніямъ; описалъ медали и монументальныя надписи въ честь Петрарки; составилъ библіографію поэтическихъ произведеній, сюжетомъ которыхъ былъ первый гуманистъ, или эпизоды изъ его біографіи; выбралъ мѣста изъ его произведеній, гдѣ говорится о различныхъ городахъ Италіи, и описалъ празднованіе его юбилея. Библіографія является такимъ образомъ настоящей энциклопедіей свѣдѣній о Петраркѣ. Въ это же время появились весьма важныя характеристики Петрарки, написанныя *Фейерлейномъ* и *Дзумбини,* а также самая обширная его біографія, составленная *Кёртингомъ.*

Фейерлейнъ даетъ краткій обзоръ произведеній Петрарки съ цѣлью внести нѣкоторыя поправки въ характеристику Фогта. Авторъ начинаетъ вопросомъ: „почему Петрарка импонировалъ на свое время, пользовался такимъ авторитетомъ, какого никогда не достигъ столь превышающій его Данте?“[2]) Вопросъ поставленъ несвоевременно, потому что слишкомъ мало извѣстна среда перваго гуманиста. Тѣмъ не менѣе Фейерлейнъ даетъ на него отвѣтъ: „Данте, какъ пророкъ, стоялъ выше своихъ современниковъ“; Петрарка, выразитель потребностей и стремленій своего времени, приспособляется къ нему „помогаетъ самосознанію общественнаго мнѣнія“ и становится его вождемъ и руководителемъ. Съ этимъ можно вполнѣ согласиться, но нельзя не признать, что здѣсь только разъясненіе и описаніе вопроса, а не его рѣшеніе. Впрочемъ Фейерлейнъ касается этого важнаго вопроса только мимоходомъ, въ введеніи къ своему очерку, цѣль котораго выяснить „любовь и лирику“ Петрарки, а также его „моральное самосозерцаніе (moralische Selbstschau) и воззрѣнія на жизнь“. По первому пункту не трудно внести поправку въ характеристику Фогта, и Фейерлейнъ безъ труда доказываетъ реальность любви Петрарки и художественность его лирики. Иное дѣло вторая половина задачи. По мнѣнію Фейерлейна, Фогтъ „слишкомъ серьезно“ и „слишкомъ глубоко“ относится къ Secretum[3]) Петрарки. Первый гуманистъ

---

[1]) Такъ, рубрики Феррацци слишкомъ мелки. Bioqrafi и Elogi отдѣльно; Madonna Laura и Dell'amore di Fr. Petrarca отдѣльныя рубрики и т. п. Кромѣ того, въ предѣлахъ каждой рубрики нѣтъ никакого порядка, ни алфавитнаго, ни хронологическаго.

[2]) *Feuerlein, Petrarca und Boccaccio.* (Historische Zeitschrift. B. XXXVIII. 1877, p. 193—194).

[3]) Ibid. p. 207.

не былъ свободенъ отъ „рефлексіи“ и, въ качествѣ лирика, любилъ наблюдать самаго себя; но у него вовсе не было „глубокаго нравственнаго разлада“. Это важное положеніе доказывается извѣстнымъ письмомъ къ Боккаччіо, когда того запугалъ монахъ, и цитатой другого письма, въ которомъ Петрарка утверждаетъ, что нежеланіе Іуды просить прощенія — бо́льшій грѣхъ, чѣмъ предательство[1]). Незначительность этой аргументаціи сама по себѣ очевидна, и Фейерлейнъ въ доказательство своего положенія рѣзко отмѣчаетъ индивидуализмъ въ главнѣйшихъ произведеніяхъ Петрарки[2]). Это — самая важная сторона очерка и большая заслуга автора, потому что Фогтъ недостаточно выставляетъ на видъ индивидуалистическую струю въ латинской прозѣ перваго гуманиста. Но Фейерлейнъ впадаетъ въ противоположную крайность: онъ совершенно игнорируетъ средневѣковыя черты въ міровоззрѣніи Петрарки. Точно также нельзя назвать вполнѣ удачными и остальныя поправки Фейерлейна. Такъ, онъ совершенно справедливо не видитъ противорѣчія въ отношеніи Петрарки къ куріи, но не потому что ея безнравственность возмущала въ немъ благочестиваго католика. По мнѣнію Фейерлейна, Петрарка нападалъ на папъ только съ патріотической точки зрѣнія, только за то, что они оставались въ Авиньёнѣ и не переселялись въ Римъ[3]), — положеніе, котораго нельзя доказать источниками. Далѣе, онъ вполнѣ основательно пытается смягчить обвиненіе Петрарки въ крайнемъ увлеченіи древностью, но не достигаетъ своей цѣли. Фейерлейнъ принимаетъ обычный взглядъ, что стремленіе возстановить древность составляетъ характерную черту Ренессанса, но видитъ въ этомъ „новый фазисъ развитія націи, которая, устраняя по возможности германскій элементъ, возвращается къ своему латинскому происхожденію“. Петрарку онъ ставитъ во главѣ этого движенія, но выдѣляетъ изъ числа его позднѣйшихъ представителей. „Въ Петраркѣ, говоритъ Фейерлейнъ, германскій элементъ еще въ равновѣсіи съ латинскимъ, поэтому онъ представляетъ собою одинъ изъ мостовъ, которые переводятъ отъ католицизма къ протестантизму“[4]). Мы уже не разъ въ введеніи встрѣчались съ неосновательными обвиненіями Возрожденія въ паганизмѣ; Фейерлейнъ вноситъ новый, національный стимулъ къ чисто культурному увлеченію родственнымъ міросозерцаніемъ не только римлянъ, но и грековъ, хотя этого стимула

---

[1]) Ibid. p. 209.
[2]) Ibid. p. 210, 212, 214.
[3]) Ibid. p. 218, 219.
[4]) Ibid. p. 224—225.

не видно въ источникахъ. Въ результатѣ вопросъ еще болѣе запутывается, и Петраркѣ приписывается совершенно туманная роль какого-то національнаго посредника между католицизмомъ и реформаціей[1]).

Статья Фейерлейна заканчивается совершенно неожиданнымъ образомъ. „Все то направленіе, говоритъ онъ, которое проложилъ Петрарка въ исторіи духа, заканчивается духовной гастрономіей (Feinschmeckerei); ему закрыто было поле новаго творчества, и народъ, который долженъ былъ ввести въ міръ изученіе древности, могъ удовольствоваться одною репродукціей“[2]). Это уже не поправка къ Фогту, а рѣшителеный прыжокъ назадъ, за предѣлы XVIII вѣка, въ тѣ эпохи, когда еще совсѣмъ не понимали историческаго значенія Возрожденія.

Нѣсколько позже издалъ Дзумбини свои интересные этюды о первомъ гуманистѣ, которые служатъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ сторонъ его воззрѣній[3]). Первый изъ этихъ этюдовъ посвященъ „чувству природы“ у Петрарки. Дзумбини разсматриваетъ проявленіе его любви къ природѣ, въ соединеніи съ патріотизмомъ, съ любовью къ Лаурѣ и въ чистомъ видѣ и одновременно съ анализомъ пытается выяснить ея отличительныя черты сравнительно съ древностью и современностью. Самая удачная сторона этого очерка — тщательный разборъ съ литературно-психологической точки зрѣнія тѣхъ мѣстъ изъ сочиненій Петрарки, гдѣ онъ говоритъ о природѣ. Сравненіе ихъ съ новыми поэтами и, что особенно жаль, съ древними не проведено систематически, хотя иногда[4]) Дзумбини отмѣчаетъ особенности Петрарки, которыя указываютъ на то, что древность и въ этихъ случаяхъ, какъ во многихъ другихъ, только соотвѣтствовала настроенію, а не создавала его. Кромѣ того, Дзумбини, подобно Гейгеру, совсѣмъ не касается вопроса о томъ, какое мѣсто занимала природа въ философскомъ міросозерцаніи Петрарки.

Второй очеркъ посвященъ латинской поэмѣ Петрарки. Дзумбини ставитъ своей задачей разобрать „Африку“, „какъ документъ историческій и какъ документъ литературный[5])“, и первая часть этого вопроса имѣетъ несомнѣнное значеніе для исторіографіи Ренессанса. Дзумбини видитъ въ „Африкѣ“ проявленіе политическихъ идеаловъ

---

[1]) Политическія воззрѣнія Петрарки Фейерлейнъ излагаетъ очень поверхностно, хотя признаетъ, что единство Италіи было всегдашнимъ его идеаломъ, p. 227—228.

[2]) Ibid. p. 230—231.

[3]) *Studj sul Petrarca di B. Zumbini. Napoli 1878.*

[4]) См. напр , p. 49.

[5]) Studj p. 77.

Петрарки и потому предпосылаетъ ея разбору очеркъ его политическихъ воззрѣній. Его основная точка зрѣнія заключается въ томъ, что „для правильнаго пониманія Петрарки слѣдуетъ отличать тѣ идеи и представленія, которыя оставались у него на всю жизнь, отъ тѣхъ, которыя видоизмѣнялись сообразно съ перемѣною событій, отличать также его истинный идеалъ отъ другихъ политическихъ цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ, сообразуясь съ общественными условіями, съ исторической необходимостью своего времени. Для этого нужно прослѣдить жизнь поэта въ ея различные періоды и изслѣдовать, каковы были въ каждый изъ нихъ его стремленія и надежды[1]“). Съ методологической стороны этотъ пріемъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и такая постановка вопроса, несмотря на всю простоту, совершенно новая въ литературѣ о Петраркѣ, составляетъ несомнѣнную заслугу Дзумбини. Но данное имъ рѣшеніе нуждается въ болѣе убѣдительныхъ доказательствахъ. Дзумбини наглядно показываетъ, какъ Петрарка, руководясь идеей господства Рима надъ объединенной Италіей и надъ цѣлымъ міромъ, былъ сначала гиббелиномъ, потомъ съ 1439 года гвельфомъ[2]), затѣмъ сдѣлался партизаномъ Кола ди Ріенцо и, послѣ его паденія Карла IV. Но его утвержденіе, что Петрарка съ этихъ поръ до конца жизни оставался имперіалистомъ, не оправдывается аргументами. По этому вопросу Дзумбини вступаетъ въ полемику съ Д'Анкона, который, относя канцону Italia mia къ 1370 году, утверждаетъ на этомъ основаніи въ одномъ изъ своихъ сочиненій[3]), что Петрарка въ концѣ жизни утратилъ вѣру въ имперію. Дзумбини не согласенъ ни съ датой этого стихотворенія, ни даже съ тѣмъ, что встрѣчающееся въ немъ выраженіе un nome vano senza soggetto относится къ имперіи[4]); но онъ упускаетъ изъ виду, что и въ позднѣйшихъ прозаическихъ произведеніяхъ Петрарки можно найти не мало аналогичныхъ выраженій[5]). Кромѣ того, на это же указываютъ письма Петрарки къ Урбану V, въ которыхъ онъ снова является крайнимъ гвельфомъ и за которыми Дзумбини вслѣдствіе этой ошибки не признаетъ политическаго характера[6]). Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что Дзумбини не оцѣниваетъ съ политиче-

---

1) Ibid. p. 78.
2) Ibid. p. 82 и 84.
3) *Il concetto dell'unità politica nei poeti italiani. Pisa 1876.*
4) Studj p. 90—95.
5) См. напр., De Remediis I. 116.
6) Studj p. 96.

ской точки зрѣнія службу Петрарки Висконти, хотя въ другомъ мѣстѣ и допускаетъ въ ней нѣкоторый политическій оттѣнокъ[1]).

Другое положеніе Дзумбини, что Петрарка всегда былъ республиканецъ по теоріи[2]), точно также не выдерживаетъ критики. Приводимыя имъ цитаты ничего не доказываютъ по своей неопредѣленности[3]); въ доказательство этой мысли можно бы было привести и болѣе рѣзкія выраженія[4]), на ряду съ которыми однако можно поставить не менѣе рѣзко выраженный монархизмъ[5]), такъ что въ цѣломъ возможно одно только заключеніе, что Петрарка никакой политической формѣ не придавалъ абсолютнаго значенія.

Это введеніе, очень интересное само по себѣ, не стоитъ въ непосредственной связи съ «Африкой», которая мало прибавляетъ къ политическимъ взглядамъ Петрарки. Дзумбини вѣрно замѣчаетъ, что въ ней съ особенной рельефностью проявилась любовь Петрарки къ античному Риму и что выборъ эпохи для поэмы вполнѣ соотвѣтствовалъ патріотическимъ стремленіямъ автора: конецъ 2-й Пунической войны не только освободилъ Италію отъ чужеземцевъ, но

---

1) Ibid. p. 108. Пр. 4.

2) Ibid. p. 105 и 109.

3) Дзумбини приводитъ четыре наиболѣе важныхъ для него мѣста: 1) Epist. famil. III, 8, гдѣ онъ находитъ мысль, che la rovina di Roma antica e poi dell' Italia nei secoli posteriori, fino a quello stesso in cui egli vivea, fosse venuta dal prevaler di Cesare a Pompeo (p. 105). Но это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Петрарка убѣждаетъ Колонну вполнѣ воспользоваться побѣдою надъ Орсини и въ доказательство приводитъ бѣдствія, происшедшія отъ того, что Помпей при Дирраxіумѣ Julium Caesarem prope captum dum retinere posset abire permisit. Дѣло идетъ слѣдовательно о стратегической ошибкѣ Помпея, а не о побѣдѣ Цезаря, и въ числѣ ея бѣдственныхъ послѣдствій указано, что victor in Capitolio, quod quatuor triumphis ornaverat, interfectus, и все это мѣсто имѣетъ чисто риторическій характеръ и лишено всякой политической мысли. 2) Петрарка не рѣшается назвать руку Кассія преступной (Epist. Senil. VIII, 3) per non definire con una sola parola la dubiosa natura di quell'azione и Дзумбини заключаетъ, что Петрарка tenne sempre dalla parte dei republicani antichi (p. 105). Но это письмо представляетъ трактатъ о значеніи Opinio и Fortuna и поступокъ Кассія оцѣненъ не съ политической, а съ этической точки зрѣнія. 3) Изъ De Remediis I, XXXII Дзумбини извлекаетъ come dei venti nella natura, cose di Cesare nella storia, si può far quistione s'era meglio o no ch'ei fosse stato al mondo (p. 105). Мнѣ не удалось найти въ данномъ мѣстѣ трактата такихъ выраженій, которыя оправдывали бы такой выводъ. 4) Изъ Epist famil. III, 7. Дзумбини приводитъ (p. 107): quamvis non sim nescius, quanto plus sub multorum, quam sub unius imperio Romana res creverit и выпускаетъ слѣдующее продолженіе этой фразы: multis tamen et magnis viris visum scio felicissimum rei publicae statum esse sub uno eodemque justo principe.

4) См. Ep. var. XLVIII. De Remediis II, 78, I, 85. De Vita solit. Op. 271.

5) См. выше: анализъ De Remediis и De Sapientia.

и положилъ начало ея внѣшнему могуществу[1]). Этимъ и исчерпывается значеніе поэмы, какъ источника для политическихъ воззрѣній Петрарки. Менѣе интереса представляетъ вторая половина очерка, гдѣ Африка разсматривается съ точки зрѣнія литературной. Мысль Дзумбини, что поэма въ цѣломъ представляетъ собою изложеніе въ гекзаметрѣ историческихъ фактовъ и что творчество обнаруживается въ изображеніи характеровъ, въ деталяхъ, въ сравненіи и въ лирическихъ мѣстахъ[2]), эта мысль не разъ встрѣчается въ литературѣ о Петраркѣ. Только заключительный параграфъ, гдѣ изображенъ характеръ внутренней борьбы Петрарки, принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ мѣстъ среди всѣхъ біографій поэта, а ссылка на эклогу Parthenias, какъ на поэтическое изображеніе этой борьбы, несомнѣнная заслуга Дзумбини[3]).

Послѣдній очеркъ (L'impero) стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ предшествующимъ, хотя формально и составляетъ его продолженіе. Дзумбини посвящаетъ его разбору одного стиха въ канцонѣ Italia mia — Non fare idolo un nome vano senza soggetto. Выше мы видѣли, какъ толкуютъ это мѣсто различные комментаторы Петрарки[4]). Дзумбини пытается доказать, что Петрарка всегда былъ сторонникомъ имперіи и до появленія Карла IV въ Италіи и послѣ его удаленія[5]). Доказательства эти, какъ и слѣдовало ожидать, лишены убѣдительности. При отсутствіи прямыхъ аргументовъ, Дзумбини старается найти опору въ такихъ шаткихъ основаніяхъ, какъ семейныя традиціи, любовь къ античной имперіи, письма къ Карлу IV, какъ выраженіе основныхъ воззрѣній Петрарки и постоянное названіе Рима невѣстою двухъ жениховъ и тому подобныя выраженія. Не разъ цитированныя нами мѣста изъ позднѣйшихъ писемъ и трактатовъ Петрарки Дзумбини совершенно игнорируетъ, а на одно изъ нихъ ссылается, какъ на доказательство своего мнѣнія, хотя оно подтверждаетъ какъ разъ обратное. „Кто хочетъ доказательства болѣе прямого и болѣе вѣрнаго, говоритъ онъ, пусть прочтетъ письмо“, которое Петрарка послалъ Урбану V и въ которомъ онъ прямо говоритъ, что папѣ принадлежитъ и духовная, и свѣтская власть[6]). Приведя

---

1) Studj p. 112.
2) Ibid. p. 130, 143 и слѣд.
3) Ibid. p. 165—167.
4) См. выше р. 277 и 278.
5) Studj p. 180.
6) Sub te est utrumque imperium. Var. 3. Дзумбини цитируетъ только начало этого письма Ad motum sponti astra moventur etc.

цитату изъ этого письма, Дзумбини замѣчаетъ: „такъ говорилъ Петрарка папѣ въ 1370 году; но кто не пойметъ, что, если бы онъ обращался къ императору, то говорилъ бы тѣмъ же самымъ языкомъ[1]"). Таково прямое доказательство. Опираясь на выводы, основанные на такихъ аргументахъ, Дзумбини во второй части своего очерка старается доказать, что подъ „баварскимъ обманомъ" и подъ безсодержательнымъ звукомъ слѣдуетъ разумѣть репутацію воинственности, которой пользовались нѣмецкіе наемники, и что Петрарка, наоборотъ, въ имперіи видѣлъ единственное средство избавленія отъ наемныхъ шаекъ[2]).

Гораздо болѣе интереса представляетъ третья часть очерка, гдѣ Дзумбини проводитъ параллель между Данте и Петраркой, какъ политиками. Между ихъ политическими воззрѣніями и стремленіями онъ находитъ много общаго. Петрарка, какъ и Данте, въ основу своихъ политическихъ построеній полагаетъ три силы: имперію, папство и римскій народъ и пользуется такой же аргументаціей въ защиту необходимости всемірной монархіи (единство на небѣ) и въ доказательство высокаго достоинства римскаго народа (предъизбраніе Божіе и рожденіе Христа), какъ и авторъ Монархіи[3]). Дзумбини полагаетъ далѣе, что Петрарка, подобно Данте, „считалъ возможнымъ возстановленіе величія Италіи только силою того античнаго учрежденія, которое сдѣлало Римъ властителемъ міра[4]"), для чего нельзя найти подтвержденія въ источникахъ. Наоборотъ, Петрарка твердо держался того убѣжденія, что возстановленіе Италіи зависитъ отъ личныхъ добродѣтелей вождя народа, будетъ ли то неаполитанскій король, популярный нотаріусъ или императоръ. Нельзя также вполнѣ согла-

---

1) Studj p. 209—210.

2) Для образца аргументаціи въ этомъ очеркѣ достаточно привести одну цитату. Петрарка въ одномъ письмѣ (Epist. famil. XXIII, 1) риторически обращается къ разнымъ героямъ древности съ мольбою о спасеніи отъ наемниковъ и говоритъ между прочимъ. Volebam te orare suppliciter, o vir ingens, quem nominare non audeo, ut nobis dexteram dares, quod et posse videaris, et quam maxime tuum erat: sed, ut video, prorsus obsurduisti. Itaque postquam nulli hominum loqui juvat, ad te ultima et maxima spes mortalium preces verto и обращается съ молитвой къ Богу. Письмо это относится къ тому времени, когда Петрарка находился въ перепискѣ съ Карломъ IV, на котораго онъ, вѣроятно, и намекаетъ, потому что вѣрилъ въ его *личныя способности*. Дзумбини дѣлаетъ отсюда такой выводъ. Dunque, dacchè l'imperatore non provvedea, non ci restava da sperare che in Cristo: dunque, per salvar l'Italia da quel flagello di mercenari non c'era, quanto a rimedi umani, che l'ajuto dell'imperatore. Studj p. 238.

3) Ibid. p. 251.

4) Ibid. p. 259.

ситься съ Дзумбини, что для Петрарки, какъ и для Данте, „казалось мало умиротворенія и объединенія Италіи“, что они могли помириться только на имперіи и этимъ отличались отъ Макіавелли. „По представленію обоихъ итальянцевъ, говоритъ онъ, отдѣлить Италію отъ Германіи и отнять ее у нѣмецкаго Цезаря, значило то же самое, что разрушить имперію“ [1]). На самомъ же дѣлѣ Петрарка въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ Маккіавелли, чѣмъ къ Данте. Идея всемірнаго владычества Рима улыбалась Петраркѣ только въ минуты увлеченія, и онъ не всегда ставилъ ея осуществленіе въ зависимость отъ „нѣмецкаго цезаря“: при Кола-ди-Ріенцо онъ не думалъ объ императорѣ, хотя мечталъ о всемірномъ господствѣ Рима. Но это были только мечты, наслѣдіе предшествующей эпохи; въ обычное время Петрарка думалъ и работалъ для объединенія Италіи подъ властью національнаго короля, какъ Робертъ или даже, какъ миланскіе Висконти [2]).

Ошибочное представленіе о Петраркѣ, какъ о завзятомъ и послѣдовательномъ гибеллинѣ не мѣшало Дзумбини выяснить отличія его отъ Данте; поэтому ихъ разногласія указаны лучше и вѣрнѣе, чѣмъ сходство. Онъ объясняетъ ихъ тремя причинами: различіемъ эпохъ, историческихъ взглядовъ и философскихъ пріемовъ и воззрѣній. Данте болѣе защищалъ имперію, Петрарка — Римъ, потому что первый имѣлъ въ виду главнымъ образомъ буллу Unam sanctam Бонифація VIII, второй — одичаніе священнаго города вслѣдствіе удаленія папъ въ Авиньёнъ [3]). Впадая далѣе въ противорѣчіе съ самимъ собою, Дзумбини говоритъ, что для Петрарки не былъ необходимъ императоръ, какъ для Данте, что ему достаточно всемірнаго главенРима [4]), что зависѣло „отъ различія философіи исторіи у каждаго изъ нихъ“. Третья причина разногласій подмѣчена у Дзумбини весьма тонко. Данте былъ политическій философъ; его теорія была построена a priori, и исторія служила для него только иллюстраціей;

---

1) Ibid. p. 259—260.

2) Дзумбини считаетъ возможнымъ предполагать, что Петрарка «не придавалъ особаго значенія образованію большихъ итальянскихъ владѣній», какъ lo stato visconteo (p. 260), хотя онъ и служилъ долго и усердно миланскимъ тиранамъ.

3) Studj p. 242—245 и 254.

4) На страницѣ 256 Дзумбини говоритъ, Dante credeva che da Roma, sovrana del mondo, dovesse asser fatto l'imperatore, sovrano alla sua volta anche di Roma... Ma per il Petrarca, questa perfetta e rigorosa unità non era necessaria, o piutosto non era necessario un imperatore perchè la si potesse conseguire: bastava a tale effetto la sovranita di Roma. На страницѣ 259. Tanto per uno, quanto per l'altro, il ristabilimento della grandezza d'Italia non era possibile, se non per virtù di quella antica instituzione, che avea fatto di Roma la signora del mondo.

вслѣдствіе этого его политическіе идеалы не ограничивались Италіей, а касались всего человѣческаго рода. У Петрарки не было связной теоріи: „весь его идеалъ былъ въ исторіи"; „исторія была для него вмѣстѣ исторіей и философіей, въ одно и то-же время и реальностью, и идеаломъ". Заимствуя свои идеалы изъ прошлой дѣйствительности, Петрарка имѣлъ въ виду „Италію, а не весь міръ", и установленіе міровыхъ порядковъ „имѣло для него второстепенное значеніе[1]"). Этотъ взглядъ, совсѣмъ новый въ литературѣ о Петраркѣ, устанавливаетъ настоящую точку зрѣнія на его политическую дѣятельность; но самъ Дзумбини не провелъ ее послѣдовательно въ своей книгѣ.

Обильный матеріалъ, который доставили изданіе неизвѣстныхъ прежде сочиненій Петрарки и обильная литература новыхъ монографическихъ изслѣдованій, былъ переработанъ въ 1788 году мюнстерскимъ профессоромъ романской и англійской филологіи *Густавомъ Кёртингомъ*. Его книга[2]) представляетъ собою самое обстоятельное изъ до сихъ поръ написанныхъ сочиненій о первомъ гуманистѣ, и въ этомъ заключается ея главное достоинство. Кромѣ обширнаго введенія объ источникахъ для біографіи Петрарки, книга распадается на двѣ части, изъ которыхъ въ первой переданы внѣшніе факты его жизни, а во второй характеризованъ его внутренній міръ и изложены съ критической оцѣнкой его сочиненія. Кёртингъ устанавливаетъ въ введеніи вѣрную точку зрѣнія на значеніе Петрарки и на его личность. На первый планъ онъ ставитъ Петрарку-гуманиста; какъ поэтъ, онъ пріобрѣлъ только „второстепенное безсмертіе" и стоитъ ниже Данте и даже Боккаччіо; но „онъ создалъ нѣчто гораздо бóльшее, чѣмъ Данте и Боккаччіо, чѣмъ какой-нибудь другой культурный герой (Geistesheros) древняго и новаго міра: онъ творецъ новой формы культуры, онъ отецъ (Erzeuger) и основатель Ренесанса[3]"). Кёртингъ признаетъ далѣе двойственность въ дѣятельности и сочиненіяхъ Петрарки, которую столь блестяще выставилъ на видъ Фогтъ, и объясняетъ ее, подобно своему предшественнику, положеніемъ перваго гуманиста на границѣ двухъ эпохъ, что усиливалось мягкостію и крайней субъективностью его натуры[4]). Вслѣдствіе этого, біографія Петрарки имѣетъ особенное значеніе для пониманія его литературной дѣятельности, и Кёртингъ ставитъ своей задачей написать такой ком-

---

[1]) Ibid. p. 257, 258.

[2]) *Petrarca's Leben und Werke von Dr. Gustav Körting. Leipzig 1878. (Geschichte der Literatur Italiens im Zeitalter der Renaissance von G. Körting. 1. Band).*

[3]) Petrarca's Leben. p. 2 и 3.

[4]) Ibid. p. 4, 8 и 9. Кёртингъ иногда повторяетъ Фогта, иногда полемизируетъ съ его воззрѣніями, но нигдѣ ни разу не упомянулъ о его книгѣ.

ментарій. „Сообразно плану нашей книги, говоритъ онъ, ея біографическая часть не составляетъ самостоятельной цѣли; она только средство, хотя и весьма важное для пониманія Петрарки[1]"). Только итальянецъ, по его мнѣнію, можетъ написать вполнѣ обстоятельную и критическую біографію; задача иностраннаго изслѣдователя должна сводиться къ изученію его гуманистической дѣятельности, которая выражается главнымъ образомъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. На нихъ Кёртингъ и обращаетъ особенное вниманіе, и въ этомъ заключается второе важное достоинство его книги.

Но несмотря на то, что Кёртингъ называетъ біографическую часть своего сочиненія „эскизомъ", она составляетъ бóльшій отдѣлъ книги[2]). Опираясь на обстоятельное изученіе сочиненій Петрарки и въ особенности его писемъ, а также на цѣнныя примѣчанія Фракассетти, Гортиса и въ соотвѣтствующихъ главахъ на изслѣдованія Ронкини, Ромусси, Мальминьяти и Бароцци[3]), онъ весьма тщательно собралъ почти всѣ свѣдѣнія о жизни Петрарки, иногда даже совсѣмъ ненужныя[4]). Сталкиваясь съ затрудненіями хронологическими или съ недостаточностью и неясностью источниковъ, Кертингъ дѣлаетъ критическія экскурсіи, иногда черезъ чуръ обстоятельныя[5]). Онъ старается далѣе характеризовать личность Петрарки, выяснить вліяніе современныхъ событій на его жизнь, указать мотивы его дѣйствій и объяснить историческое значеніе отдѣльныхъ фактовъ изъ его біографіи, и по временамъ это ему и удается. Такъ, онъ очень живо изображаетъ любовь Петрарки[6]), весьма безпристрастно описываетъ несимпатичныя черты его характера, проявившіяся въ полемикѣ[7]) и мѣтко приписываетъ чумѣ 1348 года важное вліяніе на усиленіе средневѣковыхъ чувствъ и воззрѣній начинавшаго старѣть гуманиста[8]). Мы видѣли далѣе, что мотивы для коронованія и стремленіе къ церковнымъ должностямъ Кёртингомъ оцѣнены и глубже, и справедливѣе, чѣмъ это сдѣлалъ Фогтъ. Въ 1349 году Петрарка составилъ планъ устроить съ нѣсколькими друзьями общежитіе, и Кёртингъ очень вѣрно под-

---

1) Ibid. p. 10.

2) 418 страницъ изъ 717.

3) Но Кёртингъ съ пренебреженіемъ относится къ раннимъ біографамъ Петрарки (p. 37, 38) и совсѣмъ не упоминаетъ при ихъ перечисленіи Bandini, незнакомство съ которымъ нѣсколько повредило обстоятельности его книги.

4) Таковъ, напр. разсказъ о томъ, какъ Петрарка ушибъ себѣ ногу сочиненіями Цицерона. Ibid. p. 3 и 7.

5) См. напр., вопросъ о путешествіяхъ Петрарки p. 125 и слѣд.

6) Ibid. p. 702—6.

7) Ibid. p. 428—30 и 619.

8) Ibid. p. 237—39.

мѣтилъ въ этомъ своеобразное соединеніе средневѣкового монашества съ гуманистическими стремленіями[1]). Но съ особенной тонкостью объясняетъ онъ историческій смыслъ сближенія Петрарки съ Робертомъ Неаполитанскимъ. Какъ извѣстно, передъ коронованіемъ Петрарка добровольно подвергъ себя экзамену стараго Роберта, и король экзаменовалъ поэта и ученаго цѣлыхъ три дня съ полудня и до вечера и потомъ подарилъ ему свою пурпуровую мантію. Въ этомъ фактѣ Кёртингъ совершенно справедливо видитъ рѣзкое проявленіе характерныхъ чертъ новаго времени. Дружба короля съ безроднымъ клирикомъ, могучимъ и благороднымъ только талантомъ и знаніями, указываетъ, что средневѣковыя сословныя преграды пали и что народилась безсословная аристократія ума и таланта. Характеренъ также и королевскій подарокъ. Средневѣковые государи дарили поэтамъ деньги, платье, коней и т. п. и въ этихъ подачкахъ обнаруживалось только пренебреженіе къ поэзіи. Пурпуръ Роберта возвышалъ поэта, выражалъ не награду за удовольствіе, а признаніе важности и высокой цѣны его дѣятельности. Отсюда произошло новое меценатство, которое нашло многочисленныхъ подражателей во всѣхъ легальныхъ и нелегальныхъ государяхъ Ренесанса. И относительно этого послѣдняго факта Кёртингъ дѣлаетъ очень вѣрное замѣчаніе. До наступленія новаго времени государство не принимало на себя заботы о наукѣ и искусствѣ; то и другое находилось подъ вѣдѣніемъ церкви. Новое меценатство послужило первымъ проявленіемъ государственной заботы о духовной культурѣ, первымъ признаніемъ за государствомъ новой и чрезвычайно важной функціи. „Впервые чрезъ это, говоритъ Кёртингъ, честолюбію государя была поставлена достойная и истинно идеальная цѣль, впервые чрезъ это былъ подготовленъ, по крайней мѣрѣ, періодъ просвѣщенія (Gesittung) и гуманности, впервые чрезъ это государь сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть — верховнымъ жрецомъ просвѣщенія, вождемъ въ стремленіи къ высшимъ духовнымъ благамъ человѣчества[2]“).

Еще болѣе интереса представляетъ вторая половина книги, которая начинается выясненіемъ „объема знанія Петрарки“. Кёртингъ признаетъ односторонность въ его знаніяхъ: онъ зналъ только древность, да и то неполно; количественно его знакомство съ латинской литературой немногимъ разнилось отъ знаній средневѣковыхъ ученыхъ, но качественно оно стояло на недосягаемой для его предшественниковъ высотѣ. Кёртингъ превосходно выясняетъ эту разницу:

[1]) Ibid. p. 244.
[2]) Ibid. p. 167—170.

въ средніе вѣка знали классиковъ отрывочно, систематично ихъ не изучали и пренебрегали или даже враждебно относились къ ихъ содержанію. Для схоластики латинская литература представляла собою безсвязный складъ изреченій и анекдотовъ, которыми пользовались для внѣшняго украшенія ученыхъ работъ и которые часто наряжали въ средневѣковой костюмъ. Петрарка впервые сталъ изучать древность ради нея самой, стремился понять людей и событія, каковы они были на самомъ дѣлѣ, съ любовью и уваженіемъ старался усвоить себѣ ихъ идеи, разгадать настроеніе — и въ этомъ его главная заслуга. „Петрарка — не самый ученый гуманистъ, — послѣ него были несравненно болѣе ученые, — тѣмъ не менѣе онъ былъ не только первый, но и величайшій изъ гуманистовъ, потому что онъ разрѣшилъ труднѣйшую задачу гуманизма: разбить оковы средневѣковаго мышленія; онъ впервые создалъ атмосферу, въ которой только и могли вызрѣть плоды гуманистическаго духовнаго развитія“[1]). Установивъ эту общую точку зрѣнія, Кёртингъ подробно разсматриваетъ, какъ и кого изъ древнихъ авторовъ зналъ Петрарка, какъ относился онъ къ христіанскимъ писателямъ и средневѣковой литературѣ и какъ смотрѣлъ на средневѣковую науку и искусство. Эта глава вмѣстѣ съ другою, болѣе слабой — „Литературная дѣятельность Петрарки“ — служитъ введеніемъ къ изложенію его сочиненій, которое Кёртингъ начинаетъ съ философскихъ трактатовъ. Выше мы разсмотрѣли его оцѣнку сочиненій Петрарки; но независимо отъ нея, эта часть книги имѣетъ значеніе, какъ первая попытка познакомить неспеціалиста съ латинскими произведеніями родоначальника гуманизма. Что касается до самаго изложенія, то въ общемъ оно въ достаточной мѣрѣ обстоятельно[2]) и вполнѣ удовлетворительно. Кёртингъ не довольствуется простымъ пересказамъ текста, но сопрождаетъ его иногда сопоставленіемъ параллельныхъ мѣстъ[3]) и указаніемъ источниковъ, къ сожалѣнію только далеко не всегда[4]). Изложенію поэтическихъ произведеній Петрарки онъ предпосылаетъ очень хорошую характеристику его воззрѣній на поэзію, доказывая, что первый лирикъ новой литературы очень ее любилъ и горячо защищалъ ея право на суще-

[1]) Ibid. p. 471. Для вопроса объ отношеніи къ древности вообще см. p. 462—72.

[2]) Обстоятельнѣе другихъ изложены философскіе трактаты, кромѣ De remediis и въ особенности историческія сочиненія. Вообще 11-я глава, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ, одна изъ лучшихъ въ книгѣ. Слишкомъ коротко изложены эклоги. См. p. 678—79.

[3]) См. напр. p. 548.

[4]) Источники иногда указаны и въ философскихъ трактатахъ (см. напр. p. 576 и passim), но мимоходомъ. Вполнѣ послѣдовательно держится Кёртингъ этого правила только при изложеніи Африки. p. 657 и слѣд.

ствованіе, но цѣнилъ въ ней главнымъ образомъ аллегорію и отрицалъ драму, какъ безнравственное искусство[1]). Сообразно своему воззрѣнію на Петрарку, Кёртингъ посвящаетъ только одну коротенькую главу его итальянской поэзіи. Кромѣ того, онъ далеко не безусловный поклонникъ Canzoniere: отдавая должное тѣмъ стихотвореніямъ, гдѣ Петрарка вполнѣ естественъ, онъ находитъ между ними много шаблонныхъ, манерныхъ и гораздо выше ставитъ тѣ изъ нихъ, которые написаны на смерть Лауры, потому что они кажутся ему болѣе искренними[2]). Поэтому, большая часть главы занята характеристикой отношеній Петрарки къ Лаурѣ по его собственнымъ указаніямъ, при чемъ Кёртингъ раздѣляетъ воззрѣніе на ея личность Де-Сада[3]).

Послѣдняя біографія Петрарки по мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній, а главнымъ образомъ по фактической полнотѣ и обстоятельности, несомнѣнно превосходитъ всю предшествующую литературу этого вопроса и составляетъ важное, даже необходимое пособіе для его дальнѣйшаго изученія. Но исчерпывающей предметъ книгой она не можетъ быть названа, потому что оставляетъ весьма существенные пробѣлы по многимъ и весьма важнымъ пунктамъ. Во-первыхъ, Кёртингъ отмѣчая культурно-историческую важность отдѣльныхъ сторонъ настроенія Петрарки, почти совершенно игнорируетъ огромное значеніе его послѣдовательныхъ перемѣнъ. Далѣе, признавая крайнюю впечатлительность натуры Петрарки, Кёртингъ не слѣдитъ систематически за связью между внѣшними событіями его жизни и настроеніемъ. Такъ, холодное отношеніе Петрарки къ своей семьѣ въ дѣтствѣ и ранней молодости[4]) совсѣмъ не оцѣнено для его настроенія и воззрѣній, и то же самое можно сказать вообще о событіяхъ за этотъ періодъ его жизни. Его пребываніе въ Авиньёнѣ съ этой точки зрѣнія оцѣнено весьма односторонне: Кёртингъ указываетъ вліяніе жизни въ бойкомъ центрѣ разнородныхъ интересовъ и разнообразныхъ отношеній на разносторонность міросозерцанія Петрарки, но не отмѣчаетъ слѣдовъ знакомства съ куріей на его отношеніи къ папству, хотя они обнаруживаются въ каждомъ изъ „писемъ безъ адреса“. Самое настроеніе Петрарки и его отдѣльные поступки объяснены далеко не всегда убѣдительно[5]). Такъ

1) Ibid. p. 650—54.

2) Ibid. p. 707—710.

3) Ibid. p. 688 и слѣд.

4) Ibid. p. 45 и 54.

5) Кёртингъ отыскиваетъ иногда черезчуръ старательно въ поступкахъ Петрарки указаніе на его настроеніе. Такъ, на цѣлыхъ 10 страницахъ (p. 119—128) онъ пытается доказать, что въ 1337 году Петрарка вернулся изъ Рима въ Авиньонъ черезъ Барцелону, Пиренеи и Lombez, а не плылъ по Гибралтару и Ламаншу, какъ

Кёртингъ сильно преувеличиваетъ меланхолію (acedia) Петрарки, считая ее „нехристіанскимъ пессимизмомъ, который доходитъ даже до нигилизма[1]). Кромѣ того, главною причиной принятія имъ духовнаго сана онъ считаетъ экономическія соображенія и не приводитъ для этого никакихъ доказательствъ[2]), хотя самъ же постоянно настаиваетъ на его крайнемъ благочестіи. То же самое можно сказать относительно самыхъ важныхъ событій въ жизни Петрарки, какъ напр., причины его уединенія въ Воклюзѣ. Кёртингъ сводитъ ихъ главнымъ образомъ къ чисто внѣшнимъ и случайнымъ фактамъ — неудобства Авиньёна, нежеланіе встрѣчаться съ Лаурой, рожденіе ребенка и т. п.[3]). Эти недостатки вытекаютъ главнымъ образомъ изъ самаго метода книги. Кёртингъ почти совершенно игнорируетъ вліяніе теоретическаго міросозерцанія на поступки Петрарки. Это сказалось уже въ оцѣнкѣ источниковъ, такъ какъ латинскимъ трактатамъ онъ отводитъ третьестепенное мѣсто для біографіи[4]). Но особенно это чувствуется въ самой біографіи. Внутренній разладъ въ душѣ Петрарки, который Кёртингъ констатируетъ еще въ 1333 году, является совершенно неожиданнымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ, кромѣ общей фразы, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ и признаетъ, что причину этого явленія слѣдуетъ искать въ отношеніи Петрарки къ религіи и философіи[5]). Мы видѣли, что, имѣя въ виду обвиненіе Фогта, Кёртингъ вѣрно объяснилъ отношеніе Петрарки къ Колоннамъ, принявъ во вниманіе его политическія воззрѣнія. Но онъ совершенно оставляетъ эту точку зрѣнія при объясненіи его отношеній къ тираннамъ и заставляетъ Петрарку видѣть въ Аццо-ди-Корреджіо Брута и любоваться ловкостью Джіованни Висконти, забывши о его порокахъ и преступленіяхъ[6]). Другой

думаютъ нѣкоторые. Читателю можетъ показаться, говоритъ онъ, что этотъ вопросъ не заслуживаетъ такого вниманія; но Петрарка лѣчился этимъ путешествіемъ отъ любви; поэтому, при прежнемъ взглядѣ пришлось бы признать въ немъ сантиментальность, такъ какъ онъ лѣчился безцѣльнымъ странствованіемъ. Доказательство Кёртинга должно убѣдить читателя, что Петрарка ѣхалъ въ Lombez, гдѣ у него былъ канонинатъ; слѣдовательно, имѣлъ практическую цѣль для путешествія и подъ вліяніемъ любви выбралъ только болѣе длинную дорогу: «у него была, конечно, меланхолія, но онъ не зналъ сплина». (p. 128).

[1]) Ibid. 559.

[2]) Онъ опирается на весьма мало убѣдительныя въ этомъ случаѣ показанія старыхъ біографовъ: Доменико Аретино и Манетти, p. 75.

[3]) Ibid. p. 129—130; 142—45.

[4]) Ibid. p. 33.

[5]) Es rangen in ihm der mittelalterliche und der moderne Mensch (p. 92). Ср. p. 410—12.

[6]) Ibid. 188—89 и 295—97.

методологическій промахъ Кёртинга заключается въ недостаточно критическомъ отношеніи къ источникамъ. Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „біографія Петрарки въ существенныхъ чертахъ можетъ и должна быть разсказана на основаніи его собственныхъ показаній“; но, забывая о крайней субъективности и неискренности Петрарки, которую самъ же отмѣчаетъ[1]), онъ прибавляетъ, что его біографъ, „вправѣ вообще отказаться отъ другого матеріала“[2]). Это излишнее довѣріе къ автобіографическимъ показаніямъ повлекло за собою преувеличенное представленіе объ основательности знаній Петрарки и о необыкновенной тщательности его литературныхъ работъ[3]), что стоитъ въ противорѣчіи съ оцѣнкою самимъ же Кёртингомъ отдѣльныхъ его сочиненій.

Столь же многаго оставляетъ желать и другая важная сторона въ біографіи Петрарки — его умственный кругозоръ. Въ книгѣ Кёртинга нѣтъ не только исторіи воззрѣній Петрарки, но и систематическаго изображенія его міросозерцанія. Его противорѣчія, столь замѣтныя почти во всѣхъ трактатахъ и письмахъ, не только не объобъяснены, но далеко не всегда и отмѣчены; также мало выяснена и связь его идей съ окружающей внѣшней обстановкой и съ внутренней жизнью. Наконецъ, трудно согласиться съ изображеніемъ и объясненіемъ отдѣльныхъ взглядовъ Петрарки. Кёртингъ почти мимоходомъ касается вопроса о его отношеніи къ религіи и философіи, одного изъ самыхъ существенныхъ въ исторіи Ренессанса[4]), и рѣшаетъ его крайне поверхностно и далеко неудовлетворительно. Петрарка не разъ заявляетъ о своей любви къ философіи и не скрываетъ своего отвращенія къ метафизическимъ вопросамъ, все равно, обсуждаются ли они схоластиками или древними. Суть дѣла заключается для него въ морали, съ которой сводитъ онъ и философію и богословіе, и съ этой точки зрѣнія онъ вполнѣ послѣдователенъ[5]). Кёртингъ смотритъ на это иначе. По его мнѣнію, Петрарка — дилетантъ въ философіи и въ этомъ отношеніи „онъ не только не могъ освободиться отъ оковъ связаннаго средневѣкового мышленія, но держался его съ извѣстной преднамѣренностью и старательностью“. Пет-

---

1) Ibid. p. 205, 406—407.

2) Ibid. p. 37.

3) Ibid. p. 515, 518—21.

4) Изъ 700 страницъ онъ посвящаетъ ему только 7 (407—12 и 506—7), включая сюда обширныя выписки.

5) См. De sui ipsius et multorum ignorantia. Op. p. 1038, 1048, 1052 и passim. Также очень характерный въ этомъ отношеніи трактатъ De vera sapientia и весьма важное письмо къ брату (Epist. famil. XVII, 1).

рарку, враждебнаго средневѣковой схоластической богословіи, требующаго простоты и непосредственности въ отношеніи къ религіи, можно признать философомъ стараго направленія только въ томъ случаѣ, если главными его выразителями считать мистиковъ, въ которыхъ видятъ обыкновенно предшественниковъ реформаціи. Невѣрный взглядъ на Петрарку-философа Кёртингъ доказываетъ мало убѣдительными соображеніями. „Онъ былъ лирическимъ поэтомъ и въ своемъ мышленіи; поэтому философскія абстракціи были постольку ему симпатичны, поскольку они обладали идеальнымъ содержаніемъ (von einem idealen Inhalte erfüllt waren), какъ Платоновы идеи, и были ему ненавистны, если представлялись въ формѣ сухихъ логическихъ формулъ". Кёртингъ не подтверждаетъ этого тезиса ни одной ссылкой на сочиненія Петрарки, между тѣмъ какъ рядомъ цитатъ можно доказать, что Платонъ, какъ философъ, не имѣлъ особой цѣны въ глазахъ перваго гуманиста[1]), который сурово порицалъ его за политическіе идеалы[2]) и, если ставилъ его выше Аристотеля, то главнымъ образомъ потому, что считалъ его ученіе болѣе родственнымъ и близкимъ христіанству[3]). Съ другой стороны, Петрарка не игнорировалъ философскихъ абстракцій, если онѣ имѣли отношеніе къ интересовавшей его этикѣ, и съ этой точки зрѣнія интересовался нетолько Аристотелемъ, но и Плотиномъ[4]). Далѣе, отсутствіе интереса у Петрарки къ философіи, правильнѣе къ метафизикѣ, Кёртингъ объясняетъ его незнакомствомъ съ греческой литературой. Съ этимъ точно также едвали можно согласиться: въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка появились переводы Аристотеля и Платона, сдѣланные отцомъ и сыномъ Дечембріо, а главнымъ образомъ Леонардо Бруни; но интересъ къ метафизикѣ появляется только въ концѣ XV вѣка. Причина заключалась гораздо глубже, въ самомъ направленіи мысли первыхъ гуманистовъ, которые гораздо болѣе были заинтересованы внутреннимъ міромъ человѣка, чѣмъ теоретическими вопросами о происхожденіи и сущности внѣшнихъ вещей. Философское міросозерцаніе Петрарки Кёртингъ называетъ „туманнымъ, неяснымъ, расплывающимся", но эти эпитеты гораздо больше относятся къ его изложенію, чѣмъ къ мысли перваго гуманиста.

Что касается до религіозныхъ и моральныхъ воззрѣній Петрарки, то ихъ систематическаго изложенія совсѣмъ нѣтъ въ біографіи точно

---

1) De ignorantia, p. 1044 и 1055.
2) De remediis, p. 63 и 64.
3) De ignorantia, p. 1052—53.
4) Ibid. p. 1051 и De vita solitaria, p. 236.

такъ же какъ и его взглядовъ на человѣческую природу, на науку и на жизнь вообще. Нѣсколько подробнѣе останавливается Кертингъ на его отношеніи къ политикѣ. Петрарка, по его мнѣнію, совершенный идеалистъ, который „самымъ грубымъ образомъ не понималъ реальныхъ отношеній и, вполнѣ ихъ игнорируя, предавался самымъ запутаннымъ мечтаніямъ политической фантазіи“[1]). Его одновременное приглашеніе въ Римъ и папы и императора показываетъ, по мнѣнію Кёртинга, что онъ „запутался среди безысходныхъ противорѣчій въ своихъ собственныхъ теоріяхъ[2]“). Кёртингъ признаетъ однако, что Петрарка былъ монархистъ и въ этомъ отношеніи нѣтъ „основной разницы“ между нимъ и Данте. Этотъ универсальный монархизмъ, раздѣляемый и позднѣйшими гуманистами, онъ объясняетъ вліяніемъ римской литературы Августовой эпохи, смутъ и неурядицъ современной дѣйствительности и неудобствомъ республиканской формы для развитія индивидуализма[3]). Но сочиненія Петрарки обнаруживаютъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ гораздо больше и теоретической послѣдовательности, и практическаго здравомыслія. Въ предшествующей литературѣ онъ встрѣчалъ самые разнообразные политическіе идеалы — и республиканское народовластіе, и всемірную монархію римскихъ императоровъ, и средневѣковое двоевластіе, и мы не можемъ указать въ данномъ случаѣ рѣшающаго литературнаго вліянія. Выборъ теоріи подсказывался дѣйствительностью[4]). Петрарка одинаково ненавидѣлъ и хищныхъ бароновъ, и необузданную толпу[5]) и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ является жаркимъ поклонникомъ порядка, какая бы политическая форма его ни осуществляла. Поэтому онъ защищаетъ Кола-ди-Ріенцо, служитъ тиранамъ и Венеціанской республикѣ. Прогрессивной политической формой въ эту эпоху въ сѣверной Европѣ была монархія, и въ Италіи городскія республики или уже пали, или переживали тѣ смуты и неурядицы, которыя характеризируютъ всякую политическую форму наканунѣ ея паденія, и Петрарка въ теоріи и на практикѣ становится рѣшительнымъ монархистомъ. Эту тенденцію усиливалъ индивидуализмъ, но совсѣмъ по другимъ соображеніямъ, чѣмъ думаетъ Кёртингъ. Мысль о несовмѣстимости индивидуальнаго развитія съ республиканской формой,

---

1) Petrarca's Leben, p. 315.
2) Ibid. p. 321.
3) Ibid. p. 316—18.
4) См. сравненіе средневѣковой имперіи съ древней. De vita solit. II, 4. 4, а также Epist. fam. XXII, 14.
5) Epist. senil. II, 1.

недоказательная сама по себѣ[1]), была совершенно чужда гуманистамъ; но они вѣрили въ безграничное могущество личности при установленіи политическихъ порядковъ. Отсюда объясняется видимое противорѣчіе Петрарки, который называлъ современную имперію „пустымъ именемъ" и возлагалъ надежды на Карла IV, презиралъ толпу и вѣрилъ въ ея трибуна, громилъ куріи и ожидалъ спасенія Рима отъ папы. Въ этомъ же заключается объясненіе и другого болѣе глубокаго противорѣчія. Петрарка — моралистъ по преимуществу и держится этой точки зрѣнія въ своихъ политическихъ трактатахъ[2]); но въ дѣйствительности онъ служитъ безнравственному тирану и не только за страхъ (внѣшней необходимости у него не было никакой), но и за совѣсть. Чувство патріотизма и любовь къ порядку побуждали дать диспенсацію отъ морали тому, который казался способнымъ устранить политическія бѣдствія. Рѣчи Петрарки въ интересахъ тирановъ были предшественницами трактата Макіавелли, хотя Кёртингъ и находитъ широкую пропасть между обоими мыслителями[3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что преувеличеніе вліянія личности на политическій строй — крупный недостатокъ политическихъ теорій Петрарки, но эта ошибка тѣмъ извинительнѣе для гуманиста XIV вѣка, что его біографъ считаетъ возможнымъ въ концѣ XIX столѣтія такое разсужденіе. „Совсѣмъ по другому — лучше ли, этотъ вопросъ можно оставить нерѣшеннымъ — сложился бы ходъ всемірной исторіи, если бы на тронѣ Германіи вмѣста Карла IV сидѣлъ государь, болѣе заинтересованный гуманизмомъ и вмѣсто Карла V болѣе одушевленный реформаціей. Вѣроятно, въ обоихъ случаяхъ была бы основана всемірная монархія"[4]).

Вслѣдствіе этихъ пробѣловъ біографія Кёртинга не даетъ ни систематически изложеннаго міросозерцанія Петрарки, ни цѣльнаго образа его личности. Въ силу этого не вполнѣ удалось автору выяснить и историческое значеніе перваго гуманиста.

Біографія Петрарки должна между прочимъ выяснить причины, сдѣлавшія его гуманистомъ. Этотъ вопросъ имѣетъ огромную важность для объясненія цѣлаго движенія, созданнаго главнымъ образомъ, если не исключительно, индивидуальными потребностями. Но Кёртингъ не

---

[1]) Паденіе съ развитіемъ индивидуализма античныхъ республикъ, на которое ссылается Кёртингъ (p. 318), ничего не доказываетъ, потому что при подобномъ индивидуализмѣ невозможна никакая политическая форма.

[2]) De republica optime administranda. Opera p. 372.

[3]) Körting p. 436.

[4]) Ibid. p. 323.

только не даетъ на него отвѣта, но и самый вопросъ объявляетъ „такъ же глупымъ, какъ если бы кто спросилъ, почему Шекспиръ сдѣлался великимъ драматургомъ или Гёте сталъ значительнымъ поэтомъ"). По его мнѣнію, „Петрарка сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, потому что онъ долженъ былъ сдѣлаться именно этимъ, потому что онъ былъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, которое желало совершить чрезъ него культурный переворотъ". Мало того, Петрарка былъ „орудіемъ сопротивляющимся" и сдѣлался родоначальникомъ гуманизма противъ своей воли. „Если бы онъ могъ слѣдовать своимъ личнымъ наклонностямъ, думаетъ Кёртингъ, то онъ охотно остался бы вполнѣ на почвѣ средневѣкового мышленія и чувствованія"[1]). Такая точка зрѣнія естественно вела къ игнорированью среды и къ переоцѣнкѣ личности. Но, противорѣча нѣсколько основному положенію, Кёртингъ допускаетъ, что у Петрарки были сотрудники[2]) и даетъ свѣдѣнія о его друзьяхъ. Правда, эти свѣдѣнія очень скудны, но вина за это лежитъ не на авторѣ: онъ тщательно собралъ все, что находится въ сочиненіяхъ Петрарки и въ примѣчаніяхъ Фракассетти; болѣе печатныхъ матеріаловъ нѣтъ да и рукописные еще подлежатъ открытію. Отчасти этимъ объясняются многочисленныя преувеличенія въ оцѣнкѣ Петрарки. Такъ, этотъ недостатокъ съ особенной рельефностью проявляется въ вопросѣ о путешествіяхъ Петрарки и его отношеніи къ ландшафту. Не подлежитъ сомнѣнію, что любовь къ странствіямъ изъ желанія видѣть новое и полюбоваться невиданнымъ сильно развилась въ эпоху гуманизма по причинамъ, понятнымъ a priori и не разъ выясненнымъ литературой. Но никоимъ образомъ нельзя назвать виновникомъ этого настроенія Петрарку. Возвращаясь въ старческихъ письмахъ къ воспоминаніямъ юности, первый гуманистъ самъ разсказываетъ, какъ однажды въ ранней молодости онъ принималъ участіе въ далекой прогулкѣ, предпринятой его отцомъ и дядей его товарища съ исключительной цѣлью полюбоваться красотою пейзажа[3]). Кёртингъ самъ приводитъ этотъ разсказъ[4]), тѣмъ не менѣе онъ не только считаетъ Петрарку „первымъ новымъ человѣкомъ въ этомъ

---

1) Ibid. p. 538 и 539. Можетъ быть, эта точка зрѣнія навѣяна слѣдующими нѣсколько неопредѣленными словами Фогта: Was die Bedeutung des Genius in der Weltgeschichte ist und dass er wirklich mehr wie eine singuläre Wundererscheinung als wie ein aus nachweisbaren Factoren gewordenes Product zu betrachten ist, wird an seiner (Petrarca's) Gestalt auf das Ueberraschendste klar (Die Wiederbelebung. 1859 p. 12).

2) Körting, p. 5.

3) Epist. senil. X, 2.

4) Petrarca's Leben, p. 66—67.

отношеніи"[1]), но и называетъ его восхожденіе на Mont Ventoux „дѣлающимъ эпоху фактомъ, котораго одного было бы достаточно, чтобы доставить ему право на почетное названіе перваго новаго человѣка", сравниваетъ эту прогулку съ сожженіемъ папской буллы Лютеромъ и, забывая о приведенномъ разсказѣ, утверждаетъ, что „ни одинъ средневѣковой человѣкъ не совершилъ путешествія, чтобы насладиться красивымъ ландшафтомъ[2]").

Точно также преувеличиваетъ Кёртингъ и значеніе коронованія Петрарки. Можно съ увѣренностью предположить, что на ряду съ другими почестями коронованіе перваго гуманиста содѣйствовало распространенію новаго движенія и возвышало положеніе его представителей; но Кёртингъ совсѣмъ бездоказательно считаетъ его событіемъ, единственнымъ въ анналахъ не только города Рима, но и всего рода человѣческаго: это — „всемірно-историческое событіе въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова". Онъ знаетъ, что подобныя почести оказывались и раньше, и послѣ; но Петрарка получилъ лавры въ Римѣ, который не былъ ни его родиной, ни мѣстожительствомъ и „чрезъ это торжество вышло изъ тѣсныхъ рамокъ мѣстнаго и даже національнаго праздника и получило универсальный характеръ[3]"). Едва ли можно удовлетвориться такимъ аргументомъ для признанія за событіемъ всемірно-исторической важности. Иногда эти преувеличенія влекутъ за собою совершенно удивительные выводы. Кёртингъ держится того взгляда, что „основной характеръ Возрожденія остался римскимъ (а не греческимъ) до сегодняшняго дня"; ниже мы увидимъ, насколько основательна самая постановка такого вопроса, формулированнаго впрочемъ не Кёртингомъ. Но какъ бы то ни было, предлагаемое имъ объясненіе этого факта бросаетъ яркій свѣтъ на его пониманіе всего движенія. „Грекъ Варлаамъ, говоритъ онъ, быстрымъ удаленіемъ изъ Авиньёна лишивши Петрарку возможности болѣе глубокаго изученія эллинскаго языка и образованія, разрушилъ гордое зданіе будущаго и рѣшилъ на столѣтія судьбу народовъ Европы. Малыя причины, великія дѣйствія![4]").

Эти странные выводы естественно вытекаютъ изъ взгляда Кёртинга на Петрарку, котораго онъ считаетъ творцомъ гуманизма въ буквальномъ смыслѣ слова. Вслѣдствіе этого, напр., онъ объясняетъ направленіе философской мысли позднѣйшихъ гуманистовъ примѣромъ

---

1) Ibid. p. 88.
2) Ibid. p. 105, 109, 106.
3) Ibid. p. 174 и 175.
4) Ibid. p. 154.

Петрарки[1]). Особенно характерно проявляется эта точка зрѣнія въ ненужныхъ и анти-научныхъ гипотезахъ, которыя любитъ дѣлать Кёртингъ. Такъ, по его мнѣнію, „Петрарка, одаренный энергіей (Thatkraft) Ріенцо, или Ріенцо, вооруженный обдуманностью Петрарки, совершилъ бы политическое возрожденіе и объединеніе Италіи" — въ этомъ Кёртингъ убѣжденъ и только сомнѣвается, годилась ли бы объединенная Италія для Ренесанса[2]). Точно также онъ предполагаетъ, что если бы Петрарка былъ въ ссорѣ съ Боккаччіо, то презрительный отзывъ перваго о стилѣ послѣдняго „убилъ бы итальянскую прозу въ ея колыбели", и наоборотъ, „сатирическое замѣчаніе" Боккаччіо о стихотвореніяхъ Петрарки „умертвило бы только-что развившійся расцвѣтъ итальянской лирики[3])". Только при такомъ воззрѣніи возможно разсужденіе Кёртинга по поводу неудавшагося намѣренія Петрарки переселиться въ 1362 г. ко двору Карла IV. Петрарку удержала отъ путешествія небезопасность дорогъ, и Кёртингъ видитъ въ этомъ особую „волю неба". Тогда въ Италіи заглохли бы сѣмена Ренесанса; гуманизмъ развился бы при дворѣ императора, но это было бы движеніе искусственное и эфемерное; можетъ быть даже Богемія, а вслѣдъ за ней и Германія овладѣли бы „духовной гегемоніей надъ Западной Европой", но она не пустила бы прочныхъ корней, продолжалась бы короткое время и повлекла бы за собою хаотическое состояніе культуры[4]). Такая точка зрѣнія сдѣлала невозможнымъ для Кёртинга выясненіе третьяго существеннаго вопроса въ біографіи Петрарки — его значенія въ исторіи гуманизма.

X.

Характеръ новѣйшей литературы о Петраркѣ. — Отношеніе къ нему новѣйшихъ историковъ литературы и Ренесанса. — Сэймондсъ, Жебаръ, Геттнеръ, Кёртингъ и Монье. — Оцѣнка значенія Петрарки историками литературы. — Штернъ, Бартоли и Гаспари. — Новѣйшія монографіи. — Итоги біографическихъ изслѣдованій о Петраркѣ.

Книга Кёртинга является послѣдней обширной и полной біографіей Петрарки. Съ конца 70 годовъ и до настоящаго времени на

1) Ibid. p. 412—414.

2) Ibid. p. 229.

3) Ibid. p. 256. Иногда Кёртингъ съ большими подробностями опредѣляетъ возможныя слѣдствія несовершившагося факта. Такъ, если бы Робертъ Неополитанскій въ 1338 году не послалъ Петраркѣ письма, то послѣдній не сдѣлался бы отцомъ Возрожденія, праздно жилъ бы въ Воклюзѣ и написалъ бы только стихотворенія да развѣ еще De vita solitaria и De otio religioso. Ibid. p. 151—152.

4) Ibid. p. 357—59.

первомъ планѣ стоятъ монографическія изслѣдованія; общіе очерки встрѣчаются только въ сочиненіяхъ по исторіи всего гуманистическаго движенія и въ исторіяхъ литературы, какъ всеобщей, такъ и итальянской[1]). Съ точки зрѣнія фактической біографіи очерки эти не имѣютъ важнаго значенія; но они представляютъ большой интересъ по взглядамъ на историческое значеніе Петрарки.

Въ 1877 году появилось сочиненіе *Сэймондса „Возрожденіе науки“*, составляющее II томъ его *„Ренесанса въ Италіи“*. Излагая исторію движенія, Сэймондсъ не только подробно останавливается на Петраркѣ, но и признаетъ за нимъ громадное историческое значеніе. Онъ сравниваетъ пѣвца Лауры съ Колумбомъ, потому что онъ открылъ „новое духовное полушаріе“ — „новую культуру“. Не отвергая вліянія на Петрарку „духовныхъ силъ“, его времени, авторъ утверждаетъ, что безъ его появленія, возрожденіе науки со всѣми его послѣдствіями значительно бы запоздало[2]). Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣятельность Петрарки, Сэймондсъ выставляетъ въ ней на первый планъ индивидуализмъ. Авторъ держится того взгляда, что „сущность гуманизма состоитъ въ новомъ и живомъ представленіи о достоинствѣ человѣка, какъ существа разумнаго, независимо отъ теологическихъ опредѣленій и въ томъ взглядѣ, что въ одной только классической литературѣ человѣческая природа проявляется во всей полнотѣ интеллектуальной и моральной свободы“[3]). Правильная точка зрѣнія на все движеніе освѣтила Сэймондсу и основной характеръ дѣятельности Петрарки. „Петрарка, говоритъ онъ, интуитивно овладѣлъ гуманизмомъ въ этомъ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова. Онъ составлялъ принадлежность его натуры точно такъ же, какъ музыка была въ натурѣ Моцарта, такъ что, казалось, онъ посланъ въ міръ поднять знамя для послѣдующихъ дѣятелей простымъ упражненіемъ своихъ природныхъ способностей“. По словамъ Сэймондса, Петрарка былъ приспособленъ къ выполненію этой задачи „физически и эстетически — тонкостью слуха къ гармоніи словъ и утонченной чувствительностью... У него не было также недостатка въ нравственныхъ свойствахъ, въ дѣятельности и настойчивости — въ необходимомъ дополненіи.

---

1) Главное исключеніе составляетъ *Piumati, La vita e le opere di Fr. Petrarca. Torino 1885;* но и эта книга только «studio preparatorio alla lettura del Canzoniere». Кромѣ того, въ томъ же году появилось анонимное *Abrégé de l'histoire de Pétrarque contenant les principaux traits de sa vie. Vaucluse 1885*, предназначенное для путешественниковъ. Книга *Chevalier, F. Pétrarque, bio-bibliographie. Montbéliard 1880.* мнѣ осталась неизвѣстной.

2) *Symonds, Renaissance in Italy: the Revival of Learning. London 1877*, p. 86—87.

3) Ibid. p. 71—72.

къ этимъ природнымъ дарованіямъ[1]“). Изъ этихъ свойствъ Петрарки, а также изъ его „обширнаго и либеральнаго ума“ выводитъ Сэймондсъ и его любовь къ древности, и ненависть „къ формализму, традиціи, педантству и суевѣрію“[2]). Особое влеченіе Петрарки къ Цицерону и Виргилію онъ объясняетъ „интуиціей“ полусознательнаго индивидуализма. „Какъ художникъ Петрарка различалъ въ ихъ стилѣ гармонію звуковъ и такія особенности выраженія, благодаря которымъ латынь могла нѣкогда вновь сдѣлаться языкомъ тонкихъ мыслей и изящныхъ эмоцій. Какъ піонеръ интеллектуальной независимости, онъ видѣлъ, что, изучая ихъ свободное обсужденіе всѣхъ идей, свойственныхъ уму и воображенію, мыслители новой эпохи могутъ сбросить схоластическія оковы и вступить въ неразрывную связь съ духовной свободой[3]“). Сэймондсъ не ставитъ вопроса о томъ, до какой степени сознательно было такое отношеніе Петрарки къ древности; но сущность его объясненія этого факта совершенно справедлива не только по отношенію къ родоначальнику гуманистовъ, но и къ его послѣдователямъ. Еще тоньше и глубже объясненіе Сэймондса отношенія Петрарки къ поэзіи и реторикѣ, въ которыхъ, по его словамъ, „онъ видѣлъ не изящныя искусства въ литературѣ, но два главныхъ орудія, посредствомъ которыхъ геніальный человѣкъ выражаетъ самого себя, увѣковѣчиваетъ свойства своего духа и налагаетъ свой характеръ на эпоху. Поэтому реализація индивидуума въ высокомъ и могучемъ произведеніи искусства представлялась ему благороднѣйшимъ стремленіемъ человѣка на землѣ... Гекзаметры эпоса и параграфы рѣчи должны заключать въ себѣ серьезную мысль, быть подлиннымъ выраженіемъ души поэта и оратора. Писатель обязанъ быть учителемъ, открывать истины и дѣлать ихъ доступными міру. Его жизнь должна быть въ полной гармоніи со всѣмъ тѣмъ, чему онъ желаетъ учить. Отъ чистоты его энтузіазма, отъ искренности его вдохновенія зависитъ благоденствіе міра, для котораго онъ работаетъ[4]“). Это единственная точка зрѣнія, съ которой можно объяснить аналогичное отношеніе къ реторикѣ и позднѣйшихъ гуманистовъ. Выясненіе этой стороны въ міросозерцаніи Петрарки составляетъ несомнѣнную и крупную заслугу Сэймондса.

Поставивъ въ связь съ индивидуализмомъ стремленіе Петрарки къ славѣ, отмѣтивъ его критицизмъ и искреннее религіозное чувство[5]),

---

1) Ibid. p. 72—73.
2) Ibid. p. 75.
3) Ibid. p. 76.
4) Ibid. p. 76—77.
5) Ibid. p. 80, 79 и 85.

Сэймондсъ опредѣлилъ гуманистическую сторону міросозерцанія пѣвца Лауры съ такою ясностью и рельефностью, какой мы не находимъ ни у одного изъ его предшественниковъ. Тѣмъ не менѣе его характеристика страдаетъ крайнею односторонностью, потому что Сэймондсъ совершенно игнорируетъ тѣсную связь перваго гуманиста съ предшествующей эпохой. Натура Петрарки дѣйствительно обладала большой чувствительностью и реагировала на всѣ явленія окружающаго міра; а въ XIV столѣтіи средніе вѣка еще давали себя чувствовать и отразились на первомъ гуманистѣ. Между тѣмъ Сэймондсъ не видитъ противорѣчія въ его міросозерцаніи. „Петрарка, говоритъ онъ, создалъ себѣ символъ вѣры, соединивши римскій стоицизмъ съ христіанской доктриной, пользуясь, смотря по надобности, евангельскими правилами, ученіемъ отцовъ церкви вмѣстѣ этикой Цицерона и Сенеки“[1]). Авторъ не упомянулъ еще одного элемента въ символѣ Петрарки — церковной доктрины средневѣкового католицизма, который дѣлалъ совершенно невозможнымъ и безъ того трудное соединеніе противоположныхъ ученій. Сэймондсъ не отрицаетъ противорѣчій Петрарки, но видитъ ихъ только въ его дѣятельности и сводитъ ихъ причину къ его тщеславію и эгоизму[2]). Такъ же шаблонно излагаетъ онъ политическую дѣятельность перваго гуманиста, который не умѣлъ, по его словамъ, отличить реальной дѣйствительности отъ своихъ ученыхъ мечтаній и удержаться отъ эгоистическихъ соблазновъ[3]). Въ предшествующей литературѣ мы видѣли болѣе глубокое пониманіе политической стороны дѣятельности Петрарки, такъ что книга Сэймондса не представляетъ интереса въ этомъ отношеніи.

Въ 1879 году вышло два общихъ сочиненія по исторіи гуманизма: одно изъ нихъ принадлежитъ *Жебару*, другое *Геттнеру*, и оба автора отводятъ Петраркѣ видное мѣсто въ своихъ произведеніяхъ. Въ очеркѣ Жебара фигура Петрарки нарисована по довольно неопредѣленному контуру весьма блѣдными красками. „Немного скептизма, немного индифферентизма и много благоразумія — такова основа его характера, и сколько итальянцевъ похоже на него!“[4]) говоритъ Жебаръ. Во всѣхъ отношеніяхъ Петрарки авторъ не видитъ не только рельефности, но даже и опредѣленности. Такъ, по его словамъ, первый гуманистъ исповѣдуетъ „христіанство въ чисто итальянскомъ духѣ (d'un christianisme très-italien), снисходительное и не захватывающее

---

[1]) Ibid. p. 85.
[2]) Ibid. p. 81—82.
[3]) Ibid. p. 82—84.
[4]) *Gebhart, Les origines de la Renaissance en Italie. Paris 1879.* p. 324.

духовной жизни[1]"), съ чѣмъ едва ли можно согласиться, принимая во вниманіе, хотя бы только De contemptu mundi Петрарки. Его отношеніе къ древности Жебаръ изображаетъ то же чисто внѣшнимъ образомъ[2]). Онъ признаетъ реальность любви Петрарки къ Лаурѣ, а въ то же время утверждаетъ, что, „по крайней мѣрѣ, въ началѣ это была страсть литературная, гдѣ довольно замѣтно вліяніе Vita Nuova и трубадуровъ" и что „Данте былъ непосредственнымъ учителемъ Петрарки, который отъ него получилъ вдохновеніе, господствующее въ Rime[3])". Наконецъ, причины вліянія Петрарки формулированы тоже чрезвычайно неопредѣленно. „Геніальный писатель, говоритъ Жебаръ, котораго вкусы направлены на политику и мораль и который соединяетъ разумъ, благородство и иронію—это сила, вліяніе которой простирается на все столѣтіе. Петрарка былъ Вольтеромъ своего времени[4]"). Сравненіе съ Вольтеромъ требуетъ большихъ оговорокъ, а перечисленныя черты вліятельнаго писателя можно приложить далеко не къ одному Петраркѣ.

Очеркъ Геттнера, очень краткій, представляетъ интересъ по нѣкоторымъ общимъ положеніямъ, которыя однако только формулированы, а не доказаны. Подобно Сэймондсу, Геттнеръ видитъ сущность гуманистическаго движенія въ томъ, что оно „порвало съ средневѣковыми преградами и возвратило мысль и чувство людей къ болѣе свободному и болѣе чистому идеалу человѣчества[5]"). Точно также и Геттнеръ видитъ въ Петраркѣ „гордое чувство права и силы своей свободной личности[6]") и сводитъ къ индивидуализму всю его литературную дѣятельность сравнивая его съ Руссо и дѣятелями Sturm und Drang'a; но онъ утверждаетъ, что исторія Петрарки не только „начало новой образованности", но и „переходъ отъ среднихъ вѣковъ въ новое время[7]"), хотя и не отмѣчаетъ слѣдовъ прошлаго въ характерѣ перваго гуманиста. Другая оригинальная мысль Геттнера заключается въ констатированьи неразрывной связи между итальянской

---

[1]) Ibid. p. 323.

[2]) Ibid. p. 320.

[3]) Ibid. p. 309, 310 и слѣд. Для доказательства послѣдняго положенія Жебаръ сопоставляетъ два схожихъ сонета Данте и Петрарки, что ничего не доказываетъ, и ссылается на Epist. sen. V, 2, гдѣ Петрарка называетъ Данте nostri eloquii dux vulgaris, изъ чего также нельзя заключить, что поэзія Canzoniere навѣяна Данте.

[4]) Ibid. p. 326.

[5]) *Hettner, Italienische Studien. Zur Geschichte der Renaissance. Braunschweig, 1879.* p. 29.

[6]) Ibid. p. 36.

[7]) Ibid. p. 30

поэзіей и латинской прозой Петрарки. Но эта мысль формулирована афористически. Отмѣчая, что поэтическія и прозаическія произведенія Петрарки разсматриваются обыкновенно внѣ взаимной связи, Геттнеръ говоритъ: „для каждаго, кто составилъ себѣ ясное представленіе о поэтическихъ особенностяхъ Петрарки и Боккаччіо, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ поэтическія цѣли и настроенія относятся къ ихъ гуманистическимъ цѣлямъ и стремленіямъ, какъ причина къ слѣдствію, и что Петрарка и Боккаччіо никогда не сдѣлались бы великими гуманистами, если бы они не были великими поэтами[1]“). Существованіе отмѣченной Геттнеромъ связи не подлежитъ сомнѣнію; но зависимость гуманистическаго значенія Петрарки и Боккаччіо отъ ихъ поэтическаго таланта требуетъ доказательства и едва ли можетъ быть доказана.

Глава, посвященная Петраркѣ въ общемъ сочиненіи *Гейгера* по исторіи Ренесанса[2]), не представляетъ ничего новаго въ оцѣнкѣ перваго гуманиста сравнительно съ раннимъ трудомъ того же автора. *Виллари* также останавливается на Петраркѣ въ общемъ очеркѣ Ренесанса, который составляетъ введеніе къ его монографіи о Макіавелли; но въ основѣ его характеристики лежатъ воззрѣнія Фогта[3]). Въ большинствѣ случаевъ Виллари только иллюстрируетъ эти воззрѣнія перепиской Петрарки; но иногда ихъ исправляетъ и дополняетъ. Такъ, онъ вполнѣ признаетъ реальность любви перваго гуманиста[4]) и приводитъ рядъ весьма интересныхъ примѣровъ наблюдательности Петрарки, которая проявляется въ живомъ изображеніи не только событій, но и лицъ[5]). *Кёртингъ*, составившій самую обстоятельную біографію Петрарки, тѣмъ не менѣе счелъ необходимымъ дополнить ее новымъ очеркомъ въ своемъ общемъ сочиненіи по исторіи гуманизма. Здѣсь онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ опредѣлить „положеніе Петрарки въ своей эпохѣ“ и такимъ образомъ выяснить его историческое значеніе. Выполненіе этой второй задачи предста-

---

1) Ibid.

2) *Geiger, Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin 1882*. (Въ изданіи Onken'а), p. 23 и слѣд.

3) Такъ, слѣдуя Фогту, Виллари видитъ въ политикѣ Петрарки только «непостоянство, чтобы не употребить худшаго выраженія», и, настаивая на формализмѣ Петрарки, относится къ его ученой дѣятельности болѣе рѣзко, чѣмъ нѣмецкій ученый. «Сильно ошибается тотъ, кто пожелаетъ найти въ Петраркѣ усерднаго обновителя науки, говоритъ Виллари. Онъ борется не за принципъ и не за новую методу, а только за изящную форму и за настоящее краснорѣчіе» (Villari, L. c. p. 82 и 84).

4) Ibid. 80—81.

5) Ibid p. 79—80.

вляетъ интересъ по чрезвычайно ясной формулѣ исторической точки зрѣнія на перваго гуманиста въ отличіе отъ литературно-эстетической. „Значеніе Петрарки для своего времени и въ то же время для потомства, говоритъ Кёртингъ, заключается въ томъ, что онъ совершилъ, какъ основатель гуманизма и Ренесанса... Можно смѣло утверждать, что, какъ итальянскій поэтъ, онъ или совсѣмъ не имѣетъ историческаго значенія или обладаетъ имъ въ малой степени[1])“. По мнѣнію Кёртинга, „великаго человѣка одушевляло вѣрное предчувствіе“, когда онъ ожидалъ себѣ безсмертія не отъ Canzoniere. Правда, латинскія произведенія Петрарки теперь позабыты; но „духъ, который вызвалъ ихъ появленіе, живетъ и сохранилъ свою творческую силу до сегодняшняго дня“. Правы были, по его мнѣнію, и современники, раздѣлявшіе взглядъ Петрарки: поэты были раньше пѣвца Лауры; но онъ былъ первымъ гуманистомъ[2]).

Впрочемъ Кёртингъ полагаетъ вмѣстѣ съ Фогтомъ, что Петрарка вліялъ на современниковъ не столько сочиненіями, сколько личностью. Сравнивая Петрарку съ Вольтеромъ, онъ перечисляетъ тѣ факты изъ его біографіи (уединеніе въ Воклюзѣ, коронованіе, любовь къ Лаурѣ etc.), которые должны были возбуждать особый интересъ къ нему со стороны современниковъ, среди которыхъ Петрарка являлся проповѣдникомъ гуманизма. Здѣсь, какъ и въ біографіи, чувствуется преувеличеніе значенія личности Петрарки, которому приписывается буквально *творческая* роль въ гуманистическомъ движеніи[3]). Такая точка зрѣнія обусловливается отчасти недостаточностью тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются о средѣ Петрарки, отчасти общимъ взглядомъ Кёртинга на Возрожденіе. Гуманизмъ порожденъ, по его мнѣнію, любовью къ древности; а Петрарка „все, что узнавалъ о древности, прямо считалъ идеальнымъ и достойнымъ Возрожденія“ и своею дѣятельностью „пріобрѣлъ сердца для изученія классическаго міра, тогда какъ въ Средніе вѣка оно занимало только умы[4]“). Мы видѣли, что поклоненіе античному міру у Петрарки никогда не дохо-

[1]) *Körting, Die Anfänge der Renaissancelitteratur in Italien. Leipzig 1884,* p. 440.

[2]) Ibid. p. 440—441.

[3]) Ibid. p. 427. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что Кёртингъ ставитъ Петрарку выше Вольтера. So ist vor Allem, говоритъ онъ, die weltgeschichtliche Bedeutung beider Männer eine sehr verschiedene, indem Petrarca eine höhere, Voltaire eine geringere zugesprochen werden muss (p. 439). Въ доказательство приводится тотъ фактъ, что Возрожденіе выше эпохи Aufklärung, такъ какъ послѣдняя не захватила поэзіи и искусства, при чемъ мѣсто въ движеніи обоихъ дѣятелей не подвергается обсужденію.

[4]) Ibid. p. 438—39.

дило до такихъ размѣровъ; а съ другой стороны, и самый этотъ интересъ былъ не причиною, а только однимъ изъ проявленій гуманистическаго движенія.

Маркъ Монные, авторъ послѣдняго по времени общаго сочиненія по исторіи Ренесанса, отводитъ Петраркѣ четыре параграфа второй главы своей книги, разсматриваетъ его, какъ гуманиста, какъ политика, какъ пѣвца Лауры и выясняетъ его историческое значеніе. Въ цѣломъ очеркъ не представляетъ ни новыхъ фактовъ, ни новаго ихъ освѣщенія. Лучше всего изложена патріотическая политика Петрарки[1]), но и здѣсь авторъ ограничивается только отношеніемъ перваго гуманиста къ папѣ и императору. Монные сравниваетъ пѣвца Лауры съ Руссо, считаетъ его новымъ человѣкомъ „по манерѣ чувствовать и любить[2]") и приписываетъ большое вліяніе на его гуманистическую дѣятельность неудачной любви[3]). Наибольшій интересъ въ очеркѣ Монные представляетъ мысль, хотя высказанная мимоходомъ, о необходимости хронологически излагать настроеніе и міросозерцаніе перваго гуманиста[4]).

Хотя Кёртингъ и Монные относятъ свои произведенія къ области исторіи литературы[5]), тѣмъ не менѣе оба они разсматриваютъ личность и дѣятельность Петрарки съ чисто исторической точки зрѣнія, чѣмъ существенно отличаются отъ большинства историковъ литературы. Основной пунктъ коренного различія обоихъ направленій, начало которыхъ мы замѣтили еще въ концѣ XV вѣка, опредѣляется въ концѣ XIX столѣтія не столько національной точкой зрѣнія, сколько пониманіемъ *безсмертія* Петрарки. Совершенно естественно, что для историковъ итальянской литературы на первомъ планѣ стоитъ Canzoniere, единственное литературное произведеніе Петрарки, имѣющее абсолютную художественную цѣну. Болѣе того, самое гуманистическое движеніе представляетъ для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку оно оказало вліяніе на національную литературу; а мы выше видѣли, что степень и благотворность этого вліянія въ этой области до сихъ поръ спорный

1) *Marc-Monnier, La Renaissance de Dante a Luther. Paris 1885,* p. 97.

2) Петрарка измѣнилъ, по словамъ автора, par un livre, où il n'a fait que se peindre lui-même, la manière de sentir et d'aimer de ceux qui viendront après lui, C'est par là surtout que Pétrarque est un moderne. Ibid. p. 111.

3) Ibid. p. 103.

4) Ibid. p. 93.

5) Цитированное выше сочиненіе Кёртинга носитъ общее заглавіе: *Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. B. III.* (Два первые тома составляютъ біографіи Петрарки и Боккаччіо). Monnier предпосылаетъ приведенному заглавію другое: *Histoire de la littérature moderne.*

вопросъ и особенно среди національныхъ историковъ. Но историки литературы не ограничиваются точкой зрѣнія, вытекающей изъ ихъ спеціальной задачи изучать художественные памятники въ словѣ. Они ее обобщаютъ, и подъ безсмертіемъ въ данномъ случаѣ разумѣютъ популярность у потомства литературнаго памятника. Петрарка извѣстенъ всѣмъ, какъ пѣвецъ Лауры, и его совсѣмъ не знаетъ публика, какъ автора латинскихъ произведеній; слѣдовательно — Canzoniere главный и даже единственный источникъ его безсмертія. Таковъ общій ходъ разсужденій большинства историковъ литературы, и они были бы совершенно правы, если бы не отождествляли такого безсмертія дѣятеля съ его историческимъ значеніемъ. Но безсмертіе въ смыслѣ извѣстности не всегда совпадаетъ съ исторической заслугой, какъ это показываетъ хотя бы классическій примѣръ Герострата, и если заслуга и извѣстность совпадаютъ въ одномъ лицѣ, какъ въ данномъ случаѣ, то ореолъ безсмертія не долженъ скрывать отъ глазъ изслѣдователя истинныхъ причинъ историческаго значенія знаменитости. Между тѣмъ новѣйшимъ историкамъ литературы, начиная съ Де-Санктиса, далеко не всегда удается избѣжать этого увлеченія. Такъ, *Штернъ* въ упомянутой выше „*Исторіи новой литературы*“ говоритъ: „въ оживленіи цѣлаго ряда наукъ: древностей, исторіи, географіи, въ пробужденіи энергичной критики Петрарка принималъ рѣшительное участіе и оказывалъ сильное вліяніе; тѣмъ не менѣе его главное значеніе для потомства, по нашему убѣжденію, заключается въ его немногихъ итальянскихъ стихотвореніяхъ“[1]). На иной точкѣ зрѣнія стоитъ *Сэймондсъ* въ своей „*Итальянской литературѣ*“. Имѣя въ виду главнымъ образомъ выясненіе сущности Ренесанса во всемъ сочиненіи, одинъ томъ котораго составляетъ исторія литературы, Сэймондсъ не отрицаетъ однако литературнаго значенія перваго гуманиста. „Особенная слава Петрарки, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что онъ занимаетъ два одинаково знаменитыхъ (illustrious) мѣста въ исторіи новой цивилизаціи, какъ послѣдній лирикъ рыцарской любви и какъ основатель Ренесанса“[2]). Въ исторіи итальянской литературы онъ занимается исключительно Canzoniere, но относится къ этому памятнику, какъ къ явленію гуманистической литературы. Сэймондсъ осуществилъ до извѣстной степени желаніе Геттнера не раздѣлять въ Петраркѣ гуманиста отъ поэта. Онъ объясняетъ Canzoniere въ связи съ гуманистической дѣятельностью автора. Чтобы истолковать патріотическія стихотворенія Петрарки, Сэймондсъ характеризуетъ его поли-

[1]) Adolf Stern, L. c. p. 91.

[2]) *Symonds, Renaissance in Italy. Italian litterature. London 1881*, p. 85.

тическія воззрѣнія, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ отсутствіе узкаго городскаго патріотизма и выставляетъ на видъ стремленіе къ объединенію Италіи[1]). Такую же широту взгляда видитъ авторъ и въ поэзіи любви Canzoniere. Хотя онъ называетъ Петрарку „послѣднимъ лирикомъ рыцарской любви", но въ дальнѣйшемъ изложеніи вноситъ существенное дополненіе къ этой характеристикѣ и выставляетъ на первый планъ тѣ черты Canzoniere, которыя дѣлаютъ перваго гуманиста и первымъ поэтомъ наступающей эпохи. „Сюжетъ, перешедшій отъ трубадуровъ, говоритъ Сэймондсъ, утрачиваетъ въ Canzoniere свои временныя и специфическія свойства". Тамъ изображаются, по словамъ автора, „простыя человѣческія эмоціи и, хотя Canzoniere не вполнѣ еще освободился отъ нѣкоторой средневѣковой окраски, тѣмъ не менѣе его содержаніе понятно и близко всѣмъ влюбленнымъ каждой страны въ любую эпоху[2]"). Съ такой же историко-психологической точки зрѣнія излагаетъ Сэймондсъ отношеніе Петрарки къ Лаурѣ[3]).

Но строго историческое отношеніе Сэймондса къ итальянской поэзіи Петрарки не нашло послѣдователей среди позднѣйшихъ историковъ итальянской литературы. *Бартоли,* посвятившій Петраркѣ весь VII томъ своего сочиненія, стоитъ на чисто психологической точкѣ зрѣнія. Онъ ставитъ своей задачей „искать Петрарку въ самомъ Петраркѣ", т.-е. изобразить его личность на основаніи его произведеній[4]), и какъ собраніе цитатъ, расположенныхъ по извѣстнымъ рубрикамъ, его книга не лишена значенія. Такихъ рубрикъ у Бартоли девять. Въ первой изображается характеръ Петрарки, при чемъ авторъ не жалѣетъ темныхъ красокъ. Въ основѣ характера перваго гуманиста лежали, по мнѣнію Бартоли, крайняя суетность и тщеславіе, что совершенно искажало его натуру. „Его стоицизмъ, говоритъ авторъ, аффектація или короткое, быстрое и безполезное насиліе надъ самимъ собой, надъ своей натурой, которое заставляло его бояться, плакаться, изливаться въ непрестанныхъ жалобахъ. Въ немъ не было истиннаго смиренія точно такъ же, какъ не было истинной гордости[5]"). Отсюда же, выводитъ Бартоли его противорѣчія, которыя слишкомъ уже подчеркнуты и нѣсколько преувеличены. „Возьмите Петрарку въ любой моментъ его жизни, говоритъ Бартоли, возьмите его во внутренней

---

[1]) Ibid. p. 86 и слѣд.

[2]) Ibid. p. 89.

[3]) Ibid. p. 90 и слѣд.

[4]) *Bartoli, Storia della letteratura italiana. Tomo VII. Francesco Petrarca. Firenze 1884.* p. 2.

[5]) Ibid. p. 18.

исторіи его мысли, въ его аффектахъ, въ его сочиненіяхъ, и вы всегда найдете его безпокойнымъ, недовольнымъ, раздѣленнымъ между различными желаніями, между различными надеждами, между различными потребностями, постояннымъ только въ собственномъ непостоянствѣ, твердымъ только въ собственной измѣнчивости. Онъ путешествуетъ и желалъ бы отдохнуть, отдыхаетъ и желалъ бы путешествовать; онъ свободенъ и дѣлается рабомъ, рабъ и стремится къ свободѣ; онъ человѣкъ и желаетъ быть святымъ, онъ святой и желаетъ вновь стать человѣкомъ"[1]). Такое настроеніе объясняется чисто психологическими причинами, и первый гуманистъ является какимъ-то психопатомъ. Его ненормальность усиливается еще мистицизмомъ, которому Бартоли посвящаетъ особую главу. По мнѣнію автора, мистицизмъ тяжелая болѣзнь Петрарки[2]); но изъ его изложенія видно, что этой болѣзнью зараженъ всякій, у кого есть религіозное чувство или даже кто философски интересуется своимъ внутреннимъ міромъ. Бартоли понимаетъ подъ мистицизмомъ и интересъ Петрарки къ своей внутренней жизни, и мысль о загробномъ существованіи, и остатки средневѣковыхъ воззрѣній, и его католичество и даже религіозное чувство вообще. Знаменитую сцену на Mont Ventoux Бартоли изображаетъ такъ: раскрывъ блаж. Августина, Петрарка „не видитъ болѣе ничего и ничто болѣе его не привлекаетъ; горы, рѣки, природа исчезаютъ отъ его взоровъ. Человѣкъ остался на вершинѣ горы; сходитъ внизъ мистикъ, который разсуждаетъ съ самимъ собой о суетности всего человѣческаго и о земной нечистотѣ и стремится къ вершинѣ божественной горы"[3]). „Бѣдный Петрарка!" восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Бартоли. „Ему недостаточно было всѣхъ прочихъ душевныхъ мукъ; онъ долженъ былъ еще дрожать передъ мрачными фантазмами загробнаго существованія, и сколько разъ эти фантазмы нарушали спокойный миръ его научныхъ занятій!"[4]) Авторъ очень хорошо формулируетъ остатки средневѣковыхъ воззрѣній въ міросозерцаніи Петрарки, но объясняетъ ихъ индивидуальной психологіей, какъ будто бы человѣкъ можетъ выпрыгнута изъ своей эпохи. „Изъ этого перемежающагося состоянія мистицизм Петрарки, говоритъ онъ, вытекаютъ его многія мнѣнія и многіе факты его жизни. Онъ желаетъ, чтобы наука всегда повиновалась вѣрѣ; онъ готовъ повернуться спиной къ Платону, Аристотелю, Варрону, Цицерону, если бы они могли отдалить его отъ истинной и святой

---

1) Ibid. p. 29. Ср. 22—23.
2) Ibid. p. 55.
3) Ibid. p. 57—58.
4) Ibid. p. 60—61.

вѣры. Чтобы быть истиннымъ философомъ достаточно, по его словамъ, любить Іисуса Христа; на Евангеліи должно воздвигать зданіе человѣческой науки[1]"). Характерно, что, сводя къ мистицизму то, что объясняется совсѣмъ другими причинами, Бартоли не отмѣчаетъ его дѣйствительнаго вліянія, которое оказалось въ отвращеніи Петрарки къ метафизикѣ. Зато сюда же относится, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что Петрарка „каждую пятницу ѣлъ только хлѣбъ и воду[2]), что онъ ежедневно молился[3]), что онъ „постоянно колебался между землей и небомъ, между Лаурой и Мадонной[4]").

Отчасти это смѣшеніе понятій, а главнымъ образомъ отсутствіе исторической точки зрѣнія помѣшали Бартоли нарисовать вполнѣ вѣрный портретъ перваго гуманиста. Этимъ же объясняются и нѣкоторые пробѣлы въ изображеніи его политическихъ стремленій, которому авторъ отводитъ четыре главы въ своей книгѣ. Въ первой Бартоли очень мѣтко и совершенно вѣрно изображаетъ отношеніе Петрарки къ папству. Первый гуманистъ былъ вполнѣ вѣрующимъ и благочестивымъ католикомъ съ одной стороны и патріотически настроеннымъ итальянцемъ съ другой; поэтому онъ возставалъ противъ пороковъ куріи и требовалъ ея возвращенія въ Римъ, который долженъ вновь получить утраченное величіе[5]). Тѣмъ не менѣе Бартоли считаетъ Петрарку предшественникомъ Лютера, потому что онъ, признавая папу „намѣстникомъ Бога на землѣ", хотѣлъ, чтобы церковь вернулась „къ чистотѣ, простотѣ и евангельской морали[6]"). Сущность протестантизма представляется автору такъ же неопредѣленно, какъ и мистицизмъ. Въ 4-й главѣ Бартоли собираетъ цитаты, касающіяся отношенія Петрарки къ Кола-ди-Ріенцо; въ 5-й онъ разсматриваетъ его отношеніе къ Италіи и къ имперіи. Патріотизмъ Петрарки изображенъ здѣсь краснорѣчиво и вѣрно[7]); но Бартоли бездоказательно и въ противорѣчіи съ источниками утверждаетъ вслѣдъ за Дзумбини, что первый гуманистъ теоретически всегда оставался „борцомъ за возстановленіе имперіи[8])". Благодаря такой точкѣ зрѣнія, отношеніе Петрарки къ итальянскимъ государямъ, легальнымъ и нелегальнымъ, которому посвящена 6-я глава, представляется автору

---

1) Ibid. p. 61.
2) Ibid. p. 68.
3) Che gli fa perdere tempo ogni tempo a recitare l'ufizio divino. Ibid. p. 62.
4) Ibid. p. 72.
5) Ibid. p. 97, 103, 106—107.
6) Ibid. p. 98.
7) Ibid. p. 135, 137, 139.
8) Ibid. p. 146.

непонятнымъ. Говоря о его дружбѣ съ Висконти, Бартоли прямо заявляетъ: „мы не понимаемъ этого факта, какъ не понимали его даже современники и друзья Петрарки[1]“). Въ конечномъ выводѣ и вся политика перваго гуманиста представляется автору въ крайне неопредѣленныхъ чертахъ. Ему кажется, что по теоретическимъ воззрѣніямъ Петрарка ничѣмъ не отличался отъ Данте, а на практикѣ впадалъ въ постоянныя противорѣчія[2]). Знаменитому историку литературы не удалось разобраться въ политическихъ идеалахъ, дѣйствительно весьма сложныхъ и довольно запутанныхъ въ то переходное время, когда Данте уже умеръ, а Макіавелли еще не родился.

Наименѣе удачной во всемъ сочиненіи является 7-я глава, гдѣ Бартоли разсматриваетъ отношеніе Петрарки къ Возрожденію. Даже *Ренье,* ученикъ автора, въ весьма благосклонной рецензіи на его книгу, дѣлаетъ легкій упрекъ учителю за эту главу[3]). Дѣйствительно, хотя Бартоли вѣрно отмѣчаетъ въ Петраркѣ борьбу стараго съ новымъ и „ясныя стремленія къ болѣе гуманному пониманію жизни[4]“), но это остается чисто внѣшней формулой и не оказываетъ никакого вліянія на изложеніе. Глава „Петрарка и Возрожденіе“ заключаетъ въ себѣ цитаты, доказывающія, что первый гуманистъ любилъ древность, стремился къ славѣ и ненавидѣлъ схоластику и т. п. Двѣ послѣднія главы книги Бартоли представляютъ мало интереса для исторіографіи Возрожденія: въ первой изъ нихъ разсматривается еще разъ вопросъ о Лаурѣ, во второй доказывается искренность дружбы Петрарки и его любовь къ своимъ дѣтямъ. Весьма характерно только вступленіе къ 8-й главѣ, гдѣ съ полной ясностью формулирована та мысль, что виновницей безсмертія Петрарки была женщина[5]).

На такой же точкѣ зрѣнія стоитъ и *Гаспари,* авторъ послѣдняго крупнаго сочиненія по исторіи итальянской литературы. Въ первомъ томѣ своей книги Гаспари отводитъ Петраркѣ двѣ обширныхъ главы, изъ которыхъ одна посвящена Canzoniere, другая біографіи поэта, его латинскимъ сочиненіямъ и характеристикѣ его заслугъ въ различныхъ сферахъ культуры[6]). Біографическій очеркъ

---

1) Ibid. p. 156.

2) Ibid. p. 160—161.

3) Впрочемъ требованія Ренье очень скромны: il B poteva nel. cap. VII trattare un po' piu compiutamente dei meriti del P., come erudito, intorno ai quali è cosi buona guida il libro del Voigt. (Giorn. st. del. litt. ital. III p. 114).

4) Bartoli p. 174.

5) Ibid. p. 185.

6) *Gaspary, Geschichte der italienischen Litteratur. Band I. Berlin 1885,* pag. 403 — 480.

далеко не лучшая часть этой главы. Внутренняя исторія Петрарки, которую Гаспари отрицаетъ, какъ мы видѣли, и въ Canzoniere, здѣсь совершенно отсутствуетъ; а къ его фактической біографіи трудно что-нибудь прибавить послѣ такихъ обстоятельныхъ работъ, какъ напр. книга Кёртинга. Гораздо интереснѣе характеристика перваго гуманиста, сдѣланная Гаспари, хотя и она страдаетъ нѣкоторыми пробѣлами. Авторъ признаетъ внутренній разладъ въ душѣ Петрарки и доказываетъ его превосходно подобранными фактами[1]); но его источникъ онъ формулируетъ не точно. По средневѣковымъ воззрѣніямъ, говоритъ Гаспари, „кто хотѣлъ завоевать небо, долженъ былъ презирать землю. *Петрарка раздѣляетъ это убѣжденіе;* но оно вступило въ немъ въ борьбу съ *наклонностью* (Anlage) *его природы* и съ жадно усвоенными имъ идеями древнихъ, которые любили землю... *Его разумъ* осуждалъ земныя желанія и стремленія; но *фантазія и чувственность* прочно привязывали его къ увлекательнымъ образамъ блеска и радости этого міра; человѣкъ и поэтъ боролись въ немъ противъ *аскета*[2])". У Гаспари выходитъ, что въ Петраркѣ происходила борьба не противоположныхъ *идей*, а *разума съ чувствомъ*, такъ какъ по идеямъ онъ былъ аскетъ, и что эта борьба была результатомъ его *индивидуальныхъ особенностей*, т.-е. чисто случайнаго съ исторической точки зрѣнія явленія. Если бы это было такъ, то Петрарка не заслуживалъ бы названія новаго человѣка (а въ этомъ не отказываетъ ему и Гаспари), потому что такую борьбу долженъ былъ переживать всякій искренній аскетъ въ любую эпоху. Но въ данномъ случаѣ дѣло стояло иначе. Протестъ противъ аскетизма обусловливался не индивидуальными особенностями одного лица, а исторически развившимися потребностями личности той эпохи: доказательствомъ этого можетъ служить необыкновенный успѣхъ Петрарки у современниковъ и тотъ фактъ, что онъ сдѣлался родоначальникомъ новаго движенія. Съ другой стороны, изъ анализа латинскихъ произведеній Петрарки мы пришли къ тому выводу, что онъ никогда не былъ чистымъ аскетомъ, что, наоборотъ, новый индивидуализмъ пробивается наружу въ каждомъ изъ нихъ и красной нитью проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность пѣвца Лауры. Этотъ фактъ остался не оцѣненнымъ Гаспари и неблагопріятно отразился на его характеристикѣ Петрарки. Такъ, онъ признаетъ, что acedia перваго гуманиста начало того настроенія, которое позже, развившись,

---

1) Ibid. 458—460.
2) Ibid. 458.

получило названіе Weltschmerz[1]), т.-е. считаетъ эту болѣзнь историческимъ явленіемъ извѣстной эпохи, тѣмъ не менѣе сводитъ ея причины къ слабости духа Петрарки и къ его меланхоліи, т.-е. къ явленіямъ чисто индивидуальнымъ и случайнымъ[2]).

Игнорируя *умственныя* потребности развившагося индивидуализма, Гаспари оставляетъ безъ отвѣта нѣкоторые важные вопросы въ біографіи Петрарки и рѣшаетъ другіе не вполнѣ точно и опредѣленно. Такъ, причины увлеченія перваго гуманиста древностью отмѣчены, но не объяснены. Гаспари признаетъ и даже преувеличиваетъ важность этого факта. „Петрарка, говоритъ онъ, освобождаетъ античный міръ отъ его средневѣковой оболочки (Vermummung), хочетъ познать его въ его чистотѣ и истинѣ... Онъ возвращается къ самымъ источникамъ, *и начинается Ренесансъ*. Петрарка основатель новаго изученія древности[3]“). Суть гуманизма — не филологія, и увлеченіе древностью только одно изъ проявленій Ренесанса. По этой же причинѣ Гаспари суживаетъ значеніе Петрарки, какъ ученаго и философа. Въ философскихъ трактатахъ, по его словамъ, Петрарка только подражалъ древнимъ; „ученое величіе человѣка, говоритъ онъ, заключается въ значительныхъ оригинальныхъ идеяхъ, которыми онъ обогащаетъ мышленіе; но эти значительныя оригинальныя идеи до сихъ поръ еще не доказаны у Петрарки“. Нѣсколько далѣе Гаспари, впадая въ самопротиворѣчіе, заявляетъ, что прозаическія произведенія Петрарки важны „по общему характеру и направленію его научныхъ занятій, которыя сдѣлались началомъ новой культуры“. Но это новое направленіе заключалось, по словамъ автора, не въ идеяхъ: „Петрарка былъ оригиналенъ не въ своихъ идеяхъ, а въ своихъ ощущеніяхъ (Empfindungen), поэтому онъ не великій мыслитель, а великій поэтъ[4]“). Остается непонятнымъ, какъ оригинальныя ощущенія не нашли себѣ выраженія въ оригинальныхъ идеяхъ и тѣмъ не менѣе легли въ основаніе новой культуры. Между тѣмъ Гаспари рѣши-

---

[1]) Gaspary указываетъ однако существенное отличіе acedia отъ Weltschmerz въ томъ, что бл. Августинъ въ Secretum утѣшаетъ Петрарку мыслью о всеобщемъ бѣдствіи человѣчества, тогда какъ эта мысль и составляетъ «пищу» новѣйшаго Weltschmerz'а. (Ibid. 456). Это не уничтожаетъ однако общей психологической основы настроенія.

[2]) Ibid. 455. Gaspary соглашается, что причиной «безпокойства и непосѣдливости» Петрарки, въ чемъ проявлялась между прочимъ его acedia, была неудачная любовь, какъ свидѣтельствуетъ и самъ Петрарка въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ писемъ (I, 7); но только «навѣрное это была не единственная причина». (Ibid. p. 455—456).

[3]) Ibid. p. 447.

[4]) Ibid. p. 449. Cp. p. 423.

тельно настаиваетъ на своемъ выводѣ и ставитъ въ Петраркѣ поэта выше гуманиста или, точнѣе говоря, видитъ гуманиста только въ поэтѣ. „Всегда, говоритъ онъ, предпочитали сонеты и канцоны его эпосу, его письмамъ, трактатамъ и компиляціямъ, и это совершенно справедливо, что бы ни говорили нѣкоторые новѣйшіе біографы. Итальянскія стихотворенія — самое оригинальное и самое значительное произведеніе Петрарки[1]". „Самое высшее, что создалъ Петрарка, говоритъ Гаспари въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ его индивидуальность выразилась всего живѣе и полнѣе и художественно реализировалась — это его лирическія стихотворенія, итальянскія пѣсни, въ которыхъ онъ воспѣвалъ свою любовь къ Лаурѣ[2]"). Историкъ литературы увлекся эстетической точкой зрѣнія и совершенно произвольно перемѣстилъ центръ всемірно-исторической важности въ произведеніяхъ Петрарки.

Гораздо болѣе удалось Гаспари изображеніе личнаго характера Петрарки, и онъ вноситъ весьма существенныя поправки въ эту сторону его біографіи. Такъ, онъ настаиваетъ, что дружба Петрарки была не показнымъ чувствомъ, а искреннимъ расположеніемъ, что это придавало его личности особую привлекательность, которая располагала къ нему между прочимъ и сильныхъ міра сего. Гаспари освобождаетъ его также и отъ обвиненій въ лести передъ князьями. Онъ искренно восхвалялъ Роберта Неаполитанскаго и Джакопо-да-Каррара и послѣ ихъ смерти и посвятилъ De Remediis Аццо-да-Корреджіо, когда онъ утратилъ прежнее величіе. Кромѣ того, если слова Петрарки о дружественныхъ ему государяхъ и заключаютъ въ себѣ иногда чрезмѣрную похвалу, то это или риторическая гипербола, или искренній самообманъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Гаспари, онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ у сильныхъ міра сего для дурныхъ цѣлей, не достигалъ чрезъ него личныхъ выгодъ, наоборотъ пользовался имъ для блага своей родины или для того, что онъ считалъ за таковое[3]"). Хотя эти положенія нуждаются въ бóльшемъ количествѣ доказательствъ, чѣмъ сколько приводитъ ихъ Гаспари; но несомнѣнно, что онъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ. Если Петрарка и кривилъ иногда душою на службѣ князей, то дѣлалъ это во имя политическихъ стремленій. Гаспари не отмѣчаетъ этой стороны дѣла и вообще даетъ не вполнѣ вѣрную окраску политической дѣятельности Петрарки. По его словамъ, первый гуманистъ „въ политикѣ былъ не мыслителемъ, а поэтомъ"; его политическіе идеалы были „слишкомъ общи и недостаточно опре-

1) Ibid. p. 448.
2) Ibid. p. 460.
3) Ibid. p. 451—453.

дѣленны“; онъ не понималъ дѣйствительности, не умѣлъ давать практическихъ совѣтовъ и поэтому его политическая дѣятельность осталась безплодной[1]). Всѣ эти положенія не подтверждаются источниками, исключеніе составляетъ общій выводъ. Но неуспѣхъ стремленій Петрарки не доказываетъ ихъ безцѣльности: „Principe“ Макіавелли тоже не привелъ къ объединенію Италіи[2]). Отсутствіе правильной постановки вопроса не замедлило оказать свое дѣйствіе и на книгѣ Гаспари.

Параллельно съ общими сочиненіями продолжаетъ развиваться и монографическая литература о Петраркѣ, которая за послѣдніе пять лѣтъ составляетъ единственный видъ научныхъ изслѣдованій о первомъ гуманистѣ. Новыя монографіи сравнительно съ предшествующими представляютъ двѣ особенности: во-первыхъ, онѣ все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ детальныхъ изысканій на основаніи документальныхъ данныхъ, и во-вторыхъ, вопросъ о любви Петрарки отодвигается на второй планъ сравнительно съ его гуманистическою дѣя-

---

1) Ibid. p. 449—50; 414; 421—422.

2) Книга Гаспари вмѣстѣ съ сочиненіями Бартоли и Де-Санктиса положены г. *Балдаковымъ* въ основанія отдѣла о Петраркѣ въ написанномъ имъ очеркѣ *„Итальянская литература въ средніе вѣка“*. (*Всеобщая исторія литературы подъ редакціей В. Ѳ. Корша и проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XVI. С-Петербургъ 1885*. p. 832 и слѣд.). Въ общемъ біографія и характеристика Петрарки составлены очень живо. Мы не можемъ только согласиться, что первый гуманистъ обладалъ «способностью съ поразительной легкостью переходить изъ одного лагеря въ другой» и что «крайняя измѣнчивость душевныхъ настроеній, вѣроятно, обусловливала и склонность Петрарки къ мистицизму, съ одной стороны, и къ пессимистическому взгляду на жизнь, съ другой (p. 837)». Первое свойство Петрарка повидимому, обнаруживалъ, исключительно въ политической сферѣ; но и здѣсь мѣнялись только *средства*, а *цѣль* оставалась неизмѣнной. Что касается до мистицизма и пессимизма, то они обусловливались не только индивидуальными особенностями Петрарки, но главнымъ образомъ его историческимъ мѣстомъ и ролью. Впрочемъ, г. Балдаковъ сознательно устраняетъ изъ своего очерка гуманистическую сторону дѣятельности Петрарки, что не могло не отразиться на характеристикѣ личности пѣвца Лауры. Этотъ пробѣлъ долженъ былъ пополнить г. *Кирпичниковъ*, который составилъ для названнаго изданія особый отдѣлъ подъ заглавіемъ *„Вѣкъ Возрожденія“*. Но посвященныя здѣсь Петраркѣ 4 страницы содержатъ въ себѣ только коротенькій перечень его латинскихъ произведеній, при чемъ его гуманистическая дѣятельность сводится къ тому, что онъ «оказался способнымъ усвоить въ значительной степени міросозерцаніе древнихъ, что въ изученіи ихъ онъ видѣлъ единственный источникъ высшаго образованія и эстетическаго наслажденія» (L. c. Выпускъ XVIII. p. 245). Такимъ образомъ г. Кирпичниковъ видитъ сущность гуманизма въ новомъ отношеніи къ древности, а на вопросъ, въ чемъ заключаются причины этого факта, онъ отвѣчаетъ такъ: «неизвѣстно, какимъ образомъ Петрарка дошелъ до такого уваженія къ классикамъ». (Ibid. p. 241).

тельностью. Такъ, Лаурѣ за это время посвящена только одна весьма обстоятельная журнальная статья, авторъ которой *Д'Овидіо* подробно разсматриваетъ контроверсы о ея личности и приходитъ къ выводамъ Де-Сада[1]). Различныя стороны фактической біографіи Петрарки также продолжали подвергаться детальному изученію. *Паганини* съ помощію новыхъ документовъ оспариваетъ прежнее мнѣніе объ отношеніи Петрарки къ Пизѣ[2]). Въ двухъ журнальныхъ статьяхъ разсматривается пребываніе Петрарки въ Миланѣ[3]). *Дзардо* посвятилъ цѣлую книгу отношенію Петрарки къ Каррарамъ, которая представляетъ одно изъ наиболѣе крупныхъ явленій въ новѣйшей монографической литературѣ о первомъ гуманистѣ. Книга Дзардо гораздо шире своего заглавія; авторъ разсматриваетъ вообще послѣдніе годы жизни Петрарки и сообщаетъ при этомъ много новыхъ и интересныхъ свѣдѣній преимущественно о его друзьяхъ, иллюстрируя ихъ неизданными документами. Въ этомъ, а также въ библіографическихъ замѣчаніяхъ заключается главная цѣна книги, существенный недостатокъ которой составляетъ рѣшительное уклоненіе автора отъ общей характеристики политическихъ воззрѣній Петрарки, вслѣдствіе чего смыслъ отношеній перваго гуманиста къ Каррарамъ остается невыясненнымъ[4]). По неиданнымъ документамъ представляютъ интересъ и

---

1) *D'Ovidio, Madonna Laura* (Nuova Antologia. Vol. XVI. 1888. p. 209—233 и 385—406). Сюда-же относятся: статья *Baravelli, Il Venerdì Santo del Petrarca* (въ Fanfulla della domenica 1881. III N. 3), гдѣ разсматривается хронологія первой встрѣчи Петрарки съ Лаурой; новый пересмотръ Laurafrage въ обстоятельной рецензіи *Renier* на книгу Bartoli въ Giornale storico del. litt. Ital. III p. 117—128; статья *Colagrosso, Una lettera del Petrarca forse non ancora ben considerata* (въ *Biblioteca delle scuole italiane I 1889. № 3 и 4*), гдѣ также идетъ рѣчь о любви Петрарки (Giorn. stor. XIII p. 461); статья *Deloyet, Pétrarque et le monastère des Dames de Saint-Laurent à Avignon*. (Въ Annales du Midi 1890. Oct.).

2) *Paganini, Delle relazione di messer F. Petrarca con Pisa.* (Въ *Atti della reale Accademia luchese. Vol. XXI. 1882.* См. *Jahresberichte der Geschichtswissenschaft. IV. p. 262.*

3) *Caffi, Il chiostro di Caregnano presso Milano ed il Petrarca.* (*Bibliofilo. 1886. № 7*). и *Signorini, F. Petrarca a Linterno* (*Napoli letteraria 1885. № 2*). Обѣ статьи мнѣ извѣстны только по изложенію. Caffi касается вопроса о Миланскихъ друзьяхъ перваго гуманиста (Jahresberichte d. Geschichtswiss. IX. 253) статья Signorini по отзыву Giorn. stor. dell. lett. ital. (VI, 458) insignificante. О пребываніи Петрарки въ Пармской области говоритъ *Campanini, Note storiche e letterarie Regio 1883.* (См. Jahresberichte der Gesch. VI, p. 286). О его пребываніи въ Кёльнѣ статья *Pirandello, Petrarca a Colonia* (*Vita nuova* 1890. I).

4) *Zardo, Il Petrarca e i Carraresi. Milano 1887.* Qui mi cadrebbe in acconcio di dire delle opinioni politiche del Petrarca, говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ; ma poichè ne fu tanto scritto e da valenti, stimo opportuno non farne parola (p. 17). Критика отнеслась къ книгѣ Zardo не одинаково: въ Giorn. stor. d. lett. ital.

болѣе детальныя изслѣдованія по біографіи Петрарки. Такъ, *Де-Нолакъ* издалъ замѣтки перваго гуманиста о его садѣ, которыя свидѣтельсвуютъ о его любви къ природѣ и устанавливаютъ нѣкоторыя хронологическія даты[1]).

Гораздо богаче и разнообразнѣе изслѣдованія различныхъ сторонъ гуманистической дѣятельности Петрарки. Самая обширная по объему монографія „*Петрарка, какъ гражданинъ*“ весьма неудачна по содержанію. Ея авторъ, *Тригона,* отрицаетъ въ Петраркѣ не только политика, но даже поэта и гуманиста, и видитъ въ немъ лишь честолюбиваго ритора[2]). Несравненно болѣе цѣны имѣютъ детальныя изслѣдованія. Такъ, рядъ работъ о письмахъ Цицерона, найденныхъ Петраркою[3]), даютъ возможность опредѣлить ихъ вліяніе на его соб-

---

(XI p. 261) весьма сочувственная рецензія; Geiger въ Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur (I. 1887—88 p. 484—85) далъ очень рѣзкій отзывъ, совершенно игнорируя отмѣченное нами крупное достоинство книги.

1) *De Nolhac, Pétrarque et son jardin d'après ses notes inédites.* (Giornale star. d. lett. ital. IX 1887 p. 404). Не лишено интереса изданное *Thomas* бреве Климента VI отъ 15 сент. 1352, который освобождаетъ Петрарку, какъ архидіакона въ Пармѣ, отъ власти и юрисдикціи мѣстнаго епископа. (*Extraits des archives du Vatican pour servir a l'histoire littéraire du moyen-age.* Въ Mélanges de l'Ecole française a Rome IV. 1884. См. Geiger въ Zeitschr. f. vergleich. Litteratgesch. I. 1887—88 p. 489). Менѣе значенія имѣетъ другая детальная работа *De Nolhac'a, Une date nouvelle de la vie de Pétrarque. Toulouse 1890,* въ которой онъ, на основаніи замѣтокъ Петрарки въ кодексѣ De civitate Dei, доказываетъ, что въ 1325 году П. былъ въ Авиньонѣ, можетъ быть, пріѣзжалъ туда по случаю смерти отца. Важнѣе другой выводъ изъ этого факта, что Петрарка внимательно читалъ Августина уже въ ранней молодости. Содержаніе замѣтокъ *Marzoni, Noterelle Petrarchesche* (Propugnatore 1889. IV) мнѣ неизвѣстно.

2) *Vinc. Termine Trigona, Petrarca cittadino. Studio critico. Catania 1885.* Въ 1888 году я напечаталъ статью: *Петрарка, какъ политикъ* (Русская Мысль 1888 №№ 5 и 8), въ которой я старался показать, что патріотизмъ обусловливалъ главнымъ образомъ интересъ Петрарки къ политикѣ, что въ основѣ его политической программы лежала свойственная индивидуализму вѣра въ безконечное могущество человѣческой личности и что средствомъ политическаго вліянія служило для него слово, т.-е., публицистика. Самые идеалы Петрарки, по моему мнѣнію, были различны въ разное время: всемірное господство Рима, объединеніе Италіи и установленіе въ ней міра и порядка. Для этого онъ готовъ былъ пользоваться всякими средствами, если бы даже они противорѣчили морали. Петрарка не былъ безусловнымъ сторонникомъ какой-либо опредѣленной политической формы, ни гвельфомъ, ни гиббелиномъ, ни монархистомъ, ни республиканцемъ. Вообще онъ былъ не теоретикомъ, а практикомъ въ политикѣ и только съ этой точки зрѣнія предпочиталъ современную ему тираннію отживающей республикѣ. Вообще по своимъ политическимъ взглядамъ и пріемамъ Петрарка можетъ быть названъ предшественникомъ Макіавелли.

3) Сюда относятся работы *Cipola* (Arch. Venet. XVI. 1878), *Geiger'a* (Göttingische gelehrte Anzeigen 1879), *Viertel'я (Die Wiederauffindung von Cicero's Briefen durch*

ственную переписку. Работа Де-Нолака о рукописяхъ съ миніатюрами, принадлежавшихъ Петраркѣ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на его отношеніе къ искусству[1]). Кромѣ того, за послѣднее время появилось нѣсколько журнальныхъ статей, разсматривающихъ другія стороны характера и стремленій Петрарки[2]).

Наконецъ, огромную важность для его біографіи имѣютъ разсмотрѣнныя уже нами монографіи о произведеніяхъ Петрарки, потому что онѣ даютъ возможность не только лучше выяснить его міросозерцаніе, но и написать его исторію.

Изученіе біографіи Петрарки, непрерывно продолжавшееся болѣе пяти столѣтій, освѣтило многія стороны въ личности и дѣятельности перваго гуманиста, выяснило въ общемъ его историческое значеніе, но еще далеко не достигло такихъ результатовъ, которые могли бы удовлетворить современнымъ научнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ этому виду исторической литературы. До половины XIX столѣтія главный результатъ изученія біографіи Петрарки сводится къ ея фактическому обогащенію, благодаря главнымъ образомъ трудамъ Де-Сада, Блана и Бальделли. Вопросъ объ историческомъ значеніи пѣвца Лауры еще не поставленъ, хотя Басти требовалъ уже вниманія къ его латинскимъ сочиненіямъ, а ранніе историки литературы, начиная съ Тирабоски и кончая Сисмонди, подчеркнули ихъ важность. Успѣхъ въ этомъ отношеніи исчерпывался: во-первыхъ, устраненіемъ односторонней оцѣнки Петрарки, исключительно какъ итальянскаго поэта, во-вторыхъ, замѣчаніями Бальделли, что человѣкъ составлялъ главный предметъ интереса для Петрарки, что онъ думалъ вліять на

Petrarca. Königsberg, 1879) и *Voigt*'а *Die handschriftlichen Überlieferungen von Cicero's Briefen* (Bericht der philosophisch-historischen Classe der Königl. sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1879); *Rühl*'я, *Le Estravaganti del Petrarca* (Въ Rass. settim. 1881. № 8).

[1]) *Nolchac, Manuscrits à miniatures de la bibliothèque de Pétrarque. Paris 1889.* Аналогичная работа принадлежитъ *E. Müntz, Pétrarque et Simone Martini Memmi à propos du Virgile de l'Ambrosienne. Paris 1887.*

[2]) Сюда относятся: 1) *Colagrosso, Il pessimismo del Petrarca.* (Въ Lettere ed Arti. 1889). 2) *Benini, F. Petrarca e S. Agostino.* (Telesio 1886. №№ 4 и 5) 3) *Bartoli, Il Petrarca viaggiatore* (N. Antologia Vol. XLVI 1884) 4) *Lioy, Petrarca e Göthe alpinisti* (Atti. Ist. Ven. 1886) 5) *Bonardi, Il Petrarca alpinista* (Fanfulla della domenica 1890. № XI) 6). *D'Ovidio, Questioni di geografia petrarchesca.* (Atti del R. Accademia, di Napoli. Vol. XXIII. 1890). Всѣ эти произведенія мнѣ извѣстны или по рецензіямъ, или только по заглавію.

политику „публичнымъ словомъ“ и что древность оказала на него благотворное вліяніе; въ-третьихъ, тѣмъ, что Булэ и въ особенности Маджоло выяснили общій характеръ философіи Петрарки. Заслуга прочнаго установленія исторической точки зрѣнія принадлежитъ Фогту. Фогтъ и его послѣдователи, въ особенности Кёртингъ, констатировали тотъ фактъ, что индивидуализмъ лежитъ въ основѣ всей дѣятельности Петрарки и что борьба новыхъ потребностей, выросшихъ на этой почвѣ, съ средневѣковыми идеями и чувствами характерный признакъ его стремленій. Но прогрессъ въ пониманіи личности и значенія перваго гуманиста до извѣстной степени былъ парализованъ рѣзкой оппозиціей, которую встрѣтила историческая точка зрѣнія въ историкахъ литературы. Мезьеръ, а въ особенности Де-Санктисъ вмѣстѣ съ Бартоли и Гаспари снова выдвинули на первый планъ Canzoniere при оцѣнкѣ Петрарки. Это разногласіе значительно облегчалось тѣмъ фактомъ, что Фогтъ и его послѣдователи только констатировали свою точку зрѣнія, но не показали ея послѣдовательнаго проявленія въ жизни и сочиненіяхъ перваго гуманиста. Правда, Фейерлейнъ и въ особенности Сэймондсъ подчеркнули индивидуализмъ въ произведеніяхъ Петрарки, но они сдѣлали это слишкомъ обще и кратко и совершенно оставили въ сторонѣ вліяніе на перваго гуманиста предшествующей эпохи. Вслѣдствіе этого будущему біографу Петрарки предстоитъ еще очень много работы. Прежде всего ему придется фактами показать, что первый гуманистъ бралъ только подходящее изъ древней литературы и примирялъ заимствованное съ христіанствомъ, потому что этотъ вопросъ до сихъ поръ противорѣчиво излагается біографами. Общій характеръ философіи Петрарки выясненъ; но ему придется реконструировать его міросозерцаніе и его этическую систему, такъ какъ этого до сихъ поръ не сдѣлано. Отношеніе Петрарки къ наукѣ извѣстно; но детальное объясненіе его научныхъ интересовъ, пріемовъ и заслугъ точно также задача будущаго біографа. Политическія стремленія перваго гуманиста, за которыя обвиняютъ обыкновенно Петрарку въ фантазерствѣ и противорѣчіяхъ, гораздо сбивчивѣе изложены у его біографовъ, чѣмъ въ его сочиненіяхъ, и отыскать ихъ руководящую нить также будетъ лежать на обязанности новаго изслѣдователя. Наконецъ, систематическаго изложенія религіозныхъ воззрѣній Петрарки точно также мы не находимъ въ наличной литературѣ. Но всѣмъ этимъ не исчерпывается задача будущаго біографа: ему придется вновь написать *исторію* внутренней жизни перваго гуманиста. До сихъ поръ хронологически излагалась только его внѣшняя біографія, которая въ лучшемъ случаѣ сопровождалась общей характеристикой его воз-

рѣній. Между тѣмъ съ изданіемъ писемъ Фракассетти, съ болѣе точнымъ установленіемъ хронологіи латинскихъ и итальянскихъ произведеній Петрарки является возможность попытки пополнить и этотъ существенный пробѣлъ въ его біографіи. Тогда останется неяснымъ только одинъ важный для исторіи Возрожденія вопросъ: отъ чего зависѣла поразительная популярность перваго гуманиста? Но при современномъ состояніи источниковъ возможно только его гипотетическое рѣшеніе à priori: поклонники Петрарки намъ почти совершенно неизвѣстны, за исключеніемъ одного только Боккаччіо.

ГЛАВА II.

Джiованни Боккаччiо. Его критики и бiографы.

Всѣ изслѣдователи, которые считаютъ Петрарку родоначальникомъ гуманизма, отводятъ слѣдующее мѣсто въ исторiи движенiя Боккаччiо. Такая точка зрѣнiя легко оправдывается при самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на Возрожденiе. Если видѣть въ гуманизмѣ заносное движенiе, созданное византiйскими греками, Боккаччiо является первымъ посредникомъ между пришельцами и итальянцами; если понимать подъ Ренесансомъ возрожденiе историко-филологическаго изученiя античнаго мiра, то авторъ Декамерона оказалъ огромныя услуги и въ этой области не только своими латинскими трактатами, но также ревностными заботами о распространенiи въ Италiи знакомства съ греческимъ языкомъ. Справедливой остается эта точка зрѣнiя и при правильномъ воззрѣнiи на гуманистическую эпоху. Тѣсная дружба между Петраркой и Боккаччiо при полной противоположности ихъ натуръ указываетъ на сходство ихъ стремленiй, и ихъ произведенiя съ несомнѣнною ясностью доказываютъ обѣ эти стороны ихъ бiографiи. Такъ смотрѣли на нихъ и ихъ ближайшiе послѣдователи. Поэтому сочиненiя Боккаччiо имѣютъ такой же историческiй интересъ, какъ и произведенiя перваго гуманиста.

I.

Научныя произведенiя Боккаччiо. „Генеалогiя боговъ". Прiемы Боккаччiо при истолкованiи миѳовъ. Значенiе научной части книги и отношенiе къ ней новыхъ изслѣдователей. Двѣ послѣднiя книги Генеалогiи и ихъ значенiе. Трактатъ „О знаменитыхъ женщинахъ" и его историческое значенiе. „О несчастiяхъ знаменитыхъ людей". Географическое сочиненiе Боккаччiо. Работы Шюка и Гортиса.

Между многочисленными сочиненiями Боккаччiо[1]) значительное мѣсто занимаютъ его труды, написанные на латинскомъ языкѣ. Самый

[1]) Для библiографiи произведенiй Боккачiо. См. *Zambrini, Bibliografia Boccaccesca. Serie delle opere di Giovanni Boccaccio, latine, volgari, tradotte e trasformate. Bologna 1875.* Этюдъ *Ferrari, Contributo alla bibliografia Boccaccesca.* (Въ Revista dalle Biblioteche 1887) мнѣ извѣстенъ только по заглавiю.

обширный изъ нихъ по объему и самый важный по содержанію — это трактатъ „*О генеалогіи языческихъ боговъ*“ [1]). Боккаччіо, придававшій этому трактату особое значеніе, предпринялъ его по заказу Гуго Лузиньяна[2], короля Іерусалима и Кипра, но выпустилъ его въ свѣтъ только послѣ смерти этого мецената, да и то безъ окончательной отдѣлки[3]). Въ предисловіи къ Генеалогіи, написанномъ въ формѣ разговора автора съ Доннино да Парма, который передалъ ему королевское порученіе, Боккаччіо излагаетъ свою задачу и указываетъ трудности ея исполненія. Гуго желаетъ изложенія преданій о происхожденіи боговъ и героевъ и объясненія аллегорическаго смысла этихъ разсказовъ[4]). Боккаччіо рекомендуетъ для этого Петрарку, потому что матеріалъ очень обширенъ и трудно собрать нужную для этого литературу, но въ концѣ концовъ согласился исполнить волю короля и написалъ большой томъ, раздѣленный на 15 книгъ.

Боккаччіо понимаетъ свою задачу двоякимъ образомъ: во-первыхъ, собрать свѣдѣнія о богахъ и, во-вторыхъ, объяснить смыслъ относящихся сюда преданій. „Имена и поколѣнія боговъ и ихъ потомковъ блуждаютъ въ мірѣ (vagantur per orbem), разсѣянныя здѣсь

---

[1]) Самъ Боккаччіо называетъ это сочиненіе въ одномъ письмѣ (Corazzini. Le lettere edite e inedite. Firenze 1887 p. 350) *Opus de genealogiis deorum*. Издано оно было нѣсколько разъ. Manni (Istoria del Decamerone p. 69) приводитъ интересное изданіе. Venetiis impressum anno salutis MCCCCLXXII, Nicolao Throno duce felicissimo imperante. Con una tavola dei nomi propri e delle cose notabili divisata per alfabeto da *Domenico d'Arezzo* ad istanza di Coluccio Salutati, comme dalla prefazione di esso Domenico. Körting упоминаетъ Венеціанское изданіе 1511 года Я пользуюсь: *Ioannis Bocatii Περὶ γενεαλογίας deorum libri XV*. Вмѣстѣ съ сочиненіемъ О горахъ etc. *Basileae apud Io. Hervagium. Anno MDXXXII.* Полнаго собранія латинскихъ сочиненій Боккаччіо, какъ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ. Итальянскій переводъ Генеалогіи, сдѣланный Gioseppe Betussi, изданъ въ Венеціи въ 1606 году. О другихъ изданіяхъ и переводахъ. См. Zambrini p. 13—18 Hortis p. 769—85.

[2]) Мнѣніе de Witte о томъ, что виновникомъ появленія книги былъ родственникъ Гуго IV, тоже Гуго, только князь Галилеи, опровергнуто Landau (p. 189—190) и Hortis p. 158—159.

[3]) Сочиненіе было написано вполнѣ между 1350 и 1359 годомъ; Боккаччіо говоритъ въ предисловіи: cujus (Petrarcae) jam diu ago adjutor sum (оно перепечатано у Carazzini p. 216); ихъ знакомство относится къ 1350 году, а черезъ 9 лѣтъ умеръ Гуго, до смерти котораго, какъ видно изъ предисловія (p. 223), было написано все сочиненіе, но безъ окончательной редакціи, какъ это говоритъ самъ Боккаччіо въ письмѣ къ Pietro di Montefiore отъ 1373 г. (У Караццини p. 337 и слѣд.) Другія соображенія въ пользу этой даты. Hortis. Studj sulle opere latine del Boccaccio. Trieste 1879 p. 159. Landau p. 189. Окончательную редакцію Бальделли относитъ къ 1378 году (Vita di G. B. p. 385).

[4]) Quod sub fabularum tegminei llustres quondam senserunt viri. P. 211.

и тамъ, говоритъ Боккаччіо. Кое-что содержитъ въ себѣ одна книга, кое-что другая. Кто, спрашивается, пожелаетъ себѣ задаромъ (pro munere), или по крайней мѣрѣ съ трудомъ мало плодотворнымъ (parum fructuose) изслѣдовать это, перелистать (volvere) и прочитать столько томовъ и извлечь оттуда весьма немногое[1]“). Боккаччіо предпринялъ этотъ огромный трудъ и написалъ 13 книгъ миѳологіи. Обширный матеріалъ, извлеченный изъ предшествующей литературы, онъ расположилъ въ генеалогическомъ порядкѣ, предпосылая каждой книгѣ родословное древо[2]). Начитанность Боккаччіо чрезвычайно обширна: онъ пользуется не только древними писателями, но и средневѣковыми, не только письменными источниками, но и тѣми свѣдѣніями, которыя сообщалъ ему Л. Пилатъ и Варлаамъ[3]). Его отношеніе къ источникамъ очень просто: встрѣчая разногласіе въ сообщаемомъ ими миѳѣ, онъ ставитъ рядомъ два разсказа, при чемъ не заходитъ даже и рѣчи о сравнительномъ авторитетѣ цитируемыхъ авторовъ[4]). Вообще его книга по отношенію *къ фактическому содержанію* миѳа совершенно чужда критики, такъ что Боккаччіо считаетъ возможнымъ, напримѣръ, приводить хронологію похищенія Зевсомъ Европы[5]). Вслѣдствіе этого, генеалогія боговъ представляетъ собою только компендіумъ миѳологическихъ свѣдѣній, довольно обстоятельный для своего времени. Но Боккаччіо не ограничивается пересказомъ миѳа, а старается также истолковать его значеніе. Миѳъ, какъ думалъ Боккаччіо вмѣстѣ съ своими современниками, не просто безсмысленная басня, но или историческій фактъ, или аллегорическое изображеніе явленія природы или нравственнаго правила, а въ иныхъ миѳахъ соединены самыя различныя значенія. „Слѣдуетъ знать главнымъ образомъ то, — говоритъ онъ, — что въ этихъ фикціяхъ не одинъ только смыслъ, наоборотъ, можно сказать, что въ нихъ polysemum, т.-е. много значеній. Первое

---

1) Praefatio.

2) 1-я книга содержитъ миѳы о Демогоргонѣ и его дѣтяхъ и внукахъ; 2-я — потомство Эѳира, сына Эреба и Ночи, дѣтей Демогоргона, отъ его сына Зевса; 3-я, 4-я, 5-я — потомство Целія, сына Эѳира и Дня; 6-я — потомство Дардана, сына втораго Зевса, родившагося отъ Целія; 7-я — потомство Океана, сына Целія и Весты; 8-я — Сатурна, сына Целія; 9-я — Юноны, 8-й дочери Сатурна; 10-я — Нептуна, сына Сатурна; 11-я, 12-я и 13-я — третьяго Зевса, сына Сатурна.

3) См. напр. II, 29, 2 и passim.

4) Напр. Eusebius in libro temporum dicit Apim, qui postea rex Argivorum, filium fuisse Iovis et Niobes, filiae Phoronei... Leontius autem dixit hunc Phoronei et Niobes, sororis et conjugis suae fuisse filium eique in regnum Sicyoniorum haeredem successisse. II, 4 и passim.

5) II, 42 сравн. 43 и passim.

значеніе заключается въ самой фабулѣ (habetur per corticem) и это смыслъ буквальный, другія — въ томъ, что фабула обозначаетъ (per significata per corticem) и эти значенія называются аллегорическими. Чтобы легче понять, что̀ я хочу сказать, приведемъ примѣръ. Персей, сынъ Юпитера, по поэтическому вымыслу, убилъ Горгону и побѣдителемъ улетѣлъ въ эѳиръ. Читая это буквально, получимъ смыслъ историческій. Если же искать въ написанномъ моральнаго смысла, то въ немъ обнаружится побѣда мудраго надъ порокомъ и возвышеніе къ добродѣтели. Если же мы пожелаемъ понять это аллегорически, то миѳъ обозначаетъ возвышеніе къ небу благочестиваго разума (piae mentis), презрѣвшаго мірскія удовольствія. Сверхъ того, баснею можетъ анагогически (anagogice) выражаться изображеніе вознесенія къ Отцу Христа, побѣдившаго князя міра. Эти значенія, хотя и называются различными именами, могутъ быть однако всѣ названы аллегорическими, какъ это обыкновенно и бываетъ, потому что аллегорія происходитъ *ἄλλο*, что по-латыни значитъ чужое или отличное (diversum); поэтому все отличное отъ историческаго или буквальнаго смысла, какъ сказано, можетъ быть справедливо названо аллегорическимъ. Но я не имѣю намѣренія истолковывать слѣдующія басни по всѣмъ значеніямъ, такъ какъ я считаю достаточнымъ изъ многихъ объяснить одно, хотя иногда, можетъ быть, будутъ присоединены и многія другія" [1]). При этомъ перечисленіи различныхъ пріемовъ истолкованія миѳа Боккаччіо опускаетъ этимологическое объясненіе, къ которому онъ прибѣгаетъ довольно часто. Такъ, напр., парки получили, по его мнѣнію, свое названіе потому, что онѣ никого не щадятъ (nemini parcant[2]). Самый любимый пріемъ Боккаччіо при объясненіи миѳа — это отыскать въ немъ прямой или скрытый историческій фактъ. Такъ, изложивъ миѳъ о Ѳетидѣ, онъ замѣчаетъ, что „въ немъ слѣдуетъ видѣть аллегорическій смыслъ, такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего историческаго[3])". Въ другомъ мѣстѣ, по поводу борьбы Зевса съ титанами, онъ ограничиваетъ свои объясненія въ виду яснаго историческаго смысла миѳа[4]). Вслѣдствіе этого Боккаччіо охотно принимаетъ объясненіе Эвгемера, котораго иногда прямо цитируетъ[5]) и которому самъ

---

1) Ibid. I, 3.

2) Ibid. I, 5. См. также объясненіе имени Daemogorgon въ введеніи къ первой книгѣ и passim.

3) In his igitur, cum nil historiographicum habeatur, allegoricus sensus videndus est. III, 3.

4) Viso sensu historiali circa reliquos pauca sunt dicenda. Ibid. IV, 1.

5) Ibid. XI, 1 p. 267, VIII, 1 p. 216 и passim.

подражаетъ[1]). Историческій фактъ, по его мнѣнію, и любовь Борея къ Ориціи[2]), и низверженіе Сатурна Юпитеромъ[3]), и похожденія самого Зевса[4]). На ряду съ историческимъ объясненіемъ Боккаччіо толкуетъ миѳы и съ точки зрѣнія натурализма. Такъ, по поводу миѳа „о Ночи, первой дочери Земли“, онъ говоритъ: „что она была любима пастухомъ Фанетомъ, это должно понимать, я думаю, слѣдующимъ образомъ. Фанетъ-солнце, по моему мнѣнію, названъ пастухомъ потому, что его стараніемъ насыщается все живущее; что онъ любитъ ночь — это, я думаю, придумали потому, что онъ быстрымъ движеніемъ слѣдуетъ за ней, какъ бы за любимой женщиной, стремясь ее увидѣть, и, повидимому, желаетъ съ нею соединиться (copulari). Она же отвергаетъ его и убѣгаетъ не менѣе быстро, чѣмъ онъ ее преслѣдуетъ, потому что у нея противоположный характеръ (mores adversos): онъ свѣтитъ, она же производитъ мракъ, и не попустому говоритъ она, что умретъ, если соединится съ нимъ, такъ какъ солнце своимъ свѣтомъ разсѣеваетъ всякій мракъ и такимъ образомъ становится ея врагомъ. Наконецъ, она соединяется съ Эребомъ, т.-е., подземнымъ царствомъ, гдѣ она быстро пріобрѣтаетъ силу и живетъ въ безопасности, потому что туда никогда не проникаютъ солнечные лучи[5]“). Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ Ахиллесѣ, Боккаччіо замѣчаетъ: „что его пятка не была погружена (въ воды Стикса), это скрываетъ физическую тайну. Физики говорятъ (volunt), что вены, находящіяся въ пяткѣ, имѣютъ отношеніе (pertineant rationem) ad renum et foemorum и мужскимъ органамъ. Поэтому пяткою, не погруженною въ Стиксъ, хотѣли обозначить непобѣжденную страсть въ Ахиллѣ, которая не была уничтожена и другими трудами, такъ что достаточно ясно, что вслѣдствіе страсти попалъ онъ въ руки враговъ и былъ ими убитъ[6])“. Примѣровъ такого чисто натуралистическаго объясненія миѳовъ у Боккаччіо весьма много[7]).

Весьма часто Боккаччіо усматриваетъ въ миѳахъ аллегорію нравственныхъ докринъ. Такъ, въ главѣ „о Коварствѣ (Dolus), шестомъ сынѣ Эреба“, онъ говоритъ, что древніе „понимали подъ Эребомъ глубокій тайникъ (intimum recessum) человѣческаго сердца, потому что тамъ мѣстопребываніе всѣхъ размышленій. Поэтому, если вслѣдствіе пре-

---

1) Ibid. II, 5.
2) Amasse eum (Boream) Orythiam historia est. IV, 58.
3) Ibid. VIII, 1.
4) Ibid. II, 2; XI, 1.
5) Ibid. I, 9.
6) Ibid. XII, 52.
7) См., напр., IV, 20, 27; VII, 17 и passim.

небреженія добродѣтелью боленъ духъ, то для достиженія желаемаго при недостаткѣ силъ онъ направляетъ умъ къ уловкамъ. Такимъ образомъ отъ ночи, т.-е., отъ духовной слѣпоты... создается и порождается коварство[1]"). Такимъ же образомъ Боккаччіо объясняетъ разсказы объ адѣ, о музахъ, о любви Нарциса и Эхо и многіе другіе[2]).

Хотя Боккаччіо имѣлъ въ виду ограничиться выясненіемъ одного только смысла въ каждомъ миѳѣ, но весьма часто онъ увлекается и приводитъ нѣсколько толкованій. Для примѣра можно указать его объясненіе разсказа о рожденіи Аѳины. „Утверждаютъ, — говоритъ онъ, что Минерва, т.-е. мудрость, родилась изъ мозга Юпитера, т.-е. бога. Физики утверждаютъ, что всѣ интеллектуальныя силы заключаются въ мозгу, какъ бы въ крѣпости (in arce) тѣла. Отсюда разсказываютъ, что Минерва, т.-е. мудрость родилась изъ мозга бога, чтобы мы понимали, что изъ глубокаго тайника (archano) божественной мудрости вложенъ въ насъ всякій интеллектъ, всякая мудрость, дать которую Юнона, т.-е., земля, въ этомъ отношеніи безплодная, не могла и не можетъ. По свидѣтельству священнаго писанія, всякая мудрость отъ Господа Бога, и Самъ Онъ говоритъ тамъ же: Я вышелъ изъ устъ Всевышняго. Такимъ образомъ дѣйствительно искусно придумали, что мудрость родилась не такъ, какъ мы рождаемся, но изъ мозга Юпитера, чтобы показать ея особенное благородство, что она удалена отъ всякой земной нечистоты и грязи. Поэтому ей приписывается постоянная дѣвственность, слѣдовательно безплодность, чтобы дать понять, что мудрость никогда не ослабляется какимъ-нибудь соприкосновеніемъ со смертнымъ, наоборотъ, всегда чиста, всегда свѣтла, всегда безупречна и совершенна и по отношенію къ временному безплодна, потому что плоды мудрости вѣчны... Она покрыта тремя одеждами, чтобы дать понять, что слова мудрецовъ и въ особенности поэтовъ (fingentium) имѣютъ много значеній, а что у нея священный расшитый пеплумъ, чтобы мы понимали, что рѣчи мудрецовъ стройны, цвѣтисты, изящны и украшены высочайшей красотой. Ночные аттрибуты ей приписываются для того, чтобы показать, что мудрецъ размышленіемъ познаетъ скрытое во мракѣ и видитъ то, что бываетъ ночью во тьмѣ. Минервой она называется, какъ говоритъ Альберикъ, отъ mi, что значитъ не, и nerva — смертный, такъ что выходитъ, что мудрость безсмертна. Тритонія она называется отъ мѣста или отъ озера, гдѣ

---

[1]) Ibid. I, 20.

[2]) Ibid. III, 5; XI, 2; VII, 59 и passim.

она впервые появилась, каковымъ считается Тритонъ въ Африкѣ. Итакъ, изложивши эти вымыслы, слѣдуетъ перейти къ исторіи и узнать, что Минерва была нѣкая дѣвица, происхожденіе которой неизвѣстно. Обладая огромнымъ умомъ, она впервые появилась въ царствованіе въ Аргосѣ Форонея, какъ говоритъ Евсевій, около озера или болота Тритона въ Африкѣ, и никто не зналъ, изъ какихъ мѣстъ она пришла[1]“). Такое одновременное приложеніе различныхъ объясненій къ одному миѳу встрѣчается и еще нѣсколько разъ[2]).

Толкованія миѳовъ, составляющія бо́льшую часть книги, болѣе всего занимаютъ Боккаччіо. Не довольствуясь господствовавшими до него методами, онъ присоединяетъ къ нимъ и такой, который при болѣе систематическомъ и послѣдовательномъ приложеніи могъ дать научные выводы. „Слѣдуетъ знать, говоритъ онъ, что у древнихъ былъ обычай для возвышенія знатности происхожденія причислять къ богамъ извѣстными нечестивыми церемоніями и почитать храмами и жертвами основателей ихъ государствъ, а точно также и родителей государей и ихъ самихъ за какое-нибудь ихъ благодѣяніе, чтобы выразить свою благодарность и желаніемъ столь блестящей славы воодушевить другихъ къ благодѣяніямъ[3]“) Оставаясь простымъ компиляторомъ, когда дѣло идетъ о фабулѣ, Боккаччіо при ея толкованіи становится критикомъ и возражаетъ своимъ источникамъ[4]), за которыми онъ такъ послушно слѣдуетъ въ другихъ случахъ. Но эти критическія экскурсіи и вообще рѣдкіе проблески новаго научнаго духа не измѣняютъ общаго характера книги.

Позднѣйшіе изслѣдователи не одинаково относятся къ главному латинскому трактату Боккаччіо, Въ XIV столѣтіи „Генеалогія“ пользовалась большимъ успѣхомъ. Ф. Виллани своимъ отзывомъ объясняетъ причину ея популярности. „Это сочиненіе, говоритъ онъ, весьма пріятное, полезное и чрезвычайно удобное для желающихъ познать вымыслы поэтовъ (figmenta cognoscere); безъ него трудно было бы и понять поэтовъ, и заниматься поэтическимъ искусствомъ (vacare poeticae disciplinae). Оно съ удивительною остротою ума выводило наружу и какъ бы въ руки давало тайны (mysteria) поэтовъ и аллегорическій смыслъ, который скрывался или въ вымышленной исторіи или въ баснословномъ изложеніи[5]“). Совершенно

---

1) Ibid. II, 3.

2) Примѣры приведены у Hortis Studj p. 169—170 и 171.

3) De Genealog. II, 2.

4) Ibid. I, 2; IV, 27; VII, 17 и passim.

5) De famos. civ. y Galletti p. 17.

въ томъ же смыслѣ говоритъ о „Генеалогіи“ К. Салютати[1]). Но эта популярность не удержалась въ слѣдующемъ столѣтіи, по крайней мѣрѣ, среди передовыхъ гуманистовъ. Тѣсная связь книги съ средневѣковыми учеными и въ особенности ея стиль подорвали ея цѣну, и уже Кортезе и П. Джовіо отрицаютъ за ней всякое значеніе[2]). Въ XVIII столѣтіи отношеніе къ Генеалогіи мѣняется. Манни совершенно вѣрно выставляетъ на видъ ея важность для того „несчастнаго“ для науки времени[3]), а Бальделли впадаетъ даже въ диѳирамбическій тонъ, восхваляя „удивительную ясность“ книги, и тщательность и критику“ ея автора[4]). Г. Фогтъ вернулся къ точкѣ зрѣнія Кортезе и Джовіо и осудилъ книгу, какъ безсвязный сводъ разныхъ замѣтокъ[5]). Этотъ приговоръ, несправедливый самъ по себѣ, произнесенъ, кромѣ того, безъ вниманія ко времени появленія труда Боккаччіо. Иначе отнесся къ Генеалогіи Ландау. Онъ высоко ставитъ „чудовищную начитанность“ автора и удивительное для того времени пониманіе древнихъ авторовъ: „недостатки его книги принадлежатъ его времени; достоинства — ему самому[6]“). Это мнѣніе раздѣляютъ Кертингъ и Гейгеръ[7]).

Къ этимъ оговоркамъ можно прибавить еще спеціальную трудность миѳологическихъ изслѣдованій и въ особенности истолкованія миѳовъ, такъ какъ эта область служитъ до настоящаго времени объектомъ для самыхъ экстравагантныхъ гипотезъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что „Генеалогія боговъ“ Боккаччіо не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Прежде всего она не была оригинальна по идеѣ; Боккаччіо имѣлъ нѣсколько предшественниковъ: Франческино

---

1) Въ неизданномъ сочиненіи *De laboribus Herculis* онъ говоритъ: legant admirabile opus divini illius viri et compatriotae mei Ioannis Boccatii *De genealogia deorum*, qui omnium antiquorum super hac materia traditiones mirabiliter superavit (Цитата у Mazzuchelli, l. c. Vol. II, Part. III. p. 1337). Изъ приведенной тамъ же выдержки изъ письма Салютати видно, что и онъ, подобно Виллани, придавалъ главное значеніе истолкованію миѳовъ. На популярность сочиненія указываютъ и многочисленныя его рукописи, передѣлки и изданія. См. Ibid. и Hortis Studj. P. 220—221.

2) Ихъ отзывы приведены ниже.

3) Приведя отзывы Джовіо, Манни говоритъ: chiunque con sano giudicio risguardandoli, si pone davanti la malagevolezza, che vi avea in quel tempo, dirò così, infelice, di apprendere le cognizioni vastissime della cronologia, della geografia e sopra tutto della mitoligia, dara sentenza diversamente. L. c. p. 70.

4) Baldelli, l. c. p. 177.

5) Ein wüstes und gedankenloses Notizenmagazin. Voigt. I p. 172.

6) Landau p. 193 и слѣд. и p. 197.

7) Man darf das Buch ein für die damalige Zeit hochbedeutendes nennen. Körting p. 723. Cp. Geiger, Renais. und Human, p. 64—65.

дельи Альбицци, Форезе деи Донати[1]) и Паоло-да-Перуджіа[2]). Хотя онъ цитируетъ только послѣдняго автора[3]), но оба сочиненія находятся въ Zibaldone и ихъ порядокъ изложенія сохраненъ у Боккаччіо[4]). Вся его работа заключается въ дополненіяхъ какъ фактическаго содержаиія, такъ въ особенности толкованій. Но какъ историческій источникъ для эпохи и для біографіи автора миѳологическое сочиненіе Боккаччіо имѣетъ значительную цѣну. Прежде всего въ немъ отразились симпатіи автора, который по натурѣ беллетристъ-разсказчикъ, хотя и старается показать себя критикомъ. Кромѣ того, въ немъ чувствуется еще сильная связь начальнаго гуманизма съ предшествующей эпохой. Боккаччіо не только цитируетъ средневѣковыхъ писателей, но и относится къ нимъ съ уваженіемъ. Въ особенности это замѣтно по отношенію къ астрологіи. Говоря о богахъ, давшихъ названіе планетамъ, Боккаччіо подробно безъ малѣйшихъ слѣдовъ критики описываетъ ихъ физическія и духовныя свойства, ссылаясь на Альбумазара и своего „достопочтеннаго (venerabilis) учителя“. Андалона[5]). Далѣе, манера Боккаччіо ссылаться на нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ и называть въ отдѣльныхъ случаяхъ источники даетъ обильный матеріалъ для ихъ характеристики. Такъ, въ Генеалогіи находится много данныхъ для біографіи первыхъ грековъ Ренесанса — Варлаама и въ особенности Леонтія Пилата. Наконецъ, въ книгѣ Боккаччіо встрѣчается много автобіографическаго матеріала; особенно важны въ этомъ отношеніи 14-я и 15-я книги Генеалогіи, которыя по своему содержанію не имѣютъ ничего общаго съ темой.

Въ 14-й книгѣ „авторъ нападаетъ на враговъ поэзіи (poëtici nominis), отвѣчая на ихъ обвиненія“. Боккаччіо предвидитъ возраженія на свою книгу и на всю свою дѣятельность съ разныхъ сторонъ и заранѣе отвѣчаетъ на возможные нападки. Съ людьми невѣжественными, которые съ пренебреженіемъ относятся ко всякимъ

---

1) *Secundum Franceschinum de Albisio et Forese Donati genologia deorum incidit*. Напечатано у Hortis. Studj p. 537—542.

2) *Incipit liber geneologiae tam hominum quam deorum secundum Paulum de Perusio*. Напечатано Ibid. 525—536.

3) Цитаты Боккаччіо заимствованы однако не изъ этого сочиненія, потому что въ немъ совсѣмъ нѣтъ толкованій, а изъ Collectiones. См. Geneal. XV, 6.

4) Перуджино говоритъ quia dicturi sumus de geneologia tam hominum quam deorum et quia dii sunt digniores hominibus ergo opusculum a digniori parte summet exordium. Et quia tamen Demogorgon primus et summus omnium deorum fuerat de eo primum est agendum. У Hortis p. 526—527. У Альбицци и Донати сочиненіе начинается. Demogorgon primus omnium deorum genuit Cloton etc. Ibid. 537.

5) См. De Geneal. II, 2, 7, а также I, 6.

научнымъ занятіямъ, онъ не желаетъ спорить и ограничивается презрительною бранью[1]). Съ такимъ же презрѣніемъ относится онъ къ тѣмъ, которые, „не будучи мудрецами, желаютъ ими казаться[2]“). Настоящая полемика направлена противъ юристовъ и главнымъ образомъ противъ теологовъ и монаховъ, при чемъ Боккаччіо держится такой системы, что прежде самъ нападаетъ на враговъ, а потомъ опредѣляетъ поэзію и выясняетъ ея цѣну. Онъ не отвергаетъ важности юристовъ въ государствѣ и обществѣ. „Если они справедливо отправляютъ правосудіе (exerceantur jura), то они сдерживаютъ дурные нравы людей, возвышаютъ невинность и каждому обращающемуся къ нимъ даютъ то, что ему слѣдуетъ. Ими не только поддерживается въ своихъ силахъ нервъ государства, но увеличивается и улучшается вѣчная справедливость[3]“). Сущность обвиненій Боккаччіо противъ юристовъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что они слишкомъ корыстолюбивы, что „считаютъ достойнымъ похвалы только то, что блеститъ золотомъ“, и вслѣдствіе этого злоупотребляютъ закономъ. Изъ этого же личнаго недостатка вытекаетъ ихъ презрительное отношеніе къ поэзіи, которая не приноситъ выгоды, и чрезмѣрное преклоненіе передъ юриспруденціей, потому что она доставляетъ богатства. Между тѣмъ изученіе законовъ не наука, потому что оно требуетъ только памяти, а не ума и таланта. Кромѣ того, юриспруденція ниже поэзіи и въ другихъ отношеніяхъ: поэзія вѣчна, а законы „старѣютъ и умираютъ“; поэзія трактуетъ о возвышенныхъ матеріяхъ, а юриспруденція трактуетъ вопросы въ родѣ того, „можетъ ли пылкая женщина быть разведена съ холоднымъ мужемъ“ и т. п.[4])..

Съ такою же рѣзкостью нападаетъ Боккаччіо на схоластиковъ и монаховъ[5]) и выставляетъ противъ нихъ сдѣлавшееся обычнымъ среди гуманистовъ обвиненіе въ лицемѣріи „Exterminant facies suas, ut appareant vigilantes; они выступаютъ съ опущенными въ землю глазами, чтобы казаться всегда погруженными въ размышленія, ходятъ медленнымъ шагомъ, чтобы ихъ считали подавленными подъ излишней тяжестью возвышенныхъ спекуляцій. Они одѣваются въ по-

---

1) Cap. 2. Pauca adversus ignaros.

2) Cap. 3. Adversus eos, qui, cum non sint sapientes, cupiunt apparere.

3) Cap. 4. p. 854.

4) Ibid. p. 855 и слѣд.

5) Боккаччіо озаглавилъ эту главу (V) такъ: qui sint et quam multa poëtis quidam opponant; но его издатель сдѣлалъ такое примѣчаніе къ этому заглавію. In monachos et magistros nostros, quos puto aperte inscribere propter aetatis suae tyrannidem veritus est.

четное платье не потому, что у нихъ почтенный умъ, но чтобы обманывать другихъ мнимою святостью[1]") и т. д. словомъ, даетъ даетъ такое ихъ изображеніе, которое можетъ служить введеніемъ къ нѣкоторымъ новелламъ Декамерона. Изложивъ далѣе обвиненія, которыя возводятся на поэзію представителями старой науки и стараго благочестія, Боккаччіо излагаетъ свою точку зрѣнія. Поэзія, по его мнѣнію, „знаніе", „наука", которая подъ покровомъ вымысла поучаетъ добродѣтели[2]). Исходя изъ этого положенія, Боккаччіо опровергаетъ своихъ противниковъ, иллюстрируя иногда примѣрами изъ современности и ихъ нападки[3]), и благотворное дѣйствіе поэзіи[4]).

Послѣдняя книга Генеалогіи представляетъ собою защиту авторомъ самого себя, которая распадается на двѣ части[5]). Въ первой Боккаччіо выясняетъ пользу и значеніе своей книги, оправдываетъ распредѣленіе въ ней матеріала, его обработку и пользованіе источниками. Какъ особенную заслугу выставляетъ онъ тотъ фактъ, что „всѣ фабулы или исторіи заимствованы исключительно изъ комментарій древнихъ[6]") и что если онъ пользуется новыми авторами, то лишь весьма немногими, которые выдаются своей ученостью[7]). Во второй части[8]) Боккаччіо оправдываетъ свой выборъ темы. Въ замѣчательной по автобіографическимъ даннымъ десятой главѣ онъ доказываетъ, что необходимо выбирать такія занятія, къ которымъ чувствуешь склонность. Не отрицая значенія другихъ наукъ и даже ремеслъ, Боккаччіо разсказываетъ свою автобіографію въ доказательство того, что онъ родился поэтомъ[9]). Затѣмъ онъ оправдывается съ религіозной точки зрѣнія. Въ двухъ главахъ доказываетъ онъ, что христіанинъ можетъ заниматься языческой поэзіей и миѳологіей[10]) и формулируетъ

---

1) Ibid. p. 358.

2) De Geneal. XIV. C. 6, 7 и 8.

3) Ibid. C. 15.

4) Ibid. C. 22.

5) Компендіумъ этой книги сдѣланъ Mussafia подъ заглавіемъ Le difese di un illustre. Hortis p. 198.

6) Ibid. C. 5.

7) Ibid. C. 6. Эти авторы Andalo, Dantes, Franciscus de Barbarino, Barlaam, Paulus Perusinus, Theodontius, Franciscus Petrarca. Боккаччіо характеризуетъ каждаго изъ нихъ, такъ что эта глава имѣетъ значеніе для его біографіи.

8) Ее составляютъ собственно главы 8—11; 12-я относится къ первой части, а 13 и 14 составляютъ заключеніе.

9) Cap. 10. p. 396 и 397.

10) Cap. 8. Gentiles poëtas mythicos esse teologos и Cap. 9. Non indecens esse quosdam christianos tractare gentilia.

свой строго-католическій символъ вѣры[1]). Наконецъ, онъ считаетъ даже необходимымъ оправдаться отъ наивнаго обвиненія, что не слѣдуетъ обнаруживать недостатки древнихъ и вообще умершихъ[2]).

Какъ историческій источникъ, 14-я и 15-я книги Генеалогіи боговъ имѣютъ весьма важное значеніе. Независимо отъ фактическихъ данныхъ для біографіи Боккаччіо[3]) и современной ему эпохи, въ этихъ книгахъ мы находимъ отраженіе почти всего міросозерцанія одного изъ первыхъ гуманистовъ: его взглядъ на поэзію и религіозныя воззрѣнія, отношеніе къ разнымъ наукамъ и ихъ средневѣковымъ представителямъ, его пониманіе человѣческой природы и моральныхъ вопросовъ. Аттиліо Гортисъ въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи о латинскихъ сочиненіяхъ Боккаччіо идетъ еще далѣе и склоненъ приписать этимъ книгамъ всемірно-историческое значеніе. Безъ труда доказавши, что обвиненія противъ поэзіи, о которыхъ говорится въ нихъ, вполнѣ реальны, а не придуманы авторомъ, Гортисъ доказываетъ, что идеи, которыми Боккаччіо защищаетъ поэзію, вполнѣ оригинальны и что онъ первый „провозгласилъ свободу искусства и поэзіи[4]“). Но ни одно изъ этихъ положеній не оправдывается фактами. Гортисъ признаетъ, что „по понятію Боккаччіо, поэзія не что иное, какъ союзница морали, и союзница второстепеннаго значенія (di minor levatura)“, но что это „только щитъ противъ ея порицателей“. „Боккаччіо, — говоритъ онъ, доказывая, что поэтъ служитъ богословію и морали, хотя и другими путями, чѣмъ теологи и моралисты, — полагаетъ первое основаніе освобожденію поэта отъ тѣхъ и отъ другихъ. Въ Декамеронѣ онъ на фактѣ эмансипировалъ искусство; въ двухъ послѣднихъ книгахъ Генеалогіи боговъ онъ приготовился провозгласить новый статутъ, статутъ умѣренный по формѣ, но радикальный по существу[5]“). Вмѣсто доказательства, Гортисъ сравниваетъ Боккаччіо съ Абеляромъ, который при всемъ своемъ свободомысліи отрицалъ языческихъ поэтовъ, и съ Іоанномъ Салисбёрійскимъ, который, допуская античную науку, видѣлъ въ поэзіи развратъ, и дѣлаетъ слѣдующій выводъ. „Боккаччіо, который хотѣлъ, чтобы поэзія служила морали, не дошелъ до провозглашенія свободнаго слова: искусство для искусства,

---

1) Въ 9-й главѣ.

2) Cap. 11. Damnose compatimur regibus et diis gentilium.

3) Кромѣ отмѣченныхъ мѣстъ, важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ Cap. 13.

4) Qui incomincia la originalita del Boccaccio; egli primo proclama la libertà dell'arte e della poesia, avvicinandosi all'idee degli antichi. Studj. p. 210.

5) Ibid. p. 211.

и, пустивъ въ ходъ этотъ принципъ на дѣлѣ, онъ предоставилъ заботу провозгласить его потомкамъ, дѣтямъ болѣе свободнаго времени. Но пока въ теоріи онъ сдѣлалъ огромный шагъ къ свободѣ, осмѣлившись утверждать противъ порицателей поэтовъ, которыхъ оскорбительно называли „обезьянами философовъ", что поэзія есть наука, независимая отъ философіи"[1]). Прежде всего, этотъ выводъ не совпадаетъ съ положеніемъ, что Боккаччіо первый провозгласилъ свободу поэзіи. Кромѣ того, теорія, которую онъ развиваетъ въ своей книгѣ, если и представляетъ шагъ впередъ, то только потому, что съ церковной точки зрѣнія оправдываетъ raison d'être поэзіи и нѣсколько расширяетъ ея объектъ, выводя ее за тѣсные предѣлы церковной легенды и религіознаго гимна. Но по самому своему содержанію она совершенно не выдерживаетъ никакой критики: Боккаччіо въ романахъ и Петрарка въ Rime стоятъ въ непримиримомъ съ нею противорѣчіи, въ которое неизбѣжно станетъ и всякое истинно поэтическое произведеніе. Эта теорія явилась только, какъ жалкій результатъ неудачной попытки примирить новыя потребности съ средневѣковымъ аскетизмомъ. Наконецъ, невѣрно утвержденіе, будто Боккаччіо „оригиналенъ" въ своей защитѣ поэзіи. Его теорія цѣликомъ заимствована у Петрарки, котораго онъ не только цитируетъ, но иногда прямо пересказываетъ[2]).

Изъ двухъ историческихъ сочиненій Боккаччіо болѣе раннее посвящено женщинѣ[3]). Это пестрое собраніе анекдотическихъ замѣ-

---

[1]) Ibid. p. 214. Впрочемъ Боккаччіо говоритъ не о независимости поэтовъ отъ философовъ, а объ ихъ родствѣ при несущественныхъ различіяхъ. Si satis intelligerent (detractores) poëtarum carmina, adverterent omnes non simias, sed ex ipso philosophorum numero computandos, cum ab eis nil praeter philosophiae consonum juxta veterum opiniones fabuloso tegatur velamine... Nam esto a philosophicis non devient conclusionibus, non tamen in eas eodem tramite tendunt: philosophus, ut satis patet, syllogizzando, reprobat, quod minus verum existimat et eodem modo apropobat quod intendit et hoc apertissime prout potest poëta, quod meditando concepit sub velamento fictionis, syllogismis omnino amotis, quanto artificiosius potest, abscondit. Philosophus stilo prosaico, ut saepius et ejus fere parvipendens ornatum scribere consuevit; poëta-metrice, summa cum cura, exquisito decore conspicuo. Philosophorum insuper est in gymnastis disputare, poëtarum in solitudinibus canere XIV, 17. Philosophorum simias minime poëtas esse. p. 375—376.

[2]) Ср. XIV, 12 съ Invectiva contra Medicum p. 1219. *Scheffer-Boichorst* въ своей статьѣ *Petrarca und Boccaccio über die Entstehung der Dichtkunst* (въ Zeitschrift für roman. Philol. 1882 p. 598 и слѣд.) показалъ, что и въ другихъ сочиненіяхъ Боккаччіо неуклонно слѣдовалъ въ этомъ вопросѣ Петраркѣ.

[3]) Фогтъ ошибочно называетъ эту книгу das älteste unter den lateinischen Werken Boccaccios (I. 170). Landau вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что она написана не ранѣе 1362 года. (Guov. Bocc. p. 210—211); съ нимъ согласенъ и Hortis. (Studj.

токъ о женщинахъ, миѳическихъ и реальныхъ, всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ праматери Евы и кончая королевой Іоанной Неаполитанской. Боккаччіо посвятилъ книгу сестрѣ Н. Аччайуоли, Андреинѣ, графинѣ Альтавилла[1]), и въ адресованномъ къ ней письмѣ излагаетъ цѣль своего сочиненія — похвалить женскій полъ и доставить удовольствіе друзьямъ[2]). Этою цѣлью обусловливается отчасти и содержаніе книги: Боккаччіо исключаетъ изъ нея библейскихъ и христіанскихъ знаменитостей, потому что ихъ подвиги облегчались божественной помощью и ихъ жизнь обстоятельно описана[3]). Кромѣ Евы, которая, согласно съ средневѣковыми привычками начинаетъ книгу, большинство знаменитыхъ женщинъ заимствовано изъ древняго міра, при чемъ на ряду со смертными фигурируютъ почти всѣ богини и такія легендарныя существа, какъ Медея, Іокаста, Ніоба и проч. Обиліе такихъ біографій не препятствуетъ Боккаччіо считать свою книгу сочиненіемъ историческимъ, потому что онъ нимало не сомнѣвается въ реальномъ существованіи поэтическихъ образовъ, какъ Пенелопа, Кассандра, амазонки и т. п. При толкованіи миѳовъ Боккаччіо болѣе послѣдовательно, чѣмъ въ Генеалогіи, держится эвгемеризма, вслѣдствіе чего богини представляются ему просто знаменитыми женщинами[4]). Біографическія свѣдѣнія объ историческихъ женщинахъ древняго міра

p. 89). Рукописи книги у Mazzuch. II, III p. 1339; ея первое изданіе относится къ 1473. О другихъ изданіяхъ См. Landau p. 219—20. Zambrini p. 22 и слѣд. и Hortis p. 756. и слѣд. Я пользуюсь: *Ioannis Boccatii de Certaldo insigne opus de Claris Mulieribus*. И въ концѣ: *Excusum Bernae. Helvet. per Mathiam Apiarium Anno MDXXXIX*. Не имѣющіе важнаго значенія варіанты къ біографіямъ Ніобы (Cap. 14), Арахны (Cap. 16) и Манто (C. 28) и небольшое дополненіе къ заключенію впервые напечатано у Гортиса p. 111—113.

[1]) Epistola dedicatoria mulieri clarissimae Andreae de Acciarolis de Florentia Altevillae Comitissae перепечатано съ ошибками у Corazzini p. 231. Литература о ней приведена у Hortis'a p. 92. См. также Tanfani, Vita di Niccolò Acciajuoli.

[2]) In eximiam muliebris sexus laudem et amicorum solatium potius, quam in magnum reipublicae commodum libellum scripsi. Ep. ini = in initio.

[3]) Предисл. in fine.

[4]) Для характеристики пріемовъ Боккаччіо достаточно привести его разсужденіе о Венерѣ. Hanc esse duobus nupsisse viris creditum est. Primo nupserit non satis certum, nupsit ergo (ut placet aliquibus) ante Vulcanum Lemnorum regi et Iovis Cretensis filio; quo sublato, nupsit Adoni, filio Cynyrae atque Myrrhae regis Cypriorum, quod verisimilius mihi videtur, quam si primum virum Adonem dixerimus, eo quod seu complexionis suae vitio, seu regionis inflectione in qua plurimum videtur posse lascivia, seu mentis corruptae malicia factum sit, Adone jam mortuo, in tam grandem luxuriae pruritum lapsa est, ut omnem decoris sui claritatem crebris fornicationibus maculasse videretur, cum jam adjaecentibus regionibus notum foret etc. De claris mulieribus f. VI. Другіе примѣры приведены у Hortis p. 98.

не представляютъ никакого интереса ни по содержанію, ни по его обработкѣ: Боккаччіо переписываетъ изъ древнихъ писателей то, что имѣетъ анекдотическій интересъ. Историческая критика почти совершенно отсутствуетъ: авторъ даже плохо разбираетъ свои источники, смѣшиваетъ, напр., Веренику съ Лаодикой[1]). Средневѣковыя женщины занимаютъ весьма скромное мѣсто въ книгѣ Боккаччіо: изъ 105 біографій имъ отведено только 7, притомъ біографіи Брунегильды и византійской императрицы Ирины[2]) не имѣютъ значенія, разсказы о Энгельтрудѣ изъ Флоренціи и Каміолѣ изъ Сіены[3]) представляютъ собою нехарактерные анекдоты; нѣкоторый интересъ имѣютъ только жизнеописанія Констанціи, матери Фридриха II, папессы Іоанны и ея тезки неаполитанской королевы.

Біографія Констанціи можетъ служить образцомъ несовершенства историческихъ пріемовъ Боккаччіо: въ ней обнаруживается и его невнимательность къ фактической точности, и непониманіе общаго положенія тогдашнихъ дѣлъ, и излишнее стремленіе къ занимательности въ ущербъ исторической достовѣрности, и пристрастная окраска лицъ и событій. Въ его разсказѣ Констанція — дочь Вильгельма II, о бракѣ которой съ Генрихомъ VI заботится папа[4]). Въ основу біографіи положено пророчество одного аббата, что Констанція будетъ причиною бѣдствій для Сициліи[5]), вслѣдствіе чего отецъ заключилъ ее въ монастырь, гдѣ она оставалась до старости. Вышедши замужъ съ нарушеніемъ иноческаго обѣта, она на 55 году родила Фридриха II[6]), который „потомъ сдѣлался чудовищнымъ человѣкомъ, чумою не только для Сициліи, но и всей Италіи". Біографія папессы Іоанны представляетъ интересъ какъ историческій источникъ, потому что Боккаччіо въ своемъ разсказѣ слѣдуетъ не интерполированному Мартину изъ Польши, а непосредственнымъ народнымъ преданіямъ, и его изложеніе составляетъ новый варіантъ этой легенды[7]). Наконецъ, отношеніе къ королевѣ Іоаннѣ имѣетъ біографическій интересъ для самого автора.

---

1) См. Schück (*Boccaccios lateinische Schriften* въ Neue Jahrbücher für Philol. und Pädagog. 13. 110. 1874 p. 472).

2) Cap. 104 f. LXXIX и Cap. 100 f. LXXIII. *Schück* (l. c. p. 468) утверждаетъ, что біографія Брунегильды заимствована позднѣйшими издателями изъ De casibus virorum.

3) Cap. 101 f. LXXV и Cap. 103 f. LXXVI.

4) Summo consentiente pontifice f. LXXVI.

5) Ioachim quidam Calaber Abbas, prophetico dotatus spiritu, Guilielmo dixit, natam regni Siciliae desolationem futuram. Ibid.

6) См. Quinquagesimum et quintum aetatis annum agens annosa conciperet. Ibid.

7) См. *Döllinger. Die Papstfabeln des Mittelalters. München 1863,* p. 24.

Боккаччіо, бичевавшій въ эклогахъ знаменитую преступницу, осыпаетъ ее похвалами въ посвященіи и заканчиваетъ книгу напыщеннымъ панегирикомъ.

Новѣйшіе изслѣдователи рѣзко расходятся въ оцѣнкѣ книгѣ „О знаменитыхъ женщинахъ" съ современниками ея автора и ближайшимъ къ нему потомствомъ: Фогтъ называетъ книгу „деревянной[1]"), Кёртингъ — совершенно незначительной[2]). Ландау отрицаетъ въ ней всякую этическую и историческую цѣну[3]), тогда какъ Ф. Вилани предпочиталъ ее древнимъ авторамъ[4]), а монахъ Филиппо да Бергамо въ XV вѣкѣ совершилъ литературную кражу, включивъ цѣликомъ книгу Боккаччіо въ свое сочиненіе „О знаменитыхъ и избранныхъ женщинахъ[5]"). Не подлежитъ сомнѣнію, что по *фактическому* содержанію книга Боккаччіо не имѣетъ теперь почти никакой цѣны, но по настроенію и взглядамъ автора она принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ памятниковъ гуманистической литературы. Прежде всего весьма характеренъ самый фактъ ея появленія. Боккаччіо, первый историкъ женщины, любилъ предметъ своего изслѣдованія со всѣми ея слабостями и былъ большимъ знатокомъ ея красоты, какъ это видно изъ его романовъ и преимущественно изъ Декамерона[6]). Правда, Ландау утверждаетъ, что между этой книгой и Декамерономъ нѣтъ ничего общаго. „Какой-нибудь благочестивый монахъ, никогда не покидавшій своей кельи, могъ бы написать эту книгу такъ же хорошо, или вѣрнѣе, такъ же плохо, какъ и Боккаччіо[7]"). De claris mulieribus, по его мнѣнію, — результатъ раскаянія автора веселыхъ новеллъ. „Боккаччіо слишкомъ восхвалялъ въ Декамеронѣ прекрасныя, а иногда и гнусныя слабости женскаго характера, а здѣсь, какъ бы желая наказать себя за это, впалъ въ противоположную крайность[8]"). Съ этими положеніями никоимъ образомъ нельзя согласиться. Прежде всего, книга Боккаччіо не только чужда монашескато духа, но и проникнута анти-аскетическимъ настроеніемъ. Допуская, что женщина слабѣе мужчины и духомъ, и тѣ-

¹) Voigt. I p. 171.

²) Boccaccio's Leben und Werke p. 733.

³) Landau p. 213.

⁴) По словамъ Виллани, въ книгѣ Боккаччіо tanta facundia et gravitas, ut priscorum altissima ingenia ea in re dicatur merito superasse. У Galetti p. 17.

⁵) *Fra Giacomo Fillippo da Bergamo. De claris selectisque muliebrius. Ferrara 1497.* См. Hortis. p. 78.

⁶) Это положеніе едва ли нуждается въ доказательствахъ для всякаго, кто читалъ итальянскія произведенія Боккаччіо. Впрочемъ у Hortis'а (p. 69 и слѣд.) приведена масса цитатъ для этого вопроса.

Landau p. 211. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Schück (l. c. p. 471).

Ibid. p. 213.

ломъ, авторъ тѣмъ не менѣе написалъ свою книгу „въ особенную похвалу женскаго пола“, заслуги котораго тѣмъ выше, что ему приходится преодолѣвать свои слабости[1]). Это прославленіе женщины вытекаетъ такимъ образомъ изъ общаго взгляда на благородство и могущество человѣческой природы, который съ особенной ясностью обнаруживается въ объясненіи Боккаччіо, почему онъ исключилъ изъ своей книги святыхъ и ограничился однѣми язычницами. „Первыя, — говоритъ онъ, ради вѣчной и истинной славы, весьма часто принуждали себя къ терпѣнію, почти противному человѣческой природѣ (sese fere in adversam persaepe humanitatis tolerantiam coegere[2]), подражая святымъ предписаніямъ и примѣрамъ наставниковъ, тогда какъ послѣднія подъ вліяніемъ (percitae) или нѣкоего дара природы, или инстинкта, или чаще страсти къ здѣшнему мимолетному блеску, однако не безъ могучей силы ума достигали славы или переносили весьма часто самые тяжелые удары гнетущей судьбы[3]“). Совсѣмъ не по-монашески относится Боккаччіо и къ славѣ. Онъ рѣшительно заявляетъ въ предисловіи, что не думаетъ отождествлять славу съ добродѣтелью[4]), и вноситъ въ свою книгу, написанную въ „похвалу женскаго пола“ всѣхъ его представительницъ, которыя чѣмъ бы то ни было достигли извѣстности. Вслѣдствіе этого между знаменитыми женщинами на ряду съ Лукреціей и Корнеліей фигурируютъ Венера и папесса Іоанна. Едва ли можно отрицать, что такая точка зрѣнія не далеко ушла отъ Декамерона. Преклонный возрастъ Боккаччіо обнаруживается главнымъ образомъ въ томъ, что убѣжденіе въ несовершенствѣ женской природы сравнительно съ мужской красной нитью проходитъ чрезъ все сочиненіе[5]) и

---

[1]) Si extollendi sunt homines, dum concesso sibi robore, magna fecerint, quanto amplius mulieres (quibus fere omnibus a natura rerum mollicies insita et corpus debile ac tardum ingenium datum est) si virilem evaserint animum ac ingenio celebri ac virtute conspicua audeant atque perficiant etiam dificillima vires extollendae sunt. (Предисловіе in initio) Ср. Прим. 2 p. 430.

[2]) У стариннаго переводчика Боккаччіо Betussi эта фраза передана такъ: si sono sforzate spessime volte vincere loro medesime contro l'avversita e miserie umane.

[3]) Въ изданіи 1539 года это мѣсто, повидимому, испорчено: non absque tamen acri mentis robore devenere, vel fortunae urgentis impulsu, nonnunquam gravissima pertulere. (Пред. in fine). Бетусси переводитъ: non senza però gran fortezza di mente, sono a nome d'eternità pervenute, supportando molte volte grandissime disgrazie ed infiniti assalti di fortuna.

[4]) Non enim est animus mihi hoc claritatis nomen adeo strictim sumere, ut semper in virtutem videatur exire, quinimo in ampliorem sensum (bona cum pace legentium) trahere et illas intelligere claras, quas quocunque ex facinore orbi vulgato sermone notissimas novero. Ibid. in medio.

[5]) См. примѣры у Hortis p. 79. Впрочемъ такой взглядъ встрѣчается и въ Декамеронѣ.

что вообще взглядъ его на семью и семейную нравственность сдѣлался нѣсколько строже. Въ концѣ біографіи Камиллы, царицы вольсковъ, онъ развиваетъ теорію воспитанія дѣвушекъ, въ которой требуетъ усмирять трудомъ дурныя желанія, избѣгать всяческихъ удовольствій, которыя могутъ повести къ соблазну, и болѣе всего заботиться о сохраненіи цѣломудрія[1]). Въ другой біографіи онъ даетъ такое опредѣленіе этой добродѣтели, подъ которымъ можетъ подписаться самый строгій моралистъ[2]); и подобныя нравственныя назиданія такъ часто перерываютъ изложеніе, что придаютъ всей книгѣ дидактическій характеръ. Но, превратившись въ проповѣдника женской добродѣтели, Боккаччіо тѣмъ не менѣе весьма далекъ отъ монашескихъ идеаловъ. Такъ, о законной любви онъ говоритъ съ большимъ сочувствіемъ. „Воспламененная огнемъ разума, она не жжетъ до безумія, но согрѣваетъ симпатію (in complacentiam calefacit) и соединяетъ сердца такою пріязнью (charitate), что у нихъ всегда одинаковыя желанія; привыкши къ мирному единенію, она ничего не упускаетъ, съ жаромъ и усердіемъ дѣлаетъ все для своего продолженія. Если судьба неблагопріятна, она добровольно беретъ на себя труды и опасности, въ высшей степени заботливо измышляетъ планы и находитъ средства для спасенія, измышляетъ даже обманъ, если этого требуетъ необходимость“[3]).

Тѣсная связь сочиненія „О знаменитыхъ женщинахъ“ съ итальянской прозой Боккаччіо обнаруживается не только въ основномъ сходствѣ настроенія, но и въ формѣ изложенія, и даже въ фактическомъ содержаніи. Желая быть ученымъ, Боккаччіо тѣмъ не менѣе остается разсказчикомъ и въ этой книгѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. На первомъ планѣ у него всегда занимательная фабула, анекдотъ, который по содержанію своему иногда совершенно совпадаетъ съ новеллой. Таковъ разсказъ о римлянкѣ Паулинѣ[4]), почти тождественный съ 2-й новеллой 4-го дня, только монахъ Декамерона замѣненъ здѣсь юношей Мундусомъ, а архангелъ Гавріилъ — богомъ Анубисомъ.

---

1) De claris mulieribus f. XXV и XXVI.

2) Pudica mulier должна не только ab amplexibus exterorum virorum abstinere, но также opportet matronam, ut pudica integre dici possit, ante alia cupidos vagosque frenare oculos eosque intra vestimentorum suorum simbrias cohercere, verba non solum honesta, sed pauca et pro tempore effundere, otium tamquam certissimum et perniciosissimum pudicitiae hostem effugere, a comessationibus abstinere etc. De Sulpitia, Fulvii conjuge. f. XLVI.

3) De conjugibus Meniarum C. XXI. fol. XXI.

4) Cap. LXXXIX. De Paulina Romana foemina. fol. LXIII и LXIV.

Наконецъ, книга Боккаччіо представляетъ большой интересъ для характеристики отношенія автора къ классическимъ писателямъ и къ Петраркѣ. Боккаччіо далекъ отъ рабскаго преклоненія передъ своими образцами: онъ не желаетъ исключать изъ своей книги средневѣковыхъ знаменитостей; отсутствіе подобнаго сочиненія въ извѣстной ему древней литературѣ и у Петрарки не только не отнимаетъ у него желанія написать исторію женщинъ, а наоборотъ только возбуждаетъ охоту пополнить этотъ пробѣлъ. Онъ дѣйствуетъ самостоятельно, критически относится къ предшественникамъ, *удивляется* ихъ непослѣдовательности, потому что они не желаютъ похвалить женщинъ за то, за что хвалятъ мужчинъ[1]). Причина молчанія о женщинахъ такого ихъ ненавистника, какимъ является Петрарка въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ, вѣроятно, хорошо была извѣстна Боккаччіо, но это не помѣшало ему похвалить то, что съ такимъ жаромъ порицалъ его учитель: въ своей литературной дѣятельности онъ слѣдовалъ личному настроенію, которое въ данномъ случаѣ болѣе рѣшительно примыкало къ Ренесансу, чѣмъ вѣчное самопротиворѣчіе пѣвца Лауры.

Второе сочиненіе историческаго содержанія — „*О несчастіяхъ знаменитыхъ людей*“[2]), точно также насквозь пропитано дидактизмомъ. Въ предисловіи къ книгѣ Боккаччіо такъ формулируетъ свою главную задачу: „что можетъ быть лучше, какъ напрячь всѣ силы, чтобы вернуть заблуждающихся къ лучшей честной жизни (ad frugem melioris vitae), стряхнуть пагубный сонъ съ нерадивыхъ и сонливыхъ, чтобы подавить пороки и возвысить добродѣтели“[3]). Біографіи служатъ такимъ образомъ только фактической иллюстраціей къ проповѣди, при чемъ авторъ беретъ примѣры изъ жизни знаменитыхъ людей и главнымъ образомъ правителей для того, чтобы подѣйствовать преимущественно на исправленіе этихъ послѣднихъ и чрезъ это принести пользу государству[4]). Дидактическая цѣль Бок-

---

1) Sane miratus sum plurimum adeo modicum apud hujusce viros potuisse mulieres, ut nullam memoriae gratiam in speciali aliqua descriptione consecutae sint, cum liquido ex amplioribus historiis constet, tam strenue, quam fortiter egisse nonnullas. Пред. in initio. Смѣлое отклоненіе Боккаччіо отъ авторитета Виргилія въ біографіи Дидоны отмѣтилъ Geiger (l. c. 67—68).

2) Бальделли относитъ это сочиненіе къ 1373 году (l. c. p. 386). Объ изданіяхъ и переводахъ См. Hortis, p. 764 и слѣд. Landau p. 219. Zambrini p. 20 и слѣд. Я пользуюсь *Ioannis Bocatii de Certaldo, Historiographi clarissimi, De casibus virorum illustrium libri IX. Augustae Vindelicorum. Cum gratia et privilegio Caesareo singulari anno MDXLIIII.*

3) De casibus p. 3.

4) Exquirenti mihi, quid ex labore studiorum meorum possem forsan Reipublicae utilitatis addere, occurrere praeter creditum multa, majori tamen ornatu in mentem

каччіо сказалась не только на выборѣ матеріала, но и на его расположеніи и обработкѣ. Обыкновенно за каждой біографіей слѣдуетъ нравоученіе въ формѣ проповѣди противъ того порока, который обнаружился въ только что разсказанномъ фактѣ. Такъ, глава 1-я первой книги трактуетъ „объ Адамѣ и Евѣ, нашихъ прародителяхъ“, а вторая озаглавлена: „Противъ неповиновенія“; послѣ біографіи Немврода, глава „Противъ гордыхъ“; послѣ Тезея — „Противъ излишняго и неосмотрительнаго легковѣрія“[1]) и т. д. Для большей убѣдительности за главнымъ примѣромъ послѣ нравоученія слѣдуютъ часто еще нѣсколько фактовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе плачущихъ“, „Жалобы нѣкоторыхъ“ и т. п.[2]). Съ этой же цѣлью вѣроятно, историческіе факты изложены иногда въ формѣ видѣнія автора, который ведетъ разговоръ съ нѣкоторыми несчастными знаменитостями[3]). Самые примѣры Боккаччіо заимствуетъ главнымъ обуазомъ изъ исторіи древняго востока и античнаго міра; только въ двухъ послѣднихъ книгахъ появляются тѣни средневѣковыхъ несчастливцевъ и нѣкоторыхъ современниковъ[4]), которыя играютъ ту же самую роль, какъ и древнія знаменитости.

„Несчастія знаменитыхъ людей“ пользовались огромной популярностью въ XV и XVI столѣтіяхъ; на однихъ дѣйствовали самые

---

sese ingessere principum atque praesidentium quorumcunque obscoenae libidines, violentiae truces, perdita otia, avaritia inexplebilis, cruenta odia, ultiones armatae, praecipitesque et longe plura scelesta facinora. Ibid. p. 3. Въ заключеніи книги Боккаччіо говоритъ: vos autem, qui celsa tenetis imperia, aperite oculos et aures reserate etc. IX, 27 p. 272—273.

[1]) De casibus. I, 1, 2, 3, 4, 9, 5 p. 4 и passim.

[2]) См. напр. Adventus flentium II, 6 Querellae quorundam II, 19 Quidam tristes Augusti IX, 2 Imperatores miseri plures flentesque Langobardi IX, 4 и проч. Въ полной формѣ нравоученіе состоитъ изъ 3 главъ въ такомъ порядкѣ: напр. III, 6 De Xerxe, 7 In coecitatem mortalium, 8 Infelices aliqui.

[3]) Изложеніе начинается такъ: Duorum nostrorum mortalium dum flebiles casus (ut satis dignum principium in fortuniis assumerem ex dejectorum multitudine) animo volverem, et ecce senes astitere duo tam grandi annositate graves, ut vix artus tremulos posse trahere viderentur etc. De casib. p. 6. Ср. Hortis p. 120.

[4]) Изъ среднихъ вѣковъ Боккаччіо беретъ слѣдующія біографіи: въ 8-й книгѣ C. 19. De Arcturo, Bretonum rege. C. 22 De Rosimunda; въ 9-й C. 1. De Brunegilde, Francorum regina. C. 3. De Romilda, Forojulianorum ducissa. C. 5. De Desiderio, Longobardorum rege. C. 7. De Ioanne XII papa. C. 9. De Diogene, Constantinopolitano imperatore. C. 11. De Andronico, Constantinopolitano imperatore C. 16. De Henrico, Romanorum rege. C. 19. De Carolo, Siculorum rege. Изъ современниковъ, о которыхъ Боккаччіо могъ имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ или которыхъ онъ зналъ лично, въ его книгѣ говорится: De Jacobo, Templariorum magistro (IX, 21), De Gualtero, Athenarum duce (IX, 24), и De Philippa Cataneusi (IX, 26). Объ источникахъ см. Schück, l. c. p. 479—480.

разсказы, на другихъ — моральный выводъ, третьимъ была симпатична политическая тенденція. Циглеръ, аугсбургскій издатель этой книги въ XVI столѣтіи, божится, что ни одно сочиненіе не доставляло ему такого удовольствія, какъ это собраніе разнообразныхъ „исторій" различныхъ авторовъ[1]). Джіованни Понтано вполнѣ удовлетворенъ назидательнымъ моральнымъ выводомъ, который научаетъ человѣка довольствоваться своимъ положеніемъ[2]). Нравственная польза книги Боккаччіо побудила нѣкоего Monradus Moltherus Augustanus написать къ ней обширныя глоссы и исправить нѣкоторыя фактическія ошибки[3]). Доминиканецъ Жанъ Пети (Ioannes Parvus) ссылается на „знаменитаго моральнаго философа Іоанна Боккаччіо" и черпаетъ изъ его книги многочисленные аргументы для своего сочиненія „*Оправданіе герцога Бургундскаго за убійство герцога Орлеанскаго*", которую онъ написалъ для Констанцскаго собора[4]). Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія Бальделли находилъ эту книгу „болѣе поучительной, чѣмъ курсъ этической философіи"[5]). Совершенно иначе относятся къ этому сочиненію Боккаччіо современные изслѣдователи: Фогтъ посвящаетъ нѣсколько строкъ книгѣ, которая представляется ему подражаніемъ Петраркѣ[6]), Ландау вынесъ изъ нея только тяжелое впечатлѣніе[7]). Нѣсколько снисходительнѣе Гортисъ, который находитъ въ книгѣ драматиче-

---

1) Ego, *ut dejurare licet,* nihil umquam vidi, quod magis delectare posset quoque plus emolumenti habeat. Innumerabiles in unum habes collectas historias, quae alioquin dispersae varios haben auctores. Въ изданіи De casibus 1544 года.

2) Tuque, qui parva, studiose lector,
Sorte contentus frueris, beatus
Infimae, ne poeniteat tuae te
Conditionis.
Exitum, qualem fuerint adepti,
Quos potens ad sydera sustulit sors,
Diligenter si relegis volumen
Ipse videbis. Ibid. Тамъ же приведено и еще нѣсколько панегирическихъ стихотвореній.

3) Глоссы въ рукописи университетской библіотеки въ Базелѣ (O. III. I). Hortis напечаталъ эпистолярное посвященіе Монрада, гдѣ онъ, объясняя значеніе книги, говоритъ между прочимъ pulchrum esse vitam nostram ex aliorum erratis in melius instituere. Письмо датировано M. D. XXX. V. См. Hortis, p. 152—54.

4) *Jean Petit, Justificatio ducis Burgundiae supra caede ducis Aurelianensis.* См. *Marheinecke, Geschichte der christlichen Moral in den der Reformation vorhergehenden Jahrhunderten. 1. Theil. Nürnberg und Sulzbach 1806* p. 162—208.

5) L. c. p. 184.

6) Voigt. I. p. 171—172.

7) Landau находитъ, dasz man mit einem freudigen Gefühle der Erlösung das Buch aus der Hand legt, um es nicht wieder aufzuschlagen. P. 218.

скій интересъ и признаетъ за ея авторомъ умѣнье вѣрно воспроизводить характеры дѣйствующихъ лицъ[1]). Но и Гортисъ весьма низко ставитъ Боккаччіо, какъ историка[2]); по его мнѣнію, дидактическая цѣль автора лишила исторической цѣны его книгу[3]). Дѣйствительно, большинство біографій съ исторической точки зрѣнія не имѣютъ никакого значенія; даже тѣ изъ нихъ, для которыхъ Боккаччіо могъ пользоваться непосредственными источниками, какъ въ разсказѣ о судьбѣ Молэ и герцога Аѳинскаго, не даютъ почти ничего новаго. Только казнь Филиппы Катанской описана съ живостью очевидца, и въ этой главѣ есть нѣсколько подробностей, не лишенныхъ исторической и автобіографической цѣны[4]). Тѣмъ не менѣе книга Боккаччіо занимаетъ видное мѣсто въ гуманистической литературѣ и представляетъ собою историческій источникъ, весьма интересный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ сочиненіи встрѣчаются автобіографическія свѣдѣнія. Такъ, Боккаччіо сообщаетъ, что его отецъ присутствовалъ при казни Молэ[5]), что самъ онъ вращался при дворѣ Роберта Неаполитанскаго[6]) мимоходомъ изображаетъ свои отношенія къ Андалоне[7]) и весьма обстоятельно вліяніе на свои занятія Петрарки[8]); много говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи и практическихъ стремленіяхъ — къ уединенію и обезпеченному досугу[9]). Философское міросозерцаніе Боккаччіо, о которомъ мы имѣемъ сравни-

---

1) Leggendo il libro del Boccaccio ti sembra talvolta essere spettatore di un dramma; e a più di un atto vorresti applaudire per la verita nella pittura de'caratteri, p. 121. Ср. p. 117.

2) Per la storia, in maggior conto del Boccaccio, va tenuto il piu ingenuo monacello che registra nella cronaca del suo convento la schietta narrazione de'fatti. Ibid. p. 126.

3) Ibid. p. 124.

4) Эта біографія была переведена на итальянскій, французскій и англійскій языки и эти переводы были изданы отдѣльно въ XVII вѣкѣ. См. Hortis, p. 128.

5) Bocatius, genitor meus, qui tunc forte Parisiis negociator honesto cum labore rem curabat augere domesticam etc. IX, 21, p. 262.

6) IX, 26.

7) Cum igitur juvenis Neapoli olim apud insignem virum atque venerabilem Andalo de Nigro coelorum motus et syderum eo docente perciperem etc. III, 1, p. 60.

8) VIII. 1. Francisci Petrarchae objurgatio ob Bocatii saporem, p. 203. Одно изъ наиболѣе важныхъ мѣстъ для характеристики взаимныхъ отношеній между обоими гуманистами.

9) Mihi carmen studium sit... Ultro fateor, me non esse poëtam, absit, ut tanta dementia tenear, ut quod non sim, me esse fateri ausim ac haberi velim. Esse quidem opto et pro viribus, ut sim studiosus... Si ocia cupio non ut poëta aestimari velim cupio, sed existimans id plurimum mihi conferri posse, quod dudum summa cura a poëtis quaesitum est. etc. III, 14 p. 84 и 85.

тельно скудныя свѣдѣнія, всего нагляднѣе обнаруживается въ этомъ сочиненіи. Самая его тема требовала рѣшенія основного вопроса, къ чему долженъ стремиться человѣкъ, и откуда происходятъ его бѣдствія. Съ этой точки зрѣнія лирическія отступленія и дидактическіе комментаріи имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ историческіе примѣры. Боккаччіо безъ малѣйшаго колѣбанія заявляетъ, что цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій счастье[1]) и что людскія несчастія происходятъ по большей части отъ непониманія людьми своей пользы и отъ ихъ неумѣнья пользоваться своимъ положеніемъ[2]). Исходя изъ этого положенія, онъ далекъ отъ ученой и литературной исключительности и признаетъ и одобряетъ всякое занятіе, если только оно ведетъ къ цѣли, т.-е. къ счастью[3]). Если онъ возстаетъ противъ юристовъ, то имѣетъ въ виду не самое занятіе правомъ и не практическую ихъ дѣятельность, а только ихъ личные недостатки. Древніе юристы заслуживаютъ полнаго уваженія, а современные невѣжественны, презираютъ философію и крайне порочны[4]). Если Боккаччіо выдвигаетъ краснорѣчіе, то исключительно потому, что на него нападаютъ представители средневѣкового знанія, и эта защита представляетъ собою восторженный, чисто гуманистическій гимнъ человѣческой природѣ и главнымъ образомъ могуществу человѣческаго слова[5]). Посвященная этому вопросу глава имѣетъ вслѣдствіе этого особенный интересъ, какъ наиболѣе характерное проявленіе гуманистическаго элемента въ сочиненіяхъ Боккаччіо. Признавая божественное происхожденіе человѣка и благородство его природы[6]), Боккаччіо свободенъ отъ слѣпого преклоненія передъ древностью. Какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, онъ черпаетъ матеріалъ

---

1) Hominum uti est genus unicum, sic studiorum species plurimae, quarum quaelibet aut taedet, aut aestimat in felicitatem unicam ire. Ibid. p. 84 и passim.

2) См. напр.: III, 7. In Caecitatem mortalium, 17 и passim.

3) III, 14.

4) III. 10 In legistas ignaros. Тамъ говорится между прочимъ: Veteres quidem, gravissimos homines, ex sacris philosophiae doctrinis imbutos, ad compescendos juris apices destinare consuevere. Praesens autem aevum, spreta veterum solertia, non dicam a grammaticalibus regulis, sed a nutricum uberibus evelit infantulos, ut eos non in scholis, sed in fornicibus crudiat. Теперешніе юристы ведутъ дѣла amissis philosophicis demonstrationibus, tamquam superfluis. Кромѣ того, habemus, ut plurimum assessores, judices et patronos, quibus unctae sunt manus, impudici oculi invicta luxuria, cor saxeum, ficta gravitas, lingua melliflua, dentes ferrei et breviter auri insatiabilis appetitus etc., p. 77 Ср. III, II p. 78.

5) VI, 14: In obloquentem oratoribus et rhetoribus. p. 171.

6) Homini vero, cui coelestis erat origo, et ad coelestia consideranda producto etc. Ibid. p. 172.

изъ средневѣковыхъ источниковъ и среди античныхъ біографій вставляетъ съ большимъ сочувствіемъ разсказъ своего учителя-схоластика[1]). Болѣе того, сравнивая поведеніе послѣднихъ храмовниковъ съ подвигами древнихъ, онъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе современникамъ[2]). Признавая возвышенность стремленій, присущую человѣческой природѣ, Боккаччіо страстно вооружается противъ соблазновъ, которые совращаютъ человѣка съ истиннаго пути и приводятъ его къ гибели, противъ тиранніи, женщинъ и богатства. Но въ краснорѣчивомъ панегирикѣ бѣдности онъ далекъ отъ монашескаго къ ней отношенія и прославляетъ ее только, какъ школу для человѣка, устраняющую соблазны, дающую счастье въ этомъ мірѣ и развивающую самодѣятельность[3]). Не менѣе страстно нападаетъ Боккаччіо и на женщинъ. Авторъ сочиненія, написаннаго „въ похвалу женскаго пола“, и ранѣе чувствовалъ къ нему симпатію вопреки своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ. Теперь въ старости и послѣ неудачной попытки жениться отрицательное отношеніе обострилось, и Боккаччіо совѣтуетъ „довольствоваться холостою жизнью и презирать всѣхъ женщинъ“, потому что „женскій полъ надмененъ, невѣренъ, непостояненъ, лживъ и всегда распаленъ ненасытимою страстью“[4]). Въ главѣ, спеціально написанной противъ женщинъ, онъ выражается еще рѣзче, называетъ женщину „гибельнымъ зломъ“ не только для отдѣльнаго человѣка, но и для общества, и готовъ осудить ее на изгнаніе[5]), при чемъ въ цѣлыхъ 2 главахъ приводитъ многочисленные примѣры ея губительнаго вліянія на правителей и государственныя дѣла[6]), хотя и продолжаетъ признавать за ней способность къ добродѣтели въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія[7]). Обожатель Фіамметты подъ старость

---

1) Paupertatis et fortunae certamen III. I.

2) Quid inquient de patientia veterum suppliciorum? Mirabundi, se nostrorum inspexerint... Videant, quam illorum ridiculus stupor vetus sit, si nostrorum novissimo compararetur и вся 29-я глава 9-ой книги. p. 262—64.

3) Te lubricus amor, te delitiosa lascivia, te Venus sordida aut non sequitur, aut fugit.... Tibi stabilitas, tibi immunitas, tibi si qua est quies in mundanis, concessa est. Tu artificiosa, tu ingeniosa, tu studiorum omnium laudabilium mater egregia es. I, 15 Applaudit paupertati, p. 25.

4) I. 10, p. 18.

5) Blandum et extiale malum mulier, paucis ad salutem ante cognitum, quam expertum. Hae quidem quodammodo *Dei vilipenso judicio*, non ad societatis gradum reassumendum, a quo suo dejectae merito sunt. Quinimo, dum impium conantur, malitiam quandam innatam, in miseros fere omnes conjuravere viros. I. 18: In Mulieres, p. 28. Ср. VIII. 23, p. 236.

6) III, 4: In luxuriosos principes и 5 Gemebundi quidam.

7) Nam sicuti magis, quam in Briareo, in Pigmeo miranda esset virtus Herculea

пришелъ къ тому же самому отношенію къ женщинѣ, какъ и пѣвецъ Лауры, и написалъ отдѣльную главу противъ красоты и любви, которымъ служилъ въ молодости[1]).

Но самый главный интересъ книги „О несчастіяхъ знаменитыхъ людей“ заключается въ томъ, что она является важнѣйшимъ источникомъ для политическихъ воззрѣній Боккаччіо и для его отношенія къ современнымъ ему политическимъ силамъ. Уже въ эпистолярномъ посвященіи книги Майнардо деи Кавальканти[2]) онъ формулируетъ отчасти свою точку зрѣнія на современныхъ папъ, императоровъ и государей, которыхъ онъ не находитъ достойными того, чтобы имъ посвятить свою книгу. Современныхъ папъ онъ порицаетъ за ихъ стремленіе къ свѣтской власти и чисто свѣтскій образъ жизни[3]); но онъ не противникъ папства, и въ единственной біографіи, посвященной римскимъ епископамъ[4]) онъ излагаетъ теорію его происхожденія отъ Христа чрезъ апостола Петра и только порицаетъ крайнее властолюбіе[5]), которое создалъ, по его мнѣнію, „ядъ“ Константинова дара. Менѣе опредѣленно, хотя несомнѣнно враждебно, относится Боккаччіо къ императорамъ. Карла IV онъ упрекаетъ за пьянство[6]) и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаетъ Гогенштауфеновъ, начиная съ Фридриха I, такъ что его гвельфскія симпатіи не подле-

---

sic in muliere, quam in viro commendanda est. Sed quoniam rarissimae sunt, ne, dum Lucretiam quaerimus, in Calpurniam aut Semproniam incidamus, ego omnes fugiendas censeo. I. 18, p. 30.

1) IV, 19: In pulchritudinem et amorem illecebrem, p. 118. Для сравненія съ воззрѣніями Петрарки представляетъ интересъ II, 18: Pauca de somniis, гдѣ Боккаччіо доказываетъ ихъ пророческое значеніе.

2) Это письмо было напечатано нѣсколько разъ вмѣстѣ съ De casibus, а также отдѣльно у Baldelli (Vita del Boccaccio, p. 388) у Carazzini (p. 363) и у акад. Веселовскаго: *Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. С.-Петербургъ 1876.* Я цитирую по тексту проф. Веселовскаго.

3) Vidi ex sacerdotalibus infulis galeas, ex pastoralibus baculis lanceas, ex sacris vestibus loricas in quietem et libertatem innocentium conflare, ambiri Martialia castra, incendiis, violentiis, christiano sanguine fuso laetari, satagentesque adversus veritatis verbum dicentis: Regnum meum non est de hoc mundo, orbis imperium occupare. У Веселовскаго, p. 22.

4) IX. 7: De Ioanne XII papa. Отсутствіе другихъ примѣровъ изъ біографій папъ Боккаччіо объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Fruebat animus in molliciem et secordiam atque supercilium grave Pontificum modernorum scribere, sed memor sacris in litteris aliquando legisse, nolite tangere christos meos, ultro manum retraxi. IX, 8, p. 248—249.

5) Іоаннъ XII in tam grandem ac detestabilem vesaniam elatus est, ut arbitraretur suum esse cunctis leges indicere seque legibus esse solutum. IX, 7, p. 247.

6) Eum magnalium suorus immemorem praeponentemque Thebani Bachi vina

жатъ никакому сомнѣнію[1]). Еще съ большею рѣзкостью относится Боккачіо къ третьей политической силѣ, къ современнымъ ему монархамъ. Онъ не теоретическій противникъ монархіи[2]), но такихъ государей, которые сколько-нибудь приближаются къ идеалу монарха, въ современномъ ему обществѣ нѣтъ[3]); современные правители „разукрашенные ослы“ и тиранны[4]). Въ этомъ же сочиненіи развилъ Боккаччіо свою знаменитую теорію о законности и даже святости убійства тиранна[5]).

---

colentis gloriam splendoribus Martis Italici nec non torpentem sub Circio in extremo orbis angulo, inter nives et pocula. Веселовскій, p. 23.

[1]) См. IX, 16, 17 и 18, p. 255—257.

[2]) Meminisse quippe praesidentes debent, non esse populos servos sed conservos. Nam uti ex sudore populorum regis fulget honor, sic et vigilantia regis populorum salus et requies procuranda est. II, 5, p. 37.

[3]) Qualiter hoc faciant principes hodierni, viderit Deus. Ibid. **Въ письмѣ къ Кавальканти онъ такъ характеризуетъ современныхъ государей:** Subiere pectus anxium, qui notis insigniti regiis reges haberi volunt, cum phalerati sunt onagri, et ii potissime, qui hac tempestate praesident regnis. Occuritque primus Gallus Sicamber, qui se temerario ausu genere et moribus praeferre caeteris audet, et cui primates monstravere sui, nedum philosophari turpissimum fore Regi, verum litterarum novisse caracteres, detrimentum Regiae Majestatis permaximum signari. Quisic sapiunt damnantes in Regibus, quod bellicosos reddit egregios. Inde Hispani, seu Barbari et efferaces homines affuere. Post et Severus Britannus, elatus novis successibus. Sic et Pannonius Bilinguis populi multitudine potius quam virtute valens. Postremo mollis et effeminatus Siculus. Quorum omnium dum mores et vitam segregatim intueor, ne per eorum discurram luxum et inertiam, rectius regum simulacra, quam reges visi sunt. Веселов., p. 23. **Нападки на правителей всѣхъ временъ и народовъ встрѣчаются весьма часто въ сочиненіи. См., напр.,** II. 13: In Sardanapalum et sui similes, p. 47.; IV, 3: In Tyrannos pauca, p. 94; VIII, 13: In reges gentilitatis priscae, p. 223 **и** passim.

[4]) In Tyrannidem versi sunt regii mores. p. 37. **Срв. предыдущее примѣчаніе.**

[5]) **Это знаменитое мѣсто находится въ 5-й главѣ II книги** In superbos. **Тамъ Боккаччіо говоритъ между прочимъ:** Quaeso cum videam eum, cui honorem meum, libertatem, majestatem, officium praeeminentiam omnem concessi, cui obsequium jussus impendo, cui desudo, cujus substantias meas imparcior, cujus in salutem sanguinem effunde meum, in extenuationem, desolationem, vituperium et perniciem invigilare meam, sanguinem sitire, haurire, emungere, inhonestis faeminis et perditissimis quibuscunque hominibus prodige facultates (quibus sustentare egenos et miserabiles debuerant) effundere atque disperdere, et in consilium niti pessimum et pessimis operibus delectari, ac circa salutem publicam segnem torpentem desidemque video, regem dicam? principem colam? tamquam domino fidem servato? Absit. ***Hostis est; in hunc conjurare, arma capessere, insidias tendere, vires opponere magnanimi est, sanctisimum est et omnino necessarium. Cum nulla fere Deo sit acceptior hostia Tyrrani sanguine: durum quippe et importabile pro meritis injuriam reportare.*** P. 37.

Но относясь съ величайшимъ недовѣріемъ къ монархической власти, Боккаччіо далеко не безусловный поклонникъ народовластія. Современныхъ гражданъ онъ рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ сравнительно съ древними героями гражданской доблести[1]). Не находятъ пощады у Боккаччіо и отдѣльные слои современнаго ему гражданства: къ черни онъ относится не мягче, чѣмъ Петрарка[2]); новая аристократія изъ разбогатѣвшихъ купцовъ возбуждаетъ въ немъ насмѣшки и презрѣніе[3]); за старымъ дворянствомъ, наконецъ, онъ не признаетъ никакихъ привилегій, потому что истинное благородство заключается въ личныхъ свойствахъ и главнымъ образомъ въ добродѣтели[4]). Боккаччіо — демократъ въ томъ же смыслѣ какъ и Петрарка. Марій для него „образецъ истинной знатности“[5]) и кормилица Филиппа Катанская фигурируетъ въ его книгѣ на ряду съ царственными несчастливцами[6]). Что касается до широкихъ политическихъ мечтаній, къ которымъ такъ склоненъ былъ Петрарка, то въ книгѣ „О несчастіяхъ знаменитостей“ не замѣчается никакихъ ихъ слѣдовъ. Боккаччіо не чуждъ національнаго патріотизма, когда говоритъ о другихъ

---

1) Quibus (civibus meis) expeditionem aliquam sumpturis, prima futuri lucri quaestio est. Furari, rapere, tam sacra, quam profana occupare et in exitium publicum (dummodo immunes a poena se viderint) persanctissimum est etc. V, 4: In cives et in homines nequam, p. 124.

2) Natura, ut ita loquar, plebs omnis mobilis et fatua est, veritati semper opinionem praeponens, usque ad exitium suadens, in periculo derelinquens; haec autem, cum fortunam sequatur, humillime servit, dominatur saevere, ridetque post innumeros, quos sui fidutia miseros deduxit in mortem. IV. 2: In infidam plebem, p. 93.

3) Nil aedepol tollerabile minus mercenario sublimato. Quum non aliter tales se videri posse nobiles arbitrentur, nisi sortem veterem consortesque despiciant. Et coacta quadam morum gravitate celsos natura homines imitando confingant. Et dum janitaros, dapiferos et pincernas statuerint, regiam veram generositatem adtigisse se existimant. Quid fastidiosius prospectare quam tales? Non risus fictus, non sui charitas, non lurconum copia generosos animos facit, aut in esse conservat elatos. Se ipsum noscere virtutis (у Гортиса, p. 143 exitus et) initium sit. V. 18, p. 142.

4) Arbitror quippe nil aliud nobilitatem esse, quam quoddam splendidum decus in recte prospicientium oculos morum facetia et affabilitate refulgens... Virtutesquidem colere, virtuose agere, vitia omnino damnare, repellere, fugere, necesse est volentibus nobilitatem certissimam, non umbratilem possidere. VI, 3: Pauca de nobilitate, p. 153. Срв. предыдущее примѣчаніе.

5) Marius... verae nobilitatis argumentum est. Ibid.

6) IX, 26: De Philippa Catanensi, p. 269. Но такое сосѣдство самому Баккаччіо **кажется настолько необычнымъ, что онъ счелъ нужнымъ оговориться въ особой главѣ** IX, 24: Excusatio auctoris ob Philippam Catanensem, p. 269.

народахъ[1]), но совершенно молчитъ о желательности объединенія Италіи: онъ описываетъ печальное положеніе современнаго Рима и припоминаетъ о его прежнемъ величіи[2]), но не только не указываетъ средствъ для возстановленія его прежняго блеска, а даже не выражаетъ такого желанія. И въ этой книгѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ, Боккаччіо остается флорентійскимъ гвельфомъ, совершенно чуждымъ болѣе широкихъ политическихъ идеаловъ.

Сочиненіе Боккачіо „*О горахъ, лѣсахъ, источникахъ, озерахъ, рѣкахъ, болотахъ и названіяхъ моря*“ [3]) — представляетъ собою географическій словарь, раздѣленный на семь частей соотвѣтственно заглавію и въ каждой рубрикѣ расположенный въ алфавитномъ порядкѣ. Боккаччіо смотрѣлъ на эту работу только какъ на отдыхъ отъ другого болѣе важнаго труда[4]) и предназначалъ его для людей мало образованныхъ[5]), вслѣдствіе чего онъ не дѣлалъ особенно тщательныхъ изысканій[6]). Распредѣленіе матеріала въ книгѣ Боккаччіо поставилъ въ зависимость отъ взаимнаго отношенія описываемыхъ имъ предметовъ въ природѣ. „На горахъ, говоритъ онъ, растутъ лѣса, оттуда вытекаютъ источники и рѣки, которые образуютъ озера и болота; поэтому мнѣ казалось разумнымъ

---

1) Fama satis vulgatum est, esto indigne, orbis scilicet totius Suevorum sanguinem nobilitate clarissimum: quasi coelum mitius barbarorum, quam Italorum finibus succus effuderit. O ridiculum profecto, ni in extraneum ab intentu diverticulum flecteret, facile quam stolidi decipiantur circa hanc sanguinis Theutonici nobilitatem, ostenderem. IX, 16 De Henrico, Romanorum rege, p. 255. Ср. письмо къ Майнардо, прим. 126.

2) VIII, 17. In praesentis urbis Romae conditiones, p. 228.

3) *Ioannis Boccatii, De montibus, sylvis, fontibus, lacubus, fluminibus, stagnis, seu paludibus ac nominibus maris liber.* (Въ другихъ изданіяхъ de maribus или de marium nominibus, но это подлинное заглавіе. См. Hortis, Studj, p. 229). Оно печаталось всегда вмѣстѣ съ Генеалогіей боговъ и имѣло много изданій и переводовъ. См. Zambrini, p. 13—20. Hortis, p. 769—785. Я пользуюсь цитированнымъ выше базельскимъ изданіемъ 1532 года. Во всѣхъ изданіяхъ пропущено стихотворное дополненіе къ описанію рѣки Арно, которое впервые напечатано у Hortis'a, p. 257.

4) Surrexeram equidem fessus a labore quodam egregio ac aliquali otio vires restaurare cupiens. Praef. p. 402. Hortis доказываетъ, что этотъ labor egregius — Генеалогія боговъ, хотя въ 7-й ея книгѣ онъ упоминаетъ уже объ этомъ сочиненіи. Hortis, p. 229—30. Körting соглашается съ его доводами. Boccaccio's Leben, p. 726.

5) Qui tracti desiderio rudes stadium intrant studiorum. Praef. p. 402.

6) Esto (ut abinitio testatus sum), quietis causa non anxium acremque sed jocosum laborem assumpsi, a quo ne adversus intentionem meam defatigarer, quicquid in memoriam venit nulla indagine sollertiori peracta concessi calamo. Эпилогъ, p. 503.

начать съ горъ"[1]). Въ основу своей книги Боккаччіо положилъ аналогическое сочиненіе нѣкоего Вибіуса Секвестера[2]), которое онъ дополнилъ свѣдѣніями, заимствованными изъ другихъ, главнымъ образомъ древнихъ, писателей. Его методъ весьма не сложенъ. Встрѣчая нѣсколько мнѣній по поводу одного и того же предмета, онъ обыкновенно сообщаетъ ихъ всѣ безъ указанія авторовъ. (Вообще Боккаччіо въ этомъ сочиненіи не указываетъ своихъ источниковъ, какъ въ „Генеалогіи боговъ.") Если же онъ встрѣчаетъ противорѣчіе между Секвестеромъ или другимъ позднѣйшимъ писателемъ и древними, то онъ отдаетъ преимущество послѣднимъ, авторитету которыхъ, по его собственному выраженію, онъ „вѣритъ болѣе, чѣмъ своимъ глазамъ". Тѣмъ не менѣе, когда извѣстія древнихъ сталкиваются съ показаніями очевидцевъ, Боккаччіо не рѣшается высказаться въ пользу первыхъ и предоставляетъ окончательный выводъ другимъ изслѣдователямъ[3]).

Географическое сочиненіе Боккаччіо рѣзко осуждалось позднѣйшими изслѣдователями. Сначала его обвиняли въ плагіатѣ, такъ какъ онъ переписалъ всю книгу Секвестера, кромѣ ея этнографической части. Это обвиненіе произошло вслѣдствіе незнакомства съ тогдашними литературными обычаями, которые продолжались даже въ XVIII вѣкѣ. Боккаччіо такъ дополнилъ и исправилъ своего предшественника, что его такъ же мало можно упрекнуть въ плагіатѣ, какъ, напр. Апостоло Дзено, комментировавшаго Фоссіуса. Если онъ не назвалъ Секвестера, то только потому, что обычай цитировать источники только что входилъ въ употребленіе и къ нему относились еще подозрительно[4]). Вслѣдствіе этого обвиненіе въ плагіатѣ было опровергнуто еще Ландау, и его аргументы съ большею обстоятельностью были повторены Гортисомъ[5]). Но самъ Ландау относится къ книгѣ довольно поверхностно и односторонне. По его мнѣнію, „она негодна уже болѣе 300 лѣтъ, хотя въ свое время и еще два столѣтія позже ею много пользовались и она лучше, чѣмъ можно было ожидать при скудныхъ свѣдѣніяхъ

---

1) Praef. p. 402.

2) *Vibius Sequester, De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus, quorum apud poëtas mentio fit*. Секвестеръ жилъ или въ IV или въ VII вѣкѣ нашей эры. Его сочиненіе было издано нѣсколько разъ въ XVI вѣкѣ. Объ отношеніи къ нему Боккаччіо. См. Landau, p. 223 и 304 и Hortis, p. 230.

3) Приведя, напр., различныя извѣстія о Каспійскомъ морѣ, Боккаччіо замѣчаетъ: quae autem ex his opinionibus vera sit, diligentioribus scrutari permittam, *quum ab antiquis fidem amovere non audeam et modernis de visu testantibus negare non possum*. De nominibus maris, p. 490.

4) См. Hortis, Studj, p. 231 и 223.

5) Landau, p. 203—204. Hortis. l. c.

въ географіи, какими обладало XIV столѣтіе"[1]). Еще рѣзче относится къ ней новѣйшій біографъ Боккаччіо Кёртингъ. Онъ отрицаетъ въ ней всякое научное значеніе и видитъ только „дилеттантскую, чуждую всякой критики компиляцію". Приведя цитированныя нами слова Боккаччіо по поводу извѣстій о Каспійскомъ морѣ, онъ замѣчаетъ: „видно изъ этого, къ какой безсмыслицѣ (Widersinne) должны были приводить гуманистическая односторонность и некритичность". Въ противорѣчіе съ этимъ Кёртингъ признаетъ эту книгу „весьма почтенной (versdienstliche) для своего времени работой, годнымъ и полезнымъ пособіемъ для молодой гуманистической науки"[2]). Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что научная цѣна географическаго сочиненія XIV вѣка не можетъ быть высокой послѣ массы открытій новаго времени; но Ландау и Кёртингъ игнорируютъ его историческое значеніе, выясненіе котораго составляетъ важную заслугу Аттиліо Гортиса. Гортисъ посвятилъ отдѣльное сочиненіе естественно-историческимъ свѣдѣніямъ Боккаччіо[3]) и въ своихъ „Этюдахъ" подробно и обстоятельно разсматриваетъ его космографическія и географическія воззрѣнія, поскольку они выразились въ его географическомъ словарѣ[4]), который и помимо того имѣетъ важное значеніе, какъ историческій источникъ для эпохи Ренесанса. Самое появленіе словаря и методологическіе пріемы автора служатъ проявленіемъ двухъ характерныхъ сторонъ эпохи — страсти къ путешествіямъ и любви къ древнимъ. Кромѣ показаній древнихъ, Боккаччіо руководствуется и многочисленными собственными наблюденіями, которыя составляютъ для него весьма важный источникъ[5]). Въ связи съ этимъ онъ собщаетъ и автобіографическія подробности: маленькая Эльза, на которой стоитъ родной автору Чертальдо, вошла въ словарь, и Боккаччіо, какъ истый представитель ранняго, наивнаго индивидуализма, сообщаетъ при этомъ совсѣмъ некстати, нѣкоторыя свѣдѣнія и о своихъ родителяхъ[6]). Точно такъ же относится онъ къ тѣмъ

---

[1]) Landau, p. 203.

[2]) Boccaccio's Leben, p. 725, 726.

[3]) *Attilio Hortis, Accenni alle scienze naturali nelle opere di Giovanni Boccaccio. Trieste 1877.*

[4]) Studj, p. 246—254.

[5]) De his potissimme dico, quos ad notitiam nostram antiquorum deduxit solertia, seu ipsi sumpsimus oculis, regiones varias peragrantes. De fluminibus. Praef. p. 443.

[6]) Cum oppida plura hinc inde labens videat (Elsa), a dextro modico elatum tumulo Certaldum, vetus castelum, linquit, *cujus ego libens memoriam celebro. Sedes quippe et natale solum majorum meorum fuit, antequam illos susciperet Florentia cives.* De Fluminibus, p. 456.

мѣстамъ, съ которыми связано имя Петрарки. Такъ, ручеекъ Соргу орошавшій Воклюзъ, онъ не только вноситъ въ свое описаніе, но и перечисляетъ всѣ сочиненія, которыя написалъ на его берегахъ первый гуманистъ[1]). Кромѣ того, Боккаччіо въ концѣ книги сообщаетъ интересное свѣдѣніе, неизвѣстное изъ другихъ источниковъ, что Петрарка *также писалъ географическое сочиненіе*, и изображаетъ свое отношеніе къ своему другу и руководителю[2]). Что касается до отношенія къ древности, то Боккаччіо, повидимому, болѣе преклонялся передъ ея авторитетомъ, чѣмъ Петрарка. Упреки въ некритичности со стороны новыхъ изслѣдователей вызваны главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ повторяетъ разныя басни древнихъ[3]), авторитету которыхъ, по его собственнымъ словамъ, онъ довѣрялъ болѣе, чѣмъ своимъ глазамъ. Но, несмотря на несомнѣнную искренность этого заявленія, новая критика пробивается сквозь старую привычку къ авторитету и ставитъ Боккаччіо въ противорѣчіе съ его собственными словами. Мы видѣли, что онъ воздерживается отъ вывода тамъ, гдѣ показанія древнихъ сталкиваются съ свидѣтельствомъ очевидцевъ, а кромѣ того, онъ весьма часто сопровождаетъ ихъ замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „я этому не вѣрю“, „я считаю это невозможнымъ“, „это, по моему, басня“, „я нахожу это смѣшнымъ“ и. т. п.[4]). Точно такъ же преклоненіе передъ древностью не убило въ Боккаччіо интереса къ средневѣковой исторіи и къ современной жизни. Описывая гору, рѣку и. т. п., онъ имѣетъ обыкновеніе сообщать связанныя съ ними историческія воспоминанія, при чемъ на ряду съ событіями изъ древняго міра упоминаетъ объ Альбоинѣ, о борьбѣ Гогенштауфеновъ съ Анжуйскимъ домомъ, указываетъ святыни средневѣковой церкви и сообщаетъ иногда связанныя съ ними легенды[5]). Такъ же мало вяжется съ исключительнымъ и слѣпымъ почитаніемъ античнаго міра живой интересъ къ современной дѣйствительности, столь характерной для начинающейся новой эпохи. На ряду съ древними названіями Боккаччіо приводитъ и современныя, извиняясь, что не можетъ сдѣлать этого всякій разъ. Кромѣ того, онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на современномъ состояніи описываемыхъ имъ предметовъ и сравниваетъ его

---

1) De Fontibus, p. 435. Онъ упоминаетъ далѣе о Петраркѣ при описаніи Арно. De Fluminibus, p. 443.

2) Ibid. p. 504.

3) Landau, p. 202—203. См. выше прим. 2, р. 446.

4) См., напр., замѣчанія по поводу преданій объ Истрѣ и о По. De fluminibus, p. 463 и 472. Другіе примѣры у Гортиса, р. 254.

5) Относящіеся сюда примѣры у Hortis'а, р. 245.

съ тѣмъ, въ которомъ они находились въ древнее время[1]) при чемъ совершенно неожиданно въ географическомъ сочиненіи Боккаччіо сообщаетъ читателямъ свои политическія симпатіи. Гражданинъ могущественной континентальной республики не любитъ владычицы морей Венеціи и упрекаетъ ея жителей въ хитрости и надменности[2]).

Оправдываясь въ концѣ книги передъ читателемъ въ возможныхъ пропускахъ и ошибкахъ, Боккаччіо подробно описываетъ тогдашнее состояніе рукописей, для исправленія которыхъ нужны „божественныя“ способности[3]). Тонъ этого описанія даетъ ясное представленіе о томъ, почему такъ высоко цѣнились заслуги лицъ, посвящавшихъ себя исправленію текста, и почему именно съ этого начали флорентійскіе послѣдователи первыхъ гуманистовъ.

Научныя работы Боккаччіо подверглись въ новое время болѣе тщательному изученію, чѣмъ то, какое выпало на долю аналогичныхъ произведеніямъ Петрарки. Еще въ 1874 году *Шюкъ* въ цитированной выше статьѣ опредѣлилъ нѣкоторые источники Боккаччіо въ его историческихъ сочиненіяхъ. За тѣмъ послѣдовали детальныя работы Гортиса[4]), которыя онъ объединилъ въ огромной книгѣ о всѣхъ латинскихъ произведеніяхъ автора Декамерона[5]). Кромѣ

---

1) Многочисленныя цитаты для доказательства этого приводитъ Гортисъ (p. 238 и слѣд.).

2) Въ статьѣ Venetum mare онъ говоритъ: Quibus adeo fortuna et astutia favit, ut elati audeant nostro aevo et maris imperium usurpare, si possint, et novo nomine vetus delere conantur, a se Venetum appellantes, quod per longa retro saecula a Tuscis Adriaticum dictum. De maribus, p. 502. Боккаччіо и описываетъ его подъ старымъ названіемъ (p. 488) и только изъ ученой добросовѣстности отдѣльно разсматриваетъ его новое прозвище. Объ Эгейскомъ морѣ онъ говоритъ такъ: Aegeum mare insularum aeque et regnorum et virorum illustrium et mirandarum rerum plenum fuit. Hodie vevo torpet turp servitio obnoxium. Ibid. p. 491.

3) Nisi divinitas sit in hominibus insita, emendari non possunt. Причину этого явленія Боккаччіо объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Eò devenimus, ut qui litterae seu characteris formam apte calamo deducere noverint illosque congrue invicem jungere temerario ausu nil aliud intelligentes se scriptores audent profiteri et apposito praetio scribere quorumcunque volumina, quod etiam turpius, relictis colo textrinisque, persaepe ausae sunt et audent mulieres, тогда какъ въ древности consuevere celebri officio solum homines exquisiti ingenii et intelligentes assumi (p. 503).

4) *Hortis, Cenni di G. B. intorno a Tito Livio. Trieste 1878. Idem, M. T. Cicerone nelle opere del Pelrarcae del Boccaccio. Trieste 1878.*

5) *Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio con particolare riguardo alla storia della erudizione nel medio evo e alle letterature straniere. Aggiuntavi la bibliografia delle edizioni. Trieste 1879* (XX+955 in 4°).

обстоятельнаго разбора отдѣльныхъ сочиненій, Гортисъ далъ здѣсь большую главу объ источникахъ Боккаччіо и библіографическій указатель его изданій и переводовъ. Со стороны обстоятельности книга не оставляетъ желать ничего лучшаго, но ей недостаетъ систематическихъ выводовъ, которые вполнѣ формулировали бы историческое значеніе Боккаччіо.

II.

Переписка Боккаччіо.—Вопросъ о Zibaldone. Эклоги.—Сомнительныя и подложныя произведенія Боккаччіо.—Общій характеръ и историческое значеніе его латинскихъ произведеній.

Къ числу латинскихъ произведеній Боккаччіо слѣдуетъ отнести и его переписку, такъ какъ итальянскія письма находятся тамъ въ меньшинствѣ[1]). Но его латинскія письма ни по количеству, ни по качеству далеко не имѣютъ того значенія, какъ переписка Петрарки. Боккаччіо писалъ много[2]), но изъ его сочиненій не видно, чтобы онъ собиралъ свою переписку, и большая часть ея или совсѣмъ пропала или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдена. Потеряны даже его донесенія Флоренціи, которая не разъ отправляла его съ дипломатическими порученіями[3]). Вслѣдствіе этого Корацции насчитываетъ только 33 его письма: 23 латинскихъ и 10 итальянскихъ[4]); но и это скромное число подлежитъ еще значительному сокращенію, потому что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ сомнительны, а другія несомнѣнные апокрифы. Кромѣ того, въ переписку включены такія письма. которыя собственно составляютъ посвященіе или даже предисловіе къ его сочиненіямъ[5]). Наконецъ, большинство

---

1) Итальянскія письма Боккаччіо изданы *Moutier, Letteri volgari di Giovanni Boccaccio, Firenze.* 1834. Полное собраніе переписки появилось гораздо позже. *Giovanni Boccaccio. Le lettere edite e inedite tradotte e commentate. con nuovi documenti da Francesco Corazzini. Firenze 1877.*

2) Одно изъ его писемъ къ Петраркѣ озаглавлено Una ex mille. У Coraz. p.123

3) Corazzini, Introducione, p. LXXX и LXXX. Hortis, Studj, p. 259.

4) Coraz., p. 497—498.

5) Такихъ 3 латинскихъ и два итальянскихъ. (Одно къ Майнардо деи Кавальканти — посвященіе De casibus virorum illustrium (Coraz., p. 363); другое къ Andrea Acciajoli—посвященіе De claris mulieribus (Coraz., p. 231); третье къ Гуго, королю Іерусалимскому — предисловіе къ Генеалогіи. Два итальянскихъ къ Фіаметтѣ — посвященіе Тезеиды (Coraz., p. 1) и Филострато (Ibid. p. 9). Эти письма разсмотрѣны вмѣстѣ съ сочиненіями, къ которымъ они относятся.

остальныхъ писемъ пользовалось столь незначительной извѣстностью, что увидѣло свѣтъ только во второй половинѣ XIX вѣка. Тѣмъ не менѣе письма, безспорно принадлежащія Боккаччіо имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи Ренесанса вообще и для біографіи ихъ автора въ частности. Таковы, во-первыхъ, письма къ Петраркѣ, и прежде всего то изъ нихъ, гдѣ Боккаччіо порицаетъ своего адресата за поступленіе на службу къ Висконти[1]). Горячая привязанность и глубокое уваженіе Боккаччіо къ тому, кого онъ называлъ своимъ учителемъ и осыпалъ похвалами почти въ каждомъ письмѣ, не помѣшали ему осыпать Петрарку рѣзкими и даже несправедливыми упреками[2]) за его связь съ тиранномъ, и письмо является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для политическихъ воззрѣній и вообще для характеристики автора. Позже написанное второе письмо по тому же адресу, гдѣ Боккаччіо описываетъ свое путешествіе въ Венецію для свиданія съ Петраркой, котораго онъ тамъ не засталъ, показываетъ, что старая дружба не порвалась, и вообще выгодно рисуетъ взаимныя отношенія первыхъ гуманистовъ[3]). Еще важнѣе третье письмо, гдѣ Боккаччіо разсказываетъ о своихъ поискахъ жизни Петра Даміана, которая была нужна Петраркѣ для его сочиненія De vita solitaria[4]). Поправляя ошибку своего „учителя“[5], смѣшавшаго двухъ Петровъ изъ Равенны, и жестоко порицая жителей Равенны и въ особенности тамошнихъ монаховъ за отсутствіе у нихъ интереса къ родной святынѣ, Боккаччіо знакомитъ и съ своей исторической критикой[6]), и съ своимъ отношеніемъ къ средневѣковой исторіи[7]). Менѣе интереса представляетъ стихотворное посланіе Боккаччіо, съ которымъ онъ препроводилъ Петраркѣ „Божественную комедію“ Данте

---

¹) Coraz., p. 47. Письмо относится къ 1353. Оно ранѣе напечатано въ итальянскомъ переводѣ у Fraccasetti, Lett. fam. XVI, 13 (nota).

²) Такъ, напр., для объясненія поступка Петрарки онъ цитируетъ Виргилія.

Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames (p. 51).

³) Coraz., p. 123. Ранѣе напечатано у De-Sade въ приложеніи къ III тому его мемуаровъ. Переводъ у Fracassetti, Fam. XI, I. (nota). Его хронологію Corazzini (p. 122) и Hortis (p. 279) относятъ 1363—1368.

⁴) Письмо, найденное Cavedoni и напечатанное у Ciampi (Monumenti, p. 493), перепечатано у Corazzini, p. 307. Hortis относитъ его къ 1366 году. Studj, p. 280.

⁵) Характеренъ для отношеній тонъ этой поправки: absque tui oris seu animi rubare patieris, si ego, minimus ex auditoribus tuis unus, bona semper cum pace tua, erroris hujus nebulam, antequam ad ulteriora progredior, paucis absolvam. Coraz., p. 308.

⁶) Coraz., p. 307—309.

⁷) Ibid. p. 309—310.

и въ которомъ выражаетъ свое отношеніе къ обоимъ поэтамъ[1]). Для характеристики отношенія Боккаччіо къ Петраркѣ важно его письмо къ зятю послѣдняго[2]), въ которомъ онъ, оплакивая смерть перваго гуманиста, сообщаетъ также нѣкоторыя автобіографическія данныя[3]). Для фактической исторіи эпохи имѣютъ значеніе письма Боккаччіо къ падуанскому профессору Пьетро да Муліо или ди Риторика и къ одному юношѣ Маттео де Амброзіо или Амбразіо. Въ первомъ, превозноcя похвалами знаменитаго преподавателя, онъ рекомендуетъ ему двухъ учениковъ[4]), а во второмъ благодаритъ юнаго почитателя за восторженное письмо[5]). Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи письмо къ Джакопо Пицинге[6]). Превознося похвалами адресата за его интересъ къ наукѣ и покровительство ученымъ, Боккаччіо оправдываетъ меценатство античными примѣрами и подробно отмѣчаетъ признаки наступающаго лучшаго времени. „Я начинаю надѣяться и вѣровать, пишетъ онъ, что Богъ смилостивился надъ итальянцами, такъ какъ вижу, что онъ изъ лона своей щедрости изливаетъ въ сердца итальянцевъ духъ, не отличный отъ древнихъ“ и въ доказательство приводитъ Данте, Петрарку и Дзаноби да Страда, указывая — въ то же время на бѣдственное политическое положеніе своей родины[7]).

Только автобіографическое значеніе имѣютъ письма къ Николо да Монтефальконе[8]) и къ Николо Орсини[9]). Первое, въ которомъ Боккаччіо порицаетъ адресата за то, что онъ, пригласилъ его къ себѣ въ гости, а самъ ушелъ изъ дому, не важно. Гораздо болѣе цѣны имѣетъ второе, въ которомъ онъ изображаетъ между прочимъ свое

---

1) Coraz., p. 53. Körting почему то исключаетъ это посланіе изъ числа писемъ Боккаччіо.

2) Впервые напечатано у Mehus. Vita Anmrosii Traversarii, p. CCIII и перепечатано у Coraz., p. 377.

3) О преподаваніи во Флоренціи, Coraz., p. 378.

4) Оно издано Ciampi (Monumenti p. 511) и перепечатано Coraz., p. 323. Его хронологія у Hortis, p. 281.

5) Впервые напечатано Corazzini, p. 327, который относитъ его къ 1373 (p. 525), тогда какъ Hortis, внесшій поправку въ произношеніе имени адресата, къ 1371 (Studj, p. 286). Въ этомъ письмѣ Боккаччіо говоритъ между прочимъ Letor equidem et gaudeo advertens nostro saeculo aliquanter prisca resurgant ingenia quae jamdudum ignavia atque avaritia Italorum abierant. Cor., p. 327—328.

6) Напечатано у Бальделли и потомъ у Coraz., p. 189. Hortis относитъ его къ 1371 году (p. 287).

7) Coraz., p. 193—197.

8) Напечатано впервые у Corazzini, p. 257.

9) Напечатано впервые у Corazzini, p., 317. Hortis относитъ его къ 1371 г. (Studj, p. 288).

состояніе подъ старость[1]). Какъ комментарій къ сочиненіямъ Боккаччіо, весьма важны два его письма. Первое, весьма интересное и въ другихъ отношеніяхъ, адресовано къ Пьетро ди Монтефорте[2]). Благодаря своего корреспондента за лестный отзывъ о Генеалогіи, Боккаччіо сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой книгѣ, развиваетъ свой взглядъ на священное писаніе и горячо защищаетъ своего „учителя" Петрарку, что онъ не издалъ до сихъ поръ своей Африки и написалъ трактатъ De ignorantia[3]). Эта послѣдняя часть письма имѣетъ важное значеніе и для біографіи Петрарки. Второе письмо, адресованное къ монаху Мартино да Синья[4]), представляетъ собою превосходнѣйшій комментарій Боккаччіо къ его собственнымъ эклогамъ. Существенную важность во многихъ отношеніяхъ имѣютъ письма къ Майнардо деи Кавальканти[5]). Въ первомъ изъ нихъ Боккаччіо живо, съ бытовыми подробностями описываетъ свою болѣзнь и формулируетъ свой взглядъ на медицину[6]); второе[7]), кромѣ біографическихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ взглядъ автора на его латинскія сочиненія и, что особенно важно, его отношеніе къ Декамерону[8]).

---

[1]) Coraz., p. 318—321.

[2]) Insigni militi et legum professori clarissimo Domino Petro de Monteforte. Впервые издано Carazzini, p. 349. Hortis относитъ его къ 1372 г. (Studj, p. 291).

[3]) Corazzini, p. 350—358.

[4]) Ad fratrem Martinum de Signa, ordinis fratrum eremitarum sancti Augustini sacrae paginae professorem. Сначала публиковано *Gandolfo (Dissertatio historica de ducentis celeberrimis Augustinianis scriptoribus. Romae 1704)* и у Corrazzini, p. 267.

[5]) Первые два письма впервые изданы академикомъ А. Н. Веселовскимъ съ превосходнымъ ихъ анализомъ въ предисловіи *Ioannis Boccaccii ad Maghinardum De Cavalcantibus epistolae tres. Три письма Джьованни Боккаччіо къ Майнардо де'Кавальканти. 1375—1875. 21 декабря, С.-Петербургъ 1876.* О напечатанномъ тамъ же третьемъ письмѣ см. выше пр. 30. Corrazzini, отмѣтивши книгу А. Н. Веселовскаго, хотя безъ имени автора (Introduzione Appendice III, p. CXXI), дѣлаетъ тѣмъ не менѣе къ обоимъ письмамъ такое примѣчаніе: questa lettera era inedita (p. 281 и 296).

[6]) Веселовскій, p. 10; Corazzini, p. 281. Веселовскій (p. 3) и Гортисъ относитъ это письмо къ 1373 г. (Studj, p. 294). Характерно между прочимъ слѣдующее замѣчаніе Боккаччіо въ этомъ письмѣ. Satis, imo multum vixi, et vidi, quae proavi non videre mei, nec quid novi, etiam si duplicentur anni, videre queam, jure expectare debeo, ni forte volitare montes et flumina in fontes redire speravero, quod ridiculum est. Весел., p. 11; Coraz., p. 283. О медицинѣ Весел., p. 13—14. Coraz., p. 285—286.

[7]) Веселовск., p. 15. Coraz., p. 295. Веселовскій относитъ его къ 1373 (p. 4).

[8]) Sane quod (Cor. quia) inclitas mulieres tuas domesticas nugas meas legere permiseris (Cor. promiseris) non laudo, quin imo quaeso per fidem tuam, ne feceris. Nosti, quot ibi sint minus decentia et adversantia honestati, quot Veneris

Подлинность остальныхъ латинскихъ писемъ Боккаччіо или отрицается или заподозривается, при чемъ въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ вопросъ о знаменитомъ Zibaldone. Въ флорентійской библіотекѣ Magliabecchiana (теперь она вошла въ составъ Biblioteca Nazionale) находится одинъ кодексъ самаго разнообразнаго содержанія. Тамъ есть отрывки изъ speculum Paulini Veneti, обработка исторіи армянина Гайтона[1]), извлеченіе изъ хроники Мартина изъ Троппау (Martinus Polonus) письмо объ открытіи Канарскихъ островов, моральныя сентенціи Сенеки, выдержка изъ Естественной исторіи Плинія и Катилины Саллюстія; письмо къ Дзаноби да Страда и его рѣчь, списокъ знаменитыхъ современниковъ и упомянутыя выше генеалогіи боговъ Перуджино, Альбицци и Донати и проч. Этотъ манускриптъ представляетъ собою записную тетрадь, въ которую ея ученый обладатель вносилъ разныя excerpta (для такихъ тетрадей въ итальянскомъ языкѣ существуетъ спеціальный терминъ il zibaldone). Въ 1827 году профессоръ Себастіано Чампи издалъ часть этого кодекса и объявилъ его памятной книжкой Дж. Боккаччіо[2]).

---

infaustae aculei, quot in scelus impellentia, etiam si sint ferrea pectora, a quibus etsi non ad incestuosum actum illustres impellantur feminae, et potissime quibus sacer pudor frontibus insidet, subeunt tamen passu tacito aestus iellecebres et improvidas (Cor. impudicas) obscena concupiscentiae (Cor. concupiscentia) tabe nonnunquam inficiunt irritantque. Quod omnino non (Cor. ne) contingat, agendum est, nam tibi, non illis, si quid minus decens cogitaretur (Cor. cogitaret), imputandum esset. Cave igitur iterum meo monitu precibusque, ne feceris. Sine illas juvenibus passionum sectatoribus, quibus loco magni muneris est vulgo arbitrari, quod multas infecerint petulantia sua pudicitias matronarum. Et si decori dominarum tuarum parcere non vis, parce saltem honori meo, si adeo me diligis, ut lacrimas in passionibus meis effundas: existimabunt enim legentes me spurcidum (Cor. spurgidum) lenonem, incestuosum senem, impurum, turpiloquum maledicum, et alienorum scelerum avidum relatorem. Non enim ubique est, qui in excusationem meam consurgens dicat: Iuvenis scripsit et majoris coactus imperio. Haec autem quantum aetati meae conveniant sine (Cor. sive) studiis, tu nosti, et quamquam minus honestus sim et longe minus jamdudum fuerim, non facile vellem judicio talium mulierum mea foedaretur fama vel nomen. Sed quid plura? Non dubito, quin facias, quod illis tibique, mihique pium sanctumquè fuerit. Весел., p. 17—18. Cor., p. 298—299.

1) *Haython. L'hystoire merveilleuse plaisante et recreative du grand empereur de Tartarie. Nicolaus de Talconi* перевелъ ее на латинскій языкъ подъ такимъ заглавіемъ: *Liber historiarum partium Orientis sive Passagium Terrae Sanctae.* Объ авторѣ см. Körting, p. 15.

2) *Sebastiano Ciampi, Monumenti d'un manoscritto autografo di Messer Giov. Boccaccio da Certaldo trovati ed illustrati. Firense 1827.* Три года спустя онъ переиздалъ книгу съ обширными дополненіями. *Monumenti di un manoscritio autografo e lettere inedite di m. G. B. Milano 1830.*

Ему безъ труда удалось доказать, что манускриптъ относится къ XIV столѣтію и что онъ принадлежалъ лицу, хорошо знакомому съ флорентійскими дѣлами[1]); гораздо менѣе рѣшительны его аргументы за принадлежность этой тетради Боккаччіо. Они сводятся къ слѣдующему: 1) „что лицо, писавшее кодексъ, обладало обширнымъ знаніемъ и еще большей критическою основательностью (piu gran criterio) — это ясно, во-первыхъ, изъ содержанія, во-вторыхъ, изъ плана автора создать хронологическую и критико-раціональную (critica-ragionata) всемірную исторію въ связи съ географіей всѣхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней и, въ-третьихъ, изъ критическаго анализа авторовъ, отрывки изъ которыхъ онъ списывалъ для своего предполагаемаго труда“. Въ XIV вѣкѣ было только два такихъ ученыхъ: Петрарка и Боккаччіо; первый не могъ быть обладателемъ кодекса, потому что его имя внесено въ находящійся тамъ индексъ знаменитостей; слѣдовательно, эти выписки принадлежатъ Боккаччіо[2]). 2) Въ zibaldone есть сочиненія, принадлежащія Боккаччіо. Такъ, тамъ есть коротенькое вычисленіе продолжительности земной жизни Христа и письмо къ Дзаноби, подписанныя Iohannes de Certaldo. Правда, подпись выскоблена, но не вполнѣ, такъ что буквы можно легко различить. 3) Въ индексѣ знаменитостей Паолино прибавлено нѣсколько именъ изъ современниковъ, между прочимъ Петрарка и Дзаноби, но нѣтъ Боккаччіо. Этотъ пробѣлъ нельзя объяснить ни завистью или враждою обладателя манускрипта, потому что онъ внесъ письмо Боккаччіо къ Дзаноби, ни забывчивостью, потому что имя Петрарки должно было напомнить его о другѣ. Единственное объясненіе возможно при томъ предположеніи, что списокъ составлялъ самъ Боккаччіо. 4) Между внесеннными въ списокъ знаменитостями съ особенной похвалой упоминаются Альдобрандино дельи Оттобони и Коппо ди Боргезе Доминики, о которыхъ Боккаччіо говоритъ и въ другихъ сочиненіяхъ: о первомъ въ письмѣ къ Росси, о второмъ въ 9 новеллѣ 5-го дня Декамерона. 5) Составитель кодекса хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ во Флоренціи, какъ это видно изъ глоссы къ извѣстію о Канарскихъ островахъ[3]). 6) Содержаніе кодекса (генеалогіи, географическія замѣтки, сентенціи Сенеки) вполнѣ соотвѣтствуютъ занятіямъ и

---

[1]) Самый рѣшительный его противникъ Körting признаетъ то и другое съ незначительными возраженіями въ частностяхъ. См. Boccaccio's Leben, p. 16—18.

[2]) Ciampi, p. 3, 10.

[3]) Въ ней говорится Florentinus, qui his navibus praefuit, est Angelinus del Teggia de Corbizzis, consobrinus filiorum Gherardini Giannis. (Ciampi, p. 18).

интересамъ Боккаччіо. 7) Боккаччіо необходимо было дѣлать извлеченія изъ книгъ, потому что онъ не могъ ихъ покупать вслѣдствіе бѣдности, какъ утверждаетъ его біографъ XV вѣка Манетти. Всѣ эти доказательства въ совокупности казались настолько убѣдительными, что первый рецензентъ издателя Рипетти[1]), а за нимъ и другіе[2]) согласились съ основнымъ положеніемъ Чампи. Но спустя полвѣка этотъ взглядъ встрѣтилъ рѣзкихъ противниковъ въ лицѣ Ландау и потомъ Кёртинга.

Ландау возражаетъ, во-первыхъ, противъ одного изъ самыхъ сильныхъ, шестого аргумента тѣмъ, что въ кодексѣ есть изслѣдованіе о днѣ смерти Христа и о Канарскихъ островахъ, что, по его мнѣнію, не подходитъ къ интересамъ Боккаччіо. Но при несомнѣнномъ благочестіи автора географическаго словаря это возраженіе не можетъ имѣть никакой силы. Затѣмъ онъ приводитъ цѣлый рядъ возраженій противъ 3-го аргумента. Пропускъ имени Боккаччіо, по его мнѣнію, ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, тамъ пропущены и другія тогдашнія знаменитости (Andalo, Паоло Перуджино и т. д.); во-вторыхъ, индексъ можетъ относиться къ 1341 году, когда Боккаччіо былъ еще совершенно неизвѣстенъ[3]); въ-третьихъ, онъ могъ быть сдѣланъ врагомъ Боккаччіо, а подлинность письма къ Страдѣ еще не доказана, если бы и была доказана, то враждебный Боккаччіо составитель списка могъ увлечься формой письма и потому выскоблилъ имя автора[4]). Нельзя сказать, чтобы эти гипотетическія возраженія подрывали основное положеніе Чампи или даже превосходили своей убѣдительностью его третій аргументъ. Оставляя безъ возраженія другія главныя доказательства Чампи, Ландау останавливается на одномъ второстепенномъ: Чампи приводитъ между прочимъ то соображеніе въ пользу принадлежности тетради Боккаччіо, что она находилась нѣкогда въ библіотекѣ Строцци, гдѣ было найдено и его завѣщаніе. Ландау устраняетъ этотъ аргументъ тѣмъ, что самъ Чампи въ концѣ книги сомнѣвается въ подлинности самаго завѣщанія[5]). Отрицая доказательность аргументовъ Чампи, Ландау приводитъ собственныя соображенія въ доказательство противоположнаго мнѣнія. Во-первыхъ, почеркъ zibaldonè отличенъ отъ тѣхъ рукописей, ко-

---

[1]) Рецензія Ripetti была напечатана въ Antologia florentina 1828 №№ 83 и 84 и перепечатана во 2 изданіи Monumenti Чампи.

[2]) См. Körting, p. 9 и Landau, p. 251.

[3]) Эту ошибку Ландау поправилъ Körting (p. 23), указавъ, что Zanobi, увѣнчанный въ 1355 году, названъ въ индексѣ poëta laureatus.

[4]) Giovanni Boccaccio, p. 251—252.

[5]) Ibid., p. 257.

торыя до сихъ поръ считались автографами Боккаччіо[1]), но тутъ же прибавляетъ, что въ пользу подлинности этихъ послѣднихъ автографовъ нѣтъ никакихъ доказательствъ. Во-вторыхъ, тетрадь начата въ 1341 году и продолжалась до 1370, невѣроятно чтобы Боккаччіо таскалъ ее съ собою цѣлыхъ 30 лѣтъ. Въ-третьихъ, извѣстіе о Канарскихъ островахъ, которое Чампи относитъ къ 1341 году, записано на 133 листѣ рукописи, а письмо къ Дзаноби 1353 г.— на 104; „ужели Боккаччіо началъ писать въ срединѣ своей тетради?" спрашиваетъ Ландау. Въ-четвертыхъ, наконецъ, zibaldone написанъ двумя почерками, что заставляетъ предполагать, что бѣднякъ Боккаччіо имѣлъ секретаря[2]).

Нельзя отрицать, что доказательства Чампи отличаются чисто гипотетическимъ характеромъ; но аргументы нѣмецкаго біографа Боккаччіо совсѣмъ не ослабили ихъ первоначальной убѣдительности. Гораздо побѣдоноснѣе Ландау въ полемикѣ противъ выводовъ, которые сдѣланы были Чампи изъ подлинности zibaldone. Съ увлеченіемъ, свойственнымъ виновнику всякаго открытія, Чампи преувеличиваетъ цѣну и значеніе новаго манускрипта. Такъ, онъ считаетъ интерполяціей мѣста въ De claris mulieribus и De casibus virorum, гдѣ говорится о папессѣ Іоаннѣ, на томъ основаніи, что ихъ нѣтъ у внесеннаго въ тетрадь Мартина изъ Троппау. Ландау вполнѣ основательно опровергаетъ этотъ выводъ и доказываетъ ненаучность метода, посредствомъ котораго онъ былъ сдѣланъ[3]). Въ виду такихъ въ общемъ неопредѣленныхъ результатовъ полемики Гортисъ счелъ нужнымъ подвергнуть этотъ вопросъ новому изслѣдованію[4]).

Гортисъ начинаетъ съ указанія цѣлаго ряда противорѣчій между zibaldone и несомнѣнными сочиненіями Боккаччіо. Въ тетради онъ считаетъ авторомъ De bello gallico и De bello civili Светонія Транквилла, который былъ прадѣдомъ автора біографій XII цезарей; а въ Генеалогіи онъ приписываетъ эти книги знаменитому въ средніе вѣка Юлію Цельзу. Или въ тетради онъ называетъ Констанцію, жену Генриха VI, дочерью Роджера, а въ книгѣ De claris mulieribus — ошибочно дочерью Вильгельма. Паолино изъ Венеціи онъ называетъ въ zibaldone insipidus, а цитируя его единственный разъ въ Генеалогіи, объявляетъ его „величайшимъ изслѣдователемъ исто-

---

[1]) Divina Comedia, Боэцій въ Ватиканѣ и Аристотель въ Ambrosiana.

[2]) Landau, p. 249, 251 и 252.

[3]) Ibid., p. 250. Еще раньше Ландау этотъ выводъ былъ отвергнутъ Ripetti (Ciampi, p. 601—609) и Witte, (p. LXV).

[4]) Studj, Appendice I, p. 328—342.

pia", хотя и упрекаетъ его въ болтливости[1]). Но эти противорѣчія не имѣютъ въ глазахъ Гортиса никакого значенія, потому что встрѣчаются во всѣхъ записныхъ книгахъ, не предназначенныхъ для публики. „Я радъ, говоритъ онъ, что эти противорѣчія впервые замѣчены мною, который считаетъ zibaldone magliabecchiano собственнымъ автографомъ Боккаччіо"[2]). Положительныя доказательства Гортиса сводятся къ четыремъ аргументамъ. Во-первыхъ, въ индексѣ знаменитыхъ людей первое мѣсто занимаютъ флорентійцы. Во-вторыхъ, онъ приводитъ цѣлый рядъ мѣстъ, изъ которыхъ слѣдуетъ съ несомнѣнною ясностью, что фактическій матеріалъ и моральныя сентенціи выписокъ въ zibaldone въ большомъ количествѣ и иногда буквально вошли въ составъ сочиненій Боккаччіо. Въ-третьихъ, составитель тетради могъ перевести нетрудныя фразы съ греческаго языка и чувствовалъ къ нему большой интересъ; а кромѣ Боккаччіо, въ эту эпоху никто не обладалъ ни такими знаніями, ни такими интересами. Въ-четвертыхъ, наконецъ, Боккаччіо написалъ Дзаноби: „я читалъ и перечитывалъ твою рѣчь и потомъ снялъ съ нея копію", и эта копія находится въ zibaldone[3]). Этотъ послѣдній фактъ служитъ въ глазахъ Гортиса главнымъ доказательствомъ, что тетрадь не только принадлежала Боккаччіо, но и была его автографомъ[4]).

Аргументы Гортиса, основанные на детальномъ изученіи сочиненій Боккаччіо, дѣлаютъ гипотезу Чампи въ высшей степени вѣроятной. Тѣмъ не менѣе его новѣйшій біографъ Кёртингъ возвращается къ взгляду Ландау и старается подкрѣпить его новыми аргументами[5]). Кёртингъ не могъ или не желалъ разсмотрѣть положительныя доказательства Гортиса[6]) и возражаетъ только противъ общихъ соображеній Чампи, вслѣдствіе чего вся его аргументація лишена всякой объективности и болѣе гипотетична, чѣмъ у его противника. Такъ первый аргументъ Чампи, несмотря на вѣское подтвержденіе Гортиса, кажется ему наивнымъ, и онъ считаетъ возможнымъ при-

---

[1]) Ibid, p. 332—335. О Паолино Боккаччіо говоритъ Imbractator est Venetus, non ystoriografus, а въ Генеалогіи: historiarum investigator permaximus, хотя erat asserere consuetus dicacitate prolixa. Hortis, p. 335.

[2]) Hortis, p. 335.

[3]) Ibid. p. 336—338 и 342.

[4]) Другіе аргументы въ пользу этого, см. p. 339—342.

[5]) Boccaccio's Leben und Werke, p. 14—27.

[6]) Въ примѣчаніи къ 1-й главѣ своей книги Körting говоритъ: Das grosse und inhaltsreiche Werk von A. Hortis Studi sulle opere latine del Boccaccio, welches wir wenigstens während des Druckes noch benutzen konnten, citiren wir kurz als „Hortis Studi" (p. 362).

писать тетрадь Лапо ди Кастильонкіо, Виллани или Нелли, которые совсѣмъ не знали греческаго языка. Отсутствіе въ индексѣ имени Боккаччіо онъ объясняетъ тѣмъ, что только Петрарка и Дзаноби были лауреатами. Противъ второго аргумента Чампи Кёртингъ возражаетъ, во-первыхъ, что Боккаччіо никогда не подписывался Ioannes de Certaldo и что слѣдовательно эти сочиненія или принадлежатъ другому Джіованни изъ Чертальдо или подпись сдѣлана не самимъ Боккаччіо. При этомъ онъ весьма смѣшно старается осмѣять предположеніе, что Боккаччіо подписывался подъ своими произведеніями въ своей записной книжкѣ. Собственные аргументы Кёртинга противъ мнѣнія Чампи сводятся, во-первыхъ, къ повторенію утвержденія Ландау, что Боккаччіо было неудобно носить съ собою въ путешествіяхъ такой обширный манускриптъ. Кромѣ того, ему кажется невѣроятнымъ, чтобы въ записной книжкѣ Боккаччіо не было ни одного стишка въ честь Фіамметты. Наконецъ, Кёртингъ находитъ, что замѣтка о днѣ смерти Христа не подходитъ къ Боккаччіо, который не занимался богословскими вопросами, а выписки, хотя и соотвѣтствуютъ его занятіямъ, но географическими и миѳологическими вопросами интересовались и другіе ученые.

Независимо отъ Кёртинга и Гортиса *Симонсфельдъ* пришелъ къ выводамъ совершенно тождественнымъ съ заключеніями итальянскаго ученаго[1]). Тѣмъ не менѣе *Макри-Леоне* счелъ необходимымъ вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ и пришелъ къ тому же самому заключенію. Но его доводы, не заключая въ себѣ никакихъ новыхъ и рѣшительныхъ доказательствъ, только углубили аргументацію Чампи и Гортиса[2]). Тѣмъ не менѣе вопросъ о записной тетради и теперь еще не рѣшенъ окончательно, хотя гипотеза Чампи, благодаря главнымъ образомъ методическимъ пріемамъ Гортиса, представляется наиболѣе вѣроятною. Въ ея пользу говоритъ и слѣдующее обстоятельство.

---

[1]) *Simonsfeld* въ Sitzungsberichte d. K. bayer. Akademie der Wissenschaften. 1881. Что изслѣдованіе сдѣлано независимо отъ Кёртинга и Гортиса, говоритъ самъ авторъ (Giorn. stor. d. lett. ital. XII, p. 313).

[2]) *Macrì-Leone, Il zibaldone Boccaccesco della Maglibechiana.* (Въ Giorn. stor. d. lett. ital. X (1887), p. 1—41). Наиболѣе интереса представляютъ поправки автора къ Гортису и Ландау. Такъ, онъ указалъ, что происхожденіе Констанціи въ De cas vir. (l. IX) изложено согласно zibaldone и иначе, нежели въ De clar. mul., (p. 35—36). Возраженіе Landau, по поводу мѣста замѣтки о Канарскихъ островахъ M. — L. устраняетъ простымъ соображеніемъ, что она сдѣлана послѣ 1341 года. (Ibid., p. 21—22). Полемика, возникшая по поводу этой статьи между авторомъ и Симонсфельдомъ носитъ личный характеръ и не представляетъ интереса. (См. Giorn. Stor. XI, p. 298, 479 и XII, p. 312).

Zibaldone — одинъ изъ характернѣйшихъ памятниковъ начинающагося Ренесанса. Знаніе греческаго языка еще слабо, но интересъ къ нему весьма значителенъ: обладатель тетради можетъ перевести фразу *ἔσται πάντα καλῶς* но онъ копируетъ также греческую надпись изъ Плинія, хотя и не можетъ ея понять[1]). Изъ латинскихъ авторовъ онъ выписываетъ не только факты, но и сентенціи — черпаетъ все, что ему нравится, что онъ считаетъ подходящимъ для своихъ вкусовъ и интересовъ. Изъ замѣтки объ открытіи Канарскихъ острововъ видно, съ какимъ вниманіемъ относится новый ученый къ географическимъ открытіямъ; списокъ знаменитостей показываетъ преобладающій интересъ ко всякой выдающейся личности, чѣмъ бы она ни выдавалась, при чемъ въ него заносятся и люди старой школы. Вообще полнаго отрицанія средневѣковой науки нѣтъ; обладатель тетради вноситъ въ нее выписки изъ предшествующихъ писателей, но на нихъ преимущественно онъ и пробуетъ свой критицизмъ, проявляющійся иногда въ крайне рѣзкой формѣ[2]). Вслѣдствіе этого zibaldone былъ бы болѣе важнымъ и интереснымъ источникомъ для исторіи эпохи, если бы онъ не принадлежалъ Боккаччіо, о которомъ мы имѣемъ и другія свѣдѣнія.

Въ тетради находится между прочимъ письмо Боккаччіо къ Дзаноби, которое имѣетъ, во-первыхъ, автобіографическое значеніе, во-вторыхъ, представляетъ нѣкоторыя данныя о гуманистѣ адресатѣ. Боккаччіо горько жалуется на отношеніе къ себѣ Аччайуоли, изображаетъ свое настроеніе, описываетъ похороны сына своего бывшаго покровителя и жалуется на флорентійцевъ по поводу стихотворенія противъ нихъ Дзаноби да Страда[3]). Кёртингъ заподозрилъ подлин-

---

1) Hortis Studj, p. 338.

2) Для примѣра можно привести его примѣчанія къ Паолино изъ Венеціи. Такъ, Паолино говоритъ: Est autem dynastia apud gentem aliquam potestas eligendi monarchum, sed eligendi imperatorem fuit potestas aliquando in Italia, aliquando in Francia, aliquando in alamannia. Zibaldonista замѣчаетъ на это: Iste venetus bergolus non intellexit, quid esset monarce officium. Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ историкѣ онъ говоритъ: Hic in nugis extenditur, in rebus aliquid boni et ad claritatem historie pertinentibus adeo turbide defective et succinte loquitur, ut quid velit dicere vix divinari nedum intelligi potest maledicatur venetus. Вообще выраженія risi equidem, risi fateor, ridiculum puto etc. встрѣчаются на каждомъ шагу. Hortis, p. 331. Иногда критика переходитъ въ обыкновенную брань: Паолино называетъ авторъ iste venetus bestia, iste venetus merdosus etc. Macri-Leone, p. 19. Но критика автора распространяется также и на древнихъ писателей. Habeo hunc svetonium et lucanum suspectos ut qui interdum dicenda taceant et parva exaggerent, говорится въ zibaldone. Или объ одномъ показаніи Евтропія авторъ говоритъ: hoc vanissimum puto. Ibid, p. 16 и 17.

3) Оно перепечатано у Corrazzini, p. 33 слѣд. Hortis относитъ его къ 1353.

ность этого письма на основаніи хронологическихъ затрудненій, не имѣющихъ однако, по его собственному признанію, рѣшающаго значенія, такъ что обратное мнѣніе Чампи, Корацции и Гортиса сохраняетъ полную силу[1]).

Болѣе сомнительнымъ характеромъ отличаются послѣднія пять латинскихъ писемъ Боккаччіо, которыя были найдены во Флоренціи Чампи[2]) и напечатаны имъ во второмъ изданіи zibaldone. Самое важное изъ нихъ адресовано къ Дзаноби и содержитъ нѣсколько автобіографическихъ указаній и извѣстіе о рѣчи адресата[3]). И по формѣ, и по содержанію это письмо, по всей вѣроятности, принадлежитъ Боккаччіо[4]). Мало интереса представляютъ два письма къ неизвѣстному адресату. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается о встрѣчѣ съ любимою особою[5]), другое — могло бы имѣть значеніе для біографіи адресата, если бы онъ былъ извѣстенъ[6]). Языкъ этихъ писемъ, неправильный, напыщенный и туманный мало напоминаетъ Боккаччіо. Два послѣднія письма почти совершенно непонятны[7]). Воообще 4 послѣднихъ письма почти ничего не даютъ ни для Боккаччіо, ни для эпохи, такъ что вопросъ объ ихъ подлинности не имѣетъ никакого значенія[8]).

Менѣе важное значеніе имѣетъ итальянская переписка Боккаччіо. Изъ 9 писемъ 3 составляютъ введеніе въ итальянскія произведенія[9]), одно несомнѣнный апокрифъ и подлинность двухъ заподозрѣна. Самое важное изъ нихъ — обширное посланіе къ Пино де'Росси[10]).

---

[1]) Körting, p. 7—14. Hortis, p. 272 прим. 2. См. также Macri-Leone, l. c., p. 28 и слѣд.

[2]) Въ Laurentiana. Plut. 29. № 9.

[3]) Оно напечатано у Corazzini, p. 447. Hortis (p. 268) относитъ его къ 1347—48 г.

[4]) Въ началѣ его можно прочитать подскобленное Ioannes; языкъ и стиль сходенъ съ другими письмами; здѣсь находится приведенное выше мѣсто о рѣчи Дзаноби. Mehus (Vita Traversarii, p. 191) считалъ авторомъ этого письма Cecco Rossi или Nereo Marandio. Кромѣ Чампи, въ подлинности этого письма не сомнѣвается Corrazzini (p. 447) и Hortis (p. 268). Körting считаетъ его подложнымъ (p. 29—30).

[5]) У Coraz., p. 451.

[6]) Ibid, p. 457.

[7]) Ibid, p. 441 (Ad Anonimum) и 439 (Duci Duracchii).

[8]) Corrazzini ихъ относитъ къ апокрифамъ. Introduz. p. LXXVI—XXVII. Тоже Landau, p. 249 и Körting, p. 27—38. Hortis считаетъ ихъ подлинными. (p. 259—267).

[9]) Два адресованы къ Фіаметтѣ: первое (Cor., p. 1) служитъ введеніемъ къ Тезеидѣ, второе (Ibid, p. 9) къ Филострато. Третье, адресованное къ Bartolo del Buono (Ibid, p. 19), посвященіе Ameto.

[10]) Coraz., p. 66—97. Оно относится къ 1360 г. См. Körting, p. 252.

Боккаччіо утѣшаетъ его въ изгнаніи и доказываетъ, что истинное счастье заключается въ наукѣ и добродѣтели, подкрѣпляя свое положеніе массой примѣровъ изъ античнаго міра. Это единственный моральный трактатъ Боккаччіо, интересный не столько по нравственнымъ ученіямъ, которыя не отличаются особенною глубиною, сколько по отношенію къ Флоренціи. Боккаччіо видитъ недостатки своей родины[1]), и его письмо представляетъ собою переходъ къ политическимъ воззрѣніямъ позднѣйшаго поколѣнія гуманистовъ[2]). Два письма, адресованныя Алессандро де'Барди[3]) и несомнѣнно принадлежащія Боккаччіо, не имѣютъ никакого значенія. Гораздо интереснѣй льстивое письмо къ Аччайуоли, подлинность котораго безо всякаго основанія заподозрилъ Кёртингъ[4]). Дополненіемъ къ этому письму можетъ служить обширное посланіе къ Франческо Нелли, содержаніе котораго сходно со вторымъ латинскимъ письмомъ къ Дзаноби[5]). Боккаччіо горько жалуется въ немъ на обращеніе Аччайуоли и въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ недостатки несправедливаго мецената. Письмо является настоящей инвективой, живо рисуетъ довольно важный эпизодъ біографіи автора и составляетъ характерный источникъ для исторіи меценатства. Оно показываетъ, какимъ оружіемъ пользовались гуманисты, чтобы создать себѣ спокойное и почетное положеніе въ свитѣ меценатовъ. Письмо, засвидѣтельствованное семью рукописями[6]), имѣетъ очень длинную литературную исторію. Бишіони издалъ его еще въ прошломъ вѣкѣ[7]); въ началѣ нынѣшняго оно было переиздано Гамбой[8]) и тогда его подлинность впервые была заподозрѣна Чампи[9]) и рѣзко отвергнута Тодескини[10]), что не помѣшало Мутье и Кораццини внести его въ свои собранія. Въ 1877 году одновременно Караццини и Ландау высказали противоположныя воз-

---

1) См. напр., р. 72 и 80.

2) См. Körting, p. 258—60.

3) Coraz., p. 21 и 23.

4) Wir gestehen, dasz wir gegen die (non einer einzigen Handschrift überlieferte) Epistel Bedenken hegen, ohne dasz wir jedoch positive Beweise gegen ihre Aechtheis vorzubringen vermochten (p. 46).

5) Corazzini, p. 131—171.

6) Ibid. p. 131.

7) *Biscioni, Prose di Dante e del Boccaccio. Firenze 1792.*

8) *Gamba, Pislola di Giovanni Boccaccio. Milano 1820.*

9) Monumenti, p. 538.

10) *Opinione del prof. Giuseppe Todeschini sulla epistola del priore di Santo Apostolo attribuita al Boccaccio e rimessa in luce da Bartolommeo Gamba. Venezia 1832.*

зрѣнія относительно его подлинности[1]); въ 1879 году Гортисъ въсвоихъ этюдахъ вернулся къ точкѣ зрѣнія Тодескини и Ландау[2]) но Кёртингъ сталъ на этотъ разъ на сторону Кораццини и, разсмотрѣвши всю полемику, съ несомнѣнностью доказалъ подлинность заподозрѣннаго письма[3]). Несомнѣнно подложное письмо къ Чино да Пистойа[4]) интересно, какъ весьма характерный подлогъ: позднѣйшій гуманистъ заставляетъ Боккаччіо защищать новыя занятія передъ представителемъ стараго направленія. Для фактической біографіи Боккаччіо имѣетъ нѣкоторое значеніе его духовное завѣщаніе, сохранившееся въ двухъ спискахъ — на итальянскомъ и на латинскомъ языкахъ[5]).

Латинскія стихотворенія Боккаччіо при незначительности ихъ литературной и эстетической цѣны[6]) имѣютъ весьма важное значеніе, какъ историческій источникъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ *Эклоги*[7]). „Лучше всякаго біографа раскрываютъ собственную жизнь Петрарка въ своихъ діалогахъ „О презрѣніи міра“ и Боккаччіо

---

1) Corazzini, p. 173. Landau, p. 252—254.

2) Studj, p. 20—21.

3) Körting, p. 38—44. Полемика продолжалась и послѣ выхода въ свѣтъ книги Кёртинга, которому возражалъ Гаспари, а этому послѣднему Макри-Леоне; но всѣ диспутанты признавали подлинность письма и расходились только въ истолкованіи нѣкоторыхъ пунктовъ его содержанія. (См. статьи Gaspary въ Zeitschrift für romanische Philol. IV, p. 571 и V, p. 377 и отвѣтъ Körting'а ibid V, p. 7 и 599, Затѣмъ: *Gaspary, Ancora sulla lettera del Boccaccio a Francesco Nelli.* (Giorn. stor. lett. ital. XII, p. 389) и *Macri-Leone, La lettera del Boccaccio a messer Francesco Nelli, priore de' Ss. Apostoli.* (Ibid XIII, p.282).

4) Coraz., p. 437. О его подложности Ibid. LXXVIII—LXXIX и 438. Еще ранѣе Кораццини Бонуччи пытался доказать, что это письмо принадлежитъ L. B. Alberti. (Opere volgari di L. B. A. III. Firenze 1846, p. 347 и слѣд.). *Frati* напечаталъ въ Propugnatore (N. S. I.) *Epistola inedita di G. B. a Zanobi da Strada;* но она мнѣ осталась неизвѣстной.

5) Итальянскій текстъ завѣщанія, весьма пострадавшій отъ времени, былъ изданъ впервые *Filippo e Jacopo Grunti.* въ *Annotazioni e Discorsi sopra alcuni luoghi del Decamerone. Fiorenza 1574* и перепечатанъ у Manni, p. 109. Латинскій текстъ хранится въ семьѣ Bichi-Borghesi, ими изданъ и напечатанъ у Manni, p. 112. Corazzini перепечаталъ оба текста съ нѣкоторыми замѣчаніями (p. 415—433).

6) Landau говоритъ объ эклогахъ: so wichtig diese Eklogen für den Biographen Boccaccio's sind, so gering ist ihr poetischer Werth (p. 185). По мнѣнію Кёртинга, die Eklogen — die misslungensten und ungeniessbarsten unter allen Dichtungen Boccaccio's, p. 691.

7) Время составленія эклогъ одинъ изъ наиболѣе спорныхъ пунктовъ въ біографіи Боккаччіо. Landau относитъ большинство ихъ къ промежутку 1350—1360 годовъ (p. 182). Körting думаетъ наоборотъ, что большинство ихъ на-

въ своихъ „Эклогахъ“, говоритъ Гортисъ[1]). Несмотря на нѣкоторое преувеличеніе этой оцѣнки, нельзя отрицать, что въ Эклогахъ Боккаччіо заключается весьма цѣнный автобіографическій и историческій матеріалъ; только пользованіе имъ весьма затруднено аллегоріей и было бы совсѣмъ невозможно, если бы самъ авторъ не оставилъ комментарія въ письмѣ къ Мартину да Синья. Въ виду незначительности данныхъ для характеристики политическихъ воззрѣній Боккаччіо особенную цѣну имѣютъ тѣ эклоги, въ которыхъ аллегорически изображается современная политическая дѣйствительность. Изъ 16 эклогъ къ этой категоріи относятся 7 (III, IV, V, VI, VII, IX, X). Третья, четвертая, пятая и шестая представляютъ собою аллегорическое изображеніе событій въ Неаполѣ послѣ смерти короля Роберта. Первая изъ нихъ озаглавлена *Фавнъ*[2]). Въ письмѣ къ Мартину да Синья Боккаччіо объяснилъ только, что подъ Фавномъ онъ разумѣетъ Франческо Орделаффи, тирана Форли[3]); но аллегорія настолько прозрачна, что не трудно угадать и все содержаніе эклоги[4]). Въ ея первой части говорится о борьбѣ Орделаффи съ римской церковью, скрытою подъ именемъ Thestylis; затѣмъ смерть Роберта, убіеніе Андрея Венгерскаго и походъ его брата, въ которомъ принимаетъ участіе и Орделаффи. Сочувствіе Боккаччіо на сторонѣ тирана — мецената ученыхъ и поэтовъ, хотя онъ и находится въ борьбѣ съ церковью. Съ такимъ же сочувствіемъ относится онъ и къ Роберту, хотя раньше называлъ его жаднымъ Мидасомъ: смуты, наступившія послѣ его смерти, заставили забыть недостатки короля, умѣвшаго создать прочный порядокъ въ своихъ владѣніяхъ. Далѣе Боккаччіо рѣзко обвиняетъ въ убійствѣ Іоанну, которую называетъ „беременной волчицей“, хотя ему извѣстны слухи и о другихъ убій-

---

писано Боккаччіо въ молодости и только изданы поздно (p. 699—700). Hortis указываетъ хронологію только отдѣльныхъ эклогъ. Ruberto дѣлитъ ихъ на два періода — одни возникли между 1350—61, другія между 1361—75 годами (уTraversi, p. 881—882 и 884). Весь вопросъ подвергнутъ обстоятельному обсужденію Traversi, (p. 881—928) и послѣ него *Zumbini, Le Egloghe del Boccaccio* (Въ Giorn. stor. della lett. ital. VII, p. 94 и слѣд.). Первое изданіе *Egloghae di Giovanni Boccaccio Firence 1504.* О другихъ изданіяхъ см. Hortis, p. 753 и слѣд. О рукописяхъ см. Mazz. l. c., p. 1349 и Zumbini, p. 95.

[1]) Studj, p. 1.

[2]) Hortis относитъ ее къ 1348 году (p. 5).

[3]) Coraz., p. 268.

[4]) Наилучшее истолкованіе этой, какъ и другихъ эклогъ въ обстоятельнѣйшемъ изслѣдованіи Гортиса. Zumbini не соглашается, что подъ Thestylis у Боккаччіо скрывается церковь (l. c., p. 103—106).

цахъ[1]), и съ сочувствіемъ относится къ „справедливому оружію" Людовика Венгерскаго. Четвертая эклога, озаглавленная *Dorus* изображаетъ слѣдующій актъ драмы — бѣгство Людовика Тарентскаго и заслуги по отношенію къ нему Аччайуоли[2]), который представленъ образцовымъ другомъ и руководителемъ молодого государя. Сочувствіе автора теперь цѣликомъ на сторонѣ Людовика Тарентскаго и вообще его точка зрѣнія на дѣйствующія лица измѣнилась: причиной смерти Андрея онъ выставляетъ теперь его собственную жестокость[3]), его брата онъ называетъ Полифемомъ, обагряющемъ кровью Италію; жестокая волчица получила названіе „прекрасной Lycoris". Боккаччіо самъ чувствуетъ противорѣчіе и старается его смягчить, называя Андрея „несчастнымъ Алексисомъ" и объявляя жестокость его брата справедливой[4]).

Пятая эклога, озаглавленная *„Лѣсъ въ упадкѣ"* (Silva cadens), изображаетъ печальное состояніе Неаполя послѣ бѣгства Людовика Тарентскаго[5]). Гортисъ мѣтко называетъ эту эклогу „настоящей элегіей"[6]). Дѣйствительно, стихотвореніе проникнуто лиризмомъ; характерно однако, что народныя бѣдствія, трогаютъ Боккаччіо, но не уничтожаютъ его симпатій къ ихъ виновникамъ, хотя онъ называетъ бѣгство правителей постыднымъ[7]). Болѣе того, шестая эклога *Ал-*

---

[1]) Fleverunt montes Argum, (Роберта) flevere dolentes
Et satyri, Faunique leves, et flevit Apollo.
Ast moriens silvas juveni commisit Alexo (Андрей),
Qui cautus modicum, dum armenta per arva trahebat,
In gravidam tum forte lupam rabieque tremendam
Incidit impavidus, nullo cum lumine lustrum,
Ingrediens, *cujus surgens saevissima guttur*
Dentibus invasit, potuit neque ab inde revelli,
Donec et acculto spirasset tramite vita.
Hoc fertur, plerique volunt, quod silva leones
Nutriat haec dirasque feras, quibus ipse severus
Occurrens, venans mortem suscepit Adonis.

[2]) Въ цитированномъ письмѣ Боккаччіо говоритъ: tractatur in ea de fuga Ludovici, regis Siciliae... tertius (collocutor) est Phytias, pro quo intelligo magnum Senescalcum (Coraz., p. 268—69).

[3]) Qui gregibus nimium durus silvisque molestus
Imperitans abiit, crudeli funere pulsus.

[4]) ... justa rabie succensus et ira.

[5]) Quintae eclogae titulus est Silva cadens, пишетъ Боккаччіо, eo quod in ea tractetur de diminutione et quemadmodum casu civitatis Neapolitanae post fugam regis praedicti (Coraz., p. 269).

[6]) Studj, p. 17.

[7]) ... turpique fuga nemus omne relictum.
Alcestus (Людовикъ) trepidans abiit, tremebunda Lycoris
In dubium liquit silvas evecta per altum.

цеста представляетъ собою настоящій панегирикъ Людовику Тарентскому[1]). Ея значеніе весьма ограничено: льстивый тонъ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе, которое смягчается отчасти тѣмъ, что Боккаччіо, повидимому, не имѣлъ при этомъ въ виду никакой практической цѣли[2]).

За эклоги о неаполитанскихъ дѣлахъ Боккаччіо получилъ отъ одного изъ наиболѣе строгихъ своихъ критиковъ названіе „политическаго поэта[3])". Но его политическая мысль здѣсь обнаруживаетъ крайнюю неустойчивость. Боккаччіо руководится при оцѣнкѣ лицъ и событій непосредственнымъ впечатлѣніемъ иногда даже чисто личнаго характера. Особенно интересна въ этомъ отношеніи VIII эклога, которая имѣетъ автобіографическое значеніе, и можетъ служить хорошимъ комментаріемъ отношеній Боккаччіо къ неаполитанскимъ дѣламъ. Она озаглавлена *Мидасъ*[4]); въ письмѣ къ Мартино да Синья Боккаччіо не истолковываетъ дѣйствующихъ лицъ[5]); но аллегорія настолько прозрачна, что тождество Мидаса съ Питіасомъ IV эклоги остается внѣ всякаго сомнѣнія. Въ ней говорится, что Мидасъ вызвалъ къ своему двору Питіаса, подъ которымъ здѣсь понимается уже самъ Боккаччіо, но обманулъ его ожиданія. Собесѣдникъ Питіаса Дамонъ рисуетъ образъ Мидаса совершенно другими чертами, нежели въ IV эклогѣ: недовольный Аччайуоли, Боккаччіо написалъ на него настоящую сатиру, которая является дополненіемъ къ разсмотрѣннымъ выше письмамъ къ Дзаноби и Нелли. Благородный другъ и опытный руководитель молодого государя является здѣсь коварнымъ похитителемъ власти[6]); сочувствіе автора снова возвращается къ убитому Андрею, и онъ называетъ Аччайуоли соучастникомъ безнаказаннаго преступленія[7]). Ясно, что у Боккаччіо не было

[1]) Sexta ecloga, пишетъ Боккаччіо, *Alcestus* dicitur eo quod de reditu regis praefati in regnum proprium loquatur, quem regem ego hic Alcestum voco, ut per hoc nomen sentiatur, quoniam circa extremum tempus vitae, optimi regis et virtuosi mores assumpserat, et Alcestus dicitur ab Alce, quod est virtus, et aestus, quod est fervor. Coraz., p. 269—70.

[2]) См. Hortis, p. 20 и Körting, p. 175.

[3]) Landau, p. 109.

[4]) Hortis относитъ эту эклогу ко времени послѣ 1335 года. Stydj, p. 23.

[5]) Fuit enim Midas rex Frigiae avarissimus et quoniam in ecloga ista de quodam in Domino avarissimo habetur sermo... Collucatores duo sunt Damon et Pythas, id est, duo amicissimi homines. Coraz, p. 270.

[6]) Prosiliens avidus Midas pecudesque bovesque
Occupat insidiis.

[7]) Fur Midas igitur, moechus scelerumque satelles...
. . . .
crimen inultum
Permisit miseri laqueo pereuntis Alexis.

опредѣленнаго критерія для оцѣнки неаполитанскихъ дѣлъ. Нѣсколько опредѣленнѣе его политическія желанія по отношенію къ родному городу, дѣламъ котораго онъ посвятилъ 2 эклоги. Первая изъ нихъ (VII),[1]) изображаетъ попытку Карла IV подчинить себѣ Флоренцію. Точка зрѣнія Боккаччіо на это дѣло вполнѣ ясна и опредѣленна: какъ республиканецъ, онъ дорожитъ свободой Флоренціи[2]), какъ итальянскій патріотъ, онъ презираетъ „сармата", пытающагося овладѣть Италіей; какъ человѣкъ новаго времени, онъ съ пренебреженіемъ смѣется надъ захудавшей средневѣковой имперіей[3]). Въ тѣсной связи съ этой эклогой стоитъ девятая, озаглавленная *Libis*[4]). Она носитъ элегическій характеръ: Боккаччіо оплакиваетъ жалкіе нравы потомковъ великихъ предковъ[5]), и порицаетъ „невѣжественную мать" Римъ, короновавшій варвара Цирція, (Карла IV), что заставило подчиниться и Флоренцію[6]). Послѣдняя эклога политическаго

---

[1]) Septima ecloga titulatur *Jurgium* eo, quod jurgia civitatis nostrae et imperatoris contineat, пишетъ Боккаччіо. Collocutores duo — Daphnis et Florida sunt. Pro Daphnis ego intelligo imperatorem... Florida Florentia est. Coraz., p. 270.

[2]) Флорида говоритъ Дафнису:
Libera sum mulier, nulli sociata marito,
Et thalamis ultro renuo, jurique jugali.

[3]) Cum tibi sit parvus nemorum vix angulus unus
Jure cui possis fragiles injungere leges.
Indos Mosa secat, Gaetulos abluit Albis
Atque tuas Tibris Rhenus nunc sulcat arenas
I, decus Aretoum, Teutonos lude bilingues!
Nos titulos vacuos et lentos novimus arcus.

[4]) Nonae eclogae titulus est Libis, говоритъ Боккаччіо, in qua fere per totum de anxietatis civitatis nostrae ob coronatum imperatorem mentio fit et ideo Libis dicta est, quia Libis graece, latine dicitur anxietas. Collocutores duo sunt — Batrachos et Arcas; pro Batrachos ego intelligo Florentinorum morem: loquacissimi enim sumus, verum in bellicis nil valemus et ideo Batrachos, quia graece Batrachos latine rana sonat; sunt enim loquaces plurimum ranae et timidissimae. Arcas enim pro quocumque homine extero potest accipi et ideo nullam nomini significationem propriam volui (Coraz., p. 270).

[5]) Оплакивая состояніе роднаго города, Боккаччіо видитъ причину паденія нравовъ отчасти въ его неблагопріятномъ географическомъ положеніи:
Imbellis mihi turba manet mollisque per umbras.
Aspicis, ut sterili nupsit me mater agnello,
Cui nec litus adest, nec grandis defluit amnis,
Nec praerupta soli patiuntur devia currus.
Hincque meum robur, juvenes, trascendere montes
Coguntur pedibus gregibusque referre jumentis
Pabula; si veniant, timor usquam nullus adesset.

[6]) Impia me coget genitrix intrare lupanar.
Описывая коронованіе Карла, Боккаччіо говоритъ, что оно происходило

содержанія (X), озаглавленная *Мрачная Долина* (Vallis opaca), отличается весьма темной аллегоріей, которая нисколько не разъяснена самимъ авторомъ[1]). Въ письмѣ къ Мартино да Синья Боккаччіо отмѣчаетъ только ея общій тонъ: „подъ Лицидомъ (Lyzidas) я разумѣю нѣкоего прежняго тирана (quendam olim tyrannum) и называю его Лицидомъ отъ *λύκος* что по-латыни значитъ lupus — волкъ: какъ волкъ самое хищное животное, такъ и тиранны самые хищные люди“[2]).

Не лишены значенія 2 эклоги религіознаго содержанія. Одна изъ нихъ (XI) называется *Пантеонъ* и подъ языческими именами изображаетъ библейскую исторію. Эта эклога представляетъ собою одно изъ наиболѣе раннихъ проявленій формальнаго паганизма. Въ комментаріи къ ней Боккаччіо говоритъ, что подъ однимъ собесѣдникомъ Миртилисомъ (Mirtilis) онъ разумѣетъ христіанскую церковь, подъ другимъ — Главкомъ — ап. Петра. „Главкъ былъ рыбакъ; попробовавши какой-то травы, онъ внезапно бросился въ море и сдѣлался однимъ изъ морскихъ боговъ. Точно такъ же и Петръ былъ рыбакъ, и онъ, попробовавши Христова ученія, добровольно бросился въ волны, т.-е. въ козни и преслѣдованія враговъ христіанскаго имени, проповѣдуя ученіе Христа, вслѣдствіе чего сдѣлался Богомъ, т.-е. святымъ, однимъ изъ друзей Небеснаго Бога“[3]). Сообразно съ этимъ Боккаччіо называетъ Ревекку Софронидой, Іакова — Стильбономъ, Моисея — Форонеемъ, Христа — юнымъ Ликургомъ, ко-

---

среди всеобщей скорби и сообщаетъ между прочимъ одну подробность, о которой не упоминаетъ никто изъ современниковъ:

Post dum sedisset scamno jam Circius alto,
Conspicuas serti frondes praenubilus Auster
Eripuit sonituque gravi devexit ad Arctos.
O monstrum! o rides dum defert ille per auras,
Exarsere quidem, tenuis per alta favilla
Vix est visa viris. Tunc qui praegrandis habetur
Arcadibus pastor confestim dixit Aruntes:
Hic iter in silvas faciet tibi Rheno propinquas
In quibus ipse diem claudet condetque sepulchro,
Quod tam grande rapit nomen putridumque cadaver;
Vel si iterum veniat, quia flexit flamma parumper
In reditum fumos faciet memorabile onus.

[1]) Приведя объясненіе Боккаччіо, Гортисъ замѣчаетъ: questa interpretazione è tanto sibillina come l'egloga stessa (Studj, p. 43); тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ попытку растолковать аллегорію. Ibid., p. 44—45. Такую же попытку мы находимъ у Zumbini (l. c. p. 128—153).

[2]) Coraz., p. 271.

[3]) Ibid.

торый превратилъ Өетиду въ Бромія (чудо въ Каннѣ) и т. д.[1]).. При несомнѣнномъ благочестіи автора, который заставляетъ ап. Петра жаловаться на Авиньёнъ и прелатовъ[2]), эти намеки и сопоставленія остаются пока довольно невинной забавой. Пятнадцатая эклога — *Филостропосъ* отличается субъективнымъ характеромъ. Боккаччіо объясняетъ ея заглавіе тѣмъ, что „въ ней идетъ рѣчь объ отвращеніи духа отъ земной соблазнительной любви къ любви небесной". „Собесѣдниковъ два: Филостропосъ и Тифлосъ, продолжаетъ онъ; подъ первымъ я разумѣю моего славнаго наставника Франческо Петрарку, который весьма часто своими совѣтами убѣждалъ меня направить мысль къ вѣчному, оставивши наслажденіе земнымъ, и такимъ образомъ если и не вполнѣ, то все-таки въ достаточной мѣрѣ направилъ къ лучшему мои симпатіи"[3]). Тифлосъ — скромное обозначеніе самого автора. Въ этой бесѣдѣ Боккаччіо обнаруживаетъ полную готовность стремиться во владѣнія Теоскира (*θεὸς κοῦρος*), но боится своихъ прегрѣшеній противъ его служителей[4]). Петрарка успокоиваетъ своего друга и внушаетъ ему надежду на милость Божію.

Въ тѣсной связи съ этой эклогой по настроенію, а отчасти и по содержанію, находится XII, *Сафо*, одна изъ двухъ, въ которыхъ трактуется о поэзіи. Боккаччіо въ формѣ разговора съ Калліопой (bona sonoritas — изящная рѣчь), служанкой Сафо (истинная, высокая поэзія) изображаетъ свое стремленіе къ настоящей поэзіи[5]). Кромѣ автобіографическихъ чертъ, иногда нѣсколько туманныхъ[6]),

---

1) Подобныя замѣны христіанскихъ именъ языческими встрѣчаются и въ другихъ сочиненіяхъ Боккаччіо. См. примѣры у Hortis, Studj, p. 46.

2) . . . spernimur altis
In silvis Rhodopes et me spernunt Arcades omnes.

3) Coraz., p. 273—274.

4) Эти прегрѣшенія обозначены не вполнѣ ясно:
Quid frustra signare locum nemusque laboras?
An visurus ego veniam, Philostrophe, silvas
Hujus quaeso senis, cujus rapuisse juvencam
Jam dudum memini? Leges ritusque suorum
Jam pedibus calcasse meis? manibusque nefastis
Carpendas porcis olim jecisse Dionis?
Non veniam, timeo vires, irasque frementis.

5) Coraz., p. 272.

6) Такъ Боккаччіо, стремясь заслужить любовь Сафо, разсказываетъ о своихъ раннихъ побѣдахъ надъ женщинами, о своемъ ученьи и происхожденіи:
Me Galatea diu, me quondam Phyllis amavit,
Et mollis lanugo nunc serpere coepit.

эклога опредѣляетъ поэтическій идеалъ Боккаччіо: по словамъ Калліопы, единственный человѣкъ, который теперь можетъ довести до Сафо — это Сильванъ — Петрарка[1]). Слѣдующая эклога (XIII), озаглавленная *Laurea,* содержитъ въ себѣ споръ между поэтомъ и купцомъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ занятій[2]). Сюжетъ, очень интересный для Боккаччіо и не разъ затронутый имъ въ другихъ сочиненіяхъ. Эклога не даетъ ничего новаго, кромѣ тона: къ удивленію онъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ прозѣ, и самый споръ остается не рѣшеннымъ, такъ какъ Критисъ, третій собесѣдникъ, одинаково восхваляетъ оба занятія.

Остальныя эклоги имѣютъ чисто автобіографическое значеніе. Въ первой *(Florentini)* Боккаччіо оплакиваетъ обманутую любовь къ Галлѣ, во второй *(Pampinea)* — безнадежную любовь къ Пампинеѣ[3]). Въ письмѣ къ Мартино да Синья самъ авторъ объявляетъ ихъ недостойными вниманія и ничтожными[4]), и въ дѣйствительности онѣ ничего не прибавляютъ къ его біографіи. Болѣе интереса пред-

---

Tradidit et calamos nobis Pandoctior, olim
Et cantus docuit. Nec plebis fece creatus:
Cyrenes genitrix est nobis, Thessala nimpha,
Nomen Aristaeus, glandes et mella vetusti
Archados accipio nemoris, te nosse putam.

Гораздо яснѣе выражается Боккаччіо относительно своей итальянской поэзіи. Калліопа съ пренебреженіемъ спрашиваетъ Аристея-Боккаччіо:

Non ego te vidi pridem vulgare canentem
In triviis carmen misero plaudente popello?

Aristeus. Vidisti fateor, non omnibus omnia semper
Sunt animo, puero carmen vulgare placebat.
Illud Lemniadi claudo concessimus, est nunc
Altior est aetas alios quae mostrat amores.

Въ другомъ мѣстѣ Калліопа такъ говоритъ объ отношеніи Сафо къ толпѣ:

An ne putas, vulgus stolidum, seu garrula turba
Auritos tondens asinos, permitteret ista (т.-е. приведетъ къ Сафо).

1) Solus inaccessum potuit conscendere culmen
Nuper Silvanus, nobis nec charior alter
. . . .
Hunc adeas, dabit ipse tibi quibus usus amicis
Et quibus ipse viis conscendit culmen amatum.

2) См. Coraz., p. 272.

3) Попытки раскрыть настоящія имена этихъ женщинъ см. Körting 693—694, Hortis p. 2. По мнѣнію Zumbini, la sostanza di queste due egloghe non era tutta storia, perchè la finzione ci aveva la sua parte, e, credo io, la parte del lione. Ibid., p. 101.

4) De primis duabus eclogis seu earum titulis vel collocutoribus, nolo cures: nullius enim momenti sunt et fere juveniles lascivias meas in cortice pandunt. Coraz., p. 268.

ставляетъ послѣдняя (XVI) эклога *Angelos,* въ которой авторъ аллегорически проситъ Донато да Альбанцани вмѣстѣ съ Петраркою исправить его 15 эклогъ[1]). Самая интересная въ ней черта — это отношеніе къ Петраркѣ. Не смотря на всю дружбу къ своему „руководителю", Боккаччіо не рѣшается явиться передъ нимъ „неумытымъ", послать эклоги на исправленіе непосредственно къ Петраркѣ, а прибѣгаетъ къ содѣйствію ихъ общаго друга. Авторъ говоритъ въ эклогѣ, что наученный горькимъ опытомъ съ Аччайуоли, онъ боится встрѣтить такой же пріемъ и у Петрарки[2]). Наконецъ, въ четырнадцатой эклогѣ *(Olympias),* высокое художественное достоинство которой признаютъ всѣ критики[3],) Боккаччіо изображаетъ свои родительскія чувства[4]). Во снѣ ему является его умершая дочка Віоланта (въ эклогѣ Олимпія[5]) и ведетъ съ нимъ бесѣду, въ которой изображаетъ райское блаженство и пути къ нему. Этотъ разговоръ, проникнутый искреннимъ чувствомъ, живо и привлекательно рисуетъ любящую и гуманную душу автора Декамерона и указываетъ на то, что вражда къ семьѣ у первыхъ гуманистовъ была явленіемъ случайнымъ и наноснымъ.

Біографы Боккаччіо XIV и XV столѣтія упоминаютъ о другихъ его латинскихъ стихотвореніяхъ[6]); но до 1879 года было издано только два его стихотворныхъ посланія; Гортисъ открылъ еще четыре, изъ которыхъ только одно несомнѣнно принадлежитъ автору Эклогъ. Нѣкоторый интересъ для характеристики отношенія Боккаччіо къ Данте и Петраркѣ представляетъ стихотворное письмо, отправленное имъ своему руководителю вмѣстѣ съ кодексомъ Божественной

---

1) См. Coraz., p. 274.

2) Quid non Silvanum sequeris jam saepe vocatus? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Боккаччіо излагаетъ свои отношенія къ Аччайуоли и такъ заключаетъ разсказъ:

Miror et indignor pariter mecumque revolvo,
Quid nunc si lucos intrassem injussus apricos?
Aut si maturis tenuissem messibus apros?
Vel si vinetis olidos crescentibus hircos
Liquissem? Nullis veniebam candidus undis
Postquam despicior, sic accersitus et insons.

3) См. Landau, p. 185. Körting, p. 697. Traversi, p. 956 и слѣд.

4) Coraz., p. 273.

5) Отсюда мы узнаемъ также о потомствѣ Боккаччіо. Віоланта говоритъ:

Non Marium Julumque tuos dulcesque sorores
Noscis et egrios vultus? Tua pulchra propago est.

6) Filippo Vilani говоритъ, что онъ написалъ quamplures epistolas nexu vagas et alias quae librato pede procederent, non parvi apud peritos pretii. У Galetti, p. 17. По Манетти, Боккаччіо nonnulas etiam epistolas carminibus edidit. Ibid p. 92.

Комедіи[1]). Письмо очень льстиво[2]); но Кёртингъ видитъ въ этомъ образцовую дипломатическую уловку съ цѣлью пріобрѣтенія расположенія Петрарки къ его великому предшественнику[3]). Болѣе важное значеніе имѣетъ обширное стихотвореніе (въ 180 гекзаметровъ), посвященное поэмѣ Петрарки — Африка[4]) .Написанное тотчасъ послѣ смерти перваго гуманиста и адресованное его зятю Франческо да Броссано[5]), оно обнаруживаетъ не только искреннюю и горячую любовь автора къ покойному, но и огромный интересъ къ его поэмѣ, содержаніе которой оставалось тогда никому неизвѣстнымъ. Ходили слухи, что Петрарка сжегъ „Африку", и стихотвореніе Боккаччіо показываетъ, какое важное значеніе придавали ей друзья поэта и какъ многаго они отъ нея ожидали[6]). Не лишено интереса и впервые напечатанное Гортисомъ пастушеское стихотвореніе Боккаччіо, которое онъ адресовалъ Чекко да Милето.[7]) Оно написано около 1346 года и живо рисуетъ тогдашнее настроеніе автора: въ Италіи войны, которыя мѣшаютъ всякому серьезному занятію, поэтому онъ хочетъ только воспѣвать свою любовь къ Галатеѣ и предоставить важныя дѣла Петраркѣ[8]).

Кромѣ этихъ произведеній, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, Боккаччіо приписываютъ съ большей или меньшей вѣроятностью еще нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ,

---

1) Illustri viro D. Francisco Petrarchae laureato. Напечатано у Corraz., p. 53.

2) Авторъ называетъ адресата spesque unica nostrum
Ingenio quamquam valeas coelosque penetres etc. Ibid. p. 54.

3) Boccaccio's Leben, p. 703.

4) Объ изданіяхъ см. Hortis, p. 307 и 791. Перепечатано у Corraz., p. 243 и слѣд.

5) Hortis, p. 305.

6) Körting справедливо замѣчаетъ, что стихотвореніе reich an schönen Stellen und gewährt grosses Interesse, p. 703.

7) У Hortis, p. 351. Имени автора нѣтъ, но изъ самаго содержанія стихотворенія съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ, что оно принадлежитъ Боккаччіо. См. Hortis, p. 310—12. Körting, p. 700—701.

8) Адресатъ называется Meris, авторъ — Menalcas, Петрарка — Mopsus и Боккаччіо говоритъ:

Sint calami limen nostri non alta valenti
Decantare magis, nobis quos cognita Paphos
Et Veneris flammas sevosque cupidinis ictus.
Nam placido Galatea mihi suspiria vultu
Lasciviens prestat, nec divos opprimit ignes,
Et si forte pecus non sit mea cuva capelle
Jam dudum stabant, hominumque deumque labores
Mopso relinquamus cui frontem nectere lauro
Vidimus. У Hortis'a, p. 351.

не имѣющихъ важнаго значенія для исторіографіи Ренесанса. Сюда относится во-первыхъ, коротенькая біографія Ливія, которую рукопись Флорентійской, Медицейской библіотеки приписываетъ Боккаччіо[1]). Ея новѣйшій издатель Гортисъ нашелъ всѣ источники автора въ книгахъ, извѣстныхъ Боккаччіо[2]), такъ что ея принадлежность автору Декамерона вполнѣ вѣроятна. Но эти безсистемныя замѣтки, не лишенныя интереса для исторіи классической филологіи, не даютъ ничего новаго для біографіи автора и для характеристики его эпохи. Гортисъ издалъ также по рукописи той же библіотеки аллегорическое сочиненіе „*О сотвореніи міра*“, подъ которымъ онъ разобралъ стертое имя Боккаччіо[3]). Мало понятный разсказъ о золотомъ вѣкѣ при Сатурнѣ, о серебряномъ при Юпитерѣ и объ эрѣ спасенія съ пришествіемъ Христа, къ которому приплетены, какъ кажется, современныя автору политическія событія въ Неаполѣ, не представляетъ значительнаго интереса[4]). Въ 1534 году въ Кельнѣ былъ изданъ Шпенгелемъ съ именемъ Боккаччіо „Компендіумъ Римской исторіи“ отъ Ромула до Нерона; но подложность компендіума обнаруживается уже изъ предисловія къ нему, въ которомъ авторъ говоритъ, что его отецъ написалъ подобное же сочиненіе[5]).

Не вполнѣ доказана подлинность трехъ латинскихъ стихотвореній, которыя приписываются Боккаччіо открывшимъ ихъ Гортисомъ. Два изъ нихъ, довольно незначительныя по содержанію, носятъ характеръ длинныхъ эпитафій: въ одномъ трогательная рѣчь вложена въ уста умершей дѣвушки[6]), въ другомъ — говоритъ ея женихъ, который первый прочиталъ эпитафію[7]). Хотя въ флорентійской рукописи, гдѣ ихъ нашелъ Гортисъ, и нѣтъ имени автора, тѣмъ не менѣе издатель изъ сравненія ихъ съ Филокопо и Амето приходитъ къ убѣжденію въ ихъ подлинности[8]). Наконецъ, стихотвореніе сіенской рукописи[9]),

---

1) *Pauca de Tito Livio a Iohanne Boccaccio collecta* впервые издалъ Hearne вмѣстѣ съ исторіей Ливія (Oxford 1708).

2) *Cenni di Giovanni Boccaccio intorno a Tito Livio. Tieste 1877.* Сравни Studj, p. 317—326.

3) *De Mundi Creatione. Trieste 1879.*

4) Гортисъ, сопоставляя аллегорію съ аналогичными мѣстами въ итальянскихъ произведеніяхъ Боккаччіо пытается истолковать ея смыслъ и склоняется къ мысли о ея подлинности. Studj, p. 323—27.

5) *Ioannis Boccatii Compendium romanae historiae.* См. Landau, p. 256.

6) *Verba puelle sepulte ad traseuntem.* Hortis, p. 353.

7) *Verba transeuntis ad puellam sepultam.* Ibid., p. 355.

8) Hortis, p. 311—314. Это мнѣніе раздѣляетъ и Körting, p. 701—702.

9) Versus Domini Iohannis. У Hortis p. 350.

уже совершенно незначительное по содержанію, не носитъ никакихъ признаковъ и авторства Боккаччіо[1]).

Присоединивъ къ названнымъ сочиненіямъ Боккаччіо уже разсмотрѣнную нами біографію Петрарки, мы исчерпаемъ содержаніе его латинской прозы и поэзіи. Если сравнить латинскіе трактаты и письма Боккаччіо съ аналогичными произведеніями перваго гуманиста, то *по самостоятельной литературной и научной цѣнѣ* первые значительно ниже послѣднихъ. Автору Декамерона нечего противопоставить знаменитой автобіографіи Петрарки; философскихъ трактатовъ у него точно такъ же нѣтъ; его историческія произведенія и миѳологическій трактатъ по пріемамъ изслѣдованія, по тщательности работы и по критикѣ источниковъ не могутъ итти въ сравненіе не только съ De viris illustribus Петрарки, но даже съ его Res memorandae. Еще менѣе выгодно для Боккаччіо сравненіе между перепискою обоихъ гуманистовъ. Тѣмъ не менѣе *по исторической цѣнѣ* произведенія Боккаччіо едва ли уступаютъ сочиненіямъ его друга и руководителя. Правда, отсутствіе философскихъ трактатовъ лишаетъ насъ весьма важнаго источника по существенному вопросу въ исторіи гуманизма; но этическими отступленіями преисполнены историческіе трактаты Боккаччіо, а особенно De casibus virorum, и этотъ этическій элементъ тѣмъ поучительнѣе, что авторъ Декамерона не обладалъ философскими наклонностями и даже значительными теоретическими интересами. Съ другой стороны, идеи Боккаччіо далеко не всегда оригинальны: въ весьма многихъ отношеніяхъ онъ повторяетъ Петрарку; но изъ его сочиненій видно, что это сходство не результатъ слѣпого подчиненія болѣе крупной интеллектуальной силѣ, не слѣдствіе рабскаго подражанія непонятому учителю. Боккаччіо умѣетъ относиться критически ко всякимъ авторитетамъ и такъ же преклоняется передъ Петраркой, какъ и передъ классиками, т.-е. поскольку идеи и воззрѣнія перваго гуманиста соотвѣтствовали его собственнымъ стремленіямъ. Онъ слѣдуетъ за своимъ учителемъ, защищая поэзію, нападая на монаховъ и юристовъ, морализируя въ историческихъ трактатахъ, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ древности, возставая противъ знати, обнаруживая любовь къ природѣ и т. д. Но онъ держится астрологіи, хотя Петрарка ратовалъ противъ нея, и вообще менѣе порвалъ съ средневѣковою мудростью, чѣмъ его учитель. Тамъ, гдѣ Петрарка ему непонятенъ, какъ, напримѣръ, въ политикѣ, Боккаччіо не только не раздѣляетъ его стремленій, но даже рѣзко и неспра-

[1]) Гортисъ однако признаетъ его подлиннымъ. Studj, p. 309. Противъ Körting, который называетъ стихотвореніе herzlich unbedeutend, p. 703.

ведливо его порицаетъ. Несмотря на сильную привязанность и глубокое уваженіе къ Петраркѣ, Боккаччіо сохраняетъ полную самостоятельность мысли, и если въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ ближе къ прошлому, чѣмъ его учитель, то по отношенію къ женщинѣ и къ человѣческой природѣ онъ болѣе гуманистъ, чѣмъ родоначальникъ Возрожденія. Впрочемъ эта послѣдняя черта сильнѣе выразилась въ его итальянскихъ произведеніяхъ.

III.

„Жизнь Данте" и ея историческое значеніе. — „Комментарій къ Божественной Комедіи". — Романы и эпическія поэмы Боккаччіо. — Средневѣковой и гуманистическій элементы въ „Филокопо". — Историческое значеніе „Амето", „Любовнаго видѣнія" и „Тезеиды". — „Филострато", „Ninfale Fiesolano" и „Фіамметта". — Декамеронъ и его отношеніе къ любви, къ церкви и къ аристократіи. — Сочиненія, приписываемыя Боккаччіо. — Общій выводъ объ историческомъ значеніи его латинскихъ и итальянскихъ произведеній.

Итальянскія произведенія Боккаччіо имѣютъ болѣе важное историческое значеніе, чѣмъ Rime Петрарки. Его работы, посвященныя Данте, въ особенности Comento представляетъ собою компендіумъ его учености, выраженной въ латинскихъ трактатахъ; въ его романахъ и преимущественно въ Декамеронѣ формулированы иногда съ живой непосредственностью и откровенностью важнѣйшія стороны его гуманистическихъ тенденцій. Но сочиненія этой послѣдней категоріи имѣютъ еще огромный филологическій, литературный и эстетическій интересъ, на который и обращено преимущественное вниманіе новыхъ изслѣдователей. Для нашей цѣли эти стороны итальянскихъ произведеній Боккаччіо не имѣютъ значенія; мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть только заключающійся въ нихъ автобіографическій и историко-культурный матеріалъ и отмѣтить только относящуюся къ нимъ новую литературу. Поэтому литература объ источникахъ Боккаччіо, а также многочисленные филологическіе и эстетическіе комментаторы и критики его произведеній останутся за предѣлами нашего изслѣдованія.

Къ латинской прозѣ Боккаччіо ближе всего подходятъ по содержанію его *„Жизнь Данте"* и *„Комментарій къ Божественной Комедіи"*, написанные на итальянскомъ языкѣ. „Жизнь Данте"[1])

---

[1]) Точной хронологической даты для этого сочиненія еще не установлено. Baldelli (p. 378) и Witte относятъ его къ 1351; Landau (p. 180) къ 1354 или 1355; Körting (p. 710) — ранѣе 1350 года. Ср. Traversi, p. 786 и слѣд. Первое

представляетъ собою попытку реабилитировать знаменитаго поэта въ глазахъ его согражданъ; поэтому она написана на народномъ языкѣ. Въ коротенькомъ предисловіи Боккаччіо, сурово порицая соотечественниковъ за несправедливость къ Данте, ставитъ своей задачей выяснить его личность и заслуги. Его фактическая біографія занимаетъ немного мѣста[1]) и вся переполнена лирическими отступленіями. Во второй части Боккаччіо изображаетъ характеръ Данте[2]), его достоинства и недостатки[3]), коротко и эпически излагаетъ содержаніе его главнѣйшихъ сочиненій и въ заключеніе истолковываетъ сновидѣніе его матери. Боккаччіо былъ первымъ біографомъ Данте, и его многочисленные продолжатели и собственные біографы рѣзко расходятся въ оцѣнкѣ этого произведенія[4]). Одни, начиная съ Бруни, считаютъ его „романической болтовней", не заслуживающей никакого довѣрія, другіе, наоборотъ, признаютъ за нимъ много достоинствъ[5]). Эти противорѣчія обусловливаются главнымъ образомъ мѣркою, которую прилагали для оцѣнки біографіи. Съ точки зрѣнія полноты, обстоятельности и критической обработки матеріала она не выдерживаетъ критики, отсюда рѣзкіе отзывы нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ біографовъ Данте. Но она имѣетъ несомнѣнныя достоинства, отмѣченныя и этими изслѣдователями, и біографами Боккаччіо. Въ нашу задачу не входитъ вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ это сочиненіе въ ряду біографій Данте[6]); мы остановимся только на отзывахъ самихъ гуманистовъ и ихъ позднѣйшихъ историковъ.

Леонардо Бруни Аретино въ предисловіи къ своей біографіи Данте отзывается довольно рѣзко о трудѣ Боккаччіо, который „такъ описывалъ жизнь и характеръ столь возвышеннаго поэта, — говоритъ онъ, какъ будто бы ему предстояло писать о Филокопо, или о Филострато, или

изданіе относится къ 1477. Вообще объ изданіяхъ Zambrini, p. 119, Landau p. 182 и въ высшей степени важныя поправки къ нимъ въ превосходныхъ примѣчаніяхъ Traversi (II p. 878—880). Рукописи у Mazz. l. c. p. 1357. Я пользуюсь *Vita di Dante* въ первомъ томѣ *Il comento di Giovanni Boccacci sopra la Commedia con le annotazioni di A. M. Salvini preceduto dalla vita di Dante Allighieri scritta dal medesimo. Per cura di Gaetano Milanesi. Firenze 1863.*

[1]) Изъ 76 страницъ in 16° ей отведено только 25.

[2]) Fattezze, uzanze e costumi di Dante, p. 37 и слѣд.

[3]) Qualità e difetti di Dante.

[4]) *Filippo Mercurj* въ Giornale Arcadico (anno 1852 vol. 159) тщетно пытался заподозрить даже подлинность Vita. См. Milanesi, Avvertimento, p. VI и Traversi, p. 860.

[5]) Обширный списокъ тѣхъ и другихъ приведенъ у Traversi, p. 859—860.

[6]) Нѣкоторыя мнѣнія объ этомъ приведены у Traversi, p. 861—864. Особенно важна для этого вопроса книга *Macrì-Leone (La vita di Dante scritta da Giovanni Boccaccio. Eirenze 1888).*

о Фіамметтѣ. Поэтому все преисполнено любви, вздоховъ и горячихъ слезъ, какъ будто бы человѣкъ рождается въ этомъ мірѣ только для того, чтобы провести тѣ десять любовныхъ дней, о которыхъ разсказываютъ въ 100 новеллахъ влюбленныя женщины и любезные юноши. Онъ такъ воспламеняется этими любовными сторонами, что оставляетъ на заднемъ планѣ важныя и существенныя стороны жизни Данте[1]).“ Справедливость этого упрека не подлежитъ никакому сомнѣнію; но тѣмъ характернѣе этотъ недостатокъ для автора. Джіаноццо Манетти не вдается въ критику, съ уваженіемъ отзывается о Боккаччіо[2]) и во многомъ слѣдуетъ его изложенію.

Изъ новыхъ біографовъ Боккаччіо Бальделли называетъ біографію „перломъ итальянской литературы“[3]). На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Ландау. „Конечно, Боккаччіо не изслѣдовалъ по манерѣ Тирабоски съ крупулезной точностью, гдѣ проводилъ Данте каждый день своей жизни, онъ не исписывалъ, какъ многіе педантичные біографы, цѣлыхъ страницъ о томъ, случилось ли извѣстное событіе въ жизни его героя одиннадцатаго или двѣнадцатаго числа какого-нибудь мѣсяца; но онъ изобразилъ намъ Данте такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Твердой рукой нарисовалъ онъ намъ его, такъ что мы какъ-будто его видимъ и слышимъ, не пропустивъ ни одной черты, которая помогаетъ узнать его характеръ“. Ландау ставитъ въ похвалу автору, что онъ не „измышлялъ (heraüsgeklügelt) біографіи по сочиненіямъ Данте“, а создалъ настоящаго поэта „Божественной Комедіи“[4]). Увлеченіе Ландау авторомъ Декамерона слишкомъ чувствуется въ этомъ восторженномъ отзывѣ. Нельзя, конечно, отрицать извѣстной живости и главнымъ образомъ большой задушевности въ изображеніи Данте въ біографіи Боккаччіо; но въ ней нельзя найти не только полноты и обстоятельности, но и пониманія значенія и роли великаго поэта.

Біографія Боккаччіо дѣйствительно далека отъ смѣшного педантизма новыхъ біографовъ, но она близка къ противоположной крайности, къ чисто субъекному, лирическому панегирику. Эту черту совершенно вѣрно отмѣтилъ Кёртингъ, можетъ быть, потому что его собственная книга страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ. По мнѣнію Кёртинга, книгу Боккаччіо слѣдовало озаглавить Elogio di Dante, и въ качествѣ похвальнаго слова она и вполнѣ оправдывается

---

1) Vita di Dante y Galetti, p. 45.

2) Vita, Ibid., p. 68 и слѣд. Traversi ошибочно относитъ Манетти къ числу противниковъ Боккаччіо (p. 860).

3) Vita di G. B., p. 105.

4) Boccaccio, p. 181.

тогдашними обстоятельствами, и обладаетъ необходимыми для него свойствами — искренностью и сердечностью. Но какъ біографія она не выдерживаетъ никакой критики: Боккаччіо не хотѣлъ или даже не умѣлъ воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, который былъ у него подъ руками, не былъ знакомъ съ научными пріемами, необходимыми для его обработки, и отличается крайней некритичностью. Кёртингъ оправдываетъ эти недостатки отчасти задачей автора, отчасти условіями его времени[1]). Камилло Антона-Траверси, ученый и добросовѣстный комментаторъ Ландау, считаетъ оцѣнку послѣдняго книги Боккаччіо значительно преувеличенной, хотя не вполнѣ примыкаетъ и ко взгляду Кёртинга. По его мнѣнію, Боккаччіо при тогдашнемъ отношеніи флорентійцевъ къ Данте *могъ и долженъ былъ* написать панегирикъ, чтобы реабилитировать память поэта. Поэтому, его сочиненіе должно обсуждать не какъ научную работу, а какъ публицистическое произведеніе[2]).

Превосходную характеристику этой біографіи Данте съ особенной точки зрѣнія даетъ Де Санктисъ. „*Жизнь Данте*", — говоритъ онъ, — „откровеніе: въ ней обнаруживается авторъ съ полной искренностью и непосредственностью; здѣсь находимъ мы новаго человѣка, который образовывался въ Италіи". Этотъ новый человѣкъ „могъ удивляться Данте, но не могъ понять его, потому что въ немъ не было духа автора Божественной Комедіи". Отношеніе Данте къ Беатриче ему совершенно непонятны: раннюю любовь въ девятилѣтнемъ возрастѣ онъ объясняетъ вліяніемъ нравовъ, климата, „пищей, виномъ, весельемъ"; любовь въ зрѣломъ возрастѣ онъ оправдываетъ примѣрами Зевса, Геркулеса, Париса, Давида, Соломона и Ирода. „Онъ создалъ Данте по своему образу", поэтому „здѣсь нѣтъ никакого слѣда внутренняго міра Данте, но зато внѣшній міръ развитъ до анекдота, до пустяковъ (pettegolezzo)". Съ другой стороны это юношеское произведеніе Боккаччіо заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ направленій его учено-литературной дѣятельности. „Кто хочетъ познакомиться съ мнѣніями и чувствами нашего юноши, — говоритъ Де-Санктисъ, пусть прочтетъ эту книгу и въ ней онъ найдетъ уже весь матеріалъ, изъ котораго вышелъ Декамеронъ. Въ ней нѣтъ никакой оригинальности и глубины мысли, никакой тонкости въ аргументаціи; въ ней все доказывается, даже самыя обычныя истины, но основаніе аргументаціи въ памяти, а не въ разумѣ, передъ

---

1) Boccaccio's Leben, p. 705—710.
2) G. Boccaccio, II, p. 866—869.

нами не мыслитель, не діалектикъ, а ученый[1])." Съ этой точки зрѣнія книга Боккаччіо имѣетъ важное историческое значеніе. Полное непониманіе внутренняго міра Данте свидѣтельствуетъ о появленіи новыхъ чувствъ и новыхъ потребностей. На это же указываютъ примѣры изъ древняго міра и начитанность въ классическихъ авторахъ. Но отрицанія средневѣковой культуры нѣтъ, и традиціонные образы фигурируютъ на ряду съ античными героями. Съ этой точки зрѣнія получаетъ интересъ весьма существенный не достатокъ книги Боккаччіо — обширныя отступленія. Такъ, изложивши біографію Данте, Боккаччіо озаглавливаетъ цѣлый отдѣлъ „Упрекъ флорентійцамъ"[2]); другое обширное „Отступленіе относительно поэзіи" занимаетъ болѣе 10 страницъ[3]). Кромѣ того, самая попытка литературной реабилитаціи писателя характерна для эпохи, а отношеніе Боккаччіо къ Данте показываетъ, что первые гуманисты умѣли цѣнить великаго національнаго поэта[4]). Въ цитированномъ выше отступленіи о поэзіи, Боккаччіо подробно излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, на различіе между поэзіей и богословіей и на положеніе поэта. Кромѣ того, особенно интересны тѣ мѣста, гдѣ авторъ излагаетъ свое отношеніе къ родному городу, обнаруживаетъ свою вражду къ гиббеллинамъ и вообще говоритъ о политическихъ дѣлахъ[5]). И здѣсь, какъ въ другихъ сочиненіяхъ, рѣзко замѣтно различіе воззрѣній Боккаччіо въ этой сферѣ отъ Петрарки и его близость къ позднѣйшимъ гуманистамъ. Гораздо ближе въ этомъ сочиненіи къ своему руководителю стоитъ онъ по взглядамъ на женщину и семью, о чемъ не разъ говорится въ біо графіи Данте[6]).

„*Комментарій*" Боккаччіо къ „Божественной Комедіи"[7]) представляетъ собою лекціи, которыя онъ читалъ во Флоренціи по по-

---

[1]) De-Sanctis, Storia della letteratura Italiana I, p. 296—300. Symonds въ своей „Итальянской литературѣ" повторяетъ тѣ же мысли (p. 201—202).

[2]) Vita, p. 31—36.

[3]) Ibid., p. 42—53.

[4]) Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи маленькій отдѣлъ, озаглавленный Perchè la commedia sia stata scritta in volgare. Vita, p. 64—65.

[5]) Vita, p. 21, 23, 55—56 и passim. См. Landau, p. 175—176.

[6]) Ibid. p. 15—19; 56—57. Интересно замѣчаніе о любви встарину и въ настоящее время, p. 13. Кромѣ этой біографіи Данте, Боккаччіо приписываютъ еще другую, болѣе краткую, подлинность которой сильно заподозрена. См. *Kuhfuss, Über das Boccaccio zugeschriebene kürzere Danteleben* (Въ Zeitschrift für roman. Phil. X. p. 177) и цитированную выше книгу Marcl-Leone. Для нашей цѣли ни біографія, ни полемика о ней не представляютъ интереса.

[7]) Объ изданіяхъ, см. Zambrini, p. 115 и Landau, p. 241. Я цитирую по упомянутому изданію Milanesi.

ученію правительства. Это произведеніе старческаго возраста[1]) осталось неоконченнымъ: болѣзнь прервала его въ срединѣ фразы, и толкованіе доведено только до 17 стиха 17-й пѣсни Ада. Современные толкователи Данте признаютъ значеніе „Комментарія" для пониманія „Божественной Комедіи" даже въ настоящее время[2]), но онъ служитъ не менѣе важнымъ дополненіемъ и къ собственнымъ сочиненіямъ Боккаччіо. Первая лекція — изъ 60, на которыя раздѣленъ Comento, служитъ введеніемъ, гдѣ разсматриваются нѣкоторые общіе вопросы о Данте, о Божественной Комедіи, о задачѣ поэзіи etc., почти буквально совпадаетъ съ однимъ письмомъ Данте[3]). Дальнѣйшія толкованія распадаются на два крупныхъ отдѣла: на реальный комментарій, который заключаетъ въ себѣ историческія, миѳологическія и естественно-историческія объясненія, и истолкованіе аллегорій, занимающее гораздо менѣе видное мѣсто въ книгѣ Боккаччіо. Въ эту рамку онъ вложилъ почти всю свою ученость, такъ что Comento представляетъ собою энциклопедію знаній Боккаччіо[4]). Вліяніе средневѣковыхъ ошибокъ при только что нарождающемся критицизмѣ чувствуется весьма сильно: Боккаччіо смѣшиваетъ Атиллу съ Тотилой[5]), ведетъ происхожденіе европейскихъ народовъ изъ Трои, вѣруетъ, что родъ Августа идетъ отъ Энея, вычисляетъ время, когда этотъ герой посѣтилъ Додону и сходилъ въ адъ и даже приводитъ разсказы о волшебствѣ Виргилія[6]). Но на ряду съ этимъ въ оцѣнкѣ Лукана Боккаччіо стоитъ уже на почвѣ новой науки[7]). Въ политическомъ отношеніи онъ совершенный гвельфъ, не скрываетъ своей антипатіи къ Фридриху II и не считаетъ возможнымъ и справедливымъ господство въ Италіи римскаго императора[8]). Педагогическія цѣли, которыя имѣлись въ виду при толкованіи Данте, требовали отъ Боккаччіо осторожности въ щекотливыхъ вопросахъ и нравственнаго назиданія. Такъ, текстъ требовалъ извѣстнаго отношенія къ папству и католицизму, и Боккаччіо остается строгимъ католикомъ, съ не

---

[1]) Оно относится къ 1373 году. См. Landau, p. 233, Körting, p. 711.

[2]) Ихъ отзывы у Körting'a, p. 712.

[3]) Вопросъ объ отношеніи этой лекціи къ письму Данте поднимался нѣсколько разъ, рѣшался различнымъ образомъ и до сихъ поръ остается открытымъ. См. Landau, p. 238—240. Körting, p. 713—715.

[4]) Такъ, напр., 3 лекція (Comento I, p. 123—136) представляетъ собою разсужденіе о поэзіи, по содержанію въ общихъ чертахъ тождественное съ 14 книгой Генеалогіи.

[5]) Com. II, p. 355: è da sapere che essendo Attila re de'Goti etc.

[6]) Ibid. II, 166. I, 121.

[7]) О Луканѣ ibid. I, p. 332.

[8]) О Фридрихѣ II, 239. I, 265. Отношеніе къ Риму II, 417.

годованіемъ говоритъ о ересяхъ[1]), хотя и не скрываетъ самыхъ вопіющихъ пороковъ духовенства[2]). Какъ моралистъ, онъ часто предостерегаетъ свою аудиторію отъ разныхъ пороковъ и въ особенности тѣхъ, которые развиты во Флоренціи. Боккаччіо не разъ и подробно останавливается на родномъ городѣ, на его нравственныхъ и политическихъ недугахъ[3]). Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ Comento разбросаны автобіографическія черты[4]), такъ что его важное значеніе, какъ историческаго источника не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя въ немъ мало такого, чего мы не нашли бы въ другихъ его сочиненіяхъ.

Итальянскіе романы и стихотворенія Боккаччіо, кромѣ чисто литературнаго значенія, весьма многими сторонами отражаютъ наступающую эпоху. Почти во всѣхъ его эпическихъ произведеніяхъ цѣлая масса автобіографическаго матеріала, весьма цѣннаго не только по фактическому содержанію, но и по настроенію автора, по его глубокому интересу ко внутренней жизни индивидуума, по непримиримой, хотя и полусознательной враждѣ ко всему, что стѣсняетъ развитіе личности. Самымъ раннимъ изъ его эпическихъ произведеній былъ романъ *Филоколо* или *Филокопо*[5]), въ которомъ разсказана исторія любви испанскаго царевича Фіоріо и знатной римлянки Біанкофіоре. Боккаччіо заимствовалъ сюжетъ изъ старинной сказки[6]), но значительно измѣнилъ и передѣлалъ свой источникъ: изъ средневѣковой поэмы онъ создалъ странную смѣсь, гдѣ рыцарскій романъ разукрашенъ не только

---

1) Ibid. II, p. 187 и слѣд.

2) Ibid. II, p. 419 и слѣд.

3) Ibid. II, p. 64, 415, 342—446. I, 499.

4) Ibid. I, praef. VI.

5) Онъ былъ начатъ вскорѣ послѣ знакомства автора съ Фіамметтой и по ея порученію, хотя оконченъ значительно позже, такъ какъ Боккаччіо работалъ надъ нимъ много лѣтъ. Filocopo I, p. 6 и II, p. 376. Corrazini относитъ къ 1342—43 (p. 21), Бальделли — къ 1341 (p. 372). Его заглавіе авторъ объясняетъ такъ: Certo tal nome assai meglio che alcun altro mi si confà e la ragione perchè io la vi diro. Filocopo è da due greci nomi composto, da philos e da copos; philos in greco tanto viene a dire in nostra lingua quanto amatore e copos in greco similmente tanto in nostra lingua resulta quanto fatica: onde congiunto insieme, si può dire transponendo le parti Fatica d'Amore I, p. 354. Во многихъ рукописяхъ вмѣсто copos стоитъ colos, отсюда Ficolo и въ изданіи Мутье. См. объ этомъ Korting и цитируемый имъ Gaspary Boccaccio's Leben, p. 463. Первое изданіе появилось въ Венеціи въ 1472. О другихъ изданіяхъ см. Mazz. p. 1354—55, Zambrini p. 101 и Landau, p. 57—58. Я цитирую по изданію *Moutier, Opere volgari di Giovanni Boccaccio. Firenze 1827—1834. Vol. 1 и 2.*

6) Древнѣйшую обработку этого сказанія на французскомъ языкѣ издалъ Immanuel Bekker въ 1844; затѣмъ были изданы другія редакціи. Edélstand du Meril. Floire et Blanceflor, poême du XIII siècle. Paris 1856. Обширная литература объ этой поэмѣ и ея передѣлкахъ приведена у Traversi (p. 191).

волшебными сказками и христіанскими легендами, но и языческими миѳами[1]**). Современные изслѣдовали не высоко ставятъ юношеской романъ Боккаччіо съ эстетической точки зрѣнія**[2]**); но какъ произведеніе начинающагося гуманизма онъ отражаетъ на себѣ „духъ класическаго Ренесанса", по выраженію Бартоли. Прежде всего, въ романѣ весьма сильно чувствуются результаты интереса къ древнимъ авторамъ. Боккаччіо иногда подражаетъ Виргилію въ фабулѣ и въ описаніяхъ**[3]**), вводитъ разсказы о превращеніяхъ людей въ дерево, въ источникъ, въ мраморную глыбу и т. п.**[4]**), совершенно въ духѣ Овидія. Особенно видную роль въ его романѣ играютъ языческіе боги. Они иногда являются у него, какъ реальныя существа: Венера утѣшаетъ влюбленныхъ, Марсъ будитъ Фіоріо, когда онъ не во-время заснулъ, и помогаетъ побѣдить противника и доказать невинность Біанкофіоре и т. д. То онъ понимаетъ ихъ, какъ дьяволовъ христіанскаго міра, и Плутонъ постоянно играетъ у него роль Сатаны. То, наконецъ, они служатъ аллегорическимъ обозначеніемъ христіанскаго Бога: такъ, Юпитеръ, по Боккаччіо, создалъ міръ и послалъ сына своего Христа въ міръ, чтобы одержать побѣду надъ Плутономъ; или называетъ папу викаріемъ Юноны, которая посылаетъ къ нему Ирису, а св. Іакова — „богомъ, которому поклоняются въ Галиціи" и т. д. Иногда Боккаччіо измѣняетъ свой**

---

1) Er hat es nicht nur aus dem Französichen ins Italienische, sondern auch aus dem mittelalterlich Ritterlichen ins antik Heidnische übersetzt, говоритъ Landau, p. 35. Этотъ мѣткій отзывъ не уничтожается мнѣніями Bartoli и Zumbini, къ которымъ примыкаетъ и Körting, что Боккаччіо пользовался не французской обработкой сказанія. *(Bartoli, I Precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti. Firenze 1876*, p. 54 и слѣд. *Zumbini, Il Filocopo del Boccaccio. Firenze 1879*, p. 24 и слѣд. *Novati, Sulla composizione del Filocopo* (въ Giorn. d. Filol. Rom. III, 56) Körting, Boccaccio's Leben, p. 494 и слѣд. Одинъ только Rossetti полагалъ, что содержаніе этого романа представляетъ собою аллегорическое описаніе посвященія въ 7 степеней тайнаго гибеллинскаго общества, устроеннаго по образцу ордена Храмовниковъ. (Его мнѣніе приведено у Witte, Das Dekameron, p. LIV).

2) Къ роману неблагопріятно относились еще въ XVIII столѣтіи (см. Mazz. l. c. p. 1354); порицаетъ его и Baldelli (p. 29). Самый рѣзкій отзывъ о немъ даетъ Landau (p. 51—54). Соглашаясь съ нимъ въ общемъ, Дзумбини и Кёртингъ значительно смягчаютъ его рѣзкость, находя въ немъ много хорошихъ сторонъ. (Il Filocopo, p. 49—57. Boccaccio's Leben, p. 500—504).

3) Такъ, появленіе „короля" Амура, внушающаго любовь Флоріо и Біанкофіоре — подражаніе сценѣ Виргилія, гдѣ подобному же внушенію подвергается Дидона; разсказъ Сатаны-Плутона о мнимомъ разрушеніи Марморины — разсказу о разрушеніи Трои у Виргилія. См. Körting, p. 467 и 465.

4) Fileno превращенъ въ источникъ, Idalagos — въ дерево, его коварная возлюбленная въ мраморную глыбу, а три ея подруги — въ различныя растенія. Fil. II, p. 141.

источникъ, чтобы придать разсказу античную окраску. Такъ въ сказаніи Фіоріо — Филокопо побѣждаетъ одного изъ своихъ противниковъ мечомъ, въ рукояткѣ котораго вдѣланы были реликвіи; у Боккаччіо, онъ получилъ отъ Венеры мечъ, сдѣланный Вулканомъ для Марса, и кромѣ того, самъ Марсъ сопровождаетъ его на борьбу[1]). Эта странная манера смѣшенія рѣзко отличныхъ понятій[2]) получила широкое распространеніе у позднѣйшихъ гуманистовъ; но „паганизмъ" Боккаччіо носитъ еще полусредневѣковую окраску[3]), и романъ заканчивается торжествомъ христіанства, такъ какъ монахъ Иларіо крестилъ Флоріо, его супругу и ихъ испанскихъ подданныхъ[4]). Такимъ же переходнымъ характеромъ отличается и попытка Боккаччіо соединить античныя сказанія съ средневѣковыми въ одно органическое, художественное цѣлое. Кёртингъ, отмѣчая эту сторону романа, признаетъ смѣшеніе, само по себѣ „неизящное и нездоровое", заслугою Боккаччіо, потому что оно спасло романтическій элементъ въ итальянской литературѣ, который безъ этого былъ бы уничтоженъ гуманизмомъ[5]). Мы увидимъ ниже, что это опасеніе не подтверждается фактами изъ исторіи Ренесанса, тѣмъ не менѣе попытка Боккаччіо чрезвычайно характерна. Она показываетъ, что стремленіе къ примиренію античнаго съ средневѣковымъ составляетъ отличительную черту движенія не только въ сферѣ философскихъ и этическихъ воззрѣній.

Изображеніе и анализъ чувствъ и вообще внутренней жизни человѣка, что такъ удавалось Петраркѣ, еще довольно слабы въ пер-

---

1) Landau, p. 57. Cp. Gaspary, l. c. II, p. 5.

2) Эту mescolanza di cristianesimo e di paganesimo che sembra assai stravagante замѣтили еще въ XVIII вѣкѣ. См. Mazz. l. c, p. 1354.

3) Es ist kein Homer oder Virgil, говоритъ Landau, ja nicht einmal ein Lucan oder Statius, der aus dem Filocopo spricht, sondern der Schüller eines Paul von Perugia und Leontius Pilatus, der Bewunderer des pedantischen Königs Robert von Neapel, (p. 55).

4) Ландау предполагаетъ, что Боккаччіо вводитъ Олимпъ съ ироническою цѣлью осмѣянія языческихъ боговъ. Ich glaube es liegt eine gewisse Tücke gegen die heidnische Götterwelt, ein gewisses Prahlen mit dem Triumph des Christenthums darin, wie er den ganzen Olymp zu den unbedeutendsten Botschaften, zu den kinderleichtesten Wundern benützt (p. 53). Филокопо совершенно не производитъ такого впечатлѣнія и комментаторъ Ландау Traversi удачно опровергаетъ эту гипотезу (p. 169).

5) Körting 502—503. Признавая an sich die Mischung des Antiken und des Romantischen... für vielfach ungesund und unschön, Кёртингъ соглашается однако, что Bojardo und Ariost haben durch die Mischung und Verbindung des Romantischen mit dem Antiken ihre gröszten Erfolge und ihren schönsten Ruhm sich errungen; но это потому, что Аріосто die ihr anhaftenden Gebrechen durch seine Kunst zu verhüllen und abzuschwächen vermag. Нельзя сказать, чтобы эта аргументація была особенно убѣдительна.

вомъ романѣ Боккаччіо. Муки ревности Филокопо, заподозрившаго вѣрность своей возлюбленной, изображены очень рельефно; но многословное описаніе любви героевъ послѣ ихъ первой разлуки — настоящая гиперболическая реторика. Точно такъ же рѣдки проявленія того благоговѣнія передъ внутренней свободой, которое было символомъ вѣры гуманизма. Характерно однако одно измѣненіе, которое сдѣлалъ Боккаччіо въ своемъ источникѣ. Тамъ испанскій король силою заставляетъ своихъ подданныхъ принять христіанство; въ романѣ онъ дѣйствуетъ только убѣжденіемъ[1]).

Не мало въ романѣ и автобіографическихъ данныхъ. Въ введеніи Боккаччіо, разсказываетъ, правда, въ весьма туманныхъ аллегоріяхъ и весьма темнымъ языкомъ[2]), біографію Фіамметты и исторію своей любви къ ней. Кромѣ того, критики отмѣчаютъ въ самомъ изложеніи два эпизода, въ которыхъ можно видѣть автобіографическіе намеки. Оракулъ въ Чертальдо возвѣстилъ Флоріо, что отсюда произойдетъ поэтъ, который его исторіей прославитъ свое имя[3]). Въ другомъ мѣстѣ, обращенный въ дерево Идалагосъ, незаконный сынъ пастуха Эвкома, обиженный отцомъ и безсердечной дѣвушкой, разсказываетъ свою исторію, которая весьма похожа на біографію Боккаччіо[4]).

Интересъ къ окружающей дѣйствительности, столь характерный для эпохи, весьма замѣтно отразился и въ Филокопо[5]). Въ предисловіи

---

[1]) Landau, p. 56.

[2]) Для примѣра приведемъ разсказъ о встрѣчѣ съ Фіаметтой. Avenne che un giorno, la cui prima ora Saturno avea signoreggiata, essendo gia Febo co suoi cavalli al sedecimo grado del celestiale Montone pervenuto, e nel quale il glorioso partimento del figliolo di Giove dagli spogliati regni di Plutone si celebrava, io della presente opera componitore, mi trovai in un grazioso e bel tempio in Partenope, nominato da colui che per deificarsi sostenne che fosse fatto di lui sacrificio sopra la grata. Filoc. I, p. 4. Это значитъ я вошелъ въ церковь св. Лаврентія въ субботу, 16 дней спустя послѣ вступленія солнца въ созвѣздіе овна, когда праздновалось воскресеніе Христа.

[3]) Onora questo luogo, perocchè quinci ancora si partirà colui che i tuoi accidenti con memorevoli versi farà manifesti agli ignoranti, e'l suo nome sarà pièno di grazià. Filoc. II, p, 8.

[4]) Кёртингъ возражаетъ противъ этого предположенія (p. 486). Ср. Zumbini, p. 57—65. Самыя обстоятельныя изслѣдованія объ автобіографической сторонѣ Filocopo принадлежитъ *V. Crescini, Idalagos* (въ Zeitschr. f. rom. Phil. IX, p. 437 и X, p. 1), гдѣ онъ разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія разсказъ Эвкомова сына и *Contributo agli studi sul Boccaccio con documenti inediti. Torino 1887*, p. 70—85, гдѣ отмѣчены автобіографическія черты въ другихъ эпизодахъ романа.

[5]) *Sgulmero (Sulla corografia del Filocolo. Milano 1883)* утверждаетъ, что мѣсто дѣйствія романа — Верона и ея окрестности.

къ этому роману, Боккаччіо разсказываетъ, правда, аллегорически, исторію завоеванія Неаполя Карломъ Анжуйскимъ. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ такъ называемые Questioni d'amore самое лучшее мѣсто въ романѣ по отзыву всѣхъ критиковъ[1]). Флоріо въ своихъ поискахъ за Біанкофіоре прибылъ въ Неаполь и случайно попадаетъ въ общество Фіаметты. Дѣйствіе романа мгновенно переходитъ изъ VI вѣка[2]) въ XIV, и Боккаччіо даетъ живую картину тогдашней придворной жизни въ Неаполѣ. Среди удовольствій и забавъ кружокъ Фіаметты занятъ между прочимъ обсужденіемъ вопросовъ о любви. Каждый изъ присутствующихъ разсказываетъ въ формѣ новеллы какой-нибудь сложный любовный казусъ, и избранная королевой Фіамметта даетъ свое рѣшеніе, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Наконецъ странствованія одного изъ вводныхъ лицъ романа—Филено даютъ поводъ Боккаччіо сдѣлать нѣсколько историческихъ и миѳологическихъ замѣчаній о Падуѣ, Равеннѣ, Мантуѣ и другихъ итальянскихъ городахъ, чрезъ которые идетъ путь Филено, такъ что это мѣсто романа напоминаетъ Кёртингу „Сирійскій путеводитель“ Петрарки[3]).

Вскорѣ послѣ Филокопо, можетъ быть, даже одновременно съ нимъ появился *Ameto*[4]). Это первый пастушескій романъ новой литературы, который начинается гимномъ любви и кончается молитвой къ пресвятой Троицѣ, въ которомъ люди смѣшаны съ нимфами, сатирами, дріадами и проч., и проза со стихами. Его существенное содержаніе составляетъ исторія пастуха Амето, который долго любилъ только охоту и собакъ, а потомъ влюбился въ нимфу Лію, а также вставочный эпизодъ праздникъ Венеры, гдѣ между прочимъ 7 нимфъ (Лія, Эмилія, Фіамметта, Монса, Акримонія, Агапесъ и Адіона) разсказываютъ свои любовныя похожденія и влюбляютъ въ себя Амето. Какъ художественное произведеніе, пастушеская идиллія Боккаччіо не имѣетъ

[1]) Filocopo II, p. 25—120. Оцѣнка у Landau, p. 48—49 и восторженный отзывъ Zumbini, p. 58.

[2]) Боккаччіо не опредѣляетъ времени дѣйствія своего романа; всего удобнѣе отнести его къ VI вѣку, хотя историческихъ анахронизмовъ тамъ цѣлая масса. Такъ, родители Біанкофіоре идутъ на поклоненіе св. Іакову въ Кампостелью, хотя Испанія еще языческая. Или папа Агапетъ креститъ императора Юстиніана и т. п.

[3]) Boccaccio's Leben, p. 472.

[4]) Körting относитъ время его появленія къ 1340—41 г. (p. 522). Baldelli, а за нимъ Corrazini — къ 1343, p. 21 См. Traversi, p. 181. Gaspary къ 1341 или 1342 (II, p. 17). Первое изданіе появилось въ Римѣ въ 1478 году. О другихъ изданіяхъ см. Mazz. (p. 1357—58), который указываетъ и рукописи, Zambrini. p. 98; Landau, p. 63 и поправка къ нему Traversi, p. 209.

высокой цѣны[1]); но она представляетъ культурно-историческій интересъ, какъ источникъ для своей эпохи. Прежде всего, въ Амето цѣлая масса автобіографическаго матеріала, хотя и здѣсь, какъ повсюду въ поэтическихъ произведеніяхъ Боккаччіо, онъ прикрытъ густымъ аллегорическимъ туманомъ. Нимфа Эмилія разсказываетъ исторію его парижанки-матери[2]); Фіамметта — свою біографію и исторію любви Боккаччіо[3]); пастухъ Галеоне — встрѣчу съ Фіамметтой[4]), и самъ Амето, если не точный портретъ Боккаччіо, то, по крайней мѣрѣ, переживаетъ весьма многія настроенія и ощущенія автора[5]).

---

1) Самый рѣзкій (и самый справедливый) отзывъ у Landau, p. 58 и слѣд. Онъ значительно смягченъ Traversi (p. 182—183 и 205) и Кёртингомъ, (pag. 619—521).

2) Ameto, p. 77—81. Такъ толкуютъ это мѣсто Landau (p. 62) и Traversi, (p. 196). Körting, отрицающій за Кораццини парижское внѣбрачное происхожденіе Боккаччіо, игнорируетъ это мѣсто.

3) Ameto, p. 137 и слѣд.

4) Здѣсь эта встрѣча разсказывается слѣдующимъ образомъ: Un giorno, nella cui aurora avea signoreggiato lo Dio Saturno appo li Lazzii, gia per addietro stato per paura del figliuolo e di quello già Febo salito alla terza parte, io entrai in tempio da colui detto, che per salire alle case degl' Iddii immortali tali di se tutto sostenne, quale Muzio di Porsenna in presenza della propria mano; nel quale ascoltando io le laudi in tal dì a Giove per la spogliata Dite rendute, cantando li Flammini laudanti le poche sustanze di Codro e per dovere obbligati a soli bisogni della natura, rifiutando ogni più, voi singulare bellezza dell' universo, di bruna veste coperta appariste agli occhi miei. Ameto, p. 153—154.

5) Эту черту совершенно вѣрно подмѣтилъ Körting (p. 521—522) и особенно важно въ стихотворномъ заключеніи Ameto недружелюбное отношеніе Боккаччіо къ родительскому дому.

Li non si ride mai se non di rado
 La casa oscura e muta, e molto trista
 Mi ritiene e riceve mal mio grado;
Dove la cruda ed arribile vista
 D'un vecchio freddo, ruvido ed avaro
 Ognora con affanno più m'attrista (p. 199).

Количество автобіографическаго матеріала можно было значительно увеличить, если пуститься въ детальное истолкованіе аллегорій; но сдѣланныя до сихъ поръ попытки не привели къ благопріятнымъ результатамъ. Толкованія Сансовино отвергнуты Бальделли, съ которымъ въ свою очередь не соглашается самый остроумный изъ комментаторовъ — Ландау, который видитъ въ нимфахъ олицетвореніе кардинальныхъ добродѣтелей (p. 60—63). Это толкованіе впервые сдѣлано *F. Martini, L'Ameto di G. B.* (въ Riv. Europea 1876. Vol. IV. p. 221). Но и эти объясненія не приняты вполнѣ даже итальянскимъ переводчикомъ Ландау — Траверси (p. 193), такъ, что новѣйшій біографъ Боккаччіо рѣшительно объявляетъ всѣ такія попытки безплодными и успѣшный ихъ результатъ навозможнымъ (p. 515—516). Тѣмъ не менѣе Crescini въ этюдѣ *L'allegoria dell' Ameto del Boccaccio. Padova 1886* и потомъ въ цитированномъ

Де-Санктисъ видитъ въ „Амето“ аллегорическое изображеніе „побѣды любви и природы надъ звѣриною дикостью людей“, цѣлую исторію культуры, начиная съ Аѳинъ и кончая Тосканой, „куда авторъ съ законной гордостью полагаетъ начало новой цивилизацій“[1]). Такія утвержденія при смутности содержанія Амето не могутъ не страдать нѣкоторою произвольностью. Но, несмотря на густую аллегорію содержанія романа, въ немъ проявляются обычныя черты гуманизма — любовь къ природѣ въ описаніяхъ[2]), интересъ къ внутренней жизни человѣка и къ исторической и современной дѣйствительности. Состояніе только что познавшаго любовь Амето изображено съ большимъ интересомъ и иногда весьма живо[3]). Нимфа Лія разсказываетъ согласно съ хрониками основаніе Флоренціи, Фіамметта — исторію Неаполя, и въ разсказахъ другихъ нимфъ встрѣчается масса очевидныхъ намековъ на тогдашнія общественныя дѣла во Флоренціи[4]). Самыя бесѣды нимфъ, подъ которыми несомнѣнно скрываются неизвѣстныя намъ дѣйствительныя личности[5]) даютъ наглядную картину жизни и интересовъ дамскаго общества начальнаго Ренесанса[6]). — Романъ заканчивается посвященіемъ Николо́ ди Бартоло дель Буоно, въ которомъ Боккаччіо, осыпая похвалами „единственнаго“ друга, выражаетъ между прочимъ глубокое уваженіе къ Римской церкви[7]).

За Амето послѣдовала неудачная въ литературномъ отношеніи аллегорическая поэма „*Любовное видѣніе*“ (*Visione Amorosa*[8]). Стихотвореніе состоитъ изъ 50 пѣсенъ, составляющихъ въ общей слож-

---

Contributo (p. 93—113) вновь доказываетъ, что Венера — христіанскій Богъ, а нимфы — олицетвореніе добродѣтелей, что не мѣшаетъ имъ быть въ то же время реальными образами, заимствованными изъ живой дѣйствительности. Къ этому взгляду въ общемъ примыкаетъ Gaspary (l. c. p. 18).

1) De Sanctis l. c. p. 325, 326.

2) См. Körting, p. 519.

3) Landau, p. 59. Körting. ibid.

4) Ameto, p. 181.

5) Попытка истолковать Лію, какъ мать дѣтей Боккаччіо, отвергнута Траверси (p. 202); отыскивать оригиналы другихъ нимфъ, кромѣ, конечно, Фіамметты, сколько мнѣ извѣстно, пытались только Baldelli (p. 49—50) и Crescini (l. c. p. 101 и слѣд.).

6) См. Körting, p. 516—518.

7) Онъ называетъ ее madre di tutti e maestra sanctissima chiesa di Roma. Письмо перепечатано у Corazzini, p. 19—20.

8) Она относится къ 1342 году. Körting, p. 547; Gaspary, II, 639, но Бальделли, а за нимъ Corazzini (p. XXI). относятъ ее къ 1343, Первое изданіе появилось въ Миланѣ въ 1520 году. Другія изданія см. Landau, p. 67, и Zumbrini, p. 131. Приговоры объ эстетической цѣнѣ поэмы новыхъ изслѣдователей на этотъ разъ единодушны. См. Landau, p. 67 и pas. Körting, p. 542 и слѣд.

ности 4406 стиховъ и по своему философско-ученому содержанію чрезвычайно характерно для Боккаччіо. Его видѣніе заключается въ томъ, что какая-то аллегорическая женщина — вѣра, добродѣтель, истина или что-нибудь въ этомъ родѣ[1]) ведетъ его къ высшему блаженству. Они подходятъ къ огромному замку, въ который ведутъ двѣ двери: одна узкая, другая широкая и удобная. Первая ведетъ къ цѣли, но Боккаччіо идетъ во вторую, и его руководительница слѣдуетъ за нимъ, хотя и не охотно. Тамъ проходятъ они черезъ залъ мудрости, славы и богатства, и неудовлетворенный авторъ проситъ спутницу вести его по другой дорогѣ. Та предварительно приводитъ его въ залу фортуны, чтобы показать измѣнчивость всего земного, и затѣмъ направляется къ узкой двери. Но налѣво отъ нея Боккаччіо увидалъ обширный садъ, въ которомъ, среди фонтановъ и художественныхъ произведеній, гуляютъ красивыя дамы. Онъ упрашиваетъ свою руководительницу зайти сюда; та, хотя и порицаетъ его за земныя желанія, но соглашается. Здѣсь Боккаччіо находитъ между прочими Фіамметту и послѣ 135 дней добивается ея взаимности. Въ этотъ моментъ авторъ проснулся, но, оглядѣвшись кругомъ, увидѣлъ свою спутницу, которая убѣждала его итти къ узкой двери, потому что это воля его возлюбленной. Ландау отказывается понять, почему Боккаччіо, стремившійся къ неземному благу, очутился „въ положеніи болѣе сомнительномъ, чѣмъ положеніе Іорика и горничной“[2]). Съ такимъ же недоумѣніемъ останавливается передъ смысломъ поэмы — Дзумбини[3]). Между тѣмъ загадка не особенно трудна, и Де Санктисъ, а за нимъ Кёртингъ и Гаспари разъяснили ее весьма просто: при невозможности, по крайней мѣрѣ, для себя достичь высшаго блага, Боккаччіо довольствуется любовью, какъ высшимъ, по его мнѣнію, земнымъ благомъ[4]). Такое толко-

---

[1]) По Crescini — это разумъ (l. c. p. 114). Gaspary отказывается отъ объясненія (l. c. 640).

[2]) Boccaccio, p. 67.

[3]) Мнѣнія Дзумбини цитируетъ Траверси по его неизданнымъ лекціямъ въ неаполитанскомъ университетѣ и выражаетъ увѣренность, что его учитель современемъ разрѣшитъ эту загадку. Lasceremmo tutta la cura di circondare fra loro queste varie contradizione allo Zumbini, certi che nessuno potrebbe farlo meglio di lui (p. 224).

[4]) Де Санктисъ, сравнивая поэму съ Божественной Комедіей, которой подражалъ Боккаччіо, находитъ въ Amorosa Visione рѣшительное и абсолютное „прославленіе плоти, въ которой миръ и успокоеніе“, убѣжденную замѣну христіанскаго рая „магометанскимъ“ (l. c. p. 312). Того же мнѣнія держится Symonds (p. 114—115). Кёртингъ (p. 544), Крешини и Гаспари (II, p. 20—24) вносятъ существенную поправку въ это толкованіе: Боккаччіо не отрицаетъ вѣрности и истинности старыхъ идеаловъ, но чувствуетъ свое безсиліе для ихъ достиженія и удовлетворяется любовью. Попытки болѣе подробнаго объ-

ваніе соотвѣтствуетъ содержанію поэмы и вполнѣ подходитъ къ тогдашнему настроенію автора. Это рѣшеніе вопроса весьма характерно для наступающей эпохи, и въ поэмѣ Боккаччіо чувствуется уже трактатъ „Объ удовольствіи“ Валлы[1]).

„Любовное видѣніе“ содержитъ, кромѣ того, цѣлую массу автобіографическаго матеріала. Описывая чертоги мудрости, славы, богатства и фортуны, Боккаччіо обнаруживаетъ обширное знаніе именъ и фактовъ изъ древней и средневѣковой исторіи. Презрѣнія къ представителямъ среедневѣковой культуры у Боккаччіо незамѣтно: среди мудрецовъ на ряду съ Аристотелемъ, Платономъ, Цицерономъ и прочими представителями древности встрѣчаются Боэцій, Аверроэсъ, Авицена и другіе схоластики. За колесницей славы идутъ въ толпѣ древнихъ героевъ Карлъ Великій, Фридрихъ II, Конрадинъ и проч.; въ главѣ о любви разсказана вмѣстѣ съ похожденіями Зевса исторія Тристана и Изольды. Насколько глубоко и обширно это знаніе, сказать трудно, потому что по большей части имена и факты только упоминаются; несомнѣнно однако, что Боккаччіо почерпалъ его не всегда изъ надежныхъ источниковъ, потому что въ перечнѣ различныхъ знаменитостей мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Abracis, Tebico, Ambepece, Hoëta, Bordo etc. Кромѣ того, при описаніи своего путешествія, Боккаччіо останавливается и на современности. Общество въ саду, которое задержало разочарованнаго въ земныхъ благахъ автора передъ самой дверью къ вѣчному блаженству, то же самое, какое описывалъ Боккаччіо въ Questioni d'amore (Filocopo) и на праздникѣ Венеры въ Ameto. Особенно характерно, что Робертъ Неаполитанскій, передъ которымъ такъ благоговѣлъ Петрарка, помѣщенъ Боккаччіо подъ именемъ Мидаса среди корыстолюбивыхъ скупцовъ[2]).

ясненія поэмы не разъ дѣлалъ *Crescini: La Lucia dell' Amorosa Visione del Boccaccio* (въ Rivista Europ. 1882) и въ особенности въ Contribuito (p. 113—141); но всѣ они носятъ гадательный характеръ и не представляютъ историческаго интереса. *Traversi (Notizie storiche sull Amorosa Visione* въ Studi di Fil. Rom. I, 1885) пытался опредѣлить дамъ, съ которыхъ сдѣлано изображеніе въ поэмѣ; мнѣ эта статья осталась неизвѣстной.

[1]) Въ первомъ изданіи (Mediolani 1520) эта поэма озаглавлена такъ: *Amorosa Visione, nella quale si contengono cinque Trionfi, cioè Trionfo di Sarienza, di Gloria, di Riechezza, di Amore e di Fortuna* (Mazz. l. c. p. 1362). Уже Бальделли обратилъ вниманіе на характерную разницу тріумфовъ у Петрарки и Боккаччіо l. c. p. 63.

[2]) Am. Vis. Cap. XIII, p. 52. Такъ понимаетъ это мѣсто Landau и его комментаторъ, который собралъ изъ переписки параллельныя мѣста, доказывающія, что именно такъ смотрѣлъ Боккаччіо на Роберта (Traversi, p. 214—215) См. также эклогу Midas.

Поэма Боккаччіо знакомитъ насъ также съ нѣкоторыми воззрѣніями автора. Въ 33-й пѣснѣ его руководительница дѣлаетъ рѣзкую выходку противъ аристократіи, доказывая, что всѣ люди созданы Богомъ равными и что только добродѣтель облагораживаетъ. Одушевленіе, съ которымъ въ другомъ мѣстѣ Боккаччіо описываетъ художественныя произведенія[1]), отличаетъ его отъ равнодушнаго къ искусству Петрарки. Весьма интересно также его искреннее отношеніе къ богатству, которое такъ хотѣлось презирать его руководителю. Изобразивши корыстолюбца, который ногтями скребетъ гору, чтобы добыть тамъ золото, Боккаччіо сознается, что онъ самъ занялся бы этимъ, если бы это можно было сдѣлать съ честью, потому что бѣдняка всѣ презираютъ и избѣгаютъ[2]). Здѣсь же впервые мы встрѣчаемъ чрезвычайно рѣзкую выходку противъ монаховъ, которыхъ авторъ называетъ фарисеями[3]). Для фактической біографіи Боккаччіо „Любовное видѣніе" даетъ изображеніе отношенія автора къ отцу, который „скребетъ ногтями гору"[4]), и послѣдовать примѣру котораго запрещаетъ автору честь. Да-

[1]) Cap. XXXVIII, p. 154 и слѣдующая глава.

[2]) Cap. XIV, p. 59–60.

[3]) Più altra gente ancor v'avea, fra quali
Gran quantità di nuovi Farisei
Ad aver del tesor battevan l'ali:
E sconfortando gli altri, e come rei
Erano a posseder, nel lor parlare
Mostrando; e s'io nel rimirar potei
Riguardar vero il loro adoperare
Per possederne maggior quantitate,
Li vi vedeva forte affaticare.
Correndo sen portavan caricate
Le some, e con iscrigni e piene ceste
Si ritornavan quivi molte fiate.
Ver è, che ben ch' avesser lunghe veste
Non gli ingombravan però, ma parea
Che più che gli altri avesser le man preste.
(Cap XIV, p. 57).

[4]) Oltre grattando il monte dimorava
Con aguta unghia un, ch'al mio parere
In molte volte poco ne levava.
Con questo tanto forte quel tenere
In borsa gli vedea ch'appena esso,
Non ch' altro, alcun ne potea bene avere.
Al qual facendom' io un poco appresso
Per conoscer chi fosse, apertamente
Vidi, che era colui che me stesso
Libero e lieto avea benignamente
Nudrito come figlio, ed io chiamato
Aveva lui e chiamo mio parente.
(Cap. XIV, p. 58.)

лѣе глубокое уваженіе къ Данте, не разъ засвидѣтельствованное авторомъ Декамерона, проявляется и въ этомъ стихотвореніи[1]). Наконецъ, въ поэмѣ находятся самыя несомнѣнныя указанія, что любовь Боккаччіо къ Фіамметтѣ была далека не только отъ аллегорическаго идеализма Данте, но и отъ вынужденнаго платонизма Петрарки[2]).

Гораздо менѣе историческаго и біографическаго интереса представляетъ обширная эпическая поэма *Тезеида*, хотя современные критики съ литературной и эстетической точки зрѣнія ставятъ ее выше всѣхъ предшествующихъ произведеній Боккаччіо[3]). Ея содержаніе составляетъ борьба Тезея съ Амазонками и главнымъ образомъ исторія любви двухъ ѳиванскихъ царевичей, Архита и Палемона, къ Эмиліи, сестрѣ Амазонки Ипполиты, жены Тезея. Автобіографическій элементъ этого эпоса чрезвычайно скуденъ, хотя въ посвященіи и говорится, что поэма написана для того, чтобы снова воспламенить охладѣвшую къ автору Фіамметту, и что подъ именемъ одного изъ ѳиванцевъ Боккаччіо изобразилъ самого себя[4]). Но который изъ героевъ воспроизводитъ чувства автора, сказать трудно, потому что личности Архита и Палемона весьма блѣдны[5]). Въ самой поэмѣ не встрѣчается біографическихъ указаній, кромѣ развѣ описанія наружности Фіамметты, которую должна изображать блѣдная, безличная Эмилія[6]). Главный интересъ поэмы, какъ исто-

---

1) Восторженный отзывъ о Данте cap. VI, p. 24 и слѣд.

2) См. Cap. XLVI и XLIX.

3) Corazzini относитъ это произведеніе къ 1342—43 г. (p. XXI); Бальделли къ 1341 (p. 374). Первое изданіе Teseide появилось въ Феррарѣ въ 1475 г. О другихъ см. Zambrini, p. 125, и Landau, p. 78. Рукописи у Mazz , p. 1362. Поэма раздѣлена на 12 пѣсенъ, составляющихъ 9896 стиховъ, кромѣ 2 относящихся къ ней сонетовъ. Ей предпослано посвятительное письмо къ Фіамметтѣ (У Corazzini p. 1—7). Бальделли даетъ восторженный отзывъ о Тезеидѣ (p. 31 и слѣд.); весьма далекій отъ панегириковъ Landau признаетъ литературное значеніе поэмы, которая представляетъ — das erste italienische Epos und das erste italienische Werk in achtzeiligen dreireimigen Stanzen (p. 70), находитъ эстетическія достоинства въ частностяхъ (p. 77—78), хотя въ общемъ считаетъ поэму скучною и характеры ея героевъ невыдержанными и блѣдными (p. 75—76). Приблизительно въ этомъ же смыслѣ высказывается Gaspary (II, p. 15). Наоборотъ Кёртингъ въ восторгѣ отъ поэмы и только въ ея частностяхъ находитъ недостатки (p. 616—620). Ближе къ Кёртингу стоитъ Traversi и цитируемый имъ Zumbini (p. 289 и слѣд.). Только De-Sanctis (p. 305—308) и за нимъ Symonds (p. 117—118) отрицаютъ эстетическую цѣну поэмы.

4) Coraz., p. 1 и 4.

5) Körting дѣлаетъ попытку выяснить характеры обоихъ героевъ, но отказывается опредѣлить, подъ которымъ изъ нихъ скрывается Боккаччіо. Crescini, сдѣлавшій обстоятельный разборъ поэмы съ автобіографической точки зрѣнія, приходитъ къ тому же выводу (Contrib., p. 115).

6) Libro XII. Str. 53—63. Es muss ganz hahingestellt bleiben, говоритъ Kör-

рическаго источника, заключается въ отношеніи автора къ древности. Боккаччіо не только подражаетъ древнимъ, но и выдерживаетъ античный тонъ фабулы, если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ большой археологическою точностію, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ произведеніи[1]). Весьма возможно, что этотъ общій тонъ принадлежитъ не самому Боккаччіо, а его источнику; тѣмъ не менѣе описаніе похоронъ павшихъ на турнирѣ грековъ[2]) и Архита[3]), обстоятельный разсказъ миѳической исторіи Ѳивъ[4]), изображеніе дворца Марса[5]) — все это показываетъ ранній интересъ и сравнительно хорошее знакомство еще молодого автора съ древнимъ міромъ[6]).

Обширная поэма „*Филострато*"[7]), въ которой Боккаччіо изобразилъ несчастную любовь Троила, сына Пріама къ дочери Калхаса

---

ting, ob Boccaccio in Schilderung Emilia's ein Portrait Fiammetta's habe zeichnen wollen: es lässt sich vermuthen, aber nicht beweisen (p. 615). Но Traversi, посвятивши этому вопросу 13 страницъ in 4°, доказалъ сопоставленіемъ различныхъ мѣстъ изъ сочиненій Боккаччіо, что здѣсь рѣчь идетъ именно о Фіамметтѣ (p. 275—288). Ср. Crescini, l. c. p. 208—219.

¹) См. объ этомъ Landau, p. 71, и Körting, 621.

²) Libro X въ началѣ.

³) Libro XI, str. 13 и слѣд.

⁴) Libro X, str. 95 и слѣд.

⁵) Libro VI. Объ отношеніи этого описанія къ Ѳиваидѣ Стація и къ Виргилію см. Landau, p. 76, и Traversi, p. 293.

⁶) Вопросъ объ источникѣ Тезеиды остается спорнымъ до сихъ поръ. Боккаччіо въ посвященіи говоритъ, что онъ заимствовалъ свой сюжетъ: trovata una antischissima storia, o al più delle genti non manifesta etc. (Coraz., p. 3). *Sandras* въ *Etude sur G. Chauser, Paris 1859*, высказалъ мнѣніе, что источникомъ Боккаччіо было французское произведеніе. A. Ebert въ разборѣ этой книги (Jahrb. für rom. und engl. Lit. Band IV. 1862) доказывалъ, что Боккаччіо пользовался латинскимъ переводомъ византійскаго романа конца V вѣка нашей эры главнымъ образомъ потому, что содержаніе поэмы сохранило античный тонъ. Landau отвергаетъ эту гипотезу, такъ какъ греки Тезеиды кажутся ему „настоящими рыцарями XII или XIII вѣка" (p. 71). Körting снова возвращается къ мнѣнію Эберта, но относитъ источникъ къ эпохѣ Адріана (p. 620—627). Такъ какъ фабулы Тезеиды до сихъ поръ не найдено ни на французскомъ, ни на греческомъ языкахъ, то вопросъ остается открытымъ, и Traversi, склоняясь къ Körting'у возлагаетъ по обыкновенію, всѣ надежды на Дзумбини. Delle probabili fonti della Teseide, giova sperare, discorrerà, a suo tempo, con la solita autorità e dottrina, lo Zumbini (p. 265). Crescini вновь пересмотрѣлъ всѣ эти выводы и, отвергнувъ мнѣнія Эберта и Кёртинга, пришелъ къ выводу, что античный элементъ поэмы отчасти заимствованъ Боккаччіо у Стація, а средневѣковой—изъ источниковъ, которые нужно еще отыскать. (Contrib., p. 220—247).

⁷) Время составленія Filostrato въ точности опредѣлить нельзя, можно только указать ея мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ другихъ произведеній. См. Körting, p. 566. Поэма раздѣлена на 10 частей (parte) и вмѣстѣ съ обра-

Хризеидѣ, вся проникнута лиризмомъ. Въ предисловіи, составленномъ въ формѣ письма къ Фіамметтѣ, онъ изображаетъ свою горячую любовь къ ней и мученія разлуки и ревности, такъ какъ предметъ его страсти покинулъ Неаполь. Тогда ему „пришла въ голову мысль... въ лицѣ какого-нибудь влюбленнаго воспѣть свои муки“. „Поэтому я началъ старательно перелистывать старинныя исторіи, продолжаетъ Боккаччіо, чтобы найти кого-нибудь, кого я могъ бы съ нѣкоторою вѣроятностью сдѣлать щитомъ своей тайной влюбленной скорби“ [1]). Его выборъ остановился на Троилѣ, котораго онъ и сдѣлалъ выразителемъ своего настроенія [2]). Въ мастерскомъ изображеніи различныхъ фазисовъ любви заключается и высокая эстетическая цѣна поэмы [3]) и ея историческое значеніе. Боккаччіо вложилъ въ заимствованный сюжетъ [4]) свои личныя чувства и далъ одинъ изъ первыхъ образцовъ психологически-вѣрнаго поэтическаго описанія одной стороны внутренней жизни [5]). Правда этотъ интересъ къ личности еще безсо-

---

щеніями и отступленіями составляетъ 5392 стиха. Ей предшествуетъ эпистолярное посвященіе Фіамметтѣ (у Corazzini p. 9—18), помѣченное 1341 годомъ (но дата не оправдывается лучшими рукописями), гдѣ Боккаччіо объясняетъ между прочимъ заглавіе поэмы „Filostrato tanto viene a dire, quanto uomo vinto e abbattuto da amore.“ (У Корац. этого нѣтъ). Первое изданіе появилось въ Венеціи въ 1480. О другихъ см. Zambrini, p. 127. Рукописи у Mazz., p. 1363,

¹) Coraz., p. 14.

²) Dalla persona di lui e da' suoi accidenti ottimamente presi forma alla mia intenzione e susseguentemente in leggere rima, e nel mio fiorentino idioma, con stile assai pietoso i suoi e miei mali parimente composi Ibid.

³) Ея мастерская оцѣнка у Landau, p. 83—85, 90. Ср. Symonds, p. 121—122 и Gaspary II, 8—13. Es ist unbegreiflich, говоритъ Hettner, wie eine so herrliche Perle ächtester Poesie, wie Boccaccio's Filostrato, vergessen sein kann (l. c. p. 43). Körting совсѣмъ неожиданно называетъ поэму verfehltes Werk (p. 582), хотя и признаетъ мастерство психологическаго описанія (p. 583—84). Основная причина этого взгляда заключается въ ошибочномъ утвержденіи, будто зрѣлый человѣкъ, несчастно влюбленный въ недостойную женщину, представляетъ собою не трагическую, а комическую фигуру. (См. p. 579 и слѣд.) Traversi слѣдуетъ за Landau, p. 313.

⁴) „Antiche storie“, которыми пользовался Боккаччіо былъ Roman de Troie Benoit de Sainte More или его итальянская обработка Guido da Colonna. См. Landau, p. 85—94. Körting, 586—590 и Traversi, p. 320 и слѣд. Самый обстоятельный разборъ поэмы у Crescini, Contribuito, p. 186 и слѣд.

⁵) Такія описанія встрѣчаются во всей поэмѣ. Для примѣра можно указать: состояніе Troilo, когда онъ впервые увидѣлъ Griseid'y (Parte I); вся III пѣснь, гдѣ изображается счастье влюбленныхъ; отчаяніе Троила при вѣсти, что греки требуютъ Хризеиду, и послѣ ея удаленія (Parte V) и passim. „Здѣсь впервые, говоритъ Де-Санктисъ, любовь, разорвавъ платоническое покрывало, обнаруживается въ своей реальности и самостоятельности, отдѣлившись отъ своихъ старинныхъ сотоварищей — чести и религіознаго чувства. Это уже любовь

знателенъ и одностороненъ. Боккаччіо говоритъ только о любви и связанныхъ съ нею чувствахъ; но характерна наблюдательность и умѣнье передать результаты наблюденій. Вложивъ въ Троила свое настроеніе, Боккаччіо изъ современной жизни заимствовалъ всю окраску поэмы и дѣйствующихъ лицъ[1]). Вслѣдствіе этого въ Филострато отразилось высшее неаполитанское общество, хотя только съ той стороны, которая составляетъ главное содержаніе поэмы[2]).

Идиллическая поэма Боккачіо *Ninfale Fiesolano* — одно изъ самыхъ удачныхъ его произведеній до Декамерона[3]). Подъ вліяніемъ античной литературы и преимущественно Овидія авторъ сдѣлалъ попытку сочинить преданія для объясненія названія двухъ флорентійскихъ ручейковъ Affrico и Mensola, а также объ основаніи Фьезоле и Флоренціи[4]). Въ результатѣ вышла изящная исторія несчастной любви пастуха Аффрико и нимфы Мензолы, которая, кромѣ художественнаго ланшафта[5]), ничего не даетъ ни для исторіи Ренесанса, ни для

не народная, а городская, т.-е. утонченная, полная нѣжности и истомы, воспитанная культурой и искусствомъ" (l. c. p. 308).

[1]) По поводу Хризеиды Ландау замѣчаетъ: wahrlich, die schlimmste Kokette vom Hofe der Königin Iohanna scheint zu diesem Portrait gesessen zu haben, p. 84.

[2]) Unter diesem Gesichtpunkte betrachtet, gewinnt der Filostrato ein grosses, wenn auch wenig erfreuliches culturgeschichtliches Interesse, говоритъ Körting и находитъ отразившееся въ поэмѣ общество durch und durch unmoralisch und frivol. (p. 591-592). Такой упрекъ заслужила да и то не вполнѣ только неглубокая Хризеида.

[3]) Время ея составленія можно опредѣлить только приблизительно и то лишь на основаніи внутреннихъ свойствъ стихотворенія; впрочемъ въ одной рукописи, приведенной у Manni (l. c. p. 55) стоитъ 1366 годъ. Бальделли отрицаетъ эту дату на основаніи внутреннихъ свойствъ поэмы (p. 65). Ея первое изданіе въ Венеціи въ 1477. О другихъ см. Zambrini, p. 129, и Landau, p. 98. Рукописи у Mazz., p. 1363. У Moutier поэма раздѣлена на 7 пѣсенъ и составляетъ 3784 стиха. Единодушно сочувственные отзывы критиковъ сведены у Traversi, I, p. 350—351 и 355. Ср. Gaspary, p. 16—17.

[4]) Вліяніе Овидія отмѣтилъ Körting, p. 640—641. Zumbrini въ своихъ лекціяхъ, цитированныхъ у Traversi (p. 358—359), пытался ближе выяснить это вліяніе. См. также *B. Zumbrini, Una storia d'amore e morte (Il Ninfale Fiesolano del Boccaccio).* (Въ Nuov. Antil. 1884. 1 marzo, p. 1—27), гдѣ вторая глава посвящена источникамъ поэмы, третья — ея литературному анализу.

[5]) См. Körting, p. 635 и слѣд. Де-Санктисъ видитъ болѣе глубокій смыслъ въ поэмѣ. По его мнѣнію, „этотъ первобытный миѳологическій міръ — гимнъ Природѣ". Мензола, хотя смертью заплатила за свою любовь, полюбила „не по испорченности, не по извращенію сердца, а повинуясь непреодолимой силѣ природы". Ея сынъ, отмщая за мать, разрушилъ храмы Діаны, насильно выдавая замужъ нимфъ, „вводитъ цивилизацію и культуру". „Такимъ образомъ миѳологическій міръ съ своими лѣсными учрежденіями гибнетъ, и начинается гражданская жизнь по законамъ любви и природы" (p. 320). Symonds раздѣляетъ

біографіи Боккаччіо. Характеренъ только самый успѣхъ поэмы, ея художественное достоинство, потому что это показываетъ, что античные и средневѣковые элементы весьма быстро нашли себѣ примиреніе, но только въ области поэзіи, менѣе всего затронутой католицизмомъ.

„*Элегію мадонны Фіамметты, посвященную всѣмъ влюбленнымъ женщинамъ*“ Кёртингъ справедливо называетъ первымъ новымъ романомъ[1]). Эта исповѣдь покинутой женщины, которую Боккаччіо влагаетъ въ уста своей возлюбленной, представляетъ собою настоящую лѣтопись женскаго сердца[2]). Въ другихъ произведеніяхъ психологическое описаніе является болѣе или менѣе отрывочно и носитъ по большей части автобіографической характеръ; въ „Фіамметтѣ“ — оно составляетъ главное содержаніе романа и является результатомъ сознательнаго наблюденія, вызваннаго живымъ интересомъ къ психической жизни вообще. Съ этой точки зрѣнія романъ Боккаччіо представляетъ большой культурно-историческій интересъ, какъ наиболѣе рѣзкое проявленіе одной изъ характернѣйшихъ чертъ гуманистическаго движенія. Интересно также живое и одушевленное описаніе прелестей деревенской жизни, къ которой чувствовали такое влеченіе гуманисты[3]). Въ романѣ отразился далѣе чисто гуманистическій интересъ къ дѣйствительности: Боккаччіо почти съ паѳосомъ описываетъ свадебныя торжества въ Неаполѣ[4]), морское купанье въ Байѣ[5]), и знаменитые „дворы любви“[6]). Нелишены, наконецъ, интереса и авто-

---

это мнѣніе. Смыслъ поэмы, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что „гражданское общество занимаетъ мѣсто лѣсной дикости и любовь разсматривается, какъ вступленіе въ культурное состояніе (the vestibule to culture)“ (p. 120). Намъ кажется, что эта мысль вложена Боккаччіо его новѣйшими критиками.

[1]) Время составленія романа спорно. Körting относитъ его къ 1340 (p. 563—564), Landau къ 1346—47 годамъ (p. 99) См. объ этомъ примѣчаніе Traversi I, p. 368. Corazzini къ 1344—50 (p. XXII). Подлинное заглавіе романа, по Ландау (p. 98), — *Elegia di Madonna Fiammetta da lei alle innamorate donne mandata*. Въ первомъ изданіи (Padua 1472) онъ озаглавленъ: *Iohannis Bochacii, viri eloquentissimi ad Fiammettam Panphyli amatricem libellus materno sermone editus*. О другихъ изданіяхъ см. Landau, p. 105; Zambrini, p. 109 и Traversi, p. 199. Рукописи у Mazz., p. 1356. У Moutier онъ раздѣленъ на 9 главъ. Критическій разборъ у Landau, p. 104 и Körting, p. 554—558. Cp. De-Sanctis, p. 316—318; Gaspary, 27 и слѣд.

[2]) Очень хорошій анализъ романа съ этой точки зрѣнія дастъ Körting, p. 554—556.

[3]) Fiam. C. V, p. 115—118.

[4]) Ibid., p. 97—101; 109—112.

[5]) Ibid., p. 91—95.

Ibid , p. 106—107.

біографическія данныя, хотя ихъ содрежаніе встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ[1]).

Знаменитый Декамеронъ, который создалъ всемірную извѣстность Боккаччіо и весьма много повредилъ его моральной репутаціи, *какъ историческій источникъ*, имѣетъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ другія беллетристическія произведенія того-же автора[2]). Прежде всего та сторона, которая составляетъ главное достоинство Декамерона, — типичное изображеніе реальной жизни имѣетъ важное историческое значеніе[3]). Боккаччіо любитъ природу, интересуется жизнью и умѣетъ ее наблюдать. Знаменитое описаніе „черной смерти“ критики не только сравниваютъ съ Ѳукидидовымъ, но многіе ставятъ даже гуманиста выше классика[4]). Попытка Манни найти историческую основу въ новеллахъ Боккаччіо не можетъ быть названа вполнѣ удачною; но огромное большинство его разсказовъ, откуда бы ни былъ заимствованъ ихъ сюжетъ[5]), воспроизводятъ мѣстную жизнь и мѣстные нравы. „Эти новеллы, — го-

---

[1]) Тосканецъ Панфило купеческій сынъ, котораго въ церкви встрѣтила Фіамметта и котораго удалила отъ нея воля отца, несомнѣнно самъ Боккаччіо Cap. I, p. 8—10. Сцена счастливой любви во 1-й главѣ (p. 48—52) имѣетъ значеніе для спорнаго вопроса о характерѣ отношеній между Боккаччіо и Маріей. См. объ этомъ Landau, p. 90; Körting, p. 559—563. Cp. Traversi, p. 365—368. Самый обстоятельный анализъ романа съ автобіографической точки зрѣнія у Crescini, p. 149 и слѣд. Онъ же отмѣтилъ вліяніе Овидія и Сенеки на Боккаччіо въ этомъ произведеніи. Ibid. p. 156 и слѣд.

[2]) Время составленія Декамерона въ точности неизвѣстно. Traversi относитъ его къ 1348—53 (p. 523). См. также Körting, p. 673—675; Witte, p. 65 и слѣд. Къ объясненію его заглавія — Landau, p. 143. О рукописяхъ см. Landau, p. 143 и Körting, p. 645 и цитированныя обоими авторами сочиненія, а также *Tobler, Die Berliner Handschrift des Decameron. Berlin 1887.* Изданія Manni, p. 627 и слѣд., Baldelli, p. 281 и слѣд., Witte, p. 79 и слѣд.; Landau, p. 146; Zabrini, p. 31—146 и важныя дополненія у Traversi, p. 658 и слѣд. См. также *Ugo Foscolo, Discorso storico sul testo del Decamerone. Lugano 1828.*

[3]) Автобіографическаго матеріала мало въ Декамеронѣ, и встрѣчающіеся тамъ намеки очень неопредѣленны и не прибавляютъ почти ничего новаго къ фактической біографіи автора. Правда, тамъ появляются Фіамметта и Панфило; но въ противоположность роману, здѣсь ея благорасположеніемъ пользуется Dioneo, подъ которымъ, по мнѣнію Landau, скрывается авторъ (Landau, p. 132). Cp. Crescini, Contribuito, p. 250 и слѣд.

[4]) См. *Traversi, Raffronto fra la peste di Tucidide, di Lucrezio e di Giovanni Boccaccio* (Въ Propugnatore 1881. Disp. 2-е 3). Cp. Witte, p. 70.

[5]) Обзоръ важной и интересной литературы объ источникахъ Декамерона не входитъ въ нашу задачу. Я пользуюсь въ отдѣльныхъ случаяхъ, кромѣ Manni и Witte, *Landau, Die Quellen des Decameron. II Auflage Stuttgart 1884.* и *Cappelletti, Osservazioni storiche e letterarie e notizie sulle fonti del Decamerone.* (Въ Propugnatore 1883 и 1884). Книга *Bartoli, I precursori del Boccaccio ed alcune delle sue fonti. Firenze 1876* мнѣ осталась неизвѣстной.

воритъ Кёртингъ, — представляютъ богатый и достовѣрный культурно-исторический матеріалъ; по нимъ можно изучать итальянскія и спеціально флорентійскія частныя древности"[1]). Болѣе того, высокая художественность Декамерона даетъ возможность проникнуть глубже внѣшняго быта тогдашнихъ флорентійцевъ, въ ихъ внутреннюю жизнь, изображенную безъ прикрасъ, въ ея повседневной ординарности[2]). Но этой стороной новеллы Боккаччіо являются важнымъ источникомъ для культурной исторіи вообще; въ частности для характеристики ранняго гуманизма гораздо важнѣе „философія" Декамерона и ея приложеніе къ политикѣ и религіи.

Ключомъ къ объясненію почти всего міросозерцанія Боккаччіо, по скольку оно выразилось въ Декамеронѣ, можетъ служить введеніе къ IV дню. Оправдываясь отъ возможныхъ обвиненій въ чрезмѣрной любви къ женщинамъ и въ излишнемъ стремленіи имъ нравиться, Боккаччіо разсказываетъ новеллу о флорентійскомъ отшельникѣ Бальдуччи, который держалъ своего сына до 18-лѣтняго возраста въ полномъ удаленіи отъ міра и потомъ взялъ съ собою во Флоренцію. Молодой человѣкъ остался сравнительно равнодушнымъ къ невиданному великолѣпію богатаго города; но встрѣча съ женщинами произвела на него сильное впечатлѣніе. Напрасно отецъ приказывалъ ему опустить глаза, потому что это „mala cosa"; напрасно старикъ, не желая произносить слова „женщина", сказалъ сыну, что встрѣтившіяся существа называются гусенятами. Юноша не повѣрилъ отцу, что это „mala cosa", и усердно упрашивалъ взять съ собою одного „гусенка", котораго онъ будетъ кормить у себя въ пещерѣ. „Не хочу, сказалъ ему отецъ; ты не знаешь, чѣмъ они питаются", и съ неудовольствіемъ почувствовалъ, что природа имѣетъ болѣе силы, чѣмъ его разумъ"[3]). Изъ этого разсказа Боккаччіо выводитъ поученіе своимъ порицателямъ. Если женщины болѣе всего понравились „юношѣ неразвитому (senza sentimento)", почти „лѣсному животному", то что же удивительнаго, говоритъ Боккаччіо женщинамъ, „если вы нравитесь

---

[1]) Körting l. c., p. 659.

[2]) Противопоставляя Декамеронъ, Человѣческую Комедію, Божественной комедіи Данте, Сэймондсъ замѣчаетъ: „трудно рѣшить, которая изъ двухъ драмъ вѣрнѣе и который изъ двухъ поэтовъ крѣпче держится реальности". У Боккаччіо, по его словамъ, „міръ, какъ міръ, плоть, какъ плоть, природа, какъ природа, безъ вмѣшательства духовныхъ агентовъ, безъ отношенія къ идеальной сферѣ" (l. c. p. 106). Объ отношеніи Боккаччіо къ дѣйствительности см. Ginguené III, p. 85 и слѣд.

[3]) *Il Decameron di messer Giovanni Boccacci riscotraio cò migliori testi e postillato da Pietro Fanfani. V. I. Firenze 1857*. p. 306. Объ источникахъ новеллы см. Landau l. c. p. 171 и Cappelletti, Propugn. XVII, p. 345 и слѣд.

мнѣ, тѣло котораго Небо создало вполнѣ способнымъ къ любви, а свой духъ я направилъ къ вамъ съ самаго дѣтства, чувствуя силу вашихъ свѣтлыхъ взоровъ, прелесть медоточивыхъ словъ, пламя, возбуждаемое вашими любвеобильными (pietosi) вздохами?“ „Несомнѣнно, заключаетъ Боккаччіо, только тотъ будетъ порицать меня, кто не понимаетъ и не знаетъ наслажденія и силы чувствъ, вложенныхъ въ насъ природою и поэтому не любитъ васъ и не желаетъ быть вами любимымъ. А такія порицанія меня мало безпокоятъ“[1]). Итакъ, любовь, по Боккаччіо, высочайшее наслажденіе и великая сила, потому что она вложена въ человѣка самою природою. Авторъ не отрицаетъ возможности вести борьбу съ этимъ естественнымъ стремленіемъ; но такая борьба представляется ему крайне непривлекательной и почти безплодной. „Для желанія сопротивляться законамъ природы, говоритъ онъ, нужны слишкомъ большія силы, и тѣ, которые пытаются дѣлать это, часто трудятся не только понапрасну, но даже съ огромнѣйшимъ вредомъ для себя. Я признаюсь, что такихъ силъ у меня нѣтъ и имѣть ихъ я не желаю; а если бы онѣ у меня были, то я скорѣе предоставилъ бы ихъ кому-нибудь другому, чѣмъ приложилъ бы къ самому себѣ. Поэтому пусть молчатъ мои хулители и, если они не могутъ согрѣться, то пусть живутъ съ своимъ холодомъ, съ своими наслажденіями или даже съ своими извращенными стремленіями, и пусть оставятъ мнѣ мои радости, предоставленныя намъ въ этой короткой жизни“[2]). Этотъ смѣлый и рѣшительный протестъ противъ аскетизма — характерный признакъ времени[3]). За естественной наклонностью личности, которая считалась грѣхомъ въ Средніе вѣка, не только признано право на существованіе, но и борьба съ ней объявлена дѣломъ по меньшей мѣрѣ безполезнымъ и даже вреднымъ. Введеніе въ 4-й день Декамерона — панегирикъ не только человѣческому духу, но даже и плоти, и большая часть новеллъ представляетъ собою иллюстрацію къ этому панегирику, тріумфъ любви надъ церковью, надъ сословнымъ строемъ, надъ соціальными отношеніями, т.-е. тріумфъ не только духа, но и плоти, и плоти иногда болѣе, чѣмъ духа[4]). Нѣкоторые изъ новыхъ критиковъ склонны видѣть въ Декамеронѣ проповѣдь распущенности[5]). „Декамеронъ, говоритъ Сэй-

---

[1]) У Fanfani I, p. 306—307.

[2]) Ibid. p. 309.

[3]) Эта черта превосходно формулирована у Quinet, l. c. p. 144.

[4]) См. напр. разсужденіе женщинъ въ V, 10 и всю эту новеллу.

[5]) По словамъ Symonds'a Boccaccio celebrates the apotheosis of natural appetite of il talento, stigmatised as sin by ascetic Christianity, l. c. p. 106. Объ отношеніи Боккаччіо къ любви см. De-Sanctis, p. 331, 336—337; Gaspary, p. 55.

мондсъ, — безсознательный бунтъ противъ всей средневѣковой доктрины. Подобно всякой сильной реакціи онъ не удовлетворяется оппозиціей крайностямъ оспариваемаго воззрѣнія: вмѣсто отрицанія аскетизма, онъ установляетъ распущенность (licence)" [1]). Съ такимъ взглядомъ нельзя согласиться. Подобной проповѣди мы не находимъ ни въ одной новеллѣ[2]); разсказъ о маркизѣ Монферратской (I, 5), о женѣ Bernabò da Genova (II, 9) показываютъ, что авторъ цѣнитъ супружескую вѣрность, разъ нѣтъ достаточныхъ, по его мнѣнію, основаній для ея нарушенія. Но физическія потребности человѣческой природы оправдываютъ съ его точки зрѣнія нарушеніе всѣхъ преградъ, поставленныхъ религіей и моралью. Новеллъ такого содержанія очень много; но особенно характерны въ этомъ отношеніи разсужденія жены Риччардо да Кинцика, которая не пожелала вернуться къ мужу отъ похитившаго ее Паганино да Монако (II, 10). Не слѣдуетъ думать однако, что Боккаччіо сводитъ любовь къ простому чувственному наслажденію: для него она великая моральная и культурная сила. Въ новеллахъ четвертаго дня любовь часто сильнѣе жизни[3]; въ новеллѣ о Чимоне (V, 1) — она дѣлаетъ колоссальный переворотъ въ героѣ, превращаетъ его изъ полузвѣря въ совершенно культурнаго человѣка[4]).

Подчеркивая могущество любви, которая считалась грѣхомъ средневѣковою церковью, оправдывая ею средства, запрещаемыя моралью[5]) и сословными отношеніями, Боккаччіо не могъ не замѣтить рѣзкаго противорѣчія своихъ взглядовъ съ господствующими воззрѣніями. Но это нисколько не парализовало его литературныхъ стремленій: онъ рѣшительно, хотя и косвенно, протестуетъ противъ грѣховности не только глубокой любви, но и простого чувственнаго влеченія. Боккаччіо заимствовалъ сюжетъ 8-й новеллы 5-го дня изъ аскетическаго источника, гдѣ разсказывается, какъ наказана была женщина за убій-

---

[1]) Ibid., p. 106.

[2]) Поводъ къ такому выводу можетъ подать 7 новелла 2-го дня; но она ничего не проповѣдуетъ, а только констатируетъ фактъ.

[3]) IV, 6, 8, 9 и въ особенности 5. См. также лирическое отступленіе въ 7-й новеллѣ этого дня (Fanf. I, 360—361).

[4]) *Fr. Schlegel* считаетъ „Veredelung der rohen männlichen Jugendkraft durch die Liebe" сущностью Декамерона, которая выражена еще въ Ninfale Fiesolano (*Nachricht von den poetischen Werken des Johannes Boccaccio 1801.* Въ X томѣ Sämmtliche Werke. Wien 1825, p. 35). Не трудно показать, что содержаніе Декамерона гораздо шире этой темы.

[5]) Особенно характерно въ этомъ отношеніи разсужденіе Ricciardo Minutolo въ утѣшеніе обманутой женщинѣ (III, 6, y Fanfani I, p. 253—254) Ср. Fanfani I, p. 236.

ство мужа изъ-за любви къ другому; въ Декамеронѣ сохранено наказаніе, но оно налагается за жестокость къ влюбленному[1]). Не менѣе характерна въ этомъ отношеніи 2-я новелла 2-го дня. Ринальдо д'Асти имѣлъ обычай, выходя изъ гостиницы во время своихъ странствованій, читать un paternostro и una avemaria за душу родителей св. Джуліано. Однажды на дорогѣ его ограбили разбойники, и ему приходилось провести безъ крова холодную ночь. Тогда Ринальдо началъ „жаловаться на св. Джуліано, говоря, что это не соотвѣтствуетъ его вѣрѣ въ святого. Но св. Джуліано обратилъ на него вниманіе и безъ большого замедленія приготовилъ ему хорошій ночлегъ"[2]). Благочестивый купецъ попалъ къ веселой дамѣ, гдѣ провелъ полную наслажденій ночь и получилъ обильные подарки. На другой день „Ринальдо, благодаря Бога и св. Джуліано, сѣлъ на коня и здоровымъ благополучно вернулся домой"[3]). Въ коротенькомъ введеніи къ новеллѣ Боккаччіо подчеркиваетъ ея религіозную окраску[4]), и разсказъ можетъ показаться съ перваго взгляда самой концунственной насмѣшкой надъ плодотворной молитвой. Но наивный и искренній тонъ новеллы дѣлаетъ невѣроятнымъ такое предположеніе[5]).

Возставая противъ одной и весьма крупной стороны аскетическаго идеала, Боккаччіо необходимо долженъ былъ столкнуться съ монашествомъ. Коренного, принципіальнаго, такъ сказать, этико-философскаго отрицанія монашества мы не находимъ въ Декамеронѣ. Боккаччіо часто и охотно изображаетъ нарушеніе монахами обѣта цѣломудрія, но относится къ этому спокойно, безъ особеннаго раздраженія, а иногда даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ. Введеніе къ разсказу о Мазетто да Лампореккіо (III, 1) представляетъ искреннюю защиту этого нарушенія, а его заключеніе, весьма кощунственное по формѣ, возбуждаетъ сомнѣніе въ самой грѣховности паденія[6]). Но и въ этой

---

1) См. Landau, p. 282 и приведенная тамъ литература. Cappel. l. c. p. 370 и слѣд. Gaspary II, p. 64—66.

2) Fanfani I, p. 89.

3) Ibid., p. 93.

4) A raccontarsi mi tira una novella di cose catoliche e di sciagure e d'amore in parte mescolata... Chi non ha detto il paternostro di San Giuliano spesse volte, ancora che abbia buon letto, alberga male. Ibid. p. 86.

5) См. также замѣчательный выводъ изъ 7-й новеллы 4-го дня. Fanf. I, 360—361. Cp. VII, 10.

6) Старый Мазетто, богатый и довольный, заявляетъ, che così trattava Cristo chi gli poneva le corna sopra 'l cappello. Fanfani, I, p. 219. Baldelli, весьма сочувственно расположенный къ Боккаччіо, упрекаетъ его за эту выходку, а Symond's, замѣчая, что Christ himself is scoffed at in a jest which points the most indecent of these tales, преувеличиваетъ ея значеніе.

новеллѣ, одной изъ самыхъ циничныхъ въ Декамеронѣ, Боккаччіо не отрицаетъ принципіально монашество: склоняясь къ грѣху, юная монахиня заявляетъ, что въ ихъ средѣ найдутся и вѣрныя обѣту дѣвственности[1]). Такой же смыслъ имѣетъ новелла объ отшельникѣ Рустикѣ (III, 10): въ Ѳиваидской пустынѣ нашелся благочестивый монахъ, который устоялъ передъ красавицей Алибекъ, и Боккаччіо называетъ его — valente uomo, но нисколько не осуждаетъ и изобрѣтательнаго Рустика. Не подлежитъ сомнѣнію, что противорѣчіе дѣйствительности съ обѣтомъ давало обильный матеріалъ для забавныхъ исторій, но Боккаччіо, вѣрный культу любви и природы, добродушно смѣется даже надъ злоупотребленіями религіей ради удовлетворенія естественной потребности. Монахи платятся за свою неловкость, а не за нарушеніе обѣта. Аббатъ въ 8-й новеллѣ 3-го дня продѣлалъ кощунственную жестокость съ глуповатымъ ревнивцемъ Ферондо; но аббатъ былъ „монахъ весьма святой во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ отношенія къ женщинамъ", и Боккаччіо смѣется не надъ нимъ, а надъ грубымъ и глупымъ Ферондо. Точно такъ же въ 4-й новеллѣ того же дня авторъ осмѣиваетъ не монаха Феличе, а обманутаго имъ ханжу Пуччіо[2]). Иногда Боккаччіо вставляетъ въ разсказы о любовныхъ похожденіяхъ монаховъ лирическія выходки противъ ихъ пороковъ; но и здѣсь онъ упрекаетъ ихъ не за нарушеніе обѣта, о которомъ идетъ рѣчь въ новеллѣ, а вообще за лицемѣріе и за общій упадокъ нравовъ. Въ 3-ей новеллѣ 7-го дня ловкому Ринальдо противопоставляются свв. Францискъ и Доминикъ[3]), хотя тонъ разсказа, весьма сочувственный находчивому монаху, совершенно не соотвѣтствуетъ благочестивому отступленію. Инымъ характеромъ отличается 2-я новелла 4-го дня: неудачныя любовныя похожденія брата Альберто, который наряжался для этого архангеломъ Гавріиломъ, разсказаны съ нѣкоторымъ злорадствомъ и хорошо иллюстрируютъ рѣзкую выходку противъ монашескаго лицемѣрія. Но принципіальнаго отрицанія монашества и здѣсь нѣтъ: Альберто въ міру былъ „человѣкъ преступной и развратной жизни"; такимъ же остался въ монашествѣ и потерпѣлъ за свои подвиги достойное наказаніе отъ своего начальства[4]).

[1]) Fanf., p. 216.

[2]) Пуччіо, по мнѣнію Боккаччіо, заслужилъ свою участь, потому что когда его жена sarebbe voluta dormire o forse scherzar con lùi, egli le raccontava la vita di Cristo e le prediche di frate Nastagio, o il lamento della Maddalena, o cosi fatte cose. Fanfani I, p. 236.

[3]) Fanfani II, p. 135—136.

[4]) Остальныя двѣ новеллы о любовныхъ похожденіяхъ монаховъ (I, 4 и IX, 2) не представляютъ интереса. То же самое можно сказать о X, 2, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является abate di Cligni.

Тонъ Боккаччіо становится гораздо рѣзче, когда онъ говоритъ о другихъ сторонахъ монашеской жизни. Миноритъ-инквизиторъ, притворявшійся „святымъ и сердечно привязаннымъ къ христіанской вѣрѣ, *какъ всѣ дѣлаютъ*, былъ не менѣе хорошимъ изслѣдователемъ, у кого полонъ кошелекъ"[1]). Это рѣзкое отношеніе достигаетъ высшей степени, когда монахи являются преградой любви. Съ этой точки зрѣнія представляетъ особый интересъ 7-я новелла 3-го дня. Тедальдо дельи Элизеи и Эрмеллина, жена Альдобрандино Палермини любили другъ друга; но монахъ на исповѣди запугалъ женщину загробными муками, и она рѣшила отказаться отъ своей грѣховной любви. Результатомъ отказа былъ цѣлый рядъ несчастій, между прочимъ осужденіе на смертную казнь ни въ чемъ неповиннаго Альдобрандино. Смыслъ новеллы и самъ по себѣ совершенно ясенъ; но Боккаччіо счелъ необходимымъ еще болѣе подчеркнуть свою основную мысль и для этой цѣли вложилъ въ уста Тедальдо длинную рѣчь, весьма интересную въ культурно-историческомъ отношеніи, хотя она и вредитъ художественности новеллы. Тедальдо доказываетъ, что „единственный грѣхъ" Эрмеллины — ея отказъ отъ любви и что убѣдившій ее монахъ совершилъ „разбой и неприличное дѣло (ruberia e sconvenevole cosa)". „Положимъ, говоритъ онъ, что монахъ, порицавшій васъ, правъ, т.-е., что нарушеніе супружеской вѣрности великій грѣхъ, но развѣ не бóльшій ограбить человѣка?... Близкія отношенія мужчины и женщины — грѣхъ натуральный; грабить, убивать, отправлять въ изгнаніе — это производитъ испорченная воля (da malvagità di mente procede)"[2]). Эрмеллина отняла у Тедальдо свою любовь, вынудила его уйти съ родины, и „божественное правосудіе, которое по справедливости приводитъ всѣ дѣйствія къ ихъ результатамъ, не хотѣло оставить безнаказаннымъ этотъ грѣхъ"[3]).

Но Боккаччіо не ограничивается опроверженіемъ того, что говорилъ монахъ Эрмеллинѣ на исповѣди: онъ вообще характеризуетъ все современное монашество. По его мнѣнію, „величайшая забота" и „главное занятіе" современныхъ монаховъ — обманывать „вдовъ и многихъ другихъ глупыхъ женщинъ, а также и мужчинъ"; они стремятся исключительно „къ женщинамъ и богатствамъ"[4]). Боккаччіо выступаетъ далѣе противъ того ученія, которое проповѣдуютъ монахи. „Теперешніе монахи, говоритъ онъ, желаютъ, чтобы вы поступали по

---

1) I, 6. Fanf., I, p. 59.
2) Ibid. p. 263.
3) Ibid. p. 264.
4) Ibid. p. 262.

ихъ словамъ, т.-е., чтобы вы наполняли ихъ кошельки деньгами, повѣряли имъ свои секреты, соблюдали чистоту, обладали терпѣніемъ, прощали обиды, воздерживались отъ дурныхъ словъ, — все это дѣла добрыя, благородныя, святыя. Но почему же должно такъ поступать? Почему монахи могутъ дѣлать то, чего не могли бы дѣлать, если бы были свѣтскими людьми? Кто не знаетъ, что безъ денегъ не можетъ существовать лѣности? Если ты будешь тратить деньги на свои удовольствія, то монахъ не будетъ въ состояніи предаваться праздности въ своемъ монастырѣ, если ты будешь ухаживать за женщинами, то среди нихъ не будетъ мѣста монаху; если ты не будешь обладать терпѣніемъ и прощать обидъ, монахъ не осмѣлится прійти въ твой домъ и загрязнить твою семью... Итакъ, заключаетъ Боккаччіо, будемъ ли мы слушаться такихъ людей? *Кто это дѣлаетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ; но Богъ знаетъ, поступаетъ ли онъ разумно*" [1]). Этотъ выводъ изъ самой радикальной въ Декамеронѣ выходки противъ монашества чрезвычайно характеренъ. Боккаччіо не въ силахъ выйти изъ средневѣкового міросозерцанія, не умѣетъ найти твердой почвы для своего протеста противъ аскетизма и все сводитъ къ современному упадку церковныхъ нравовъ. Въ своей проповѣди противъ монашества онъ не отрицаетъ самаго учрежденія. Теперешніе монахи плохи, а прежніе были *santissimi e valenti uomini* и „заботились о спасеніи людей" [2]). Возвращаясь къ этому вопросу въ концѣ Декамерона, Боккаччіо отдѣлывается саркастической шуткой: „есть монахи — хорошіе люди, которые изъ любви къ Богу избѣгаютъ хлопотъ (il disagio), мелютъ запруженной водой [3]) и ничего не отрицаютъ, и если бы отъ всѣхъ нихъ не пахло немного козломъ, то имѣть съ ними дѣло было бы много пріятнѣй" [4]). Совершенно также относится Боккаччіо къ духовенству. „Мнѣ приходитъ въ голову разсказать вамъ новеллету, говоритъ Панфило въ началѣ 2-й новеллы 8-го дня, противъ тѣхъ, которые постоянно насъ оскорбляютъ и не могутъ подвергнуться такому же оскорбленію съ нашей стороны, именно противъ священниковъ, которые идутъ крестовымъ походомъ на нашихъ женъ, и когда они подчиняютъ себѣ какую-нибудь изъ нихъ, то думаютъ, что точно такъ же пріобрѣли

---

[1]) Ibid. p. 263. Косвенную иллюстрацію этого вывода составляетъ весьма характерная по тону 1-я новелла VII дня.

[2]) Ibid. p. 261—262.

[3]) Maccinare a raccolta Валентинелли переводитъ selten aber desto kräftiger den Beischlaf vollziehen.

[4]) Fanfani, II, 434.

освобожденіе отъ грѣха и наказанія, какъ если бы привели связаннымъ султана изъ Александріи въ Авиньёнъ"[1]).

Не болѣе глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо и другихъ сторонъ католической церкви. Злоупотребленіе таинствами и священными предметами, столь распространенное въ его время, давало обильные сюжеты для веселыхъ разсказовъ, и Боккаччіо не стѣсняется непринужденно смѣяться надъ тѣмъ, что въ благочестивомъ человѣкѣ вызвало бы негодованіе. Но эта насмѣшка никогда не доходитъ до философскаго отрицанія. Глубже всего поставленъ вопросъ въ извѣстной новеллѣ о трехъ кольцахъ (I, 3), которая послужила предметомъ долгихъ споровъ. До начала нынѣшняго столѣтія весьма многіе писатели[2]) считали возможнымъ на основаніи этого разсказа признать Боккаччіо авторомъ извѣстнаго памфлета De tribus impostoribus. Пламенный защитникъ не только ортодоксальности, но и благочестія Боккаччіо, прелатъ Боттари утверждалъ наоборотъ, что разсказъ о кольцахъ вложенъ въ уста еврею съ тою цѣлью, чтобы показать особое нечестіе выраженнаго въ немъ взгляда[3]). Въ новое время нѣкоторые изслѣдователи думаютъ усмотрѣть въ новеллѣ проповѣдь религіозной терпимости въ духѣ Лессингова Натана[4]). Но разсказъ Боккаччіо не оправдываетъ ни одной изъ этихъ гипотезъ: для автора Декамерона анекдотъ несимпатичнаго ему еврея не иное что, какъ остроумное средство выйти изъ затруднительнаго положенія. Боккаччіо, заимствовавши эту новеллу изъ предшествующей литературы, во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ свой источникъ, но не придалъ ему ни одного изъ приписываемыхъ критиками оттѣнковъ[5]): новелла остается чисто эпическимъ разсказомъ.

Гораздо характернѣе для религіозныхъ воззрѣній Боккаччіо новелла объ обращеніи въ христіанство еврея Авраама (I, 2). Высшее духовенство и самъ папа, т.-е. то, что въ Средніе вѣка преимущественно обозначало церковь, изображены здѣсь въ ужасающихъ краскахъ[6]), которыя вполнѣ оправдываютъ опасеніе купца, что Авраамъ,

---

1) Ibid., p. 194. Самый разсказъ и другія новеллы, гдѣ фигурируютъ духовныя особы (VI, 3, VIII, 4), не представляютъ интереса.

2) Ихъ имена переведены у Baldelli, p. 330.

3) Ibid.

4) Von Boccaccio hat Lessing die herrliche Erzählung Nathan's des Weisen von den drei Ringen entlehnt, говоритъ Hettner, und Boccaccio selbst macht schon die Anwendung dieser Erzählung auf die Forderung religiöser Duldsamkeit (l. c. p. 47). Ср. Ginguené III, 123. Ср. *Cappelletti, Studi sul Decamerone. Parma 1880* p. 16.

5) См. Landau, Die Quellen, p. 183 и слѣд.

6) Fanfani, I, p. 47.

ознакомившись съ Римомъ, „не только не сдѣлается изъ еврея христіаниномъ, но если бы даже онъ уже принялъ христіанство, то несомнѣнно вернется къ іудейству“[1]). Но самая испорченность духовенства изображена въ новеллѣ только для доказательства божественности христіанства, и еврей приходитъ къ заключенію, что „Св. Духъ — фундаментъ и поддержка христіанства, какъ религіи истинной и болѣе святой, чѣмъ всякая другая“[2]). Боккаччіо не дѣлаетъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого контраста между святостью божественной религіи и испорченностью „церкви“, какъ ее тогда понимали, и его отрицаніе не глубже отрицанія тѣхъ благочестивыхъ католиковъ, которые требовали новаго вина для старыхъ мѣховъ. Авторъ Декамерона остается истиннымъ сыномъ старой церкви и только скорбитъ о ея порокахъ или осмѣиваетъ ея недостатки. Такимъ же характеромъ отличаются тѣ новеллы, въ которыхъ идетъ рѣчь о культѣ святыхъ, о таинствахъ, о реликвіяхъ и чудесахъ въ католической церкви. На первомъ мѣстѣ между ними слѣдуетъ поставить новеллу о Чаппеллетто (I, 1), гдѣ Боккаччіо разсказываетъ, какъ „самый дурной человѣкъ, какой когда-либо рождался“, благодаря ложной исповѣди передъ смертью, былъ признанъ святымъ, и на его могилѣ происходили чудеса[3]). Авторъ не хотѣлъ оставить безъ объясненія этого замѣчательнаго факта и прибавилъ къ новеллѣ весьма характерное введеніе и заключеніе. Она разсказана, чтобы „укрѣпить нашу надежду на Бога, какъ Существо неизмѣняемое, чтобы мы всегда прославляли Его имя“ и были бы увѣрены, что милость Божія „вызывается не какою-нибудь нашей заслугой, но Его собственной благостью“[4]). Боккаччіо не считаетъ невозможнымъ, что Чаппеллетто въ самый моментъ смерти искреннимъ сокрушеніемъ о грѣхахъ снискалъ милосердіе Божіе; но это божественная тайна, и для человѣческаго разума кажется болѣе правдоподобнымъ, что Чаппеллетто попалъ въ руки дьявола, что нисколько не уничтожаетъ дѣйствительности молитвъ къ этому мнимому праведнику. „Если это такъ“, говоритъ Боккаччіо, „то изъ этого мы можемъ познать, какъ велика къ намъ благость Божія, которая, обращая вниманіе не на наше заблужденіе, а на чистоту вѣры, выслушиваетъ насъ, дѣлая нашимъ

---

[1]) Ibid. p. 46.

[2]) Ibid. p. 48.

[3]) Уже Manni (p. 146) доказывалъ, что Ciappelletto дѣйствительное лицо. *Paoli* напечаталъ *Documenti di ser Ciappelletto* (Giorn. stor. d. litt. ital. V, p. 329). Наиболѣе подробный комментарій у *Silvio Pellini*, *Una novella del Decamerone*. *Pavia 1887*.

[4]) Fanfani I, p. 28.

посредникомъ своего врага, считая его своимъ другомъ, точно такъ же, какъ если бы мы прибѣгали къ истинному святому" [1]). Въ этой новеллѣ, гдѣ особенно подчеркивается важность вѣры для снисканія благодати, Боккачіо остается однако прежнимъ католикомъ и въ введеніи усердно проповѣдуетъ то вѣрованіе[2]), которое, повидимому, осмѣивается въ самомъ разсказѣ. Другіе разсказы, въ которыхъ осмѣиваются ложные чудеса (II, 1), злоупотребленіе ученіемъ о чистилищѣ (III, 8), реликвіями (VI, 10) и таинствами (III, 3), характерны больше по тону, чѣмъ по философскому смыслу содержанія. Они ясно показываютъ, что въ эпоху Декамерона вполнѣ исчезло то мистическое благоговѣніе передъ внѣшней стороной религіи, которое столь характерно для старой церкви. Новелла о братѣ Чиполла, который хотѣлъ показать перо архангела Гавріила (VI, 10), представляетъ собою такое безпощадное осмѣяніе злоупотребленія вѣрованіемъ, которое можетъ поколебать и самыя его основы. Еще характернѣй выводъ, который дѣлаетъ авторъ изъ 3-й новеллы 3-го дня. Тамъ разсказывается, какъ одна влюбленная женщина воспользовалась простодушіемъ монаха и, посредствомъ ловко обдуманной систематической лжи на исповѣди, достигла своихъ любовныхъ цѣлей. Новелла представляетъ самое циническое поруганіе таинства, а Боккачіо, не замѣчая этого, подчеркиваетъ совершенно другую ея сторону. „Я хочу вамъ разсказать шутку, говоритъ Филомена въ началѣ этой новеллы, которую сыграла одна красивая женщина съ важнымъ монахомъ, и мой разсказъ тѣмъ болѣе долженъ понравиться всякому свѣтскому человѣку, что монахи, будучи по большей части весьма глупы и отличаясь нелѣпыми нравами и манерами, думаютъ, что они во всякомъ дѣлѣ болѣе знаютъ и имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ другіе" [3]). Если нѣкоторые изъ позднѣйшихъ читателей Декамерона, дѣлая логическій выводъ изъ иныхъ новеллъ, объявляли Боккачіо предшественникомъ Лютера, то ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они приписывали автору веселыхъ разсказовъ болѣе философской вдумчивости и религіозной глубины, чѣмъ у него было. Настроеніе Боккачіо разрушало аскетическое міросозерцаніе и основанный на немъ средневѣковой католицизмъ, но онъ не былъ въ состояніи философски обосновать и даже стройно формулировать

---

1) Ibid. p. 43. Та же мысль проводится въ введеніи: Богъ, al quale niuna cosa è occulta, più alla purità del pregator riguardando che alla sua ignoranza o allo esilio del pregato, così come se quegli fosse nel suo cospetto beato, esaudice coloro che'l priegano. (Ibid. p. 29.)

2) Ibid. p. 28—29.

3) Ibid. p. 225.

свои потребности и просто не замѣчалъ своего коренного протеста противъ самыхъ основъ средневѣковой церкви.

Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей пытаются свести все міросозерцаніе Декамерона къ буржуазнымъ нравамъ, воззрѣніямъ и стремленіямъ. „Геній Декамерона, говоритъ Кине,—это геній буржуазныхъ республикъ Тосканы, тѣхъ popolani grassi, которые все сводили къ пропорціямъ своихъ коммунъ... Боккаччіо не оставляетъ ни одному замку незапятнаннаго знамени, ни одной фамиліи ея престижа, ни одному имени его реальнаго или химерическаго величія. Онъ настоящій революціонеръ, не желая этого, потому что уничтожаетъ феодализмъ въ фантазіи (dans les imaginations) и въ поэзіи... устанавливаетъ равенство въ смѣшномъ между славными традиціями (dans les gloires) всѣхъ сословій. Самыя гордыя воспоминанія феодальной эпопеи должны склоняться подъ той же самой ироніей и низойти до прозы точно такъ же, какъ въ реальной жизни благородные дворяне (châtelains) Италіи вынуждены спуститься изъ своихъ замковъ на утесахъ, чтобы записаться въ книгу коммунъ вмѣстѣ съ ткачами и чесальщиками шерсти. Кто можетъ отрицать республиканскій и демократическій характеръ Декамерона? Онъ написанъ тамъ на каждой страницѣ“ [1]). На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Сэймондсъ, только онъ пытается устранить голословность аналогичныхъ воззрѣній. „Всѣ сферы средневѣкового энтузіазма подвергнуты пересмотру и критикѣ съ точки зрѣнія флорентійской bottega и piazza“, говоритъ онъ и приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ, страдающихъ крайней произвольностью. Такъ, „новелла объ Агилульфѣ (III, 2), по его мнѣнію, вульгаризируетъ рыцарское понятіе о любви, облагораживающей человѣка незнатнаго происхожденія“, хотя, кромѣ именъ, въ этомъ разсказѣ ничто не напоминаетъ рыцарства. Еще менѣе можно согласиться съ утвержденіемъ Сэймондса, что „Танкреди (IV, 1) экстравагантностью мести дѣлаетъ смѣшнымъ (burlesques) рыцарское уваженіе къ незапятнанному фамильному гербу“. Прежде всего эта новелла ничего не осмѣиваетъ; она вовсе не сатира, а настоящая драма, въ основаніи которой лежитъ столкновеніе двухъ различныхъ міросозерцаній, при чемъ авторъ не отказываетъ въ нѣкоторомъ сочувствіи и представителю старыхъ воззрѣній, несмотря на его жестокость [2]). Правда, въ новеллѣ обнаруживается демократическое настроеніе, но этотъ демократизмъ, какъ мы увидимъ, выходитъ не изъ флорентійской bottega и покоится на болѣе широкомъ основаніи,

---

[1]) Quinet, Les révolutions d'Italie, p. 145—146.

[2]) Ср. De-Sanctis, p. 335—336.

чѣмъ флорентійская piazza. Къ этому же источнику сводитъ Сэймондсъ новеллы о ѳиваидскомъ отшельникѣ, которая будто бы „осмѣиваетъ аскетическую мечту о чистотѣ и самоотреченіи ради служенія Богу", и разсказъ о Чаппеллетто, выражающій будто бы „презрѣніе къ канонизаціи святыхъ". „Исповѣдь, почитаніе реликвій, священство, монашескіе ордена подвергаются самой губительной насмѣшкѣ (the deadliest persiflage)"[1]). Выше мы видѣли, какъ глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо въ этой сферѣ; но какъ ни истолковывать его сатиру, она во всякомъ случаѣ гораздо шире городской исключительности.

Но если міросозерцаніе Декамерона нельзя свести къ площадной насмѣшкѣ флорентійскаго горожанина надъ всѣмъ, что выходитъ изъ круга его понятій, тѣмъ не менѣе демократическая струя замѣтно обнаруживается во многихъ новеллахъ. Въ основѣ этого демократизма, совершенно чуждаго политическаго характера, лежитъ признаніе правъ личности, законныя или, правильнѣе говоря, естественныя стремленія которой не подлежатъ никакимъ сословнымъ ограниченіямъ. Сюда относится прежде всего любовь: преграды, полагаемыя ей сословными расчетами — все равно, дворянскими или купеческими, неизбѣжно ведутъ къ несчастію. Но Боккаччіо не останавливается и передъ спеціальными выходками противъ средневѣковой знати, въ которыхъ опредѣленно формулируетъ свою рѣзко индивидуалистическую точку зрѣнія. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь дочери Танкреди. Отвѣчая отцу, упрекавшему ее за любовь къ человѣку низкаго происхожденія, Гисмонда, между прочимъ говоритъ: „если мы посмотримъ въ глубь вещей, то ты увидишь, что у всѣхъ у насъ тѣло изъ одной матеріи, что всѣ души созданы тѣмъ же Творцомъ, съ одинаковыми силами, съ одинаковыми наклонностями, съ одинаковыми свойствами. Впервые *доблесть* (virtù) положила различіе между нами, такъ какъ всѣ мы родились и рождаемся равными, тѣ, которые обладали ею въ большей степени и болѣе о ней старались, были названы знатными (nobili), а прочіе остались незнатными, хотя позже неблагопріятные обычаи затемнили этотъ законъ, все-таки онъ не уничтоженъ и вполнѣ проявляется въ природѣ и въ хорошихъ нравахъ. Поэтому тотъ, кто дѣйствуетъ доблестно, ясно доказываетъ свою знатность, и кто его называетъ иначе, налагаетъ пятно не на него, а на самого себя"[2]). Исходя изъ этой точки зрѣнія, Боккаччіо въ другой новеллѣ (I, 8) дѣлаетъ рѣзкую выходку противъ тѣхъ, которые „желаютъ называться и слыть благородными

---

[1]) Symonds, Italian Literature, p. 112.
[2]) Fanfani, I, 316.

людьми и сеньёрами и которыхъ скорѣе слѣдуетъ назвать ослами" и повторяетъ тѣ же обвиненія, которыя выставлялъ противъ знати и Петрарка[1]). Но демократизмъ и здѣсь не носитъ узко-сословнаго и республиканскаго характера: Боккаччіо охотно прославляетъ и рыцарскія доблести, и королевскія достоинства[2]).

Этими чертами исчерпывается исторически важная сторона міросозерцанія Декамерона[3]), но кромѣ того, заслуживаетъ вниманія отношеніе автора къ источникамъ, а также содержаніе и тонъ его разсказовъ. Въ нашу задачу не входитъ критическая провѣрка изслѣдованій объ источникахъ новеллъ Боккаччіо. Но названные труды Ландау и Каппеллетти съ полной несомнѣнностью констатируютъ тотъ фактъ, что авторъ Декамерона заимствовалъ свои сюжеты какъ у древнихъ писателей, такъ и изъ всѣхъ отраслей средневѣковой литературы, и *его разсказы представляютъ собою переработку въ новомъ духѣ традиціоннаго матеріала.* Съ другой стороны самое содержаніе и тонъ новеллъ чрезвычайно характерны. Боккаччіо вовсе не былъ чудовищемъ разврата; между тѣмъ 25% его новеллъ по самой снисходительной оцѣнкѣ совершенно непристойны. Какъ художникъ и гуманистъ, чуткій къ дѣйствительности, онъ не считалъ нелѣпымъ и несообразнымъ съ общественными нравами приписать избранному обществу подобныя бесѣды, и приведенное выше письмо къ Кавальканти показываетъ, что авторъ Декамерона не былъ безнравственнѣе своего обычнаго читателя. Ландау и Кёртингъ вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ изслѣдователей съ несомнѣнной ясностью показали, что современниковъ новеллы не шокировали, потому что ихъ тонъ не представлялъ собою ничего необыкновеннаго. Декамеронъ отразилъ общественные нравы и является поэтому живой характеристикой среды, въ которой приходилось дѣйствовать гуманистамъ. Изображенная въ немъ дѣйствительность не порожденіе Ренесанса, а однородная съ нимъ реакція противъ оффиціальнаго аскетизма — фактъ, который имѣетъ существенное значеніе для пониманія моральной стороны въ гуманистическомъ движеніи.

Всѣ итальянскіе романы и поэмы, Боккаччіо, написанные ранѣе Декамерона, стоятъ въ тѣсной связи съ его любовью къ Фіамметтѣ[4])

---

1) Ibid., p. 68—69.

2) См. новеллы 10-го дня и въ особенности 4, 5, 6, 7 и 9.

3) Для отдѣльныхъ воззрѣній Боккаччіо нѣкоторый интересъ представляетъ новелла, прославляющая дружбу (X, 8), разсужденіе о снахъ въ началѣ 6-й новеллы 4-го дня (Fanf. I, p. 350). Статья *Pinelli, La moralità nel Decamerone* (Propugnatore 1882) мнѣ осталась неизвѣстной.

4) См. Landau, p. 36. Traversi, I, p. 196—201.

и носятъ на себѣ поэтому болѣе или менѣе автобіографическій характеръ. Такимъ же характеромъ отличается и его послѣднее по времени беллетристическое произведеніе — *„Корбаччіо или лабиринтъ любви“* [1]). Боккаччіо искалъ руки одной вдовы и, получивъ отказъ, написалъ противъ своей невѣсты инвективу. Сочиненіе написано въ формѣ діалога. Авторъ во снѣ увидалъ себя въ ужасной пустынѣ чувственной любви, куда явилась потомъ тѣнь перваго мужа его невѣсты. Боккаччіо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и его собесѣдникъ съ необычайной рѣзкостью и съ поразительнымъ цинизмомъ нарисовалъ ему образъ своей жены. Эта пятая по счету гуманистическая инвектива рѣзко отличается отъ четырехъ предшествующихъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Петрарки. Боккаччіо усвоилъ пріемъ своего учителя обращаться литературнымъ путемъ къ общественному мнѣнію; но первый гуманистъ защищалъ инвективами вопросы политическіе, литературные и философскіе; Боккаччіо вынесъ на судъ общества свое личное дѣло. Онъ не скрываетъ отъ читателя, что его книга написана изъ мести [2]) и открыто заявляетъ, что писатели имѣютъ полную возможность и превознести, и опорочить человѣка [3]). Такимъ образомъ

---

[1]) *Il Corbaccio* о *il Labirinto d'Amore*. О различномъ толкованіи слова Corbaccio см. Landau, p. 177—178 и Körting, p. 208. Время составленія въ точности неизвѣстно. Большинство изслѣдователей относитъ его къ 1355 году. См. Körting, p. 207 и 244 и Traversi, II, p. 796—800. Первое изданіе появилось во Флоренціи въ 1487. О другихъ изданіяхъ см. Zambrini, p. 115; Traversi, II, p. 855. Литературная оцѣнка сведена у Traversi, II, p. 844. Статья *Pinelli*, *Appunti sul Corbaccio* (Propugnatore XVI 1883 p. 169 и слѣд.), гдѣ авторъ сравниваетъ изображеніе порочной женщины у Боккаччіо и въ VI сатирѣ Ювенала, не представляетъ историческаго интереса. Книга *Levi (Il Corbaccio e la Divina Comedia. Note e raffronti. Torino 1889)*. представляетъ нѣсколько формальныхъ сравненій между обоими произведеніями.

[2]) Io spero si con parole castigar colei, che, vilissima cosa essendo, altrui schernire co' suoi amanti presume, che mai lettera non mostrerà che mandata le sia, che della mia e del mio nome con dolore e con vergogna non si ricordi Corbacio, p. 255.

[3]) Si io ho il vero già molte volte inteso, говоритъ тѣнь, ciascuno che in quello s'è dilettato di studiare, o si diletta che tu sai ottimamente, eziandio mentendo, sa cui li piace tanto famoso e si glorioso render negli orecchi degl uomini che, chiunque di quel cotale niuna cosa ascolta, lui e per virtù e per meriti sopra i cieli estimano tener la pianta de' piedi: e così in contrario, quantunque virtuoso, quantunque valoroso, quantunque di bene sia uno che nella vostra ira caggia, con parole, che degne paiono di fede, nel pro fondo di inferno il tuffate e nascondete: e perciò questa ingannatrice, come a glorificarla eri disposto, così ad avvilirla e a parvificarla ti disponi: il che agevolmente ti verrà fatto perciocchè dirai il vero. Ibid., p. 248—249. Такую же точку зрѣнія развиваетъ студентъ Rinieri въ Декамеронѣ Giorn. VII nov. 7. Вообще объ отношеніи этой новеллы къ Corbaccio см. Traversi, p. 815 и слѣд.

сатира Боккаччіо является расширеніемъ предмета созданной Петраркою публицистики. Кромѣ того, она представляетъ культурно-историческій интересъ и по своему содержанію. Нападки Боккаччіо не ограничиваются только флорентійской вдовой, но распространяются и на всѣхъ женщинъ вообще: поклонникъ Фіамметты и рѣзкостью тона, и страстностью ненависти къ женщинѣ и семьѣ значительно превосходитъ пѣвца Лауры. По взглядамъ на семью и по изображенію духовнаго образа женщины „Корбаччіо" можетъ быть поставленъ на ряду съ самыми злобными произведеніями средневѣкового аскетизма[1]).

Сатира представляетъ нѣкоторыя данныя и для другихъ воззрѣній Боккаччіо. Такъ, среди жестокихъ выходокъ противъ женщинъ мы встрѣчаемъ тамъ благочестивую хвалу въ честь Богоматери, которая, по мнѣнію Боккаччіо, не была женщиною, но „надземнымъ существомъ", „отъ вѣчности преуготованною обителью для Царя небеснаго"[2]). Такое же благочестіе обнаруживаетъ авторъ и въ началѣ книги: онъ разговариваетъ съ своимъ собесѣдникомъ о божественныхъ предметахъ и почерпаетъ подкрѣпленіе въ такихъ бесѣдахъ, хотя и замѣчаетъ мимоходомъ, что всѣ эти вопросы безгранично выше человѣческаго пониманія, — точка зрѣнія, на которой стоитъ въ своихъ философскихъ произведеніяхъ и его учитель Петрарка. Сюда же можно отнести строго церковный взглядъ на самоубійство Еще интереснѣе политическія воззрѣнія, которыя высказываетъ Боккаччіо въ этой инвективѣ. Его невѣста хвастается между прочимъ благороднымъ происхожденіемъ, и авторъ дѣлаетъ обширное отступленіе, въ которомъ съ презрѣніемъ говоритъ объ аристократіи и доказываетъ что истинное благородство заключается въ добродѣтели[3]). Какъ во всѣхъ произведеніяхъ, такъ и въ инвективѣ, Боккаччіо говоритъ и о самомъ себѣ. Онъ сообщаетъ свой возрастъ во время написанія книги и говоритъ съ презрѣніемъ о коммерческихъ занятіяхъ и съ большою любовью о научныхъ, которыя были направлены „на святую философію" и главнымъ образомъ на поэзію[4]).

Лирическія произведенія Боккаччіо[5]) не имѣютъ большой цѣны ни

---

[1]) Длинное обвиненіе женщинъ, p. 186 и слѣд. Для характеристики тона достаточно, напр., слѣдующей фразы: niuno animale è meno netto di lei: non il porco, qualora è più nel loto aggiugne alla brutezza di lei etc.

[2]) Corbac., p. 199 и слѣд.

[3]) Ibid., p. 174.

[4]) Corbac., p. 24. Это мѣсто служитъ главнымъ источникомъ для опредѣленія хронологіи сочиненія.

[5]) Всѣхъ стихотвореній, включая вставленныя въ романы, 124; изъ нихъ 110 сонетовъ. Изданія Zambrini, p. 132. Лучшее Baldelli: *Boccaccio, Rime li-*

въ какомъ отношеніи. Ихъ художественное достоинство не высоко[1]). Боккаччіо весьма часто подражаетъ Данте и Петраркѣ, а также классическимъ поэтамъ[2]) и въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ несравненно ниже своего руководителя[3]). Точно такъ же мало имѣютъ они автобіографическаго и историко-культурнаго значенія. Въ огромномъ большинствѣ стихотворенія эротическаго содержанія, тѣмъ не менѣе они даютъ совсѣмъ ложное освѣщеніе отношеній автора къ Фіамметтѣ. Боккаччіо подражалъ Петраркѣ, а кромѣ того, писалъ свои сонеты для кружка Маріи и вообще для неаполитанскаго двора, поэтому скрывалъ истину и, пользуясь взаимностью, оплакивалъ несчастную любовь. Отсюда ихъ неискренность, одинаково вродившая и ихъ художественной цѣнѣ и автобіографическому значенію[4]). Съ этой послѣдней точки зрѣнія нѣкоторый интересъ представляютъ немногіе сонеты религіознаго и политическаго содержанія[5]).

Боккаччіо приписываютъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ и еще нѣсколько произведеній на итальянскомъ языкѣ. Сюда принадлежитъ прежде всего „*Урбано*“, новелла о романтическихъ похожденіяхъ побочнаго сына Фридриха Барбаросы[6]). Заподозрѣнный Боргини[7]) безъ достаточныхъ основаній, этотъ разсказъ признанъ за под-

---

riche. Livorno 1802. Полнаго изданія нѣтъ до сихъ поръ. Добавленіе къ Baldelli и Moutier сдѣлали *(Cugnoni Rime di D. Alighieri, G. Boccacci etc. Imola 1883)* и *Mabellini (Diu poesie inedite di G. B. 1888.* Тѣмъ не менѣе *Traversi* пытался установить ихъ хронологію *(Die una cronologia approssimativa delle Rime del Boccaccio.* Въ Preludio 1883); но эта попытка не привела къ цѣннымъ результатамъ. (См. Giorn. stor. d. lit. ital. I, p. 368–369).

[1]) Landau, p. 38 и 39; Körting, p. 689. Совершенно иначе относится къ нимъ Symond (l. c. p. 118—119) Ср. *Mango, Delle Rime di G. B.* (Propugn. 1883, XVI, p. 432–433.

[2]) Landau, p. 39–40. Ср. Traversi II, p. 79 и слѣд. Mango, l. c. p. 428 и 440.

[3]) Отличія мѣтко указаны у Körting'a, p. 188 и 688.

[4]) Körting, пытавшійся построить на нихъ изображеніе отношенія Боккаччіо къ Фіамметтѣ (p. 159—161 и passim) приходитъ къ ошибочнымъ выводамъ. О любовной поэзіи Ср. Mango, l. c. p. 412 и слѣд.

[5]) №№ 93, 94, 95, 96 и 98 по Moutier. Самый обстоятельный разборъ Rime Боккаччіо сдѣланъ въ цитированной статьѣ Mango. Авторъ, сравнивая поэзію Боккаччіо съ стихотвореніями Данте и Петрарки, приходитъ къ убѣжденію, что покаянный характеръ религіозной поэзіи автора Декамерона лишенъ искренности и задушевности (p. 403 ср. p. 396—397) и что его патріотическія стихотворенія лишены искренняго чувства и его мечты о прежнемъ величіи Рима и Италіи носятъ учено-антикварный характеръ. (Ibid., p. 405—11).

[6]) *L'Urbano.* Первое изданіе Venezia 1526. Рукописи и другія изданія Mazz. p. 1365.

[7]) *Vincenzio Borghini* издатель *Cento·novelle antiche 1572.* О его аргументахъ. См. Landau, p. 245—246.

линное произведеніе Боккаччіо всѣми новѣйшими изслѣдователями[1]). Похожденія Урбано, интересныя по фабулѣ и по изложенію, написаны Боккаччіо подъ старость и, кромѣ нѣсколькихъ автобіографическихъ чертъ въ предисловіи[2]), не имѣетъ ни біографическаго, ни историческаго значенія[3]). Болѣе сомнительна подлинность обширнаго аллегорическаго стихотворенія „*Охота Діаны*“[4]). По характеру содержанія и обработкѣ темы оно напоминаетъ „Любовное видѣніе“: авторъ изображаетъ свиту Діаны, 58 охотницъ, которыя выпросили у Венеры, чтобы словленная ими дичь превратилась въ юношей, вслѣдствіе чего самъ онъ изъ оленя дѣлается обожателемъ одной изъ охотницъ и заканчиваетъ стихотвореніе восхваленіемъ ея совершенствъ. Рукописи этой поэмы не носятъ имени Боккаччіо; историкъ литературы XVI вѣка Поччанти впервые объявилъ его ея авторомъ[5]); тѣмъ не менѣе современные изслѣдователи склонны признать ея подлинность[6]). Хотя подъ Діаниными охотницами скрываются современныя автору неаполитанскія дамы, и стихотвореніе содержитъ массу намековъ на мѣстныя событія, но аллегорія настолько темна и непроницаема, что это произведеніе утратило всякое историческое и біографическое значеніе. По всей вѣроятности Боккаччіо принадлежитъ непристойное стихотвореніе „*Руфіанелла*“, въ которомъ старуха воспоминаетъ веселую ночь, проведенную въ молодости съ обожателемъ[7]). Большинство издателей выпускаетъ это стихотвореніе изъ собранія сочиненій Боккаччіо, но Ландау утверждаетъ, что оно „лучше своей репутаціи и во всякомъ случаѣ не хуже многихъ новеллъ Де-

---

[1]) Ibid. и Körting, p. 684—85.

[2]) Ibid.

[3]) Landau (p. 245), а за нимъ Körting упрекаетъ Боккаччіо за незнакомство и произвольное отношеніе къ исторіи Гогенштауфеновъ. Послѣдній дѣлаетъ даже по этому поводу общее замѣчаніе: jedenfalls erkennen wir daraus, wie unendlich naiv des Dichters Geschichtsanschauung war und wie gleichgültig er sich gegen Quellenkritik verhielt (p. 683). Но вслѣдъ за этимъ онъ самъ указываетъ источникъ Боккаччіо — именно средневѣковую повѣсть о Константинѣ Великомъ, такъ что оцѣнивать историческія воззрѣнія и требовать критики источниковъ въ такомъ произведеніи едва ли представляется какая-нибудь возможность.

[4]) *Caccia di Diana* впервые издано Moutier (Firenze 1832).

[5]) Landau, p. 246.

[6]) Landau, p. 247. Körting, p. 460. Иначе D'Ancona. См. Mango, l. c. p. 439.

[7]) *La storia del Colonacho da Siena, oovera la Ruffianella attribuita a Giovanni Boccaccio.* Londra 1863. Издана только въ 69 экземплярахъ (Körting p. 461). Впервые издалъ это стихотвореніе Сальваторъ Бонги (1856) въ 24 экземплярахъ. См. Landau, p. 248.

камерона"[1]). Весьма сомнительной подлинности *„Діалогъ о любви"*, въ которомъ одинъ изъ собесѣдниковъ, Алкивіадъ, даетъ другому, Филатеріо, наставленіе, какъ добиться женской любви. Сочиненіе это будто бы было написано по-латыни и переведено на итальянскій языкъ Анджело Амбрози [2]), но латинскихъ рукописей не сохранилось, и сочиненіе, по мнѣнію Ландау, ничѣмъ не напоминаетъ Боккаччіо[3]), хотя этотъ вопросъ занималъ автора Декамерона, потому что въ Эскуріалѣ есть рукопись итальянскаго перевода Ars amandi съ именемъ Juan Bochatio[4]). — Большинство современныхъ изслѣдователей считаютъ Боккаччіо авторомъ стихотворной новеллы „Джета и Бирріа", не представляющей интереса передѣлки латинской поэмы — Poema de Amphitryone et Alcmena Виталія Блуасскаго, который въ свою очередь заимствовалъ сюжетъ изъ Плавтова Амфитріона[5]). Нѣтъ положительныхъ доказательствъ подлинности двухъ религіозныхъ стихотвореній, приписываемыхъ Боккаччіо: „Страданіе Христа"[6]) и „Ave, Maria"[7]). По содержанію они не противорѣчатъ настроенію Боккаччіо; но такихъ неглубокихъ католиковъ, какъ онъ, было всегда очень много, между тѣмъ нѣкоторыя рукописи и раннія изданія указываютъ и другихъ авторовъ[8]). Не представляютъ никакого интереса два итальянскихъ сочиненія, приписываемыя Боккаччіо. Одно изъ нихъ *„Примѣчанія къ Данте"*[9]), считавшееся его юношескимъ произведеніемъ, теперь признано большинствомъ подложнымъ[10]), и во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакой цѣны при несомнѣнности „Жизни Данте" и большого комментарія Боккаччіо къ „Божественной комедіи". Еще менѣе интереса, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ переводъ 3-й или первыхъ трехъ декадъ Ливія[11]), вопросъ о при-

---

1) Landau Ibid.

2) *Dialogo d'Amore di Messer Giovanni Boccaccio tradotto di latino in volgare da M. Angelo Ambrosi. Venezia 1511.* См. Landau, p. 255. Другія изданія Mazzuchelli l. c. p. 1366.

3) Landau, Ibid.

4) См. Landau и приведенная имъ литература. Ibid. p. 255.

5) Первое изданіе *Geta e Birria* относится къ 1516 г. См. Landau p. 257, Hortis, p. 390—392 и Mango, l. c. p. 438.

6) *La Passione del N. S. Gesù Cristo (Razzolini* въ Sceltà Curiosita letteraria disp. CLXII. Bologna 1878).

7) *L'Ave Maria Ed. Zambrini. Imola 1874.*

8) См. Landau, p. 248 и Körting, p. 459 и цитированныхъ ими авторовъ.

9) *Chiose sopra Dante. Ed. Vernon. Firenze 1846.*

10) Различныя мнѣнія сведены у Ландау (р. 255) и Кёртинга (р. 460—61).

11) Четыре первыя книги перевода 3-й декады издалъ графъ *di Vesme* въ *Scelta di Curiosita letteraria. Bologna 1875.*

надлежности котораго Боккаччіо остается нерѣшеннымъ до настоящаго времени[1]).

Такъ называемый „переворотъ“, который будто бы произошелъ въ Боккаччіо подъ вліяніемъ пророчества св. Пьетро Петрони и будто бы произвелъ глубокую пропасть между его ранними (итальянскими) и поздними (латинскими) произведеніями, совершенно не оправдывается источниками. Идеи и настроеніе итальянскихъ романовъ, поэмъ и новеллъ Боккаччіо въ цѣломъ и общемъ выражены и въ его латинскихъ трактатахъ. Нѣкоторая разница замѣчается только въ отношеніи къ любви и женщинѣ; но она объясняется отчасти естественнымъ вліяніемъ преклонныхъ лѣтъ, отчасти тѣмъ эпизодомъ, который вдохновилъ Корбаччіо. По существу обѣ категоріи произведеній Боккаччіо проникнуты тѣмъ же самымъ индивидуализмомъ, который мы отмѣтили въ сочиненіяхъ Петрарки; только здѣсь, благодаря личнымъ особенностямъ автора, этотъ индивидуализмъ получилъ нѣсколько иное выраженіе. Боккаччіо не ученый и не мыслитель; новое направленіе обнаруживается гораздо сильнѣе въ его настроеніи, чѣмъ въ его идеяхъ. Поэтому въ его ученыхъ сочиненіяхъ критика почти совершенно отсутствуетъ и вся работа сводится къ механическому сопоставленію источниковъ. Но критицизмъ весьма силенъ въ его настроеніи: не говоря уже о недостаткахъ современной церкви, которые Боккаччіо выставляетъ на видъ съ большой старательностью, онъ рѣзко порицаетъ Петрарку за его отношенія къ Висконти и не стѣсняется выраженіями въ критическихъ замѣчаніяхъ относительно разныхъ писателей въ Zibaldone. Къ сожалѣнію, этотъ критицизмъ не слагается въ опредѣленную систему, не становится сознательнымъ научнымъ пріемомъ. То же самое и въ философіи. Боккаччіо не чувствуетъ интереса къ отвлеченому мышленію и не пишетъ философскихъ трактатовъ; но интересъ къ моральнымъ вопросамъ, столь характерный для Пет-

---

[1]) См. Landau, p. 257; Körting, p. 457; Hortis, p. 421. — Кромѣ названныхъ сочиненій, Боккаччіо приписывали цѣлую массу другихъ. Но большинство изъ нихъ грубо подложно (напр., о взятіи турками Константинополя или о гусситахъ); подлинность другихъ крайне сомнительна. Сюда относятся: 1) *Itinerario ad sepolcro del Petrarca*, 2) *Corona Napolitana*, 3) *Nobiltà di Fiesole*, 4) *Storia del Canonico di Siena*, 5) *Filomena*, 6) *Arte de'cenni e muta eloquenza*, 7) *Le forze d'Ercole*, 8) *Novella di Antioco e di Stratonica*, 9) *Satira fatta a utile singolarmente de'giovani, i quali con gli occhj chiusi troppo di se fidandosi per i luoghi non sicuri si mettono*. 10) *Leandreide* 11) *Apologeticum in Censores F. Petrarchae* и даже *De tribus impostoribus*. См. о нихъ Mazz. l. c. p. 1366 и слѣд. и *Hortis, La Corografia di Pomponius Mela attribuita falsamente a G. B. Trieste 1879*.

рарки, обнаруживается уже въ Декамеронѣ и отодвигаетъ на второй планъ главное содержаніе De casibus.

Какъ ни поверхностны этическія разсужденія Боккачіо, они представляютъ несомнѣнный историческій интересъ по своей основной мысли: мораль Боккаччіо, поскольку она формулирована въ De casibus и въ письмѣ къ Pino de' Rossi сводится къ утилитаризму или, правильнѣе, къ эвдаймонизму, а благо человѣка заключается въ совершенно правильномъ и всестороннемъ индивидуальномъ развитіи. Эта мысль ясно формулирована въ послѣднихъ книгахъ Генеалогіи, гдѣ Боккаччіо горько жалуется на неблагопріятныя условія, долго мѣшавшія ему сдѣлаться поэтомъ. Индивидуализмъ въ смыслѣ интереса къ внутренней жизни личности и какъ требованіе широкаго пользованія всѣмъ, что дала природа человѣку, у Боккаччіо шире и глубже, чѣмъ у Петрарки. Авторъ Декамерона занятъ не только своимъ личнымъ внутреннимъ міромъ, какъ Петрарка, но онъ интересуется духовною жизнью другихъ: Боккаччіо авторъ перваго психологическаго романа, героиней котораго является женщина, и художественное достоинство его новеллъ обусловленно между прочимъ способностью сдѣлать тонкое наблюденіе и вѣрно понять психическій міръ героевъ. Кромѣ того, Петрарка только умѣлъ чувствовать любовь и интересовался ею, какъ *своимъ* чувствомъ; Боккаччіо идетъ далѣе, констатируетъ ея важность въ индивидуальной жизни вообще и требуетъ для нея широкихъ правъ. Правда, въ Декамеронѣ это требованіе заходитъ слишкомъ далеко, но въ De claris mulieribus оно введено въ должныя границы и рѣзкія выходки противъ любви въ Corbaccio и въ De casibus слѣдуетъ признать случайнымъ озлобленіемъ отъ личной неудачи старика, привыкшаго къ побѣдамъ въ молодости. Оцѣнка людей и у Петрарки, и у Боккаччіо основана на чисто индивидуалистическомъ принципѣ личныхъ свойствъ, независимо отъ происхожденія и общественнаго положенія; поэтому оба они враждебны знати и всякимъ сословнымъ привилегіямъ; но Боккаччіо послѣдовательнѣе перваго гуманиста и прилагаетъ эту мѣрку также къ женщинамъ, къ которымъ Петрарка относился съ средневѣковой точки зрѣнія. Его De claris mulieribus представляетъ поэтому огромный интересъ. Боккаччіо не безусловный поклонникъ женщины даже въ Декамеронѣ[1]); тѣмъ не менѣе онъ посвящаетъ трактатъ знаменитостямъ женскаго пола, при чемъ исключаетъ изъ ихъ числа тѣхъ, которыя пріобрѣли извѣстность не собственными силами, а при помощи бо-

[1]) См. замѣчательная рѣчь Тедальдо въ III, 7 (Fanfani I, p. 264) и разсужденіе старухи въ V, 10 (Ibid II, p. 70).

жественной благодати. Такъ же рѣзко проявляется индивидуализмъ Боккаччіо въ сферѣ религіи и политики. Онъ менѣе безразлично, чѣмъ Петрарка, относится къ политическимъ формамъ: онъ республиканецъ по преимуществу и тиранія ему ненавистна. Болѣе того, его индивидуализмъ не стѣсненъ ни античными традиціями, ни даже итальянскимъ патріотизмомъ: въ письмѣ къ Росси уже чувствуются начала индивидуалистическаго космополитизма. То же самое и въ религіи: не отрываясь отъ католицизма, Боккаччіо обнаруживаетъ стремленіе индивидуалистически толковать его ученія — культъ святыхъ, молитву и т. п. Но и здѣсь, какъ повсюду, *индивидуализмъ Боккаччіо, рѣзко отражаясь въ его настроеніи, не доразвился до систематическаго міросозерцанія и нашелъ выраженіе только въ отдѣльныхъ воззрѣніяхъ.*

Двѣ остальныя черты, отмѣченныя нами у Петрарки, — *критическое отношеніе къ древности и стремленіе слить античныя традиціи съ средневѣковой культурой* проявляются и въ сочиненіяхъ Боккаччіо. Разница заключается въ томъ, что у Боккаччіо сравнительно слабѣе критицизмъ по отношенію и къ древнимъ авторамъ, и къ средневѣковымъ ученымъ, чѣмъ у Петрарки. Въ Генеалогіи и другихъ сочиненіяхъ онъ открыто и рѣзко заявляетъ глубокое уваженіе къ древнимъ, что не мѣшаетъ ему съ почтеніемъ относиться и къ средневѣковымъ знаменитостямъ, какъ это видно изъ той же Генеалогіи и изъ Amorosa visione. Формально слить языческое съ христіанскимъ Боккаччіо пытается въ теоріи, при защитѣ поэзіи, и на практикѣ — во многихъ поэтическихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ Эклогахъ и Филокопо; но въ культурномъ отношеніи эта задача оказалась ему такъ же непосильной, какъ и Петраркѣ; только въ сферѣ чисто художественной дѣятельности, гдѣ автора Декамерона менѣе стѣсняли средневѣковыя традиціи, это сліяніе двухъ культуръ привело къ благопріятнымъ результатамъ, и Боккаччіо-художникъ является совершенно новымъ человѣкомъ.

IV.

Біографическая литература о Боккаччіо. — Отношеніе къ нему раннихъ біографовъ. — Манни, Маццукелли и Бальделли. — Витте и отношеніе къ Боккаччіо историковъ литературы и гуманизма въ первой половинѣ XIX столѣтія. — Характеристика Фогта и ея значеніе.

Біографическая литература о Боккаччіо и по количеству, и по качеству гораздо бѣднѣе литературы о Петраркѣ, что обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ. Пѣвецъ Лауры возбуждалъ у совре-

менниковъ и потомства гораздо больший интересъ, чѣмъ авторъ Декамерона, вслѣдствіе разносторонности своихъ стремленій, широты влiянія и бóльшаго драматизма внѣшней біографіи. Какъ авторъ философскихъ трактатовъ и научныхъ сочиненій, Петрарка привлекалъ къ себѣ вниманіе философовъ, моралистовъ и ученыхъ; какъ патріотъ и политическій дѣятель, онъ возбуждалъ интересъ у историковъ папства и Италіи; какъ автора Canzoniere, его изучали историки литературы. Наконецъ, обиліе фактическихъ подробностей его біографіи возбуждало вниманіе простыхъ разсказчиковъ, а любовь къ Лаурѣ придавала романическую занимательность разсказу. У Боккаччіо и стремленія уже, и въ жизни было мало занимательныхъ событій. Кромѣ того, его біографія лишена главнаго источника, который такъ облегчаетъ изученіе жизни Петрарки, — обширной переписки и автобіографическихъ сочиненій. Наконецъ, самая исторія біографической литературы о Боккаччіо представляетъ меньшій интересъ, чѣмъ сочиненія о Петраркѣ. По поводу автора Декамерона не происходило такихъ характерныхъ споровъ, какіе возникали изъ-за Петрарки, и на его біографіи слабѣе отразилось благотворное вліяніе правильной постановки вопроса о Возрожденіи.

Первымъ біографомъ Бокаччіо былъ его младшій современникъ Ф. Вилланни, авторъ сочиненія о знаменитыхъ флорентійцахъ[1]). Это — небольшой очеркъ, въ которомъ изложены вкратцѣ внѣшнія событія жизни Боккаччіо, перечислены его сочиненія и описана наружность. Фактическое содержаніе біографіи Виллани не представляетъ интереса[2]); но заслуживаютъ вниманія взгляды автора на современнаго ему писателя. Виллани ставитъ Боккаччіо на ряду съ Дзаноби-да-Страда и считаетъ ихъ обоихъ продолжателями Данте и Петрарки. Далѣе въ Боккаччіо онъ видитъ преимущественно поэта и, хотя ставитъ на первый планъ его латинскія произведенія, но упоминаетъ съ похвалою и тѣ сочиненія, которыя написаны по-итальянски. Характерна, наконецъ, сообщаемая имъ, какъ фактъ легенда, что гробница Виргилія воспламенила Боккаччіо къ литературной дѣятельности[3]).

---

[1]) *De Joanne Boccaccio poëta*. Въ *De origine civitatis Florentiae* у Galletti, p. 17—18.

[2]) Körting въ Boccaccio's Leben und Werke (p. 55—57) даетъ отзывъ объ этой біографіи, въ которомъ встрѣчаются странные промахи. Такъ, Vita стоитъ не на 3-мъ мѣстѣ сочиненія Виллани, какъ говоритъ онъ, а на 4-мъ, и авторъ вовсе не игнорируетъ итальянской поэзіи Боккаччіо.

[3]) Manni упоминаетъ еще *Vita del Boccaccio* написанную венеціанцемъ *Ludovico Dolce*, и приводитъ извѣстіе Alberici, будто самъ Боккаччіо просмотрѣлъ и исправилъ эту біографію (l. c. p. 4). Повидимому, это извѣстіе,

Въ XV столѣтіи Виллани нашелъ нѣсколькихъ подражателей. Такъ, Доменико Бандини въ своемъ большомъ сочиненіи отводитъ мѣсто на ряду съ Петраркой и Боккаччіо[1]). Его очеркъ представляетъ собою простое сокращеніе Виллани и не имѣетъ интереса. Къ половинѣ XV столѣтія относится коротенькое біографическое извѣстіе о Боккаччіо въ книгѣ Сикко Полентоне[2]). Сикко видитъ въ Боккаччіо прежде всего историка и приписываетъ ему переводъ первыхъ трехъ декадъ Ливія[3]). Отъ Виллани онъ совершенно независимъ; но подобно ему относится съ большимъ сочувствіемъ къ итальянскимъ произведеніямъ Боккаччіо[4]). Гораздо обширнѣе всѣхъ предшествующихъ біографія Боккаччіо, написанная въ 1459 году Джіаноццо Манетти[5]). Въ основѣ ея лежитъ Виллани; но Манетти расширилъ нѣсколько содержаніе его очерка, пользуясь автобіографическими показаніями Боккаччіо въ его латинскихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ фактическаго матеріала и здѣсь очень мало; но Манетти въ этомъ не виноватъ; въ XV столѣтіи о Боккаччіо знали такъ мало, что Л. Бруни, авторъ біографіи Данте и Петрарки, не желаетъ писать о Боккаччіо по недостатку источниковъ[6]). Дополненія Манетти, касаются главнымъ образомъ учителей Боккаччіо, при чемъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на его занятіяхъ греческимъ языкомъ. Въ этомъ отношеніи онъ считаетъ Боккаччіо выше Данте и Петрарки и ставитъ его на ряду съ ними, какъ итальянскаго поэта, хотя и признаетъ лучшимъ изъ его произведеній „Генеалогію боговъ“.

Вѣроятно, къ концу XV если не къ началу XVI столѣтія относится біографія Боккаччіо, написанная неизвѣстнымъ авторомъ[7]). Этотъ

относится къ области легенды. По словамъ Corazzini, біографія предпослана венеціанскому изданію Декамерона 1552 года и ея рукопись XVI вѣка въ Флорентійской Bibl. Nazionale clas. 38 Cod. 115. (l. c. p. CVIII).

[1]) *Domenicus Aretinus Fons Memorabilium Universi*. Біографія Боккаччіо напечатана у Mehus'a Vita Ambrosii Travers., p. CCLXV.

[2]) Оно напечатано у Mehus'a въ предисловіи къ *Dantis, Petrarchae ac Boccaccio vitae ab Jannotio Manetto scriptae. Florentiae 1747*, и перепечатано у Galletti, p. 66—67.

[3]) Boccaccium ante omnia Historia oblectavit... Decades tres Titi Livii patrium in sermonem vertit. Ibid.

[4]) Sermone autem patrio atque suavi complurima volumina edidit fabulis pulcherrimis ac multis plena. p. 67.

[5]) *Iannotii Manetti Vita Ioannis Boccaccii, Poëtae Florentinae*. Сначала издано Mehus'омъ и перепечатано у Galletti, p. 89—93.

[6]) У Галлетти, p. 54.

[7]) *Vita Bocatii incerto authore, quam nobis clarissimus vir, Christoforus Wursung Augustanus, ex Italica in Germanicam linguam transtulit, et dedit.*

небольшой очеркъ, весьма неточный въ фактическомъ отношеніи [1]), представляетъ тотъ интересъ, что его авторъ больше занятъ характеромъ Боккаччіо и его личными дѣлами, чѣмъ литературной дѣятельностью. Авторъ передаетъ, какъ несомнѣнный фактъ, интересное преданіе о томъ, что Боккаччіо былъ ученикомъ Петрарки [2]), о его необыкновенной независимости [3]), перечисляетъ его любовныя похожденія и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ, пользовался ли онъ взаимностью принцессы Маріи [4])? Вообще въ противоположность предшествующей біографической литературѣ, анонимный очеркъ не носитъ книжнаго характера и отличается необычной живостью.

Такимъ образомъ ранніе біографы Боккаччіо не игнорируютъ его итальянскихъ произведеній, хотя ставятъ на первый планъ латинскія. Общая оцѣнка автора основывается на обѣихъ категоріяхъ его сочиненій. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Форести въ своей всемірно-исторической хроникѣ: перечисливъ латинскія произведенія Боккаччіо, онъ съ похвалой упоминаетъ и его итальянскія новеллы [5]). Только Кортезе въ своемъ діалогѣ остается при оцѣнкѣ его сочиненій на точкѣ зрѣнія латинскаго стиля, что привело его къ крайне неблагопріятному отзыву о Боккаччіо. Мы видѣли, что за сочиненіями Петрарки онъ призналъ важное значеніе, несмотря на несовершенство ихъ языка; но этотъ недостатокъ совершено погубилъ, по его

Hanc igitur latine factam, quia nullibi perfectior extat, huc adjicere placuit. Напечатана въ изданіи *Hieronymi Ziegleri Rotenburgensis* Боккаччіо *De casibus Virorum Augustae Vindelicorum M. DXLIIII.* По всей вѣроятности, это переводъ *Vita del Boccaccio Squarciafico,* напечатанной въ изданіяхъ Filocolo 1476 и 1478. Я не имѣлъ подъ руками этой біографіи, но судя по изложенію у Manni (l. c. p. 4), ее перевелъ Wursung.

1) Такъ, объ отцѣ Боккаччіо говорится: Quùm igitur pater ejus gravi paupertate pressus, hunc unicum filium procreasset etc. (Предисловіе безъ пагинаціи).

2) Cujus (Petrarchae) non parvo tempore auditor fuit, illique devinctissimus factus est. Inter quos tam ardens amor oriebatur, ut alter alterius imaginem, auro inclusam, digito perpetuo ferrent.

3) Nunquam adduci potuit, ut alicujus doni, aut muneris respectu alicui vel epistolam, vel carmen scripsisset.

4) Вопросъ рѣшенъ отрицательно по слѣдующему соображенію: Quamquam creditu mihi difficile fiet, tam potentissimi regis filiam, ex litteris scriptis et cantionibus, in amorem atque pudicitiae periculum venisse.

5) Форести приписываетъ Боккаччіо цѣлый рядъ латинскихъ сочиненій, которыя никоимъ образомъ не могли быть имъ написаны: *De victoriis Sigismundi imperatoris contra turcos; De heresibus bohemorum; De captione Constantinopolis et aliis circa materiam turcorum.* Объ итальянскихъ произведеніяхъ онъ говоритъ: Vernacula autem lingua multi ejus extant libri, jocis et vanitatibus pleni, sed sententiarum succo ac melliflua suavitate verborum sonantium repleti (Supplem. Chron. fol. 160).

мнѣнію, талантъ Боккаччіо[1]). Въ XVI столѣтіи точка зрѣнія біографовъ слегка мѣняется. Правда, Джовіо въ Elogia относится очень рѣзко къ латинскимъ сочиненіямъ Боккаччіо, который, по его мнѣнію, „почти даромъ потратилъ на нихъ трудъ" (pene frustra desudarit), и превозноситъ Декамеронъ[2]). Но другіе біографы продолжаютъ съ похвалой говорить о его гуманистической дѣятельности, хотя и у нихъ итальянскія произведенія замѣтно выступаютъ на первый планъ. Такъ, самый обстоятельный изъ нихъ, *Бетусси* подробно говоритъ о занятіяхъ Боккаччіо греческимъ языкомъ, хотя безо всякой критики приписываетъ ему всслѣдъ за Форести грубо-подложныя латинскія сочиненія и съ особенной подробностью останавливается на его отношеніяхъ къ Фіамметтѣ[3]). Но всѣ немногочисленныя біографіи Боккаччіо XVI столѣтія, незначительныя по объему, не представляютъ интереса и по содержанію вслѣдствіе крайней неточности краткихъ свѣдѣній[4]).

Въ XVII столѣтіи Боккаччіо не имѣлъ ни одного біографа[5]), и фактическія свѣдѣнія о его жизни и о его произведеніяхъ начи-

---

[1]) Hujus etiam praeclarissimi ingenii cursum fatale illud malum appressit. De homin. doct. y Galletti, p. 224.

[2]) Obsolescunt enim et aegre quidem vitae retinent libri de Genealogia Deorum, varietateque Fortunae et de fontibus accurate potius, quam feliciter elaborati, quando jam illae decem dierum fabulae, Milesiarum imitatione in gratiam oblectandi ocii, admirabili jucunditate compositae, in omnium nationum linguas adoptentur et sine ulla suspicione interitus, applaudente populo cunctorum operum gratiam antecedant. Paulus Jovius l. c. p. 23.

[3]) *Betussi, Vita di M. Giovanni Boccaccio.* (Въ предисловіи къ итальянскому переводу Генеалогіи боговъ, Venetia, MDCVI. Біографія безъ пагинаціи).

[4]) Въ XVI вѣкѣ, кромѣ Бетусси, было два біографа: *Ridolfi, Vita del Boccaccio* (Въ изданіи Декамерона Lione 1552) и *Sansovino, Vita del Boccaccio* (Въ изданіи Декамерона, Venezia, 1546). Оба сочиненія мнѣ извѣстны по отзывамъ Baldelli, который называетъ первое vita brevissima и говоритъ объ авторѣ второго, что онъ raccolse poche notizie. (Vita di G. B. p. XLI и XLII). О Sansovino см. также Manni l. c. p. 4. Манни въ текстѣ критически разсматриваетъ своихъ предшественниковъ. Körting относится съ большимъ презрѣніемъ ко всѣмъ біографамъ Боккаччіо до Манни и знакомъ съ ними, повидимому, довольно поверхностно: по крайней мѣрѣ, Манетти онъ относитъ къ XIV столѣтію (l. c. p. 57). Corazzini называетъ еще слѣдующія неизданныя біографіи Боккаччіо: въ Флорент. Bibl. Nazion. 1) *Marmi, Notizie sulla vita e gli scritti del Boccaccio. Cod. 26. Clas. 25.* 2) *Nascita e morte del Boccaccio. Cod. 105, Cl. VII* и 3) Cod. Riccardianus № 1162 — *Anonimo, Vita del Boccaccio* (l. c. p. CVII, CX, CXI).

[5]) Изъ общихъ сочиненій XVII вѣка нѣкоторый интересъ представляютъ Bocchii Elogia и Pope-Blount. Бокки останавливается исключительно на Декамеронѣ и упоминаетъ только о Корбаччіо. Elogium представляетъ собою эстетическій разборъ Декамерона, при чемъ приведенъ характерный отзывъ объ этомъ

наютъ собирать только въ XVIII вѣкѣ. Первая попытка въ такомъ родѣ принадлежитъ Негри; но собранныя имъ біо- и библіографическія свѣдѣнія лишены всякой критики и заключаютъ въ себѣ всѣ ошибки предшествующихъ авторовъ[1]). Къ сороковымъ годамъ XVIII столѣтія относится книга *Манни*, самое крупное и самое важное произведеніе, изъ посвященныхъ Боккаччіо до начала нынѣшняго вѣка. „*Историческая иллюстрація Боккаччіо*" Манни распадается на три неравныя части: первую составляетъ краткая біографія Боккаччіо, вторую — комментарій къ Декамерону, имѣющій главной цѣлью опредѣлить его источники, и третью — исторія его текста. Двѣ послѣднія части, которыя составляютъ главное содержаніе книги[2]), стоятъ внѣ нашей задачи; тѣмъ не менѣе книга представляетъ значительный интересъ для исторіографіи Возрожденія своею первой главой.

Прежде всего характеренъ уже тотъ фактъ, что первый научный біографъ Боккаччіо интересуется преимущественно Декамерономъ и только мимоходомъ говоритъ о его другихъ произведеніяхъ, такъ что новеллистъ совершенно затмѣваетъ гуманиста. Далѣе интересна самая біографія. Исторіи личности Боккаччіо мы въ ней, конечно, не находимъ; это только собраніе свѣдѣній о его жизни, почерпнутыхъ изъ его сочиненій. Но эти свѣдѣнія собраны полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо раньше, *впервые* критически провѣрены и касаются не только жизни, но и сочиненій Боккаччіо. Работа Манни является такимъ образомъ первымъ научнымъ конспектомъ біографіи Боккаччіо.

Манни былъ единственнымъ біографомъ автора Декамерона въ XVIII вѣкѣ[3]); но въ цѣломъ рядѣ появившихся тогда общихъ сочиненій сообщено было много новыхъ біо- и библіографическихъ свѣдѣній о Петраркѣ. Такъ, Дзено въ „Фоссовыхъ Диссертаціяхъ" сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ книгѣ Манни[4]). Но особенно цѣнный для того времени матеріалъ извлекъ изъ рукописей Мегусъ въ своей

произведеніи Аргиропулоса: Graeciam ipsam nullum habere auctorem, qui tam copiosus esset, tam eloquens etc. У Galletti, p. 40 и 41. Censura Pope-Blount'a собраніе отзывовъ о Боккаччіо раннихъ писателей. Elogium Боккаччіо есть также въ упомянутыхъ Elogia Papirii Massonis.

[1]) Negri, Scrittori fiorentini. p. 269 и слѣд.

[2]) Это видно уже изъ заглавія. *Illustrazione istorica del Boccaccio* — второстепенное названіе, которое отсутствуетъ на заглавномъ листѣ: *Istoria del Decamerone di Giovanni Boccaccio scritta da Domenico Maria Manni Firenze MDCCXXXXII*. Біографія является только введеніемъ, которое занимаетъ изъ 672 страницъ 130.

[3]) *Zanneti* предпослалъ Novelle italiane. Venezia. 1759. *Compendio della Vita del Boccaccio*, не представляющій интереса.

[4]) Zeno l. c. p. I p. 6 и слѣд.

замѣчательной біографіи Траверсари. Такъ, онъ впервые издалъ нѣкоторыя письма Боккаччіо и извлеченія изъ инструкцій, которыя были вручены ему при дипломатическихъ миссіяхъ[1]); напечаталъ посвященныя ему эпитафіи[2]), по неизданнымъ тогда документамъ прослѣдилъ его отношеніе къ Петраркѣ[3]) и впервые выяснилъ его заслуги въ распространеніи по Италіи изученія греческаго языка[4]).

Всѣ свѣдѣнія о Боккаччіо, имѣвшіяся до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія собралъ въ своемъ знаменитомъ словарѣ Маццукелли и сопоставилъ ихъ въ очень сжатомъ и весьма содержательномъ біографическомъ очеркѣ[5]). Кромѣ критически разсмотрѣнныхъ внѣшнихъ фактовъ, Маццукелли впервые далъ подробную критическую библіографію произведеній Боккаччіо, отдѣливъ подлинныя отъ апокрифическихъ, и сопоставилъ различныя мнѣнія объ историческомъ значеніи автора Декамерона. Этотъ послѣдній отдѣлъ представляетъ особенный интересъ въ исторіографическомъ отношеніи, такъ какъ Маццукелли приводитъ мнѣнія, выраженныя не только въ спеціальной литературѣ по Возрожденію, но и въ различныхъ сочиненіяхъ, касающихся Боккаччіо болѣе или менѣе случайно. Изъ очерка Маццукелли видно, что ко второй половинѣ XVIII вѣка вопросъ о гуманистическомъ значеніи Боккаччіо еще не поставленъ и его роль въ движеніи сводится къ заботамъ о греческомъ языкѣ. Его латинскія сочиненія не имѣютъ особаго авторитета; въ лучшемъ случаѣ ихъ упоминаютъ на ряду съ итальянской поэзіей, а чаще отрицаютъ за ними всякое значеніе преимущественно вслѣдствіе недостатковъ ихъ языка. Большинство писателей и самъ Маццукелли выше всего ставятъ Декамеронъ, который оцѣнивается исключительно съ литературной точки зрѣнія и преимущественно со стороны языка, при чемъ отдѣльные голоса предпочитаютъ итальянской прозѣ Боккаччіо его итальянскую же поэзію. Наконецъ, существуютъ противники Декамерона, которые обвиняютъ его автора не только въ дурныхъ нравахъ, но и въ безбожіи[6]). Если присоединить сюда опущенныя Маццукелли мнѣнія нѣкоторыхъ протестантскихъ писателей, которые видѣли въ Боккаччіо предшественника Лютера, такъ какъ въ Декамеронѣ осмѣивается, по ихъ мнѣнію, не только папская власть, но и почитаніе святыхъ и даже

---

1) Mehus, Vita A. Traversarii I p. CCIII, CCLXVII, CCLXXXII.
2) Ibid. p. CCLXV, CCCXXX.
3) Ibid. p. XXXI, CCLVI.
4) Ibid. p. CCLXVIII и слѣд.
5) Mazzuchelli, Gli scrittori d'Italia II, 2 p. 1315 и слѣд.
6) Ibid. p. 1325—1329.

таинства[1]), то этимъ будутъ исчерпаны всѣ воззрѣнія этой эпохи на Боккаччіо.

Историки литературы конца прошлаго столѣтія въ общемъ раздѣляютъ точку зрѣнія Маццукелли и не вдаются въ подробную оцѣнку историческаго значенія Боккаччіо. Ягеманнъ ограничивается его біографическимъ очеркомъ по Манни и Маццукелли[2]); эти же авторы лежатъ въ основаніи изложенія Тирабоски, который дѣлаетъ впрочемъ критическія замѣчанія по второстепеннымъ вопросамъ біографіи Боккаччіо: о мѣстѣ его рожденія, о характерѣ его любви къ Фіамметтѣ и т. п.[3]). Очеркъ Бутервека представляетъ интересъ только въ томъ отношеніи, что авторъ настаиваетъ на необходимости для біографіи Боккаччіо предварительно установить хронологію его сочиненій[4]). Эта задача была отчасти выполнена въ началѣ нынѣшняго столѣтія *Бальделли*.

„*Жизнь Боккаччіо*“ Бальделли представляетъ собою первую попытку научной біографіи автора Декамерона. Бальделли не останавливается исключительно на внѣшнихъ фактахъ, но разсматриваетъ сочиненія въ связи съ біографіей, пытается опредѣлить вліянія, дѣйствовавшія на Боккаччіо, и выяснить его историческія заслуги. Книга заканчивается нѣсколькими этюдами, въ которыхъ подробнѣе разсматриваются нѣкоторые спорные вопросы біографіи. Выше мы отмѣтили отношеніе Бальделли къ отдѣльнымъ произведеніямъ Боккаччіо; въ самой біографіи нѣкоторые пункты заслуживаютъ особаго вниманія, если не по рѣшенію вопроса, то, по крайней мѣрѣ, по его постановкѣ. Такъ, Бальделли старательно отыскиваетъ тѣ вліянія, которыя, усиливши склонность Боккаччіо къ поэзіи, заставили его окончательно отказаться отъ профессіи купца и юриста и сдѣлаться литераторомъ и ученымъ. Онъ отмѣчаетъ научно-литературные интересы Роберта Неаполитанскаго, перечисляетъ ученыхъ при его дворѣ, приводитъ старое преданіе о впечатлѣніи на Боккаччіо могилы Виргилія, упоминаетъ, что знаменитый экзаменъ Петрарки былъ ему извѣстенъ отъ очевидцевъ, можетъ быть, даже не посредственно, доказываетъ что любовь къ Маріи д'Аквино окончательно направила его къ модной тогда литературной дѣятельности[5]). Правда, что эти вліянія только

---

[1]) Эти писатели приведены у *Baldelli, Vita di G. Boccaccio*, p. 321 и слѣд. Доказательству этого мнѣнія посвящена диссертація *Hayer'a (Programmata III de I. Boccatio, veritatis evangelicae teste 1765).*

[2]) Jagemann, l. c. p. 397 и слѣд.

[3]) Tiraboschi, l. c. V. p. 738.

[4]) Bouterweck, l. c. p. 175, 178.

[5]) *Baldelli, Vita di Giovanni Boccacci. Firenze, 1806* p. 9 и слѣд.

отмѣчены, а не доказаны, что ихъ характеръ неопредѣленъ[1]), что предположенія автора не всегда обоснованы[2]); тѣмъ не менѣе вопросъ поставленъ совершенно правильно и даже намѣчено его вѣрное рѣшеніе. Гораздо менѣе удалось Бальделли выяснить сущность такъ называемаго „обращенія“ Боккаччіо послѣ визита Чани, такъ какъ относящіяся сюда главы заключаютъ въ себѣ извѣстное письмо къ Майнардо о Декамеронѣ, лирическое отступленіе по этому поводу и преположеніе, что именно въ это время Боккаччіо сдѣлался клирикомъ[3]).

Такой же характеръ намека имѣетъ оцѣнка Бальделли историческаго значенія Боккаччіо: онъ отмѣчаетъ его борьбу противъ представителей старой науки и заслуги въ дѣлѣ возрожденія наукъ и искусствъ[4]), но не выясняетъ, что̀ новаго внесли его сочиненія въ современную ему среду. Отсутствіе не только исторіи, но даже характеристики міросозерцанія Боккаччіо и составляетъ самый крупный пробѣлъ книги Бальделли. Онъ останавливается только на его политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ; но въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь только о Флоренціи[5]), во второмъ Бальделли въ особомъ приложеніи доказываетъ, что Боккаччіо не былъ ни авторомъ *De tribus impostoribus*, ни предшественникомъ Лютера, какъ это утверждали нѣкоторые писатели, но что онъ всегда оставался католикомъ искреннимъ, хотя въ молодости нѣсколько легкомысленнымъ[6]).

Бальделли присоединилъ къ своей книгѣ 6 приложеній, составляющихъ почти половину всего сочиненія. Два изъ нихъ — о фамиліи Боккаччіо и о Фіамметтѣ — имѣютъ значеніе только для фактической біографіи[7]); одно посвящено библіографіи Декамерона[8]); три остальныя представляютъ интересъ для исторіографіи Возрожденія.

---

1) Такъ, личности и характеръ стремленій придворныхъ ученыхъ Роберта — Barilli, Barbato, Dionigi (di Borgo san Sepolcro), Paolo Perugino и Andalone del Nero — почти совершенно неопредѣлены. Ibid. p. 11—12.

2) Таково, напр., его предположеніе, что P. Perugino и Andalone были учителями Боккаччіо въ греческомъ языкѣ. Ibid. p. 14. Ср. p. 138—139.

3) Ibid. p. 159 и слѣд.

4) Ibid. p. 69 и 215. Сущность отношеній Петрарки къ Боккаччіо, Бальделли характеризуетъ вѣрно, но слишкомъ обще: la contratta amicizia di que' due celebri Fiorentini divenne un avvenimento de'più avventurosi al propagamento della rinascente letteratura. Fu il Petrarca la guida del Certaldese; fu questi il valevole sostenitore de' suoi alti concepimenti. Ibid. p. 99.

5) Ibid. p. 99—101 и 120.

6) Ibid. p. 319 и слѣд. ср. p. 163.

7) Ibid. p. 271 и слѣд.; 351 и слѣд.

8) Ibid. p. 281 и слѣд.

Въ одномъ Бальделли собралъ факты для исторіи греческаго языка и литературы въ средневѣковой Италіи съ цѣлью выяснить заслуги въ этомъ отношеніи Боккаччіо[1]). Несмотря на краткость этого очерка, собранныя тамъ свѣдѣнія не были лишены интереса для того времени. Другое приложеніе заключаетъ въ себѣ упомянутую защиту Боккаччіо[2]), въ которой собраны мнѣнія, ходившія о немъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, что имѣетъ значеніе для исторіи его біографіи. Но наибольшую важность имѣетъ послѣднее приложеніе, въ которомъ Бальделли впервые устанавливаетъ хронологію важнѣйшихъ фактовъ и сочиненій Боккаччіо[3]), что должно было въ значительной мѣрѣ облегчить работу позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Первая половина XIX столѣтія весьма небогата изслѣдованіями по біографіи Боккаччіо. Отдѣльныхъ, крупныхъ біографій за это время почти совсѣмъ не появлялось[4]); только въ предисловіяхъ къ изданіямъ и переводамъ Декамерона и въ разныхъ біографическихъ сборникахъ и словаряхъ встрѣчаются краткіе біографическіе очерки, по большей части не имѣющіе значенія. Такъ, очеркъ *Fanfani*, предпосланный изданію Декамерона 1857 года, составленъ по Бальделли[5]). Въ біографическихъ сборникахъ, гдѣ Боккаччіо фигурируетъ вмѣстѣ съ Петраркой[6]), пѣвцу Лауры отводится обыкновенно болѣе видное мѣсто, чѣмъ автору Декамерона[7]). Такъ, въ Энциклопедіи Эрша и Грубера Blanc далъ одинъ изъ лучшихъ и обстоятельнѣйшихъ біографическихъ очерковъ Петрарки, тогда какъ коротенькая біографія Боккаччіо написанная для этого изданія Бутервекомъ, совершенно незначительна[8]).

---

1) Ibid. p. 217 и слѣд.

2) Ibid. p. 319 и слѣд. Кромѣ упомянутыхъ обвиненій, Бальделли здѣсь опровергаетъ еще обвиненіе въ плагіатѣ, выставленное противъ Боккаччіо нѣкоторыми французскими писателями.

3) Ibid. p. 369 и слѣд.

4) Corazzini называетъ двѣ біографіи Боккаччіо за эту эпоху: *Dubois, Remarks on the life and writings of Boccaccio. London 1804*, и *Lomonaco, Vita di G. B.* (въ Opere T. VII. Lugano 1836). Болѣе интереса представляетъ цитированная статья Шлегеля, какъ самый ранній разборъ сочиненій Боккаччіо; но помѣщенный въ ней коротенькій біографическій очеркъ не представляетъ интереса.

5) *Fanfani, Breve notizia delle vita e della opere di Giovanni Boccacci, con un ragionamento sopra il testo Mannelli.* Въ Il Decameron Firenze 1857. V. I).

6) См. выше p. 323, пр. 5.

7) Исключеніе составляетъ *Bayle*, который въ своемъ словарѣ игнорируетъ Петрарку и отводитъ мѣсто Боккаччіо (*Dictionnaire historique et critique. Nouvelle édition. Paris 1820. T. III*, p. 486 и слѣд.).

8) *Bouterweck, Boccaccio* (Въ Allgem. Encyclop. XI. Theil, p. 115—118) нѣ-

Единственное исключеніе составляетъ очеркъ *Витте*, предпосланный имъ нѣмецкому переводу Декамерона. Съ фактической стороны — это безусловно лучшая біографія послѣ Бальделли и до Ландау. Витте тщательно собираетъ всѣ біографическія свѣдѣнія о Боккаччіо[1]), сопоставляетъ ихъ и подвергаетъ критической провѣркѣ. Но очеркъ носитъ чисто внѣшній характеръ: авторъ не даетъ характеристики міросозерцанія Боккаччіо и касается вопроса о его историческомъ значеніи съ чисто литературной точки зрѣнія. „Два различныя духовныя направленія борятся за господство въ Средніе вѣка, въ особенности въ ихъ позднѣйшій періодъ", говоритъ онъ. Одно изъ нихъ отстаиваетъ „собственное благо новаго германо-романскаго міра, католическую вѣру и примыкающія къ ней сказанія о святыхъ и герояхъ, а также рыцарство и рыцарскую поэзію (Minne)", другое стремилось „къ формальному мастерству древности, къ разсчитанной побѣдѣ идеи надъ формой, къ упорной силѣ воли античнаго міра". Германскіе народы примкнули къ первому направленію, тогда какъ у романскихъ уже въ XII столѣтіи явилось стремленіе „къ оживленію достоянія, пріобрѣтеннаго Римомъ и Греціей". Но въ началѣ эта послѣдняя тенденція наивно смѣшивала древность съ современностью, заставляя, напримѣръ, Катилину передъ возстаніемъ прослушать мессу и причаститься. „Понадобились столѣтія долгихъ усилій", говоритъ Витте, „чтобы научить новые народы отказаться отъ своей собственной природы въ классической объективности; но и самыя трудныя попытки остались довольно несовершенными", какъ это и видно изъ трагедій временъ Людовика XIV[2]). Едва ли можно доказать, что и въ чисто литературной сферѣ ставилась такая невыполнимая задача, какъ отреченіе „отъ своей собственной природы"; но Витте идетъ далѣе. „Только Данте было подъ силу", говоритъ онъ, „признать античное образованіе однимъ изъ элементовъ, изъ взаимнаго проникновенія которыхъ вышло наше духовное достояніе... его преемники исто-

---

сколько монографическихъ изслѣдованій, появившихся въ эту эпоху, отличается узко біографическимъ характеромъ. Сюда относятся: *Rosselini, La casa di G. B.* (Antolog. fiorent. 1825); *Cateni, Osservazioni sopra la tomba di G. B. Colle 1826* (См. также статью Cateni въ Nuovo Giornale dei Letterati. t. XI № 23. Pisa 1825). Противъ Cateni *De Povedà, Del sepolcro di Mess. G. B. Colle 1827.*

[1]) Витте изслѣдуетъ даже такіе вопросы, какъ и кого любилъ Боккаччіо раньше Фіамметты и какимъ путемъ добился онъ взаимности отъ этой послѣдней (*Witte, Giovanni Boccaccio* въ первомъ томѣ нѣмецкаго перевода Декамерона. III Auflage, Leipzig 1859, I, p. XXI, XXII. (1-е изданіе появилось въ 1828 г.).

[2]) Ibid. p. XLIX—L.

щали свои силы въ стремленіи быть по языку и настроенію римлянами или греками", что въ лучшемъ случаѣ носило „забавную окраску", а то было и просто смѣшно, какъ, напр., письма Петрарки къ древнимъ.

Петрарка и Боккаччіо принадлежатъ къ этой категоріи послѣдователей Данте. „Цѣль, къ которой они оба сознательно стремились, была у нихъ одна и та же", говоритъ Витте; но первому въ гораздо большей степени удается отдѣлаться отъ средневѣковаго образа мыслей и онъ совершеннѣе рѣшаетъ поставленную задачу". Между тѣмъ у Боккаччіо „здоровая (frisch) жизнь народа со всѣмъ его міросозерцаніемъ слишкомъ могущественно течетъ по жиламъ" и мѣшаетъ сравняться въ этомъ отношеніи съ Петраркой. Поэтому его произведенія распадаются на двѣ части: латинскія ученые трактаты въ духѣ Петрарки, написанные въ старости, и итальянскіе романы и новеллы, „за которые онъ и теперь еще называется первымъ мастеромъ итальянской прозы" [1]). Въ этомъ разсужденіи съ полною ясностью обнаруживается необходимость правильнаго пониманія Ренесанса для вѣрной оцѣнки историческаго значенія первыхъ гуманистовъ. Витте не понадобилось бы разсѣкать Боккаччіо, если бы онъ глубже понялъ общій смыслъ его стремленій, что помогло бы ему лучше выяснить его родство съ Петраркой и существенное отличіе ихъ обоихъ отъ Данте.

Болѣе интереса представляютъ главы, посвященныя Боккаччіо въ важнѣйшихъ обзорахъ исторіи литературы, относящихся къ первой половинѣ XIX столѣтія. Хотя помѣщенные здѣсь біографическіе очерки, составленные обыкновенно по Бальделли, не имѣютъ значенія; но въ дѣятельности Боккаччіо и въ его сочиненіяхъ начинаютъ постепенно обращать все больше и больше вниманія на его гуманистическое значеніе. Такъ Женгенэ еще не видитъ сходства Боккаччіо съ Петраркой и ихъ существеннаго отличія отъ Данте. По его словамъ, всѣ они, „чтобы подняться на Парнасъ, пошли по столь различнымъ дорогамъ, что достигли вершины, не встрѣчаясь и не сталкиваясь другъ съ другомъ" [2]). Онъ обходитъ молчаніемъ гуманистическія вліянія на Боккаччіо въ Неаполѣ и чисто внѣшнимъ образомъ излагаетъ его заботы объ изученіи античнаго міра [3]); но изъ изложенія внѣшнихъ фактовъ Женгенэ приходитъ уже къ весьма важному выводу. „Привыкли говорить, замѣчаетъ онъ, и теперь еще повторяютъ по рутинѣ, что разсѣяніе ученыхъ грековъ при разрушеніи ихъ имперіи было источникомъ возрожденія литературы (des lettres) въ Ев-

---

[1]) Ibid. p. L—LII.

[2]) *Ginguené, Histoire littéraire d'Italie. T. III. Paris 1824*, p. 1.

[3]) Ibid. p. 5—6; 13—19.

ропѣ. Но Данте, Петрарка и въ особенности Боккаччіо опровергаютъ это банальное мнѣніе"[1]). Сисмонди дѣлаетъ шагъ впередъ и подчеркиваетъ гуманистическій элементъ въ дѣятельности и сочиненіяхъ Боккаччіо. „Если извѣстность связана только съ итальянской поэзіей Петрарки и съ новеллами Боккаччіо, говоритъ онъ, то наша признательность къ этимъ двумъ великимъ людямъ должна быть основана на совершенно иныхъ мотивахъ: они чувствовали болѣе живо, чѣмъ кто-нибудь тотъ энтузіазмъ къ прекрасной старинѣ, безъ котораго не удалось бы ее познать; они посвятили долгую и трудолюбивую жизнь разыскиванію и изученію манускриптовъ"[2]). Сисмонди понимаетъ еще гуманизмъ очень узко, сводитъ его къ простому увлеченію древностью и черезчуръ его преувеличиваетъ. Говоря о смѣщеніи античнаго съ христіанскимъ въ Фіамметтѣ, онъ сравниваетъ въ этомъ отношеніи Боккаччіо съ авторами средневѣковыхъ романовъ и фаблью. „Тѣ невѣжественные люди, говоритъ онъ, не могли понять другого существованія, кромѣ того, которое они знали, и налагали христіанскую окраску на все то, что они знали изъ древней миѳологіи". Боккаччіо и его единомышленники „приписывали языческимъ богамъ жизнь, могущество, дѣятельность. Привыкши удивляться только древнимъ классикамъ, они вводятъ привычные образы и вымыслы даже въ такія произведенія, которыя они цѣликомъ почерпали изъ своего собственнаго сердца"[3]). Такое же смѣшеніе въ Филокопо наводитъ Сисмонди на мысль, что Боккаччіо „старается слить двѣ религіи и показать, что подъ различными именами скрывается одинъ и тотъ же культъ"[4]). Мы видѣли, что авторъ Декамерона никогда не увлекался древностью до такой степени и что если онъ заимствовалъ идеи и образы изъ античной литературы, то только потому, что они вполнѣ соотвѣтствовали чувствамъ „его собственнаго сердца". Но Сисмонди съ несомнѣнной тонкостью подмѣтилъ на ряду съ этимъ отличіемъ Боккаччіо отъ его предшественниковъ и еще одно, весьма характерное для наступающей эпохи. „Французскіе рыцарскіе романы, говоритъ онъ, имѣли связь съ тѣмъ жанромъ, творцомъ котораго былъ Боккаччіо; но онъ вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ чудеснымъ событіямъ и такимъ образомъ занять воображеніе читателя, извлекаетъ всѣ свои рессурсы изъ человѣческаго сердца и изъ страсти"[5]). Такимъ образомъ вопросъ о гума-

---

1) Ibid. p. 18—19.
2) *Sismondi, De la littérature du Midi de l'Europe. T. II*, p. 17.
3) Ibid. p. 12.
4) Ibid. p. 13.
5) Ibid. p. 10.

нистическомъ значеніи Боккаччіо поставленъ, хотя еще безъ достаточной твердости и опредѣленности. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Рутъ въ своей „исторіи итальянской поэзіи". Онъ находитъ „особенный интересъ наблюдать, какъ въ сочиненіяхъ Боккаччіо античный элементъ часто приходитъ въ конфликтъ съ схоластической атмосферой его времени"[1]). Рутъ преувеличиваетъ даже, хотя по особымъ мотивамъ, гуманистическое значеніе Боккаччіо. Подъ вліяніемъ крайней антипатіи къ Петраркѣ онъ старается поставить его во всѣхъ отношеніяхъ ниже автора Декамерона. „Обыкновенно Боккаччіо ставятъ ниже Петрарки, говоритъ онъ; намъ кажется это грубой несправедливостью, которая происходитъ отъ полнаго непониманія заслугъ обоихъ поэтовъ"[2]). Доказывая далѣе, что Боккаччіо несравненно выше перваго гуманиста, какъ человѣкъ, какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель[3]), онъ находитъ въ его латинскихъ сочиненіяхъ одушевленіе „къ дѣлу человѣчества" и „солидную ученость", „тогда какъ Петрарка въ своихъ разукрашенныхъ философствованіяхъ о счастьѣ уединенія и объ утѣшеніи въ несчастныхъ случаяхъ думаетъ болѣе о себѣ и о своемъ тщеславіи"[4]).

Гуманистическое значеніе Боккаччіо, отмѣченное въ обзорахъ по исторіи литературы, было подчеркнуто ранними историками Ренесанса Эргардомъ и Шарпантье, хотя страницы, посвященныя ими автору Декамерона, сами по себѣ и не представляютъ интереса. Эргардъ, оставляя въ сторонѣ итальянскія произведенія Боккаччіо, отмѣчаетъ его успѣхи въ греческомъ языкѣ сравнительно съ Петраркой[5]). Шарпантье слишкомъ узко понимаетъ гуманизмъ, какъ возрожденіе интереса къ древности; но эта сторона въ дѣятельности Боккаччіо выставлена имъ на первый планъ и даже значительно преувеличена. Онъ нетолько тщательно отмѣчаетъ заслуги Боккаччіо въ дѣлѣ разыскиванія старыхъ рукописей и распространенія изученія греческаго языка[6]), не только ищетъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ исключительно слѣдовъ античнаго вліянія, но даже приписываетъ этому вліянію такіе романы, которые были созданы совсѣмъ другимъ настроеніемъ[7]). Такая точка зрѣнія на Боккаччіо подготовила отноше-

---

[1]) *Ruth, Geschichte der italienischen Poesie. I. Leipzig 1844* p. 572.
[2]) Ibid. p. 591.
[3]) Ibid. p. 591—592. Cp. p. 575, 583.
[4]) Ibid. 591. Cp. p. 577—78.
[5]) *Erhard,* l. c. I, p. 217—220.
[6]) *Charpentier,* l. c. p. 146 и слѣд.
[7]) Ibid. p. 151 и слѣд. Очеркъ, посвященный Боккаччіо Dandolo (I secoli di Dante e Colombo, p. 115 и слѣд.), совершенно незначителенъ.

ніе къ нему Фогта, который впервые попытался подробнѣе выяснить, въ чемъ заключается гуманистическое значеніе автора Декамерона. Фогтъ въ своемъ общемъ сочиненіи[1]) отвелъ гораздо менѣе мѣста Боккаччіо, чѣмъ Петраркѣ, что объясняется отчасти ролью, которую играли оба гуманиста въ движеніи, отчасти состояніемъ источниковъ для біографіи Боккаччіо. Въ 1859 году полное собраніе его писемъ еще не появилось, а изъ предшествующей литературы Фогтъ не воспользовался вторымъ изданіемъ сборника Чампи, гдѣ были помѣщены новые матеріалы. Поэтому въ его книгѣ нѣтъ очерка внѣшнихъ событій жизни Боккаччіо[2]) и его воззрѣнія изображены гораздо болѣе сжато и гораздо менѣе полно, чѣмъ это было сдѣлано по отношенію къ Петраркѣ. Тѣмъ не менѣе первая и въ цѣломъ и общемъ вѣрная характеристика Боккаччіо составляетъ заслугу Фогта. Фогтъ первый воспользовался вѣрнымъ пріемомъ для оцѣнки заслугъ Боккаччіо, сравнивши его произведенія съ сочиненіями Петрарки, первый показалъ, какъ сильно было вліяніе перваго гуманиста и насколько уступаетъ Боккаччіо, какъ ученый, своему руководителю, и подмѣтилъ ихъ разницу въ нѣкоторыхъ личныхъ свойствахъ, какъ, напр. въ отношеніи къ славѣ[3]). Но онъ сильно преувеличилъ вѣрныя наблюденія, что выразилось въ не совсѣмъ правильномъ освѣщеніи личности Боккаччіо и въ не совсѣмъ справедливой оцѣнкѣ его ученой дѣятельности.

Прежде всего, Фогтъ совершенно игнорируетъ настроеніе Боккаччіо, выразившееся въ его итальянской беллетристикѣ, и не достаточно рѣзко отмѣчаетъ его страстную любовь къ поэзіи, о которой онъ говоритъ чуть не въ каждомъ своемъ произведеніи. Вслѣдствіе этого остается неяснымъ, что собственно сдѣлало Боккаччіо гуманистомъ? Фогтъ приписываетъ это въ первомъ изданіи своей книги Петраркѣ, во второмъ также и Данте[4]). Но соединить оба вліянія возможно

---

1) *Voigt, Die Wiederbelebung etc. Berlin 1859.* Второе изданіе въ 2 томахъ Berlin 1880.

2) Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ во второмъ изданіи I, p. 183—186.

3) Voigt, p. 112—113.

4) Er hatte noch das siebente Jahr nicht erreicht, da versuchte er sich schon in kleinen Dichtungen, natürlich in tuscischer Sprache. Но отецъ, сначала желавшій сдѣлать сына купцомъ, ihn auf eine Brodwissenschaft, das kanonische Recht verwies. ***In dieser Zeit, angefeuert durch Petrarca's vielgerühmten Namen, begann Giovanni die alten Autoren zu lesen, ohne Anleitung, doch mit desto gröszerer Begier*** (p. 103, 104). Во второмъ изданіи нашъ курсивъ замѣненъ такъ: Dasz es zünachst die tuscische Poesie, dasz es vor allem Dante's Göttliche Komödie war, die den Genius des jungen Giovanni angeregt, ist kein Zweifel. Er ist auch dieser Begeisterung seiner Jugend nie untreu geworden... Sicher hat er auch den Namen Petrarca's zuerst als den des Laura-Sängers ken-

только при томъ предположеніи, что поэтъ Боккаччіо былъ гуманистомъ больше по настроенію, чѣмъ по воззрѣніямъ. Естественно поэтому, что онъ подчинился вліянію Петрарки, хотя это подчиненіе вовсе не было такъ слѣпо, какъ доказываетъ Фогтъ. „Всѣ точки зрѣнія и идеи Боккаччіо, говоритъ онъ, — всегда собственность Петрарки. Но онъ схватываетъ только отдѣльныя нити ткани, чтобы ихъ прясть далѣе, огромное же ихъ большинство совершенно отъ него ускользаетъ, и объ ихъ значеніи въ цѣломъ онъ не имѣетъ никакого представленія (Ahnung). Часто намъ кажется непонятнымъ, какъ могъ столь близкій другъ и столь преданный почитатель Петрарки не научиться у него большему" [1]). Фогтъ буквально перепечаталъ эту тираду во второмъ изданіи своей книги [2]), хотя ему и были уже извѣстны письма Боккаччіо, въ которыхъ онъ поправляетъ ошибки своего руководителя и жестоко порицаетъ его политику [3]). Вообще Фогтъ почти не касается отношенія Боккаччіо къ Флоренціи и его политическихъ стремленій, которыми онъ наиболѣе отличался отъ Петрарки [4]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Петрарка оказывалъ сильное вліяніе на ученую и литературрую дѣятельность Боккаччіо, тѣмъ не менѣе ее никоимъ образомъ нельзя свести къ одному только подражанію, какъ это дѣлаетъ Фогтъ. По его мнѣнію, Боккаччіо нападалъ на средневѣковыхъ философовъ, „какъ вѣрный оруженосецъ своего господина и рыцаря" [5]); поэтому же полемизировалъ онъ съ юристами и медиками и, пригласивъ врача, онъ „извиняется, какъ послушный ученикъ мастера" [6]). „Гдѣ, напротивъ, Петрарка является дѣйствительно просвѣщеннымъ и великимъ, тамъ ученикъ его не могъ за нимъ слѣдовать" [7]), какъ это замѣтно въ отношеніи къ астрологіи. Дѣло было,

---

nen gelernt. Aber tiefer traf ihn der Ruhm, den Petrarca als Dichter der Eklogen und der Africa, als der neue Virgilius erwarb. I, p. 165.

1) Voigt, p. 107.

2) I p. 174.

3) Coraz., p. 34 и 47.

4) Въ первомъ изданіи онъ совершенно невѣрно замѣчаетъ: что die Cabalen der Stadtparteien ihm nur keine Sorge machen (p. 113). Наоборотъ, и въ перепискѣ (см. напр. Coraz., p. 72, 80, 270) и въ другихъ сочиненіяхъ, особенно въ Comento, онъ часто и съ горечью говоритъ о партіяхъ. Во второмъ изданіи Фогтъ передѣлалъ эту фразу и сдѣлалъ нѣсколько фактическихъ дополненій о политической дѣятельности Боккаччіо, но очень коротко (p. 181—183), такъ что эта сторона его біографіи осталась безъ освѣщенія.

5) Voigt, p. 108.

6) Только въ новомъ изданіи, I, p. 175—176.

7) Ibid. p. 176.

очевидно, не въ томъ, что Боккаччіо *не въ силахъ* былъ слѣдовать за учителемъ, но просто не находилъ нужнымъ и потому *не хотѣлъ* дѣлать это. Боккаччіо выбиралъ изъ идей Петрарки то, что считалъ для себя подходящимъ, боролся противъ тѣхъ средневѣковыхъ ученыхъ, которые нападали на дорогую ему поэзію, и раздѣлялъ мнѣнія другихъ, если они соотвѣтствовали его воззрѣніямъ. Особенно преувеличиваетъ Фогтъ вліяніе Петрарки на отношеніе Боккаччіо къ поэзіи. По его мнѣнію, Боккаччіо вступилъ за нее въ такую борьбу, „которая казалась недостойною его учителю“[1]). Невѣрно, во-первыхъ, то, что Петрарка презиралъ противниковъ поэзіи. Кромѣ переписки, онъ велъ съ ними ожесточенную борьбу въ инвективѣ противъ медика. Кромѣ того, ея защита для Боккаччіо была болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ для Петрарки: въ поэзіи заключалось главное стремленіе и главная цѣна его жизни, за поэзію онъ боролся съ самой ранней юности, и если онъ не нуждался въ образцѣ для противодѣйствія отцу, то, конечно, не изъ подражанія, Петраркѣ защищалъ онъ ее и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя и заимствовалъ у него почти всю свою аргументацію.

Особенно неточно изображаетъ Фогтъ различіе между гуманистами во взглядахъ на поэзію. „Въ опредѣленіи Боккаччіо поэзіи, — говоритъ онъ, вполнѣ замѣтно, какъ онъ воспринялъ нѣкоторыя случайныя выраженія Петрарки, не достигши общей, хотя и смутной въ силу субъективныхъ отношеній мысли своего учителя. Этотъ видѣлъ поэта прежде всего въ самомъ себѣ: философа, религіознаго мыслителя, таинственно-величественнаго человѣка, пророка — всѣхъ ихъ вмѣстѣ вводилъ онъ въ понятіе поэта. Могущество слова и болѣе глубокій аллегорическій смыслъ представлялъ онъ при этомъ только, какъ аттрибуты поэзіи. Именно на этихъ обоихъ признакахъ Боккаччіо какъ бы помѣшался. Прежде всего практическая реторика кажется ему весьма похожей на поэзію. По его мнѣнію, работа поэта не иное что, какъ изобрѣтеніе новаго, неслыханнаго матеріала; она заключается въ правильномъ его расположеніи, въ украшеніи необыкновенными словами и сентенціями, въ обрисовкѣ положенія, въ похвалѣ, одушевленіи, побужденіи и обузданіи людей“[2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Боккаччіо понималъ поэзію уже Петрарки, но отъ этого онъ былъ только ближе къ истинѣ, чѣмъ его учитель. Къ сожалѣнію, онъ дѣйствительно „воспринялъ“, только „не случайныя выраженія“, а основной взглядъ Петрарки, что сущность поэзіи въ аллегоріи и поученіи; но въ своихъ эклогахъ онъ гораздо понятнѣе своего

1) Voigt, p. 110.
2) Voigt, p. 111.

учителя, которому онъ подражалъ въ данномъ случаѣ. Эту подражательность въ поэтическомъ творчествѣ Фогтъ крайне преувеличиваетъ въ новомъ изданіи своей книги. „Такое подражаніе, говоритъ онъ, было для него очевидно выше внушеній собственной музы... Если онъ считалъ Лауру Петрарки только за аллегорическій образъ поэта, который обозначалъ стремленіе къ лаврамъ, то и его Фіамметта не болѣе того, хотя также и ее можно привести въ связь съ неаполитанской красавицей“ [1]). Въ XIX вѣкѣ никто, кромѣ Фогта не считалъ Лауру аллегоріей, а возлюбленная автора Декамерона всегда стояла внѣ всякихъ подозрѣній въ этомъ отношеніи.

Считая литературную дѣятельность Боккаччіо результатомъ слѣпого, механическаго подражанія не всегда понятому образцу, Фогтъ несправедливо относится и къ его личнымъ способностямъ. „Геніальность Петрарки, говоритъ онъ, не можетъ быть столь ясно освѣщена никакимъ доказательствомъ, какъ обрывомъ (Abfall), который мы замѣчаемъ при переходѣ отъ него къ Боккачіо. Для Петрарки древность была школою человѣка; онъ сознаетъ себя проникнутымъ ея духомъ; онъ господствуетъ надъ тѣмъ, что читаетъ, и что ему подходитъ, дѣлается его личною собственностью [2]). Боккаччіо хватается за эту науку только съ матеріальнымъ (stofflich) интересомъ; его заслуга — прилежаніе, онъ остается рабомъ мелочей (Kleinigkeitskrämer). Онъ сильно работалъ въ ширину, тогда какъ стремленіе Петрарки всегда направлялось вглубь... Онъ былъ предшественникъ и типъ филологическаго мелкаго ремесла (Kleinmeisterei), работа котораго, чтобы быть плодотворной, должна быть сначала оплодотворена разумомъ... Боккаччіо безъ выбора нагромождаетъ другъ на друга самые различные авторитеты различныхъ періодовъ... не имѣетъ смѣлости для энергическаго мнѣнія; все написанное кажется ему еще достойнымъ почтенія“ и т. д. [3]) Существенная разница между Петраркой и Боккаччіо заключается въ томъ, что послѣдній не обладалъ философскими и этическими интересами своего учителя и, какъ поэтъ и писатель, превосходилъ его объективностью. Боккаччіо остается разсказчикомъ въ своихъ латинскихъ сочиненіяхъ, какъ Петрарка лирикомъ и въ философскихъ трактатахъ. Поэтому его сочиненія

---

[1]) . . . so ist seine Fiammetta wohl auch nicht mehr, mag immerhin auch sie an eine neapolitanische Schönheit anknüpfen. Voigt, I, p. 179.

[2]) Интересно сравнить это мѣсто съ тѣмъ, что говорится о Петраркѣ выше. Вообще Петрарка становится Фогту гораздо симпатичнѣе, когда онъ, покончивъ съ его характеристикой, говоритъ о другихъ гуманистахъ.

[3]) Voigt, p. 105–106; 107, 108.

нужно сравнивать не съ трактатами Петрарки, а съ De rebus memorandis и съ De viris illustribus, и тогда разница не будетъ столь рѣзкой. Обвиненіе его въ слѣпомъ преклоненіи передъ авторитетами такъ же мало справедливо, какъ и въ рабской подражательности. Фогтъ не доказываетъ своихъ положеній разборомъ сочиненій Боккаччіо, о которыхъ только упоминаетъ или ограничивается только безапелляціоннымъ приговоромъ. Выше мы привели много примѣровъ, изъ которыхъ видно, что Боккаччіо не только не былъ чуждъ критицизма, но что его критика принимала иногда рѣзкія формы и простиралась на самого учителя. Правда, въ общемъ критицизмъ Боккаччіо менѣе задоренъ, чѣмъ у Петрарки; но это объясняется отчасти повѣствовательною формою его сочиненій, отчасти отсутствіемъ раздражительности и рѣзкой вражды къ предшествующей эпохѣ. Петрарка и Боккаччіо люди разныхъ типовъ, хотя нельзя отрицать, что умъ перваго гуманиста - мыслителя былъ болѣе широкъ и болѣе глубокъ, чѣмъ его послѣдователя - поэта.

Итакъ до половины XIX столѣтія мы находимъ только у Фогта первую попытку подробнаго выясненія личности Боккаччіо и его историческаго значенія. Къ сожалѣнію, эта часть его книги значительно ниже характеристики Петрарки[1]) и далеко не имѣетъ того значенія въ исторіографіи Ренесанса, какъ эта послѣдняя. Главная причина односторонности Фогта въ оцѣнкѣ Боккаччіо заключается въ совершенномъ игнорированіи Декамерона и вообще его итальянской прозы, что обусловливается его взглядомъ на Ренесансъ, какъ на возрожденіе классической древности. Въ характеристикѣ Петрарки недостатки такой узкой точки зрѣнія не выступаютъ наружу съ особенной рѣзкостью вслѣдствіе того, что итальянскія произведенія перваго гуманиста имѣютъ второстепенное значеніе для выясненія его всемірно-исторической роли. Между тѣмъ одни латинскія сочиненія Боккаччіо не выясняютъ достаточно ни его личности, ни его историческаго значенія. Это чувствовали и ранніе біографы-гуманисты, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ основываютъ свою оцѣнку Боккаччіо на обѣихъ категоріяхъ его произведеній. Уклоненіе отъ такого пріема неизбѣжно должно повлечь за собою одностороннюю и крайне несправедливую къ автору Декамерона его характеристику,

---

[1]) Въ новомъ изданіи своей книги въ 1880 г. Фогтъ воспользовался появившимися за этотъ промежутокъ работами Fracassetti, Landau, Corazzini, Hortis и значительно дополнилъ изложеніе (кромѣ цитированныхъ выше вставокъ, см. pp. 166—169, 169—170, 170—172, 173, но общій тонъ отношенія къ Боккаччіо не только не смягченъ, но даже усиленъ. См. p. 170, 175—176, 179—180).

какъ показываетъ примѣръ Кортезе. Поэтому вниманіе къ итальянской прозѣ Боккаччіо составляетъ характерную черту почти всѣхъ его біографовъ до Фогта. Тѣмъ не менѣе самая односторонность Фогта принесла существенную пользу: если его попытка выяснить значеніе Боккаччіо на основаніи только его латинскихъ произведеній и не можетъ быть признана удачной, то она, по крайней мѣрѣ, поставила на видъ необходимость изслѣдованія ученыхъ трудовъ автора Декамерона для его всесторонней оцѣнки.

V.

Отношеніе къ Боккаччіо Джудичи и Де-Санктиса. — Вліяніе пятисотлѣтняго юбилея Боккаччіо на его біографическую литературу. — Кораццини и Ландау. Оцѣнка гуманистической дѣятельности Боккаччіо въ общихъ сочиненіяхъ Сэймондса, Геттнера и Жебара. Кёртингъ.

Со времени выхода въ свѣтъ книги Фогта до второй половины семидесятыхъ годовъ не появилось ни одного сочиненія, спеціально посвященнаго Боккаччіо.[1]) Только общіе обзоры исторіи литературы, вышедшіе за это время, касаются его біографіи и иногда ставятъ вопросъ о его историческомъ значеніи. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія книги Джудичи и Де-Санктиса.[2]) Джудичи стоитъ на чисто литературной точкѣ зрѣнія; его главную цѣль составляетъ всестороннее объясненіе художественныхъ произведеній Боккаччіо. Но при ихъ критическомъ разборѣ онъ отмѣчаетъ черты, имѣющія историческую важность. Джудичи настаиваетъ, что произведенія Боккаччіо — результатъ сліянія античныхъ традицій съ живою современностію. Какіе элементы заимствованы изъ древности и чѣмъ вызвано самое заимствованіе? отвѣта на эти вопросы мы не находимъ въ книгѣ Джудичи. Авторъ съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ говоритъ

---

¹) Исключеніе составляютъ два незначительныхъ предисловія къ Декамерону: *Dazzi, Notizia, di G. B.* (Въ Novelle commentate ad uso delle scuole. Firenze 1868) и *Berri, Vita del Boccaccio* (Decam. Firenze 1874).

²) Страницы, посвященныя Боккаччіо Cantù (l. c. p. 84—90) и Пинто (l. c. p. 309—317) не имѣютъ значенія. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось воспользоваться книгою *Bartoli (I primi due secoli della letteratura italiana. Milano 1877,* которая представляетъ интересъ, несмотря на суровый приговоръ Körting'a (Dass wir A. Bartoli's wüstes Buch nicht näher citiren und im Folgenden nicht berücksichtigen, говоритъ онъ, wird gewiss Jeder begreiflich finden, der diese unwissenschaftliche Compilation kennt (l. c. p. 58).

даже о цѣляхъ заимствованія. То ему представляется, что Боккаччіо имѣлъ въ виду „пробудить истинный духъ античной литерагуры“, презирая вмѣстѣ съ Петраркой все современное, и вынужденъ былъ на уступки дѣйствительности только потому, что не могъ „измѣнить человѣческую семью въ коллегію археологовъ, вырвать ее изъ современности и отогнать къ отдаленнѣйшимъ временамъ“[1]). То ему кажется, что „Петрарка и не менѣе его Боккаччіо старались собрать вмѣстѣ элементы, которыми пользовалась античная поэзія, *съ цѣлью оживить и обогатить (impinguare) новую*“[2]). Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ тотъ важный фактъ, что въ итальянской поэзіи Боккаччіо обнаруживается сліяніе элементовъ культуры двухъ историческихъ эпохъ. Иначе понимаетъ значеніе Боккаччіо Де Санктисъ. Характеризуя настроеніе среды, изъ которой вышелъ авторъ Декамерона, Де-Санктисъ совершенно вѣрно сводитъ причины происшедшихъ тогда перемѣнъ къ вліянію развившейся культуры на расшатавшійся средневѣковой католицизмъ. Въ концѣ Среднихъ вѣковъ рѣзко бросалось въ глаза полное противорѣчіе между требованіями аскетическаго идеала и дѣйствительностью и „чѣмъ выше былъ образецъ, тѣмъ замѣтнѣе и скандальнѣе было это противорѣчіе“. Но упадокъ нравовъ не былъ „смѣлымъ отрицаніемъ христіанскихъ доктринъ“; распущенные клирики и свѣтскіе люди, при полномъ равнодушіи въ моральной сферѣ, считали себя хорошими христіанами и ревностно боролись противъ еретиковъ. „При такомъ настроеніи умовъ, говоритъ Де-Санктисъ, культура должна была имѣть разрушительное вліяніе. Легендарная, фантастическая, чудесная сторона этого міра должна была казаться такъ же мало серьёзной, какъ и проповѣди монаховъ, противорѣчившія жизни. Исчезаетъ та дѣтская чистота вѣры даже въ наиболѣе абсурдныхъ вещахъ, которая такъ привлекаетъ насъ у предшествующихъ писателей. Образованные классы начинаютъ отдѣляться отъ плебеевъ и забавляться надъ ихъ легковѣрностью. Быть вѣрующимъ прежде составляло славу (un titolo di gloria) для наиболѣе сильныхъ умовъ; быть невѣрующимъ сдѣлалось теперь признакомъ просвѣщеннаго ума“.[3]) Эта характеристика вполнѣ приложима только не къ XIV вѣку, а ко второй половинѣ XV и къ первой XVI столѣтій. Въ занимающую насъ эпоху открытаго и даже просто сознательнаго невѣрія незамѣтно; пока смѣются не надъ католицизмомъ, а надъ его злоупотребленіями; новые идеалы, освящаю-

---

1) *Emiliani-Giudici,* l. c. p. 305—306.
2) Ibid. p. 314—315.
3) De Sanctis, storia della litteratura I, p. 292—293.

щія новыя потребности, выростаютъ рядомъ со старыми, и ихъ непримиримое противорѣчіе пока еще не сознано. Но основная мысль Де-Санктиса, что гуманистическое движеніе было вызвано общимъ подъемомъ культуры остается совершенно вѣрной.

Весьма мѣтко указываетъ Де-Санктисъ и другой результатъ предшествующаго культурнаго развитія. „Съ другой стороны, — говоритъ онъ, — подъемъ культуры (la maggiore cultura), *породивъ болѣе живое чувство природы и человѣка*, долженъ былъ ускорить разрушеніе міра столь абстрактнаго и столь чуждаго (estrinseco) жизни. Непризнанная реальность должна была получить возмездіе; слишкомъ сдавленная природа должна была въ свою очередь оказать реакцію. Такимъ образомъ изъ столкновенія съ преувеличеннымъ спиритуализмомъ, появился, какъ неизбѣжная реакція, натурализмъ и реализмъ въ практической жизни[1]).“ Не подлежитъ сомнѣнію, что анти-аскетическая реакція многое объясняетъ въ гуманистической литературѣ и въ частности въ произведеніяхъ Боккаччіо. Но Де-Санктисъ преувеличиваетъ ея вліяніе: изъ нея выводитъ онъ неспособность гуманистовъ къ религіозной реформѣ, ею объясняетъ ихъ религіозное равнодушіе. „Живое чувство природы и человѣка“ вовсе не устраняло религіозности и даже нѣкотораго мистицизма, какъ это видно изъ примѣра Петрарки; философско-моральные интересы составляютъ характерную черту гуманиста; даже попытки реформировать католицизмъ въ духѣ новыхъ потребностей встрѣчаются иногда въ гуманистической литературѣ. Гуманисты были лишены такого религіознаго одушевленія, какое необходимо для религіознаго переворота; но причина этого заключалась не въ анти-аскетической реакціи, которая имѣла мѣсто и въ Германіи. Самый религіозный индифферентизмъ произошелъ не тѣмъ путемъ, какъ думаетъ Де-Санктисъ. По его словамъ, средневѣковой католицизмъ вдругъ, „*безъ духовной борьбы*“ пересталъ интересовать гуманистовъ, сохранивши даже формальное господство надъ разумомъ[2]). Единственная „болѣе серьезная борьба была начата гиббеллинами“, но битва при Беневентѣ доставила окончательное торжество гвельфамъ, и тогда начали „открывать и комментировать рукописи, и въ дѣлахъ вѣры предоставляли говорить папѣ, а жили по-своему[3])“. Въ дѣйствительности же литературная борьба шла непрерывно и отразилась въ произведеніяхъ почти всѣхъ крупныхъ гуманистовъ, начиная съ Петрарки и Боккаччіо. Ея результатами были отчасти полное религіозное равнодушіе, отчасти сознательное невѣріе и даже паганизмъ, но

1) Ibid. p. 293.

2) Quel mondo si trovò fuori della coscienza, *senza lotta intellettuale*, anzi rimanendo ozioso padrone dell' intelletto. Ibid.

3) Ibid. p. 294.

всѣ эти явленія относятся къ концу XV столѣтія. Битва при Беневентѣ не играла тутъ никакой роли.

Съ этой точки зрѣнія характеризуетъ Де-Санктисъ и Боккаччіо. Признавая, что въ эту эпоху существовало еще старое міросозерцаніе, онъ утверждаетъ, что Боккаччіо совершенно отъ него свободенъ. „Онъ ставитъ на одну линію міръ духовный и свѣтскій, Библію и миѳологію, теологію и поэзію", говоритъ Де-Санктисъ. Богословіе для него поэзія о Богѣ, поэтическій вымыселъ... Въ теоріи онъ допускаетъ религію и съ уваженіемъ говоритъ о теологіи, которая сообщаетъ „о божественномъ существѣ и о другихъ отдѣльныхъ интеллигенціяхъ"; но на практикѣ этотъ міръ духа совершенно чуждъ его разуму и его сердцу. Мистицизмъ, платонизмъ, схоластика, весь дантовскій міръ, не имѣетъ для него никакого смысла. „Этотъ міръ остается для него чуждымъ не только какъ культура, но еще болѣе, какъ чувство, и ему недоставало не только религіознаго чувства, но даже извѣстной нравственной возвышенности, которая тогда его замѣняла" [1]). Де Санктисъ не приводитъ фактическихъ основаній для такой характеристики, но онъ имѣетъ въ виду Декамеронъ. По этому сочиненію характеризуетъ онъ не только Боккаччіо, но его среду. Выше мы видѣли, насколько веселыя новеллы даютъ право дѣлать подобные выводы; но, кромѣ того, съ самымъ пріемомъ Де-Санктиса никоимъ образомъ нельзя согласиться. Боккаччіо далеко не весь сказался въ произведеніяхъ своей юности; для его характеристики также необходимы и его латинскіе трактаты, гдѣ выразилось иное настроеніе, которое дополняетъ и опредѣляетъ его умственную и нравственную физіономію въ особенности съ религіозной стороны. Достаточно одной „Генеалогіи", чтобы видѣть, что въ міросозерцаніи Боккаччіо средневѣковые элементы занимаютъ такое же мѣсто, какъ и въ его поэзіи. Признавая Боккаччіо человѣкомъ въ совершенно новомъ духѣ, вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ слѣдовъ предшествующей эпохи, Де-Санктисъ утверждаетъ, что новое міросозерцаніе дало ему полное успокоеніе. Друзья называли его иногда *Giovanni della Tranquillità*, и въ этомъ названіи былъ глубокій смыслъ [2]). Дѣйствительно Декамеронъ производитъ такое впечатлѣніе; но эпизодъ съ Чани показываетъ, что спокойствіе, которымъ дышатъ новеллы, не результатъ цѣльнаго и прочнаго міросозерцанія, а проявленіе беззаботной молодости и малаго интереса къ теоретическимъ вопросамъ.

Во вторую половину семидесятыхъ годовъ, по поводу пятисотлѣтія смерти Боккаччіо, его біографическая литература значительно ожив-

---

1) Ibid. p. 300.
2) Ibid. p. 321.

ляется: появляется рядъ обстоятельныхъ монографическихъ работъ[1]) и нѣсколько общихъ біографическихъ очерковъ и изслѣдованій[2]). Такъ, Фейерлейнъ, на ряду съ Петраркой, посвятилъ очеркъ и Боккаччіо; но его характеристика автора Декамерона не представляетъ интереса съ исторической точки зрѣнія. Фейерлейнъ сравниваетъ поэзію Петрарки и Боккаччіо, излагаетъ его итальянскія произведенія, даетъ ихъ литературный разборъ и показываетъ противорѣчіе его теоретическихъ воззрѣній на поэзію съ собственной практикой[3]). Болѣе крупныя работы о Боккаччіо появились послѣ изданія его переписки Кораццини.

Въ 1877 году Франческо Кораццини впервые издалъ полное собраніе дошедшихъ до насъ писемъ Боккаччіо, предпослалъ имъ довольно обширное введеніе и приложилъ нѣсколько документовъ[4]). Съ внѣшней стороны изданіе не вполнѣ безукоризненно[5]): Кораццини не всегда даетъ хронологію писемъ, называетъ неизданными уже напечатанныя письма, забываетъ отмѣтить дѣйствительно впервые печатаемыя[6]), относитъ къ апокрифическимъ одни сомнительныя письма и оставляетъ ихъ безъ перевода, тогда какъ другія печатаетъ съ несомнѣнно подлинными и переводитъ[7]), наконецъ, называетъ въ алфа-

---

[1]) Сюда относятся, во-первыхъ, разсмотрѣнныя выше работы Hortis'a, еще одно его сочиненіе: 1) *Giov. Boccacci, ambasciatore in Avignone etc. Trieste 1875,* гдѣ подробно разсмотрѣны всѣ документы, касающіеся его дипломатическихъ миссій. Кромѣ того, *Carducci, Ai parentali di G. B. in Certaldo. Firenze 1875.* (discorso pel centennario) и *Casetti, Il Boccaccio a Napoli* (Въ Nuova Antol. 1875).

[2]) По поводу юбилея *Canini* написалъ discorso *(Boccaccio nel suo tempo. Firenze 1876),* представляющее собой реторическое elogium.

[3]) *Feuerlein, Petrarka und Boccaccio* (Въ Histor. Zeitschr. Band. 38, p. 231 и слѣд.).

[4]) *Biblioteca di Carteggi, Diarii, Memorie etc. Giovanni Boccaccio. Le lettere edite e inedite tradotte e commentate con nuovi documenti da Francesco Corazzini. Firenze 1877. CXXI+501.*

[5]) Diese Ausgabe, говоритъ Кёртингъ, ist nun allerdings weit davon entfernt, den Anforderungen der Wissenschaft zu genügen, und namentlich in textkritischer Beziehung ist sie geradezu werthlos zu nennen, indem der Herausgeber in der Herstellung des Textes nicht nur völlig principlos verfahren ist, sondern sich auch zahlreiche Lesefehler hat zu Schulden kommen lassen (p. 7). Въ томъ же смыслѣ высказываются и другіе изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе текстъ Кораццини не на столько искаженъ, чтобы затруднять біографическія изслѣдованія: спорные пункты происходятъ не отъ дурного чтенія текста, а отъ недостаточности эпистолярныхъ источниковъ.

[6]) См. напр., p. 349. Письмо къ Монтефорти.

[7]) Такъ, письмо къ Дзаноби (Quam pium p. 447) оставлено безъ перевода, а заподозрѣнное впрочемъ только Кораццини (p. LXXVIII) письмо къ Петраркѣ (Opinaris p. 307) — переведено.

витномъ указателѣ письма, которыхъ нѣтъ ни въ оглавленіи, ни въ текстѣ[1]). Такъ же небрежно составлены и нѣкоторыя приложенія: указатель литературы о Боккаччіо составленъ неполно, случайно и безъ всякаго порядка[2]); въ индексъ напечатанныхъ писемъ почему-то внесены только нѣкоторыя изданія сочиненій, у которыхъ есть эпистолярныя введенія[3]). Но несмотря на эти недостатки, трудъ Корацпини имѣетъ важное значеніе, во-первыхъ, потому что это самое полное изданіе переписки, въ которую включено нѣсколько новыхъ писемъ[4]), и во-вторыхъ по другимъ напечатаннымъ имъ документамъ[5]). Наконецъ, не лишено интереса и біографическое введеніе.

Кораццини не ставитъ своей задачей написать „біографію Боккаччіо или критическое изслѣдованіе его сочиненій"; онъ имѣетъ въ виду „только установить (rettificare) нѣкоторые факты его жизни, привести въ ясность его дружественныя отношенія, посольства, содержаніе его писемъ, его мысль и душу (la mente e l'animo), которые нѣсколько разъ были искажены (traintesi) и затемнены, если не съ предвзятой мыслью и дурными намѣреніями, то навѣрное старыми предразсудками и обсужденіемъ по нормѣ идей и мнѣній другихъ временъ"[6]). Нельзя сказать, чтобы эта ректификація удалась вполнѣ автору. Его біографическія замѣтки всегда очень коротки и отличаются слишкомъ внѣшнимъ характеромъ, чтобы имѣть важное значеніе. Весьма часто онѣ не представляютъ ничего новаго и просто пересказываютъ источники, какъ, напр., въ весьма важномъ вопросѣ объ отношеніи Боккаччіо къ Петраркѣ[7]). Болѣе интереса представляютъ тѣ параграфы,

---

1) Письмо 10 Ne' giorni passati a Madonna Andrea Acciaioli (p. 498).

2) Appendice II, p. CVII—CXI.

3) Appendice III, p. CXVIII—CXXI.

4) Впервые напечатаны Кораццини: къ Петраркѣ (Ut huic epistolae p. 47. Фракас. напечаталъ только его переводъ) къ Montefalcone (Rebar equidem, p. 257), къ Niccolò d'Orso (Mecum eram p. 317) къ Matteo de Ambrosio (Aepistolam tuam, p. 327) и къ Монтефорте (Epistolam tuam, p. 349).

5) Въ приложеніи къ введенію Кораццини напечаталъ слѣдующіе документы: 1. Della casa del Boccaccio in Firenze (p. XCIX — C. Документъ не имѣетъ большаго значенія). II. I Capitani della Compagnia di Orsanmichele si consigliano coll Boccaccio e altri notevoli cittadini (p. CI—CII — бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на положеніе Боккаччіо въ родномъ городѣ). III. Donazione fatta da G. B. a suo fratello Jacopo d'una casa di Firenze (p. CII—CV — имѣетъ значеніе для біографіи Боккаччіо). IV. Нѣсколько довѣрительныхъ грамотъ и инструкціи Боккаччіо, которыми отправляла его Флоренція въ дипломатическими миссіи (p. 395—411 и 489—492). Эти документы имѣютъ очень важное значеніе, освѣщая политическую дѣятельность Боккаччіо.

6) Itroduzione, p. VII.

7) Ibid. отдѣлъ IV, p. XXIII—XLVIII. Такимъ же характеромъ отличаются

гдѣ Кораццини старается установить хронологическія даты нѣкоторыхъ событій изъ жизни Боккаччіо и его нѣкоторыхъ сочиненій[1]), хотя его усилія доказать, что авторъ Декамерона родился не въ Парижѣ, а въ Италіи, и не былъ незаконнорожденнымъ, нельзя признать удачными по результатамъ и важными по значенію самаго вопроса[2]). Не лишены нѣкотораго значенія тѣ отдѣлы, гдѣ авторъ даетъ перечень миссій Боккаччіо, а также его портретовъ[3]). Коротенькій анализъ писемъ ровно ничего не прибавляетъ къ полемикѣ объ ихъ подлинности, которая была вызвана появленіемъ книги Чампи[4]). Самую интересную часть введенія составляетъ попытка Кораццини выяснить духовную физіономію Боккаччіо и указать его мѣсто въ исторіи движенія[5]).

Желая выставить въ надлежащемъ свѣтѣ личность Боккаччіо, искаженную „старыми предразсудками", Кораццини по временамъ затемняетъ ее совсѣмъ новыми, особенно свойственными гражданину объединенной Италіи. Онъ защищаетъ Боккаччіо противъ „всѣхъ монаховъ прежнихъ, настоящихъ и *будущихъ*" отъ обвиненія въ безбожіи и въ общемъ вѣрно обрисовываетъ его религіозныя воззрѣнія[6]). Но, опираясь на два случайныхъ выраженія Боккаччіо, Кораццини представляетъ его сознательнымъ противникомъ вмѣшательства церкви въ политическія дѣла и духовенства въ семейныя[7]). Едва ли можно допустить однако,

---

отдѣлы II De' suoi primi anni (p. XVI—XVIII), V — Relazione coll' Acciaioli e col Nelli (p. XLIX—LII) и VII Come a lui si debba il risorgimento delle Lettere greche (p. LIX—LXIII).

1) III Del suo innamoramento e delle sue prime opere, p. XVIII—XXIII и въ особенности VIII — Gommenta publicamente la Divina Commedia, p.LXIV—LXV, гдѣ онъ доказываетъ цитатами изъ сонетъ, что кромѣ слабости здоровья, Боккаччіо побудили отказаться отъ каѳедры упреки и порицанія враждебныхъ ему критиковъ. Вліяніе этихъ упрековъ на отказъ отъ каѳедры остается гипотезой; но самый фактъ ихъ существованія весьма характеренъ и впервые подмѣченъ Кораццини. Вопросъ объ автографахъ XV, p. LXXXV—LXXXVII оставленъ безъ опредѣленнаго рѣшенія.

2) I p. 8—13.

3) VI. Ambascerie, p. LII—LIX и XVI Dei ritratti di M. G. B. LXXXVII—XCVIII.

4) Отдѣлы X—XIV, p. LXXVI—LXXXV.

5) IX. Ritratto di Messer Giovanni, p. LXVI—LXXVI.

6) Ibid. p. LXVII—LXVIII.

7) Contrario all' intromittenza della Chiesa nelle cose civili e del clero nelle famiglie p. LXVIII. Выраженія Боккаччіо не оправдываютъ однако, по крайней мѣрѣ, второй половины этого положенія. Одно изъ нихъ взято изъ посвященія Cavalcanti книги De Casibus virorum, гдѣ говорится: Vidi ex sacerdotalibus infulis galeas, ex pastoralibus baculis lanceas, ex sacris vestibus loricas n quietem et libertatem innocentium conflare, ambire martialia castra, incendiis,

чтобы такой покорный гражданинъ гвельфской республики XIV столѣтія, какъ Боккаччіо, былъ сторонникомъ такого рѣзкаго разграниченія между церковью и государствомъ. Боккаччіо высоко ставилъ духовный авторитетъ папы, какъ это признаетъ и Кораццини, и его нападки ограничивались только чисто моральными требованіями. Между тѣмъ Кораццини читаетъ по этому поводу нотацію вмѣстѣ съ Боккаччіо и современнымъ католикамъ. „Почитая папство, — говоритъ онъ, — они сдѣлали и дѣлаютъ невозможное различіе между духовнымъ и свѣтскимъ, какъ бы не зная, что оно — институтъ по существу политическій и религіозный только по внѣшности и снаружи. Предъявлять требованіе, чтобы папы менѣе занимались свѣтскими дѣлами — это значитъ требовать, чтобы они сами себя разрушали“ [1]). Боккаччіо еще простительно было заблуждаться, потому что „тогда Силлабусъ, Энциклика и Соборъ еще не уничтожили всякихъ экивоковъ и не и не показали ясно, что доктрины римской куріи нельзя примирить съ цивилизаціей, свободой, наукой, моралью и родиной“ [2]). Среди этихъ разсужденій Кораццини позабылъ, что онъ написалъ свое введеніе, потому что другіе „обсуждали Боккаччіо по нормѣ идей и мнѣній иныхъ временъ“.

Подобный же предразсудокъ проявляется еще рѣзче въ объясненіи морали Боккаччіо. Кораццини совершенно вѣрно подмѣтилъ въ немъ цѣлый рядъ противорѣчій. Онъ стыдился только Декамерона, а не Фіамметты и не Corbaccio; онъ отказался составить панегирикъ Аччайуоли и осыпалъ похвалами королеву Іоанну, писалъ сатиры на духовенство и завѣщалъ свои книги монаху, не хотѣлъ жениться и имѣлъ женщину и сыновей отъ нея; ради независимости не бралъ должностей и потомъ жаловался на бѣдность. Всѣ эти противорѣчія, мнимыя и дѣйствительныя, находятъ себѣ объясненіе отчасти въ условіяхъ времени, отчасти въ личномъ характерѣ Боккаччіо и во внѣшнихъ обстоятельствахъ его жизни. Иное объясненіе даетъ Кораццини. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Боккаччіо, какъ и огромное большинство образованныхъ людей, страдалъ отъ вліянія

---

violentiis, et christiano sanguine fuso laetari, satagentesque adversus veritatis verbum dicentis: „regnum meum non est de hoc mundo“ orbis imperium occupare (I Coraz. p. 364). Здѣсь идетъ рѣчь только о злоупотребленіяхъ свѣтской власти духовенства, и не видно, чтобы авторъ отрицалъ ее въ корнѣ. Другое мѣсто изъ письма къ Pizzinghe. Inspice, quo Romanum corruerit Imperium, quid sit spectare ipsam Romam, dudum rerum dominam, tristi Pharisaeorum sub jugo torpentem. (Ibid. p. 197). То же самое можно сказать и объ этой цитатѣ.

[1]) Introd. p. LXVIII.

[2]) Ibid. p. LXVIII—LXIX.

церковной силы, проникающей въ семью и гражданское общество или, выражаясь точнѣе, отъ ея дѣйствія, направленнаго на разрушеніе семьи и общества къ исключительной выгодѣ теократіи. Для нея единственное абсолютное и нерушимое (imprescrittibile) право — право церкви, и единственная и истинная мораль — мораль выгодная и удобная для римской куріи. Это губительное вліяніе искажало индивидуальный характеръ и препятствовало внутренней свободѣ гражданскаго развитія тѣхъ націй, которыя переносили и переносятъ болѣе или менѣе мирно печальное и постыдное (vituperevole) иго. *Отсюда я объясняю противорѣчія нашего автора*"[1]). Если въ отношеніи къ семьѣ и къ монашеству и повинны нѣсколько прямо или косвенно церковныя традиціи, то найти связь между вліяніемъ папства и другими противорѣчіями Боккаччіо не представляется ни малѣйшей возможности[2]).

Кораццини пытается и точно такъ же безъ особеннаго успѣха выяснить политическіе идеалы Боккаччіо. Его утвержденіе, что Боккаччіо превосходилъ патріотизмомъ Петрарку, совершенно произвольно[3]), и противорѣчитъ съ космополитическимъ письмомъ къ Пино де'Росси, которое онъ самъ же цитируетъ и которое служитъ первымъ проявленіемъ позднѣйшаго гуманистическаго настроенія[4]). Нельзя согласиться также и съ тѣмъ мнѣніемъ, что въ Боккаччіо жила „великая идея нашей Италіи, великой родины", и что она была только „за-

---

1) Ibid. p. LXIX—LXX.

2) Для отношенія Кораццини къ біографамъ Боккаччіо, если они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ церкви, характерна также слѣдующая тирада. „Il Tiraboschi, *con tuta gesuitica gravità*, ci conta: „E certo però che molte fra le opere del Boccacio, ed il suo Decamerone singolarmente lo mostrano uomo di non troppo onesti costumi". E Monsignore Fontanini lo accusa di rilassato e di mal costume, e lo sgrammaticato Betussi di molta libidine. Cotesti Monsignori, prelati e abbati non dicono nulla degli amoreggiamenti del Petrarca, delle sue donne, dei suoi figli; perchè l'aretino non scrisse novelle coutro il mal costume dei cherici, e velò di un sotil velo d'ipocrisia i suoi non meno illegitimi amori. Ma dinanzi alla storia canonici e laici sono tutti equali e le azioni loro giudicate ad una stregua" (p. LXXII—LXXIII).

3) Come patriota, fu più grande del Petrarca, non minore delle' Allighieri (p. LXXII). Также нѣсколько произвольной кажется сравнительная оцѣнка ихъ поэтическаго генія. Come poeta, nell' invenzione superò il primo, non fu inferiore al secondo. Il Decamerone sta di fronte alla Divina Commedia e molto al disopra del Canzoniere, quanto le pitture della Sistina alle dolci imagini di Frate Angelico (Ibid.). Едва ли можно сравнивать такимъ образомъ Декамерона съ лирическимъ произведеніемъ и сопоставлять съ новеллами величественную поэму Данте, одно изъ величайшихъ произведеній всемірной литературы.

4) Кораццини и за этотъ космополитизмъ готовъ обвинять только церковь. Nè è da pensare, говоритъ онъ, che il cosmopolitismo cattolico estinguesse in

душена муниципальнымъ патріотизмомъ" [1]). Правда, Корацціни видитъ въ Боккаччіо стремленіе только къ національному единству, а не къ политическому [2]), но эта идея не была новой въ это время и отлично ладилась съ формальнымъ „муниципальнымъ патріотизмомъ", который составлялъ существенное отличіе Боккаччіо отъ его руководителя.

Одновременно съ полнымъ собраніемъ переписки Боккаччіо вышла его біографія, написанная *Маркомъ Ландау* [3]). Книга Ландау представляетъ собою не только изложеніе фактовъ изъ жизни Боккаччіо, но и разборъ его произведеній въ связи съ біографіей. Авторъ тщательно собралъ немногочисленныя біографическія данныя, съ критической осторожностью ихъ сопоставилъ и весьма живо изложилъ заключающійся въ нихъ матеріалъ. Въ результатѣ получился интересно и художественно написанный біографическій очеркъ безъ педантическаго критицизма, но и безъ особенно глубокаго изображенія внутренней жизни Боккаччіо. Съ литературно-критической точки зрѣнія, на которой стоитъ Ландау, его книга вполнѣ удовлетворительно объясняетъ Боккаччіо, какъ итальянскаго поэта и беллетриста. Но какъ гуманистъ, Боккаччіо остается невыясненнымъ, и книга Ландау съ исторической точки зрѣнія оставляетъ желать весьма многаго. Прежде всего, мы почти не находимъ въ ней исторіи внутренней жизни Боккаччіо и даже обстоятельной характеристики его міросозерцанія въ связи съ эпохой. Даже наталкиваясь на проявленіе теченія, характернаго для эпохи, Ландау старается объяснить его чисто индивидуальными и случайными причинами. Такъ, напримѣръ, по его мнѣнію, Боккаччіо не сдѣлался юристомъ только вслѣдствіе ошибки его отца. „Неаполь, иронически замѣчаетъ онъ, столица могущественнаго королевства, съ традиціями велико-греческой культуры, съ дыханіемъ восточнаго воздуха, вѣющаго изъ Сициліи, съ его богатствомъ, веселыми дамами при дворѣ и въ дворцахъ знати, — былъ какъ разъ подходящимъ пунктомъ, чтобы внушить молодому поэту вкусъ къ юридическимъ занятіямъ. Поэтому старый Боккаччіо *долженъ былъ приписать только самому себѣ*, если его сынъ, вмѣсто прилежнаго изученія декре-

lui (p. XXIV). И у Боккаччіо, и у позднѣйшихъ гуманистовъ космополитизмъ не стоитъ въ связи съ церковью ни по психической основѣ, ни по нравственному оправданію.

[1]) Introd. p. LXXIII и LXXIV.

[2]) Ibid. Корацціни утверждаетъ, что, кромѣ Данте, всѣ современники Боккаччіо имѣли l'idea di unità etnica, ma non politica, che vedessero un Italia geografica, ma non una nazione, non uno Stato italiano Ibid. p. LXXIV. По отношенію къ Петраркѣ это совершенно не вѣрно.

[3]) *Marcus Landau, Giovanni Boccaccio, sein Leben und seine Werke. Stuttgart 1877, VI+262.*

талій, ухаживалъ за хорошенькими женщинами и писалъ романы и лирическія стихотворенія"[1]). Причина лежала, очевидно, глубже: Боккаччіо подъ старость бросилъ поэзію, но обратился не къ праву, а къ древностямъ. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Ландау на молодости Боккаччіо и на отношеніи къ Фіамметтѣ. Онъ посвящаетъ цѣлую главу описанію тогдашняго Неаполя[2]), въ другой обстоятелно разсказываетъ исторію любви Боккаччіо[3]), при чемъ съ большой ученостью устанавливаетъ день, когда онъ влюбился[4]). Но и эта исторія изложена чисто внѣшнимъ образомъ, хотя какъ мы видѣли, произведенія Боккаччіо даютъ матеріалъ и для изображенія его внутренняго состоянія. Такъ же мало выясняетъ Ландау значеніе дружбы Боккаччіо и Петрарки. По его мнѣнію, дружба замѣнила любовь, „та дружба, о которой Корнель говоритъ, что она даръ боговъ — дружба великаго человѣка"[5]), и разсказываетъ исторію внѣшнихъ отношеній обоихъ гуманистовъ. Въ біографіи мы не находимъ ни выясненія причинъ этой связи, ни сравнительной характеристики обоихъ друзей, хотя Ландау первый указалъ на различіе ихъ политическихъ стремленій[6]), и это составляетъ его несомнѣнную заслугу.

Больше вниманія обращаетъ Ландау на политическую дѣятельность Боккаччіо, которой онъ посвящаетъ особенную главу[7]). „Если мы будемъ внимательно разсматривать тенденціи итальянскихъ патріотовъ XIV вѣка", говоритъ онъ, „то замѣтимъ два различныхъ направленія. Оба они имѣютъ окончательной цѣлью единство и свободу Италіи, но различаются другъ отъ друга тѣмъ, что одно желаетъ достигнуть свободы чрезъ единство, другое — единства чрезъ свободу[8])." Ко второму направленію принадлежалъ, по его мнѣнію, между прочими и Боккаччіо[9]). Къ сожалѣнію, это остроумное различіе брошено мимоходомъ и голословно; по отношенію къ Боккаччіо оно и не можетъ быть доказано. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ гвельфъ и искренній сторонникъ республиканскихъ учрежденій для Флоренціи. По всей видимости, и вообще республиканская форма была ему симпатичнѣе монархической, хотя онъ относился съ большимъ сочувствіемъ

---

1) Ibid. p. 6.
2) II. Neapolitanische Staats- und Hofgeschichten, p. 8—22.
3) III. Liebes- und Studien in Neapel, p. 22—42.
4) Ibid. p. 31—32.
5) Ibid. p. 110.
6) Ibid. p. 115 и слѣд.
7) IX. Politische Thätigkeit.
8) Ibid. p. 117.
9) Ibid. p. 118 и 173.

къ Роберту Неаполитанскому; но нигдѣ въ сочиненіяхъ Боккаччіо мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда какой-либо програмы для достиженія „единства черезъ свободу". Самое отношеніе его къ Флоренціи не вполнѣ выяснено до сихъ поръ его біографами. Боккаччіо то принимаетъ на себя разныя дипломатическія миссіи, то удаляется отъ дѣлъ, рѣзко осуждая политику роднаго города и даже рекомендуя Пино де'Росси принципъ ubi bene, ibi patria, то снова возвращается къ политическимъ дѣламъ. Ландау разсказываетъ всѣ эти перипетіи, перечисляетъ всѣ миссіи[1]), но не выясняетъ причинъ мѣняющагося отношенія къ Флоренціи. Правда, прямыхъ указаній на это нѣтъ; но перемѣны, происходившія за это время въ республикѣ, могутъ служить косвеннымъ источникомъ для выясненія политическихъ стремленій Боккаччіо.

Также мимоходомъ касается Ландау гуманистическаго значенія Боккаччіо. Въ весьма характерной для всей книгѣ тирадѣ онъ объявляетъ „праздными вопросами, какъ далеко простиралось знаніе греческаго языка у Боккаччіо и много ли уже ранѣе его было въ Италіи людей, понимавшихъ по-гречески. Весьма возможно, что было много теологовъ, которые учились по-гречески, чтобы быть въ состояніи спорить о filioque съ византійскими монахами; возможно, что многіе венеціанскіе и генуэзскіе купцы научились по-гречески, чтобы лучше можно было торговаться съ византійскими негоціантами; но, что для насъ имѣетъ рѣшительное значеніе, — чтобы быть въ состояніи читать Гомера и Платона, для этого не учился по-гречески ни одинъ итальянецъ до Петрарки и Боккаччіо. Оба друга подготовили почву, на которой черезъ столѣтіе (?) роскошно поднялся великолѣпный посѣвъ гуманизма, при чемъ, конечно, выросло много и сорной травы. Но именно вслѣдствіе того, что лица признанной католической ортодоксальности снова ввели въ жизнь древнюю литературу, она нашла радушный пріемъ даже при папскомъ дворѣ и, при содѣйствіи и поддержкѣ князей и кардиналовъ, быстро окрѣпла въ обновленной силѣ. И противъ такого піонера Ренесанса съ педантической серьезностью выставляютъ упрекъ, что онъ дурно понялъ одно мѣсто у Тацита или далъ неправильную этимологію одного греческаго слова"[2])! Отдѣлавшись такимъ общимъ замѣчаніемъ, Ландау и не ставитъ вопроса о томъ, что̀ заставило Боккаччіо обратиться къ древности и что онъ вынесъ

---

[1]) Самыя миссіи не имѣютъ особаго интереса для біографіи Боккаччіо, такъ какъ его реляціи флорентійскому правительству утрачены.

[2]) Giov. Bocc., p. 200.

изъ знакомства съ нею. Его переходъ отъ итальянской поэзіи къ латинской прозѣ остался не мотивированнымъ. Предпослѣднюю главу своей книги Ландау озаглавилъ „Boccaccio's Bekehrung“, но самъ же признаетъ, что пресловутая миссія Чани оказала на него только мимолетное дѣйствіе и что собственно никакого переворота не было[1]). Точно такъ же не выяснилъ Ландау связи между итальянскими и латинскими произведеніями Боккаччіо и не указалъ ихъ внутренняго сходства по настроенію.

Значительная часть книги Ландау занята разборомъ произведеній Боккаччіо[2]) съ литературно-критической точки зрѣнія. Ландау даетъ обыкновенно коротенькое изложеніе содержанія каждаго сочиненія, указываетъ его изданія, переводы и обработки, разсматриваетъ отношеніе Боккачіо къ источникамъ и дѣлаетъ критическую оцѣнку произведеній. Панегирическій тонъ, столь обычный у біографовъ выдающихся личностей, совершенно чуждъ Ландау. Его отзывы почти всегда очень мѣткіе, часто весьма остроумные, а иногда очень злые[3]), грѣшатъ скорѣе излишней строгостью, чѣмъ снисходительностью. Культурно-историческая и даже автобіографическая оцѣнка произведеній Боккаччіо встрѣчается сравнительно рѣдко[4]), литературная точка зрѣнія преобладаетъ даже при разборѣ его латинской прозы. Вслѣдствіе этого книга Ландау не уничтожила потребности культурно-историческаго изслѣдованія жизни и сочиненій одного изъ первыхъ гуманистовъ. Какъ литературная біографія, написанная въ высшей степени талантливо и блестяще, она можетъ служить весьма важнымъ пособіемъ при изученіи ранняго гуманизма Съ этой точки зрѣнія еще большій интересъ представляетъ ея неоконченный до сихъ поръ итальянскій переводъ, сдѣланный *Камилло Антона-Траверси*[5]).

---

[1] Ibid. p. 208.

[2]) Изъ 14 главъ книги (считая Anhang) 7 цѣликомъ посвящены книгамъ Боккаччіо и 3 наполовину заняты разборомъ его произведеній.

[3]) См. напр., разборъ Filocopo (p. 51—54), Ameto (p. 58—64), Teseide (p. 75—76; 77—78) Filostrato (p. 83—95).

[4]) Мы разсмотрѣли эти мѣста при разборѣ сочиненій Боккаччіо. См. кромѣ того, разборъ Corbaccio (p. 175—179), гдѣ Landau слѣдитъ за измѣненіемъ отношенія Боккаччіо къ женщинѣ.

[5]) *Giovanni Boccaccio, sua vita e sue opere del dottor Marco Landau. Traduzione di Camillo Antona-Traversi approvata e ampliata dall'autore, aggiuntovi prefazione e osservazioni critiche del traduttore, l'intiera biografia delle opere e delle lettere del Boccaccio, non che altri documenti e una larga esposizione dei più recenti lavori Boccaceschi. In Napoli 1881, XV+476. Dispensa seconda. In Napoli 1882 477+970.* Появившіеся до сихъ поръ

Дополненія сдѣланныя къ переводу авторомъ, незначительны; но большую цѣну имѣютъ обширныя примѣчанія переводчика. Траверси держится въ своемъ комментаріи такого плана. Во-первыхъ, онъ цѣликомъ выписываетъ мѣста изъ Боккаччіо и современниковъ, на которыя ссылается Ландау, такъ что его примѣчанія представляютъ собою цѣлую хрестоматію. Во-вторыхъ, всѣ факты изъ біографіи Боккаччіо, возбуждающіе какое-нибудь сомнѣніе[1]), разсмотрѣны съ величайшимъ вниманіемъ. Траверси сводитъ всѣ мѣста изъ произведеній Боккаччіо, имѣющія какую-нибудь цѣну для даннаго вопроса[2]), разбираетъ взгляды не только Ландау, но и всей наличной литературы. Особенную цѣну при этомъ имѣютъ обширныя хронологическія изслѣдованія относительно біографическихъ фактовъ и произведеній Боккаччіо[3]). Точно такъ же онъ поступаетъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя играли роль въ жизни Боккаччіо[4]). Въ-третьихъ, наконецъ, онъ сопоставляетъ критическіе отзывы Ландау о сочиненіяхъ Боккаччіо съ мнѣніями другихъ писателей, при чемъ цитируетъ иногда и неизданныя произведенія — лекціи неаполитанскихъ профессоровъ[5]). Вслѣдствіе этого книга Траверси представляетъ собою цѣлую энциклопедію свѣдѣній о Боккаччіо, расположенныхъ въ порядкѣ біографіи Ландау, и этимъ исчерпывается ея значеніе. Самостоятельнаго цѣльнаго взгляда на личность Боккаччіо и на его мѣсто въ гуманистическомъ движеніи мы не находимъ въ примѣчаніяхъ Траверси. Въ качествѣ переводчика онъ стоитъ на той же самой литературно-исторической точкѣ зрѣнія, какъ и Ландау, что уменьшаетъ цѣну его книги для изученія исторіи Ренесанса. Его разногласія съ оригиналомъ, весьма впрочемъ многочисленныя, касаются или біографическихъ мелочей[6]) или эстетической оцѣнки

два тома почти въ 1000 страницъ формата большой четверки заключаютъ въ себѣ только переводъ и примѣчанія къ первымъ 10 главамъ. Остальной переводъ и обѣщанныя переводчикомъ приложенія, кромѣ предисловія, еще не появились.

[1]) Траверси не останавливается въ такихъ случаяхъ ни передъ какими мелочами. Примѣч. 23, напр. начинается такъ (p. 83) Sembra a noi aliquanto strano che si possa dubitare della biondezza de'capelli di Maria etc. и далѣе слѣдуетъ ученое доказательство, что Фіамметта была блондинка.

[2]) См. напр., мѣста объ отношеніи Боккаччіо къ отцу и родинѣ, p. 420—424.

[3]) См. напр., p. 429—30; p. 881—928 и passim.

[4]) Такъ, напр., онъ сводитъ различныя мнѣнія о Робертѣ Неаполитанскомъ, p. 39—42.

[5]) Особенно часто Zumbini см. p. 208, 223 и 255 и passim а также Erasmo Percopo, p. 216.

[6]) Напр., о характерѣ путешествія Боккаччіо въ Равенну, p. 711 и passim.

сочиненій Боккаччіо, въ которой онъ раздѣляетъ болѣе снисходительные приговоры университетскаго курса Дзумбини[1]). Наконецъ, переводъ и примѣчанія прерываются на послѣднихъ главахъ книги Ландау, въ которыхъ разсматривается латинская проза Боккаччіо и которые имѣютъ по своему содержанію особенно важное значеніе для исторіографіи Ренесанса.

Въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ, послѣ выхода въ свѣтъ книги Ландау, появилось нѣсколько новыхъ монографій о Боккаччіо. Выше мы разсмотрѣли тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ въ виду преимущественно его произведенія и ихъ изученіемъ подготовляютъ его научную біографію. Непосредственно біографіи Боккаччіо посвящена за это время только одна сравнительно крупная работа *Ренье*, который разсматриваетъ главнымъ образомъ отношеніе автора Декамерона къ Фіамметтѣ[2]). Общую оцѣнку дѣятельности Боккаччіо мы находимъ только въ появившихся въ это время сочиненіяхъ по исторіи Ренесанса, Сэймондса, Геттнера и Жебара[3]). Сэймондсъ идетъ по слѣдамъ Фогта въ отношеніи къ гуманнистической дѣятельности автора Декамерона, поскольку она выразилась въ его латинскихъ произведеніяхъ. По его мнѣнію, Боккаччіо въ полномъ смыслѣ слова креатура Петрарки. „Возбуждаемый его блестящей репутаціей, — говоритъ Сэймондсъ, — Боккаччіо еще молодымъ человѣкомъ началъ читать классическихъ авторовъ“[4]). Это бездоказательное фактически положеніе

---

1) См. p. 163 и слѣд.; p. 171 и слѣд., и passim.

2) *Renier, La vita nuova e la Fiammetta. Torino e Roma 1879.* Разборъ его положеній у Körting'a (l. c. p. 523 и 560) и статья *Traversi, Francesco Petrarca, estimatore ed amatore di G. Boccaccio.* (Preludio 1880). Траверси же принадлежатъ: 1) *Sulla partia di G. Boccaccio* (Fanfulla della Domenica anno II. № 23). 2) *Della partia, della famiglia e della povertà di G. B.* (Въ Riv. Europ. 1881). 3) *Della partia di G. B.* (Giorn. Napol. di filos. e lett. 1881). 4) *Il Boccaccio in Napole presente al esame del Petrarca.* (Въ Preludio 1881). Всѣ эти статьи представляютъ собою защиту примѣчаній автора къ его переводу книги Landau (см. Jahresb. der. Geschichtswiss. 1885 IV p. 263).

3) Рѣчь *Hortis'a (Discorso per l'inaugurazione del monumento a G. B. in Certaldo. Firenze 1879)* по самому поводу произнесенія не можетъ претендовать на всестороннюю историческую оцѣнку значенія Боккаччіо. Замѣтка *Gnoli* по поводу большой книги Hortis'a и статьи Дзумбини о Филокопо *(Il Boccaccio umanista.* Nuov. Antol. 1880. Febr. 780 и слѣд.) слишкомъ общи и коротки, чтобы имѣть значеніе въ біографической литературѣ о Боккаччіо.

4) *Symonds,* Renaissance in Italy: the revival of learning. London 1877 p. 87. Фактически невѣрно другое положеніе автора, что in obedience to Petrarch's advice, Boccaccio in middle life applied himself to learning Greek (ibid. p. 90), потому что слѣды кое-какого знакомства Боккаччіо съ греческимъ языкомъ видны уже въ его раннихъ произведеніяхъ.

невѣроятно и по другимъ причинамъ: чувствуя себя поэтомъ по преимуществу, Боккаччіо естественно интересовался своими античными предшественниками. Не подлежитъ сомнѣнію, что Петрарка оказывалъ на него сильное вліяніе; но и оно само возможно было и фактически проявлялось только тамъ, гдѣ стремленія обоихъ гуманистовъ совпадали. Поэтому нельзя согласиться также и съ дальнѣйшимъ утвержденіемъ Сэймондса, „что для ученика достаточно было употреблять свой талантъ на пропаганду воззрѣній учителя, и такимъ образомъ вліяніе Петрарки было сообщено Флоренціи, гдѣ Боккаччіо постоянно пребывалъ“[1]). Выше мы видѣли, что Боккаччіо вовсе не былъ такимъ слѣпымъ приверженцемъ пѣвца Лауры, какъ думаетъ Фогтъ и за нимъ Сэймондсъ; что же касается до распространенія во Флоренціи его вліянія, то оно могло итти и дѣйствительно шло не только черезъ Боккаччіо.

Ученые труды автора Декамерона Сэймондсъ ставитъ чрезвычайно низко. „Совершенно чуждый оригинальности гуманистическаго идеала Петрарки, — говоритъ онъ, — Боккаччіо оставался въ лучшемъ случаѣ трудолюбивымъ собирателемъ фактовъ и анекдотовъ“. Кромѣ „неутомимой старательности“, весьма неудачной по результатамъ, Сэймондсъ не видитъ ничего въ латинской прозѣ Боккаччіо: исключеніе составляетъ только защита поэзіи, „весьма важная часть программы Петрарки“[2]). Гораздо справедливѣе относится онъ къ его итальянскимъ произведеніямъ, хотя здѣсь, какъ мы выше видѣли, онъ впадаетъ въ противоположную крайность, приписывая Боккаччіо сознательныя цѣли даже тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. По словамъ Сэймондса, „Боккаччіо занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи Возрожденія, благодаря новому духу, который онъ ввелъ въ народпую литературу. Онъ впервые свободно старается оправдать наслажденія плотской жизни, и его темпераментъ, не подавленный аскетизмомъ, нашелъ соотвѣтствующій (congenial) элементъ въ любовныхъ легендахъ древности“[3]). Сэймондсъ шире развилъ это положеніе въ своей „Итальянской литературѣ“, вышедшей нѣсколько позже. Здѣсь историческое значеніе итальянскихъ произведеній Боккаччіо формулировано весьма полно, хотя слишкомъ обще. „Изучая Боккаччіо, — говоритъ онъ, — мы изучаемъ духъ двухъ ближайшихъ столѣтій въ его незрѣлости... Онъ освободилъ натуральные инстинкты отъ аскетическаго запрещенія и отъ мистицизма трансцендентальной

---

1) Ibid. p. 90.
2) Ibid. p. 94.
3) Ibid. p. 97.

школы. Онъ изложилъ слабыя стороны рыцарскаго романа и лицемѣріе монашества съ насмѣшкою, болѣе губительною, чѣмъ сатира или инвектива. Онъ возстановилъ значеніе реализма въ искусствѣ и литературѣ, изображая міръ такимъ, какъ онъ его находилъ, — чувственнымъ, пошлымъ (base), комическимъ, корыстолюбивымъ, патетическимъ, нѣжнымъ, жестокимъ — со всѣми его жестокостями и противорѣчіями. Онъ замѣнилъ абстракціи аллегоріи конкретнымъ фактомъ... Онъ училъ своихъ земляковъ, что жизнь ученаго равнодушія предпочтительнѣе борьбы партій и шума битвъ“[1]). Только послѣднее положеніе, какъ мы видѣли, подлежитъ значительному ограниченію; но секуляризація натуральныхъ склонностей человѣка и жизни — несомнѣнный фактъ въ настроеніи и произведеніяхъ Боккаччіо, и Сэймондсъ совершенно вѣрно подчеркиваетъ, что это не индивидуальная особенность автора Декамерона, а „знакъ въ литературѣ, что итальянск общество вступило въ новый фазисъ и что старый порядокъ уже миновалъ“[2]). Къ этой характеристикѣ Боккаччіо Сэймондсъ прибавляетъ еше двѣ тоже совершенно вѣрныя черты: преклоненіе передъ „интеллектуальной силой“, что сказалось въ его культѣ Данте и Петрарки, и поклоненіе красотѣ „не интеллектуальнаго и идеальнаго порядка, а чувственной и реальной, красотѣ, которая вдохновляла артистовъ и поэтовъ послѣдующихъ столѣтій“, „Отъ этого служенія красотѣ, — говоритъ Сэймондсъ, — онъ получалъ наибольшій импульсъ въ своей дѣятельности, какъ художникъ. Если у него былъ недостатокъ въ нравственномъ величіи, если ему недоставало философской глубины и религіозной серьезности, то его преданность (devotion) искусству была серьезна, интенсивна, глубока и исключительна (absorbing)“[3]). Эта характеристика подтверждается итальянскими произведеніями Боккаччіо, хотя и не исчерпываетъ ихъ историческаго значенія.

---

[1]) *Symonds*, Renaissance in Italy: Italian literature. London 1881, p. 99.

[2]) Ibid. p. 100. Только въ двухъ пунктахъ едва ли можно согласиться съ Сэймондсомъ. 1) признавая сознательныя цѣли въ новеллахъ, осмѣивающихъ нѣкоторыя явленія религіозной жизни (p. 112), онъ по поводу цитированной выше тирады замѣчаетъ: B. did not act consciously and with fixed purpose to these ends (p. 99), хотя этому противорѣчитъ предисловіе къ Giorn. IV въ Декамеронѣ. 2) Считая настроеніе Боккаччіо не индивидуальной особенностью, а общимъ явленіемъ въ тогдашнемъ итальянскомъ обществѣ, онъ подчеркиваетъ, что въ авторѣ Декамерона „соединилась кровь флорентійскаго купца и парижской гризетки“ (p. 100) и думаетъ, что условія его происхожденія deserve to be noted, since they bear upon temper of his mind and on the quality of his production (Ibid. p. 98).

[3]) Ibid. p. 102, 103.

Немногія страницы, которыя отводитъ Боккаччіо Геттнеръ, заняты главнымъ образомъ литературнымъ разборомъ его итальянскихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе Геттнеръ не только не отрицаетъ гуманистическаго значенія автора Декамерона, но и горячо возражаетъ противъ его характеристики, сдѣланной Фогтомъ. „Великая и неотъемлемая заслуга Боккаччіо, — говоритъ онъ, — и его рѣшительный перевѣсъ надъ Петраркой заключается въ томъ, что, въ то время какъ Петрарка вполнѣ исключительно ограничивался римской древностью, Боккаччіо не щадилъ никакихъ трудовъ и никакихъ издержекъ, чтобы проникнуть къ грекамъ“ [1]). Это, конечно, заслуга, но она ограничивается довольно безуспѣшными заботами о внѣшнемъ распространеніи греческаго языка. Что касается до самостоятельнаго знакомства съ греческой литературой, то съ одной стороны и Петрарка дѣлалъ попытки въ этомъ направленіи, а съ другой — лучшее знакомство съ ней Боккаччіо не дало ему никакого перевѣса надъ первымъ гуманистомъ ни въ научномъ, ни въ философскомъ отношеніи. Но Геттнеръ совершенно правъ въ общей характеристикѣ отношеній между обоими гуманистами. „Боккаччіо, — говоритъ онъ, — совершенно иначе сложившаяся натура, чѣмъ Петрарка; но въ ходѣ ихъ образованія поразительное сходство. И Боккаччіо — поэтъ приподнятаго чувства личности; и онъ въ болѣе позднемъ возрастѣ становится человѣкомъ строгой науки, который *самостоятельно* развиваетъ, дополняетъ въ весьма существенныхъ пунктахъ и расширяетъ стремленія своего великаго друга Петрарки“ [2]). Такъ же вѣрно и мѣтко характеризуетъ Геттнеръ отношеніе Боккаччіо къ древнему міру. По его словамъ, „пріемъ, посредствомъ котораго Боккаччіо старается оправдать и прославить бурную страсть Фіамметты постоянными образцами и сравненіями съ древними преданіями о богахъ и герояхъ, показываетъ, что для глубочайшихъ настроеній своей души, для своего глубоко-законнаго, хотя еще необузданнаго стремлѣнія къ всестороннему и полному развитію человѣческой природы онъ находилъ отвѣтъ и образецъ только въ свободномъ и подвижномъ человѣчествѣ древне-греческаго міра“ [3]). Геттнеру удалось точно формулировать двѣ существенныхъ стороны въ біографіи Боккаччіо; но въ его очеркѣ мы не находимъ никакихъ доказательствъ въ защиту его положеній.

Жебаръ не касается вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ Петрарки и Боккаччіо, но сравниваетъ ихъ роль въ исторіи движенія.

---

[1]) *Hettner,* Italienische Studien, p. 48—49.
[2]) Ibid. p. 41.
[3]) Ibid. p. 48.

„Боккаччіо занимаетъ по его словамъ, менѣе высокое мѣсто, чѣмъ Петрарка. Если онъ зналъ греческій языкъ немного лучше, за то онъ менѣе былъ проникнутъ латинскимъ геніемъ, и его вліяніе было менѣе глубоко“. Кромѣ того, „его умъ вовсе не обладалъ возвышенностью ума Петрарки“ [1]). Съ этими словами не трудно согласиться, если имѣть въ виду философско-научную сторону Ренесанса; но общее настроеніе гуманической массы нашло въ Боккаччіо болѣе рельефное выраженіе, чѣмъ въ Петраркѣ. Самъ Жебаръ не аргументируетъ своего положенія: его коротенькій очеркъ заключаетъ въ себѣ только чисто индивидуальную характеристику Боккаччіо [2]) да литературный разборъ нѣкоторыхъ его произведеній.

Самымъ обстоятельнымъ біографомъ Боккаччіо остается до сихъ поръ *Густавъ Кёртингъ* [3]), авторъ разсмотрѣнной нами книги о Петраркѣ. Обширное изслѣдованіе Кёртинга представляетъ собою завершеніе предшествующей біографической литературы о Боккаччіо: авторъ тщательно собралъ всѣ до сихъ поръ извѣстные біографическіе факты, подвергъ критическому анализу сомнительные источники и недостаточно обоснованныя положенія позднѣйшей литературы, попытался выяснить міровоззрѣніе Боккаччіо и вліяніе на него среды, изложилъ содержаніе и далъ критическій разборъ его сочиненій. Словомъ, со стороны обстоятельности и общаго направленія книга Кёртинга вполнѣ могла бы удовлетворить ученымъ требованіямъ относительно внѣшнихъ предѣловъ изслѣдованія, если бы авторъ послѣдовательно держался своего метода и не злоупотреблялъ имъ въ иныхъ случаяхъ. Такъ, онъ описываетъ путь по желѣзной дорогѣ изъ Флоренціи на родину Боккаччіо, видъ городка Чертальдо, основаннаго въ нынѣшнемъ столѣтіи [4]) и т. п. По поводу пребыванія Боккаччіо въ Неаполѣ, онъ подробно описываетъ городъ, тогдашнія политическія событія, даетъ обстоятельную біографію Аччайуоли [5]) и все это въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ нужно для пониманія эклогъ Боккаччіо и нѣкоторыхъ фактовъ изъ его біографіи. Но мы не находимъ такого очерка тогдашней Фло-

---

[1]) *Gebhart,* Les origines de la Renaissance, p. 334.

[2]) Littérateur, *dillettante,* curieux de critique et portant dans la critique autant d'imagination que d'inexpérience, ésprit fort éveillé et libéral que le moyen âge occupe et que l'antiquité seduit, homme aimable et ami du plaisir... c'est un homme de conversation que le mouvement, la gaieté et licence d'une société polie mettent en belle humeur. Ibid. p. 336.

[3]) *Boccaccio's Leben und Werke von Dr. Gustav Körting, Leipzig 1880. XII+742 (Geschichte der Litteratur Italiens im Zeitalter der Renaissance. II. Band).*

[4]) Boccaccio's Leben, p. 63 и слѣд.

[5]) Ibid. p. 103—135.

ренціи, что было бы гораздо важнѣе въ виду различнаго отношенія Боккаччіо къ правительству родного города. Вслѣдствіе этого пробѣла политическая дѣятельность Боккаччіо и его отношеніе къ флорентійскимъ партіямъ такъ же мало выяснены въ книгѣ Кёртинга, какъ и у Ландау.

Еще рѣзче бросается въ глаза ненужный критицизмъ Кёртинга. По характеру источниковъ, біографія Боккаччіо требуетъ критической реконструкціи, а ихъ многочисленные пробѣлы наталкиваютъ на гипотезы. Но весьма часто подобныя попытки Кёртинга должны быть признаны неудачными. Мы видѣли уже, что его аргументы противъ подлинности Zibaldone и нѣкоторыхъ писемъ отличаются крайней шаткостью[1]). Весьма характерны такъ же его гипотезы о мѣстѣ рожденія Боккаччіо и объ отношеніи его къ Фіамметтѣ. По общепринятому мнѣнію, Боккаччіо родился въ Парижѣ, гдѣ его отецъ имѣлъ незаконную связь, и ребенкомъ былъ привезенъ въ Италію. Это мнѣніе основано на показаніяхъ самого Боккаччіо, но одинъ изъ раннихъ его біографовъ Виллани говоритъ, что мѣстомъ рожденія Боккаччіо былъ флорентійскій городъ Чертальдо[2]). Кёртингъ не согласенъ ни съ однимъ изъ этихъ показаній и считаетъ вопросъ очень важнымъ, потому, что въ случаѣ французскаго происхожденія Боккаччіо его біографу пришлось бы изслѣдовать вліяніе на его произведенія полугалльской крови[3]). Между аргументами противъ показаній самого Боккаччіо видное мѣсто занимаетъ, во-первыхъ, то соображеніе, что разсказъ о незаконномъ происхожденіи противорѣчитъ сыновнему долгу[4]), и, во-вторыхъ, что Боккаччіо не могъ знать исторіи своей матери[5]). Наконецъ, это мнѣніе кажется Кёртингу невѣроятнымъ и по существу: во-первыхъ, такъ не поступаютъ отцы съ незаконнорожденными дѣтьми, какъ отецъ Боккаччіо[6]); во-вторыхъ, онъ не могъ взять съ собою за Альпы по-

---

[1]) Критическая придирчивость Кёртинга къ сочиненіямъ Боккаччіо не помѣшала ему утверждать вопреки дѣйствительности, что біографія Петрарки написана Боккаччіо на итальянскомъ языкѣ. Ibid. p. 457.

[2]) Natus est in Certaldi oppido, quod octavo ac decimo milliario distat ab urbe Florentia.

[3]) Würde dann doch halbfranzösisches Blut in Boccaccio's Adern geflossen sein und wäre doch dann zu untersuchen, ob und in welchen Beziehungen er dadurch in seiner litterarischen Production beeinflusst worden ist. Boccaccio's Leben, p. 68.

[4]) Zunächst wäre es im höchsten Grade pietätslos, um nicht zu von Boccaccio gewesen, den frevelhaften Leichtsinn seines Vaters und die Leichtgläubigkeit seiner Mutter den Augen bloszulegen. Ibid. p. 69.

[5]) Ibid. p. 70.

[6]) Dass junge Männer nachdem sie ein Mädchen verführt und mit ihr ein Kind

терявшаго мать ребенка и, въ-третьихъ, наконецъ, мы не слышимъ жалобъ Боккаччіо на дурное обращеніе мачихи, какъ того слѣдовало ожидать[1]). Что касается до Виллани, то его показаніе Кёртингъ просто отрицаетъ, какъ ошибку, происшедшую отъ того, что въ Чертальдо жили предки Боккаччіо, фамилія Келлини[2]). Признавши недостаточно убѣдительными показанія самого Боккаччіо и его древнѣйшаго біографа, Кёртингъ поддерживаетъ одну старую гипотезу: Боккаччіо родился на Pozzo Toscanelli во Флоренціи, потому что онъ всегда называетъ этотъ городъ своимъ отечествомъ и потому еще, что это утверждается въ одномъ сонетѣ, который преписывается нѣкому Аккетини, хотя, можетъ быть, онъ принадлежитъ и другому поэту. „Мы думаемъ, говоритъ Кёртингъ, что на основаніи приведенныхъ вѣскихъ фактовъ безусловно слѣдуетъ признать Флоренцію мѣстомъ рожденія Боккаччіо“[3]).

Совершенно такимъ же характеромъ отличается критическое изслѣваніе о томъ, пользовался ли Боккаччіо взаимностью Фіамметты и доходила ли эта взаимность до грѣха[4]) Самъ Боккаччіо разсказываетъ объ этомъ различно: въ сонетахъ онъ жалуется на свои неудачи, а въ романахъ подъ прозрачной аллегоріей изображаетъ успѣхъ и побѣду. Кёртингъ болѣе довѣряетъ стихотвореніямъ, хотя они написаны были въ подражаніе Петраркѣ и предназначены для Маріи д'Аквино и ея кружка, и рѣшаетъ вопросъ отрицательно. Этотъ выводъ, сомнительный по существу, ничего не даетъ для біографіи Боккаччіо. Если побочная дочь короля Роберта и была діаметрально противоположна своей законнорожденной сестрѣ — королевѣ Іоаннѣ, то автора Декамерона никто уже не заподозритъ въ платонизмѣ, все равно пользовался ли онъ взаимностью Фіамметты или въ этомъ случаѣ его любовь была неудачна. Но несмотря на отдѣльные случаи неудачнаго примѣненія правильнаго метода, критицизмъ Кёртинга одна изъ лучшихъ сторонъ его книги. Мы видѣли уже, что по отношенію къ источникамъ онъ приводитъ къ важнымъ и вѣрнымъ выводамъ. То же самое можно сказать относительно біографическихъ фактовъ. Такъ, Кёртингъ мастерски доказываетъ ошибочность утвержденія, „что Боккаччіо подъ старость сдѣлался священникомъ и даже пошелъ въ монахи“[5]), и

---

gezeugt haben, sich des Kindes annehmen und dasselbe als das ihre aufziehen, ist erfahrungsgemäss eine leider nur selten vorkommende Thatsache. Ibid. p. 73.

1) Ibid.

2) Ibid. p. 79.

3) Ibid. p. 80.

4) Ibid. p. 257—62.

5) Ibid. p. 271—274.

устанавливаетъ нѣсколько хронологическихъ датъ, весьма важныхъ для его біографіи[1]).

Далѣе, Кёртингъ ясно понимаетъ, что задача научной біографіи не ограничивается внѣшними фактами, но требуетъ исторіи внутренней жизни, которая въ значительной степени опредѣляется окружающей средой. Но выполнить эту задачу ему далеко не всегда удается. Такъ, жизнь Боккаччіо въ отцовской семьѣ и ея вліяніе на его настроеніе изложены превосходно[2]), но для этого очень много автобіографическаго матеріала и иногда весьма краснорѣчиваго, какъ, напр., одно мѣсто въ Генеалогіи[3]). Кёртингъ не останавливается однако на одномъ описаніи и выводитъ изъ условій семейной жизни Боккаччіо „слабость и непостоянство въ его дѣйствіяхъ“ и „недостатокъ довѣрія къ себѣ“[4]), хотя подъ вліяніемъ успѣшной борьбы съ отцомъ могли развиться какъ разъ противоположныя свойства. Но если въ данномъ случаѣ оцѣнка вліянія среды страдаетъ произвольностью, то въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, при обширномъ описаніи неаполитанской жизни, она совершенно отсутствуетъ, такъ что самое изображеніе современнаго общества является чисто внѣшнею и ненужной приставкой. Кромѣ того, самый пріемъ — ставить біографическіе факты въ связь съ общественной жизнью — проведенъ далеко непослѣдовательно: отмѣченное уже нами отсутствіе изображенія флорентійской среды чувствуется весьма живо въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ біографіи. Точно такъ же поступаетъ Кёртингъ и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, съ которыми былъ болѣе или менѣе близокъ Боккаччіо: даетъ обстоятельную біографію Аччайуоли по книгѣ Танфани и ничего не говоритъ объ Орделлаффи и Полента.

Внутренней исторіи міросозерцанія и настроенія Боккаччіо мы не находимъ въ книгѣ Кёртинга и не совсѣмъ по винѣ автора. Въ сочиненіяхъ Боккаччіо различныхъ эпохъ отражается нѣкоторая перемѣна настроенія, которая обусловливалась болѣе возрастомъ, чѣмъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни или измѣнившихся взглядовъ. Его внутренняя жизнь не была такъ богата, какъ жизнь Петрарки, и основные вопросы философіи и морали не особенно его тревожили. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ имѣетъ эпизодъ съ монахомъ Чани, который по порученію умершаго святаго Пьетро

[1]) См. напр., p. 107, 163 и passim.
[2]) Ibid. p. 85 и слѣд.
[3]) Lib. XV c. 10.
[4]) Boccaccio's Leben, p. 99.

Петрони испугалъ Боккаччіо адскими муками за его итальянскую поэзію. Кёртингъ изображаетъ вліяніе этого эпизода довольно неопредѣленно. „1361 годъ, говоритъ онъ, образуетъ важный поворотный пунктъ въ жизни Боккаччіо и можетъ быть названъ хотя и не въ самомъ безусловномъ смыслѣ (nicht im unbedingtesten Sinne), годомъ его „обращенія". Обращеніе во всякомъ случаѣ въ немъ произошло, хотя и не такое, которое измѣнило бы все существо и поставило бы на совершенно новые пути: Средніе вѣка не побѣдили и не подавили въ немъ Ренесанса, но обѣ культурныя формы пошли такъ сказать на компромиссъ другъ съ другомъ, такъ что здѣсь, какъ бы въ видѣ предзнаменованія внутри индивидуума произошло то, что позже случилось со всѣми народами[1])." Мы ожидали бы, что это положеніе будетъ подтверждено указаніями на слѣды переворота въ сочиненіяхъ Боккаччіо; но Кёртингъ указываетъ только проявленіе наступающей старости, да и то преувеличиваетъ ея вліяніе. „Вмѣстѣ съ своимъ „обращеніемъ" онъ сдѣлался совершеннымъ старикомъ. Наслажденіе жизнью, веселая способность къ удовольствіямъ, пріятное легкомысліе, которому онъ служилъ въ ранніе годы — все это съ этихъ поръ было у него отнято. Его мысль и стремленія обратились, если не исключительно, то преимущественно, къ серьезнымъ религіознымъ предметамъ и прежде всего къ заботѣ о спасеніи души. Его поэтическая сила была сломлена и если что отъ нея осталось, то онъ не рѣшался приложить къ созданію болѣе крупныхъ произведеній: для него довольно было сочинить пѣсенку или написать невинную новелетту. Онъ обладалъ еще склонностью и способностью только къ учено-научной работѣ, при которой онъ не могъ бояться попасть на путь нравственныхъ заблужденій. Ей посвятилъ онъ свои часы досуга и чрезъ нее оставался въ постоянной связи съ свѣтской жизнью и стремленіями. Но это былъ трудъ гораздо болѣе пассивнаго собиранія и накапливанія филологическаго и историческаго матеріала, чѣмъ самостоятельнаго, производительнаго творчества: поэтъ вполнѣ сдѣлался ученымъ, который остерегался снять узду съ своей фантазіи"[2]). Понятно и естественно, что настроеніе Боккаччіо, которому было уже подъ 50 лѣтъ, съ годами измѣнилось; для этого не нужно было никакого переворота. Точно также не Чани былъ виною того, что его поэтическое творчество ослабѣло. Боккаччіо самъ сознавалъ это и, конфузясь за Декамеронъ,

1) Ibid. p. 270—271.

2) Ibid. p. 278. Въ другомъ мѣстѣ Кёртингъ прямо говоритъ, что то же самое случилось бы и безъ проповѣди Ciani, p. 368, а на слѣдующей страницѣ называетъ его Convertit'омъ.

горько жалуется въ Генеалогіи, что не подходящее воспитаніе и противныя занятія помѣшали ему сдѣлаться настоящимъ поэтомъ[1]). „Обращеніе“ не уничтожило въ немъ любви къ поэзіи, которую онъ усердно защищаетъ въ латинскихъ сочиненіяхъ. Что касается до исключителі но религіозныхъ интересовъ и до заботъ о спасеніи души, то они вовсе не окрашиваютъ его ученыхъ работъ. Если Боккаччіо завѣщалъ свои книги монаху и просилъ его молиться о спасеніи души, если онъ подъ старость собиралъ реликвіи, то это точно такъ же не свидѣтельствуетъ о переворотѣ: Боккаччіо и въ новеллахъ оставался католикомъ и вообще не былъ никогда свободенъ отъ суевѣрія[2]).

Кёртингъ касается также одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ біографіи Боккаччіо, объ отношеніи его къ Петраркѣ, но рѣшаетъ его нѣсколько противорѣчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Петрарка не имѣлъ обширнаго (in einem weitgehenden Maasse) вліянія „на дальнѣйшее развитіе и литературную дѣятельность“ Боккаччіо. „Когда они встрѣтились, то оба были уже зрѣлыми людьми, и каждый своимъ способомъ нашелъ уже твердые пути для своихъ стремленій и дѣятельности[3]).“ Но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что эти слова, несмотря на ихъ абсолютный характеръ, относятся только къ поэтической дѣятельности. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ нѣсколько далѣе Кёртингъ, Петрарка направилъ Боккаччіо къ болѣе интенсивному занятію филологическо-исторической наукой и къ самостоятельной литературной дѣятельности въ этой области, такъ что можно сказать, что благодаря Петраркѣ онъ оказалъ столь большое и столь важное содѣйствіе установленію гуманизма[4])“. Несмотря на это противорѣчіе, Кёртингъ въ общемъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ Фогтъ. Онъ безусловно правъ въ первомъ случаѣ: Петрарка и Боккаччіо — продуктъ аналогичнаго настроенія; но первый, какъ лирикъ и философъ, сильнѣе второго и оказываетъ на него вліяніе потому, что лучше выражаетъ сходное настроеніе. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Боккаччіо рабски слѣдовалъ за тѣмъ, кого любилъ называть своимъ учителемъ. Онъ остается разсказчикомъ и въ своихъ историческихъ произведеніяхъ не обнаруживаетъ такой вражды къ средневѣковымъ ученымъ, какъ Петрарка, и является его весьма рѣзкимъ политическимъ противникомъ. Но онъ подчиняется ему въ сонетахъ и повторяетъ его взгляды на медицину, на поэзію и

---

1) Genealog. Lib. XV. C. 10.

2) Мѣста изъ сочиненій Боккаччіо, указывающія на его суевѣріе, сведены у самого Кёртинга. Boc. Leb. p. 370—371.

3) Ibid. p. 187.

4) Ibid. p. 189.

т. п. въ латинскихъ произведеніяхъ. Гораздо болѣе интереса представляетъ вторая часть книги Кёртинга, гдѣ онъ разсматриваетъ сочиненія Боккаччіо. Введеніе къ ней составляетъ 7-я глава: „Объемъ знаній Боккаччіо“, самая интересная и оригинальная во всемъ сочиненіи. Кёртингъ весьма мѣтко характеризуетъ Боккаччіо, какъ ученаго, сравнительно съ Петраркой, указываетъ на полное отсутствіе въ немъ философскихъ и глубокихъ научныхъ интересовъ и обильно собранными цитатами даетъ полное представленіе о дѣйствительномъ объемѣ знаній Боккаччіо въ греческомъ языкѣ, въ древней литературѣ, въ исторіи, географіи, естественныхъ наукахъ. Иногда Кёртингу удается сдѣлать вѣрный выводъ изъ наблюденій надъ всей совокупностью сочиненій Боккаччіо, какъ напр. изображеніе его религіозныхъ воззрѣній[1]). Но такіе выводы далеко не всегда доказательны. Такъ, Кёртингъ утверждаетъ, что Боккаччіо не имѣлъ „настоящей любви и еще менѣе одушевленія“ къ древнему міру, что въ настоящее время онъ былъ бы „не классическимъ“, а „романскимъ филологомъ“. „Въ глубинѣ своей души — это можно сказать навѣрное, — говоритъ Кёртингъ, — Боккаччіо несомнѣнно имѣлъ гораздо болѣе симпатіи къ средневѣковой романтикѣ, чѣмъ къ древней классичности[2]).“ Если здѣсь идетъ рѣчь объ узко ученомъ интересѣ, то гипотеза, кромѣ ненужности, виситъ еще на воздухѣ: во всѣхъ латинскихъ сочиненіяхъ Боккаччіо Средніе вѣка занимаютъ второстепенное мѣсто. Если же Кёртингъ имѣетъ въ виду міросозерцаніе и настроеніе Боккаччіо, то вопросъ получаетъ большую важность и требуетъ обстоятельнаго изслѣдованія. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что второй изъ двухъ первыхъ гуманистовъ былъ настроенъ болѣе примирительно къ своему непосредственному прошлому, чѣмъ первый. Но объемъ и характеръ его средневѣковыхъ симпатій требуетъ изслѣдованія, тогда какъ вся аргументація Кёртинга сводится въ сущности къ тому, что въ перепискѣ Боккаччіо нѣтъ такого восторженнаго описанія монументальныхъ памятниковъ античнаго Рима, какъ, у Петрарки[3]). Не вполнѣ удовлетворяютъ выводы Кёртинга и относительно политическихъ воззрѣній Боккаччіо. Признавая его флорентійскимъ патріотомъ и гвельфомъ[4]), онъ считаетъ его республиканизмъ и тиранноненавистничество простой реторикой, потому что онъ близко стоялъ къ неаполитанскому двору[5]). Но не слѣ-

---

1) Ibid. p. 365 и слѣд.
2) Ibid. p. 373.
3) Ibid. p. 374.
4) Ibid. p. 404 и 206.
5) Ibid. p. 405 и 196—197.

дуетъ забывать, что Робертъ не былъ тиранномъ и что теорія съ практикой особенно рѣзко расходилась въ эпоху гуманизма. Не совсѣмъ основательно отрицаетъ Кёртингъ и демократизмъ Боккаччіо на томъ основаніи, что онъ съ презрѣніемъ говоритъ о толпѣ и считаетъ наилучшими правителями умственную аристократію, интеллигенцію[1]). Дѣло въ томъ, что всѣ гуманисты, начиная съ Петрарки, были демократами только въ соціальномъ отношеніи. Кёртингъ заканчиваетъ эту главу весьма мѣткимъ указаніемъ общаго значенія Боккаччіо въ гуманистическомъ движеніи. По его мнѣнію, авторъ Декамерона содѣйствовалъ, во-первыхъ, образованію интеллигенціи, того общественнаго класса, на которомъ держалось движеніе; во-вторыхъ, онъ упрочилъ движеніе и другимъ путемъ, лишилъ его радикальнаго характера, сдѣлавши попытку примирить его съ средневѣковой культурой; въ-третьихъ, наконецъ, онъ сдѣлалъ первые шаги къ изученію греческаго языка и въ ознакомленіи съ нимъ современнаго ему общества, чѣмъ видоизмѣнилъ нѣсколько самый характеръ движенія[2]). Въ общемъ едва ли можно возразить что-нибудь противъ такой формулировки заслугъ Боккаччіо; только объясненіе Кёртинга первой изъ нихъ вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. По его мнѣнію, Боккаччіо потому имѣлъ особенное вліяніе на общество, что, какъ самоучка и дилеттантъ, былъ болѣе по плечу толпѣ, нежели Петрарка. Намъ кажется, что здѣсь на XIV и XV вѣка перенесены вмѣстѣ съ новыми терминами и современныя понятія. Боккаччіо былъ по стольку же самоучка и дилеттантъ, какъ и Петрарка и всѣ первые гуманисты. Гуманистической школы нельзя было получить въ схоластическихъ университетахъ, и о спеціализаціи не могло быть рѣчи тогда, когда понятіе „ученость“ обозначало усвоеніе содержанія античной литературы. Самый фактъ бо́льшаго вліянія Боккаччіо сравнительно съ Петраркой весьма сомнителенъ и во всякомъ случаѣ до сихъ поръ не доказанъ. Судя по общему характеру латинской прозы обоихъ гуманистовъ, можно думать, что они вліяли разными путями и, можетъ быть, на различныхъ людей одного общества. Петрарка, философъ и моралистъ, знакомилъ съ древней литературой, какъ съ источникомъ новыхъ воззрѣній и идеаловъ; разсказчикъ Боккачіо заинтересовывалъ публику ея фактическимъ содержаніемъ.

Изложенію содержанія сочиненій Боккаччіо Кёртингъ предпосылаетъ главу вообще о его поэтической и писательской дѣятельности[3]).

---

1) Ibid. p. 405.
2) Ibid. p. 412 и слѣд.
3) VIII. Die dichterische und schriftstellerische Thätigkeit Boccaccio's.

Исходя изъ того положенія, что авторъ Декамерона поэтъ по преимуществу, Кёртингъ главнымъ образомъ излагаетъ 14 книгу Генеалогіи, гдѣ формулированъ взглядъ Боккачіо на поэзію; поэтому глава, какъ изслѣдованіе, не представляетъ интереса, за исключеніемъ вопроса о морали. Кёртингъ не оспариваетъ безнравственности Боккаччіо; но для объясненія ея мелькомъ ссылается на моральный характеръ эпохи и на особенности расы[1]), и сосредоточиваетъ свои силы на адвокатской защитѣ знаменитаго клеента[2]). Ему какъ будто не хочется останавливаться на этомъ вопросѣ, хотя въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ мимоходомъ указываетъ вѣрный путь къ его разрѣшенію[3]), вслѣдствіе чего изъ 700 страницъ біографіи Боккаччіо его морали отведено въ разныхъ мѣстахъ не болѣе 5—6 страницъ и его личность съ этой стороны остается почти совсѣмъ не освященной. Въ изложеніи сочиненій Боккаччіо Кёртингъ обращаетъ главное вниманіе на итальянскую прозу, разсказываетъ ея содержаніе даетъ литературную оцѣнку и иногда пытается извлечь изъ фабулы или изъ подробностей автобіографическія данныя. Взгляды автора, насколько они имѣютъ значеніе для нашей цѣли, были разсмотрѣны уже при анализѣ сочиненій Боккаччіо. Главная цѣна этой части книги заключается въ изложеніи содержанія романовъ, которое по своей обстоятельности и толковости, хорошо знакомитъ неспеціалиста съ неудобочитаемыми теперь произведеніями автора Декамерона. Съ чисто литературной точки зрѣнія эта часть книги Кёртинга не представляетъ особаго интереса послѣ блестящей работы Ландау[4]). Особенно слаба глава, посвященная Декамерону, гдѣ, вмѣсто литературнаго анализа и выясненія всемірно-историческаго значенія книги, мы находимъ только сомнительное извиненіе ея содержанія[5]) и ненужныя разсужденія въ родѣ того, что̀ было бы,

---

1) Ibid. p. 447—448. Cp. p. 242—243.

2) Ibid. p. 448. Cp. p. 177—179.

3) Die Renaissancecultur hat, da sie zum Sinnengenuss anregte, in *gewissem* Sinne (mindenstens im Vergleich zu der asketischen Tendenz des Mittelalters) die Emancipation des Fleisches predigte und durch die Hervorhebung der Individualität die Entfaltung des Egoismus begünstigte, auf die Sittlichkeit im Allgemeinen keinen günstigen Einfluss, sondern weit eher einen nachtheiligen ausgeübt. p. 242—43.

4) Кёртингъ вездѣ старается опредѣлить отношеніе Боккаччіо къ источникамъ и иногда даже слишкомъ увлекается литературными изысканіями (см. напр. объ источникахъ Тезеиды, p. 620—627). Но эстетическая оцѣнка далеко не всегда одинаково удовлетворительна. Такъ анализъ Ninfale и Фіамметты весьма хорошъ, чего никоимъ образомъ нельзя сказать относительно разбора Ameto и въ особенности Filostrato (см. p. 520—521 и 579—585).

5) Ibid. p. 658.

если-бы Боккаччіо написалъ antikisirende Novelle по греческо-римскому образцу[1]). Весьма существенный пробѣлъ книги Кёртинга составляетъ отсутствіе обстоятельнаго анализа ученыхъ сочиненій Боккаччіо на итальянскомъ и латинскомъ языкахъ. Относительно Vita di Dante онъ дѣлаетъ нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній, изъ которыхъ одно — что „эпоха ранняго Ренесанса не имѣла абсолютно никакого призванія къ исторіографіи вообще и къ біографіи въ особенности" — стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Еще болѣе поверхностно разсмотрѣнъ Commento, такъ какъ Кёртингъ не только не выясняетъ его отношенія къ другимъ сочиненіямъ Боккаччіо, но и не излагаетъ даже содержанія. Что касается до латинскихъ сочиненій, то Кёртингъ просто отказывается отъ ихъ анализа на томъ основаніи, что онъ сдѣланъ Гортисомъ, и ограничивается нѣсколькими фразами, далеко не всегда, какъ мы видѣли, удачными.

VI.

Біографическая литература о Боккаччіо за послѣднее десятилѣтіе. — Книги Гортиса и Крешини. — Монографіи Макрй-Леоне и Графа. — Общія сочиненія этого періода: Штернъ и Гаспари, Гейгеръ и Кёртингъ. — Общій характеръ біографической литературы о Боккаччіо и ея пробѣлы.

Біографія Боккачіо, написанная Кёртингомъ, является послѣднимъ крупнымъ и самостоятельнымъ трудомъ о жизни автора Декамерона. За послѣднія десять лѣтъ появилось только нѣсколько монографическихъ работъ о его сочиненіяхъ и объ отдѣльныхъ сторонахъ его міросозерцанія[2]), а всестороннюю оцѣнку его дѣятельности мы встрѣ-

---

1) Ibid. p. 668—69.

2) Исключеніе составляютъ нѣсколько журнальныхъ статей, сюда относится во-первыхъ, *Cochin, Boccace d'après ses oeuvres et les temoignages contemporains.* (Въ Revue des deux Mondes 1888, 15 Juillet, p. 373 и слѣд. и потомъ перепечатана отдѣльно: *Boccace. Etudes italiennes. Paris 1890).* Но работа Кошэна представляетъ популярное изложеніе біографіи Боккаччіо, чтобы „по крайней мѣрѣ разрушить ходячее (vulgaire) мнѣніе о немъ многихъ французовъ, которые ставятъ его среди веселыхъ (égrillards) писателей, недалеко отъ Кребильона-сына и маркиза Де-Сада" (p. 413). Собственные взгляды автора грѣшатъ крайней произвольностью, какъ напр., слѣдующая тирада о философіи и морали Боккаччіо. „Le philosophe est idéaliste et chrétien. Le moraliste est, comme Pétrarque, un disciple des derniers stoïciens. Ce qu'il enseigne,

чаемъ только въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Возрожденія и итальянской литературы этого періода. Первое мѣсто между этими монографіями безспорно занимаютъ не разъ цитированныя работы Гортиса и Крешини. Гортисъ имѣетъ въ виду только латинскія произведенія Боккаччіо, но извлекаетъ изъ нихъ массу данныхъ для характеристики его міросозерцанія; Крешини ставитъ своей задачей извлечь изъ итальянскихъ произведеній автора Декамерона весь заключающійся въ нихъ матеріалъ для его фактической біографіи[1]). Кромѣ того, рядъ журнальныхъ статей, принадлежащихъ Траверси, съ исчерпывающей полнотой разрѣшаютъ вопросъ объ отношеніи Боккаччіо къ Маріи д'Аквино[2]). Гораздо важнѣе для выясненія и оцѣнки историческаго значенія Боккаччіо вопросъ о его міросозерцаніи, и за послѣднее время можно отмѣтить рядъ работъ въ этомъ направленіи. Такъ, морали Боккаччіо посвящены двѣ журнальныя статьи, которыя, по видимому, мало выяснили эту сторону воззрѣній автора Декамерона[3]). Не рѣшаетъ вопроса и статья *Макрй-Леоне* о политикѣ Боккаччіо. Авторъ отмѣчаетъ противорѣчивое отношеніе къ этому вопросу

---

quand par hasard il enseigne à ses lecteurs sensibles et avares, c'est le mépris de la douleur et le mépris des richesses. C' est, en somme, la force d'âme ou la vertu, et c'est-à-dire „se vaincre soi-même". „Tous les hommes sont égaux, dit Boccace; la vertu seule les distingue". La dixième et dernière journée du Décaméron est tout entière consacrée au developpement de ces hauts principes". Ibid. p. 389. Сюда же относятся: *Aleardi, Messer Boccaccio* (въ Il Pungolo della Dominica 1883. № 31) и *Boyer d'Agen, La vocation de Boccace.* (Въ Revue internat. 1885. Vol. VIII). Судя по отзывамъ, обѣ статьи совершенно незначительны (См. Giorn. stor. d. lit. ital. Vol. II, p. 451 и VI, p. 466). На русскомъ языкѣ есть весьма хорошій очеркъ, посвященный Боккаччіо (*А. А-ва, Итальянская новелла и Декамеронъ* въ Вѣстн. Евр. 1880 №№ 2, 3 и 4); но онъ написанъ съ литературной точки зрѣнія.

[1]) Заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка *Gaspary, Il supposto incendio dei libri del Boccaccio a S. Spirito* (Giorn. stor. IX, p. 457), гдѣ авторъ доказываетъ, что библіотека Боккаччіо или по крайней мѣрѣ часть ея уцѣлѣла отъ пожара.

[2]) Сюда относятся: 1) *Le prime amanti di G. B.* (Fanfulla della Dominica 1882. № 19). 2) *Dell'amore di G. B. per madonna Fiammetta* (Preludio 1882. № 8). 3) *Della realtà e della vera natura dell'amore di Messer G. B. per madonna Fiammetta.* (Rivista Europea 1883). Кромѣ того, ему же принадлежитъ рядъ статей о родинѣ и родителяхъ Боккаччіо. См. выше пр. 52. Замѣтка анонимнаго автора о мѣстѣ рожденія Боккаччіо — *Où est né Boccace* (L'intermédiaire des chercheurs et des curieux. Paris 1885. № 2) предполагаетъ, что его родиной былъ Неаполь.

[3]) *Giardelli, La morale nelle opere di G. B.* (Convivio 1883) и *Gaiter, Sulla moralità di G. B.* (Ateneo 1884. № 9). Я не имѣлъ подъ руками этихъ журналовъ; но Giorn. stor. называетъ первую статью articolo insignificante, а вторую — tiritera che ha il solo merito di esser breve. (I, 361 и III, 313).

своихъ предшественниковъ—Ландау и Кёртинга и отсутствіе "яснаго и опредѣленнаго рѣшенія" у Гортиса[1]); но его собственное рѣшеніе точно также не может быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Макри́-Леоне ставитъ своей задачей выяснить политическое міросозерцаніе Боккаччіо сравнительно съ Данте и Петраркой: въ политикѣ Данте „былъ человѣкъ универсальный", Петрарка—„спеціально итальянецъ и римлянинъ", а Боккаччіо „смѣло отвергаетъ то, что служитъ фундаментомъ для ихъ политическихъ идеаловъ и является чистымъ флорентійцемъ, *хотя его глаза горятъ самой живой любовью къ великой итальянской родинѣ...* Петрарка пролагаетъ путь демократическому элементу, но подъ вліяніемъ классическихъ республиканскихъ понятій; съ Боккаччіо демократическій элементъ одерживаетъ побѣду, *но какъ необходимое послѣдствіе исторической дѣйствительности.* Въ этомъ смыслѣ Боккаччіо, у котораго болѣе чувства дѣйствительности, чѣмъ у Данте и Петрарки, можетъ быть названъ болѣе конкретнымъ выраженіемъ итальянской и спеціально флорентійской политики XIV вѣка"[2]). Такая постановка вопроса страдаетъ нѣкоторою неясностью и неопредѣленностью, которая не устраняется и самымъ изложеніемъ. Авторъ отличаетъ вліяніе семьи и неаполитанскаго двора на образованіе гвельфскихъ симпатій Боккаччіо[3]), который, однако, не былъ настоящимъ гвельфомъ, какъ это видно изъ письма къ Пино де' Росси[4]). Гвельфизмъ Боккаччіо обнаруживается только его враждебнымъ отношеніемъ къ имперіи и нѣмцамъ, что не мѣшало ему выражаться съ крайней рѣзкостью о флорентійскихъ порядкахъ. Отмѣчая всѣ эти стороны въ воззрѣніяхъ Боккаччіо, Макри́-Леоне не даетъ ясной картины его политическихъ стремленій и не приводитъ ихъ въ связь съ дѣйствительностью. Получается рядъ неопредѣленныхъ тенденцій, сопровождающихся непримиримыми противорѣчіями: Боккаччіо-гвельфъ, но это названіе въ изображеніи Макри́-Леоне является — nome vano senza soggeto. Онъ республиканецъ и поклонникъ Роберта Неаполитанскаго, и это противорѣчіе остается не

---

[1]) *Macrì-Leone, La politica di G. B.* въ Giorn. stor. dell. lett. ital. Vol. XV. 1890 p. 97.

[2]) Ibid. p. 82–83.

[3]) Ibid. p. 97 и слѣд.

[4]) Tanto ciò è vero, che da alcuni è stato con verosimiglianza creduto essere stato il Boccaccio degli *ammoniti,* cioè de'non *veri guelfi* e non alieno dal sentire de'ghibellini. E ad accreditare questa accusa, se mai vi è stata, sarà stata sufficiente la lettera a Pino de' Rossi, dove non si poteva con maggior disprezzo parlare del governo di Firenze. Ibid. p. 85.

только не объясненнымъ, но и незамѣченнымъ[1]). Авторъ сводитъ его проповѣдь тираноубійства отчасти къ ранней традиціи, отчасти къ воспоминанію о герцогѣ Аѳинскомъ[2]), и видитъ въ письмѣ къ Пино де'Росси проявленіе чисто индивидуальныхъ свойствъ Боккаччіо. По его мнѣнію, „письмо можетъ доказать намъ только одно: Боккаччіо, человѣку кроткому и чуждому всякой неумѣренности, было не по душѣ связываться (affolarsi) съ правительствомъ плебеевъ» [3]). Политическіе идеалы автора Декамерона остаются въ концѣ концовъ такъ же мало выясненными, какъ и до появленія статьи Макри-Леоне.

Болѣе существенную поправку къ предшествующимъ изслѣдованіямъ вноситъ статья *Графа — Боккаччіо и суевѣріе*. Авторъ ставитъ своей задачей опровергнуть мнѣніе Кёртинга, что „Боккаччіо по отношенію къ суевѣрію и вѣрѣ въ чудесное стоитъ почти вполнѣ на низкомъ уровнѣ Среднихъ вѣковъ“, и успѣшно выполняетъ эту задачу. Графъ перечисляетъ основанія Кёртинга для обвиненія Боккаччіо въ суевѣріи. Боккаччіо вѣрилъ въ сны, въ астрологію, въ способность умирающихъ пророчествовать, въ возможность вызывать тѣни умершихъ, вмѣсто которыхъ однако являются дьяволы; онъ вѣрилъ, что косые глаза — признакъ дурной души, что Эней дѣйствительно нисходилъ въ адъ и что Виргилій былъ дѣйствительно чародѣй. Но на ряду съ этимъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается діаметрально противоположное настроеніе Боккачіо. Такъ, онъ отвергаетъ предразсудокъ, что внезапныя болѣзни и неожиданная смерть — дѣло дьявола, что растеніе Dactylis зарождается изъ человѣческой крови, не вѣрилъ въ алхимію, считалъ баснями массу преданій, къ которымъ современники относились съ полнымъ довѣріемъ[4]). Такое сопоставленіе только отчасти подрываетъ мнѣніе Кёртинга: оно показываетъ, что Боккаччіо стоялъ въ этомъ отношеніи *не вполнѣ* на средневѣковой почвѣ. Графъ пытается итти далѣе и не только объяснить, но даже извинить нѣкоторые предразсудки Боккаччіо, и эти извиненія далеко не всегда можно признать удачными. Такъ, его мнѣніе о косыхъ глазахъ авторъ извиняетъ тѣмъ, что „существуютъ криминалисты и психіатры, которые

---

[1]) Macri-Leone объясняетъ только не важныя въ политическомъ отношеніи противорѣчія Боккаччіо въ его сужденіяхъ объ Іоаннѣ Неаполитанской и Аччайуоли.

[2]) Ibid. p. 83—84.

[3]) Quell'affolarsi al governo di uomini „ghiottoni, tavernieri e puttanieri e di simile lordura disonesti“ (p. 85), по собственному выраженію Боккаччіо.

[4]) *Graf, Il Boccaccio e la superstizione*. Nuova Antol. Seconda Serie Vol. XLIX (1885) p. 419 и слѣд.

въ этомъ и во многихъ другихъ уродствахъ видятъ признакъ нравственнаго несовершенства и предрасположенія къ преступленію" [1]), какъ будто между Ломброзо и Боккаччіо есть что-нибудь общее. Такимъ же методологическимъ промахомъ отличается объясненіе Графа вѣры Боккаччіо въ астрологію: онъ видитъ въ ней не средневѣковой остатокъ, а „суевѣріе, интимно (intimamente) связанное съ гуманизмомъ" [2]), не принимая во вниманіе, что астрологіи Понтано и Кампанеллы предшествовалъ совершенно иной психологическій процессъ, чѣмъ вѣрованію Боккаччіо. Наконецъ, Графъ упрекаетъ Кёртинга, что онъ заимствуетъ свои аргументы исключительно изъ позднѣйшихъ произведеній Боккаччіо, появившихся послѣ извѣстнаго посѣщенія Чани. Графъ не понимаетъ, почему „нѣкоторые уменьшаютъ важность" этого визита. Конечно, въ молодости Боккаччіо пророчество Петрони не произвело бы впечатлѣнія; но авторъ Декамерона старѣлъ, и, «посѣщеніе брата Джоакино должно было произвести двойное дѣйствіе на его душу подогрѣть въ ней не особенно горячую вѣру и возбудить чувство чудеснаго, остававшееся въ ней до сихъ поръ неподвижнымъ (sopito)... Если, напримѣръ, Боккаччіо вѣрилъ въ вѣрность сновъ, то эта вѣра должна была бы сдѣлаться болѣе твердою, чѣмъ когда-либо" [3]). Дальнѣйшія занятія должны были, по мнѣнію Графа, дѣйствовать въ томъ же направленіи. „Боккаччіо, говоритъ онъ, раскаявшись въ томъ, что тратилъ духовныя силы на сочиненія, которыя теперь казались ему заслуживающими порицанія, избѣгаетъ свободнаго упражненія своей мысли, предается компилятивнымъ и ученымъ работамъ, въ которыхъ его мысль, какъ бы обузданная сюжетомъ, воспринимаетъ чужія мнѣнія и теряетъ мало-по-малу привычку и вкусъ къ критикѣ". Но если научные трактаты убивали критическую мысль Боккаччіо, то относящееся къ этому времени тщательное изученіе Божественной Комедіи, „все дѣйствіе которой развивается въ области сверхъестественнаго, должно было все болѣе и болѣе склонять къ чудесному испуганный умъ комментатора, притуплять въ немъ чувство реальнаго" [4]). Поэтому въ Comento всего болѣе проявленій суевѣрія, а настоящаго Боккаччіо слѣдуетъ искать въ Декамеронѣ, гдѣ обнаруживается совершенно иное направленіе.

Такое толкованіе знаменитаго „переворота" подлежитъ однако нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ латинскихъ трактатахъ Боккаччіо замѣ-

[1]) Ibid. p. 420.
[2]) Ibid. p. 421.
[3]) Ibid. p. 423.
[4]) Ibid. p. 424.

чается только иное *настроеніе*, чѣмъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ, а *воззрѣнія* по существу остаются, какъ мы видѣли, неизмѣнными. Графъ думаетъ иначе; но съ его объясненіями Декамерона далеко не всегда можно согласиться. Онъ самъ приводитъ нѣсколько новеллъ, въ которыхъ обнаруживается несомнѣнное суевѣріе автора, при чемъ, какъ нарочно, именно о снахъ, онъ разсуждаетъ здѣсь совершенно такъ же, какъ въ латинскихъ трактатахъ[1]). Но онъ придаетъ особое значеніе тѣмъ новелламъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о культѣ святыхъ и реликвіяхъ, и дѣлаетъ изъ нихъ черезчуръ смѣлые выводы. Выше мы видѣли, какъ глубоко идетъ отрицаніе Боккаччіо въ разсказахъ о Чаппеллетто, о братѣ Чиполла и т. п. Графъ толкуетъ ихъ иначе. По его мнѣнію, новелла о Чаппеллетто — отрицаніе культа святыхъ[2]); разсказъ о Чиполла — отрицаніе реликвій. „Боккаччіо, состарившись, подчинился общему заблужденію, и предался собиранію реликвій; въ молодости онъ несомнѣнно осмѣивалъ суевѣрное вѣрованіе, и его новелла (о Чиполла) доказываетъ это“[3]), говоритъ Графъ и дѣлаетъ слѣдующій выводъ изъ всѣхъ новеллъ такого содержанія: „нѣтъ доказательствъ, что Боккаччіо отрицалъ основные догматы христіанской вѣры; но все показываетъ, что къ извѣстнымъ религіознымъ обрядамъ, къ чуду и народнымъ вѣрованіямъ онъ относился рѣшительно скептически и съ насмѣшкою“[4]). Чтобы прійти къ такому заключенію, Графъ пользуется тремя пріемами, изъ которыхъ ни одинъ не обладаетъ признаками строгой доказательности. Во-первыхъ, онъ ставитъ на видъ, что Боккаччіо нигдѣ въ Декамеронѣ не говоритъ о чудѣ серьезно, а только съ насмѣшкою[5]), забывая, что для темы новеллы и не годилась благочестивая легенда. Во-вторыхъ, „брать предметъ для смѣха и шутки изъ нелѣпыхъ вѣрованій народа свойственно тому, кто не раздѣляетъ этихъ вѣрованій»[6]). Но Боккаччіо нигдѣ не осмѣиваетъ самыхъ вѣрованій а только *злоупотребленіе* ими, что далеко не одно и то же. Наконецъ, Графъ дѣлаетъ собственные выводы изъ фабулы новеллы, иногда не обращая даже вниманія на комментарій самого автора. Такъ, изъ разсказа о Чаппеллетто онъ выводитъ чисто протестантское отношеніе къ культу свя-

---

1) Ibid. p. 432, 433. Ср. p. 420.
2) Ibid. p. 428.
3) Ibid. p. 430.
4) Ibid. p. 430 и 432.
5) Ibid. p. 431.
6) Ibid. p. 430—431.

тыхъ, а объясненіе самого Боккаччіо считаетъ ироніей[1]), — натяжка, которая должна броситься въ глаза всякому знакомому съ Декамерономъ. Такая искусственность толкованія обнаруживается тѣмъ рѣзче, что въ другихъ случаяхъ Графъ относится къ фабулѣ новеллы совершенно иначе. Напримѣръ, волшебныя новеллы, говоритъ онъ „настолько же доказываютъ, что Боккаччіо вѣрилъ въ магію, насколько по отношенію къ Гёте можетъ доказывать это Фаустъ“[2]). Или видѣніе въ 8-й новеллѣ V дня, по отношенію къ которому у Боккаччіо незамѣтно никакого скептицизма, Графъ толкуетъ только какъ „machina въ романтическомъ разсказѣ“[3]).

Такая неровность отношенія къ литературному источнику подрываетъ утвержденіе Графа, что визитъ монаха кореннымъ образомъ измѣнилъ міросозерцаніе Боккаччіо, по крайней мѣрѣ, въ религіозномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе его общій выводъ о суевѣріи автора Декамерона гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣнія Фогта и Кёртинга. „По отношенію къ суевѣрію, говоритъ онъ, Боккаччіо не только не отсталъ отъ среднихъ вѣковъ, но даже вышелъ изъ нихъ, насколько это возможно для человѣка того времени... Мнѣ кажется, нѣтъ основанія ставить его много ниже Петрарки, и я не считаю справедливымъ возводить одного на высочайшія вершины здраваго и просвѣщеннаго мышленія, чтобы оставить другого въ безднѣ суевѣрія. И Петрарка, и Боккаччіо только отчасти новые люди: оба они еще связаны съ прошлымъ, оба къ нему обращаются. Который изъ нихъ болѣе отъ него освободился и который болѣе отсталъ — сказать не легко“[4]). Вопросъ поставленъ совершенно правильно; но для его рѣшенія необходимо, во-первыхъ, выдѣлить у обоихъ гуманистовъ элементы новаго времени отъ средневѣковыхъ остатковъ и, во-вторыхъ, выяснить причины появленія первыхъ и живучести послѣднихъ. Это и должно составить задачу будущихъ біографовъ родоначальниковъ гуманизма.

Новѣйшіе историки литературы и вообще эпохи Возрожденія мало даютъ для общей характеристики міросозерцанія Боккаччіо и для выясненія его роли въ гуманистическомъ движеніи. Историки литературы, естественно, обращаютъ преимущественное вниманіе на его итальянскія произведенія и касаются его фактической біографіи и воззрѣній лишь настолько, насколько это нужно для объясненія его

---

1) Ibid. p. 427, 428.
2) Ibid. p. 436.
3) Ibid. p. 437.
4) Ibid. p. 437—38.

романовъ, поэмъ и Декамерона. Такъ, Адольфъ Штернъ предпосылаетъ разбору Декамерона сжатый біографическій очеркъ Боккаччіо, въ общемъ весьма удовлетворительный, хотя авторъ и выдаетъ за положительные факты недоказанныя предположенія. Онъ считаетъ нужнымъ, напр., отмѣтить, что „капли французской крови, которыя текли въ жилахъ Боккаччіо, несомнѣнно имѣли важное вліяніе на его развитіе“ [1]), хотя изъ изложенія не видно, въ чемъ оно выразилось. Кромѣ того, Штернъ утверждаетъ, что „Боккаччіо старался научиться элементамъ греческаго языка у греческаго монаха Павла изъ Перуджіи, библіотекаря короля Роберта“ [2]), хотя на это нѣтъ прямыхъ указаній въ его біографіи. Иногда такія утвержденія заходятъ за предѣлы фактической неточности и бросаютъ невѣрное освѣщеніе дѣятельности Боккаччіо. Такъ, Штернъ сильно преувеличиваетъ вліяніе на него Леонтія Пилата. По его словамъ, Боккаччіо, „хотя могъ написать „Жизнь Данте“ безъ бродячаго (abenteuernden) *гуманиста,* но этотъ странствующій археологъ, очевидно, имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на его изученіе генеалогіи боговъ и на книги „De claris mulieribus“ и „De casibus virorum illustrium“ [3]). Въ дѣйствительности, вліяніе Пилата, котораго никоимъ образомъ нельзя назвать гуманистомъ, исчерпывалось сообщеніемъ нѣкоторыхъ сравнительно весьма немногихъ фактическихъ данныхъ.

Штернъ не только не отрицаетъ, но даже нѣсколько преувеличиваетъ вліяніе на Боккаччіо изученія древности. Оно оказало, по его мнѣнію, „двоякое дѣйствіе“ на автора Декамерона: „съ одной стороны, сдѣлало его чувствительнымъ къ впечатлѣніямъ, производимымъ природой и ко всей полнотѣ человѣческой жизни, а съ другой — обременило его фактами (mit Stoffen) и представленіями, которыхъ нельзя было прямо оживотворять“. Первое вліяніе нашло себѣ „самое чистое и самое ясное выраженіе въ Декамеронѣ [4]). Въ этой нѣсколько неясной и неопредѣленной формулѣ сказалась обычная неточность во взглядахъ на роль классической литературы въ гуманизмѣ: не классическая литература создала интересъ гуманистовъ къ природѣ и жизни, и въ произведеніяхъ Боккаччіо еще менѣе, чѣмъ у Петрарки, возможно найти мечтательную реставрацію античнаго міра. Но гуманистическое значеніе Декамерона отмѣчено Штерномъ совершенно вѣрно: въ новеллахъ Боккаччіо онъ видитъ „полетъ новой жизни, уваженіе къ индивидуальности“, находитъ, что

---

1) *A. Stern,* Geschichte der neuern Litteratur, p. 94.
2) Ibid. p. 95.
3) Ibid. p. 99.
4) Ibid. p. 102.

тамъ „цѣнятъ человѣка не по сословію и не по внѣшнимъ связямъ“, но „индивидуумъ пріобрѣтаетъ тамъ самостоятельное значеніе, становится самъ по себѣ достойнымъ вниманія“[1]). Въ этихъ чертахъ выразилась дѣйствительно одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ гуманистическаго движенія.

Новѣйшій историкъ итальянской литературы Гаспари отводитъ въ своей книгѣ значительную главу Баккаччіо[2]), но большая ея часть занята изложеніемъ и разборомъ его итальянскихъ произведеній. Тѣмъ не менѣе среди литературнаго разбора встрѣчаются отдѣльныя замѣчанія, которыя имѣютъ иногда значительную цѣну и для гуманистической исторіографіи. Такъ у Гаспари лучше, чѣмъ гдѣ-либо, намѣчена по письмамъ Боккаччіо, та ученость, которой онъ набирался въ Неаполѣ. Онъ увлекается античной миѳологіей подъ вліяніемъ Паоло да Перуджіа, съ интересомъ изучаетъ астрологію подъ руководствомъ Андалоне дель Негро и скучаетъ на лекціяхъ каноническаго права. Его письма этого времени, написанныя плохой латынью, то наполнены кстати и некстати греческими словами, то заключаютъ въ себѣ выраженія и цѣлыя фразы изъ Данте, а въ одномъ изъ нихъ онъ проситъ пріятеля прислать ему Ѳиваиду Стація съ глоссами, такъ какъ безъ комментарій и безъ учителя онъ еще не въ состояніи понять этой поэмы[3]). Въ этихъ письмахъ да въ любви къ Фіамметтѣ почти всѣ основы будущей учено-литературной дѣятельности Боккаччіо, и Гаспари хорошо формулируетъ ея общій характеръ: „ученость у него имѣетъ болѣе средневѣковой обликъ, чѣмъ у Петрарки, и тѣмъ не менѣе его духъ носитъ болѣе слѣдовъ но-

---

[1]) Ibid. p. 103.

[2]) Проф. Кирпичниковъ посвящаетъ Боккаччіо только двѣ неполныхъ страницы (Всеобщая литература. Выпускъ XVIII p. 245—247), которыя не даютъ вѣрнаго представленія объ авторѣ Декамерона. Между прочимъ онъ говоритъ: „Боккаччіо усвоивалъ букву древнихъ; — плохо понимая общій смыслъ, онъ не могъ освободиться отъ средневѣковыхъ предразсудковъ, и монахъ могъ запугать его, заставить проклясть не только свои юношескія любовныя произведенія, но и позднѣйшія занятія наукой“ (р. 246). Какъ извѣстно латинскіе трактаты Боккаччіо относятся ко времени послѣ визита Чанн. Много обстоятельнѣе очеркъ г. Балдакова въ томъ же изданіи (Вып. XVI р. 843 и слѣд.), но онъ составленъ съ чисто-литературной точки зрѣнія. То же самое можно сказать о Marc-Monnier (Historie de la littérature moderne I). Онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на Декамеронѣ и романахъ и разбираетъ ихъ преимущественно со стороны языка и вообще формы (р. 115 и слѣд.) и дѣлаетъ только нѣсколько незначительныхъ замѣчаній о политикѣ Боккаччіо и объ его отношеніи къ Петраркѣ (р. 87—92).

[3]) *Gaspary*, Geschichte der Italienischen Litteratur II, p. 2.

ваго времени (modernerer)“ [1]), чѣмъ у перваго гуманиста. Этотъ новый духъ отмѣченъ при разборѣ итальянскихъ произведеній, о которомъ мы упоминали выше; что касается до средневѣковыхъ остатковъ у Боккаччіо, то Гаспари очень удачно формулируетъ ихъ общій характеръ въ его религіи, морали и учености. „Боккаччіо, — говоритъ онъ, — вращается въ традиціонныхъ, средневѣковыхъ формахъ морали и религіи; святая католическая вѣра, Богъ, Христосъ — постоянно у него на устахъ; почти никогда не начинаетъ онъ книги безъ обращенія къ божественной помощи и не заключаетъ сочиненія безъ благодарности, что она привела его корабликъ къ гавани; онъ называетъ безуміемъ языческія басни, которыми полны его произведенія; онъ подчиняетъ свои сочиненія приговору церкви. Но за этой внѣшней ортодоксальностью (Correctheit) скрывается свѣтскій, направленный на земное духъ. Онъ могъ говорить, какъ одинъ изъ прежнихъ христіанскихъ моралистовъ; но онъ чувствовалъ иначе. Онъ не ненавидѣлъ земное, а любилъ его, находилъ въ немъ наслажденіе, онъ не могъ желать ничего лучшаго, какъ богатства, любовь, слава, и отъ этого происходитъ, что старая религіозно-моральная мысль превращается въ его изложеніи въ нѣчто противоположное“ [2]). Во всей литературѣ о Боккаччіо едва ли можно найти лучшую характеристику этой стороны его міросозерцанія. Менѣе удачно характеризованы ученые трактаты Боккаччіо. „Онъ былъ, конечно, очень начитанъ, говоритъ Гаспари; но его ученость была безпорядочной, носила болѣе средневѣковой характеръ, чѣмъ ученость Петрарки; онъ легковѣренъ, склоненъ считать авторитетомъ всякую книгу... При занятіяхъ древностью онъ прежде всего ученый собиратель, тогда какъ у Петрарки главнымъ дѣломъ остается моральный интересъ, изысканіе античной мудрости“ [3]). Не слѣдуетъ забывать однако, что дидактическій элементъ очень силенъ въ De claris mulieribus, а сочиненіе „О несчастіяхъ знаменитыхъ мужей“ скорѣе этическій, чѣмъ историческій трактатъ. Факты являются тамъ только иллюстраціей моральныхъ сентенцій, такъ что Боккаччіо держится того же метода, который Петрарка считалъ своимъ собственнымъ и защищалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Точно такъ же съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно принять другое въ общемъ весьма мѣткое наблюденіе Гаспари о разницѣ въ отношеніи Боккаччіо къ древности сравнительно съ Петраркой. „У Петрарки, говоритъ онъ, классицизмъ

[1]) Ibid. p. 1.
[2]) Ibid. p. 24.
[3]) Ibid. p. 36.

ограничивается болѣе латинскими сочиненіями; съ Боккаччіо онъ пріобрѣтаетъ господство также и въ народной поэзіи; но у Боккаччіо онъ производитъ часто грубо-комическое (grotesk) впечатлѣніе, потому что античные элементы заимствованы безъ переработки въ душѣ автора и рѣзко и непосредственно поставлены рядомъ съ новыми; это такъ сказать непереваренный классицизмъ; Петрарка усвоивалъ его съ большей мѣрой и тонкостью" [1]). Слѣдуетъ замѣтить однако, что это различіе касается болѣе формы, чѣмъ содержанія; по существу элементы античнаго и христіанскаго міросозерцанія и у Петрарки остаются непримиренными и только внѣшнимъ образомъ они склеены болѣе гладко, чѣмъ у Боккаччіо. Впрочемъ и здѣсь необходима оговорка. Мы видѣли, что литературные критики цѣнятъ Тезеиду Боккаччіо съ эстетической точки зрѣнія сравнительно высоко именно за то, что автору удалось хорошо справиться съ классическимъ матеріаломъ. Слѣдовательно въ художественной сферѣ, гдѣ только и удалось итальянскимъ гуманистамъ гармонично слить античное съ современнымъ, первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ Боккаччіо, а не Петраркой.

Замѣчанія Гаспари исчерпываютъ все существенное, что сдѣлано для изученія Боккаччіо въ общей литературѣ за послѣднее десятилѣтіе, потому что новѣйшіе историки Возрожденія не даютъ ничего новаго. Такъ, Гейгеръ, посвящая цѣлую главу Боккаччіо, даетъ чисто внѣшнее изложеніе его біографіи и сочиненій. Какъ популярный разсказъ, очеркъ Гейгера не лишенъ цѣны; но авторъ слишкомъ уже обращаетъ вниманіе на фактическую сторону біографіи и сочиненій Боккаччіо и только изрѣдка дѣлаетъ замѣчанія о его историческомъ значеніи. Иногда эти замѣчанія не лишены мѣткости, напр. объ отношеніи автора Декамерона къ древности и къ политикѣ [2]); иногда они прямо ошибочны, какъ напр. толкованіе разсказа о трехъ кольцахъ въ смыслѣ сознательной проповѣди вѣротерпимости [3]); иногда объясненія Гейгера даютъ невѣрное освѣщеніе личности Боккаччіо, таково, напр., сравненіе его съ Данте и Петраркой въ началѣ книги. Авторъ находитъ, сходство между тремя поэтами въ пяти пунктахъ: 1) „всѣ они называли Флоренцію своей родиной, всѣ любили этотъ городъ, но, добровольно или вынужденно, избѣгали его, всѣ ставили Италію выше мѣсторожденія и скорбѣли о разорванности любимой страны". Но Данте былъ гиббелинъ по преимуществу; Петрарка относился къ Флоренціи болѣе, чѣмъ равно-

1) Ibid. p. 37—38.
2) *Geiger*, Renaissance und Humanismus, p. 58—59 и 69.
3) Ibid. p. 72.

душно, и еще вопросъ, Неаполь времени Роберта или родная Флоренція болѣе привлекали Боккаччіо. Во всякомъ случаѣ исторически гораздо важнѣе разница, нежели сходство между этими дѣятелями. 2) „Всѣ они вышли изъ сферы средневѣковыхъ идей тѣмъ, что старались доставить значеніе праву свободной личности“ противъ нивеллирующаго вліянія церкви. Дѣйствительно, эта черта, весьма характерна для Петрарки и Боккаччіо; но ставить на одну линію съ ними автора поэтической энциклопедіи средневѣковыхъ воззрѣній и вѣрованій нѣтъ никакого основанія. Съ другой стороны, Гейгеръ не отмѣчаетъ разницы въ направленіи индивидуалистическихъ тенденцій обоихъ гуманистовъ, хотя сравнительно подробно излагаетъ внѣшнюю сторону ихъ взаимныхъ отношеній[1]). Третій пунктъ сходства поэтовъ составляетъ ихъ любовь, которая выражалась у Данте „возвышеннымъ одушевленіемъ“, у Петрарки „нѣжной сердечностъю (Innerlichkeit)“, у Боккаччіо, „пламенной страстью“, при чемъ Гейгеръ даже не касается вопроса о томъ, обусловливается ли эта разница въ проявленіи чувства индивидуальными особенностями поэтовъ, или на нее косвенно вліяли условія времени. Четвертый пунктъ сходства представляетъ собою дополненіе къ первому: „всѣ трое, говоритъ Гейгеръ, были поэтами, а также и общественными дѣятелями, принимали участіе и въ государственной службѣ, и въ дипломатическихъ миссіяхъ въ интересахъ князей и городовъ“, при чемъ постоянно имѣли въ виду избавленіе отъ бѣдствій всей Италіи. Сходство несомнѣнно существуетъ; но Гейгеръ не отмѣчаетъ и весьма характерное различіе между Петраркою, страстнымъ публицистомъ въ политикѣ, пытавшемся осуществлять свои политическіе идеалы и перомъ и службой, и сравнительно равнодушнымъ къ политикѣ Боккаччіо, который почти исключительно ex officio исполнялъ порученія родного города и по временамъ бывалъ настроенъ даже космополитически. Весьма важный вопросъ затрогиваетъ Гейгеръ въ послѣднемъ пунктѣ своего сравненія. Всѣ трое, по его мнѣнію, положительно относились къ своему времени, были вѣрующими христіанами и любили родной языкъ; но тѣмъ не менѣе „они признавали, что основа ихъ образованія лежитъ въ прошломъ“, считали возможнымъ увлекаться языческими авторами, „съ большой охотой пользовались латинскимъ языкомъ и только за это считали себя достойными настоящихъ лавровъ“. Два послѣднихъ воззрѣнія несомнѣнно характерны для Петрарки и Боккаччіо; иное дѣло ихъ отношеніе къ современной дѣйствительности: нѣтъ основанія утверждать, чтобы они

[1]) Ibid. p. 59 и слѣд.

„высоко цѣнили“ свое время, и едва ли можно доказать, чтобы они сознавали, гдѣ лежитъ „основа ихъ образованія“. Во всякомъ случаѣ Гейгеръ неясно формулируетъ весьма важный вопросъ и даетъ ему неопредѣленное рѣшеніе[1]).

Кёртингъ въ общемъ сочиненіи о Ренесансѣ еще разъ возвращается къ Боккаччіо, чтобы опредѣлить „его положеніе въ своей эпохѣ“[2]), и отмѣчаетъ только два пункта, весьма существенныхъ для исторіи Возрожденія: отношеніе Петрарки къ Боккаччіо и заслуги этого послѣдняго въ гуманистическомъ движеніи. Современники ставили Петрарку выше Боккаччіо, но это обусловливалось, по мнѣнію Кёртинга, тѣмъ, что первый былъ общественный дѣятель, стоялъ въ связи съ важнѣйшими представителями тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ сферъ и даже, какъ поэтъ и ученый составилъ себѣ „нѣчто въ родѣ двора (eine Art Hofstaat)“ изъ своихъ друзей и поклонниковъ; тогда какъ Боккаччіо всегда и во всемъ оставался частнымъ человѣкомъ и „былъ далекъ отъ мечтаній политическаго честолюбія и отъ пропаганды словомъ и перомъ политическихъ идеаловъ“. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ „въ дѣйствительности былъ человѣкъ менѣе значительный и менѣе одаренный“ отъ природы. Ему только недоставало „твердости и рѣзкости характера“, „онъ не былъ человѣкъ иниціативы“, „не умѣлъ съ рѣшительной энергіей добиться мѣста на высотѣ своего времени“[3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что указанныя Кёртингомъ свойства обоихъ гуманистовъ отразились на отношеніи къ нимъ современниковъ и потомства; но здѣсь дѣйствовали и другія, болѣе глубокія причины: Петрарка глубже чувствовалъ потребности новаго времени, болѣзненнѣе переживалъ противорѣчія своей эпохи и замѣтнее содѣйствовалъ новому движенію, чѣмъ авторъ Декамерона. Что касается до историческаго значенія Боккаччіо, то Кёртингъ сводитъ его къ выработкѣ итальянской прозы, къ усиленію гуманизма посредствомъ латинскихъ трактатовъ и къ тому еще, что онъ преклоненіемъ предъ Данте и истолкованіемъ его поэмы „поставилъ Ренесансъ въ связь съ величайшимъ поэтомъ средневѣкового прошлаго“[4]). Авторъ самой обширной біографіи Боккаччіо совершенно игнорируетъ его вліяніе на идеи и стремленія его современниковъ и ближайшаго потомства.

---

[1]) Ibid. p. 48—49.

[2]) *Körting*, Die Anfänge der Renaissancelitteratur. Zweites Capitel: Boccaccio's Stellung innerhalb seiner Zeit.

[3]) Ibid. p. 448 и 447.

[4]) Ibid. p. 449.

Въ цѣломъ и общемъ развитіе литературы о Боккаччіо шло тѣмъ же путемъ, который мы отмѣтили въ литературѣ о Петраркѣ. Его гуманистическое значеніе понималось и ставилось на видъ писателями Возрожденія; затѣмъ эта точка зрѣнія забылась: лучшіе біографы Боккаччіо въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія — Манни, Бальделли, Витте — имѣютъ цѣну почти исключительно по полнотѣ собраннаго ими фактическаго матеріала и по его критической провѣркѣ. *Правильное выясненіе историческаго значенія Боккаччіо началось только послѣ первыхъ попытокъ установить научную точку зрѣнія на все движеніе* и впервые обнаруживается въ общихъ сочиненіяхъ по эпохѣ, при чемъ историки литературы, какъ Сисмонди и Женгенэ, отмѣтили гуманистическій духъ въ его итальянскихъ произведеніяхъ, историки Возрожденія — Эргардъ и Шарпантье подчеркнули его труды по изученію древности. Работа Фогта навсегда выдвинула на первый планъ гуманистическое значеніе Боккаччіо, но при его выясненіи Фогтъ допустилъ два крупныхъ пробѣла: слишкомъ преувеличилъ вліяніе Петрарки и совершенно упустилъ изъ вида итальянскія произведенія Боккаччіо и въ особенности Декамеронъ. Позднѣйшіе изслѣдователи исправили эти промахи, и новѣйшіе біографы Боккаччіо — Ландау и Кёртингъ — стараются выяснить его гуманистичеткое значеніе на основаніи всѣхъ его произведеній. Монографическія работы за послѣднее десятилѣтіе и въ особенности труды новѣйшихъ историковъ литературы[1]) внесли существенныя поправки и дополненія къ этимъ біографіямъ, такъ что въ настоящее время міровоззрѣніе Боккаччіо въ общемъ выяснено и его произведенія хорошо изслѣдованы, благодаря въ особенности трудамъ Гортиса и Крешини. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Боккаччіо не нуждается въ дальнѣйшемъ изученіи и что его біографу предстоитъ легкая задача. Прежде всего необходимъ еще цѣлый рядъ монографическихъ изслѣдованій. Ученость Боккаччіо, его религія, мораль и политическія воззрѣнія только характеризованы въ общихъ сочиненіяхъ, но почти совершенно еще не подвергались систематическому изученію, которое придало бы спорнымъ характеристикамъ значеніе научнаго факта. Кромѣ

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что исторія литературы по двумъ причинамъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе при выясненіи исторической роли Боккаччіо, чѣмъ для для такого же изученія Петрарки. Во-первыхъ, ея главный объектъ, итальянскія произведенія имѣютъ болѣе существенное значеніе для пониманія гуманистической дѣятельности Боккаччіо, чѣмъ для такой же оцѣнки Петрарки. Во-вторыхъ, латинскіе трактаты, которые она отодвигаетъ на второй планъ или совершенно игнорируетъ, важнѣе для характеристики новаго направленія у Петрарки, чѣмъ у Боккаччіо.

того, *исторія* міросозерцанія и настроенія Боккаччіо еще едва началась и ея дальнѣйшее изученіе крайне затруднено отсутствіемъ переписки и автобіографическихъ сочиненій. Наконецъ, существенный вопросъ для біографіи всякаго дѣятеля — характеръ и настроеніе среды, въ которой приходилось ему жить и дѣйствовать. Въ наличной литературѣ о Петраркѣ и Боккаччіо этотъ вопросъ затронутъ очень мало, и изъ слѣдующей главы нашей книги будетъ видно, какія непреодолимыя трудности представляетъ онъ при современномъ состояніи источниковъ.